817

Изданіе товарищества И. Д. Сытина. Отдѣлъ Н. А. РУБАКИНА.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

33 : 335.5
3.59

# Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ

## ВЪ ИХЪ

## ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ.

## ОПЫТЪ КРИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Х похожено
24159
Просрочка 1957
Х
Х
10641
✓
Библиотека-Читальня
им. Я. М. СВЕРДЛОВ
Х
Отдел
№ 12530
им. Я. М. СВЕРДЛОВ
при В. Ц. И. К.
РЕДКИЙ ФОНД

СОЧИНЕНІЕ

**Н. И. ЗИБЕРА.**

Изданіе 3-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Л. Пороховщикова, Бассейная, 3—5.
1897.

# ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Теоретическія изслѣдованія Рикардо пользуются въ экономической литературѣ столь давнею и столь прочно установившеюся извѣстностью, что, казалось бы, не существуетъ никакой надобности въ дальнѣйшемъ уясненіи ихъ значенія. Но ближайшее разсмотрѣніе дѣла разубѣждаетъ въ этомъ. Главнѣйшая часть научной репутаціи Рикардо основывается на томъ, что въ его трудахъ нашли себѣ оригинальное рѣшеніе нѣкоторые отдѣльные хозяйственные вопросы—объ источникахъ происхожденія поземельнаго дохода, объ устройствѣ денежнаго обращенія, о налогахъ,—всего больше поглощавшіе въ его время вниманіе и писателей, и публики. Эти-то отдѣльныя изысканія Рикардо и служили предметомъ обсужденія какъ въ обще-экономическихъ трактатахъ, такъ и въ спеціальныхъ сочиненіяхъ по тѣмъ или другимъ хозяйственнымъ вопросамъ. Что же касается той синтетической связности, какую придалъ Рикардо всей совокупности своихъ экономическихъ изслѣдованій, того превращенія науки въ калейдоскопъ, — употребляя счастливое выраженіе Baumstark'a,—который при каждомъ поворотѣ обнаруживаетъ *новыя* удивительныя картины, состоящія изъ *прежнихъ* элементовъ, тѣхъ методологическихъ пріемовъ, которые положены имъ въ основу научныхъ построеній,—то относительно всѣхъ этихъ предметовъ трудно найти въ экономической литературѣ сколько-нибудь обстоятельныя указанія и разъясненія. Если не считать довольно поверхностнаго, по нашему мнѣнію, изслѣдованія о Рикардо Дюпьинода въ его „**Economistes contemporains**“, то существуетъ, кажется, всего только два сочиненія, въ которыхъ подвергаются оцѣнкѣ не отдѣльныя положенія Рикардо, а важнѣйшія части его системы въ ихъ взаимной связи, именно,

„Erläuterungen über Ricardo's System“ *Баумштарка* и „Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической наукѣ“ Ю. Жуковскаго (Совр. 1864 г.*). Но, соглашаясь въ нѣкоторыхъ вопросахъ съ авторами двухъ названныхъ трудовъ, мы нашли, однако же, что разсмотрѣніе доктрины и методологическихъ пріемовъ Рикардо можетъ имѣть нѣсколько отличныя точки исхода, а, слѣдовательно и вести къ нѣсколько инымъ выводамъ, нежели тѣ, какіе сдѣланы въ этихъ сочиненіяхъ. Трудъ нашъ представляетъ попытку, во-первыхъ, указать на соотношеніе между пріемами изслѣдованій Рикардо и его школы, и нѣкоторыми общими правилами наблюденія экономическихъ явленій, значеніе которыхъ, по нашему мнѣнію, рано или поздно должно быть непремѣнно признано и утверждено въ наукѣ, во-вторыхъ, — обнаружить ту внутреннюю и непрерывную связь, которая существуетъ между ученіемъ Рикардо о цѣнности и капиталѣ—важнѣйшихъ частяхъ его доктрины—и новѣйшими изслѣдованіями о тѣхъ же предметахъ.

Мы нашли необходимымъ избрать въ своемъ изслѣдованіи средній путь между сравнительной и безотносительной оцѣнкой теоріи цѣнности и капитала Рикардо и его послѣдователей. Поступая такимъ образомъ, мы руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что при нынѣшнемъ состояніи экономической науки, съ одной стороны, слишкомъ велика еще область вопросовъ спорныхъ, при разсмотрѣніи которыхъ неудобно уклониться отъ сопоставленія различныхъ и часто противорѣчащихъ одно другому мнѣній экономическихъ писателей, съ другой,—по весьма многимъ вопросамъ не высказано еще послѣдняго слова, и, слѣд., понятна необходимость проводить параллель между тѣмъ или другимъ существующимъ рѣшеніемъ вопроса и возможнымъ его рѣшеніемъ.

Рикардо занимается, какъ извѣстно, не только уясненіемъ состоянія цѣнности и капитала, но также и движенія ихъ, которое онъ ставитъ въ зависимость отъ истощенія земли и увеличенія населенія. Этотъ второй отдѣлъ его изслѣдованій оставленъ нами совершенно въ сторонѣ, такъ какъ новѣйшія изслѣдованія, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь въ XII и XIII главахъ, совершенно измѣнили природу постановки всѣхъ вопросовъ этого рода и самое ихъ рѣшеніе.

Сочиненіе наше отъ начала до конца носитъ исключительно отвлеченный, теоретическій характеръ. Мы отнюдь не думаемъ, чтобы рядъ абстракцій отъ наиболѣе общихъ и простыхъ хо-

*) Также въ „Исторіи политич. литературы XIX ст.“ Т. I. Ю. Жуковскаго. *Пр. Ред.*

зяйственныхъ явленій могъ имѣть значеніе полной теоріи предмета, а не простой канвы, основы, которая станетъ научною тканью не прежде, какъ въ результатѣ цѣлаго ряда дальнѣйшихъ, болѣе частныхъ и сложныхъ обобщеній. Но будучи того мнѣнія, что въ сферѣ общихъ экономическихъ вопросовъ остается еще рѣшить весьма и весьма многое, мы старались не касаться частныхъ и сложныхъ хозяйственныхъ фактовъ, оставляя за собою право обратиться къ нимъ въ другое время.

*Авторъ.*

# ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ виду того, что первое изданіе сочиненія нашего „Теорія цѣнности и капитала Давида Рикардо въ связи съ позднѣйшими разъясненіями и дополненіями“ разошлось, а, между тѣмъ, требованія на него со стороны читающей публики не прекратились, мы рѣшились приступить ко второму изданію его. Знакомый съ первымъ изданіемъ читатель несомнѣнно найдетъ въ новомъ многочисленныя измѣненія и дополненія, которыя въ значительной степени способствуютъ улучшенію и большей полнотѣ развитія содержанія книги. Въ первомъ отношеніи мы старались уяснить общій ходъ изслѣдованія, а во второмъ прибавили къ тексту новаго изданія нѣсколько новыхъ главъ и цѣлый рядъ отдѣльныхъ замѣчаній въ различныхъ мѣстахъ книги, не считая передѣлки въ изложеніи нѣкоторыхъ ученій. Все это несомнѣнно способствовало общему увеличенію объема книги, хотя, какъ мы надѣемся, не въ чрезвычайной степени.

*Авторъ.*

# ГЛАВА I.

## О цѣнности вообще и объ ея элементахъ.

Адамъ Смитъ въ своемъ „Богатствѣ народовъ“ приступаетъ къ изслѣдованію о происхожденіи и распредѣленіи различныхъ отраслей дохода не прежде, какъ изложивъ предварительно ученіе о цѣнности. Примѣру своего учителя послѣдовали въ этомъ отношеніи важнѣйшіе представители англійской школы — Рикардо, Дж. Милль, Макъ-Куллохъ. Бо́льшая часть новѣйшихъ писателей, предпосылая ученію о цѣнности рядъ общихъ понятій о предметѣ политической экономіи, о производительныхъ силахъ и т. п., также соблюдаетъ принятый Смитомъ порядокъ расположенія означенныхъ частей науки [1]). Только Дж. Ст. Милль, не переставая быть вѣрнымъ послѣдователемъ классиковъ-экономистовъ по многимъ основнымъ вопросамъ науки, нашелъ, тѣмъ не менѣе, возможнымъ измѣнить общепринятый ходъ изложенія экономическихъ понятій. Ученію о цѣнности онъ отводитъ мѣсто лишь въ третьей книгѣ своихъ „Основаній“. Но, во-первыхъ, онъ самъ сознается [2]), что не могъ избѣжать надобности касаться теоріи цѣнности и въ предыдущихъ книгахъ, во-вторыхъ, ему приходится, вслѣдствіе принятой имъ системы, говорить по два раза [3]) и о другихъ предметахъ,—разъ при предположеніи обмѣна, другой разъ при отсутствіи его. Примѣръ Дж. Ст. Милля нашелъ подражателя въ послѣдователѣ его Фоусеттѣ (Manual of politic. economy).

Что касается другой особенности классической экономіи, именно той, что ученіе о цѣнности она предпосылала не только теоріи дохода, но и теоріи капитала, то современные экономисты, большею частью, соблюдаютъ обратный порядокъ въ этомъ отношеніи.

---

[1]) Мы не говоримъ о тѣхъ экономистахъ, для которыхъ, по выраженію Бастіа,—„l'échange c'est l'économie politique“; они не слѣдуютъ, да и не могутъ слѣдовать никакому порядку въ изложеніи науки: объ чемъ бы они ни заговорили—о капиталѣ, кредитѣ или доходѣ,—обмѣнъ и цѣнность у нихъ не только на первомъ планѣ, но и поглощаютъ собою всѣ остальныя экономическія явленія.

[2]) Основ., 491.

[3]) Напр., въ главѣ XVI второй книги онъ говоритъ о рентѣ внѣ обмѣна, въ главѣ V третьей книги—о рентѣ при существованіи обмѣна.

Спрашивается теперь, какія внутреннія причины побудили Смита и Рикардо приступить къ объясненію важнѣйшихъ феноменовъ производства и распредѣленія богатствъ не прежде, какъ объяснивъ предварительно законъ, которому подчиняются эти богатства при обмѣнѣ? Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что школа физіократовъ, заявляя подчасъ весьма здравыя понятія объ указанномъ законѣ, за незначительными исключеніями (Le Trosne), трактовала о цѣнности только мимоходомъ, при разъясненіи основной своей идеи—о производительности земледѣлія. Что касается нѣкоторыхъ другихъ экономическихъ писателей XVII и XVIII вѣковъ, то, если мы не ошибаемся, расположеніе различныхъ частей науки не было у нихъ осуществленіемъ строго обдуманнаго плана, а напротивъ, представляло довольно хаотическій безпорядокъ, соотвѣтствовавшій тогдашнему состоянію экономическихъ знаній. Это слѣдуетъ замѣтить о Bois-Guillebert'ѣ, Condillac'ѣ, Cantillon'ѣ, Low, Locke, Petty и другихъ.

Прежде всего не надо упускать изъ виду, что систематическая наука объ общественномъ хозяйствѣ сложилась въ такое время, когда мѣновые интересы стали представлять господствующую форму народно-экономическихъ интересовъ. Только сквозь призму цѣнности, закона, по которому уравновѣшиваются части имущества, движущіяся изъ хозяйствъ въ хозяйство, стало возможнымъ разсматривать условія и порядокъ производства и распредѣленія продуктовъ. Прежде чѣмъ приступить къ анализу производственныхъ и распредѣлительныхъ отношеній хозяйствъ, *раздѣлившихъ* между собою *трудъ*, необходимо было узнать свойства аппарата, благодаря которому хозяйства эти не остаются изолированными, а продолжаютъ составлять общественное цѣлое. Ученіе о цѣнности явилось поэтому въ глазахъ классиковъ-экономистовъ самымъ общимъ отдѣломъ политической экономіи, при помощи котораго только и могли быть объясняемы другія части науки [1]). Неудивительно, что, вслѣдствіе такого воззрѣнія на экономическія отношенія, само ученіе о цѣнности пріурочивалось къ обмѣну гораздо сильнѣе, нежели сколько имѣло на то права. Мѣновыя отношенія немыслимы безъ цѣнности, но цѣнность мыслима и безъ мѣновыхъ отношеній.

Независимо отъ указанной причины, порядокъ изслѣдованія, принятый Смитомъ и Рикардо, быть можетъ, слѣдуетъ приписать еще одному обстоятельству. Тѣсная связь между нѣкоторыми феноменами капитала и денежнымъ хозяйствомъ не только не была ясна представителямъ классической экономіи, напротивъ, они ставили себѣ въ

[1]) Къ нѣкоторымъ отдѣламъ науки объ общественномъ хозяйствѣ этотъ взглядъ на дѣло примѣняется безусловно, напр. къ ученію о рентѣ, какъ о *доходѣ*, которое не можетъ быть разъяснено безошибочно, если не принять въ разсчетъ законъ цѣнности. См., напротивъ, Дж. Стюартъ Милль, Основанія, гл. XVI.

заслугу опроверженіе существованія этой связи въ томъ видѣ, въ какомъ указывалась она меркантилистами. Но вѣрный въ другихъ случаяхъ инстинктъ, вѣроятно, не оставилъ и здѣсь основателей науки, и потому они не рѣшались браться за разработку явленій капитала и дохода, не установивъ предварительно правильнаго понятія о цѣнности и обмѣнѣ.

Противоположный порядокъ расположенія ученій о цѣнности и капиталѣ у большинства остальныхъ экономистовъ и ученій о цѣнности и доходѣ у Милля и Фоусетта составляетъ, кажется, слѣдствіе той теоретической схемы, на основаніи которой производство признается основнымъ хозяйственнымъ фактомъ, обмѣнъ же—второстепеннымъ, подчиненнымъ. Въ общемъ смыслѣ схема эта совершенно вѣрна и гораздо болѣе способствуетъ разъясненію цѣлаго ряда экономическихъ явленій, чѣмъ отожествленіе обмѣна съ производствомъ (Маклеодъ), построенное на поверхностной аналогіи; но при изслѣдованіи отношеній денежнаго хозяйства она не должна препятствовать такой градаціи въ расположеніи отдѣловъ, которая обезпечиваетъ наиболѣе ясное пониманіе народно-хозяйственнаго цѣлаго и взаимной зависимости частей его.

Не входя пока въ болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса о томъ, почему изложеніе ученія о цѣнности должно предшествовать ученіямъ о капиталѣ и доходѣ, мы послѣдуемъ, однакожъ, этому порядку и въ настоящемъ сочиненіи. Лишь разъясненіе природы и функцій капитала и дохода можетъ бросить на этотъ вопросъ столько свѣта, сколько необходимо для удовлетворительнаго разрѣшенія его.

---

„Названіе“, говоритъ Дж. Стюартъ Милль въ своей Логикѣ [1]), „не присвоивается разомъ и преднамѣренно классу предметовъ, а сначала придается одной вещи и потомъ распространяется рядомъ переходовъ на другія и дальнѣйшія вещи. Этимъ процессомъ... названіе нерѣдко переходитъ по послѣдовательнымъ звеньямъ сходства отъ одного предмета къ другому, пока его не начнутъ прилагать къ вещамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ первыми вещами, которымъ названіе было дано. Онѣ, впрочемъ, не теряютъ вслѣдствіе этого прежняго названія, такъ что названіе означаетъ, наконецъ, безпорядочную кучу предметовъ, не имѣющихъ ничего общаго, и не соозначаетъ ничего... Его можно сдѣлать пригоднымъ, только отнявъ у него часть его многоразличныхъ значеній и ограничивая его примѣненіе предметами, обладающими нѣкоторыми общими свойствами, соозначеніе которыхъ можно ему придать. Таковы неудобства языка, который не сдѣланъ, а развился“.

Нѣчто подобное случилось въ политической экономіи съ большею частью тѣхъ названій, которыя она придавала хозяйственнымъ явле-

[1]) Система логики, т. I, стр. 185.

ніямъ, хотя и нельзя сказать, что названія эти въ настоящее время достигли такого состоянія, когда слѣдуетъ отказать имъ во всякомъ содержаніи. Приводимый ниже рядъ опредѣленій цѣнности оправдываетъ мысль Милля, что путемъ постепеннаго перехода отъ одной вещи къ другой названіе можетъ, наконецъ, означать „безпорядочную кучу предметовъ". Правда, всѣ эти предметы находятся между собою въ *родствѣ*, хотя подчасъ довольно отдаленномъ; но, чтобы возвратить общему ихъ названію годность научнаго термина, слѣдуетъ отнять у него „часть его многоразличныхъ значеній и ограничить его примѣненіе предметами, обладающими *общими* свойствами". Въ противномъ случаѣ недалеко то время, когда экономисты перестанутъ понимать другъ друга, а экономическіе термины перестанутъ „соозначать что-либо".

Цѣнность, деньги и капиталъ,—предметы, изслѣдованію о которыхъ посвящено наше сочиненіе,—издавна служатъ пробнымъ камнемъ для безчисленнаго множества экспериментовъ, производимыхъ съ цѣлью уяснить природу и условія этихъ хозяйственныхъ явленій. Каждый новый терминъ, новая точка зрѣнія на этомъ пути ни мало, впрочемъ, не доказываютъ, что всѣ предыдущія точки зрѣнія и термины были невѣрны, а скорѣе подтверждаютъ ту истину, что пока воззрѣніе на извѣстный предметъ не исчерпываетъ всѣхъ его свойствъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о полнотѣ опредѣленія и безъисключительности той или другой точки зрѣнія. Мы, тѣмъ не менѣе, твердо убѣждены, что научное опредѣленіе и научная точка зрѣнія на предметъ немыслимы въ десяткахъ экземпляровъ, и что *ни одно* изъ указанныхъ экономическихъ явленій, несмотря на ихъ неопредѣленность, не въ состояніи уклониться отъ правильнаго изслѣдованія.

Вотъ рядъ опредѣленій цѣнности, взятыхъ нами на выдержку изъ экономическихъ писателей.

Ad. Smith, Wealth of nations, т. I. глава IV, стр. 13: „Предстоитъ разсмотрѣть законы, которымъ естественно слѣдуютъ люди при обмѣнѣ товаровъ... Законы эти опредѣляютъ то, чему можетъ быть дано названіе *относительной* или мѣновой цѣнности товаровъ. Слово цѣнность имѣетъ два различныя значенія; иногда подъ нимъ разумѣется полезность предмета, иногда власть (power), предоставляемая предметомъ купить за него другіе предметы. Первая можетъ быть названа цѣнностью потребленія, вторая—*мѣновою*". Итакъ, мѣновая цѣнность произведеній, о которой потомъ въ сотнѣ мѣстъ говорится, что она есть не что иное, какъ самый *продуктъ*, получаемый въ обмѣнъ [1]),— здѣсь оказывается только *властью* покупать.

[1]) См. особенно II, III и IV книги; напр., стр. 161 (Ed. M.-Cull.): „Равные капиталы приведутъ въ дѣйствіе различныя количества труда и неодинаково *увеличатъ* цѣнность годового производства"; ib.: капиталъ фабриканта „присоединя-

Ricardo, Oeuvres, стр. 7: „Въ дѣтствѣ обществъ мѣновая цѣнность вещей, или *правило*, устанавливающее *количество* одного предмета, которое должно дать въ обмѣнъ за другой, зависитъ единственно отъ сравнительнаго количества труда“ и т. д. Мѣновая цѣнность—правило, т. е. нѣчто внѣшнее самимъ предметамъ, вступающимъ въ обмѣнъ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 5—6) Рикардо слѣдуетъ опредѣленію Смита какъ цѣнности потребленія, такъ и мѣновой.

Malthus, Principes, т. I, стр. 43—45: „Цѣнность потребленія есть не болѣе какъ фигуральное выраженіе“. „Цѣнность мѣновая *основана*, какъ указываетъ слово, на желаніи и возможности обмѣнять одну вещь на другую“. Мѣновой цѣнности не дано никакого опредѣленія.

Senior, Principes, стр. 90—91: „Цѣнность, по моему мнѣнію, означаетъ *способность* вещи быть отданной или полученной въ обмѣнъ за другую, или, если измѣнить выраженіе, быть отданной взаймы (?) или проданной, занятой или купленной“. „Невозможно говорить о цѣнности вещи, не относясь прямо или косвенно къ одной или многимъ другимъ вещамъ, въ которыхъ должна быть исчислена цѣнность первой“. „Причины, опредѣляющія взаимную цѣнность вещей, суть двоякаго рода: дающія *полезность* и ограничивающія количество той и другой вещи“. Опять Смитово опредѣленіе мѣновой цѣнности, полезность же, какъ у Мальтуса, признается самостоятельнымъ свойствомъ предмета, не имѣющимъ общаго съ мѣновой цѣнностью происхожденія.

James Mill, Elémentsd'économie pol., стр. 88: „Section II. De ce que détermine la valeur échangeable des produits c'est-à-dire la *quantité* à donner d'un produit quelconque en échange d'une certaine quantité d'un autre produit“. Цѣнность—количество одного продукта, получаемое въ обмѣнъ за другое.

M. Culloch, The principles of polit. ecom., стр. 290: „Я старался показать... что цѣнность благъ и ихъ полезность суть совершенно различныя качества и не могутъ быть смѣшиваемы... продуктъ полезенъ или обладаетъ полезностью, когда онъ имѣетъ способность возбуждать, удовлетворять человѣческія желанія“. Ib., стр. 291: „Способность къ обмѣну или къ покупкѣ другихъ вещей есть *внутренняя* способность всѣхъ продуктовъ, которые, будучи спрашиваемы, не существуютъ въ то же время въ неограниченномъ количествѣ (spontaneous)“. Ib., стр. 292: „Никакой товаръ или продуктъ не можетъ имѣть мѣновой цѣнности *вне отношенія* къ какому-нибудь другому продукту, который обмѣнивается или можетъ быть обмѣненъ на него“. Взглядъ на полезность тотъ же, что у Мальтуса и Сеніора, на цѣнность—тотъ же, что у Смита, съ весьма важнымъ прибавленіемъ о *внутренней* способности вещей къ обмѣну.

---

етъ несравненно *большую* цѣнность къ годовому производству земли и труда, нежели капиталъ оптоваго торговца.

Джонъ Стюартъ Милль, Основанія политической эк., стр. 443: „Въ отрывкѣ, очень часто цитируемомъ, Ад. Смитъ коснулся замѣтнѣйшей стороны двусмыслія въ словѣ цѣнность: въ одномъ смыслѣ оно означаетъ полезность, а въ другомъ—покупательную силу“: „слово цѣнность, употребляемое безъ дальнѣйшаго опредѣленія, всегда означаетъ въ политической экономіи мѣновую цѣнность“. Ib. стр. 414: „Подъ цѣнностью или мѣновою цѣнностью вещи мы станемъ понимать ея *общую покупательную силу, размѣръ* той *возможности*, которую она даетъ своему владѣльцу пріобрѣтать товары *вообще*“. Рѣшеніе вопроса то же, что у Смита, Макъ-Куллоха, за исключеніемъ одной новой черты, именно признанія за вещами, имѣющими цѣнность,—*общей* покупательной силы.

Storch, Cours d'économ. Pol., т. I, стр. 56—57: „Качество, которое дѣлаетъ вещи способными удовлетворять нашимъ потребностямъ, называется ихъ полезностью. Но полезность вещей не проявляется сама: ее нужно открыть. Это дѣло сужденія (jugement)“. „Приговоръ нашего сужденія надъ *полезностью* вещей *установляетъ* ихъ *цѣнность* и дѣлаетъ ихъ благами“. Ib. стр. 60: „Мы видѣли, что цѣнность не есть *внутреннее* свойство вещей, но что она вытекаетъ изъ нашего сужденія“. Ib. стр. 84: „Когда введенъ обмѣнъ, полезныя вещи или цѣнности, которыми мы обладаемъ, могутъ служить намъ двоякимъ образомъ, прежде всего *непосредственно*, когда мы ихъ употребляемъ для себя, затѣмъ *косвенно*, когда мы употребляемъ ихъ для обмѣна на другія цѣнности“. „Вещь получаетъ непосредственную цѣнность въ глазахъ своего обладателя, когда онъ предназначаетъ ее для своего собственнаго употребленія или пользованія“. „Вещь получаетъ цѣнность посредственную или косвенную въ глазахъ своего обладателя, когда онъ предназначаетъ ее для обмѣна“. Ib., 85: „Вещи, которыя могутъ обмѣниваться одна на другія, *имѣютъ* цѣнность мѣновую“. Собственно говоря, Шторхъ не даетъ цѣнности никакого опредѣленія, а только пытается выяснить условія, при которыхъ возникаетъ цѣнность.

Lotz, Revision der Grundbegriffe etc., т. I, стр. 13: „Цѣнность означаетъ не что иное, какъ *степень* годности блага, какъ средства для человѣческихъ цѣлей“. Ib., стр. 14: „Человѣческій духъ можетъ опредѣлить цѣнность блага въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, независимо отъ другихъ благъ, во-вторыхъ, относительно другихъ благъ, обладающихъ цѣнностью. Въ первомъ случаѣ онъ судитъ о годности блага, какъ средства для человѣческихъ цѣлей вообще; въ послѣднемъ случаѣ онъ сравниваетъ годность одного блага съ годностью другого“. Цѣнность перваго рода, вслѣдъ за гр. Соденомъ, Лоцъ называетъ положительною, второго—сравнительною. Ib. стр. 16: „Сравнительная цѣнность имѣетъ начало въ сравненіи... самостоятельна только положительная цѣнность“. Эти два вида цѣнности, означающей, сколько можно

понять, просто полезность, въ смыслѣ Шторха, обнимаютъ по Лоцу цѣнность потребленія и мѣновую; признакъ первой есть годность блага, какъ средства для одной или многихъ опредѣленныхъ цѣлей извѣстнаго индивидуума, обладающаго благомъ; вторая—годность блага къ доставленію владѣльцу его какого-нибудь другого блага путемъ обмѣна (20). Та и другая бываютъ и положительная, и сравнительная (34). „Въ природѣ вещей лежитъ причина того, что о благахъ и вещахъ, имѣющихъ цѣнность, можетъ быть рѣчь только въ *субъективномъ* отношеніи“ (37). Мѣновая цѣнность является у Лоца просто *видомъ* [1]) полезности, о которой произнесъ свой приговоръ человѣческій разумъ. Сама же полезность не составляетъ даже и величины, а только часть ея, *степень*, хотя степень можетъ быть не только сравнительная, но и положительная (?).

Къ этой же категоріи опредѣленій цѣнности относится и опредѣленіе Рошера (Principes de l'éc. pol., т. I): „Мы называемъ цѣнностью *степень* полезности, которая возвышаетъ какой-нибудь предметъ въ рядъ благъ. Разсматриваемое съ точки зрѣнія того, кто хочетъ имъ воспользоваться непосредственно... благо является въ видѣ цѣнности потребленія“ (стр. 6). „Мѣновая цѣнность блага или *способность* его быть обмѣниваемымъ естественно вытекаетъ изъ цѣнности потребленія, но не параллельна ей“ (стр. 7). „Слѣдовало бы, однако же, различать между цѣнностью потребленія и полезностью, и цѣнностью мѣновою и мѣноспособностью“ (Ib., пр. 1). Цѣнность и полезность опять въ сущности одно и то же, но первая, сверхъ того, есть способность предмета быть обмѣниваемымъ и въ то же время ее слѣдуетъ отличать отъ этой способности.

Schäffle, Das gesellschaftliche System etc., стр. 8: „Цѣнность—это мѣра полезности, существующая въ человѣческой оцѣнкѣ,—*значеніе* благъ для хозяйственнаго сознанія“... „Цѣнность бываетъ разнаго рода“. „Такъ какъ въ общественной системѣ хозяйства не каждый человѣкъ самъ производитъ всѣ нужныя ему полезности, но каждый изготовляетъ запасы полезностей для употребленія другихъ, то количества этихъ различныхъ запасовъ обмѣниваются одни на другія и уравниваются въ *обмѣнѣ*“. Ib., стр. 55: „Если цѣнность потребленія должна имѣть опредѣленный народно-экономическій смыслъ... то она можетъ представлять лишь *значеніе* блага при потребленіи, если обращено вниманіе на пожертвованія, которыхъ оно стоитъ“.

Bastiat, Harmonies écon., стр. 129: „Итакъ, я говорю, цѣнность есть отношеніе промѣниваемыхъ услугъ“. Ib., стр. 135: „Оставимъ вещамъ свойства, принадлежащія имъ: водѣ, воздуху—*полезность*, услу-

[1]) Для этого, разумѣется, нужно было смѣшать подъ видомъ *употребленія* двѣ такія совершенно различныя вещи, какъ *передача* предмета изъ рукъ въ руки и *потребленіе* его, т. е. дѣйствительное уничтоженіе его формы.

гамъ—*цѣнность*. Скажемъ: вода полезна потому, что имѣетъ свойство утолять жажду, услуга цѣнна (vaut) потому, что составляетъ предметъ соглашенія, установившагося послѣ спора".

Carey, Manual of social science, стр. 82: „Нашъ Крузе... придавъ форму луку или сдѣлавши лодку, пріобрѣтаетъ немного животной пищи, которой, вслѣдствіе трудности пріобрѣтенія ея, онъ придаетъ большое значеніе, и здѣсь-то мы находимъ идею цѣнности, представляющую не что иное, какъ нашу оцѣнку сопротивленія, которое мы должны преодолѣть прежде, нежели вступимъ въ обладаніе желаемой вещью". Ib. 95: „Полезность есть мѣра власти человѣка надъ природой, цѣнность есть мѣра власти природы надъ человѣкомъ".

Мы могли-бы увеличить этотъ рядъ опредѣленій и найти еще немалое число такихъ, которыя значительно отличаются отъ приведенныхъ. Но достаточно и этихъ. Мы узнали, что цѣнность есть способность предмета быть обмѣниваемымъ, правило, установляющее количество одного предмета, которое должно быть дано въ обмѣнъ за другой, количество одного продукта, получаемаго въ обмѣнъ за другой, *внутренняя* способность къ обмѣну, общая покупательная сила, свойство, вытекающее изъ нашего сужденія надъ полезностью, а отнюдь *не внутреннее*, косвенная полезность, степень полезности, значеніе блага для хозяйственнаго сознанія, отношеніе между промѣниваемыми услугами, мѣра власти природы надъ человѣкомъ! [1]) Несмотря, однако, на все это разнообразіе, не трудно замѣтить, что англійскіе писатели явно отличаются отъ нѣмецкихъ своимъ объективнымъ взглядомъ какъ на полезность, такъ и на цѣнность [2]). Полезность у первыхъ просто свойство предметовъ удовлетворять потребностямъ, не предметовъ вообще, а тѣхъ изъ нихъ, которые *дѣйствительно* исполняютъ свое назначеніе; у вторыхъ, напротивъ, съ понятіемъ о полезности, большею частью, соединяется понятіе о сужденіи надъ нею человѣка, такъ что, напр., не только былъ безполезенъ каучукъ, пока люди не знали его свойствъ и не употребляли его (съ этимъ согласились бы и англичане), но также и воздухъ, пока люди не имѣли представленія о необходимости его для дыханія. Эта особенность нѣмецкаго воззрѣнія сводится, съ одной стороны, на метафизику, которою

[1]) Количество опредѣленій цѣнности увеличилось въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ еще вслѣдствіе того, что она (Roscher, Bruno-Gildebrandt, Schäffle, Rösler и др.) стала отличать отвлеченную цѣнность, т. е. свойство вещей удовлетворять человѣческимъ потребностямъ вообще (дубъ полезенъ). отъ конкретной цѣнности, т. е. свойства вещей удовлетворять потребностямъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, въ конкретномъ случаѣ (два экземпляра книги безполезны). При этомъ не обращалось вниманія на то, что первое свойство отнюдь не свойство, а просто отвлеченіе ума, что существуетъ только конкретное отношеніе вещей къ потребностямъ, а за предѣлами его не существуетъ никакихъ отношеній.

[2]) Мальтусъ и Сеніоръ составляютъ отчасти исключеніе.

часто прикрывается отсутствіе знанія дѣйствительности, и, съ другой,—на совершенно банальную вещь, которая одинаково относится ко всему существующему, а вовсе не только къ цѣнности или къ полезности. Что человѣкъ прилагаетъ свое сужденіе къ цѣнности,—изъ этого еще не видно никакого опредѣленія цѣнности, такъ какъ человѣкъ одинаково обсуждаетъ и всякія другія вещи. Вообще, не имѣя жизненнаго представленія о современной экономической организаціи, до которой Германія въ то время еще не доросла, нѣмецкіе писатели, бо̀льшею частью, не выходили въ этомъ вопросѣ изъ предѣловъ домашняго обихода и того, что можетъ казаться только отдѣльной личности въ ея отношеніяхъ къ вещамъ. Цѣнность у англійскихъ писателей совершенно самостоятельное явленіе, хотя нѣкоторые изъ нихъ (Смитъ, Рикардо и пр.) и *называютъ* полезность цѣнностью же. Цѣнность Смита [1]), Макъ-Куллоха, Милля, есть принадлежность вещей, а не лицъ, она *внутреннее* свойство вещей (Макъ-Куллохъ). Правда, цѣнность, или, какъ любятъ выражаться эти экономисты, мѣновая цѣнность является у нихъ не больше какъ отношеніемъ между вещами,—но это только въ опредѣленіи; излагая же законъ цѣнности, они неоднократно даютъ замѣтить,—разумѣется, не всѣ въ одинаковой степени,—что цѣнность есть свойство каждой вещи въ отдѣльности, а не только двухъ или болѣе, подлежащихъ сравненію, вещей. У нѣмецкихъ писателей (а также у большинства французскихъ, вслѣдъ за Сэемъ) полезность—родовое свойство, цѣнность—видовое. Та и другая основаны, вытекаютъ, составляютъ результатъ человѣческаго сужденія, оцѣнки. Отсюда опредѣленія вродѣ: степень полезности, косвенная полезность, значеніе для сознанія. Отсюда полная субъективность понятія о цѣнности и, казалось бы, какъ слѣдствіе, абсолютная невозможность идти впередъ по пути изслѣдованія: но, переходя къ уясненію условій, установляющихъ цѣнность, нѣмецкіе экономисты обыкновенно признаютъ законъ издержекъ производства и такимъ образомъ совершенно теряютъ изъ виду субъективную цѣнность, которой за минуту придавали не только громадное, но и безъисключительное значеніе. У Carey и Bastiat тотъ же субъективный моментъ: „цѣнность—отношеніе между *услугами*“, „цѣнность—*оцѣнка* противодѣйствія“. И тотъ, и другой отличаютъ, однако, цѣнность отъ полезности и второй даютъ объективное значеніе, а Carey, забывъ про свою „оцѣнку“, высказываетъ черезъ нѣсколько страницъ совершенно иной взглядъ на цѣнность; она становится у него тоже отчасти объективною: „мѣра власти природы надъ человѣкомъ“.

[1]) Смитъ, впрочемъ, не вездѣ вѣренъ этому представленію о цѣнности. Его теорія именно отличается тою двойственностью въ опредѣленіи характеристическихъ свойствъ цѣнности, которая внесла столько недоразумѣній въ ученіе о послѣдней.

Таковы главныя группы, на которыя распадаются приведенныя нами опредѣленія цѣнности, несмотря на все ихъ разнообразіе. Ближайшее разсмотрѣніе указало бы еще большее родство между всѣми этими „значеніями“, „оцѣнками“, „отношеніями“, „степенями“ и т. д. Дѣло въ томъ, что всѣ эти выраженія дѣйствительно примыкаютъ къ слову „цѣнность“, въ его практическомъ смыслѣ, и пытаются уяснить различныя стороны его [1]). Но вначалѣ явленію придавалось опредѣленіе, впослѣдствіи явленія стали подводиться подъ опредѣленіе. Не все равно, отвѣчать-ли на вопросъ, чѣмъ характеризуется явленіе, и нельзя-ли назвать характеристическія черты его цѣнностью, или же на вопросъ, что такое цѣнность, т. е. какія явленія соотвѣтствуютъ этому названію? Въ послѣднемъ случаѣ цѣлью рѣшенія служитъ гораздо болѣе уясненіе смысла предшествовавшихъ толкованій, нежели самаго явленія.

Единственный способъ добиться правильной постановки и рѣшенія вопроса о цѣнности состоитъ, кажется, въ томъ, чтобы, оставивъ на время въ сторонѣ какъ труды экономистовъ по этому вопросу, такъ и самое слово цѣнность, обратить исключительное вниманіе на отношенія, возбуждавшія въ умахъ людей представленіе о цѣнности, и разсмотрѣть дѣйствительныя свойства этихъ отношеній.

Предпошлемъ попыткѣ въ такомъ родѣ нѣсколько общихъ соображеній о способахъ изслѣдованія экономическихъ явленій.

Слѣдующія три крупныя ошибки обыкновенно совершались многими экономистами при разработкѣ ученій о томъ или о другомъ хозяйственномъ явленіи. Первая ошибка состояла въ томъ, что общественное хозяйство принималось тожественнымъ хозяйству частному. Вторая относилась къ постоянному нарушенію методологическаго правила, что всякое общественно-экономическое явленіе должно быть наблюдаемо въ чистомъ видѣ, и съ соблюденіемъ времени и мѣста его дѣйствительнаго совершенія [2]). Третья заключалась въ томъ, что при

[1]) „Классификаціи, грубо построенныя установившимися языками, будучи исправлены... часто сами по себѣ прекрасно соотвѣтствуютъ.... цѣлямъ.. . Принятая группировка предметовъ подъ общее названіе, хотя она можетъ быть основана на грубомъ и общемъ сходствѣ, свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о томъ, что сходство очевидно, во-вторыхъ, о томъ, что это есть сходство, поражавшее множество лицъ въ теченіе цѣлаго ряда годовъ и вѣковъ. Даже когда названіе постепеннымъ расширеніемъ стало прилагаться къ вещамъ, между которыми нѣтъ этого грубаго сходства, общаго всѣмъ имъ, все-таки мы на каждомъ шагу расширенія названія замѣтимъ такое сходство“. Система логики, Дж. Стюартъ Милль, т. I, стр. 187.

[2]) Какъ часто въ экономическихъ изслѣдованіяхъ игнорировались слѣдующія превосходныя слова Quetelet: „en les (les lois, qui concernent l'espèce humaine) examinant de trop près, il devient impossible de les saisir et l'on n'est frappé que des particularités individuelles qui sont infinies. Dans le cas même où les individus *seraient exactement semblables entre eux*, il pourrait arriver, qu'en les considérant séparément, on ignorât à jamais les lois les plus curieuses auxquelles ils sont soumis sous certaines influences. Ainsi, celui, qui n'aurait jamais etudié la marche

рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ частенько сваливались въ кучу самыя разнообразныя явленія, иногда совершенно противоположныя одно другому, и, фигурируя подъ *общимъ* названіемъ, вели къ ложнымъ заключеніямъ о законахъ, управляющихъ ими.

Мы не думаемъ, чтобы всѣ экономическія заблужденія вытекали изъ упомянутыхъ трехъ источниковъ; но такъ какъ мы не пишемъ спеціальнаго изслѣдованія о методахъ, то ограничиваемся приведенными тремя источниками, какъ давшими начало большинству тѣхъ заблужденій, съ которыми намъ придется имѣть дѣло при разсмотрѣніи теоріи цѣнности и капитала.

Отожествленію общественнаго хозяйства съ частнымъ подалъ примѣръ еще Ад. Смитъ [1]) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего „Богатства народовъ“. Съ тѣхъ поръ уподобленіе перваго второму и соотвѣтствующее такому взгляду на дѣло перенесеніе результатовъ, полученныхъ при наблюденіи надъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, на цѣлый рядъ хозяйствъ, состоящихъ между собою въ связи, составляетъ въ наукѣ обыденное явленіе. Любопытно, что какъ Ад. Смитъ, такъ и многіе послѣдователи его весьма гордятся побѣдой надъ меркантилистами, главное заблужденіе которыхъ и состояло въ томъ именно, что они въ вопросѣ объ увеличеніи богатства смѣшивали частное хозяйство съ общественнымъ.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать причины такого воззрѣнія. Весьма вѣроятно, что онѣ лежатъ, главнымъ образомъ, въ томъ индивидуализмѣ, который, вытекая какъ выводъ изъ системы Смита, успѣлъ уже принести столько хорошихъ и дурныхъ послѣдствій въ разработкѣ научныхъ вопросовъ. Привыкнувъ къ мысли, что то или другое частное хозяйство представляетъ типъ и центръ хозяйственной дѣятельности, не трудно упустить изъ виду черты различія между частнымъ хозяйствомъ и совокупностью такихъ хозяйствъ.

Въ чемъ же состоитъ это различіе? Очевидно, что отношенія частныхъ хозяйствъ составляютъ главнѣйшее содержаніе функцій хозяйства общественнаго Если такъ, то казалось бы естественнымъ все наблюденное въ хозяйствѣ частномъ тотчасъ же примѣнять къ общественному. На дѣлѣ, однако, существуетъ нѣсколько пунктовъ капи-

de la lumière, que dans des gouttes d'eau prises isolément, ne s'élèverait qu'avec peine à la conception du brillant phénomène de l'arc-en-ciel; peut être même l'idée ne lui en viendrait jamais, s'il ne se trouvait accidentellement dans les circonstances favorables pour l'observer“. Sur l'homme et le dévélopp. de ses facultés, t. I, p. 6.

[1]) См. особенно книга II, глава I, и слѣдующее мѣсто: „Портной не шьетъ себѣ башмаковъ, а покупаетъ ихъ у сапожника... Что считается благоразумнымъ въ дѣятельности каждаго частнаго семейства, то не можетъ быть безразсуднымъ въ образѣ дѣйствій всего народа“. W. of N., книга IV, стр. 200. Доводъ въ пользу международнаго раздѣленія труда. Но въ другихъ мѣстахъ сочиненія Ад. Смитъ находитъ, что поземельные собственники „жнутъ, гдѣ не сѣяли“, что интересъ купцовъ отнюдь не всегда тожественъ съ интересами другихъ классовъ общества.

тальнаго различія между тѣмъ и другимъ. Первый изъ этихъ пунктовъ—результаты сотрудничества, рѣзко и ясно выступающіе только въ совокупности хозяйствъ. Простое и сложное сотрудничество, подобно цѣлесообразному соединенію частей машины, влечетъ за собою значительное увеличеніе силы. Не можетъ быть и рѣчи о сравненіи размѣровъ силъ, предоставляемыхъ сотрудничествомъ отдѣльному хозяйству съ одной, и общественному хозяйству—съ другой стороны. Справедливо, что чѣмъ большее число лицъ соединено въ томъ или другомъ хозяйствѣ, тѣмъ больше приближается оно къ типу хозяйства общественнаго и тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ можно переносить результаты нѣкоторыхъ наблюденій въ немъ на хозяйство цѣлаго общества. Но ошибки въ этомъ отношеніи дѣлались именно такія, что не признавалось различіе между *единичными* и общественнымъ хозяйствами. Утверждали, напр., что естественная система свободно дѣйствующихъ частныхъ интересовъ ведетъ къ наиболѣе гармоническому соотношенію хозяйствъ между собою и къ установленію всеобщаго благоденствія. Если даже опустить всѣ другія возраженія, которыя могутъ быть приведены противъ этого мнѣнія, служащаго выводомъ изъ началъ господствующей экономической школы, то одного упомянутаго пункта различія между частнымъ и общественнымъ хозяйствами достаточно для опроверженія его. Справедливо, что хозяйства, обладающія равными силами,—а такими можно признать хозяйства отдѣльныхъ лицъ [1]), съ извѣстными ограниченіями, конечно,—могутъ придти въ нѣкоторое равновѣсіе, преслѣдуя, каждое, свои спеціальныя цѣли [2]). Но дѣло въ томъ, что общественное хозяйство состоитъ отнюдь не изъ однихъ такихъ единичныхъ хозяйствъ, а также, и въ гораздо бо́льшей степени, изъ хозяйствъ, представляющихъ бо́льшія или меньшія группы лицъ. Одного численнаго превосходства лицъ въ хозяйствѣ, кромѣ множества другихъ условій, обыкновенно совпадающихъ съ такимъ превосходствомъ, вполнѣ достаточно для того, чтобы создать перевѣсъ силы, склонить чашку вѣсовъ въ одну сторону.

Второй пунктъ различія между частнымъ и общественнымъ хозяйствами состоитъ въ томъ, что всѣ части послѣдняго находятся во

[1]) „Знаменитый софистъ, Эдмундъ Бёрке, выводитъ изъ своего практическаго фермерскаго опыта, что для такого даже небольшого числа, какъ 5 сельскихъ рабочихъ, исчезаетъ всякое индивидуальное различіе въ трудѣ, такъ что лучшіе 5 взрослыхъ англійскихъ сельскихъ рабочихъ исполняютъ въ одно и то же время именно такое же количество работы, какъ и всякіе другіе 5 англійскихъ сельскихъ рабочихъ". K. Marx, Das Kapital, стр. 303. См. также Quetelet, о среднемъ человѣкѣ.

[2]) Roesler справедливо замѣтилъ, что подобное равновѣсіе могло бы водвориться и въ томъ случаѣ, если бы каждый уступалъ другому, дѣйствовалъ не въ свою, а въ чужую пользу (Grundz. d. Volksw., стр. 10).

взаимной между собою зависимости [1]). Зависимость эта такого рода, что, подъ страхомъ неправильныхъ заключеній, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду дѣйствіе какой-нибудь силы на извѣстномъ пунктѣ—на другой сосѣдній или отдаленный пунктъ, или на всю совокупность хозяйствъ. Введеніе новой подати, открытіе новаго рынка, неурожай, эпидемія, война, введеніе въ производство улучшеній—всѣ такія событія вносятъ цѣлый рядъ измѣненій въ приложеніе къ дѣлу хозяйственныхъ силъ и различнымъ образомъ колеблятъ экономическое status quo. Но это все случаи дѣйствія новой силы на хозяйственныя отношенія. Не трудно замѣтить, что и *данное* распредѣленіе силъ между хозяйствами ведетъ къ тѣснѣйшей зависимости между ними. Такъ, измѣненіе формы продукта посредствомъ обмѣна составляетъ conditio sine qua non существованія каждой системы общественнаго раздѣленія труда. Такъ, существованіе извѣстнаго отношенія между различными размѣрами затратъ на предметы потребленія большинства и меньшинства въ томъ или другомъ обществѣ составляетъ весьма важное условіе правильнаго теченія хозяйственныхъ дѣлъ въ немъ. Примѣровъ въ подтвержденіе означенной мысли можно бы привести еще множество. Между тѣмъ, сколько можно указать случаевъ, когда столь простая вещь упускалась изъ виду. Не трудно, напр., доказать, что экономисты заблуждались [2]), полагая, что способъ образованія капиталовъ есть сбереженіе. Сберегать, т. е. воздерживаться отъ потребленія полезныхъ вещей, можетъ только то или другое лицо въ частности, а никакъ не всѣ владѣльцы такихъ вещей. Въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы допустить, во-первыхъ, то, что капиталистамъ пришлось бы самолично потреблять такія вкусныя вещи, какъ рельсы, шпалы, машины, уголь и другіе подобные же предметы, которыхъ весь классъ капиталистовъ никому не въ состо-

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что и части отдѣльнаго хозяйства находятся во взаимной зависимости. Но если, говоря о дѣйствіи какой-нибудь силы на отдѣльное хозяйство, обыкновенно ограничиваются тѣмъ, что принимаютъ такое хозяйство за нѣчто интегральное, то относительно общественнаго хозяйства такой взглядъ на дѣло ведетъ къ ложнымъ заключеніямъ. Напр., то или другое коммерческое хозяйство тѣмъ бо́льшую получаетъ прибыль, чѣмъ больше изолированы производитель и потребитель. Если перенести этотъ выводъ на общественное хозяйство, т. е. сказать, что и оно тѣмъ богаче, чѣмъ менѣе прямыхъ сношеній между производителемъ и потребителемъ, то ошибка будетъ очевидна. Необходимо принимать въ разсчетъ интересы какъ *одной*, такъ и *другой* половины общества.

[2]) Впрочемъ, школа Смита въ значительной степени устраняетъ субъективность понятія о сбереженіи тѣмъ, что разумѣетъ подъ нимъ не накопленіе, а производительную затрату: тѣмъ не менѣе, моменту *назначенія* продукта на производительное и непроизводительное потребленіе дается подчасъ слишкомъ большая важность; см., напр., Милль, Основанія, т. I, стр. 72: „итакъ, различіе между капиталомъ и не капиталомъ состоитъ не въ характерѣ имущества, а въ намѣреніи капиталиста, въ его рѣшеніи употреблять это имущество на ту или на другую цѣль“.

яніи продать, а во-вторыхъ,—то, что производство цѣлаго общества, или, по крайней мѣрѣ, $^{9}/_{10}$ такого производства снабжаетъ общество предметами роскоши. Иначе, гдѣ бы взяли всѣ капиталисты предметы для своего потребленія, еслибы пожелали обмѣнять на нихъ хлѣбъ, машины и пр.? Конечно, каждый отдѣльный капиталистъ, съ своей точки зрѣнія, сберегаетъ, воздерживается отъ потребленія, но весь классъ капиталистовъ, поступая такимъ образомъ, выполняетъ безусловно необходимую общественную функцію и только. Другой примѣръ. Два или три экономиста выводятъ цѣнность изъ рѣдкости предметовъ [1]). Они смотрятъ въ этомъ случаѣ на все общество, на потребителей, глазами производителя, какъ отдѣльнаго лица или класса лицъ. Производитель по ихъ мнѣнію, надѣленъ чѣмъ-то вродѣ привилегіи взыскивать съ потребителя не только за трудъ изготовленія рѣдкихъ предметовъ, но и за самую рѣдкость послѣднихъ; какъ будто рѣдкость эта, если она не произведена искусственно,—что умѣли дѣлать голландцы съ пряностями (Смитъ), или французы съ рисомъ (Фурье), — не касается въ равной мѣрѣ какъ производителя, такъ и потребителя, какъ будто она не составляетъ отрицательной величины какъ для того, такъ и для другого. Третій примѣръ. Очень часто утверждаютъ также, что введеніе денегъ усилило накопленіе капиталовъ [2]). Это опять-таки случай воззрѣнія на общественную экономію съ точки зрѣнія отдѣльнаго хозяйства, какъ на совокупность отдѣльныхъ хозяйствъ, не находящихся между собою въ сношеніяхъ. Ясно, что большая сумма удобосохраняемаго орудія покупки можетъ быть обмѣнена на орудія производства и такимъ образомъ во всякое время превратиться въ дѣйствительный капиталъ. Но ясно также и то, что, еще до появленія этой суммы на рынкѣ, здѣсь долженъ уже существовать запасъ орудій производства, условія возникновенія котораго ни мало *не зависятъ* отъ того, мало или много денегъ въ странѣ. Отдѣльное лицо могло накопить денежный капиталъ, но если общество не приготовило соотвѣтствующаго реальнаго капитала, деньги не купятъ и клочка бумаги. Введеніе денегъ и увеличеніе накопленія дѣйствительно тѣсно между собою связаны, но только не съ этой стороны. Знаменитый въ экономической литературѣ споръ о томъ, со-

[1]) Senior, Principes, стр. 91 и слѣд., Walras, L'Econ. polit. et la justice, стр. XXX: „La valeur a donc son origine dans la limitation en quantité des utilités qui les fait rares". Ib., стр. 8: „A proprement parler, l'utilité est la condition de la valeur, *la rareté seule en est la cause*".

[2]) Напр., Roscher, Principes, т. I, стр. 277—8: „Alors aussi (après l'invention de la monnaie) il devient réellement profitable de produire au delà des besoins et d'épargner en vue de l'avenir. Sans la monnaie le possesseur d'un capital, qui ne pourrait l'employer lui même serait obligé, pour le prêter, de chercher non pas seulement quelqu'un qui eût besoin de capital, mais qui voulut s'accomoder de cette espèce particulière de marchandise".

ставляетъ-ли увеличеніе цѣнности произведеній увеличеніе богатства (Сэй, Рикардо и мн. др.), также изобилуетъ случаями воззрѣнія на общественное хозяйство съ точки зрѣнія хозяйства единичнаго. Но всего чаще забывалось различіе между хозяйствами общественнымъ и частнымъ въ ученіи о цѣнности. Мы будемъ ниже имѣть случай убѣдиться въ этомъ.

Третьимъ важнымъ пунктомъ различія между общественнымъ и частнымъ хозяйствами господствующей формы является подчиненное положеніе второго относительно перваго, какъ слѣдствіе взаимнаго соотношенія ихъ въ качествѣ цѣлаго и части. Подчиненность эта,— очевидно составляющая нѣчто независимое отъ той тѣсной связи (предыдущій пунктъ различія), въ которой состоятъ между собою частныя хозяйства, — выражается, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. Каждое частное хозяйство въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ съ другими частными же хозяйствами должно непремѣнно подчиняться тѣмъ условіямъ, которыя вырабатываются и ставятся цѣлой массою хозяйствъ. Качество и количество труда и продукта, выносимаго на рынокъ частнымъ хозяйствомъ, точно такъ же, какъ и получаемаго въ обмѣнѣ, ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ его воли, точно такъ же, какъ и отъ воли другой стороны обмѣна. Рынку нѣтъ ни малѣйшей нужды знать, больше или меньше, чѣмъ слѣдуетъ, потрачено труда отдѣльнымъ хозяйствомъ на производство того или другого продукта, больше или меньше дорожитъ (въ чисто субъективномъ смыслѣ) этимъ продуктомъ хозяйство. Рынокъ ставитъ, такъ сказать, заказъ на извѣстное количество вещей по извѣстной цѣнѣ, и всякое частное хозяйство сообразуется съ условіями этого заказа [1]). Только большое число хозяйствъ, уменьшая или увеличивая предложеніе или спросъ, въ состояніи нѣсколько поколебать установившійся уровень хозяйственныхъ сношеній. Но одному или немногимъ хозяйствамъ, столь же *невозможно* сдѣлать это, какъ незначительному притоку измѣнить

[1]) Aber die Theilung der Arbeit ist ein *naturwüchsiger Productionsorganismus*, dessen Fäden hinter dem Rücken der Waarenproducenten gewebt wurden und sich fortweben... Das Produkt befriedigt heute ein gesellschaftliches Bedürfniss. Morgen wird es vielleicht ganz oder theilweise von einem ähnlichen Produktenart aus seinem Platze verdrängt... Wenn das gesellschaftliche Bedürfniss für Leinwand, und es hat sein Mass, wie alles andere, bereits durch nebenbuhlerische Leinweber gesättigt ist, wird das Produkt unseres Leinwebers überschüssig, überflüssig und damit nutzlos. Gesetzt aber der Gebrauchswerth seines Produkts bewähre sich und Geld werde daher angezogen von der Waare. Aber nun fragt sich's wie viel Geld? Die Antwort ist allerdings schon anticipirt im Preis der Waare, dem Exponenten ihrer Werthgrösse. Wir sehen ab von etwaigen rein subjektiven Rechenfehlern, die auf dem Markt sofort objektiv corrigirt werden. Er soll auf sein Produkt nur den gesellschaftlich nothwendigen Durchschnitt von Arbeitszeit verausgabt haben... Gesetzt endlich jedes auf dem Markt vorhandne Stück Leinwand enthalte nur gesellschaftlich nothwendige Arbeitszeit. Trotzdem kann die Gesammtsumme dieser Stücke überflüssig verausgabte Arbeitszeit enthalten. K. Marx, Das Kapital, стр. 66—67.

направленіе рѣки. Одного сказаннаго, казалось бы, достаточно для доказательства того, что существуетъ общественный, а не частный законъ, по которому производятся хозяйственныя сношенія [1]). Всѣ частные недосмотры, промахи, улучшенія, всѣ субъективныя осложненія и упрощенія, сопровождающія дѣятельность отдѣльнаго хозяйства, суть не болѣе какъ неправильности въ очертаніи точекъ и небольшихъ частей круговой линіи, которыя теряются и исчезаютъ при взглядѣ на всю круговую линію (Quetelet). Мы будемъ имѣть ниже случай говорить подробнѣе объ этомъ законѣ, отвергать существованіе котораго, имѣя передъ собой статистическія данныя объ *однообразіи* даже такихъ явленій, какъ отсылка неправильно адресованныхъ писемъ, казалось бы, просто невозможно. Теперь же приведемъ примѣръ того,—ихъ можно бы привести множество,—до какой степени привычка смотрѣть на общественное хозяйство съ точки зрѣнія частнаго, привычка отожествлять то и другое, способствуетъ извращенію экономическихъ понятій. Французскій экономистъ L. Walras [2]), оспаривая мнѣніе Прудона, что продукты *должны* обмѣниваться сообразно издержкамъ производства, говоритъ слѣдующее: „Не приходило-ли вамъ на умъ, что издержки производства могутъ не всегда регулировать продажную цѣнность? Не представляли-ли вы себѣ, что *можно* издержать много на производство вещи безполезной, даже вредной, не рѣдкой и не имѣющей цѣнности, или что *можно* издержать весьма мало на производство вещи весьма полезной, весьма изысканной“... Случайно-безсмысленная растрата хозяйственныхъ силъ, или столь же случайно удачное ихъ употребленіе—возводятся, такимъ образомъ, на степень начала, способнаго регулировать отношенія гигантскихъ общественныхъ явленій [3]). Такъ какъ можно издер-

[1]) Quelles seraient nos connaissances sur la mortalité de l'espèce humaine si l'on n'avait observé que des individus? Au lieu des lois admirables auxquelles elle est soumise, nous n'aurions aujourd'hui qu'une série de faits incohérens qui ne permettraient de supposer aucune suite, aucun ordre dans la marche de la nature. Ce que nous disons de la mortalité de l'homme, peut s'entendre de ses facultés physiques et même de ses facultés morales“. Quetelet, L'homme etc., т. I, p. 6—7.

[2]) L'économie politique et la justice, p. 70. Бастіа. Маклеодъ и т. д. могли бы предложить цѣлый арсеналъ примѣровъ въ приведенномъ родѣ.

[3]) Другой подобный же примѣръ: „Diese (Carey's) Theorie, welche neuerdings viele Anhänger gefunden hat, ist die umgekehrte (?) Ricardo'sche, dahin modificirt, dass nicht die Produktionskosten, sondern die Reproduktionskosten den Werth bestimmen sollen. Sie ist ebenso unrichtig wie die Ricardo's, denn Produktion wie Reproduktion *sind nicht das einzige*, was bei der Werthschätzung in Betracht kommt. *Ein geschenkter* Gegenstand würde sonst nie Werth haben können“. Lindwurm, Theorie des Werthes, Jahrbüch. für Nation. ökon. und Statist. Bd. 1, Heft 3 и 4, 1865, стр. 169. „Das Werthverhältniss ist *durchaus* und *rein* individuell... Wo das Gemeinsame anfängt, hört das Eigenthümliche auf. Es ist aber das nichts absolut gemeinsames, was durch eigenthümliches unterbrochen ist; das Eigenthümliche ist als die Abweichung von gemeinsamen gerade das Charakteristikon des In-

жать много на производство вещи „безполезной“, то отсюда слѣдуетъ, что законъ издержекъ производства, да, пожалуй, и всякій другой объективный законъ, представляютъ не болѣе, какъ фантомъ болѣзненнаго воображенія.

Намъ достаточно приведенныхъ чертъ отличія частнаго хозяйства отъ общественнаго, чтобы отнестись критически къ постановкѣ и рѣшенію вопросовъ, указанныхъ въ заглавіи нашего изслѣдованія. Мы не станемъ поэтому входить въ разсмотрѣніе тѣхъ особенностей хозяйства общественнаго, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ (преимущественно современныхъ нѣмецкихъ), свидѣтельствуютъ въ пользу его органическаго происхожденія, устройства и развитія. Организмъ-ли народное хозяйство, или, напротивъ, сложный механизмъ,—вопросъ чрезвычайно важный въ томъ отношеніи, что такое или иное рѣшеніе его требуетъ и тѣхъ или иныхъ способовъ изслѣдованія, значитъ, приводитъ къ совершенно различнымъ научнымъ результатамъ. Но, занимаясь отдѣльными вопросами, мы, кажется, имѣемъ право считать вопросъ этотъ рѣшеннымъ, а въ какомъ смыслѣ,—это будетъ видно изъ хода изслѣдованія.

Вторая важная ошибка многихъ экономистовъ, сказали мы, состоитъ въ томъ, что экономическія явленія наблюдаются ими не въ своемъ чистомъ видѣ и безъ соблюденія точнаго времени и мѣста ихъ совершенія.

Всякое общественно-экономическое явленіе должно наблюдаться въ своей истинной и характеристической формѣ, безъ всякихъ примѣсей, какъ со стороны другихъ явленій, такъ и со стороны ошибочности выбора точнаго времени и мѣста своего развитія и совершенія. Что касается нарушенія перваго изъ указанныхъ условій правильнаго метода въ общественной экономіи, то оно совершается различными писателями весьма и весьма часто. Достаточно припомнить сочиненія Бастіа, чтобы найти неоднократные примѣры подобнаго нарушенія метода. Такова, напр., его теорія *услугъ*, которыми онъ замѣняетъ слово *трудъ*, или, еще лучше, *рабочую силу*, примѣшивая къ этимъ совершенно яснымъ терминамъ рабскій смыслъ понятія *услуги*, которое не содержитъ въ себѣ ни намека на какое-нибудь возмѣщеніе. Такова же и его знаменитая теорія прибыли, которую онъ строитъ на понятіи о ссудѣ капиталистомъ рабочему капитала, чего вообще нигдѣ не бываетъ, такъ какъ ссудами одолжаютъ только капиталистъ капиталиста. Не говоримъ уже о примѣрѣ Бастіа, что если со-

dividuums und das Werthverhältniss, weil es *nicht ganz* gemeinsam ist, eben desswegen individuell“. Ib., стр. 177. Въ послѣдне-приведенной цитатѣ слова „durchaus“, „rein“ и „nicht ganz“, конечно, состоятъ между собою въ нѣкоторомъ противорѣчіи. Но это не мѣшаетъ видѣть, что изслѣдованіе начато съ конца, съ того, что Quetelet называетъ пертурбаціонными вліяніями.

гласиться съ теоріей издержекъ производства, то нужно придти къ выводу, что масло, отвезенное и. ъ Парижа въ Марсель и оттуда, вслѣдствіе непродажи, возвращенное снова въ Парижъ, должно бы быть дороже на двойныя издержи перевозки. И подобными-то примѣсями и искаженіями истиннаго характера экономическихъ явленій писатели, вродѣ Бастіа, думали обезпечить интересы своего класса.

Столь же часты. какъ увидимъ ниже, и случаи нарушенія того требованія метода, чтобы явленія наблюдались въ дѣйствительное время своего совершенія и развитія, а не въ любой моментъ времени, выбранный совершенно произвольно и потому невѣрно. Вообще говоря, въ этомъ случаѣ необходимо употреблять способъ среднихъ чиселъ, какъ единственный возможный для изслѣдованія [1]).

Сюда же примыкаетъ еще одно правило: совершенно такимъ же образомъ, какъ выбирается время для наблюденія явленія, должно быть выбрано и мѣсто для той же цѣли. Если явленіе происходитъ повсюду одинаково, то каждое мѣсто одинаково годно для наблюденія, и сказанное объ одномъ изъ нихъ примѣняется ко всѣмъ остальнымъ. Въ противномъ случаѣ долженъ быть избранъ пунктъ средній. Соблюденіе этого правила въ отношеніи къ занимающимъ насъ вопросамъ требуется указаннымъ выше различіемъ между частнымъ и общественнымъ хозяйствами: частное хозяйство, съ своими функціями, не представляетъ такого мѣста, которое было бы во всѣхъ отношеніяхъ одинаково съ совокупностью остальныхъ, а потому и не можетъ служить для изслѣдованій о хозяйствѣ общественномъ. Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что указанное правило обыкновенно упускалось изъ виду тѣми экономистами (школа Смита, въ особенности Бастіа, Маклеодъ и другіе). которые смотрѣли на всемірное хозяйство съ точки зрѣнія хозяйства современнаго западно-европейскаго. Такъ, прибыль, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ (весьма многихъ), получается путемъ обмѣна: отсюда должно слѣдовать, что. напр., ве-

[1]) „Die Gesetze, von denen bisher die Rede war, sind nämlich allgemeine Regeln, die auf alle ihnen untergeordneten Fälle Anwendung finden, jeden einzelnen in seiner Individualität gemäss der Regel bestimmen. Denn nach welcher Richtung z. B. ein Lichtstrahl in ein brechendes Medium eindringen möge so steht doch immer der Sinus seines Einfallswinkels zum Sinus seines Brechungswinkel in demselben constanten Verhältniss, und jeder Theil einer Wassermasse, sei er gross oder klein, ist doch immer aus acht Gewichtstheilen Sauerstoffgas und einem Gewichtstheil Wasserstoffgas gemengt. deren Volumina sich wie 2 zu 1 verhalten. Es giebt dagegen auch empirische Gesetze, die gar nicht für den einzelnen Fall, *sondern nur für das Mittell aus einer grossen Anzahl von Fällen* Geltung haben. Hierher gehört z. B. das Drehungsgesetz der Winde wonach in den gemässigten Zone der nördlichen Halbkugel der Erde der Wind im Mittel die Himmelsgegenden in der Ordnung S. W. N. O. S. auf der südlichen Halbkugel in der umgekehrten Ordnung durchläuft". M. W. Drobisch. Die Moralische Statistik und die menschliche Freiheit, S. 4—5.

ликорусская крестьянская община не получаетъ и не можетъ получать ничего равнозначительнаго съ прибылью.

Всего лучше можно видѣть ошибочность въ выборѣ времени для наблюденія въ ученіи о цѣнности, къ которому мы вскорѣ и обратимся. Теперь приведемъ примѣръ изъ другого отдѣла науки. По мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ [1]), введеніе денегъ способствовало усиленію раздѣленія труда. Мнѣніе это составляетъ въ сущности выводъ изъ другого, уже разсмотрѣннаго нами, именно, что введеніе денегъ увеличиваетъ накопленіе капиталовъ. Сверхъ того, оно основывается на предположеніи, что по введеніи въ употребленіе денегъ явилась возможность каждому съузить кругъ своихъ занятій, благодаря возможности имѣть все нужное за деньги. Посмотримъ, насколько правильно сдѣлано это наблюденіе. Совокупность промысловъ раздѣлена *сначала* между 100, *потомъ* между 200 и т. д. производителей.— явленіе развивается. Что касается обмѣна, простого или денежнаго, то столько же очевидно, что, пока число мѣновыхъ сдѣлокъ не возрасло или не упало, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо движеніи явленія, кромѣ равномѣрнаго. Равномѣрное-же движеніе даетъ сумму такихъ моментовъ, изъ которыхъ каждый равно годенъ для наблюденія. Еслибы вопросу о томъ, производятъ ли деньги усиленіе раздѣленія труда, предшествовалъ и былъ рѣшенъ положительно вопросъ, *увеличиваетъ-ли* введеніе денегъ число обмѣновъ, въ такомъ случаѣ одному ряду слѣдующихъ другъ за другомъ стадій явленія сопутствовалъ бы другой рядъ такихъ же стадій другого явленія и могла бы идти рѣчь о причинной между ними связи. Но этого нѣтъ, а поэтому нѣтъ и логической возможности деньгамъ усиливать раздѣленіе труда. Какова бы ни была роль денегъ,—онѣ продуктъ, получаемый обществомъ не даромъ, а въ обмѣнъ за другіе равноцѣнные продукты. Ставъ на мѣсто послѣднихъ, деньги не въ силахъ [2]) увеличить число обмѣ-

[1]) „Alors seulement la division du travail peut s'étendre, car plus il devient facile d'obtenir tout pour de l'argent, plus chacun est donné exclusivement à une seule occupation". Roscher, Principes, T. I, p. 277. Къ числу подобныхъ же заблужденій относится другое мнѣніе Roscher'a (Ib.) и Bruno-Gildebrand'a (Natural-Geld und Creditwirthschaft, Jahrbüch. für Nat. ökon. u. Statist. Bd. II, 1864. S. 14—16), именно, что деньги способствовали увеличенію свободы рабочаго. Деньгамъ не можетъ быть приписана эта роль уже потому, что въ рублѣ, выданномъ вмѣсто натуральной задѣльной платы *той же цѣнности*, не заключается чудодѣйственной силы доставить рабочему нѣчто *бо́льшее* этой натуральной платы.

[2]) Не въ силахъ и въ томъ случаѣ, когда становятся не на мѣсто продуктовъ, а рядомъ съ ними. Извѣстный вопросъ Юма, что произошло бы, еслибы всякій гражданинъ, проснувшись, нашелъ у себя гинею въ карманѣ, отнюдь не можетъ быть рѣшенъ такъ, что увеличится число обмѣновъ. По всей вѣроятности, гинея эта будетъ каждымъ спрятана, или помѣщена въ сундуки банка, и если бы даже вошла въ обращеніе, то вскорѣ вышла бы изъ него и поступила бы въ резервъ или на иное употребленіе, нисколько не возвысивъ цѣнъ. Вначалѣ, правда, могутъ явиться новыя предпріятія и обмѣны, но это будетъ продолжаться не долго.

новъ, совершаемыхъ обладателемъ ихъ. За деньги можно купить *все*, но когда? тогда уже, когда трудъ *вполнѣ* раздѣленъ. Въ противномъ случаѣ,—насколько шагнуло впередъ раздѣленіе труда, столько служатъ и деньги, если количество ихъ увеличилось, но не больше. Экономисты, придерживающіеся разбираемаго мнѣнія, смотрятъ на дѣло слѣдующимъ образомъ: основная причина раздѣленія труда, разумѣется, не деньги; чтобы деньги выполняли свое назначеніе, трудъ долженъ быть уже отчасти раздѣленъ; появляются деньги, главное достоинство которыхъ въ томъ, что всякій ихъ принимаетъ,—и вотъ хозяинъ, занимавшійся прежде двумя или тремя промыслами, ограничивается однимъ. Почему? Потому что за деньги онъ купитъ все, что нужно, кромѣ того, что производитъ самъ. Да, если „все что нужно“ уже продается, т. е. производится на продажу, т. е. составляетъ продуктъ полнаго раздѣленія труда. Иначе можно купить только то, что покупалось прежде, слѣдовательно, оставаться при тѣхъ же промыслахъ. Другое дѣло, еслибы предстояло рѣшить, не было-ли само раздѣленіе труда причиной введенія денегъ, а усиленіе его—причиной увеличенія количества послѣднихъ. Такой вопросъ былъ бы, по меньшей мѣрѣ, правильно поставленъ.

Намъ остается доказать справедливость третьяго нашего упрека нѣкоторымъ экономистамъ, именно упрека въ томъ, что они сбиваютъ подчасъ въ кучу множество разнородныхъ предметовъ и, придавая имъ общее названіе, заблуждаются, вслѣдствіе этого, въ регулирующемъ явленіи закона. И тутъ ученіе о цѣнности даетъ самый богатый матеріалъ. „Если мы желаемъ“, говоритъ Маклеодъ [1]), „установить общій законъ, то законъ этотъ долженъ обнимать всякаго рода случаи, въ которыхъ совершается продажа. Слѣдовательно, намъ необходимо названіе, которое служило бы для общаго выраженія цѣны, платимой за предметъ при его покупкѣ. Продажи могутъ быть публичныя или частныя, добровольныя или вынужденныя, и мы отыскиваемъ такое названіе, которое выражало бы цѣну предмета въ данную минуту, при какихъ бы обстоятельствахъ ни происходила продажа“ [2]). Законъ, найденный (?) имъ для такой цѣны, выраженъ такъ: „цѣна измѣняется въ прямомъ отношеніи къ напряженности оказанной услуги и въ обратномъ отношеніи къ власти покупщика надъ продавцомъ“ [3]). Казалось бы, что̀ можетъ быть общѣе такого закона, съ

[1]) Основанія пол. экон., стр. 101—2.

[2]) См., напротивъ, даже Roesler, врагъ такъ называемаго „Смитіанизма“. Zur Theorie des Preises, Jahrb. f. Nationalökon. und Statist. h. v. Bruno-Gildebr., 1869. Bd. I, Heft 2-es und 3-es, S. 106: „Jede Preislehre muss das *regelmässige* Wirken der Wirthschaftsgesetze zur Voraussetzung nehmen. *Nothpreise*, Schenderpreise, Monopolpreise, Preise aus Unkenntniss oder Zwang gezahlt, können gegenüber dem ordnungmässigen Gang der Dinge nicht in Betracht kommen“.

[3]) Основанія пол. экон., стр. 105.

нимъ нельзя спорить въ этомъ отношеніи даже опредѣленію цѣнности Кэри—„цѣнность есть мѣра власти природы надъ человѣкомъ, полезность—мѣра власти человѣка надъ природой". Между тѣмъ, какъ быть въ томъ случаѣ, когда напряженность услугъ и власть покупщика надъ продавцомъ остаются однѣ и тѣ же, а цѣна все-таки измѣняется? Такъ бываетъ, напр., при введеніи улучшеній въ производствѣ, при истощеніи рудника или земли. Недосмотръ этотъ произошелъ оттого, что Маклеоду понадобилось дать одно общее названіе продажѣ добровольной, т. е. такой, гдѣ количества размѣниваемыхъ продуктовъ опредѣляются сообразно нейтральному элементу,—будь онъ трудъ или что-нибудь иное, и продажѣ вынужденной, т. е. такой, которая равносильна простому захвату чужой вещи. Слѣдовало бы пріискать ужъ разомъ общее названіе для воровства и для обмѣна. Этотъ путь отысканія законовъ авторъ „Основаній" рѣшается назвать путемъ строгаго наведенія отъ предполагаемыхъ, вполнѣ возможныхъ, случаевъ, составляющихъ свѣтоносные опыты (lucifera experimenta), столь высоко чтимые Бэкономъ въ дѣлѣ открытія общихъ началъ! „Говоря *вообще*", утверждаетъ тотъ же Маклеодъ [1]) „лицо, ставящее требуемый предметъ въ данномъ мѣстѣ, можетъ, съ точки зрѣнія политической экономіи, быть разсматриваемо какъ производитель этого предмета, каковы бы ни были средства, употребленныя для доставленія предмета на опредѣленный пунктъ". Съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать приказчика, привезшаго на ярмарку рыбу или хлѣбъ, все-таки придется допустить, что рыбу ловилъ рыбакъ, хлѣбъ посѣялъ и собралъ поселянинъ, везли то и другое извозчики,—слѣдовательно, приказчику ни въ какомъ случаѣ не выпала роль производителя. Трудъ надзора за тѣми и другими, цѣль котораго—сдѣлать невозможнымъ уклоненіе ихъ отъ своихъ обязанностей, конечно,—трудъ почтенный и даже необходимый, но это трудъ отрицательный: результатъ его—устраненіе убытковъ [2]), а не продуктъ. Говоря *вообще*, торговцы и приказчики нужны для распредѣленія богатства лишь въ томъ же смыслѣ, какъ для многоэтажнаго дома нужны лѣстницы. Какъ только прекратится подобная чисто городская по-

[1]) Ib., стр. 90.

[2]) „M. H. N'est-ce pas gagner, que de ne pas perdre? N'est-ce pas perdre que de ne pas gagner?... M. N. Mon ami, les grammairiens soutiennent que l'énonciation exacte des idées n'admet presque point de synonymes; et, pour vous en convaincre, ils vous diraient que, si l'on admettait vos synonymes, il faudrait convenir aussi que *ne pas perdre et ne pas gagner* signifie *perdre* et *gagner*. Que si un joueur se retire du jeu sans perte ni gain on pourrait dire indifféremment: *il n'a perdu ni gagné*, ou bien, *il a gagné et perdu*... Selon votre langage il faudrait dire aussi que l'on gagne toutes les fois que l'on n'est pas dévalisé par les voleurs. Alors les gains de cette espèce pourraient être fort multipliés; mais en serait-on plus riche? *De tels sophisme*, ne consistent donc que dans *l'abus des mots*". Quesnay. Dialogue sur le commerces, Physiocrates, ed. Daire. T. I, p. 147.

требность въ высокихъ домахъ, такъ немедленно вслѣдъ за этимъ прекратится потребность въ лѣстницахъ. Въ примѣненіи къ классу торговцевъ то же соображеніе показываетъ, что занятіе ихъ еще только историческое, подобно существованію высокихъ домовъ, тогда какъ занятіе производительнаго класса *вѣчно*. Различаетъ же самъ Маклеодъ цѣнности положительныя и отрицательныя [1]).

Перейдемъ теперь къ ученію о цѣнности и попытаемся приложить къ изслѣдованію тѣ правила, о которыхъ шла рѣчь выше.

Прежде всего, очевидно, что цѣнность должна находиться въ какой-нибудь связи съ экономическими отношеніями между людьми изъ-за вещей. Нельзя искать цѣнности въ предметахъ, съ которыми люди еще не приходили въ сношенія [2]). Кромѣ физическихъ и химическихъ свойствъ, такіе предметы ничѣмъ не обладаютъ.

Для ближайшаго выясненія основъ ученія о цѣнности необходимо прибѣгнуть къ сравненію вещныхъ отношеній между людьми въ хозяйствѣ изолированномъ и въ хозяйствѣ съ раздѣленнымъ трудомъ.

Какого же рода экономическія отношенія между людьми изъ-за вещей существуютъ въ изолированномъ хозяйствѣ [3]), т. е. въ такомъ, которое само на себя производитъ всѣ свои средства существованія?

Отношенія эти трехъ родовъ: 1) вещи потребляются, 2) вещи производятся, 3) вещи состоятъ въ обладаніи.

1) Вещи потребляются, потому что обладаютъ свойствами удовле-

---

[1]) „Рѣчь идетъ или о пріобрѣтеніи наслажденія, или объ устраненіи препятствія. Это различіе чрезвычайно *важно*. Для лица, могущаго оказать услуги того или другого рода, это все-равно, такое лицо пріобрѣтаетъ тѣмъ и другимъ путемъ; но *для общества* въ обширномъ смыслѣ различіе въ свойствѣ этихъ услугъ представляетъ *важное* значеніе. Предметы, для полученія которыхъ люди платятъ деньги, мы назовемъ *положительными цѣнностями* (positive values); тѣ же предметы, на которые мы расходуемъ деньги съ цѣлью устраненія ихъ, мы назовемъ *отрицательными цѣнностями* (negative values)“. Основанія пол. экон., стр. 47—50.

[2]) См., напротивъ, Маклеодъ, Основ., стр. 55: „Когда говорится, что вода не имѣетъ никакой цѣнности, то это есть лишь примѣръ математическаго символа О. Этотъ знакъ совпадаетъ съ понятіемъ, выражаемымъ словомъ *ничто*, которое не означаетъ абсолютнаго, положительнаго ничтожества, но представляетъ нѣчто чрезвычайно *малое* (!), недоступное понятію, но могущее, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, развиться. Въ подобномъ предметѣ есть зародышъ или слѣдъ цѣнности“. Столь же неудачный примѣръ обращенія съ математическими символами, какъ и другой подобный же, по поводу мнѣнія Торнтона о векселяхъ (Dictionary of Pol. Ec.); отвлеченная цѣнность Рау и др. отличается тѣми же недостатками.

[3]) „Le producteur isolé estime les choses en raison composée de ce qu'elles coûtent et de ce qu'elles valent pour lui. Il apprécie ce qu'elles coûtent par le travail qu'il y emploie, ce qu'elles valent par la valeur *en usage*, qu'elles ont pour lui“. „Dans l'échange ces considérations resteront les mêmes. Chacun des contractants appréciera ce que lui coûte un produit par le travail qu'il aura employé à l'objet, qu'il donnera en échange; il appréciera ce que lui rapportera ce produit par l'utilité, dont il sera pour lui“. Ott, Traité d'économie sociale, p. 403. См. тоже Carey, Principles of politic. economy, T. I, p. 7 и 8.

творять потребностямъ. Свойства эти можно назвать полезностью. Полезность совершенно объективна, хотя происходитъ, большею частью, изъ полезнаго, конкретнаго труда, но отношенія къ ней изолированнаго хозяйства бываютъ различны. Во-первыхъ, одна изъ особей вида предметовъ можетъ быть *полезнѣе* другой [1]), т. е. удовлетворять извѣстной потребности въ большей степени въ одно и то же время, или въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, или большему числу потребностей или болѣе настоятельной потребности. Во-вторыхъ, одна изъ разнородныхъ вещей можетъ удовлетворять потребности въ болѣе полной степени, или длящейся болѣе продолжительное время, или большему числу потребностей, или болѣе настоятельной потребности. Сверхъ того, самый процессъ удовлетворенія потребностей посредствомъ одной изъ однородныхъ или разнородныхъ вещей можетъ быть легче, проще, удобнѣе, но такъ какъ это явленіе, очевидно, подчиненное, то мы оставимъ его въ сторонѣ. Обойдемъ до времени и тотъ случай, когда удовлетвореніе одной потребности или посредствомъ одной вещи—болѣе пріятно, нежели удовлетвореніе другой потребности, или посредствомъ другой вещи.

Во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ сталкиваются или предметы, или потребности, и хозяйству предстоитъ дѣлать выборъ между ними. Посмотримъ, насколько входитъ въ каждый изъ этихъ случаевъ личный элементъ [2]) (jugement, Bedeutung, Urtheil) и насколько выборъ служитъ только санкціей объективныхъ свойствъ вещей и потребностей.

Представимъ себѣ изолированное хозяйство, снабженное всѣми предметами, годными для удовлетворенія потребностей группы лицъ, его составляющихъ. Если наблюдать положеніе въ немъ вещей въ *данный средній моментъ*, то окажется, что всѣ предметы исполняютъ свое назначеніе одинаково, и такъ какъ каждый изъ нихъ служитъ *качественно* отличной отъ другихъ потребности, то сравненія между ними, строго говоря, не можетъ быть сдѣлано никакого. Переводя сказанное на языкъ, напр., Schäffle, слѣдуетъ допустить, что *значеніе* всѣхъ этихъ благъ для хозяйственнаго сознанія вполнѣ одинаково, и *равенство* этого значенія основывается единственно на томъ, что удовле-

[1]) „La valeur en usage des biens est d'autant plus elevée, que les besoins, auxquelles ils repondent sont plus nombreux, plus généralement ressentis et plus pressants et que la satisfa tion qu'ils procurent est plus complète, plus facile et plus agréble". Roscher. Principes. T. I. p. 6.

[2]) „Der Werth einer Sache ist keineswegs eine Eigenschaft, welche ihr schon an sich betrachtet, und abgesehen von irgend einem menschlichen Urtheile über ihre Tauglichkeit als Mittel zu menschlichen Zwecken anklebt; sondern er ist... bloss das Produkt des *Urtheils*.. das bloss von den Ansichten abhängt". Lotz.. Revision etc., стр. 37. T. I. „Für die Bestimmung des Werths der Güter giebt es keinen kategorischen Imperativ wie für die Bestimmung dessen, was Recht und sittlich ist", стр. 43.

твореніе *каждой* потребности одинаково полно. Но если значеніе всѣхъ благъ одинаково, то сравнительная настоятельность потребностей равняется нулю, и все отношеніе предметовъ къ лицамъ со стороны полезности благъ ограничивается единственно *объективнымъ* свойствомъ благъ быть годными при случаѣ въ дѣло [1]).

Но вѣдь мы сами насчитали цѣлый рядъ случаевъ, когда лицу приходится обращать вниманіе на различіе между предметами и потребностями. Тутъ, казалось бы, очевидно, главная роль принадлежитъ чисто субъективному элементу—выбору, предпочтенію.

Одна изъ особей вида предметовъ можетъ удовлетворять извѣстной потребности въ большей степени въ *одно и то же время*, или въ теченіе *болѣе продолжительнаго времени*. Каменный уголь даетъ больше тепла, нежели дерево, обувь, сшитая изъ телячьей кожи, носится дольше козловой. Отношеніе изолированнаго хозяйства къ каждому изъ этихъ предметовъ различно. Но если при необходимости выбора отдается предпочтеніе каменному углю и обуви изъ телячьей кожи, то на какомъ основаніи это дѣлается? Единственно на томъ, что какъ уголь, такъ и обувь этого рода содержатъ *больше единицъ* удовлетворяющаго потребность вещества. Пока потребность не удовлетворена, двумъ единицамъ дается больше значенія, нежели одной, единственно потому, что двѣ единицы *больше*, нежели одна, что удовлетвореніе *всей* потребности важнѣе, чѣмъ удовлетвореніе *части* ея. Мѣрило это до такой степени объективно, что о личной, своеобразной, свободной оцѣнкѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Иванъ, Петръ, всѣ люди предпочитаютъ пару сапогъ одному. Одна вещь удовлетворяетъ *большему числу* равно настоятельныхъ *потребностей*, нежели другая того же рода. Извѣстное количество каменнаго угля не только согрѣваетъ комнату, но и служитъ для изготовленія пищи, между тѣмъ какъ такое же количество дровъ удовлетворяетъ только второй изъ этихъ потребностей. Очевидно, что тѣ части угля, съ помощью которыхъ изготовляется пища, и тѣ, которыя даютъ комнатѣ теплоту—далеко не одно и то же. Чѣмъ больше идетъ угля на первую потребность, тѣмъ меньше остается на вторую и наоборотъ [2]). Слѣдовательно, и въ этомъ слу-

[1]) См., напротивъ, Rau, Traité d'Econ. nationale, 1-re partie. p. 46: „α. Cette propriété d'une chose est son *utilité*, c'est une qualité, qu'a toute chose matérielle mais pas nécessairement par rapport à tous ceux qui peuvent l'acquérir. β. Le degré d'une chose *comparée* à d'autres, est la *valeur* dans un sens restreint, valeur en usage des physiocrates et de Smith, valeur d'utilité de Say". Только полезность объективное свойство. цѣнность же, или цѣнность потребленія опредѣляется субъективнымъ сравненіемъ,—лишнее доказательство въ пользу того (см. ниже), что одинъ только случай,—сравнительной настоятельности потребностей,—подалъ поводъ къ построенію всего ученія о цѣнности на потребительной цѣнности. (См. также Lotz, Roscher и др.).

[2]) Тутъ заключается часть объясненія того факта, что „лучшіе сорты угля выручатъ на рынкѣ болѣе высокую цѣну, чѣмъ худшіе сорты, несмотря на то, что

чаѣ предпочтеніе, оказываемое одному предмету передъ другимъ,— есть чисто количественное, а не качественное предпочтеніе, основанное на стремленіи отдавать преимущество, въ предѣлахъ потребностей, тому предмету, который содержитъ въ себѣ большее число единицъ удовлетворяющаго *потребностямъ* вещества. Одинъ предметъ удовлетворяетъ болѣе настоятельной потребности, нежели другой того же рода [1]). Это дѣйствительно случай, когда предпочтеніе вещи отдается не количественное, а качественное, когда на первый планъ выступаетъ, повидимому, субъективная оцѣнка. Шуба предпочитается платью изъ тонкой матеріи, способному только прикрывать тѣло, но не согрѣвать его. Но когда отдается такое предпочтеніе? Исключительно зимою. Въ данный *средній* годичный моментъ и шуба и платье имѣютъ одинаковое значеніе, ибо каждая изъ этихъ вещей одинаково полно служитъ той цѣли, для которой она предназначена. Можно бы привести еще бездну примѣровъ, которые всѣ до одного подтверждали бы ту мысль, что предпочтеніе, выборъ, рѣшимость отказаться отъ одного предмета съ цѣлью оставить за собою другой,— во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не приходится сравнивать *количество* единицъ удовлетворяющаго потребности вещества,—основываются безъисключительно на *классификаціи потребностей по мѣрѣ ихъ настоятельности*. Въ данный средній моментъ экономической жизни булавка, гребень, ножницы, находятся совершенно въ такой же степени на своемъ мѣстѣ, какъ и дрова, уголь, хлѣбъ, а потому всѣ попытки построить на принципѣ настоятельности какую-либо классификацію вещей ни къ чему не могутъ привести [2]). Ясно, что нельзя, напр., сказать: дрова полезнѣе хлѣба, — если разумѣть подъ этой сравнительно большею полезностью *постоянное* или *среднее* отношеніе дровъ къ хлѣбу, со стороны значенія ихъ для удовлетворенія по-

оба сорта добывались съ равными издержками" (Маклеодъ, Основанія, стр. 123). Пудъ угля лучшаго качества заключаетъ большее количество единицъ горючаго матеріала, чѣмъ пудъ угля худшаго качества.

[1]) Такъ какъ сущность дѣла нисколько не измѣняется отъ того, сравниваются-ли однородные или разнородные предметы, удовлетворяющіе неравно настоятельнымъ потребностямъ, то мы упоминаемъ на слѣдующихъ страницахъ безразлично о томъ и о другомъ случаяхъ.

[2]) „Le fer a sans contredit *en usage* une valeur d'espèce de beaucoup supérieure à celle de l'or: en d'autres termes le besoin de fer *est* beaucoup plus pressant et plus général que celui de l'or. Par contre une livre d'or donne satisfaction à une somme de besoin de ce métal de beaucoup plus grande qu'une livre de fer en ce qui concerne le besoin du fer". Roscher, Principes. T. I, p. 9—10. Блестящій примѣръ ошибочности выбора времени для наблюденія. „Потребность въ желѣзѣ болѣе настоятельна, чѣмъ въ золотѣ", когда? въ томъ только случаѣ, когда предстоитъ дѣлать между ними выборъ въ пользу болѣе нужнаго въ *ту пору* желѣза. Столь же неудачна и мѣра сравненія: фунтъ золота и фунтъ желѣза; хорошо еще, что и золото и желѣзо считаютъ на вѣсъ; а еслибы предстояло сравнить фунтъ желѣза съ фунтомъ книгъ или съ фунтомъ хирургическихъ инструментовъ?

требностей. Приведенное выраженіе можетъ относиться единственно къ такому *моменту*, когда человѣческому организму необходима теплота *болѣе*, нежели хлѣбъ. Классифицируя предметы по мѣрѣ настоятельности потребностей, мы найдемъ слѣдующій, приблизительно, динамическій рядъ: человѣкъ умираетъ *сначала* безъ пищи, *потомъ* безъ крова, *потомъ* безъ одежды, *потомъ* безъ нагрѣтаго воздуха и т. д.; законъ ряда—убывающая настоятельность или опасность, сначала для жизни, затѣмъ для здоровья всего организма, затѣмъ частей его, сначала навсегда, затѣмъ на время, сначала на болѣе, затѣмъ на менѣе продолжительные его періоды. Такъ можно дойти и до булавки, отсутствіе которой, при извѣстныхъ требованіяхъ наряда, причиняетъ простуду, катарръ горла, наконецъ, просто недовольство. Само собою разумѣется, что въ эту классификацію не входятъ фиктивныя, болѣзненныя потребности, потому что рѣчь идетъ о среднемъ, здоровомъ организмѣ. Передъ нами случай постепеннаго вымиранія организма, систематически лишаемаго необходимыхъ для поддержанія его внѣшнихъ предметовъ.

Если остановиться на которой-нибудь изъ ступеней ряда и выбрать ее за пунктъ для наблюденія, то не трудно видѣть, что изъ двухъ предметовъ, занимающихъ двѣ слѣдующія ступени, — полезнѣе окажется тотъ, который занимаетъ ближайшую ступень; сравненіе между предметами, занимающими далеко отстоящія одна отъ другой ступени, приведетъ еще къ болѣе рѣзкому предпочтенію предметовъ ближайшихъ и т. п. Выборъ того или другого предмета въ разсматриваемомъ случаѣ основывается не на томъ, что одинъ изъ нихъ содержитъ болѣе единицъ удовлетворяющаго потребности вещества, а единственно на томъ, что обойтись безъ одного изъ нихъ въ *данную*, вырванную изъ ряда, минуту абсолютно невозможно, подъ *страхомъ* смерти, опасности для здоровья [1]). Но достаточно самаго грубаго хо-

[1]) См., напротивъ, Ott, Traité d'Economie Sociale, p. 50 и слѣд. Единственную, если не ошибаемся, въ экономической литературѣ попытку указать на *одновременное* соотношеніе между различными полезностями и различными потребностями, представляетъ Theorie des Werthes Friedländer'a. Основная мысль этого сочиненія слѣдующая. Существованіе человѣка обезпечивается *одновременнымъ* удовлетвореніемъ различныхъ его потребностей. Поэтому количество благъ, удовлетворяющее какой-нибудь потребности, образуетъ единицу потребности. Сумма всѣхъ благъ, удовлетворяющихъ въ теченіе извѣстнаго времени потребности человѣка, напр., въ пищѣ, имѣетъ одну потребительную цѣнность съ суммою тѣхъ благъ, которыя, въ теченіе извѣстнаго времени, по крайней мѣрѣ, въ холодной странѣ удовлетворяютъ потребности человѣка въ одеждѣ, потому что въ случаѣ неудовлетворенія той или другой потребности человѣческая жизнь одинаково невозможна. Если теперь отнести различные роды благъ къ различнымъ потребностямъ, то потребительная цѣнность каждаго единичнаго блага опредѣлится изъ содержащейся въ немъ способности къ выполненію цѣли, ему предназначенной. Напр., потребительная цѣнность какого-нибудь опредѣленнаго рода пищи опредѣлится изъ отношенія между дѣйствительнымъ содержаніемъ питательнаго въ

зяйственнаго плана, безъ котораго не можетъ обойтись никакое человѣческое общество, чтобы парализовать и устранить продолжительное вліяніе подобныхъ минутъ. Можетъ случиться, конечно, что тотъ или другой предметъ общей потребности существуетъ въ такомъ количествѣ, котораго не иногда только, а *постоянно* недостаточно для покрытія извѣстной потребности. Но въ такомъ случаѣ или ищется суррогатъ недостающему веществу, или же предпочтеніе оказывается ему, среднимъ числомъ, одинаковое, а слѣдовательно, и положеніе вещей остается въ сущности такое же, какое было бы при полномъ снабженіи.

Все сказанное о сравненіи предметовъ по мѣрѣ настоятельности потребностей приводитъ къ заключенію, что и здѣсь субъективной оцѣнкѣ приходится единственно только констатировать внѣшній фактъ: признаніе бо́льшаго или меньшаго значенія за предметомъ, предпочтеніе одного изъ нихъ другому—просто предписываются физіологическими законами. Спрашивается теперь, существуютъ-ли достаточныя основанія предполагать, подобно многимъ экономистамъ, что настоятельность потребности служитъ постояннымъ стимуломъ опредѣленія сравнительнаго размѣра потребительной цѣнности, а косвенно—и цѣнности мѣновой? Оставляя пока въ сторонѣ цѣнность послѣдняго рода, мы, кажется, вправѣ придти къ заключенію, что такая настоятельность, которая постоянно, а не временно только увеличивала бы въ глазахъ потребителей значеніе потребляемыхъ

---

этомъ родѣ пищи вещества и тѣмъ его, количествомъ, которое, среднимъ числомъ, необходимо человѣку въ данное время. Потребительная цѣнность каждаго единичнаго блага составляетъ, такимъ образомъ, извѣстную дробь цѣлой единицы потребности, а цѣнности потребленія разнородныхъ благъ состоятъ между собою въ такомъ же отношеніи, какъ и представляемыя ими части къ разнообразнымъ единицамъ потребностей (см. статью Коморжинскаго о цѣнности въ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. Jahrgang 25, Heft 2). Мы видимъ отсюда, что Friedländer, признавъ одинаковое значеніе за различными предметами, одновременно удовлетворяющими потребностямъ, обращаетъ затѣмъ главное вниманіе на отношеніе между собою различныхъ цѣнностей потребленія; отношеніе это, по его мнѣнію, основывается на бо́льшемъ или меньшемъ соотвѣтствіи между количествомъ того или другого продукта и размѣромъ потребности. Такимъ образомъ, Friedländer оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какого рода измѣненія вносятся его классификаціей въ ученіе о цѣнности, и дѣлаетъ, сверхъ того, ту ошибку,—раздѣляемую, впрочемъ, и многими другими экономистами,—что недостатокъ или излишекъ предмета противу единицы потребности принимаетъ за причину увеличенія или уменьшенія потребительной цѣнности предмета; между тѣмъ, очевидно, фунтъ хлѣба или мяса удовлетворяетъ совершенно одинаковой потребности, какъ въ томъ случаѣ, когда хлѣба и мяса много, такъ и въ томъ, когда ихъ мало, слѣдовательно, и потребительная цѣнность или просто полезность фунта хлѣба или мяса всегда одинакова. Бо́льшее значеніе, приписываемое этимъ предметамъ въ то время, когда ихъ недостаточно для покрытія потребности, есть только извѣстнымъ образомъ выраженное опасеніе остаться безъ надлежащаго количества потребной вещи.

ими продуктовъ и тѣмъ умаляла бы значеніе другихъ, въ ту пору менѣе нужныхъ продуктовъ,—совершенно немыслима въ какомъ бы то ни было хозяйствѣ. Пока давленіе потребности на сужденіе о той или другой полезности не переходитъ въ дѣйствіе, къ нему не слѣдуетъ относиться какъ къ экономическому факту. Проявляясь же въ хозяйственной жизни, давленіе это въ изолированномъ хозяйствѣ только и можетъ принять форму предпочтенія одного продукта другому. Такое предпочтеніе, еслибы оно повторялось непрерывно въ теченіе продолжительнаго времени, оказывало бы на всю экономическую дѣятельность то же дѣйствіе, какое оказываетъ осада на снабженіе пищею жителей и гарнизона крѣпости.

Намъ осталось разсмотрѣть еще тѣ случаи различія между предметами, когда одному изъ *разнородныхъ* предметовъ отдается преимущество передъ другими потому, что онъ удовлетворяетъ потребности, или болѣе длящейся, чѣмъ другая, или въ болѣе полной степени, или большему числу потребностей, или болѣе настоятельной потребности. Первый случай очевидно сводится на болѣе полное удовлетвореніе одной потребности сравнительно съ другою, слѣдовательно, предпочтеніе отдается не качеству, а количеству одного предмета въ сравненіи съ другимъ. Второй случай совершенно тожественъ съ первымъ, третій и четвертый рѣшаются совершенно такъ же, какъ и соотвѣтствующіе имъ случаи столкновенія двухъ вещей однородныхъ.

Нечего прибавлять, что при гипотезѣ снабженія изолированнаго хозяйства всѣми тѣми полезностями, которыя въ данное среднее время признаются за таковыя, – всѣ указанныя столкновенія между предметами и потребностями должны представлять не болѣе, какъ частные случаи.

Вновь появившаяся потребность, коль скоро состоитъ на-лицо и предметъ для ея удовлетворенія, опредѣляется и заявляетъ себя совершенно тѣмъ же путемъ, какъ и прежнія.

Наконецъ, остается разсмотрѣть еще одинъ случай, именно случай предпочтенія вещи вслѣдствіе того, что она доставляетъ больше удовольствія, чѣмъ другая. Напримѣръ, шоколадъ можетъ содержать менѣе питательнаго вещества, чѣмъ чай, и въ то же время предпочитаться чаю единственно потому, что онъ вкуснѣе. Если отбросить сравнительно не многочисленные случаи безотчетныхъ личныхъ капризовъ, зависящіе отъ врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ особенностей той или другой личности и дѣйствительно оказывающіе пертурбаціонное вліяніе на разсмотрѣнныя нами отношенія къ полезностямъ средняго человѣка,—то всѣ остальныя удовольствія могутъ быть сведены на удовлетвореніе потребностей же. При такомъ взглядѣ на дѣло, не трудно замѣтить, что случай, разсматриваемый нами,

исчерпывается или сравнительной настоятельностію, или бо́льшею полнотой въ удовлетвореніи извѣстной потребности, или удовлетвореніемъ бо́льшаго числа потребностей (напр., шоколадъ не только питаетъ организмъ, но обладаетъ, сверхъ того, и особенно пріятнымъ вкусомъ),—и не представляетъ самостоятельнаго явленія.

Итакъ, чѣмъ же характеризуются отношенія изолированнаго хозяйства къ вещамъ соотвѣтственно полезности ихъ? Въ данный средній моментъ ничѣмъ, кромѣ употребленія ихъ въ дѣло; нѣтъ при этомъ поводовъ давать большее *значеніе* той или другой вещи, *дорожить* больше тою или другою и т. д. Если же, при какихъ-либо чрезвычайныхъ, а слѣдовательно, и *постороннихъ* обстоятельствахъ, предстоитъ сдѣлать выборъ между вещами и между потребностями, то преимущество отдается или бо́льшему числу единицъ удовлетворяющаго потребности вещества, или болѣе настоятельной потребности.

2) Хозяйственные предметы производятся трудомъ и притомъ двоякаго рода: трудомъ вообще и трудомъ спеціально полезнымъ. Каково отношеніе изолированнаго хозяйства къ такимъ предметамъ, коль скоро они произведены? Если бы всѣ они были производимы равнымъ количествомъ труда, то мы имѣли бы право сказать, что, разъ они изготовлены, прекращается всякое отношеніе къ нимъ хозяйства, съ точки зрѣнія труда, за исключеніемъ развѣ большей охраны, доставляемой имъ, въ сравненіи съ предметами, добываемыми безъ труда, да, быть можетъ, также употребленія въ дѣло соотвѣтствующаго затратамъ масштаба въ видахъ внутренняго распредѣленія продукта. Но въ дѣйствительности вещи требуютъ различнаго количества труда, и потому отдается предпочтеніе той изъ нихъ, которая стоила бо́льшаго. Отношеніе это, также незамѣтное въ средній моментъ, даетъ себя чувствовать въ моменты критическіе, когда приходится дѣлать выборъ между вещами, добытыми съ помощью различныхъ количествъ труда. Сверхъ того, существуетъ еще одного рода отношеніе къ предметамъ со стороны необходимаго на производство ихъ труда. Это отношеніе постоянно, оно состоитъ въ томъ, что хозяйственная группа, по необходимости, должна слѣдовать извѣстному плану въ своей дѣятельности: общее количество рабочихъ силъ и рабочаго времени подраздѣляется на части, сообразно тому, сколько времени и труда требуетъ производство каждаго отдѣльнаго продукта [1]) (см. ниже примѣры изъ Рошера).

3) Вещи находятся въ обладаніи у изолированнаго хозяйства. Пока хозяйство это не пришло въ сношенія съ другими хозяйствами, до

[1]) „La société a déterminé d'abord ce qu'elle doit produire... elle a trouvé que le moyen général de la production est le travail. Il s'agit maintenant pour elle de distribuer le travail entre les individus, dont elle se compose". Ott. Traité d'écon. soc., p. 146.

тѣхъ поръ обладаніе вещами не проявляется въ тѣхъ сложныхъ формахъ, въ какія оно укладывается впослѣдствіи, въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ: можно сказать только, что люди здѣсь потребляютъ вещи, не покидаютъ ихъ, находятся при нихъ, не отчуждаютъ ихъ и владѣютъ ими сообща: ясно, что въ противномъ случаѣ не могло бы идти и рѣчи о какихъ-либо отношеніяхъ людей къ вещамъ и т. п., какъ и въ настоящемъ случаѣ нельзя еще говорить объ отношеніяхъ между людьми въ формѣ вещей, такъ какъ здѣсь господствуетъ отношеніе людей къ вещамъ чисто личное или непосредственно-общественное, а не посредственно-общественное, какъ впослѣдствіи.

Перейдемъ теперь къ другой гипотезѣ—хозяйствъ съ раздѣленнымъ трудомъ, ведущихъ между собою обмѣнъ, и посмотримъ, какія перемѣны вноситъ съ собою обмѣнъ въ отношенія къ вещамъ. При этомъ мы обратимъ исключительное вниманіе на вещи, производимыя трудомъ, такъ какъ всѣ остальныя не входятъ въ обмѣнъ (не потому, что существуютъ въ неограниченномъ количествѣ, а потому, что пользованіе ими не сопряжено съ пожертвованіями). Самый процессъ перехода отъ изолированнаго хозяйства къ совокупности хозяйствъ съ раздѣленнымъ трудомъ, а также условія, предшествующія такому переходу и сопровождающія его, мы оставимъ въ сторонѣ. Съ переходными формами хозяйства мы поступимъ такимъ же образомъ. Передъ нами будутъ только такія хозяйственныя формы, въ которыхъ наиболѣе полно выразится ихъ характеристическій признакъ—присутствіе или отсутствіе обмѣна.

Представимъ себѣ, что наше изолированное хозяйство, производившее всѣ потребные для группы лицъ, входящихъ въ составъ его, предметы, раскололось на нѣсколько группъ отдѣльныхъ хозяйствъ, изъ которыхъ каждая производитъ теперь только одинъ продуктъ.

Въ чемъ заключается сущность такой перемѣны, если не обращать вниманія на то, что введеніе раздѣленія труда повлекло за собою или увеличеніе производства, или значительное сбереженіе времени?

Остановимся сначала на отношеніяхъ между потребностями и полезностями.

Изолированное хозяйство производило только на себя, составная часть совокупности хозяйствъ производитъ *почти исключительно* на другихъ, доставляетъ продукты для покрытія чужихъ потребностей. Взамѣнъ получаются продукты, удовлетворяющіе собственнымъ потребностямъ [1]).

---

[1]) Противъ теоріи, утверждающей, что сбывается только *излишекъ въ собственномъ смыслѣ*, какъ и бываетъ *на переходныхъ* ступеняхъ отъ изолированнаго хозяйства къ хозяйству съ раздѣленнымъ трудомъ, направлены слѣдующія иронническія слова F. Lassale'я. „Herr Borsig producirt zunächst Maschinen zu seinem

Входя въ мѣновыя сдѣлки, хозяйство, повидимому, непрерывно сравниваетъ тягость лишенія, которую повлекла бы за собою отдача своего продукта, съ интенсивностью потребности въ чужомъ продуктѣ. Только результатъ такого сравненія долженъ, казалось бы, приводить къ заключенію сдѣлки на тѣхъ или на другихъ условіяхъ. Но дѣло въ томъ, что собственный продуктъ съ самаго рожденія своего глядитъ, такъ сказать, вонъ изъ хозяйства: онъ производится не для себя. О выборѣ между сравнительною полезностью двухъ обмѣниваемыхъ продуктовъ не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи. Одинъ абсолютно полезенъ, другой абсолютно безполезенъ.

Тутъ именно мало-по-малу возникаетъ понятіе о мѣновой цѣнности вещей и, слѣдовательно, о качествѣ, присущемъ самимъ вещамъ въ ихъ отношеніяхъ между собою, общественномъ качествѣ ихъ обмѣниваться между собою. Чтобы доказать это, достаточно напомнить приведенныя выше опредѣленія цѣнности, изъ которыхъ многія надѣляютъ сами вещи способностью мѣняться, не замѣчая, что не вещи служатъ представителями этой способности, а люди, мѣняющіеся между собою продуктами своего раздѣленнаго и изолированнаго труда.

Итакъ, перемѣна, сопровождающая переходъ отъ изолированнаго хозяйства къ совокупности хозяйствъ, состоитъ въ томъ, что потребный продуктъ находится въ чужихъ рукахъ. Но жребій этотъ постигаетъ *одинаково всѣ* хозяйства, слѣдовательно, нѣтъ основаній думать, что значеніе той или другой полезности, находящейся въ рукахъ той или другой группы лицъ, выростетъ или уменьшится, какъ въ сравненіи съ прежнимъ, такъ и въ сравненіи съ настоящимъ значеніемъ другихъ полезностей для остальныхъ хозяйствъ. Въ самой замѣнѣ одной хозяйственной формы другою, alteris paribus, не заключается поводовъ къ установленію такого порядка вещей. Въ средній моментъ и среднимъ числомъ, при условіи достаточнаго снабженія, значеніе всѣхъ полезностей для потребителей ихъ остается одинаковое. Если же значеніе полезностей равно, то оно и не можетъ оказать давленія на опредѣленіе количествъ обмѣниваемыхъ продуктовъ. Конечно, дробленіе хозяйствъ, достиженіе каждымъ изъ нихъ самостоятельности, неразлучно со множествомъ всякаго рода случайностей въ снабженіи общества продуктами,—случайностей, завися-

Familienbedarf. Die überschüssigen Maschinen verkauft er dann. Die Trauermodenmagazine arbeiten zunächst vorsorglich für die Todesfälle in der eignen Familie. Was dann, indem diese zu spärlich ausfallen, an Trauerstoffen noch übrig bleibt, tauschen sie aus. Herr Wolff, der Eigenthümer des hiesigen Telegraphen-Bureaus, lässt zunächst die Depeschen zu seiner eigenen Belehrung und Vergnügen kommen. Was dann, nachdem er sich hinreichend an ihnen gesättigt, noch übrig bleibt, tauscht er mit den Börsenwölfen und Zeitungsredactionen aus, die ihm dagegen mit ihren überschüssigen Zeitungscorrespondenzen und Actien aufwarten". Kapital und Arbeit, стр. 59.

шихъ отъ особенностей частныхъ положеній лицъ, хозяйствъ [1]) и т. п. Отношенія отдѣльныхъ хозяйствъ къ полезностямъ, находящимся въ чужихъ рукахъ, безъ сомнѣнія, также нѣсколько колеблются. Колебанія эти происходятъ вслѣдствіе того, что иныя потребности удовлетворяются подчасъ не вполнѣ, иныя съ излишкомъ: въ первомъ случаѣ значеніе продукта, въ виду настоятельности потребности, ростетъ до такой степени, что потребитель рѣшается жертвовать большею, чѣмъ прежде, частью своего собственнаго продукта, съ цѣлью имѣть чужой продуктъ; во второмъ случаѣ часть продукта не находитъ потребителей. Но, несмотря на временныя и частныя уклоненія и колебанія, среднее отношеніе къ полезностямъ все-таки остается прежнее, т. е. одинаковое [2]). Монополіи, искусственное сосредоточеніе хозяйственныхъ силъ въ немногихъ отрасляхъ, ограниченія въ снабженіи этими силами другихъ отраслей, безъ сомнѣнія, нарушаютъ эти отношенія болѣе постояннымъ образомъ, но зато и представляютъ совершенно самостоятельныя, особыя явленія, не имѣющія непосредственной связи съ тою или другою формою хозяйства.

[1]) Болѣе постоянныя явленія въ такомъ родѣ даютъ начало одной изъ отраслей дохода—рентѣ. Но и рента платится не потому, что продуктъ, получаемый взамѣнъ ея, имѣетъ болѣе высокое значеніе, нежели другой того же рода или другого рода, но не дающій ренты: мотивомъ платежа служитъ кажущееся, а рынкомъ превращаемое въ дѣйствительное, сходство условій производства.

[2]) Здѣсь, кажется, время установить правильный взглядъ на значеніе разногласій по вопросу о полезности и цѣнности между Прудономъ, съ одной стороны, и Бруно-Гильдебрандомъ и Рошеромъ, съ другой. Прудонъ въ своей Système des contrad. économ., T. I, p. 69 и слѣд., утверждаетъ, что между полезностью и мѣновою цѣнностью (количествомъ пріобрѣтаемаго вещью продукта) существуетъ противорѣчіе: чѣмъ болѣе увеличивается число экземпляровъ полезнаго продукта, тѣмъ болѣе падаетъ его цѣнность и наоборотъ; противорѣчіе это приводитъ къ тому, что самые полезные предметы имѣютъ наименьшую цѣнность (календарь), самые безполезные, но рѣдкіе,—наибольшую. Возражая на это ученіе, Бруно-Гильдебрандъ (Пол. экон. наст. и будущ.. стр. 265 и слѣд.) говоритъ, что, наоборотъ, „чѣмъ болѣе увеличивается количество полезныхъ предметовъ, тѣмъ ниже падаетъ полезность каждаго изъ нихъ отдѣльно, если только не измѣнилась существующая въ нихъ потребность“... „Слѣдовательно, полезность и мѣновая цѣнность не только не противорѣчатъ другъ другу, но, напротивъ, находятся между собою въ величайшей гармоніи. Полезность и мѣновая цѣнность всѣхъ произведеній падаютъ и поднимаются всегда вмѣстѣ“... Рошеръ (Principes, T. I, p. 9—10), оспаривая второе мнѣніе Прудона, именно, что чѣмъ полезнѣе продуктъ, тѣмъ онъ дешевле, находитъ, что, хотя желѣзо имѣетъ бо́льшую родовую цѣнность потребленія, нежели золото, но что зато фунтъ золота имѣетъ бо́льшую конкретную цѣнность потребленія, нежели фунтъ желѣза, а потому и мѣновая цѣнность его выше. Тутъ—цѣлая цѣпь недоразумѣній. Не правъ Прудонъ, утверждая что чѣмъ больше производится продукта, тѣмъ дешевле онъ продается: если потребность уже удовлетворена, то излишекъ *не продается вовсе*, слѣдовательно, цѣна остального продукта не падаетъ; въ предѣлахъ же между полнымъ неудовлетвореніемъ потребности и полнымъ удовлетвореніемъ ея,—каждый новый экземпляръ продукта дѣйствительно роняетъ цѣну остальныхъ экземпляровъ, но это зависитъ отъ самостоятельныхъ причинъ; не правъ также Прудонъ, когда онъ говоритъ, что наиболѣе полезные предметы наиболѣе де-

Если предположить, что всѣ или нѣкоторые предметы производятся въ количествѣ большемъ или меньшемъ противъ того, которое необходимо для покрытія среднихъ потребностей, то излишекъ снабженія съ теченіемъ времени перестаетъ производиться, недостатокъ или замѣняется суррогатомъ, или же оказываетъ, среднимъ числомъ, равное давленіе на сужденіе потребителей о полезности предмета; самое давленіе это выражается только въ томъ, что извѣстному предмету *приписываютъ* бо́льшую полезность, нежели другимъ, нежели прежде: предметъ обходится дороже, такъ какъ увеличилась его стоимость, возрастаетъ страхъ не имѣть потребнаго количества предмета; поэтому кажется, что полезность его увеличилась; но отношенія между потребностью и предметомъ остаются одни и тѣ же, слѣдовательно, и полезность его не измѣняется.

Въ предѣлахъ удовлетворенія извѣстной потребности, по прежнему, отдается предпочтеніе большему количеству единицъ потребнаго вещества, какъ представляющему бо́льшую полезность [1]). При сравненіи между предметами, изъ которыхъ одинъ удовлетворяетъ

---

шевы: кромѣ того, что наиболѣе полезныхъ предметовъ не существуетъ, ошибка здѣсь заключается въ томъ, что совершенно случайныя, мѣстныя отношенія замѣняются абсолютною нормой: въ Бессарабіи, въ Крыму и на Кавказѣ вино крайне дешево, хлѣбъ дорогъ, въ центральной Россіи—наоборотъ; мы не рѣшаемся сказать, что вино дешевле или дороже хлѣба, потому что не знаемъ, какъ можно сравнивать между собою вещи, не имѣющія между собою ничего общаго, даже общепринятой мѣры. Но, съ другой стороны, не правъ и Бруно-Гильдебрандъ, *увѣряя*, что, чѣмъ болѣе полезныхъ продуктовъ, тѣмъ ниже полезность каждаго изъ нихъ; кто не знаетъ, что два чулка вдвое полезнѣе одного? Въ предѣлахъ потребности новый экземпляръ продукта—лишняя единица полезности; за предѣлами потребности онъ не нуженъ вовсе, слѣдовательно, полезность остальныхъ экземпляровъ остается неизмѣнною; если же пойти назадъ, уменьшать число экземпляровъ, то хотя потребность останется частью неудовлетворенной, отсюда не слѣдуетъ, что *полезность* наличныхъ продуктовъ возросла; возросъ только *страхъ* оставить безъ удовлетворенія часть потребности,—элементъ, совершенно посторонній какъ полезности, такъ и цѣнности, хотя и оказывающій, *при случаѣ*, такое давленіе на послѣднюю, благодаря которому Бруно-Гильдебрандъ находитъ полную гармонію между тою и другою. Наконецъ, не правъ и Рошеръ, полагая, что родовая цѣнность потребленія желѣза выше нежели золота, но что извѣстное количество перваго имѣетъ болѣе низкую конкретную цѣнность потребленія, нежели такое же количество второго. Мы уже знаемъ, что нельзя сравнивать между собою полезность двухъ предметовъ, потому что каждый изъ нихъ хорошъ на своемъ мѣстѣ. Что же касается до болѣе или менѣе низкой конкретной цѣнности, изъ сравненія которыхъ у Рошера оказывается, что мѣновая цѣнность продуктовъ находится въ соотношеніи съ ихъ объемомъ, то, полагаемъ, здѣсь разъяснять нечего.

[1]) Предпочтеніе такого рода оказываетъ вліяніе на опредѣленіе размѣра отдаваемаго въ обмѣнъ продукта; этимъ объясняется, почему продуктъ тѣмъ дороже, чѣмъ онъ „лучше“; но тутъ вліяніе предпочтенія скорѣе формальное, нежели дѣйствительное; два экземпляра продукта дороже одного, не столько потому, что представляютъ вдвое бо́льшую полезность, сколько потому, что вдвое дороже стоютъ.

вбольшеу числу потребностей, нежели другой,—выборъ останавливается, по прежнему, на первомъ изъ нихъ. Но, по прежнему же, всѣ подобные случаи, подобныя сдѣлки должны представлять безконечно малую величину, едва замѣтное пертурбаціонное обстоятельство, въ сравненіи съ большинствомъ случаевъ и сдѣлокъ: какъ увидимъ ниже, и совокупность хозяйствъ, ведущихъ обмѣнъ, не обходится въ производствѣ безъ извѣстнаго хозяйственнаго плана. Счетное значеніе остается за указанными случаями: еслибы понадобилось привести въ извѣстность имущество двухъ народовъ, соотвѣтственно специфическимъ качествамъ его, а не цѣнности, то богаче оказался бы тотъ, у котораго было бы, напр., больше, чѣмъ у другого, паръ сапогъ.

Остается разсмотрѣть, въ какой степени сравнительная настоятельность потребностей является стимуломъ, опредѣляющимъ размѣръ, въ которомъ продукты входятъ въ обмѣнъ. Мы уже видѣли, что при обмѣнѣ не сравниваютъ потребность въ своемъ и въ чужомъ продуктѣ, потому что свой не нуженъ вовсе. Но вѣдь могутъ же сравниваться взаимныя потребности обѣихъ мѣняющихся сторонъ, и результатъ сравненія можетъ оказывать вліяніе на опредѣленіе количествъ обмѣниваемыхъ продуктовъ [1]). Чтобы такое сравненіе имѣло мѣсто *не изрѣдка*, какъ бываетъ, напр., въ одномъ изъ указанныхъ случаевъ колебаній въ отношеніяхъ къ потребностямъ, а *постоянно*,— необходимо допустить нѣкоторыя неправдоподобныя предположенія. Очевидно, что если значеніе обоихъ вступающихъ въ обмѣнъ продуктовъ для обѣихъ мѣняющихся сторонъ одинаково, то сравнительная настоятельность перестаетъ дѣйствовать на опредѣленіе размѣра, въ какомъ обмѣниваются продукты. Въ большинствѣ случаевъ это такъ и бываетъ, ибо нельзя же предположить, что одна изъ сторонъ въ *каждомъ* обмѣнѣ или *въ большинствѣ* ихъ нуждается въ чужомъ продуктѣ *сильнѣе*, нежели другая сторона въ ея собственномъ. Такой порядокъ отношеній могъ бы существовать при томъ только условіи, что обмѣны совершаются цѣлой половиной рода человѣческаго совершенно случайно, наступаютъ для нея непредвидѣнно, тогда уже,

[1]) Извѣстная теорія цѣнности Бастіа вся исчерпывается именно такимъ сравненіемъ *услугъ*: „Cherchérons nous à savoir comment les deux contractants s'y prendront pour évaluer les services que l'un rend à l'autre... Il faut un point de comparaison (см. ниже о значеніи труда при подобномъ сравненіи), et il ne peut être que dans le service... Leur exigence réciproque dépendra *de leur situation respective, de l'intensité de leurs désirs, de la facilité plus ou moins grande de se passer l'un de l'autre*". Harm. écon., p. 133—4. „Dans un échange *équitable*, les avantages ou la satisfaction de part et d'autre sont égaux; les services, réciproquement rendus et reçus sont *aussi* équivalents". Volkoff, Lectures d'écon. politique rationelle. 1861, p. 59. См. также Canard, Principes d'écon. pol., pp. 29—30, Condillac, Le commerce et le gouvernement, p. 56, Destutt de Tracy. Elémens d'idéologie. Parties IV et V, p. 157, Маклеодъ, Основанія, passim, Walras, L'écon.-pol. et la justice, p. 61, и др.

когда потребный продуктъ нуженъ, какъ говорится, до зарѣзу [1]). Мы видѣли, что для изолированнаго хозяйства выборъ между продуктами, удовлетворяющими не равно настоятельнымъ потребностямъ, представляетъ рѣдкое исключеніе уже потому, что промышленная дѣятельность его ведется сообразно извѣстному плану, слѣдовательно, вращается въ извѣстныхъ *постоянныхъ* условіяхъ. Совокупность хозяйствъ не содержитъ условій, которыя допускали бы предположеніе о полной хаотичности хозяйственныхъ сношеній. Не одни факты—долговременное постоянство цѣнъ того или другого продукта,—но и невозможность допустить, чтобы какое бы то ни было общество могло существовать при подобныхъ условіяхъ,—ведутъ къ заключенію, что и здѣсь опредѣленіе размѣра обмѣниваемыхъ продуктовъ, среднимъ, по крайней мѣрѣ, числомъ, зависитъ не отъ сравненія настоятельности потребностей. Правда, въ мѣновой сдѣлкѣ сравниваются между собою не потребности одного и того же лица въ различныхъ полезностяхъ, а потребности двухъ лицъ, и въ результатѣ сравненія наступаетъ не безусловный выборъ одной полезности и потеря другой, а выборъ, сопряженный съ пожертвованіемъ *большей*, чѣмъ обыкновенно, части собственнаго продукта, но это не измѣняетъ сущности дѣла. Въ обоихъ случаяхъ должно быть сдѣлано допущеніе, что лицо постояннымъ образомъ добываетъ потребныя ему вещи посредствомъ гораздо бо́льшихъ усилій, нежели тѣ, какія требуются средними отношеніями хозяйственныхъ силъ къ необработаннымъ вещамъ. Въ мѣновой сдѣлкѣ къ этому допущенію присоединяется еще одно, именно, что другое лицо, постояннымъ же образомъ, прилагаетъ къ дѣлу меньше усилій, а это одинаково неправдоподобно.

Обращаясь затѣмъ къ той роли, которую играетъ въ совокупности хозяйствъ трудъ, потраченный на производство вещей, мы замѣчаемъ, что и въ ней не послѣдовало никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Изолированное хозяйство, какъ мы упоминали, сообразуется съ извѣстнымъ планомъ, который опредѣляетъ соотношенія между количествами продуктовъ и количествами человѣческаго труда, потребными на изготовленіе первыхъ. Такой планъ составляетъ conditio sine qua non снабженія полезностями каждаго изолированнаго

[1]) Теорія экономистовъ, предполагающихъ, что основнымъ, опредѣляющимъ элементомъ цѣнности служитъ отношеніе полезности къ оцѣнкѣ, опровергнута еще физіократомъ Le Trosne'омъ, въ лицѣ Condillac'а. Послѣдній утверждалъ (Le commerce et le gouvernement etc., p. 15), „que la valeur est dans l'estime que nous faisons des choses, et que cet estime est relative á notre besoin". Le Trosne возражаетъ (De l'intérêt social, p. 891—2), что если бы это было такъ, то „les choses les plus nécessaires auraient le plus de valeur". Это же возраженіе повторялось часто впослѣдствіи, но не получило надлежащаго развитія. Наше различеніе между статическою и динамическою классификаціею потребностей и полезностей, сколько намъ кажется, даетъ полное рѣшеніе этого затруднительнаго вопроса.

хозяйства, дѣйствующаго среди постоянныхъ внѣшнихъ условій, какъ осѣдлаго, такъ и кочевого [1]). Нетрудно доказать, что, при отсутствіи плана дѣятельности, невозможно сколько-нибудь правильное снабженіе продуктами и совокупности хозяйствъ. Но какимъ образомъ устанавливается и осуществляется планъ при такихъ основахъ общественной экономіи, вся сущность которыхъ исчерпывается, повидимому, именно полною самостоятельностью частныхъ хозяйствъ, независимостью ихъ другъ отъ друга?

За исключеніемъ нѣкоторыхъ только хозяйственныхъ дѣйствій, выполняемыхъ сообразно общественному плану, какъ-то: сооруженія путей сообщенія, устройства рынковъ, площадей и пр.,—какъ совокупность хозяйствъ, такъ и каждое отдѣльное хозяйство дѣйствительно не слѣдуютъ, повидимому, въ своихъ промыслахъ никакому предначертанному порядку. Производство, обмѣнъ, распредѣленіе—все это феномены, слагающіеся изъ цѣлой массы индивидуально-хозяйственныхъ дѣйствій, регулируемыхъ, съ перваго взгляда, единственно частными, до безконечности различными, соображеніями. Но дѣло въ томъ, что общій планъ, хотя и никѣмъ въ частности не составленный, по необходимости всѣми выполняется, потому что вытекаетъ изъ самой сущности установившихся экономическихъ отношеній. Мы имѣли уже случай говорить (стр. 16—17) о безсиліи, о подчиненномъ положеніи частныхъ хозяйствъ относительно всей массы ихъ [2]). Каждое хозяйство предлагаетъ продуктъ непремѣнно извѣст-

[1]) „Во всѣхъ пустыняхъ, гдѣ лишь въ весьма немногихъ мѣстахъ, называемыхъ оазисами, бываетъ постоянная растительность, пастушечье населеніе принуждено періодически перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Но и эти перекочевки уже гораздо *правильнѣе*, чѣмъ безпорядочное преслѣдованіе дичи у охотничьихъ ордъ: это своего рода распредѣленіе на участки въ большихъ размѣрахъ; но высшая организація труда можетъ имѣть мѣсто лишь при осѣдломъ густомъ населеніи". Рошеръ, Наука о народномъ хозяйствѣ въ отношеніи къ земледѣлію и пр., перев. Щепкина и Циммермана, Отд. 1-е, стр. 37. У полукочевниковъ въ пампасахъ Буэносъ-Айреса: „на 1000 головъ (рогатаго скота), или около того, держатъ *одного* батрака... Этимъ рабочимъ въ обыкновенную пору нѣтъ другого дѣла, какъ раза *два* въ недѣлю... объѣзжать верхомъ все имѣніе... *Ежегодно* все стадо сгоняется къ одному мѣсту, гдѣ клеймятъ годовыхъ животныхъ, двухгодовыхъ холостятъ... Болѣе утонченное скотоводство отличается слѣдующими признаками. *Періодическое* выпаливаніе пастбищъ... Раздѣленіе на участки, которые *попеременно* употребляются то на выгонъ, то на покосъ". Ib., стр. 50—51.

[2]) То крупное значеніе, которое придается многими экономистами принципу настоятельности потребностей, въ опредѣленіи размѣра обмѣниваемыхъ продуктовъ, вытекаетъ въ значительной степени изъ воззрѣнія на общественное хозяйство съ точки зрѣнія отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ какой степени случайныя выгоды положенія одной изъ мѣняющихся сторонъ,—внѣ общества.—оказываютъ вліяніе на величину доли пріобрѣтаемаго путемъ обмѣна продукта, въ такой же степени дѣйствуютъ подобныя же обстоятельства и въ обществѣ: таковъ ходъ заключеній тѣхъ писателей, которые придерживаются указанной теоріи. Правда, здѣсь, по ихъ мнѣнію, является на помощь къ отдѣльнымъ хозяйствамъ конкурренція; но и ея дѣйствіе столь же случайно.

наго качества, въ извѣстномъ количествѣ, произведенный по извѣстнымъ техническимъ пріемамъ, стоющій извѣстныхъ количествъ труда. Отступленія отъ такой средней нормы или наказываются, или вознаграждаются, смотря по свойствамъ ихъ, но непремѣнно исправляются рынкомъ въ томъ смыслѣ, что какъ количество труда, такъ и количество продуктовъ, въ среднее время и среднимъ числомъ, держатся извѣстнаго уровня.

Можетъ-ли быть это иначе? Мы видѣли, что съ переходомъ отъ изолированнаго хозяйства къ совокупности хозяйствъ, отношенія людей къ полезностямъ не измѣняются. Сущность новыхъ отношеній состоитъ лишь въ томъ, что бо́льшая часть, по крайней мѣрѣ, $^{99}/_{100}$ полезнаго продукта находятся въ чужихъ рукахъ. Но, повторяемъ, всѣ хозяйства одинаково подчинены этому порядку вещей. Каждая хозяйственная группа, приведя опытомъ въ извѣстность размѣръ и условія снабженія, производитъ продуктъ, потребный другимъ группамъ, совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ ведется производство хозяйствомъ изолированнымъ. Если каждая группа доставляетъ столько, сколько нужно другимъ, то, разумѣется, всѣ снабжены, какъ слѣдуетъ. Таковы внѣшнія, наружныя черты общественно-экономическаго плана совокупности хозяйствъ. Ихъ однѣхъ уже достаточно для того, чтобы показать, что канва, на которой вышиваются узоры производства и обмѣна, ткется хотя и по частямъ, такъ сказать, снизу, но, до извѣстной степени, однообразно и равномѣрно. Есть и внутреннія, болѣе глубокія черты означеннаго плана.

Каждый обмѣнъ представляетъ не просто взаимную передачу полезныхъ вещей, но и передачу вещей въ извѣстномъ отношеніи между собою равныхъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Оттъ [1]), сравненіе

[1]) Traité d'écon. sociale, p. 381: „Comme dans tout échange on compare toujours la valeur de deux objets et que l'on ne détermine celle de l'un, que par rapport á celle de l'autre, plusieurs économistes ont supposé, que la valeur en échange elle même n'est que l'expression d'un rapport; ce n'est que l'expression d'un rapport en effet, mais ce rapport comme tout autre suppose *une qualité*, sur laquelle il porte. On ne peut comparer deux objets sous quelque rapport que ce soit, qu'au point de vue d'une qualité commune, qu'ils possèdent *tous deux* à des degrés inégaux. *Ainsi on compare les objets matériels sous le rapport de leur poids, de leur grandeur, de leur couleur.* Or, la grandeur, le poids, la couleur sont *des qualités positives*, qui ne résultent pas de la comparaison... il en est de même de la valeur en échange".—„Ein Zuckerhut, weil Körper, ist schwer, und hat daher Gewicht, aber man kann keinem Zuckerhut seine Schwere ansehn oder anfühlen. Wir nehmen nun verschiedene Stücke Eisen, deren Gewicht vorher bestimmt ist... um den Zuckerhut als Schwere oder Gewicht auszudrücken, setzen wir ihn in ein Gewichtsverhaeltniss zum Eisen. *Wären beide Dinge nicht schwer, so könnten sie nicht in diess Verhältniss treten* und das Eine daher nicht zum Ausdruck der Schwere des Andren dienen. Werfen wir beide auf die Wagschale, so sehn wir in der That, dass sie als Schwere dasselbe und daher in bestimmter Proportion auch von demselben Gewicht sind. Wie hier der Eisenkörper dem Zuckerhut gegenüber nur Schwere, so vertritt

между предметами, каково бы оно ни было, немыслимо безъ существованія сравниваемыхъ качествъ. Каждый изъ обмѣниваемыхъ предметовъ заключаетъ въ себѣ нѣчто *общее* съ другимъ предметомъ и за это-то общее, увеличиваясь и уменьшаясь, подвергается сравненію. Какимъ же общимъ экономическимъ качествомъ обладаютъ предметы, потому и входящіе въ обмѣнъ, что они различны между собою, удовлетворяютъ неодинаковымъ потребностямъ? Еслибы каждая изъ сторонъ добывала продукты безъ труда, безъ пожертвованій хозяйственными силами, и обмѣнъ происходилъ бы единственно благодаря *мѣстному* разнообразію производственныхъ условій, тогда качествомъ сравненія,—еслибы оно было нужно,—служило бы одинаковое значеніе каждаго изъ продуктовъ для удовлетворенія потребностей. Но этого не только нѣтъ, не только потому и существуютъ мѣновыя сношенія, что продукты добываются трудомъ, но, какъ совершенно вѣрно утверждаетъ Бруно-Гильдебрандъ [1]), „совокупные разряды труда находятся между собой совсѣмъ въ другомъ отношеніи, чѣмъ совокупные разряды потребностей: потребность, составляющая 5% общихъ потребностей народа, можетъ быть удовлетворена двумя процентами народнаго труда, а напротивъ, другая потребность, составляющая только 1% общей потребности народа, можетъ быть удовлетворена 6% труда". Примѣняя этотъ взглядъ къ обмѣну, мы должны придти къ заключенію, что равенство значенія обмѣниваемыхъ предметовъ отнюдь не указываетъ еще на равенство пожертвованій, а между тѣмъ, только увѣренность, что, при данныхъ среднихъ техническихъ условіяхъ производства, извѣстный продуктъ не можетъ быть добытъ дешевле, рѣшаетъ въ каждомъ данномъ случаѣ вопросъ о размѣрѣ, въ какомъ должны быть обмѣнены продукты. Поэтому только трудъ, потраченный на производство того и другого предмета, можетъ служить элементомъ, подлежащимъ сравненію. Только сравненіе между количествами труда можетъ объяснить, во-первыхъ, постоянство отношеній между обмѣниваемыми продуктами [2]), во-вто-

in unsrem Werthsausdruck der Rockkörper der Leinwand gegenüber nur Werth". K. Marx, Das Kapital, стр. 769—70.

[1]) Полит. экономія настоящаго и будущаго, перев. Щепкина. стр. 268. Авторъ указаннаго сочиненія дѣлаетъ, впрочемъ, изъ приведеннаго въ текстѣ положенія совершенно противоположный нашему выводъ, именно, онъ говоритъ: „слѣдовательно, соціальная цѣнность каждаго произведенія опредѣляется не исключительно только однимъ трудомъ, но столько же и отношеніемъ его къ народнымъ потребностямъ, а потому трудъ можетъ имѣть весьма различное вліяніе на цѣнность отдѣльныхъ произведеній"; мы же утверждаемъ, что именно потому трудъ и служитъ качествомъ, подлежащимъ сравненію при обмѣнѣ, что отношеніе его къ различнымъ полезностямъ не одинаково.

[2]) Quand une certaine quantité d'un produit s'échange contre une certaine quantité d'un autre produit, par exemple, une certaine quantité de drap contre une certaine quantité de blé, il y a quelque chose qui détermine le propriétaire du drap

рыхъ,—сравнительно низкую оцѣнку вещей, удовлетворяющихъ такимъ потребностямъ, какова, напр., потребность въ хлѣбѣ. Отвѣчать на вопросъ, почему фунтъ мяса въ данное среднее время продается всѣмъ и каждому изъ покупателей по *одной* цѣнѣ, по 6 или 7 коп., тѣмъ, что это результатъ конкурренціи (см., напр., Тюрго, Valeurs et monnaies), значитъ оставлять безъ объясненія самый существенный пунктъ, именно, какія причины побуждаютъ всѣхъ конкурентовъ-продавцовъ и конкурентовъ-покупателей назначать постоянно все одну и ту же цѣну. При неравенствѣ затратъ рабочей силы многіе изъ нихъ покинули бы дѣло, и охотниковъ замѣнить ихъ не нашлось бы. Той же конкурренціи приписываютъ очень часто и установленіе *опредѣленной* цѣны, хотя оставляютъ безъ объясненія вопросъ, почему цѣна именно такова [1]), почему фунтъ хлѣба стоитъ 6 или 7 коп., а не сотни рублей и еще болѣе, хотя всѣхъ и каждаго спасаетъ отъ голода? Мы, впрочемъ, встрѣтимся еще съ этимъ вопросомъ ниже, при разсмотрѣніи ученія о спросѣ и предложеніи, какъ опредѣляющихъ цѣнность элементовъ.

Производить столько продукта и такого качества, сколько и какого требуется другими хозяйствами, и производить по среднимъ техническимъ пріемамъ, съ затратою опредѣленныхъ количествъ труда,—вотъ признаки, придерживаясь которыхъ каждая хозяйственная группа выполняетъ общественно-экономическій планъ, вытекающій

---

à accepter en échange *telle* quantité de blé et le propriétaire du blé à recevoir *telle* quantité de drap". J. Mill, Elémens d'écon. polit., trad. par Parisot. p. 88. „Evaluer une chose, dit Say, c'est déclarer, qu'elle doit être estimée *autant qu'une autre*, qu'on désigne... La valeur de chaque chose est vague et arbitraire *tant, qu'elle n'est pas reconnue*... Il y a donc une manière de reconnaitre la valeur des choses, c'est-à-dire de la fixer, et comme cette reconnaissance ou taxation se fait par la comparaison des choses entre elles, il y a donc aussi *un caractère commun*, un principe, au moyen duquel on *déclare* qu'une chose vaut *plus, moins* ou *autant* qu'une autre". Proudh. Système des contrad. écon., T. I, p. 93. „Цѣнности различны, но не произвольны". Galiani, Della moneta, Cust. P. M. III и IV. стр. 45, см. Вернадскій, Крит. истор. изслѣдованіе объ италіанск. полит. экономъ. литературѣ, стр. 93.

[1]) См., напр., у Courcelle Seneil'я. Traité d'écon. politique, T. I, p. 251: „Les deux chasseurs offrent simultanément du gibier et demandent à la fois du combustible, tandis que les deux autres offrent du combustible et demandent du gibier. Un chasseur propose l'échange à 3 contre 100 (почему не меньше и не больше?): s'il était seul on ne pourrait refuser l'échange à ce taux sans se priver des avantages (въ чемъ они состоятъ? получить самое ничтожное количество нужнаго продукта,—своего рода выгода, если отдается за него продуктъ ненужный) qu'il présente; mais il peut arriver que le second chasseur, plus pressé de besoin que le premier, ou possédant plus de gibier et y tenant moins, offre l'échange à 4 contre 100: alors ceux auxquelles l'offre est adressée pourront jouir de l'échange à des conditions plus favorables"... Всего лучше въ этомъ взглядѣ на дѣло всѣ эти „pourrait refuser", „il peut arriver" и т. д., словомъ,—признаніе такого полнаго и безусловнаго хаоса въ отношеніяхъ между людьми, въ сравненіи съ которымъ порядокъ снабженія пищею такихъ звѣрей является замѣчательной гармоніей.

изъ существа господствующей экономической формы производства—раздѣленія въ обществѣ труда, создаетъ *постоянныя* условія снабженія общества продуктами. Если снабженіе полно, то одинъ только учетъ труда, приведеніе его въ извѣстность—сначала въ собственномъ хозяйствѣ, потомъ въ хозяйствѣ, съ которымъ ведется обмѣнъ,—обезпечиваетъ постоянство хода общественно-экономической машины, и условіе это такъ важно, что никакое общество не въ состояніи безъ него обойтись въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. *Точное* приведеніе въ извѣстность количествъ труда, издерживаемыхъ на производство входящихъ въ оборотъ продуктовъ, служитъ единственнымъ отличіемъ совокупности хозяйствъ отъ хозяйства изолированнаго—въ отношеніи къ труду.

Остается сказать о значеніи принадлежности вещей тому или другому отдѣльному хозяйству. Говоря объ изолированномъ хозяйствѣ, мы замѣтили, что принадлежность эта, обладаніе вещами проявляется здѣсь въ самыхъ простыхъ и элементарныхъ формахъ. Что въ совокупности хозяйствъ, характеризующейся самостоятельностью ихъ, обладаніе играетъ гораздо болѣе важную роль, это не подлежитъ сомнѣнію. Но роль эта, сравнительно съ отношеніями производства, не настолько велика, какъ полагаютъ нѣкоторые экономисты (Walras, Roesler). Дѣло въ томъ, что не она обусловливаетъ собою тѣ или другіе порядки производства и распредѣленія богатства, а сама зависитъ отъ нихъ въ своемъ существованіи и обратномъ воздѣйствіи на нихъ. Walras [1]) въ числѣ основныхъ условій обмѣна упоминаетъ и объ аппропріаціи. Roesler [2]) признаетъ за одну изъ важнѣйшихъ ошибокъ „смитіанизма“ пренебреженіе къ отношеніямъ „общественнаго господства надъ природой“ (Vermögensprincip) и увлеченіе естественно-техническими отношеніями между людьми и вещами (Bedürfniss- и Consumtions-princip), между тѣмъ, какъ по его мнѣнію, „понятіе объ имуществѣ должно быть поставлено въ центральномъ пунктѣ хозяйства“. Дж. Ст. Милль [3]) и Рошеръ [4]), а также многіе другіе экономисты справедливо признаютъ обезпеченную принадлежность вещей за одно изъ условій успѣшнаго примѣненія къ дѣлу труда и капитала. Но считать принадлежность, обладаніе основнымъ условіемъ обмѣна, или отношеніемъ, господствующимъ надъ такими явленіями, какъ производство и потребленіе,—это значитъ придавать ему несоразмѣрно большое значеніе. Не слѣдуетъ забывать, что всѣ составныя части механизма раздѣленія труда и обмѣна должны быть уже гото-

[1]) L'Economie politique et la justice, pp. 7 и 59.

[2]) Ueber die Grundlehren der von Adam Smith begründeten Volkswirthschaftstheorie, S. 70 folg. и passim.

[3]) Основанія, т. I, стр. 152—4.

[4])Principes, т. I, стр. 82—3, 97, 101.

вы къ дѣйствію, когда является *право* хозяйства или лица *отчуждать* [1]) вещь по своему усмотрѣнію (очевидно, что, послѣ права безпрепятственнаго пользованія вещью, право отчуждать ее должно быть признано важнѣйшимъ аттрибутомъ обладанія, получившаго юридическую санкцію). Самый частый видъ отчужденія—мѣна и купля-продажа, т. е. отчужденіе возмездное: чтобы право не оставалось буквой, должны быть на-лицо контрагенты мѣны и купли-продажи, т. е. общественное раздѣленіе труда, безъ котораго обмѣнъ немыслимъ.

Мы разсмотрѣли всѣ важнѣйшія экономическія отношенія людей къ вещамъ; въ ихъ числѣ должны заключаться и такія отношенія, которыя дали начало представленію о цѣнности, элементы ея. Если исключить изъ нихъ право обладанія вещами,—отношеніе, которое, какъ мы видѣли, въ изолированномъ хозяйствѣ остается при самомъ элементарномъ примѣненіи, въ хозяйствѣ же съ раздѣленнымъ трудомъ является гораздо болѣе санкціей установившихся экономическихъ формъ, нежели элементомъ ихъ,—то объ остальныхъ двухъ отношеніяхъ мы можемъ замѣтить слѣдующее: 1) спеціально-полезный трудъ представляетъ единственный элементъ потребительной цѣнности, точно такъ же, какъ отвлеченный отъ своихъ спеціальностей общечеловѣческій трудъ является единственнымъ элементомъ цѣнности и мѣновой цѣнности. Именно по этой причинѣ [2]), вслѣдствіе своего кажущагося объективнаго состоянія, общечеловѣческій трудъ, содержащійся въ товарахъ, производитъ въ людяхъ впечатлѣніе какъ бы вещныхъ общественныхъ опредѣленій товаровъ подъ видомъ цѣнностей; 2) спеціально-полезный трудъ и трудъ общечеловѣческій представляютъ аттрибуты каждаго предмета хозяйства и потому только кажутся людямъ состоящими въ формѣ отношеній между товарами, а не между самими людьми, перенесшими на товаръ свою рабочую силу [3]); 3) элементы цѣнности состоятъ на-лицо, какъ въ изолирован-

[1]) Установленіе частной поземельной собственности взамѣнъ общинной совпадаетъ въ Зап. Европѣ съ эпохой чрезвычайнаго успленія раздѣленія труда—концомъ 18 и 19 столѣтіемъ. См. Рошеръ, Начала народн. хозяйства въ отношеніи къ земледѣлію и пр. Отд. 1-е, стр. 262—3. Ближайшій факторъ—болѣе интенсивное земледѣліе, а слѣдовательно, и сбытъ хлѣба на сторону въ бо́льшихъ противъ прежняго размѣрахъ.

[2]) См., напротивъ, Condillac, Le commerce et le gouvernement, p. 58: „L'erreur où l'on tombe à ce sujet vient de ce qu'on parle des choses, qui sont dans le commerce, comme si elles avaient une valeur absolue et qu'on juge en conséquence qu'il est de la justice que ceux, qui font des échanges se donnent mutuellement valeur égale pour valeur égale". Ganilh, La théorie de l'économie politique etc., T. II, p. 344: „Ce terme (la valeur), qui, dans la langue économique n'exprime qu'une relation entre deux choses, a été employé comme s'il exprimait une *propriété* dans les choses; de sorte que la valeur, qui n'est que le résultat de la comparaison de deux choses, a été regardée comme la propriété inhérente á chaque chose".

[3]) Даже послѣдователь Рикардо—Дж. Ст. Милль, Основ. пол. эк.. т. I, стр. 514: „Такимъ образомъ цѣнность товаровъ опредѣляется, главнымъ образомъ, коли-

номъ и общинномъ хозяйствѣ, такъ и въ хозяйствѣ съ раздѣленнымъ трудомъ, слѣдовательно, разница между тѣмъ и другимъ въ этомъ отношеніи можетъ заключаться только въ появленіи новой идеи о *мѣновой* цѣнности. Мы не знаемъ еще, что такое цѣнность, но, основываясь на вышеизложенномъ, мы можемъ съ полнымъ правомъ утверждать, что цѣнность представляетъ нѣчто гораздо болѣе опредѣленное, нежели власть, возможность, способность покупать, значеніе блага для хозяйственнаго сознанія, степень полезности, правило, по которому совершается обмѣнъ, отношеніе между промѣниваемыми предметами, мѣру власти природы надъ человѣкомъ и т. д.

## ГЛАВА II.

### Ученіе о цѣнности Рикардо, предшественниковъ и нѣкоторыхъ послѣдователей его.

Все сказанное нами до сихъ поръ объ элементахъ цѣнности, служа первою ступенью къ построенію понятія о ней, имѣло, сверхъ того, цѣлью подготовить условія къ установленію правильнаго критическаго взгляда на ученіе о цѣнности Рикардо и группы писателей, принадлежащихъ къ его направленію. Идя такимъ путемъ, мы надѣемся разомъ выполнить двѣ задачи: во-первыхъ,—изложить и разсмотрѣть указанное ученіе, во-вторыхъ,—одновременно съ этимъ вести къ рѣшенію вопросъ о цѣнности.

Въ собственномъ смыслѣ слова теорія Рикардо и группирующихся вокругъ него писателей характеризуется слѣдующими главными чертами: 1) при изслѣдованіи въ ней принимается въ разсчетъ не *та* или *другая* мѣновая сдѣлка *въ частности*, а сдѣлка *типическая* или *средняя*, выведенная изъ множества мѣновыхъ сдѣлокъ (соблюдается правило относительно выбора времени и области для наблюденія); 2) между обмѣниваемыми предметами предполагается не *внѣшняя*, основанная на неопредѣленномъ *отношеніи*, а *внутренняя* эквивалентность, вслѣдствіе того, что каждый изъ нихъ обладаетъ извѣстнымъ свойствомъ, подлежащимъ сравненію съ такимъ же свойствомъ другого предмета; свойство это не полезность предмета, которую нельзя и сравнивать, не сравнительный размѣръ опасеній не получить потребную вещь или часть ея, а трудъ, затраты, издержки производства, приводимыя къ количествамъ рабочаго времени, къ уровню прибыли (на мѣсто субъективнаго, индивидуальнаго регулятора,—бо́ль-

чествомъ труда, требующагося на ихъ производство"; ib., стр. 496: „Общаго возвышенія цѣнностей быть не можетъ, потому что это логическая несообразность". См. также Storch. Cours d'écon. polit., T. III. ch. I, p. 2: „A la vérité, comme le prix d'une marchandise est la quantité d'une autre marchandise à laquelle on l'estime égale, *toute marchandise*, qui s'échange contre une autre, devient par là même *une échelle pour mesurer la valeur* de cette dernière".

шаго или меньшаго значенія предмета для хозяйства,—ставится объективный, общественный, равно годный для всей совокупности хозяйствъ, регуляторъ величинъ обмѣниваемыхъ предметовъ, слѣдовательно, соблюдается третій пунктъ различія между хозяйствами общественнымъ и частнымъ (стр. 16—17); 3) то обстоятельство, что для выбора матеріала закона цѣнности берется въ разсмотрѣніе *одна* мѣновая сдѣлка, не заставляетъ ни на минуту забывать, что послѣдняя служитъ не болѣе, какъ типическимъ представителемъ всей массы мѣновыхъ сношеній, что эквивалентность вступившихъ въ нее продуктовъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, общественная эквивалентность продуктовъ *совокупности* хозяйствъ съ раздѣленнымъ трудомъ; при такомъ взглядѣ на дѣло, частныя условія, осложняющія, по временамъ, ту или другую сдѣлку, или даже рядъ сдѣлокъ, принимаются исключительно за пертурбаціонныя вліянія, и вниманіе изслѣдователя останавливается исключительно на силѣ, играющей, среднимъ числомъ, наиболѣе *крупную* и *постоянную* роль въ опредѣленіи размѣра продуктовъ, поступающихъ въ обмѣнъ (устраняется смѣшеніе подъ общимъ названіемъ „цѣнности“ или „закона цѣнности“—*различныхъ*, часто *противоположныхъ* предметовъ и явленій и отводится каждому изъ нихъ надлежащее іерархическое мѣсто въ ряду условій и обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ изслѣдуемое явленіе).

Всѣ приведенныя нами черты ученія о цѣнности Рикардо, не трудно замѣтить, касаются исключительно цѣнности *мѣновой*: дѣйствительно, и самъ Рикардо, и бо́льшая часть его предшественниковъ и послѣдователей вовсе не упоминаютъ о какой-либо иной цѣнности, элементы которой, какъ мы видѣли, состоятъ на-лицо и въ хозяйствѣ, отнюдь не ведущемъ мѣны; но постановка вопроса о мѣновой цѣнности у нихъ настолько удачна, что вполнѣ отвѣчаетъ и на вопросъ о цѣнности въ хозяйствѣ изолированномъ; это вытекаетъ изъ того, главнымъ образомъ, что они останавливаются не только на отношеніи равенства между предметами, но и на свойствахъ, сравненіе которыхъ между собою ведетъ къ установленію равенства.

Къ основнымъ характеристическимъ чертамъ разсматриваемой теоріи прибавлено въ послѣднее время нѣсколько новыхъ, относящихся отчасти къ цѣнности вообще, отчасти къ цѣнности денегъ (К. Марксъ); мы обратимся къ нимъ въ особой главѣ, а теперь займемся болѣе подробнымъ изученіемъ результатовъ изслѣдованій той школы, особенности ученія которой приведены нами выше.

Судя по той цѣльности, послѣдовательности и самостоятельности взглядовъ, которую обнаруживаетъ Рикардо въ большей части своихъ экономическихъ изслѣдованій, нельзя утверждать, что теорію цѣнности онъ просто заимствовалъ у кого-либо изъ предшественниковъ своихъ. Не говоря о томъ, что она является у него гораздо бо-

лѣе очищенной и законченной, чѣмъ у экономическихъ писателей, жившихъ и работавшихъ до него,—онъ привелъ ее въ такую тѣсную, такъ сказать, органическую связь съ другими частями политической экономіи, что современная критика имѣетъ, кажется, полное право считать его, если не основателемъ, то, по крайней мѣрѣ, лучшимъ выразителемъ означенной теоріи.

Не желая нисколько умалять заслугъ Рикардо по разработкѣ вопроса о цѣнности, мы считаемъ, однако, полезнымъ обратиться къ старой экономической литературѣ и указать въ числѣ представителей ея нѣсколько лицъ, отнесшихся къ этому вопросу совершенно съ той же точки зрѣнія, съ какой взглянулъ на него впослѣдствіи Рикардо, хотя и не достигшихъ столь же ясныхъ и опредѣленныхъ результатовъ. Самостоятельное возникновеніе одной и той же группы мыслей у писателей, жившихъ въ различное время и въ различныхъ странахъ, можетъ, *до извѣстной степени*, служить косвеннымъ подтвержденіемъ основательности и справедливости этихъ мыслей, или, по меньшей мѣрѣ, указывать на дѣйствительное существованіе поводовъ къ возникновенію ихъ.

Не имѣя спеціальнаго знакомства съ итальянской экономической литературой [1]), мы ограничимся разсмотрѣніемъ мнѣній о цѣнности нѣкоторыхъ французскихъ и англійскихъ экономическихъ писателей XVII и XVIII вѣковъ.

Авторъ сочиненій „Détail“ и „Factum de la France“ Bois-Guilleberl неоднократно выражаетъ мысль, что всѣмъ отраслямъ промышленности и земледѣлію въ особенности должны быть непремѣнно возмѣщаемы издержки, въ противномъ случаѣ все придетъ къ замѣшательству и разоренію. Наведенный на эту мысль частью практическими соображеніями о вредѣ чрезмѣрныхъ поборовъ подъ видомъ таможенныхъ и иныхъ пошлинъ, частью преувеличеніемъ значенія денегъ, онъ, какъ нельзя лучше, представилъ себѣ то состояніе мѣнового равновѣсія, нарушеніе котораго должно по необходимости затруднять и

[1]) Слѣдующія выдержки изъ сочиненія г. Вернадскаго — Крит. изслѣдованіе объ итальянской политико-экономической литературѣ—знакомятъ, въ извѣстной степени, съ отношеніемъ къ указанному направленію нѣкоторыхъ итальянскихъ писателей. „Природу торговли *Джековези* изслѣдовалъ довольно отчетливо. Имъ ясно высказана та мысль, что въ торговыхъ сношеніяхъ не теряетъ ни одна сторона, или, лучше (?), выигрываютъ обѣ (l'intensione di chi dà, è di ricever sempre l'eguale à quel che dà)“. Стр. 50: „Оцѣняя трудъ, говоритъ *Беккаріа*, нужно обращать вниманіе на *время*, употребляемое самимъ *трудомъ*, потому что пища составляетъ постоянную и періодическую потребность. Есть еще нѣсколько другихъ соображеній, которыя входятъ при оцѣнкѣ труда, какъ, напр., бо́льшее или меньшее *количество* труда“... Ib., стр. 74—5: „Что касается до цѣны работниковъ или ихъ заработка, то причину различія въ ней *Галіани* приписываетъ различію дарованій и вслѣдствіе сего происшедшей разницы въ самомъ *количествѣ* работы“. Ib., стр. 92.

даже тормозить данный ходъ общественнаго хозяйства. „Въ самомъ дѣлѣ", говоритъ онъ [1]), „такъ какъ въ странахъ плодородныхъ все состоитъ въ увеличеніи съѣстныхъ припасовъ (denrées), то производство ихъ зависитъ отъ безконечнаго множества обстоятельствъ, между которыми абсолютно необходимо поддержать *гармонію*, такъ что, при отсутствіи одного изъ нихъ, взаимная зависимость ихъ разрушаетъ все зданіе. Такъ, серебряные рудники въ Германіи, снабжавшіе серебромъ весь міръ до открытія Америки (des Indes), уничтожились сами собою съ той минуты, какъ этотъ металлъ, сдѣлавшись болѣе обыкновеннымъ, не могъ болѣе выдерживать *издержекъ*, которыхъ требовало извлеченіе его изъ нѣдръ земли въ Европѣ". Въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ еще яснѣе выражаетъ ту же мысль. „Если безразлично то [2]), высоки или низки цѣны, то абсолютно необходимо, чтобы все было *взаимно*: въ противномъ случаѣ, нѣтъ болѣе пропорціональности, а слѣдовательно, и торговли (commerce)" „Такъ какъ [3]) первый законъ обмѣна состоитъ въ томъ, чтобы *обѣ* стороны были удовлетворены, безъ чего обмѣнъ совершенно *прекращается*, потому что разоряетъ своего агента, то необходимо удержать равный балансъ, чтобы польза раздѣлялась"... Равновѣсіе между промыслами Bois-Guillebert представляетъ себѣ какъ pium desiderium, осуществленію котораго препятствуетъ „личный интересъ минуты" [4]), вмѣшательство властей и преувеличеніе роли денегъ, благодаря которому цѣнность ихъ чрезмѣрно возрастаетъ, а цѣнность продукта чрезмѣрно падаетъ. Послѣднюю мысль какъ-то странно слышать изъ устъ писателя, находящаго, что высота или низкость цѣнъ вообще безразличны (см. выше). Личному интересу, безъ сомнѣнія, также приписывается не принадлежащая ему сила. Что же касается до вмѣшательства власти, то, нѣтъ сомнѣнія, каждая таможенная пошлина, каждый налогъ на потребленіе и т. п. оказываютъ давленіе на размѣры обмѣниваемыхъ продуктовъ. Само земледѣліе, которое Bois-

[1]) Bois-Guillebert, Le Detail de la France, édit. Daire, стр. 218.

[2]) Id. Factum de la France, стр. 259. Вотъ еще нѣкоторыя мѣста, дополняющія взглядъ В. на мѣновое равновѣсіе: „Il y a encore une attention à faire, qui est que ce désordre durera éternellement, si ce trafic ou cet échange si nécessaire et si utile, ne se fait avec un profit réciproque de toutes les parties, c'est à dire tant des vendeurs que des acheteurs"... F. de la France, p. 263. ...„il ne faut pas que le plus chétif ouvrier vend à perte: autrement sa destruction, comme un levain contagieux, corrompt aussitôt toute la masse". Ib., p. 259.

[3]) Id. Traité des grains, p. 331.

[4]) Вредное дѣйствіе такого интереса онъ изображаетъ слѣдующими сильными словами: „Cependant, par une corruption du coeur effroyable, il n'y a point de particulier, bien qu'il ne doive attendre sa félicité que du maintien de cette harmonie, qui ne travaille depuis le matin jusqu'au soir et ne fasse tous ses efforts pour la ruiner. Il n'y a point d'un ouvrier qui ne tâche, de toutes ses forces, de vendre sa marchandise trois fois plus *qu'elle ne vaut*, et d'avoir celle de son voisin pour trois fois moins, qu'elle ne coûte à établir". Fact. d. l. Fr., p. 259.

Guillebert считаетъ наиболѣе важною отраслью промышленности, по отношенію къ цѣнамъ суровья и хлѣба, онъ не находитъ нужнымъ ставить въ иное положеніе, нежели другія отрасли [1]).

Полное отвлеченіе сравнительной настоятельности потребностей, какъ силы, способствующей нарушенію мѣнового равновѣсія. Bois-Guillebert выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „нужно [2]), чтобы каждая изъ сторонъ, какъ покупатели, такъ и продавцы, имѣли *одинаковый* интересъ или необходимость продавать или покупать; въ противномъ случаѣ, при прекращеніи этого равновѣсія, тотъ, кто имѣетъ преимущество, пользуется случаемъ, чтобы заставить другого сдаться... Въ самомъ дѣлѣ,—человѣкъ, который можетъ *обойтись* безъ продажи, вступая въ дѣло съ другимъ, которому *необходимо* купить, или наоборотъ, заключитъ такой торгъ, что непремѣнно кто-нибудь изъ двоихъ разорится". Находя, что равновѣсія, о которомъ идетъ рѣчь, въ дѣйствительности не существуетъ, что оно должно быть еще достигнуто, Bois-Guillebert полагаетъ, что достаточно для этого дать свободу труду,—операція, „на выполненіе которой нужно не больше времени, чѣмъ на освобожденіе рабовъ въ древнемъ Римѣ,—т. е. одну минуту, и тотчасъ всѣ предметы возстановятъ свои пропорціи цѣнъ, что абсолютно необходимо для потребленія, т. е. для всеобщаго могущества".

Во всемъ вышеприведенномъ ни разу не упоминается о трудѣ въ собственномъ смыслѣ,—рѣчь идетъ исключительно объ издержкахъ производства. Таково и должно быть отношеніе къ вопросу изслѣдователя, который пытается разъяснить дѣйствительныя условія цѣнности, исходя изъ окружающихъ его отношеній господствующей хозяйственной формы—наемничества. Условія эти можно понять только тогда, когда проводится сравненіе между существующими экономическими формами общества и первоначальными, причемъ выдѣляются тѣ характеристическія черты сходства, которыхъ не устраняютъ различные порядки распредѣленія имущества, на различныхъ ступеняхъ экономическаго развитія. Къ сожалѣнію, на это обстоятельство не было обращаемо достаточнаго вниманія даже классическими экономистами, напр. Ад. Смитомъ и Рикардо, которые часто говорятъ о дикаряхъ, какъ о получающихъ заработную плату или прибыль. Въ чемъ состоитъ существенная разница между издержками производства и „трудомъ", по отношенію къ цѣнности,—это мы увидимъ ниже.

Изъ англійскихъ писателей XVII в., Gobbes, въ своемъ „De cive", выражаетъ въ самыхъ общихъ чертахъ мысль, что для обогащенія

[1]) Traité des grains, p. 336.

[2]) Traite des grains, p. 369; см. также Dissertation sur la nature des richesses, p. 390, 392 и слѣд.

гражданъ необходимы двѣ вещи: трудъ и бережливость [1]). Тутъ въ зародышѣ содержится позднѣйшее ученіе о цѣнности.

Особенно ясно высказывается интересующее насъ научное направленіе у Petty. „Если кто-нибудь[2]) можетъ доставить изъ Перу въ Лондонъ унцію золота въ *такое же* время, *какое необходимо* для производства бушеля пшеницы, то первая есть *естественная* цѣна второго. И далѣе, если лицо можетъ добыть въ новомъ болѣе обильномъ рудникѣ, столь же легко, двѣ унціи серебра, какъ прежде одну, то пшеница по 10 шилл. бушель будетъ столь же дешева, какъ прежде по 5, при предположеніи, *что всѣ прочія обстоятельства остаются безъ измѣненія*". Ограниченіе относительно „прочихъ обстоятельствъ" прекрасно доказываетъ, что Petty лучше былъ знакомъ съ методологическими пріемами, чѣмъ нѣкоторые изъ современныхъ экономистовъ (Бастіа, Маклеодъ). „Естественныя [3]) дороговизна и дешевизна зависятъ отъ бо̀льшаго или меньшаго количества рукъ, которыя требуются для (производства) необходимѣйшихъ вещей. Такъ, хлѣбъ дешевле тамъ, гдѣ одинъ человѣкъ можетъ удовлетворить потребности въ хлѣбѣ десяти, нежели тамъ, гдѣ онъ можетъ произвести хлѣбъ только для шести; при этомъ должно быть также обращено вниманіе на то, на сколько климатъ принуждаетъ человѣка потреблять больше или меньше. Пшеница вдвое дороже тамъ, гдѣ двѣсти крестьянъ принуждены выполнять ту же работу, какую могли бы выполнить сто". Тутъ почти вполнѣ высказанъ законъ цѣнности Рикардо: количество труда, затраченное въ производство продукта, служитъ указателемъ и измѣрителемъ количества другого продукта, получаемаго въ обмѣнъ за первый; каждому увеличенію, каждому уменьшенію количества труда соотвѣтствуетъ увеличеніе или уменьшеніе количества продукта. Вліяніе на мѣновыя пропорціи нѣкоторыхъ постороннихъ труду обстоятельствъ—ловкости, опасности, Petty опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „если производство [4]) серебра требуетъ болѣе искусства, нежели производство хлѣба, то пусть 100 человѣкъ въ теченіе 10 лѣтъ занимаются земледѣліемъ, столько же человѣкъ и такое же время—сребропромышленностью: въ такомъ случаѣ я утверждаю, что чистый доходъ съ серебра должны быть цѣною всего чистаго дохода съ хлѣба, и одинаковыя количества одного—цѣною одинаковыхъ количествъ другого; хотя и не столько работниковъ по сребропромышленности изучитъ искусство очищенія и превращенія въ монету серебра, или переживетъ опасности и болѣзни работы въ руд-

[1]) „Ad locupletandos cives necessaria duo sunt: *labor* et *parsimonia*". Elementa philosophica de cive, Amsterdami, 1647, стр. 221—2.

[2]) A treatise of taxes and contributions, стр. 31, см. Roscher, Zur Geschichte der englischen Volkswirthschaftslehre, стр. 75.

[3]) Ib., см. Roscher. Zur Geschichte d. engl. Volkswirthschaftslehre, стр. 76.

[4]) Ib., стр. 24, см. Roscher, Z. G. d. engl. V., стр. 76.

никахъ". Выходитъ, что въ общемъ итогѣ опасности и высшая степень искусства не оказываютъ вліянія на мѣновыя пропорціи, хотя доходъ каждой оставшейся въ живыхъ или отличившейся единицы и будетъ больше (именно потому, что итогъ производится меньшимъ числомъ единицъ),—выводъ опять-таки совершенно подходящій къ тому, который сдѣланъ Рикардо о соотвѣтствующемъ предметѣ.

Основывая собственность на трудѣ [1]), другой извѣстный писатель XVII столѣтія, Локкъ, естественно долженъ былъ придти къ заключенію, что трудъ находится въ извѣстномъ взаимодѣйствіи и съ цѣнностью. „Не столь странно", говоритъ онъ, „какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, то, что собственность труда можетъ одержать верхъ надъ общеніемъ земли (онъ имѣетъ, по всей вѣроятности, въ виду захватъ помѣщиками общинныхъ пастбищъ въ Англіи подъ частное землевладѣніе). Въ дѣйствительности, именно трудъ кладетъ различіе между цѣнностью вещей. Пусть подумаютъ только, какая существуетъ разница между акромъ земли, засаженнымъ табакомъ или сахаромъ, засѣяннымъ пшеницей или овсомъ, и акромъ той же земли, но необработаннымъ: непремѣнно найдутъ, что улучшеніе посредствомъ труда сообщаетъ большую часть цѣнности. Я полагаю, что это будетъ очень умѣренная оцѣнка, если сказать, что изъ продуктовъ земли, полезныхъ въ существованіи человѣка, результатъ труда составляетъ $^{9}/_{10}$; еслиже мы пожелаемъ сдѣлать правильную оцѣнку вещамъ, входящимъ въ наше потребленіе, и вычислить различныя издержки, которыми мы обязаны одной природѣ и одному труду, то мы найдемъ, что въ большей части вещей $^{99}/_{100}$ должны быть цѣликомъ приписаны труду" [2]).

„Акръ земли", говоритъ онъ далѣе [3]), „приносящій у насъ 20 бушелей пшеницы, и другой въ Америкѣ, который, при той же обработкѣ, давалъ бы столько же, имѣютъ, безъ сомнѣнія, одну и ту же естественную, внутреннюю (intrinsick) цѣнность; но прибыль, полученная людьми отъ перваго изъ нихъ, составляетъ въ годъ 5 ф., отъ второго же, быть можетъ, не составляетъ и пенни, считая на здѣшнія деньги; т. е., по истинѣ говоря, не достигаетъ и $^{1}/_{1000}$. Трудъ сообщаетъ большую часть цѣнности землѣ, безъ него она почти ничего бы не стоила; ему мы обязаны большею частью нашихъ полезныхъ вещей: весь излишекъ цѣнности соломы, отрубей, хлѣба съ означеннаго хлѣбнаго поля, сравнительно съ цѣнностью продукта земли такого же качества, но необработанной, составляетъ результатъ труда. Въ хлѣбѣ, кото-

[1]) „Though the water running in the fountain be every one's, yet who can doubt, but that in the pitcher is his only, who drew it out? His labor hath taken it out of the hands of nature... and hath thereby appropriated it to himself". Locke, The Works, Vol. II. Lond. MDCC. LIX, Of civil governem., стр. 174.

[2]) Locke, Ib., стр. 178, § 40.

[3]) Ib., стр. 179. § 43.

рый мы ѣдимъ, должны считаться не только усилія рабочаго, идущаго за плугомъ, трудъ жнеца и молотильщика и потъ мельника, но трудъ тѣхъ, кто воспитывалъ быковъ, выкапывалъ и изготовлялъ желѣзо и камни, кто рубилъ лѣсъ и придавалъ ему форму, кто строилъ плугъ, мельницу или какое-нибудь другое орудіе... Природа и земля снабжаютъ насъ лишь матеріаломъ, въ высшей степени лишеннымъ цѣнности, какъ въ приведенномъ случаѣ". Хотя Локкъ еще не окончательно приписываетъ труду исключительную роль въ опредѣленіи и образованіи цѣнности, но все же онъ придаетъ ему громадное значеніе, сравнительно съ силами природы, вліяніе которыхъ на цѣнность признаетъ *однороднымъ* съ вліяніемъ труда, но безконечно меньшимъ *количественно*. Отсюда видно, что понятіе о трудѣ, какъ объ опредѣлителѣ цѣнности, стоитъ у него безспорно на первомъ планѣ, и потому онъ принадлежитъ къ предшественникамъ Смита и Рикардо.

Но всѣхъ ближе къ тому и другому стоитъ авторъ „Inquiry into the principles of politic. economy", Steuart. Его ученіе о цѣнности и, особенно, о спросѣ и предложеніи, по развитію и отдѣлкѣ положеній, стоитъ почти въ уровень съ лучшими изложеніями предмета. Легко можетъ быть, что и Ад. Смитъ позаимствовался у него многимъ: въ такой степени близко соприкасаются мнѣнія ихъ объ условіяхъ, видахъ и пр. цѣнности. Оставляя ученіе о спросѣ и предложеніи по Steuart'у до особой главы, мы обратимъ теперь исключительное вниманіе на его отношеніе къ извѣстному научному направленію [1]). „Въ цѣнности товаровъ", говоритъ онъ [2]), „я разсматриваю двѣ вещи, какъ дѣйствительно существующія и одна отъ другой отличныя, именно,—дѣйствительную цѣнность товара и прибыль при сбытѣ его... 1) Прежде всего необходимо знать о каждомъ мануфактурномъ товарѣ, поступающемъ въ продажу, сколько можетъ его изготовить человѣкъ *въ день, въ недѣлю, въ мѣсяцъ*, смотря по природѣ труда, требующаго болѣе или менѣе времени, чтобы быть приведеннымъ къ окончанію. Дѣлая такую оцѣнку, слѣдуетъ смотрѣть лишь на то, сколько, *среднимъ числомъ*, можетъ вообще работать ремесленникъ въ странѣ, не будучи ни *лучшимъ, ни худшимъ* представителемъ своей профессіи; при этомъ не должно входить въ разсчетъ, прибыльно-ли для его дѣла положеніе его мѣстожительства, или нѣтъ... 2) Второе, что нужно знать, это—цѣнность содержанія и необходимыхъ расходовъ ремесленника какъ на его личныя потребности, такъ и для доставленія орудій, служащихъ въ его профессіи, что опять-таки слѣдуетъ считать среднимъ числомъ... 3) Наконецъ, необходимо знать также цѣнность матеріаловъ, т. е. суровья, которое перерабатываетъ

[1]) Мы пользуемся нѣмецкимъ переводомъ его сочиненія, изданнымъ Joh. Ulr. Pauli, въ 1769 году, въ Гамбургѣ.

[2]) Untersuchung d. Grundsätze der Staatswirthschaft, т. I, стр. 199—200.

фабрикантъ или ремесленникъ... Когда извѣстны три упомянутыя вещи, то цѣна мануфактурныхъ товаровъ опредѣлена: она *не можетъ быть меньше* суммы означенныхъ трехъ вещей, т. е. дѣйствительной цѣнности; что выше этой цѣны, то составляетъ прибыль промышленника. Эта прибыль находится въ отношеніи къ спросу и потому колеблется вверхъ и внизъ, смотря по обстоятельствамъ". „При всѣхъ сдѣлкахъ между купцами, вытекающая изъ продажи прибыль должна быть точно отличаема отъ цѣнности товара. Первая *можетъ* уменьшаться, вторая *должна* всегда оставаться безъ измѣненія. *Только на прибыль* отъ продажи *можетъ имѣть вліяніе конкурренція*; и благодаря этой причинѣ, мы находимъ такое однообразіе въ цѣнахъ товаровъ опредѣленнаго достоинства[1])". „Прибыль и убытокъ могутъ быть или положительные, или относительные, или то и другое вмѣстѣ. Съ положительной прибылью не связано ни для кого убытка. Она вытекаетъ изъ увеличенія труда и индустріи и составляетъ прибавку или увеличеніе общественнаго благосостоянія. Съ положительнымъ убыткомъ ни для кого не связано прибыли. Онъ возникаетъ изъ прекращенія прежней или вытекающей изъ нея дѣятельности и, можно сказать, ослабляетъ общее благосостояніе. Относительная прибыль та, благодаря которой кто-нибудь терпитъ убытокъ. Она указываетъ на *колеблющееся состояніе* баланса богатства между покупателями и продавцами, но не можетъ способствовать увеличенію общаго фонда. Относительный убытокъ есть то, слѣдствіе чего является для кого-нибудь прибыль... Сложные убытокъ и прибыль легко понять. Подъ ними разумѣется тотъ родъ прибыли или убытка, который частью положителенъ, частью относителенъ[2])". „Пока на рынкѣ вполнѣ достаточно товара извѣстнаго рода, но *не больше* нежели *столько*, купцы, торгующіе этимъ товаромъ, живутъ отъ своей торговли и не получаютъ неумѣренной прибыли, такъ какъ нѣтъ сильнаго соперничества на одной только сторонѣ—между ремесленниками или между тѣми, кто у нихъ покупаетъ, и, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ двойного соперничества, балансъ слегка двигается въ обѣ стороны[3])". Балансъ этотъ нарушается, по Steuart'у, четырьмя обстоятельствами: или уменьшается, при томъ же запасѣ товаровъ, спросъ, или уменьшается, при томъ же спросѣ, запасъ товаровъ, или увеличивается, при одномъ и томъ же запасѣ товаровъ, спросъ, или увеличивается запасъ товаровъ, при томъ же спросѣ. „Подъ потребляемыми вещами разумѣемъ мы всѣ тѣлесныя вещи, за исключеніемъ денегъ и земли... Въ этихъ вещахъ слѣдуетъ обратить вниманіе: 1) на ихъ простую субстанцію или продуктъ природы, 2) на модификацію въ нихъ, т. е.

[1]) Ib., стр. 217.
[2]) Ib., стр. 224—5.
[3]) Ib., стр. 236.

на затраченный въ нихъ человѣческій трудъ. Первое называю *внутреннею* цѣнностью, второе—цѣнностью *въ употребленіи*. Цѣнность сырого продукта природы должна быть всегда опредѣляема соотвѣтственно той годности къ употребленію, которою онъ обладаетъ и тогда, когда приданная ему человѣкомъ модификація уже совершенно уничтожена... Цѣнность модификаціи опредѣляется соотвѣтственно требуемому на нее труду“ [1]).

Приведенныя нами цитаты изъ книги Stewart'a доказываютъ, что онъ не только довольно ясно представлялъ себѣ роль труда въ установленіи мѣновыхъ пропорцій, но и провелъ чрезвычайно важное различіе между среднимъ положеніемъ этихъ пропорцій и колебаніями ихъ: естественная и рыночная цѣнности Смита и Рикардо фигурируютъ у него вполнѣ опредѣленно, хотя и подъ другими наименованіями. Трудъ и прибыль,—издержка и доходъ, входя, оба, составными частями въ то, что онъ называетъ цѣнностью, безъ сомнѣнія, представляютъ сумму довольно разнокалиберныхъ слагаемыхъ; но это нельзя поставить въ вину автору, такъ какъ самъ Смитъ и даже Рикардо не были чужды заблужденію этого рода; мало того, если не ошибаемся, *вся* экономическая литература до самаго послѣдняго времени оставляла открытымъ вопросъ, какимъ образомъ происходитъ столь странная вещь, что обмѣнъ продуктовъ соотвѣтственно издержкамъ производства, которыя всѣ могутъ быть сведены къ труду, не исключаетъ взаимнаго размѣна прибылью; почему для прибыли въ хозяйствахъ, ведущихъ между собою обмѣнъ, существуетъ уровень, не только устанавливаемый, но и *поддерживаемый* конкурренціей капиталовъ, тогда какъ для задѣльной платы, другой составной части продукта, уровень только устанавливается конкурренціей рабочихъ, поддерживается же внѣшнею силою,—затратою *опредѣленныхъ* количествъ труда?

Подъ именемъ *баланса* Стёартъ очевидно разумѣлъ равенство издержекъ производства въ обмѣниваемыхъ произведеніяхъ и только не умѣлъ еще справиться съ происхожденіемъ прибыли, которое относитъ на счетъ цѣнъ. Эту послѣднюю задачу, что прибыль, наряду съ заработною платою, входитъ въ продуктъ самаго производства, рѣшаетъ только Рикардо, а окончательно разъясняютъ только Родбертусъ, Марксъ и Джоржъ. Съ другой стороны, Стёартъ, подобно Франклину, смѣшиваетъ двѣ различныя формы труда—абстрактную или общую и спеціальную, одинъ разъ называя трудъ, опредѣляющій цѣнность, *человѣческимъ трудомъ*, а другой разъ называя эту цѣнность,—цѣнностью въ *употребленіи*. Дѣло въ томъ, что спеціальная полезность придается продукту спеціальнымъ трудомъ, а мѣновая

[1]) Ib., стр. 388.

цѣнность трудомъ общечеловѣческимъ, т. е. тѣмъ же спеціальнымъ трудомъ, но въ отвлеченной формѣ.

Анализъ прибыли и убытка, установленіе различія между цѣнностью и полезностью, представляетъ также блестящія стороны Stenart'овой экономіи. Много ошибокъ было бы избѣгнуто въ наукѣ, если-бы не упускалась въ ней изъ виду разница между положительными и относительными прибылью и убыткомъ, что, къ сожалѣнію, дѣлалось слишкомъ часто [1]). Говоря: „цѣнность модификаціи опредѣляется соотвѣтственно требуемому на нее труду", Stenart съумѣлъ отвлечь обмѣнъ и взглянуть на основныя отношенія, дающія существованіе тому, что можетъ быть названо цѣнностью мѣновой. Его внутренняя цѣнность или, просто, полезность представляетъ не болѣе какъ свойство, принадлежащее предметамъ, вошедшимъ въ оборотъ.

Въ болѣе общихъ, хотя не менѣе ясныхъ чертахъ высказываетъ занимающее насъ ученіе другой писатель XVIII вѣка, Cantillon [2]).

„Если", говоритъ онъ [3]), „изъ шерсти выдѣлывается одно платье грубаго сукна, а другое—тонкаго, то, такъ какъ это послѣднее потребуетъ бо́льшаго и болѣе дорогого труда, нежели платье изъ грубаго сукна, то оно будетъ иногда вдесятеро дороже, хотя и то, и другое платье содержатъ одно и то же количество шерсти и одной и той же доброты. Количество продукта земли и количество, а также равно и качество труда необходимо войдутъ въ цѣну". „Цѣна [4]) лугового сѣна на мѣстѣ, или лѣса, который желаютъ срубить, регулируется матеріаломъ или продуктомъ земли, смотря по качеству послѣдней. Кружка воды изъ Сены вовсе не имѣетъ никакой цѣны, потому что вода—матеріалъ, существующій въ громадномъ количествѣ и неистощимый; но за нее дадутъ су на улицахъ Парижа, что составляетъ цѣну или мѣру труда водоноса. Изъ этихъ наведеній и примѣровъ, я полагаю, поймутъ, что цѣна или внутренняя цѣнность вещи есть мѣра количества земли и труда, входящаго въ производство вещи, если обращено вниманіе на качество и на продуктъ земли и на количество труда" [5]). „Если фермеры страны сѣютъ *больше*, чѣмъ обыкновенно, пшеницы, т. е. больше, чѣмъ требуется на потребленіе въ теченіе года,

[1]) См. напр., Bastiat. Harm. économiques, p. 109: „Que l'on considère les relations d'homme à homme, de famille à famille, de province à province, de nation à nation...—il est évident, ce me semble, qu'on ne peut ni résoudre, ni même aborder le problème social, à aucun de ses points de vue, avant d'avoir *choisi entre ces deux maximes*: Le profit de l'un est le dommage de l'autre. Le profit de l'un est le profit de l'autre". Законъ спроса и предложенія въ безусловной своей формѣ также совершенно исключаетъ всякое различіе между прибылью того и другого рода.

[2]) Мы цитируемъ по французскому переводу его книги. „Essai sur la nature du commerce en général", 1756.

[3]) Стр. 174.

[4]) Стр. 175.

[5]) Ib., стр. 177.

то *внутренняя дѣйствительная* цѣнность пшеницы соотвѣтствуетъ землѣ и труду, входящимъ въ ея производство; но, такъ какъ пшеница родилась въ большомъ изобиліи, и продавцовъ оказывается больше, чѣмъ покупателей, то цѣна пшеницы на рынкѣ необходимо упадетъ ниже... внутренней ея цѣнности. Если, напротивъ, фермеры сѣютъ *меньше* пшеницы, чѣмъ требуется, то покупателей будетъ больше, чѣмъ продавцовъ, и цѣна пшеницы на рынкѣ поднимется выше ея внутренней цѣнности. Во внутренней цѣнности вещи *никогда не бываетъ колебаній*; но невозможность поставить производство товаровъ и припасовъ въ соотвѣтствіе съ потребленіемъ ихъ въ государствѣ причиняетъ ежедневныя колебанія и вѣчный приливъ и отливъ въ цѣнахъ рынка. Однако, въ хорошо устроенныхъ обществахъ рыночныя цѣны припасовъ и товаровъ, потребленіе которыхъ достаточно постоянно и однообразно, не удаляются значительно отъ внутренней цѣнности, и если не бываетъ слишкомъ неурожайныхъ или урожайныхъ лѣтъ, то магистраты городовъ всегда бываютъ въ состояніи установить рыночную цѣнность многихъ вещей, напр. хлѣба и мяса, такъ, что не на что кому бы то ни было жаловаться".

И здѣсь полное отвлеченіе сравнительной настоятельности потребностей для того момента, когда послѣ колебаній установляется извѣстное равновѣсіе между продуктами, поступающими въ обмѣнъ. Когда продукта больше, или меньше, чѣмъ нужно, мѣновыя пропорціи колеблятся: но разъ потребность покрыта въ мѣру,—наступаетъ равенство „внутреннихъ цѣнностей".

Кантильонъ пишетъ на рубежѣ стараго порядка и новаго порядка свободнаго соперничества, поэтому неудивительно, что, признавая дѣйствіе на цѣны этого послѣдняго, онъ въ то же время примиряется съ установленіемъ цѣнъ чрезъ магистраты. Сверхъ того, къ труду, какъ регулятору мѣновой цѣнности, Кантильонъ подмѣшиваетъ еще и „цѣнность природы", очевидно, смущенный тѣмъ обстоятельствомъ, что продаются дрова и сѣно, которыя никому ничего не стоили. Имѣй онъ понятіе о поземельной рентѣ, онъ легко устранилъ бы это кажущееся недоразумѣніе.

Перейдемъ къ физіократамъ [1]). Изъ нихъ Quesnay, Mercier de la Rivière и Le Trosne, по своимъ понятіямъ о предметѣ, примыкаютъ почти вплотную къ тому направленію, главою котораго слѣдуетъ считать Рикардо. У первыхъ двухъ брошено о цѣнности лишь нѣ-

[1]) Изъ писателей анти-меркантилистическаго направленія, высказывавшихъ вскользь извѣстное мнѣніе о цѣнности, можно упомянуть еще о Berkeley'ѣ и Harris'ѣ. Первый, по словамъ Kautz'a (Gesch. der Nation. Oekon., стр. 320), „относительно труда исходитъ изъ чисто-національнаго англійскаго представленія, что на немъ покоится вся цѣнность продуктовъ и даже произведеній почвы". Второй учитъ, „что для измѣренія цѣнъ... должны быть взяты тѣ количества труда, посредствомъ которыхъ блага производятся" (Ib., стр. 322).

сколько оригинальныхъ замѣчаній, у третьяго теорія вопроса достигаетъ довольно полной обработки. Прочіе физіократы не занимались цѣнностью.

Уже въ своемъ „Dialogue sur le commerce“ Quesnay проводитъ весьма важное различіе между положительною и относительною прибылью, столь хорошо разъясненное Stewart'омъ. Различіе это составляетъ естественный выводъ изъ предположенія, что изъ обмѣниваемыхъ предметовъ *каждый* обладаетъ однимъ и тѣмъ же, подлежащимъ измѣренію и сравненію, свойствомъ, размѣръ котораго только возмѣщается обмѣномъ, слѣдовательно не можетъ равняться чему-либо меньшему самого себя. Отсюда въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднее обстоятельство дѣйствительно наступаетъ, появляются относительная прибыль и относительный убытокъ. Въ Dialogue'ѣ Quesnay, нѣкто M. H. ведя споръ съ физіократомъ M. N. о торговлѣ, утверждаетъ, что торговля *доставляетъ* или *производитъ* прибыль, и что поэтому классъ торговцевъ не можетъ быть названъ безплоднымъ. M. N. возражаетъ: „прибыль [1]), на которой вы настаиваете, относится только къ сбереженію, которое дѣлаютъ продавецъ первой руки и покупатель-потребитель на издержкахъ торговли купцовъ, при помощи полнаго соперничества между послѣдними, принуждающаго ихъ уменьшать свое вознагражденіе. Итакъ, то, что вы называете здѣсь *прибылью*, есть, строго говоря, не больше какъ освобожденіе отъ потери продавца первой руки и покупателя-потребителя. Но освобожденіе отъ потери на издержкахъ торговли *не есть дѣйствительный* продуктъ или увеличеніе богатства“ [2]). Въ отвѣтъ на утвержденіе своего противника, что благодаря увеличенію посредствомъ соперничества цѣны товара въ странѣ, гдѣ она низка, и уменьшенію ея въ странѣ, гдѣ она высока,—прибыль продавца должна увеличиваться въ первой изъ нихъ, прибыль покупателя во второй. M. N. продолжаетъ развивать свою мысль слѣдующимъ образомъ. „Вы смѣшиваете [3]) здѣсь дѣйствіе свободнаго сообщенія торговли между различными странами съ дѣйствіемъ самой торговли, которая представляетъ мѣну продукта, имѣющаго продажную цѣнность, на другой продуктъ *равной* цѣнности,—мѣну, въ которой, слѣдовательно, самой по себѣ, нечего ни терять, ни пріобрѣтать ни той, ни другой сторонѣ, хотя и та, и другая могутъ потерять много по причинамъ, не зависящимъ отъ торговли и то понижающимъ, то возвышающимъ цѣну. Продавецъ первой руки теряетъ при низкой цѣнѣ, покупатель-потребитель—при высокой... Но установленіе компенсаціи цѣнъ не доставляетъ ни той, ни другой сторонѣ дѣйствительнаго про-

[1]) Physiocrates, edit. Daire, T. I, стр. 145—6.

[2]) Теорія потребительныхъ обществъ совершенно подтверждаетъ справедливость этой мысли.

[3]) Ib., стр. 146—7.

дукта, а доставляетъ только избавленіе отъ потери; ибо это установленіе не предполагаетъ никакого увеличенія продукта, а только устраненіе причинъ неравенства въ цѣнахъ. Справедливо, нельзя сомнѣваться, что въ приведенномъ вами случаѣ перемѣщеніе продукта необходимо для избѣжанія потерь, какъ само море необходимо для перемѣщенія продуктовъ посредствомъ мореплаванія; но заключать отсюда, что то и другое производительно, значитъ смѣшивать условія сообщеній, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, съ причиною, производящею товары, и съ причинами цѣнъ, существующихъ всегда *до торговли* и служащихъ торговцу для соображенія въ его операціяхъ". Еще яснѣе развиваетъ Quesnay свой взглядъ на цѣнность въ другой статьѣ — „Dialogue sur les travaux des artisans". Темою разговора между тѣми же М. Н. и М. N. служитъ на этотъ разъ вопросъ о производительности ремеслъ. М. N. прямо говоритъ, что трудъ ремесленника увеличиваетъ цѣнность продукта земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и богатство, хотя это и не составляетъ (?) *дѣйствительнаго* увеличенія его. „Я повторяю, торговля есть не что иное, какъ обмѣнъ цѣнности на *равную* цѣнность", говоритъ онъ далѣе [1]). Идея, прикрываемая всею этою аргументаціей, состоитъ въ томъ, что торговецъ *не трудится*, а только избавляетъ производителя и потребителя отъ потери, что трудъ устанавливаетъ цѣнность товаровъ *до торговли*, и что въ обмѣнъ поступаютъ исключительно *равноцѣнные* продукты, т. е. стоющіе одного и того же количества труда.

Ту же мысль повторяетъ и выясняетъ другой талантливый физіократъ — Mercier de la Rivière въ X и XI главахъ своего „L'ordre naturel des sociétés politiques". Не очевидно-ли [2]), что, если совершаемыя нами продажи уплачиваются деньгами, то я не могу купить у васъ менѣе, чѣмъ сколько вы покупаете [3]) у меня; не очевидно-ли, что суммы нашихъ непеременныхъ продажъ и покупокъ должны быть между собою *равны?* Если, продавъ мнѣ на 100 франковъ, вы пожелаете купить у меня только на 50, то какимъ образомъ поступлю я, чтобы уплатить вамъ? И еслибы я былъ въ состояніи сдѣлать это *одинъ разъ*, какъ могъ бы я продолжать *всегда* давать вамъ болѣе денегъ, чѣмъ получаю?" „Человѣкъ [4]), который обладаетъ большимъ количествомъ вина и не обладаетъ хлѣбомъ, входитъ въ сношенія съ другимъ, у котораго много хлѣба и нѣтъ вина; между ними происходитъ обмѣнъ 50 единицъ цѣнности хлѣба на 50 единицъ цѣнности вина. Этотъ обмѣнъ не представляетъ увеличенія богатства ни для

[1]) Ib., стр. 196.
[2]) Ib., T. II. стр. 541.
[3]) „Acheter c'est vendre, vendre c'est acheter, car acheter ou vendre s'est échanger". Ib., стр. 540.
[4]) Ib., стр. 544.

того, ни для другого, ибо каждый изъ нихъ *до обмѣна* обладалъ цѣнностью равною той, которую онъ добылъ этимъ способомъ. Тѣмъ не менѣе, обмѣнъ этотъ одинаково полезенъ каждому изъ нихъ: безъ него каждый изъ этихъ двухъ людей не былъ бы въ состояніи воспользоваться частью своего урожая и каждый, слѣдовательно, уменьшилъ бы обработку".

Читатель видитъ, что внутренній механизмъ обмѣна представляется Мерсье де ла Ривіеру въ столь ясномъ и опредѣленномъ свѣтѣ, въ какомъ не могли его себѣ представить весьма многіе новѣйшіе писатели. Такъ, напр., Мерсье прекрасно знаетъ, что назначеніе обмѣна исчерпывается перемѣщеніемъ продуктовъ различнаго *по качеству* труда, а также, что, при организованномъ обмѣнѣ, выгода состоитъ въ увеличеніи размѣровъ производства. Требованіе равенства въ обмѣнѣ прекрасно дополняетъ теоретическія воззрѣнія Мерсье. Насколько слабѣе этихъ воззрѣній является, напр., взглядъ на тотъ же предметъ, напр., Кондильяка, показываетъ слѣдующая цитата: „Въ самомъ дѣлѣ, еслибы всегда обмѣнивали равныя цѣнности на равныя, то ни одна изъ сторонъ не была бы въ *выигрышѣ*. Однако, и та, и другая получаютъ и должны получать его. Почему? Потому что вещи имѣютъ только относительную цѣнность къ нашимъ потребностямъ, и то, что для одного *болѣе*, для другого *менѣе*, и наоборотъ. Выгода взаимна, и вотъ что, безъ сомнѣнія, заставило сказать, что каждый изъ нихъ даетъ другому равную цѣнность за равную. Но въ этомъ было мало послѣдовательности; именно потому, что выгода взаимна, слѣдовало бы заключить, что каждый даетъ *меньшее за большее*". Слѣдовало бы заключить совсѣмъ не это, а то, что каждый даетъ вещь совершенно безполезную для себя и полезную для другого, и даетъ въ ней такое же количество труда, какое получаетъ обратно [1]).

Наиболѣе обработанное ученіе о цѣнности встрѣчаемъ въ „Intérêt social" Le Trosne'a. Мы не будемъ, впрочемъ, излагать подробно развиваемой имъ теоріи, потому что насъ интересуетъ только та сторона ея, посредствомъ которой она соприкасается съ извѣстнымъ направленіемъ.

Le Trosne насчитываетъ четыре причины (causes) цѣнности: 1) свойство предметовъ быть потребляемыми, 2) необходимыя издержки, 2) рѣдкость и изобиліе, 4) конкурренція. „Еслибы [2]) предметы не имѣли полезности, они не имѣли бы и цѣнности". Но „хотя цѣнность предполагаетъ полезность, отсюда не слѣдуетъ, что она пропорціональна степени полезности, потому что есть и другія опредѣляющія ее причины. Въ противномъ случаѣ вещи необходимыя имѣли бы наибольшую цѣнность, а, между тѣмъ, происходитъ обратное.... Цѣна необ-

[1]) Le commerce et le gouvernement, 57.
[2]) Physiocrates, T. II, p. 890—2.

ходимыхъ продуктовъ ниже, потому что количество ихъ увеличиваютъ соотвѣтственно потребности и сбыту, и потому, что значительная конкурренція между продавцами принуждаетъ ихъ довольствоваться справедливою цѣною... Но существуетъ еще одна болѣе важная причина, производящая различіе въ цѣнахъ,—это большій или меньшій размѣръ издержекъ обработки. Вино, конопля, нѣжные плоды, овощи, должны быть соотвѣтственно дороже пшеницы, потому что стоютъ бо́льшаго труда и издержекъ. Итакъ, хотя бы былъ обезпеченъ сбытъ, нельзя было бы отдать ихъ въ убытокъ; а еслибы не нашлось имъ сбыта, сократилась бы обработка [1])". „Вторая причина цѣнности—необходимыя издержки. Эта причина касается всякаго рода издержекъ, какъ обработки, такъ перевозки и ремесла. Прежде всего нужно, чтобы онѣ были возмѣщены въ цѣнѣ... Еслибы эти издержки не были возмѣщаемы, то не стало бы ни охоты, ни возможности продолжать ту же работу и дѣлать тѣ же затраты для увѣковѣченія производства".

Мы видѣли уже совершенно такую же постановку вопроса у Bois-Guilleber't'a, у Stenart'a. И тамъ, и здѣсь рѣчь идетъ о такихъ издержкахъ, которыя необходимо должны быть возвращаемы, въ противномъ случаѣ прекратится производство. Большинство окружающихъ фактовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что общее правило скорѣе составляетъ *постоянство* той или другой промышленной дѣятельности, нежели безпрерывная смѣна ихъ; иными словами, размѣры той силы, которая поддерживаетъ извѣстное хозяйственное statu quo.—*больше*, нежели размѣры силы, колеблющей его. Это явленіе составляетъ посылку, изъ которой выводится законъ мѣнового равновѣсія, и посылку не гипотетическую *только*, а соотвѣтствующую дѣйствительности. Въ данное время колебанія могутъ быть сильны; но нельзя сказать того же о среднемъ, *единственно годномъ* для наблюденія, времени.

Кромѣ перечисленныхъ причинъ, а также рѣдкости и изобилія, Le Trosne останавливается еще на конкурренціи, роль которой состоитъ въ томъ, что она „установляетъ уровень" цѣнностей, при извѣстныхъ условіяхъ. Затѣмъ, интересно у него разъясненіе существенныхъ признаковъ и послѣдствій обмѣна. „Обмѣнъ [2]) по природѣ своей есть договоръ равенства, выражаемаго отдачею равной цѣнности за равную. Онъ, слѣдовательно, не представляетъ средства обогащенія, потому что дается столько же, сколько получается, онъ—средство удовлетворять нуждамъ и разнообразить пользованіе. То же слѣдуетъ сказать и о продажѣ, отличающейся отъ обмѣна только способомъ (moyen), а не предметомъ... Такова природа обмѣна, когда онъ про-

[1]) Ib., стр. 893.
[2]) Ib., стр. 903.

исходитъ при полной конкурренціи, и когда цѣна опредѣляется единственно причинами, которыя *должны* имѣть на нее вліяніе. Онъ становится невыгоднымъ для одной изъ сторонъ, когда какая-либо посторонняя причина понижаетъ или увеличиваетъ цѣну. Тогда равенство нарушено, но нарушеніе вытекаетъ *изъ этой причины*, а *не изъ обмѣна*. Преимущество, отдаваемое пріобрѣтаемой вещи, *ни въ какомъ случаѣ не составляетъ повода утверждать*, что обмѣнъ производится не равными цѣнностями и что даютъ меньше, чѣмъ получаютъ (противъ Condillac'a)".

Если оставить безъ вниманія несовсѣмъ удачное наименованіе причинами цѣлаго ряда явленій, изъ которыхъ далеко не всѣ одинаково служатъ образованію цѣнности, то ученіе Le Trosne'a можетъ считаться, во-первыхъ, полнымъ выраженіемъ физіократическихъ взглядовъ на этотъ предметъ, во-вторыхъ,—одною изъ ближайшихъ ступеней къ теоріи Смита и Рикардо. Что касается отношенія Le Trosne'a къ остальнымъ физіократамъ, то положеніе ихъ объ обмѣнѣ равноцѣнностей мы находимъ у него въ еще болѣе развитомъ и законченномъ видѣ. Съ цѣлью доказать, что для осуществленія мѣновой сдѣлки необходимо равенство, Le Trosne устраняетъ изъ понятія объ обмѣнѣ идею обогащенія, изолируетъ явленіе обмѣна отъ вліянія посторонннихъ силъ, утверждаетъ, что нарушеніе равенства вытекаетъ не изъ самаго обмѣна, отвлекаетъ сравнительное значеніе полезностей. Все это—шаги на пути къ дѣйствительному рѣшенію вопроса о цѣнности. Но что такое цѣнность, что именно равно въ обмѣниваемыхъ продуктахъ—эти и нѣкоторые другіе сопредѣльные вопросы какъ Le Trosne, такъ и прочіе физіократы предоставили рѣшенію экономистовъ Смитовой школы.

Первый сознательный, почти тривіально ясный анализъ мѣновой цѣнности, сводящейся къ рабочему времени, говоритъ Марксъ [1]), встрѣчается у человѣка Новаго Свѣта, въ которомъ гражданскія производственныя отношенія, введенныя одновременно съ ихъ носителями, быстро проросли на почвѣ, перевѣшивавшей недостатокъ исторической традиціи обиліемъ плодородія. Человѣкъ этотъ—Веньяминъ Франклинъ, который формулировалъ новѣйшій основной законъ политической экономіи въ своей первой, юношеской работѣ, писанной въ 1719 и напечатанной въ 1721 году [2]). Онъ считаетъ необходимымъ найти другое мѣрило цѣнности, кромѣ драгоцѣнныхъ металловъ. Таковъ трудъ, и трудомъ цѣнность серебра можетъ измѣряться столь же хорошо, какъ и всѣхъ другихъ вещей. Предположимъ, напр , что одно лицо занимается воздѣлываніемъ хлѣба, между тѣмъ какъ дру-

[1]) Zur Kritik etc., p. 33—34.

[2]) The Works. vol. II. Boston 1836. A modest inquiry in to the Nature and Necessity of a Paper Currency.

гое выкапываетъ и очищаетъ серебро. Въ концѣ года или какого-ни-будь другого опредѣленнаго періода времени полный продуктъ пше-ницы и серебра будетъ естественною цѣною одинъ другого, и если одинъ равняется 20 бушелямъ, а другой 20 унціямъ, то одна унція серебра имѣетъ цѣнность труда, употребленнаго на производство одного бушеля пшеницы. Но если, благодаря открытію новыхъ болѣе обильныхъ и болѣе доступныхъ рудниковъ, лицо можетъ произвести 40 унцій серебра съ тою же легкостью, какъ прежде 20, а на произ-водство 20 бушелей пшеницы требуется прежній трудъ, тогда двѣ унціи серебра будутъ стоить не болѣе, какъ той же работы, которая требуется на производство одного бушеля пшеницы, и бушель, стоив-шій прежде одну унцію, будетъ стоить теперь двѣ унціи caeteris paribus. Такимъ образомъ богатство страны слѣдуетъ оцѣнивать ко-личествомъ труда, которое способны купить ея жители". Рабочее время сразу является у Франклина въ одностороннемъ экономическомъ видѣ мѣрила цѣнности. Превращеніе дѣйствительныхъ продуктовъ въ мѣновыя цѣнности разумѣется само собою, и потому дѣло идетъ только о томъ, чтобы пріискать мѣрило для измѣренія величины его цѣнности. „Такъ какъ", говоритъ онъ, „торговля вообще есть не что иное, какъ обмѣнъ труда на трудъ, то цѣнность всѣхъ вещей всего правильнѣе опредѣляется работой" [1]). Если поставить здѣсь дѣйстви-тельный трудъ на мѣсто слова „трудъ", то немедленно обнаружится смѣшеніе работы въ ея двухъ различныхъ формахъ. Такъ, напр., если торговля состоитъ въ обмѣнѣ работъ сапожника, горнорабочаго, пря-дильщика, живописца и пр., то, значитъ, цѣнность сапогъ всего пра-вильнѣе опредѣляется работой живописца? Франклинъ, наоборотъ, полагаетъ, что цѣнность сапогъ, продуктовъ рудника, пряжи, кар-тинъ, опредѣляется отвлеченною работой, которая не обладаетъ ни-какими особенными свойствами и потому измѣряема простымъ коли-чествомъ [2]). Но такъ какъ онъ не различаетъ содержащійся въ мѣно-вой цѣнности трудъ, какъ трудъ абстрактный и общій, возникающій изъ всесторонняго отчужденія индивидуальныхъ работъ, то онъ по необходимости просматриваетъ деньги, какъ непосредственную форму существованія этой отчуждаемой работы. Поэтому деньги и работа, опредѣляющая мѣновую цѣнность, не находятся, по его мнѣнію, ни въ какой внутренней связи, а деньги скорѣе являются орудіемъ, вне-сеннымъ въ обмѣнъ только для внѣшняго удобства [3]). Анализъ мѣно-вой цѣнности Франклина остался безъ непосредственнаго вліянія на общій ходъ науки, такъ какъ онъ подвергалъ своему обсужденію только одни отдѣльные вопросы политической экономіи по опредѣ-леннымъ практическимъ поводамъ.

[1]) Ib., p. 265.
[2]) Ib., p. 267.
[3]) Paper on American Politics etc.

Обратимся теперь къ Ад. Смиту, имя котораго рѣдко обходятъ въ большинствѣ экономическихъ трактатовъ, обсуждая вопросъ о цѣнности. Дѣйствительно, нѣкоторыя особенности этого вопроса чуть-ли не впервые намѣчены Смитомъ. Въ отношеніи же къ цѣнности вообще справедливо сказать о Смитѣ то, что сказалъ Роширъ относительно всей его системы [1]): „Adam Smith ist keineswegs *in dem Grade*, wie man gewöhnlich annimmt, *Erfinder* der von ihm ausgesprochenen Wahrheiten".

Раздѣленіе труда, говоритъ Смитъ [2]), дѣлаетъ необходимымъ обмѣнъ, потому что каждый членъ общества, производя лишь одинъ видъ или родъ предметовъ, можетъ самъ удовлетворить лишь весьма незначительной части своихъ потребностей, слѣдовательно, принужденъ покрывать бо́льшую часть ихъ путемъ обмѣна излишка произведеній надъ своими потребностями. Взаимный обмѣнъ столь различныхъ продуктовъ находитъ главное препятствіе въ томъ, что предлагаемое не всегда нужно каждому, и желаемое не каждымъ предлагается. Потребность имѣть такое мѣноспособное благо, которое могло бы всегда и вездѣ быть принимаемо, дала возникновеніе деньгамъ. Каковы же правила (rules), которымъ естественно слѣдуютъ люди при обмѣнѣ продуктовъ на продукты и на деньги? Эти правила опредѣляютъ то, что можетъ быть названо относительной или мѣновой цѣнностью благъ. Слово цѣнность имѣетъ два различныхъ значенія: иногда оно означаетъ полезность предмета, иногда власть, предоставляемую предметомъ покупать за него другіе предметы; первую можно назвать потребительною цѣнностью, вторую—мѣновою. Вещи большой потребительной цѣнности часто или вовсе не имѣютъ, или имѣютъ незначительную мѣновую цѣнность, и наоборотъ. За воду, какъ бы она ни была полезна, почти ничего нельзя получить путемъ обмѣна; напротивъ, за алмазъ, который не имѣетъ почти никакой потребительной цѣнности, получаютъ часто большое количество другихъ благъ въ обмѣнъ. Поэтому важно: во-первыхъ, найти основанія, на которыхъ покоится мѣновая цѣнность товаровъ, другими словами,— изслѣдовать, каковъ дѣйствительный масштабъ мѣновой цѣнности, или въ чемъ состоитъ дѣйствительная цѣна всѣхъ товаровъ; во-вторыхъ, узнать, каковы различныя составныя части дѣйствительной цѣны; наконецъ, въ-третьихъ, опредѣлить, каковы различныя обстоятельства, иногда возвышающія часть или всю совокупность различныхъ частей цѣны надъ ея естественнымъ или обычнымъ уровнемъ, иногда понижающія ихъ надъ нимъ, или, другими словами, каковы причины, препятствующія рыночной цѣнѣ товаровъ точно совпадать съ естественною цѣною ихъ. Каждый богатъ или бѣденъ, смотря по

[1]) Zur Geschichte der englischen Volkswirthschaftslehre, S. 123.
[2]) Wealth of nations, B. I, ch. IV, V, VI, VII.

степени, въ какой онъ можетъ доставлять себѣ удовлетвореніе потребностей, удобствъ и удовольствій человѣческой жизни. Но такъ какъ, по введеніи раздѣленія занятій, каждый посредствомъ собственнаго труда сталъ удовлетворять лишь весьма незначительной части этихъ потребностей, удобствъ и удовольствій, то большую часть ихъ онъ принужденъ покрывать трудомъ другихъ людей. Отсюда слѣдуетъ, что можно быть также бѣднымъ или богатымъ, смотря по количеству труда другихъ, которое можетъ быть поставлено въ обладаніе лица или обмѣнено имъ. Цѣнность товара для лица, которое имъ обладаетъ, но не думаетъ пользоваться имъ или потреблять его, а желаетъ обмѣнять его на другіе товары, равна тому количеству труда которое можетъ быть получено путемъ обмѣна этого товара или поставлено посредствомъ его въ распоряженіе лица. Дѣйствительная цѣнность каждой вещи. то, чего стоитъ каждая вещь лицу, желающему пріобрѣсти ее,—есть трудъ и усилія пріобрѣтенія ея. Дѣйствительная цѣнность вещи для лица, уже пріобрѣтшаго ее и желающаго пользоваться ею, или обмѣнять ее на другую вещь, — есть трудъ и усилія, сберегаемыя лицомъ и перелагаемыя на другія лица. Но часто бываетъ не легко опредѣлить отношеніе между двумя различными количествами труда, ибо не только время, но также и затруднительность работы и употребленная въ дѣло ловкость должны быть принимаемы въ разсчетъ. Поэтому на практикѣ охотнѣе принимаютъ для измѣренія мѣновой цѣнности благъ осязательный предметъ. извѣстный товаръ, потому что подобное благо легче служитъ указанной цѣли, нежели отвлеченное представленіе.

Но какъ скоро деньги становятся всеобщимъ орудіемъ мѣны, то непосредственный обмѣнъ прекращается, и всѣ блага начинаютъ обмѣниваться на деньги. Тѣмъ не менѣе мѣновая цѣнность денегъ подлежитъ измѣненіямъ. тогда какъ одно и то же количество труда во всѣ времена и повсюду сохраняетъ *для работника*, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, одну и ту же цѣнность, т. е. всегда требуетъ одинаковыхъ пожертвованій спокойствіемъ, свободой и счастьемъ. Колеблется мѣновая цѣнность тѣхъ благъ, которыя даются за трудъ, а не самаго труда. Цѣна, которую уплачиваетъ работникъ, должна быть всегда одна и та же, каково бы ни было количество благъ, получаемыхъ за нее. Итакъ, одинъ только трудъ представляетъ въ собственномъ смыслѣ масштабъ для измѣренія мѣновой цѣнности благъ всегда и повсюду; онъ—дѣйствительная, деньги же только нарицательная цѣна благъ. Но не такъ смотритъ на дѣло тотъ, кто даетъ занятія рабочимъ: съ его точки зрѣнія, одинъ и тотъ же трудъ имѣетъ то бо́льшую, то меньшую мѣновую цѣнность. Въ дѣйствительности же, не трудъ, а отдаваемыя за него блага дороги въ одномъ случаѣ и дешевы въ другомъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что и

самый трудъ, подобно благамъ, имѣетъ дѣйствительную и нарицательную цѣны: первая состоитъ въ количествѣ предметовъ необходимости или удобства, отдаваемыхъ за трудъ, вторая — въ количествѣ денегъ. Рабочій богатъ или бѣденъ, вознагражденъ хорошо или худо, смотря по дѣйствительной, а не по нарицательной цѣнѣ его труда. Различіе между дѣйствительной и нарицательной цѣнами товаровъ имѣетъ часто большое значеніе въ практической жизни. Одна и та же дѣйствительная цѣна представляетъ всегда одну и ту же мѣновую цѣнность, но, вслѣдствіе измѣненія мѣновой цѣнности золота и серебра, одна и та же нарицательная цѣна выражаетъ въ разное время весьма различныя цѣнности. Но въ отдаленныя одна отъ другой эпохи равнымъ количествамъ труда гораздо ближе соотвѣтствуютъ равныя количества хлѣба—средства существованія работниковъ, нежели равныя количества золота или серебра, или, быть можетъ, всякаго другого товара. Такимъ образомъ, дѣйствительныя цѣнности равныхъ количествъ хлѣба гораздо ближе между собою въ отдаленныя эпохи, т. е. даютъ его обладателю бо́льшую возможность покупать или заказывать одни и тѣ же количества труда другихъ людей.

Переходя затѣмъ къ опредѣленію составныхъ частей цѣны, Смитъ различаетъ два новые вида цѣнности — естественную и рыночную. Въ первобытномъ состояніи общества, говоритъ онъ, предшествовавшемъ накопленію капиталовъ и обращенію въ собственность земель, отношеніе между количествами труда, необходимыми для пріобрѣтенія различныхъ предметовъ, представляетъ, кажется, единственное условіе, на которомъ основывается правило обмѣна предметовъ одинъ на другой. Естественно, что, при такихъ обстоятельствахъ, вещь, составляющая продуктъ двухъ дней или двухъ часовъ труда, стоитъ вдвое болѣе, нежели вещь, произведенная однимъ днемъ или часомъ труда. При этомъ, разумѣется, принимаютъ также въ разсчетъ степень ловкости и большей или меньшей затруднительности примѣненія къ дѣлу труда. Въ такомъ положеніи вещей весь продуктъ труда принадлежитъ работнику. Но какъ скоро появились накопленія капитала въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, то нѣкоторые изъ нихъ естественно пожелали употребить эти накопленія на заказъ труда рабочихъ людей, снабжая послѣднихъ матеріаломъ и средствами существованія, въ разсчетѣ получать прибыль *отъ продажи* ихъ произведеній, или отъ того, что присоединяетъ ихъ трудъ къ цѣнности матеріала. При обмѣнѣ готоваго продукта на деньги, на трудъ, или на другія блага, должны быть выручаемы не только цѣна матеріала и задѣльная плата рабочихъ, но, сверхъ того, излишекъ, служащій прибылью предпринимателю, который затратилъ въ дѣло капиталъ. Съ тѣхъ поръ, какъ земля страны стала частною собственностью,

землевладѣльцы, подобно всѣмъ прочимъ людямъ, предпочли собирать тамъ, гдѣ никогда не сѣяли, и требовать ренту даже за естественныя произведенія почвы. Эта часть, или, что одно и то же, цѣна этой части составляетъ третью составную часть цѣны большинства произведеній. Дѣйствительная цѣнность всѣхъ составныхъ частей цѣны измѣряется количествомъ труда, которое можетъ каждая изъ нихъ купить или заказать. Трудъ измѣряетъ цѣнность не только той части цѣны, которая разлагается на трудъ, но и тѣхъ, которыя разлагаются на ренту и прибыль. Въ каждомъ обществѣ цѣна всякаго товара состоитъ изъ той или изъ другой, или изъ всѣхъ этихъ частей вмѣстѣ. Такъ какъ въ образованной странѣ существуетъ весьма небольшое количество товаровъ, мѣновая цѣнность которыхъ вытекала бы единственно изъ труда, и такъ какъ въ цѣнности гораздо большей ихъ части рента и прибыль принимаютъ значительное участіе, то годичный продуктъ труда всегда будетъ въ состояніи купить или заказать гораздо большее количество труда, нежели то, которое было употреблено, чтобы добыть, обработать и поставить на рынокъ весь этотъ продуктъ.

Въ каждомъ обществѣ или мѣстности существуетъ обыкновенный или средній уровень (rate) задѣльной платы и прибыли въ каждомъ отдѣльномъ приложеніи труда и капитала. Величина эта опредѣляется, частью, общими условіями, въ которыхъ находится общество, его богатствомъ или бѣдностью, прогрессивнымъ движеніемъ его, неподвижнымъ положеніемъ или упадкомъ, частью,—особенностями каждаго отдѣльнаго занятія. Равнымъ образомъ, въ каждомъ обществѣ или мѣстности существуетъ средній или обыкновенный уровень ренты, также опредѣляемый, частью, общими условіями, частью,—плодородіемъ земли. Этотъ обыкновенный или средній уровень задѣльной платы, прибыли и ренты можно назвать естественнымъ для того времени и мѣста, въ которомъ онъ преобладаетъ. Когда цѣна какого-либо произведенія стоитъ не выше и не ниже того, что достаточно для уплаты поземельной ренты, задѣльной платы и прибыли, необходимыхъ для добычи, обработки и поставки этого произведенія на рынокъ по естественному уровню, то оно продается по цѣнѣ, которую можно назвать *естественною* его цѣною. Продуктъ продается въ такомъ случаѣ именно за то, что онъ стоитъ (worth), или во что онъ дѣйствительно обошелся (costs) лицу, доставившему его на рынокъ [1]). Существующая цѣна продукта есть то, что называютъ *ры-*

[1]) Смитъ разъясняетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: „For though in common language what is called the prime cost of any commodity does not comprehend the profit of the person who is to sell it again, yet if he sells it at a price which is not allow him the ordinary rate of profit of his neighbourhood, he is evidently a looser by the trade; since by employing the stock in some other he might have made that profit". W. of N., M-c Cull., 1858.

*ночною* его цѣною. Она можетъ быть выше, ниже, равна естественной цѣнѣ; опредѣляется она отношеніемъ между количествомъ товара, существующимъ на рынкѣ, и спросомъ тѣхъ, кто готовъ уплатить естественную цѣну товара, или всю цѣнность ренты, *труда* и прибыли, уплата которыхъ необходима для доставленія товара. Естественная цѣна составляетъ, такъ сказать, средоточіе, къ которому тяготѣютъ постоянно цѣны всѣхъ товаровъ. Годовое производство естественно стремится совпасть съ тѣмъ количествомъ, какое достаточно для покрытія дѣйствительнаго, т. е. соединеннаго со средствами пріобрѣтать, спроса, стремится не быть больше этого количества. Но случайныя и естественныя обстоятельства держатъ часто рыночную цѣну то выше, то ниже естественной цѣны.

Мы не послѣдуемъ за Смитомъ далѣе, хотя отдѣльныя мѣста его сочиненія представляютъ нѣкоторыя детали вопроса, а подчасъ и основныя понятія цѣнности въ нѣсколько иномъ видѣ, нежели изложенныя нами мнѣнія. Займемся теперь краткимъ обзоромъ положеній Смита.

Съ перваго взгляда мы видимъ въ его ученіи совершенно новую и оригинальную черту — попытку ввести въ рядъ предметовъ, обмѣниваемыхъ другъ на друга, *трудъ* и опредѣлить условія, отъ которыхъ зависитъ размѣръ заработка въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. До тѣхъ поръ, пока типомъ новой производственной формы служили единственно заграничная торговля (пріобрѣтшая, правда, громадные размѣры, благодаря открытію Америки, морского пути въ Индію и т. д.) и поддерживаемая искусственными средствами промышленность (мѣры Сюлли, Кольбера, навигаціонный актъ Кромвеля и т. д.)—экономическіе писатели могли, и даже почти поставлены были въ необходимость, слегка касаться или опускать безъ вниманія [1]) вопросъ о томъ, какую роль играетъ трудъ не только въ качествѣ элемента и мѣрила цѣнности, но и въ качествѣ самостоятельнаго продукта. Но развитіе различныхъ отраслей индустріи, достигающее во второй половинѣ XVIII вѣка чрезвычайно высокой степени, реформы въ земледѣліи, промышленныя изобрѣтенія и открытія придали такіе размѣры труду въ качествѣ товара, формально мѣняемаго на задѣльную плату, что игнорировать эту роль его не оставалось болѣе никакой возможности. Однимъ изъ первыхъ въ ряду экономистовъ, сдѣлавшихъ серьёзный опытъ уясненія двойственной роли труда, является Ад. Смитъ. Насколько удался ему этотъ опытъ—увидимъ ниже; но важность вопроса и своевременность постановки его на очередь подтверждаются тѣмъ, что со временъ Смита нѣтъ почти книги, въ которой, рядомъ съ другими общими экономическими вопросами, не обсуждался бы и вопросъ о цѣнности труда.

[1]) Мы видѣли, какой легкій очеркъ этого вопроса даетъ прямой предшественникъ Смита—Steuart. Физіократы также не высказываются объ немъ.

Къ мысли о томъ, что самъ трудъ, еще не затраченный, не принявшій формы продукта, продается и покупается, подобно всякому другому товару, а слѣдовательно, имѣетъ и цѣнность совершенно независимую отъ цѣнности готоваго продукта, — Смитъ приходитъ лишь постепенно, и впослѣдствіи не вездѣ остается ей вѣренъ. Прежде всего, какъ мы видѣли, Смитъ отличаетъ цѣнность потребленія отъ цѣнности мѣновой. Первая представляетъ собою не болѣе какъ полезность, т. е. свойство, принадлежащее предметамъ. Примѣръ относительно алмаза и воды имѣетъ цѣлью пояснить разницу между полезностью и мѣновою цѣнностью, но долженъ считаться въ этомъ смыслѣ неудачнымъ, такъ какъ и вода, и алмазъ имѣютъ и мѣновую цѣнность, и полезность, коль скоро добываются и потребляются. Сверхъ того, мы старались уже показать, что не существуетъ основаній, по которымъ можно было бы, по отношенію къ среднему времени, различать полезности, какъ сами по себѣ, такъ и въ отношеніи къ среднимъ человѣческимъ потребностямъ. Переходя къ разъясненію понятія мѣновой цѣнности, Смитъ проводитъ различіе между нарицательной и дѣйствительной цѣнами (слѣдуя Смиту, мы употребляемъ здѣсь безразлично оба эти выраженія). Тутъ-то и возникаетъ вопросъ о двоякой роли труда. Посмотримъ, какъ рѣшаетъ его Смитъ. Нарицательная цѣна, говоритъ онъ, есть количество денегъ, получаемое въ обмѣнъ за продуктъ. Но что такое дѣйствительная цѣна? Очевидно, что для установленія понятія объ ней нужно было найти какой-нибудь контрастъ или параллель между деньгами и другими продуктами, получаемыми въ обмѣнъ за данный продуктъ. Въ противномъ случаѣ, дѣленіе цѣны на два вида, дѣйствительную и нарицательную, не имѣло бы смысла. Всего естественнѣе было бы указать на важный для науки контрастъ между деньгами—продуктомъ *непотребляемымъ*— и всякими другими *потребляемыми* продуктами. Такое противоположеніе, часто пускаемое въ ходъ позднѣйшими экономистами, ведетъ къ установленію различія между заработкомъ или выручкой въ деньгахъ и въ продуктѣ непосредственнаго потребленія: за деньги еще предстоитъ пріобрѣсти потребляемый продуктъ, а потому неизвѣстно, какъ великъ будетъ послѣдній, между тѣмъ какъ самъ такого рода продуктъ служитъ непосредственнымъ выраженіемъ величины заработка или выручки. Но Смитъ остановился на параллели между функціями денегъ и труда, какъ мѣрила цѣны продуктовъ, и нашелъ, что деньги—мѣрило лишь нарицательное, измѣняющееся, трудъ, напротивъ,—дѣйствительное, постоянное. Двойственная роль труда не замедлила привести въ этомъ случаѣ къ ложнымъ заключеніямъ. Въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ, утверждаетъ Смитъ, богатъ или бѣденъ тотъ, кто располагаетъ бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ чужого труда. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что трудъ, *пріобрѣтаемый*

на рынкѣ, есть мѣрило мѣновой цѣнности благъ. Но спрашивается, какой разумѣется здѣсь трудъ? Потенціальный-ли, рабочая сила, трудъ еще не затраченный въ продуктъ, или, напротивъ, трудъ уже заключенный въ готовомъ продуктѣ? Годенъ-ли трудъ второго рода для измѣренія цѣнности—это мы увидимъ впослѣдствіи, но что трудъ перваго рода отнюдь не удовлетворяетъ подобному назначенію—объ этомъ мы скажемъ тотчасъ.

Сколько можно судить изъ послѣдующихъ словъ Смита, онъ разумѣетъ здѣсь подъ трудомъ безразлично оба его вида. Дѣйствительная цѣнность вещи пріобрѣтаемой, говоритъ онъ далѣе,—трудъ и усилія пріобрѣтенія; отчуждаемой — трудъ и усилія, сберегаемые владѣльцемъ вещи и перелагаемые на другія лица, словомъ, чужіе трудъ и усилія. Не трудно замѣтить, что подъ „трудомъ и усиліями" Смитъ отождествляетъ трудъ—продуктъ и трудъ, заключенный въ продуктѣ. Обнявъ оба эти представленія однимъ выраженіемъ, Смитъ, не колеблясь, указываетъ на контрастъ между трудомъ и деньгами, состоящій въ томъ, что деньги *покупаютъ* въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ различное количество благъ, между тѣмъ какъ трудъ *соотвѣтствуетъ* всегда и повсюду однимъ и тѣмъ же пожертвованіямъ со стороны рабочаго, здоровьемъ, счастьемъ и спокойствіемъ. Вслѣдъ за проведеніемъ этого контраста между трудомъ и деньгами, Смитъ переходитъ къ установленію различія между дѣйствительною и нарицательною цѣнностью самаго труда, на этотъ разъ уже несомнѣнно труда не затраченнаго, рабочей силы. Подобно благамъ, и самый трудъ, говоритъ онъ, имѣетъ дѣйствительную и нарицательную цѣны: первая состоитъ въ количествѣ предметовъ необходимости или удобства, отдаваемыхъ за трудъ, вторая—въ количествѣ денегъ. Одна и та же дѣйствительная цѣна представляетъ всегда одну и ту же мѣновую цѣнность, но, вслѣдствіе измѣненія мѣновой цѣнности золота и серебра, одна и та же нарицательная цѣна выражаетъ въ разное время различныя цѣнности. Но въ отдаленныя эпохи равнымъ количествамъ труда гораздо ближе соотвѣтствуютъ равныя количества хлѣба — средства существованія работниковъ, нежели равныя количества золота и серебра, или, быть можетъ, всякаго другого товара. Такимъ образомъ, продолжаетъ Смитъ, дѣйствительныя цѣнности равныхъ количествъ хлѣба гораздо ближе между собою въ отдаленныя эпохи, т. е. даютъ его обладателю бо́льшую возможность покупать или заказывать одни и тѣ же количества труда другихъ людей. Итакъ, оказывается, что трудъ въ одно и то же время является и дѣйствительною цѣною другихъ предметомъ, и товаромъ, дѣйствительную цѣну котораго составляютъ другіе предметы, отдаваемые за него. Въ первомъ случаѣ выраженіе „трудъ" примѣняется безразлично и къ затраченному труду, и къ рабочей силѣ, во второмъ оно

касается исключительно рабочей силы, покупательная власть которой относительно важнѣйшаго изъ предметовъ существованія—хлѣба—признается Смитомъ приблизительно постоянною. Но именно это послѣднее обстоятельство — мы увидимъ ниже, что и при отсутствіи его результаты остаются одни и тѣ же,—и должно было бы обратить вниманіе Смита на двойственность характера труда и на вытекающія изъ нея различія по отношенію къ функціи мѣрила цѣнностей.

Дѣло [1]) въ томъ, что если даже извѣстное количество рабочей силы и *покупаетъ* приблизительно одинакія количества хлѣба или другихъ предметовъ продовольствія, то отсюда ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что сами покупаемые предметы *содержатъ* всегда одни и тѣ же количества труда. Количество труда, содержащееся въ единицѣ продукта, бываетъ то больше, то меньше, смотря по естественнымъ и техническимъ условіямъ производства. Мѣра хлѣба добывается въ южной и восточной полосахъ Россіи съ помощью гораздо меньшихъ количествъ труда, нежели въ сѣверной. Во времена Ад. Смита раздѣленіе труда давало возможность 10 рабочимъ произвести въ одинъ день 48.000 булавокъ. Въ настоящее время одна женщина, руководящая 4 машинами, изъ которыхъ каждая даетъ 145,000 булавокъ въ теченіе 11-часового рабочаго дня, производитъ въ день около 600,000 булавокъ, въ недѣлю больше 3.000,000. Стальныя перья продавались въ Англіи въ 1820 г. по 7 ф. 4 ш. за 12 дюжинъ, въ 1830 по 8 шилл., въ настоящее время въ оптовой торговлѣ по 2—6 ш. Причина—различіе въ ремесленномъ, мануфактурномъ и фабричномъ или машинномъ способахъ производства [2]). Такимъ образомъ одни и тѣ же количества рабочей силы

[1]) Слѣдующія замѣчанія о теоріи цѣнности Адама Смита, принадлежащія К. Марксу, отличаются значительною важностью: „Послѣ того, какъ за истинные источники богатства послѣдовательно принимались особые виды труда, какъ земледѣліе, мануфактура, судоходство, торговля, и т. под., Адамъ Смитъ провозгласилъ трудъ вообще и, притомъ, въ общественномъ его сложеніи, въ видѣ раздѣленія труда, какъ единственный источникъ матеріальнаго богатства, или цѣнности потребленія. Адамъ Смитъ, разумѣется, опредѣляетъ цѣнность товаровъ содержащимся въ нихъ рабочимъ временемъ, но переноситъ дѣйствительность этого опредѣленія въ доисторическія времена. Иными словами, что является ему истиннымъ съ точки зрѣнія простого товара, то становится ему неяснымъ, какъ только вступаютъ на мѣсто послѣдняго высшія и болѣе сложныя формы капитала, наемной работы, поземельной ренты и пр. Это онъ выражаетъ такъ, что цѣнность товаровъ выражалась содержащимся въ нихъ рабочимъ временемъ въ потерянномъ раю буржуазіи, гдѣ люди еще не противостояли другъ другу, какъ капиталисты, наемные рабочіе, землевладѣльцы, фермеры, ростовщики и пр., а только, какъ простые производители и размѣнщики товаровъ. Онъ постоянно смѣшиваетъ опредѣленіе цѣнности товаровъ содержащимся въ нихъ рабочимъ временемъ съ опредѣленіемъ ихъ цѣнности цѣнностью труда, колеблется повсюду въ развитіи деталей и замѣняетъ объективное равенство, которое общественный процессъ производитъ насильственно между неодинаковыми работами, субъективнымъ уравненіемъ индивидуальныхъ работъ“.—(См. Zur Kritik der polit. Oekonomie, 1859, 37—41).

[2]) Das Kapital, 450, 451. „Nach Herrn Baines kommen auf 450 Mülesspindeln

не только не покупаютъ равныхъ количествъ труда, заключеннаго въ предметахъ существованія или удовольствія, но не покупаютъ даже постоянныхъ. Отсюда очевидно слѣдуетъ, что рабочая сила не можетъ считаться мѣриломъ цѣнностей наравнѣ съ трудомъ, затраченнымъ въ продуктъ. Тотъ же самый выводъ получается и въ томъ случаѣ, когда предполагается, что рабочая сила не имѣетъ постоянной покупательной силы относительно продуктовъ. Случайный характеръ мѣновыхъ актовъ, которые заключались бы при подобныхъ условіяхъ, еще болѣе чѣмъ въ первомъ случаѣ способствовалъ бы подтвержденію указаннаго мнѣнія. Независимо отъ этого, рабочая сила еще и потому не можетъ удовлетворять назначенію мѣрила, что отношеніе къ ней ея продукта отнюдь не таково, какъ отношеніе къ ней продукта, за который она покупается; иными словами. размѣръ производительности и цѣнности труда или задѣльной платы не совпадаютъ между собою. Въ концѣ концовъ контрастъ между дѣйствительною и нарицательною цѣною продуктовъ и рабочей силы оказывается неудачнымъ потому, что по отношенію къ продуктамъ и та, и другая равно непостоянны, по отношенію же къ рабочей силѣ—постоянство первой не доказываетъ ничего въ пользу годности рабочей силы къ отправленію функціи мѣрила. Несообразность такого смѣшенія двоякой роли труда замѣчена уже Рикардо, но выражена имъ недостаточно ясно.

Обсужденіе Смитовой теоріи составныхъ частей цѣны мы отложимъ до того времени, когда передъ нами будетъ теорія Рикардо объ этомъ предметѣ, представляющая собою частью дополненіе, частью опроверженіе ученія Смита. Съ помощью Рикардо мы будемъ имѣть возможность вѣрнѣе оцѣнить достоинства и недостатки положеній Смита, хотя въ концѣ концовъ, быть можетъ, окажется, что и самъ Рикардо не вполнѣ безупреченъ.

Обратимся къ разсмотрѣнію его теоріи цѣнности.

Ад. Смитъ замѣтилъ, говоритъ Рикардо [1]), что слово цѣнность имѣетъ два различныя значенія и выражаетъ иногда полезность предмета, иногда власть, доставляемую предметомъ своему обладателю, покупать другіе товары. Наиболѣе полезные предметы, продолжаетъ

nebst Vormaschinerie, die von einer Dampfpferdekraft getrieben werden; 2½ Arbeiter und werden mit jeder selfacting mule spindle bei zehnstündigen Arbeitstag 13 Unzen Garn (Durchschnittsnummer), also wöchentlich 365⅝ lbs. Garn von 2½ Arbeitern gesponnen. Bei ihrer Verwandlung in Garn absorbiren ungefähr 366 Pfund Baumwolle (wir sehen Vereinfachung halber vom Abfall ab), also nur 150 Arbeitsstunden oder 15 zehn stündige Arbeitstage, während mit dem Spinnrad, wenn der Handspinner 13 Unzen Garn in 60 Stunden liefert, dasselbe Quantum Baumwolle 2700 Arbeitstage von 18 Stunden oder 27,000 Arbeitsstunden absorbiren würden". Ib., 378.

[1]) Oeuvres complètes de D. Ricardo, traduites en français par Mm. Constancio et Alc. Fonteyraud. Paris. 1847, Chap. premier.

Смитъ, имѣютъ часто лишь незначительную мѣновую цѣнность или не имѣютъ ея вовсе, тогда какъ, наоборотъ, тѣ, которые имѣютъ наибольшую мѣновую цѣнность, имѣютъ самую незначительную цѣнность потребленія или не имѣютъ ея вовсе. Итакъ, не полезность служитъ мѣрою мѣновой цѣнности, хотя полезность и абсолютно необходима для существованія послѣдней. Предметы, разъ признанные полезными, заимствуютъ свою мѣновую цѣнность изъ двухъ источниковъ—рѣдкости ихъ и количества труда, необходимаго для производства ихъ. Существуютъ вещи, цѣнность которыхъ зависитъ только отъ ихъ рѣдкости; такъ какъ количество ихъ не можетъ быть увеличено трудомъ, то цѣнность ихъ не можетъ понижаться вслѣдствіе бо́льшаго изобилія. Таковы дорогія картины, статуи, книги и рѣдкія монеты, изысканныя вина и множество другихъ предметовъ того же рода, цѣнность которыхъ совершенно не зависитъ отъ количества труда, бывшаго необходимымъ на первоначальное производство ихъ; цѣнность ихъ зависитъ единственно отъ состоянія, вкусовъ и капризовъ лицъ, желающихъ обладать ими. Но предметы эти представляютъ лишь незначительную часть товаровъ, ежедневно поступающихъ въ обмѣнъ. Наибольшее количество предметовъ, которыми желаютъ люди обладать, составляетъ результатъ промышленности и потому можетъ быть увеличиваемо, не только въ одной странѣ, но и во многихъ, до предѣла, который можно назвать почти безграничнымъ.

Говоря далѣе о товарахъ, ихъ мѣновой цѣнности, о законахъ, управляющихъ ихъ относительными цѣнами, продолжаетъ Рикардо, мы имѣемъ въ виду исключительно товары такого рода, количество которыхъ можетъ возрастать вслѣдствіе промышленности, производство которыхъ поощряется конкурренціей и не терпитъ никакихъ вмѣшательствъ. Въ дѣтствѣ обществъ мѣновая цѣнность вещей, или правило, установляющее количество одного предмета, которое должно давать въ обмѣнъ за другой, зависитъ единственно отъ сравнительнаго количества труда, употребленнаго на производство каждаго предмета. Ад. Смитъ утверждаетъ въ одномъ мѣстѣ, что дѣйствительная цѣнность вещи пріобрѣтаемой—усилія и трудъ пріобрѣтенія, потребляемой или отчуждаемой—трудъ и усилія, сберегаемыя владѣльцемъ вещи и перелагаемыя на другія лица; трудъ былъ первою цѣною, первоначальной монетой, которою за все платили. Но въ другомъ мѣстѣ Смитъ говоритъ: въ первоначальномъ состояніи обществъ, предшествовавшемъ накопленію капиталовъ и усвоенію земли, отношеніе между количествами труда, необходимыми для пріобрѣтенія каждой вещи, представляетъ единственное условіе, которое можетъ вести къ установленію правила для обмѣна однѣхъ вещей на другія. Наукѣ чрезвычайно важно знать, дѣйствительно-ли таково основаніе мѣно-

вой цѣнности вещей, такъ какъ нѣтъ источника, изъ котораго вытекло бы больше заблужденій и противорѣчій, чѣмъ изъ шаткаго и неточнаго смысла слова „цѣнность“. Если мѣновая цѣнность опредѣляется количествомъ труда, заключеннаго въ предметѣ, то отсюда слѣдуетъ, что всякое увеличеніе количества труда должно необходимо увеличивать цѣнность предмета, на который онъ былъ употребленъ, точно такъ же, какъ всякое уменьшеніе того же труда должно уменьшать цѣну предмета. Но Ад. Смитъ, опредѣливши съ такою точностью первоначальный источникъ мѣновой цѣнности, не пошелъ этимъ путемъ, а создалъ другую мѣру цѣнности, о которой утверждаетъ, что вещи имѣютъ то бо́льшую, то меньшую цѣнность, смотря по количеству этой мѣры, получаемому за нихъ въ обмѣнъ. Разъ онъ говоритъ, что такова цѣнность хлѣба, другой разъ, что—труда; не того труда, который издержанъ на производство вещи, но того, который можетъ быть купленъ вещью, какъ будто это равнозначительныя выраженія, и какъ будто, если трудъ лица сдѣлался вдвое болѣе *производителенъ* и можетъ создать двойное количество какого-нибудь предмета, то отсюда должно слѣдовать, что лицо должно получить въ обмѣнъ двойное *вознагражденіе*. Еслибы это было справедливо, если бы вознагражденіе *рабочаго* соотвѣтствовало его производству, то было бы дѣйствительно справедливо сказать, что количество труда, заключеннаго въ продуктѣ, и количество труда, которое этотъ продуктъ можетъ купить, равны; и то и другое количества могли бы служить безразлично точною мѣрою для колебаній другихъ предметовъ. Но эти количества отнюдь не равны: первое, дѣйствительно, часто бываетъ постояннымъ мѣриломъ, въ точности указывающимъ колебанія цѣнъ другихъ предметовъ; второе, напротивъ, испытываетъ столько же колебаній, какъ и товары или припасы, съ которыми его можно сравнивать.

Золото и серебро, безъ сомнѣнія, подлежатъ колебаніямъ цѣнности,—хотя, впрочемъ, довольно рѣдкимъ и недолговременнымъ,—вслѣдствіе открытія новыхъ и болѣе богатыхъ рудниковъ. Такое же дѣйствіе на ихъ цѣнность оказываютъ улучшенія въ эксплуатаціи рудниковъ, въ машинахъ, употребляемыхъ въ ней, постепенное истощеніе рудниковъ. Но развѣ хлѣбъ не подчиняется хоть одной изъ такихъ причинъ колебанія цѣнъ? Развѣ *цѣнность труда* не измѣняется точно также? Развѣ она не зависитъ отъ измѣнчивой цѣны средствъ существованія и предметовъ первой необходимости, на покупку которыхъ рабочій расходуетъ свою задѣльную плату? Въ одной и той же странѣ, въ данную эпоху, потребно, быть можетъ, вдвое большее количество труда для производства извѣстнаго количества пищи и предметовъ первой необходимости, нежели въ другую и болѣе отдаленную эпоху, и тѣмъ не менѣе легко можетъ быть, что задѣльная

плата рабочаго *уменьшится* лишь незначительно. Если рабочій получалъ въ первую эпоху извѣстное количество пищи и припасовъ, онъ, вѣроятно, не могъ бы существовать при уменьшеніи этого количества. Пища и припасы увеличились бы въ такомъ случаѣ на 100% своей цѣнности, если опредѣлять послѣднюю соотвѣтственно *количеству* труда, необходимаго на ихъ производство, между тѣмъ какъ та же цѣнность увеличилась бы лишь немного, еслибы стали измѣрять ее количествомъ труда, которое покупаютъ эти средства существованія. Извѣстно, что въ Америкѣ и въ Польшѣ годичный трудъ на земляхъ, обработанныхъ позже другихъ, даетъ болѣе пшеницы, чѣмъ въ Англіи. Но, предполагая, что всѣ прочіе припасы одинаково дешевы во всѣхъ трехъ странахъ, не было-ли бы большимъ заблужденіемъ заключать, что количество хлѣба, платимое рабочему, должно въ каждой изъ этихъ странъ соотвѣтствовать легкости производства? Если обувь и одежда рабочаго станутъ производиться путемъ новыхъ и усовершенствованныхъ способовъ и потребуютъ только четверть того количества труда, какое поглощается настоящимъ производствомъ ихъ, то, вѣроятно, они понизятся на 75%; но отсюда еще далеко до права утверждать, что вслѣдствіе того рабочій получитъ, вмѣсто одной пары платья или башмаковъ, четыре пары того и другого; напротивъ, достовѣрно, что его задѣльная плата, регулируемая соперничествомъ и возрастаніемъ населенія, станетъ въ соотвѣтствіе съ новою цѣнностью покупаемыхъ припасовъ. Итакъ, нельзя сказать со Смитомъ, что измѣняется только цѣнность припасовъ, а не труда и что *цѣнность труда* есть единственная постоянная цѣнность, что она одна только можетъ служить мѣриломъ цѣнности всѣхъ припасовъ и товаровъ. Но справедливо утверждать вслѣдъ за Смитомъ, что „относительныя количества труда, необходимаго для пріобрѣтенія вещей, представляютъ единственное условіе, которое можетъ вести къ установленію правила для обмѣна однихъ предметовъ на другіе“; другими словами, относительная, настоящая или прошедшая, цѣнность припасовъ опредѣляется сравнительными количествами припасовъ, которыя *можетъ произвести трудъ*, а не сравнительными количествами припасовъ, которыя *даютъ рабочему въ обмѣнъ* или въ уплату *за его трудъ*.

Предположимъ, что колеблется относительная цѣнность двухъ товаровъ, и что мы желаемъ узнать, *который изъ нихъ* испытываетъ это измѣненіе. Сравнивая одинъ изъ нихъ съ башмаками, чулками, шляпами, желѣзомъ, сахаромъ и всѣми другими товарами, мы находимъ, что цѣнность его не подвергается измѣненіямъ; сравнивая другой съ этими предметами, мы, напротивъ, находимъ, что его мѣновая цѣнность измѣнилась; одно это уполномочиваетъ насъ сказать, что измѣненіе простирается *только* на этотъ, извѣстный товаръ, а не на

всѣ прочіе, съ которыми его сравнивали. Если, проникая глубже въ обстоятельства, относящіяся къ производству этихъ различныхъ предметовъ, мы найдемъ, что нужно прежнее количество труда и капитала для производства башмаковъ, чулокъ и т. д., но что производство такого-то товара стало болѣе быстрымъ и менѣе стоющимъ, то вѣроятность превращается въ достовѣрность. Въ такомъ случаѣ можно смѣло сказать, что измѣненіе цѣнности относится единственно къ извѣстному товару, и открывается причина этого колебанія. Все сказанное справедливо относительно золота, справедливо и относительно труда: если цѣнность труда значительно понижается относительно другихъ предметовъ, если оказывается, что это пониженіе вытекаетъ изъ крайняго обилія пшеницы, сахара, чулокъ,—обилія, происходящаго вслѣдствіе болѣе дѣятельныхъ способовъ производства, то справедливо сказать, что цѣнность хлѣба и другихъ припасовъ понизилась вслѣдствіе уменьшенія количества труда, потребнаго на ихъ производство, и что то, что рабочій выигрываетъ на болѣе легкомъ доставленіи себѣ средствъ существованія, онъ теряетъ по причинѣ быстраго пониженія цѣны его труда. Но Ад. Смитъ и Мальтусъ, признавая справедливымъ сказанное о цѣнности золота, ни за что не согласились бы со мной относительно колебаній цѣнности труда и хлѣба. Предположимъ, что я нанимаю на недѣлю трудъ рабочаго и что вмѣсто 10 шилл. я даю ему только 8; если не произошло никакихъ колебаній въ цѣнности денегъ, то можетъ случиться, что этотъ рабочій купитъ на такой уменьшенный заработокъ не меньше пищи и одежды, нежели прежде; но это слѣдуетъ приписывать уменьшенію цѣнности предметовъ потребленія рабочаго, а не дѣйствительному возвышенію цѣнности заработной платы, какъ утверждаютъ Смитъ и Мальтусъ.

Но несмотря на то, говоритъ Рикардо, что я гляжу на трудъ, какъ на источникъ всякой цѣнности, не слѣдуетъ думать, что я не обращаю вниманія на различные роды труда и на затрудненіе сравнивать между собой трудъ часовой или дневной извѣстной отрасли промышленности съ трудомъ той же продолжительности, посвященнымъ на другую отрасль. Цѣнность всякаго рода труда устанавливается скоро и достаточно точно для удовлетворенія потребностямъ практики: она въ значительной степени зависитъ отъ сравнительной ловкости рабочаго и отъ напряженности его труда. Разъ установившаяся сравнительная лѣстница подлежитъ лишь незначительнымъ измѣненіямъ. Если день рабочаго ювелира стоитъ болѣе, чѣмъ день простого рабочаго, то это отношеніе, признанное и опредѣленное съ давняго времени, сохраняетъ свое мѣсто въ ряду цѣнностей. Итакъ, сравнивая цѣнность одного и того же предмета въ различныя эпохи, можно не обращать вниманія на ловкость и сравнительную напряженность труда работника, потому что онѣ оказываютъ одинаковое

вліяніе въ ту и другую эпоху. Если штука сукна, стоющая въ настоящее время двѣ штуки холста, черезъ 10 лѣтъ будетъ стоить четыре штуки холста, то мы вправѣ заключить съ полною достовѣрностью, что нужно больше труда для производства сукна, или меньше для производства холста, или что обѣ эти причины дѣйствовали одновременно.

Даже въ томъ первоначальномъ состояніи обществъ, о которомъ идетъ рѣчь у Смита, дикарь-охотникъ имѣетъ потребность въ какомъ-нибудь капиталѣ, созданномъ, быть можетъ, имъ самимъ и помогающемъ ему убивать дичь. Не имѣя оружія, какъ могъ бы онъ убить бобра или оленя? Цѣнность этихъ животныхъ слагалась бы, во-первыхъ, изъ времени и труда, употребленныхъ на охоту за ними, во-вторыхъ, изъ времени и труда, необходимыхъ охотнику для пріобрѣтенія его капитала, т. е. оружія. Всѣ необходимыя охотничьи орудія могли бы принадлежать одному классу людей, другой могъ бы взять на себя трудъ охоты; но сравнительная цѣна бобровъ и оленей все-таки оставалась бы въ соотвѣтствіи съ трудомъ, употребляемымъ частью на доставленіе капитала, частью на охоту за животными. Обильны или рѣдки капиталы по отношенію къ труду, обильны или рѣдки пища и другіе предметы первой необходимости,—во всякомъ случаѣ, лица, посвятившія капиталъ равной цѣнности указаннымъ приложеніямъ, извлекутъ половину, четверть, восьмую продукта, остатокъ же послужитъ задѣльною платой тѣмъ, кто дастъ свой трудъ. Но это раздѣленіе интересовъ не повліяетъ на дѣйствительную цѣнность продуктовъ; въ самомъ дѣлѣ, возвысится-ли прибыль съ капитала на 50, на 20, на 10%, возвысится или понизится задѣльная плата,—результатъ будетъ всегда одинъ и тотъ же въ обѣихъ отрасляхъ дѣла.

Если предположить болѣе широкую сферу занятій общества, такую, что одни изъ нихъ доставляютъ лодки, сѣти и снаряды, необходимыя для рыбной ловли, другія—сѣмена и орудія для грубой обработки земли, то и въ этомъ случаѣ будетъ справедливо сказать, что мѣновая цѣнность произведенныхъ предметовъ пропорціональна труду, употребленному на ихъ производство, и не только на производство непосредственное, но также на фабрикацію орудій и машинъ, необходимыхъ въ той отрасли, которая производитъ.

Если обратимся къ состоянію общества, еще болѣе передовому, въ которомъ процвѣтаютъ искусства и торговля, то увидимъ, что и здѣсь колебанія цѣнности товаровъ подчиняются тому же началу. Опредѣляя, напр., мѣновую цѣнность бумажныхъ чулокъ, мы замѣтимъ, что она зависитъ отъ совокупности труда, необходимаго на производство ихъ и на доставку. Прежде всего въ счетъ войдетъ трудъ, необходимый для обработки земли, доставляющей сырой хлопокъ; за-

тѣмъ, трудъ, посредствомъ котораго хлопокъ доставленъ туда, гдѣ производятся чулки: сюда входитъ часть труда, потребнаго на сооруженіе судна, перевозящаго хлопокъ, которая также уплачивается въ цѣнѣ товара; далѣе идетъ трудъ прядильщика и ткача, и часть труда инженера, слесаря, плотника, строившихъ зданіе и машины: наконецъ, услуги мелочнаго торговца и многихъ другихъ лицъ, перечисленіе которыхъ было бы безполезно [1]). Общая сумма всѣхъ этихъ родовъ труда опредѣляетъ количество различныхъ предметовъ, которое должно быть обмѣнено на чулки; подобная же оцѣнка всего труда, употребленнаго на производство самихъ этихъ предметовъ, опредѣлитъ количество ихъ, которое должно быть дано за чулки.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь лежитъ дѣйствительное основаніе всякой мѣновой цѣнности, предположимъ, что въ одной изъ различныхъ операцій, которымъ подвергается сырой хлопокъ, сдѣлано усовершенствованіе, сокращающее трудъ, и сдѣлано въ то время, когда чулки еще не достигли рынка, и посмотримъ, какія послѣдствія будетъ оно имѣть. Если дѣйствительно потребно меньшее количество рукъ для воздѣлыванія хлопка, если употребляется меньше матросовъ, меньше плотниковъ, меньше лицъ для сооруженія зданій и машинъ или, послѣ сооруженія тѣхъ и другихъ, увеличивается дѣятельность ихъ,—то чулки непремѣнно понизятся въ цѣнѣ и, слѣдовательно, они могутъ быть обмѣнены только на меньшее количество другихъ продуктовъ. Экономія въ трудѣ—коснется-ли она труда, необходимаго на производство самаго предмета, или орудій, употребляемыхъ въ этомъ производствѣ,—никогда не остается безъ вліянія на пониженіе цѣнности товара. Въ первомъ случаѣ вся экономія труда переносится на данный продуктъ, во второмъ—только часть, остальная же распредѣлится между всѣми тѣми продуктами, производству которыхъ служитъ орудіе.

Хотя мы смотрѣли до сихъ поръ на трудъ, какъ на основаніе цѣнности вещей, и на количество труда, необходимое на производство ихъ, какъ на правило, опредѣляющее относительныя количества обмѣниваемыхъ предметовъ, но мы не думали утверждать, что въ текущей цѣнѣ товаровъ не бываетъ кое-какихъ случайныхъ и скоро-

[1]) Locke (On civil governm., p. 179), указавъ на то, сколько разнородныхъ усилій должно входить въ счетъ труда, производящаго хлѣбъ, приводитъ слѣдующій примѣръ, совершенно аналогичный примѣру Рикардо: „мы получили бы очень странный каталогъ вещей, доставляемыхъ промышленностью и употребляемыхъ ею для производства каждаго куска хлѣба прежде, нежели онъ потребляется нами, желѣзо, дерево, кожа, кора, строевой лѣсъ, камень, кирпичъ, уголь, известь, холстъ: смола, деготь, мачты, веревки и весь матеріалъ, употребляемый на кораблѣ, который перевозитъ какой-нибудь продуктъ, и матеріалъ, употребляемый кѣмъ-либо изъ рабочихъ въ какой-либо части дѣла,—что было бы почти невозможно или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ долго сосчитать все“.

преходящихъ отклоненій отъ этой первоначальной и естественной цѣны [1]).

При обыкновенномъ теченіи жизни нѣтъ припасовъ, снабженіе которыми оставалось бы въ теченіе нѣкотораго времени въ точности такимъ, какое требуется потребностями людей, а, слѣдовательно, нѣтъ и такихъ, цѣна которыхъ не испытывала бы случайныхъ и временныхъ измѣненій.

Благодаря именно такимъ измѣненіямъ, капиталы, прилагаемые къ дѣлу, получаютъ возможность въ точности соотвѣтствовать требуемымъ пропорціямъ производства товаровъ и не простираться выше ихъ. Возвышеніе и пониженіе цѣнъ дѣйствуетъ на уровень прибыли, и вслѣдствіе этого капиталы оставляютъ одну отрасль для другой, ища болѣе прибыльнаго помѣщенія. Этотъ процессъ совершается не вдругъ, а постепенно, путемъ уменьшенія займовъ на предпріятіе, ставшее невыгоднымъ, и уменьшеніемъ числа рабочихъ. Предположимъ, что всѣ товары сохраняютъ свою *естественную* цѣну и что, слѣдовательно, уровень прибыли съ капитала остается одинъ и тотъ же во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Предположимъ затѣмъ, что перемѣна моды увеличиваетъ спросъ на шелковыя матеріи и уменьшаетъ спросъ на шерстяныя; естественная цѣна ихъ останется та же, что и прежде, потому что количество труда, необходимое на ихъ производство, не измѣнилось, но *рыночная* цѣна шелковыхъ матерій возвысится, шерстяныхъ—понизится. Вслѣдствіе этого, прибыли фабриканта шелковыхъ тканей будутъ выше, шерстяныхъ — ниже обыкновеннаго уровня прибылей; но чрезвычайный спросъ на шелковыя ткани удовлетворится очень быстро, благодаря переходу капиталовъ изъ суконныхъ мануфактуръ въ шелковыя; и тогда рыночная цѣна шелковыхъ и шерстяныхъ тканей снова приблизится къ естественнымъ ихъ цѣнамъ, и каждая изъ этихъ отраслей промышленности дастъ лишь обыкновенную прибыль [2]).

Здѣсь мы закончимъ изложеніе теоріи цѣнности Рикардо, отлагая до соотвѣтствующей главы ту часть его ученія, въ которой онъ изслѣдуетъ вліяніе *капитала* разныхъ родовъ на цѣнность и опредѣляетъ отношеніе къ цѣнности двухъ основныхъ отраслей дохода—*прибыли*

[1]) Oeuvres complètes, ch. IV. Du prix naturel et du prix courant.

[2]) J. B. Say начинаетъ свое примѣчаніе къ этому мѣсту главы Рикардо слѣдующими словами: „La distinction entre le prix naturel et le prix courant que M. Ricardo admet après Smith, paraît être tout-à-fait chimérique. Il n'y a que des prix courants en économie politique". Онъ находитъ далѣе, что такъ какъ цѣнность слагается изъ рыночныхъ цѣнъ, производительныхъ услугъ труда, капитала и земли, а эти рыночныя цѣны установляются единственно спросомъ и предложеніемъ, то и не можетъ быть рѣчи о какой-то prix naturel. „Cela s'appelle copier d'après la nature, mais la raison n'y est pas", отвѣчалъ ф. Тюнену одинъ изъ его друзей на подобную же формулировку ученія о цѣнѣ, взятую первымъ у Смита (Le salaire naturel etc. par de Thünen, trad. par Wolkoff, p. 91).

и *задѣльной* платы. Представляя очеркъ положеній о цѣнности Рикардо, мы не могли, правда, обойти совершенно вопросъ о специфической цѣнности особаго продукта—труда, послужившій автору,—какъ мы говорили уже выше и какъ видѣлъ самъ читатель,—точкой отправленія при обсужденіи общей теоріи цѣнности Смита и установленіи своей собственной. Находя противорѣчіе между дѣйствительной и естественной цѣнами Смита, Рикардо, самъ того не замѣчая, проводитъ капитальное различіе между цѣнностью двухъ различнаго рода продуктовъ и безповоротно рѣшаетъ вопросъ о двоякомъ значеніи труда,—какъ образователя цѣнности и какъ продукта. Но идти далѣе за авторомъ мы не считаемъ себя пока вправѣ, потому что вопросъ о цѣнности труда, какъ самостоятельнаго продукта, есть собственно вопросъ о капиталѣ, слѣдовательно долженъ быть разсматриваемъ отдѣльно.

Въ началѣ настоящей главы мы намѣтили характеристическія черты теоріи цѣнности Рикардо и писателей, шедшихъ одинаковымъ съ нимъ путемъ къ разрѣшенію этого запутаннаго экономическаго вопроса. Черты эти представляютъ собою, частью,—продолженіе, частью,—болѣе краткое выраженіе тѣхъ положеній, которыя были развиваемы нами въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія. Теперь, придя къ наиболѣе удачному и полному въ цѣломъ ряду приведенныхъ нами мнѣній изложенію извѣстнаго ученія, мы считаемъ не лишнимъ остановиться и взглянуть, насколько мы были правы, высказывая означенную характеристику.

Мы говорили, что школа Рикардо принимаетъ въ изслѣдованіе не ту или другую мѣновую сдѣлку въ частности, а сдѣлку типическую, среднюю, выведенную изъ множества мѣновыхъ сдѣлокъ, и видѣли въ этомъ пріемѣ соблюденіе правила относительно выбора времени и области для наблюденія. Но, спрашивается, какимъ образомъ дѣлаются подобнаго рода выводы, при полномъ отсутствіи матеріала, собраннаго и сгруппированнаго по правиламъ статистики? На какую степень достовѣрности разсчитываютъ эти писатели, придавая сдѣлкѣ тотъ характеръ общности, какого она, быть можетъ, вовсе не имѣетъ? Существуетъ-ли какое-нибудь ручательство въ томъ, что средняя или типическая сдѣлка будетъ именно та, которая представляетъ собою равенство количествъ труда, затратъ или издержекъ производства—словомъ, сдѣлка, служащая содержаніемъ формулѣ цѣнности Рикардо, а не какая-нибудь другая, напр., соотвѣтствующая формулѣ Кэри (издержки воспроизведенія), или Бастіа (обмѣнъ двухъ равныхъ услугъ), или Сеніоръ-Вальраса (рѣдкость)? Попробуемъ отвѣчать на всѣ эти вопросы и, разрѣшивъ ихъ, быть можетъ, поймемъ, почему *нельзя* наблюдать экономическіе факты иначе, какъ наблюдала ихъ школа Рикардо,—нельзя подъ страхомъ ложныхъ выводовъ и

заключеній. Тогда же станетъ ясно и то, почему слѣдуетъ считать правильнымъ сдѣланный этой школой выборъ времени и области наблюденій.

Изъ приведенныхъ нами извлеченій и цитатъ видно, что, за исключеніемъ одного только Bois-Guillebert'a, причислявшаго явленіе равновѣсія въ обмѣнѣ къ категоріи явленій, наступленіе которыхъ предстоитъ еще *въ будущемъ*, при соблюденіи соотвѣтствующихъ мѣръ, всѣ прочіе писатели говорятъ исключительно о *существующихъ* отношеніяхъ, о дѣйствительности. Въ этомъ исключительно смыслѣ Petty называетъ естественною цѣною одного продукта такое количество другого, которое равно первому по количеству труда, необходимому на ихъ производство или доставку; Steuart и Cantillon находятъ, что дѣйствительная цѣнность мануфактурныхъ и другихъ товаровъ должна оставаться безъ измѣненія; физіократы хоромъ кричатъ, что обмѣнъ есть договоръ равенства: Смитъ говоритъ, что цѣны имѣютъ извѣстный уровень, котораго постоянно стремятся достигнуть; Рикардо даетъ мнѣнію Смита точку опоры, прибавляя, что средній уровень зависитъ отъ количествъ труда, необходимыхъ на производство обмѣниваемыхъ предметовъ. Всѣ эти авторы, говоря о существующемъ, не пытались собрать о немъ строгій и точный, въ статистическомъ смыслѣ, матеріалъ, не заботились о томъ, чтобы заключенія ихъ опирались на громадную массу фактовъ. Часто можно встрѣтить мнѣніе, что Ад. Смитъ именно тѣмъ и отличается отъ такъ называемой метафизической школы, что дѣлаетъ строго научные выводы, затративъ предварительно серьезный трудъ на собираніе фактическихъ данныхъ. Но это ошибка. Бо́льшая часть лучшихъ положеній Смита, какъ справедливо замѣчаетъ Бокль, добыта чисто гипотетическимъ путемъ, и факты, приводимые Смитомъ, имѣютъ своимъ назначеніемъ, хотя, быть можетъ, и противъ воли автора, только иллюстрировать эти положенія, придавать имъ ту живость колорита, какой они были бы лишены сами по себѣ. Съ наибольшимъ правомъ можно сказать это о теоріи цѣнности Смита. Какіе факты въ его книгѣ прямо отвѣчаютъ, напр., тому его положенію, что цѣнность вещей измѣряется трудомъ? Постоянство цѣнъ хлѣба находится въ довольно отдаленной связи съ этимъ началомъ, а между тѣмъ только исторію цѣнъ мы и находимъ у Смита. Наконецъ, можетъ-ли существовать такой матеріалъ, который вполнѣ соотвѣтствовалъ бы требованіямъ извѣстной формулы? Возможно-ли фактически убѣдиться въ томъ, что наибольшая часть мѣновыхъ случаевъ имѣетъ въ основѣ равенство затратъ? По причинамъ, извѣстнымъ каждому, всѣ вопросы эти могутъ быть рѣшены только отрицательно.

Оставалось пустить въ дѣло единственный, при подобныхъ обстоятельствахъ, пріемъ изслѣдованія: за невозможностью осязать дѣй-

ствительность,—угадать ее. Въ основу догадки или гипотезы цѣнности положенъ тотъ совершенно очевидный и безспорный фактъ, что *сходство между размѣрами человѣческихъ силъ, размѣрами и качествомъ человѣческихъ потребностей—несравненно значительнѣе, крупнѣе, нежели различіе между ними.* Такимъ путемъ не только пріобрѣтался сразу критерій для того порядка, въ которомъ должно производиться изслѣдованіе, не только получалась возможность ориентироваться въ случайной и разнокалиберной массѣ фактовъ, но и указывались канва, скелетъ извѣстнаго строя отношеній, слѣдовательно получала внутренній смыслъ научная классификація ихъ. Сознавалось или не сознавалось приведенное положеніе экономическими писателями, это рѣшительно все равно: во всякомъ случаѣ, оно жило въ нихъ, безъ него они не могли бы ступить ни шагу въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Еще ступень,—и становилось ясно, что сходство, почти равенство силъ и потребностей ведетъ къ извѣстной хозяйственной устойчивости и ведетъ не иначе, какъ путемъ соотвѣтствующихъ дѣлу средствъ, именно *однообразнаго* обмѣна предметовъ существованія. Иначе не могло быть въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ. Устойчивость такого рода не служитъ препятствіемъ дальнѣйшему хозяйственному развитію или исключеніемъ его: она, напротивъ, вѣчный спутникъ, необходимое условіе послѣдняго. Общество можетъ, напр., увеличивать разнообразіе и количество предметовъ потребленія, но чтобы увеличеніе было дѣйствительно общественнымъ, необходимо, чтобы отъ начала и до конца пути большинство или всѣ и каждый были, по крайней мѣрѣ, сыты,—сыты постоянно и однообразно. Нарушеніе подобной устойчивости не можетъ быть долговременнымъ: наличныя экономическія отношенія, взятыя за продолжительные періоды, могутъ опираться только на прочную почву: колебанія, измѣненія и пр., если касаются не одной только формы, случайны по самой природѣ вещей, которая представляетъ собою игру силъ *различныхъ* размѣровъ, слѣдовательно терпитъ менѣе крупныя силы, только подъ условіемъ подчиненія ихъ болѣе крупнымъ. Такое именно отношеніе существуетъ между устойчивостью снабженія общества продуктами и нарушеніями его. Но какая сила можетъ поддержать однообразіе мѣновыхъ случаевъ, безъ котораго немыслима экономическая устойчивость, слѣдовательно немыслимо и экономическое общество, послужившее самымъ общимъ постулатомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій? Вездѣ и всегда значительная часть предметовъ потребленія добывалась не иначе, какъ посредствомъ труда. Обмѣнъ, въ основаніи котораго не лежало бы равныхъ количествъ труда, велъ бы къ такому поглощенію однѣхъ хозяйственныхъ силъ другими, которое ни въ какомъ случаѣ не могло бы длиться въ теченіе продолжительнаго времени; а между тѣмъ, только такое время годно для научнаго изслѣдо-

ванія [1]). Итакъ, если въ установленіи мѣновыхъ пропорцій и принимаютъ участіе многія силы различнаго размѣра, то всѣхъ крупнѣе размѣръ силы, которою держится самый хозяйственный строй. — труда. Разъ, что признается однообразіе мѣновыхъ случаевъ,—а не признаваться оно не можетъ еще и потому, что составляетъ фактъ, наблюденный по правиламъ статистики, — должно быть допущено также, что и сила, поддерживающая его, столь же однообразна, постоянна, обща. Такою силою можетъ быть только трудъ.

Теперь мы можемъ отвѣчать на поставленные нами вопросы. Отсутствіе надлежащаго матеріала не мѣшаетъ признать типическою такую мѣновую сдѣлку, которая представляетъ собою выраженіе дѣйствія наибольшей хозяйственной силы. Мы говорили прежде, что каждое изъ частныхъ хозяйствъ въ большей части своихъ отправленій находится подъ давленіемъ всей массы ихъ и потому сообразуется съ тѣми требованіями, которыя ставятся ею. Что затѣмъ, въ извѣстныхъ узкихъ предѣлахъ, каждое хозяйство ведетъ свою дѣятельность самостоятельно,—это подразумѣвается само собою. Громадное разнообразіе положеній, въ которыхъ фактически находятся отдѣльныя хозяйства,—разнообразіе, простирающееся на мѣстныя, климатическія, племенныя, культурныя, индивидуальныя и т. д. условія различныхъ хозяйствъ,—даетъ содержаніе столь же громадной массѣ отклоненій отъ общаго хозяйственнаго плана, отъ подчиненности частей цѣлому. Но не слѣдуетъ забывать, что размѣръ силы, сплотившей въ массу безконечное множество частныхъ хозяйствъ, именно труда, организованнаго по началу раздѣленія,—жизненнаго принципа даннаго хозяйственнаго общества,—въ значительной степени превосходитъ размѣръ всей совокупности мелкихъ силъ, производящихъ указанныя отклоненія. Отсюда не слѣдуетъ, что отклоненія эти вовсе незначительны или не должны быть изучаемы: то и другое одинаково ложно. Отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, что отклоненія играютъ

[1]) „Dans la réalité, tout ce que existe n'est qu'un phénomène de passage vers un but non encore atteint et éloigné. Dans l'Etat isolé au contraire nous avons eu toujours en vue le résultat final, donc le but déjà atteint. Arrivé au but nous trouvons le repos et, avec cela, l'état de permanence; c'est alors que nous voyons toute chose conforme aux lois de la science, tandis que dans la période du passage, plusieurs choses nous paraissent comme dans un chaos inextricable. L'état de permanence ne peut cependant pas avoir lieu dans la réalité... Cependant, et malgré cette inconstance, dans chaque élément du problème que nous soumettons aux investigations se trouve le germe d'un développement déterminé, qui n'est éventuel ni arbitraire. Tout comme nous savons quel arbre poussera du gland mis en terre, de même nous pouvons ici prévoir d'avance et nous représenter en idée le résultat final des conséquences issues du germe, en supposant toutefois qu'il n'y aura point d'influences perturbatrices. C'est en cela que se trouve la justification de ce que dans nos recherches, nous envisageons et nous prenons pour base l'état de permanence". De Thünen, Le salaire naturel. p. 37—39.

лишь подчиненную роль, во-вторыхъ, что они должны быть изучаемы *позже*; это послѣднее потому, что въ противномъ случаѣ мы потеряемъ ключъ къ изученію *общаго* закона, тяготѣющаго надъ массою явленій, а слѣдовательно, не изучимъ порядочно и той области, въ которую вошли.

Теорія труда, какъ измѣрителя и регулятора мѣновыхъ отношеній, всего менѣе можетъ считаться открытіемъ самого Рикардо, который только придалъ болѣе острую и ясную формулировку ученію своихъ предшественниковъ и особенно ихъ представленію о различіи между цѣнностью продуктовъ и цѣнностью труда, еще не затраченнаго въ производство. До извѣстной степени теорія эта можетъ быть признана достояніемъ всего человѣчества, такъ какъ сознаніе ея, хотя и болѣе или менѣе смутное, встрѣчается у большей части народовъ земного шара и на всевозможныхъ ступеняхъ развитія. Зародышей этой теоріи слѣдуетъ искать въ древнѣйшихъ обычаяхъ первобытныхъ народовъ, въ силу которыхъ общинный трудъ ведетъ къ общинной, а отдѣльный трудъ къ частной собственности, подъ видомъ-ли права распоряженія вновь воздѣланнымъ участкомъ никѣмъ не занятой земли, пока продолжается ея обработка, или подъ видомъ частнаго права собственности на отдѣльно пойманную дичь, рыбу, на отдѣльно сдѣланное орудіе и пр. Введеніе раздѣленія въ обществѣ труда не вноситъ никакой перемѣны въ то основное, физіологическое начало первобытнаго и всякаго иного экономическаго союза, что за трудомъ должно слѣдовать потребленіе произведеннаго; поэтому не удивительно, что и обмѣнъ произведеній развивается на томъ же самомъ началѣ труда, которое постепенно превращается въ взаимное возмѣщеніе трудовыхъ эквивалентовъ. Правда, ведя за собою пріобрѣтеніе предметовъ потребленія изъ чужого хозяйства, за которые должны отдаваться продукты собственнаго производства, раздѣленіе въ обществѣ труда не только удаляетъ потребность отъ ея удовлетворенія, но и вноситъ антагонистическій характеръ въ процессъ распредѣленія богатства, совершенно чуждый первобытно-общинной формѣ производства. Но не слѣдуетъ забывать, что именно этотъ антагонизмъ, вытекающій *изъ неравной настоятельности потребностей* многочисленныхъ мѣняющихся сторонъ, и является тою объективною, рыночною силою, которая *способствуетъ проявленію закона цѣнности*, естественной цѣнности или цѣнности, основанной на трудѣ,—подъ видомъ непрерывныхъ колебаній вокругъ извѣстнаго центра. Что сравнительная настоятельность потребностей представляетъ единственный пунктъ для сравненія мѣновыхъ размѣровъ произведеній, кромѣ заключающагося въ нихъ труда, это прекрасно видно изъ того, что сами по себѣ цѣнности потребленія, не имѣя между собою ничего общаго, никакому сравненію не подлежатъ. Ка-

ждая цѣнность потребленія одинаково хороша *на своемъ мѣстѣ* и *въ свое время* и въ этомъ смыслѣ должна быть признана совершенно *одинаково нужною* со всякою другою. Къ тому же обмѣнъ вѣдь только потому и происходитъ, что спеціально-полезные виды труда каждой мѣняющейся стороны, служащіе образователями цѣнности потребленія, *различны между собою*. Никто не станетъ мѣнять хлѣба на хлѣбъ и овощей на овощи. Но одной сторонѣ хлѣбъ можетъ быть въ данный моментъ времени *нужнѣе*, чѣмъ другой—овощи, и потому первая будетъ расположена повысить мѣновую цѣнность хлѣба и тѣмъ самымъ понизить цѣнность овощей. Такому случайному поднятію цѣнности хлѣба, подъ вліяніемъ противоположныхъ причинъ, будетъ соотвѣтствовать ея паденіе и тѣмъ самымъ будетъ установлена средняя его цѣнность, въ которой пастоятельность потребностей обѣихъ сторонъ уравнивается, т. е. предметы становятся одинаково нужными. Вотъ эти-то колебанія, въ одно и то же время и создающія и нарушающія мѣновое равновѣсіе, и имѣетъ въ виду та теорія, на основаніи которой мѣновые размѣры произведеній находятся въ зависимости не отъ труда, а отъ спроса и предложенія, отъ сравнительной степени полезностей, услугъ и т. п. Но ошибочность этой теоріи состояла въ томъ, что она уравнительное дѣйствіе пастоятельности потребностей на проявленіе закона цѣнности признаетъ за самый этотъ законъ. Именно потому, что пастоятельность потребностей не всегда одинакова, а попеременно то больше, то меньше на каждой сторонѣ, она и ведетъ къ уравненію цѣнностей; иными словами, въ результатѣ двухъ противоположныхъ движеній равныхъ силъ паступаетъ между ними равновѣсіе. Справедливость этого положенія нисколько не измѣняется отъ того, что указанное равновѣсіе постоянно все снова нарушается и возстановляется и поэтому *всегда* является не иначе, какъ въ видѣ противоположныхъ колебаній, или, слѣдуя К. Марксу, на подобіе закона притяженія, обрушивающаго домъ на голову его строителя и владѣльца.

Теорія труда, какъ мѣрила и регулятора мѣновыхъ цѣнностей, имѣла, какъ мы видѣли выше, многочисленныхъ представителей съ самой колыбели политической экономіи, среди писателей XVII и XVIII вѣковъ, которые взглянули на дѣло непредубѣжденнымъ взглядомъ и потому немедленно увидѣли истину. Та же самая теорія, подъ видомъ ученія объ издержкахъ производства, прямо или косвенно признавалась и впослѣдствіи цѣлымъ сонмомъ экономистовъ, и только нѣсколькимъ нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ писателямъ выпало на долю сдѣлать неудачную попытку замѣнить ее теоріей сравнительной пастоятельности потребностей. По мѣрѣ накопленія историко-экономическаго матеріала все болѣе и болѣе выяснялась истина, что положеніе, лежащее въ основаніи теоріи труда, предста-

вляетъ собою не только плодъ догадки, но дѣйствительный универсальный фактъ. Въ этомъ отношеніи сравненіе мѣнового порядка настоящаго времени съ общинными порядками прошедшаго оказало ту же услугу, какую принесло для пониманія современной частной собственности сравненіе ея съ собственностью первобытно-общинной. Изъ контрастовъ возникаетъ истина.

Типическая сдѣлка школы Рикардо имѣетъ вполнѣ характеръ общности и въ этомъ смыслѣ далеко оставляетъ за собою какъ общераспространенную формулу цѣнности, по которой размѣры обмѣниваемыхъ предметовъ соотвѣтствуютъ потребительной цѣнности ихъ, такъ и цѣлый рядъ другихъ формулъ, представляющихъ собою не что иное, какъ видоизмѣненіе двухъ упомянутыхъ. „Адаму Смиту", говоритъ одинъ изъ лучшихъ истолкователей Рикардо—Edw. Baumstark [1]), дѣлали съ различныхъ сторонъ упреки въ томъ, что онъ оставилъ безъ развитія понятіе о потребительной цѣнности, несмотря на чрезвычайную важность его для науки о народномъ хозяйствѣ; въ новѣйшее время братъ извѣстнаго экономиста J. B. Say'я—Louis Say, задумавъ пополнить пробѣлъ въ наукѣ, пытался положить въ основаніе политической экономіи понятіе о потребительной цѣнности. Но намъ кажется, что въ наукѣ, подобной политической экономіи, которая изслѣдуетъ общіе законы хозяйственной жизни и объясняетъ явленія хозяйственной массы народонаселенія, должно быть принимаемо въ основаніе лишь то, что можетъ быть отграничено строго научно и столь же успѣшно служить объясненію общеизвѣстныхъ явленій. Чѣмъ большему числу отдѣльныхъ явленій дано мѣсто, тѣмъ больше изслѣдованіе принадлежитъ практикѣ, тѣмъ меньше—наукѣ... Наука о народномъ хозяйствѣ должна рѣшать вопросы о природѣ, существѣ и составныхъ частяхъ, производствѣ, распредѣленіи и потребленіи народнаго имущества и дохода, о возвышеніи, неподвижномъ состояніи и паденіи уровня всеобщаго благосостоянія, о всеобщемъ ходѣ торговли, развитіи и взаимномъ вліяніи промышленныхъ сословій. Потребительная цѣнность, въ смыслѣ общаго понятія, разумѣется, служитъ этой наукѣ въ качествѣ критерія для сужденія, желательно-ли и на сколько, то или другое благо человѣку. Но дальнѣйшему рѣшенію хозяйственныхъ вопросовъ это понятіе не только не способствуетъ, но даже вредитъ. Какъ скоро мы войдемъ въ частности, то подвергаемся риску встрѣтить столько же потребительныхъ цѣнностей, сколько существуетъ періодовъ времени, народовъ, странъ, провинцій, городовъ, общинъ, сословій, родовъ, семействъ, возрастовъ, людей и т. д. [2])... Вмѣсто того, чтобы показать въ хозяйственныхъ

[1]) Volkswirthschaftliche Erläuterungen vorzüglich über Ricardo's System. 1838, стр. 313—14.

[2]) Авторъ книги, изъ которой взята слѣдующая цитата (см. K. Marx, D. Ka-

дѣяніяхъ отдѣльныхъ лицъ то общее, посредствомъ котораго эти дѣянія образуютъ явленія совокупной торговой и народной жизни, идя означеннымъ путемъ, мы не найдемъ ничего, кромѣ частностей... Потребительная цѣнность благъ всегда побуждаетъ человѣка къ доставленію ихъ себѣ, но она не въ силахъ произвести ничего, кромѣ направленія и поддерживанія производства соотвѣтственно потребности каждаго. Обмѣнъ и распредѣленіе благъ не есть результатъ ея дѣйствія, и всѣ явленія перваго не могутъ быть объясняемы ею". Мы говорили въ первой главѣ, что потребительная цѣнность не можетъ служить регуляторомъ размѣра обмѣниваемыхъ предметовъ. Мы основывали это мнѣніе на томъ, что сравнительныя величины потребительныхъ цѣнностей существуютъ только для извѣстныхъ специфическихъ моментовъ, для ряда слѣдующихъ другъ за другомъ промежутковъ времени, да и въ этомъ случаѣ существованіе ихъ условливается не ими самими, а отношеніями къ нимъ организма, которому предстоитъ выборъ между худшими и лучшими условіями жизни. Что же касается момента средняго, соотвѣтствующаго полному и равномѣрному движенію условій снабженія, то всѣ полезности являются по отношенію къ нему свойствами вещей, не подлежащими сравненію; по отношенію же къ потребностямъ онѣ равны, потому что одинаково удовлетворяютъ своему назначенію: Авторъ приведенной цитаты обращаетъ вниманіе еще на одну сторону вопроса. Онъ находитъ, что основывать цѣнность на полезности, иными словами,—ставить въ соотвѣтствіе съ потребительною цѣнностью вещей размѣры обмѣниваемыхъ предметовъ, значитъ бросаться въ частности и тѣмъ лишать себя права подмѣчать общіе экономическіе законы. Мнѣніе это не относится къ той формулѣ потребительной цѣнности, которая именуется обыкновенно „закономъ спроса и предложенія", а въ сущности представляетъ собою не что иное, какъ замаскированную формулу сравнительной настоятельности потребностей. „Законъ спроса и предложенія", какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, не простирается на отдѣльныя потребительныя цѣнности, хотя, конечно, простирался бы, если бы получилъ болѣе подробное развитіе. Онъ имѣетъ дѣло исключительно съ общимъ понятіемъ о полезности въ отношеніи къ потреб-

pital, стр. 23—4), идетъ именно такимъ путемъ въ изслѣдованіи о цѣнности: „The value of any commodity denoting its relation of exchange, we may speak of it as... cornvalue, clothvalue, according to the commodity with which it is compared; and then there are *a thousand different kinds of value* as many kinds of value as there are commodities in existence and all are equally real and equally nominal". A Critical Dissertation on the Nature, Measure and Causes of Value: chiefly in reference to the writings of M-r Ricardo and his followers. Lond. 1825, p. 39. „S. Bailey, der Verfasser dieser anonymen Schrift", говоритъ К. Марксъ, „die ihrer Zeit viel Lärm in England machte, bildet sich ein durch diesen Hinweis auf die kunterbunten relativen Ausdrücke desselben Waaren-Werths alle Begriffsbestimmung des Werths vernichtet zu haben".

пости. Тѣмъ не менѣе, замѣчаніе Baumstark'а весьма важно, и важно потому именно, что указываетъ на непримиримый разладъ, радикальную противоположность между исходными точками двухъ экономическихъ школъ, занимавшихся изслѣдованіемъ о цѣнности. Школа Рикардо беретъ въ основаніе *сходство* мѣновыхъ явленій и вслѣдствіе того приходитъ къ установленію общественнаго закона мѣновой цѣнности; школа большей части нѣмецкихъ экономистовъ—по крайней мѣрѣ, что касается первыхъ строкъ ихъ ученій о цѣнности [1]),—и весьма многихъ французскихъ, исходитъ изъ *различія* этихъ явленій, а потому и даетъ въ результатѣ только теорію индивидуальныхъ случаевъ. Первая, занимаясь общественной наукой, дѣйствительно имѣетъ дѣло съ обществомъ, вторая, выставивъ то же знамя, на самомъ дѣлѣ трактуетъ объ индивидуумѣ, отрѣзанномъ отъ общественной среды; первая стоитъ на точкѣ зрѣнія людей, признающихъ существованіе законовъ общественныхъ явленій, вторая—на точкѣ зрѣнія тѣхъ, кто знаетъ только произволъ и случайность. Сравнительный объемъ поля зрѣнія той и другой школы ясно показываетъ, чья доктрина обнимаетъ большее число случаевъ, чья можетъ считаться болѣе или менѣе общей. Формула обмѣна соотвѣтственно труду или издержкамъ производства простирается на всю массу мѣновыхъ сношеній большинства народонаселенія; формула же потребительной цѣнности или сравнительной настоятельности потребностей касается или только извѣстныхъ моментовъ, или же, получивъ болѣе подробное развитіе,—частныхъ и безконечно разнообразныхъ отношеній. Первая можетъ быть названа неполной, недостаточной [2]), но переходъ отъ нея къ изслѣдованію измѣненій и колебаній легокъ и простъ; вторая, быть можетъ, и вѣрна въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ, но не даетъ возможности понять тѣ качества этихъ случаевъ, посредствомъ которыхъ они входятъ въ составъ массы, цѣ-

[1]) Какъ мы упоминали на стр. 11, субъективный взглядъ на цѣнность не мѣшаетъ нѣмецкимъ экономистамъ признавать дѣйствіе закона издержекъ производства, что обыкновенно дѣлается въ главѣ о „цѣнѣ", т. е. денежномъ выраженіи *цѣнности*. См., напр., Roscher, Principes d'écon. polit., T. I, p. 9—10 и 251 и слѣд.; Rau, Traité d'écon. nationale, p. 46—58 и 124 и слѣд.; Schäffle, Das gesellschaftl. System etc., 119 и слѣд. и 175 и слѣд.; Rösler, Grundsätze d Volkswirthschaftslehre, 233, 234 и 237, 238, 246 и т. д.

[2]) De Thünen, Le salaire naturel. p. 40: „...par la méthode qui considère à la fois une seule puissance, en supposant les autres en repos ou constantes, on obtient un résultat non pas faux, mais incomplet et qui ne reste tel que jusqu'à ce que toutes les autres puissances coagissantes aient été soumises à des recherches semblables". Къ этимъ замѣчательнымъ словамъ слѣдуетъ прибавить лишь то, что результатъ изслѣдованія бываетъ тѣмъ менѣе неполонъ, пройденный путь тѣмъ болѣе значителенъ, чѣмъ больше размѣры той силы, которая подвергается изслѣдованію, въ сравненіи съ размѣрами тѣхъ силъ, которыя на время отлагаются въ сторону.

лаго и, что всего хуже, не можетъ быть расширяема въ этомъ направленіи.

Такъ какъ Рикардо, говоритъ Марксъ (Zur Kritik etc., 37—41), въ качествѣ завершителя классической экономіи, всего чище формулировалъ и развилъ опредѣленіе *рабочей цѣнности* рабочимъ временемъ, то на немъ естественно сосредоточивается полемика, возбужденная со стороны экономистовъ. Полемика эта сосредоточивается около слѣдующихъ пунктовъ: 1) Сама работа имѣетъ мѣновую цѣнность, и различныя работы имѣютъ различную мѣновую цѣнность. Дѣлать мѣновую цѣнность мѣриломъ цѣнности представляетъ порочный кругъ, такъ какъ измѣряющая мѣновая цѣнность сама нуждается въ мѣрилѣ. Это возраженіе разрѣшается въ проблемму: если дано рабочее время, какъ внутреннее мѣрило мѣновой цѣнности, то на этой основѣ развить заработную плату. Отвѣтъ дается ученіемъ о наемной работѣ. 2) Если мѣновая цѣнность продукта равняется содержащемуся въ немъ рабочему времени, то мѣновая цѣнность рабочаго дня равняется его продукту. Иными словами, рабочая плата должна быть равна продукту работы. Однако, въ дѣйствительности справедливо противное. Это возраженіе разрѣшается въ проблемму: какимъ образомъ производство на основѣ мѣновой цѣнности, опредѣляемой однимъ рабочимъ временемъ, приводитъ къ тому результату, что мѣновая цѣнность труда оказывается *меньше*, чѣмъ мѣновая цѣнность его продукта? Эта задача разрѣшается при разсмотрѣніи капитала. 3) Рыночная цѣна товаровъ падаетъ ниже и поднимается выше ихъ мѣновой цѣнности, соотвѣтственно спросу и предложенію. Поэтому мѣновая цѣнность товаровъ опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, а не содержащимся въ нихъ рабочимъ временемъ. Въ дѣйствительности, въ этомъ странномъ заключеніи становится вопросомъ то, какимъ образомъ на основѣ мѣновой цѣнности развивается отличная отъ нея рыночная цѣнность, или, правильнѣе, какимъ образомъ законъ мѣновой цѣнности осуществляется только въ своей противоположности. Эта проблемма разрѣшается въ ученіи о соперничествѣ. 4) Послѣднее возраженіе и, повидимому, самое сильное, если оно не представляется, какъ обыкновенно, въ формѣ курьезныхъ вопросовъ: если мѣновая цѣнность есть не что иное, какъ рабочее время, содержащееся въ товарѣ, то какимъ образомъ могутъ обладать мѣновою цѣнностью товары, которые вовсе не содержатъ труда, или, иными словами, откуда происходитъ мѣновая цѣнность прямыхъ силъ природы? Эта проблемма рѣшается въ ученіи о поземельной рентѣ".

Взглянемъ теперь, какъ относится, въ смыслѣ большей или меньшей общности, ученіе Рикардо къ ученію Carey. Послѣдній утверждаетъ (Manual of social science, Ch. VI—of value), что хотя вначалѣ

продукты и размѣниваются соотвѣтственно издержкамъ производства [1]), но съ каждымъ шагомъ впередъ на пути экономическаго развитія цѣнность первоначальныхъ орудій все болѣе и болѣе падаетъ, благодаря уменьшенію издержекъ воспроизведенія. По этой причинѣ, говоритъ Сагеу, цѣнность продуктовъ начинаетъ соотвѣтствовать издержкамъ второго рода и зависѣть исключительно отъ нихъ. Предположимъ, разсуждаетъ онъ, что въ колонію является корабль, капитанъ котораго нуждается въ плодахъ, рыбѣ или мясѣ, за что предлагаетъ въ обмѣнъ топоры или ружья; наши колонисты, оцѣнивая свои продукты сообразно усиліямъ, потребнымъ на производство ихъ, не желаютъ отдавать пяти дней труда, содержащагося въ дичи, если могутъ получить то, что имъ нужно, за картофель, стоившій всего четыре дня: если они тратили шесть мѣсяцевъ на производство топора грубой работы, а теперь могутъ получить цѣною тѣхъ же издержекъ хорошій топоръ, то имъ гораздо выгоднѣе войти въ обмѣнъ, нежели тратить время на производство другого топора, подобнаго тому, которымъ они уже располагаютъ; точно также, не будучи вовсе въ состояніи произвести ружье, они охотно согласятся отдать за него припасы, которые накоплялись въ теченіе года. „Если читатель спроситъ самъ себя, *сколько* цѣнности приписываетъ онъ каждому предмету, то найдетъ, что она ограничивается издержками *воспроизведенія* и что, чѣмъ отдаленнѣе то время, когда произведенъ извѣстный предметъ, тѣмъ болѣе уменьшилась его цѣнность... Экземпляръ Библіи, Мильтона, Шекспира, можетъ быть пріобрѣтенъ въ настоящее время трудомъ одного дня квалифицированнаго (skilled) рабочаго и будетъ лучшаго качества, чѣмъ экземпляръ, за который полвѣка назадъ слѣдовало дать цѣлую недѣлю труда“ (88). „Дженни Линдъ за пѣніе въ теченіе одного вечера получаетъ по тысячѣ долларовъ: молодая хористка не получаетъ и одного доллара... Почему? Потому что нужно обойти множество препятствій прежде, нежели выработается подобный голосъ. То же происходитъ со всѣми другими вещами. До какого предѣла простирается ихъ цѣнность? До предѣла издержекъ *воспроизведенія*, но не далѣе“ (94—5).

Въ этомъ изложеніи теоріи Сагеу мы старались не касаться вопроса о цѣнности труда, который рѣшается авторомъ въ той же главѣ и, притомъ, совершенно просто: такъ какъ производительность

[1]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что выраженіе „издержки производства“ мы употребляемъ пока въ томъ же смыслѣ, какъ и „трудъ“. подъ цѣнностью же, гдѣ встрѣчается у насъ это слово, мы разумѣемъ „количество продуктовъ, получаемое въ обмѣнъ за вещь“; придавать это значеніе къ слову „цѣнность“, какъ наиболѣе распространенное, мы рѣшаемся единственно потому, что намъ нуженъ терминъ болѣе краткій, нежели „количество продуктовъ, получаемое въ обмѣнъ и пр.“ Дѣлаемъ это послѣднее замѣчаніе съ цѣлью оправдаться въ употребленіи выраженія, смыслъ котораго еще не разъясненъ въ нашемъ изслѣдованіи.

труда растетъ, то отсюда безъ околичностей слѣдуетъ, что возрастаетъ и цѣнность труда, иными словами, увеличивается цѣнность человѣка, уменьшается цѣнность продукта [1]). Мы уже сказали, что относимъ этотъ вопросъ къ теоріи капитала. Но и за такимъ ограниченіемъ не трудно видѣть, что доктрина Carey носитъ двойственный характеръ: она пытается примирить двѣ крайнія противоположности — объективный и субъективный взгляды на цѣнность. Пока Carey утверждаетъ, что, благодаря успѣхамъ производства, предметы, производимые раньше, все болѣе и болѣе теряютъ свою цѣнность, онъ стоитъ на объективной точкѣ зрѣнія, хотя и ошибается въ томъ, что вмѣсто главной формулы цѣнности, относящейся по самой сущности дѣла къ процессу общественнаго производства, онъ ставитъ второстепенный терминъ воспроизведенія, которое въ процессѣ производства несомнѣнно играетъ весьма незначительную роль, не говоря уже о полной замѣнѣ новымъ терминомъ стараго. Но когда Carey пытается примѣнить ту же формулу ко всякому случаю простой монополіи, напр. къ обмѣну дичи и рыбы, добытой дикарями посредствомъ продолжительнаго труда, на топоры и ружья гораздо меньшей стоимости, — онъ переходитъ на чисто субъективную точку зрѣнія, примѣняетъ свое общественное начало къ индивидуальному случаю совершенно особой категоріи. Тутъ онъ смѣшиваетъ различныя вещи, — нарушаетъ то правило наблюденія, о которомъ мы говорили на стр. 6—17 настоящаго сочиненія. Если намъ говорятъ, что всѣ вещи, произведенныя въ такомъ количествѣ, которое превышаетъ наличную потребность въ нихъ, продаются дешевле, когда возрастанію этой потребности сопутствуетъ какое-нибудь промышленное изобрѣтеніе, значительно уменьшающее количество труда, потребное на производство подобныхъ вещей, — то, само собою разумѣется, намъ остается только согласиться съ этимъ. Мы найдемъ, конечно, что подобная формула не можетъ быть поставлена на мѣсто формулы издержекъ производства, по той простой причинѣ, что не можетъ быть и сравниваема съ нею, такъ какъ та обнимаетъ собою всѣ мѣновые случаи средняго момента, а эта [2]) — только извѣстное количество *такихъ*

[1]) Въ нашей литературѣ этому положенію Carey придается совершенно несоотвѣтствующая важность авторомъ „Политико-экономическихъ этюдовъ“ Е. де-Роберти.

2) Авторъ книги „Carey's Socialwissenschaft und das Merkantilsystem“, Ad. Held проводитъ слѣдующую, въ *нѣкоторыхъ* отношеніяхъ довольно близкую къ нашей, параллель между теоріями Carey и Рикардо: „Carey's ganze Werththeorie ist nun nichts Anderes (?), als die Lehre seines so heftig angefeindeten Gegners Ricardo, nur mit dem Unterschiede, dass die im Laufe der Zeit eintretenden Produktionsveränderungen mit in die Definition gezogen und an die Stelle der Produktionskosten die Reproduktionskosten gesetzt werden. Wenn dies neu hereingezogene Moment in der weiteren Ausführung vorwiegend behandelt wird, so darf man die Ricardo'sche Grundlage deshalb nicht übersehen. Ricardo fasste die Gesetze

случаевъ, которые могутъ *имѣть* мѣсто на каждой ступени хозяйственнаго развитія, но могутъ и *не имѣть* его: стоитъ заготовлять лишь такое количество товаровъ, которое будетъ потребляемо безъ остатка, а слѣдовательно, и не потеряетъ цѣнности, когда тѣ же товары станутъ производиться дешевле. Тѣмъ не менѣе, съ такими ограниченіями можно признать какъ ту часть теоріи Carey, гдѣ онъ говоритъ о постепенномъ уменьшеніи цѣнности продуктовъ, такъ и ту, гдѣ онъ допускаетъ возможность увеличенія цѣнности нѣкоторыхъ продуктовъ въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ размѣра издержекъ воспроизведенія. Но если насъ увѣряютъ, что формула нисколько не теряетъ своего смысла и въ томъ случаѣ, когда понятіе объ издержкахъ воспроизведенія распространяется на совершенно особый, специфическій классъ явленій, — то намъ рѣшительно невозможно согласиться съ этимъ. Всегда будетъ существовать громадная разница между такимъ положеніемъ вещей, когда извѣстный предметъ продается дороже или дешевле потому, что общія для страны или мѣстности техническія условія стоятъ на той или на другой высотѣ, и такимъ положеніемъ ихъ, когда покупщикъ даетъ производителю цѣну бо́льшую или меньшую той, въ какую обошелся продуктъ по общимъ условіямъ. Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ объ общественномъ, во второмъ — о частномъ, индивидуальномъ регуляторѣ размѣра обмѣниваемыхъ предметовъ.

Чтобы доказать справедливость нашего взгляда на этотъ вопросъ, прибѣгнемъ къ слѣдующему соображенію. Къ числу немногихъ положеній, о которыхъ экономисты не спорятъ, принадлежитъ, между прочимъ, и то, что мѣна только и мыслима, что при раздѣленіи труда. Цѣль раздѣленія труда, опять-таки по всеобщему признанію, состоитъ въ сбереженіи времени или въ удешевленіи продукта. Два производителя, изъ которыхъ каждый умѣлъ или могъ научиться изготовлять различные предметы своего потребленія, предпочли раздѣлить между собою трудъ и такимъ путемъ достигли или болѣе полнаго удовлетворенія своихъ потребностей, или бо́льшаго досуга. Спрашивается теперь, сберегаютъ-ли что-либо колонисты Carey, расплачиваясь за вещь, стоющую труда лишь нѣсколькихъ дней, запасами цѣлаго года? Разумѣется, отвѣтитъ Carey, потому что сами они или вовсе не умѣли изготовлять этой вещи, или изготовляли ее по-

der Nationalökonomie in einem *ruhenden* Momente des wirthschaftlichen Lebens auf. Carey nimmt immer die sich vorwärts *bewegende* Gesellschaft. Ricardo ignorirt, der Schärfe seiner Sätze zu Ehren, zunächst die im Laufe der Zeit vorkommenden Veränderungen, Carey denkt an diese" (91)... Находя, что различіе между Carey и Рикардо дѣйствительно лежитъ въ указанномъ Held'омъ пріемѣ, мы несогласны, однако, съ тѣмъ, что, за вычетомъ этого различія, Carey и Рикардо учатъ одному и тому же: одинъ говоритъ о нарушеніяхъ мѣнового закона, другой—о самомъ законѣ; одинъ беретъ для наблюденій случайное время, другой—среднее.

средствомъ гораздо бо́льшаго расхода труда, нежели тотъ, какой заключался въ годовомъ запасѣ пищи. Мы также отвѣтимъ на этотъ вопросъ утвердительно, но съ извѣстными ограниченіями. Колонисты сберегаютъ нѣчто, сберегаетъ и капитанъ судна. Но отчего же капитанъ сберегаетъ больше, нежели колонисты? Если обмѣнъ былъ добровольный, это произошло единственно отъ того, что колонистамъ ружья были *нужнѣе*, чѣмъ капитану пища. Въ противномъ случаѣ капитанъ не получилъ бы дорогой пищи за дешевыя ружья. Колонисты нуждались въ ружьяхъ больше, благодаря *особенному, изолированному, индивидуальному* положенію своему во всемірномъ хозяйствѣ, вслѣдствіе котораго они не могутъ стать въ уровень съ техникою данной отрасли. Итакъ, раздѣленіе труда, при отсутствіи всякихъ,—какъ соціальныхъ. такъ и естественныхъ,—стѣсненій, ведетъ къ равномѣрному участію обѣихъ мѣняющихся сторонъ въ выгодахъ улучшенной техники, а слѣдовательно. нельзя утверждать, вслѣдъ за Сагеу. что теорія издержекъ воспроизведенія простирается и на случаи, подобные вышеприведенному. Каждый излишекъ сбереженія. сдѣланный одною мѣняющеюся стороной на счетъ другой, излишекъ, разсчитанный по среднимъ, общественнымъ. а не по спеціальнымъ условіямъ производства,—указываетъ на исключительное положеніе сторонъ, все равно составляетъ-ли оно слѣдствіе естественныхъ или искусственныхъ монополій. Примѣняемая къ обмѣну подобнаго рода. формула Сагеу теряетъ и ту незначительную долю общности, которою обладаетъ она въ приложеніи къ болѣе крупнымъ пертурбаціямъ общественно-хозяйственнаго развитія.

Послѣ всего сказаннаго, нельзя́ сомнѣваться въ томъ, что ученіе школы Рикардо и болѣе обще, и болѣе научно, чѣмъ теорія Сагеу, потому что обнимаетъ бо́льшее число случаевъ и, сверхъ того, беретъ ихъ въ среднее время, а не въ случайные моменты хозяйственнаго движенія.

Перейдемъ къ изложенію ученія Бастіа и посмотримъ, до какихъ крайнихъ послѣдствій довелъ этотъ приверженецъ Сагеу теорію издержекъ воспроизведенія. Французскій экономистъ исходитъ изъ совершенно вѣрной мысли, что цѣнности не существуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ *усилій* (Harm. écon., Ch. V, De la valeur), что полезность предметовъ самихъ по себѣ не входитъ въ разсчетъ при опредѣленіи мѣновыхъ пропорцій. Но, продолжаетъ онъ, не слѣдуетъ смѣшивать полезность такого предмета, какъ, напр.. воздухъ, съ полезностью *услуги*. Это полезности совершенно различныя, не имѣющія между собою ничего общаго. Цѣнность опредѣляется сравненіемъ двухъ услугъ. Входя въ обмѣнъ, стороны оцѣниваютъ взаимныя услуги, сообразно своему взаимному положенію, интенсивности своихъ взаимныхъ потребностей, бо́льшей или меньшей легкости обойтись другъ безъ друга.

и множеству другихъ обстоятельствъ, которыя показываютъ, что цѣнность заключается въ услугѣ, потому что возрастаетъ вмѣстѣ съ нею. Я говорю своему сосѣду, когда онъ идетъ на фонтанъ: *сберегите* мой трудъ, окажите мнѣ *услугу*, принесите воды; взамѣнъ этого я поучу вашего ребенка складамъ. Если онъ согласенъ, между нами происходитъ обмѣнъ двухъ услугъ, и можно сказать, что одна *стоитъ* другой. Замѣтьте, что здѣсь сравниваются только усилія, а не потребности и не удовлетворенія; ибо не существуетъ мѣрила для сравненія между собою потребности пить и умѣть складывать буквы. Гуляя по берегу моря, я нахожу брилліантъ. Я обладаю теперь громадною цѣнностью. Почему? Потому что тотъ, кому я уступаю брилліантъ, полагаетъ, что я оказываю ему большую услугу, тѣмъ бо́льшую, что многіе богатые люди желаютъ пользоваться ею, и одинъ я могу ее оказать; между тѣмъ я не трудился, не оказалъ человѣчеству большого благодѣянія. Цѣнность соотвѣтствуетъ здѣсь не труду, который былъ *исполненъ* лицомъ, оказавшимъ услугу, а, напротивъ,—труду, *сбереженному* лицомъ, принявшимъ ее. „Справедливо, что, подъ вліяніемъ конкурренціи, цѣнности стремятся соотвѣтствовать усиліямъ, или вознагражденію заслугамъ. Такова одна изъ прекрасныхъ гармоній соціальнаго порядка. Но по отношенію къ цѣнности это уравнительное давленіе конкурренціи играетъ совершенно внѣшнюю роль; и разсуждая логично, нельзя допустить, чтобы вліяніе, испытываемое явленіемъ отъ внѣшней причины, смѣшивалось съ самимъ явленіемъ“ (160).

То, что въ ученіи Сагеу высказывается довольно робко и неопредѣленно, доводится у Бастіа до nec plus ultra ясности и смѣлости. Если можно было нѣсколько сомнѣваться въ томъ, что Сагеу смѣшиваетъ объективную и субъективную точки зрѣнія на предметъ, то въ отношеніи къ Бастіа такое сомнѣніе рѣшительно неумѣстно. Смѣшавъ такія различныя вещи, какъ *усиліе*, т. е. обнаруженіе мускульной или нервной силы,—явленіе совершенно объективное,—съ *услугой*, т. е. значеніемъ, которое придается труду или случайному успѣху лицомъ, получающимъ удовлетвореніе потребности, — значеніемъ, столь же разнообразнымъ, сколько существуетъ лицъ и мелкихъ обстоятельствъ, при которыхъ услуга оказывается,—Бастіа совершенно искренно привелъ къ нулю всю теорію Сагеу. Онъ прямо говоритъ, что цѣнность соотвѣтствуетъ труду, сбереженному лицомъ, принявшимъ услугу. Теперь одно изъ двухъ — цѣнность или *вполнѣ* соотвѣтствуетъ этому труду, или только *отчасти*. Судя по словамъ самого Бастіа, онъ не дѣлаетъ различія между этими двумя положеніями вещей: „сберегите мой трудъ, окажите мнѣ услугу“, пишетъ онъ по поводу обмѣна воды на обученіе складамъ: онъ очевидно полагаетъ, что сберечь трудъ пріобрѣтателя и оказать ему

услугу—рѣшительно все равно. Но если даже онъ и не хочетъ этимъ сказать, что цѣнность вполнѣ соотвѣтствуетъ труду, сберегаемому пріобрѣтателемъ,—теорія его все-таки остается абсурдомъ. Посмотримъ, къ чему ведетъ каждое изъ указанныхъ предположеній. Цѣль раздѣленія труда—сбереженіе усилій производителей или увеличеніе количества продуктовъ. Послѣ Стеарта и Смита мысль эта стала общимъ мѣстомъ у всѣхъ экономистовъ. Но прямое слѣдствіе этой мысли, именно, что обмѣнъ представляетъ собою лишь санкцію такого сбереженія, взаимное передвиженіе продуктовъ, произведенныхъ такимъ уменьшеннымъ трудомъ, или передвиженіе большаго количества продуктовъ; что *трудъ сбереженъ еще до обмѣна*, обмѣнъ же только осуществляетъ это сбереженіе для обмѣнивающихся сторонъ,—прямое слѣдствіе признанія за механизмомъ раздѣленія труда означенной роли, — сознается весьма немногими экономистами. Но Бастіа, самый обмѣнъ сберегаетъ трудъ, и притомъ трудъ пріобрѣтателя услуги. Спрашивается, для чего продолжаетъ существовать, при такомъ предположеніи, раздѣленіе труда, а слѣдовательно, и самый обмѣнъ, который безъ раздѣленія труда немыслимъ? Если пріобрѣтатель услуги сберегаетъ весь [1]) трудъ, который былъ бы имъ потраченъ на производство вещи, то рѣшительно неизвѣстно, съ какою цѣлью онъ мѣняется? Для чего въ такомъ случаѣ одинъ занятъ одною отраслью дѣла, другой—другою? Если же сберегается не весь этотъ трудъ, а только *часть* его, и притомъ меньшая той, какую сберегаетъ само раздѣленіе труда, то формула цѣнности, соотвѣтствующей услугамъ, переходитъ въ область формулъ, безуспѣшно стремящихся къ обобщенію ряда исключительныхъ случаевъ. По-

[1]) „Die Eisenbahnen sind lange erfunden. Aber ich setze den Fall, die Cöln-Mindener Eisenbahn sei noch nicht gebaut, und ich stelle nun eine Capitalisten-Gesellschaft dar, welche die Cöln-Mindener Eisenbahn darlegt, oder irgend zwei andere Städte, bei denen dies noch nicht der Fall ist, durch eine Eisenbahn mit einander verbindet. Wird nun diese Eisenbahngesellschaft für ein Fahrbillet von dem Consumenten, von dem „Liebhaber“, um in ihrem Style zu reden, Herr Schulze, für den „Dienst“, den sie ihm erweist, „diejenige Arbeit, denjenigen Aufwand an Mühe und Kosten“, wie Sie und Bastiat sagen, fordern können, den sie ihm durch die Erzeigung des Dienstes *erspart*? Wird sie also wirklich als Preis des Fahrbillets denjenigen Betrag fordern können, in welchen sich der Aufwand von Mühe, Kosten und Zeitverlust auflöst, den der Liebhaber zu machen hätte, wenn er wie früher zu Fuss, oder zu Wagen von Cöln nach Minden gelangen wollte? Was würde die Cöln-Mindener Eisenbahn für schlechte Geschäfte gemacht haben, wie erstaunlich wenig Menschen würden mit ihr gefahren sein und fahren, wenn sie ein solches Princip ihren Preisen zu Grunde legen wollte“. F. Lassale, Capital und Arbeit, S. 141—142. „Die *ersparte* Arbeit des Consumenten ist die *unterlassene* Arbeit, die *nicht gethane* Arbeit. Statt in der positiven Arbeit des Producenten wie bei Adam Smith—Ricardo, liegt jetzt in der unterlassenen, nicht gethanen Arbeit des Consumenten, d. h. in einem rein *negativen*, der Maasstab des Werths der Dinge! Das Dasein wird gemessen am Nichts!“ ib., 140.

нятіе о цѣнности сооружается, при такихъ условіяхъ, на неполномъ дѣйствіи одного изъ основныхъ соціально-экономическихъ законовъ и держится лишь настолько, насколько цѣла сама эта неполнота.

Бастіа находитъ далѣе, что давленіе соперничества на размѣръ цѣнностей есть явленіе совершенно внѣшнее самому явленію цѣнности. Это справедливо, но французскій экономистъ забываетъ, что платежъ за вещь соотвѣтственно услугѣ, которую оказываетъ владѣлецъ ея тѣмъ, что даетъ ее въ обмѣнъ, представляетъ еще менѣе самое явленіе размѣровъ цѣнности и еще болѣе служитъ внѣшнею причиной возвышенія и паденія размѣровъ обмѣниваемыхъ продуктовъ. Вообще, теорія услугъ, равно какъ и та часть ученія о цѣнности Сагеу, въ которой онъ переноситъ свою формулу на субъективную почву, есть не что иное, какъ замаскированная новыми терминами теорія сравнительной настоятельности потребностей, или потребительной цѣнности. Отношеніе ея къ доктринѣ Рикардо и его школы настолько выяснилось, что, кажется, нечего болѣе прибавлять къ тому, что уже сказано.

Взглянемъ теперь на теорію „рѣдкости“ Сеніоръ-Вальраса. По мнѣнію этихъ писателей, регуляторомъ мѣновыхъ пропорцій служитъ рѣдкость предметовъ потребленія. Не трудно видѣть, что рѣдкость, несуществованіе предметовъ въ количествѣ, удовлетворяющемъ потребностямъ, не можетъ имѣть подобнаго значенія. Рѣдкость представляетъ собою или всеобщее, соціально-естественное явленіе, и въ такомъ случаѣ нѣтъ основаній одной только сторонѣ мѣновой сдѣлки нести на себѣ бремя, налагаемое природою на всѣхъ и каждаго, а будутъ нести его обѣ и, притомъ, въ равной степени,—слѣдовательно, роль рѣдкости, какъ регулятора, уничтожается; если же одна сторона въ каждой сдѣлкѣ будетъ нести убытокъ, то формула рѣдкости беретъ въ основаніе неустойчивые моменты мѣнового движенія и потому нарушаетъ правило относительно выбора времени для наблюденія. Или же рѣдкость создана искусственно, захватомъ источниковъ производства, привилегіей, монополіей, и въ такомъ случаѣ нельзя говорить о ней, какъ о всеобщемъ, общественномъ регуляторѣ цѣнностей, подъ опасеніемъ ложныхъ обобщеній, несоблюденія правила о различіи между общественными и частными хозяйствами, о выборѣ области наблюденія. Отношеніе теоріи рѣдкости къ доктринѣ Рикардо и его школы,—доктринѣ, соблюдающей всѣ эти правила,— совершенно очевидно и никакихъ разъясненій не требуетъ.

Но самъ Рикардо допускаетъ существованіе извѣстной категоріи предметовъ, цѣнность которыхъ опредѣляется единственно капризомъ и вкусами лицъ, пріобрѣтающихъ эти предметы. Дѣйствительно-ли это такъ, дѣйствительно-ли существуетъ разрядъ предметовъ,

подчиняющійся особому закону цѣнности? Дѣло въ томъ, что трудъ есть самый общій регуляторъ размѣра обмѣниваемыхъ продуктовъ. Только громадныя массы продуктовъ, выходя на рынокъ, размѣниваются въ соотвѣтствіи съ затратами труда. Сравнительно большее постоянство оптовыхъ цѣнъ объясняется именно этою причиною. Но чѣмъ дальше въ область индивидуальныхъ сдѣлокъ, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ особенныя, исключительныя обстоятельства, при которыхъ совершается обмѣнъ. Чѣмъ въ большемъ количествѣ производится извѣстный продуктъ, чѣмъ большій сбытъ имѣетъ онъ, тѣмъ болѣе онъ подчиняется общественному закону размѣровъ цѣнности. Предметы потребленія всего населенія или большинства очевидно занимаютъ первую ступень въ этомъ ряду продуктовъ. Но чѣмъ ближе къ предметамъ потребленія самаго незначительнаго меньшинства, тѣмъ большую силу получаетъ случай, тѣмъ менѣе господствуетъ упомянутый общественный законъ. Общераспространенное мнѣніе, что, напротивъ, самые необходимѣйшіе предметы всего болѣе колеблятся въ цѣнности, нисколько не противорѣчитъ нашему, по той причинѣ, что имѣетъ въ виду совсѣмъ не тѣ колебанія, о которыхъ мы говоримъ. Справедливо, что, при уменьшеніи жатвы на извѣстную дробь, цѣна хлѣба поднимается на дробь большую, и что, наоборотъ, измѣненія въ снабженіи дорогимъ сукномъ и пр. въ точности соотвѣтствуютъ измѣненіямъ въ его цѣнѣ; но не менѣе справедливо и то, что точнѣйшій разсчетъ издержекъ производства можетъ быть сдѣланъ именно по отношенію къ снабженію хлѣбомъ, а не къ снабженію дорогимъ сукномъ, сбытъ котораго, сравнительно съ сбытомъ хлѣба, представляетъ гораздо болѣе случайностей. Рѣдкіе предметы Рикардо суть не что иное, какъ именно предметы потребленія меньшинства населенія, цѣнность которыхъ можетъ держаться на высотѣ, опредѣляемой не столько общими, сколько спеціальными условіями.

Мы говорили въ началѣ настоящей главы, что доктрина Рикардо и его школы характеризуется еще тѣмъ, что, вмѣсто индивидуальнаго регулятора мѣновыхъ пропорцій, ставитъ общественный; она останавливается исключительно на силѣ, играющей, среднимъ числомъ, наиболѣе крупную и постоянную роль въ опредѣленіи размѣра продуктовъ, поступающихъ въ обмѣнъ, и такимъ образомъ слѣдуетъ научной классификаціи явленій, принимающихъ участіе въ образованіи цѣнности.

Послѣ всего высказаннаго на послѣднихъ страницахъ по поводу первой характеристической черты извѣстной теоріи, именно типическихъ свойствъ той сдѣлки, которую она принимаетъ въ разсчетъ при изслѣдованіи, мы считаемъ себя вправѣ не распространяться болѣе объ этомъ предметѣ, и тѣмъ болѣе, что въ главѣ объ особен-

ностяхъ ученія К. Маркса намъ придется еще говорить о немъ. Мы можемъ сказать теперь о всей школѣ то, что сказалъ Baumstark объ одномъ Рикардо: „Sie setzt die Lokale, Temporelle, Subjective immer soviel möglich in Entfernung und steuert auf die allgemeinsten Grundsätze los“ [1]). Самъ Рикардо отличается въ этомъ отношеніи отъ своихъ предшественниковъ по ученію о цѣнности вообще только болѣе опредѣленною формулировкою положеній и большею законченностью ихъ. Онъ даетъ содержаніе „равенству цѣнностей“ физіократіи и „равному балансу“ Bois-Guillebert'a, утверждая, что равны количества труда, потраченныя или необходимыя на производство обмѣниваемыхъ продуктовъ; онъ сообщаетъ окончательный видъ „естественнымъ цѣнностямъ“ Petty, Cantillon'a и Смита и „дѣйствительной цѣнности“ Steuart'a, показавъ, что въ ихъ составъ входитъ одинъ только трудъ. Совершенно оригинальнымъ является Рикардо не въ этой области, а въ ученіи о цѣнности труда.

Что касается послѣдователей Рикардо, то мы упомянемъ вкратцѣ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ и то по отношенію къ одной особенности ученія ихъ. Въ той или другой формѣ доктрину школы Рикардо можно считать почти общепринятой. Лишь весьма немногіе писатели (Walras, Маклеодъ) рѣшаются прямо отрицать дѣйствіе начала издержекъ производства на размѣръ, въ которомъ мѣняются продукты. Даже люди, вообще высказывающіеся противъ этой теоріи, соглашаются съ нею косвенно. Carey не признаетъ ея значенія для опредѣленія цѣнности продуктовъ цѣлаго рынка, но не возражаетъ противъ того, что, по крайней мѣрѣ, всѣ вновь произведенные продукты соотвѣтствуютъ по цѣнности издержкамъ, затраченнымъ на добываніе ихъ. А между тѣмъ, слѣдуя самому Carey, эти-то продукты и устанавливаютъ цѣнность продуктовъ вообще. Допуская патологическій случай опредѣленія цѣнности, именно случай ренты, Рикардо самъ утверждаетъ, что цѣнность одной части продукта можетъ опредѣляться не сама по себѣ, а по аналогіи съ цѣнностью другой части, подводиться подъ нее. Это тотъ же законъ издержекъ воспроизведенія, но примѣненный къ ходу вещей, противоположному оптимистическимъ взглядамъ Carey. У Рикардо хлѣбъ и земледѣльческія произведенія производятся все большими и большими затратами труда, благодаря оскудѣнію почвы; оскудѣніе это неравномѣрно, рента болѣе плодородныхъ земель возрастаетъ, цѣнность всѣхъ земледѣльческихъ произведеній, на каждой ступени развитія, опредѣляется цѣнностью произведеній, полученныхъ при худшихъ условіяхъ. У Carey хозяйственное развитіе слѣдуетъ обратному порядку, цѣнность продуктовъ падаетъ, но цѣнность тѣхъ, которые еще не нашли сбыта, падаетъ еще быстрѣе, потому что вновь произведенные, благодаря дешевизнѣ, за-

[1]) Erläuter. über Ricardo's System, стр. 288.

хватываютъ большую часть рынка. Таковъ ходъ развитія мѣновыхъ отношеній, по мнѣнію того и другого писателя. По Рикардо три экземпляра продукта имѣютъ ту же цѣнность, что и четвертый, если нужны всѣ четыре, и производство четвертаго поглотило наибольшую долю труда. По Сагеу этотъ четвертый продуктъ сойдетъ за полъ-цѣны, если предвидится, что другой подобный же будетъ произведенъ дешевле. Сходство той и другой формулы состоитъ въ томъ, что цѣнность извѣстной части продукта подводится подъ цѣнность другой части, а эта послѣдняя опредѣляется въ соотвѣтствіи къ потраченному на производство ея труду. Мальтусъ соглашается, что уровень издержекъ настолько опредѣляетъ цѣнность произведеній, сколько вліяетъ на размѣръ снабженія [1]). Онъ не замѣтилъ, что этими словами выражаетъ не условное только, а полное признаніе формулы издержекъ. Его увлекла въ этомъ случаѣ двойственность формулы спроса и предложенія, заставляющей думать невольно о *различіи*, а не о *сходствѣ* въ положеніи мѣняющихся сторонъ. Между тѣмъ, ясно, что если уровень издержекъ опредѣляетъ размѣръ снабженія продукта А. то такой же уровень, по необходимости, будетъ опредѣлять и размѣръ снабженія продукта В, идущаго въ обмѣнъ за А. Итакъ, цѣнность того и другого опредѣляется соотвѣтственно издержкамъ производства. Мальтусъ говоритъ, правда, что „при одномъ и томъ же размѣрѣ снабженія... возрастаніе или уменьшеніе издержекъ не произведетъ никакого вліянія на измѣненіе цѣнъ“ (Principes etc., p. 80—1). Но неправильность этого взгляда совершенно очевидна: только тайна, монополія, привилегія—въ состояніи удержать въ такомъ случаѣ цѣну продукта на прежней высотѣ. Bastiat, несмотря на quasi-оригинальность своего соотношенія услугъ, не брезгуетъ по временамъ прибѣгать въ тому же способу объясненія явленія цѣнности, какому слѣдовала школа Рикардо [2]). — Маклеодъ, принесшій наукѣ громаднѣйшую услугу тѣмъ, что выворотилъ на изнанку важнѣйшія ея положенія, а другія объяснилъ съ непростительнымъ легкомысліемъ,—наводитъ подчасъ сомнѣніе въ томъ, такъ-

[1]) Principes d'écon. polit., T. I, p. 84: „...les frais de production n'influent sur le prix des choses qu'autant qu'ils en règlent l'approvisionnement“.... p. 85: „...le véritable rapport sous lequel il faut envisager les frais (de production), c'est de les regarder comme une condition necéssaire de l'approvisionnement des objets demandés“. Снабженіе, продолжаетъ онъ (п. 86 и слѣд.), регулируется слѣдующими условіями: 1) уплатой за трудъ, издержанный на производство. 2) уплатой прибыли, 3) уплатой ренты. Нельзя не видѣть отсюда, что теорія цѣнности Мальтуса есть та же теорія „естественной“ цѣнности Смита, отъ которой только шагъ къ ученію Рикардо.

[2]) См., напр., p. 129, Harm. économiques: „...la valeur doit avoir trait aux efforts que font les hommes pour donner satisfaction à leurs besoins“. 219: „Je paye le travail humain qu'il a fallu consacrer à faire des instruments, au moyen desquels ces forces sont contraintes à agir“.

ли дѣйствительно далеко его ученіе отъ ученія Рикардо, какъ это кажется [1]). Большая часть нѣмецкихъ писателей положительно признаетъ законъ издержекъ производства, хотя отнимаетъ у него значительную часть силы своимъ предварительнымъ чисто субъективнымъ объясненіемъ феномена цѣнности.

Но и ближайшіе послѣдователи Рикардо—Джемсъ Милль, МакъКуллохъ, Дж. Стюартъ Милль и многіе другіе писатели совершенно незамѣтно смѣшиваютъ двѣ вещи, именно трудъ и издержки производства. Самъ Рикардо очень часто употребляетъ совершенно безразлично выраженія „цѣна“ и „цѣнность“, „трудъ, необходимый на производство продуктовъ“ и „издержки производства“. И мы также въ теченіе значительной части настоящей главы придавали этимъ двумъ выраженіямъ одинаковый смыслъ, сдѣлавши, впрочемъ, объ этомъ оговорку въ примѣчаніи. Въ слѣдующей главѣ мы остановимся на этомъ вопросѣ подолѣе, теперь же скажемъ нѣсколько словъ о той легкости перехода отъ одного изъ положеній къ другому, которая замѣтна даже у строжайшихъ послѣдователей Рикардо.

Когда извѣстное количество одного продукта, говоритъ Дж. Милль (Elém. d'écon. pol., p. 88 и слѣд.), обмѣнивается на извѣстное количество другого,—напр., извѣстное количество сукна на извѣстное количество пшеницы, — то существуетъ нѣчто, побуждающее владѣльца сукна принять въ обмѣнъ такое-то количество пшеницы, а владѣльца пшеницы—принять такое-то количество сукна. Это объясняется весьма просто: пшеница, которую привезли на рынокъ, стоила такой-то суммы издержекъ производства и перевозки, сукно—такой-то: первая сумма или *равна* второй, или не равна. Въ первомъ случаѣ нѣтъ причинъ измѣняться количествамъ, доставленнымъ на рынокъ, во второмъ случаѣ такія причины существуютъ, и пропорція измѣняется. Итакъ, *издержки производства* регулируютъ мѣновую цѣнность продуктовъ. Но что такое сами эти издержки? По мнѣнію нѣкоторыхъ они образуются изъ одного только капитала. Капиталистъ выплачиваетъ задѣльную плату, покупаетъ матеріалъ и считаетъ, что издержанное имъ возвратится къ нему съ обыкновенною прибылью на весь употребленный капиталъ. Но дѣло въ томъ, что

[1]) Маклеодъ, Основанія, стр. 128: „Очевидно, что уменьшеніе издержекъ производства, на какое бы обширное пространство оно ни вліяло, не окажетъ замѣтнаго дѣйствія на отношенія рыночныхъ цѣнъ *до тѣхъ поръ*, *пока* добавочное количество, выпущенное на рынокъ, не составитъ значительной пропорціи въ отношеніи къ прежнему запасу“... „Никакая перемѣна въ издержкахъ производства не сопровождается измѣненіемъ цѣнностей, если совмѣстно съ тѣмъ не происходитъ измѣненія въ соотношеніи предложенія и спроса“. Ib., стр. 130: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда производство можетъ быть увеличено безпредѣльно, люди пріучаются соображать размѣры предложенія съ размѣрами спроса, такъ что цѣнность предметовъ близко подходитъ тогда къ издержкамъ производства“.

такъ какъ всякій капиталъ состоитъ изъ продуктовъ, то отсюда слѣдуетъ, что первый капиталъ долженъ былъ быть результатомъ труда. Если же это такъ, то цѣнность этого капитала, т. е. количество другихъ продуктовъ, за которое можно было обмѣнять его, должно было опѣниваться трудомъ же. Это непосредственное слѣдствіе того предположенія, которое мы установили,—именно, что въ случаѣ, когда одинъ только трудъ служитъ орудіемъ производства, мѣновая цѣнность продуктовъ опредѣляется трудомъ, потраченнымъ на ихъ производство. Разъ мы согласились съ этимъ, необходимымъ слѣдствіемъ является то, что мѣновая цѣнность всѣхъ продуктовъ опредѣляется количествомъ труда, которое было необходимо на ихъ производство.

Мы видимъ изъ этой теоріи Дж. Милля, составляющей въ сущности не что иное, какъ копію съ теоріи Рикардо, что между издержками производства и трудомъ въ собственномъ смыслѣ школа не признаетъ никакой ровно разницы, потому что полагаетъ, что нашла возможность самыя издержки свести на трудъ же. То же самое рѣшеніе вопроса встрѣчаемъ у Макъ-Куллоха(Principles, pp. 290—315) и у Джона Стюарта Милля. Послѣдній, вслѣдъ за Рикардо, насчитываетъ нѣсколько категорій предметовъ, изъ которыхъ каждая слѣдуетъ особому закону цѣнности. Первая категорія—предметы рѣдкіе, вторая—производимые въ произвольномъ количествѣ, третья (земледѣльческіе продукты Рикардо)—предметы, стоимость производства которыхъ возрастаетъ подъ давленіемъ закона народонаселенія. Милль находитъ, однако же, между цѣнностями всѣхъ этихъ категорій то общее, что каждая изъ нихъ сводится на „*трудность* полученія“. Отъ этого термина, замѣнившаго собою „трудъ“, остается лишь шагъ къ „издержкамъ производства“, по крайней мѣрѣ по отношенію къ предметамъ второй и третьей категорій. Въ предметахъ, количество которыхъ неограниченно, трудность эта состоитъ въ „трудѣ и расходѣ“, какіе нужны на производство товара. „Общее правило таково, что предметы имѣютъ тенденцію обмѣниваться другъ на друга по такимъ цѣнностямъ, которыя оплачиваютъ каждому производителю „стоимость производства“ съ обычною прибылью, иными словами, которыя даютъ всѣмъ производителямъ одинаковый % прибыли на ихъ расходъ. Но чтобы на равный расходъ, т. е. на равную стоимость производства была равная прибыль, предметы должны обмѣниваться другъ на друга *пропорціонально* стоимости своего производства; предметы, стоимость производства которыхъ *одинакова*, должны имѣть *одинаковую* цѣнность, потому что лишь въ этомъ случаѣ будетъ равная выручка съ равнаго расхода. Если фермеръ капиталомъ равнымъ 1000 квартеровъ хлѣба можетъ производить 1200 квартеровъ, дающихъ ему прибыль въ 20%, то всякій предметъ, производимый въ то же время ка-

питаломъ въ 1000 квартеровъ, долженъ стоить 1200 квартеровъ, т. е. обмѣниваться на 1200 квартеровъ, иначе производитель получилъ бы не 20% прибыли, а больше или меньше" (Основанія, т. II, стр. 509).

Но дѣйствительно-ли „стоимость производства", въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее эти писатели, и „трудъ" представляютъ собою не больше какъ синонимы? Дѣйствительно-ли изъ равенства количествъ труда въ обмѣниваемыхъ предметахъ слѣдуетъ и равенство „стоимостей производства" ихъ? Это мы узнаемъ ниже.

## ГЛАВА III.

## Теорія издержекъ производства и спроса и предложенія.

„Я живо вспоминаю до сихъ поръ", говоритъ ф. Тюненъ [1]), „то удовольствіе, которое я ощущалъ въ молодости, когда прочелъ въ первый разъ положенія Ад. Смита о началахъ, регулирующихъ естественную и рыночную цѣнности. Свѣтъ и ясность распространились для меня на смутный до той поры вопросъ, и я увидѣлъ наконецъ неправильную конкурренцію въ подчиненіи у опредѣленнаго закона. Издержки производства,—вотъ что регулируетъ естественную цѣну, къ которой постоянно тяготѣютъ цѣны рыночныя, вотъ что опредѣляетъ границы конкурренціи. Но радость моя была непродолжительна; я скоро смутилъ ее, проникнувъ глубже въ предметъ. Естественная цѣна товара опредѣляется естественными задѣльной платой, прибылью и рентой, которыя содержатся въ производствѣ этого товара. Но если спросятъ, чѣмъ опредѣляется задѣльная плата, то получатъ въ отвѣтъ: конкурренціей. Спросите объ основаніи естественной прибыли съ капитала,—вамъ снова укажутъ на конкурренцію. *Итакъ, опредѣленіе рыночной цѣны* [2]) *(prix du marché) независимо отъ конкурренціи является не болѣе какъ кажущимся, иллюзіей*... Что остается отъ продажной цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, за вычетомъ задѣльной платы, прибыли и всѣхъ другихъ издержекъ, потраченныхъ на производство,—образуетъ, по Смиту, поземельную ренту. Спросимъ теперь: какова же естественная цѣна хлѣба? Намъ отвѣтятъ на это: естественная цѣна хлѣба—та, которая въ точности покрываетъ обыкновенную цѣнность задѣльной платы, прибыли и ренты. Послѣ этого спросимъ: какова естественная рента? Все, что остается фермеру отъ продажной цѣны произведеній, слѣдовательно и хлѣ-

[1]) Le salaire naturel, p. 92 и слѣд.

[2]) Подъ именемъ prix du marché не слѣдуетъ, кажется, подразумѣвать рыночную цѣну въ Смитовомъ смыслѣ: по Смиту, такая цѣна и безъ того опредѣляется только конкурренціей. Скорѣе ф. Тюненъ хотѣлъ выразить этимъ терминомъ понятіе о цѣнѣ, выплачиваемой на рынкѣ.

ба, за вычетомъ задѣльной платы, затратъ и прибыли съ капитала. *Итакъ, при опредѣленіи естественной цѣны хлѣба за извѣстную величину принимается рента, а при опредѣленіи ренты за извѣстную величину принимается, наоборотъ, естественная цѣна хлѣба.* Это—cercle vicieux, который съумѣетъ успокоить и усыпить умъ, при поверхностномъ чтеніи, но не поможетъ ни найти, ни разъяснить что-либо. Если $y=a+b+x$, и $x=y-(a+b)$, то второе уравненіе не есть нѣчто новое, а только перемѣщеніе перваго, и неизвѣстные $x$ и $y$ остаются, по прежнему, неизвѣстными".

„По словамъ Hermann'a", пишетъ другой современный экономистъ [1]), „пунктъ, выше и ниже котораго цѣна не можетъ долго устоять, опредѣляется издержками той части общей массы продукта, которая произведена съ помощью наиболѣе невыгодныхъ средствъ и при наиболѣе неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, пользованіе коими еще необходимо для покрытія потребности. Это самое глубокое выраженіе взгляда, по которому естественная цѣна опредѣляется издержками производства. Но противъ него можно возразить то, что цѣну блага оно объясняетъ не изъ такихъ элементовъ, которые были бы независимы отъ цѣны, а изъ другихъ цѣнъ, потому что издержки производства вычисляются изъ цѣнъ всѣхъ благъ, потребныхъ для производства".

Двѣ приведенныя нами формулировки вопроса, что̀ такое издержки производства, представляютъ собою яркое выраженіе того недовольства, которое возникаетъ въ умахъ нѣкоторыхъ,—къ сожалѣнію, весьма немногихъ, новѣйшихъ экономистовъ, при обсужденіи терминовъ, лишь повидимому содержащихъ извѣстный и опредѣленный смыслъ, на самомъ же дѣлѣ только способныхъ доводить умъ до поверхностнаго отношенія къ наиболѣе сложнымъ и труднымъ задачамъ общественной экономіи. Особенно мѣтко и ясно ставитъ вопросъ Ф. Тюненъ. Разъ признано существованіе естественной цѣны, и казалось бы, что соперничеству, какъ между продавцами и покупателями, такъ и между продавцами съ одной и покупателями съ другой стороны, — должна быть отведена чисто внѣшняя, побочная роль второстепенной силы, въ завѣдываніи которой состоятъ одни лишь колебанія цѣнъ, отклоненія ихъ отъ центральнаго пункта. Но болѣе внимательный взглядъ на дѣло разубѣждаетъ въ этомъ. Если раскрыть понятіе о естественной цѣнѣ, о составныхъ частяхъ ея,—естественныхъ прибыли, задѣльной платѣ, рентѣ, въ томъ, по крайней мѣрѣ, видѣ, въ какомъ оно развивается Смитомъ, то окажется, что оно всецѣло покоится на плечахъ у той же конкуррен-

[1]) Komorzynski: „Ist auf Grundlage der bisherigen wissenschaftlichen Forschung die Bestimmung der natürlichen Höhe der Güterpreise möglich?"—Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. 25 Jahrg., 2 Heft. 204. 205.

ціи. и. слѣдовательно. никакого центральнаго пункта не существуетъ, потому что конкурренція—это не болѣе, какъ случай, во всемъ разнообразіи своихъ проявленій. „Средняя или обыкновенная“ величина составныхъ частей цѣны, опредѣляемая общимъ состояніемъ и движеніемъ народнаго богатства, ведетъ самымъ прямымъ путемъ къ неопредѣленному соотношенію между спросомъ и предложеніемъ, которое Смитъ такъ тщательно, повидимому, устранилъ изъ естественной цѣны. Конечно, за Смитомъ всегда останется заслуга въ томъ, что онъ различаетъ понятіе о рыночной и естественной цѣнахъ. Но онъ не пошелъ далѣе чисто формальнаго различенія той и другой, что дѣлалось еще и до него (Cantillon, Steuart). Онъ не далъ своимъ составнымъ частямъ цѣны никакого внѣшняго основанія, никакого общаго масштаба, а между тѣмъ только такимъ путемъ могъ быть положительно рѣшенъ вопросъ о цѣнности и цѣнѣ. Одна только часть цѣны—именно задѣльная плата получила у Смита опредѣленіе, болѣе другихъ близкое къ истинѣ. Онъ утверждаетъ, что размѣръ задѣльной платы, кромѣ спроса и предложенія труда, опредѣляется еще высотою цѣнъ предметовъ потребленія рабочаго. Нѣтъ сомнѣнія, что эта высота не представляетъ собою чего-либо вполнѣ опредѣленнаго, что цѣна предметовъ потребленія рабочаго слагается изъ такихъ же составныхъ частей, какъ и цѣна продукта, взятаго въ разсмотрѣніе. Вопросъ относительно задѣльной платы остается по прежнему нерѣшеннымъ въ существѣ, но рѣшается, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что задѣльной платѣ дается внѣшнее основаніе. Прибыль и рента не имѣютъ у Смита такого основанія. Размѣръ прибыли и ренты опредѣляется у него общимъ состояніемъ и движеніемъ богатства, т. е. предложеніемъ и спросомъ,—и только.

Постараемся уяснить себѣ теперь, въ чемъ состоитъ дѣйствительная разница между издержками производства и трудомъ, заключеннымъ въ продуктѣ, по отношенію къ регулированію размѣра, въ которомъ обмѣниваются хозяйственныя произведенія. Коль скоро мы придемъ къ правильному рѣшенію этого вопроса, то мы поймемъ легко, въ чемъ именно грѣшилъ анализъ Рикардо и другихъ экономистовъ.

Если смотрѣть на общественную экономію съ птичьяго-полета, т. е. помнить, что совокупность хозяйствъ и части, изъ которыхъ она состоитъ, существенно различаются между собою, что, несмотря на все разнообразіе индивидуальныхъ хозяйственныхъ положеній и различіе силъ, существуетъ такая нейтральная почва, на которой всѣ хозяйства пользуются равнымъ правомъ измѣнять форму своихъ произведеній посредствомъ обмѣна ихъ на другія произведенія,—то нельзя не убѣдиться, что регуляторомъ мѣновыхъ пропорцій можетъ служить одинъ только трудъ, заключенный въ продуктѣ. Нѣтъ и не можетъ быть другого хозяйственнаго условія, въ такой степени всѣмъ

хозяйствамъ общаго, для всѣхъ равнаго, осуществленіе котораго для всѣхъ было бы такъ равно необходимо, какъ обмѣнъ, отношенія котораго соотвѣтствуютъ количествамъ мускульныхъ и нервныхъ усилій, обнаруживаемыхъ въ извѣстные промежутки времени, съ извѣстною среднею интенсивностью. Существуетъ или нѣтъ общественное раздѣленіе труда, та или другая форма распредѣленія въ обществѣ продукта, — во всякомъ случаѣ, общество затрачиваетъ извѣстную массу усилій съ цѣлью добыть средства существованія. Введеніе общественнаго раздѣленія труда только передвигаетъ хозяйственныя произведенія изъ одного хозяйства въ другое, и такъ какъ подобное раздѣленіе *одно* заключаетъ въ себѣ всѣ требованія и условія обмѣна то и нѣтъ причинъ полагать, что, при его господствѣ, обмѣнъ зависитъ еще *болѣе*, чѣмъ отъ него, отъ какихъ-нибудь *другихъ* общественныхъ и естественныхъ условій. Но разъ признано, что раздѣленіе труда есть наиболѣе важное условіе обмѣна, то нѣтъ возможности отрицать, что единственно умѣстное для общества мѣрило сравниваемыхъ между собою продуктовъ—это трудъ. Боясь вдаться въ ненужное повтореніе вещей, не разъ ужъ нами высказанныхъ, мы не пойдемъ далѣе въ развитіи понятія о трудѣ, какъ о регуляторѣ мѣновыхъ пропорцій. Замѣтимъ только, что такое значеніе придается труду единственно съ той точки зрѣнія, съ которой каждое хозяйство въ обществѣ представляется обособленнымъ во всѣхъ своихъ отправленіяхъ, за исключеніемъ измѣненія формы продуктовъ. Такая система хозяйствъ представляетъ своего рода „изолированное государство“ Тюнена и столь же близко, какъ оно, приближается къ дѣйствительному порядку вещей, благодаря тому, что въ разсчетъ принято дѣйствіе силъ наибольшаго размѣра.

Но если взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія отдѣльнаго хозяйства господствующей формы, съ точки зрѣнія хозяина предпріятія, то вопросъ представляется въ нѣсколько иномъ видѣ. Предприниматель высылаетъ на рынокъ произведеніе не прежде, какъ совершивъ цѣлый рядъ операцій, имѣющихъ между собою мало общаго. Онъ, во-первыхъ, выплачиваетъ своимъ рабочимъ задѣльную плату, во-вторыхъ, покупаетъ орудія и матеріалы производства, въ-третьихъ, платитъ проценты на занятый капиталъ,— въ томъ, разумѣется, случаѣ, когда размѣры предпріятія не дозволяютъ ему ограничиться собственными средствами. Въ цѣнѣ орудій и матеріаловъ содержится также прибыль предпринимателей, стоящихъ во главѣ соотвѣтствующихъ хозяйственныхъ отраслей. Наконецъ, продавъ продуктъ собственнаго хозяйства, предприниматель получаетъ извѣстный излишекъ, превышающій всѣ понесенные имъ расходы и составляющій прибыль предпріятія. Такимъ образомъ, размѣръ продукта, получаемаго въ обмѣнъ, долженъ возмѣщать собою нѣсколько составныхъ частей, изъ кото-

рыхъ одна,—напр., задѣльная плата.—хотя и сводясь кое-какъ къ труду, представляетъ расходъ; другая.—проценты и проч.,—не сводясь къ труду, представляетъ тоже расходъ: наконецъ, третья,—прибыль предпринимателя—также не сводясь къ труду, представляетъ доходъ. Прямымъ выводомъ отсюда является то положеніе, что мѣновыя пропорціи регулируются не трудомъ, который очевидно не одинъ входитъ въ чистомъ видѣ въ производство продукта, но издержками производства. Мы видѣли въ концѣ послѣдней главы, какимъ сложнымъ путемъ Дж. Милль приходитъ къ заключенію, что цѣнность продуктовъ опредѣляется единственно трудомъ. Онъ обходитъ сложный вопросъ объ участіи капитала въ образованіи цѣнности предположеніемъ, что самъ первоначальный капиталъ былъ результатомъ труда, и что цѣнность его опредѣлялась по общему принципу. Нельзя сомнѣваться, что въ такомъ взглядѣ на дѣло заключается нѣчто недосказанное и недоказанное. Вопросъ не въ томъ, по какому принципу опредѣляется мѣновая цѣнность капитала,—она, безъ всякаго сомнѣнія, не можетъ опредѣляться по иному принципу, нежели мѣновая цѣнность самого продукта, потому что конкретный капиталъ есть продуктъ, подобный всякому другому: вопросъ въ томъ, какъ объяснить участіе прибыли въ образованіи цѣнности, не нарушая общаго принципа, столь настойчиво отстаиваемаго англійской школой и столь безцеремонно уравниваемаго ею съ принципомъ издержекъ производства, не только вообще, для сокращенія рѣчи, но и при непосредственномъ изслѣдованіи вопроса цѣнности?

Оставимъ на время въ сторонѣ всѣ тѣ составныя части получаемаго въ обмѣнъ продукта, которыя возмѣщаютъ собою расходъ предпринимателя на орудія, матеріалы, на уплату процентовъ по занятому капиталу и пр. Настоящее мѣсто для опредѣленія роли этихъ частей въ образованіи цѣнности—ученіе о капиталѣ. Тамъ же предстоитъ намъ войти въ бо́льшія подробности и по вопросу объ участіи прибыли въ составленіи того размѣра, который долженъ возмѣщать собою отдаваемый въ обмѣнъ продуктъ. Ограничивая кругъ настоящихъ изысканій единственно двумя частями цѣны, именно задѣльною платою и прибылью самаго предпріятія, подлежащаго разсмотрѣнію, мы не пойдемъ пока дальше самой постановки вопроса, которая будетъ, однако же, такъ ясна, что исключитъ всякое сомнѣніе въ томъ, что понятія труда и издержекъ производства имѣютъ между собою очень мало общаго. Отождествленіе этихъ двухъ понятій только и мыслимо при томъ смѣшеніи пріемовъ изслѣдованія, которое господствуетъ даже въ лучшихъ изъ экономическихъ трактатовъ и которое допускаетъ безпрерывный переходъ съ точки зрѣнія общественной экономіи на точку зрѣнія частной. Мы увидимъ, впрочемъ, что даже и въ глазахъ представителя частнаго хозяйства вопросъ, который

предстоитъ въ настоящую минуту нашему обсужденію, имѣлъ бы совсѣмъ другой, болѣе согласный съ условіями совокупности хозяйствъ, видъ, еслибы былъ поставленъ нѣсколько иначе.

Что изъ продукта, получаемаго въ обмѣнъ, покрываются не только задѣльная плата рабочихъ, непосредственно производившихъ его, но также и прибыль предпринимателя—это не подлежитъ сомнѣнію, потому что, въ противномъ случаѣ, хозяйство съ наемнымъ трудомъ утратило бы всякій поводъ существованія. Но какъ это дѣлается? Такъ-ли, что продуктъ, *получаемый* въ обмѣнъ, заключаетъ въ себѣ извѣстный излишекъ въ отношеніи къ отдаваемому продукту, или же, напротивъ, такъ, что излишекъ уже заключается въ самомъ продуктѣ, *отдаваемомъ* въ обмѣнъ, и только измѣняетъ форму путемъ обмѣна? Если утвердительный отвѣтъ послѣдуетъ на первый вопросъ, то спрашивается, какъ сравнить между собою два *различные* продукта A и B и заключить изъ такого сравненія, что одинъ изъ нихъ содержитъ *излишекъ* въ отношеніи къ другому? Если, напротивъ, положительно рѣшенъ будетъ второй вопросъ, то требуется узнать, какимъ путемъ сравниваются между собою обмѣниваемые продукты такъ, что между ними установляется извѣстное равенство?

Прежде всего не слѣдуетъ забывать ту, очень часто упускаемую изъ вида, элементарную истину, что всякій обмѣнъ есть *двусторонняя* сдѣлка. Теорія издержекъ производства, незамѣтно, но въ силу необходимости присоединяющая къ понятію о *расходѣ* на задѣльную плату понятіе о *доходѣ* или прибыли предпринимателя,—въ силу необходимости, потому что не можетъ указать соотвѣтствующаго мѣста этой прибыли,—совершенно устраняетъ представленіе о двусторонности мѣновой сдѣлки. Прибыль предпринимателя, говоритъ эта теорія, должна быть выручаема въ цѣнѣ продукта точно такъ же, какъ и задѣльная плата. Но если это дѣйствительно такъ, то, значитъ, она должна быть и выплачиваема; значитъ, владѣлецъ продукта A получаетъ прибыль отъ владѣльца продукта B. Но вѣдь продуктъ B ничѣмъ не отличается отъ продукта A,—разумѣется, въ экономическомъ смыслѣ,—и владѣлецъ его отъ владѣльца A: какъ тотъ, такъ и другой суть полномочные представители извѣстныхъ хозяйственныхъ группъ; и тотъ и другой находятся въ совершенно одинаковомъ положеніи одинъ относительно другого. Безъ такого допущенія не можетъ имѣть мѣста какое бы то ни было изслѣдованіе о законѣ цѣны или цѣнности. Но отсюда слѣдуетъ одно изъ двухъ: или теорія издержекъ производства признаетъ за продавцомъ извѣстную власть надъ покупателемъ, въ силу которой первый всегда получаетъ отъ второго прибыль, а второй всегда несетъ убытокъ, или же, какъ покупатель, такъ и продавецъ, оба платятъ и оба получаютъ прибыль. Что первый случай положительно невозможенъ,—разумѣется, не въ

исключительномъ положеніи вещей, а вообще,—это становится понятнымъ, если вспомнить, что общество отнюдь не раздѣляется на два рѣзко отграниченные другъ отъ друга класса — продавцовъ и покупателей или производителей и потребителей, а, напротивъ, состоитъ, *большею частью*, изъ такихъ членовъ, которые одновременно суть и производители, и потребители. Еслибы разсматриваемое положеніе было истинно, то слѣдовало бы признать, что одна половина общества—продавцы—получаетъ, другая—покупатели—выплачиваетъ прибыль. Но тогда возникъ бы вопросъ, на который, согласно только что сказанному, слѣдовало бы отвѣчать отрицательно: откуда получаютъ покупатели тотъ продуктъ, изъ котораго платятъ прибыль продавцамъ; неужели онъ достается имъ такими путями, которые не имѣютъ ничего общаго съ хозяйственнымъ способомъ добыванія продукта — производствомъ? Существовать такимъ образомъ большинству населенія абсолютно невозможно, и слѣдовательно, нѣтъ причинъ признавать за продавцомъ какую бы то ни было постоянную власть надъ покупателемъ, ведущую къ уплатѣ первому вторымъ прибыли. Съ точки зрѣнія теоріи издержекъ производства, обсуждаемое положеніе грѣшитъ еще и въ томъ отношеніи, что совершенно исключаетъ возможность отождествленія формулы издержекъ съ формулою труда, потому что посягаетъ на мѣновое равновѣсіе, —conditio sine qua non этой послѣдней формулы. Остается разсмотрѣть второе положеніе.

Если каждая изъ сторонъ, вступившихъ въ мѣновую сдѣлку, а слѣдовательно, и каждая изъ сторонъ общехозяйственной мѣновой сдѣлки массъ, какъ платитъ, такъ и получаетъ прибыль, то требуется узнать, какой смыслъ имѣетъ подобная взаимная передача продуктовъ изъ рукъ въ руки, въ результатѣ которой каждая изъ сторонъ обладаетъ лишь тѣмъ, чѣмъ обладала до вступленія въ обмѣнъ? Такой вопросъ можетъ быть поставленъ въ томъ случаѣ, если выплачиваемое и получаемое равны, и, очевидно, долженъ быть рѣшенъ такъ, что смысла ровно никакого нѣтъ, а слѣдовательно, нѣтъ и повода къ совершенію подобныхъ дѣйствій. Если же одна изъ сторонъ платитъ больше, нежели получаетъ, но при условіи, что приплата излишка случайно выпадаетъ на долю то одной, то другой стороны, подъ вліяніемъ соотношенія между спросомъ и предложеніемъ, — то спрашивается, почему въ итогѣ убытковъ и прибылей каждой стороны оказывается къ извѣстному времени не нуль, а, напротивъ, повсемѣстная и постоянная масса продуктовъ, превышающая первоначальныя потребности владѣльцевъ и называемая прибылью? Вѣдь если хозяйство сегодня въ убыткѣ на извѣстную сумму, завтра на *такую же* сумму въ прибыли, то послѣ-завтра оно лишено прибыли; а между тѣмъ, существованіе громаднаго множества предпріятій и учрежденій, удо-

влетворяющихъ высшимъ потребностямъ и ведущихъ начало не со вчерашняго дня, очевидно доказываетъ, что отрасль общественнаго дохода, извѣстнаго подъ названіемъ прибыли, далеко не представляетъ мнѣа. Если допустить даже, что подъ давленіемъ совершенно случайныхъ отношеній спроса и предложенія, суммы прибылей и убытковъ большинства хозяйствъ *не равны*, и что нѣкоторыя хозяйства успѣваютъ получать сравнительный излишекъ, то чѣмъ объяснить существованіе такого излишка у большей части современныхъ хозяйствъ,— существованіе, подтверждаемое дѣйствительностью — продолжительнымъ веденіемъ громаднаго множества предпріятій? Итакъ, второе положеніе столь же далеко отъ истины, какъ и первое, хотя слѣдуетъ замѣтить, что, будь оно правильно, оно вполнѣ отождествляло бы формулу издержекъ производства съ формулою труда, потому что нимало не исключало бы мѣнового равновѣсія. Въ концѣ концовъ вѣрно то, что продуктъ, получаемый въ обмѣнъ, не содержитъ излишка относительно продукта, отдаваемаго въ обмѣнъ, и слѣдовательно теорія издержекъ производства, утверждающая, что цѣна должна покрывать какъ расходъ производителя (мы разумѣемъ подъ нимъ *только* расходъ на задѣльную плату), такъ и доходъ его, т. е. прибыль, не отвѣчаетъ истинѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ объясняется теоретиками-экономистами. Но еслибы даже пришлось согласиться съ тѣмъ, что излишекъ дѣйствительно выплачивается предпринимателю упомянутымъ способомъ, то возникъ бы еще одинъ вопросъ, указанный нами выше,—именно, какъ убѣдиться въ томъ, что одинъ изъ двухъ *различныхъ* по свойствамъ продуктовъ содержитъ излишекъ *въ сравненіи* съ другимъ? Если одинъ изъ нихъ содержитъ болѣе труда, нежели другой, то вотъ лишнее доказательство въ пользу нашего положенія, что формула издержекъ производства,—которыя, какъ мы видѣли въ концѣ послѣдней главы, одинъ изъ талантливѣйшихъ послѣдователей Рикардо, Дж. Ст. Милль, признаетъ *равными* въ продуктахъ, поступившихъ въ обмѣнъ,—и формула труда имѣютъ между собою мало общаго. Если одинъ изъ нихъ удовлетворяетъ большему числу или болѣе настоятельнымъ потребностямъ и пр., то вотъ мѣрило сравненія на-лицо; но мы уже знаемъ, что такое мѣрило пускается въ ходъ только въ исключительныхъ случаяхъ и для средняго времени и средняго мѣста оказывается непригоднымъ.

Но, быть можетъ, излишекъ, или прибыль уже заключается въ самомъ продуктѣ, поступающемъ въ обмѣнъ, и только измѣняетъ путемъ обмѣна свою форму, такъ что равенство размѣровъ труда, заключенныхъ въ каждомъ изъ продуктовъ, нисколько не нарушается введеніемъ въ мѣновыя пропорціи прибыли? Въ этомъ именно смыслѣ отвѣчаетъ на вопросъ новѣйшій экономистъ К. Маркъ, которому принадлежитъ и бо́льшая часть предыдущей нашей аргументаціи по это-

му предмету [1]). Доказательства, приводимыя имъ въ пользу этого положенія, мы укажемъ въ ученіи о капиталѣ, куда по существу дѣла относится разборъ взаимнаго положенія составныхъ частей цѣны— прибыли и задѣльной платы. Со взглядомъ K. Marx'a на дѣло совершенно сообразуется и тотъ взглядъ, который можно имѣть на мѣновыя отношенія съ точки зрѣнія представителя хозяйственнаго предпріятія.

Разсмотримъ теперь отношеніе теорій важнѣйшихъ представителей англійской школы къ только что объясненному ученію. Прежде всего остановимся на Рикардо, такъ какъ объ Адамѣ Смитѣ мы уже говорили.

Мы видѣли, что, указавъ на существенную разницу между естественною и рыночною цѣнами, Ад. Смитъ не съумѣлъ найти для нея такія основанія, которыя оправдывали бы вполнѣ необходимость ея и служили бы почвой, при обсужденіи роли, принадлежащей отдѣльнымъ отраслямъ дохода въ образованіи цѣны экономическихъ произведеній. Только задѣльной платѣ далъ онъ сравнительно солидный фундаментъ, сказавъ, что размѣръ ея зависитъ отъ цѣны съѣстныхъ припасовъ и вообще предметовъ потребленія рабочихъ. Идя по стопамъ своего учителя, Рикардо смутно сознавалъ, что анализъ цѣны долженъ получить нѣсколько иной видъ, и что слѣдуетъ сдѣлать шагъ въ этомъ направленіи. Прежде всего его строгій логическій умъ былъ непріятно пораженъ тою частью книги Смита, гдѣ доказывалось, что только на первыхъ ступеняхъ экономическаго развитія трудъ служитъ мѣри-

[1]) Das Kapital, 117—129. Приведемъ въ подлинникѣ нѣкоторыя мнѣнія автора о занимающемъ насъ предметѣ: „Nehmen wir den Circulationsprocess in einer Form, worin er sich, als blosser Waarenaustausch darstellt... Soweit es sich um den Gebrauchswerth handelt, ist es klar, dass beide Austauscher hier gewinnen können. Beide veräussern Waaren, die ihnen als Gebrauchswerth nutzlos, und erhalten Waaren, deren sie zum Gebrauch bedürfen. Und dieser Nutzen mag nicht der einzige sein. A, der Wein verkauft und Getreide kauft, producirt vielleicht mehr Wein als Getreidebauer B in derselben Arbeitszeit produciren könnte und Getreidebauer B in derselben Arbeitszeit mehr Getreide als Weinbauer A produciren könnte. A erhält also für denselben Tauschwerth mehr Getreide und B mehr Wein, als wenn jeder von den beiden, ohne Austausch. Wein und Getreide für sich selbst produciren müsste. Mit Bezug auf den Gebrauchswerth also kann gesagt werden, dass „der Austausch eine Transaction ist, worin beide Seite gewinnen"... Anders mit dem Tauschwerth... Sofern also die Circulation der Waare nur einen Formwechsel ihres Tauschwerths bedingt, bedingt sie, wenn das Phänomen rein vorgeht, *Austausch von Aequivalenten*. Die Vulgärökonomie selbst, so wenig sie ahnt was der Werth ist, unterstellt daher, so oft sie in ihrer Art das Phänomen rein betrachten will, dass Nachfrage und Zufuhr sich decken, d. h. dass ihre Wirkung überhaupt fortfällt... Waaren können zwar zu Preisen verkauft werden, die von ihren Werthen abweichen, aber diese Abweichung erscheint als Verletzung des Gesetzes des Waarenaustausches. In seiner reiner Gestalt ist er ein Austausch von Aequivalenten, also kein Mittel sich am Werth zu bereichern... Es findet dann keine Bildung von Mehrwerth statt"... 118, 120, 122.

ломъ мѣновой цѣнности, благодаря отсутствію капиталовъ и землевладѣнія, впослѣдствіи же въ составъ цѣны вошли прибыль на капиталъ и поземельная рента. Во-первыхъ, разсуждалъ Рикардо, орудія производства существуютъ рѣшительно на каждой ступени экономическаго развитія; во-вторыхъ, на каждой же ступени оплачиваются только человѣческія усилія, слѣдовательно трудъ не можетъ перестать быть мѣриломъ цѣны, несмотря на то, что владѣлецъ капитала получаетъ изъ общей массы продукта извѣстный доходъ. Руководствуясь такими соображеніями, Рикардо нашелъ, что размѣръ продукта, выплачиваемый, напр., за пару чулокъ,—произведеніе высшей экономической культуры,—соотвѣтствуетъ не только тому количеству труда, которое потрачено на непосредственное производство чулокъ, но также и тому, которое было нужно на производство всѣхъ орудій, служившихъ фабрикаціи и доставкѣ чулокъ въ пунктъ сбыта. Въ такой формулѣ прибыль вовсе не имѣетъ мѣста, а между тѣмъ она получается. Откуда? Рикардо почти рѣшаетъ этотъ вопросъ, когда говоритъ о томъ, что возвышеніе задѣльной платы не дѣйствуетъ на возвышеніе цѣны произведеній, такъ какъ *въ составъ продукта, отдаваемаго въ обмѣнъ, входитъ* не только задѣльная плата, но и *прибыль*: возвышеніе задѣльной платы дѣйствуетъ на уровень прибыли, а не на цѣну продукта. Но, перейдя къ опредѣленію участія капитала постояннаго и оборотнаго въ цѣнѣ орудій разной долговѣчности Рикардо дѣлаетъ, какъ увидимъ ниже, простую ариѳметическую ошибку, которая оказываетъ существенное вліяніе на весь вопросъ цѣнности и бросаетъ на него совсѣмъ не тотъ свѣтъ, какой придаетъ ему Рикардо своими первоначальными изслѣдованіями. Тутъ опять, наравнѣ съ трудомъ, въ качествѣ элемента, опредѣляющаго и измѣряющаго продуктъ, получаемый въ обмѣнѣ, дѣйствуетъ и прибыль, столь старательно выдѣленная предыдущимъ анализомъ. Еслибы Рикардо не указалъ такимъ образомъ исключенія изъ своего собственнаго закона, то къ ученію его о естественной и о рыночной цѣнахъ не могли бы примѣняться всѣ тѣ возраженія, которыя сдѣлалъ, какъ мы видѣли, ф. Тюненъ относительно теоріи Ад. Смита. Естественная цѣна продукта, по Рикардо, опредѣляется среднимъ или обыкновеннымъ, по техническимъ условіямъ, количествомъ труда, потребнымъ на производство продукта. Будутъ-ли, при существованіи подобной цѣны, покрыты естественная задѣльная плата и естественная прибыль,—это вопросъ посторонній. Конечно, рабочіе получатъ все то, что, по среднимъ привычкамъ, считается входящимъ въ кругъ ихъ потребленія. Конечно, капиталъ получитъ такую часть общей массы продукта, которая соотвѣтствуетъ уровню прибыли. Но „будутъ-ли рѣдки или обильны капиталы по отношенію къ труду; будетъ-ли обиліе или недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и другихъ предметахъ первой

необходимости",—часть продукта составитъ прибыль, другая задѣльную плату, и возвышеніе или паденіе той и другой будутъ оказывать вліяніе не на цѣну, а на соотношеніе между самими прибылью и платой. Временныя и случайныя отклоненія отъ этого начала имѣютъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда внезапно нарушается пропорція между взаимнымъ снабженіемъ, между предложеніемъ и спросомъ. Цѣна растетъ или падаетъ, но „конкурренція" или, проще, общее состояніе техники установляетъ цѣну или на прежнемъ уровнѣ, или на новомъ, обусловленномъ успѣхами или неудачами производства. Но, введя въ свою теорію столь чуждое ей начало, какъ участіе прибыли въ образованіи цѣны, Рикардо открылъ въ ней брешь для нападеній и справедливо навлекъ на нее замѣчаніе Мальтуса въ томъ, что исключеній такого рода гораздо больше, чѣмъ думаетъ авторъ. Между тѣмъ, мы постараемся доказать ниже, что исключеній никакихъ не существуетъ, и самый случай могъ быть разсматриваемъ въ этомъ смыслѣ только по недоразумѣнію.

„Мы нашли", говоритъ Дж. Стюартъ Милль [1]). „что *главный* изъ элементовъ стоимости производства—трудъ, передъ которымъ ничтожны всѣ остальные. Предметъ обходится производителю или ряду производителей во столько, сколько стоитъ израсходованный на него трудъ. Если мы разсматриваемъ, какъ производителя, капиталиста, дѣлающаго затраты,— слово трудъ можно замѣнить словомъ рабочая плата; предметъ обходится производителю во столько, сколько рабочей платы пошло на него. На первый взглядъ, правда, кажется, что это лишь часть расхода, потому что капиталистъ не только платилъ рабочимъ, а также снабжалъ ихъ орудіями, матеріалами и, быть можетъ, строеніями. Но эти орудія, матеріалы и строенія произведены трудомъ и капиталомъ, и цѣнность ихъ, подобно цѣнности предметовъ, для производства которыхъ они служатъ, опредѣляется стоимостью производства, которая опять приводится къ стоимости труда". До сихъ поръ издержки производства, по крайней мѣрѣ повидимому, довольно удачно приводятся къ количествамъ труда, заключеннаго въ продуктѣ. Но, приведя затѣмъ изъ книги Рикардо указанное выше мѣсто о составныхъ частяхъ стоимости пары чулокъ, Дж. Ст. Милль продолжаетъ [2]): „читатель замѣтитъ, что Рикардо выражается такъ, какъ будто количество труда, котораго стоитъ производство предмета и доставка его на рынокъ,—единственная вещь, опредѣляющая цѣнность товара". Всякій, кто прочтетъ эти строки, вправѣ ждать, что вслѣдъ затѣмъ Дж. Ст. Милль укажетъ на существованіе какой-нибудь другой вещи, которая наравнѣ съ трудомъ участвуетъ въ опредѣленіи цѣнности. Онъ дѣлаетъ это, но какъ? „Стоимость про-

[1]) Основанія, т. I, книга III, стр. 514.
[2]) Ib., стр. 516.

изводства для капиталиста", говоритъ онъ, „не трудъ, а рабочая плата, и количество труда остается одинаково при высокой и низкой платѣ; потому казалось бы, что цѣнность продукта опредѣляется не исключительно количествомъ труда, а количествомъ труда вмѣстѣ съ размѣромъ вознагражденія за него, и что цѣнности опредѣляются отчасти размѣромъ рабочей платы". Недоразумѣніе это Дж. Ст. Милль разъясняетъ тѣмъ, что цѣнность—явленіе относительное, что могутъ возвышаться и падать только цѣны, а не цѣнности, и что поэтому одновременное возвышеніе или пониженіе задѣльной платы во всѣхъ отрасляхъ не можетъ вести къ увеличенію или уменьшенію цѣностей.

Еслибы законъ Рикардо о противоположности между прибылью и задѣльной платой основывался только на такой аргументаціи, онъ не устоялъ бы долго. Дѣло не въ томъ, что задѣльная плата возвышается и падаетъ во всѣхъ отрасляхъ,—хотя повсемѣстное уменьшеніе и увеличеніе прибыли и мыслимо только при такомъ всеобщемъ же возвышеніи или пониженіи задѣльной платы. Дѣло въ томъ, что задѣльная плата представляетъ собою лишь часть продукта, отдаваемаго въ обмѣнъ, а поэтому возвышеніе или пониженіе ея сопровождается не измѣненіемъ мѣновой пропорціи, въ которую вступаетъ продуктъ, а измѣненіемъ величины другой части продукта—прибыли. Но еслибы даже задѣльная плата соотвѣтствовала не одной только части труда, воплотившагося въ продуктѣ, а *всей* его массѣ, то и въ такомъ случаѣ она не могла бы, съ общехозяйственной точки зрѣнія, стать синонимомъ труда въ отношеніи къ образованію цѣностей. Признавъ, что отъ размѣра продукта,—а такимъ продуктомъ была бы вся задѣльная плата, — зависятъ мѣновыя пропорціи, мы тѣмъ самымъ были бы принуждены замѣнить дѣйствіе труда на цѣность—дѣйствіемъ сравнительной полезности, потому что, при такомъ условіи, только подъ вліяніемъ послѣдней могли бы установляться и опредѣляться величины обмѣниваемыхъ продуктовъ. Но разъ мы соглашаемся на такое рѣшеніе вопроса, мы должны отвергнуть все, что сказано нами и всей школой Рикардо, въ томъ числѣ и Дж. Ст. Миллемъ, объ умѣстности и необходимости въ общественной экономіи труда въ качествѣ мѣрила и регулятора мѣновыхъ пропорцій. Намъ пришлось бы удалить изъ обмѣна нейтральный элементъ—трудъ и поставить на его мѣсто совершенно случайную борьбу между спросомъ на продуктъ и предложеніемъ его, или между взаимными снабженіями продукта, внѣ всякой зависимости отъ стоимости производства. Тѣмъ болѣе основаній имѣемъ мы утверждать, что *часть* продукта,—будь она задѣльная плата или прибыль,—не въ состояніи замѣнить трудъ, въ качествѣ регулятора мѣновыхъ размѣровъ, потому, во-первыхъ, что она соотвѣтствуетъ не всей массѣ

труда, заключеннаго въ продуктѣ, и потому, во-вторыхъ, что она продуктъ, а не трудъ. мѣновые же размѣры установляются не сами отъ себя, а благодаря дѣйствію посторонней силы, которою, согласно приведеннымъ выше основаніямъ, не можетъ считаться сравнительная полезность вещей. Высокъ или низокъ общій уровень задѣльной платы, высока или низка задѣльная плата въ отдѣльныхъ отрасляхъ—обстоятельства эти нисколько не вредятъ дѣйствію обоихъ этихъ принциповъ.

Не такъ думаетъ Дж. Ст. Милль, увлекаясь тѣми поправками, которыхъ требуетъ, по его мнѣнію, ученіе о цѣнности Рикардо. „Относительнымъ размѣромъ рабочей платы", говоритъ онъ [1]), „опредѣляется цѣнность точно такъ же, какъ и относительнымъ количествомъ труда. То правда, что абсолютная величина рабочей платы не имѣетъ вліянія на цѣнность; но не имѣетъ его и абсолютное количество труда". Значительная часть недоразумѣнія, заключающагося въ этихъ строкахъ, вытекаетъ изъ неяснаго представленія Милля о томъ, что такое „вліяніе на цѣнность". Разумѣя подъ абсолютными количествами труда и задѣльной платы одинаковыя количества того и другой, заключенныя во всѣхъ продуктахъ, поступающихъ въ обмѣнъ, Милль видитъ передъ собою разъ установившееся, спокойное *состояніе* мѣновыхъ пропорцій, и такъ какъ съ понятіемъ о „вліяніи на цѣнность" у него соединяется, и справедливо, понятіе о *движеніи*, то онъ и утверждаетъ, что такія абсолютныя количества *вліянія* на цѣнность, т. е. на *измѣненіе* мѣновыхъ размѣровъ, не имѣютъ. Мы уже говорили, что задѣльная плата дѣйствительно не участвуетъ въ образованіи цѣнностей; но нельзя сказать того же о количествахъ труда, все равно абсолютныхъ, т. е. вездѣ равныхъ, или относительныхъ. Прежде чѣмъ цѣнности установились, происходило между ними *движеніе*, направляемое и регулируемое количествами труда, а въ изслѣдованіи именно причинъ даннаго *состоянія* цѣнностей и состоитъ научная работа по вопросу о среднихъ цѣнностяхъ. Абсолютныя количества труда дали цѣнностямъ устойчивость, слѣдовательно нельзя сказать, что они не имѣли на нихъ вліянія. Измѣненіе количествъ труда сопровождается измѣненіемъ мѣновыхъ пропорцій, т. е., въ концѣ концовъ, установленіемъ новыхъ, слѣдовательно относительнымъ количествамъ труда принадлежитъ такая же роль, какъ и абсолютнымъ, коль скоро движеніе цѣнностей смѣнилось покойнымъ состояніемъ ихъ. Но если по отношенію къ абсолютнымъ количествамъ труда имѣть въ виду исключительно *состояніе* цѣнности, по отношенію же къ относительнымъ—исключительно *движеніе*, то, само собою разумѣется, придется, вслѣдъ за Миллемъ, утверждать, что только вторыя оказываютъ „вліяніе" на цѣнности.

[1]) Основан., т. I, стр. 518.

„Если въ одномъ занятіи", говоритъ Милль въ другомъ мѣстѣ [1]), „рабочая плата выше, чѣмъ въ другомъ, или если она надолго повышается или падаетъ въ одномъ занятіи, оставаясь безъ перемѣны въ другихъ, эти неравенства, дѣйствительно, оказываютъ вліяніе на цѣнности... Если въ извѣстномъ занятіи постоянно существуетъ рабочая плата выше средней величины, *соразмѣрно тому* и цѣнность предмета, производимаго этимъ занятіемъ, будетъ выше уровня, опредѣляемаго простымъ количествомъ труда. Напр., предметы, производимые техническимъ трудомъ, обмѣниваются за продуктъ гораздо большаго количества чернорабочаго труда и только потому, что плата за технической трудъ выше". Что задѣльная плата за технической трудъ гораздо болѣе велика, чѣмъ за простой,—это не подлежитъ сомнѣнію; но причина этой сравнительной высоты лежитъ опять-таки въ томъ же трудѣ и ни въ чемъ больше. Технической трудъ есть трудъ квалифицированный, т. е. обыкновенный трудъ, осложненный всею массою подготовительнаго труда, которая, какъ самъ же Милль утверждаетъ въ началѣ своего курса, должна [2]) входить въ счетъ производства, подобно текущему труду. Если поэтому цѣна техническихъ произведеній выше, нежели цѣна однородныхъ простыхъ, то это благодаря бо́льшему количеству труда, заключеннаго въ нихъ, а вовсе не вслѣдствіе того, что задѣльная плата за технической трудъ выше. Во-первыхъ, задѣльная плата здѣсь не болѣе, какъ производное явленіе, средній членъ между затратою извѣстнаго количества труда и цѣнностью продукта, въ которомъ этотъ трудъ воплотился; во-вторыхъ, кромѣ задѣльной платы, продуктъ технической отрасли, подобно продукту всякой иной, заключаетъ еще и прибыль, на величинѣ которой отражается всякое возвышеніе и паденіе платы.

Тотъ же взглядъ на участіе въ образованіи цѣнностей совершенно логично удерживаетъ Милль и по отношенію къ прибыли; что же касается отношенія прибыли, получаемой предпринимателемъ, къ издержкамъ производства, то онъ обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ, тогда какъ именно его рѣшеніе служитъ пробнымъ камнемъ для повѣрки годности самой теоріи издержекъ. „Кромѣ труда", говоритъ онъ [3]), „есть еще другой элементъ производства—капиталъ... Вознагражденіемъ за воздержаніе служитъ прибыль. А прибыль состоитъ *не изъ одного излишка,* остающагося капиталисту за покрытіемъ расхода,—она почти всегда составляетъ немаловажную часть

[1]) Ib., стр. 517.

[2]) Ib., стр. 52: „... техническое или промышленное воспитаніе общества, трудъ, употребляемый на то, что люди учатъ и учатся производительнымъ искусствамъ, на пріобрѣтеніе и сообщеніе мастерства въ этихъ искусствахъ,—этотъ трудъ совершается именно для того, и обыкновенно единственно для того, чтобы черезъ него достичь бо́льшаго или болѣе цѣннаго производства"...

[3]) Ib., стр. 519—20 passim.

и самаго расхода... Общее возвышеніе прибыли, подобно общему возвышенію рабочей платы, не можетъ возвышать цѣнностей... Часть прибыли, входящей въ стоимость производства всѣхъ предметовъ, не имѣетъ вліянія на цѣнность никакого предмета. Только тотъ излишекъ, который входитъ въ стоимость производства лишь нѣкоторыхъ предметовъ, оказываетъ вліяніе на цѣнность ихъ". Прибыль состоитъ не изъ одного излишка, остающагося капиталисту за покрытіемъ расхода, но вѣдь она состоитъ же и изъ него. Всего интереснѣе было бы рѣшить именно вопросъ, какимъ образомъ потребитель выплачиваетъ въ цѣнѣ продукта *этотъ* излишекъ потребителю и въ качествѣ производителя самъ беретъ его назадъ у потребителя своихъ продуктовъ, т. е. совершаетъ совершенно безполезную и безтолковую операцію. Еслибы Миллю удалось отвѣчать на этотъ вопросъ, то онъ тѣмъ самымъ разрѣшилъ бы и вопросъ объ источникѣ той прибыли, которая входитъ въ счетъ „издержекъ" даннаго предпринимателя и въ счетъ „дохода" или излишка тѣхъ, у кого онъ пріобрѣталъ матеріалы, орудія и т. под. Тутъ онъ узналъ бы, что сама теорія издержекъ есть не болѣе какъ теорія частно-хозяйственная, перенесенная въ область общественнаго хозяйства, и если она оказывается годной для конторы и для лавки, то отсюда не слѣдуетъ, что ею объясняется многое въ системѣ соціально-хозяйственныхъ отношеній [1]).

[1]) Мы увеличили бы безъ мѣры этотъ очеркъ ученія объ издержкахъ производства, еслибы стали ссылаться на громадную массу писателей, раздѣляющихъ ошибку обоихъ Миллей и Рикардо относительно роли издержекъ въ отношеніи къ установленію цѣнностей. Приведемъ вкратцѣ мнѣнія нѣкоторыхъ изъ нихъ: Mac-Culloch, The principles, p. 307: „The cost, or real value, of commodities,... has been shewn *to be identical* with the quantity of labour required to produce them and bring them to market.... If.... a commodity where brought to market and exchanged for a greater amount, either commodities or of money, than was required to defray the cost of its production, *including* the common or average *rate of nett profit* at the time, its producers would, obviously, be placed in a relatively advantageous situation"... Rau, Traité, p. 124: „Le fabricant, le marchand etc., dans leurs opérations, ne font aucune attention á la valeur des marchandises qu'ils offrent, mais seulement à ce qu'elles leur ont coûté, il leur suffit d'obtenir un prix *supérieur* à leurs frais de production, et qui leur assure en outre un profit, car ils feraient une perte, si le prix qu'ils obtiennent n'était *au moins assez élevé* pour compenser leurs frais. On peut donc poser comme... règle: qu'on ne vend pas les produits à un taux inférieur à leurs frais de production". Если продукты не продаются ниже издержекъ, то продаются или выше, или соотвѣтственно издержкамъ. Но оба продукта не могутъ продаваться выше издержекъ, одинъ не можетъ также, потому что это сопрягалось бы для другого съ уступкой ниже издержекъ.—слѣдовательно, продаются или мѣняются соотвѣтственно издержкамъ. Гдѣ же прибыль? Schäffle, Das Gesellschaftl. System etc., 189: „Der Werth bestimmter Quantitäten einer Güterart strebt für die Dauer auf das Niveau der Produktionskosten zurück, kann aber dauernd nicht unter dieses Niveau herabsinken". Ib., 191: „Die Kosten eines Gutes bestehen: a) in den Lohnauslagen für das erzeugte Sachgut, b) in den Auslagen, d. h. in dem Aufwand an umlaufendem Kapital, z. B.

Сказавъ, что на цѣнность оказываетъ вліяніе только тотъ излишекъ, который входитъ въ стоимость производства нѣкоторыхъ, а не всѣхъ предметовъ, Дж. Ст. Милль переходитъ къ изложенію положеній Рикардо объ участіи въ образованіи цѣнностей постояннаго и оборотнаго, долговѣчнаго и краткосрочнаго капитала. Мы не пойдемъ за нимъ въ эту область потому, что найдемъ для нея мѣсто ниже.

Но какъ бы ни были велики заблужденія теоріи издержекъ производства, она все-таки сохраняетъ видъ объективной теоріи, потому что ведетъ мысль къ извѣстнымъ постояннымъ, естественнымъ и общимъ для всѣхъ хозяйствъ условіямъ отправленія экономической дѣятельности, которыя только преобразуются обмѣномъ. Лишь ближайшій анализъ показываетъ, что ученіе это заключаетъ нѣкоторыя трудно разрѣшимыя противорѣчія. Не то слѣдуетъ сказать о теоріи

für verwendete Roh—und Hilfsstoffe,c) in dem Ersatz der Abnutzungen des stehenden Kapitales, deren Werth in das Product übergegangen ist. In *a—e* werden die Kostenbestandtheile nach *gewöhnlichen* Aufzählung gefunden. Gewiss aber würde die Produktion aufhören wenn der Marktpreis *nur sie* vergütete. Der Marktpreis der Sachgüter muss weiter vergüten... e) nicht bloss den Ersatz des umlaufenden und des stehenden Kapitals, sondern auch den land—und zeitüblichen Zins desselben"... Итакъ, *по обыкновенному вычисленію*, цѣнность продукта оказывается нѣсколько меньше, нежели по дѣйствительному, но за то дѣйствительное вычисленіе отнимаетъ всякую силу у того положенія, что цѣнности стремятся къ „уровню" издержекъ производства. Авторъ спокойно проходитъ мимо этого разительнаго противорѣчія. Нѣчто подобное же находимъ у Roscher'a, Principes, p. 251: „Les biens dont les frais de production sont égaux ont régulièrement une valeur en échange égale". Ib., p. 247—8, passim:... „la notion des frais de production répond—elle à des idées essentiellement différentes, *selon* qu'on se place au point de vue de l'économie publique ou de l'économie privée. Un entrepreneur... doit... comprendre dans les frais de production... tout ce qu'il a payé en interêts, salaire, rente et impôts... En outre il lui faut aussi porter en ligne de compte *un profit légitime*, en sa qualité d'entrepreneur... Au point de vue économique (онъ разумѣетъ соціально-экономическую точку зрѣнія), on ne doit d'ailleurs compter parmi les frais de production que les capitaux, dont l'emploi est nécessaire, sans qu'il s'agisse de procurer la satisfaction des besoins individuels... La valeur du capital circulant... doit naturellement se retrouver en entier, dans le prix, et le capital fixe pour la portion de l'usure qu'il a subite. Il faut aussi tenir compte du risque"... Опять издержки производства разсматриваются въ двухъ видахъ, и остается совершенно неизвѣстнымъ, къ которому изъ нихъ относится положеніе о равенствѣ цѣнностей, при условіи равенства издержекъ. Всѣхъ прямѣе и откровеннѣе взглянулъ на дѣло Storch, Cours d'écon., T. II, p. 140, примѣч., „Il est vrai que le salaire de l'ouvrier, de même que cette partie du profit de l'entrepreneur qui consiste en salaire, si on les concidère comme une portion de subsistances, se composent également de marchandises achetées au prix courant, et qui comprennent de même salaires, rentes de capitaux, rentes foncières et profits d'entrepreneurs. *Mais comme on ne peut ranger le salaire sous aucun des autres éléments, parce qu'il suit d'autres lois, cette observation ne sert qu'a prouver, qu'il est impossible de résoudre le prix nécessaire dans ses éléments les plus simples*". Дѣйствительно, принявъ за посылку дальнѣйшихъ заключеній самостоятельную производительность капитала и почвы, не только трудно, но и невозможно „résoudre le prix nécessaire dans ses éléments les plus simples".

спроса и предложенія въ ея чистомъ видѣ. Нѣтъ писателя, который, придерживаясь ученія объ издержкахъ производства, какъ о регуляторѣ мѣновыхъ пропорцій, отрицалъ бы временное и случайное дѣйствіе спроса и предложенія на эти пропорціи. Но есть люди, утверждающіе, что нѣтъ и не можетъ существовать какихъ-либо другихъ регуляторовъ обмѣна, кромѣ спроса и предложенія. Анализъ этихъ явленій, сдѣланный такими людьми, долженъ поэтому заслуживать особеннаго вниманія. Теорія спроса и предложенія Маклеода принадлежитъ всецѣло къ числу *исключительныхъ* теорій спроса и предложенія. Остановимся сначала на ней, а потомъ перейдемъ къ нѣкоторымъ другимъ теоріямъ, развитымъ, быть можетъ, болѣе научно, хотя и менѣе безусловно. Разсмотрѣвъ подробно эти ученія, мы поймемъ, въ какомъ отношеніи находятся они къ тому научному направленію, которое служитъ намъ путеводною нитью въ лабиринтѣ экономическихъ недоразумѣній, несмотря на то, что подчасъ само нуждается въ исправленіяхъ и дополненіяхъ.

Нѣсколько разъ уже въ теченіе нашего изслѣдованія мы говорили мимоходомъ, что сравненіе настоятельности потребностей служитъ исходнымъ пунктомъ для построенія ученія о цѣнности на понятіи о потребительной цѣнности. Мы старались, кромѣ того, показать, что отводить потребительной цѣнности или просто полезности вещей въ отношеніи къ потребностямъ такое почетное мѣсто—есть дѣло крайне не научное и поэтому не ведущее къ познанію дѣйствительныхъ законовъ мѣны. Теорія спроса и предложенія въ ея чистомъ видѣ есть не что иное, какъ замаскированная теорія сравнительной настоятельности потребностей, и потому, если намъ удастся доказать это, то тѣмъ самымъ мы опредѣлимъ и отношеніе, въ какомъ, по нашему мнѣнію, должна находиться къ этой теоріи наука.

Авторъ „Основаній“ и „Словаря политической экономіи“ Г. Д. Маклеодъ слѣдующимъ образомъ выражаетъ сущность своихъ взглядовъ на занимающій насъ вопросъ. Трудъ и цѣнность, говоритъ онъ (Основанія, гл. I и II), не имѣютъ необходимаго соотношенія между собою: алмазъ, поднятый съ земли, не потому цѣненъ, что онъ поднятъ, а потому поднятъ, что цѣненъ. Всякая цѣнность имѣетъ чисто мѣстный характеръ: знаніе китайскаго языка цѣнилось бы очень высоко въ Лондонѣ или въ Парижѣ, гдѣ всегда есть спросъ на подобныя свѣдѣнія, но на Гебридахъ нѣтъ спроса на нихъ, и потому они не имѣли бы тамъ никакой цѣны. Итакъ, не трудъ *сообщаетъ* цѣнность, а цѣнность или спросъ *привлекаетъ* трудъ. Человѣкъ, только что съѣвшій сытный обѣдъ, не дастъ ничего за стаканъ воды, но среди африканскихъ степей онъ согласится на всякую цѣну. Значеніе, цѣнность акта, желаніе лица видѣть актъ совершеннымъ, весьма различны въ томъ и въ другомъ случаяхъ и во второмъ случаѣ гораздо

*напряженіе*, чѣмъ въ первомъ. Еслибы человѣка утопающаго брался спасти только одинъ лодочникъ, услуга не была бы напряженѣе, но цѣна была бы выше, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда за то же дѣло взялись бы двое или болѣе лодочниковъ. *Власть* продавца надъ покупателемъ была бы выше при отсутствіи соперничества и ниже при существованіи его. Напряженность услуги и власть продавца надъ покупщикомъ—вотъ элементы цѣны каждой услуги; цѣна измѣняется въ прямомъ отношеніи къ напряженности оказанной услуги и въ обратномъ отношеніи къ власти покупщика надъ продавцомъ. Законъ этотъ—примѣръ того, что въ философіи называется закономъ непрерывности (law of continuity), потому что, будучи вѣренъ въ примѣненіи къ двумъ крайнимъ выраженіямъ цѣнъ, онъ долженъ быть вѣренъ и въ примѣненіи къ промежуточнымъ пунктамъ. Формула наша есть очевидно не что иное, какъ измѣненное выраженіе, что цѣнность обусловливается отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Но авторитеты въ области науки вывели другой законъ, нашедшій сильную поддержку и заключающійся въ томъ, будто бы цѣнность опредѣляется издержками производства. Мы докажемъ, что законъ этотъ несостоятеленъ. Адамъ Смитъ и Рикардо полагали, что трудъ есть истинное мѣрило мѣновой цѣнности всѣхъ предметовъ. Но еслибы это мѣрило было вѣрно, то мусоръ, вынутый изъ колодца, имѣлъ бы большую цѣнность, тогда какъ алмазъ, найденный на поверхности земли, не имѣлъ бы никакой цѣны. Мы знаемъ уже, что это не такъ, что не трудъ сообщаетъ предмету цѣнность, а цѣнность предмета привлекаетъ къ себѣ трудъ. Независимо отъ этого, самъ Рикардо распространяетъ дѣйствіе своей теоріи на тѣ только предметы, количество которыхъ можетъ быть увеличиваемо, и въ производствѣ которыхъ соперничество не встрѣчаетъ стѣсненій. Но ограничивать научныя истины экономіи лишь нѣкоторыми случаями—ошибочно и противно началамъ индуктивной философіи. Бэконъ былъ правъ, когда совѣтовалъ провѣрять выводимые законы примѣненіемъ ихъ ко всѣмъ случаямъ. Что такое естественная рента, заработная плата, издержки на извлеченіе и т. д., о которыхъ говорятъ Рикардо и Адамъ Смитъ? Одинъ производитель можетъ быть болѣе искусенъ и предпріимчивъ, нежели другой, или можетъ открыть болѣе экономическіе способы производства, чѣмъ его сосѣди, и всѣ эти особенности могутъ существовать въ весьма различныхъ степеняхъ. Рыночная цѣна не подвергается никакимъ вліяніямъ, кромѣ спроса и предложенія. Паденіе цѣны пшеницы при значительномъ привозѣ ея, при извѣстіи среди войны, что главный врагъ не существуетъ,—всѣ эти и другіе случаи не находятся ни въ какой зависимости отъ издержекъ производства. Системы Смита и Рикардо относятъ образованіе цѣны къ *производителю*, между тѣмъ какъ несомнѣнно, что цѣну со-

здаетъ *потребитель*. Покупщики даютъ высокія цѣны за продукты не потому, что продавцы потратили много денегъ на производство этихъ предметовъ, а наоборотъ, продавцы рѣшаются тратить много денегъ на приготовленіе предметовъ потому, что надѣются найти покупщиковъ. Цѣна есть результатъ постоянной борьбы между покупщикомъ и продавцомъ, и обстоятельства, побуждающія ту или другую сторону дойти до соглашенія, служатъ *единственнымъ* мѣриломъ цѣнности въ моментъ покупки.

Доказывать, что издержки производства обусловливаютъ цѣну, можно лишь въ томъ смыслѣ, что *никто не согласится добровольно продать* произведенный *предметъ за цѣну меньшую издержекъ производства*, совокупно съ извѣстнымъ вознагражденіемъ, и, во всякомъ случаѣ, никто не могъ бы вести такую продажу долго. Но выше этого уровня человѣкъ *старается* выручить какъ можно больше, и прибыль его находитъ предѣлъ единственно въ приведенномъ нами законѣ. Никакое измѣненіе въ издержкахъ не вызоветъ измѣненія въ цѣнности, если не сопровождается измѣненіемъ въ спросѣ и предложеніи. Рыночная цѣна опредѣляетъ количество издержекъ, могущее быть допущеннымъ при производствѣ. Пониженіе цѣны, вслѣдствіе увеличенія запаса какого-нибудь товара, уничтожаетъ прибыль отъ количества продукта, полученнаго съ наибольшими издержками. Отношеніе между спросомъ и предложеніемъ есть всеобщій и единственный регуляторъ цѣнности. Когда производство можетъ быть увеличено безпредѣльно, люди пріучаются соображать размѣры предложенія съ размѣрами спроса, такъ что цѣнность предмета близко подходитъ тогда къ издержкамъ производства. Если есть возможность вывести общій философскій законъ, то законъ этотъ долженъ прилагаться ко всѣмъ случаямъ. Вся сущность и цѣль индуктивной философіи сосредоточивается на анализѣ отдѣльныхъ случаевъ, на выводѣ изъ нихъ общихъ законовъ и на примѣненіи этихъ законовъ ко *всякимъ* (?) другимъ случаямъ. То же самое разумѣется въ отношеніи къ политической экономіи, къ цѣнѣ и ея измѣненіямъ. Законъ Рикардо, по собственному его сознанію, не примѣняется къ цѣлому ряду предметовъ. Выраженіе, принятое нами, напротивъ, прилагается ко всѣмъ случаямъ и оказывается вѣрнымъ во всѣхъ предѣлахъ. Есть извѣстный рядъ причинъ, содѣйствующихъ возвышенію цѣнъ, и есть рядъ причинъ, способствующихъ пониженію цѣнъ; цѣна измѣняется, слѣдовательно, въ прямомъ отношеніи къ причинамъ, стремящимся ее возвысить, и въ обратномъ отношеніи къ причинамъ, стремящимся ее понизить. Таковъ методъ, принятый нами при построеніи нашей формулы. Ж. Б. Сэй говоритъ: если фунтъ оливковаго масла въ Марсели цѣнится въ 30 су, а въ Парижѣ въ 40, я нахожу, что тотъ, кто доставляетъ это масло изъ Марсели въ Парижъ, *прибавляетъ* 10 су къ

цѣнности каждаго фунта. Но вѣдь цѣнность предметамъ сообщаютъ не производители и перевозчики, а потребители. Еслибы перевозочныя издержки прибавляли къ цѣнности предмета, то отсюда слѣдовало бы, что переслать масло обратно изъ Парижа въ Марсель значило бы еще прибавить къ его цѣнности, а переправить его взадъ и впередъ двадцать разъ значило бы въ двадцать разъ возвысить его цѣнность. Различная цѣнность домовъ, смотря по мѣстности, въ которой каждый изъ нихъ построенъ, представляетъ наглядный примѣръ того, какой перевѣсъ окружающія обстоятельства берутъ надъ издержками производства. Построить домъ въ центрѣ Сити, противъ Англійскаго банка и пр. стоило бы не дороже, чѣмъ въ самыхъ глухихъ кварталахъ предмѣстій; но какъ различна была бы цѣнность построекъ!

Теорія Смита-Рикардо построена на предположеніи, что человѣкъ въ состояніи управлять рынкомъ, тогда какъ въ дѣйствительности рынокъ управляетъ человѣкомъ. Стоимость хлѣба на каждой ступени операцій, совершаемыхъ надъ нимъ фермеромъ, мельникомъ, пекаремъ, слагается изъ суммы стоимости всѣхъ предыдущихъ операцій, вмѣстѣ съ прибылью каждаго изъ этихъ лицъ; цѣна, по которой хлѣбъ поступаетъ въ потребленіе, должна быть, по крайней мѣрѣ, равна суммѣ стоимости всѣхъ операцій. Но не такова мгновенная или минутная цѣнность [1]) (instantaneous value) хлѣба. Напротивъ, очевидно, что владѣлецъ продукта на каждой ступени производства дѣлаетъ все, что можетъ, для усиленія разности между издержками и минутною цѣнностью. Очевидно, что во всѣхъ случаяхъ и во всякое время дѣйствуетъ законъ спроса и предложенія, и только этотъ законъ. Но если, какъ допускаетъ и Рикардо, цѣны на всѣ товары *во всякое* время подчиняются дѣйствію спроса и предложенія, то какія же могутъ быть *другія* времена, когда цѣны установляются издержками производства?—Что же такое сами спросъ и предложеніе? „Какъ произведенное количество выражаетъ предложеніе (supply), такъ количество проданное выражаетъ спросъ (demand). Такимъ образомъ, выраженія: производство и потребленіе, предложеніе и спросъ не означаютъ ничего болѣе какъ количество, предлагаемое для продажи, и количество проданное“ (Основ., глава I, стр. 91).

Маклеодъ вездѣ выражается съ такою точностью и откровенностью, что рѣчь его ни на минуту не заставляетъ усомниться въ дѣйствительныхъ взглядахъ автора и въ характерѣ отношеній его теоріи къ ученіямъ школы Смита-Рикардо. Сказавъ, что цѣнность и

[1]) Подъ именемъ мгновенной или минутной цѣнности авторъ разумѣетъ цѣну, дѣйствительно платимую при какой-либо сдѣлкѣ, т. е., по-просту, всякую фактическую цѣну, безъ всякой связи ея съ другими цѣнами. См. Основ., стр. 102.

трудъ не находятся между собою ни въ какомъ соотношеніи, онъ прямо установляетъ свою точку зрѣнія на предметъ и даетъ понять, что только сравнительная настоятельность потребностей представляетъ рѣшающій элементъ въ вопросѣ объ опредѣленіи мѣновыхъ пропорцій. Только въ такомъ смыслѣ могутъ быть поняты его мысли о мѣстномъ характерѣ всякой цѣнности, о значеніи потребителя въ установленіи цѣнностей, о томъ, что не трудъ сообщаетъ предмету цѣнность, а цѣнность привлекаетъ къ себѣ трудъ, о мгновенной цѣнности и т. под. Мы говорили выше, вслѣдъ за Baumstark'омъ, что логическое развитіе понятія о сравнительной полезности, какъ основаніи мѣновыхъ пропорцій, неизбѣжно должно приводить къ признанію такого же числа различныхъ цѣнностей, сколько существуетъ народовъ, *мѣстностей* и т. д. Нельзя, конечно, отрицать, что извѣстные продукты находятъ себѣ сбытъ въ однѣхъ мѣстностяхъ, другіе—въ другихъ, что одни и тѣ же продукты имѣютъ различную цѣнность въ различныхъ странахъ и пр. Но какъ между цѣнностью вообще всѣхъ продуктовъ, такъ и между *размѣрами* цѣнности однородныхъ продуктовъ въ различныя времена и у различныхъ народовъ существуетъ гораздо болѣе сходства, нежели полагаетъ Маклеодъ. Сходство между цѣнностями вообще зависитъ отъ однообразія силы, установляющей мѣновые размѣры; сходство между *размѣрами* цѣнности однородныхъ продуктовъ вытекаетъ изъ особенностей техники, болѣе или менѣе общихъ производству послѣднихъ. Находя далѣе, что не производитель, а потребитель создаетъ цѣнность продукта, Маклеодъ не только продолжаетъ стоять на точкѣ зрѣнія сравнительной настоятельности потребностей, но и устраняетъ самое понятіе о двусторонности мѣновой сдѣлки. Очевидно, что только игнорируя самыя условія, въ которыя поставлено производство, можно утверждать, что одно отношеніе потребности къ предмету рѣшаетъ вопросъ объ установленіи мѣновыхъ размѣровъ. Но такое утвержденіе имѣетъ, по крайней мѣрѣ, ту хорошую сторону, что примѣняется одинаково къ той и другой сторонѣ обмѣна. Если же понятіе объ отношеніи потребности къ продукту отождествить съ понятіемъ о „потребителѣ“ и противопоставить его представленію о матеріальныхъ условіяхъ производства, предшествовавшихъ самому обмѣну и отождествленныхъ съ личностью „производителя“, — то придется сдѣлать сверхъестественное открытіе, что каждый производитель находится въ рукахъ у каждаго потребителя. Этотъ „философскій“ путь рѣшенія экономическихъ вопросовъ нельзя назвать ни наилучшимъ, ни вѣрнѣйшимъ. Можно, конечно, спросить о томъ, въ качествѣ-ли производителя или въ качествѣ потребителя оказываетъ лицо давленіе на цѣнность. Мы отвѣчали на этотъ вопросъ признаніемъ такой роли исключительно за первымъ. Но забыть, что если не всѣ, то гро-

мадное большинство производителей суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и потребители,—это капитальнѣйшая ошибка [1]).

Авторъ говоритъ далѣе, что не трудъ сообщаетъ предмету цѣнность, а цѣнность привлекаетъ къ себѣ трудъ. Само собою разумѣется, что никому не пришло бы въ голову производить никому не нужные предметы, но тѣмъ не менѣе термины „сообщаетъ“ и „привлекаетъ“, какъ видитъ всякій, представляютъ не болѣе, какъ игру словъ, и не заставятъ поборниковъ теоріи Смита-Рикардо увѣровать, что мотивъ, побуждающій къ производству, имѣетъ болѣе значенія въ установленіи мѣновыхъ пропорцій, нежели человѣческія силы, поглощаемыя этимъ производствомъ. Наконецъ, мгновенная цѣнность Маклеода, т. е. дѣйствительно платимая въ какой-либо сдѣлкѣ цѣна, которую онъ принимаетъ за типическую и для которой ищетъ и находитъ всеобщее выраженіе, — какъ нельзя лучше показываетъ, что Маклеоду рѣшительно неизвѣстны самыя первоначальныя правила изслѣдованія явленій какой бы то ни было области. Уже a priori можно полагать, что мгновенная сдѣлка и цѣнность представляетъ собою результатъ дѣйствія или однихъ только частныхъ силъ, или силъ общихъ, но въ такой степени осложненныхъ дѣйствіемъ частныхъ, что изслѣдователю нѣтъ никакой возможности найти для нея такое выраженіе, которое обнимало бы вмѣстѣ съ нею и всѣ прочія сдѣлки и цѣнности. Мы видѣли выше, что именно такія мгновенныя явленія ведутъ къ ошибочному истолкованію феномена цѣнности, когда принимаются за явленія прочныя или среднія, вполнѣ годныя для наблюденій. И тамъ, и здѣсь получалась въ результатѣ формула сравнительной настоятельности потребностей, потому что неравенства этой послѣдней именно представляютъ ту частную силу, которая оказываетъ давленіе на обмѣнъ въ извѣстные, исключительные моменты. Дѣйствительность прекрасно подтверждаетъ все это. Самъ Маклеодъ говоритъ, что одно извѣстіе объ истребленіи врага способно измѣнить соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ хлѣба, а слѣдовательно и цѣнность. Что же общаго между такою случайною цѣнностью и

[1]) Авторъ „Harmonies économiques“ сознаетъ очень хорошо эту истину, когда дѣло идетъ о теоретической формулировкѣ ея. „Le naturaliste“, говоритъ онъ, „peut diviser l'espèce humaine en blancs et noirs, en hommes et femmes, et l'économiste ne la peut classer en producteurs et consommateurs, parce que... le producteur et le consommateur ne font qu'un... Mais c'est justement parce qu'ils ne font qu'un que chaque homme doit être considéré par la science en cette double qualité“. Harm. écon., p. 359. Но, переходя къ обсужденію интересовъ потребителя и производителя и увлекаясь при этомъ вопросами практики, Bastiat приходитъ къ такимъ заключеніямъ: „Nous venons de constater que les résultats économiques ne font que glisser, pour ainsi dire, sur le producteur pour aboutir au consommateur et que, par conséquent, toutes les grandes questions doivent être étudiées au point de vue de consommateur... Cette subordination du rôle du producteur à celui de consommateur est pleinement confirmée par la considération de *moralité*“. Ib., p. 371—2.

среднею цѣнностью спокойнаго мирнаго времени? Напряженность услуги и власть покупщика надъ продавцомъ, отвѣчаетъ Маклеодъ, и степенями этихъ-то напряженности и власти измѣряются мѣновые размѣры въ каждой мѣновой сдѣлкѣ, какъ въ свободной, такъ и въ вынужденной, какъ въ частной, такъ и въ публичной и пр. Но дѣло въ томъ, что какъ напряженность, такъ и власть совершенно бездѣйствуютъ въ обыкновенное среднее время, а поэтому справедливо думать, что ихъ и совсѣмъ не существуетъ при подобныхъ обстоятельствахъ [1]). Напротивъ, въ исключительныхъ случаяхъ бездѣйствуетъ *отчасти* давленіе труда на размѣръ пріобрѣтаемаго продукта, потому что осложняется давленіемъ власти и напряженности. Но частный характеръ такихъ случаевъ и свойства мѣновыхъ пропорцій, установляемыхъ въ такіе моменты, а именно свойства колебаній вокругъ извѣстнаго центра достаточно показываютъ, что роль напряженности и власти, устраняющихъ и сжимающихъ дѣйствіе труда на цѣнность, не принадлежитъ къ числу постоянныхъ и общихъ всѣмъ мѣновымъ случаямъ вездѣ и во всякое время. Итакъ, нельзя сказать вмѣстѣ съ Маклеодомъ, что его выраженіе закона цѣны или цѣнности объемлетъ всѣ случаи и вѣрно во всѣхъ предѣлахъ. Оно невѣрно въ отношеніи къ важнѣйшимъ, дѣйствительно типическимъ мѣновымъ случаямъ. Не думаемъ также, что цѣль индуктивной философіи заключается въ примѣненіи законовъ, выведенныхъ изъ отдѣльныхъ случаевъ ко *всякимъ* другимъ случаямъ. Выводы, дѣлаемые безъ предварительнаго классифицированія явленій,—не выводы, а просто безсмыслица. Сомнѣваемся еще и въ томъ, что при изслѣдованіи закона цѣны должно быть обращено исключительное вниманіе на то, отъ какихъ причинъ *измѣняется* цѣна: нужно прежде узнать, отъ какихъ причинъ она придерживается извѣстнаго уровня. Къ изслѣдованію причинъ колебаній жидкостей физика приступила лишь послѣ того, когда стали извѣстны причины, сообщающія жидкостямъ уровень [2]).

---

[1]) Мы совершенно согласны, впрочемъ, съ де-Квинси (Logic of Political Economy, p. 13, см. Дж. Ст. Милль, Основанія, т. I, стр. 499), что, хотя изъ ста случаевъ въ девяносто девяти полезность вещи не оказываетъ никакого вліянія на цѣну, но что она и при такихъ условіяхъ дѣйствуетъ на покупателя вещи въ томъ смыслѣ, что, за отсутствіемъ ея, онъ не далъ бы за вещь и самой ничтожной цѣны. Но мы не согласны съ нимъ, когда онъ утверждаетъ (стр. 500), что въ одномъ изъ этихъ ста случаевъ та же полезность дѣйствуетъ на цѣну: какъ тутъ, такъ и въ примѣрахъ Маклеода дѣйствуетъ уже не полезность, а напряженность, власть, страхъ не получить потребной вещи и не удовлетворить потребности.

[2]) Слѣдующія слова Энгельса важны для пониманія характера вліянія настоятельности потребностей на цѣнность товаровъ: „Что должно думать о такомъ законѣ, который можетъ провести себя въ жизнь точно при помощи періодическихъ колебаній? Это именно такой естественный законъ, какой покоится на безсознательности участниковъ“ (*Friedrich Engels*, Umrisse zu einer Kritik der Nationaloekonomie, „Deutsch-französische Jahrbücher“, Paris, 1844).

Переходъ отъ всѣхъ этихъ положеній, тождество которыхъ съ теоріею сравнительной настоятельности потребностей мы только что доказали, къ теоріи спроса и предложенія весьма простъ и естественъ. Самъ Маклеодъ сознается, что выраженный имъ законъ есть не что иное, какъ законъ спроса и предложенія. Этого признанія было бы совершенно достаточно для того, чтобы удержать насъ отъ приведенія доказательствъ, что законъ спроса и предложенія есть не что иное, какъ маскированная формула сравнительной настоятельности потребностей, еслибы мы захотѣли повѣрить автору на-слово. Правда, мы не находимъ у Маклеода почти никакихъ разъясненій дѣйствія этого закона, и лишь въ одномъ мѣстѣ онъ упоминаетъ вскользь, что подъ спросомъ слѣдуетъ разумѣть проданное количество, подъ предложеніемъ—количество произведенное. За исключеніемъ этого мѣста, на протяженіи цѣлыхъ двухъ главъ Маклеодъ не занимается ничѣмъ инымъ, кромѣ повторенія одной и той же вещи, именно, что спросъ и предложеніе суть единственный регуляторъ цѣнности, и что теорія издержекъ производства не что иное, какъ вздоръ. Въ теоріяхъ Steuart'а и Мальтуса мы увидимъ, что понятіе о спросѣ и предложеніи можетъ подвергаться довольно тщательному анализу, и что предметъ этотъ далеко не такъ простъ, какъ кажется. Экстенсивность и интенсивность спроса и предложенія, самый порядокъ отношеній между тѣмъ и другимъ [1]), хотя, быть можетъ, и сводятся на другія, болѣе простыя начала, но, тѣмъ не менѣе, требуютъ довольно подробнаго обсужденія. При разборѣ этихъ теорій мы считаемъ болѣе удобнымъ выразить подробнѣе и нашъ собственный взглядъ на законъ спроса и предложенія. Теперь мы постараемся опредѣлить тотъ переходъ къ этому закону у Маклеода, для обсужденія котораго онъ даетъ такъ мало матеріала.

Все свое изслѣдованіе о цѣнности Маклеодъ ведетъ въ полемическомъ тонѣ, сдѣлавъ изъ формулы издержекъ производства пунктъ нападенія и вмѣстѣ опоры для своихъ изысканій. Не трудно видѣть, что нападаетъ онъ на эту теорію не такъ, какъ нападали ф. Тюненъ, Komorzynski, Marx и мы: онъ видитъ въ ней не что иное, какъ теорію труда, въ качествѣ регулятора мѣновыхъ пропорцій. Съ этой точки зрѣнія она заслуживаетъ и защиты точно такой же, въ какой нуждалась бы теорія труда. Еслибы, говоритъ Маклеодъ, мѣриломъ цѣнности

[1]) Нашелъ же возможнымъ, напр., Cournot (Principes de la théorie de richesses, p. 94) доказывать, что „quand les auteurs ont dit (d'une voix si unanime), que le prix est *en raison inverse d'une quantité offerte*, ils ont énoncé *une vérité triviale*, s'ils ont seulement voulu dire que l'offre avilit la marchandise, et un théorème manifestement faux, s'ils ont pris ces mots *de raison inverse* dans le sens préci, qu'on leur donne en mathématiques". „Et quand les auteurs ajoutent", продолжаетъ онъ, „avec la même unanimité, que le prix est *en raison directe de la quantité demandée*, ils disent une chose plus visiblement encore fausse ou dépourvue de sens".

былъ *трудъ*, то мусоръ, вынутый изъ колодца, былъ бы дороже алмаза. Если-бы, утверждаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, перевозочныя *издержки* прибавляли что-нибудь къ цѣнности предмета то отсюда слѣдовало бы, что масло, разъ двадцать переправленное изъ одного пункта въ другой, становилось бы во столько же разъ дороже. Какъ изъ перваго, такъ и изъ второго примѣра легко замѣтить, въ какой степени атомистично воззрѣніе автора на экономическія явленія. Алмазъ *можетъ быть найденъ* на улицѣ, разсуждаетъ онъ, а между тѣмъ всякому ясно, что алмазы имѣютъ громадную цѣнность, слѣдовательно, *трудъ не имѣетъ* соотношенія съ цѣнностью. Масло *можетъ быть* перевезено разъ двадцать изъ одного мѣста въ другое, а всякій знаетъ, что это совершенно безсмысленная операція и никто оплачивать ее не станетъ; слѣдовательно, *издержки перевозки* (онъ разумѣетъ подъ ними и всякія издержки) *не имѣютъ* соотношенія съ цѣнностью. Въ томъ и другомъ случаѣ авторъ вырываетъ изъ дѣйствительности изолированный фактъ, разсматриваетъ его внѣ всякой связи съ другими фактами, съ которыми онъ входитъ въ опредѣленныя іерархическія соотношенія, и, не долго размышляя, дѣлаетъ заключенія *ко всей* дѣйствительности, т. е. къ тому сложному цѣлому, отъ котораго отрѣзанъ данный фактъ. Вопросъ не въ томъ, могутъ или не могутъ въ томъ или въ другомъ случаѣ производиться извѣстныя операціи, а въ томъ, какъ производятся онѣ вообще, среднимъ числомъ и пр. *Вообще* алмазовъ не собираютъ на площадяхъ и улицахъ, а ищутъ и тратятъ на это долговременный и усиленный трудъ [1]). *Вообще* масла не возятъ по нѣсколько разъ туда и обратно, а сразу привозятъ его туда, куда нужно, и берутъ за это столько, сколько потрачено на это труда. Человѣкъ дѣйствительно не управляетъ рынкомъ—ничего подобнаго не утверждали ни Смитъ, ни Рикардо,—человѣкъ примѣняется къ рынку самъ, но примѣняется въ такихъ предѣлахъ, какіе указываются техникой, мѣстными, временными условіями и т. д. Рынокъ,—сумма такихъ людей, или, лучше сказать, сумма продуктовъ, произведенныхъ при подобныхъ обстоятельствахъ; и если масса подчиняетъ единицу, то дѣлаетъ это не слѣпо, а служа выраженіемъ извѣстныхъ необходимыхъ хозяйственныхъ условій. Правда, Маклеодъ находитъ, что немыслима долговременная продажа ниже издержекъ; но каждый *старается*, говоритъ онъ, выручить какъ можно больше сверхъ этихъ из-

[1]) „Diamanten kommen selten in der Erdrinde vor und ihre Findung kostet daher im Durchschnitt viel Arbeitszeit. Folglich stellen sie in wenig Volumen viel Arbeit dar. Jacob bezweifelt, dass Gold jemals seinen vollen Werth bezahlt hat. Noch mehr gilt diess vom Diamant. Nach Eschwege hatte 1823 die achtzigjährige Gesammtausbeute der brasilischen Diamantgruben noch nicht den Werth des 1½ jährigen Durchschnittsproduktes der brasilischen Zuckers- oder Kaffeepflanzungen erreicht... Gelingt es mit wenig Arbeit Kohle in Diamant zu verwandeln, so kann sein Werth unter den von Ziegelstein fallen". K. Marx. Das Kapital, стр. 6.

держекъ. *Удастся-ли* это стараніе—вотъ вопросъ, который слѣдовало рѣшить Маклеоду. Онъ не замѣтилъ, что первымъ своимъ положеніемъ совершенно уничтожаетъ второе. Если немыслима долговременная продажа ниже издержекъ, то, очевидно, немыслима и продажа выше издержекъ, потому что, если одна изъ сторонъ будетъ продавать выше издержекъ, то другая будетъ покупать *ниже*, а возможность дѣлать это послѣднее отрицается. Издержки, говоритъ Маклеодъ, дѣйствуютъ на цѣнность въ томъ только случаѣ, когда измѣняютъ соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ. Положеніе это вѣрно въ томъ смыслѣ, что обыкновенно измѣненіе въ издержкахъ сопровождается измѣненіемъ во взаимномъ предложеніи [1]). Но совершенно возможны и такія обстоятельства, при которыхъ, за уменьшеніемъ или увеличеніемъ издержекъ, не послѣдуетъ измѣненія собственно въ спросѣ и въ предложеніи (если разумѣть подъ первымъ желаемое количество), но послѣдуетъ измѣненіе цѣнностей, потому что на единицу труда, заключеннаго въ продуктѣ, каждою изъ сторонъ станетъ пріобрѣтаться больше или меньше, чѣмъ прежде, чужихъ продуктовъ [2]).

Защитивъ отъ нападокъ Маклеода теорію труда и издержекъ, посмотримъ, есть-ли разница между его теоріею спроса и предложенія и теоріею потребительной цѣнности. Маклеодъ не признаетъ существованія какой бы то ни было цѣнности, кромѣ рыночной. Эта послѣдняя установляется, по его мнѣнію, единственно отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Подъ спросомъ онъ разумѣетъ проданное (вѣроятно, продаваемое) количество, подъ предложеніемъ—количество произведенное. Вѣрнѣе и, пожалуй, болѣе сообразно взгля-

[1]) „Lorsqu'un marché est surchargé de marchandises, ce n'est pas un simple hasard, mais un signe que les prix payés précédemment étaient si élevés qu'il y avait avantage à activer la production de ces marchandises. Le haut prix d'antérieur est donc la cause de l'abondance, indiquée maintenant par des prix trop bas". De Thünen, Le salaire naturel. p. 105. „Тайное вліяніе, заставляющее цѣнности вещей въ среднемъ выводѣ быть сообразными со стоимостью производства, — это тайное вліяніе состоитъ въ томъ, что иначе измѣнился бы размѣръ снабженія товаромъ. Предложеніе возросло бы, еслибы предметъ продолжалъ продаваться выше, чѣмъ соразмѣрно со стоимостью его производства; оно уменьшилось бы, еслибы цѣнность предмета упала ниже этой соразмѣрности". Дж. Ст. Милль, Основ. пол. эк., т. I, стр. 510.

[2]) „Si le prix naturel du pain baissait de 50 pour cent par suite de quelque grande découvérte dans la science de l'agriculture, la demande de pain n'augmenterait pas considérablement, personne n'en voudrait avoir que ce qui lui suffirait ses besoins et la demande n'augmentant pas, l'approvisionnement n'augmenterait pas non plus, car il ne suffit pas qu'on puisse produire une chose, pour qu'elle soit produite en effet, il faut encore qu'on la demande. Voici donc un cas où l'offre et la demande ont à peine varié ou n'ont augmenté que dans une même proportion; et cependant le prix du blé aura baissé de 50 pour cent et cela pendant que la valeur de l'argent n'aura point éprouvé de variation". Ricardo, Oeuvres compl., p. 360.

дамъ самого Маклеода было бы употребить, вмѣсто выраженія „проданное", терминъ „желаемое", потому что трудно понять, какого рода отношеніе, опредѣляющее цѣну и связанное съ „напряженностью услуги" и „властью", можетъ существовать между произведеннымъ и проданнымъ или даже продаваемымъ количествами. Если же цѣна или цѣнность установляется отношеніемъ между произведеннымъ, предлагаемымъ количествомъ и количествомъ желаемымъ, спрашиваемымъ, то передъ нами тѣ же исключительные случаи, когда, вмѣсто объективныхъ и общихъ обоимъ продуктамъ свойствъ, сравниваются опасеніе не получить потребной вещи и желаніе воспользоваться этимъ опасеніемъ. „Власть" и „напряженность" господствуютъ здѣсь надъ хозяйственными условіями, и господство ихъ прекрасно подтверждаетъ мысль, что теорія спроса и предложенія, въ качествѣ всеобщаго регулятора мѣновыхъ пропорцій, а не въ качествѣ формы, прикрывающей дѣйствительные элементы цѣнности,—есть не что иное, какъ теорія потребительной цѣнности или сравнительной настоятельности потребностей.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію теорій Steuart'a и Мальтуса, представляющихъ гораздо болѣе ясную и разностороннюю разработку вопроса о предложеніи и спросѣ, нежели горячія, но бездоказательныя филиппики Маклеода. Steuart не безусловный приверженецъ теоріи спроса и предложенія. При разборѣ его ученія объ элементахъ цѣнности мы видѣли, что онъ различаетъ положительные и относительные убытокъ и прибыль, находитъ, что цѣнность должна всегда оставаться безъ измѣненія, что измѣняться можетъ только прибыль. Въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ своихъ онъ нисколько не отступаетъ отъ этихъ положеній. Положимъ [1]), говоритъ онъ, что въ портъ пришло нагруженное товарами судно съ цѣлью купить здѣсь другіе товары. Судно предлагаетъ свои товары, и спросъ на нихъ въ портѣ будетъ *высокъ* или *низокъ*, смотря по высотѣ предлагаемой цѣны, а не по требуемому количеству или по числу тѣхъ, кто заявляетъ спросъ. Когда все продано, тогда открываетъ спросъ судно; и если его спросъ пропорціонально выше, нежели предыдущій, то мы говоримъ вообще, что спросъ существуетъ на товары порта. Это значитъ, что портъ предлагаетъ, а судно требуетъ. Это слѣдуетъ назвать взаимнымъ спросомъ. Спросъ бываетъ или *простой*, или *сложный*. Простой—когда товаръ спрашивается кѣмъ-нибудь однимъ; сложный—когда товаръ желаютъ имѣть многіе. Но это относится не столько къ лицамъ, сколько къ интересамъ. Когда двадцать человѣкъ, преслѣдуя одинъ и тотъ же интересъ, желаютъ имѣть одинъ и тотъ же товаръ, то это составляетъ не болѣе, какъ простой спросъ; сложный спросъ возникаетъ въ томъ лишь случаѣ, когда между различными интере-

[1]) Untersuchung der Grundsätze der Staatswirthschaft. T. I, B. II, Cap. II. S. 90 ff.

сами является соперничество. Если же нѣтъ соперничества между покупателями, спросъ бываетъ только простой, какъ бы ни было велико или мало искомое количество товара или число покупателей. Спросъ бываетъ *большой* или *малый*. Большой—когда требуемое количество велико; малый—когда оно незначительно. Спросъ можетъ быть *высокій* и *низкій*. Высокій—когда велико соперничество между покупателями; низкій—когда оно значительно между продавцами. Изъ этихъ опредѣленій ясно, что слѣдствіе большого спроса представляетъ крупная продажа, слѣдствіе высокаго спроса—высокая цѣна и наоборотъ. Если спросъ заявляется правильно, то слѣдствіемъ бываетъ то, что снабженіе потребнаго товара большею частью соотвѣтствуетъ спросу: въ такомъ случаѣ спросъ обыкновенно бываетъ простой. Прежде чѣмъ онъ станетъ сложнымъ, должны произойти еще и другія обстоятельства; спросъ дѣлается, напр., неправильнымъ, неожиданнымъ, или обыкновенное предложеніе желаемаго товара встрѣчаетъ препятствія. Слѣдствіемъ является то, что, при нарушеніи правильной пропорціи между покупателями возникаетъ соперничество, и возрастаютъ текущія или обыкновенныя цѣны. Въ этомъ смыслѣ говорятъ, что спросъ возвышаетъ цѣны, что цѣны высоки или низки, смотря по спросу. Если же слово „спросъ“ относить къ желаемому количеству, то онъ бываетъ или большой, или малый. Когда соперничество [1]) бываетъ гораздо сильнѣе на одной сторонѣ сдѣлки, нежели на другой, то его слѣдуетъ называть *простымъ*, и въ этомъ смыслѣ оно то же, что названо выше сложнымъ спросомъ. Это тотъ родъ соперничества, который подразумѣвается въ выраженіи высокій спросъ (т. е. возвышающій цѣны). *Двойнымъ* соперничествомъ называется то, которое дѣйствуетъ одновременно на обѣихъ сторонахъ сдѣлки или колеблется между тою и другою. Оно удерживаетъ цѣны въ соотвѣтствіи съ цѣнностью товаровъ. Всего труднѣе установить ясное различіе между понятіями спроса и соперничества. Простой спросъ имѣетъ назначеніемъ привлекать извѣстное количество товара на рынокъ; онъ бываетъ малъ или великъ; при немъ два лица спрашиваютъ не одну и ту же вещь, а только части одной и той же вещи или совершенно одинаковыя между собою вещи. Сложный спросъ есть причина возвышенія цѣнъ; но никогда онъ не бываетъ причиной ихъ пониженія, потому что при немъ одну и ту же вещь требуютъ многіе. Онъ относится только къ покупателямъ, къ цѣнѣ, предлагаемой ими, и бываетъ высокъ или низокъ. Простое соперничество, происходящее между покупателями, есть то же, что сложный или высокій спросъ. Разница между ними лишь въ томъ, что простое соперничество можетъ происходить также между продавцами, а сложный спросъ не можетъ. Поэтому первое имѣетъ взаимное дѣйствіе: оно можетъ и понижать цѣны, и соотвѣт-

[1]) Ib., cap. VII, S. 214 ff.

ствовать въ такомъ случаѣ низкому спросу. Двойное соперничество предупреждаетъ какъ неумѣренное возвышеніе, такъ и неумѣренное паденіе цѣнъ. Пока господство принадлежитъ ему, выполняется балансъ, и торговля съ промышленностью находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Въ отношеніи *къ цѣнамъ* мы говоримъ, что спросъ бываетъ высокъ или низокъ, въ отношеніи же *къ количеству товаровъ*—что спросъ великъ или малъ. Въ отношеніи къ соперничеству спросъ всегда бываетъ великъ или малъ, силенъ или слабъ.

Мы видимъ изъ этого изслѣдованія, что Steuart ни на минуту не забываетъ, что спросъ и предложеніе суть не болѣе, какъ формы, въ которыхъ выполняется на рынкѣ общій законъ цѣнности,—ни на минуту не ставитъ этихъ формъ на мѣсто или рядомъ съ ихъ содержаніемъ. Двойное соперничество, говоритъ онъ, удерживаетъ цѣны въ соотвѣтствіи съ цѣнностью, правильный спросъ бываетъ обыкновенно простымъ, и снабженіе при немъ большею частью соотвѣтствуетъ спросу. Только тѣ случаи, когда возникаетъ высокій и сложный спросъ, т. е. одновременное требованіе многихъ на одну и ту же вещь, или простое соперничество между продавцами,—представляютъ область для дѣйствія силъ, не содержащихся въ общемъ или обыкновенномъ феноменѣ цѣнности. Но эти случаи Steuart оттѣняетъ характеристикою неожиданныхъ, неправильныхъ, сопряженныхъ съ препятствіями для обыкновеннаго снабженія.

Вообще, ученіе Steuart'а можетъ быть названо въ извѣстномъ смыслѣ полнымъ и правильнымъ выраженіемъ взгляда на предметъ школы Смита-Рикардо. Только нѣкоторыя отдѣльныя положенія требуютъ исправленія, да понятія о спросѣ и предложеніи нуждаются въ болѣе подробномъ разъясненіи. Авторъ не всегда помнитъ, что мѣновая сдѣлка двусторонняя, что на каждой ея сторонѣ существуютъ одни и тѣ же условія. Роль денегъ, какъ специфическаго продукта совершенія *покупокъ*, приводитъ его къ такому заблужденію и заставляетъ думать, что только *покупатели* могутъ предъявлять спросъ, *продавцы же* не могутъ. Такъ, онъ утверждаетъ, что простое соперничество и сложный спросъ различаются между собою тѣмъ, что первое можетъ существовать не только между покупателями, но и между продавцами, второй же—только между покупателями: какъ будто нѣсколько продавцовъ не могутъ точно такъ же гоняться за однимъ покупателемъ или за одною суммою денегъ, какъ нѣсколько покупателей—за однимъ продавцомъ или за одною и тою же вещью. Понятія автора о спросѣ и предложеніи содержатъ наиболѣе характеристическія черты этихъ явленій въ ихъ взаимной связи и въ этомъ смыслѣ могутъ считаться выраженными гораздо лучше, нежели бо́льшая часть ученій новѣйшихъ экономистовъ. Таково различіе, проводимое имъ между высокимъ и низкимъ, простымъ и сложнымъ, большимъ и

малымъ спросомъ. Умѣнье Steuart'а совмѣстить всѣ эти представленія съ понятіемъ о средней или естественной цѣнности было главною причиною, побудившею насъ изложить его ученіе въ нашемъ изслѣдованіи. То, что Steuart называетъ высокимъ и низкимъ спросомъ, представляетъ, какъ увидимъ, вмѣстѣ съ сложнымъ его спросомъ, именно ту совокупность посторонніхъ общему закону цѣнности явленій, которая оказываетъ по временамъ самостоятельное дѣйствіе на цѣнность. Тѣмъ не менѣе всѣ эти понятія нуждаются въ пересмотрѣ и разъясненіи, которые, быть можетъ, повлекутъ за собою нѣкоторыя упрощенія и сокращенія.

Мальтусъ тоже понялъ разницу между видами спроса; онъ также отличаетъ размѣръ спроса отъ его интенсивности. Но въ то время, какъ у Steuart'а различія эти вдвинуты въ рамку естественной цѣнности и находятся въ подчиненіи у нея, Мальтусъ видитъ въ игрѣ ихъ ни болѣе, ни менѣе, „какъ столь общій законъ, который обнимаетъ собою рѣшительно всѣ случаи измѣненія цѣнъ". Мы говорили, пишетъ Мальтусъ [1]), что всякая мѣновая цѣнность вытекаетъ изъ возможности и желанія дать въ обмѣнъ одинъ предметъ за другой. Когда, вслѣдствіе введенія общей мѣры цѣнностей и орудія мѣны, общество раздѣлилось, какъ обыкновенно говорятъ, на покупателей и продавцовъ, подъ спросомъ слѣдовало разумѣть желаніе, присоединенное къ возможности покупать, подъ предложеніемъ—производство продуктовъ, присоединенное къ желанію продавать ихъ. Въ такомъ состояніи вещей относительныя цѣнности товаровъ въ деньгахъ, или ихъ цѣны опредѣляются относительнымъ количествомъ этихъ товаровъ, спрашиваемымъ и предлагаемымъ. Законъ этотъ обнимаетъ всѣ случаи измѣненія цѣнъ. Но слѣдуетъ помнить, что цѣны опредѣляются не спросомъ и предложеніемъ, а отношеніемъ между ними. Какъ узнать это отношеніе? Нѣкоторые полагали, что спросъ всегда равенъ предложенію, потому что не можетъ существовать постояннаго предложенія какого-нибудь товара безъ достаточнаго спроса на все его количество. Это правильно въ одномъ смыслѣ изъ тѣхъ, въ которыхъ употребляются обыкновенно слова „спросъ и предложеніе". Положительный *размѣръ* (étendue) спроса, въ сравненіи съ положительнымъ размѣромъ предложенія, всегда, среднимъ числомъ, соотвѣтствуютъ другъ другу. Какъ бы ни было мало предлагаемое количество, дѣйствительный спросъ не можетъ превзойти его; и какъ бы ни было значительно предложеніе, размѣръ спроса или потребленія долженъ увеличиваться въ той же пропорціи, или часть продукта сдѣлается безполезною и перестанетъ производиться. Итакъ, не въ этомъ смыслѣ можно сказать, что измѣненіе въ относительной пропорціи между спросомъ и предложеніемъ оказываетъ вліяніе на цѣны, такъ какъ въ

[1]) Principes d'écon., p. 63 и слѣд.

этомъ случаѣ спросъ и предложеніе имѣютъ всегда одно и то же отношеніе между собою. Чѣмъ больше *желаніе* и *способность* къ покупкѣ какого-нибудь товара, тѣмъ больше увѣренность, что будетъ великъ и силенъ на него спросъ: Но эти желаніе и возможность не будутъ имѣть никакихъ послѣдствій, если никто изъ покупателей не согласится дать высокую цѣну, имѣя возможность имѣть товаръ по низкой. Пока средства и соперничество продавцовъ дозволятъ имъ продавать по низкимъ цѣнамъ все требуемое количество, до тѣхъ поръ *интенсивность* спроса не проявится.

Каковы же причины проявленія большей интенсивности спроса? Увеличеніе *числа* или *потребностей покупателей* и *недостатокъ предложенія*. Наоборотъ, уменьшеніе числа или потребностей и обиліе предложенія уменьшаетъ спросъ. Если, напр., какой-нибудь товаръ, спрашиваемый и потребляемый обыкновенно тысячью покупателей, начинаетъ спрашиваться двумя тысячами, то ясно, что нѣсколько лицъ должно отказаться отъ того, въ чемъ нуждается, пока излишекъ спроса не будетъ удовлетворенъ; но, по всей вѣроятности, между этими двумя тысячами найдется нѣсколько лицъ, которыя согласятся уплатить болѣе высокую цѣну за все произведенное количество. Точно также уменьшеніе на половину количества какого-нибудь товара повлечетъ за собою покупку его нѣсколькими изъ прежнихъ покупателей по болѣе высокой цѣнѣ. Но если у нихъ нѣтъ ни желанія, ни способности къ тому, то цѣна не возвысится, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, при подобныхъ же обстоятельствахъ. Съ другой стороны, увеличеніе издержекъ вдвое увеличитъ вдвое и цѣнность для нѣкоторыхъ, могущихъ платить покупателей. Въ этомъ случаѣ предложеніе будетъ колебаться: оно могло бы уменьшиться до предложенія всего одного только человѣка или остаться то же, что и прежде. Въ первомъ случаѣ можетъ заплатить болѣе высокую цѣну только одинъ, во второмъ — всѣ. Во второмъ случаѣ предлагаемое и спрашиваемое количества будутъ равны, но интенсивность спроса сдѣлается сильнѣе. По тѣмъ же принципамъ предметъ, существующій въ большомъ изобиліи, можетъ быть проданъ только по болѣе низкой цѣнѣ: то же самое бываетъ при уменьшеніи потребности въ предметѣ и при уменьшеніи издержекъ, когда происходятъ дѣйствительное или предполагаемое увеличеніе предложенія и соперничество между продавцами, доводящія цѣны до незначительной высоты. Въ этомъ предположеніи паденія и возвышенія цѣнъ допускается, что предлагаемое и потребляемое количества могутъ послѣ краткой борьбы быть равны прежнимъ, но спросъ все-таки измѣняется. Итакъ, ясно, что не одинъ только размѣръ дѣйствительнаго спроса, даже при сравненіи его съ размѣромъ дѣйствительнаго предложенія, поднимаетъ цѣны; это слѣдуетъ приписать колебанію въ отношеніи между спро-

сомъ и предложеніемъ, которое вынуждаетъ проявленіе большей интенсивности спроса. То же слѣдуетъ сказать и о пониженіи цѣнъ, разумѣется —въ обратномъ смыслѣ. По мнѣнію Рикардо, не можетъ быть рѣчи о возрастаніи спроса, если не расширяется потребленіе. Но мы видимъ, что не отъ размѣра спроса зависитъ возрастаніе цѣнъ, потому что именно при наиболѣе низкихъ цѣнахъ размѣръ потребленія наиболѣе великъ. Не въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ говорить о спросѣ, когда ему приписывается роль возвышенія цѣнъ. Въ одномъ смыслѣ слово спросъ означаетъ размѣръ потребленія, въ другомъ—интенсивность спроса, которая одна только и увеличиваетъ цѣны.

Изъ трехъ изложенныхъ нами теорій спроса и предложенія каждая занимаетъ самостоятельное мѣсто въ наукѣ политической экономіи, каждая представляетъ извѣстныя типическія особенности. Маклеодъ даетъ совершенно безусловную теорію вопроса, исключающую дѣйствіе какихъ бы то ни было другихъ силъ, кромѣ разсматриваемыхъ имъ, и совершенно обходящую всѣ сложныя явленія, вошедшія въ составъ феномена цѣнности. Stenart ставитъ дѣйствіе спроса и предложенія подъ контроль общаго закона цѣнности, что нисколько не мѣшаетъ ему подмѣтить важныя и ускользающія отъ поверхностнаго взгляда черты этого дѣйствія. Мальтусъ занимаетъ середину между тѣмъ и другимъ, такъ какъ, признавая законъ спроса и предложенія закономъ всеобщаго приложенія, онъ, тѣмъ не менѣе, утверждаетъ, что издержки производства не совершенно лишены участія въ образованіи цѣнъ, и входитъ въ обсужденіе особенностей, представляемыхъ этимъ явленіемъ.

Посмотримъ теперь, въ какое отношеніе слѣдуетъ стать къ этимъ теоріямъ если придерживаться извѣстныхъ пріемовъ изслѣдованія, указанныхъ нами въ своемъ мѣстѣ.

Возьмемъ типическую, среднюю мѣновую сдѣлку, представляющую извѣстное равновѣсіе какъ затратъ рабочей силы, такъ и удовлетворенія потребностей. Такую сдѣлку представляетъ намъ купля-продажа любого товара общаго потребленія, совершенная по онтовой цѣнѣ, среди мирнаго времени, при обыкновенныхъ среднихъ условіяхъ естественной и технологической производительности. Пока сдѣлка остается такою, какъ мы предположили, взаимный спросъ или желаніе имѣть чужую вещь, подкрѣпляемое возможностью заплатить за нее, не можетъ оказывать никакого вліянія на размѣръ, въ которомъ обмѣниваются продукты. Каждая изъ сторонъ, по необходимости, желаетъ имѣть лишь такое количество чужого продукта, какое по среднимъ установившимся производительнымъ условіямъ добывается посредствомъ количествъ труда, соотвѣтствующихъ тѣмъ, которыя содержатся въ собственномъ продуктѣ. Еслибы такое количество продукта не удовлетворяло потребностямъ сторонъ, то разсматриваемое

отношеніе не могло бы быть постояннымъ. Что же касается постоянства мѣновыхъ отношеній вообще, то, независимо отъ апріористическихъ выводовъ, оно представляетъ за себя множество чисто фактическихъ доказательствъ въ исторіи цѣнъ. Излишекъ, еслибы онъ былъ, переставалъ бы производиться, недостатокъ замѣнился бы суррогатомъ, и законъ мѣновой пропорціи относился бы въ одномъ случаѣ къ мѣновому отношенію съ однимъ уменьшеннымъ членомъ, въ другомъ случаѣ—къ мѣновому отношенію, членъ котораго слагался бы изъ суммы первоначальнаго продукта и суррогата. Такимъ образомъ, наша сдѣлка представляетъ равенство предложеній (въ отношеніи къ затраченному на нихъ труду), равенство спроса (въ отношеніи къ одинаково полному удовлетворенію взаимныхъ потребностей), равенство спроса и предложенія той и другой стороны (требуется столько и по такой же цѣнности, сколько и по какой цѣнности предлагается). Соперничество между тою и другою стороною сдѣлки стремится единственно къ тому, чтобы удержать мѣновую пропорцію на извѣстномъ уровнѣ, отвѣчающемъ относительнымъ затратамъ труда. Орудіе его—возможность перехода изъ одной отрасли въ другую, качественно отъ нея отличную,—возможность, тѣмъ менѣе обширная, чѣмъ болѣе развито общественное раздѣленіе труда.

Болѣе или менѣе прочныя и постоянныя повышенія и пониженія даннаго уровня техники вліяютъ на мѣновыя пропорціи различно, смотря по тому, увеличиваютъ или уменьшаютъ онѣ производительность труда на одной сторонѣ сдѣлки или на обѣихъ. Цѣнность продуктовъ измѣняется подъ давленіемъ производительной силы, но *взаимный* спросъ и предложеніе могутъ при этомъ вовсе не измѣняться, т. е. оставаться равными даже послѣ измѣненія въ абсолютныхъ размѣрахъ предложенія. Если извѣстное количество продукта A, соотвѣтствующее средней потребности въ немъ лица, начинаетъ добываться посредствомъ бо́льшихъ или меньшихъ количествъ труда, нежели прежде, то какъ оно, такъ и получаемое за него въ обмѣнъ количество продукта B измѣняются такъ, чтобы приноровиться къ новымъ условіямъ производства продукта A, къ новому отношенію между нимъ и трудомъ, на него потраченнымъ. Абсолютные размѣры предложенія измѣняются при этомъ то на той, то на другой сторонѣ, то на обѣихъ вмѣстѣ. Если, напримѣръ, удешевляется производство продукта A, то продуктъ B беретъ за себя все количество продукта A вмѣстѣ съ излишкомъ, произведеннымъ владѣльцемъ A. Измѣненіе размѣра предложенія наступаетъ, слѣдовательно, на сторонѣ продукта A. Какой именно мотивъ побуждаетъ производителя продукта A производить большее его количество, имѣя въ виду получить за него въ обмѣнъ лишь прежнее количество продукта B,—это объясняется только съ помощью теоріи капитала. Если произведеннаго

вновь продукта А, вмѣстѣ съ прежнимъ, слишкомъ много для удовлетворенія потребности владѣльца В, то послѣдній уменьшаетъ свое производство. Измѣненіе размѣра предложенія происходитъ въ такомъ случаѣ на сторонѣ продукта В. Равнымъ образомъ, вздорожаніе производства продукта А влечетъ за собою то, что продуктъ В производится въ увеличенномъ количествѣ, слѣдовательно, измѣненіе размѣра наступаетъ на сторонѣ В; или же продуктъ А производится въ уменьшенномъ количествѣ, и, слѣдовательно, измѣненіе предложенія происходитъ на сторонѣ А. Всякое уменьшеніе и увеличеніе количества продукта при *данномъ*, неизмѣнномъ техническомъ уровнѣ выполняется посредствомъ перемѣщенія рабочихъ силъ изъ одной отрасли въ другую, изъ сбыта, предназначавшагося для одного хозяйства, въ сбытъ другому хозяйству. Все сказанное объ измѣненіи мѣновыхъ размѣровъ относится, въ обратномъ только порядкѣ, и къ измѣненію производительности труда на сторонѣ продукта В.

Наконецъ, одновременныя улучшенія и ухудшенія въ производствѣ обоихъ продуктовъ могутъ повести за собою или сохраненіе тѣхъ же абсолютныхъ размѣровъ предложенія на каждой сторонѣ, или параллельное увеличеніе или уменьшеніе предложенія на той и на другой сторонахъ. Но какъ бы ни измѣнялись абсолютныя предложенія, уровень техники будетъ по необходимости соблюденъ. При всѣхъ такихъ обстоятельствахъ прочно и неизмѣнно дѣйствуетъ законъ преобладанія производственныхъ отношеній надъ распредѣлительными, условія производства управляютъ условіями обмѣна. Равенство затратъ труда остается внутренней основой мѣновыхъ пропорцій при всякомъ уровнѣ техники, лишь бы послѣдній не былъ случайнымъ — временнымъ или мѣстнымъ. Но спрашивается, что происходитъ во время такихъ измѣненій съ предложеніемъ и спросомъ, съ снабженіями и требованіями? Неужели они остаются внѣ всякаго вліянія на установленіе мѣновыхъ пропорцій? Какія бы ни произошли перемѣны въ условіяхъ производства одного или обоихъ продуктовъ, взаимныя предложенія останутся всегда одинаковы между собою, потому что будутъ стоить всегда одинаковыхъ количествъ труда. Взаимныя требованія также останутся равны, потому что количества продукта, производимыя на той и на другой сторонѣ, будутъ одинаково полно, по даннымъ условіямъ, удовлетворять потребностямъ каждой стороны. Наконецъ, требованіе и предложеніе по отношенію къ каждой сторонѣ въ отдѣльности, спросъ и предложеніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, будутъ также равны между собою, потому что, при всякихъ постоянныхъ производственныхъ условіяхъ, продукта требуется столько и по такой цѣнности, сколько и по какой цѣнности предлагается.

На узловыхъ пунктахъ, при переходѣ хозяйствъ отъ одного уров-

ня техники къ другому, произойдетъ рядъ случайныхъ и потому расходящихся съ закономъ цѣнности мѣновыхъ сдѣлокъ въ установленіи которыхъ спросъ и предложеніе будутъ играть болѣе самостоятельную роль. Но сдѣлки эти именно тѣмъ и отличаются отъ типической, что въ нихъ неравны взаимныя предложенія и взаимныя требованія, а вслѣдствіе этого неравны и взаимные предложеніе и спросъ каждой отдѣльной стороны. Типическая сдѣлка, представляющая обратныя условія, служитъ выраженіемъ постоянныхъ и повсемѣстныхъ мѣновыхъ отношеній, охватываетъ значительные районы какъ мѣста, такъ и времени. Сдѣлка узлового пункта носитъ, напротивъ того, характеръ неустойчивости, сопровождающей всякое переходное состояніе. Спросъ оказываетъ здѣсь вліяніе на размѣръ цѣнности тою частью своею, которая представляетъ прибавку къ обыкновенному, среднему желанію имѣть продуктъ или вычетъ изъ него. Какъ только измѣняется такимъ образомъ спросъ одной стороны, сейчасъ же нарушается равновѣсіе между спросами или требованіями обѣихъ сторонъ, и увеличеніе или уменьшеніе спроса при томъ же предложеніи другой стороны, дѣйствительно уменьшаетъ или увеличиваетъ цѣнность этого предложенія. Измѣненіе размѣра одного изъ предложеній точно также дѣйствуетъ на размѣръ цѣнности всею величиною прибавки или вычета, благодаря нарушенію равновѣсія между двумя предложеніями. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что цѣнность зависитъ отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ точно такъ же, какъ зависитъ она отъ этого отношенія еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Если представимъ себѣ теперь, что на-ряду съ нашею типическою сдѣлкою происходитъ множество точно такихъ же сдѣлокъ, то первымъ и прямымъ слѣдствіемъ этого будетъ увеличеніе въ громадное число разъ самыхъ размѣровъ обмѣниваемыхъ продуктовъ. Но измѣненіе коснется только абсолютныхъ размѣровъ этихъ продуктовъ, а не относительныхъ. Всѣ явленія, сопровождающія измѣненія въ условіяхъ производства двухъ лицъ или хозяйствъ, вошедшихъ между собою въ мѣновую сдѣлку, разсмотрѣнную нами выше, повторятся здѣсь въ гигантскихъ размѣрахъ. Но при новыхъ условіяхъ возникнетъ и новое осложненіе. Первоначальная сдѣлка происходила между двумя хозяйствами,—рядъ сдѣлокъ происходитъ между множествомъ хозяйствъ. Условія, въ которыя поставлено производство продуктовъ, могутъ быть приняты, среднимъ числомъ, одинаковыми для всѣхъ этихъ хозяйствъ. Нѣкоторыя обстоятельства, какъ-то: неравномѣрное плодородіе земли, разстояніе отъ рынка, распространеніе естественныхъ богатствъ—угля, лѣса, камня и пр., неравномѣрная населенность городовъ и селъ и т. под., оказываютъ неравное давленіе на мѣновыя пропорціи. Но, за вычетомъ такихъ общественно-есте-

ственныхъ монополій, такихъ болѣе или менѣе случайныхъ осложненій общаго закона, остальныя нарушенія послѣдняго, вытекающія изъ дѣйствія частныхъ группъ или хозяйствъ, встрѣчаютъ сильное ограниченіе въ уравнительномъ вліяніи соперничества между производителями, стоящими *на одной сторонѣ* суммы мѣновыхъ сдѣлокъ. Если соперничество перваго рода имѣло важное значеніе въ томъ отношеніи, что давало возможность перейти изъ одной отрасли въ другую, самостоятельную, то гораздо болѣе сильнымъ орудіемъ соперничества второго рода является возможность перейти изъ одной отрасли въ другую, смежную. Но, за исключеніемъ соперничества между хозяйствами каждой отдѣльной стороны суммы мѣновыхъ отношеній,—соперничества, роль котораго—доводить цѣнности цѣлаго ряда *одн родныхъ* мѣновыхъ количествъ до уровня затратъ, между тѣмъ какъ соперничество между двумя сторонами имѣло цѣлью установлять уровень цѣнности только *разнородныхъ* продуктовъ,—за исключеніемъ только этого условія, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ совокупность или рядъ мѣновыхъ сдѣлокъ, скроенныхъ по образцу типа, не представляетъ ничего отличнаго отъ случая одной типической сдѣлки. Какъ тамъ, такъ и здѣсь спросъ и предложеніе, требуемое по извѣстной цѣнности и предлагаемое по ней же количество равны между собою при всякихъ прочныхъ измѣненіяхъ уровня техники, все равно, касаются-ли измѣненія въ производительной силѣ труда одной стороны мѣнового отношенія или обѣихъ, въ равной-ли степени, въ одномъ-ли направленіи или въ различныхъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь спросъ и предложеніе представляютъ не болѣе какъ формы [1]), въ которыхъ двигается взаимное предложеніе, или продуктъ, поступающій въ обмѣнъ для удовлетворенія потребности своего владѣльца въ чужомъ продуктѣ. Если даже и слѣдуетъ сказать, что во второмъ нашемъ примѣрѣ спросъ и предложеніе больше, нежели въ первомъ, то рѣчь идетъ объ абсолютномъ, а не объ относительномъ ихъ увеличеніи: уровень того и другого остается по прежнему одинаковый. Какъ тамъ, такъ и здѣсь размѣръ цѣнности зависитъ вообще не отъ спроса и предложенія не только потому, что они взаимно равны, но и потому еще, что не ихъ движеніе приводило къ установленію равенства цѣнностей, а движеніе болѣе крупной хозяйственной силы—производительности труда. Не только нельзя сказать, что установленіе мѣновыхъ пропорцій зависѣло въ разсмотрѣнныхъ общихъ примѣрахъ отъ спроса и предложенія, но

[1]) „... je dis que l'offre et la demande, que l'on prétend être la seule règle des valeurs, ne sont autre chose que deux formes cérémonielles, servant à mettre en présence la valeur d'utilité et la valeur en échange, et à provoquer leur conciliation". Proudhon, Système des contradiction économ., p. 79.

слѣдуетъ думать, что сами они зависятъ отъ другихъ условій [1]), отъ той же производительности.

Но есть и еще случаи, въ которыхъ спросу и предложенію принадлежитъ столь же самостоятельная роль въ установленіи цѣнностей, какъ и на узловыхъ пунктахъ, при переходѣ отъ одного уровня техники къ другому. Случаи эти то постоянно сопровождаютъ мѣновыя отношенія въ видѣ колебаній, то наступаютъ подъ давленіемъ исключительныхъ обстоятельствъ. Постоянныя колебанія надъ уровнемъ данной производительности труда производятъ то, что̀ извѣстно у экономистовъ школы Рикардо подъ именемъ рыночныхъ цѣнностей. Сами колебанія эти представляютъ результатъ соперничества между мѣняющимися сторонами, которое то возвышаетъ, то понижаетъ цѣнность надъ естественнымъ уровнемъ ея подъ вліяніемъ нарушеній мѣнового равновѣсія. Взаимныя предложенія и взаимныя требованія расходятся здѣсь на время въ ущербъ то одной сторонѣ сдѣлки или суммы ихъ, то другой. Сверхъ того, *внезапное* увеличеніе или оскудѣніе предложенія на *одной* сторонѣ,—все равно, представляетъ-ли первое изъ нихъ слѣдствіе возрастанія числа лицъ и хозяйствъ, желающихъ пріобрѣсти другой продуктъ, или же слѣдствіе увеличенія потребности прежняго числа лицъ: представляетъ-ли второе слѣдствіе увеличенія предложеній *другой* стороны или экстренныхъ производственныхъ обстоятельствъ *первой*,—такое увеличеніе или уменьшеніе предложенія гонитъ цѣны то вверхъ, то внизъ, сообразно тому, въ какой степени дѣйствительное или предполагаемое предложеніе продукта относится къ потребности въ немъ, т. е. превышаетъ-ли ее или не достигаетъ ея. Спросъ или желаніе имѣть чужой продуктъ подкрѣпляется то болѣе, то менѣе сильными порціями собственнаго продукта, въ соотвѣтствіи съ оскудѣніемъ или увеличеніемъ предложенія требуемаго продукта. Желаніе имѣть *все* потребное количество чужого продукта заставляетъ сторону переводить собственный продуктъ изъ одной потребности въ другую съ цѣлью удовлетворить важнѣйшей. Страхъ или опасеніе не имѣть всего потребнаго количества играетъ здѣсь первостепенную роль и тѣмъ самымъ обнаруживаетъ тождество между теоріею сравнительной настоятельности потребностей и теоріею спроса и предложенія. Кромѣ исключительныхъ случаевъ, спросу и предложенію въ опредѣленіи размѣра цѣнностей принадлежитъ также существенная роль въ моменты экономическихъ кризисовъ, когда общее положеніе ходячей экономіи, что „продукты мѣняются только на продукты, причемъ

[1]) „Si la quantité à donner d'un produit quelconque en échange d'une certaine quantité d'un autre produit dépend de la proportion entre l'offre et la demande, il est évidemment nécessaire de découvrir d'on dépend cette proportion". I. Mill, Eléments, p. 89.

деньги только посредникъ мѣны", оказывается совершенно несостоятельнымъ. Говорить тогда, что отъ спроса и предложенія товаровъ можетъ зависѣть равновѣсіе продажъ и покупокъ, потому что каждая продажа есть покупка и наоборотъ, есть величайшая нелѣпость. „Продажа и покупка представляютъ *тождество въ качествѣ мѣнового отношенія между продавцомъ и покупателемъ, но въ качествѣ дѣйствій одного и того же лица* они представляютъ *два противоположные акта*. Такъ какъ первая метаморфоза товара есть и продажа и покупка, то она составляетъ самостоятельный процессъ. Покупатель пріобрѣлъ *товаръ*, продавецъ *деньги*, т. е. такой товаръ, который сохранитъ форму, годную для обращенія, независимо отъ того, сейчасъ или послѣ будетъ онъ посланъ снова на рынокъ. Обращеніе именно вслѣдствіе того и оставило за собою мѣстныя и индивидуальныя границы непосредственнаго обмѣна продуктовъ, что оно *раскололо* непосредственное *тождество* между обмѣномъ собственнаго и чужого продуктовъ *на противоположныя одна другой продажу и покупку*. Самостоятельно выступающіе одинъ противъ другого процессы образуютъ движеніе своего внутренняго единства во внѣшнихъ противоположностяхъ. Какъ только внѣшняя самостоятельность и внутренняя зависимость слегка расходятся одна съ другою, *единство разрѣшается въ кризисъ*" (К. Марксъ, Капиталъ). Мы знаемъ теперь дѣйствительную сферу примѣненія теоріи спроса и предложенія. Она распространяется активно не на всѣ мѣновые случаи, а только на нѣкоторые. Кромѣ упомянутыхъ уже нами, къ ихъ числу должно отнести также обмѣнъ продуктовъ монопольныхъ и предметовъ болѣе или менѣе случайнаго потребленія отдѣльныхъ общественныхъ группъ,—предметовъ, которые Рикардо выдѣлилъ изъ хозяйственной сферы, а Дж. Ст. Милль отнесъ въ особую категорію. За исключеніемъ же перечисленныхъ нами обстоятельствъ, при которыхъ спросу и предложенію принадлежитъ дѣйствительно первенствующая роль, во всѣхъ прочихъ мѣновыхъ случаяхъ средняго мѣста и времени спросъ и предложеніе остаются внѣ всякаго вліянія на мѣновыя пропорціи.

Такъ какъ всякое дѣйствительное предложеніе [1]) увеличивается единственно вслѣдствіе того, что хозяйство, представляющее его, переводитъ часть собственнаго продукта изъ одного сбыта въ другой, то разсмотрѣнные нами случаи дѣйствія на установленіе мѣновыхъ размѣровъ спроса и предложенія представляютъ гораздо болѣе частныя колебанія, нежели нарушенія общаго мѣнового равновѣсія страны или эпохи. Иными словами: колеблются цѣнности отдѣльныхъ товаровъ, но, благодаря тому, что колебанія уравновѣшиваются одно дру-

[1]) Само собою разумѣется, что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ исключительно о среднемъ времени, относящемся къ *неизмѣнному* уровню производительности труда.

гимъ, общая система мѣновыхъ сношеній остается нетронутою. Увеличеніе снабженія въ пользу одного хозяйства, ceteris paribus, сопровождается уменьшеніемъ снабженія въ пользу другого; на противоположной сторонѣ суммы мѣновыхъ актовъ происходитъ то же самое въ обратномъ порядкѣ.—Взаимная зависимость всѣхъ частей общественнаго хозяйства находитъ прекрасное выраженіе въ этомъ перемѣщеніи продукта изъ одной сферы въ другую, оставляющемъ безъ измѣненія всю совокупность этихъ сферъ.

Попробуемъ теперь провести краткую параллель между изложеннымъ нами ученіемъ, представляющимъ собою не что иное, какъ развитіе положеній школы Смита-Рикардо, и ученіями Steuart'a и Мальтуса. Большой спросъ Steuart'a вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что названо нами суммою снабженій, при условіи, что происходитъ не одинъ, а множество мѣновыхъ актовъ, совершенно подобныхъ тому, который берется за образецъ. Малый спросъ—это снабженіе, предъявляемое въ одномъ или въ нѣсколькихъ мѣновыхъ актахъ. Сложный спросъ есть именно тотъ спросъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ оказываетъ давленіе на мѣновые размѣры: простой — желаніе или требованіе, присутствующее въ скрытомъ состояніи въ каждомъ нормальномъ или среднемъ мѣновомъ актѣ. Высокій и низкій спросы служатъ выраженіемъ болѣе или менѣе сильнаго желанія имѣть продуктъ въ тѣхъ особыхъ случаяхъ, когда, подъ давленіемъ соперничества, спросу и предложенію принадлежитъ главная роль; чѣмъ больше такое желаніе,—а оно особенно велико тогда, когда усиленное соперничество совмѣстниковъ грозитъ оставить безъ удовлетворенія потребность даннаго хозяйства, — тѣмъ выше поднимается цѣнность продукта, получаемаго въ обмѣнъ, и наоборотъ. Простое и взаимное соперничество не требуютъ разъясненія. О мнимой разницѣ между простымъ соперничествомъ и сложнымъ или высокимъ спросомъ мы уже говорили. За вычетомъ этой послѣдней поправки и по разъясненіи и упрощеніи остальныхъ положеній Steuart'a, мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что теорія его представляетъ весьма правдивое и точное изложеніе предмета.

Нельзя сказать того же о доктринѣ Мальтуса, хотя и ей нельзя также отказать въ извѣстной глубинѣ и проницательности. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Мальтусъ ошибается, говоря, что законъ спроса и предложенія столь общъ, что обнимаетъ всѣ возможные случаи. Въ каждой мѣновой сдѣлкѣ дѣйствительно состоятъ на-лицо и спросъ и предложеніе. Но спрашивается, можно-ли утверждать, что законъ, управляющій движеніемъ того и другого, распространяется и на случаи (которыхъ, однако-жъ, бываетъ большинство), гдѣ нѣтъ никакого взаимнаго движенія этихъ элементовъ?—Мальтусъ утверждаетъ далѣе, что размѣръ спроса всегда находится, среднимъ

числомъ, въ соотвѣтствіи съ размѣромъ снабженія, и что не въ этомъ смыслѣ можно вести рѣчь о вліяніи спроса и предложенія на размѣръ цѣнъ или цѣнностей. Этими словами онъ подтверждаетъ ту истину, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ спросъ и предложеніе остаются совершенно въ сторонѣ отъ установленія мѣновыхъ размѣровъ и управляютъ только колебаніями ихъ. Такимъ образомъ, онъ самъ удостовѣряетъ, что законъ этихъ явленій отнюдь не такъ общъ, какъ это казалось ему прежде. Что онъ говоритъ далѣе объ интенсивности спроса—совершенно справедливо и вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ исключительнымъ случаямъ, о которыхъ мы говорили выше. Заслуживаетъ особеннаго вниманія одинъ изъ примѣровъ, приводимыхъ имъ въ поясненіе дѣйствія спроса на цѣны. Онъ говоритъ, что если произойдетъ внезапное увеличеніе издержекъ на производство требуемаго продукта, то при большей интенсивности спроса можетъ найти сбытъ,—разумѣется, но болѣе высокой цѣнѣ—все прежнее количество продукта. Спросъ и предложеніе, продолжаетъ онъ, останутся въ такомъ случаѣ прежніе, но интенсивность спроса станетъ сильнѣе. Дѣйствительно, спросъ и предложеніе остаются прежніе по отношенію къ одному продукту, но измѣняются по отношенію къ другому, хотя продолжаютъ быть взаимно разными для той и для другой стороны. Но если только упоминаемый Мальтусомъ случай представляетъ примѣръ перехода отъ одного уровня техники къ другому, если рѣчь идетъ не объ исключительныхъ и внезапныхъ производственныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ мы говорили выше, то возвышеніе цѣны не можетъ быть приписано большей интенсивности спроса, потому что сама эта большая интенсивность составляетъ результатъ перераспредѣленія производительныхъ силъ.

Замѣтивъ, что область примѣненія закона спроса и предложенія совершенно спеціальна, представитель доктрины труда, въ качествѣ регулятора мѣновыхъ пропорцій,—Рикардо признаетъ за этимъ закономъ одно только временное значеніе [1]). Уменьшите, говоритъ онъ, издержки производства шляпъ, и цѣна ихъ кончитъ тѣмъ, что упадетъ до уровня новой естественной ихъ цѣнности, хотя бы спросъ удвоился, утроился, учетверился. Нельзя сказать, продолжаетъ онъ, что спросъ на вещь увеличился, если ея не покупается и не потребляется больше, чѣмъ прежде, и однако при такихъ обстоятельствахъ денежная цѣнность ея можетъ возрастать. Если деньги понизятся въ цѣнности, то возвысится цѣна всѣхъ товаровъ, ибо каждый изъ покупателей будетъ расположенъ истратить на покупки больше прежняго. Но если это и случится, то нельзя сказать, что возвышеніе цѣны было слѣдствіемъ большого спроса, такъ какъ товаровъ покупается

[1]) Oeuvres complètes. Ch. XXX. De l'influence que l'offre et la demande ont sur les prix.

не больше прежняго. Ж. Б. Сэй и Л. Лодердаль учили, что цѣнность возвышается въ прямомъ отношеніи къ спросу и въ обратномъ къ предложенію. Первый полагаетъ, что, вслѣдствіе увеличенія спроса на золото, увеличенія бо́льшаго, нежели было увеличеніе снабженія, цѣна его въ товарахъ упала не въ пропорціи 10 къ 1, а только въ пропорціи 4 къ 1. Л. Лодердаль утверждаетъ, что цѣнность каждой вещи колеблется подъ вліяніемъ 4 обстоятельствъ: увеличенія или уменьшенія ея количества, увеличенія или уменьшенія спроса на нее. Это вѣрно, но только въ примѣненіи къ монопольнымъ товарамъ и къ рыночнымъ цѣнамъ въ теченіе краткаго времени. Если, напр., спросъ на шляпы возрастетъ въ два раза, то цѣна сейчасъ поднимется; но это поднятіе будетъ временнымъ, если не послѣдуетъ тотчасъ же возвышенія издержекъ производства или естественной цѣны.

Мы видимъ изъ этого ученія, что Рикардо совершенно отрицаетъ тѣ внезапныя и исключительныя обстоятельства, которыя имѣетъ въ виду Мальтусъ, когда говоритъ о большей интенсивности спроса, обнимающей, по мнѣнію послѣдняго, чуть-ли не всю область мѣновыхъ случаевъ. По мнѣнію Рикардо, только большее потребленіе можетъ быть названо бо́льшимъ спросомъ. Но дѣло въ томъ, что иногда одно желаніе имѣть большее количество, при увеличеніи потребности у прежнихъ потребителей или у прежнихъ вмѣстѣ съ новыми, гонитъ цѣны вверхъ точно такъже, какъ и наоборотъ: желаніе имѣть меньшее количество понижаетъ цѣны. Пониженіе цѣнности денегъ, о которомъ говоритъ Рикардо, указываетъ на то, что количество ихъ увеличилось, или что уменьшилось количество товаровъ, и въ такомъ случаѣ нельзя утверждать, что спросъ и предложеніе остались прежніе: увеличилось предложеніе денегъ или уменьшилось предложеніе товаровъ. Но ясно, что взаимное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ осталось *равное*, хотя и не прежнее,—если только увеличеніе количества денегъ или уменьшеніе количества товаровъ прочны и постоянны. Что же касается роли спроса и предложенія при обыкновенныхъ мѣновыхъ обстоятельствахъ, то нечего и прибавлять, что она превосходно понята Рикардо, и что остается только согласиться съ нимъ относительно толкованія смысла примѣровъ и положеній Сэя и Лодердаля. О доктринахъ ближайшихъ послѣдователей Рикардо мы не говоримъ потому, что онѣ представляютъ вообще очень мало оригинальнаго.

## ГЛАВА IV.

## Теорія цѣнности и денегъ К. Маркса.

Употребивъ уже достаточно мѣста и времени на разъясненіе различныхъ особенностей, представляемыхъ вопросомъ о цѣнности, мы все-таки еще не пришли къ рѣшенію того пункта этого вопроса, ко-

торый, казалось бы, долженъ быть первымъ и важнѣйшимъ изъ нихъ, именно—что такое сама цѣнность? Мы настолько уже ориентировались въ матеріалѣ изслѣдуемаго предмета, что имѣемъ полное основаніе отрицать громадное большинство тѣхъ опредѣленій цѣнности, которыя приведены нами въ началѣ первой главы. Ни потребительная цѣнность, ни степень полезности, ни отношеніе между услугами и т. д. не могутъ удовлетворить насъ болѣе. Между тѣмъ отъ постановки вопроса школы Смита-Рикардо былъ только шагъ къ такому опредѣленію предмета, который въ отношеніи ясности, точности и опредѣленности не оставляетъ ничего желать. Заслуга въ отысканіи такого опредѣленія, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ важнѣйшихъ дополненій къ извѣстной теоріи, принадлежитъ нѣмецкому экономисту К. Марксу. Изложеніе и критика его положеній о цѣнности и деньгахъ составятъ предметъ настоящей главы.

### 1. Два фактора товаровъ: цѣнность употребленія и цѣнность (сущность цѣнности, величина цѣнности).

Богатство обществъ, въ которыхъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, проявляется въ видѣ „громаднаго собранія товаровъ“, коихъ элементарную форму образуетъ отдѣльный товаръ. Поэтому наше изслѣдованіе начнется съ анализа товара. Товаръ есть прежде всего внѣшній предметъ, вещь, которая удовлетворяетъ своими качествами человѣческія потребности различнаго рода. Природа этихъ потребностей, соотвѣтствуютъ-ли онѣ желудку или фантазіи, ничего не измѣняетъ въ дѣлѣ. Здѣсь не идетъ также рѣчь о томъ, какъ удовлетворяетъ вещь человѣческую потребность, непосредственно-ли, какъ средство существованія, т. е. какъ предметъ потребленія, или окольной дорогой, какъ средство производства.

Каждую полезную вещь, какъ желѣзо, бумагу и пр., слѣдуетъ разсматривать съ двоякой точки зрѣнія, со стороны качества и количества. Каждая подобная вещь представляетъ цѣлое различныхъ качествъ и поэтому можетъ быть полезна съ различныхъ сторонъ. Открывать эти различныя стороны и разнообразные способы потребленія вещей есть дѣло исторіи. Таково нахожденіе общественныхъ мѣръ для количества полезныхъ вещей. Различіе въ массѣ товаровъ вытекаетъ, частью, изъ различной природы измѣряемыхъ предметовъ, частью,—изъ соглашенія.

Полезность отдѣльной вещи дѣлаетъ ее потребительною цѣнностью. Но эта полезность не виситъ въ воздухѣ. Условленная качествами тѣла товаровъ, она не существуетъ безъ нихъ. Самое тѣло товара, каковы желѣзо, пшеница, алмазъ и пр., является, поэтому, потребительною цѣнностью, или благомъ. Этотъ его характеръ не зависитъ отъ того, стоило-ли присвоеніе его потребительныхъ ка-

чествъ человѣку много или мало труда. При разсмотрѣніи потребительныхъ цѣнностей всегда предполагается ихъ количественная опредѣленность, какъ дюжины часовъ, локтя холста, тонны желѣза и пр. Потребительныя цѣнности товаровъ служатъ матеріаломъ своеобразнаго ученія— товаровѣдѣнія. Потребительная цѣнность осуществляется только въ употребленіи или въ потребленіи. Потребительныя цѣнности образуютъ матеріальное содержаніе богатства, какова бы ни была его общественная форма. Въ разсматриваемой нами общественной формѣ онѣ образуютъ также матеріальныхъ носителей мѣновой цѣнности.

Мѣновая цѣнность проявляется, прежде всего, въ качествѣ количественнаго отношенія, пропорціи, въ которой размѣниваются потребительныя цѣнности одного рода на потребительныя цѣнности другого рода, отношеніе, которое постоянно колеблется, смотря по времени и мѣсту. Мѣновая цѣнность кажется, поэтому, чѣмъ-то случайнымъ и чисто относительнымъ, мѣновою цѣнностью врожденною, внутреннею для товара (valeur intrinsèque), иначе, contradictio in adjecto. Разсмотримъ дѣло ближе.

Отдѣльный товаръ, напр., квартеръ пшеницы размѣнивается въ различнѣйшихъ пропорціяхъ на другіе товары. При всемъ томъ мѣновая цѣнность его остается неизмѣнною, выражается-ли она въ $x$ сапожной ваксы, $y$ шолка, $z$ золота и т. д. Цѣнность эта должна, такимъ образомъ, имѣть отличное содержаніе отъ этихъ различныхъ способовъ выраженія.

Возьмемъ далѣе два товара, напр. пшеницу и желѣзо. Каково бы ни было ихъ мѣновое отношеніе, оно постоянно представляется въ уравненіи, въ какомъ считается равнымъ данное количество пшеницы какому-нибудь количеству желѣза. Что означаетъ это уравненіе? Что въ двухъ различныхъ вещахъ существуетъ нѣчто общее одной величины, въ 1 кварт. пшеницы и также въ $a$ центнерахъ желѣза. Обѣ вещи, слѣдовательно, равны чему-то третьему, что само по себѣ ни та, ни другая. Каждая изъ обѣихъ вещей, насколько она мѣновая цѣнность, должна быть приводима къ этому третьему.

Простой геометрическій примѣръ можетъ сдѣлать это очевиднымъ. Для опредѣленія и сравненія объема поверхностей всѣхъ прямолинейныхъ фигуръ, разрѣшаются треугольники. Самый треугольникъ приводится къ совершенно отличному отъ его видимой фигуры выраженію—половинѣ произведенія его основной линіи на его высоту. Подобнымъ-же образомъ приводятся и мѣновыя цѣнности товаровъ къ чему-то общему, котораго они представляютъ болѣе или менѣе.

Это общее не можетъ быть геометрическимъ, физическимъ, химическимъ или другимъ природнымъ качествомъ товаровъ. Ихъ тѣлесныя качества вообще принимаются въ разсмотрѣніе лишь насколько

они дѣлаютъ ихъ полезными, т. е. потребительными цѣнностями. Съ другой стороны, мѣновое отношеніе товаровъ очевидно характеризуется отвлеченіемъ ихъ потребительныхъ цѣнностей. Въ этомъ послѣднемъ одна потребительная цѣнность означаетъ именно столько же, сколько и другая, если она вообще существуетъ въ надлежащей пропорціи. Или, какъ говоритъ старый Барбонъ („A Discourse on coining the new money lighter etc.". Lond. 1696, p. 53 u. 7): „Одинъ родъ товаровъ столь же хорошъ, какъ и другой, если ихъ мѣновая цѣнность одинаковой величины. Здѣсь не существуетъ никакого различія или различимости между вещами одинаково равной мѣновой цѣнности". Какъ потребительныя цѣнности,—товары прежде всего различнаго *качества*, какъ мѣновыя цѣнности, они могутъ быть только различнаго *количества*, слѣдовательно, не содержатъ въ себѣ ни одного атома потребительной цѣнности.

Если отложить въ сторону потребительную цѣнность товаровъ, то у нихъ останется лишь одно качество—продуктовъ труда. Однако, и самый продуктъ труда уже преобразовался въ нашихъ рукахъ. Если мы отвлечемъ его потребительную цѣнность, то мы отвлечемъ также и его тѣлесныя составныя части и формы, дѣлающія его потребительною цѣнностью. Это становится болѣе не столъ, не домъ, не пряжа, ни другая полезная вещь. Всѣ его чувственныя качества погашены. Онъ также не остается долѣе произведеніемъ труда столяра, или каменьщика, или прядильщика, или другого опредѣленнаго производительнаго труда. Съ полезнымъ характеромъ произведеній труда исчезаетъ также и полезный характеръ представленныхъ въ нихъ работъ, исчезаютъ и различныя конкретныя формы этихъ работъ, онѣ не различаются больше, но всѣ вмѣстѣ приводятся къ равному, отвлеченному человѣческому труду.

Разсмотримъ теперь то, что осталось въ продуктахъ труда. Отъ нихъ не осталось больше ничего, кромѣ той призрачной предметности или простого желе безразличнаго человѣческаго труда, т. е. обнаруженія человѣческой рабочей силы, безъ вниманія къ формѣ ея обнаруженія. Эти вещи представляютъ только то, что въ ихъ производствѣ обнаружена человѣческая рабочая сила, накоплена человѣческая работа. Въ качествѣ кристалловъ этой общей для нихъ, всеобще общественной сущности, они являются цѣнностями.

Въ мѣновомъ отношеніи самихъ товаровъ ихъ мѣновая цѣнность проявилась намъ, какъ нѣчто совершенно независимое отъ ихъ потребительныхъ цѣнностей. Если отвлечь дѣйствительно потребительную цѣнность произведеній труда, то получится ихъ цѣнность, какъ она была только что опредѣлена. Итакъ, то общее, что изображается въ мѣновомъ отношеніи или мѣновой цѣнности товаровъ, есть ихъ цѣнность. Продолженіе изслѣдованія возвратитъ насъ къ мѣновой

цѣнности, какъ къ необходимому способу выраженія или формѣ проявленія цѣнности, который, однако, пока слѣдуетъ разсматривать, какъ независимый отъ этой формы. Такимъ образомъ потребительная цѣнность или благо имѣетъ цѣнность, благодаря тому, что въ немъ овеществлена или матеріализирована общечеловѣческая работа. Какъ же измѣряется величина его цѣнности? Чрезъ количество „образующей цѣнность субстанціи", труда. Само количество труда измѣряется его временной продолжительностью, и рабочее время обладаетъ, въ свою очередь, особымъ масштабомъ въ опредѣленныхъ частяхъ времени, какъ часъ, день и пр.

Могло бы показаться, что если цѣнность товара опредѣляется истраченнымъ на него количествомъ работъ, то, чѣмъ лѣнивѣе или болѣе неловокъ человѣкъ, тѣмъ болѣе цѣненъ будетъ его товаръ, такъ какъ тѣмъ больше времени онъ употребитъ на его приготовленіе. Однако, работа, образующая субстанцію цѣнности, есть равная человѣческая работа, обнаруживаніе одинаковой рабочей силы. Совокупная рабочая сила общества, которая представляется въ цѣнностяхъ міра товаровъ, считается здѣсь, какъ одинаковая человѣческая рабочая сила, хотя она состоитъ изъ безчисленныхъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ. Каждая изъ этихъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ есть такая же человѣческая рабочая сила, какъ и всякая другая, насколько она обладаетъ характеромъ общественной средней рабочей силы, и дѣйствуетъ подобно такой общественной средней рабочей силѣ, слѣдовательно, нуждается въ необходимомъ или въ общественно-необходимомъ времени для производства товара среднимъ числомъ. Общественно-необходимое рабочее время есть рабочее время, требуемое для представленія какой-нибудь потребительной цѣнности, при существующихъ общественно-нормальныхъ условіяхъ производства и общественной средней степени ловкости и интенсивности труда. Напр., введеніи, въ Англіи парового ткацкаго станка, было достаточно, быть можетъ, половины прежняго времени, чтобы превратить извѣстное количество пряжи въ ткань. Англійскій ручной ткачъ, какъ раньше, такъ и позже нуждался для этого превращенія въ одномъ и томъ же рабочемъ времени, но продуктъ его индивидуальнаго рабочаго часа представлялъ только половину общественнаго рабочаго часа и потому падалъ на половину своей прежней цѣнности.

Такимъ образомъ только количество общественно-необходимой работы или общественно-необходимаго рабочаго времени, необходимаго на производство извѣстной потребительной цѣнности, опредѣляетъ ея величину цѣнности [1]). Отдѣльный товаръ считается здѣсь вообще

[1]) „Цѣнность ихъ (необходимыхъ жизненныхъ припасовъ), когда они обмѣниваются одни на другіе, регулируется количествомъ труда, необходимо требуемаго и обыкновенно употребляемаго на ихъ производство" („Some Thoughts on

среднимъ экземпляромъ ихъ породъ [1]). Товары, въ которыхъ содержатся равныя количества труда, или такіе, которые могутъ быть произведены въ такое же рабочее время, имѣютъ, къ этому, одинаковый размѣръ цѣнности. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого, какъ относится необходимое для производства одного изъ нихъ рабочее время къ рабочему времени, необходимому на производство другого. „*Какъ цѣнности, всѣ товары представляютъ лишь опредѣленную массу кристаллизованнаго рабочаго времени*“ (Zur Kritik, p. 6).

Пока размѣръ цѣнности одного товара остается постояннымъ, и требуемое на его производство время продолжаетъ оставаться постояннымъ. Но послѣднее измѣняется со всякой перемѣной въ производительной силѣ труда. Производительная сила труда опредѣляется разнообразными условіями, среди которыхъ важнѣйшія—средняя степень ловкости рабочаго, степень развитія науки и ея технологическаго примѣненія, общественная комбинація производственнаго процесса, объемъ и способность къ дѣятельности производительныхъ средствъ и естественныя условія. Одно и то же количество труда представляется въ хорошій урожай въ 8 бушеляхъ пшеницы, а въ худой только въ 4. Одно и то же количество работы даетъ больше металла въ богатыхъ, нежели въ бѣдныхъ рудникахъ и пр. Алмазы встрѣчаются рѣдко въ земной корѣ, и ихъ нахожденіе стоитъ, поэтому, много рабочаго времени. Вслѣдствіе этого они заключаютъ въ небольшихъ объемахъ много труда. Якобъ сомнѣвается, чтобы золото когда-либо уплатило за свою цѣнность. Еще болѣе примѣняется это къ алмазамъ. Согласно Эшвегу, въ 1823 году восьми-лѣтняя добыча бразильскихъ алмазныхъ копей не достигла даже цѣны полутора-годичнаго средняго продукта бразильскихъ сахарныхъ и кофейныхъ плантацій, хотя она представляла гораздо больше работы, а слѣдововательно и цѣнности. Въ болѣе богатыхъ копяхъ то же количество труда выразилось бы въ большемъ числѣ алмазовъ, и цѣнность ихъ понизилась бы. Если удастся съ небольшимъ трудомъ превращать уголь въ алмазы, то ихъ цѣнность упадетъ ниже кирпичей. Вообще: чѣмъ больше производительная сила труда, тѣмъ меньше требуемое на производство даннаго товара рабочее время, тѣмъ меньше кристаллизированная въ немъ масса труда, тѣмъ меньше его цѣнность. Наоборотъ, чѣмъ меньше производительная сила труда, тѣмъ больше требуемое на производство, необходимое на производ-

---

the Interest of Money in general, and particularly in the Public Funds, etc.“ Lond., p. 36). Это замѣчательное анонимное сочиненіе прошлаго столѣтія не имѣетъ на себѣ никакого числа. Изъ содержанія же его слѣдуетъ, что оно появилось въ свѣтъ при Георгѣ II или около 1739 или 1740 года.

[1]) „Всѣ произведенія одного рода не образуютъ ничего собственно, кромѣ массы, цѣна которой опредѣляется вообще и безъ вниманія къ частнымъ обстоятельствамъ“ (Le Trosne „De l'intérêt social“, Physiocrates, edit. Daire. Paris. 1846).

ство товара рабочее время, тѣмъ больше его цѣнность. Размѣръ цѣнности товаровъ измѣняется, слѣдовательно, въ прямомъ отношеніи съ количествомъ и въ обратномъ съ производительной силой осуществляющейся въ нихъ работы.

Вещь можетъ быть потребительною цѣнностью, не будучи цѣнностью. Таковъ случай, когда ея польза для человѣка представляется не трудомъ. Таковы—воздухъ, дѣвственная почва, естественные луга, дико растущій лѣсъ и пр. Вещь можетъ быть еще полезна и продуктъ человѣческаго труда, не будучи товаромъ. Кто своимъ продуктомъ удовлетворяетъ свою собственную потребность, создаетъ, правда, потребительную цѣнность, но не товаръ. Чтобы производить товары, онъ долженъ производить не только потребительную цѣнность, но потребительную цѣнность *для другихъ, общественную потребительную цѣнность*. Наконецъ, ни одна вещь не можетъ быть товаромъ, которая не есть предметъ потребительной цѣнности. Если она безполезна, то и содержащаяся въ ней работа безполезна, не считается работой и не образуетъ никакой цѣнности.

### 2. Двоякій характеръ представленной въ товарѣ работы.

Первоначально товаръ являлся намъ, какъ нѣчто двоякое, потребительная и мѣновая цѣнность. Позже оказалось, что также и работа, насколько она выражается въ цѣнности не обладаетъ уже тѣми признаками, которые принадлежатъ ей, какъ производительницѣ потребительныхъ цѣнностей. Эта двойственная природа содержащагося въ товарѣ труда указана Марксомъ критически *впервые* (Zur Kritik, p. 12, 13 und passim). Такъ какъ эта точка зрѣнія есть *исходная*, вокругъ которой вращается пониманіе политической экономіи, то и слѣдуетъ тутъ освѣтить ее поближе.

Возьмемъ два товара, напр., сюртукъ и 10 аршинъ холста. Первый пусть имѣетъ вдвое бо̀льшую цѣнность, чѣмъ второй, такъ что 10 аршинъ холста=Ц., сюртукъ=2 Ц. Сюртукъ есть потребительная цѣнность, удовлетворяющая особую потребность. Чтобы произвести его, необходимъ опредѣленный родъ производительной дѣятельности. Она опредѣляется своею цѣлью, способомъ операціи, предметомъ, средствами и результатомъ. Работу, полезность которой представляется въ потребительной цѣнности ея продукта такъ, что ея продуктъ есть потребительная цѣнность, назовемъ мы для краткости производительною работою. Съ этой точки зрѣнія она будетъ постоянно разсматриваема по отношенію къ своему полезному результату. Подобно тому, какъ сюртукъ и холстъ качественно различныя потребительныя цѣнности, такъ точно качественно различны и работы, дающія имъ существованіе,—портняжество и ткачество. Еслибы эти вещи не были различными качественно цѣнностями потребленія и потому

продуктами качественно различныхъ полезныхъ работъ, то онѣ не могли бы вообще противостоять одна другой, какъ товары. Сюртука не мѣняютъ на сюртукъ, одну и ту же потребительную цѣнность не мѣняютъ на другую такую же.

Въ совокупности разнородныхъ потребительныхъ цѣнностей или всѣхъ товаровъ является совокупность столь же разнородныхъ по роду, виду, семейству, разновидности различныхъ, полезныхъ работъ—общественное раздѣленіе труда. Она есть условіе существованія производства товаровъ, хотя производство товаровъ, наоборотъ, не составляетъ условія существованія общественнаго раздѣленія труда. Въ старо-индусской общинѣ работа раздѣлена общественно, но продукты здѣсь не товары. Или,—ближе-лежащій примѣръ,—на каждой фабрикѣ работа систематически раздѣлена, но это дѣленіе совершается не вслѣдствіе того, что рабочіе размѣниваютъ между собою свои индивидуальные продукты. Только продукты самостоятельныхъ и независимыхъ одна отъ другой частныхъ работъ выступаютъ между собою, какъ товары.

Итакъ, мы видѣли: въ каждой потребительной цѣнности состоитъ опредѣленная цѣлесообразно производительная дѣятельность или полезная работа. Потребительныя цѣнности не могутъ противостоять одна другой, какъ товары, если въ нихъ не содержится качественно различныхъ полезныхъ работъ. Въ обществѣ, произведенія котораго вообще принимаютъ форму товаровъ, т. е. въ обществѣ товаропроизводителей, развивается это качественное различіе полезныхъ работъ, которыя ведутся въ видѣ частныхъ дѣлъ самостоятельными производителями, въ многочисленную систему, въ общественное раздѣленіе труда.

Впрочемъ, для сюртука все равно, кто его будетъ носить,—самъ-ли портной или его покупатель. Въ обоихъ случаяхъ онъ дѣйствуетъ, какъ потребительная цѣнность. Столь же мало измѣняется отношеніе между сюртукомъ и затраченнымъ на него трудомъ само по себѣ черезъ то, что портняжество есть особенная профессія, самостоятельный членъ общественнаго раздѣленія труда. Тамъ, гдѣ потребность въ платьѣ стѣсняла человѣка, онъ шилъ платье въ теченіе тысячелѣтій, прежде чѣмъ изъ него вышелъ портной. Но существованіе сюртука, холста, всякаго не отъ природы существующаго элемента матеріальнаго богатства, всегда должно было поддерживаться при помощи цѣлесообразной производительной дѣятельности, которая приспособляетъ особенные матеріалы природы къ особеннымъ человѣческимъ потребностямъ. Къ качествѣ образовательницы потребительныхъ цѣнностей, какъ полезная работа, она есть работа, представляющая одно отъ всѣхъ общественныхъ формъ независимое условіе существованія человѣка, вѣчная необходимость природы, что-

бы совершать обмѣнъ матеріи между человѣкомъ и природой, чтобы поддерживать человѣческую жизнь.

Потребительныя цѣнности сюртукъ, холсть и пр., короче—тѣла товаровъ, представляютъ соединеніе двухъ элементовъ—матеріала природы и труда. Если вычесть совокупную сумму всѣхъ различныхъ полезныхъ работъ, которыя содержатся въ сюртукѣ, въ холстѣ и проч., то остается только матеріальный субстратъ, который существуетъ отъ природы, безъ участія человѣка. Человѣкъ можетъ поступать въ своемъ производствѣ только такъ, какъ сама природа, т. е. только измѣнять формы матеріи. Еще болѣе. Въ этой работѣ образованія формъ будетъ онъ постоянно поддерживаться силами природы. Трудъ есть такимъ образомъ единственный источникъ производимыхъ имъ цѣнностей, матеріальнаго богатства. Трудъ—отецъ его, какъ говоритъ Уилліамъ Петти, земля—мать его. Перейдемъ теперь отъ товара, насколько онъ предметъ потребленія, къ цѣнности товаровъ.

Согласно нашему предположенію, цѣнность сюртука равняется двойной цѣнности холста. Это, однако, различіе чисто количественное, которое насъ здѣсь еще не интересуетъ. Вспомнимъ, поэтому, что когда цѣнность сюртука возвышается вдвое надъ цѣнностью холста, то 20 аршинъ холста имѣютъ тотъ же размѣръ цѣнности, какъ и сюртукъ. Въ качествѣ цѣнностей, сюртукъ и холстъ—вещи равной субстанціи, объективныя выраженія однородной работы. Но портняжество и ткачество—качественно различныя работы. Есть, однако, такія состоянія общества, въ которыхъ человѣкъ попеременно то шьетъ, то ткетъ, такъ что эти два различные способа работы являются только модификаціями работъ одного и того же индивидуума, а не особенными прочными функціями различныхъ индивидуумовъ, совершенно такъ же, какъ и сюртукъ, который нашъ портной шьетъ сегодня, и штаны, которые онъ шьетъ завтра, представляютъ лишь варіаціи одной и той же индивидуальной работы. Очевидность учитъ далѣе, что въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ, смотря по измѣняющемуся направленію спроса на трудъ, доставляется данная доля человѣческаго труда попеременно въ формѣ портняжества и ткачества. Эта перемѣна формы труда можетъ идти не безъ тренія, но она должна идти. Если отложить въ сторону опредѣленіе производительной дѣятельности, а поэтому и полезнаго характера труда, то за нею остается то, что она есть обнаруженіе человѣческой рабочей силы. Портняжество и ткачество, хотя качественно различныя производительныя дѣятельности, представляютъ оба производительное обнаруженіе человѣческаго мозга, мышцъ, нервовъ, руки и пр. и въ этомъ смыслѣ оба—человѣческій трудъ. Есть только двѣ различныя формы проявлять человѣческую рабочую силу. Конечно, человѣческая рабочая сила должна быть сама болѣе или менѣе развита, чтобы обнаруживать себя

въ той или другой формѣ. Самая же цѣнность просто представляетъ человѣческій трудъ, обнаруженіе человѣческаго труда вообще. Подобно тому, какъ въ буржуазномъ обществѣ генералъ или банкиръ (см. Гегель „Philosophie des Rechts". Berlin. 1840, p. 250, § 190) играетъ крупную роль, а простой человѣкъ—весьма истертую, стоитъ дѣло здѣсь и относительно человѣческой работы. Она есть обнаруженіе простой рабочей силы, которою, среднимъ числомъ, обладаетъ каждый обыкновенный человѣкъ, безъ особеннаго развитія въ своемъ жизненномъ организмѣ. *Простая средняя работа* сама правда, измѣняетъ въ различныхъ странахъ и въ различныя эпохи свой характеръ, но въ данномъ обществѣ она является данною. Болѣе сложная работа означаетъ только *потенцированную* или, вѣрнѣе, *умноженную* простую работу, такъ что меньшее количество болѣе сложной работы равняется большему болѣе простой. Что это приведеніе происходитъ постоянно, о томъ свидѣтельствуетъ опытъ. Товаръ можетъ быть продуктомъ самой сложной работы: цѣнность ея не равна съ простою работою и представляетъ поэтому сама только опредѣленное количество труда Различныя пропорціи, въ которыхъ различные роды труда приводятся къ своей единицѣ массы, установляются при помощи общественнаго процесса за спиною производителей и кажутся имъ поэтому данными обычаемъ. Ради упрощенія, для насъ въ послѣдующемъ каждый родъ рабочей силы будетъ означать непосредственно простую рабочую силу, чѣмъ будетъ сбереженъ трудъ на приведеніе къ ней.

Итакъ, подобно тому, какъ отвлекается въ цѣнностяхъ сюртука и холста различіе въ ихъ цѣнностяхъ потребленія, такъ точно и въ работахъ, которыя представляются въ этихъ цѣнностяхъ, отвлекается различіе ихъ полезныхъ формъ портняжества и ткачества. На подобіе того, какъ потребительныя цѣнности сюртукъ и холстъ составляютъ соединенія цѣлесообразныхъ производительныхъ дѣятельностей на сукно и пряжу, цѣнности же сюртука и холста, напротивъ, являются простыми, однородными и безформенными массами работы.—такимъ же образомъ содержащіяся въ нихъ работы считаются не по своему производительному отношенію къ сукну и пряжѣ, а только какъ обнаруженія человѣческой рабочей силы. Элементы образованія потребительныхъ цѣнностей сюртука и холста — портняжество и ткачество, именно, благодаря ихъ различнымъ качествамъ; субстанцію же цѣнности сюртука и холста они образуютъ лишь настолько, насколько отвлекается ихъ особенное качество, и оба обладаютъ одинаковымъ качествомъ,—качествомъ человѣческаго труда.

Сюртукъ и холстъ являются, однако, не только цѣнностями вообще, а цѣнностями опредѣленнаго размѣра и, согласно нашему предположенію, сюртукъ вдвое болѣе цѣненъ, нежели 10 аршинъ холста. От-

куда это различіе ихъ размѣровъ цѣнности? Изъ того, что холстъ содержитъ въ себѣ только половину того труда, который заключается въ сюртукѣ, такъ что для производства послѣдняго рабочая сила должна быть обнаруживаема въ теченіе двойного времени сравнительно съ производствомъ перваго.

Если, слѣдовательно, по отношенію къ потребительной цѣнности, содержащійся въ товарѣ трудъ имѣетъ значеніе только качественное, онъ имѣетъ значеніе по отношенію къ размѣру цѣнности только количественное, послѣ того какъ онъ уже былъ приведенъ къ человѣческому труду безъ дальнѣйшаго качества. Тамъ рѣчь идетъ о „какъ“ и „что“ работы, здѣсь—о „сколько“, о ея времени и продолжительности. Такъ какъ размѣръ цѣнности товара представляетъ только содержащійся въ немъ трудъ, то товары должны въ извѣстной пропорціи быть постоянно равными цѣнностями.

Если производительная сила всѣхъ полезныхъ работъ, требуемыхъ производствомъ сюртука, остается неизмѣнною, то размѣръ цѣнности возрастаетъ вмѣстѣ съ ихъ собственнымъ качествомъ. Если 1 сюртукъ представляетъ $x$, то 2 сюртука представляютъ $2\ x$ рабочихъ дней и т. д. Въ первомъ случаѣ сюртукъ имѣетъ цѣнности, сколько прежде имѣли два сюртука, во второмъ имѣютъ ея два сюртука лишь столько, сколько прежде имѣлъ лишь одинъ, хотя въ обоихъ случаяхъ одинъ сюртукъ оказываетъ одинаковыя услугу съ прежними, и содержащаяся въ немъ полезная работа остается съ одинаковою съ прежней добротой. Но количество труда, истраченное на его производство, измѣнилось.

Бо́льшее количество потребительной цѣнности образуетъ само по себѣ бо́льшее матеріальное богатство.—два сюртука больше одного. Въ два сюртука можно одѣть двухъ человѣкъ, въ одинъ—только одного и т. д. Однако, возрастающей массѣ матеріальнаго богатства можетъ соотвѣтствовать одновременный упадокъ его размѣра цѣнности. Это противоположное движеніе вытекаетъ изъ двоякаго характера труда. Производительная сила естественно составляетъ производительную силу полезнаго конкретнаго труда и опредѣляетъ въ дѣйствительности только степень дѣйствія цѣлесообразной производительной дѣятельности въ данный промежутокъ времени. Полезная работа становится поэтому болѣе богатымъ или бѣднымъ источникомъ продуктовъ въ прямомъ отношеніи съ повышеніемъ или упадкомъ ея производительной силы. Напротивъ, перемѣна въ производительной силѣ представленной въ цѣнности работы сама по себѣ вовсе не касается. Такъ какъ производительная сила принадлежитъ конкретно-полезной формѣ работы, она естественно не можетъ болѣе касаться работы, какъ только сдѣлано отвлеченіе конкретной полезной формы. Та же работа даетъ поэтому въ одинаковые промежутки времени постоянно

одинаковый размѣръ цѣнности, какъ бы ни измѣнялась производительная сила. Но она доставляетъ въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени болѣе, когда производительная сила увеличивается, и менѣе, когда она уменьшается. Та же перемѣна въ производительной силѣ, которая увеличиваетъ плодородіе труда, а потому и массу доставляемыхъ имъ потребительныхъ цѣнностей, уменьшаетъ также размѣръ цѣнности этой увеличенной совокупной массы, сокращая сумму рабочаго времени, необходимую на ея производство. Точно также и наоборотъ.

Всякая работа есть, съ одной стороны, обнаруженіе человѣческой рабочей силы въ физіологическомъ смыслѣ, и въ этомъ качествѣ равной человѣческой или отвлеченной работы образуетъ цѣнность товаровъ. Всякая работа, съ другой стороны, является обнаруженіемъ человѣческой рабочей силы, въ особенной цѣлесообразной формѣ, и въ этомъ качествѣ конкретной полезной работы производитъ потребительныя цѣнности [1]).

### 3. Форма цѣнности или мѣновой цѣнности.

Товары являются въ мірѣ въ формѣ потребительныхъ цѣнностей или тѣлъ товаровъ, какъ желѣзо, холстъ, пшеница и т. д. Такова ихъ домашняго печенія естественная форма. Однако же, они товары только потому, что имѣютъ двойственность — предмета потребленія и, вмѣстѣ, носителя цѣнности. Поэтому они проявляются только какъ товары или обладаютъ только формою товаровъ, насколько обладаютъ двойною формою,—естественною и формою цѣнности.

[1]) Чтобы доказать, „что трудъ одинъ только является окончательнымъ и дѣйствительнымъ мѣриломъ, которымъ цѣнность всѣхъ товаровъ во всякія времена можетъ быть опредѣляема и сравниваема“, Ад. Смитъ говоритъ: Равныя количества работы должны во всѣ времена и повсюду имѣть для рабочаго одну и ту же цѣнность. Въ своемъ нормальномъ состояніи здоровья, силы и дѣятельности, и съ среднею степенью ловкости, которою онъ можетъ обладать, онъ долженъ отдать одну и ту же долю своего спокойствія, свой свободы и своего счастья“ (Wealth of Nations, b. I. стр. V). Съ одной стороны, Ад. Смитъ смѣшиваетъ здѣсь (не вездѣ) опредѣленіе цѣнности посредствомъ истраченнаго на производство товара количества рабочаго времени съ опредѣленіемъ цѣнности товара, при помощи цѣнности работы, и затѣмъ старается показать, что одинаковыя количества работы всегда имѣютъ одинаковую цѣнность. Съ другой стороны, онъ предчувствуетъ, что работа, насколько она представляется въ цѣнности товаровъ, имѣетъ значеніе только обнаруженія труда, но понимаетъ это обнаруженіе опять-таки какъ жертву спокойствіемъ, свободою и счастьемъ, а не какъ нормальную жизнедѣятельность... Гораздо удачнѣе говоритъ уже цитированный предшественникъ Смита: „Одинъ человѣкъ употребилъ себя въ теченіе недѣли на снабженіе этой необходимости жизни... и тотъ, кто даетъ ему что-нибудь другое въ обмѣнъ, не можетъ сдѣлать лучшей оцѣнки того, что есть настоящій эквивалентъ, какъ соображая, что стоитъ ему какъ разъ столько же работы и времени: что въ дѣйствительности есть не болѣе, какъ обмѣнъ труда одного человѣка въ вещи, за время, обезпеченное въ трудѣ другого человѣка, въ другой вещи, за то же время“ (l. c., p. 39).

Матеріальная вещность товаровъ тѣмъ отличается отъ Виттиба Гуртига, что неизвѣстно, гдѣ можно ее получить. Въ прямое противорѣчіе къ чувственно-грубой вещности тѣлъ товаровъ, природной матеріи не входитъ въ ихъ вещность цѣнности ни одного атома. Потому можно отдѣльный товаръ вертѣть и двигать, какъ угодно, онъ остается непонятнымъ, какъ цѣнная вещь. Вспомнимъ, однако, что если товары обладаютъ вещностью цѣнности, насколько они являются выраженіями одной и той же общественной единицы, человѣческой работы, что ихъ цѣнность, какъ вещи, есть чисто общественная, то само собою разумѣется, что она можетъ только проявляться въ отношеніи одного товара къ другому. Мы вышли дѣйствительно изъ мѣновой цѣнности или изъ мѣнового отношенія товаровъ, чтобы попасть на слѣдъ ихъ скрытой цѣнности. Мы должны теперь возвратиться къ этой формѣ проявленія цѣнности.

Каждый знаетъ, хотя бы онъ ничего иного не зналъ, что товары обладаютъ общею формою цѣнности, находящеюся въ высшей степени поразительномъ контрастѣ съ пестрыми природными формами ея потребительныхъ формъ—*формою денегъ*. Здѣсь же слѣдуетъ исполнить то, что ни разу не было испробовано гражданскою экономіею, именно указать генезисъ этой денежной формы, а также прослѣдить и развитіе содержащагося въ отношеніи цѣнности товаровъ, выраженія цѣнности отъ его простѣйшаго, незначительнѣйшаго вида до блестящей денежной формы. Вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ тотчасъ же и загадка денегъ.

Простѣйшее отношеніе цѣнности есть очевидно отношеніе цѣнности одного товара къ другому разнородному товару,—все равно къ какому. Отношеніе цѣнности двоихъ товаровъ доставляетъ, поэтому, простѣйшее выраженіе цѣнности для одного товара.

### А) Простая или единичная форма цѣнности.

$x$ товара А = $y$ товара Б, или: $x$ товара А равноцѣнно товару Б (20 аршинъ холста=1 сюртуку, или: 20 аршинъ холста равноцѣнны 1 сюртуку).

#### 1. Оба полюса выраженія цѣнности: относительная форма и эквивалентная форма.

Тайна всякой формы товара скрывается въ этой простой формѣ цѣнности. Анализъ ея представляетъ поэтому своеобразное затрудненіе.

Два разнородные товара А и Б играютъ здѣсь, очевидно, различныя роли. Холстъ выражаетъ свою цѣнность въ сюртукѣ, сюртукъ служитъ матеріаломъ этого выраженія цѣнности. Первый товаръ играетъ активную, второй—пассивную роль. Цѣнность перваго товара

представлена какъ относительная цѣнность, или находится въ относительной формѣ цѣнности. Второй товаръ функціонируетъ, какъ эквивалентъ, или находится въ эквивалентной формѣ цѣнности.

Относительная и эквивалентная формы цѣнности составляютъ принадлежащіе одинъ къ другому, взаимно одинъ другой обусловливающіе, нераздѣльные моменты, но въ то же время и исключающія и противоположныя между собою крайности, т. е. полюсы одного и того же выраженія цѣнности; они распредѣляются постоянно между различными товарами, которые выраженіе цѣнности относитъ одинъ къ другому. Я не могу, напр., выразить цѣнность холста въ холстѣ же. 20 аршинъ холста = 20 аршинамъ холста — не есть выраженіе цѣнности. Это уравненіе говоритъ, скорѣе, наоборотъ: 20 аршинъ холста составляютъ не что иное, какъ 20 аршинъ холста, опредѣленное количество предмета потребленія холста. Цѣнность холста можетъ быть, слѣдовательно, выражена только относительно, т. е. въ другомъ товарѣ. Относительная форма цѣнности холста означаетъ, поэтому, что какой-то другой товаръ по отношенію къ холсту находится въ эквивалентной формѣ. Съ другой стороны, этотъ другой товаръ, фигурирующій какъ эквивалентъ, не можетъ одновременно состоять въ относительной формѣ цѣнности. Онъ также не отпечатываетъ свою цѣнность. Онъ доставляетъ только выраженію цѣнности другого товара ея матеріалъ.

Разумѣется, выраженіе: 20 аршинъ холста = 1 сюртуку, или 20 аршинъ холста равноцѣнны съ 1 сюртукомъ, заключаетъ и обратное отношеніе: 1 сюртукъ = 20 аршинамъ холста, или 1 сюртукъ равноцѣненъ съ 20 аршинами холста. Но такимъ образомъ я долженъ все-таки перевернуть уравненіе, чтобы выразить относительно цѣнность сюртука, и разъ я это сдѣлаю, то холстъ становится, вмѣсто сюртука, эквивалентомъ. Одинъ и тотъ же товаръ можетъ въ одномъ и томъ же выраженіи цѣнности неодновременно выступить въ двухъ формахъ. Эти формы, вѣрнѣе, полярно исключаютъ одна другую.

Находится-ли товаръ въ относительной формѣ, или въ противоположной ей эквивалентной,—это зависитъ исключительно отъ ихъ мѣста каждый разъ въ выраженіи цѣнности, т. е. отъ того, есть-ли онъ товаръ, котораго цѣнность выражается, или товаръ, въ которомъ она выражается.

### 2. Относительная форма цѣнности.

#### а) Содержаніе относительной формы цѣнности.

Чтобы розыскать, какимъ образомъ простое выраженіе цѣнности товара переходитъ въ отношеніе цѣнности двухъ товаровъ, необходимо разсматривать послѣднее сначала совершенно независимо отъ его количественной стороны. Часто поступаютъ именно наоборотъ

и видятъ въ отношеніи цѣнности только пропорцію, въ которой опредѣленныя количества двухъ сортовъ товаровъ равноцѣнны между собою. При этомъ просматривается то, что размѣры различныхъ вещей сначала сравниваются количественно, по приведеніи ихъ къ одной и той же единицѣ. Только въ качествѣ выраженій, они являются одноименными и потому соизмѣримыми величинами.

Все равно, равняются-ли 20 аршинъ холста одному сюртуку, двадцати, или $x$, иными словами, является ли данное количество холста равноцѣннымъ большому и малому числу сюртуковъ, — каждая подобная пропорція постоянно включаетъ въ себѣ то, что холстъ и сюртуки, въ качествѣ величинъ цѣнности, являются выраженіями одной и той же единицы, вещами одной и той же природы. Холстъ = сюртуку; такова основа уравненія.

Но оба качественно-уравненные товары играютъ не одну и ту же роль. Только цѣнность холста выражается. И какъ? При помощи его отношенія къ сюртуку, какъ къ своему „эквиваленту“ или къ своему „вымѣниваемому“. Въ этомъ отношеніи сюртукъ означаетъ форму существованія цѣнности, какъ цѣнная вещь, такъ какъ только въ качествѣ ея онъ то же, что и холстъ. Съ другой стороны, проявляется собственный характеръ цѣнности холста, или получаетъ самостоятельное выраженіе, такъ какъ въ качествѣ цѣнности онъ относится къ сюртуку, какъ нѣчто ему равноцѣнное или съ нимъ обмѣниваемое. Такъ. масляная кислота представляетъ отличное тѣло отъ пропильформата. Оба. однако, состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же химическихъ веществъ—углерода (C), водорода (H) и кислорода (O) и притомъ въ равномъ процентномъ составѣ, именно $C_4 H_8 O_2$. Еслибы пропильформатъ былъ равенъ съ масляной кислотой, то въ этомъ отношеніи, во-первыхъ, пропильформатъ означалъ бы только форму существованія $C_4 H_8 O_2$ и, во-вторыхъ, было бы сказано, что и масляная кислота въ свою очередь состоитъ изъ $C_4 H_8 O_2$. Такимъ образомъ была бы выражена, при помощи уравненія пропильформата съ масляной кислотою, химическая субстанція послѣдней въ отличіе отъ ея тѣлесной формы.

Скажемъ такъ: въ качествѣ цѣнностей, товары представляютъ не что иное, какъ студенеобразную или безформенную массу (Gallerten) человѣческаго труда, и потому нашъ анализъ приводитъ послѣднюю къ отвлеченію цѣнности, не придавая ей, однако, никакой формы цѣнности, отличной отъ естественныхъ формъ. Иначе стоитъ дѣло въ отношеніи цѣнности одного товара къ другому. Его характеръ цѣнности выступаетъ здѣсь посредствомъ его собственнаго отношенія къ другому товару.

Если, напримѣръ, сюртукъ, какъ цѣнная вещь, будетъ уравненъ съ холстомъ, то содержащаяся въ немъ работа будетъ уравнена съ

работой, заключающейся въ холстѣ. Правда, портняжество, дѣлающее сюртукъ, представляетъ конкретную, отличную работу отъ ткачества, дѣлающаго холстъ. Но уравненіе съ ткачествомъ фактически приводитъ портняжество къ дѣйствительно равному въ обѣихъ работахъ, къ ихъ общему характеру человѣческой работы. Этимъ окольнымъ путемъ тогда говорится, что также и ткачество, насколько оно ткетъ цѣнность, не обладаетъ никакими признаками различія отъ портняжества, слѣдовательно, является абстрактною человѣческою работою. Только эквивалентное выраженіе разнородныхъ товаровъ ведетъ специфическій характеръ образующей цѣнность работы къ проявленію, приводя фактически разнородныя работы, содержащіяся въ разнородныхъ товарахъ, къ ихъ общему, къ человѣческому труду вообще [1]).

Однако, недостаточно выразить специфическій характеръ работы, изъ которой состоитъ цѣнность холста. Человѣческая рабочая сила въ жидкомъ состояніи, или человѣческая работа образуетъ цѣнность, но сама не есть цѣнность. Она становится цѣнностью въ сгущенномъ состояніи, въ предметной или вещной формѣ. Чтобы выразить цѣнность холста въ студенеобразной или безформенной массѣ человѣческаго труда, она должна быть выражена какъ „вещность", которая отъ самаго холста вещно отлична и на-ряду съ нимъ общa съ другимъ товаромъ. Задача уже рѣшена.

Въ отношеніи цѣнности холста, сюртукъ имѣетъ значеніе качественнаго съ нимъ равенства, вещи той же природы, потому что онъ самъ цѣнность. Онъ имѣетъ здѣсь значеніе вещи, въ которой проявляется цѣнность, или которая въ своей осязательной естественной формѣ представляетъ цѣнность. Правда, сюртукъ, тѣло сюртука-товара, есть простая потребительная цѣнность. Сюртукъ выражаетъ столь же мало цѣнности, какъ и первый встрѣчный кусокъ холста. Это доказываетъ только, что онъ означаетъ больше внутри отношенія цѣнности холста, чѣмъ внѣ его, какъ часто иной человѣкъ внутри сюртука съ галунами значитъ больше, чѣмъ внѣ его.

Въ производствѣ сюртука подъ формою портняжества фактически затрачена человѣческая рабочая сила. Слѣдовательно, въ немъ нако-

[1]) Одинъ изъ первыхъ экономистовъ, который послѣ Петти проникъ въ природу цѣнности, знаменитый Франклинъ говоритъ: „Такъ какъ торговля вообще есть нечто иное, какъ обмѣнъ одной работы на другую, то цѣнность всѣхъ вещей всего правильнѣе стала бы оцѣниваться трудомъ" („The Works of Franklin etc. edited by Sparks", Boston, 1835, v. II. p. 267). Франклинъ не сознаетъ, что, оцѣнивая цѣнность всѣхъ вещей „трудомъ", онъ отвлекаетъ отъ различія обмѣниваемыхъ работъ и приводитъ ихъ къ равному человѣческому труду. Чего онъ не знаетъ, то онъ говоритъ. Онъ говоритъ сначала онъ „объ одной работѣ", потомъ „о другой работѣ", въ концѣ концовъ „о работѣ", безъ дальнѣйшаго обозначенія ея, какъ о субстанціи цѣнности всѣхъ вещей.

нился человѣческій трудъ. Съ этой стороны сюртукъ является „носителемъ цѣнности“, хотя это качество не отличается прозрачностью, несмотря на его необычайно питками шитый видъ. И въ отношеніи цѣнности холста онъ имѣетъ значеніе только съ этой стороны, т. е. какъ воплощенная цѣнность, какъ цѣнное тѣло. Несмотря на его застегнутое появленіе, холстъ призналъ въ немъ родственную по племени, прекрасную душу цѣнности. Сюртукъ не можетъ, сравнительно съ нимъ, представить цѣнность безъ того, чтобы цѣнность одновременно не приняла форму сюртука. Такъ точно индивидуумъ А не можетъ относиться къ индивидууму Б, какъ къ его свѣтлости, безъ того, чтобы для А его свѣтлость принялъ тѣлесный видъ В и такимъ образомъ помѣнялся еще съ каждодневнымъ отцомъ страны чертами лица, волосами и кое-чѣмъ другимъ.

Въ отношеніи цѣнности, въ которомъ сюртукъ образуетъ эквивалентъ холста, *форма сюртука составляетъ форму цѣнности*. Цѣнность товара холста поэтому выражается въ тѣлѣ товара—сюртукъ, цѣнность одного товара въ потребительной цѣнности другого. Какъ потребительная цѣнность, холстъ чувственно является, какъ вещь, отличная отъ сюртука, какъ цѣнность, онъ „равенъ сюртуку“ и потому выглядитъ какъ сюртукъ. Такимъ образомъ холстъ получаетъ форму, отличную отъ его естественной формы. Его свойство цѣнности проявляется въ его равенствѣ съ сюртукомъ, какъ природа агнца Христа въ его равенствѣ съ агнцомъ Божіимъ.

Читатель видитъ, что все, сказанное намъ заранѣе анализомъ товара, говоритъ самъ холстъ, какъ только онъ вступилъ въ сношеніе съ другимъ товаромъ, сюртукомъ. Чтобы сказать, что трудъ въ абстрактномъ свойствѣ человѣческаго труда образуетъ его собственную цѣнность, холстъ говоритъ, что сюртукъ, насколько онъ считается съ нимъ равнымъ, есть также цѣнность, состоитъ изъ той же работы, какъ и холстъ. Чтобы сказать, что его величественная вещность цѣнности отлична отъ его клеенчатаго тѣла, онъ говоритъ, что цѣнность выглядитъ какъ сюртукъ, и потому онъ самъ, какъ цѣнная вещь, сходенъ съ сюртукомъ, какъ яйцо съ яйцомъ. Мимоходомъ сказать, товарный языкъ, кромѣ еврейскаго, имѣетъ еще многіе другіе, болѣе или менѣе правильные діалекты. Нѣмецкое „сущность цѣнности“ (Werthsein) выражаетъ, напр., менѣе сильно, чѣмъ современное романское слово valere, valer, valoir, что уравненіе товара А съ товаромъ Б составляетъ собственное выраженіе цѣнности товара А. Paris *vaut* bien une messe!

Посредствомъ отношенія цѣнности естественная форма товара Б становится формою цѣнности товара А, или тѣло товара Б становится зеркаломъ цѣнности товара А [1]). Товаръ А относится къ то-

[1]) Въ извѣстномъ смыслѣ съ человѣкомъ происходитъ то же самое, что съ

вару Б, какъ къ тѣлу товара, какъ къ матеріализаціи человѣческаго труда, потребительная же цѣнность В дѣлаетъ его самого матеріаломъ своего собственнаго выраженія цѣнности. Цѣнность товара А, такимъ образомъ выраженная въ потребительной цѣнности товара Б, обладаетъ формою относительной цѣнности.

б) Количественное опредѣленіе относительной формы цѣнности.

Всякій товаръ, цѣнность котораго должна быть выражена, представляетъ предметъ потребленія въ опредѣленномъ количествѣ,—15 шеффелей пшеницы, 100 фунт. кофе и пр. Это данное количество товаровъ содержитъ въ себѣ опредѣленное количество человѣческаго труда. Форма цѣнности должна, слѣдовательно, выражать не только цѣнность вообще, но количественно опредѣленную цѣнность, или величину, размѣръ цѣнности. Въ отношеніи цѣнности товара А къ товару Б, холста къ сюртуку, родъ товара, сюртукъ, будетъ поэтому качественно уравниваться съ холстомъ, не только какъ тѣло цѣнности вообще, но съ опредѣленнымъ количествомъ холста, напр.. съ 20 аршинами холста, въ видѣ опредѣленнаго количества тѣла цѣнности или эквивалента, напр. 1 сюртукъ.

Уравненіе „20 аршинъ холста=1 сюртуку, или 20 аршинъ холста стоятъ столько же, сколько одинъ сюртукъ", предполагаетъ, что въ одномъ сюртукѣ заключается столько же субстанціи цѣнности, какъ и въ 20 аршинахъ полотна, и что оба количества товаровъ стоятъ одинаковаго количества труда, или одинаково продолжительнаго рабочаго времени. Рабочее время, необходимое на производство 20 аршинъ холста или 1 сюртука, измѣняется съ каждой перемѣной въ производительной силѣ ткачества или портняжества. Вліяніе подобной перемѣны на относительное выраженіе величины цѣнности должно быть изслѣдовано ближе.

I. Цѣнность холста *колеблется* [1]), въ то время, когда цѣнность сюртука остается *постоянною*. Если необходимое рабочее время для производства холста удваивается, напр., вслѣдствіе увеличившейся неплодородности приносящей ленъ почвы, то удваивается и цѣнность холста. Вмѣсто 20 аршинъ холста=1 сюртуку, мы имѣли бы 20 аршинъ холста = 2 сюртукамъ. такъ какъ 1 сюртукъ теперь заклю-

товаромъ. Такъ какъ онъ приходитъ въ міръ безъ зеркала и не такъ, какъ философъ Фихте: „я есмь я"—отражаетъ себя человѣкъ прежде всего только въ другомъ человѣкѣ. Только чрезъ отношеніе къ человѣку Павлу, какъ равному себѣ, относится человѣкъ Петръ къ себѣ самому. какъ къ человѣку. Поэтому также и Павелъ является въ его глазахъ съ кожей и волосами, въ своей павловской тѣлесности. какъ форма проявленія рода человѣческаго.

[1]) Выраженіе „цѣнность" употребляется здѣсь. какъ уже мимоходомъ и мѣстами употреблялось прежде, какъ количественно опредѣленная цѣнность, т. е. какъ величина цѣнности.

чаетъ лишь половину той цѣнности, которую содержатъ 20 аршинъ холста. Если же, наоборотъ, необходимое рабочее время для производства холста уменьшится на половину, напр., вслѣдствіе улучшенія ткацкаго станка, то и цѣнность холста понизится на половину. Сотвѣтственно этому: 20 аршинъ холста=½ сюртука. Относительная цѣнность товара А, т. е. его цѣнность, выраженная въ товарѣ Б, поднимается и падаетъ, слѣдовательно, въ прямомъ отношеніи съ цѣнностью товара А, при неизмѣняющейся цѣнности товара Б.

II. Цѣнность холста остается постоянною, тогда какъ цѣнность сюртука измѣняется. Если необходимое рабочее время для производства сюртука при такихъ обстоятельствахъ удвоится, напр., вслѣдствіе неблагопріятной стрижки шерсти, то мы будемъ имѣть вмѣсто 20 аршинъ холста=1 сюртуку, 20 аршинъ=½ сюртука. Если же, наоборотъ, упадетъ цѣнность сюртука на половину, то 20 аршинъ холста будутъ=2 сюртукамъ. При неизмѣнной цѣнности товара А, падетъ или повышается поэтому ея относительная, въ товарѣ Б выраженная цѣнность, въ обратномъ отношеніи къ перемѣнѣ цѣнности Б.

Если сравнить различные случаи sub I и II, то окажется, что одна и та же перемѣна величины относительной цѣнности можетъ возникнуть изъ совершенно противоположныхъ причинъ. Такъ, изъ 20 аршинъ холста=1 сюртуку выходитъ: 1) уравненіе 20 арш. холста=2 сюртукамъ, или потому, что цѣнность холста удвоилась, или потому, что цѣнность сюртуковъ упала на половину, и 2) уравненіе 20 арш. холста=½ сюртука имѣетъ причиною или то, что цѣнность холста падаетъ на половину, или то, что цѣнность сюртуковъ увеличивается вдвое.

III. Количества работы, необходимыя на производство холста и сюртука, могутъ измѣняться одновременно въ одномъ направленіи и въ одной пропорціи. Въ этомъ случаѣ, какъ раньше, такъ и позже, 20 арш. холста=1 сюртуку, какъ бы ихъ цѣнности ни измѣнялись. Ихъ перемѣну цѣнности открываютъ, когда сравниваютъ ихъ съ третьимъ товаромъ, цѣнность котораго оставалась постоянной. Если бы поднимались или падали цѣнности всѣхъ товаровъ одновременно и въ одной и той же пропорціи, то ихъ относительныя цѣнности оставались бы неизмѣнными. Ихъ дѣйствительную перемѣну цѣнности можно бы видѣть изъ того, что въ одно и то же рабочее время теперь вообще было бы доставляемо большее или меньшее количество товаровъ, нежели прежде.

IV. Рабочія времена необходимы относительно холста и сюртука, а поэтому и ихъ цѣнности могутъ одновременно измѣняться въ одномъ и томъ же направленіи, но въ неравной степени или въ противоположномъ направленіи. Вліяніе всѣхъ возможныхъ подобныхъ комбинацій на относительную цѣнность товара слѣдуетъ просто изъ примѣненія случаевъ I, II и III.

Дѣйствительныя перемѣны величины цѣнности отражаются, слѣдовательно, не двусмысленно, не окончательно снова въ ихъ относительномъ выраженіи, или въ величинѣ относительной цѣнности. Относительная цѣнность товара можетъ измѣняться, хотя цѣнность его остается постоянною. Его относительная цѣнность можетъ оставаться постоянной, хотя цѣнность его измѣняется, и въ концѣ концовъ одновременныя перемѣны въ его величинѣ цѣнности и въ относительномъ выраженіи этой величины цѣнности нисколько не нуждаются во взаимномъ покрытіи [1]).

### 3. Эквивалентная форма.

Читатель видѣлъ: въ то время, когда товаръ А (холстъ) выражаетъ свою цѣнность въ потребительной цѣнности отличнаго товара Б (сюртукъ), онъ выражаетъ въ послѣднемъ даже своеобразную форму цѣнности,—форму эквивалента. Товаръ-холстъ приводитъ свою собственную сущность цѣнности къ проявленію, такъ что сюртукъ, не принимая отличной отъ своей тѣлесной формы—формы цѣнности, становится ему равнымъ. Холстъ выражаетъ, слѣдовательно, въ дѣйствительности свой характеръ цѣнности тѣмъ, что сюртукъ обмѣнивается на него непосредственно. *Эквивалентная форма товара, значитъ, есть форма его непосредственной мѣняемости на другой товаръ.*

Если одинъ товаръ, какъ сюртукъ, служитъ эквивалентомъ другому роду товара, какъ холсту, и сюртуки поэтому получаютъ характеристическую черту находиться въ непосредственно мѣняемой формѣ съ холстомъ, то этимъ ни въ какомъ случаѣ не дается еще пропорція,

[1]) Это несовпаденіе между величиною цѣнности и ея относительнымъ выраженіемъ было эксплуатировано вульгарною экономіей съ ея обычнымъ остроуміемъ. Напр.: „Допустите разъ, что А падаетъ, потому что Б, на который онъ обмѣнивается, поднимается, хотя въ это время истрачено не меньше труда на А, и вашъ общій принципъ цѣнности падаетъ на землю.—Когда допускается, что въ виду того, что цѣнность А относительно Б поднимается, цѣнность же Б относительно А падаетъ, то почва изъ-подъ ногъ отрѣзана, на чемъ Рикардо установляетъ свое великое положеніе, что цѣнность товара постоянно опредѣляется количествомъ затраченнаго на него труда; такъ какъ, если перемѣна въ издержкахъ на А измѣняетъ не только его собственную цѣнность по отношенію къ Б, на который онъ обмѣнивается, но также цѣнность Б по отношенію къ цѣнности А, хотя не произошло никакой перемѣны въ количествѣ труда, требуемаго на производство Б, то не только падаетъ на землю доктрина, которая увѣряетъ, что количество труда, истраченное на каждый товаръ, регулируетъ его цѣнность, но и та доктрина, что издержки производства товара регулируютъ его цѣнность". (*J. Broadhurst*, Political Economy, Lond. 1842, p. 11 и 14).

Г-нъ *Broadhurst* могъ бы точно также хорошо сказать: пусть взглянутъ разъ на отношенія чиселъ $^{10}/_{20}$, $^{10}/_{50}$, $^{10}/_{100}$ и т. д. Число 10 остается неизмѣннымъ и все же постоянно падаетъ его пропорціональная величина, его величина относительно знаменателей 20, 50, 100. И такъ падаетъ на землю великій принципъ, что величина цѣлаго числа, какъ, напр., 10, „регулируется" числомъ содержащихся въ немъ единицъ.

въ которой вымѣниваемы сюртуки и холстъ. Послѣднее зависитъ отъ величины цѣнности сюртуковъ, такъ какъ величина цѣнности холста является данною заранѣе. Выражается-ли сюртукъ какъ эквивалентъ, а холстъ.—какъ относительная цѣнность, или, наоборотъ, холстъ—какъ эквивалентъ, а сюртукъ—какъ относительная цѣнность, его величина цѣнности остается теперь, какъ и прежде, опредѣляемой необходимымъ на его производство рабочимъ временемъ, слѣдовательно, независимо отъ его формы цѣнности. Но какъ скоро родъ товара, сюртукъ, въ выраженіи цѣнности займетъ мѣсто эквивалента, то его величина цѣнности не получаетъ никакого выраженія, какъ величина цѣнности. Она фигурируетъ въ уравненіи цѣнности, быть можетъ, только какъ опредѣленное количество какой-нибудь вещи.

Напр.: 40 аршинъ холста имѣютъ „цѣнность“ — чего? 2 сюртуковъ. Такъ какъ здѣсь родъ товара, сюртукъ, играетъ роль эквивалента, а потребительная цѣнность сюртука противостоитъ холсту въ качествѣ тѣла цѣнности, то достаточно опредѣленнаго количества сюртуковъ, чтобы выразить опредѣленную величину цѣнности холста. Два сюртука могутъ поэтому выразить величину цѣнности 40 аршинъ холста, но они никогда не въ состояніи выразить *ихъ собственную* величину цѣнности, величину цѣнности сюртуковъ. Поверхностное пониманіе этого факта, что эквивалентъ въ уравненіи цѣнности всегда обладаетъ лишь формою простого количества какой-либо вещи, потребительной цѣнности, соблазнила Байли и другихъ его предшественниковъ и послѣдователей видѣть въ выраженіи цѣнности одно только количественное отношеніе. Однако, эквивалентная форма товара скорѣе не содержитъ никакого количественнаго опредѣленія цѣнности.

Первая особенность, которая бросается въ глаза при разсмотрѣніи эквивалентной формы, есть слѣдующая: *потребительная цѣнность* является формою проявленія своей *противоположности, цѣнности*.

Естественная форма товара становится формою цѣнности. Но, *notabene*, это *qui pro quo* совершается для одного товара Б (сюртука или пшеницы, или желѣза и т. д.) только внутри отношенія цѣнности, въ которое входитъ къ нему любой другой товаръ А (холстъ и пр.), только внутри этого отношенія. Такъ какъ никакой товаръ не можетъ отнести себя къ себѣ самому, какъ эквивалентъ, а равно не можетъ сдѣлать свою собственную естественную шкуру способною служить выраженію его собственной цѣнности, то онъ долженъ отнестись, какъ къ эквиваленту, къ другому товару или сдѣлать естественную шкуру другого товара своею собственною формою цѣнности.

Это сдѣлаетъ для насъ наглядымъ примѣръ одного мѣрила, которое подходитъ къ тѣламъ товаровъ, какъ тѣламъ товаровъ, т. е.

какъ къ потребительнымъ цѣнностямъ. Голова сахара, будучи тѣломъ, тяжела и поэтому имѣетъ вѣсъ, но вѣсъ этотъ нельзя ни увидѣть, ни ощупать у головы сахара. Возьмемъ для этого различные куски желѣза, вѣсъ которыхъ опредѣленъ предварительно. Тѣлесная форма желѣза, разсматриваемая сама по себѣ, столь же мало есть форма проявленія тяжести, какъ и форма сахарной головы. Однако, чтобы выразить сахарную голову, какъ тяжесть, приведемъ ее въ отношеніе вѣса къ желѣзу. Въ этомъ отношеніи желѣзо означаетъ тѣло, которое не представляетъ ничего, кромѣ тяжести. Количество желѣза служитъ поэтому мѣриломъ вѣса для сахара и представляетъ относительно сахарнаго тѣла простую форму тяжести, форму проявленія тяжести. Эту роль играетъ желѣзо только внутри этого отношенія, въ которомъ сахаръ или какое-нибудь другое тѣло, котораго нужно найти вѣсъ, приступитъ къ нему. Еслибы обѣ вещи не были тяжелы, то они не могли бы вступить въ это отношеніе, и одна изъ нихъ поэтому не могла бы служить для выраженія цѣнности другой. Бросимъ ихъ обѣ на чашку вѣсовъ и увидимъ дѣйствительно, что они обѣ въ качествѣ тяжести одно и то же и потому въ опредѣленной пропорціи также имѣютъ и одинаковый вѣсъ. Подобно тому, какъ желѣзное тѣло, какъ мѣрило вѣса, по отношенію къ сахару есть только тяжесть, точно также и въ нашемъ выраженіи цѣнности тѣло сюртука относительно холста есть только цѣнность.

Здѣсь, однако, аналогія кончается. *Желѣзо представляетъ* въ выраженіи вѣса сахарной головы общее обоимъ тѣламъ *естественное качество*, ихъ тяжесть,—тогда какъ *сюртукъ представляетъ* въ выраженіи цѣнности холста *сверхъестественное качество* обѣихъ вещей, ихъ цѣнность, нѣчто *чисто-общественное*.

Когда относительная форма цѣнности товара, напр. холста, выражаетъ свою сущность цѣнности, какъ нѣчто совершенно отличное отъ его тѣла и его качествъ, напр., какъ равное сюртуку, то это выраженіе само указываетъ на то, что оно скрываетъ подъ собою *общественное отношеніе*. Наоборотъ относительно эквивалентной формы. Она состоитъ именно въ томъ, что тѣло товара, подобное сюртуку, эта *вещь* по ходьбѣ и стоянію, выражаетъ цѣнность, слѣдовательно, отъ природы обладаетъ формою цѣнности. Правда, все это имѣетъ значеніе только внутри отношенія цѣнности, въ которомъ товаръ-холстъ отнесенъ къ товару-сюртуку, какъ къ эквиваленту [1]). Но такъ какъ свойства какой-нибудь вещи произошли не изъ ея отношенія къ другимъ вещамъ, а только въ этомъ отношеніи проявляются въ дѣй-

[1]) Съ подобными рефлективными размышленіями всегда происходитъ своеобразная вещь. Этотъ человѣкъ есть, напр., король только потому, что другіе люди относятся къ нему, какъ подданные. Они, наоборотъ, вѣрятъ въ то, что они подданные только потому, что онъ король.

ствіи, то также и сюртукъ кажется обладающимъ своею эквивалентною формою, своимъ качествомъ непосредственной мѣняемости точно такъ же отъ природы, какъ и своимъ качествомъ быть тяжелымъ или удерживать тепло. Отсюда то̀ загадочное въ эквивалентной формѣ, что̀ впервые поражаетъ буржуазно-грубый взглядъ политико-экономиста, когда эта форма стоитъ противъ него готовою въ видѣ денегъ. Тогда онъ пытается выяснить мистическій характеръ золота и серебра, причемъ онъ подъ нихъ подвигаетъ менѣе ослѣпительные товары и съ постоянно возобновляющимся удовольствіемъ перелистываетъ каталогъ всей товарной черни, которая въ свое время играла роль эквивалента товаровъ. Онъ и не подозрѣваетъ, что уже простѣйшее выраженіе цѣнности, какъ 20 аршинъ холста=1 сюртуку, даетъ разрѣшить тайну эквивалентной формы.

Тѣло товара, служащаго эквивалентомъ, всегда означаетъ воплощеніе абстрактно-человѣческой работы и постоянно составляетъ продуктъ опредѣленной, полезной, конкретной работы. Эта конкретная работа сама становится выраженіемъ абстрактно-человѣческой работы. Если, напр., сюртукъ имѣетъ значеніе простого осуществленія, то такое же значеніе имѣетъ и портняжество, которое фактически осуществляется въ сюртукѣ, какъ простая форма осуществленія абстрактно-человѣческой работы. Въ выраженіи цѣнности холста полезность портняжества состоитъ не въ томъ, что оно дѣлаетъ платье, и, слѣдовательно, также и людей, но въ томъ, что оно составляетъ тѣло, на которое глядятъ, какъ на цѣнность, слѣдовательно, на безформенную массу работы, которая вовсе не отличается отъ работы, осуществленной въ цѣнности холста. Чтобы дѣлать подобное зеркало цѣнности, портняжество само не должно отражаться внѣ его абстрактнаго качества быть человѣческимъ трудомъ.

Въ формѣ портняжества, какъ и въ формѣ ткачества, обнаруживается человѣческая рабочая сила. Оба они поэтому обладаютъ общимъ качествомъ человѣческаго труда и могутъ поэтому въ опредѣленныхъ случаяхъ, напр., при производствѣ цѣнности, только въ этомъ отношеніи входить въ соображеніе. Все это не таинственно. Но въ выраженіи цѣнности товара дѣло искажается. Чтобы, напр., выразить, что ткачество не въ своей конкретной формѣ, какъ ткачество, но въ своемъ общемъ качествѣ, какъ человѣческій трудъ, образуетъ цѣнность холста, ему противополагается портняжество, конкретная работа, которая производитъ эквивалентъ холста, какъ осязательная форма осуществленія абстрактной человѣческой работы.

Итакъ, вторая особенность эквивалентной функціи, — что конкретная работа становится формою проявленія своей противоположности, абстрактной человѣческой работы.

Но въ то время, какъ эта конкретная работа, портняжество, озна-

чаетъ простое выраженіе безразличной человѣческой работы, она обладаетъ формою равенства съ другой работой, затраченной въ холстъ, и поэтому она есть хотя частная работа, какъ и всякая другая работа, производящая всѣ товары, но все же работа въ непосредственной общественной формѣ. Именно поэтому она представляется въ продуктѣ, который непосредственно мѣняемъ на другой товаръ. Такимъ образомъ, третье качество эквивалентной формы составляетъ то, что частная работа становится формою своей противоположности, работы въ непосредственно общественной формѣ.

Оба только что развитыя качества эквивалентной формы будутъ еще понятнѣе, когда мы обратимся назадъ къ великому изслѣдователю, который впервые анализировалъ столь многія формы мысли, общества и природы. Это—Аристотель.

Прежде всего Аристотель ясно высказываетъ, что денежная форма товара есть только болѣе развитой видъ простой формы цѣнности, т. е. выраженія цѣнности одного товара въ какомъ-нибудь другомъ любомъ товарѣ, такъ какъ онъ говоритъ: „5 подушекъ=1 дому“, что „не различается“ отъ „5 подушекъ=столько-то и столько-то денегъ“. Онъ видитъ далѣе, что отношеніе цѣнности, въ которомъ заключается это выраженіе цѣнности, съ своей стороны, обусловливаетъ, чтобы домъ и подушки были уравниваемы качественно, и что эти чувственно различныя вещи, безъ такого существеннаго равенства, не могли бы быть относимы однѣ къ другимъ, какъ соизмѣримыя величины. „Обмѣнъ“, говоритъ онъ, „не можетъ быть безъ равенства, а равенство не можетъ быть безъ соизмѣримости“. Здѣсь, однако, онъ упирается и прекращаетъ дальнѣйшій анализъ формы цѣнности. „Но по истинѣ невозможно, чтобы столь разнородныя вещи были соизмѣримы“, т. е. качественно равны. Это уравненіе можетъ быть чѣмъ-то чуждымъ истинной природѣ вещей, слѣдовательно, только „помощь въ нуждѣ для практической потребности“.

Итакъ, Аристотель самъ говоритъ намъ, отчего сокрушился его дальнѣйшій анализъ, — именно отъ недостатка понятія цѣнности. Что такое равное, т. е. общая субстанція, которая представляетъ домъ за подушки въ выраженіи цѣнности подушекъ? Нѣчто такое „не можетъ существовать по истинѣ“, говоритъ Аристотель. Почему? Домъ представляетъ въ отношеніи къ подушкамъ нѣчто равное, насколько онъ въ обоихъ, въ подушкахъ и въ домѣ, дѣйствительно представляетъ равенство. И это—человѣческая работа.

Но что въ формѣ товарныхъ цѣнностей всѣ работы выражаются, какъ равная человѣческая работа и потому какъ равноцѣнная, Аристотель не могъ вычитать изъ самой формы цѣнности, такъ какъ греческое общество покоилось на рабской работѣ, поэтому имѣло естественной основою неравенство людей и ихъ рабочихъ силъ. Тайна

выраженія цѣнности, равенство и равноцѣнности всѣхъ работъ, потому что и насколько они вообще являются человѣческой работой, можетъ быть отгадана только тогда, когда понятіе о человѣческомъ равенствѣ обладаетъ уже прочностью народнаго предразсудка. Это же возможно только въ такомъ обществѣ, въ которомъ форма товаровъ есть общая форма продукта труда, причемъ также и отношеніе людей одного къ другому, какъ товаровладѣльцевъ, есть господствующее общественное отношеніе. Геній Аристотеля блистаетъ именно тамъ, гдѣ онъ въ выраженіи цѣнности товаровъ открываетъ отношеніе равенства. Только историческая граница общества, въ которомъ онъ жилъ, мѣшаетъ ему выискать, въ чемъ-же „по истинѣ“ состоитъ это отношеніе равенства.

### 4. Простая форма цѣнности, какъ цѣлое.

Простая форма цѣнности товара содержится въ отношеніи цѣнности къ отличному товару или въ мѣновомъ отношеніи съ нимъ. Цѣнность товара А выражается качественно при помощи непосредственной мѣняемости товара Б съ товаромъ А. Цѣнность эта выражается количественно, благодаря мѣняемости опредѣленнаго количества товара Б на данное количество товара А. Иными словами, цѣнность товара выражается самостоятельно чрезъ представленіе его въ качествѣ „мѣновой цѣнности“. Какъ въ началѣ этой главы было сказано, по правиламъ ходячаго языка, что товаръ есть потребительная цѣнность и *мѣновая цѣнность*, то это было, говоря точно, невѣрно. Товаръ есть потребительная цѣнность или предметъ потребленія и *„цѣнность“*. Онъ представляется двоякимъ, чѣмъ онъ бываетъ, когда его цѣнность обладаетъ собственной, независимой отъ его природной формы, формою проявленія *мѣновой цѣнности*, и она обладаетъ этою формою, не будучи ни въ какомъ случаѣ разсматриваема изолированною, а всегда въ отношеніи цѣнности или обмѣна ко второму, отличному товару. Разъ это извѣстно, то указанный выше способъ опредѣленія товара остается безвреднымъ и ведетъ къ сокращенію.

Нашъ анализъ доказалъ, что форма цѣнности или выраженіе цѣнности товара вытекаетъ изъ природы цѣнности товара, а не наоборотъ, т. е. такъ, чтобы цѣнность и величина цѣнности вытекали изъ своего способа выраженія, какъ мѣновой цѣнности. Такова, однако, мечта какъ меркантилистовъ и ихъ новѣйшихъ подогрѣвателей, каковы Ферріе, Ганиль и т. д., такъ и ихъ антиподовъ, новѣйшихъ коммивояжёровъ по свободной торговлѣ, какъ Бастіа и К°. Меркантилисты возлагали главный вѣсъ на *качественную* сторону выраженія цѣнности, поэтому, на эквивалентную форму товара, которая обладаетъ готовымъ видомъ въ деньгахъ, — новѣйшіе же продавцы въ разносъ свободной торговли, которые должны были сбывать свой товаръ по

всякой цѣнѣ,—на *количественную* сторону относительной формы цѣнности. Для нихъ, слѣдовательно, не существуетъ ни цѣнности, ни величины цѣнности товара, кромѣ выраженія чрезъ мѣновое отношеніе, поэтому только въ запискѣ ежедневнаго прейсъ-куранта. Шотландецъ Маклеодъ въ своей функціи, по возможности, учено вычистить перепутанныя представленія Ломбардстрита образуетъ удачный синтезъ между суевѣрными меркантилистами и просвѣщенными разносчиками свободной торговли. Ближайшее разсмотрѣніе содержащагося въ отношеніи цѣнности къ товару Б товара А показало, что внутри такового естественная форма товара А имѣетъ значеніе только какъ образъ потребительной цѣнности, а естественная форма товара Б—только какъ форма цѣнности или образъ цѣнности. Скрытое въ товарѣ внутреннее противорѣчіе потребительной цѣнности и цѣнности изображается, слѣдовательно, внѣшнимъ противорѣчіемъ, т. е. чрезъ отношеніе двухъ товаровъ въ которомъ одинъ товаръ, цѣнность котораго должна быть выражена, имѣетъ значеніе непосредственной потребительной цѣнности, другой же товаръ, напротивъ, имѣетъ значеніе непосредственной мѣновой цѣнности. Простая форма цѣнности товара составляетъ, слѣдовательно, простую форму проявленія содержащагося въ ней противорѣчія потребительной цѣнности и цѣнности.

Продуктъ труда при всѣхъ общественныхъ условіяхъ является предметомъ потребленія, но лишь одна исторически опредѣленная эпоха развитія, которая представляетъ работу, затраченную на производство вещи потребленія, какъ „предметное“ свойство производства, т. е. какъ его цѣнность, — превращаетъ продуктъ работы въ товаръ. Отсюда слѣдуетъ, что простая форма цѣнности товара есть вмѣстѣ съ тѣмъ и простая форма цѣнности продукта труда, и что, слѣдовательно, развитіе формы товара совпадаетъ съ развитіемъ формы цѣнности.

Первый взглядъ показываетъ недостаточность простой формы цѣнности, этой зародышевой формы, которая дозрѣваетъ до формы цѣны только цѣлымъ рядомъ метаморфозъ.

Выраженіе въ какомъ-нибудь товарѣ Б отличаетъ цѣнность товара А только отъ его внутренней потребительной цѣнности и потому помѣщаетъ его также въ мѣновое отношеніе къ какому-нибудь одному, отъ него самого отличному, роду товаровъ, вмѣсто того, чтобы представлять его качественное равенство и количественную пропорціональность со всѣми прочими товарами. Простой относительной формѣ цѣнности какого-нибудь товара соотвѣтствуетъ отдѣльная эквивалентная форма другого товара. Такъ, сюртукъ обладаетъ въ относительномъ выраженіи цѣнностиц холста только эквивалентною формою или формою непосредственной мѣняемости по отношенію къ этому единственному роду товаровъ, холсту.

Однако, отдѣльная форма цѣнности сама собою переходитъ въ высшую форму. Благодаря ей, цѣнность товара А выражается, правда, только въ одномъ товарѣ другого рода. Но какого рода будетъ этотъ второй товаръ, сюртукъ-ли, желѣзо-ли, пшеница-ли,—совершенно все равно. Итакъ, смотря по тому, что она вступитъ къ тому или другому роду товаровъ въ отношеніе цѣнности, возникаютъ различныя простыя выраженія цѣнности одного и того же товара [1]). Число его возможныхъ выраженій цѣнности ограничивается только числомъ отличныхъ отъ него товаровъ. Его уединенное выраженіе цѣнности превращается поэтому въ постоянно удлиняющійся рядъ его различныхъ простыхъ выраженій цѣнности.

### B) Цѣльная или развитая форма цѣнности.

$z$ товара А=и товара Б, или=$v$ товара В, или=$w$ товара Г, или=$x$ товара Д, или=и пр.

(20 арш. холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чая, или = 40 фун. кофе, или=1 кварт. пшеницы, или=2 унціямъ золота, или=$^1/_2$ тоннѣ желѣза, или=и пр.

#### 1. Развитая относительная форма цѣнности.

Цѣнность товара, напр. холста, выражается теперь въ безчисленныхъ элементахъ міра товаровъ. Каждое другое тѣло товара становится зеркаломъ цѣнности холста [2]). Такимъ образомъ сама эта цѣнность является сперва по истинѣ въ качествѣ безформенной массы безразличнаго человѣческаго труда. Это потому, что образующая ее работа теперь выразительно представляется, какъ работа, съ кото-

---

[1]) У Гомера, напр., цѣнность одной вещи выражается въ цѣломъ рядѣ различныхъ вещей.

[2]) Поэтому говорится о сюртучной цѣнности холста, если представляютъ его цѣнность въ сюртукахъ, о его хлѣбной цѣнности, если представляютъ его въ хлѣбѣ, и проч. Всякое подобное выраженіе говоритъ, что то является цѣнностью вещи, что является въ потребительныхъ цѣнностяхъ сюртука, зернового хлѣба и проч. „Такъ какъ цѣнность каждаго товара означаетъ его отношеніе въ обмѣнѣ, то мы можемъ говорить о ней, какъ о... пшеничной цѣнности, платяной цѣнности, согласно съ тѣмъ товаромъ, съ которымъ онъ сравнивается, и далѣе существуютъ тысячи различныхъ родовъ цѣнности, столько родовъ цѣнности, сколько существуетъ товаровъ, и всѣ они одинаково реальны и одинаково номинальны“. („A Critical Dissertation on the Nature, Measure and Causes of Value: chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the Author of Essays on the Formation etc. of Opinions. Lond. 1825“, p. 39). Байли, сочинитель этой анонимной книги, которая сдѣлала въ свое время много шуму въ Англіи, думаетъ, что онъ этимъ указаніемъ на пестрыя относительныя выраженія о цѣнности одного и того же товара уничтожилъ всякое опредѣленіе понятія цѣнности. Что, впрочемъ, онъ, несмотря на собственную ограниченность, зондировалъ раненыя пятна теоріи Рикардо, доказываетъ раздраженіе, съ какимъ напала на него школа Рикардо, напр., въ „Вестминстерскомъ Обозрѣніи“.

рой равноцѣнна всякая иная работа, какою бы ни обладала она естественною формою, и осуществлялась бы поэтому въ сюртукѣ, въ пшеницѣ, въ желѣзѣ или въ золотѣ. Благодаря своей формѣ цѣнности, холстъ стоитъ теперь въ общественномъ отношеніи не съ однимъ только отдѣльнымъ родомъ товара, а съ міромъ товаровъ. Въ качествѣ товара онъ становится гражданиномъ этого міра. Къ тому-же, въ безконечномъ ряду его выраженій заключается то, что цѣнность товаровъ равнодушна къ той особенной формѣ потребительной цѣнности, въ которой онъ является.

Въ первой формѣ: 20 арш. холста=1 сюртуку—можетъ быть случайнымъ фактомъ, что эти два товара вымѣниваются одинъ на другой въ опредѣленныхъ количественныхъ отношеніяхъ. Во второй формѣ тотчасъ же проглядываетъ, напротивъ, заднее основаніе, существенно отличающееся отъ случайнаго явленія и опредѣляющее его. Цѣнность холста остается одинаковыхъ размѣровъ, хотя бы она представлялась въ сюртукѣ, или въ кофе, или въ желѣзѣ и пр., въ безчисленно различныхъ товарахъ, принадлежащихъ различнѣйшимъ владѣльцамъ. Случайное отношеніе двоихъ индивидуальныхъ товаровладѣльцевъ отпадаетъ прочь. Очевидно, что не обмѣнъ регулируетъ величину цѣнности товара, а, наоборотъ, величина цѣнности товара регулируетъ его мѣновыя отношенія.

### 2. Особая эквивалентная форма.

Всякій товаръ, сюртукъ. чай, пшеница, желѣзо и т. п. считается въ выраженіи цѣнности холста, какъ эквивалентъ, и поэтому—какъ тѣло цѣнности. Опредѣленная естественная форма каждаго изъ этихъ товаровъ теперь становится особою эквивалентною формою, наряду со многими другими. Точно также считаются теперь полезны опредѣленные и конкретные роды труда, содержащіеся въ различныхъ тѣлахъ товаровъ за такое же число особыхъ формъ осуществленія или проявленія человѣческой работы.

### 3. Недостатки цѣльной или развитой формы цѣнности.

Прежде всего относительное выраженіе цѣнности товара является не готовымъ, потому что его рядъ представленія никогда не оканчивается. Цѣнь. въ которой уравненія цѣнностей примѣняются къ другому, остается постоянно удлиняемымъ каждымъ вновь вступающимъ родомъ товаровъ, которые доставляютъ матеріалъ для новаго выраженія цѣнности. Если же въ концѣ концовъ, какъ это должно случиться, относительная цѣнность каждаго товара выразится въ этой развитой формѣ, то относительная форма цѣнности каждаго товара сдѣлается безконечнымъ рядомъ выраженій цѣнности отличнымъ отъ относительной формы цѣнности всякаго другого товара. — Недо-

статки развитой относительной формы цѣнности отражаются опять-таки въ соотвѣтствующей ей эквивалентной формѣ. Такъ какъ естественная форма каждаго особаго рода товаровъ здѣсь представляетъ эквивалентную форму на-ряду съ другими безчисленными особыми эквивалентными формами, то существуютъ вообще только ограниченныя эквивалентныя формы, изъ которыхъ одна исключаетъ другую. Точно также опредѣленный, конкретный, полезный родъ труда, содержащійся въ каждомъ особомъ эквивалентѣ товара, представляетъ лишь особую, слѣдовательно, не исчерпывающую форму проявленія человѣческаго труда. Этотъ трудъ обладаетъ, правда, своей полной или цѣнной формой проявленія въ совокупномъ кругу тѣхъ особыхъ формъ проявленія. Но въ такомъ случаѣ онъ не обладаетъ никакою единою формою проявленія.

Развитая относительная форма цѣнности состоитъ, однако, только изъ суммы простыхъ относительныхъ выраженій цѣнности или уравненій первой формы:

20 арш. холста = 1 сюртуку.
20 „ „ = 10 ф. чая и т. д.

Каждое изъ этихъ уравненій содержитъ въ себѣ также и обратное тождественное уравненіе:

1 сюртукъ = 20 арш. холста.
10 ф. чая = 20 арш. холста и т. д.

И дѣйствительно, если какой-нибудь человѣкъ мѣняетъ свой холстъ на многіе другіе товары и потому выражаетъ его цѣнность въ цѣломъ ряду другихъ товаровъ, то необходимо должны также и многіе другіе товаровладѣльцы обмѣнивать свои товары на холстъ, а потому цѣнности ихъ различныхъ товаровъ выражаются въ одномъ и томъ же третьемъ товарѣ — холстѣ. Перевернемъ рядъ: 20 арш. холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чая, или = и т. д., т. е. выразимъ по самому существу дѣла содержащееся уже въ ряду обратное отношеніе, то получимъ:

### C) Всеобщую форму цѣнности:

| | | |
|---|---|---|
| 1 сюртукъ<br>10 ф. чая<br>40 ф. кофе<br>1 кв. пшеницы<br>2 унціи золота<br>½ тонны желѣза<br>$x$ товара A | = | 20 арш. холста. |

### 1. Измѣненный характеръ формы цѣнности.

Теперь товары представляютъ свои цѣнности: 1) просто, потому что въ единственномъ товарѣ, и 2) едино, потому что въ одномъ и

томъ же товарѣ. Ихъ форма цѣнности проста и общественна, слѣдовательно, *всеобща*.

Формы I и II обѣ пришли только къ тому, чтобы выразить цѣнность одного товара, какъ нѣчто отличное отъ ихъ собственной потребительной цѣнности или ихъ тѣла товара.

Первая форма давала слѣдующія уравненія цѣнности: 1 сюртукъ = 20 арш. холста = 10 ф. чая = $^1/_2$ тоннѣ желѣза и т. д. Цѣнность сюртука выражается, какъ равная холсту, цѣнность чая,—какъ равная желѣзу, и т. д.: но эти выраженія сюртука и чая „равная холсту“ и „равная желѣзу цѣнность“, столь же различны, какъ и холстъ и желѣзо. Эта форма совершается очевидно только первоначально, когда продукты труда превращаются въ товаръ только при помощи случайнаго и сообразнаго обстоятельствамъ обмѣна.

Вторая форма различаетъ полнѣе, нежели первая, цѣнность одного товара отъ его собственной потребительной цѣнности, такъ какъ цѣнность, напр., сюртука выступаетъ теперь въ своей естественной формѣ противъ всевозможныхъ формъ, какъ равный холсту, желѣзу, чаю и пр.—всему прочему, только не сюртуку. Съ другой стороны, здѣсь каждое общее выраженіе цѣнности товаровъ прямо исключено, такъ какъ въ выраженіи цѣнностей по отдѣльнымъ товарамъ являются теперь всѣ другіе товары (кромѣ сюртука) только въ формѣ эквивалентовъ. Развитая форма цѣнности приходитъ дѣйствительно лишь тогда, когда продуктъ труда, напр. скотъ, обмѣнивается уже болѣе не исключительно, а совершенно обычно на различные другіе товары.

Вновь пріобрѣтенная форма выражаетъ цѣнности міра товаровъ въ одномъ и томъ же отличномъ отъ нея родѣ товаровъ, напр. въ холстѣ, и такимъ образомъ представляетъ цѣнности всѣхъ товаровъ чрезъ ихъ равенство съ холстомъ. Какъ равная холсту, цѣнность каждаго товара становится теперь не только отлична отъ своей собственной потребительной цѣнности, но отъ всякой потребительной цѣнности, именно потому, что въ ней выражается общее со всѣми товарами. Только эта форма дѣйствительно относитъ, поэтому, товары одни къ другимъ, какъ цѣнности, или даетъ имъ явиться одни относительно другихъ, какъ мѣновыя цѣнности.

Обѣ ранніе формы выражаютъ цѣнность въ одномъ товарѣ, будь это единственный отличный отъ нихъ товаръ, или цѣлый рядъ многихъ отличныхъ отъ нихъ товаровъ. Въ обоихъ случаяхъ составляетъ, такъ сказать, частное дѣло отдѣльнаго товара дать себѣ форму цѣнности, и онъ исполняетъ это безъ содѣйствія другихъ товаровъ. Эти играютъ относительно него только пассивную роль эквивалентовъ. Общая форма цѣнности возникаетъ, напротивъ, только какъ совокупное дѣло міра товаровъ. Товаръ получаетъ только общее выраженіе цѣнности, потому что одновременно всѣ другіе товары вы-

ражаютъ свою цѣнность въ одномъ и томъ же эквивалентѣ, и каждый вновь выступающій родъ товаровъ долженъ подражать этому. Вмѣстѣ съ этимъ проявляется и то, что предметность цѣнности товаровъ, будучи только „общественною сущностью“ этихъ вещей, можетъ быть также выражена всѣмъ своимъ всестороннимъ отношеніемъ, причемъ его форма цѣнности должна быть общественно годною формой.

Въ формѣ, равной холсту, являются теперь всѣ товары не только количественно равныхъ цѣнностей вообще, но также и какъ количественно сравниваемыя величины цѣнности. Отражая свои величины цѣнности въ одномъ и томъ же матеріалѣ, въ холстѣ, они снова отражаютъ эти величины цѣнности взаимно. Напр., 10 ф. чаю=20 арш. холста, и 40 ф. кофе=20 арш. холста. Итакъ, 10 ф. чаю=40 ф. кофе. Или въ 1 ф. кофе содержится лишь $^1/_4$ столько субстанціи цѣнности труда, сколько въ 1 ф. чая.

Всеобщая относительная форма цѣнности міра товаровъ выражаетъ въ исключенномъ его эквивалентномъ товарѣ, холстѣ, характеръ всеобщаго эквивалента. Его собственная естественная форма цѣнности есть совокупный образъ цѣнности этого міра, поэтому холстъ мѣняемъ на всѣ товары. Его тѣлесная форма считается вѣрнымъ воплощеніемъ, всеобщимъ общественнымъ превращеніемъ въ куколку всей человѣческой работы. По качеству, частная работа, производящая холстъ, находится въ то же время во всеобщей общественной формѣ, въ формѣ равенства со всѣми другими работами. Безчисленныя уравненія, изъ которыхъ состоитъ всеобщая форма цѣнности, ставятъ, по очереди, осуществленную въ холстѣ работу противъ каждой работы, содержащейся въ другомъ товарѣ равною, и дѣлаютъ тѣмъ ткачество общей формой проявленія человѣческаго труда вообще. Такимъ образомъ, работа, осуществляющаяся въ цѣнности товара, представляется не только отрицательно, какъ работа, въ которой сдѣлано отвлеченіе отъ всѣхъ конкретныхъ формъ и полезныхъ качествъ дѣйствительныхъ работъ. Ея собственная положительная природа выразительно выступаетъ впередъ. Она есть приведеніе всѣхъ дѣйствительныхъ работъ къ ихъ общему характеру человѣческой работы, къ обнаруженію человѣческой рабочей силы.

Всеобщая форма цѣнности, которая представляетъ продуктъ работы, какъ простую безформенную массу человѣческой работы, показываетъ собственнымъ своимъ сооруженіемъ, что она есть общественное выраженіе міра товаровъ. Такъ провозглашаетъ она, что въ предѣлахъ этого міра всеобщій человѣческій характеръ труда образуетъ ея специфическій общественный характеръ.

## 2. Отношеніе развитія относительной формы цѣнности и эквивалентной формы.

Степени развитія относительной формы цѣнности соотвѣтствуетъ степень развитія эквивалентной формы. Но,—и это хорошо замѣтить, —развитіе эквивалентной формы составляетъ только выраженіе и результатъ развитія относительной формы цѣнности.

Простая или уединенная относительная форма цѣнности товара дѣлаетъ другой товаръ единственнымъ эквивалентомъ. Развитая форма относительно цѣнности, это выраженіе цѣнности одного товара во всѣхъ другихъ товарахъ, внечатлѣваетъ имъ форму разнородныхъ особыхъ эквивалентовъ. Наконецъ, особый родъ товаровъ получаетъ всеобщую эквивалентную форму, такъ какъ всѣ другіе товары дѣлаютъ ее матеріаломъ ихъ единой всеобщей формы цѣнности.

Но въ той же степени форма цѣнности вообще развивается,—развивается также и противорѣчіе между отдѣльными ея обоими полюсами.—относительной формой цѣнности и эквивалентной формы.

Уже первая форма—20 арш. холста=1 сюртуку—содержитъ это противорѣчіе, но еще не укрѣпляетъ его. Смотря по тому, читается-ли одно и то же уравненіе впередъ или назадъ, каждая изъ обѣихъ крайностей товаровъ, какъ холстъ и сюртукъ, находится то въ относительной формѣ цѣнности, то въ эквивалентной формѣ. Здѣсь требуетъ еще труда укрѣпить полярное противорѣчіе.

Во второй формѣ всегда можетъ только одинъ родъ товаровъ развить свою относительную цѣнность сполна, или обладаетъ онъ самъ развитою относительною формою цѣнности, но сколько и какъ долго всѣ другіе товары сравнительно съ нимъ находятся въ эквивалентной формѣ? Здѣсь нельзя болѣе перевертывать двѣ стороны уравненія цѣнности—какъ 20 арш. холста = 1 сюртуку, или 10 ф. чаю, или = 1 кв. пшеницы, не измѣняя ея общаго характера и не превращая ее изъ цѣльной во всеобщую форму цѣнности.

Послѣдняя форма, форма III. даетъ, наконецъ, міру товаровъ вообще—общественную относительную форму цѣнности, потому и настолько, съ однимъ единственнымъ исключеніемъ, въ какой мѣрѣ всѣ принадлежащіе къ ней товары исключены изъ всеобщей эквивалентной формы. Одинъ товаръ, холстъ, находится поэтому въ формѣ непосредственной мѣняемости со всѣми прочими товарами, или въ непосредственно общественной формѣ, почему и насколько всѣ прочіе товары не находятся тамъ [1]).

[1]) Изъ формы всеобщей непосредственной мѣняемости ни въ какомъ случаѣ не видно, что она является противорѣчивою формою товаровъ, столь же нераздѣльною отъ формы не непосредственной мѣняемости, какъ и положительность одного магнитнаго полюса отъ отрицательности другого. Можно поэтому себѣ во-

Наоборотъ, товаръ, фигурирующій, какъ всеобщій эквивалентъ, исключается изъ единительной и потому всеобщей относительной формы цѣнности міра товаровъ. Если бы холсту, или какому-нибудь другому, находящемуся во всеобщей эквивалентной формѣ, товару слѣдовало также къ тому же принять участіе и во всеобщей относительной формѣ цѣнности, то ему пришлось бы служить эквивалентомъ себѣ самому. Мы получили бы тогда: 20 арш. холста=20 арш. холста,—тавтологію, въ которой не выражены ни цѣнность ни величина цѣнности. Чтобы выразить относительную цѣнность всеобщаго эквивалента, мы должны скорѣе перевернуть форму III. Онъ не обладаетъ никакою общею съ другими товарами относительною формою цѣнности, но цѣнность его выдавливается относительно въ безконечномъ ряду всѣхъ другихъ тѣлъ товаровъ. Такъ является здѣсь развитая относительная форма цѣнности или форма II, какъ специфическая относительная форма цѣнности товара-эквивалента.

### 3. Переходъ отъ всеобщей формы цѣнности къ денежной формѣ.

Общая эквивалентная форма есть форма цѣнности вообще. Она можетъ, слѣдовательно, подходить ко всякому товару. Съ другой стороны, товаръ находится во всеобщей эквивалентной функціи (форма III) лишь потому и настолько, почему и насколько онъ исключенъ всѣми другими товарами, какъ эквивалентъ. И только съ того момента, когда это исключеніе окончательно ограничилось однимъ специфическимъ товаромъ, единая относительная форма цѣнности міра товаровъ пріобрѣла объективную прочность и всеобщее общественное значеніе.

Специфическій родъ товара, съ естественною формою котораго срастается общественно-эквивалентная форма, становится денежнымъ товаромъ и функціонируетъ, какъ деньги. Роль всеобщаго эквивалента внутри міра товаровъ будетъ играть его общественная функція и потому его общественная монополія. Это привиллегированное мѣсто,—среди товаровъ, которые фигурируютъ въ формѣ II, какъ

образить, что можно всѣмъ товарамъ вмѣстѣ навязать штемпель непосредственной мѣняемости, какъ можно вообразить, что можно всѣхъ католиковъ сдѣлать папами. Для мелкаго буржуа, который въ производствѣ товаровъ видитъ nec plus ultra человѣческой свободы и индивидуальной независимости, было бы, естественно, весьма желательно подняться надъ разстройствами, соединенными съ этою формою, именно, также надъ не непосредственною мѣняемостью товаровъ. Разрисовку этой утопіи филистеровъ образуетъ соціализмъ Прудона, который, какъ показано авторомъ въ другомъ мѣстѣ, даже не обладаетъ заслугой оригинальности, а скорѣе, задолго до него, былъ гораздо лучше развитъ Грэемъ, Брэемъ и другими. Это не мѣшаетъ въ настоящее время въ извѣстныхъ кругахъ грассировать подобной премудрости подъ именемъ „science“. Никогда ни одна школа больше, чѣмъ Прудонова, не носилась со словомъ „science“, такъ какъ

„Wo Begriffe fehlen.
Da stellt zur rechten Zeit ein Wort sich ein“.

особые эквиваленты, а въ формѣ III сообща выражаютъ свою относительную цѣнность въ холстѣ,—завоевалъ исторически извѣстный товаръ—золото. Если мы подставимъ поэтому въ формѣ III товаръ-золото, вмѣсто товара-холста, мы получимъ слѣдующее:

20 арш. холста = 1 сюртукъ = 10 ф. чая = 40 ф. кофе = 1 кварт. пшен. = ½ тонны желѣза = *x* товара A = } 2 унціи золота.

Встрѣчаются существенныя измѣненія при переходѣ отъ формы I къ формѣ II, отъ формы II къ формѣ III. Напротивъ, форма IV не отличается ничѣмъ отъ формы III, кромѣ того, что теперь вмѣсто холста всеобщую форму эквивалента занимаетъ золото. Золото остается въ формѣ IV тѣмъ самымъ, чѣмъ былъ холстъ въ формѣ III,—всеобщимъ эквивалентомъ. Прогрессъ состоитъ лишь въ томъ, что форма непосредственной всеобщей мѣняемости или всеобщая эквивалентная форма окончательно срослась съ специфическою естественною формою товара-золота.

Золото выступаетъ противъ другихъ товаровъ, какъ деньги, потому что оно еще раньше противостояло имъ, какъ товаръ. Подобно всѣмъ прочимъ товарамъ, оно функціонировало также, какъ эквивалентъ, все равно, какъ отдѣльный-ли эквивалентъ въ изолированныхъ мѣновыхъ актахъ, или же какъ особый эквивалентъ на-ряду съ другими товарами—эквивалентами. Мало-по-малу оно начало функціонировать въ болѣе узкихъ или широкихъ кругахъ, какъ всеобщій эквивалентъ. Послѣ того, какъ оно завоевало монополію этого мѣста въ выраженіи цѣнности въ мірѣ товаровъ, оно стало денежнымъ товаромъ, и только съ того момента, когда оно уже сдѣлалось денежнымъ товаромъ, отличается форма IV отъ формы III, или всеобщая форма цѣнности превращается въ денежную форму.

Простое относительное выраженіе цѣнности товара, напр., холста, въ уже, какъ денежный товаръ, функціонирующемъ товарѣ, напр., золотѣ, есть форма цѣны.

Поэтому „форма цѣны“ холста будетъ:

20 арш. холста = 2 унціямъ золота,

или, если монетное наименованіе 2 унцій золота есть 2 ф. стерл., то

20 арш. холста = 2 фунт. стерл.

Трудность пониманія денежной формы ограничивается пониманіемъ всеобщей эквивалентной формы, слѣдовательно, всеобщей формы цѣнности вообще, формы III. Форма III разрѣшается въ обратномъ отношеніи въ форму II, въ развитую форму цѣнности, и ее конести-

тирующій элементъ есть форма I: 20 арш. холста=1 сюртуку, или $x$ товара A = $y$ товара Б. Простая форма товара является поэтому зародышемъ денежной формы.

### 4. Фетишистическій характеръ товара и его тайна.

Товаръ кажется съ перваго взгляда сама собою разумѣющеюся, тривіальною вещью. Анализъ его показываетъ, что онъ—вещь весьма странная, исполненная метафизическихъ тонкостей и теологическихъ брюзжаній. Насколько онъ цѣнность потребительная, въ немъ нѣтъ ничего загадочнаго, разсматриваю-ли я его съ той точки зрѣнія, что онъ своими качествами удовлетворяетъ человѣческія потребности, или съ той, что онъ пріобрѣтаетъ эти качества только подъ видомъ продукта человѣческаго труда. Ясно для чувства, что человѣкъ своею дѣятельностью измѣняетъ формы матерій природы полезнымъ для себя образомъ. Напр., форма дерева измѣняется, когда изъ него дѣлается столъ. Тѣмъ не менѣе столъ остается деревомъ, обыкновенною, чувственною вещью. Но разъ онъ выступаетъ, какъ товаръ, онъ превращается въ чувственно-сверхчувственную вещь. Онъ не только стоитъ ногами на землѣ, но также ставитъ себя по отношенію ко всѣмъ прочимъ товарамъ на голову и развиваетъ изъ своей деревянной головы гораздо болѣе чудесныя причуды, какъ еслибы онъ вдругъ началъ танцовать.

Итакъ, мистическій характеръ товара вытекаетъ не изъ потребительной цѣнности его. Столь же мало вытекаетъ онъ изъ содержанія опредѣленій цѣнности. Во-первыхъ, какъ бы ни были различны полезныя работы или производительныя дѣятельности, составляетъ физіологическую истину, что они суть функціи человѣческаго организма, и что каждая изъ такихъ функцій, каковы бы ни были ея содержаніе и формы, въ существенномъ является расходованіемъ человѣческаго мозга, нервовъ, мускуловъ, органовъ чувствъ и пр. Что лежитъ во-вторыхъ, въ основѣ опредѣленій величины цѣнности, продолжительности ея обнаруженія или количества труда, то количество работы почти осязательно отличается отъ качества ея. При всякихъ обстоятельствахъ, рабочее время, котораго стоитъ производство средствъ существованія, должно было интересовать человѣка, хотя и неравномѣрно на различныхъ ступеняхъ развитія. Въ концѣ концовъ, разъ люди работаютъ какимъ-нибудь образомъ другъ для друга, работа ихъ также принимаетъ общественную форму.

Откуда же происходитъ, такимъ образомъ, загадочный характеръ продукта труда, когда онъ принимаетъ форму товара? Очевидно, изъ этой самой формы. Равенство человѣческихъ работъ получаетъ вещную форму равной вещности цѣнности продуктовъ труда, примѣромѣра обнаруженія человѣческой рабочей силы, благодаря своей продолжительности, принимаетъ форму величины цѣнности продуктовъ

труда и, наконецъ, отношеніе между производителями, которые доказываютъ фактами означенныя общественныя опредѣленія ихъ работъ, пріобрѣтаютъ форму общественнаго отношенія между продуктами труда.

Таинственное въ формѣ товара, слѣдовательно, состоитъ просто въ томъ, что она отражаетъ передъ людьми общественныя черты ихъ собственнаго труда, въ качествѣ вещныхъ чертъ самихъ продуктовъ труда, поэтому также и общественное отношеніе производителей къ совокупной работѣ, какъ общественное отношеніе между предметами, существующее внѣ людей. Благодаря этому *qui pro quo*, товары дѣлаются чувственно-сверхчувственными вещами или вещами общественными. Такъ проявляется впечатлѣніе свѣта на зрительный нервъ не въ качествѣ субъективнаго раздраженія самого зрительнаго нерва, а какъ форма предмета внѣ глаза. Но если смотрѣть, то дѣйствительно свѣтъ бросается отъ одной вещи, внѣшняго предмета, на другую вещь, глазъ. Это—физическое отношеніе между физическими вещами. Напротивъ, форма товара и отношеніе цѣнности между продуктами труда, въ которыхъ она обнаруживается, не имѣютъ ничего общаго съ его физической природой и съ вытекающими изъ нея вещными отношеніями. Это лишь опредѣленное общественное отношеніе самихъ людей, которое здѣсь для нихъ принимаетъ фантасмагорическую форму отношенія вещей. Чтобы найти аналогію для этого, намъ нужно сбѣгать въ туманную страну религіознаго міра. Здѣсь продукты человѣческой головы кажутся одаренными собственною жизнью и находящимися между собою и людьми въ извѣстныхъ отношеніяхъ самостоятельными образованіями. Таковы въ мірѣ товаровъ продукты человѣческой руки. Это авторъ называетъ фетишизмомъ, который пристаетъ къ продуктамъ труда, когда они производятся, какъ товары, и поэтому не раздѣленъ отъ производства товаровъ.

Этотъ фетишистическій характеръ міра товаровъ вытекаетъ, какъ уже показалъ предшествующій анализъ, изъ своеобразнаго общественнаго характера труда, производящаго товары.

Предметы съ потребительною цѣнностью вообще являются товарами, лишь насколько они — продукты независимо одна отъ другой отправляемыхъ частныхъ работъ. Комплексъ этихъ частныхъ работъ образуетъ общественную совокупную работу. Такъ какъ производители входятъ въ общественное соприкосновеніе только при помощи обмѣна своихъ продуктовъ труда, то специфически-общественныя характеристическія черты ихъ частныхъ работъ проявляются только въ этомъ обмѣнѣ. Или частныя работы проявляются въ дѣйствительности, только какъ члены общественной совокупной работы, при помощи отношеній, въ которыхъ обмѣнъ продуктовъ перемѣщаетъ ихъ и посредствомъ ихъ, производителей. Послѣднимъ, поэтому, обще-

ственныя отношенія ихъ частныхъ работъ являются тѣмъ, что они есть, т. е. не непосредственными отношеніями лицъ въ самыхъ ихъ работахъ, а скорѣе очевидными отношеніями лицъ и общественными отношеніями вещей.

Только внутри своего обмѣна продукты труда пріобрѣтаютъ равное общественное качество цѣнности, отдѣленное отъ ихъ чувственно-различныхъ качествъ цѣнности потребительной. Это раздѣленіе продукта труда на полезную вещь и цѣнную вещь проявляется теперь практически, какъ только обмѣнъ пріобрѣлъ достаточное распространеніе и важность, для того, чтобы полезныя вещи были производимы для обмѣна, причемъ характеръ цѣнности вещей былъ бы принимаемъ во вниманіе при самомъ ихъ производствѣ. Съ этого момента частныя работы производителей пріобрѣтаютъ фактически двоякій общественный характеръ. Съ одной стороны, какъ опредѣленныя полезныя работы, онѣ должны удовлетворять опредѣленной общественной потребности и такимъ образомъ являться членами совокупной работы, естественно-выросшей системы общественнаго раздѣленія труда. Съ другой стороны, онѣ удовлетворяютъ только разнообразнымъ потребностямъ собственныхъ производителей, насколько каждая особая полезная частная работа съ каждымъ другимъ родомъ полезной работы можетъ быть обмѣниваема, т. е. считается ея равноцѣнною. Равенство *toto coelo* различныхъ работъ можетъ существовать только въ абстракціи отъ ея дѣйствительнаго неравенства, въ приведеніи къ общему характеру, которымъ онѣ обладаютъ, какъ проявленіемъ рабочей силы, абстрактной человѣческой работы. Мозгъ частнаго производителя отражаетъ этотъ двоякій общественный характеръ ихъ частныхъ работъ опять-таки въ формахъ, которыя проявляются въ практической торговлѣ, въ обмѣнѣ продуктовъ,—общественный же полезный характеръ ихъ частныхъ работъ въ формахъ, что продуктъ работы долженъ быть полезенъ, и притомъ для другихъ, общественный же характеръ равенства разнородныхъ работъ—въ формѣ общаго характера цѣнности этихъ матеріально-различныхъ вещей, продуктовъ работы.

Такимъ образомъ, люди относятъ свои продукты труда не одинъ къ другому, какъ цѣнности, потому что эти вещи кажутся имъ просто вещными скорлупами однороднаго человѣческаго труда. Наоборотъ. Уравнивая свои разнородные продукты одни съ другими, въ обмѣнѣ, какъ цѣнности, они уравниваютъ одну съ другою и свои различныя работы. Они не знаютъ этого, но дѣлаютъ это [1]). Поэтому у

[1]) Когда поэтому Галіани говоритъ, что цѣнность есть отношеніе между лицами,—„La Richezza è una ragione tra due persone“, то онъ долженъ былъ бы прибавить: отношеніе, скрытое подъ вещной оболочкой (Galiani: Della Moneta, p. 220, v. III Custodi's Sammlung, Parte Moderna, Milano. 1801).

цѣнности не написано на лбу, что̀ она такое. Цѣнность скорѣе превращаетъ всякій продуктъ работы въ общественный гіероглифъ. Позже люди ищутъ разгадать смыслъ гіероглифа, придти къ тайнѣ ихъ собственнаго общественнаго продукта, такъ какъ опредѣленіе полезныхъ предметовъ, какъ цѣнностей, есть ихъ общественный продуктъ, подобно языку. Позднее научное открытіе, что продукты труда, насколько они цѣнности, — простыя выраженія затраченнаго на ихъ производство человѣческаго труда, составляетъ эпоху въ исторіи развитія человѣчества, но ни въ какомъ случаѣ не разгоняетъ кажущагося вещнымъ общественнаго характера труда. То, что имѣетъ примѣненіе только къ этой особенной формѣ производства, производства товаровъ, а именно существуетъ, какъ специфическій общественный характеръ независимыхъ одна отъ другой частныхъ работъ въ ихъ равенствѣ, какъ человѣческій трудъ, и принимаетъ форму характера цѣнности продуктовъ труда, — является какъ до того открытія, такъ и послѣ него, для погруженныхъ въ отношенія производства товаровъ, столь же цѣннымъ, какъ и то, что научное разложеніе воздуха на его элементы оставляетъ по прежнему существовать форму воздуха, какъ форму физическаго тѣла.

Что̀ всего прежде практически интересуетъ мѣняльщиковъ продуктовъ, это вопросъ, сколько чужого продукта можетъ онъ получить за свой собственный, иными словами,—въ какихъ пропорціяхъ мѣняются продукты. Когда эти пропорціи дозрѣли до извѣстной обычной прочности, онѣ кажутся вытекающими изъ *природы* продуктовъ труда такъ, что, напр., 1 тонна желѣза и 2 унціи золота равноцѣнны на подобіе того, какъ 1 ф. золота и 1 ф. желѣза, несмотря на ихъ различныя химическія и физическія свойства, одинаково тяжелы. На дѣлѣ характеръ цѣнности продуктовъ труда упрочивается только благодаря ея дѣйствію, какъ величинъ цѣнности. Послѣднія непрерывно колеблются, независимо отъ воли, предвидѣнія и дѣйствій мѣняющихся сторонъ. Ихъ собственное соціальное движеніе обладаетъ для нихъ формою движенія вещей, подъ контролемъ которыхъ стоятъ они, вмѣсто того, чтобы самимъ контролировать ихъ. Нужно полнѣйшимъ образомъ развитое производство товаровъ, прежде даже, чѣмъ изъ опыта вытекаетъ научный взглядъ, что частныя работы, отправляемыя независимо одна отъ другой, но являющіяся естественно-выросшими членами общественнаго раздѣленія труда, будутъ постепенно и всесторонне сводиться отъ зависящихъ одна отъ другой частныхъ работъ къ своей общественно-пропорціональной мѣрѣ, такъ какъ въ случайныхъ и постоянно колеблющихся мѣновыхъ отношеніяхъ ихъ продуктовъ рабочее время, общественно-необходимое на ихъ производство, насильственно пробивается, какъ правящій естественный законъ, когда кому-либо падаетъ черезъ голову домъ. Опре-

дѣленіе величины цѣнности при помощи рабочаго времени есть поэтому, при проявляющихся движеніяхъ относительной цѣнности товаровъ, скрытая тайна. Открытіе ея сбрасываетъ съ нея видъ одного случайнаго опредѣленія величинъ цѣнности продуктовъ труда, но вовсе не ея вещной формы.

Размышленіе о формахъ человѣческой жизни, а также, разумѣется, и научный анализъ ея вообще берутъ путь, противоположный дѣйствительному развитію. Онъ начинаетъ *post festum* и поэтому съ готовыми результатами процесса развитія. Формы, которыя обозначаютъ продукты труда, какъ товары, и поэтому разсчитываютъ на обращеніе въ видѣ товаровъ, обладаютъ уже прочностью естественныхъ формъ общественной жизни, прежде чѣмъ люди пытаются дать себѣ отчетъ не объ историческомъ характерѣ этихъ формъ, который имъ скорѣе кажется неизмѣннымъ, а объ ихъ содержаніи. Такъ, только анализъ товарныхъ цѣнъ повелъ къ опредѣленію величины цѣнности, только обычное денежное выраженіе товаровъ повело къ установленію ихъ характера цѣнности. Но именно эта-то готовая форма, денежная форма міра товаровъ, существенно затемняетъ общественный характеръ частныхъ работъ, а потому и общественныхъ отношеній частныхъ рабочихъ, вмѣсто того, чтобы разъяснить ихъ. Если я говорю, что сюртукъ, сапоги и пр. относятся къ холсту, какъ къ всеобщему воплощенію абстрактной человѣческой работы, то нелѣпость этого выраженія бьетъ въ глаза. Но когда производители сюртука, сапогъ и пр. относятъ свои товары къ холсту, или къ золоту, или къ серебру,— что ничего не мѣняетъ въ дѣлѣ,—какъ ко всеобщему эквиваленту, то отношеніе ихъ частныхъ работъ къ общественной совокупной работѣ является имъ именно къ этой нелѣпой формѣ.

Подобныя-то формы именно и образуютъ категоріи буржуазной экономіи. Это общественно-необходимыя, слѣдовательно, *объективныя* формы мысли для отношеній производства этого исторически опредѣленнаго общественнаго способа производства,—производства товаровъ. Весь мистицизмъ міра товаровъ, все волшебство и привидѣнія его, окружающія туманомъ продуктъ труда на основѣ производства товаровъ, исчезаютъ поэтому немедленно, какъ только мы прибѣгнемъ къ другимъ формамъ производства.

Такъ какъ политическая экономія любитъ робинзонады [1]), то пусть

[1]) Также и Рикардо не безъ своей робинзонады. „Первобытнаго рыбака и первобытнаго охотника“ заставляетъ онъ немедленно, въ качествѣ товаровладѣльцевъ, обмѣниваться рыбою и дичью, въ отношеніи къ рабочему времени, осуществляющемуся въ этихъ мѣновыхъ цѣнностяхъ. По этому случаю онъ впадаетъ въ анахронизмъ, что первобытный рыбакъ и первобытный охотникъ привлекаютъ къ разсчету своихъ рабочихъ инструментовъ ходячія въ 1817 году на лондонской биржѣ таблицы аннуитетовъ. „Параллелограммы господина Оуэна“, кажется, представляютъ единственную общественную форму, которую онъ зналъ, кромѣ буржуазной (Zur Kritik etc., p. 38—39).

появится прежде всего Робинзонъ на своемъ островѣ. Скромный, какъ онъ былъ еще дома, онъ имѣетъ однако, разнородныя потребности для удовлетворенія и поэтому долженъ исполнять разныя полезныя работы, дѣлать орудія, фабриковать мебель, приручать ламу, ловить рыбу, охотиться и пр. О постеляхъ и под. мы здѣсь не говоримъ, такъ какъ нашъ Робинзонъ находитъ въ томъ свое удовольствіе и смотритъ на подобную дѣятельность, какъ на отдыхъ. Несмотря на различіе своихъ производительныхъ функцій, онъ знаетъ, что онѣ образуютъ лишь различныя формы дѣятельности одного и того же Робинзона, т. е. представляютъ лишь различныя формы человѣческой работы. Сама нужда принуждаетъ его распредѣлить свое время въ точности между своими различными функціями. Занимаетъ-ли одна изъ нихъ болѣе, другая менѣе пространства въ его совокупной дѣятельности, зависитъ отъ большей или меньшей трудности, которую слѣдуетъ преодолѣть для достиженія цѣли полезнаго результата. Опытъ учитъ его этому, и нашъ Робинзонъ, который спасъ отъ кораблекрушенія часы, записную книжку, чернила и перо, начинаетъ, какъ добрый англичанинъ, вести о себѣ книгу. Инвентарь его содержитъ обозначеніе предметовъ полезности, обладаемыхъ имъ, различныхъ операцій, требуемыхъ для ихъ производства, наконецъ, рабочее время, котораго ему стоятъ, среднимъ числомъ, опредѣленныя количества этихъ различныхъ продуктовъ. Всѣ отношенія между Робинзономъ и вещами, которыя образуютъ его самодѣльное богатство, до того здѣсь просты и прозрачны, что даже самъ М. Виртъ могъ бы ихъ понять безъ особенныхъ усилій ума.

Перенесемся теперь со свѣтлаго острова Робинзона въ темные европейскіе средніе вѣка. Вмѣсто независимаго человѣка, мы здѣсь находимъ всѣхъ зависимо-крѣпостныхъ и помѣщиковъ, вассаловъ и дателей леновъ, свѣтскихъ и духовныхъ. Личная зависимость характеризуется столько же общественными отношеніями матеріальнаго производства, какъ и построенныхъ на немъ жизненныхъ сферъ. Но именно потому, что личныя отношенія зависимости образуютъ данную общественную основу, рабочіе и продукты не должны принимать здѣсь фантастическаго вида, отличающагося отъ ихъ реальности. Они входятъ въ качествѣ натуральной службы и натуральныхъ повинностей въ общественныя колеса. Естественная форма труда, ея особливость, а не всеобщность, какъ на основѣ производства товаровъ, представляетъ здѣсь непосредственно-общественную форму. Барщина такъ же хорошо измѣряется временемъ, какъ и трудъ, производящій товары, но каждый крѣпостной знаетъ, что онъ обнаруживаетъ на службѣ своего господина опредѣленное количество своего личнаго труда. Оказываемая священнику десятина яснѣе, чѣмъ благословеніе папы. Какъ бы, поэтому, ни были судимы маски характеровъ, въ какихъ здѣсь люди

противостояли другъ другу, общественныя отношенія лишь въ ихъ работахъ проявляются во всякомъ случаѣ, какъ ихъ собственныя, личныя отношенія, и не переодѣты въ общественныя отношенія вещей, продуктовъ труда. Для разсмотрѣнія общей, т. е. непосредственно обобществленной работы, намъ нѣтъ нужды возвращаться къ естественной формѣ ея, которая насъ встрѣчаетъ на порогѣ исторіи каждаго культурнаго народа. Ближе лежащій примѣръ образуетъ поземельно-патріархальная промышленность семейства крестьянъ, которое производитъ для собственнаго потребленія хлѣбъ, скотъ, пряжу, холстъ и платье и пр. Всѣ эти различныя работы, производящія эти продукты, земледѣліе, скотоводство, пряденіе, ткачество, портняжество, въ своей естественной формѣ суть общественныя функціи, потому что онѣ функціи семейства, которое обладаетъ своимъ собственнымъ естественно-возросшимъ раздѣленіемъ труда точно такъ же, какъ и производство товаровъ.

Различія въ полахъ и возрастахъ, какъ равно и въ естественныхъ условіяхъ, мѣняющихся съ перемѣнами временъ года, управляютъ ихъ раздѣленіемъ среди семейства и рабочимъ временемъ отдѣльныхъ его членовъ. Обнаруженіе труда, измѣренное продолжительностью времени, является здѣсь, однако, изъ самаго дома въ качествѣ общественнаго опредѣленія работъ, такъ какъ индивидуальныя рабочія силы уже изъ дома дѣйствуютъ только, какъ совокупные органы рабочей силы семьи.

Представимъ себѣ, наконецъ, для перемѣны, союзъ свободныхъ людей, которые трудятся при помощи общихъ орудій производства и обнаруживаютъ свои многія индивидуальныя силы сознательно, какъ общественную рабочую силу. Всѣ опредѣленія труда Робинзона повторяются здѣсь только общественно, не индивидуально. Всѣ продукты Робинзона были его исключительнымъ личнымъ продуктомъ и потому предметами потребленія для него. Совокупный продуктъ союза есть общественный продуктъ. Но другая часть его потребляется въ видѣ средствъ существованія членами союза. Она должна поэтому быть подраздѣлена между ними. Родъ этого подраздѣленія можетъ измѣняться съ особеннымъ родомъ самаго общественнаго производственнаго механизма и соотвѣтствующей исторической высотой развитія производителей. Только для параллели съ производствомъ товаровъ предположимъ, что часть каждаго производителя жизненныхъ средствъ опредѣляется его рабочимъ временемъ. Рабочее время играло бы при этомъ двоякую роль. Его общественное планомѣрное раздѣленіе регулировало бы правильную пропорцію различныхъ рабочихъ функцій на различныя потребности. Съ другой стороны, рабочее время служитъ также, какъ мѣра индивидуальнаго участія производителя въ общей работѣ и потому также въ индивидуально потребляемой долѣ общаго

продукта. Общественныя отношенія людей къ ихъ работамъ и продуктамъ труда остаются здѣсь прозрачно просты въ производствѣ, какъ и въ распредѣленіи.

Для общества производителей товаровъ, котораго производственное отношеніе состоитъ въ томъ, чтобы относиться къ своимъ продуктамъ, какъ къ товарамъ, т. е. какъ къ цѣнностямъ, и въ этой вещной формѣ относить свои частныя работы одну къ другой, какъ равный человѣческій трудъ, христіанство съ своимъ культомъ абстрактнаго человѣка, именно въ его буржуазномъ развитіи, протестантизмъ, деизмъ и пр., является наиболѣе соотвѣтствующею формою религіи. Въ староазіатскихъ, античныхъ и прочихъ способахъ производства превращеніе продукта въ товары, и вслѣдствіе этого существованіе человѣка, какъ производителя товаровъ, играетъ подчиненную роль, которая, однако, становится тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе общежитіе вступаетъ въ состояніе своего уничтоженія. Собственные торговые народы существуютъ только во внутреннихъ устьяхъ древняго міра, подобно богамъ Эпикура, или какъ евреи въ порахъ польскаго общества. Тѣ старые общественно-производственные организмы необыкновенно проще и прозрачнѣе буржуазнаго, но они покоятся или на незрѣлости индивидуальнаго человѣка, который еще не отдѣлился отъ пуповины естественнаго родового союза съ другими, или на непосредственныхъ отношеніяхъ господства и прислужничества. Они обусловливаются низкою ступенью развитія производительныхъ силъ труда и соотвѣтственно связанными отношеніями людей внутри своего процесса созданія жизни, а поэтому и между собою и къ природѣ. Эта дѣйствительная связанность дѣйствительно отражается во всѣхъ природныхъ и народныхъ религіяхъ. Религіозное отраженіе дѣйствительнаго міра можетъ вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношенія практической рабочей жизни ежедневно представляютъ людямъ разумныя отношенія между собою и съ природой. Образъ общественнаго процесса жизни, т. е. матеріальнаго процесса производства, только тогда сбрасываетъ съ себя свое мистическое туманное покрывало, когда онъ стоитъ, какъ продуктъ свободно сошедшихся въ общество людей, подъ ихъ сознательнымъ и планомѣрнымъ контролемъ. Но для этого требуется матеріальная основа общества, или цѣлый рядъ матеріальныхъ условій существованія, которыя, въ свою очередь, составляютъ естественный продуктъ продолжительной и преисполненной мученій исторіи развитія.

Политическая экономія, правда, хотя и несовершенно [1]), анализировала цѣнность и величину цѣнности и открыла скрытое въ этихъ

[1]) Недостаточное въ анализѣ величины цѣнности *Рикардо*, — а этотъ анализъ одинъ изъ лучшихъ,—увидятъ изъ третьей и четвертой книги настоящаго сочиненія. Что же касается до цѣнности вообще, то классическая экономія нигдѣ

формахъ содержаніе. Она никогда не поставила даже вопроса, почему эта работа въ цѣнности и мѣрило работы въ величинѣ цѣнности представляется при помощи продолжительности ея труда въ величинѣ цѣнности произведеннаго продукта? [1]). Формулы, у которыхъ на лбу написано, что онѣ принадлежатъ къ такой общественной формаціи, въ которой производственный процессъ господствуетъ надъ

не различаетъ выразительно и съ яснымъ сознаніемъ работы, какъ она представляется въ цѣнности отъ той же работы, насколько она представляется въ потребительной цѣнности своего продукта. Она естественно проводитъ различіе фактически, такъ какъ разсматриваетъ работу одинъ разъ количественно, а другой разъ качественно. Но ей не приходитъ на умъ, что простое количественное различіе работъ предполагаетъ ихъ качественное единство или равенство, т. е. ихъ приведеніе къ абстрактному человѣческому труду. *Рикардо*, напр., объявляетъ себя согласнымъ съ *Destutt de Tracy*, когда этотъ говоритъ: „Справедливо, что наши физическія и моральныя способности—единственныя наши первоначальныя богатства, употребленіе этихъ способностей, труда извѣстнаго рода, есть наше первоначальное сокровище, и всегда этимъ употребленіемъ созданы всѣ эти вещи, называемыя нами богатствомъ... Ясно также, что всѣ эти вещи только представляютъ трудъ, который создалъ ихъ, и если онѣ имѣютъ цѣнность или даже двѣ отличныя цѣнности, онѣ могутъ происходить только изъ этой (цѣнности) труда, изъ котораго онѣ вытекаютъ". (*Ricardo*, The Principles of Polit. Econ. 3 ed. Lond. 1821. p. 334). Мы указываемъ лишь на то, что *Рикардо* подкладываетъ *Дестю* свой собственный болѣе глубокій смыслъ. Дестю говоритъ въ дѣйствительности, правда, съ одной стороны, что всѣ вещи, которыя образуютъ богатство, „представляютъ трудъ, который ихъ создалъ", но, съ другой стороны, что онѣ свои „двѣ различныя цѣнности" (потребительную цѣнность и цѣнность) получаютъ отъ „цѣнности труда". Онъ впадаетъ при этомъ въ плоскость вульгарной экономіи, которая предполагаетъ цѣнность товара (здѣсь труда) для того, чтобы сзади опредѣлить цѣнность другого товара. *Рикардо* читаетъ его такъ, что какъ въ потребительной цѣнности, такъ и въ мѣновой представляется работа (не цѣнность работы). Онъ самъ, однако, такъ мало различаетъ двоякій характеръ труда, что въ цѣлой главѣ „Цѣнность и богатство, ихъ отличительныя свойства" съ трудомъ бьется съ тривіальностями какого нибудь *Ж. Б. Сэя*. Въ концѣ онъ, поэтому, совершенно удивленъ, что *Дестю*, правда, гармонируетъ съ нимъ самимъ объ источникѣ цѣнности—трудѣ, а, съ другой стороны все же и съ Сэемъ, относительно понятія о цѣнности.

[1]) Одинъ изъ основныхъ недостатковъ классической политической экономіи тотъ, что ей никогда не удалось изъ анализа цѣнности и спеціальной цѣнности товара выискать форму цѣнности, которая именно дѣлаетъ его мѣновою цѣнностью. Именно въ своихъ лучшихъ представителяхъ, какъ *Ад. Смитъ и Рикардо*, она обращается съ формою цѣнности, какъ съ чѣмъ-то безразличнымъ, или даже чуждымъ природѣ товара. Причина не только та, что ихъ вниманіе совершенно поглощалъ анализъ величины цѣнности. Она лежитъ глубже. Форма цѣнности рабочаго продукта есть отвлеченнѣйшая, но также и самая всеобщая форма буржуазнаго способа производства, которая этимъ характеризуется, какъ особый родъ общественнаго производства и вмѣстѣ съ тѣмъ исторически. Если же признать ее поэтому за вѣчную естественную форму общественнаго производства, то необходимо просматриваются специфическія формы цѣнности, слѣдовательно, формы товара дальше развитой денежной формы, капитальной формы и т. д. Поэтому можно встрѣтить у экономистовъ, которые вполнѣ согдашаются относительно мѣры цѣнности рабочимъ временемъ, самыя пестрыя и противорѣчивѣйшія представленія о деньгахъ, т. е. о готовой формѣ всеобщаго эквивалента. Это поразительно вы-

людьми, а человѣкъ еще не овладѣлъ процессомъ, означаютъ для ея буржуазнаго сознанія столь же само собою разумѣющуюся необходимость природы, какъ и сама производительная работа. До-буржуазныя формы общественнаго производственнаго организма третируются ею поэтому такъ же, какъ третировали отцы церкви до-христіанскія религіи [1]).

ступаетъ, напр., при обсужденіи банковаго дѣла, въ которомъ съ опредѣленіями денегъ, съ характеромъ общихъ мѣстъ, ничего нельзя подѣлать. Въ противорѣчіе возникла поэтому реставрированная меркантильная система (*Гамильтонъ* и т. д.), которая въ цѣнности видитъ только общественную форму или скорѣе ея безсущный знакъ.—Чтобы разъ навсегда замѣтить, авторъ разумѣетъ подъ классической политической экономіей всю экономію со временъ *У. Петти*, которая изслѣдуетъ внутреннюю связь буржуазныхъ производственныхъ отношеній, въ противоположность вульгарной экономіи, которая вертится вокругъ только внутри кажущейся связи, для похвальнаго разъясненія, такъ сказать, грубѣйшихъ феноменовъ и буржуазной домашней потребности, давно уже доставленный научной экономіей матеріалъ постоянно снова пережевываетъ, въ остальномъ же ограничивается тѣмъ, чтобы систематизировать, педантизировать и провозглашать, какъ вѣчную истину, банальныя и самодовольныя буржуазныхъ агентовъ производства.

[1]) „Экономисты имѣютъ странный способъ дѣйствовать. Нѣтъ для нихъ ничего, кромѣ двухъ сортовъ учрежденій.—учрежденія искусства и природы. Учрежденія феодализма—искусственныя, учрежденія буржуазіи — естественныя. Они походятъ въ этомъ на теологовъ, которые, въ свою очередь, установляютъ два сорта религій. Всякая религія, которая не ихъ, есть выдумка людей, тогда какъ ихъ собственная религія есть истеченіе отъ бога. Такимъ образомъ, была исторія, но ея нѣтъ болѣе". (*K. Marx*, „Misère de la philosophie". 1847, p. 113). Истинно чуденъ г. *Бастіа*, который вообразилъ себѣ, что древніе греки и римляне жили только грабежомъ. Если же многія столѣтія жить грабежомъ, то постоянно должно что-нибудь оставаться для грабежа, или предметъ грабежа долженъ постоянно воспроизводиться. Поэтому кажется, что также и греки, и римляне имѣли производственной процессъ, слѣдовательно экономію, которая образовывала совершенно такую же матеріальную основу ихъ міра, какъ буржуазная экономія—основу нынѣшняго міра. Или, быть можетъ, *Бастіа* думаетъ, что способъ производства, покоящійся на рабской работѣ, покоится на системѣ грабежа? Онъ становится тогда на опасную почву. Если исполинъ мысли, какъ *Аристотель*, въ своемъ уваженіи къ рабской работѣ заблуждался, то почему долженъ быть правъ карликъ-экономистъ *Бастіа* въ своемъ почитаніи наемной работы?—Авторъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы вкратцѣ отбросить возраженіе, которое было ему сдѣлано при появленіи его сочиненія „Zur Kritik etc. 1859", одною нѣмецко-американскою газетою. Она говорила, что взглядъ автора, что опредѣленный способъ производства и каждый разъ соотвѣтствующія ему отношенія производства, короче, „экономическая структура общества—есть реальная основа, на которой поднимается политическая и юридическая надстройка и которой соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы сознанія", что „способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ соціальный, политическій и умственный процессъ вообще",—все это, правда, совершенно вѣрно для нынѣшняго міра, гдѣ господствуютъ матеріальные интересы, но не для среднихъ вѣковъ, гдѣ господствовалъ католицизмъ, не для Аѳинъ и Рима, гдѣ преобладала политика. Прежде всего странно, что нѣкто желаетъ предполагать, будто всѣ эти повсюду въ мірѣ извѣстные способы рѣчи о среднихъ вѣкахъ и объ античномъ мірѣ остались еще кому-нибудь неизвѣстны. Дѣло настолько ясно, что средніе вѣка не могли жить отъ католицизма, а древній міръ отъ политики. Родъ и способъ, какъ про-

Насколько одна часть экономіи была обманута приклееннымъ къ міру товаровъ фетишизмомъ или предметнымъ знакомъ общественныхъ опредѣленій труда, доказываетъ, между прочимъ, скучный и нелѣпый споръ о роли природы въ образованіи мѣновой цѣнности. Такъ какъ мѣновая цѣнность есть опредѣленный общественный способъ выражать трудъ, затраченный на вещь, то она не можетъ содержать болѣе матеріи природы, чѣмъ какой-нибудь вексельный курсъ.

Такъ какъ форма товара есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазнаго производства, вслѣдствіе чего она рано выступила, хотя не тѣмъ же господствующимъ, а также характерическимъ образомъ, какъ въ настоящіе дни, то ея характеръ фетиша еще относительно легко проникнуть мыслью. При болѣе конкретныхъ формахъ исчезаетъ даже самый видъ простоты. Откуда иллюзіи меркантильной системы? Она не смотрѣла на золото и серебро, что они въ качествѣ денегъ представляютъ общественное производственное отношеніе, а смотрѣла на нихъ въ формѣ естественныхъ вещей съ странными общественными качествами. А новѣйшая экономія, которая смотритъ свысока на монетную систему,—развѣ ея фетишизмъ не осязателенъ, когда она разсуждаетъ о капиталѣ? Какъ давно исчезла физіократическая иллюзія, что поземельная рента растетъ изъ земли, а не изъ общества?

Но чтобы не нападать заранѣе, достаточно здѣсь одного примѣра относительно самой формы товаровъ. Еслибы товары могли говорить, то они сказали бы: наша потребительная цѣнность можетъ интересовать человѣка. Къ намъ, какъ къ вещамъ, она не подходитъ. Что же къ намъ подходитъ вещно—это наша цѣнность. Наша собственная торговля, какъ товарами, доказываетъ это. Мы относимся только какъ мѣновыя цѣнности одинъ къ другому. Пусть послушаютъ, какъ говоритъ экономистъ изъ души товара: „Цѣнность (мѣновая) есть свойство вещей, богатство (потребительная цѣнность) – свойство человѣка. Цѣнность въ этомъ смыслѣ необходимо включаетъ обмѣнъ, богатства — нѣтъ“. („Observations on some verbal disputes in Politic. Econ. etc. Lond. 1821“. p. 16). „Богатство (потребительная цѣнность) есть аттрибутъ человѣка цѣнность—аттрибутъ товаровъ. Человѣкъ или общежитіе богато: жемчугъ или алмазъ исполненъ цѣнности... Жемчуги или алмазы имѣютъ цѣнность, какъ жемчугъ или алмазъ“ (ib. 165). До сихъ поръ еще никакой химикъ не открылъ въ жемчугѣ или въ алмазѣ мѣновой цѣнности. Экономическіе открыватели этой химической суб-

живали они на свѣтѣ, наоборотъ, опирается на то, почему тамъ политика, здѣсь католицизмъ играли главную роль. Впрочемъ, не нужно много знакомства, напр., съ исторіей римской республики для того, чтобы знать, что исторія поземельной собственности образуетъ ея тайную исторію. Съ другой стороны, уже Донъ-Кихотъ покаялся въ томъ, что онъ считалъ странствующее рыцарство одинаково подходящимъ ко всѣмъ экономическимъ сторонамъ общества.

станціи, которые имѣютъ особенное требованіе на критическую глубину, находятъ, однако, что потребительная цѣнность вещей независима отъ ихъ вещныхъ свойствъ, тогда какъ цѣнность подходитъ къ нимъ, какъ къ вещамъ. Что они здѣсь утверждали,—странное обстоятельство, что *потребительная цѣнность* вещей реализируется для человѣка *безъ обмѣна*, слѣдовательно, въ непосредственномъ отношеніи между вещью и человѣкомъ, *цѣнность* же ихъ, напротивъ, только въ *обмѣнѣ*, т. е. въ общественномъ процессѣ. Кто не вспомнитъ здѣсь о добромъ *Догберри*, который поучалъ ночного сторожа *Сиколя* такъ: „Быть хорошо выглядывающимъ человѣкомъ есть даръ обстоятельствъ, но читать и писать приходитъ отъ природы".

Это вполнѣ точное изложеніе содержанія первой главы сочиненія „Капиталъ", значительно измѣненной во второмъ изданіи 1873 года, которымъ пользуемся мы, содержитъ въ себѣ во всей полнотѣ изображеніе наиболѣе существенныхъ чертъ ученія автора о цѣнности и объ общихъ свойствахъ денегъ. Своеобразный языкъ и довольно сжатый способъ выраженія въ значительной степени затрудняли пониманіе его мыслей въ первомъ изданіи сочиненія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вели даже къ обвиненію автора въ томъ, что онъ употребляетъ по отношенію къ цѣнности метафизическіе способы изслѣдованія. Обвиненіе это кажется намъ несправедливымъ, такъ какъ Марксъ въ ученіи о формахъ цѣнности и денегъ говоритъ не отъ собственнаго своего имени, а отъ имени всего буржуазнаго общества, которое смотритъ на этотъ предметъ не только съ метафизической, но даже съ фетишистической точки зрѣнія, т. е., приписывая матеріи и силамъ внѣшняго міра человѣческія качества. Относительно своего метода Марксъ самъ высказывается достаточно опредѣленно въ томъ смыслѣ, что этотъ методъ есть діалектическій, который не только отличается отъ метода Гегеля, но даже вполнѣ противоположенъ съ нимъ (см. „Послѣсловіе" ко 2-му изданію „Капитала"). Для Гегеля процессъ мысли, говоритъ онъ, который Гегель даже превращаетъ подъ именемъ идеи въ самостоятельный субъектъ, есть Деміургъ дѣйствительности, образующій только внѣшнее проявленіе означеннаго субъекта. Для Маркса же, наоборотъ, самая идея есть не что иное, какъ пересаженная въ человѣческую голову и переведенная здѣсь матеріальная дѣйствительность. Та мистификація, которой подвергается діалектическій методъ Гегеля, нисколько не препятствуетъ тому, что онъ первый представилъ подробно и сознательно общія формы этого метода. Послѣдній стоитъ у него на головѣ. Для открытія раціональнаго зерна подъ мистической оболочкой необходимо его перевернуть и поставить на ноги. Въ своей мистической формѣ діалектика была у нѣмцевъ модою, потому что имѣла видъ разъясненія дѣйствительности. Въ своемъ раціональномъ видѣ она сердитъ и наводитъ ужасъ

на буржуазію и ея доктриперовъ-ораторовъ, потому что она въ положительное пониманіе существующаго включаетъ также и пониманіе его отрицанія и необходимой гибели, обнимаетъ каждую осуществившуюся форму въ теченіе движенія, т. е. и съ ея преходящей стороны, и не дастъ ничему надъ собой господствовать, будучи, по самой своей сущности, критическою и преобразующею. Исполненное противорѣчій движеніе капиталистическаго общества дѣлаетъ себя для практическаго буржуа всего поразительнѣе чувствительнымъ въ случаяхъ перемѣнъ періодическаго цикла, пробѣгаемаго новѣйшею промышленностью, верховный пунктъ котораго — всеобщій кризисъ. Кризисъ этотъ снова на пути впередъ (писано въ январѣ 1873 г.), хотя еще только въ предварительныхъ стадіяхъ, и, при помощи всесторонности своей сцены, какъ равно и при помощи интенсивности своего дѣйствія, онъ вбарабанитъ діалектику даже самымъ грибамъ счастья новой священной прусско-германской имперіи. — Возвращаясь къ способу изложенія Маркса, мы должны замѣтить, что способъ этотъ значительно упрощенъ въ этой главѣ во второмъ изданіи и не представляетъ больше никакихъ затрудненій.

---

Повторимъ теперь для большей ясности общій ходъ аргументаціи автора о происхожденіи цѣнности, о формахъ цѣнности и о генезисѣ денежнаго обмѣна въ болѣе простой и понятной формѣ изложенія, насколько она намъ доступна, при содѣйствіи того условія, чтобы мысли автора въ ней передавались вѣрно. Къ этому очерку мы присоединимъ еще краткое изложеніе и оцѣнку ученія К. Маркса о различныхъ функціяхъ нынѣшнихъ денегъ.

Напервыхъ ступеняхъ общественно-экономическаго развитія, внутри отдѣльной, замкнутой общины вся совокупность отношеній производителей къ своимъ работамъ запечатлѣна характеромъ полнѣйшей простоты и цѣльности. Подобная община, какъ мы знаемъ, является въ одно и то же время и производителемъ, и потребителемъ своихъ продуктовъ, весь разнородный трудъ ея сочленовъ имѣетъ назначеніемъ удовлетвореніе ея же собственныхъ потребностей. Понятно, что на этомъ основаніи различіе между специфически-полезнымъ и просто человѣческимъ трудомъ еще не успѣваетъ здѣсь возникнуть: каждый отдѣльный видъ труда одновременно является для всѣхъ и каждаго и специфическимъ, и человѣческимъ трудомъ, и это несмотря на то, что раздѣленіе труда въ общинѣ уже имѣетъ нѣкоторое значеніе. Не менѣе легко понять, что именно поэтому всѣ отношенія между членами общины суть непосредственныя отношенія ихъ работъ, помимо всякаго вмѣшательства понятія о предметахъ, въ которыхъ осуществляются эти работы. Но съ возникновеніемъ и развитіемъ обмѣна въ точкахъ соприкосновенія двухъ общинъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и раздѣленія труда между общинами, указанныя выше от-

ношенія подвергаются весьма существенному преобразованію. Прежде всего, по мѣрѣ упроченія производительныхъ силъ и производства предметовъ исключительно для обмѣна, прежнее цѣльное и простое воззрѣніе общины и отдѣльныхъ ея членовъ на свои работы начинаетъ мало-по-малу раздваиваться и усложняться. Желая отдать себѣ отчетъ въ своихъ потребностяхъ и въ средствахъ къ ихъ удовлетворенію, при существованіи хотя бы и первоначальнаго обмѣна, община ужъ не можетъ оставаться при одномъ своемъ собственномъ трудѣ, она необходимо и неизбѣжно станетъ думать о послѣднемъ не иначе, какъ *въ связи* съ чужимъ трудомъ, который ей даютъ въ обмѣнъ за ея трудъ. Такимъ образомъ уже по одной этой причинѣ въ ея экономическихъ понятіяхъ происходитъ извѣстная перетасовка. Но это еще не все. Съ возникновеніемъ обмѣна между различными *продуктами* на мѣсто прежнихъ непосредственныхъ отношеній между отдѣльными работами становятся въ глазахъ общины какія-то мистическія отношенія между самими произведеніями работъ, матеріализированныя отношенія послѣднихъ. Естественно, что подъ вліяніемъ этого процесса экономическія воззрѣнія общины запутываются и усложняются въ сильнѣйшей степени. Присмотримся, поэтому, поближе къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя постепенно происходятъ въ нихъ по мѣрѣ установленія и распространенія мѣновыхъ сношеній.

Представимъ себѣ,—какъ это и дѣйствительно бываетъ, когда обмѣнъ произведеній принимаетъ характеръ мало-мальски постоянный,—что община обмѣниваетъ одно какое-нибудь *свое* произведеніе, напр. воскъ, на одно *чужое*—соль. Пониманіе тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ въ подобномъ единичномъ мѣновомъ актѣ, представляетъ всего больше затрудненій. Тутъ содержится въ зародышѣ вся совокупность дальнѣйшихъ отношеній, — до денежнаго отношенія включительно, — порождаемыхъ развитіемъ обмѣна. Отсюда можно видѣть, что если намъ удастся составить себѣ ясное понятіе о тѣхъ особенностяхъ, которыми отличается одинъ изъ первоначальныхъ актовъ обмѣна, то тѣмъ самымъ мы уравняемъ себѣ путь къ дальнѣйшему анализу.—Извѣстный спеціальный трудъ общины, который содержится теперь въ ея продуктѣ—воскѣ, теряетъ *для нея* полезное значеніе и въ то же время становится полезнымъ для посторонннихъ потребителей его, владѣльцевъ соли. И, наоборотъ, полезное значеніе для общины пріобрѣтаетъ спеціальный трудъ, содержащійся въ соли и предлагаемый въ обмѣнъ за воскъ. Но хотя такимъ образомъ трудъ, заключающійся въ воскѣ, и утратилъ для общины свой специфическій характеръ, однако же, извѣстное значеніе онъ сохранилъ и для нея. Община превосходно знаетъ, что не располагай она трудомъ полезнымъ для другихъ, то не видать ей и труда чужого, имѣющаго назначеніемъ удовлетворять ея потребности. Поэтому пошед-

шій на изготовленіе воска трудъ естественно становится съ теченіемъ времени въ глазахъ общины трудомъ отвлеченнымъ, общимъ, пригоднымъ для нея самой настолько, насколько служитъ средствомъ для доставленія ей полезнаго труда въ продуктѣ другой общины. Легко понять, что съ точки зрѣнія общины, дающей въ обмѣнъ соль, всѣ эти отношенія являются въ обратномъ видѣ. Итакъ, отнынѣ трудъ каждой изъ обмѣнивающихся сторонъ пріобрѣтаетъ двоякій характеръ: труда отвлеченнаго, полезнаго для общества, и труда непосредственнаго, полезнаго для индивидуальныхъ личностей этого общества. Въ значеніи *конкретнаго* труда работы, содержащіяся въ продуктахъ нашихъ двухъ общинъ, воска и соли,—*неодинаковы*, въ значеніи же отвлеченнаго труда, онѣ *равны*.

Таковы реальныя черты первоначальнаго обмѣна, служащія основой тѣхъ понятій, которыя составляются объ немъ людьми. Но благодаря вмѣшательству предполагаемыхъ *вещественныхъ* соотношеній между идущими въ обмѣнъ работами, указанная нами дѣйствительность облекается въ умахъ людей въ своеобразныя фетишистическія формы. Вниманіе вступающихъ въ обмѣнъ сторонъ сосредоточивается не на самомъ трудѣ, а на матеріализаціи труда—продуктѣ, вслѣдствіе того они убѣждены, что самый воскъ мѣняется на соль, а не спеціальный трудъ производителя воска мѣняется на спеціальный трудъ производителя соли. Неудивительно поэтому, что люди, ведущіе обмѣнъ, помянутыя характеристическія черты труда въ его различныхъ положеніяхъ переносятъ на самые продукты. На этомъ основаніи община, отчуждающая воскъ, приписываетъ этому послѣднему въ его конкретномъ видѣ—значеніе *цѣнности потребленія* по отношенію къ владѣльцу соли и называетъ соль такимъ же свойствомъ по отношенію къ себѣ. По этой же причинѣ она спѣшитъ придать своему воску свойство *цѣнности*, т. е. такое свойство, которое дѣлаетъ воскъ *равнымъ* себѣ, пригоднымъ для обмѣна на нее. До сихъ поръ намъ еще не трудно подъ маской цѣнности и цѣнности потребленія признать старыхъ знакомыхъ, трудъ общечеловѣческій и трудъ полезный. Но дальнѣйшая перетасовка отношеній и понятій сильнѣе затемняетъ сущность дѣла. Цѣнность воска есть только вещественное наименованіе потраченнаго на воскъ труда. Но воскъ не только оказывается потенціально пригоднымъ для обмѣна, онъ фактически идетъ въ обмѣнъ за соль. При этомъ цѣнность воска естественно является уже не въ абсолютномъ видѣ, а въ видѣ мѣнового *отношенія* двухъ продуктовъ, *мѣновою цѣнностью* продукта воска, выраженною въ *цѣнности потребленія* продукта соли, въ числѣ пудовъ и фунтовъ послѣдняго. Но, несмотря на это измѣненіе въ понятіи цѣнности, она и въ этомъ новомъ видѣ считается владѣльцемъ воска за *свойство* самого отчуждаемаго имъ продукта. И вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію вла-

дѣльца воска, предполагаемыя *отношенія* его цѣнности и цѣнности потребленія къ продукту или къ его владѣльцу, являются ничѣмъ инымъ, какъ объективнымъ аттрибутомъ, служащимъ для характеристики продукта воска. Являясь обладателемъ двухъ предполагаемыхъ свойствъ, мѣновой цѣнности и цѣнности потребленія для другихъ,— воскъ получаетъ значеніе *товара*.

Мы предполагали до сихъ поръ, что взаимныя отношенія двухъ обмѣнивающихся общинъ, хотя и противоположны между собою, но въ то же время сходны во всѣхъ существенныхъ чертахъ. Говоря нѣсколько иначе, мы допускали, что каждая община приписываетъ одни и тѣ же свойства своему товару, въ отличіе отъ тѣхъ, какія придаетъ чужому. По отношенію къ изучаемому нами единичному первоначальному обмѣну предположеніе наше совершенно справедливо. Между отдѣльными владѣльцами товаровъ здѣсь только и существуетъ то различіе, что они придаютъ одному и тому же товару, смотря по принадлежности его, противоположное значеніе. Но впослѣдствіи дѣло принимаетъ иной характеръ, а именно взаимныя отношенія контрагентовъ по поводу мѣняемыхъ предметовъ становятся не одинаковы и даже не исключаются одно другимъ. Чтобы отдать себѣ отчетъ въ этомъ процессѣ, присмотримся внимательнѣе къ тѣмъ воззрѣніямъ, какія возникаютъ по операціи первоначальнаго обмѣна въ умѣ одной изъ нашихъ мѣняющихся сторонъ. покамѣстъ все равно, какой.

Если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія владѣльца воска, то воску очевидно будетъ принадлежать активная, а соли пассивная роль въ мѣновомъ актѣ. Воскъ изображаетъ свою цѣнность въ соли, а соль является не болѣе, какъ матеріаломъ для этой операціи ума. Соль представляется въ извѣстномъ *количественномъ* смыслѣ чѣмъ-то равнымъ воску и только потому берется за него въ обмѣнъ. Для разъясненія этого можно прибѣгнуть къ слѣдующему примѣру. Голова сахару имѣетъ тяжесть или вѣсъ, но опредѣлить этотъ вѣсъ *безотносительно* не представляется возможности. Для этого берутся различные куски желѣза, вѣсъ которыхъ заранѣе опредѣленъ и принимается за единицу. Чтобы выразить голову сахара, какъ тяжесть или вѣсъ, мы ставимъ сахаръ въ *вѣсовое отношеніе* къ желѣзу. Въ этомъ отношеніи желѣзо играетъ роль тѣла, которое не отличается *никакими другими свойствами*, кромѣ вѣса. Поэтому количество желѣза служитъ вѣсовою мѣрою сахара, изображеніемъ тяжести послѣдняго. Еслибы тяжесть не была общимъ свойствомъ той и другой вещи, то между ними не могло бы быть такого отношенія, и желѣзо не могло бы тогда служить изображеніемъ вѣса сахара. Если мы положимъ обѣ вещи на чашки вѣсовъ, то мы дѣйствительно увидимъ, что въ смыслѣ тяжести они *одно и то же* и потому въ извѣстной пропорціи бываютъ также

равнаго вѣса. Совершенно такъ же, какъ здѣсь желѣзо выражаетъ по отношенію къ головѣ сахара *только вѣсъ*, какъ въ нашемъ мѣновомъ уравненіи соль является по отношенію къ воску *только цѣнностью*, которой и служитъ выраженіемъ

Итакъ, мы видимъ теперь ясно, что положеніе двухъ обмѣниваемыхъ вещей въ глазахъ владѣльца воска является существенно различнымъ. Иниціатива для него исходитъ отъ воска, тогда какъ соли придается второстепенное значеніе. Но подобное различіе между двумя предметами вначалѣ бываетъ чисто случайно. Еслибы, вмѣсто соли, на воскъ вымѣнивались ножи, копья или ткани, то каждый изъ этихъ предметовъ безразлично служилъ бы для изображенія мѣновой цѣнности соли оказывался бы равнымъ съ нею по отношенію къ свойству цѣнности. Не менѣе понятно, что при замѣщеніи воска солью или какимъ-нибудь другимъ однимъ предметомъ, на первомъ планѣ находится ихъ качественное сходство, какъ цѣнностей, а не количественное отношеніе между ними. Такъ точно прежде, чѣмъ взвѣшивать какое-нибудь тѣло и приводить въ извѣстность его вѣсъ, необходимо убѣдиться въ томъ, что тѣло, предназначаемое для изображенія вѣса, само имѣетъ вѣсъ.

Но вотъ въ обмѣнъ за воскъ уже начинаетъ предлагаться не одна лишь соль, какъ прежде, а множество другихъ товаровъ,—копья, стрѣлы, гамаки, волчьи шкуры и браслеты. Спрашивается, какъ измѣняются при этомъ предполагаемыя отношенія воска? Теперь особенности положенія воска будутъ повторены большое число разъ. По отношенію къ владѣльцу воска его товаръ выражаетъ теперь свою цѣнность либо въ соли, либо въ копьяхъ, либо въ стрѣлахъ и т. п. Въ первомъ случаѣ опредѣленное количественное отношеніе между воскомъ и солью, какъ, напр., между 1 пудомъ воска и 20 пудами соли, могло еще казаться фактомъ болѣе или менѣе случайнымъ. Во второмъ случаѣ это не такъ. Здѣсь цѣнность воска остается одинаковой по величинѣ, все равно, выражается-ли она въ соли, въ копьяхъ, въ стрѣлахъ и т. д. Случайное отношеніе двухъ индивидуальныхъ владѣльцевъ товара исчезаетъ. Становится очевиднымъ, что *не обмѣнъ опредѣляетъ размѣръ цѣнности товара, а наоборотъ, размѣръ цѣнности товара регулируетъ его мѣновыя отношенія*. Но это еще не все. Въ *первомъ* случаѣ соль являлась матеріаломъ для изображенія цѣнности воска, или, что одно и то же, труда, принявшаго видъ воска. Такимъ образомъ трудъ, содержавшійся въ воскѣ, былъ приравненъ къ труду, заключенному въ соли, какъ однородный съ нимъ человѣческій трудъ. Но это приравненіе было еще довольно смутно. Работа, заключенная въ воскѣ, приравнивалась при этомъ *только* работѣ, содержавшейся въ соли. Иначе во *второмъ* случаѣ. Здѣсь трудъ, истраченный на изготовленіе воска, вступаетъ въ отношеніе съ безконеч-

нымъ множествомъ спеціально-полезныхъ работъ, заключающихся въ другихъ товарахъ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ цѣнность воска впервые является дѣйствительною матеріализаціею человѣческаго труда вообще.

Мы знаемъ, что различіе положеній двухъ мѣняющихся сторонъ въ первомъ случаѣ существеннаго значенія не имѣло. Но съ появленіемъ множества товаровъ, предлагаемыхъ въ обмѣнъ за воскъ, порядокъ дѣла измѣняется. Чтобы понять, въ чемъ заключается такое измѣненіе, перенесемся на точку зрѣнія владѣльцевъ копій, стрѣлъ, браслетовъ и т. п. Для каждаго изъ нихъ одинъ и тотъ же товаръ—воскъ—служитъ изображеніемъ цѣнности ихъ спеціальнаго товара. Въ такихъ предѣлахъ отношеніе ихъ къ воску такое же, какое было бы у владѣльца соли. Но дѣло въ томъ, что теперь воскъ является уже не единичнымъ, а общимъ изображеніемъ цѣнности для всѣхъ товаровъ. На этомъ основаніи между всѣми прочими товарами возникаетъ теперь качественное сходство, которое даетъ возможность проводить между ними извѣстное сравненіе. Всѣ товары являются теперь подъ видомъ цѣнностей и продолжаютъ различаться только съ количественной стороны.

Во второмъ случаѣ отношеніе воска къ другимъ товарамъ было таково, что послѣдніе являлись въ видѣ особаго изображенія содержащагося въ немъ труда. Каждый изъ товаровъ равнялся воску порознь, служилъ особеннымъ эквивалентомъ для него. Но въ *третьемъ* случаѣ *одинъ* товаръ является эквивалентомъ для всѣхъ прочихъ, пріобрѣтаетъ объединительное значеніе по отношенію къ нимъ. Это совершенно все равно, какъ еслибы рядомъ со львами, тиграми, зайцами и всѣми другими дѣйствительно существующими животными, которыя группируются въ различные роды, виды, разновидности, семейства, существовало бы еще животное,—индивидуальная матеріализація всего царства животныхъ. Такимъ-то образомъ тотъ спеціальный трудъ, который заключается въ воскѣ, пріобрѣтаетъ теперь значеніе человѣческаго или общаго труда, объединителя различныхъ видовъ человѣческой работы.

Съ тѣхъ поръ становится нѣсколько не безразличнымъ то обстоятельство,—воскъ-ли или какой-нибудь другой товаръ окажется всеобщимъ изображеніемъ цѣнности. Значеніе объединителя приписывается исключительно какому-нибудь *одному* опредѣленному труду. И, наоборотъ, значеніе спеціальнаго труда, которому предстоитъ еще объединиться съ другими видами послѣдняго, предоставляется на долю всѣхъ работъ, кромѣ одной работы. Мѣняться этими двумя значеніями, смотря по принадлежности и положенію товара и труда, становится уже невозможно. Мало этого. Мы видимъ, что, относя различные товары къ одному владѣльцу, владѣльцы ихъ пріобрѣтаютъ этимъ

способъ и для взаимнаго сравненія своихъ товаровъ. Но отношеніе между этими товарами, какъ между равными по цѣнности, осуществляется только указаннымъ окольнымъ путемъ. Поэтому товары не могутъ вымѣниваться одинъ на другой *непосредственно*, ихъ можно замѣщать одинъ другимъ при помощи исключительно товаро-объединителя. Напротивъ, товаро-объединитель въ отличіе отъ всѣхъ другихъ товаровъ пріобрѣтаетъ свойство обмѣниваться непосредственно на что угодно [1]). Эти взаимныя положенія всѣхъ товаровъ и одного товара естественно исключаютъ одно другое,—какой-нибудь одинъ товаръ обмѣнивается *непосредственно* лишь потому и настолько, почему и насколько всѣ другіе товары обмѣниваются лишь *посредственно*. Въ дѣйствительности вовсе не замѣтно, чтобы свойство одного товара непосредственно сливалось съ противоположнымъ свойствомъ всѣхъ другихъ товаровъ мѣняться лишь посредственно настолько же нераздѣльно, какъ немыслимъ положительный полюсъ магнита безъ отрицательнаго. Поэтому можно вообразить, какъ это и дѣлали многіе писатели, что есть возможность сообщить всѣмъ товарамъ способность къ непосредственному обмѣну, совершенно такъ же, какъ можно вообразить возможность превращенія всѣхъ рабочихъ въ капиталистовъ или всѣхъ подданныхъ въ короля. На самомъ дѣлѣ нельзя достигнуть ни того, ни другого. Превращеніе всѣхъ рабочихъ въ капиталистовъ означало бы не больше, какъ уничтоженіе категоріи рабочихъ и категоріи капиталистовъ. Непосредственный обмѣнъ товаровъ могъ бы водвориться не прежде, какъ по уничтоженіи категоріи товаровъ и категоріи денегъ, а слѣдовательно и производства тѣхъ и другихъ. Подъ вліяніемъ раздѣленія въ обществѣ труда ни одна частная работа не носитъ непосредственно общечеловѣческаго, общественнаго характера. Чтобы пріобрѣсти этотъ характеръ, чтобы принести взамѣнъ себя другую, отличную полезную работу, всѣ частныя работы должны приравниваться къ одному исключительному виду частнаго труда, въ нашемъ примѣрѣ—труда изготовителя воска. Черезъ это послѣдній становится непосредственно-общественнымъ трудомъ, непосредственно-общественною полезностью [2]). Съ той точки зрѣнія, на которой мы находимся въ настоящую минуту, товаръ-объ-

[1]) „Все можно купить за деньги“, „все мое, сказало злато“, вотъ какъ отражается въ умахъ людей возведеніе ими самими одного товара въ деспотическое начальство надъ всѣми другими, о которомъ, скажемъ кстати, большинство экономистовъ, считающее деньги почти за ничто, абсолютно лишено всякаго понятія. *Авт.*

[2]) Та же мысль, только иными словами, была превосходно выражена Кирхманомъ въ его письмахъ къ Родбертусу (см. Rodbertus-Jagetzow, Zur Beleuchtung der socialen Frage, 21): „деньги суть товаръ, который можетъ *купить* всѣ другіе товары; каждый другой товаръ не можетъ этого. Поэтому способность потребленія, покупная сила достигнута лишь на половину при помощи собственныхъ продук-

единитель не принялъ еще окончательнаго вида. Въ *первомъ* случаѣ и воскъ, и соль служили взаимно для изображенія цѣнности, смотря по положенію обмѣнивающихся сторонъ. Значеніе единицы для сравненія имѣло здѣсь характеръ чисто субъективный. Во *второмъ* случаѣ, по отношенію къ воску, въ положеніи подобныхъ единицъ находится безчисленное множество другихъ товаровъ. Но и здѣсь замѣтна значительная субъективность. Владѣлецъ воска самъ выключаетъ всѣ товары, чтобы они служили матеріаломъ для выраженія цѣнности его товара. Въ *третьемъ* случаѣ одинъ товаръ—воскъ—выключается изъ среды всѣхъ товаровъ и становится объединителемъ ихъ цѣнности. Выключеніе представляетъ здѣсь процессъ, независимый отъ одного владѣльца, говоря иначе,—процессъ объективный. Поэтому въ историческомъ развитіи обмѣна товаровъ роль товара-объединителя можетъ попеременно придаваться то одному товару, то другому. Но ни одинъ товаръ не можетъ играть роли дѣйствительнаго всеобщаго объединителя, если включеніе его не представляетъ результата объективнаго общественнаго процесса.

Продукты частнаго труда не могутъ функціонировать въ мѣновомъ процессѣ въ качествѣ товаровъ, если они не представляютъ выраженій того же одинаковаго человѣческаго труда. А для этого необходимо, чтобы выключеніе ограничилось однимъ какимъ-либо спеціальнымъ родомъ труда. Только съ этого момента отношенія къ нему частныхъ работъ пріобрѣтаютъ объективную стойкость и всеобщее общественное значеніе. Тогда спеціальный родъ товара дѣлается *денежнымъ товаромъ* или играетъ роль денегъ. Эта роль, т. е. роль всеобщаго товара, товара-объединителя, дѣлается его спеціальною общественною функціею, его общественною монополіею. Это привилегированное мѣсто среди товаровъ завоевалъ себѣ историческимъ путемъ опредѣленный товаръ, *золото*. Но золото только на томъ основаніи пріобрѣтаетъ значеніе денегъ по отношенію къ другимъ товарамъ, что оно прежде было по отношенію къ нимъ простымъ товаромъ. Подобно всѣмъ другимъ товарамъ, оно играло роль изображенія ихъ цѣнности, сначала единично *(первый случай)*, впослѣдствіи рядомъ со множествомъ товаровъ *(второй случай)* и, наконецъ, подъ видомъ всеобщаго товара *(третій случай)*.

Итакъ, мы видимъ, что въ единичномъ актѣ содержится въ зародышѣ понятіе денегъ, какъ всеобщаго товара, и что выключеніе денегъ и предоставленіе имъ особой роли, качественно отличной отъ другихъ товаровъ, есть не что иное, какъ процессъ *генетическаго развитія обмѣна*.

---

товъ; другое, равнонеобходимое, условіе для этого то, чтобы эти продукты *предварительно* были проданы. Въ этомъ второмъ условіи заключается въ настоящее время далеко больше трудностей, чѣмъ въ первомъ, и это-то просмотрѣлъ Сэй".

Изъ всего только что сказаннаго само собою слѣдуетъ, что деньги составляютъ вполнѣ необходимый и неизбѣжный факторъ мѣнового процесса товаровъ. Товаръ необходимо долженъ быть сперва обмѣненъ на деньги, а потомъ уже, въ этомъ новомъ его мундирѣ, владѣлецъ можетъ обмѣнивать его на какой-угодно новый товаръ, потому что онъ представляетъ собою вещь двойственную, продуктъ конкретнаго полезнаго труда и въ то же время продуктъ еще *не признаннаго* общественнаго труда. Чтобы трудъ послѣдняго рода получилъ всеобщее признаніе, товаръ необходимо метаморфозировать, необходимо замѣнить его деньгами, продать его. Разъ это сдѣлано, разъ товаръ превращается обмѣномъ въ деньги,—тогда, и только тогда онъ годенъ для общества и можетъ въ новомъ своемъ видѣ мѣняться на всякій другой товаръ.

На первыхъ порахъ развитія мѣновыхъ сношеній, какъ мы уже упоминали, роль *всеобщаго товара* приписывается то одному, то другому товару. Задача является одновременно со средствами ея разрѣшенія. Сношенія, которыя побуждаютъ владѣльцевъ товара вымѣнивать свой собственный товаръ на другіе товары, а слѣдовательно, и сравнивать его съ ними, никогда не совершаются безъ того, чтобы различные товары различныхъ владѣльцевъ не вымѣнивались бы въ сферѣ ихъ сношеній на одинъ и тотъ же третій родъ товара. Такой третій товаръ, дѣлаясь объединителемъ для другихъ товаровъ, пріобрѣтаетъ временное и мѣстное значеніе денегъ. Впослѣдствіи эта роль предоставляется какому-нибудь особенному роду товаровъ, который и дѣлается деньгами, въ обширномъ смыслѣ слова. Всего обыкновеннѣе денежныя свойства придаются важнѣйшимъ предметамъ ввоза или вывоза, напр., домашнему скоту, иногда даже рабамъ. Въ концѣ концовъ деньгами становятся драгоцѣнные металлы, которые, въ силу нѣкоторыхъ особенныхъ свойствъ, являются, такъ сказать, естественными деньгами. Важнѣйшія изъ этихъ свойствъ суть—однородность состава и дробимость. Первое свойство важно потому, что для матеріализаціи общечеловѣческаго и потому одинаковаго труда необходимо вещество, всѣ образчики котораго одинаковы по качеству. Значеніе второго свойства станетъ ясно, если обратить вниманіе на то, что количественныя отношенія цѣнностей крайне многочисленны, слѣдовательно, и денежный товаръ долженъ быть по произволу дѣлимъ и вновь составляемъ изъ своихъ частей [1]).

[1]) Остальныя свойства драгоцѣнныхъ металловъ, наилучшимъ образомъ служащія къ приспособленію ихъ для различныхъ денежныхъ функцій, суть слѣдующія: незначительность объема въ соединеніи съ большою цѣнностью облегчаетъ перемѣщеніе металлическихъ денегъ не только изъ рукъ въ руки, но и изъ страны въ страну. Высокое специфическое достоинство, прочность, неразрушимость, неокисляемость дѣлаютъ эти металлы особенно пригодными для накопленія въ видѣ сокровищъ. Мягкость золота и серебра, не говоря уже объ ихъ рѣдкости, дѣ-

Такъ какъ деньги представляютъ собою такой же товаръ, какъ и всѣ прочіе, и, подобно прочимъ товарамъ, производятся трудомъ, то мѣновой процессъ, въ который онѣ входятъ, не придаетъ имъ ново-такъ-называемаго свойства цѣнности (элементами этого свойства онѣ обладаютъ при самомъ входѣ въ мѣновой процессъ) — а только специфическую форму цѣнности. Смѣшеніе этихъ двухъ вещей повело къ тому, что нѣкоторые писатели считали цѣнность золота и серебра воображаемою или условною. Такъ, напр., мы встрѣчаемъ у Локке мнѣніе, что, будучи пригоднымъ для функціи денегъ, серебро пріобрѣло воображаемую цѣнность подъ вліяніемъ общаго соглашенія людей. Сверхъ того, такъ какъ деньги для извѣстныхъ отправленій могутъ быть замѣняемы простыми знаками, то отсюда возникла дальнѣйшая ошибка,—ихъ и вообще стали признавать не болѣе, какъ знаками (de Forbonnais, Montesquieu и средневѣковые юристы, потворствовавшіе праву королевской власти на поддѣлку монеты). Но вѣдь въ подобномъ смыслѣ каждый товаръ можетъ считаться знакомъ, потому что въ качествѣ цѣнности онъ есть не что иное, какъ матеріализація потраченнаго на него труда. Если же понимать подъ знакомъ простой, рефлективный продуктъ человѣка, то ни одинъ товаръ не можетъ назваться знакомъ. Мѣновое отношеніе или цѣнность денегъ въ сравненіи съ другими товарами опредѣляется, подобно всѣмъ прочимъ товарамъ, содержащимся въ нихъ рабочимъ временемъ. Установленіе этого отношенія совершается на мѣстѣ производства золота—въ непосредственной мѣновой торговлѣ. Когда золото вступаетъ въ процессъ мѣны въ качествѣ денегъ, цѣнность его уже опредѣлена[1]).

Такъ какъ люди выражаютъ золотомъ относительную цѣнность товаровъ, то поэтому золоту принадлежитъ, кромѣ функціи всеобщаго товара, еще особая роль—*мѣрила цѣнностей*. Но не слѣдуетъ забывать, что цѣнность товаровъ измѣряется и независимо отъ денегъ тѣмъ рабочимъ временемъ, которое содержится въ нихъ, и если можетъ измѣряться какимъ-нибудь третьимъ товаромъ —деньгами, то

---

лаютъ ихъ негодными для такихъ издѣлій, какія изготовляются изъ желѣза и мѣди. Столь же не нужны они въ качествѣ предмета существованія, потребленія. Всякое ихъ количество можетъ, поэтому, войти въ обращеніе, не нарушая процессовъ непосредственнаго потребленія и производства. Кромѣ того, золото и серебро—предметы роскоши, благодаря своей красотѣ, блеску и пр., и вслѣдствіе того являются естественною формою для излишковъ богатства. Наконецъ, способность золота и серебра переходить изъ формы монеты въ форму слитка и предметовъ роскоши превосходно соотвѣтствуетъ необходимости въ безпрерывныхъ колебаніяхъ количества денегъ, смотря по состоянію цѣнъ, быстротѣ обращенія и т. д. Если затѣмъ упомянуть о болѣе постоянной цѣнности золота и серебра, то этимъ будутъ исчерпаны всѣ существенныя свойства этихъ металловъ, служащія различнымъ денежнымъ функціямъ.

[1]) Теперь мы снова возвратимся къ К. Марксу и разсмотримъ его теорію генетическаго развитія отдѣльныхъ денежныхъ функцій.

единственно благодаря тому, что въ нихъ самихъ заключается рабочее время. Въ качествѣ мѣры цѣнности деньги представляютъ собою не болѣе, какъ своеобразную *форму* для матеріализаціи внутренней мѣры цѣнности другихъ товаровъ, а именно, рабочаго времени. Но деньги не могутъ представлять собою рабочаго времени *непосредственно*, напр., ассигнація не можетъ изображать извѣстнаго числа рабочихъ часовъ, потому что, при существованіи производства товаровъ, всѣ продукты труда должны являться въ видѣ товаровъ, т. е. попеременно принимать форму и денегъ, и прочихъ товаровъ. Стать деньгами подобной ассигнаціи точно такъ же невозможно, какъ невозможно въ новѣйшей промышленной системѣ полезному труду имѣть непосредственную пригодность для общества, приходить въ прямое соприкосновеніе съ другими частными работами, подобно работѣ сообщинника, члена семейства или производительной ассоціаціи. Такъ называемыя „рабочія деньги“ Оуэна, изображавшія извѣстное число рабочихъ часовъ, на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не деньги, а скорѣе напоминаютъ собою билетъ на театральное представленіе. Ошибка Оуэна при установленіи этихъ денегъ именно въ томъ и состояла, что онъ приписывалъ непосредственную пригодность для общества спеціальнымъ работамъ отдѣльныхъ производителей товаровъ и такимъ образомъ думалъ совмѣстить два діаметрально-противоположные способа общественнаго производства. Рабочее свидѣтельство можетъ указывать только на индивидуальное участіе отдѣльнаго производителя въ общей работѣ, и его индивидуальное право потребить опредѣленную часть общаго продукта, но отсюда еще очень далеко подобному свидѣтельству до общественнаго значенія, которое приписывалъ ему *Оуэнъ* [1]).

[1]) Ученіе о рабочемъ времени, какъ о непосредственной единицѣ денежной мѣры, говоритъ *Марксъ* („Zur Kritik etc“., стр. 61), развито въ первый разъ систематически *Джономъ Грэмъ*, авторомъ слѣдующихъ двухъ сочиненій: „The Social System, Edinb. 1831“; и „Lectures on the Nature and Use of Money, Edinb. 1848“. По плану этого писателя, количества рабочаго времени, затраченныя на производство различныхъ товаровъ, должны приводиться въ извѣстность центральнымъ національнымъ банкомъ, при помощи подчиненныхъ ему второстепенныхъ банковъ. Въ обмѣнъ за товаръ производитель получаетъ оффиціальное удостовѣреніе его цѣнности, или росписку въ полученіи такого количества рабочаго времени, сколько содержится въ его товарѣ, и эти банковые билеты въ одну рабочую недѣлю, въ одинъ рабочій день, въ одинъ рабочій часъ даютъ въ то же время владѣльцу право на полученіе эквивалента во всякихъ другихъ товарахъ, сложенныхъ въ кладовыя банка. Таково основное начало *Грэя*, заботливо проведенное имъ въ частностяхъ и повсюду поставленное въ связь съ существующими англійскими учрежденіями. „При такой системѣ“, говоритъ *Грэй*, „стало бы столь же легко продавать за деньги, какъ легко теперь покупать на деньги“, „драгоцѣнные металлы потеряли бы свою привилегію надъ другими товарами и заняли бы соотвѣтствующее имъ мѣсто на рынкѣ, на-ряду съ масломъ, яйцами, сукномъ и каленкоромъ“, и „цѣнность ихъ интересовала бы насъ не болѣе, чѣмъ цѣнность алмазовъ“; „слѣдуетъ-

То, что называется обыкновенно *цѣною* товара, есть относительное выраженіе цѣнности товара въ деньгахъ. Цѣну имѣютъ въ этомъ смыслѣ всѣ товары, за исключеніемъ однѣхъ денегъ, потому что для денегъ не существуетъ такого же общаго товара, какъ и онѣ сами.

Къ измѣненіямъ цѣнъ товаровъ примѣняются всѣ тѣ же законы, которые дѣйствуютъ при обмѣнѣ одного на другой всякихъ иныхъ товаровъ. Цѣны товаровъ вообще возвышаются въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, отъ возвышенія цѣнности товаровъ т.-е. отъ увеличенія содержащагося въ нихъ рабочаго времени, при неизмѣнной цѣнности денегъ; во-вторыхъ, отъ пониженія цѣнности денегъ, т. е. отъ уменьшенія заключающагося въ нихъ рабочаго времени при неизмѣнной цѣнности товаровъ. Точно также и наоборотъ, цѣны товаровъ могутъ вообще падать, при постоянной цѣнности денегъ, отъ уменьшенія цѣнности товаровъ, при постоянной же цѣнности товаровъ, только отъ возвышенія цѣнности денегъ.

Какъ только всѣ цѣнности товаровъ получили выраженіе въ золотѣ, то онѣ превращаются въ *одноименныя* величины — величины золота. Различныя количества золота сравниваются между собою и измѣряются при помощи какого-нибудь постояннаго количества золота—*единицы* мѣры. Дальнѣйшее дѣленіе на части превращаетъ эту единицу мѣры въ *масштабъ*. Подобные масштабы для золота, серебра и мѣди представляютъ различныя системы раздѣленія вѣса. Но съ теченіемъ времени денежныя названія различныхъ частей вѣсовыхъ подраздѣленій расходятся мало-по-малу съ первоначальными вѣсовыми названіями. Явленіе это происходитъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ трехъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) введенія въ обращеніе иностранныхъ монетъ, названія которыхъ отличны отъ туземныхъ вѣсовыхъ назва-

---

ли намъ", продолжаетъ *Грэй*, „удерживать въ силѣ свою воображаемую мѣру цѣнности—золота, и сковывать такимъ образомъ производительныя силы страны, или же намъ необходимо обратиться къ естественной мѣрѣ цѣнности —труду и освободить производительныя силы страны?"—*Грэю*, говоритъ Марксъ, предстояло разрѣшить слѣдующій рядъ вопросовъ: Такъ какъ рабочее время есть внутреннее мѣрило мѣновыхъ отношеній товаровъ, то для чего существуетъ рядомъ съ нимъ еще другое внѣшнее мѣрило—деньги? Въ силу какихъ причинъ мѣновая цѣнность товаровъ развивается въ ихъ цѣну, т. е. въ денежное выраженіе мѣнового отношенія? Почему цѣнность всѣхъ товаровъ опредѣляется однимъ товаромъ—деньгами? Но вмѣсто того, чтобы заняться обсужденіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ, *Грэй* предпочелъ вообразить себѣ, что товары могутъ относиться одинъ къ другому и непосредственно, какъ продукты общественнаго труда. Въ дѣйствительности товаръ—это произведеніе отдѣльныхъ и независимыхъ частныхъ работъ, которыя пріобрѣтаютъ годность для общества только путемъ отчужденія или частнаго обмѣна. Говоря иначе, при существованіи новѣйшей индустріальной системы, трудъ дѣлается общественнымъ, только благодаря повсемѣстному и всеобщему отчужденію частныхъ работъ. Предполагая взамѣнъ этого, что содержащееся въ товарахъ рабочее время можетъ сравниться непосредственно съ тѣмъ рабочимъ временемъ, которое содержится въ другихъ товарахъ, *Грэй* въ дѣйствительности считаетъ

ній.—напр.. въ древнемъ Римѣ золотыя и серебряныя монеты обращались сначала, какъ иноземный товаръ: 2) вытѣсненія, съ развитіемъ богатства, болѣе благороднымъ металломъ менѣе благороднаго,—мѣди серебромъ. серебра золотомъ; такъ, напр., фунтъ было денежное названіе дѣйствительнаго фунта серебра, а по введеніи золота стало придаваться какой-нибудь $^1/_{15}$ фунта золота; 3) поддѣлки денегъ владѣтельными особами. Когда денежная система подвергается окончательному регулированію, государственная власть назначаетъ извѣстное количество металла, напр., одну унцію золота, единицею металлическаго вѣса и подраздѣляетъ ее на доли съ *произвольными* названіями—фунта ст.. талера и проч. Такая часть дѣлится далѣе и далѣе, напр., на шиллинги, пенсы и проч. Но хотя такимъ образомъ денежныя наименованія и перестаютъ совпадать съ названіями отдѣльныхъ частей вѣса, но масштабомъ металлическихъ денегъ продолжаетъ оставаться опредѣленный *вѣсъ* металла.

Разъ, что всѣ товары опредѣляютъ свои цѣнности золотомъ, и послѣднее является мѣриломъ цѣнностей, естественно, что вѣсовыя подраздѣленія или масштабъ золота становятся вмѣстѣ съ тѣмъ и мас-

---

его *общиннымъ* рабочимъ временемъ, или рабочимъ временемъ отдѣльныхъ лицъ, находящихся въ непосредственной ассоціаціи. При такихъ условіяхъ специфическій товаръ—деньги,—разумѣется, не относился бы къ другимъ товарамъ, какъ матеріализація общечеловѣческаго труда, мѣновая цѣнность товаровъ не превращалась бы въ цѣну, но за то и произведенія перестали бы быть товарами, и тѣмъ была бы уничтожена основа буржуазной продукціи. Но этого послѣдняго *Грэй* очевидно не желаетъ. По его мнѣнію, условія *производства* товаровъ должны сохраниться, и слѣдуетъ озаботиться только о томъ, чтобы произведенія *обмѣнивались иначе*, чѣмъ слѣдуетъ обмѣниваться *товарамъ*. Выполненіе этого скромнаго желанія *Грэй* возлагаетъ на національный банкъ. Съ его точки зрѣнія, общество имѣетъ возможность, при посредствѣ банка, поставить частныя лица въ независимость отъ условій частнаго обмѣна, и въ то же время оно предоставляетъ имъ продолжать производство именно на этой основѣ. Непослѣдовательность этого воззрѣнія совершенно очевидна. Вся теорія *Грэя* сводится на предположеніе, что каждый товаръ есть деньги. „Органическая“ конструкція рабочихъ денегъ „національнаго банка“ и „товарнаго склада“ есть не болѣе, какъ сновидѣніе, въ которомъ теорія эта получаетъ воображаемое значеніе господствующаго надъ міромъ закона. Но не подлежитъ сомнѣнію, что догма, по которой каждый товаръ является деньгами, не осуществляется отъ одного того, что въ нее вѣритъ банкъ и дѣйствуетъ сообразно ей. То, чего не договариваетъ *Грэй*, и что остается тайною для него самого, именно, что рабочія деньги суть не болѣе, какъ экономическая фраза, обозначающая скромное желаніе уничтожить деньги, съ деньгами—мѣновую цѣнность, съ мѣновою цѣнностью—товаръ, съ товаромъ—буржуазную форму производства,—высказывается на-прямикъ нѣкоторыми англійскими соціалистами, писавшими, частью, до *Грэя*, частью, послѣ него (см., напр., *Thompson*. An Inquiry into the Distribution of Wealth etc. Lond. 1827 и *Bray*, Labour's Wrongs and Labour's Remedy, Leeds, 1839). Но только на долю *Прудона* и его школы выпало серьезно провозгласить деградацію денегъ ядромъ соціализма и такимъ образомъ разрѣшить соціализмъ въ элементарное непониманіе необходимой связи между товаромъ и деньгами.

штабомъ цѣнъ. Въ силу того же обстоятельства, что $^1/_{15}$ часть золота *вдвое* дороже $^1/_{30}$, и цѣна того товара, за который даютъ $^1/_{15}$ часть золота, окажется *вдвое* выше цѣны другого товара, за который уплачиваютъ $^1/_{30}$ часть золота. Но это совпаденіе двухъ ролей мѣрила цѣнностей и масштаба цѣнъ вовсе не должно вести къ заключенію, что эти два понятія тождественны. Масштабъ цѣнъ измѣряетъ только различныя количества золота по одному опредѣленному количеству золота, а не измѣряетъ цѣнность одного количества золота вѣсомъ другого. Мѣриломъ же цѣнности служитъ рабочее время, заключающееся въ различныхъ вѣсовыхъ подраздѣленіяхъ металла. До какой степени существенно различіе между этими двумя вещами, можно видѣть изъ того, что какъ бы ни измѣнялась цѣнность золота, но *отношенія* его различныхъ вѣсовыхъ частей все-таки остаются одни и тѣ же—одинъ фунтъ золота все же продолжаетъ оставаться вдвое дороже, чѣмъ полфунта. Такимъ же образомъ не зависятъ отношенія вѣсовыхъ частей и отъ того, какое названіе захочетъ придать имъ законодательная власть. Съ другой стороны, измѣненіе цѣнности самого золота, т. е. уменьшеніе содержащагося въ немъ труда не мѣшаетъ ему служить мѣрою цѣнности, потому что простирается одинаково на всѣ товары, слѣдовательно, alteris paribus, оставляетъ безъ перемѣны ихъ относительныя цѣнности.

Перейдемъ теперь къ дальнѣйшей функціи денегъ служить *орудіемъ обращенія*. Мѣновой процессъ товара состоитъ изъ двухъ противоположныхъ одна другой фазъ—превращенія товара въ деньги и денегъ въ другой товаръ. Формула этого процесса есть, слѣдовательно, Т — Д — Т, и въ окончательномъ результатѣ Т — Т — мѣна одного товара на другой, обмѣнъ общественнаго труда, въ результатѣ котораго угасаетъ и самый процессъ. Первая фаза процесса— Т — Д есть продажа съ точки зрѣнія владѣльца товара и покупка товара съ точки зрѣнія владѣльца денегъ. Продажа, напр., холста есть въ то же время его покупка. Продажею холста начинается движеніе, оканчивающееся затѣмъ покупкою библіи — холстъ — деньги — библія. Покупкою же холста, наоборотъ, оканчивается другое самостоятельное движеніе, начавшееся продажей, напр., пшеницы— пшеница—деньги—холстъ. Такимъ образомъ первая фаза движенія какого-нибудь товара,—въ данномъ случаѣ холста,—т. е. превращеніе его изъ товара въ деньги есть всегда въ то же время вторая противоположная фаза движенія другого товара,—въ данномъ случаѣ пшеницы,—превращеніе его изъ денегъ въ товаръ. Подобно этому, вторая фаза движенія — Т — Д — есть покупка съ точки зрѣнія владѣльца денегъ, иными словами, вторая фаза движенія одного товара есть въ то же время первая фаза движенія другого товара. Покупкой библіи владѣлецъ холста заключаетъ весь процессъ обмѣна для

себя, но продавецъ библіи превращаетъ полученныя за нее деньги въ другой товаръ, напр. въ сукно. Но такъ какъ производитель доставляетъ на рынокъ только одинъ какой-нибудь продуктъ, то продаетъ онъ его въ большихъ массахъ, между тѣмъ какъ вырученную цѣну онъ раздробляетъ на множество покупокъ для удовлетворенія своихъ многостороннихъ потребностей. Такимъ образомъ *одна* продажа примыкаетъ ко *множеству* покупокъ различныхъ товаровъ, и заключительная фаза мѣнового процесса одного товара образуетъ собою *сумму* вступительныхъ фазъ другихъ товаровъ.

Указанныя противоположныя превращенія товара отражаются въ двухъ противоположныхъ экономическихъ положеніяхъ владѣльца товаровъ. Въ качествѣ дѣйствующаго лица въ продажѣ онъ *продавецъ*, соотвѣтствующій другому *покупателю*, но какъ дѣйствующее лицо въ покупкѣ онъ *покупатель*, соотвѣтствующій другому *продавцу*. Итакъ, роли того и другого непостоянныя, но безпрестанно мѣняющія дѣйствующихъ лицъ въ мѣновомъ процессѣ товаровъ.

Денежный обмѣнъ не только формально, но и существенно отличается отъ непосредственной мѣны произведеній. Такъ, напр., въ приведенномъ выше примѣрѣ ткачъ холста несомнѣнно обмѣнялъ въ концѣ концовъ свой холстъ на библію, но это явленіе таково только для него. Продавецъ библіи и не думалъ мѣнять библію на холстъ, точно такъ же, какъ и ткачъ ничего незнаетъ о томъ, что пшеница была обмѣнена на его холстъ. Съ развитіемъ денежнаго обмѣна, замѣщеніе одного товара другимъ переходитъ, слѣдовательно, за индивидуальные и мѣстные предѣлы непосредственной мѣны продуктовъ, и возникаетъ круговоротъ человѣческаго труда. Независимо отъ этого развивается цѣлый рядъ естественно-общественныхъ связей, которыя не состоятъ подъ контролемъ дѣйствующихъ лицъ. Ткачъ можетъ продать свой холстъ только потому, что крестьянинъ *продалъ уже* пшеницу, владѣлецъ библіи можетъ продать ее только потому, что ткачъ *уже продалъ* холстъ, и т. д., и въ то же время никто изъ нихъ не знаетъ, какіе именно товары продаетъ другой за тѣ деньги, которыя потомъ обращаются на покупку. Сверхъ того, процессъ денежнаго обмѣна не заключается, какъ въ непосредственной мѣнѣ, переходомъ изъ рукъ въ руки двухъ предметовъ потребленія. Одинъ изъ трехъ товаровъ—деньги—не исчезаетъ изъ обращенія, а постоянно становится на мѣста товаровъ.

Нѣтъ поэтому догмата болѣе нелѣпаго, какъ тотъ, что обращеніе товаровъ само обусловливаетъ равновѣсіе продажи и покупки,—на томъ будто бы основаніи, что каждая продажа обусловливаетъ собою покупку и обратно [1]). Этимъ желаютъ доказать, что появленіе на рын-

[1]) Марксъ имѣетъ здѣсь въ виду Джемса Милля и Ж. Б. Сэя, которые полагали, что между продавцами и покупателями должно необходимо существовать

кѣ продавца тождественно съ появленіемъ на немъ и покупателя. Но вѣдь продажа и покупка—одно и то же только двухъ лицъ вмѣстѣ, для одного и того же онѣ противоположны. Такъ какъ первая половина процесса обращенія есть одновременно и покупка, и продажа, то этотъ частный процессъ отличается самостоятельностью. Понятно, что никто не можетъ продать, если другой не покупаетъ. Но никому нѣтъ надобности непосредственно совершать покупку только потому, что онъ самъ продалъ. Тѣмъ-то именно и разрываетъ денежный обмѣнъ индивидуальныя и временныя границы мѣны продуктовъ, что онъ раскалываетъ одну *нераздѣльную* сдѣлку на *двѣ самостоятельныя*.

Каждый товаръ на первомъ же шагу своемъ въ обращеніи, послѣ первой же своей перемѣны формы, уже выходитъ вонъ изъ обращенія, потребляется, между тѣмъ какъ новый товаръ постоянно вступаетъ въ него. Что касается денегъ, то, служа *орудіемъ обращенія*, деньги постоянно пребываютъ въ немъ, постоянно переходятъ изъ рукъ одного владѣльца товаровъ въ руки другого. Интересно поэтому узнать, сколько денегъ поглощается сферою обращенія?

Прежде всего необходимо замѣтить, что количество орудія обращенія опредѣляется суммою цѣнъ товаровъ, которые продаются въ одно и то же время. Если продается въ данный день товаровъ на 1.000 рублей, то именно на эту сумму должно простираться количество орудія обращенія. Но такъ какъ при отсутствіи перемѣнъ въ цѣнностяхъ товаровъ цѣны ихъ будутъ то больше то меньше, смотря по цѣнности самого денежнаго матеріала, то при такомъ измѣненіи суммы цѣнъ товаровъ должно соотвѣтственно измѣняться и самое количество обращающихся денегъ. Въ этомъ случаѣ измѣненіе въ потребномъ количествѣ денегъ зависитъ не отъ функціи ихъ служить *орудіемъ обращенія*, а отъ функціи ихъ, какъ *мѣрила цѣнности*. Феноменъ этотъ происходитъ такимъ образомъ, что сначала цѣна товаровъ измѣняется въ обратномъ отношеніи съ цѣнностью денегъ, а затѣмъ измѣняется количество орудія обращенія въ прямомъ уже отношеніи съ цѣнами. Такъ, напр., еслибы, вслѣдствіе удешевленія производства зо-

равновѣсіе. Этимъ думали они опровергнуть возможность излишняго производства, какъ причины экономическихъ кризисовъ. Упомянутое равновѣсіе между покупателями и продавцами происходитъ, напр., по мнѣнію Джемса Милля, оттого, что кто предлагаетъ товаръ на продажу, тотъ тѣмъ самымъ является покупателемъ на продаваемый товаръ: онъ покупатель потому, что онъ продавецъ. Если, поэтому, существуетъ больше продавцовъ, чѣмъ покупателей, на одинъ товаръ, то тѣмъ самымъ на другой существуетъ больше покупателей, чѣмъ продавцовъ. Ясное дѣло, что подобное призрачное равновѣсіе получается у Джемса Милля оттого, что онъ денежный обмѣнъ превращаетъ въ непосредственный. „Въ такіе моменты (Марксъ. Zur Kritik), какіе случались во время торговаго кризиса 1857—58 года, въ Лондонѣ и въ Гамбургѣ было дѣйствительно *больше покупателей*, чѣмъ продавцовъ на одинъ товаръ—*деньги*, и *больше продавцовъ*, чѣмъ покупателей, на всѣ другіе товары".

лота, оно стало бы содержать въ себѣ меньше, чѣмъ прежде, рабочаго времени, то, ради сохраненія мѣнового равновѣсія, это отозвалось бы прежде всего на возвышеніи цѣнъ товаровъ, а вслѣдъ затѣмъ, для пополненія недостающаго при новой цѣнности количества золота, стало бы увеличиваться и это послѣднее. Еслибы, наоборотъ, золото стало добываться съ бо́льшимъ расходомъ человѣческой силы, то непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было бы опять-таки, для сохраненія равновѣсія въ количествахъ обмѣниваемаго труда,—пониженіе цѣнъ товаровъ, а послѣ этого уменьшилось бы на всю долю, ставшую теперь излишнею, и прежнее количество золота. Перемѣна цѣнъ товаровъ обнаруживается прежде всего въ подобныхъ случаяхъ на мѣстѣ производства благородныхъ металловъ, въ непосредственной торговлѣ. Цѣны всѣхъ прочихъ товаровъ выравниваются лишь постепенно, сообразно новымъ цѣнностямъ золота и серебра, пока, наконецъ, всѣ товары не приспособятся къ нимъ Этотъ процессъ выравниванія цѣнъ *сопровождается* безпрерывнымъ возрастаніемъ благородныхъ металловъ, втекающихъ въ сферу обращенія взамѣнъ товаровъ, которые прямо на нихъ вымѣниваются. Напротивъ, одностороннее наблюденіе фактовъ, слѣдовавшихъ за открытіемъ новыхъ рудниковъ, повело въ XVII и особенно въ XVIII столѣтіи къ ложному заключенію, что появленіе въ обращеніи бо́льшаго количества золота и серебра было *причиною*, а послѣдствіемъ возвышенія цѣнъ на товаръ [1]).

Итакъ, количество орудія обращенія зависитъ отъ суммы цѣнъ товаровъ. Если извѣстны какъ цѣнность золота, такъ и цѣна каждаго товара, то сумма цѣнъ товаровъ будетъ зависѣть отъ количества обращающихся товаровъ, иными словами, если 1 кварт. пшеницы стоитъ 2 ф. ст., то 100 кварт. будутъ стоить 200 ф., 200 кв.—400 ф. и т. д. Положимъ, что совершается нѣсколько *одновременныхъ* продажъ, напр., продаются 1 кв. пшеницы, 20 аршинъ холста, 1 библія и 4 аршина сукна. Если цѣна каждаго товара будетъ равна 2 ф. ст. и сумма реализующихся цѣнъ составитъ 8 ф., то въ обращеніе должно поступить 8 ф. ст. денегъ. Но если всѣ эти продажи представляютъ собою части извѣстнаго намъ ряда *послѣдовательныхъ* движеній това-

[1]) Любопытно, до какой степени упорно держатся подобные предразсудки: въ теченіе новѣйшаго спора о причинахъ обезцѣненія серебра безпрерывно и притомъ авторитетами, признаваемыми за важнѣйшіе, высказывается мысль, что упадокъ цѣнности этого металла и, слѣдовательно, повышеніе выраженныхъ въ немъ цѣнъ имѣетъ одною изъ главныхъ причинъ увеличеніе количества производимаго серебра, начиная съ 1848 года. А между тѣмъ, не говоря о теоретическихъ работахъ, изслѣдованіями Тука и Ньюмарча давно уже, на основаніи самой исторіи цѣнъ, доказано, что не цѣны зависятъ отъ количества денегъ, находящагося въ обращеніи, а самое количество денегъ зависитъ отъ цѣнъ, говоря иначе, отъ издержекъ производства товаровъ, обмѣнивающихся въ данное время на деньги.
*Авт.*

ровъ, а именно 1 кв. шпен.—2 ф. стерл., 20 арш. сукна—2 ф. ст., 1 библія—2 ф. стерл., 4 аршина сукна—2 ф. ст., то очевидно, что всѣ операціи обращенія этихъ товаровъ выполнитъ одна и та же сумма денегъ въ 2 ф. ст., совершающая 4 оборота. Такъ какъ фазы этого процесса не могутъ совершаться рядомъ въ пространствѣ, а должны слѣдовать одна за другою во времени, то промежутки времени составляютъ мѣру продолжительности этихъ фазъ, или, что одно и то же, числомъ оборотовъ одной и той же монеты въ данное время измѣряется быстрота денежнаго обращенія. Такъ, если, напр., суммы цѣнъ, которыя реализируются въ теченіе одного дня.=8 ф. стерл., а число оборотовъ въ то же время будетъ 4, то количество обращающихся денегъ = 2 ф. ст., или же, говоря вообще, количество денегъ, обращающихся въ данное время, равняется суммѣ цѣнъ товаровъ, раздѣленной на число оборотовъ одной монеты. На этомъ основаніи увеличеніе числа оборотовъ денегъ влечетъ за собою уменьшеніе ихъ количества и, наоборотъ, чѣмъ меньше будетъ оборотовъ, тѣмъ больше нужно будетъ денегъ. Само собою разумѣется, что не всѣ экземпляры монеты дѣлаютъ одинаковое число оборотовъ,—одинъ какой-нибудь можетъ, напр., сдѣлать всего одинъ оборотъ, но такъ какъ вслѣдствіе этого тѣмъ быстрѣе обращается другой, то общее количество всѣхъ находящихся въ данное время въ обращеніи денегъ опредѣляется *среднимъ* числомъ оборотовъ одной монеты или *среднею* быстротою денежнаго обращенія.

Всѣ три фактора, содѣйствіемъ которыхъ опредѣляется количество орудія обращенія, а именно, движеніе цѣнъ, количество обращающихся товаровъ и быстрота денежныхъ оборотовъ, могутъ измѣняться въ различныхъ направленіяхъ и отношеніяхъ, а потому и количество орудія обращенія можетъ подчиняться различнымъ комбинаціямъ. Такъ, напр., при существованіи постоянныхъ цѣнъ на товары, количество орудія обращенія можетъ возрости или отъ увеличенія количества товаровъ, или отъ уменьшенія быстроты обращенія денегъ, или же отъ совмѣстнаго дѣйствія обѣихъ этихъ причинъ. Количество орудій обращенія можетъ, наоборотъ, убывать при убывающемъ количествѣ товаровъ или при возрастающей быстротѣ обращенія. Изъ вычисленія тѣхъ же самыхъ элементовъ опредѣляется количество орудій обращенія при общемъ возрастаніи и при общемъ упадкѣ цѣнъ товаровъ. Наконецъ, варіаціи различныхъ факторовъ могутъ взаимно уничожить однѣ другія, а потому въ продолжительные періоды количество денегъ, обращающееся въ странѣ, придерживается гораздо болѣе постояннаго уровня, чѣмъ можно было бы, повидимому, ожидать. Только что изложенный законъ, въ силу котораго количество орудія обращенія опредѣляется суммою цѣнъ товаровъ и среднею быстротою обращенія, можетъ быть выраженъ и нѣсколько иначе, а

именно, что при данной суммѣ цѣнностей товаровъ и данной средней быстротѣ ихъ метаморфозъ количество денегъ зависитъ отъ собственной цѣнности послѣднихъ. Нѣкоторые писатели пришли, напротивъ, къ ошибочному выводу, что самыя цѣны товаровъ опредѣляются количествомъ орудія обращенія, и это послѣднее въ свою очередь опредѣляется количествомъ всего денежнаго матеріала, *находящагося въ странѣ*. Воззрѣніе это основывалось на томъ ложномъ предположеніи, что цѣна товаровъ и цѣнность денегъ устанавливается уже тогда, когда и товары, и деньги вошли въ обращеніе и въ немъ встрѣчаются одни съ другими. На самомъ дѣлѣ элементы, опредѣляющіе цѣну товаровъ и цѣнность денегъ, состоятъ на-лицо еще до появленія тѣхъ и другихъ въ обращеніи, а именно, вслѣдъ за окончаніемъ ихъ производства, когда приводится въ извѣстность количество рабочаго времени, которое на нихъ потрачено. Въ обращеніи цѣны товаровъ и цѣнность денегъ не опредѣляются, а только реализируются; изъ области болѣе или менѣе основательныхъ разсчетовъ и догадокъ переходятъ въ дѣйствительность путемъ денежнаго обмѣна. Понятно, такимъ образомъ, что не цѣны товаровъ зависятъ отъ количества орудія обращенія, а наоборотъ, само количество этого послѣдняго зависитъ отъ цѣнъ товаровъ, соотвѣтствующихъ цѣнностямъ послѣднихъ или затраченному на нихъ труду. Указанной ложной теоріи придерживались, однако, весьма многіе писатели какъ прежняго, такъ и настоящаго времени — Вандерлинтъ, Барбонъ Юмъ, Монтескье, Артуръ Юнгъ, Рикардо, Джемсъ Милль, лордъ Оверстонъ и другіе. Къ числу противниковъ этого направленія необходимо отнести Стьюарта, Ад. Смита (отчасти) и въ особенности Тука, Вильсона и Фуллартона.

Поступая въ обращеніе, монета изъ драгоцѣннаго металла мало-по-малу истирается, частью, отъ самого обращенія, частью, отъ скобленія и тому подобныхъ процессовъ. По оцѣнкѣ экономиста *Якоба* [1]), изъ 380 милл. ф. ст., существовавшихъ въ Европѣ въ 1809 г., въ 1829 г., т. е. двадцать лѣтъ спустя, цѣлые 19 милліоновъ ф. ст. исчезли изъ обращенія, благодаря одному только процессу тренія. Понятно, что чѣмъ продолжительнѣе обращается монета или чѣмъ быстрѣе ея обращеніе, тѣмъ легковѣснѣе она становится. Въ результатѣ получается то явленіе, что такъ называемая *монетная цѣна золота* или монетное его наименованіе расходится съ рыночною его цѣною, иными словами, за золото въ монетѣ, утратившей часть своего вѣса, даютъ меньше фунтовъ стерлинговъ слитками или полновѣсною монетою, чѣмъ сколько на первой монетѣ означено. Но такъ какъ не вся монета подвергается процессамъ тренія, скобленія и пр. въ одинако-

[1]) An Inquiry into the Production and Consumption of the precious Metals, Lond. 1831, Vol. II. Chapt. XXVI.

вой степени, то полновѣсная монета, получая оцѣнку, равную съ неполновѣсною, оцѣнивается слишкомъ низко и потому переплавляется и удаляется изъ обращенія. Когда подобный упадокъ рыночной цѣнности постигаетъ большое число монетъ, то, хотя счетныя названія монеты останутся прежнія, но они будутъ уже указывать собою на меньшее содержаніе золота или серебра, чѣмъ то, какое подъ ними разумѣется на основаніи закона. Говоря иначе, измѣнится самый масштабъ денегъ и металлъ начнетъ со временемъ чеканиться сообразно новому масштабу. По истеченіи нѣкотораго промежутка времени повторится прежній процессъ, и это объясняетъ до нѣкоторой степени то явленіе, что въ исторіи всѣхъ новѣйшихъ народовъ одно и то же денежное наименованіе, напримѣръ, рубля или фунта стерл., по мѣрѣ приближенія къ нашей эпохѣ, относилось все къ меньшему и меньшему количеству благороднаго металла. Вполнѣ предупредить уменьшеніе вѣса монеты нѣтъ никакой возможности, но въ извѣстной степени это все-таки осуществимо. Англійское, напримѣръ, законодательство достигаетъ этого тѣмъ, что не признаетъ легальнымъ орудіемъ платежа такого соверена, который потерялъ 0,747 грановъ вѣса. Банкъ Англіи обладаетъ такою машиною (вѣсы для золота *Коттона*), которая не только опредѣляетъ разницу до $^1/_{100}$ грана между двумя соверенами, но кромѣ того отбрасываетъ неполновѣсные соверены въ сторону, на извѣстную доску, откуда они попадаютъ въ другой механизмъ, распиливающій ихъ на части. Еслибы золотая монета не ограничивалась такими кругами обращенія, въ которыхъ она держится дольше, то она не могла бы совсѣмъ обращаться. Если, однако, золотая монета въ обращеніи идетъ за $^1/_4$ унціи золота, а вѣситъ въ дѣйствительности только $^1/_5$, то, слѣдовательно, на $^1/_{20}$ унціи она является простымъ *знакомъ* или *символомъ* самой себя. Такимъ образомъ вся монета мало-по малу превратилась бы въ знаки или символы, но какъ это очевидно невозможно, то поэтому въ подобныхъ случаяхъ золото замѣняется символами изъ другого матеріала, напримѣръ, изъ серебра или изъ мѣди. Но замѣна символами изъ этого металла возможна только въ той пропорціи, на которую указываетъ степень неполновѣсности золотой монеты. Отсюда видно, что хотя въ качествѣ мѣрила цѣнности и всеобщаго товара можетъ обращаться въ обществѣ только одинъ товаръ, но въ качествѣ орудія обращенія или монеты можетъ обращаться ихъ нѣсколько рядомъ. Подобныя орудія обращенія — серебряныя или мѣдныя марки *представляютъ* внутри обращенія извѣстныя фракціи золотой монеты. Именно на этомъ-то основаніи собственный ихъ вѣсъ не опредѣляется отношеніемъ ихъ цѣнности къ золоту, а установляется закономъ произвольно, до того предѣла, съ котораго начинаетъ становиться выгодною поддѣлка монеты этого рода (такъ, напримѣръ, у насъ въ Россіи въ 1718 году

стали чеканить изъ пуда мѣди, стоившаго 4—7 рублей, на цѣлыхъ 40 рублей мѣдной монеты, и поддѣлка приняла размѣры чудовищные). Марки изъ серебра и мѣди должны быть выпускаемы въ такихъ количествахъ, въ какихъ обращались бы представляемыя ими частицы золотой монеты, и предназначаемы какъ для размѣна золотой монеты, такъ и для реализаціи сравнительно меньшихъ товарныхъ цѣнъ.

Такимъ образомъ для золота мало-по-малу отводятся одни круги обращенія—оптовая торговля, а для серебра и мѣди другіе—мелкое обращеніе. Быстрота обращенія марокъ (или биллона) находится обыкновенно въ обратномъ отношеніи съ размѣромъ той цѣны товара, которую они реализируютъ въ отдѣльной куплѣ-продажѣ, или съ размѣромъ той дроби золота, которую они представляютъ собою, т. е. быстрота эта тѣмъ больше, чѣмъ мельче цѣны товаровъ и чѣмъ мельче замѣщаемая дробь золота. Если взять, напримѣръ, въ разсчетъ громадные размѣры ежедневной мелкой торговли въ Англіи, то относительно незначительное количество обращающейся въ ней побочной монеты можетъ быть объяснено только быстротою обращенія послѣдней. Такъ, въ 1857 г. въ Англіи было отчеканено 4.859,000 ф. ст. золотой монеты и только 363,000 ф. ст. серебряной (обязательной тамъ къ пріему платежа только до 2 ф. или до 40 шиллинговъ). Съ 1847 по 1857 годъ было отчеканено всего 55.239,000 ф. золотой и 2.434,000 ф. ст. серебряной монеты. Мѣдной монеты въ 1857 г. было отчеканено на номинальную стоимость всего 6,720 ф., на реальную же—3,492 ф., а въ теченіе десяти лѣтъ до 1857 г. на 141,477 ф. номинальной и на 73,503 ф. дѣйствительной цѣнности Еслибы этихъ побочныхъ или биллонныхъ денегъ выпускалось значительно больше, то онѣ не входили бы въ высшія сферы обращенія, а только скоплялись бы въ большихъ массахъ у мелочныхъ торговцевъ, которые были бы принуждены сбывать ихъ потомъ въ качествѣ металла. Такъ, въ 1798 году англійскія мѣдныя марки, пущенныя въ обращеніе частными лицами, накопились на сумму 20,350 ф. у лавочниковъ, которые напрасно старались пустить ихъ снова въ обращеніе и въ заключеніе должны были продавать ихъ, какъ товаръ, т. е. соотвѣтственно вѣсу заключающагося въ нихъ металла.

Серебряныя и золотыя марки, представляющія золотую монету въ опредѣленныхъ сферахъ обращенія, хотя и обладаютъ извѣстнымъ содержаніемъ металла, опредѣленнымъ на основаніи закона, но, будучи подхвачены обращеніемъ, истираются тѣмъ скорѣе, чѣмъ быстрѣе онѣ обращаются, и такимъ образомъ снова, подобно золоту, превращаются въ символы самихъ себя. Еслибы вздумали и по отношенію къ нимъ прибѣгнуть къ установленію максимальнаго вѣса, который они могутъ потерять, какъ это дѣлается относительно золота, то пришлось бы и ихъ замѣнять знаками изъ низшаго металла, на-

примѣръ, изъ желѣза и олова, и т. д. безъ конца. Во всѣхъ странахъ съ развитымъ обращеніемъ самая необходимость обращенія денегъ вынуждаетъ, однако, сдѣлать монетный характеръ серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ независимымъ отъ всякой степени потери металла. Такимъ образомъ становится очевиднымъ, что серебро и мѣдь служатъ символами вовсе не потому, что они имѣютъ цѣнность, а потому, что не имѣютъ никакой или почти никакой цѣнности. Вмѣсто золотыхъ денегъ можетъ, слѣдовательно, функціонировать вещь, относительно говоря, совсѣмъ лишенная цѣнности, а именно—*бумага*.

Присутствіе въ обращеніи, на-ряду съ золотомъ, серебра и мѣди, происходитъ оттого, что въ большей части европейскихъ странъ обращались менѣе благородные металлы—серебро въ Англіи, мѣдь въ древнемъ Римѣ, въ Швеціи, въ Шотландіи, отчасти въ Россіи—прежде, нежели процессъ обращенія превратилъ ихъ въ простой биллонъ и поставилъ на ихъ мѣсто болѣе драгоцѣнный металлъ. Въ силу того же начала, подъ вліяніемъ необходимости *обращаться постоянно*, золото можетъ быть замѣнено знаками, бумагой, которые являются собственно монетными *наименованіями* золота. Итакъ, сначала золото истирается или соскабливается и начинаетъ обращаться на извѣстную долю, какъ знакъ себя самого, потомъ эту функцію замѣняютъ марки изъ низшаго металла и, наконецъ, бумага—простой уже знакъ цѣнности. Функція золота, какъ *орудія обращенія*, можетъ, слѣдовательно, совершенно отдѣляться отъ функціи его, какъ *мѣрила цѣнности*. Эта послѣдняя находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ его вѣса и даже отъ его наличнаго присутствія въ обращеніи. Что же касается первой, то именно она то и порождаетъ замѣну звонкой монеты сначала такими знаками изъ низшихъ металловъ, которые имѣютъ хоть какую-нибудь цѣнность, и впослѣдствіи бумажными знаками, не имѣющими уже ровно никакой цѣнности. Это происходитъ не только вслѣдствіе тренія, которое испытываетъ монета въ обращеніи, но также и оттого еще, что, вслѣдствіе быстраго перехода монеты изъ рукъ въ руки, становится уже неважнымъ имѣть непремѣнно на-лицо дѣйствительный эквивалентъ и дѣйствительное мѣрило цѣнности, а нуженъ только *знакъ* и ничего больше. Естественно, что знакъ или бумага имѣютъ цѣнность лишь настолько, насколько они представляютъ золото, обладающее такою цѣнностью, или содержащее въ себѣ трудъ. Нѣкоторые полагаютъ, будто бумажныя деньги представляютъ непосредственно цѣнности самихъ товаровъ. Но это не вѣрно: знакъ цѣнности или бумага является непосредственно только представителемъ золота, и, слѣдовательно, цѣны товаровъ представляютъ цѣнность этихъ послѣднихъ только подобнымъ косвеннымъ путемъ. Государственныя бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ являются вполнѣ законченной формой подобнаго знака цѣнности

и вмѣстѣ съ тѣмъ единственною формою бумажныхъ денегъ, которая возникаетъ непосредственно на почвѣ металлическаго обращенія. Что касается кредитныхъ денегъ, то онѣ принадлежатъ другой, высшей сферѣ экономическаго развитія и регулируются другими законами.

Указанные феномены объясняютъ сравнительно весьма раннее появленіе ассигнацій или бумажныхъ денегъ. Подобныя деньги вводятся часто еще въ такое время, когда не имѣется ни малѣйшаго понятія о кредитныхъ сдѣлкахъ,—такъ, напримѣръ, *Мэндевиль*, въ своихъ путешествіяхъ (1705) уже говоритъ о кожаныхъ и бумажныхъ деньгахъ китайскаго императора. У *Платона и Аристотеля* встрѣчается уже пониманіе функціи знака цѣнности или орудія обращенія. Прежніе писатели, вродѣ *Франклина* и *Берклея*, также понимали подобное возникновеніе бумажныхъ денегъ.

Говоря о металлическихъ деньгахъ, мы обратили вниманіе на вопросъ, сколько можетъ въ странѣ обращаться денегъ этой категоріи? Не имѣющія самостоятельной цѣнности марки являются знаками цѣнности лишь настолько, насколько онѣ представляютъ золото въ сферѣ обращенія, а представляютъ онѣ его настолько, насколько оно само входило бы въ обращеніе, въ качествѣ монеты. Мы знаемъ уже, что при данной, неизмѣнной цѣнности товаровъ и быстротѣ ихъ обращенія, количество золота въ обращеніи зависитъ отъ размѣра собственной его цѣнности, т. е. отъ суммы цѣнностей всѣхъ отдѣльныхъ золотыхъ монетъ. На этомъ основаніи бумажные знаки съ наименованіемъ въ 5 рублей могли бы обращаться въ количествѣ въ пять разъ меньшемъ, нежели знакъ съ наименованіемъ въ 1 рубль а если бы всѣ платежи выполнялись копѣечными знаками, то послѣднихъ должно бы обращаться во сто разъ болѣе, чѣмъ рублей. Сверхъ того, если золотая монета замѣняется знаками различныхъ наименованій (напримѣръ, въ 100 рублей, въ 50 р., въ 25 р., въ 10 р., въ 5 р., въ 3 р. и въ 1 р.), то количество этихъ знаковъ различнаго сорта опредѣляется не только общимъ обращеніемъ, но и потребностями отдѣльныхъ и самостоятельныхъ его круговъ. Когда все обращеніе страны равняется, напримѣръ, 500 милл. рублей, то именно на эту сумму могли бы обращаться бумажныя деньги. Если цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ поднимается или падаетъ, то, при неизмѣнной цѣнности и массѣ товаровъ, количество бумажныхъ денегъ должно бы убывать или прибывать въ обратномъ отношеніи къ цѣнности металловъ, т. е. увеличиваться, когда она падаетъ, и падать, когда она возрастаетъ. Тутъ происходитъ то же самое, что происходило бы при замѣнѣ болѣе благороднаго металла менѣе благороднымъ. Еслибы, напримѣръ, золото, въ качествѣ мѣрила цѣнности, было замѣнено серебромъ, то при отношеніи цѣнности серебра къ золоту какъ 1 : 15, серебра потребовалось бы въ 15 разъ больше чѣмъ золота, слѣдовательно, 7,500

милліоновъ рублей вмѣсто 500 милліоновъ. Отсюда, очевидно, слѣдуетъ, что количество бумажныхъ денегъ опредѣляется количествомъ золотыхъ денегъ, а такъ какъ бумажныя деньги лишь настолько являются знаками цѣнности, насколько онѣ представляютъ драгоцѣнные металлы, то, слѣдовательно, *собственная цѣнность бумажныхъ денегъ опредѣляется ихъ количествомъ*, или, говоря иначе, она бываетъ то больше, то меньше, смотря по тому, меньше или больше находится ихъ въ обращеніи. Такимъ образомъ, количество обращающагося золота зависитъ отъ его цѣнности; количество же бумажныхъ денегъ, напротивъ, само опредѣляетъ ихъ цѣнность. Металлическихъ денегъ бываетъ въ обращеніи больше или меньше, смотря по тому, дешевле онѣ или дороже, между тѣмъ какъ бумажныя деньги дешевле или дороже, смотря по тому, больше ихъ или меньше.

Повидимому, государство можетъ пустить въ обращеніе сколько хочетъ бумажныхъ денегъ и дать имъ какія хочетъ монетныя наименованія—въ 1-ли рубль, въ 5-ли и т. п., и это кажется тѣмъ болѣе возможнымъ, что за предѣлами обращенія бумажныя деньги ни на что не нужны, ни въ своей, ни въ чужой странѣ. Но это только такъ кажется. Въ обращеніе-то можно пустить бумажныхъ денегъ сколько угодно, но что затѣмъ? А затѣмъ вотъ что. Еслибы, напримѣръ, при металлическомъ обращеніи въ 14 милл. фунтовъ стерл., бумажныхъ денегъ было выпущено 210 милл., то онѣ представляли бы все-таки лишь означенные 14 милл., не болѣе. При этомъ было бы то же, какъ еслибы государство сдѣлало знаки представителями металла, имѣющаго въ 15 разъ меньшую цѣнность и въ 15 разъ большаго вѣсомъ. Измѣнилось бы только наименованіе денегъ масштаба, который, разумѣется, условенъ и это совершилось бы одинаково какъ при перемѣнѣ монетной единицы, такъ равно и при увеличеніи количества бумажныхъ денегъ. Такъ какъ названіе фунта стерл. принадлежало бы теперь количеству золота въ 15 разъ меньшему прежняго, то всѣ товарныя цѣны возросли бы въ 15 разъ, и 210 милл. ф. знаковъ стали бы нужны настолько же, насколько прежде были необходимы 14 милл. золота. Количество золота или, лучше сказать, отношеніе его уменьшилось бы въ той же мѣрѣ, въ какой увеличилась бы общая сумма знаковъ. Поднятіе цѣнъ явилось естественной реакціей самого процесса обращенія, который насильственно приравниваетъ знаки цѣнности къ тому количеству золота, на мѣстѣ котораго знаки должны обращаться.

*Въ обращеніи знаковъ цѣнности всѣ законы металлическаго обращенія являются въ обратномъ, перевернутомъ видѣ.* Въ то время, напримѣръ, какъ золото обращается только благодаря тому, что само имѣетъ цѣнность, т. е. производится трудомъ, бумага, напротивъ, самую свою цѣнность получаетъ отъ обращенія. Въ то время, какъ

при данной цѣнности товаровъ количество обращающагося золота зависитъ отъ его собственной цѣнности, цѣнность бумаги, наоборотъ, зависитъ отъ обращающагося ея количества. Въ то время, какъ количество обращающагося золота поднимается или падаетъ, смотря по возвышенію или упадку цѣнъ товаровъ,—цѣны товаровъ упадаютъ и поднимаются, смотря по количеству обращающейся бумаги. Въ то время, какъ сфера обращенія товаровъ можетъ поглотить лишь опредѣленное количество золота, бумажныхъ денегъ можно пустить въ обращеніе сколько угодно. Въ то время, какъ, уменьшая вѣсъ монеты хотя на $^1/_{100}$ грана противъ номинальной ея цѣнности, государство препятствуетъ ей исполнить функцію орудія обращенія,—оно совершаетъ вполнѣ правильную финансовую операцію, когда выдаетъ бумажные знаки, вовсе не имѣющіе цѣнности и обладающіе одними только монетными наименованіями. Отсюда ясны ошибки тѣхъ изслѣдователей (напримѣръ, *Рикардо*), которые, изучая денежное обращеніе вообще, т. е. и бумажное, и металлическое,—на обращеніи бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ, оставляютъ безъ вниманія всѣ внутреннѣе законы металлическаго обращенія. Законы эти для обращенія бумажныхъ денегъ являются ни болѣе и ни менѣе, какъ въ обратномъ видѣ

Монета не только находится въ обращеніи, не только служитъ фактически всеобщимъ товаромъ и мѣриломъ цѣнности, она можетъ еще находиться внѣ рынка и въ этомъ положеніи продолжать въ извѣстномъ смыслѣ оказывать вліяніе на ходъ и развитіе денежныхъ обмѣновъ, слѣдовательно, оставаться по прежнему деньгами. На этой почвѣ развивается дальнѣйшая функція денегъ — служить *сокровищемъ*, къ которой мы теперь и переходимъ. Если послѣ того, какъ извѣстная личность продала свой товаръ, она не купила чужого, то деньги могутъ быть спрятаны и обращены въ сокровище. У народовъ съ чисто металлическимъ обращеніемъ накопленіе сокровищъ считалось мѣрою политики, напримѣръ, у грековъ и римлянъ сокровища собирались государемъ и частными лицами [1]). Стремленію накоплять деньги, разумѣется, всего болѣе способствуетъ характеръ денегъ служить товаромъ всеобщаго спроса, возможность пріобрѣсти за деньги всякія другія вещи. Потому-то деньги и предпочитаются, въ качествѣ сокровищъ, всѣмъ другимъ вещамъ. Позднѣйшимъ развитіемъ этого положенія является такъ называемая меркантилистическая политика. Аргументація ея по этому предмету такъ забавна, хотя и натуральна для своего времени, такъ выворочена на изнанку сообразно нынѣшнимъ представленіямъ о вещахъ, что авторъ *Zur Kritik* не могъ воздержаться, чтобы не привести одной или двухъ цитатъ для ея характе-

[1]) „Денегъ какъ возможно собирать", писалъ Петръ I въ апрѣлѣ 1711 года, „понеже деньги суть артерія войны". *Авт.*

ристики. Въ 1593 году кортесы Испаніи дѣлаютъ напримѣръ, Филиппу II слѣдующій докладъ: „кортесы Вальядолида просили ваше величество въ 1586 г. не дозволять болѣе ввоза въ королевство свѣчъ, стеклянныхъ товаровъ, ювелирныхъ издѣлій и тому подобныхъ вещей, которыя привозятъ изъ-за границы, чтобы столь *безполезныя* для человѣка вещи обмѣнять на деньги, какъ будто испанцы то же, что индійцы". Таковъ же характеръ умозаключеній и меркантилиста *Миссельдена:* „общая, отдаленная причина нашей скудости въ деньгахъ", говоритъ онъ, „есть излишекъ существующихъ въ нашемъ королевствѣ въ потребленіи товаровъ чужихъ странъ, которые лишаютъ насъ такого же количества денегъ". Будучи всеобщимъ товаромъ по отношенію ко всѣмъ существующимъ *въ данное время* товарамъ, золото является имъ же болѣе всѣхъ прочихъ товаровъ и въ теченіе *продолжительнаго времени*, благодаря своей прочности, неокисляемости и пр. Естественно, что въ силу этихъ свойствъ оно становится не только всеобщимъ, но и вѣчнымъ богатствомъ, и тѣмъ больше является побужденій прятать его въ видѣ сокровищъ. „Если деньги берутся податью", говоритъ *Петти*, „у такого человѣка, который проѣлъ бы и пропилъ ихъ, и отдаются другому, который употребитъ ихъ на улучшеніе почвы, рыбную ловлю, на устройство рудниковъ или мануфактуръ или даже на платье, потому что и платье прочнѣе ѣды и напитковъ, — то это гораздо выгоднѣе. Если деньги превращаются въ домашнюю мебель, то прибыль тѣмъ больше, въ дома, — еще больше, но всего болѣе, если въ странѣ увеличивается количество денегъ, потому что только послѣднія *вѣчны*, всегда и повсюду остаются богатствомъ, — все же прочее есть богатство для извѣстныхъ цѣлей". Зарываніе драгоцѣнныхъ металловъ въ землю, особенно распространенное на Востокѣ, ближайшею причиною котораго является отсутствіе безопасности оборотовъ, вслѣдствіе войнъ и другихъ общественныхъ потрясеній, также представляетъ одинъ изъ видовъ накопленія сокровищъ. Но собираніе сокровищъ, очевидно, потеряло бы всякій смыслъ, еслибы они не сохраняли извѣстнаго отношенія къ обращенію. Отношеніе это, очевидно, измѣняется вмѣстѣ съ цѣнностью денегъ и тѣмъ побуждаетъ скупца все увеличивать да увеличивать свои сокровища.

Такъ какъ деньги являются всеобщимъ товаромъ, то несомнѣнно, что только онѣ однѣ и могутъ накопляться тѣмъ простымъ способомъ, который состоитъ въ присоединеніи къ первоначальному количеству все новыхъ и новыхъ большихъ количествъ. Всѣ прочіе товары и вещи накопляются гораздо болѣе сложнымъ и запутаннымъ процессомъ, который только по воспоминанію о первоначальномъ накопленіи денегъ объясняется въ качествѣ накопленія же и *сбереженія*. Въ этомъ мы видимъ историческое объясненіе господствующей въ настоящее

время теоріи происхожденія капитала которое, по аналогіи, уравнивается съ предшествовавшимъ ему въ исторіи накопленіемъ сокровищъ.

Самыя издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ являются однимъ изъ видовъ накопленія сокровищъ; они представляютъ собою резервъ для монеты, — мѣстами по самой сущности дѣла, какъ, напримѣръ, въ Индіи, мѣстами же на основаніи закона (обязательная проба для золотыхъ и серебряныхъ издѣлій) и дѣйствительно обращаются въ монету по требованію рынка. „Въ эпохи сильныхъ волненій и отсутствія безопасности", говоритъ *Якобъ*, „особенно же во время непріятельскихъ вторженій и внутреннихъ потрясеній, серебряные и золотые товары быстро превращаются въ монету, между тѣмъ какъ во время спокойствія и благосостоянія монета превращается въ посуду и въ ювелирныя издѣлія". На сколько значительно отношеніе серебряныхъ и золотыхъ сокровищъ въ формѣ предметовъ роскоши къ драгоцѣнному металлу, служащему деньгами, можно видѣть изъ того, что въ 1829 году въ Англіи отношеніе это было какъ 2 : 1, во всей же Европѣ и Америкѣ въ предметахъ роскоши было на $^1/_4$ болѣе драгоцѣннаго металла въ товарахъ, нежели въ деньгахъ.

Накопленіе сокровищъ является естественнымъ резервуаромъ для потребностей обращенія товаровъ, которое требуетъ денегъ то болѣе, то менѣе, смотря по быстротѣ обращенія, а также по размѣрамъ и высотѣ цѣнъ. При упадкѣ цѣнъ или увеличеніи быстроты обращенія резервуаръ этотъ поглощаетъ часть металла; при возвышеніи же цѣнъ или при уменьшеніи быстроты обращенія, резервуаръ, наоборотъ, освобождается отъ части своего содержанія. Сокровища являются такимъ образомъ отводными и приводными каналами обращающихся денегъ, такъ что обращается всегда лишь такое количество *денегъ* въ качествѣ *монеты*, какое обусловливается непосредственными потребностями обращенія. Въ странахъ съ обращеніемъ чисто металлическимъ или съ неразвитымъ способомъ производства сокровища раздроблены безмѣрно и разбросаны по всей поверхности страны, между тѣмъ какъ въ странахъ развитыхъ они сосредоточиваются въ банковыхъ резервуарахъ. Но не слѣдуетъ смѣшивать сокровищъ съ монетнымъ резервомъ, который самъ образуетъ составную часть совокупнаго количества денегъ, находящихся въ обращеніи, между тѣмъ какъ сокровища находятся болѣе или менѣе въ сторонѣ отъ обращенія и только регулируютъ его собою.

Послѣдующая функція денегъ есть назначеніе ихъ служить *орудіемъ платежа*. Во всемъ, что говорилось выше объ обмѣнѣ и по поводу его, предполагалось, что извѣстная часть денегъ всегда находится въ обращеніи и, какъ таковая, появляется въ каждомъ мѣновомъ актѣ *одновременно* съ тѣмъ товаромъ, за который обмѣнивается.

Но бываютъ случаи, когда покупщикомъ является лицо, не имѣющее для покупки наличныхъ денегъ, которыя оно можетъ предложить продавцу лишь въ будущемъ. При такихъ обстоятельствахъ деньги снова являются на время въ идеальномъ, абстрактномъ свѣтѣ, но уже по другой причинѣ, чѣмъ въ качествѣ орудія обращенія. Обыкновенные продавецъ и покупатель превращаются въ подобной сдѣлкѣ въ *кредитора* и въ *должника*. Деньги и въ этомъ случаѣ продолжаютъ по прежнему играть роль *мѣрила цѣнностей*. Сверхъ того, онѣ удерживаютъ за собою и другое обыкновенное свое свойство *орудія покупки* или *всеобщаго товара*, такъ какъ товаръ, хотя и за одно только обѣщаніе уплаты, перемѣняетъ свое мѣсто, переходитъ изъ рукъ продавца въ руки покупателя, какъ и во всякомъ другомъ денежномъ обмѣнѣ. Ту новую особенность, которую пріобрѣтаютъ въ этомъ случаѣ деньги, представляетъ ихъ свойство служить *орудіемъ платежа*. Что различіе между деньгами, какъ орудіемъ платежа, и деньгами, какъ орудіемъ обыкновенной покупки, все равно, бумажными или нѣтъ, весьма существенно,—это видно изъ того, что въ эпохи торговыхъ кризисовъ вся публика стремглавъ кидается за деньгами, отыскиваетъ только деньги и не принимаетъ въ уплату ничего другого.

Кредитный мѣновой актъ представляетъ то характеристическое свойство, что вторая половина обыкновенной денежной сдѣлки совершается въ немъ прежде первой,—такъ оно происходитъ, по крайней мѣрѣ, для покупателя, который является покупателемъ прежде, нежели самъ продалъ свой товаръ, и, напротивъ, этотъ послѣдній онъ продаетъ уже впослѣдствіи для того, чтобы уплатить свой долгъ. Деньги являются, слѣдовательно, въ кредитномъ актѣ не среднимъ членомъ, какъ обыкновенно, а заключительнымъ его членомъ, результатомъ его, платежомъ.

Спрашивается теперь, какія ближайшія причины обусловливаютъ собою происхожденіе кредитныхъ сдѣлокъ? Одною изъ такихъ причинъ является то обстоятельство, что одни и тѣ же владѣльцы товаровъ, подъ вліяніемъ самаго обращенія, постоянно бываютъ взаимными покупателями и продавцами и, слѣдовательно, даютъ поводъ къ возникновенію цѣлаго ряда сдѣлокъ, происходящихъ не въ томъ порядкѣ, какъ обыкновенно. Независимо отъ этого, многое множество товаровъ по самой своей природѣ передается изъ рукъ въ руки не всецѣло, а только на извѣстное время. Такъ, напримѣръ, когда продается пользованіе домомъ на одинъ мѣсяцъ, то полное пользованіе переходитъ въ руки покупателя или нанимателя лишь по истеченіи мѣсяца, между тѣмъ какъ домъ переходитъ въ распоряженіе послѣдняго въ самомъ началѣ мѣсяца. Такъ какъ фактическое предоставленіе цѣнности потребленія и окончательное ея отчужденіе въ данномъ случаѣ расходятся во времени, то и реализація цѣны наступаетъ го-

раздо позже, чѣмъ перемѣна положенія вещи, переходъ ея изъ рукъ въ руки (иногда же раньше). Третьимъ, наконецъ, поводомъ къ возникновенію кредитныхъ актовъ оказывается то явленіе, что продолжительность срока между эпохою появленія на свѣтъ и производства различныхъ товаровъ весьма неодинакова. Одно лицо выступаетъ, подъ вліяніемъ этого, въ качествѣ продавца прежде, нежели другое можетъ выступить въ качествѣ покупщика, и такимъ образомъ оба момента расходятся во времени, соотвѣтственно производительнымъ условіямъ товаровъ.

Итакъ, вотъ причины, порождающія отношеніе кредиторовъ и должниковъ среди владѣльцевъ товаровъ, которое, хотя и образуетъ собою подкладку кредитной системы, т. е. высшаго пункта развитія современнаго хозяйства, но можетъ явиться уже въ совершенно развитомъ видѣ до возникновенія послѣдней. Ясное дѣло, что, съ развитіемъ кредитной системы, свойство денегъ служить платежомъ, платежнымъ орудіемъ, расширяется на счетъ функціи его служить орудіемъ непосредственной купли, и еще болѣе на счетъ сбереженія сокровищъ. Такъ, напримѣръ, въ Англіи металлическія деньги изгнаны почти исключительно въ сферу мелочной торговли между производителями и потребностями, между тѣмъ какъ въ сферѣ крупныхъ торговыхъ оборотовъ деньги существуютъ исключительно въ качествѣ орудій платежа. Чѣмъ опредѣляется количество орудій платежа? Оно опредѣляется прежде всего суммою платежей, т. е. суммою цѣнъ отчужденныхъ уже товаровъ, по которымъ предстоитъ произвести уплату. Но опредѣленная такимъ образомъ сумма модифицируется тою быстротою, съ которою одна и та же монета повторяетъ одну и ту же функцію платежа, или съ которою совокупность платежей является извѣстнымъ рядомъ платежей, растянутымъ во времени, такъ что А платитъ свой долгъ Б, Б платитъ тѣми же самыми деньгами долгъ В и т. д. Самая та быстрота, съ которою одинъ и тотъ же экземпляръ монеты служитъ нѣсколько разъ для исполненія платежей, зависитъ отъ сочетанія долговыхъ отношеній въ странѣ, отъ того обстоятельства, что одинъ и тотъ же владѣлецъ товара, являющійся кредиторомъ другого, есть должникъ третьяго и т. д. и еще отъ продолжительности времени, раздѣляющаго различные сроки платежей. Количество денегъ, какъ орудія обращенія, опредѣляется, какъ мы видѣли, въ данную минуту суммою цѣнъ товаровъ, единовременно поступающихъ въ продажу. Но для денегъ, какъ для орудія платежа, подобной границы не существуетъ. Если взаимные платежи сосредоточатся въ одномъ и томъ же пунктѣ, что естественно происходитъ прежде всего въ сборныхъ пунктахъ товарнаго обращенія (ярмарки, биржи, банки), то платежи могутъ уравнивать одинъ другой въ качествѣ положительныхъ и отрицательныхъ величинъ, когда, напр., А долженъ заплатить

Би одновременно получить уплату отъ В. Поэтому-то сумма денегъ, требуемая въ качествѣ орудія платежа, опредѣляется не суммою цѣнъ одновременно реализируемыхъ платежей: она опредѣляется бо́льшимъ или меньшимъ ихъ сосредоточеніемъ и размѣромъ баланса, который остается еще уплатить по взаимной ликвидаціи положительныхъ и отрицательныхъ величинъ. До тѣхъ поръ, пока платежи вполнѣ уравновѣшиваютъ одинъ другой въ качествѣ положительныхъ и отрицательныхъ величинъ, нѣтъ нужды въ фактическомъ вмѣшательствѣ денегъ. Деньги продолжаютъ присутствовать здѣсь лишь идеально, въ качествѣ мѣрила цѣнности, въ цѣнѣ товара, проданнаго въ долгъ или въ кредитъ, и въ размѣрѣ взаимныхъ обязательствъ. Но за то, въ качествѣ платежа, который остается за вычетомъ изъ баланса, деньги непремѣнно должны вступить въ обращеніе въ своей непосредственной денежной, большею частью, металлической формѣ. Гдѣ развивается цѣлая цѣпь платежей и искусственная система ихъ уравненія, тамъ, при внезапныхъ колебаніяхъ, представляющихъ спеціальный моментъ промышленныхъ кризисовъ, а именно денежные кризисы,— деньги внезапно теряютъ всѣ свои абстрактныя качества, и на нихъ заявляется требованіе въ ихъ непосредственномъ, металлическомъ видѣ. Всѣ прочіе товары, не говоря о бумагахъ, являются въ подобныя эпохи ненужными, лишними и вредными,—требуется одно золото.

Приведенный выше законъ, на основаніи котораго опредѣляется количество денегъ, какъ орудія обращенія, терпитъ существенныя ограниченія отъ функціи денегъ служить орудіемъ платежа. При данной быстротѣ обращенія денегъ, въ качествѣ-ли орудія обращенія или въ качествѣ орудія платежа, количество обращающихся въ данное время денегъ опредѣляется суммою реализируемыхъ цѣнъ товаровъ + сумма платежей — сумма тѣхъ платежей, которые покрываютъ одни другіе взаимно. Это нисколько не нарушаетъ того закона, по которому количество орудія обращенія зависитъ отъ суммы товарныхъ цѣнъ, такъ какъ вѣдь и совокупность платежей также опредѣляется суммою цѣнъ, условленныхъ въ договорахъ. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что, даже при одной и той же быстротѣ обращенія и экономіи платежей, сумма цѣнъ товаровъ, обращающихся въ данный промежутокъ времени, напр., въ теченіе дня, и масса денегъ, обращающихся въ то же время, ни въ какомъ случаѣ не покрываютъ одна другую, потому что обращается множество товаровъ, цѣны которыхъ будутъ реализированы только впослѣдствіи, и множество денегъ, эквиваленты которыхъ—товары давно уже вышли изъ обращенія. Сумма обращающихся денегъ будетъ соотвѣтственно зависѣть отъ того, какъ велика сумма тѣхъ платежей, которые должны быть произведены въ данный день, хотя эти послѣдніе и условлены въ различныя эпохи.

Изъ функціи денегъ, какъ орудія платежа, возникаютъ *кредитныя*

*деньги* въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ *долговая роспись* за проданные товары сама начинаетъ обращаться, перенося долговое требованіе отъ одного лица къ другому. Съ другой же стороны, расширеніе кредитной системы влечетъ за собою увеличеніе значенія денегъ въ качествѣ орудія платежа и сообщаетъ имъ въ сферѣ крупныхъ торговыхъ оборотовъ извѣстныя *спеціальныя формы* между тѣмъ какъ золотая и серебряная монеты, по большей части, изгоняются въ сферу мелочной торговли.

Мы видѣли выше, что перемѣна въ собственной цѣнности золота и серебра нисколько не мѣшаетъ этимъ металламъ отправлять ихъ функцію мѣрила цѣнности. Перемѣна эта является уже чрезвычайно важною по отношенію къ собирателю сокровищъ, такъ какъ, по мѣрѣ увеличенія или уменьшенія цѣнности золота или серебра, поднимается или падаетъ и сумма цѣнности самого сокровища. Но еще рѣшительнѣе оказывается подобная перемѣна по отношенію къ деньгамъ, какъ орудію платежа. Такъ какъ платежъ наступаетъ въ кредитной сдѣлкѣ позже продажи товара, то деньги играютъ въ этомъ послѣднемъ важную роль—вначалѣ роль идеальнаго мѣрила цѣнности, впослѣдствіи же роль орудія платежа, который соотвѣтствуетъ предъидущему измѣренію. Если въ этотъ промежутокъ времени измѣняется цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ, т. е. требуемое на ихъ производство количество труда, то измѣняется, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣнность того золота или серебра, которое въ долговой сдѣлкѣ вначалѣ служило мѣриломъ, а впослѣдствіи платежомъ. Особенно характерно въ этомъ смыслѣ открытіе рудниковъ въ Америкѣ и въ Австраліи въ новое время, результатомъ котораго было паденіе цѣнности золота и серебра и возвышеніе цѣнности мѣди въ древнемъ Римѣ. Упадокъ цѣнности золота или серебра естественно благопріятствуетъ должнику, а возвышеніе—кредитору, потому что въ первомъ случаѣ должникъ расплачивается съ кредиторомъ дешевле, а во второмъ дороже, чѣмъ они условились при заключеніи кредитной сдѣлки.

Мы говорили до сихъ поръ о деньгахъ, какъ о всеобщемъ товарѣ, мѣрилѣ цѣнности, орудіи обращенія, сокровищѣ и орудіи платежа. Формой денегъ во всѣхъ этихъ функціяхъ была монета. Но, поступая въ обмѣнъ *международный или всемірный*, деньги оставляютъ за собою этотъ національный мундиръ, и счетныя ихъ наименованія снова замѣняются въ этой сферѣ наименованіями ихъ вѣса. Даже и въ томъ случаѣ, когда золото и серебро обращаются за границей въ своей національной формѣ, вся суть въ ихъ вѣсѣ, а не въ этой формѣ. Сверхъ того, въ международной торговлѣ драгоцѣнные металлы являются простымъ орудіемъ непосредственной мѣны, какъ и въ самомъ началѣ. Это особенно замѣтно въ тѣхъ случаяхъ, когда одна страна только покупаетъ, а другая только продаетъ—Европа и Америка, Европа и

Азія, когда нужно сдѣлать внезапную покупку въ неурожайный годъ хлѣба, и, наконецъ, когда извѣстная страна вывозитъ золото, какъ товаръ изъ рудниковъ. Орудіемъ платежа деньги являются въ международной торговлѣ только для доплаты балансовъ. Мѣриломъ цѣнности служатъ въ ней оба металла, и каждая страна въ своихъ заграничныхъ сдѣлкахъ употребляетъ тотъ изъ нихъ, который для нея выгоднѣе въ данную минуту.

Международное обращеніе денегъ обладаетъ своимъ самостоятельнымъ резервомъ, на подобіе резерва отдѣльныхъ странъ, которымъ регулируется движеніе денегъ изъ одной страны въ другую. Движеніе международнаго обращенія имѣетъ двоякій характеръ—оно происходитъ или между отдѣльными странами, или же по всему торговому міру—изъ тѣхъ странъ, которыя располагаютъ собственными рудниками. Цѣнность металла опредѣляется именно этими послѣдними, такъ что въ отдѣльныя страны онъ вступаетъ уже съ опредѣленною цѣнностью.

Только въ качествѣ всемірныхъ денегъ золото и серебро впервые становятся всеобщимъ товаромъ, такъ какъ за нихъ мѣняется все.

---

Изложивъ свои воззрѣнія на функціи денегъ—служить всеобщимъ или объединительнымъ товаромъ и мѣриломъ цѣнности, Марксъ переходитъ къ разсмотрѣнію остальныхъ денежныхъ функцій, каковы орудіе обращенія, сокровище и орудіе платежа, причемъ въ примѣненіи къ бумажнымъ деньгамъ (особенно Zur Kritik der politisch. Oekonomie) подробно развиваетъ начало, въ силу котораго не количество денегъ въ обращеніи опредѣляетъ цѣны товаровъ, а наоборотъ, цѣны товаровъ опредѣляютъ количество самого обращенія.

Если оставить въ сторонѣ весьма рѣдкую въ области общественной экономіи стройность и цѣльность обработки вопроса о деньгахъ, которыя составляютъ, впрочемъ, характеристику не одной только этой части сочиненія, но и всѣхъ прочихъ, то теорія Маркса о деньгахъ представляетъ, по нашему мнѣнію, слѣдующіе два крупные вклада въ науку: выясненіе генетическаго развитія денежнаго обмѣна и строгое обособленіе въ изслѣдованіи спеціальныхъ свойствъ различныхъ денежныхъ функцій. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу того и другого.

Относительно попытки Маркса опредѣлить порядокъ и причины постепеннаго развитія сложнѣйшаго денежнаго обмѣна изъ непосредственной мѣны, мы должны высказаться въ томъ смыслѣ, что вопросъ этотъ, кромѣ автора *Капитала*, никѣмъ еще и не поднимался, не только не былъ приведенъ къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію. У большей части экономическихъ писателей на вопросъ, какъ и почему денежный обмѣнъ замѣняетъ собою обмѣнъ непосредственный, всегда

былъ готовъ отвѣтъ, что деньги были введены ради такихъ-то и такихъ-то удобствъ. Самая мысль о постепенной и безсознательной исторіи развитія денежнаго обмѣна до того чужда громадному большинству экономистовъ, что изъ ихъ объясненій происхожденія денегъ можно понять дѣло такимъ образомъ, что деньги упали въ одинъ прекрасный день на землю съ неба и, по взаимному соглашенію людей, были приняты къ свѣдѣнію и руководству. Иными словами, по отношенію къ этому вопросу повторилось то же самое, что имѣло мѣсто въ приложеніи ко множеству другихъ спорныхъ пунктовъ въ области политической экономіи, а именно, дѣйствительность просто-на-просто подгонялась подъ плохо вымышленную фабулу, которой приписывалась роль *ultima ratio*. Насколько подобный взглядъ на дѣло наученъ, понятно безъ всякихъ комментаріевъ. Врядъ-ли необходимо также, послѣ всего изложеннаго выше, объяснять, что столь космическій, если можно такъ выразиться, процессъ, какъ денежный обмѣнъ, не только никѣмъ намѣренно не вводился, но до самаго послѣдняго времени не былъ даже хорошенько и понятъ въ своемъ истинномъ смыслѣ вполнѣ инстинктивнаго соціально-экономическаго процесса, самостоятельно возникшаго на различныхъ концахъ земного шара, гдѣ только общественная кооперація принимала извѣстныя, соотвѣтствовавшія ему формы, и развивавшагося потомъ крайне медленно и постепенно.

Изслѣдованіе генетическаго развитія денежнаго обмѣна составляетъ въ *Капиталѣ* содержаніе ученія о формахъ цѣнности. Тутъ авторъ показываетъ намъ, какъ на первыхъ ступеняхъ экономическаго развитія общества люди относятъ при обмѣнѣ каждый отдѣльный товаръ ко всякому другому, какъ мало-по-малу, подъ вліяніемъ возрастающей спеціализаціи труда, одинъ товаръ начинаетъ размѣниваться на многіе, а вслѣдъ затѣмъ всѣ остальные товары начинаютъ размѣниваться и между собою уже не иначе, какъ при посредствѣ одного товара,—всеобщаго эквивалента, или денегъ. Слѣдя за постепеннымъ усложненіемъ денежнаго мѣнового процесса, авторъ выясняетъ, какимъ образомъ отражаются въ умахъ людей явленія этого процесса, какъ сама историческая необходимость толкаетъ ихъ къ спиритистической матеріализаціи своего же собственнаго конкретнаго и полезнаго труда подъ видомъ цѣнностей его продуктовъ, т. е. свойства, врожденнаго послѣднимъ, и какъ, вслѣдствіе того, люди начинаютъ поклоняться созданному ими самими идолу и всеобщему эквиваленту или золоту. Всю совокупность этихъ понятій, весь этотъ своеобразный и вполнѣ необходимый исторически способъ воззрѣнія людей на свои собственныя общественныя отношенія, принявшія вещную форму, *Марксъ* характеризуетъ названіемъ *формы цѣнности* и различаетъ цѣлый рядъ подобныхъ формъ, а именно, простую отно-

сительную, общую относительную, эквивалентную, денежную или всеобщаго эквивалента. Всѣ эти формы въ глазахъ *Маркса* представляютъ собою не реальныя явленія въ ихъ настоящемъ смыслѣ, а только представленія людей на данной ступени ихъ экономическаго развитія о своихъ собственныхъ отношеніяхъ,—всеобщія и установившіяся формы мышленія извѣстной эпохи. Одно уже это обстоятельство въ состояніи снять съ автора *Капитала* значительную долю обвиненій въ употребленіи метафизическихъ пріемовъ, при обсужденіи этого предмета. Но во избѣжаніе дѣйствительныхъ-ли или только кажущихся трудностей для пониманія, представляемыхъ тѣмъ способомъ изслѣдованія, къ которому прибѣгаетъ авторъ, мы старались по возможности ясно разсмотрѣть наиболѣе характеристическія черты ученія „о формахъ цѣнности", и надѣемся, что выполнили эту задачу сравнительно понятно и удовлетворительно.

Обращаясь ко второй изъ указанныхъ нами особенностей теоріи денегъ Маркса, а именно къ проведенію въ послѣдней строгаго различія между отдѣльными денежными функціями, мы должны замѣтить, что подобныя попытки дѣлались уже неоднократно въ различныхъ сочиненіяхъ о деньгахъ. Всего чаще при этомъ упоминается о деньгахъ, какъ о мѣрилѣ цѣнности и какъ о посредникѣ торговли, хотя и та и другая функціи изслѣдуются, большею частью, довольно неопредѣленно и поверхностно. Нѣсколько рѣже говорится въ экономической литературѣ о предполагаемой функціи денегъ служить золотомъ (*Сисмонди*), подъ которымъ разумѣютъ принадлежность денегъ къ числу товаровъ, и, наконецъ, еще рѣже присоединяется къ остальнымъ функціямъ денегъ сколько-нибудь явственно функція ихъ служить объединителемъ труда, какова, напр., характеристика денегъ Верри—*merce universale*, или Ганиля—*produit préféré*. Не трудно видѣть изъ этого перечисленія, что самый даже списокъ отдѣльныхъ денежныхъ функцій является у экономическихъ писателей крайне неполнымъ и недостаточнымъ. Такъ, напр., они ничего не сообщаютъ о деньгахъ, какъ о сокровищѣ и какъ объ орудіи платежа, не говоря уже о томъ, что деньги, какъ орудіе обращенія, смѣшиваются ими съ деньгами, какъ посредниками въ торговлѣ и, слѣдовательно, какъ съ простыми товарами. Но независимо отъ этого, сужденія о каждой функціи денегъ отличаются въ трудахъ большей части политико-экономовъ такою запутанностью и сбивчивостью, что до самаго послѣдняго времени они не были даже въ состояніи помѣшать возникновенію множества денежныхъ теорій и проектовъ, доводившихся своими творцами до значенія панацеи отъ всевозможныхъ общественныхъ золъ. Въ виду столь хаотическаго положенія вопроса о природѣ денежнаго обмѣна,—въ высшей степени отчетливая и глубокая по мысли работа *Маркса* объ этомъ предметѣ безспорно заслуживаетъ сосредо-

точеннаго вниманія. Но къ стыду современной политической экономіи, въ теченіе цѣлой четверти столѣтія со времени появленія этой работы (Zur Kritik etc. 1859) не проявлялось въ печати ни одной серьезной попытки взвѣсить ея достоинства, хотя въ то же время чуть не ежедневно продолжали высказываться самые нелѣпые взгляды на этотъ предметъ. А между тѣмъ, въ теоретическомъ, какъ и въ практическомъ отношеніяхъ вопросъ о деньгахъ—дѣло вовсе не шуточное. Такъ какъ почти каждое явленіе новѣйшей промышленной системы, съ той или другой стороны, тѣсно смыкается съ денежнымъ обмѣномъ, то, не имѣя яснаго представленія о деньгахъ, нельзя не только понять эту систему, но и даже составить себѣ правильную идею о тѣхъ трудностяхъ, которыя предстоитъ преодолѣть для этого. Мы ужъ не говоримъ о томъ, въ какой мѣрѣ является возможнымъ, при подобныхъ условіяхъ, сколько-нибудь плодотворное воздѣйствіе общества на свои экономическія отправленія.

При изученіи отдѣльныхъ функцій денегъ всего больше поражаетъ и сбиваетъ съ толку изслѣдователя, повидимому, неразрѣшимое смѣшеніе феноменовъ реальныхъ и фиктивныхъ или условныхъ, изъ совокупности которыхъ слагается денежный обмѣнъ. Еще сравнительно довольно легко составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о реальной основѣ непосредственной мѣны и отдѣлить ее отъ тѣхъ формъ общественной мысли, которою прикрывается она на извѣстной ступени экономическаго развитія. Повидимому, трудность различенія между реальными и фиктивными явленіями позднѣйшаго денежнаго обмѣна также не особенно велика, если только помнить, что какъ бы ни усложнялись въ умахъ людей абстракціи цѣнности и цѣнности потребленія, — въ основаніи этихъ понятій лежатъ столь реальныя явленія, какъ раздѣленіе въ обществѣ труда и какъ двоякая характеристика труда въ качествѣ спеціальнаго и общечеловѣческаго. Но безконечно больше затрудненій представляетъ изслѣдованіе детальной стороны денежно-мѣнового процесса. Такъ, мы, съ одной стороны, видимъ, что деньги готовятся изъ осязаемаго матеріала, стоющаго извѣстнаго количества труда, а съ другой, наблюдаемъ то явленіе, что та или другая страна въ теченіе многихъ лѣтъ обходится совершенно безъ реальныхъ денегъ и употребляетъ въ дѣло простые знаки, извѣстные подъ названіемъ бумаги. Въ первомъ случаѣ объективное существованіе явленія бьетъ въ глаза, во второмъ — столь же очевидно чисто субъективное, конвенціональное его существованіе. Сверхъ того, мы знаемъ, что драгоцѣнные металлы представляютъ въ объективномъ отношеніи совершенно такіе же предметы внѣшней природы, какъ мясо и фрукты, и что трудъ, добывающій эти металлы, не отличается никакими особенно высокими свойствами, сравнительно съ другими видами труда, и въ то же время замѣчаемъ вокругъ

себя какой-то непонятный культъ золотого тельца, всеобщее признаніе за нимъ высшаго, объединительнаго, начальственнаго положенія надъ остальными продуктами труда. Насколько въ первомъ отношеніи мы имѣемъ дѣло съ одною лишь нагою дѣйствительностью, настолько же во второмъ мы несомнѣнно входимъ въ область фиктивныхъ, метафизическихъ идей, служащихъ логическимъ результатомъ извѣстной системы общественнаго производства. Примѣры эти въ области денежныхъ оборотовъ далеко не единственные, но ихъ достаточно для поясненія нашей мысли, что главная трудность изслѣдованія о деньгахъ заключается въ обособленіи объективныхъ или реальныхъ явленій отъ субъективныхъ или воображаемыхъ и въ указаніи того, какія именно явленія перваго рода послужили почвою для развитія явленій второго рода. Вотъ эту-то задачу и разрѣшаетъ вполнѣ удовлетворительно теорія денегъ Маркса. Намъ кажется, что изслѣдованіе автора даетъ впервые достаточно ясный отвѣтъ на эти вопросы, впервые отводитъ надлежащую роль каждому изъ указанныхъ родовъ явленій денежнаго обмѣна, тогда какъ въ изслѣдованіяхъ другихъ экономистовъ между ними не проводится обыкновенно никакого важнаго различія.

Не ограничиваясь отдѣленіемъ субъективизма отъ объективизма по отношенію къ деньгамъ вообще, авторъ *Капитала* разсматриваетъ съ этой точки зрѣнія каждую отдѣльную денежную функцію; онъ показываетъ намъ, какъ одна изъ этихъ функцій развивалась изъ другой и какимъ образомъ каждая изъ нихъ слагается изъ дѣйствительности и фантазіи. Скажемъ нѣсколько словъ въ объясненіе этого пріема.

Изслѣдованіе свое, какъ мы видѣли выше, *Марксъ* начинаетъ съ такъ называемой имъ эквивалентной функціи денегъ или функціи всеобщаго товара. Подъ именемъ функціи посредника въ мѣнѣ, объединительный характеръ денегъ извѣстенъ въ общихъ чертахъ экономистамъ. Говоря, напр., о затруднительности „найти именно того человѣка, который можетъ помочь нашей нуждѣ и одновременно съ этимъ нуждается самъ въ нашемъ *излишкѣ*“, и прибавляя, что только деньги устраняютъ подобныя неудобства, *Рошеръ* (Die Grundlage der Nationalоekonomie, 236) несомнѣнно разумѣетъ не что иное, какъ эту денежную функцію. То же самое очевидно желаетъ выразить и Дж. Ст. Милль, когда онъ утверждаетъ (Основанія т. II, глава IV), что „при отсутствіи денегъ, портной, не имѣющій ничего, кромѣ платья, можетъ умереть съ голоду прежде, чѣмъ найдетъ человѣка, желающаго продать хлѣбъ и пріобрѣсти платье“. Повидимому, изъ этихъ опредѣленій особеннаго свойства денегъ должно бы слѣдовать, что экономисты представляютъ себѣ совершенно ясно функцію всеобщаго товара. Но въ дѣйствительности это далеко не такъ. Правда, не нуж-

но большой мудрости, чтобы понять, что деньги и прочіе товары не совсѣмъ одно и то же, какъ это извѣстно каждому. Совсѣмъ иное дѣло, однако, составляетъ показать ближайшія черты несходства между денежнымъ и всѣми другими товарами и разъяснить тотъ путь, какой проходится однимъ товаромъ, вполнѣ подобнымъ прочимъ, для того, чтобы стать въ концѣ концовъ собственнымъ товаромъ. Какъ справедливо замѣчаетъ *Маркъ*, дойти до правильнаго пониманія *количественнаго* различія между деньгами и другими товарами экономистамъ постоянно мѣшало то, что они сосредоточивали свое вниманіе исключительно на одной *количественной* сторонѣ купли-продажи. Въ количественномъ отношеніи нѣтъ ни малѣйшей разницы между актомъ непосредственной мѣны и денежнымъ мѣновымъ актомъ. Пудъ воску совершенно въ такомъ же смыслѣ равняется десяти пудамъ соли, какъ и одной десятой фунта золота. Но, сверхъ того, необходимо еще замѣтить, что, при уясненіи явленія денежнаго обмѣна, какъ упомянутые выше, такъ и многіе другіе писатели исходили изъ того ошибочнаго предположенія, что въ настоящемъ обществѣ большая часть предметовъ потребленія производится каждымъ хозяйствомъ для удовлетворенія только собственныхъ потребностей, и что лишь излишекъ въ нихъ сбывается на сторону. Ясное дѣло, что подобная коренная ошибка не могла не отомстить за себя во всѣхъ дальнѣйшихъ выводахъ и заключеніяхъ означенныхъ писателей самымъ жестокимъ образомъ. И дѣйствительно, если всѣ товары, поступающіе въ обмѣнъ, представляютъ не больше, какъ излишекъ надъ удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей, то, слѣдовательно, и денежный товаръ есть не болѣе какъ подобный же излишекъ? А если справедливо это, то можетъ-ли идти рѣчь о какихъ бы то ни было специфическихъ свойствахъ этого товара въ той или другой его функціи? Школа Ад. Смита и въ самомъ дѣлѣ особенно старательно подчеркиваетъ всегда мысль, что деньги не болѣе какъ товаръ, подобный всѣмъ прочимъ товарамъ, и только ради удобства одаренный свойствами мѣрила цѣнности и орудія мѣны. Отсюда, очевидно, должно слѣдовать, что еслибы люди хорошенько захотѣли, то и при нынѣшней системѣ производства они прекрасно могли бы обойтись безъ денегъ, и если они этого не дѣлаютъ, то единственно потому, что это повлекло бы за собою нѣкоторыя неудобства при обмѣнѣ однихъ произведеній на другія [1]).

[1]) Слѣдующія слова *Дж. Ст. Милля* вполнѣ наглядно выражаютъ этотъ способъ воззрѣнія на деньги: „словомъ сказать, въ общественной экономіи деньги по своему внутреннему значенію—самый ничтожнѣйшій предметъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ того, что служатъ онѣ способомъ, уменьшающимъ трату времени и труда. Деньги—машина для быстраго и удобнаго исполненія того, что *дѣлалось бы и безъ нихъ, хотя не такъ быстро и удобно*; и, подобно многимъ другимъ машинамъ, деньги оказываютъ свое особенное вліяніе на ходъ дѣла лишь тогда, когда механизмъ этотъ портится“.

Мнѣніе это невѣрно отъ первой строчки до послѣдней. Специфическіе признаки денегъ, какъ *всеобщаго* товара, именно и кроются въ такомъ раздробленіи общественнаго труда, при которомъ произведеніе предназначается на удовлетвореніе потребностей другихъ людей, а не на самого производителя. Вслѣдствіе *необходимости* обмѣнивать одинъ специфическій продуктъ и заключающійся въ немъ специфическій трудъ на цѣлую массу другихъ разнородныхъ специфическихъ продуктовъ, содержащихъ столь же разнородный трудъ, то или другое отдѣльное хозяйство естественно приравниваетъ всѣ эти различные виды товаровъ къ какому-нибудь одному товару. Естественно также, что этотъ послѣдній, нисколько не теряя въ дѣйствительности принадлежащихъ ему специфическихъ свойствъ, предполагается, однако, лишеннымъ таковыхъ, ради своего всеобщаго значенія, и предполагается не случайно и не въ силу какихъ-нибудь удобствъ, а совершенно *неизбѣжно* и, при данной хозяйственной системѣ,—*необходимо*. Еслибы, напр., люди, оставляя безъ измѣненія существующую экономическую систему производства, пожелали въ одинъ прекрасный день упразднить употребленіе денегъ, то не только „умеръ бы съ голоду портной, не нашедши продавца хлѣба“, а остановилось бы и самое производство, такъ что и искать-то хлѣбъ было бы *негдѣ*.

Мы видимъ отсюда, что хотя объединительный характеръ одного товара—денегъ и представляетъ собою фикцію, какъ то показываютъ намъ изслѣдованія автора, но что фикцію эту породило само экономическое устройство общественнаго производства на извѣстной ступени своего развитія и оно же поддерживаетъ и въ силѣ. Самый процессъ установленія однородности между различными товарами, при помощи общаго имъ всѣмъ общечеловѣческаго труда, совершается крайне медленно и постепенно, соотвѣтственно все большему раздѣленію въ обществѣ труда и сообщенія послѣднему двоякаго характера. Во многихъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ еще въ концѣ XVIII столѣтія былъ весьма распространенъ непосредственный обмѣнъ. Въ Мэриландѣ законодательное собраніе установляло относительныя пропорціи для обмѣна табаку, масла, свинины и хлѣба. Въ Корріентесѣ еще въ 1815 г. мальчики бѣгали по улицамъ съ криками: „соли за свѣчи, табаку за хлѣбъ“ и т. п. Но и это уже позднѣйшія формы непосредственнаго обмѣна, которымъ долговременно предшествуетъ обмѣнъ „во внѣшней жизни двухъ общинъ въ точкахъ соприкосновенія съ чужими общинами, или съ членами послѣднихъ“. „Дикіе народы“, говоритъ *Лафито* [1]), „постоянно ведутъ взаимныя мѣновыя сношенія. Торговля ихъ имѣетъ тотъ общій признакъ съ торговлею древнихъ, что представляетъ непосредственный обмѣнъ од-

[1]) „Moeurs des sauvages americains, comparées aux moeurs des premiers temps“, 1724, T. II, p. 322—3.

нѣхъ вещей на другія. У каждаго изъ нихъ имѣется нѣчто такое, чего нѣтъ у другихъ, и торговля переноситъ всѣ эти вещи отъ одного изъ нихъ къ другому. Таковы зерновой хлѣбъ, гончарныя издѣлія, мѣха, табакъ, одѣяла, лодки, дикобразы, дикій рогатый скотъ, домашняя утварь, амулеты, хлопчатая бумага, словомъ,—все, что только находится въ употребленіи для поддержанія человѣческой жизни... Торговля ихъ ведется съ главою племени, который представляетъ весь народъ". Въ той же фазѣ развитія находится, напр., торговля прасоловъ у насъ въ Россіи, которые рѣдко покупаютъ что-нибудь на деньги, а стараются вымѣнивать свой дешевый и готовый товаръ на щетину, пухъ, перо, заячьи и кошачьи шкурки и тому подобные деревенскіе товары; подобное же значеніе слѣдуетъ приписывать такъ называемымъ самовозамъ-гончарамъ, тряпичникамъ, шабашникамъ и пр., вымѣнивающимъ собственные товары на зерновой хлѣбъ, пеньку, ленъ, холстъ и пр. [1]). Нечего и говорить, какой господствуетъ при этомъ произволъ въ установленіи мѣновыхъ пропорцій. Въ основаніи этого произвола лежитъ не только зависимое отъ скупщика положеніе крестьянъ, причина его заключается еще и въ томъ, что крестьяне не могли пріобрѣсти достаточной сноровки, необходимой для сравненія множества разнообразныхъ товаровъ, среди своей общинной обстановки [2]). Болѣе быстрый шагъ впередъ на пути развитія денежной мѣны произведеній дѣлаютъ тѣ народы, которые самою природою поставлены въ необходимость или возможность производить какой-нибудь одинъ товаръ по преимуществу. Такова, напр., торговля солью въ Сахарѣ, у мандинговъ и на бирманско-китайской границѣ, каучукомъ въ индійской пустынѣ. Ту же роль играютъ финики въ оазѣ Сивахѣ, сахаръ въ англійской Вестъ-Индіи, табакъ въ Виргиніи и Мерилендѣ, кирпичный чай въ верхней Азіи и въ Сибири, слоновая кость у африканскихъ народовъ, бобы какао въ древней Мексикѣ,

[1]) Вотъ какъ описываетъ мѣну съ дикарями племени Оббо извѣстный путешественникъ по Африкѣ *Самуилъ Бекеръ* (Путешествіе къ верховьямъ Нила, 221—2): „Добывать съѣстные припасы становится все труднѣе. Туземцы не иначе продаютъ муку, какъ въ обмѣнъ на мясо, поэтому мы пріобрѣтаемъ ее такъ: въ обмѣнъ на платье и обувь покупаемъ у турецкихъ торговцевъ желѣзные „молоты" (мотыки); на молоты покупаемъ быка, его ведутъ въ дальнюю деревню, убиваютъ и мясо раздѣляютъ приблизительно кусковъ на сто. Съ этимъ мясомъ и съ тремя большими корзинами мои люди садятся на землю; туземцы приходятъ и за каждый кусокъ мяса высыпаютъ въ корзину по маленькой корзинкѣ муки. Вотъ образчикъ томительнаго средне-африканскаго торга мукою".

[2]) То же самое происходитъ при самомъ возникновеніи первыхъ денежныхъ обмѣновъ. Стоитъ вспомнить ту сцену въ одномъ изъ разсказовъ Успенскаго, въ которой происходитъ торгъ между крестьянами отдаленной деревни восточной Россіи и пассажирами въ первый разъ пришедшаго въ ту мѣстность парохода. За провозъ на лошадяхъ на двадцати или тридцати-верстное разстояніе крестьяне ломятъ сначала невѣроятную цѣну, помнится, рублей въ двадцать, и кончаютъ дѣло тѣмъ, что везутъ чуть не за пятнадцатирный.

родъ раковины (каури) на берегахъ Ганга, въ верхнемъ Тибетѣ, въ Кабулѣ, на Малдивскихъ островахъ и въ южномъ Китаѣ. По всей вѣроятности, первая идея *всеобщаго товара* именно и возникаетъ при подобныхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ такого раздѣленія труда, въ основаніи котораго лежатъ климатическія, почвенныя и т. п. различія самой внѣшней природы. Но и независимо отъ этого, необходимость остановиться на какомъ-нибудь одномъ товарѣ порождается еще и самою ступенью экономическаго развитія того и другого народа. Такъ, напр., у народовъ охотничьихъ роль „всеобщаго товара" ежедневно начинаютъ играть шкуры животныхъ, — мягкая рухлядь въ Сибири, бобровыя кожи въ торговлѣ Гудсонъ-Байской компаніи. У народовъ рыболовныхъ та же роль принадлежитъ рыбѣ, — треска на Шетландскихъ островахъ, которою, по словамъ одного французскаго путешественника, даютъ даже сдачу за билетъ въ театръ. У наступескихъ народовъ значеніе денегъ естественно приписывается скоту. У древнихъ грековъ, судя по словамъ *Гомера*, деньгами былъ рогатый скотъ — и оружіе Главка стоило 100 быковъ, а Діомеда 9. Впрочемъ, за лемносское вино во время осады Трои платили то шкурами, то желѣзомъ, то быками, то мѣдью (*Гомеръ*). У древнихъ римлянъ (pecunia) и у древнихъ германцевъ деньгами былъ также скотъ. У киргизовъ, по словамъ *Палласа*, лошади и овцы—деньги, а шкуры ягненка и волка—размѣнная монета. У ногайскихъ татаръ роль товара съ объединительнымъ значеніемъ еще очень недавно играли коровы, у персидскихъ номадовъ—овцы, когда же они живутъ земледѣліемъ, то—зерно, солома и шерсть. Постепенный переходъ къ мѣди и желѣзу въ качествѣ всеобщихъ товаровъ объясняется тою важностью, которую представляли эти металлы сначала въ качествѣ матеріала для оружія, впослѣдствіи, кромѣ того, и для земледѣльческихъ орудій. Такъ, у китайцевъ деньгами служили обрубки сплава изъ мѣди и свинца (*Курно*), у грековъ желѣзо, у римлянъ мѣдь. Введеніе въ обращеніе драгоцѣнныхъ металловъ имѣетъ также весьма древнее происхожденіе. Но и эти металлы обращаются вначалѣ въ качествѣ слитковъ и лишь впослѣдствіи подвергаются чеканкѣ. Ни древніе индусы, ни египтяне, ни китайцы не имѣли еще понятія о монетѣ. У египтянъ долго замѣняли монету связки золота и серебра. У евреевъ также не было монеты въ настоящемъ смыслѣ слова. Серебро вѣсилось: такъ, напр., Авраамъ, покупая у Ефрона мѣсто для гробницы Сары, свѣсилъ 400 сикловъ торговаго серебра. *Бартелеми* относитъ изобрѣтеніе монеты ко времени за 900 лѣтъ до Р. Хр., другіе изслѣдователи—за 700. У грековъ вводится въ употребленіе серебряная монета въ VIII вѣкѣ до Р. Хр. при Ѳедонѣ Аргосскомъ. Золото получаетъ права гражданства позже. Греки вносятъ употребленіе монеты въ Бактріану и Индію. Отъ нихъ же узнаютъ ея назначеніе и

римляне, которые начали чеканить первую серебряную монету за 269, а первую золотую за 207 лѣтъ до Р. Хр. Изъ новыхъ народовъ раньше другихъ предпринимаютъ значительную чеканку денегъ Венеція (1285) и Флоренція. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что въ теченіе трехъ столѣтій XVI, XVII и XVIII повсюду въ Европѣ и въ ея колоніяхъ господство принадлежало серебряной монетѣ, и только съ начала настоящаго столѣтія получаетъ мало-по-малу перевѣсъ монета золотая. Прежде всего вводится двойная единица во Франціи, затѣмъ въ 1816 году въ Англіи, въ 1849 г. въ Бразиліи, въ 1853 г. въ Соединенныхъ Штатахъ, въ 1854 въ Португаліи—золотая, въ 1848 г. въ Испаніи и въ Вестъ-Индіи—двойная, но съ преобладаніемъ золота, въ 1865 г. въ государствахъ такъ называемой латинской конвенціи (Франція, Италія, Бельгія и Швейцарія)—двойная, въ 1873 г. въ Скандинавіи, Голландіи и Германіи — золотая съ предварительнымъ фактическимъ признаніемъ серебра въ двухъ послѣднихъ странахъ.

Фактическія данныя, относящіяся къ исторіи денежнаго обращенія, доставляютъ намъ превосходное разъясненіе той роли, которая мало-по-малу начинаетъ приписываться одному какому-нибудь товару, въ сравненіи съ прочими: иными словами, они указываютъ намъ на происхожденіе и развитіе объединительной функціи денегъ. Функція эта и соотвѣтствующее ей зависимое положеніе всѣхъ другихъ товаровъ является ничѣмъ инымъ, какъ остаткомъ, „переживаніемъ“ старой культуры, и въ этомъ отношеніи напоминаетъ собою отчасти какой-нибудь обрядъ „кувады“ или „умыканія дѣвицъ“. Дѣйствительно, мы только что имѣли случай видѣть, что въ первыхъ фазахъ процесса экономическаго развитія всеобщимъ товаромъ обыкновенно бываетъ или главнѣйшій продуктъ страны, или же продуктъ, производство котораго только свойственно этой фазѣ развитія,—дичь и шкуры животныхъ у народовъ звѣроловныхъ, рыба—у рыболовныхъ, скотъ—у кочевыхъ, зерно и шерсть—у земледѣльческихъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ возведеніе извѣстнаго товара въ должность *объединителя* представляетъ собою вполнѣ неизбѣжный и необходимый процессъ ума, въ основаніи котораго лежитъ тотъ весьма простой фактъ, что подобный товаръ является главнымъ, если не единственнымъ предметомъ вывоза или ввоза. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что труду, содержащемуся въ подобномъ предметѣ, придается значеніе отвлеченнаго или общечеловѣческаго труда: при отсутствіи раздѣленія занятій въ первобытной общинѣ этотъ трудъ дѣйствительно является общечеловѣческимъ для самой общины. Но какъ потребность въ одномъ исключительномъ всеобщемъ товарѣ возрастаетъ по мѣрѣ все большаго и большаго раздѣленія труда и производства на сторону, то и самый всеобщій товаръ, по необходимости, приходится производить специфическимъ видомъ труда, со-

ставляющимъ не болѣе, какъ отдѣльное звено въ общей системѣ раздѣленія труда въ обществѣ. Тутъ-то и возникаетъ воображаемая сторона понятія о всеобщемъ товарѣ. Продуктъ, которому приписывается подобное значеніе, уже давно перестаетъ быть въ дѣйствительности результатомъ общечеловѣческаго въ извѣстномъ отношеніи труда, а между тѣмъ сохраняетъ за собою всѣ свои старыя преимущества и сохраняетъ ихъ тѣмъ сильнѣе, что именно теперь-то и приходится сравнивать между собою безчисленные виды спеціальныхъ работъ въ продуктахъ, не имѣющихъ на первый взглядъ ничего взаимно общаго. Съ другой же стороны увеличеніе размѣровъ обращенія все болѣе и болѣе нуждается въ такомъ товарѣ, который постоянно оставался бы вѣрнымъ своему назначенію,—служить объединителемъ, а слѣдовательно, и мѣриломъ цѣнности другихъ товаровъ. Можно составить себѣ правильную идею о томъ, что сталось бы со всею системою раздѣленія труда, еслибы деньги постоянно выходили изъ обращенія и обращались бы на непосредственное потребленіе подобно быкамъ, финикамъ, соли или кирпичному чаю. Естественно поэтому, что люди постоянно переходили отъ одного денежнаго товара къ другому, пока не остановились на драгоцѣнныхъ металлахъ, всего лучше соотвѣтствующихъ какъ этому, такъ и многимъ другимъ назначеніямъ.

Итакъ, фетишистическое значеніе драгоцѣнныхъ металловъ, какъ товара по преимуществу, товара, господствующаго надъ всѣми, можетъ считаться теперь выясненнымъ. Но отсюда далеко не слѣдуетъ, что и самый товаръ, которому приписываются чудодѣйственныя свойства товара объединителя и воплотителя общечеловѣческаго труда, дѣйствительно состоялъ бы на-лицо или нѣтъ, смотря по тому, какъ захочется людямъ. Деньги не представляютъ собою простого знака въ этой своей функціи, онѣ не суть также продуктъ простого соглашенія, какъ учили *Локке*, *Галіани* и др. Избранный всеобщимъ эквивалентомъ товаръ долженъ быть дѣйствительнымъ а не воображаемымъ товаромъ, т. е. удовлетворять реальнымъ потребностямъ и содержать въ себѣ реальный трудъ. Условія эти необходимо должны совмѣщаться въ денежномъ товарѣ, такъ какъ само раздѣленіе общественнаго труда требуетъ, чтобы рѣшительно каждый предметъ, поступающій въ обмѣнъ, производился спеціальнымъ трудомъ, т. е. единственно возможнымъ въ этой фазѣ развитія, и удовлетворялъ бы спеціальной потребности. Отвлеченный характеръ объединительной функціи драгоцѣнныхъ металловъ представляетъ наслѣдіе отъ тѣхъ временъ, когда отвлеченіе еще вполнѣ совпадало съ дѣйствительностью, когда общечеловѣческія свойства *одного* товара дѣйствительно были *таковыми*. Съ теченіемъ времени это измѣнилось: *золоту* и *серебру* условно придается извѣстный отвлеченный характеръ, благодаря всей совокупности ихъ специфическихъ свойствъ, но дѣло-то

въ томъ, что, при раздѣленіи труда и при исключительномъ господствѣ *частныхъ* обмѣновъ, подобный характеръ необходимо долженъ быть приданъ какому-нибудь *одному* дѣйствительному произведенію. Заслуга *Маркса* по отношенію къ тому вопросу въ томъ именно и состоитъ, что онъ указалъ на законъ развитія функціи всеобщаго товара, которая возникаетъ при первоначальномъ, непосредственномъ обмѣнѣ и лишь постепенно принимаетъ тотъ смутный и странный видъ, которымъ отличается она впослѣдствіи среди полнѣйшаго раздробленія труда и связаннаго съ нимъ товарнаго производства. Знаками металлическія деньги могутъ казаться только тому, кто смотритъ на куплю-продажу съ точки зрѣнія непосредственнаго обмѣна и считаетъ столь сложный актъ простою замѣною одного предмета потребленія другимъ, въ которой деньги, очевидно, должны имѣть совершенно *побочное* значеніе. Чтобы понять эту ошибку, достаточно вспомнить, что предками нынѣшнихъ металлическихъ денегъ были быки и коровы, т. е. такіе предметы, которыхъ никто не захочетъ считать знаками, и что если на мѣсто послѣднихъ стали съ теченіемъ времени металлы, то вѣдь этимъ, очевидно, измѣнена форма дѣла, а не сущность.

Объединительная функція денегъ есть основная ихъ функція, по отношенію къ которой всѣ прочія не болѣе какъ выводныя или дополнительныя. Такъ, напримѣръ, естественно, что по установленіи извѣстной однородности между деньгами и другими товарами, первый вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, *сколько* денегъ слѣдуетъ давать за тотъ или другой товаръ, иными словами, количественный анализъ вступаетъ на мѣсто качественнаго. Изъ постояннаго повторенія процесса подобныхъ сравненій многихъ товаровъ съ однимъ вытекаетъ функція денегъ служить *мѣриломъ цѣнности*, разсмотрѣнная выше, на основаніи изслѣдованій Маркса.

Спрашивается теперь, какія явленія этой новой денежной функціи носятъ отвлеченный, фантастическій характеръ и какія—фактическій? Мѣриломъ мѣновыхъ цѣнностей несомнѣнно служитъ только дѣйствительный трудъ, содержащійся въ дѣйствительномъ произведеніи, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обращеніе выводятся бумажныя деньги, мѣриломъ цѣнности по прежнему остается тотъ же трудъ, заключавшійся въ обращавшемся *прежде* металлѣ. Замѣна, напр., вѣсовыхъ наименованій монетными очень часто ведетъ къ тому, что вѣсовыя подраздѣленія металла переходятъ въ счетную единицу, т. е. въ *идеальную*, для которой во многихъ случаяхъ совсѣмъ не нужно золота. Такъ, напр., въ Шотландіи до знаменитаго банковаго акта Роберта Пиля въ 1844 г. вовсе не было золота, что не мѣшало шотландцамъ считать на унціи золото и на соверены или фунты стерл. Такимъ же образомъ деньги, обращавшіяся въ XVIII сто-

лѣтіи во многихъ англійскихъ колоніяхъ Сѣверной Америки, состояли изъ испанскихъ и португальскихъ монетъ, между тѣмъ какъ счетными деньгами оставались англійскія. Къ этимъ фактамъ можно прибавить еще тотъ, что на восточномъ архипелагѣ испанскіе доллары обращались такъ долго, что народъ ни подъ какимъ видомъ не желалъ разстаться съ ними, хотя, вслѣдствіе недостаточной доставки ихъ изъ Испаніи, монетное ихъ наименованіе значительно разошлось съ содержаніемъ въ нихъ металла.

Не трудно видѣть отсюда, въ чемъ собственно состоитъ идеальная характеристика функціи мѣрила цѣнности и въ какихъ случаяхъ она проявляется. Идеальное свойство мѣрила цѣнности опять-таки представляетъ собою для цѣнности эпохи родъ переживанія культуры, вполнѣ упорнаго и основательнаго. Пока благородный металлъ, сохраняющій свой полный вѣсъ и наименованіе, соотвѣтствующее этому вѣсу, находится на-лицо, измѣреніе имъ цѣнности хотя и представляетъ процессъ отвлеченный, но въ то же время почти осязательный по очевидности своей основы. Но какъ только по той или по другой причинѣ вѣсовое и монетное наименованія его разошлись между собою, и въ обмѣнъ входитъ или меньшее количество металла, или другой металлъ, или чужеземная монета, то старыя наименованія пріобрѣтаютъ идеальный, счетный характеръ и, благодаря привычкѣ къ нимъ общества, замѣняютъ собою новыя наименованія. Но отсюда опять-таки вовсе не слѣдуетъ, что для измѣренія цѣнностей достаточно одного только стараго *вѣсового* наименованія, которое ставится на мѣсто новаго. Дѣло въ томъ, что золото и серебро продолжаютъ служить наличнымъ мѣриломъ цѣнности, какъ бы ни измѣнялось ихъ количество въ одномъ и томъ же экземплярѣ монеты и какъ бы ни расходилось по той или другой причинѣ ихъ монетное наименованіе съ вѣсовымъ. Если подъ вліяніемъ привычки общество и продолжаетъ, при замѣнѣ одного наименованія другимъ, *идеально* придерживаться прежняго наименованія для измѣренія цѣнности, то оно, однако, придаетъ его вполнѣ реальнымъ, состоящимъ на-лицо количествамъ золота или серебра [1]).

Самый процессъ установленія монетной единицы, или назначеніе денежнаго масштаба является дѣломъ чисто условнымъ, хотя послѣдній и пріобрѣтаетъ въ самомъ обращеніи характеръ необходимости и дѣйствительности. Масштабъ этотъ естественно различныхъ странъ, не считая того, что онъ въ извѣстномъ смыслѣ различенъ и въ одной

[1]) Такъ точно простой народъ и отчасти не простой въ Россіи не забылъ двадцать лѣтъ послѣ финансовой мѣры графа Канкрина, превратившей 3 р. 50 к. ассигнаціями въ 1 рублевый государственный билетъ, который долго размѣнивался на серебряный рубль, что старое наименованіе означало когда-то большую сумму, и считалъ на ассигнаціи.

и той же странѣ. Такъ, напр., въ качествѣ вѣсовой металлической единицы унція золота раздѣляется въ Англіи на пенни, граммы и караты *Troy*; въ качествѣ же единицы денежной мѣры она содержится въ $3^7/_8$ соверена, соверенъ содержитъ 20 шиллинговъ, шиллингъ 12 пенсовъ, такъ что 100 ф. 22 каратнаго золота (1200 унцій) равняются 4672 соверенамъ и 10 шиллингамъ. Соверенъ есть монетное наименованіе извѣстной части золота; что же касается шиллинговъ и пенсовъ, то они представляютъ только такое наименованіе золота, которое замѣняется въ обращеніи марками изъ низшихъ металловъ— серебра и мѣди. Только на всемірномъ рынкѣ всѣ подобныя наименованія снова перестаютъ играть какую бы то ни было роль и замѣняются понятіемъ вѣса въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Итакъ, замѣна вѣсовыхъ наименованій монетными ведетъ къ тому, что вмѣсто выраженія, что „квартеръ пшеницы стоитъ унцію золота", говорятъ, что онъ „стоитъ 3 ф. 7 шилл. $10^1/_2$ пенсовъ". Но тутъ-то и возникаетъ въ умахъ людей путаница между идеальной или условной стороной установленія масштаба и дѣйствительнымъ его значеніемъ. Въ качествѣ масштаба золото получаетъ тѣ же счетныя наименованія, какъ и товарныя цѣны, напр. унція золота, какъ и тонна желѣза, выражается одинаково въ 3 ф. 7 шилл. и $10^1/_2$ пенсахъ. Ясное дѣло, что по отношенію къ тоннѣ желѣза это выраженіе означаетъ ея *цѣну*, т. е. денежный эквивалентъ, который дѣйствительно даютъ за нее на рынкѣ, тогда какъ по отношенію къ унціи золота онъ имѣетъ значеніе только *наименованія*, т. е. простого языка. Тѣмъ не менѣе, отсюда былъ сдѣланъ ложный выводъ, что самое наименованіе золота есть его *монетная цѣна*. Это, въ свою очередь, подало поводъ къ странному предположенію, будто золото *оцѣнивается* самимъ же золотомъ и, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ товаровъ, получаетъ *постоянную цѣну* законодательнымъ путемъ. Такимъ образомъ установленіе извѣстныхъ счетныхъ наименованій для извѣстныхъ вѣсовыхъ количествъ было признано за установленіе *цѣнности* этихъ вѣсовыхъ количествъ. Но, чтобы золоту имѣть цѣну, для этого нуженъ другой еще всеобщій *товаръ*, а это представляло бы *nonsens*. Два товара, изъ роли которыхъ исключаются всѣ другіе товары, исключаютъ изъ нея и другъ друга. Гдѣ поэтому серебро и золото обращаются на основаніи закона, къ качествѣ денегъ совмѣстно, тамъ постоянно дѣлается напрасная попытка считать ихъ за одинъ и тотъ же матеріалъ. Дѣйствительно, если предполагать, что въ одной и той же пропорціи золота и серебра (напр., $1 : 15^1/_3$) постоянно пребываетъ одно и то же количество *труда*, то это значитъ, что серебро есть постоянная дробь золота. Въ Англіи со временъ Эдуарда III до Георга II идетъ непрерывный рядъ колебаній, проистекающій изъ столкновенія между *законодательнымъ и дѣйствительнымъ* установленіемъ отношеній цѣн-

ности золота и серебра и *дѣйствительными* измѣненіями ихъ цѣнности. Слишкомъ высоко оцѣнялось то золото, то серебро. Металлъ, оцѣненный законодателемъ слишкомъ низко, выходилъ изъ обращенія, переплавлялся и вывозился. Тогда отношеніе цѣнности двухъ металловъ снова измѣнялось законодательствомъ, но вслѣдъ затѣмъ повторялась прежняя исторія, и такъ далѣе. Таковы-то бываютъ результаты смѣшенія ролей мѣры цѣнности и масштаба цѣнъ, реальной стороны дѣла съ идеальною или условною его стороною. Слабый упадокъ цѣнности золота въ сравненіи съ серебромъ, вслѣдствіе индо-европейскаго спроса, повлекъ за собою еще въ пятидесятыхъ годахъ то же самое явленіе во Франціи въ чрезвычайно большихъ размѣрахъ, а именно, вывозъ серебра и замѣну его въ обращеніи золотомъ. Въ теченіе 1855, 56 и 57 годовъ перевѣсъ ввоза золота во Францію надъ вывозомъ его составлялъ 41.580,000 ф., перевѣсъ же вывоза серебра надъ ввозомъ его—14.704,000 ф. Дѣйствительно, въ такихъ странахъ, какъ Франція, гдѣ оба благородные металла являются законными мѣрилами цѣнности, изъ которыхъ каждый избирается публикою по произволу, *фактически* служитъ мѣриломъ только одинъ выше оцѣненный металлъ, которымъ измѣряется, подобно всѣмъ прочимъ товарамъ, также и цѣнность *другого* металла. Когда цѣнность послѣдняго возрастаетъ, онъ вывозится или плавится массами.

Ученіе о кредитѣ вообще представляетъ одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ политической экономіи по своей крайней сбивчивости, запутанности и туманности. Мнѣнія объ этомъ предметѣ К. Маркса являются въ существующихъ его сочиненіяхъ недостаточно развитыми и, возбуждая любознательность, недостаточно удовлетворяютъ ее. Но и при всемъ томъ намъ кажется, что изложенный выше взглядъ Маркса на возникновеніе кредитныхъ актовъ проливаетъ на сущность дѣла безконечно болѣе свѣта, нежели цѣлые десятки томовъ сочиненій о „банкахъ“, и содержитъ, хотя въ зародышѣ, вполнѣ раціональное объясненіе всѣхъ существенныхъ сторонъ этого экономическаго явленія. Основу кредита до самаго послѣдняго времени экономисты видятъ въ чисто отвлеченномъ началѣ довѣрія, предпріимчивости, надежности и тому подобныхъ неосязаемыхъ явленіяхъ. Раскройте любое сочиненіе о банкахъ, и вы сейчасъ же наткнетесь на банальную и ничего не значущую фразу, что кредитъ есть довѣріе къ исполненію даннаго обѣщанія уплаты долга, въ основаніи какового (довѣрія) лежитъ безопасность личности и собственности, предпріимчивость должника и его имущественная состоятельность и т. д.. и т. д. Опредѣливши кредитъ такимъ или подобнымъ образомъ, авторъ обыкновенно спѣшитъ перейти къ восхваленію заслугъ кредита и тутъ онъ или утверждаетъ, что кредитъ не производитъ богатства,

а только способствуетъ его увеличенію, перенося капиталы изъ неумѣлыхъ рукъ въ умѣлыя (какъ будто не все равно, *производитъ-ли богатство* кредитъ или *способствуетъ его увеличенію?*), или же, подобно Маклеоду, хочетъ увѣрить легкомысленную публику, что самый кредитъ, будущій платежъ, есть непосредственное, наличное богатство. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе видовъ кредита, выясненіе отдѣльныхъ его функцій, его вліяніе на цѣны товаровъ, на вексельные курсы, на уровень процента и пр. Что всего болѣе поражаетъ свѣжаго человѣка въ этомъ отношеніи къ дѣлу, такъ это полнѣйшее отсутствіе всякой дисциплины мысли, подъ вліяніемъ котораго сбрасываются въ общую кучу всевозможные углы зрѣнія, способы изслѣдованія, хвосты и лапки подмѣченныхъ, какъ попало, фактовъ, обрывки отвлеченій и личныхъ наблюденій. Такъ, напр., ординарнымъ изслѣдователямъ кредита большею частью и въ голову не приходитъ то простое соображеніе, что законы, по которымъ функціонируетъ общественное хозяйство, ни подъ какимъ видомъ не могутъ основываться на личномъ настроеніи того или другого отдѣльнаго лица, на томъ, ощущаетъ или не ощущаетъ Иванъ къ Петру довѣріе, и что, наоборотъ, само подобное настроеніе должно составлять результатъ данной общественно-хозяйственной организаціи. А между тѣмъ, посмотрите, какія крупныя послѣдствія вытекаютъ, по мнѣнію экономистовъ, изъ отсутствія въ данное время *довѣрія* къ уплатѣ долговъ,— причина эта весьма часто объясняетъ въ ихъ глазахъ ни болѣе, ни менѣе, какъ промышленные кризисы, иными словами, *застой* и *дезорганизацію* общественнаго процесса *производства* и *потребленія*! Такимъ образомъ простой психическій феноменъ, способъ пониманія людьми своихъ собственныхъ отношеній, своего общественнаго устройства, возводится на степень коренной, послѣдней причины матеріальныхъ преобразованій въ этихъ отношеніяхъ, въ этой организаціи. Какъ будто не до послѣдней степени ясно, что существованіе данной общественной организаціи составляетъ не послѣдствіе, а причину извѣстнаго пониманія ея людьми, и что самое это пониманіе носитъ на себѣ непосредственные слѣды особенностей даннаго общественнаго строя? Люди, разсуждающіе подобнымъ образомъ, выражаютъ въ сущности мнѣніе, нисколько не уступающее тому, въ силу котораго потеря арміей сраженія составляетъ результатъ паническаго страха, нагнаннаго на нее непріятелемъ, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ сначала проигрывается сраженіе, а потомъ уже является паника, и, наоборотъ, выигрышъ сраженія внушаетъ людямъ бѣшеную храбрость и неслыханную бодрость духа.

Какимъ же образомъ, спроситъ, можетъ быть, читатель, удалось избѣгнуть всѣхъ этихъ подводныхъ камней Марксу въ его ученіи о кредитныхъ сдѣлкахъ? Намъ кажется, что цѣль эта авторомъ „*Zur*

*Kritik*“ и „*Капитала*“ достигается въ силу того, что онъ перемѣняетъ точку зрѣнія, съ которой обыкновенно разсматриваются явленія кредита. Онъ нигдѣ или почти нигдѣ не говоритъ ни слова о довѣріи, какъ объ основаніи кредита,—довѣріе въ его ученіи подразумѣвается само собою, какъ естественный результатъ такой организаціи общественнаго обращенія денегъ и товаровъ, при которой покупатель очень часто можетъ разсчитывать на продажу собственнаго товара не прежде, какъ по истеченіи извѣстнаго времени по совершеніи имъ покупки, и при которой, слѣдовательно, отсрочка платежа во многихъ случаяхъ представляетъ неизбѣжную необходимость. Онъ взглянулъ на кредитный актъ, если такъ можно выразиться, не съ того конца, съ котораго большею частью изучается этотъ послѣдній, и разсматриваетъ его исключительно со стороны той роли, которую играютъ въ этомъ актѣ *деньги*. Столь ничтожная, повидимому, перестановка точки зрѣнія принесла, тѣмъ не менѣе, неожиданные по своей важности результаты. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: во-первыхъ, оказалось, что въ основаніи кредитныхъ актовъ лежитъ главнымъ образомъ денежно-мѣновая сдѣлка съ отсроченнымъ платежомъ; во-вторыхъ, стало ясно, что деньги играютъ въ этой сдѣлкѣ совершенно своеобразную роль—орудія платежа и потому почти изгоняются изъ крупныхъ оборотовъ; въ-третьихъ, обнаружилось, что никакой кредитъ самъ по себѣ, т. е. довѣріе, облеченное въ форму кредитной бумаги, не въ состояніи оказывать своимъ количествомъ какого бы то ни было дѣйствія на цѣны товаровъ (см., напротивъ, Дж. Ст. Милль, „Основанія“),какъ не оказываетъ его и самое количество денегъ, потому что, наоборотъ, само зависитъ отъ размѣра цѣнъ товаровъ; въ-четвертыхъ, наконецъ, сдѣлалось очевиднымъ, что кредитъ не можетъ увеличивать количества предметовъ потребленія, а также, что если возможность отсрочки платежа способствуетъ облегченію оборотовъ, то совершенно подобнымъ же образомъ способствуетъ ему и цѣлая тысяча другихъ вещей, какъ, напримѣръ, снятіе таможенныхъ заставъ и пошлинъ, уничтоженіе паспортовъ, улучшеніе путей сообщенія, болѣе правильное обложеніе податями и т. д., и т. д. Все это ведетъ къ заключенію, что въ ученіи *Маркса* о кредитѣ мы ни разу не выходимъ изъ сферы реальныхъ отношеній общественной организаціи, иными словами, изъ сферы общественнаго раздѣленія труда и вытекающаго изъ него денежнаго обмѣна, ни разу не приписываемъ чудодѣйственной силы продукту простого воображенія—довѣрію или недовѣрію.

Подводя общій итогъ изслѣдованію о деньгахъ Маркса, мы насчитываемъ у него слѣдующія пять самостоятельныхъ денежныхъ функцій, пять различныхъ ролей, отправляемыхъ деньгами въ обмѣнѣ товаровъ между людьми: *всеобщій товаръ* или *орудіе покупки, мѣрило цѣнности, орудіе обращенія, сокровище* и *орудіе платежа*. Онъ присо-

единяетъ къ этому числу еще шестую функцію — *всемірныхъ денегъ*, но такъ какъ въ этомъ случаѣ деньги только возвращаются къ своимъ первоначальнымъ свойствамъ, теряя значительную часть фиктивныхъ добродѣтелей, которыми одарены во внутреннемъ обращеніи отдѣльныхъ странъ, то, по нашему мнѣнію, нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы признавать подобную роль вполнѣ самостоятельной. Что касается первыхъ пяти функцій, то всѣ онѣ находятся во взаимной зависимости и развиваются одна изъ другой. Такъ, напримѣръ, всеобщій товаръ естественно дѣлается мѣриломъ цѣнности, потому что признается объединителемъ всѣхъ прочихъ товаровъ. Точно также, изъ функцій всеобщаго товара и мѣрила цѣнности вытекаетъ свойство денегъ обращаться непрерывно, обращаться извѣстнымъ спеціальнымъ образомъ, т. е. раскалывая непосредственный обмѣнъ на двѣ сдѣлки, и обращаться въ опредѣленномъ количествѣ,—иными словами, функція орудія обращенія съ ея результатами — обращеніемъ марокъ изъ низшаго металла и бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ, въ качествѣ знаковъ, представляющихъ цѣнность благородныхъ металловъ, которые ими замѣнены. Будучи соединены въ одно цѣлое, всѣ эти три функціи денегъ даютъ существованіе четвертой—сокровища или резерва, которые находятся въ постоянномъ отношеніи къ обращенію, то поглощая часть послѣдняго, то возвращая ему часть собственнаго содержанія. Съ другой стороны, отъ наличности тѣхъ же трехъ первыхъ функцій зависитъ и существованіе пятой, т. е. орудія платежа, которое возможно только для денегъ въ качествѣ всеобщаго товара, мѣрила цѣнности и орудія обращенія. При отсутствіи перваго изъ этихъ качествъ платежъ было бы необходимо производить обыкновенными товарами, что при существованіи производства товаровъ окончательно немыслимо: при отсутствіи второго, нечѣмъ было бы измѣрить величину долга; наконецъ, при отсутствіи третьяго, могло бы не оказаться въ данную минуту на-лицо орудія платежа.

Только соединеніе всѣхъ этихъ денежныхъ функцій въ одно цѣлое даетъ намъ болѣе или менѣе ясное понятіе о различныхъ особенностяхъ денежнаго обмѣна, только совмѣстное ихъ изученіе, въ которомъ въ то же время не упущены изъ виду индивидуальныя черты отдѣльныхъ денежныхъ ролей, ведетъ насъ къ выясненію наиболѣе темныхъ и запутанныхъ явленій современной индустріальной системы. Если до-нынѣшнія изслѣдованія автора *Капитала* и не исчерпываютъ этой задачи совершенно, то они во всякомъ случаѣ открываютъ въ высшей степени прочную и основательную почву для дальнѣйшихъ изученій въ этой сумрачной области.

Перейдемъ теперь къ сравнительной оцѣнкѣ теоріи цѣнности и денегъ Маркса, съ одной стороны, и соотвѣтствующей ей теоріи школы Рикардо съ другой, чтобы имѣть возможность правильно судить

о томъ, что изслѣдованія Маркса составляютъ въ сущности не что иное, какъ дальнѣйшее историческое развитіе тѣхъ основныхъ началъ науки, которыми мы одолжены классическимъ экономистамъ, обогащенное успѣхами новѣйшаго общественно-экономическаго изученія.

Доктрина экономистовъ, признающихъ трудъ важнѣйшимъ регуляторомъ мѣновыхъ пропорцій, успѣла придать цѣнности, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, стойкія и прочныя объективныя основанія, показавъ, что *относительный* мѣновой размѣръ опредѣляется сравненіемъ *абсолютныхъ* количествъ труда, содержащихся въ каждомъ изъ обмѣниваемыхъ продуктовъ. Хотя большая часть этихъ теоретиковъ, напримѣръ Макъ-Куллохъ[1]), Дж. Ст. Милль и часто самъ Рикардо, говорятъ преимущественно о мѣновыхъ *отношеніяхъ*, въ предѣлахъ коихъ, по ихъ мнѣнію, вращается весь вопросъ о цѣнности, но въ то же время всѣ они ясно показываютъ, что еще до установленія того или другого мѣнового отношенія состояли уже на-лицо *абсолютные* моменты для сравненія, именно количества труда, заключенныя въ продуктахъ. Слѣдующія, напримѣръ, слова Рикардо не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія: „По мнѣнію Сэя [2]), цѣнность сукна увеличивается вдвое, когда удвоивается трудъ производства сукна, и когда, вслѣдствіе этого, сукно обмѣнивается на количество другихъ товаровъ, вдвое большее прежняго: это безспорно. Но въ томъ случаѣ, когда облегчается производство этихъ товаровъ, а производство сукна остается при прежнихъ условіяхъ, и когда, вслѣдствіе этого, сукно *также* обмѣнивается на двойное количество ихъ. Сэй полагаетъ, что опять удвоилась цѣнность сукна. Между тѣмъ, по нашему взгляду на предметъ, слѣдовало бы сказать, что цѣнность сукна осталась теперь безъ измѣненія, а цѣнность указанныхъ товаровъ уменьшилась въ два раза". Итакъ, мы видимъ отсюда, что доктринѣ школы не противорѣчитъ нисколько то, что мѣновая цѣнность одного и того же продукта можетъ выражаться въ двухъ различныхъ количествахъ другого продукта (при одной и той же техникѣ и при техникѣ, измѣнившейся въ производствѣ другого продукта) и оставаться при этомъ безъ измѣненія, благодаря единственно тому, что количество труда, содержащееся въ первомъ продуктѣ, не подвергается перемѣнамъ. Но отсюда явно слѣдуетъ,

[1]) „The capacity of exchanging for or buying other things is inherent in all commodities which, at the same time that they are in demand, are not spontaneous productions; but it can neither be manifested nor appreciated except when they are compared with each other... No article or product can have any exchangeable value, except in relation to some things else that is, or may be exchanged for it. We may as well talk about absolute height or absolute depth, as about absolute value". M-k-Culloch, Princ., p. 291—2.

[2]) Oeuvres complètes, p. 256.

что опредѣленіе, придаваемое всего чаще этою школою цѣнности, именно: „цѣнность—это количество продукта, получаемое въ обмѣнъ", не обнимаетъ собою всѣхъ особенностей явленія и должно быть измѣнено или исправлено. Если цѣнность продукта не измѣняется, несмотря на то, что за него получается въ обмѣнъ большее количество другого продукта, при условіи, что уровень техники измѣнился въ производствѣ этого послѣдняго,—то очевидно, что цѣнность и это количество отнюдь не синонимы.

Если взять въ разсмотрѣніе какой-нибудь мѣновой актъ, то мы дѣйствительно найдемъ, вслѣдъ за Марксомъ, что онъ представляетъ такое равенство двухъ обмѣниваемыхъ продуктовъ, въ которомъ каждый изъ нихъ равенъ другому потому, что каждый равенъ чему-то третьему. *Равенство* продуктовъ оказывается, такимъ образомъ, чѣмъ-то постороннимъ самимъ продуктамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно совершенно совпадаетъ съ характеристикой мѣнового акта, который представляетъ собою взаимное замѣщеніе двухъ *неодинаковыхъ* продуктовъ. Много или мало будетъ продукта на той или на другой сторонѣ акта или на обѣихъ, обмѣнъ произойдетъ въ томъ только случаѣ, если эти количества будутъ равны между собою по отношенію къ количествамъ содержащагося въ нихъ труда или рабочаго времени. Поэтому недостаточно сказать, что размѣры обмѣниваемыхъ продуктовъ, *цѣнности*, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова для школы, слѣдуютъ за размѣрами труда, или *регулируются трудомъ*. Трудъ, а не продуктъ оказывается основнымъ элементомъ отношенія. Самъ *трудъ* есть цѣнность, говоритъ К. Марксъ. Иными словами, трудъ является единственнымъ *общественнымъ* образователемъ тѣхъ пропорцій, въ которыхъ происходятъ мѣновые акты. *Труду отводится, такимъ образомъ, роль не только регулятора, но также и образователя мѣновыхъ размѣровъ.* Это опредѣленіе цѣнности имѣетъ важное научное значеніе потому именно, что совершенно примиряетъ взгляды на цѣнность какъ въ изолированномъ, такъ и въ мѣновомъ хозяйствахъ. Если элементы цѣнности и важнѣйшій изъ нихъ—трудъ состоятъ налицо и въ изолированномъ хозяйствѣ, если мѣновое хозяйство не вноситъ въ эту область существенныхъ измѣненій со стороны содержанія отношеній, то очевидно, что нельзя говорить о цѣнности *мѣновой*, какъ о чемъ-то отличномъ или даже противоположномъ цѣнности потребленія или полезности. Отлична отъ послѣдней и въ извѣстномъ смыслѣ противоположна ей не цѣнность *мѣновая*, а цѣнность *вообще*, т. е. трудъ въ опредѣленной формѣ. Трудъ въ этой формѣ—абстрактной, общей, равной во всѣхъ отрасляхъ.—существуетъ и въ Робинзоновомъ, и во всякомъ другомъ изолированномъ хозяйствѣ. Но мѣновое хозяйство отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что трудъ принимаетъ въ немъ эту общую форму, дѣлающую его общественнымъ

трудомъ, не иначе, какъ путемъ обмѣна. Каждый спеціальный трудъ отдѣльной отрасли общественнаго раздѣленія труда становится общественнымъ, т. е. выполняетъ свое назначеніе, только подъ условіемъ, что находитъ выраженіе въ продуктѣ другого спеціальнаго труда, что пріобрѣтаетъ форму *мѣновой* цѣнности. Мѣновая цѣнность оказывается поэтому только *формою* труда, принимаемою послѣднимъ въ мѣновомъ хозяйствѣ. Такую форму трудъ находитъ въ полезныхъ качествахъ другого продукта, въ потребительной его цѣнности.

Прежде чѣмъ перейти къ болѣе подробному разсмотрѣнію этихъ опредѣленій, скажемъ нѣсколько словъ о важности понятія объ общественно-необходимомъ рабочемъ времени. Только такое время, говоритъ К. Марксъ, т. е. время, „опредѣляемое данными общественно-нормальными условіями производства и общественною средней степенью ловкости и интенсивности труда“, образуетъ цѣнность. Введеніе въ науку этого понятія разъ навсегда исключаетъ всякую возможность обсужденія вопроса цѣнности въ тѣхъ узкихъ, атомистическихъ предѣлахъ, въ какихъ говорятъ о ней весьма многіе экономисты; разъ навсегда отрѣзанъ путь для такихъ возраженій противъ теоріи Рикардо (Вальрасъ, Бастіа, Маклеодъ и др.), которыя имѣютъ цѣлью показать невѣрность этой теоріи на отдѣльныхъ мѣновыхъ случаяхъ. Никакой алмазъ, найденный на улицѣ, никакое масло, двадцать разъ перевезенное изъ одного мѣста въ другое и обратно, не въ состояніи поколебать въ будущемъ ту истину, что мѣновые размѣры установляются *вообще* въ соотвѣтствіи съ трудомъ, потраченнымъ на производство продуктовъ. Продуктъ можетъ обойтись отдѣльному производителю въ извѣстное время дороже, нежели обходится онъ среднему производителю средняго времени, но въ обмѣнѣ онъ беретъ за себя не больше, а столько же чужого продукта, сколько беретъ средній продуктъ. Цѣнность отдѣльнаго продукта подводится здѣсь подъ среднюю цѣнность; но только послѣдняя можетъ считаться общественною цѣнностью и служить первымъ и главнымъ предметомъ изслѣдованія о цѣнности вообще. Продуктъ обошелся дешевле, но пока эта сравнительная дешевизна производства не стала общественною, владѣлецъ продукта пользуется на рынкѣ извѣстною рентой, которая также не нарушаетъ закона средней, общественной цѣнности, потому что представляетъ особое и индивидуальное явленіе. Продуктъ можетъ не быть продуктомъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но индивидуальныя случайности, историческія особенности могутъ сдѣлать его продуктомъ общественнаго раздѣленія труда, сообщить ему цѣнность, подвести ее подъ дѣйствительныя общественныя цѣнности, напр., продуктъ труда проститутки, продуктъ труда чиновника, берущаго взятку, и т. д. Но привильная комбинація тѣхъ пріемовъ изслѣдованія, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ, съ точностью

опредѣляетъ роль и значеніе каждаго изъ этихъ видовъ цѣнностей, внося ихъ въ отдѣльныя категоріи и подвергая особымъ изысканіямъ. Цѣнность средняя изслѣдуется въ среднемъ мѣстѣ и въ среднее время, цѣнности специфическія—въ тѣ спеціальные моменты и въ тѣхъ спеціальныхъ сферахъ, когда и гдѣ онѣ проявляются. Изслѣдованіе перваго вида цѣнности предшествуетъ изслѣдованію второго вида, потому что относится къ явленію болѣе общему. Тотъ и другой не смѣшиваются между собою ни въ какомъ случаѣ.

Вникнемъ теперь подробнѣе въ проводимое Марксомъ различіе между конкретнымъ и абстрактнымъ трудомъ и вытекающія изъ него послѣдствія. Прежде чѣмъ войти въ разъясненіе понятій о томъ и другомъ, Марксъ говоритъ, какъ мы видѣли, о нѣкоторыхъ свойствахъ *товара*. Первое изъ этихъ свойствъ, говоритъ онъ, то, что каждый товаръ удовлетворяетъ какой-нибудь потребности, обладаетъ потребительною цѣнностью. Но таково самое общее свойство товара. Потребительною цѣнностью товаръ долженъ обладать не для своего владѣльца, а для другихъ. Сверхъ того, онъ имѣетъ еще общественную форму—мѣновую цѣнность.

Школа Рикардо, т. е. какъ онъ самъ, такъ и ближайшіе предшественники и послѣдователи его, вообще, обращала очень мало вниманія на общія условія обмѣна. Рядъ писателей, начиная отъ Stewart'a, говорилъ о раздѣленіи въ обществѣ труда и стремился опредѣлить вытекающія изъ него общественныя выгоды. Но по отношенію къ обмѣну принципъ этотъ обыкновенно понимался такъ, что каждая изъ обмѣнивающихся сторонъ производитъ продуктъ для себя и только излишекъ его отдаетъ въ обмѣнъ [1]). Взглядъ этотъ, представляющій

[1]) См., напр., Ad. Smith, Wealth of nations, Ch. IV: „Большая часть предметовъ требленія получается лицомъ посредствомъ обмѣна *излишка* его произведеній на такой же излишекъ произведеній, изготовленныхъ другими людьми“ J. Mill, Elém. d'écon. polit., p. 85: „Supposons que deux hommes aient *plus qu'il ne leur est nécessaire*, l'un, par exemple, de vivres et l'autre de drap, et que le premier désire plus de drap qu'il n'en possède, et le second plus de vivres: ce sera un grand avantage pour tous deux, que de pouvoir échanger une portion des vivres de l'un contre une portion du drap de l'autre. *Il en est ainsi dans tout autre cas*“. M-c Culloch, Principles of politic. economy etc., p. 92: „But the facility of exchanging, or the circumstance of been able readily to barter *the surplus produce of our own labour* for such parts of the surplus produce of other peoples labour as we may desire to obtain and they may choose to part with, is not the only advantage of the separation of employments“. Дж. Ст. Милль, Основанія полит. экономіи, т. I, стр. 157: „Разрядъ работниковъ, производящій *болѣе пищи, чѣмъ нужно ему самому*, можетъ обмѣниваться съ другимъ разрядомъ, производящимъ болѣе одежды, чѣмъ нужно ему самому“. Но въ главѣ о международной торговлѣ, т. II, стр. 103, Дж. Ст. Милль вслѣдъ за Рикардо находитъ неправильнымъ взглядъ на этотъ предметъ Ад. Смита, заключавшійся въ томъ, что международная торговля открываетъ сбытъ излишку продукта страны. „Такими выраженіями, говоритъ Дж. Ст. Милль, возбуждаются мысли несовмѣстныя съ яснымъ пониманіемъ феноменовъ дѣла. Выраженіе „излишекъ продукта“ наво-

мѣновыя явленія совершеннаго хозяйства въ той простой формѣ, какую имѣетъ первобытный обмѣнъ, напр., излишковъ отъ охоты, рыбной ловли и скотоводства, на произведенія болѣе передовыхъ хозяйствъ, грѣшитъ самымъ существеннымъ образомъ противъ господствующаго принципа нынѣшняго хозяйственнаго общества. Принципъ этотъ—такое раздѣленіе труда, при которомъ не только частныя хозяйства не производятъ продуктовъ исключительно для себя, отдавая въ обмѣнъ лишь излишекъ надъ собственными потребностями, а напротивъ, доля продукта, потребляемая самимъ производителемъ его, или совершенно незначительна, или не производится вовсе. Обстоятельство это тѣснѣйшимъ образомъ связано съ тѣми громадными успѣхами современной хозяйственной техники, которые ставятъ отдѣльныя хозяйства въ совершенную невозможность производить какъ-нибудь иначе, нежели подъ условіемъ примѣненія къ дѣлу наиболѣе экономическихъ способовъ, и въ томъ числѣ самаго дробнаго раздѣленія труда. Причина введенія въ хозяйственную дѣятельность все болѣе и болѣе важныхъ усовершенствованій состоитъ въ необходимости производить все болѣе и болѣе продукта по возможно болѣе дешевой цѣнѣ, открывая при этомъ все новые и новые рынки. Мотивы стремленія къ удешевленію и увеличенію количества продукта разъясняются только съ помощью теоріи капитала. Но самый фактъ существованія этого стремленія достаточно объясняетъ, почему, въ параллель съ введеніемъ разнаго рода техническихъ улучшеній, идетъ все болѣе и болѣе глубокое раздѣленіе труда не только внутри отдѣльныхъ мастерскихъ и фабрикъ, но также и въ обществѣ самостоятельныхъ хозяйствъ. Это раздѣленіе, наравнѣ съ усовершенствованіемъ машинъ, орудій, способовъ производства, путей сообщенія и пр., представляетъ могущественный рычагъ удешевленія продукта. Общественная комбинація производственнаго процесса служитъ источникомъ добавочной производительной силы, которая вся переводится въ добавочный продуктъ, не входя въ счетъ его цѣнности. Та-

дитъ на мысль, будто бы странѣ есть какая-то необходимость производить хлѣбъ или полотно, которые она вывозитъ; будто бы та часть товара, которую не потребляетъ сама она, производилась бы въ чистую потерю, еслибы не требовалась и не потреблялась за границею. Страна производитъ сверхъ собственной потребности товара на вывозъ не по какой-нибудь необходимости, а потому, что это самый дешевый способъ снабжать себя другими товарами". Авторъ не замѣчаетъ, что совершенно то же возраженіе относительно неясности выраженія примѣняется и къ термину „излишекъ продукта", получающій сбытъ внутри страны. И тутъ, какъ въ международной торговлѣ, слова „излишекъ продукта" возбуждаютъ несоотвѣтствующее представленіе, будто бы сторонамъ есть какая-нибудь необходимость производить продуктъ для сбыта, и будто бы онъ окончательно погибъ бы для хозяйства при отсутствіи спроса на него. Продукты и здѣсь производятся съ этою цѣлью потому, что это самый дешевый способъ снабжать себя другими продуктами.

ково общее слѣдствіе общественнаго раздѣленія труда и раздѣленія труда въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности.

По отношенію къ обмѣну первый родъ раздѣленія влечетъ за собою взаимное замѣщеніе продуктовъ, производимыхъ отдѣльными хозяйствами въ исключительныхъ видахъ удовлетворить чужой потребности. Въ этомъ смыслѣ общественное раздѣленіе труда представляетъ совокупность различныхъ конкретныхъ родовъ труда, которые удовлетворяютъ своему назначенію единственно подъ тѣмъ условіемъ, что каждый изъ нихъ облекается въ форму продукта, соотвѣтствующаго чужой потребности, и обмѣнивается на другой продуктъ. Таковы общія условія обмѣна, при помощи которыхъ совершенно удовлетворительно рѣшается вопросъ о потребительной и мѣновой цѣнностяхъ. Различіе конкретныхъ родовъ труда служитъ источникомъ того качественнаго различія между продуктами, безъ котораго немыслимъ обмѣнъ. Но тотъ же обмѣнъ требуетъ и количественнаго сходства и находитъ его въ равенствѣ количествъ труда, отвлеченнаго отъ конкретныхъ свойствъ своихъ и представляющаго общій человѣческій трудъ, затрату мозга, мускуловъ, нервовъ и т. д. Этотъ же самый трудъ имѣла въ виду вся школа Рикардо, когда вела рѣчь о регуляторѣ мѣновыхъ пропорцій; но она не пошла дальше, не входила въ различіе между особыми родами труда, давшими матеріалъ представленію о трудѣ общемъ и служащими основаніемъ для сооруженія формулы цѣнности. Смитъ, Рикардо. Дж. Ст. Милль говорятъ и о различныхъ родахъ труда, о затруднительности сравненія между ними и пр. Всѣ они приходятъ къ результату, что, несмотря на значительныя трудности, практикѣ удается кое-какъ справляться съ такимъ сравненіемъ, хотя, быть можетъ, довольно грубо и несовершенно. Но эти различія между трудомъ не тѣ, о которыхъ говоритъ Марксъ. Здѣсь разумѣется трудъ, требующій неодинаковой ловкости, неодинаковой подготовки и т. д. Сходство или различіе между видами труда, удовлетворяющими одинаковымъ или различнымъ потребностямъ, представляютъ съ этой точки зрѣнія не болѣе какъ второстепенное явленіе. У Маркса, наоборотъ, рѣчь идетъ исключительно о различіи видовъ труда по отношенію къ свойствамъ потребностей, о такомъ различіи ихъ, которое обусловливаетъ обмѣнъ. Такіе конкретные виды труда образуютъ потребительную цѣнность. Абстрактный, или общечеловѣческій трудъ служитъ образованію мѣновой цѣнности вещей. Но трудъ послѣдняго рода не сразу пріобрѣтаетъ въ умахъ людей такую форму, и мѣновая цѣнность также не сразу получаетъ полнѣйшее свое выраженіе.

Первая или простая форма мѣновой цѣнности есть такая относительная цѣнность, которая представляетъ размѣръ заключающагося въ товарѣ человѣческаго труда, выраженный въ потребительной цѣн-

ности одного какого-нибудь товара или въ числѣ единицъ (пудъ, аршинъ и пр.) этого послѣдняго, соотвѣтствующихъ извѣстному числу единицъ конкретнаго труда, потраченнаго на производство его. Посредствомъ этой формы цѣнность продукта получаетъ отличный отъ потребительной его цѣнности видъ. Трудъ, затраченный въ продуктъ, пріобрѣтаетъ общую форму и начинаетъ носить двоякій характеръ. Но какъ мѣновая цѣнность, такъ и трудъ не достигаютъ при этомъ тѣхъ формъ, которыми они отличаются впослѣдствіи. Равнымъ образомъ и продуктъ не становится еще вполнѣ товаромъ. Эквивалентомъ, матеріаломъ для выраженія мѣновой цѣнности въ каждомъ мѣновомъ актѣ служитъ одинъ особый продуктъ. Пропорціи устанавляются вслѣдствіе этого чисто случайныя, и, сверхъ того, продукты не могутъ быть сравниваемы между собою независимо отъ своихъ эквивалентовъ. Это первые боязливые шаги общественнаго хозяйства на пути развитія мѣновыхъ актовъ. Но, благодаря все болѣе и болѣе учащающимся мѣновымъ оборотамъ, мѣновая цѣнность товара начинаетъ находить для себя выраженіе не въ одномъ какомъ-либо случайномъ товарѣ-эквивалентѣ, а въ цѣломъ рядѣ такихъ товаровъ. Такова, напр., торговля бедуиновъ и индійскихъ кочевниковъ, которые, по словамъ Рошера, въ обмѣнъ за масло пріобрѣтаютъ почти всѣ иностранные товары. Соль въ Сахарѣ, каучукъ въ индійской пустынѣ, мягкая рухлядь въ Сибири играютъ ту же роль. По отношенію къ владѣльцамъ иноземныхъ товаровъ всѣ эти вещи имѣютъ значеніе настоящихъ эквивалентовъ для проявленія мѣновой цѣнности ихъ товаровъ. По отношенію же къ кочевникамъ и бедуинамъ эквивалентами цѣнности ихъ вещей служитъ все разнообразное множество иноземныхъ товаровъ. Но всѣ такіе товары служатъ особыми эквивалентами для цѣнности масла, соли, рухляди и пр. Еслибы, напр., бедуинъ продавалъ, кромѣ масла, еще и излишекъ своего скота, то ему пришлось бы заново производить всю операцію сравненія цѣнностей скота и привозныхъ товаровъ, потому что между скотомъ и масломъ не имѣется еще общихъ признаковъ для сравненія. Соль, масло и пр. представляютъ уже мѣновую свою цѣнность въ болѣе совершенной формѣ нежели товаръ, имѣющій только одинъ эквивалентъ; трудъ, заключающійся въ нихъ, носитъ уже болѣе общечеловѣческій характеръ; они ближе по своимъ свойствамъ къ товару вообще; но тѣмъ не менѣе, имъ остается пройти еще одну, важнѣйшую ступень, чтобы стать вполнѣ цѣнностью, абстрактнымъ трудомъ, товаромъ. Когда *всѣ* товары проявляютъ свою цѣнность въ какомъ-нибудь одномъ товарѣ, тогда мѣновая цѣнность ихъ служитъ выраженіемъ дѣйствительно общечеловѣческаго труда, тогда они становятся вполнѣ товарами. Найдя общій признакъ для сравненія между отдѣльными товарами и эквивалентомъ, хозяйства пріобрѣтаютъ возможность сравнивать и

отдѣльные товары. Съ помощью всеобщаго эквивалента — денегъ, продуктъ пріобрѣтаетъ дѣйствительно общественную форму и служитъ общественнымъ потребностямъ. Товары становятся равными качественно, со стороны абстрактнаго труда, нашедшаго себѣ общее выраженіе, и количественно, со стороны количества этого труда.

Содержащійся въ деньгахъ частный и конкретный трудъ принимаетъ непосредственно общественную форму, уравниваясь со всякимъ другимъ трудомъ. Всѣ прочіе товары, представляющіе свою цѣнность въ деньгахъ, не служатъ овеществленіемъ непосредственно общественныхъ работъ. Одно различіе въ полезныхъ качествахъ не дѣлаетъ еще продуктовъ товарами. „Если какое-нибудь крестьянское семейство", говоритъ К. Марксъ, „производитъ для собственнаго потребленія холстъ, масло или пшеницу, то по отношенію къ семейству эти вещи являются не болѣе, какъ различными предметами семейной потребности, но отнюдь не товарами". „При непосредственно общественномъ трудѣ", продолжаетъ онъ, „продукты получаютъ характеръ общаго продукта *для своихъ производителей*, а не характеръ товаровъ, *одни въ отношеніи къ другимъ*. Общественная форма товара есть отношеніе его къ другимъ товарамъ въ качествѣ *равнаго* труда, т. е. въ качествѣ *человѣческаго* труда вообще, каковы бы ни были конкретные его виды. Въ каждой общественной формѣ труда работы различныхъ индивидуумовъ относятся между собою въ качествѣ человѣческихъ работъ, но здѣсь самое это отношеніе является *специфически* общественною формою работъ. *Ни одна изъ этихъ частныхъ работъ* въ своей естественной формѣ *не обладаетъ* этою специфически *общественною формою* абстрактнаго *труда*, точно такъ же, какъ и товаръ въ естественной своей формѣ не обладаетъ общественною формою цѣнности. Но вслѣдствіе того, что естественная форма одного товара становится общею эквивалентною формою, — такъ какъ всѣ другіе товары относятся къ ней, какъ къ формѣ проявленія своей собственной цѣнности,—*конкретный трудъ, создавшій этотъ товаръ, становится* всеобщею формою проявленія абстрактнаго человѣческаго труда, или *трудомъ въ непосредственно-общественной формѣ*. Такъ какъ отдѣльныя частныя работы не суть непосредственно общественныя, то всѣ онѣ получаютъ общественный характеръ, лишь противополагаясь, уравниваясь съ какимъ-нибудь однимъ исключительнымъ родомъ частнаго труда" (31—33).

Передъ нами возникаютъ важныя различія между изолированнымъ и общественнымъ хозяйствомъ съ одной стороны и обыкновеннымъ товаромъ и деньгами съ другой. Въ концѣ первой главы и впослѣдствіи мы обращали вниманіе читателя на то, что въ изолированномъ хозяйствѣ состоятъ на-лицо всѣ элементы цѣнности, и что роль совокупности хозяйствъ съ раздѣленнымъ трудомъ выра-

жается по отношенію къ этимъ элементамъ единственно въ томъ, что здѣсь цѣнность опредѣляется, выясняется. Теперь мы можемъ прибавить къ этому, что здѣсь собственно возникаетъ *мѣновая* цѣнность, т. е. особый способъ изображенія человѣческаго труда въ продуктѣ, принадлежащемъ другой отрасли промышленности. Разница эта касается, главнымъ образомъ, не содержанія отношеній, а формы ихъ, но, тѣмъ не менѣе, она имѣетъ весьма важное значеніе. Она одна въ состояніи бросить свѣтъ на то явленіе, что въ совокупности хозяйствъ съ раздѣленнымъ трудомъ „личное отношеніе людей между собою прикрывается вещною формой". Относя продукты своего труда другъ къ другу въ качествѣ товаровъ, люди на самомъ дѣлѣ сравниваютъ только различныя работы, находя общее для нихъ выраженіе въ человѣческомъ трудѣ. Но отношеніе это является замаскированнымъ—отношеніемъ между собою продуктовъ. „Собственное общественное движеніе производителей обладаетъ для нихъ формою движенія вещей, подъ контролемъ которыхъ онѣ находятся, вмѣсто того, чтобы самимъ контролировать эти вещи"[1]).

„Обмѣнъ разсматривался", говоритъ Ж. Б. Сэй, „въ качествѣ основъ общественнаго богатства, тогда какъ въ дѣйствительности онъ ровно ничего не прибавляетъ къ послѣднему... Существуетъ множество богатства, произведеннаго и даже распредѣленнаго безъ помощи обмѣна... Когда крупный землевладѣлецъ Кентукки распредѣляетъ въ средѣ своего семейства хлѣбъ своихъ земель и мясо своихъ стадъ; когда онъ заставляетъ прясть и ткать у себя на дому свои шерсти и хлопокъ для собственнаго потребленія; когда онъ перегоняетъ персики для приготовленія домашняго напитка,—онъ и лица, принадлежащія къ его хозяйству, производятъ и потребляютъ богатства, отнюдь не подвергавшіяся обмѣну". Нельзя, однако, согласиться съ Сэемъ, что въ такомъ изолированномъ хозяйствѣ вовсе не происходитъ обмѣна. Вездѣ, гдѣ люди живутъ и работаютъ вмѣстѣ, установляется родъ раздѣленія труда, предѣлы котораго въ самомъ крайнемъ случаѣ опредѣляются возрастными, половыми и т. п. естественными различіями между отдѣльными лицами. При распредѣленіи продукта между членами семьи Сэева земледѣльца или между членами общины непремѣнно произойдетъ то, что, за несовпаденіемъ роли производителя и потребителя того или другого рода продуктовъ въ одномъ и томъ же лицѣ, будетъ существовать родъ обмѣна. Но будетъ-ли при этомъ обращаемо вниманіе на соотношеніе *между единицами продуктовъ*, составляющихъ результатъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ? Марксъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, и, сколько намъ кажется, съ нимъ нельзя не согласиться въ этомъ рѣшеніи. Дѣйствительно, критеріемъ для сравненія долей

[1]) См. примѣч. къ 6 стр. Oeuvres complètes, Ricardo.

участія въ общемъ продуктѣ отдѣльныхъ лицъ въ изолированномъ хозяйствѣ можетъ быть также трудъ, но онъ сравнивается при подобныхъ обстоятельствахъ *непосредственно*, безъ отношенія какъ между единицами продуктовъ, такъ и между послѣдними и всеобщимъ эквивалентомъ. Въ обществѣ съ раздѣленнымъ по отдѣльнымъ хозяйствамъ трудомъ, гдѣ, во-первыхъ, каждое отдѣльное хозяйство входитъ въ мѣновыя отношенія съ другими хозяйствами не иначе, какъ подъ условіемъ сообщенія своему продукту характера товара, гдѣ, во-вторыхъ, извѣстная средняя закономѣрность и планомѣрность хозяйственнаго строя выполняются единственно путемъ безконечнаго ряда повѣрокъ и оцѣнокъ,—трудъ становится общественнымъ непремѣнно при посредствѣ соотношеній между нимъ и продуктами и непремѣнно при посредствѣ всеобщаго эквивалента. Здѣсь отношеніе между продуктами прикрываетъ собою отношеніе между отдѣльными работами и поэтому является въ формѣ относительной цѣнности, тамъ отношеніе между отдѣльными работами хотя и приводится въ извѣстность, но остается непосредственнымъ. Здѣсь каждый отдѣльный родъ труда не имѣетъ непосредственно общественной формы, но долженъ еще пріобрѣсти ее съ помощью превращенія въ такой продуктъ, которому природой отношеній присвоивается форма, годная для сравненія мѣновыхъ пропорцій остальныхъ продуктовъ; тамъ всякій трудъ носитъ непосредственно общественную форму, т. е. непосредственно годную для сравненія съ такою же другихъ работъ. По отношенію къ изолированному хозяйству слово цѣнность можетъ означать только трудъ, по отношенію къ ряду хозяйствъ съ раздѣленнымъ трудомъ оно означаетъ трудъ, выраженный въ числѣ единицъ другого продукта, и принимаетъ названіе относительной, а въ высшей своей формѣ, представляемой деньгами,—мѣновой цѣнности. Оуэновы „рабочія деньги“, т. е. листки бумаги, служащіе удостовѣреніемъ, что предъявитель ихъ выполнилъ извѣстное количество труда, суть столь же мало деньги, говоритъ Марксъ, какъ и театральныя марки. Такое удостовѣреніе опредѣляетъ только индивидуальную часть производителя въ общемъ трудѣ и въ общемъ продуктѣ. Оно предполагаетъ существованіе непосредственнаго труда въ такомъ обществѣ, въ которомъ всѣ продукты сбываются, т. е. получаютъ назначеніе не иначе, какъ въ формѣ товаровъ. Товарная форма немыслима безъ существованія особаго *продукта*, въ потребительной цѣнности котораго или въ натуральной формѣ выражается трудъ, заключенный во всѣхъ другихъ продуктахъ.

Другое важное различіе касается денегъ и обыкновенныхъ товаровъ. Не имѣя возможности останавливаться на подробномъ развитіи понятія денегъ у различныхъ экономистовъ, мы ограничимся лишь краткими указаніями на отношеніе новой теоріи къ нѣкото-

рымъ изъ прежнихъ. Реакція меркантилизму, признававшему деньги за единственное или важнѣйшее богатство, выразилась въ трудахъ господствующей школы столь же односторонпимъ отрицаніемъ за деньгами свойствъ, не принадлежащихъ другимъ товарамъ, сколько односторонне было меркантилистическое преувеличеніе сравнительнаго значенія денегъ. Посмотримъ, напримѣръ, что говоритъ о значеніи денегъ Дж. Ст. Милль, мнѣніе котораго объ этомъ предметѣ можно считать однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ. „Страна, имѣющая монету, отличается отъ страны, вовсе не имѣющей ея, только тѣмъ, что дѣлать обороты въ ней удобнѣе, что выигрывается время и уменьшаются хлопоты: все равно, какъ легче молоть хлѣбъ на водяныхъ, чѣмъ на ручныхъ мельницахъ: или, по сравненію, сдѣланному Ад. Смитомъ, деньги полезны въ томъ же родѣ, какъ пути сообщенія: *считать деньги за богатство* такая же *ошибка*, какъ считать шоссе, по которому вамъ удобнѣе всего доѣхать до вашего дома, за самый вашъ домъ или помѣстье“ [1]). Но, умаливъ такимъ образомъ сравнительную роль денегъ, Дж. Ст. Милль немедленно прибавляетъ: „удовлетворяя надобности, важной для государства и частныхъ лицъ, *деньги справедливо считаются богатствомъ*; но богатство—также и всѣ другія вещи, служащія для человѣческихъ надобностей и не доставляемыя природою задаромъ“. Еще въ одномъ мѣстѣ [2]) Дж. Ст. Милль утверждаетъ, что „*при отсутствіи денегъ портной*, не имѣющій ничего кромѣ платья, *можетъ умереть съ голоду* прежде, чѣмъ найдетъ человѣка, желающаго продать хлѣбъ и пріобрѣсти платье“. Итакъ, деньги лишь незначительный предметъ удобства, деньги богатство, безъ денегъ члены общества подвергались бы опасности умереть съ голоду. Которое-нибудь изъ этихъ трехъ утвержденій непремѣнно ошибочно, и мы имѣемъ основанія полагать, что ошибочно первое, но, отлагая въ сторону эти противорѣчія, остановимся на время на понятіи слова „богатство“. Вопросъ о томъ, что именно богатство и что не богатство, служитъ въ политической экономіи, наравнѣ со множествомъ другихъ вопросовъ, примѣромъ того, до какой степени люди бываютъ склонны названіе вещи принимать за самую вещь и, обсуждая смыслъ того содержанія, которое можетъ быть вложено въ какой-либо терминъ, упускать изъ виду дѣйствительность и ея требованія или приноравливать ее къ болѣе или менѣе случайнымъ наименованіямъ. Обращаясь къ источнику опредѣленій и характеристикъ, къ самимъ хозяйственнымъ явленіямъ, не трудно замѣтить, что одинъ родъ вещей добывается при помощи труда, другой достается людямъ даромъ. Различіе между тѣми и другими существенно и важно потому, что только

[1]) Основ., т. I, стр. 10 и 11.
[2]) Основ., т. II, стр. 4.

вещи перваго рода служатъ источникомъ отношеній между *обществомъ* людей и вещами, а равно и между членами *общества* по поводу вещей. Что касается вещей второго рода, то онѣ находятся въ отношеніяхъ только съ отдѣльными лицами. *Общественная* экономія можетъ имѣть дѣло исключительно съ *общественными* отношеніями и потому, естественно, оставляетъ въ сторонѣ отношенія второго рода. Вещамъ, добываемымъ при помощи труда, умѣстно придать особое названіе, напр.,—„богатство". Входя глубже въ особенности предметовъ, которымъ придано такое опредѣленіе, нельзя не видѣть, что хотя всѣ они служатъ человѣческимъ потребностямъ, но не всѣ одинаковымъ образомъ. Одни— орудія производства въ собственномъ смыслѣ—служатъ человѣческимъ цѣлямъ посредственно, другіе—предметы потребленія, поддерживающіе человѣческое существованіе на извѣстномъ постоянномъ или возвышающемся уровнѣ,— исполняютъ свое назначеніе, потребляясь непосредственно. Къ которой же изъ этихъ категорій слѣдуетъ отнести деньги, и вообще слѣдуетъ-ли ихъ относить къ одной изъ нихъ? По мнѣнію однихъ экономистовъ, деньги—орудіе производства; по мнѣнію другихъ, онѣ—частью орудіе, частью предметъ потребленія и т. д. На самомъ дѣлѣ деньги не могутъ быть причислены ни къ одной изъ этихъ категорій, а составляютъ самостоятельный видъ богатства, возникновеніе котораго имѣетъ источникомъ специфическую потребность общества съ раздѣленнымъ хозяйственнымъ трудомъ во всеобщемъ эквивалентѣ для разнообразныхъ самостоятельныхъ родовъ труда. Форму денегъ, разумѣется, принимаетъ одинъ изъ перечисленныхъ видовъ *богатства*, и даже принимаетъ ее непремѣнно *такой* предметъ, потому что въ противномъ случаѣ деньги были бы лишены одного изъ наиболѣе существенныхъ своихъ свойствъ, именно—свойства служить матеріаломъ для выраженія цѣнности всѣхъ другихъ предметовъ богатства. Но, разъ принявъ эту форму, продуктъ пріобрѣтаетъ столько специфическихъ качествъ, соотвѣтствующихъ его новымъ функціямъ, и, наоборотъ, до такой степени отодвигается назадъ первоначальное его свойство служить предметомъ потребленія въ собственномъ смыслѣ, посредственнаго или непосредственнаго, что нѣтъ ровно никакихъ основаній причислять его къ тѣмъ категоріямъ, о которыхъ шла рѣчь выше. Въ чемъ состоятъ эти качества, каковы условія ихъ возникновенія, и какъ разграничиваются между собою функціи денегъ—вотъ вопросы, которые съ большею пользой могутъ занять изслѣдователя, нежели опроверженіе давно потерявшаго всякую почву ученія меркантилистовъ. Поэтому несовсѣмъ несправедливо, говоритъ Рошеръ [1]), что „большая часть новѣйшихъ экономистовъ не обращала достаточнаго вниманія на свой-

[1]) Principes d'écon. polit., T. I, p. 276.

ства, которыми деньги отличаются отъ всѣхъ другихъ товаровъ", и что „въ этомъ отношеніи нельзя смотрѣть на полумеркантилистическую реакцію Cauwès'a Ct. Chamans'a, какъ на совершенно лишенную смысла".

Намъ нельзя согласиться съ Дж. Ст. Миллемъ, когда онъ говоритъ, что страна, имѣющая монету, только тѣмъ и отличается отъ страны, не имѣющей ея, что дѣлать обороты въ ней *удобнѣе*, что выигрывается время и уменьшаются хлопоты. Мы знаемъ, что логически неправильно (слѣдуя тому же самому методу различія, который такъ прекрасно объясненъ Миллемъ въ его индуктивной логикѣ) предполагать равными между собою двѣ страны во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ присутствія или отсутствія денегъ,—неправильно потому, что деньги представляютъ не случайный, введенный только ради увеличенія удобствъ, членъ общественно-хозяйственной системы, а напротивъ, —безусловно необходимое, вполнѣ интегральное звено всякаго развитого общественнаго раздѣленія труда. Предыдущій анализъ Маркса, равно какъ и нашъ разборъ его, полагаемъ, достаточно показали, что глубокое и многостроннее раздѣленіе труда не можетъ обойтись безъ денегъ, потому что въ такомъ случаѣ продукты, произведенные различными конкретными родами труда, потеряли бы всякую возможность обмѣниваться одни на другіе и находить себѣ тотъ сбытъ, который необходимъ при условіи производства для удовлетворенія чужимъ потребностямъ. Только въ крайне ограниченныхъ предѣлахъ и только при отчужденіи излишка надъ собственными потребностями возможны индивидуальные мѣновые акты безъ помощи всеобщаго эквивалента. Но производство на сторону давно ужъ заняло мѣсто производства на себя въ наиболѣе развитыхъ хозяйственно странахъ Европы.

Итакъ, не существуетъ никакой возможности сравнивать вслѣдъ за Миллемъ двѣ такія системы, изъ которыхъ одна совершенно немыслима безъ денегъ, другая точно также немыслима при существованіи ихъ. Общественныя функціи денегъ, составляющія особенность ихъ въ отношеніи къ другимъ товарамъ, должны быть опредѣляемы при помощи иныхъ пріемовъ изслѣдованія, нежели тѣ, къ которымъ прибѣгаетъ Милль, причемъ и проявляется, что онѣ состоятъ не только въ томъ, чтобы облегчать обороты и уменьшать хлопоты. Столь же мало уясняетъ сущность дѣла и тотъ доводъ Милля, что при отсутствіи денегъ портной умеръ бы съ голоду и пр. Портной умеръ бы — это справедливо, но онъ умеръ бы точно такъ же, какъ безъ хлѣба и безъ другихъ вещей: и нельзя назвать характеристикой денегъ то, что составляетъ принадлежность множества предметовъ. Въ обществѣ съ раздѣленнымъ но отдѣльнымъ хозяйствамъ трудомъ только владѣлецъ денегъ представляетъ лицо, обладающее продуктомъ не-

посредственно мѣноспособной формы, между тѣмъ какъ владѣлецъ всякаго другого продукта удовлетворяетъ своимъ потребностямъ только при обмѣнѣ продукта сперва на деньги. Расколовъ непосредственный обмѣнъ на двѣ противоположныя фазы—покупку и продажу, введеніе денегъ имѣло слѣдствіемъ то, что продуктъ отдѣльнаго хозяйства, входя въ каждую изъ этихъ фазъ, проявляетъ свою цѣнность въ деньгахъ, иными словами—каждая покупка есть въ то же время и продажа, т. е. принятіе отдѣльнымъ товаромъ неизбѣжной для него формы денегъ [1]). Таковъ экономическій фактъ, и характеристическія черты его до извѣстной степени содержатся въ приведенной нами фразѣ Милля. Но вслѣдъ за описаніемъ факта должно идти объясненіе его, а такого объясненія мы не находимъ ни у Милля, ни у другихъ экономистовъ, кромѣ Маркса.

Рикардо и вся его школа ясно понимаютъ, что, подобно всѣмъ прочимъ товарамъ, деньги обмѣниваются не иначе, какъ въ соотвѣтствіи съ количествами содержащагося въ нихъ труда. Такъ напримѣръ, въ главѣ о монетѣ и о банкахъ Рикардо говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующее [2]): „золото и серебро, подобно всѣмъ другимъ товарамъ, имѣютъ лишь такую цѣнность, которая соотвѣтствуетъ количеству труда, необходимому на ихъ производство и доставку на рынокъ. Золото около пятнадцати разъ дороже серебра *не потому*, что спросъ на него больше, и *не потому*, что запасъ серебра въ пятнадцать разъ обильнѣе, нежели золота, а единственно *потому*, что требуется въ пятнадцать разъ болѣе труда для полученія извѣстнаго количества золота (Смитъ, Сэй и Шторхъ держались противоположнаго мнѣнія)“. Но ни самъ Рикардо, ни послѣдователи его, занимаясь единственно изслѣдованіями о размѣрѣ цѣнностей и условіяхъ, отъ которыхъ онъ зависитъ, не обратили вниманія на качественное различіе между трудомъ, содержащимся въ деньгахъ и въ другихъ продуктахъ, и не замѣтили, что только трудъ перваго рода есть трудъ непосредственно общественной формы. Указаніемъ и развитіемъ этихъ важныхъ различій Марксъ даетъ объясненіе вышеупомянутому экономическому факту и вноситъ важныя дополненія въ экономическую науку. Форма денегъ, говоритъ онъ, неизбѣжна для всякаго товара потому, что, только проявившись въ денежномъ матеріалѣ, каждый конкретный родъ *труда* становится общественнымъ.

Нельзя сказать, чтобы общественный характеръ денегъ совершенно ускользалъ отъ писателей, занимавшихся наравнѣ съ прочими экономическими вопросами изслѣдованіемъ объ общихъ характеристическихъ чертахъ всеобщаго эквивалента. Всего больше привлекали ихъ

[1]) „Toute vente est achat“. Quesnay, „Dialogues sur le commerce et les travaux des artisans“, p. 170.

[2]) Oeuvres compl., ch. XXVII, p. 323.

вниманіе функція деньгъ служить мѣриломъ цѣнностей, свойство деньгъ быть непремѣнно продуктомъ или товаромъ, а не однимъ только представителемъ цѣнностей, количественныя отношенія товаровъ и деньгъ въ качествѣ орудія обращенія [1]). По по временамъ давалось мѣсто и вопросу о болѣе общихъ и основныхъ денежныхъ свойствахъ. Такъ, напримѣръ, мы находимъ слѣдующій, относящійся сюда взглядъ у Шторха [2]). „Деньги, какъ таковыя, и если оставить въ сторонѣ цѣнность, которую можетъ имѣть матеріалъ, служащій для изготовленія ихъ, не имѣютъ прямой цѣнности (цѣнности потребленія или полезности) ни для кого въ отдѣльности; никто не можетъ употреблять ихъ для себя, каждый ищетъ ихъ лишь съ тою цѣлью, чтобы обмѣнять ихъ на другія вещи... Однѣ только деньги остаются всегда товаромъ и никогда не становятся припасами... Повсюду, гдѣ существуетъ потребленіе, необходимы потребители; но кто же потребители денегъ? Общество въ цѣломъ его составѣ... Деньги имѣютъ прямую цѣнность только для общества, мѣновою же цѣнностью онѣ обладаютъ для каждаго отдѣльнаго лица". Въ столь же общихъ чертахъ выражаетъ то же понятіе Ж. Б. Сэй [3]): „монета удовлетворяетъ потребности каждаго, потому что нѣтъ никого, кому не случалось бы покупать. Если я произвожу шелковыя матеріи или изысканную мебель, то мои продукты не будутъ нужны каждому; но никто... не можетъ обойтись безъ того, чтобы не обмѣнять цѣнности, которыми обладаетъ, на товаръ, равногодный для всѣхъ покупокъ, потому что нуженъ всѣмъ продавцамъ, ибо не существуетъ продавцовъ, которые не стали бы впослѣдствіи покупателями". Авторъ „Nouveaux principes d'économie politique" [4]) также обращаетъ вниманіе на отличительное общественное свойство денегъ. „Деньги", говоритъ онъ, „...представляютъ единственное богатство, которое не возростаетъ вслѣдствіе обращенія и не уничтожается потребленіемъ. Онѣ всегда выходятъ безъ измѣненія какъ изъ рукъ того, кто употребляетъ ихъ съ пользою, такъ и изъ рукъ того, кто расточаетъ ихъ на свои удовольствія... Деньги играютъ роль посредника между сторонами, вступившими въ договоръ, въ качествѣ вещи, которая всѣмъ нужна, и посредствомъ которой каждый найдетъ то, въ чемъ имѣетъ непосредственную потребность. Свойство денегъ служить, не потребляясь, замѣчено еще Low [5]), который, между про-

[1]) Мы оставляемъ, между прочимъ, въ сторонѣ также и теорію Рикардо о соотношеніи между количествомъ и цѣнностью денегъ и другихъ товаровъ, на которой, съ помощью нѣкоторыхъ дополнительныхъ понятій, онъ построилъ ученіе объ „экономическомъ и прочномъ денежномъ обращеніи"; развитіе этой стороны вопроса о деньгахъ не находится въ столь тѣсной связи съ общей теоріею капитала, чтобы намъ останавливаться на немъ.

[2]) Cours d'écon. polit., T. III, p. 3 etc.

[3]) Cours d'économie polit. prat., T. III, p. 3 etc.

[4]) Sismondi, N. Pr., T. II, p. 2—3.

[5]) Considérations sur le numéraire et le commerce.

чимъ. училъ, что „монета не есть цѣнность, на которую обмѣниваются товары", но что „она цѣнность, съ помощью которой обмѣниваются товары". Названія „marchandise universelle", „marchandise banale", „produit preféré" и т. п. точно также имѣютъ цѣлью указать на общественную характеристику денегъ и на источникъ ея происхожденія. Но всѣ эти и подобныя описанія и разграниченія грѣшатъ въ томъ отношеніи, что, оставляя въ сторонѣ внутреннюю природу феномена, простираются на однѣ внѣшнія его черты. Недостаточно знать, что въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ деньги служатъ, переходя изъ рукъ въ руки, и что здѣсь нѣтъ никого, кому не случалось бы продавать и покупать; требуется еще придти къ рѣшенію, почему деньги связываютъ между собою всѣ звенья цѣпи раздѣленія труда, какими свойствами своими удовлетворяютъ онѣ этому назначенію. Дѣлимость, удобоподвижность, большая цѣнность при маломъ объемѣ и большая часть другихъ подобныхъ же свойствъ, обыкновенно приводимыхъ экономистами, составляютъ принадлежность не денегъ вообще, а благородныхъ металловъ. Какой бы предметъ ни отправлялъ въ обществѣ денежныхъ функцій, онъ одинаково служитъ осуществленіемъ общечеловѣческаго труда въ отличіе отъ конкретныхъ родовъ труда, содержащагося во всѣхъ прочихъ хозяйственныхъ предметахъ. Благородные металлы отличаются отъ другихъ предметовъ, избираемыхъ для отправленія означенныхъ функцій, только тѣмъ, что всего лучше приспособлены къ нимъ въ естественной своей формѣ. Важнѣйшая роль принадлежитъ въ этомъ отношеніи равнокачественности и дѣлимости золота и серебра. Первое изъ этихъ свойствъ удовлетворяетъ функціи всеобщаго эквивалента, которая требуетъ одинаковаго матеріала для представленія различныхъ родовъ труда, второе соотвѣтствуетъ функціи мѣрила цѣнностей.

Мы сказали выше, что подъ вліяніемъ преобладанія анализа размѣра цѣнностей экономисты сосредоточивали большую часть вниманія на количественныхъ сторонахъ вопроса о деньгахъ. Ад. Смитъ, Рикардо, оба Милля и множество другихъ писателей постоянно обходили вопросъ о формѣ цѣнности и занимались исключительно изслѣдованіями о размѣрѣ ея и условіяхъ, отъ которыхъ онъ зависитъ. Уясненіе функціи денегъ служить мѣриломъ цѣнностей, изслѣдованія о томъ, какое количество денегъ необходимо для обращенія товаровъ, какую роль играетъ въ этомъ отношеніи быстрота обращенія денегъ, какое вліяніе оказываетъ количество денегъ на цѣнность денегъ и товаровъ и т. д.—представляютъ главнѣйшее содержаніе какъ спеціальныхъ трактатовъ о деньгахъ, такъ и тѣхъ отдѣловъ, которые посвящены этому предмету въ трактатахъ обще-экономическихъ. Неудивительно поэтому, что формальная сторона вопроса, именно опредѣленіе тѣхъ специфическихъ особенностей, которыя характеризу-

ютъ денежный обмѣнъ въ хозяйствахъ съ раздѣленнымъ трудомъ, и на которыхъ сосредоточилъ свои изслѣдованія К. Марксъ, была оставлена экономистами въ сторонѣ. Вдаваться въ подобный разборъ отношеній его теоріи къ прежнимъ мы не считаемъ себя вправѣ, боясь перейти за предѣлы той задачи, которая лежитъ въ основаніи нашего труда.

## ГЛАВА V.

## Понятіе о капиталѣ.

„Теорія цѣнности", говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ экономистовъ[1]), „и развитіе понятія объ ней имѣютъ свою исторію; напротивъ, понятіе о капиталѣ находится еще въ зародышномъ состояніи". Дѣйствительно, подробныя и тщательныя изслѣдованія о капиталѣ появились въ экономической литературѣ гораздо позже и привели къ несравненно болѣе бѣднымъ результатамъ, нежели изслѣдованія о цѣнности. Въ то время, какъ множество французскихъ, итальянскихъ и англійскихъ писателей 17 и 18 вѣковъ посвящаютъ значительную часть своихъ сочиненій вопросу о цѣнности, теорія капитала остается вообще или едва затронутою, или обсуждается подъ несоотвѣтствующею формою сравнительной выгодности для страны той или другой отрасли промышленности—земледѣлія и ремеслъ, торговли внутренней и внѣшней и т. п. Нѣкоторыя стороны ученія о цѣнности были не только намѣчены прежними писателями, но и разработаны столь удачно, что вошли цѣликомъ въ позднѣйшія изслѣдованія. Теорія капитала и въ наше время представляетъ скорѣе массу разбросаннаго и случайно спаяннаго матеріала, нежели стройное научное цѣлое. Физіократы слишкомъ усиленно занимались разработкою теоріи феодально-хозяйственныхъ отношеній, они были слишкомъ поглощены теоріею produit net и мыслью объ исключительныхъ свойствахъ земли давать средства существованія; меркантилисты сосредоточивали слишкомъ много вниманія на доктринѣ торговаго баланса и на сопредѣльныхъ съ ней вопросахъ. Всѣ эти обстоятельства, а главное,— та совокупность экономическихъ явленій, среди которой жили представители той и другой доктрины, служили препятствіемъ разработкѣ ученія о капиталѣ. „Первоначальныя, поземельныя и ежегодныя затраты" физіократовъ служатъ, въ извѣстной степени, прототипомъ позднѣйшихъ представленій о капиталѣ, но, будучи поставлены внѣ всякаго соотношенія съ понятіями труда и цѣнности, категоріи эти не повлекли за собою важныхъ для науки результатовъ. Только начиная съ Тюрго и Ад. Смита теорія капитала пріобрѣтаетъ почетное мѣсто въ экономическихъ трактатахъ и становится предметомъ все болѣе и болѣе обширныхъ изслѣдованій

[1]) Dühring. Kritische Grundlegung der Volkswirthschaftslehre. S. 354.

Укажемъ въ двухъ словахъ на общія, коренящіяся въ природѣ экономическихъ отношеній, причины такого явленія. Та доля общественнаго богатства, которая производится и потребляется косвенно, въ видахъ достиженія цѣлей прямого и непосредственнаго производства и потребленія, и которая, по общему признанію всѣхъ экономистовъ, безспорно входитъ въ понятіе капитала, только въ новѣйшее время пріобрѣла то крупное количественное и качественное значеніе, какимъ она пользуется въ современныхъ мастерскихъ европейскихъ мануфактуръ и фабрикъ. Новые экономическіе феномены, возникшіе съ появленіемъ и примѣненіемъ къ дѣлу громадной массы орудій, машинъ, построекъ, путей сообщенія и пр., естественно и необходимо останавливали на себѣ вниманіе изслѣдователя и требовали разъясненія. Въ высшей степени интересно и важно было установить причины различія между тѣми общественно-хозяйственными условіями, которыя давали возможность примѣнять къ производству лишь небольшое число простыхъ плуговъ, ручныхъ ткацкихъ станковъ, грунтовыхъ дорогъ и каботажныхъ судовъ, и тѣми, которыя создали и примѣнили безконечное множество и разнообразіе новѣйшихъ машинъ самаго сложнаго устройства, дѣйствующихъ посредствомъ пара, электричества и пр. Удешевленіе продукта, широкое раздѣленіе труда, сбытъ на отдаленнѣйшіе рынки, экономическіе кризисы, колебанія задѣльной платы,—таковы совершенно новыя явленія современной индустріи, находящіяся въ тѣснѣйшей связи съ развитіемъ и распространеніемъ такъ называемаго постояннаго капитала. Съ другой стороны, отношеніе значительной части населенія къ другой долѣ общественнаго богатства, именно къ предметамъ непосредственнаго потребленія, приняло въ новое время, подъ давленіемъ законовъ цѣнности, населенія и раздѣленія труда, столь своеобразный видъ и поставило на очередь столь важныя задачи непосредственнаго, практическаго интереса, что оставлять его долѣе при тѣхъ несложныхъ положеніяхъ, которыя были выработаны предшествующей наукой, не представлялось никакой возможности. Всѣ эти обстоятельства, не говоря о многихъ другихъ, о которыхъ было бы излишне распространяться въ столь общемъ очеркѣ, какъ этотъ, достаточно объясняютъ сравнительно позднее появленіе въ наукѣ изслѣдованій о капиталѣ. Что касается изслѣдованій о цѣнности, то главная причина болѣе ранняго появленія ихъ заключается въ томъ, что какъ непосредственный, такъ равно и денежный обмѣнъ составляютъ явленіе, въ значительной степени опередившее въ нѣкоторыхъ сферахъ ту степень раздѣленія труда и развитія другихъ условій современнаго хозяйства, которая дѣлаетъ замѣтными и дозволяетъ изучать сложные феномены капитала.

Но чѣмъ же можно объяснить тѣ успѣшные результаты, которые достигнуты изслѣдователями цѣнности сравнительно довольно рано,

и ту сбивчивость положеній о капиталѣ, которая составляетъ преобладающую черту большей части даже современныхъ теорій послѣдняго? Явленіе это объясняется, какъ намъ кажется, единственно тѣмъ, что матеріалы для обработки теоріи цѣнности несравненно болѣе доступны и просты, нежели матеріалы вопроса о капиталѣ. Трудъ и полезность—вотъ и весь основной матеріалъ для первоначальной теоріи цѣнности, очищенный отъ посторонніихъ наростовъ и примѣсей. Напротивъ того, сложность и разнообразіе гораздо болѣе конкретныхъ явленій капитала, дохода и пр. достигаютъ такихъ размѣровъ, что совмѣстить и согласовать между собою всѣ тѣ различныя точки зрѣнія, которыя возникаютъ на этой почвѣ, представляется дѣломъ первостепенной трудности.

Подобно термину „цѣнность“ и понятію, соединяемому съ нимъ, названіе „капиталъ“, вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніемъ, которое заключалось въ немъ, перешло въ науку изъ разговорнаго языка и изъ практическаго быта. Обстоятельство это повлекло за собою приблизительно одинакія послѣдствія, какъ по отношенію къ ясному представленію о цѣнности, такъ и по отношенію къ правильному взгляду на капиталъ. И тамъ, и здѣсь наука не вдругъ освобождается отъ частнохозяйственныхъ и временныхъ точекъ зрѣнія, установленныхъ практикою для удовлетворенія нуждамъ дня. Разница состояла лишь въ томъ, что неясность и сбивчивость понятія о капиталѣ въ сравненіи съ такими же недостатками понятія о цѣнности находились въ прямомъ соотвѣтствіи съ тѣми сравнительно большими препятствіями, которыя предстояло преодолѣть сначала такъ называемому обыкновенному здравому смыслу, а впослѣдствіи и болѣе утонченнымъ методологическимъ орудіямъ науки при обсужденіи сложныхъ феноменовъ капитала. Правильное рѣшеніе вопроса о капиталѣ могло составить результатъ лишь такихъ пріемовъ изслѣдованія, которыя способствовали бы всестороннему анализу особенностей, представляемыхъ соотвѣтствующими экономическими явленіями. Все менѣе могла располагать подобными присособленіями практика, которая всегда и вездѣ отличалась узкостью и ограниченностью поля зрѣнія, неумѣніемъ стать выше индивидуальныхъ и мѣстныхъ явленій и полнымъ отсутствіемъ объективности. Но нельзя сказать, чтобы и наука употребила всѣ тѣ средства, которыми могла воспользоваться для достиженія правильныхъ научныхъ результатовъ по отношенію къ теоріи капитала.

Первымъ и вмѣстѣ главнѣйшимъ источникомъ разногласій въ упомянутомъ научномъ вопросѣ служитъ различный способъ воззрѣнія на предметъ, смотря по выбору того или другого порядка, времени и области наблюденія. Вмѣсто того, чтобы, какъ это дѣлается съ чисто инстинктивною прозорливостью во множествѣ другихъ

научныхъ вопросовъ и теорій, начинать изслѣдованіе съ наблюденія наиболѣе *простыхъ*, *крупныхъ* и *общихъ* явленій капитала и *постепенно* переходить къ тѣмъ осложненіямъ, которыя прирастаютъ къ этимъ явленіямъ сначала вообще, потомъ въ отдѣльныхъ странахъ и въ отдѣльныя эпохи, весьма многіе писатели или *сразу* кидаются въ опредѣленіе наиболѣе сложныхъ формъ упомянутыхъ явленій, или, что еще хуже, дѣлаютъ внезапный скачокъ отъ простыхъ и общихъ отношеній къ наиболѣе *сложнымъ*, *мелкимъ* и *частнымъ*. Данный экономическій строй, феномены котораго требуютъ разъясненія, неявился готовымъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, а, напротивъ, росъ и осложнялся множествомъ хозяйственно-историческихъ и мѣстныхъ отношеній въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Есть въ экономическомъ порядкѣ данной страны или эпохи много такого, что составляетъ принадлежность каждой страны или эпохи; есть, наоборотъ, и много такого, что служитъ выраженіемъ временныхъ или мѣстныхъ особенностей. Эти крайнія звенья цѣпи экономическихъ явленій связаны между собою цѣлымъ рядомъ явленій переходныхъ, которыхъ сложность, размѣры и конкретность возрастаютъ по мѣрѣ приближенія къ феноменамъ второй категоріи. Чтобы придти къ такимъ научнымъ формуламъ, которыя были бы въ состояніи обнять сполна все содержаніе дѣйствительности, необходимо прежде всего постараться отдать себѣ отчетъ, въ какой степени изслѣдуемое явленіе принадлежитъ среднему времени и мѣсту, и въ какой степени оно представляетъ особенность меньшихъ районовъ мѣста и времени. Только сложивъ итоги сдѣланныхъ въ такомъ порядкѣ наблюденій, можно получить въ результатѣ дѣйствительно цѣнную научную истину. Начавъ же изслѣдованіе или прямо съ наиболѣе сложныхъ явленій, или хотя и съ наиболѣе простыхъ, но оставляя безъ объясненія весь рядъ промежуточныхъ звеньевъ между такими явленіями и наиболѣе сложными, нельзя разсчитывать на достиженіе прочныхъ и важныхъ научныхъ выводовъ.

Такъ нарушается правильный ходъ изслѣдованія. Что касается времени и области послѣдняго, то и эти условія избираются часто совершенно случайно и произвольно. Извѣстная историческая эпоха, отдѣльная страна, частное хозяйство нерѣдко служили полемъ для наблюденія такихъ особенностей явленія, которыя могли быть поняты только съ точки зрѣнія всей народно-экономической жизни всякой страны, общественнаго хозяйства.

Разсмотрѣніе теоріи капитала дастъ намъ грубый и приблизительный примѣръ общаго рѣшенія вопроса на основаніи указанныхъ пріемовъ, а равно укажетъ на тѣ заблужденія, причина которыхъ коренится въ невниманіи къ соблюденію этихъ пріемовъ.

Наиболѣе распространеннымъ и важнымъ критеріемъ капитала

справедливо явилось отношеніе извѣстной части труда и предметовъ потребленія къ производству. Вотъ нѣсколько опредѣленій, представляющихъ въ сравнительно чистомъ и безпримѣсномъ видѣ эту сторону вопроса. По мнѣнію Carey [1]), „капиталъ есть *орудіе*, посредствомъ котораго пріобрѣтается господство надъ природой". По Бастіа [2]) „капиталы суть *орудія труда*". По Отту [3])" между духовною дѣятельностью, — первоначальнымъ двигателемъ труда, и продуктомъ—цѣлью и послѣднимъ его результатомъ. для исполненія труда необходимъ посредникъ, средство, орудіе; этотъ посредникъ — *орудіе труда*". По Storch'y [4]) „*фондъ* принимаетъ названіе капитала, если онъ посвященъ на матеріальное *производство*". Слово „орудіе" употребляется здѣсь, повидимому, въ своемъ простомъ и прямомъ значеніи, именно—значеніи предмета, оказывающаго пособіе при исполненіи производства. Съ такой точки зрѣнія подъ капиталомъ приходится разумѣть только совокупность такихъ вещей, которыя технически, по самому своему устройству, служатъ производительной дѣятельности. Въ чемъ заключается служба этихъ вещей, объ этомъ будетъ рѣчь ниже. Во всякомъ случаѣ ясно, что дѣйствительно существуетъ важное различіе между орудіями для производства предметовъ непосредственнаго потребленія и самими этими предметами. Первые производятся и потребляются косвенно, посредственно, вторые, наоборотъ,—прямо и непосредственно. Но, съ одной стороны, способность прилагаться къ ряду аналогическихъ явленій, которою обладаетъ слово „орудіе" въ разговорномъ языкѣ, съ другой, — нѣкоторыя дѣйствительныя параллели побудили экономистовъ обобщить означенное выраженіе и на такіе предметы, которые по своей природѣ могутъ быть причислены къ категоріи орудій не иначе, какъ условно. Изъ числа экономистовъ, высказывающихся въ этомъ отношеніи совершенно категорически, упомянемъ прежде всего о писателѣ, теорія котораго представляетъ главный предметъ нашего обсужденія, именно Рикардо. „Капиталъ", говоритъ онъ [5]), „есть та часть народнаго богатства, которая употребляется на производство. Она состоитъ изъ съѣстныхъ припасовъ, одежды, орудій и утвари, изъ первоначальныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать трудъ *производительнымъ*". Прямой послѣдователь Рикардо, Дж. Милль [6]), слѣдующимъ образомъ перечисляетъ предметы, входящіе въ понятіе о капиталѣ: „пища и другіе предметы, употребляемые рабочими, сырой матеріалъ, надъ которымъ они трудятся,

[1]) Manual of Social Science, 374.
[2]) Harmonies économiques, 218.
[3]) Traite d'écon. sociale, III.
[4]) Cours d'écon. polit., T. I, 250.
[5]) Oeuvres complètes, 68 и 255.
[6]) Elements d'écon. politique, 10.

и орудія всякаго рода, употребляемыя ими для облегченія труда, получили названіе капитала". Наконецъ, Дж. Стюартъ Милль обобщаетъ понятіе окапиталѣ англійской школы въ такихъ выраженіяхъ [1]): „капиталомъ называются *всѣ* тѣ вещи, которыя назначены... къ снабженію производительнаго труда предварительными условіями, которыхъ онъ требуетъ". Дж. Ст. Милль и Рикардо дополняютъ свое опредѣленіе нѣкоторыми новыми характеристиками, именно тотъ и другой, говоря о трудѣ, который поддерживается капиталомъ, называютъ его „производительнымъ", а Дж. Ст. Милль, сверхъ того, употребляетъ термины „назначеніе вещей для производства" и „предварительныя условія". Но, оставляя на время въ сторонѣ эти осложненія первоначальнаго вопроса, посмотримъ, въ какой степени соотвѣтствуетъ общимъ методологическимъ пріемамъ соединеніе въ одну группу собственно орудій производства и предметовъ непосредственнаго потребленія подъ общимъ наименованіемъ капитала. Необходимость считать пищу и другіе предметы потребленія, наравнѣ съ орудіями и машинами, за общія условія производства и на этомъ основаніи включать тѣ и другіе въ одинъ и тотъ же классъ капитала, кажется на первыхъ взглядъ совершенно очевидною и не допускающею никакихъ возраженій. Дѣйствительно, безъ пищи, безъ одежды, безъ топлива и т. д. человѣкъ лишенъ возможности трудиться и, слѣдовательно, удовлетворять будущимъ потребностямъ. Тѣмъ не менѣе, упомянутый способъ воззрѣнія можетъ считаться справедливымъ только въ извѣстномъ, условномъ смыслѣ. Иными словами, то или другое рѣшеніе вопроса зависитъ въ этомъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, отъ той исходной точки, которая будетъ выбрана изслѣдователемъ. Наблюденіе болѣе общихъ, простыхъ и крупныхъ отношеній приведетъ къ инымъ результатамъ, нежели наблюденіе отношеній болѣе частныхъ, сложныхъ и мелкихъ. Если охватить однимъ взглядомъ все теченіе экономической жизни человѣчества, то нельзя не видѣть, что на первомъ планѣ отправляются въ ней двѣ великія функціи человѣческаго организма—производство, т. е. приведеніе предметовъ внѣшней природы въ состояніе, годное для удовлетворенія человѣческимъ потребностямъ, и потребленіе, т. е. поглощеніе, истребленіе этихъ предметовъ человѣкомъ. Чтобы придать находящимся въ природѣ вещамъ соотвѣтствующій своимъ цѣлямъ видъ, человѣкъ или, что одно и то же, общество людей употребляетъ рядъ усилій, затрачиваетъ свою рабочую силу. Опускаясь ступенью ниже, можно замѣтить, что одна часть этихъ усилій расходуется непосредственно на предметъ труда, другая комбинируетъ силы природы въ томъ или другомъ орудіи такъ, чтобы дѣйствіе послѣднихъ, вмѣстѣ съ дѣйствіемъ непосредственно израсходованнаго труда, приводило

[1]) Основ., т. II, стр. 70.

къ желаемому результату. Такимъ образомъ, разлагая на части *производство*, мы приходимъ къ весьма важной классификаціи самаго труда, а именно: мы различаемъ трудъ, потраченный на приготовленіе *орудій* для непосредственнаго *производства*, и *непосредственный трудъ*, результатомъ котораго является *продуктъ*. Къ этой классификаціи труда мы обратимся ниже, когда будемъ говорить о постоянномъ и оборотномъ капиталахъ. Что касается, далѣе, второй общественно-экономической функціи, *потребленія*, то, въ параллель къ классификаціи производства или труда на работу *посредственную* и *непосредственную*, само потребленіе также бываетъ *посредственное* и *непосредственное*, смотря по отношенію его къ тренію и потребленію машинъ и матеріала, или къ потребленію готовыхъ продуктовъ людьми. При этомъ каждое *производство* служитъ такимъ же *необходимымъ предыдущимъ* каждаго дальнѣйшаго *потребленія*, какъ и наоборотъ,—каждое *потребленіе* является *предыдущимъ* дальнѣйшаго *производства*. Въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, предметы потребленія рабочаго или заработная плата входятъ въ одну категорію съ орудіями и матеріалами производства, на сколько они также *потребляются*. Но отсюда до идеи о томъ, будто заработная плата потому причисляется къ орудіямъ производства и къ матеріаламъ, что составляетъ часть фонда капиталиста,—еще очень далеко. Это предположеніе вѣрно только въ юридическомъ смыслѣ, но нисколько въ экономическомъ, въ которомъ всякій рабочій самъ производитъ свою заработную плату, слѣдовательно, платежъ ея со стороны капиталиста рабочему — чисто фиктивный. Къ этому предположенію могло только повести выраженіе заработной платы въ денежной формѣ, маскирующей ея внутреннюю природу, которая состоитъ въ томъ, что трудъ рабочаго длится, сверхъ необходимаго, еще и прибавочное рабочее время.

Противъ сліянія упомянутыхъ предметовъ потребленія рабочихъ въ одну категорію съ капиталомъ высказался въ новѣйшее время экономистъ Dühring [1]). „Такъ какъ средства существованія", говоритъ онъ, „состоятъ вообще изъ всѣхъ предметовъ потребленія трудящихся и руководящихъ производствомъ классовъ, то оказывается, что все потребленіе народа постоянно входитъ въ означенное понятіе капитала". Кромѣ другихъ доводовъ, онъ оспариваетъ это положеніе тѣмъ, что оно носитъ частно-хозяйственный характеръ, что понятіе объ орудіяхъ производства напоминаетъ собственно орудія и машины, съ помощью которыхъ ведется производство, что въ идеѣ капитала, какъ орудія производства, рабочая сила предполагается уже *данною*, и что этотъ характеръ ея устраняется предположеніемъ, что нужны еще средства для ея производства, что, наконецъ, научный инстинктъ, чувство симметріи и порядка, словомъ, — чисто

[1]) Kritische Grundlegung der Wolkswirthschaftslehre, S. 359.

эстетическая сфера предохраняетъ насъ отъ усвоенія указаннаго взгляда на вещи. Никая ближе въ основанія упомянутаго воззрѣнія, нельзя, дѣйствительно, не видѣть, что оно запечатлѣно, если не частно-хозяйственными, то, во всякомъ случаѣ, временно-историческими чертами, и что въ этихъ послѣднихъ, быть можетъ, лежитъ главная причина продолжительнаго и почти безъисключительнаго его господства въ экономической наукѣ. Но какіе бы мотивы ни послужили возникновенію упомянутаго взгляда, онъ находитъ себѣ сильную поддержку въ *обще-хозяйственномъ* свойствѣ большей части предметовъ потребленія дѣйствительно служитъ будущему *производству*. Слѣдуетъ только помнить, что совершенно *такими же* качествами обладаетъ по отношенію къ *потребленію* всякій, безъ различія, трудъ. Что касается второго довода Dühring'a, то, будучи дополненъ нѣкоторыми изъ тѣхъ соображеній, которыя сдѣланы выше, онъ представляется довольно полновѣснымъ и удовлетворяетъ важнѣйшимъ сторонамъ вопроса. Инстинктъ, симметрія и эстетическая точка зрѣнія, какъ разумѣется само собою, не могутъ считаться серьёзными доказательствами того или другого взгляда и въ лучшемъ случаѣ являются не болѣе, какъ безсознательнымъ выраженіемъ невыясненной истины.

Переходя къ дальнѣйшему развитію понятія о капиталѣ, мы встрѣчаемъ новое осложненіе этого понятія, именно—капиталъ есть масса *накопленнаго* труда или продукта. Уже въ приведенномъ выше мнѣніи Storch'a мы натолкнулись на выраженіе „фондъ", которое, несмотря на свою неопредѣленность, довольно осязательно указываетъ на идею накопленія. Та же идея господствуетъ въ представленіяхъ Тюрго и Смита. Ж. Б. Сэй прямо называетъ капиталъ накопленіемъ продуктовъ. Рикардо въ главѣ о прибыли неоднократно употребляетъ слово „накопленіе", хотя и не придаетъ ему смысла необходимой характеристики понятія капитала. Вообще внеся въ науку рядъ новыхъ точекъ зрѣнія, Рикардо, по всей вѣроятности, встрѣчалъ, чуть не на каждомъ шагу, необходимость исправить или измѣнить тѣ или другія опредѣленія, но, будучи слишкомъ занятъ непосредственными слѣдствіями своихъ положеній о цѣнности, рентѣ, задѣльной платѣ и пр., оставлялъ многія изъ нихъ безъ вниманія. Но уже Дж. Милль называетъ капиталъ *накопленнымъ* трудомъ, въ отличіе отъ труда непосредственнаго [1]). Дж. Ст. Милль также утверждаетъ [2]), что „капиталъ — это предварительно *накопленный запасъ* продуктовъ прежняго труда". Canard въ своихъ „Principes d'économie politique" находитъ [3]), что „только *накопивъ* извѣстное

[1]) Elem. d'écon. polit., 100.
[2]) Основ., т. I, стр. 69.
[3]) P. 5.

количество излишняго труда, человѣкъ могъ выйти изъ дикаго состоянія и послѣдовательно создать всѣ искусства, машины и средства къ увеличенію труда, упрощая послѣдній". Оттъ замѣчаетъ [1]), что понятіе о капиталѣ заключаетъ идею *накопленія*". Прудонъ въ своемъ спорѣ съ Бастіа о законности процентовъ, приведя опредѣленія капитала Сэя, Росси, Жозефа Гарнье, дѣлаетъ заключеніе [2]), что идея накопленія обща всѣмъ этимъ опредѣленіямъ. Не обращая пока вниманія на тѣ новыя категоріи, о которыхъ идетъ рѣчь въ приведенныхъ мнѣніяхъ, именно—на категоріи „излишняго труда" и „сбереженія" или „сохраненія", остановимся исключительно на понятіи накопленія. Съ перваго взгляда представляется очевиднымъ, что понятіе это прилагается безразлично то къ труду, то къ продукту. Такъ, Дж. Милль и Дж. Ст. Милль разногласятъ между собою въ этомъ отношеніи, несмотря на то, что вообще принадлежатъ къ одной и той же школѣ и справедливо считаются одними изъ лучшихъ представителей ея. По мнѣнію перваго, капиталъ есть накопленный трудъ въ отличіе отъ непосредственнаго; по мнѣнію второго, капиталъ—накопленный продуктъ прежняго труда, очевидно въ отличіе отъ продукта настоящаго труда. Одинъ писатель употребляетъ выраженіе „накопленный трудъ", другой — выраженіе „накопленный продуктъ", и это не возбуждаетъ никакихъ пререканій. Между тѣмъ, очевидно, что въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о *посредственномъ производствѣ* (матеріаловъ и орудій), во второмъ—о *посредственномъ потребленіи* (стираніи орудій и перемѣнѣ формы матеріаловъ), и слѣдовательно допускается не только отличная отъ перваго категорія — *непосредственнаго производства*, но и отличная отъ второго категорія — *непосредственнаго потребленія*. Оба вида производства относятся къ обнаруженію рабочей силы, оба вида потребленія относятся къ пользованію ея результатами, т. е. продуктами. Спросимъ себя теперь, въ какой именно степени необходимое условіе понятія о капиталѣ представляетъ идея накопленія? Каждый изъ писателей, давшихъ капиталу упомянутое опредѣленіе, разумѣлъ подъ накопленіемъ прежде всего суммированіе, интегрированіе отдѣльныхъ величинъ труда или продукта. Въ результатѣ получилась формула, опредѣляющая *качество* извѣстныхъ предметовъ *количественнымъ* признакомъ, включая въ понятіе капитала только представленіе о *множествѣ*, о *большомъ* количествѣ предметовъ. Будь эта формула правильна, нельзя было бы ничего возразить противъ такого способа указанія на особенности явленія. Но она совершенно противорѣчитъ не только предыдущему опредѣленію капитала тѣхъ же самыхъ экономистовъ, а именно—капиталъ есть

[1]) Traité d'économie sociale, 113—114.
[2]) Intérêt et principal, p 128 и слѣд.

орудіе производства въ обширномъ смыслѣ, но и такому опредѣленію его, которое простирается только на извѣстную часть предметовъ, именно—на орудія труда и матеріала въ тѣсномъ смыслѣ. Въ понятіи объ орудіяхъ производства или матеріалахъ не содержится ровно ни одной черты, которая указывала бы на большіе ихъ размѣры. Неужели лукъ дикаря или лопата садовника перестаютъ быть орудіями на томъ основаніи, что какъ тотъ, такъ и другая существуютъ лишь въ одномъ экземплярѣ, стоили лишь незначительныхъ затратъ рабочей силы? Неужели формула, причисляющая къ капиталу пищу и вообще предметы продовольствія, оттѣняетъ ихъ такой характеристикой только тогда, когда они представляютъ громадную массу труда и потребленія? Что это не такъ, что, внеся въ опредѣленіе капитала идею количества, экономисты не обогатили общаго понятія о немъ существенною чертою,—это до такой степени очевидно, что мы имѣемъ полныя основанія отрицать эту характеристику, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ орудіямъ производства *въ среднее время* и въ среднемъ мѣстѣ. Что касается нѣкоторыхъ спеціальныхъ эпохъ, напр., капиталистической, то имъ упомянутое опредѣленіе можетъ соотвѣтствовать вполнѣ.

Но, быть можетъ, выраженіе „накопленный“ имѣло цѣлью указать на противоположность между значительными промежутками времени, которые израсходованы на собраніе извѣстныхъ количествъ труда или продукта, удовлетворяющихъ цѣлямъ производства и потребленія косвенно, и тѣмъ ничтожнымъ временемъ, какое тратится на самое производство и потребленіе? Такую точку зрѣнія подтверждаетъ, между прочимъ, и слово „запасъ“, весьма часто употребляемое экономистами въ отношеніи къ вещамъ, получившимъ названіе капитала. Но взглядъ этотъ вообще справедливъ только относительно сравненія *цѣлаго ряда* операцій производства и потребленія, исполненныхъ надъ орудіями того и другого, съ *одною* операціей производства и потребленія непосредственныхъ. Но если пожелать сравнить рядъ тѣхъ и другихъ операцій какъ посредственнаго, такъ и непосредственнаго потребленія и производства, то, за отсутствіемъ всякаго критерія сравненія, нельзя придти на этотъ счетъ ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Какая-нибудь машина производится въ теченіе года, а служитъ непосредственному производству то десять, то двадцать лѣтъ, смотря по способу употребленія ея и пр. Потребляясь въ производствѣ въ теченіе одного періода времени, та же машина даетъ продуктъ, потребляемый въ теченіе иныхъ періодовъ времени и пр.

Намъ предстоитъ теперь перейти къ обсужденію наиболѣе важныхъ частей общей теоріи капитала. Части эти обнимаютъ способность капитала воспроизводиться и приносить доходъ. Наиболѣе важ-

ными мы считаемъ ихъ потому, что, если не ошибаемся, объ онѣ, и особенно вторая, служили въ экономической наукѣ главнымъ отличительнымъ признакомъ капитала отъ не-капитала, а также однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ къ разработкѣ теоріи капитала. Что касается способности капитала воспроизводиться, то наиболѣе общія хозяйственныя отношенія представляютъ ее въ слѣдующемъ видѣ. Одна часть общественнаго богатства, именно та, которая служитъ производствомъ по самому своему назначенію (орудія, машины и т. д.), будучи употреблена въ дѣло, потребляется или уничтожается въ теченіе болѣе или менѣе продолжительныхъ періодовъ времени. Чтобы хозяйство страны или народа сохраняло правильное и равномѣрное движеніе, вся масса орудій, машинъ и т. д. должна быть непрерывно *пополняема*, ремонтируема. Другой разрядъ богатства—предметы продовольствія, въ число которыхъ входитъ вся совокупность вещей, удовлетворяющихъ потребностямъ средняго человѣка, страны или эпохи, потребляются по мѣрѣ своего изготовленія и, при равномѣрномъ теченіи хозяйственной дѣятельности, должны быть непрерывно *возстановляемы*. Отсюда мы видимъ, что правильное чередованіе производствъ и потребленій богатства того и другого разрядовъ составляетъ необходимое условіе хозяйственной жизни страны или народа. Какъ орудія и машины, такъ и предметы продовольствія *воспроизводятся* по частямъ или всецѣло, смотря по своему назначенію и употребленію въ хозяйственной дѣятельности. Но воспроизводятся, какъ не трудно видѣть, не одни только орудія,—воспроизводится положительно вся масса предметовъ, служащихъ для удовлетворенія среднихъ общественныхъ потребностей. Между тѣмъ большинство экономистовъ полагало, что понятіе о воспроизведеніи составляетъ характеристическую черту только капитала, а слѣдовательно, и того труда, который употребляется производительно. Такъ, напр., у Storch'а встрѣчаемъ слѣдующее опредѣленіе капитала [1]): „Фондъ богатства, употребленный на матеріальное производство, безпрерывно воспроизводится... Фондъ богатства, предназначенный на производство нематеріальное, перестаетъ быть фондомъ богатства и превращается въ блага внутреннія, въ цѣнности нематеріальныя". То же самое говоритъ Ott [2]): „накопленные продукты входятъ въ составъ капитала не иначе, какъ подъ условіемъ, что они предназначены на воспроизведеніе". „Съ точки зрѣнія генерическаго значенія слова", утверждаетъ Wolkoff [3]), „*капиталъ* значитъ *основное* имущество (principal), въ противоположность ежегодному *доходу*, вытекающему изъ него". „Капиталъ". пишетъ Dühring [4]), есть все, что служитъ источ-

[1]) Cours d'écon. polit., I. 251.
[2]) Traité d'écon. sociale, 113—14.
[3]) Lectures d'écon. polit., 134.
[4]) Kritische Grundleg., 356.

никомъ пользованія". По мнѣнію Hermann'а, капиталъ есть благо, имѣющее назначеніемъ *сохранять* свою цѣнность и составлять продолжительное основаніе пользованія, имѣющаго мѣновую цѣнность. Рядъ цитатъ изъ сочиненій важнѣйшихъ представителей англійской школы—Смита, Мальтуса, Рикардо, Макъ-Куллоха, обоихъ Миллей, подтвердилъ бы тотъ же взглядъ на воспроизводительную способность исключительно капитала. Но общеизвѣстность этого способа воззрѣнія дозволяетъ ограничиться приведенными ссылками. Не трудно, однако, замѣтить, что способность капитала воспроизводиться противопоставляется экономистами не отсутствію этой способности у предметовъ непосредственнаго потребленія, а отсутствію ея у предметовъ совершенно новой категоріи, именно—категоріи *дохода*. Тѣ экономисты, которые, по ошибкѣ или сознательно, пожелали держаться въ одно и то же время какъ той, такъ и другой классификаціи, впали въ крупное противорѣчіе. Такъ, напр., Рау раздѣливъ предварительно [1]) продукты, входящіе въ составъ народнаго богатства, на два разряда, именно—на предметы, служащіе увеличенію, а слѣдовательно и возстановленію народнаго богатства, или *капиталъ*, и на предметы, предназначенные къ доставленію непосредственныхъ выгодъ, къ удовлетворенію человѣческимъ потребностямъ и удовольствіямъ, или *продукты*, предназначенные для *потребленія*, — спустя нѣсколько страницъ [2]), забываетъ свое подраздѣленіе и причисляетъ къ капиталу средства существованія рабочихъ. Такая точка зрѣнія, которая бы допускала принятіе той и другой классификаціи, дѣйствительно существуетъ, и не только существуетъ, но она-то и есть истинно научная точка зрѣнія: но она требуетъ такой комбинаціи пріемовъ изслѣдованія, какой нельзя встрѣтить у экономистовъ, признающихъ, подобно Рау, годность обѣихъ параллелей, но ничѣмъ не примиряющихъ того разительнаго противорѣчія, по которому средства продовольствія оказываются въ одно и то же время и капиталомъ, и некапиталомъ.

Итакъ, свойство воспроизводиться приписывается капиталу въ противоположность доходу. Подъ доходомъ вообще разумѣется общая сумма продукта, полученная изъ всѣхъ хозяйственныхъ источниковъ въ опредѣленный, напр., годичный промежутокъ времени. Такой доходъ называется валовымъ. Излишекъ, остающійся за вычетомъ той части продукта, которая идетъ въ натуральной формѣ на возстановленіе машинъ, орудій, рабочей силы и пр., называется чистымъ доходомъ. Эта послѣдняя часть продукта, по единогласному мнѣнію экономистовъ, можетъ расходоваться или на увеличеніе размѣровъ производительной дѣятельности страны, или на предметы

[1]) Traité d'économie nationale, 43—44.
[2]) Ib., 109.

непосредственныхъ потребностей капиталиста, землевладѣльца и т. д. Всѣ эти потребности отличаются тѣмъ, что удовлетвореніе ихъ не служитъ источникомъ производства новой части такого продукта, который впослѣдствіи могъ бы вновь служить на поддержаніе производства. Такимъ образомъ, противоположность между воспроизводительною способностью капитала и отсутствіемъ ея у дохода приводится къ противоположности между капиталомъ и *чистымъ* доходомъ, т. е. такимъ, который составляетъ излишекъ надъ удовлетвореніемъ наиболѣе общихъ потребностей средняго человѣка. Только чистый доходъ общества можетъ не воспроизводиться, а напротивъ—потребляться безъ остатка, хотя въ дѣйствительности онъ не только воспроизводится, но и служитъ въ свою очередь источникомъ накопленія капитала, иными словами, доходъ порождаетъ капиталъ на подобіе того, какъ капиталъ порождаетъ доходъ. Развитіе понятія о чистомъ доходѣ ведетъ свое начало съ такой эпохи, когда еще не существовало строго отграниченной категоріи капитала. Какъ извѣстно, характеристическая особенность физіократіи состояла въ признаніи за землею способности давать доходъ—produit net и въ отрицаніи такой способности за другими хозяйственными источниками. Физіократы находили возможность противополагать въ этомъ отношеніи земледѣльческую промышленность всѣмъ прочимъ на томъ основаніи, что не видѣли въ этихъ отрасляхъ ничего такого, что могло бы стать въ параллель съ землею. Подъ чистымъ доходомъ они разумѣли тотъ излишекъ, который оставался у земледѣльца за покрытіемъ его собственныхъ потребностей и возстановленіемъ затратъ и шелъ на удовлетвореніе потребностей класса землевладѣльцевъ, государства и церкви. По мнѣнію физіократовъ, ремесленники только *воспроизводятъ* цѣнность той части земледѣльческаго продукта, которая поступаетъ къ нимъ въ видѣ матеріаловъ и пищи, но не прибавляютъ къ ней никакого чистаго дохода. Напротивъ того, въ земледѣліи *силы природы* оказываются столь щедрыми, что, кромѣ средствъ содержанія, даютъ извѣстный излишекъ. Зерно, опущенное въ землю, возвращается земледѣльцу въ видѣ 5 и болѣе зеренъ, между тѣмъ какъ, напр., фунтъ шерсти, пройдя черезъ обработку, остается тѣмъ же фунтомъ шерсти. Въ лицѣ Тюрго, Смита, Мальтуса ученіе это измѣнилось весьма незначительно. Тюрго полагалъ, что, хотя кромѣ земли существуютъ еще и другіе источники дохода, а именно—сбереженія, сдѣланныя изъ поземельнаго дохода, но самый доходъ, доставляемый этими источниками, есть не что иное, какъ тотъ же земледѣльческій доходъ. Ад. Смитъ, какъ извѣстно, признавалъ существованіе прибыли, или чистаго дохода, не въ одной только земледѣльческой, но и во всѣхъ прочихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности, что и послужило поворотнымъ пунктомъ отъ физіократіи

къ новѣйшей экономіи. Земля даетъ, по его мнѣнію, доходъ потому, что землевладѣльцы, пользуясь монополіей, берутъ плату за пользованіе силами природы. Въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, впрочемъ, что рента есть результатъ дѣйствія силъ природы, и этотъ послѣдній взглядъ его слѣдуетъ считать преобладающимъ: такой выводъ вытекаетъ изъ разграниченія, сдѣланнаго имъ по отношенію къ различнымъ отраслямъ промышленности, въ результатѣ котораго оказывается, что земля есть наиболѣе производительный источникъ дохода, торговля — наименѣе производительный. Прибыль въ собственномъ смыслѣ, или доходъ съ капитала, Ад. Смитъ выводитъ частью изъ ссуды капитала рабочимъ, частью изъ обмѣна однихъ произведеній на другія. Въ общемъ обѣ эти части его ученія остаются нѣсколько смутными: слабый анализъ основныхъ началъ физіократовъ,—анализъ, приводящій Смита къ признанію, что фабриканты и ремесленники дѣйствительно только воспроизводятъ, какъ говорили физіократы, цѣнность того матеріала, который они потребили во время работы [1]),—еще болѣе усиливаетъ это впечатлѣніе. Наконецъ, Мальтусъ въ своемъ ученіи о рентѣ тратитъ столько времени и мѣста на доказательство того, что земля имѣетъ особенное, ей одной свойственное качество давать излишекъ, что сходство, почти тождество его мнѣній со взглядами физіократовъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Только Рикардо своимъ ученіемъ о рентѣ даетъ, наконецъ, крутой поворотъ вопросу о прибыли и слѣдующей своей цитатой ясно показываетъ, въ какомъ отношеніи должна находиться теорія капитала къ теоріи физіократовъ [2]). „Нѣтъ ничего чаще", говоритъ онъ, „какъ слышать мнѣніе о тѣхъ выгодахъ, которыми обладаетъ земля, въ сравненіи со всякимъ другимъ источникомъ полезнаго производства, по отношенію къ излишку, который извлекается изъ нея въ видѣ ренты. Однако же, въ ту эпоху, когда земли всего болѣе плодородны, изобильны, производительны, онѣ отнюдь не даютъ ренты. И только въ тотъ моментъ, когда онѣ бѣднѣютъ, когда одинъ и тотъ же трудъ даетъ менѣе продукта, берется на уплату ренты часть первоначальнаго продукта земель перваго разряда. Довольно странно, что это качество земли, на которое слѣдовало бы смотрѣть какъ на неудобство, въ сравненіи съ естественными дѣятелями, оказывающими пособіе мануфактуристу, разсматривалось, напротивъ, какъ такое, которое придавало ей замѣтное преимущество. Еслибы воздухъ, вода, эластичность пара могли имѣть измѣняемыя и подвижныя качества. .— всѣ эти дѣятели давали бы ренту..., человѣкъ работалъ бы больше,

[1]) См. Wealth of N., B. IV, Ch. IX: „Вѣдь мы же не называемъ безплоднымъ того брака, который даетъ сына и дочь на смѣну отца и матери, хотя такой бракъ отнюдь не содѣйствуетъ умноженію человѣческаго рода, а только поддерживаетъ его прежнюю численность".

[2]) Oeuvres compl.. 47—49.

природа—меньше, а земля перестала бы пользоваться преимуществомъ, вытекающимъ изъ ограниченности размѣровъ ея силъ. Если излишекъ продукта, образующій ренту, есть дѣйствительно выгода, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ желать, чтобы вновь сооруженныя машины становились менѣе производительными, нежели прежнія". Вся аргументація Рикардо клонится къ тому, чтобы показать, что между земледѣльческою и другими отраслями промышленности существуетъ разница лишь по отношенію къ одной части дохода которой земледѣліе не только не даетъ само, но, напротивъ, получаетъ изъ дохода другихъ отраслей. Во всемъ остальномъ земледѣліе нимало не отличается отъ другихъ родовъ хозяйственной дѣятельности, и главнѣйшее сходство между ними заключается въ томъ, что каждая требуетъ затраты капитала и каждая приноситъ чистый доходъ—прибыль. Откуда же берется прибыль? Рикардо не даетъ на это прямого отвѣта, но не трудно видѣть изъ всей совокупности его взглядовъ, что она дается, по его мнѣнію, совмѣстною дѣятельностью капитала и труда.

Несмотря на кажущуюся простоту и удобопонятность, взглядъ этотъ требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій. Онъ выраженъ такъ, какъ будто производство прибыли составляетъ необходимое послѣдствіе производительной силы труда. На самомъ дѣлѣ отношенія представляются въ нѣсколько иномъ видѣ. Подъ производительною силою труда, очевидно, нельзя разумѣть что-либо иное, кромѣ способности труда приводить въ окончательный, по техническимъ и хозяйственнымъ условіямъ, видъ какое-нибудь количество продукта — въ *единицу* времени. Способность эта можетъ быть столь велика, что рабочій будетъ въ состояніи произвести въ данное время больше пищи и другихъ предметовъ продовольствія, чѣмъ сколько необходимо на поддержаніе его рабочей силы въ теченіе другого такого же промежутка времени. При такихъ обстоятельствахъ часть времени останется у рабочаго въ запасѣ и можетъ быть употреблена на увеличеніе производства, т. е. на производство прибыли; но она можетъ быть израсходована и какимъ-либо инымъ образомъ, можетъ быть просто потеряна. Иными словами, рабочій можетъ продолжать трудиться столько времени, чтобы въ результатѣ постоянно получался излишекъ надъ его содержаніемъ, но можетъ и уменьшить размѣры своего рабочаго времени. Извѣстный примѣръ относительно плодородія земель Новой Испаніи и хозяйственнаго положенія туземцевъ, заимствованный Мальтусомъ у Гумбольдта [1]), прекрасно обнаруживаетъ всю разницу между дѣйствительнымъ расходованіемъ рабочаго времени на производство прибавочнаго продукта, или чистаго дохода, и потенціальною возможностью такого расходованія. „Я сомнѣваюсь", гово-

[1]) Essai politique sur la Nouvelle Espagne, T. III, l. IV, ch. 9, p. 28. 36, 38. см. Malthus. Principes, T. II. 72—75.

ритъ Гумбольдтъ, „существуетъ-ли гдѣ-либо на земномъ шарѣ другое растеніе, которое могло бы, подобно банану, производить такую громадную массу питательнаго вещества на столь незначительномъ пространствѣ земли“. Въ другомъ мѣстѣ онъ разсчитываетъ, что „полъ-гектара земли, засаженной бананами крупной породы, могутъ доставить пропитаніе болѣе нежели пятидесяти индивидуумамъ, между тѣмъ какъ въ Европѣ тѣ же полъ-гектара дали бы въ годъ, при урожаѣ самъ-восемь, не болѣе 576 килограммовъ муки—количество, недостаточное для поддержанія жизни двухъ человѣкъ“.—„Бананъ растетъ при самыхъ ничтожныхъ заботахъ со стороны человѣка, онъ требуетъ только разъ или два въ годъ легкой раскопки земли вокругъ корней“. „У подошвы Кордильеровъ, во влажныхъ долинахъ округовъ Вера-Круца, Валльядолида и Гвадалаксары, человѣкъ, расходующій не больше двухъ дней въ недѣлю легкаго труда, можетъ доставить средства существованія цѣлому семейству“. „Что за громадныя средства для производства безграничнаго количества богатства“, восклицаетъ Мальтусъ, „еслибы они употреблялись производительно. Но какóво дѣйствительное положеніе вещей въ этихъ плодородныхъ странахъ!“ — „Въ испанскихъ колоніяхъ часто повторяютъ“, говоритъ Гумбольдтъ, „что жители жаркой полосы до тѣхъ поръ не выйдутъ изъ состоянія *апатіи*, въ которую они погружены уже цѣлыя столѣтія, пока банановыя деревья не будутъ истреблены по распоряженію короля“. Такимъ образомъ, мы видимъ, что у народа можетъ оставаться свободное время, за вычетомъ того, которое расходуется на производство предметовъ продовольствія, и что такое время не всегда тратится на производство прибавочнаго продукта. Между простою возможностью такой траты и дѣйствительнымъ осуществленіемъ ея находится множество промежуточныхъ звеньевъ меньшей общности и большей сложности, нежели тѣ, какія представляются явленіями производства и потребленія вообще.

Но если нѣтъ необходимаго соотношенія между производительною силою труда и производствомъ прибавочнаго продукта, какими доводами можно объяснить то причинное соотношеніе, которое существуетъ, по мнѣнію экономистовъ, между капиталомъ и чистымъ доходомъ? Еще Ад. Смитъ замѣтилъ [1]), что „капиталомъ называется та часть запасовъ, отъ которой кто-либо разсчитываетъ имѣть доходъ“. „Капиталъ“, говоритъ Storch [2]), „есть фондъ..., который воспроизводится, принося ренту“. Мнѣнія Hermann'a, Dühring'a, Wolkoff'a, относительно внутренней связи между понятіями капитала и дохода, приведены нами по другому поводу выше. Рау прямо утверждаетъ [3]),

[1]) Wealth of N., B. II, 120.
[2]) T. I, 261.
[3]) 43—44.

что „капиталъ служитъ къ *увеличенію* количества благъ, составляющихъ народное богатство". „Природа капитала и природа дохода", пишетъ Сисмонди [1]), „безпрерывно смѣшиваются въ нашемъ воображеніи". По Мальтусу, капиталъ есть накопленное богатство, употребляемое въ видахъ полученія прибыли. Только Лодердаль споритъ противъ производительности капитала и полезное назначеніе его видитъ исключительно въ облегченіи труда.

Вопросъ о возникновеніи самаго капитала составитъ предметъ слѣдующей главы, но происхожденіе чистаго дохода изъ капитала или при помощи капитала можетъ въ общихъ чертахъ быть разсмотрѣно теперь же. Та производительная сила труда, — разсуждаютъ экономисты, выводящіе прибыль изъ производства, а не изъ обмѣна,— которая служитъ источникомъ прибыли, достигается не иначе, какъ при помощи капитала, т. е. орудій, машинъ, средствъ существованія, матеріаловъ и т. п. Всѣ эти вещи *облегчаютъ* производство, т. е. уменьшаютъ количество времени, необходимаго на достиженіе извѣстныхъ хозяйственныхъ результатовъ. Дѣйствительно, таково назначеніе машинъ, орудій и пр.; каждый изъ такихъ предметовъ, будучи употребленъ въ дѣло, уменьшаетъ количество труда, идущее на производство единицы какого бы то ни было продукта. Тайна такого дѣйствія орудій производства заключается единственно въ успѣшномъ комбинированіи силъ природы при помощи того или другого орудія и въ принужденіи ихъ служить человѣческимъ цѣлямъ за меньшую трату рабочей силы и рабочаго времени, нежели служатъ тѣ же или другія силы безъ помощи орудій или при помощи худшихъ орудій. Солнце и хлоръ по отношенію къ бѣленію полотна, лопата и плугъ по отношенію къ обработкѣ земли представляютъ примѣры такихъ различій. Естественное плодородіе почвы, какъ показываетъ примѣръ Новой Испаніи, можетъ въ иныхъ случаяхъ играть совершенно ту же роль, какъ и самыя лучшія и усовершенствованныя орудія, иными словами,—можетъ способствовать полученію необходимаго продукта въ столь короткое время, что въ этомъ отношеніи не уступитъ дѣйствію пара, электричества, воды и другихъ силъ природы, служащихъ производству черезъ посредство орудій и машинъ. Но трудно понять, какимъ образомъ приписывается предметамъ существованія въ собственномъ смыслѣ то же значеніе, что и орудіямъ производства? Извѣстное количество пищи, одежды, топлива и т. д. необходимо для поддержанія извѣстнаго количества рабочей силы,—это справедливо. Но не въ нихъ самихъ, а въ томъ количествѣ труда, которое содержится въ нихъ, по отношенію къ тому количеству его, которое *можетъ быть* поддержано этими продуктами, лежитъ причина возможнаго производства прибыли. Что же касается перваго количества, то,

[1]) N. Pr. T. I, 85.

подобно размѣрамъ труда во всѣхъ безъ исключенія продуктахъ, оно зависитъ отъ дѣйствія силъ природы, скомбинированныхъ или при помощи орудій и машинъ, или климатическими и почвенными условіями страны, или тѣми и другими отношеніями вмѣстѣ. Чѣмъ успѣшнѣе дѣйствуютъ всѣ или нѣкоторыя изъ подобныхъ приспособленій, тѣмъ меньше расходуется рабочей силы и рабочаго времени на производство предметовъ существованія, тѣмъ больше времени и силы остается въ запасѣ. Но мы видѣли, что свободное время, доставляемое природными условіями, можетъ вовсе не расходоваться на производство прибавочнаго продукта. Нѣтъ причинъ не предположить, что и при существованіи орудій противоположный порядокъ вещей поддерживается дѣйствіемъ совершенно особыхъ и болѣе сложныхъ условій, которыя и послужили исходною точкою при установленіи причинной связи между капиталомъ и доходомъ. Очевидно, что облегчать производство, т. е. давать возможность производить то же количество вещей въ теченіе меньшихъ промежутковъ времени и увеличивать количество вещей, производимыхъ въ теченіе прежнихъ промежутковъ времени,—далеко не одно и то же. Дѣйствіе перваго рода оказывается орудіями на производство всегда и вездѣ, дѣйствіе второго рода—только при извѣстной комбинаціи временныхъ и мѣстныхъ условій. Прибавочный продуктъ можетъ производиться большій или меньшій, можетъ и вовсе не производиться; но производство его зависитъ отъ причинъ, не находящихся въ непосредственной связи съ однимъ только существованіемъ въ странѣ извѣстной части продукта въ формѣ орудій и другой его части въ формѣ предметовъ непосредственнаго потребленія.

Возвращаясь къ тому противоположенію между воспроизводительною способностью капитала и отсутствіемъ ея у дохода, которое служило для насъ опорнымъ пунктомъ при опредѣленіи отношеній между капиталомъ и доходомъ, мы должны замѣтить, что, хотя противопоставленіе это въ *извѣстныхъ предѣлахъ* совершенно законно и правильно, но ведетъ къ ложной мысли, что и *вообще* вещи должны быть капиталомъ для того, чтобы воспроизводиться. Для выполненія такой функціи вещи должны только удовлетворять потребностямъ средняго человѣка, каковы бы ни были послѣднія—матеріальныя или нематеріальныя, активныя или пассивныя. Воспроизведеніе всѣхъ такихъ предметовъ составляетъ необходимое условіе хозяйственной жизни всякаго общества и всякой страны.

То понятіе о капиталѣ, которое поставило капиталъ въ неразрывную связь съ доходомъ, составляя результатъ сравнительно частной точки зрѣнія, въ естественномъ развитіи своемъ до того расширилось, что стало обнимать громадное множество вещей и отношеній, которыя потому только и причислялись къ капиталу, что существованіе

ихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, для того или другого лица совпадало съ *полученіемъ* извѣстнаго *излишка* или надъ затратами лица, или надъ выручкою другихъ лицъ. Съ одной стороны, подъ капиталомъ стали разумѣть вещи, не только не служащія самостоятельными условіями производства, но даже подчасъ выходящія за предѣлы экономическихъ категорій. Съ другой стороны, понятіе капитала начало прилагаться уже не къ опредѣленнымъ предметамъ, а къ способу назначенія того или другого имущества. Кульминаціонную точку развитія этого способа воззрѣнія составляетъ то представленіе о капиталѣ, по которому капиталъ есть *все*, что приноситъ доходъ.

Прежде всего проводится различіе между совокупностью вещей, производимыхъ при помощи человѣческаго труда, и землею или другими естественными источниками производительной силы. Съ тѣхъ поръ, какъ признаніе за землею специфической способности приносить produit net понесло пораженіе въ лицѣ физіократовъ, происхожденіе капитала изъ труда составляетъ почти общепризнанную истину. Честь установленія ея принадлежитъ отчасти Ад. Смиту, но, главнымъ образомъ, Рикардо. На страницахъ 82 и 83 настоящаго изслѣдованія приведено мнѣніе послѣдняго по этому вопросу, и мы не станемъ теперь къ нему возвращаться. Скажемъ только нѣсколько словъ о мотивахъ, побудившихъ Рикардо и его школу такъ строго держаться подобнаго понятія о капиталѣ. Мотивы эти — требованія теоріи цѣнности, проводимой ими. Если цѣнность большей части предметовъ опредѣляется трудомъ,—разсуждали эти экономисты,— то въ составъ этого труда долженъ входить и тотъ трудъ, которымъ произведены орудія производства. Орудія эти представляютъ не что иное, какъ продуктъ, по отношенію къ производству совершенно подобный всякому другому продукту и наравнѣ съ нимъ составляющій результатъ приложенія къ дѣлу человѣческаго труда.

Съ точки зрѣнія готоваго продукта не представляется никакихъ различій между трудомъ, израсходованнымъ на предметъ посредственно и непосредственно. Трудъ перваго рода присоединяется къ труду второго рода по мѣрѣ того, какъ орудіе или машина исполняютъ свое назначеніе, т. е. потребляются, расходуются производствомъ. Но орудіе, произведенное трудомъ, именно тѣмъ и отличается отъ непосредственно дѣйствующей въ производствѣ силы природы, что вторая отнюдь не входитъ въ счетъ цѣнности готоваго продукта; напротивъ того, чѣмъ больше дѣйствіе подобной даровой силы, тѣмъ меньше будетъ цѣнность продукта, потому что тѣмъ меньше пойдетъ на производство рабочей силы. Такимъ образомъ, допущеніе особой категоріи предметовъ, произведенныхъ трудомъ и служащихъ производству, въ отличіе отъ естественныхъ производительныхъ силъ, находитъ себѣ оправданіе въ основной экономической категоріи—*про-*

*изводства*, подъ которою разумѣется всякая дѣятельность человѣческой рабочей силы, направленная къ удовлетворенію потребностей. Мотивомъ же, послужившимъ школѣ Рикардо къ установленію столь важнаго различія, явились требованія хозяйственнаго учета этой силы, находящія осуществленіе въ мѣновой цѣнности продуктовъ. Будетъ-ли орудіе производства составлять результатъ труда, или, напротивъ, естественный и даровой результатъ непосредственно дѣйствующихъ силъ природы,—въ обоихъ случаяхъ дѣйствіе орудія на производство, со стороны какъ потребленія этого орудія, такъ и помощи, оказываемой имъ труду, окажется совершенно одно и то же. Но для планомѣрнаго веденія хозяйственной дѣятельности, для взаимныхъ разсчетовъ людямъ чрезвычайно важно знать, произведенъ-ли тотъ или другой предметъ непосредственнаго потребленія съ помощью орудій, добытыхъ трудомъ, или же съ помощью даровыхъ силъ природы. Требованія послѣдняго рода находятъ себѣ опору въ томъ, что для каждаго болѣе или менѣе развитого производства, по условіямъ, въ которыя поставлены человѣческія общества, необходимы орудія, произведенныя трудомъ. Съ этой точки зрѣнія различіе между капиталомъ и не-капиталомъ, вытекающее изъ условій производства того и другого, — различіе, установленное школою Рикардо, — вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ здравой научной классификаціи. За немногими исключеніями [1]), взглядъ этотъ въ послѣднее время почти не оспаривается. Если встрѣчаются подчасъ возраженія противъ него, то или по недоразумѣнію [2]) (вопросъ, очевидно, не въ томъ, какъ назвать — капиталомъ или какъ-нибудь иначе—хозяйственный предметъ, *отличающійся* отъ другого хозяйственнаго предмета), или по совершенно особымъ поводамъ. Такъ, напр., Рошеръ [3]) находитъ это опредѣленіе капитала неудачнымъ на томъ основаніи, что „владѣлецъ капитала не только производитъ и сохраняетъ его,—онъ лишаетъ себя, сверхъ того, пользованія капиталомъ и получаетъ за это въ обмѣнъ, напр., прибыль". Доводъ Рошера касается вопроса о причинахъ происхожденія капитала, а отнюдь не той противоположности, какая обозначается различіемъ ме-

[1]) Ganilh (Systèmes d'écon. polit., 1809, I. 243), Hermann (Staatswirthschaftliche Untersuchungen, n° 3) и Dunoyer (Liberté du travail) причисляютъ землю къ капиталу (см. Roscher, Principes. T. I, 94).

[2]) Такъ, въ недавнее время высказался противъ такой классификаціи Held. „Die producirende Arbeit nimmt die äusseren Stoffe, wie sie sind, ganz abgesehen davon, in wie weit ihr gegenwärtiger Werth die Wirkung früheren Arbeit ist oder nicht. Zur Erklärung des Vorgangs der Production ist es also völlig unnöthig, Grund und Boden, oder denjenigen Theil des Werthes von Grund und Boden, der nicht durch vergangene Arbeit entstanden ist, von den übrigen Kapitalien auszuscheiden". Carey's Socialwissenschaft, 121.

[3]) T. I, 107.

жду капиталомъ и силами природы въ собственномъ смыслѣ, и потому не можетъ подлежать здѣсь разсмотрѣнію. Независимо отъ этого, мы можемъ замѣтить, что самъ Рошеръ значительно ослабляетъ силу своего возраженія, утверждая въ другомъ мѣстѣ, что „капиталъ не можетъ *производиться* тамъ, гдѣ не существуетъ законныхъ гарантій и т. д.“ Выраженіе „производиться“ сохраняетъ во всей экономической литературѣ такое постоянное отношеніе съ понятіемъ о трудѣ, что было бы странно подразумѣвать подъ нимъ что-либо иное въ настоящемъ случаѣ. Такимъ образомъ, самъ Рошеръ соглашается съ тѣмъ, что капиталъ производится трудомъ, а слѣдовательно и характеристику школы Рикардо нельзя ему считать неправильною.

Гораздо больше разногласій встрѣчается между экономистами по вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли разумѣть подъ капиталомъ одни только матеріальные предметы или же и невещественные, а равно отношенія и комбинаціи условій, способствующія полученію дохода. Расколъ въ этомъ отношеніи идетъ гораздо дальше и глубже, во-первыхъ, потому, что сама школа Смита-Рикардо высказывается объ этомъ предметѣ довольно разнообразно; во-вторыхъ, потому, что къ понятію о вещественныхъ и невещественныхъ орудіяхъ производства и принесенія дохода примѣшивается спорное понятіе о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ. Еще Ад. Смитъ внесъ въ категорію капитала ловкость и дарованія рабочихъ и тѣмъ далъ точку опоры позднѣйшимъ теоретикамъ при установленіи рубрики невещественныхъ капиталовъ. Послѣдователь его Storch считаетъ, какъ мы видѣли, воспроизводящеюся только ту часть богатства, которая употребляется на матеріальное производство, что, однако же, нисколько не исключаетъ понятія о тѣхъ же дарованіяхъ и талантахъ рабочихъ, какъ о невещественныхъ капиталахъ. Hermann и Dühring, разумѣя подъ капиталомъ—первый—*благо*, имѣющее назначеніемъ сохранять свою цѣнность, второй *все*, что служитъ источникомъ пользованія, очевидно выражаются такъ, что съ полнымъ правомъ могутъ быть причислены къ категоріи лицъ, признающихъ невещественные капиталы. Ад. Мюллеръ, между прочимъ, считаетъ языкъ народа за одинъ изъ важнѣйшихъ капиталовъ. „Производительныя силы“ Фр. Листа. въ число которыхъ входятъ, между прочимъ, и такія, какъ наука, воспитаніе и пр., также должны найти себѣ мѣсто между невещественными капиталами. Canilh [1]) считаетъ капиталомъ просвѣщеніе, честность и репутацію торговцевъ. Рошеръ [2]) допускаетъ отдѣльную категорію невещественныхъ капиталовъ, „которые, будучи результатомъ производства, употребляются для новаго производства, подобно всякому другому капиталу“. „Нѣкоторые изъ нихъ“, продолжаетъ онъ, „спо-

[1]) Théorie de l'économ. polit., I. 133.
[2]) Principes, T. I, 91—92.

собны къ передачѣ по самой своей природѣ, напр., кліентела торговаго смысла, пріобрѣвшаго почетную извѣстность. Но многіе другіе не отдѣлимы отъ способности или труда человѣка... Таковы, напр., *большая* ловкость, пріобрѣтаемая рабочимъ вслѣдствіе практики, *большое* полное довѣріе, которое онъ пріобрѣлъ съ теченіемъ времени. Важнѣйшій капиталъ—само государство". Подобно Рошеру, и Rössler [1]) причисляетъ къ капиталу „цѣлый рядъ невещественныхъ продуктовъ, облегчающихъ производство и обезпечивающихъ его исходъ; таковы пріобрѣтенные покупатели, опирающаяся на прилежаніе и бережливость фирма..., вообще всякаго рода преимущества и отношенія, доставляющія производителю бо́льшую выручку или выигрышъ, нежели тѣ, какія онъ имѣлъ бы безъ нихъ". Путаница въ вопросѣ о вещахъ, принадлежащихъ и не принадлежащихъ къ категоріи капитала, дошла въ послѣднее время до того, что Dühring посвящаетъ въ своемъ Kritische Grundlegung der Volkswirthschaftslehre достаточно мѣста для разъясненія различія, существующаго между капиталомъ, т. е. продуктомъ, и трудомъ, потому что нашлось немалое число людей, причисляющихъ самый трудъ къ капиталу (см., напр., Schäffle въ своемъ первомъ курсѣ политической экономіи). Наконецъ, какъ уже сказано прежде, высшей точки достигаетъ расширеніе понятія капитала въ томъ опредѣленіи его, по которому капиталъ есть *нѣчто* такое, „чѣмъ человѣкъ можетъ производить обороты, что онъ можетъ затратить въ видахъ извлеченія прибыли, или что даетъ ему средства къ извлеченію дохода" [2]). Что касается англійской школы, то Мальтусъ, Рикардо и Дж. Милль, говоря объ орудіяхъ производства, разумѣютъ подъ ними единственно матеріальныя орудія. Не то слѣдуетъ сказать о Макъ-Куллохѣ и Дж. Ст. Миллѣ. Первый причисляетъ къ капиталу, прежде всего, самого человѣка, т. е. содержащуюся въ немъ рабочую силу; второй, называя капиталъ накопленнымъ, прошедшимъ трудомъ, относитъ къ этой категоріи и тотъ трудъ, который косвенно способствуетъ матеріальному производству, именно—трудъ ученыхъ и т. п.

Не трудно замѣтить, что взгляды писателей, допускающихъ существованіе невещественныхъ капиталовъ, какъ равно и тѣхъ, которые признаютъ одни только вещественные, основываются въ концѣ концовъ на томъ, что по мнѣнію однихъ многія невещественныя блага и отношенія, во-первыхъ, облегчаютъ производство совершенно такъ же, какъ и вещественныя, во-вторыхъ, такъ же, какъ эти послѣднія, приносятъ доходъ, въ-третьихъ, приносятъ бо́льшій доходъ, нежели тотъ, который получался бы при отсутствіи ихъ: по мнѣнію же другихъ писателей,—впрочемъ, не высказанному прямо,—доходъ даютъ

[1]) Grundsätze der Volkswirthschaftslehre, 103.
[2]) Маклеодъ, Основанія, 74.

только *извѣстные* вещественные продукты труда, а такъ какъ эта черта является въ ихъ глазахъ преобладающимъ критеріемъ капитала, то они и не входятъ въ обсужденіе того, облегчаютъ или нѣтъ производство различныя невещественныя блага, все равно, произведены-ли они трудомъ или нѣтъ. Отлагая на время обсужденіе вопроса о томъ, могутъ-ли всѣ или нѣкоторые продукты умственнаго труда считаться, наравнѣ съ продуктами труда физическаго, орудіями производства и доставленія дохода,—остановимся на нѣкоторыхъ другихъ невещественныхъ благахъ и отношеніяхъ и на предполагаемой способности ихъ приносить доходъ бо́льшій, нежели тотъ, какой пріобрѣтался бы безъ нихъ.

Могутъ-ли признаваться такими орудіями языкъ, талантъ, честность, ловкость, кліентела, довѣріе, фирма, преимущества, наконецъ, все, приносящее доходъ? Что касается перваго изъ этихъ quasi-капиталовъ—языка, то, служа средствомъ для выраженія и обмѣна мыслей, языкъ дѣйствительно способствуетъ облегченію производства какъ вещественныхъ, такъ и невещественныхъ благъ различнаго рода и въ извѣстномъ, условномъ смыслѣ можетъ быть названъ орудіемъ производства. Но съ такими опредѣленіями нужно обращаться вообще крайне осторожно, потому что, разобравши человѣка по частямъ для *облегченія* различныхъ производственныхъ функцій, приходишь въ концѣ концовъ къ тому странному заключенію, что весь человѣкъ, всѣ части его тѣла и всѣ функціи организма *облегчаютъ* производство, т. е. свою же собственную дѣятельность, иными словами,—являются капиталомъ для отсутствующаго *человѣка*. Очевидно само собою, что если идетъ рѣчь о производствѣ, т. е. о расходованіи мускульныхъ и нервныхъ усилій, то идетъ въ такомъ смыслѣ, что извѣстная доля этихъ усилій должна быть *непремѣнно* израсходована. Сюда, въ этотъ послѣдній счетъ, войдутъ и тѣ усилія, которыя дѣлаются людьми для выработки языка и выраженія на немъ своихъ мыслей. Подобный maximum усилій можетъ быть, конечно, уменьшаемъ въ данное время не только съ помощью внѣшнихъ, матеріальныхъ орудій, но и съ помощью той практики мускуловъ и нервовъ, которая пріобрѣтена въ предшествующее время. Языкъ можетъ въ извѣстную эпоху способствовать выраженію и обмѣну мыслей легче, чѣмъ въ другую, и этимъ путемъ облегчать общую производительную дѣятельность. Но совершенно то же происходитъ и со всякимъ другимъ разрядомъ усилій въ результатѣ однообразной и долговременной практики. Переходя затѣмъ къ опредѣленію значенія для производства—таланта и ловкости, слѣдуетъ прежде всего, установить ясный взглядъ на эти понятія. Подъ талантомъ и ловкостью разумѣютъ способность выполнять то или другое дѣло скорѣе и лучше, нежели выполнялось оно прежде или другими людьми. Эти-то „скорѣе“ и „лучше“ и представляютъ мотивъ,

побудившій нѣкоторыхъ писателей причислить талантъ и ловкость къ капиталамъ. Произвести какую-либо вещь „лучше“ значитъ, въ сущности, произвести или больше вещей, или болѣе разнообразныя вещи Произвести вещь скорѣе значитъ израсходовать на производство ея меньше рабочей силы и рабочаго времени. Еслибы всѣ люди были равно талантливы и ловки, т. е. были бы способны производить въ данную эпоху скорѣе и больше вещей, чѣмъ производилось въ другое время, то значеніе таланта и ловкости приводилосьбы совершенно къ тѣмъ же признакамъ, къ какимъ приводится значеніе языка. Но писатели, причисляющіе талантъ и ловкость къ капиталу.— за исключеніемъ, впрочемъ, Ад. Смита,—имѣютъ въ виду именно талантъ и ловкость отдѣльныхъ людей. Критерій капитала въ талантѣ и ловкости заключается, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что люди, обладающіе такими способностями, облегчаютъ производство и получаютъ большій доходъ, нежели всѣ прочіе. Но не слѣдуетъ забывать, что количество вещей, потребляемыхъ людьми средняго времени, представляетъ опредѣленную величину. Излишекъ, превышающій послѣднюю, не потребляется вовсе. Если отдѣльная хозяйственная единица производитъ больше продукта, нежели производила до того, то другая хозяйственная единица производитъ его меньше. Отсюда вытекаетъ тотъ выводъ, сдѣланный уже Schäffle и Wolkoff'ымъ, что талантъ и ловкость даютъ не прибыль, а ренту. Прибавимъ отъ себя, что и производство они облегчаютъ совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ облегчаетъ его обработка болѣе плодороднаго или ближайшаго къ рынку участка, дозволяющая обойтись на время безъ обработки участковъ худшаго качества и лежащихъ вдали отъ рынка или покинуть такіе участки, если они обрабатывались прежде.

Высказавшись такимъ образомъ относительно капиталистическихъ признаковъ таланта и ловкости, мы можемъ повторить сказанное относительно подобныхъ же свойствъ довѣрія и честности. Намъ остается, впрочемъ, прибавить, что если талантъ и ловкость указываютъ на положительную способность произвести что-либо въ большемъ количествѣ или лучшаго качества, то довѣріе и честность касаются исключительно отрицательныхъ свойствъ той или другой личности, *неспособности* ея „украсть“, „обмануть“ и пр.: неспособность эта представляетъ, по мнѣнію извѣстныхъ писателей, столь рѣдкое исключеніе среди господства противоположной, положительной способности украсть, обмануть и пр., что въ тѣхъ случаяхъ, когда она существуетъ, она не только облегчаетъ производство, но и приноситъ особенный доходъ. Не входя въ обсужденіе того, дѣйствительно-ли это такъ, дѣйствительно-ли большинство людей страны или эпохи можетъ быть признано, въ извѣстной степени, ворами и обманщиками, и если такъ, то на какомъ основаніи, писатели, раз-

дѣляющіе подобное воззрѣніе, могутъ считать важнѣйшимъ капиталомъ государство, одна изъ главныхъ функцій котораго—истреблять воровство и обманы,—замѣтимъ, что указанные результаты дѣйствія честности и довѣрія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть причислены къ общехозяйственнымъ. Подобно таланту и ловкости, довѣріе и честность могутъ въ крайнемъ случаѣ служить основаніемъ для улучшенія положенія частнаго лица, отдѣльнаго хозяйства, но отнюдь не средняго лица и общественнаго хозяйства. Остается разсмотрѣть кліентелу, фирму, преимущества, наконецъ, „нѣчто, служащее для извлеченія дохода". Всѣ эти отношенія имѣютъ общаго между собою и съ указаннымъ выше то, что подъ ними въ дѣйствительности скрываются частныя комбинаціи и развѣтвленія основныхъ хозяйственныхъ условій, которымъ придается несоотвѣтствующее значеніе самостоятельныхъ явленій первостепенной важности. Кліентела, фирма, преимущества признаются вещами, обладающими самостоятельною цѣнностью, производительностью и пр., между тѣмъ какъ въ дѣйствительности производительность и цѣнность всѣхъ такихъ и подобныхъ отношеній коренятся въ общихъ производственныхъ и распредѣлительныхъ условіяхъ общественно-хозяйственной жизнедѣятельности и только маскируются означенными неопредѣленными терминами. Такъ, напр.. кліентела какого-нибудь торговаго или промышленнаго предпріятія имѣетъ источникомъ или положеніе его помѣщенія [1]), или спеціальныя качества лицъ, стоящихъ во главѣ его; въ томъ и другомъ случаѣ доходъ, приносимый ею, представляетъ не прибыль на капиталъ, а ренту, т. е. доходъ деривативный, производный; во второмъ случаѣ къ рентѣ присоединяется часть высокой заработной платы за сложный трудъ лица или совокупности лицъ. Тѣ или другія преимущества, личныя или промысловыя, въ концѣ концовъ сводятся на явленіе той же ренты. Наконецъ, всякія иныя отношенія, отличающіяся тѣмъ, что съ существованіемъ ихъ связывается полученіе дохода, представляютъ въ сущности извѣстную комбинацію обстоятельствъ, способствующихъ извлеченію изъ общаго фонда прибавочнаго продукта отдѣльныхъ частицъ его въ пользу того или другого отдѣльнаго лица или хозяйства. При всѣхъ такихъ и подобныхъ обстоятельствахъ рѣчь идетъ не объ общественномъ хозяйствѣ средняго времени и мѣста, даже не объ общественномъ хозяйствѣ извѣстнаго историческаго періода или извѣстной

[1]) „L'on veut aussi que les clientèles et les procédés de production soient les capitaux. Mais les clientèles n'ont que deux sources: l'une est la position de l'emplacement... Les revenues de cette clientèle passent dans la rente de l'emplacement... L'autre source est dans les qualités personnelles du producteur; celle-ci n'est qu'une rétribution proportionnée au merite du travail... Les procédés de production ne sont pas non plus des capitaux: ce sont des causes de la productivité des capitaux et du travail". Wolkoff. Lectures, 140.

страны, а только о частныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ и хозяйствъ.

Намъ остается сказать о значеніи умственной дѣятельности по отношенію къ производству и принесенію дохода. Умственный трудъ, направленный на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, не только представляетъ аналогическія черты съ трудомъ физическимъ,—онъ совершенно тождественъ съ послѣднимъ. Тождество это сохраняетъ свою силу, какъ по отношенію къ производствамъ чисто умственному и физическому, такъ и по отношенію къ переходнымъ производствамъ, напр., къ искусству. Никакая мускульная работа не обходится безъ работы нервной, точно такъ же, какъ никакая нервная работа не обходится безъ мускульной, и въ этомъ отношеніи можно только допустить между отдѣльными родами труда рядъ постепенныхъ переходовъ отъ такихъ отраслей, въ которыхъ *преобладающее* значеніе принадлежитъ работѣ перваго рода, до такихъ, въ которыхъ *господствуетъ* работа второго рода. Наравнѣ съ физическимъ трудомъ, трудъ умственный можетъ расходоваться на предварительную, косвенную и на окончательную, непосредственную работу; мускульному труду, потраченному на производство плуга, лопаты, станка, соотвѣтствуетъ въ чисто умственной сферѣ пріобрѣтеніе знаній, собираніе матеріаловъ и проч. Тотъ же характеръ сохраняетъ умственный трудъ и въ тѣхъ сферахъ, гдѣ ему принадлежитъ второстепенное значеніе. Такимъ образомъ, не оказывается ровно никакихъ препятствій для того, чтобы, подобно физическому труду, признать и умственный трудъ способнымъ служить производству, отправлять въ соотвѣтствующей формѣ роль орудій производства. Но слѣдуетъ-ли соглашаться съ тѣмъ, что умственный трудъ, пріобрѣтшій такую форму, въ состояніи приносить доходъ? Чтобы дать на этотъ вопросъ правильный отвѣтъ, необходимо войти въ нѣкоторыя разъясненія. Прежде всего слѣдуетъ помнить, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не вообще о доходѣ, т. е. не о той новой формѣ, въ которой является продуктъ въ результатѣ новаго производства, а только о доходѣ чистомъ, т. е. о прибавочномъ продуктѣ къ тому, который расходуется на удовлетвореніе среднихъ потребностей производителей.

Обстоятельство это до такой степени измѣняетъ сущность вопроса, что на первый планъ выступаетъ не столько сравненіе свойствъ труда физическаго и умственнаго, сколько сравненіе между собою такихъ отраслей труда, которыя приносятъ въ результатѣ продукты, удовлетворяющіе основнымъ потребностямъ, и такихъ, которыя даютъ продуктъ для дополнительныхъ потребностей. Какъ мы замѣтили уже выше, въ среднее время и въ среднемъ мѣстѣ значеніе всякаго рода нормальныхъ человѣческихъ потребностей можетъ счи-

таться приблизительно одинаковымъ, а, слѣдовательно, при такихъ условіяхъ наблюденія, нѣтъ основаній и для проведенія различія между отраслями труда, направленнаго на удовлетвореніе тѣхъ или другихъ потребностей. Но по отношенію къ другимъ условіямъ изслѣдованія, именно къ тѣмъ, которыя должны быть соблюдаемы при опредѣленіи сравнительнаго значенія производства вообще и производства добавочнаго продукта, такія основанія существуютъ. Приступая къ производству, общество добываетъ, *прежде всего*, такія полезности, потребленіе которыхъ поддерживаетъ человѣческую жизнь, *затѣмъ* такія, которыя сохраняютъ общее здоровье, и только рядомъ постепенныхъ переходовъ приближается къ производству продуктовъ такъ называемыхъ потребностей роскоши. Умственный трудъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова одинаково входитъ составною частью въ производство предметовъ всѣхъ такихъ категорій, все равно, получается-ли въ результатѣ матеріальный продуктъ—станокъ, пряжа, скрипка, или же нематеріальный — теорія, музыкальная пьеса, возстановленіе безопасности или здоровья. Не только не существуетъ разницы въ отношеніи къ производству тѣхъ или другихъ предметовъ между умственнымъ и матеріальнымъ трудомъ, но ея не существовало бы и между трудомъ того и другого рода, идущимъ на производство предметовъ необходимости и предметовъ роскоши, еслибы не было различія между потребленіемъ средняго человѣка и потребленіемъ отдѣльныхъ группъ населенія. Слѣдствіемъ этого послѣдняго различія является то, что производство такъ называемыхъ предметовъ необходимости или предметовъ потребленія средняго человѣка подготовляетъ условія для производства предметовъ роскоши, или предметовъ потребленія отдѣльныхъ группъ населенія, между тѣмъ какъ производство послѣднихъ не имѣетъ такого же значенія по отношенію къ производству первыхъ. Иными словами, производство всякихъ матеріальныхъ и нематеріальныхъ полезностей, соотвѣтствующихъ потребностямъ роскоши, можетъ имѣть мѣсто, въ обще-хозяйственномъ смыслѣ, не иначе, какъ подъ условіемъ, что производительная сила труда въ тѣхъ отрасляхъ, которыя доставляютъ удовлетвореніе важнѣйшимъ потребностямъ, оставляетъ извѣстное количество досуга. Все, что производится въ теченіе свободныхъ отъ работы для покрытія такихъ потребностей промежутковъ времени, представляетъ чистый доходъ, въ какой бы формѣ онъ ни появлялся, въ формѣ-ли плуговъ, машинъ, хлѣба, или музыкальныхъ пьесъ, игры музыканта или актера, ковровъ и т. д. Одна часть этого чистаго дохода можетъ принять форму орудій труда, идущаго на производство предметовъ роскоши, все равно матеріальныхъ или нематеріальныхъ, — скрипка, музыкальное образованіе, другая — форму труда, расходуемаго на непосредственное производство такихъ предметовъ,—концертъ, но

какъ та, такъ и другая продолжаютъ оставаться чистымъ доходомъ, существованіе котораго зависитъ отъ производительной силы труда первыхъ категорій. Сколько бы ни получалось такого продукта высшихъ отраслей, ни одна единица его не можетъ считаться въ общехозяйственномъ смыслѣ чистымъ доходомъ *по отношенію къ орудіямъ производства ея*, потому что для изготовленія каждой новой единицы его нужна новая единица труда, доставляющаго досугъ. То или другое отдѣльное лицо, разумѣется, можетъ смотрѣть какъ на чистый доходъ своего промысла, на ту часть собственнаго продукта, соотвѣтствующаго потребностямъ роскоши, которая остается въ запасѣ за удовлетвореніемъ среднихъ или обыкновенныхъ его потребностей путемъ обмѣна. Но для общественнаго хозяйства данной эпохи это отнюдь не чистый доходъ подобнаго промысла, а только одна изъ формъ добавочнаго продукта отраслей труда первой категоріи.

Раздѣленіе труда не вноситъ въ эту область никакихъ измѣненій, кромѣ тѣхъ, что, при условіи производства одною группой лицъ предметовъ высшихъ, а другою—предметовъ низшихъ потребностей, предметы перваго рода получаются не сразу въ непосредственной своей формѣ, а въ результатѣ производства, слѣдующаго за потребленіемъ соотвѣтствующихъ частей предметовъ первой необходимости.

Итакъ, по отношенію къ производству прибавочнаго продукта различаются между собою не умственный и матеріальный трудъ, точно такъ же, какъ нематеріальный и невещественный продукты, а извѣстныя категоріи труда умственнаго и матеріальнаго. Въ этомъ обстоятельствѣ мы находимъ ключъ къ разъясненію того, повидимому, страннаго явленія, что Рикардо и наиболѣе послѣдовательные поборники его ученія отрицаютъ существованіе всякихъ нематеріальныхъ капиталовъ. Выраженіе „нематеріальный", какъ можно было замѣтить изъ предшествовавшаго изложенія, не вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ существеннымъ различіямъ, какія могутъ быть проведены между отдѣльными производствами. Если разумѣть подъ капиталомъ совокупность вещей, употребленіе которыхъ въ дѣло сопрягается съ производствомъ чистаго дохода въ обще-хозяйственномъ смыслѣ,—а именно такъ смотрѣла на дѣло школа Рикардо,—то весьма многія изъ числа этихъ вещей будутъ имѣть признакъ матеріальности—уже потому, что съ ихъ помощью производятся предметы потребленія средняго человѣка, обладающіе, большею частью, матеріальнымъ характеромъ. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что, напр., инструментъ для оркестра, полотно и краски живописца и т. д. могутъ быть названы капиталомъ, а музыка, живопись и пр.—производствомъ, приносящимъ прибавочный продуктъ, точно такъ же, какъ не слѣдуетъ и то, что образованіе врача, юриста, ученаго и т. д. составляетъ вновь

созданный капиталъ. Такимъ образомъ, отрицаніе невещественныхъ капиталовъ, соотвѣтствующее дѣйствительности, сводится въ послѣднемъ счетѣ на отрицаніе не свойства тѣхъ или другихъ продуктовъ нематеріальныхъ отраслей труда служить способами производства, а только свойства нѣкоторыхъ изъ нихъ способствовать принесенію чистаго дохода.

Неясность и запутанность признаковъ капитала привели далѣе нѣкоторыхъ экономистовъ къ утвержденію, что подъ капиталомъ слѣдуетъ разумѣть не тотъ или другой продуктъ въ частности, а скорѣе полезное назначеніе, придаваемое тому или другому продукту владѣльцемъ его. „Свойство капитала или дохода", говоритъ Sismondi [1]), „не слѣдуетъ за обмѣниваемымъ продуктомъ; оно приростаетъ къ личности владѣльца его". „Слово капиталъ", утверждаетъ Маклеодъ [2]), „въ обширномъ смыслѣ прилагается болѣе къ способу употребленія извѣстнаго количества, чѣмъ къ какому-либо опредѣленному предмету. Нельзя сказать, что такой-то предметъ капиталъ, потому что здѣсь все зависитъ отъ способа употребленія предметовъ". „Свойство капитала", полагаетъ Schäffle [3]), „не есть естественное свойство, оно соотвѣтствуетъ скорѣе услугѣ для производства, состоитъ въ производительномъ цѣленазначеніи". „Въ концѣ концовъ", говоритъ Wolkoff [4]), „вещь дѣлаетъ капиталомъ преднамѣренное употребленіе (l'emploi intentionnel) богатства для извлеченія изъ него дохода". „Итакъ, различіе между капиталомъ и не-капиталомъ состоитъ не въ характерѣ имущества", пишетъ Дж. Ст. Милль [5]), „а въ намѣреніи капиталиста, въ его рѣшеніи употреблять это имущество на ту или на другую цѣль".

Мнѣніе это заключаетъ въ себѣ извѣстную, довольно незначительную, впрочемъ, долю истины. Справедливо, во-первыхъ, то, что въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ каждый продуктъ, имѣющій форму орудія производства, можетъ пріобрѣсти путемъ обмѣна форму продукта непосредственнаго потребленія. Такимъ образомъ, *для отдѣльнаго лица* характеръ орудія производства имѣетъ не тотъ или другой продуктъ въ частности, а только способъ назначенія продукта. Но такъ какъ обмѣнъ не уничтожаетъ, а только перемѣщаетъ продукты, то для общественнаго хозяйства орудіе производства остается и послѣ обмѣна орудіемъ производства, а продуктъ непосредственнаго потребленія—продуктомъ непосредственнаго потребленія. Во-вторыхъ, справедливо то, что одна и та же вещь можетъ служить по

[1]) Nouveaux principes, T. I, p. 90.
[2]) Основанія, 77.
[3]) Das Gesellschaftliche System, 99.
[4]) Lectures d'économie politique rationelle, 134.
[5]) Основанія, т. I, 134.

своей природѣ орудіемъ производства въ одной отрасли промышленности и продуктомъ непосредственнаго потребленія въ той же самой или въ другой отрасли. Такъ, уголь, извлекаемый изъ копей, представляетъ продуктъ каменноугольной промышленности; но тотъ же самый уголь можетъ быть сожженъ подъ котломъ паровой машины, поднимающей запасы угля изъ глубины копей на поверхность земли, и въ такомъ случаѣ служить въ той же отрасли орудіемъ производства. Дрова составляютъ продуктъ дровяной промышленности и орудіе производства салотопенной или какой-нибудь иной. Но всѣ подобныя различія касаются только отдѣльныхъ ступеней народнаго производства и потому имѣютъ не обще-хозяйственное, а частно-хозяйственное значеніе. Съ точки зрѣнія перваго, весь тотъ уголь, всѣ тѣ дрова и пр., которыя потребляются, въ общемъ итогѣ, косвенно, представляютъ орудія производства, каково бы ни было отношеніе ихъ къ той или другой отрасли промышленности. Исключеніе составляетъ то лишь топливо, которое употребляется для согрѣванія комнатъ. Справедливо, наконецъ, въ-третьихъ, что выборъ между формою тѣхъ вещей, которыя еще не произведены, находится до извѣстной степени въ рукахъ лицъ, стоящихъ во главѣ предпріятій. Это самая важная часть истины, заключающейся въ упомянутомъ воззрѣніи. Такимъ выборомъ, или, лучше сказать, той хозяйственной тенденціей, которая лежитъ въ основаніи его, обусловливаются сложнѣйшія и серьезнѣйшія отношенія между орудіями производства въ собственномъ смыслѣ и трудомъ. Но и сфера такого выбора гораздо болѣе ограничена окружающими условіями, тою или другою степенью раздѣленія труда, существующимъ уже запасомъ продуктовъ въ той или другой формѣ, состояніемъ спроса на трудъ и предложенія труда и множествомъ другихъ обстоятельствъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ и чѣмъ можно полагать съ перваго взгляда.

Въ такихъ предѣлахъ, и только въ такихъ можно считать правильнымъ приведенное мнѣніе. Но оно не можетъ вести къ заключенію, что, напр., паровая машина перестаетъ быть орудіемъ производства, коль скоро прекращается желаніе употреблять ее производительно и она обмѣнивается на продукты непосредственнаго потребленія. Нѣкоторые изъ писателей, мнѣнія которыхъ приведены нами выше, и не хотѣли сказать что-либо подобное. Они именно держали мысль болѣе на продуктахъ будущаго производства, нежели на продуктахъ, уже существующихъ. Но другіе, и между ними особенно Маклеодъ, легко могли предполагать подобныя отношенія, сколько можно заключить изъ другихъ мѣстъ ихъ сочиненій.

Прежде чѣмъ привести къ окончанію настоящую главу, намъ придется еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ писателяхъ, которые ставили понятіе капитала въ параллель съ понятіемъ мѣновой цѣнно-

сти и думали объяснить первое при помощи послѣдняго. Мы не говоримъ о такихъ опредѣленіяхъ капитала, въ которыхъ слово цѣнность фигурируетъ, повидимому, безъ особой цѣли, взамѣнъ выраженія „продуктъ“, „благо“ или „богатство“. Таковы, если не ошибаемся, слѣдующія опредѣленія капитала: „капиталъ есть такое имущество, которое служитъ основаніемъ (Stamm) для возникновенія цѣнности“ (Schäffle)“ „капиталъ есть прочный источникъ полезности, обладающій мѣновою цѣнностью“ (Hermann); „капиталъ—это сумма цѣнностей, посвященныхъ на авансы производству“ (Garnier). Мы имѣемъ въ виду исключительно тѣ опредѣленія, которыя понятія о капиталѣ основываютъ на понятіи объ обмѣнѣ и о мѣновой цѣнности. Такъ, напр., по мнѣнію Маклеода, первоначальному понятію о капиталѣ соотвѣтствуютъ тѣ запасы хлѣба или скота, которые сбережены звѣроловомъ, получившимъ отъ фермера или пастуха слишкомъ много того и другого: „мы“, говоритъ Маклеодъ [1]). „съ полнымъ правомъ (?) можемъ предположить, что ему не потребуется для собственнаго употребленія все то количество хлѣба, которое онъ получитъ въ обмѣнъ за произведенія охоты“. Охотникъ скоро отдастъ хлѣбъ въ ссуду за извѣстное вознагражденіе, которое послужитъ источникомъ первоначальнаго понятія о прибыли. Но такой способъ капитализаціи неудобенъ, потому что нужны житницы и присмотръ. Со введеніемъ монеты въ этой сферѣ происходитъ важный переворотъ. Рабочій, оказавъ услугу, получаетъ въ обмѣнъ деньги, служащія представителемъ долга, который будетъ ему уплаченъ впослѣдствіи. Онъ сберегаетъ часть этихъ денегъ и это сбереженіе называется капиталомъ.

Мы не станемъ входить здѣсь въ обсужденіе того, насколько справедливо называть деньги капиталомъ. Сколько можно заключить изъ общаго соображенія взглядовъ Маклеода, онъ самъ не раздѣляетъ мнѣнія, что деньги могутъ считаться капиталомъ въ какомъ-либо иномъ отношеніи кромѣ того, что въ обмѣнъ за нихъ пріобрѣтаются дѣйствительные капиталы. Оставимъ также въ сторонѣ и всѣмъ извѣстную денежную теорію Маклеода. Если деньги представляютъ долгъ, который долженъ быть уплаченъ товарами, то и товары могутъ претендовать на ту же функцію. Остановимся исключительно на томъ положеніи Маклеода, что капиталъ есть продуктъ, полученный въ обмѣнъ. Маклеодъ полагаетъ, что для пріобрѣтенія возможности составить себѣ запасы охотникъ непремѣнно долженъ обмѣнять свою дичь на хлѣбъ и скотъ фермера и пастуха. Отчего охотникъ не сохраняетъ непосредственно дичи, отчего фермеръ и пастухъ сами не сохраняютъ хлѣба и скота, отчего охотнику не потребуется все то количество скота и хлѣба, которое онъ получитъ въ обмѣнъ за дичь,

[1]) Основ., 66.

отчего дается такъ много скота и хлѣба, на какой конецъ дѣлаются запасы того и другого,—все это такіе вопросы, на которые мы напрасно стали бы искать отвѣтовъ у Маклеода. Отъ какихъ. въ самомъ дѣлѣ, ничтожныхъ обстоятельствъ зависитъ, по его мнѣнію, существованіе или отсутствіе въ странѣ столь важной части общественнаго богатства, какъ капиталы, или, выражаясь его словами, „всего, что служитъ для извлеченія прибыли“! Стоило только охотнику не получить въ обмѣнъ запасовъ хлѣба и скота или получить ихъ не больше того, сколько требуется на его личное потребленіе, и общество осталось бы безъ капиталовъ, въ данномъ случаѣ безъ пищи и безъ одежды. Правда, Маклеодъ не останавливается и передъ такою перспективою: присмотръ и житницы неудобны,—говоритъ онъ,—деньги капитализируются легче запасовъ хлѣба и скота. Но если житницы можно замѣнить деньгами, то рѣшительно неизвѣстно, для чего было и заводить ихъ.

Рядъ произвольныхъ и поверхностныхъ сопоставленій Маклеода очевидно не можетъ привести къ важнымъ указаніямъ на дѣйствительно существующую между капиталомъ и обмѣномъ связь. Эта связь состоитъ въ томъ, что капиталъ входитъ, во-первыхъ, въ куплю-продажу съ рабочей силой, которую онъ потребляетъ подъ видомъ прибавочныхъ плодовъ ея обнаруженія, надъ необходимыми средствами существованія и воспроизведенія рабочихъ, и, во-вторыхъ, въ продажу приготовленныхъ рабочими товаровъ, которые на рынкѣ, благодаря присутствію въ нихъ прибавочной цѣнности, оплачиваются дороже, чѣмъ еслибы дѣло шло объ оплатѣ однихъ только жизненныхъ средствъ рабочаго. Внѣ договора купли-продажи рабочей силы по меньшей цѣнности ея самой, чѣмъ ея продукта, не существовало бы ни капитала, ни капитализма. Поэтому капиталъ не есть та или другая вещь въ частности, а то вещное отношеніе между капитализмомъ и рабочимъ, которое даетъ первому возможность развиваться и богатѣть на счетъ второго, въ силу той чисто юридической особенности, главнымъ образомъ, заимствованной изъ римскаго права, что кому принадлежитъ имущество, тому принадлежатъ и *плоды отъ него* (?). „Въ отличіе отъ *отвлеченныхъ* формъ, которыя получаютъ *деньги* въ противоположность *товару*, являются опредѣленія денегъ, въ которыхъ скрываются болѣе *конкретныя* отношенія, какъ *капиталъ*, *доходъ* и пр.“ (K. Marx, Zur Kritik etc.).

Нѣсколько болѣе счастливъ въ этомъ отношеніи и берется за дѣло несравненно болѣе талантливо, чѣмъ Маклеодъ, другой писатель, хотя и онъ не приходитъ къ особенно крупнымъ результатамъ. Мы говоримъ о Прудонѣ. Соединивъ черты, характеризующія капиталъ по мнѣнію Сэя, Росси, Бастіа и Гарнье, онъ высказываетъ слѣдующее [1]):

[1]) Intérêt et principal, 128 etc.

„Такимъ образомъ, капиталъ не представляетъ специфической и опредѣленной вещи, имѣющей свое собственное существованіе или реальность, подобно землѣ, труду, продукту... онъ указываетъ только на состояніе, на отношеніе; по мнѣнію всѣхъ писателей —это продуктъ, накопленный и назначенный на производство". Но какимъ же образомъ, продолжаетъ Прудонъ, понятіе продукта переходитъ въ понятіе капитала? Для этого недостаточно ни накопленія, ни производительнаго назначенія; нужна промежуточная идея цѣнности, что и предвидѣлъ Гарнье. „Это значитъ, что продуктъ, чтобы сдѣлаться капиталомъ, долженъ получить верховное признаніе (estimation authentique), быть купленъ, проданъ, оцѣненъ, цѣна его должна быть подвергнута спору и установлена законнымъ въ извѣстномъ смыслѣ соглашеніемъ... Такъ что идея капитала указываетъ на отношеніе существенно соціальное". Прудонъ объясняетъ на слѣдующемъ примѣрѣ, какимъ образомъ цѣнность оказываетъ вліяніе на свойства предмета въ отношеніи къ капиталистическимъ функціямъ его. Кожа, выходя изъ бойни, представляетъ продуктъ; поступая въ руки кожевника, она становится капиталомъ; выходя изъ его рукъ, она становится продуктомъ; переходя, путемъ обмѣна, въ распоряженіе сапожника,—она снова капиталъ; выходя изъ его рукъ,—снова продуктъ; поступая въ руки рабочаго,—капиталъ и т. д. „Я называю капиталомъ всякую исполненную цѣнность (toute valeur faite) въ землѣ, орудіяхъ труда, товарахъ, средствахъ существованія, въ монетѣ и служащую или могущую служить производству".

Итакъ, по мнѣнію Прудона, предметъ то пріобрѣтаетъ, то теряетъ признаки и свойства капитала и прокдута, смотря по тому, переходитъ-ли онъ изъ рукъ въ руки, или же остается въ обладаніи лица, придающаго ему тотъ или другой новый видъ. Вещь является капиталомъ непосредственно послѣ обмѣна и остается имъ во все время, протекающее между пріобрѣтеніемъ ея и окончательнымъ приготовленіемъ для новаго обмѣна; но какъ только ей придана новая форма,—она становится продуктомъ. Споръ, оцѣнка, установленіе цѣнности кажутся Прудону признаками, указывающими на капиталистическія свойства вещи. Въ нихъ онъ видитъ, сверхъ того, указаніе на связь идеи капитала съ соціальными отношеніями.

Если мы теперь проведемъ параллель между тѣми признаками капитала, о которыхъ упоминаетъ Прудонъ, и тѣми свойствами, которыми, какъ мы видѣли, обладаютъ орудія производства и снабженія, иными словами,—попробуемъ поставить теорію Прудона на общехозяйственную точку зрѣнія, то замѣтимъ слѣдующее. *Рядъ операцій*, производимыхъ надъ кожею мясникомъ, кожевникомъ, сапожникомъ, представляетъ, съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства, не что иное, какъ *одну* непосредственную *операцію производства сапогъ*, т. е. пред-

мета непосредственнаго потребленія. Напротивъ того, *рядъ операцій*, въ результатѣ котораго явились орудія для всѣхъ этихъ отраслей промышленности, представляетъ, съ указанной точки, *одну* посредственную *операцію производства орудій* или предметовъ посредственнаго потребленія. Не трудно замѣтить, что раздѣленіе труда между мясникомъ, кожевникомъ и сапожникомъ нисколько не вредитъ упомянутому взгляду, не мѣшаетъ орудіямъ оставаться орудіями и продукту—продуктомъ. То обстоятельство, что сапоги производятся не сразу, а, напротивъ, подвергаясь цѣлому ряду продолжительныхъ операцій, также не оказываетъ никакого вліянія на принятую нами классификацію.

Но если мы обратимся къ какой-нибудь одной изъ тѣхъ отраслей промышленности, совокупное дѣйствіе которыхъ проявляется въ формѣ сапогъ, то изображенная нами картина потерпитъ нѣкоторыя измѣненія. Трудъ мясника, снимавшаго кожу съ животнаго, представляетъ по отношенію къ труду кожевника совершенно такой же косвенный, подготовительный, посредственный трудъ, какъ и тотъ, который заключается въ орудіяхъ производства кожевенной промышленности. На этомъ основаніи кожевникъ вправѣ смотрѣть на кожу, какъ на предварительное условіе, орудіе своего производства, до тѣхъ поръ, пока она не пріобрѣтетъ новой формы подъ вліяніемъ измѣненій, которыя вносятся въ дѣло его собственнымъ трудомъ: съ этого времени она для него продуктъ, т. е. результатъ его непосредственнаго труда. Тотъ же взглядъ примѣняется и къ каждой другой изъ указанныхъ отраслей порознь. Мы видимъ такимъ образомъ, что съ точки зрѣнія каждой отдѣльной изъ тѣхъ отраслей, совокупность которыхъ производитъ *весь* продуктъ, классификація Прудона оказывается совершенно правильною. Споръ, оцѣнка, установленіе цѣнности играютъ, правда, и при подобныхъ условіяхъ не болѣе какъ подчиненную роль. Но подъ ними скрывается обмѣнъ, т. е. такая операція, которая разграничиваетъ между собою два хозяйства, изъ коихъ каждое представляетъ самостоятельныя явленія капитала.

Независимо отъ этого, есть въ теоріи Прудона и еще одна важная сторона. Настоящее значеніе ея выясняется только съ помощью теоріи постояннаго и оборотнаго капитала. Но приблизительная оцѣнка ея можетъ быть сдѣлана и при пособіи наличныхъ средствъ. Утверждая, что тотъ или другой предметъ носитъ *весь* признаки *капитала* въ теченіе всего того промежутка времени, которое протекаетъ между двумя послѣдовательными обмѣнами, и что, вступая въ обмѣнъ, предметъ теряетъ эти признаки и становится *продуктомъ*, Прудонъ, быть можетъ, совершенно безсознательно дѣлаетъ то цѣнное указаніе, что и важнѣйшее, съ извѣстной точки зрѣнія, явленіе капитала, именно чистый доходъ, возникаетъ и осуществляется внѣ сферы обра-

щенія *собственно продуктовъ* или товаровъ. Но положенія Прудона оставляютъ по прежнему безъ разъясненія ту связь, какая существуетъ между теоріею цѣнности и теоріею капитала. Напротивъ, указывая на цѣнность, споръ, оцѣнку, какъ на существенныя условія капитала, Прудонъ въ дѣйствительности доказалъ скорѣе нѣчто противоположное, а именно, что вещь бываетъ капиталомъ только въ промежутокъ времени между двумя обмѣнами. Только по отношенію къ каждой отдѣльной ступени раздѣленнаго труда оправдывается до извѣстной степени то значеніе, какое придаетъ Прудонъ обмѣну, а именно обмѣнъ служитъ для подобныхъ сферъ разграничительною чертою между двумя завершившимися явленіями капитала.

## ГЛАВА VI.

## О возникновеніи и о сбереженіи капитала.

Насколько рядъ разсмотрѣнныхъ нами вопросовъ служилъ предметомъ безчисленныхъ и безконечныхъ споровъ, настолько же единодушія выказали экономическіе писатели при обсужденіи вопроса о причинахъ возникновенія и образованія капитала. Начиная съ Тюрго и Ад. Смита и кончая большинствомъ современныхъ экономистовъ [1]), источникомъ капитала почти единогласно признавалось сбереженіе или экономія. Но Рикардо и нѣкоторые изъ ближайшихъ его послѣдователей (Дж. Милль) и по отношенію къ этому пункту сохраняютъ, до извѣстной степени, изолированное положеніе въ экономической литературѣ. Они, частью, обходятъ упомянутый вопросъ молчаніемъ, частью выражаются о немъ такъ, что мнѣнія ихъ трудно считать тождественными съ мнѣніями другихъ писателей. Общій характеръ и направленіе изслѣдованій представляютъ другое, косвенное доказательство того, что ясно формулированный взглядъ Рикардо и Дж. Милля на причины происхожденія и возрастанія капитала расходился бы значительно съ общепринятою теоріею этого предмета. Сверхъ того, въ самое послѣднее время,—если не считать довольно неудачной попытки Прудона поколебать нѣкоторыя стороны господствующей теоріи въ извѣстномъ спорѣ съ Бастіа о процентахъ,—явилось въ экономической литературѣ сначала недовольство, а затѣмъ и опроверженіе извѣстнаго способа объясненія причинъ происхожденія и увеличенія капитала.

Ад. Смиту удалось выразить указанный выше взглядъ на источникъ капитала съ такою полнотою, законченностью и опредѣлен-

[1]) См., напр., Storch, Cours d'économie politique, T. I, 308, Senior, Principes, 309 и слѣд., Sismondi, Nouveaux principes, T. I, 87, 88 и слѣд., Rau, Traité, 104, Дж. Ст. Милль, т. I, 90—92, Roscher, Principes. T. I. 100, Roessler, Grundsätze, 116. Schäffle, Das gesellschaftliche System. 106. и др.

ностью, что позднѣйшимъ писателямъ выпало на долю только объяснять и развивать отдѣльныя стороны его, что, прибавимъ тутъ же, дѣлалось далеко не всегда удачно. Чтобы избѣжать безплодныхъ и ненужныхъ повтореній, мы ограничимся здѣсь изложеніемъ теоріи сбереженія въ томъ видѣ, въ какомъ она высказана Ад. Смитомъ, и дополнимъ ее лишь нѣкоторыми, наиболѣе оригинальными изъ позднѣйшихъ толкованій и разъясненій. „Капиталы", училъ Смитъ [1]), „накопляются сбереженіемъ; они разсѣиваются неблагоразуміемъ и расточительностью. Все, что сберегаетъ человѣкъ изъ дохода, онъ присоединяетъ къ капиталу, и въ такомъ случаѣ этотъ избытокъ или употребляется имъ самимъ на содержаніе новыхъ производительныхъ рабочихъ, или дается возможность употребить его такимъ же путемъ другому лицу... Подобно тому, какъ капиталъ отдѣльнаго лица можетъ увеличиваться только запасомъ, сбереженнымъ изъ дохода или ежегодной прибыли этого лица, точно также и капиталъ общества, состоящій изъ капиталовъ отдѣльныхъ лицъ, можетъ быть *увеличиваемъ* только такимъ же способомъ. Ближайшая причина *увеличенія* капитала состоитъ въ сбереженіи, а не въ трудѣ. Правда, трудъ доставляетъ предметы для сохраненія... Но безъ сохраненія, каковъ бы ни былъ размѣръ заработка, капиталъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы возрастать... То, что ежегодно сберегается, столь же правильно потребляется, какъ и то, что ежегодно расходуется, только другимъ классомъ людей". Такимъ образомъ, по мнѣнію Ад. Смита, для возникновенія и увеличенія капитала необходимо соединеніе двухъ самостоятельныхъ условій, а именно, часть чистаго дохода 1) должна потребляться производительно, и 2) она не должна потребляться непроизводительно, не должна расходоваться на предметы роскоши. Актъ перваго рода есть положительный актъ потребленія въ видахъ производства, актъ второго рода есть воздержаніе отъ потребленія, нарушающаго эту цѣль. Дѣйствительно-ли для возникновенія и увеличенія капитала необходимо потребленіе *всего* того, что разумѣетъ Смитъ подъ капиталомъ, производительными рабочими, дѣйствительно-ли для достиженія этой цѣли необходимъ „другой классъ людей"—это мы увидимъ впослѣдствіи. Конечно, совмѣстнымъ или отдѣльнымъ дѣйствіемъ обоихъ указанныхъ Смитомъ факторовъ—производительнаго потребленія и воздержанія отъ непроизводительнаго потребленія—объясняется только возрастаніе, а отнюдь не возникновеніе капитала, ибо какъ потребленіе, такъ и воздержаніе мыслимы только относительно вещей, уже существующихъ, примѣняются, какъ говоритъ самъ Смитъ, только къ „избыткамъ дохода". По отношенію къ возникновенію капитала тому и другому фактору предшествуетъ третій, именно—производство первоначальна-

[1]) Wealth of nations, Book II, 149.

го капитала. Говоря, что „трудъ доставляетъ предметы для сохраненія, но безъ сохраненія капиталъ не могъ бы возрастать", Ад. Смитъ самъ признаетъ ту истину, что возникновеніе капитала составляетъ слѣдствіе не воздержанія и потребленія, а производства. Но примиренія этого явленія съ общей теоріею сбереженія мы у него не находимъ. Между тѣмъ, вопросъ представляетъ довольно интересныя для изслѣдованія стороны. Если весь капиталъ есть не что иное, какъ сумма вещей, служащихъ производству, то всѣ эти части должны быть однородны, а слѣдовательно и источникъ происхожденія ихъ долженъ быть одинъ и тотъ же. Но доктрина сбереженія ведетъ къ мысли, что первоначальный капиталъ имѣетъ источникомъ производство, дальнѣйшій же—потребленіе и воздержаніе. Противорѣчіе это не примиряется и слѣдующимъ мнѣніемъ Дж. Ст. Милля. Ссылаясь, какъ на единственное исключеніе изъ правила, что весь капиталъ представляетъ результатъ сбереженія, на примѣръ изъ „простѣйшаго состоянія экономическихъ отношеній", когда извѣстное число лицъ или семействъ живетъ каждое на своемъ собственномъ участкѣ, продуктами своего собственнаго труда, потребляетъ весь продуктъ и не становится бѣднѣе,—Дж. Ст. Милль утверждаетъ [1]), что и при такихъ даже обстоятельствахъ необходимо сберечь (т. е. не обратить на свое личное потребленіе) ту часть продукта, которая нужна на посѣвъ. „Люди эти должны произвести больше, чѣмъ потребили, или потребить меньше, чѣмъ произвели". Произвести больше, чѣмъ потребить, и потребить меньше, чѣмъ произвести,—совсѣмъ не одно и то же. Въ первомъ случаѣ прямо указывается на источникъ возникновенія капитала, на производство; во второмъ, напротивъ того, капиталъ является возникшимъ какъ бы случайно, не нарочно, и рѣчь идетъ исключительно о томъ, что возникшій уже капиталъ не долженъ быть потребленъ такъ, чтобы не могъ служить производству. Но вполнѣ-ли отвѣчаетъ на вопросъ такое рѣшеніе или нѣтъ, нельзя, во всякомъ случаѣ, не видѣть, что теорія сбереженія обнимаетъ не одно только, а два параллельныхъ условія для возникновенія и образованія капиталовъ, именно—производительное потребленіе и воздержаніе отъ непроизводительнаго потребленія. Нѣкоторые изъ послѣдователей Смита придали, напротивъ того, несоотвѣтствующее значеніе только одному изъ упомянутыхъ условій, именно, воздержанію отъ потребленія и тѣмъ внесли въ его доктрину существенныя измѣненія. Къ числу такихъ писателей принадлежитъ въ особенности Сеньоръ. „Каждый отдѣльный предметъ", пишетъ онъ [2]), „входящій въ составъ капитала, представляетъ обыкновенно результатъ трехъ великихъ орудій производства, т. е. труда, воздержанія и естественныхъ дѣятелей, скомбинированныхъ

[1]) Основ., I, 90—91.
[2]) Principes fondamentaux. 318.

вмѣстѣ". „Терминомъ воздержанія", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ [1]), „я желалъ бы обозначить тотъ факторъ, отличный отъ труда и отъ силъ природы, содѣйствіе котораго необходимо для существованія капитала и который имѣетъ то же отношеніе къ прибыли, какое трудъ имѣетъ къ задѣльной платѣ". „Мнѣ могло бы быть сдѣлано", продолжаетъ онъ [2]), „вотъ какое возраженіе: можно было бы сказать, что воздержаніе само по себѣ представляетъ не болѣе, какъ отрицательный актъ, не могущій повлечь за собою положительныхъ результатовъ. Но то же возраженіе можетъ быть сдѣлано, напр., въ отношеніи къ храбрости, и можно бы усомниться, производитъ-ли резервъ арміи какое бы то ни было положительное дѣйствіе тѣмъ, что сохраняетъ за собою назначенное ему мѣсто". Итакъ, условіе, которому Ад. Смитъ придаетъ громадное, но все же не исключительное значеніе, возводится Сеньоромъ на степень самостоятельной производительной силы, стоящей на ряду съ трудомъ и силами природы. Напротивъ того, второе условіе капитала,—именно, производительное потребленіе—Сеньоръ отодвигаетъ на второй планъ. Насколько это справедливо, мы увидимъ ниже.

Приступимъ теперь къ подробному анализу указанной теоріи и постараемся отдать себѣ отчетъ во всѣхъ ея частностяхъ. Терминъ „сбереженіе" обозначаетъ собою, какъ мы видѣли, два совершенно различныя понятія. Онъ указываетъ, во-первыхъ, на сохраненіе тѣхъ или другихъ предметовъ, на непотребленіе ихъ. Такое сохраненіе можетъ имѣть мотивомъ желаніе удовлетворить будущимъ потребностямъ вмѣсто настоящихъ, можетъ имѣть мотивомъ болѣзненное состояніе организма, напр., у скупца. Но, что́ бы ни служило причиною бережливости этого рода, подъ ней не слѣдуетъ, по единогласному признанію большинства экономистовъ, разумѣть что-либо иное, кромѣ простого воздержанія, за которымъ слѣдуетъ производительное потребленіе. Подъ сбереженіемъ, говорятъ экономисты, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ разумѣть сохраненіе и накопленіе или собираніе сокровищъ. Сбереженія такого рода, продолжаютъ они, представляютъ собою скорѣе уменьшеніе, нежели увеличеніе народнаго капитала и, во всякомъ случаѣ, суть не болѣе, какъ суммированіе существующихъ уже частей капитала. Правда, сбереженіе въ смыслѣ воздержанія представляетъ не дѣйствительный фактъ, а такой, который могъ бы наступить, но не наступилъ, и это отрицательное его свойство заставляетъ иногда невольно придавать ему смыслъ сохраненія и накопленія, какъ можно видѣть и на вышеприведенномъ

[1]) Ib., 310. Впрочемъ, самъ Сеньоръ ограничиваетъ это положеніе, говоря, что „lorsque le sauvage façonne son arc, ou ses flèches, il emploie *rarement* un temps, qu'il aurait pu destiner à des jouissances immédiates", ib., 342—3.

[2]) Ib., 312.

примѣрѣ Дж. Ст. Милля. Даже и въ первоначальномъ или простѣйшемъ состояніи экономическихъ отношеній, говоритъ Милль, люди должны сберечь ту часть продукта, которая нужна на посѣвъ. Слово „сберечь“ онъ поясняетъ въ скобкахъ словами: „т. е. воздержаться отъ потребленія“, но онъ не замѣчаетъ, что вслѣдъ затѣмъ идетъ рѣчь не о производительномъ потребленіи, а просто о сохраненіи, — такомъ же, каково сохраненіе сокровищъ. Что люди должны имѣть зерно для посѣва, прежде нежели приступаютъ къ самой операціи обсѣмененія полей, это разумѣется само собою, но предыдущее производство этого зерна и сохраненіе его въ годномъ видѣ отъ одного года до другого играютъ здѣсь гораздо болѣе рѣшительную роль, нежели воздержаніе отъ потребленія его, при существованіи другого зерна, непосредственно предназначеннаго на потребленіе. Но несмотря на то, что „сбереженію“ придается иногда такое значеніе, постараемся не обращать здѣсь вниманія на эту сторону вопроса, а остановимся исключительно на томъ значеніи этого слова, какое признается за нимъ большинствомъ экономистовъ, и вникнемъ въ природу явленія, на которое оно указываетъ. Насколько воздержаніе отъ потребленія относится къ существующимъ уже вещамъ, самая интересная часть вопроса состоитъ въ томъ, чтобы узнать, въ чемъ могло бы заключаться потребленіе тѣхъ или другихъ изъ числа подобныхъ вещей. Точка зрѣнія хозяйства частнаго даетъ въ этомъ отношеніи совершенно иной взглядъ на дѣло, нежели точка зрѣнія хозяйства общественнаго. Частное хозяйство можетъ потребить рѣшительно каждую изъ вещей, добываемыхъ трудомъ, такъ что въ результатѣ не получится ни новаго продукта, ни большаго продукта. Орудіе производства въ собственномъ смыслѣ можетъ быть продано или обмѣнено на ковры, дорогое платье, экипажи, лошадей и пр. Съѣстные припасы, предметы продовольствія, если ихъ оказывается слишкомъ много для удовлетворенія непосредственныхъ потребностей хозяйства, могутъ быть точно также отданы въ обмѣнъ за предметы роскоши. Наконецъ, предметы роскоши, которыми уже обладаетъ само частное хозяйство, могутъ быть потреблены или въ натуральной своей формѣ, или обмѣнены на другіе подобные же предметы, вмѣсто орудій производства. Тотъ, кто не поступаетъ такимъ образомъ, не потребляетъ непроизводительно того, чѣмъ обладаетъ, называется обыкновенно „бережливымъ“ или „хорошимъ хозяиномъ“ въ противоположность „расточителю“ или „моту“, который именно тѣмъ и отличается, что размѣниваетъ всѣ свои богатства на предметы непосредственнаго потребленія. По противопоставленіе „мота“—„хозяину“, на первый взглядъ совершенно логичное и правильное, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается не научнымъ потому, что возводитъ на одинъ уровень два такія явленія, изъ которыхъ одно встрѣчается

на каждомъ шагу, другое же, сравнительно, лишь весьма рѣдко. Хорошихъ хозяевъ обыкновенно бываетъ гораздо больше, нежели расточителей, и это отнюдь не простая случайность. Разъясненіе этого явленія найдется въ природѣ общественнаго хозяйства, къ которому мы теперь и перейдемъ. Потребленіе того или другого изъ числа предметовъ, служащихъ производству, достигаемое отдѣльнымъ хозяйствомъ при помощи продажи или обмѣна, съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства представляетъ не дѣйствительное потребленіе капитала, а только перемѣщеніе его изъ однѣхъ рукъ въ другія. То или другое орудіе производства, или предметъ непосредственнаго потребленія, переходя изъ хозяйства, которое пожелало сбыть его съ рукъ, въ другое хозяйство, продолжаетъ удовлетворять здѣсь тому назначенію, какое придается ему естественной его формой, и такимъ образомъ, остается непотребленнымъ, въ смыслѣ непроизводительнаго потребленія. Но еслибы даже предположить, что проданные или отданные въ обмѣнъ орудія производства и предметы продовольствія какъ-нибудь окончательно исчезали со сцены, то и въ такомъ случаѣ обмѣнъ или продажа ихъ встрѣчали бы препятствіе въ томъ, что приходилось бы капиталу, цѣнность котораго обыкновенно значительно превышаетъ *все* годичное производство страны, отыскать эквивалентъ въ цѣнности сравнительно маловажной *части* этого годичнаго производства, состоящей въ предметахъ роскоши. Но, быть можетъ, намъ возразятъ, что нѣтъ нужды потреблять непроизводительно *существующіе* капиталы, когда есть полнѣйшая возможность придать *будущему* производству такое направленіе, какое соотвѣтствуетъ вкусу и потребностямъ владѣльца, и такимъ образомъ постепенно потребить весь капиталъ страны. Мы отвѣтимъ на это, что хотя дѣйствительно возможность придать непроизведеннымъ еще предметамъ форму предметовъ непроизводительнаго потребленія представляется гораздо болѣе широкою, нежели та, какая существуетъ по отношенію къ потребленію вещей, принявшихъ уже ту или другую специфическую форму, соотвѣтствующую производительному ихъ назначенію, но что и она далеко не безпредѣльна. Не говоря о томъ, что удовлетвореніе той или другой непроизводительной потребности представляется просто невыгоднымъ при такихъ условіяхъ, когда *ожидается* удовлетвореніе для цѣлаго ряда такихъ потребностей,—измѣненіе путей производства находитъ предѣлъ въ томъ minimum'ѣ средствъ существованія, различномъ, смотря по странѣ и эпохѣ, который долженъ быть произведенъ, во что бы то ни стало, для поддержанія жизненныхъ условій большинства населенія. Отсюда слѣдуетъ, что, подобно непроизводительному потребленію существующихъ уже орудій производства, сообщеніе формы, пригодной для такого потребленія, орудіямъ производства, еще не произведеннымъ,

представляетъ не болѣе, какъ явленіе частно-хозяйственной сферы, хотя, сравнительно гораздо болѣе обширной. Напротивъ, съ точки зрѣнія общехозяйственной, отношенія *каждаго* отдѣльнаго хозяйства къ орудіямъ производства и предметамъ потребленія, по общему правилу, могутъ состоять только въ слѣдующемъ. Машины, матеріалы для производства, пути сообщенія и пр. не могутъ быть потребляемы такъ, чтобы потребленіе ихъ могло назваться непроизводительнымъ. Предметы эти дѣйствительно сохраняются въ теченіе довольно продолжительнаго времени, но это дѣлается въ силу самой ихъ природы и роли въ производствѣ. Съѣстные припасы и вообще предметы продовольствія, равнымъ образомъ, могутъ быть потребляемы только въ соотвѣтствіи съ хозяйственнымъ назначеніемъ ихъ. Въ противоположность машинамъ и пр. они отнюдь не могутъ сохраняться и должны быть потребляемы по мѣрѣ ихъ изготовленія. Всякій знаетъ, что запасы хлѣба въ магазинахъ на случай неурожая, запасы товаровъ въ лавкахъ, сохраняющіеся въ теченіе большихъ періодовъ времени, представляютъ не болѣе, какъ исключительное явленіе, имѣющее самостоятельныя причины въ томъ или другомъ хозяйственномъ неустройствѣ. Наконецъ, что касается денегъ, то само собою разумѣется, что въ извѣстныхъ предѣлахъ онѣ могутъ быть израсходованы по произволу, но въ рукахъ продавца предметовъ непроизводительнаго потребленія онѣ могутъ исполнять то же назначеніе, какому соотвѣтствовали первоначально въ рукахъ покупщика. Мы видимъ отсюда, что по отношенію къ общественному хозяйству теорія воздержанія отъ потребленія не можетъ считаться выдерживающею критику. Потребляются рѣшительно всѣ предметы, каждый сообразно своему назначенію, и сказать, что хозяйство или лицо воздерживается отъ потребленія машинъ или запасовъ хлѣба и пр., превышающихъ его личную или частную потребность въ хлѣбѣ, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько странно. Обстоятельство это объясняетъ, почему въ составѣ каждаго общества число хорошихъ хозяевъ необходимо преобладаетъ надъ числомъ расточителей или мотовъ. Издержать все свое состояніе на удовлетвореніе высшихъ потребностей по самому существу дѣла представляетъ вещь, доступную лишь очень ничтожному проценту людей. Напротивъ того, большинство просто поставлено въ необходимость вести хозяйство бережливо и правильно въ смыслѣ теоріи „сбереженія“.

Намъ предстоитъ теперь перейти къ обсужденію другой стороны понятія сбереженія. Мы слышали уже мнѣніе Ад. Смита объ этомъ предметѣ. Все, что сберегается, говоритъ онъ, потребляется столь же правильно, какъ и то что расходуется, только другимъ классомъ людей. „Слово сбереженіе“, утверждаетъ Дж. Ст. Милль [1]), „вовсе не

[1]) Основ., т. I, 92.

говоритъ, чтобы сберегаемое не потреблялось, не говоритъ даже и того, чтобы потребленіе сберегаемаго непремѣнно отсрочивалось, оно говоритъ только, что если сберегаемое немедленно потребляется, то потребляется не лицомъ сберегающимъ, а другимъ лицомъ". Итакъ, положительное дѣйствіе сбереженія, какъ источника капитала, состоитъ, во-первыхъ, въ потребленіи, во-вторыхъ, въ потребленіи другимъ лицомъ орудій производства и предметовъ продовольствія. Что касается потребленія вообще, то мы уже знаемъ, что оно въ состояніи бросить извѣстный свѣтъ только на вопросъ объ увеличеніи капитала, а не о возникновеніи его. Потреблять можно только то, что уже существуетъ, а существующія орудія производства и предметы продовольствія въ отношеніи къ понятію о капиталѣ *вообще* ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ же орудій и предметовъ, которые получаются въ качествѣ увеличенія или возрастанія первыхъ. Съ другой стороны, о потребленіи человѣкомъ собственно орудій производства можно говорить лишь въ извѣстномъ, относительномъ смыслѣ. Вѣрнѣе было бы сказать, что орудія просто служатъ производству. Но необходимо ли получается въ результатѣ такого служенія новый *большій* капиталъ, или, напротивъ того, возникновеніе его составляетъ слѣдствіе самостоятельныхъ причинъ? Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что производство прибавочнаго продукта и существованіе въ странѣ орудій производства и средствъ продовольствія не представляютъ собою двухъ такихъ явленій, изъ которыхъ первое могло бы считаться непосредственнымъ слѣдствіемъ второго. Производство извѣстнаго количества орудій и предметовъ продовольствія, точно такъ же, какъ и непрерывное воспроизведеніе тѣхъ и другихъ, захватываетъ извѣстную, необходимую часть рабочаго времени народа, сохраняющаго неизмѣнную численность и постоянныя привычки. Абсолютный размѣръ такого времени естественно возрастаетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія или увеличеніемъ потребностей, слѣдовательно, возрастаетъ также и абсолютное количество орудій и предметовъ продовольствія. Но не о такомъ абсолютномъ увеличеніи идетъ рѣчь, когда говорятъ о накопленіи капитала. При этомъ обыкновенно подразумѣвается преобладаніе производства надъ потребленіемъ, производство прибавочнаго продукта. „Когда годичное производство страны", говоритъ и Рикардо [1]), превосходитъ годичное потребленіе ея, то говорятъ, что капиталъ увеличивается: когда же годичное потребленіе, по меньшей мѣрѣ, *не замѣщается* годичнымъ производствомъ, утверждаютъ, что народный капиталъ уменьшается. Итакъ, увеличеніе капитала можетъ имѣть причиной или возрастаніе производства, или уменьшеніе потребленія". Мы видимъ отсюда, что подъ увеличеніемъ капитала разумѣютъ относительное увеличеніе его. Такимъ образомъ,

[1]) Oeuvres complètes, 121.

производительное потребленіе орудій и средствъ продовольствія представляетъ собою такое потребленіе, въ результатѣ коего является прибавочный продуктъ, значительная часть котораго имѣетъ форму новыхъ орудій производства. Въ этомъ единственно смыслѣ можетъ быть рѣчь о потребленіи, какъ объ источникѣ *новаго, большаго* капитала, а равно о томъ, что для такого потребленія необходимъ другой классъ людей. Но какъ по отношенію къ увеличенію, такъ и по отношенію къ возстановленію капитала, потребленіе представляетъ не болѣе, какъ обратную сторону медали, лицевая сторона которой—производство.

Приведенная нами выдержка изъ Рикардо ясно свидѣтельствуетъ, что мы были правы, сказавши въ началѣ настоящей главы, что тѣ мнѣнія Рикардо, которыя высказываются имъ непосредственно, значительно разнятся отъ мнѣній другихъ писателей относительно теоріи сбереженія. Рикардо прямо говоритъ, что капиталы увеличиваются „вслѣдствіе возрастанія *производства* или уменьшенія потребленія". Ту же мысль повторяетъ и Дж. Милль, доказывая, какъ мы имѣли случай видѣть, что капиталы производятся трудомъ. Наконецъ, то же самое утверждаетъ и Дж. Ст. Милль [1]), но, придавъ несоразмѣрно большое значеніе отрицательной сторонѣ сбереженія, а равно производительному потребленію, онъ лишаетъ свои предыдущія слова той силы, какую они могли бы имѣть. Мы говорили въ предыдущей главѣ, что со временъ Рикардо вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли разумѣть подъ капиталомъ вещи, произведенныя трудомъ, или же всякія вещи безразлично, считается вообще рѣшеннымъ въ пользу вещей перваго рода. Но крайней мѣрѣ, силы природы всегда признаются отдѣльнымъ отъ капитала источникомъ производства. Но такое рѣшеніе вопроса о капиталѣ не выдерживается настолько послѣдовательно, чтобы писатели, принявшіе его, нашли возможнымъ вмѣсто „сбереженія" и „производительнаго потребленія" признавать за непосредственный источникъ капитала тотъ же трудъ или производство. Не такъ поступили Рикардо и Дж. Милль и въ особенности первый.

Въ новѣйшей литературѣ теорія сбереженія подверглась нападеніямъ Carey. Американскій экономистъ считаетъ большимъ мѣстомъ этой теоріи понятіе о заготовленіи запасовъ, о сохраненіи продукта въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и въ этомъ направленіи ведетъ свои возраженія [2]). Послѣ всѣхъ тѣхъ объясненій которыми обыкновенно сопровождается изложеніе теоріи сбереженія, начиная отъ Ад. Смита и кончая Дж. Ст. Миллемъ, и которыя совершенно категорически отвергаютъ всякую солидарность этой теоріи съ простымъ сохраненіемъ или накопленіемъ сокровищъ или продуктовъ,—нельзя не сознаться, что опроверженія Carey по меньшей мѣрѣ неосновательны.

[1]) Основ., т. I. стр. 90—91.

[2]) Manual of Social Science, Ch. XXXII.

Дальше пошелъ и глубже вникъ въ сущность дѣла послѣдователь Carey—Dühring, хотя и онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе предполагаемой имъ ошибкѣ теоріи сбереженія по вопросу о составленіи и храненіи запасовъ. Единственное, говоритъ онъ [1]), что можно утверждать, это фактъ, что производить должно постоянно прежде, нежели потреблять. Но это предварительное производство — съѣстныхъ-ли припасовъ, или другихъ предметовъ существованія,— ни въ какомъ случаѣ не представляетъ капитализаціи. Продукты нимало не становятся капиталомъ вслѣдствіе того, что они назначены для ближайшаго промежутка между двумя послѣдовательными производствами. Они не могли бы быть потреблены иначе... Потребить всю жатву сразу было бы нецѣлесообразнымъ потребленіемъ... Сами законы правильнаго потребленія требуютъ сохраненія извѣстныхъ запасовъ... Сохраненіе запасовъ есть не причина, а слѣдствіе производства. Еслибы производство важнѣйшихъ предметовъ, именно съѣстныхъ припасовъ, было бы столь же постоянно, какъ и потребленіе, еслибы періоды того и другого актовъ совпадали, то не было бы никакихъ основаній для заготовленія особыхъ запасовъ. Накопленіе представляетъ, слѣдовательно, не что иное, какъ результатъ различія въ размѣрахъ промежутковъ времени, въ теченіе которыхъ исполняются отдѣльные акты производства и потребленія... Предметомъ господствующей доктрины было образованіе частнаго капитала [2])... Но и на этомъ полѣ потерпѣла пораженіе теорія, на основаніи которой бережливость и воздержаніе отъ потребленія представляютъ главное предположеніе образованія капитала. Само собою разумѣется, что капиталъ предпринимателя, т. е. фондъ, служащій для веденія дѣла, можетъ возрастать только вслѣдствіе присоединенія новыхъ элементовъ. Изъ доходовъ первоначальнаго небольшого капитала должны быть присоединяемы къ нему новыя цѣнности. Правиламъ словоупотребленія не противорѣчитъ, когда это присоединеніе называютъ „сбереженіемъ“. Тѣмъ не менѣе, „сбереженіе“ все-таки сохраняетъ такой смыслъ, который указываетъ на противоположность „потреблению“ или „расходованію“... Никто не станетъ отрицать, что бережливость превосходное качество, отъ котораго въ значительной степени зависитъ правильное веденіе частнаго хозяйства. Но въ какомъ отношеніи находится эта бережливость къ народно-хозяйственной теоріи „сбереженія“? Бережливость состоитъ въ достиженіи крупныхъ результатовъ, при помощи относительно незначительныхъ средствъ... въ своевременномъ потребленіи тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ хозяйство... Народно-хозяйственная теорія разумѣетъ подъ нею чисто отрицательную добродѣтель, качество

[1]) Kritische Grundlegung, Achter Abschnitt, erstes Capitel, passim.
[2]) Ib., Achter Abschnitt, zweites Capitel, passim.

само по себѣ безплодное... По мнѣнію Ад. Смита, капиталъ есть излишекъ производства надъ потребленіемъ, т. е. орудія производства, которыя могли бы быть потреблены, но не потреблены. Но важнѣйшія части народнаго капитала вовсе не суть предметы немедленнаго потребленія: онѣ, напротивъ, предметы такого потребленія, о которомъ нельзя размышлять отдѣльно отъ производительнаго ихъ назначенія. Машина уничтожается потребленіемъ, и таковъ способъ хозяйственнаго ея потребленія. То же самое разумѣется относительно желѣзной дороги. Расточительность по отношенію къ такимъ органамъ производства заключалась бы именно въ непотребленіи ихъ, въ неиспользованіи ими. Здѣсь ясно обнаруживается, что образованіе капитала, т. е. созиданіе орудій производства, составляетъ въ сущности актъ затраты труда, а не сбереженіе продуктовъ... Выраженіе „воздержаніе“ крайне односторонне, такъ какъ кто занимается только тѣмъ, что регулируетъ свое потребленіе въ соотвѣтствіи съ промежутками времени, въ теченіе коихъ имѣетъ средства для удовлетворенія потребностей, о томъ нельзя сказать, что онъ воздерживается отъ потребленія: онъ и безъ того не потребилъ бы больше... Можно произвести больше, нежели потребить, если производится нѣчто, не представляющее средства для удовлетворенія непосредственнымъ потребностямъ... Если свести вмѣстѣ результаты нашихъ изслѣдованій, то окажется, что образованіе капитала основывается не на сбереженіи средствъ существованія, не на воздержаніи отъ потребленія, а, напротивъ того, на цѣлесообразномъ расходованіи (Anlegung) хозяйственныхъ силъ и средствъ.

Къ такимъ же конечнымъ выводамъ приходятъ и нѣкоторые другіе писатели, подвергавшіе теорію сбереженія болѣе тщательному анализу, чѣмъ это дѣлается обыкновенно [1]).

[1]) См., напр. „Das Capital“, 582, 583: „Чѣмъ скорѣе общество идетъ впередъ“, говоритъ Сеньоръ (Principes fondamentaux de l'économie polit. traduct. Arrivabene. Paris, 1836, 342), „тѣмъ болѣе требуется имъ воздержанія“, именно со стороны тѣхъ, которые занимаются промысломъ присвоенія чужого промысла и его продукта. Отнынѣ всѣ условія рабочаго процесса превращаются въ столь же многочисленные способы воздержанія капиталиста. Причина того, что пшеницу не только ѣдятъ, но и сѣютъ, заключается въ воздержаніи капиталиста! Причина того, что вину нужно время для броженія, опять-таки лежитъ въ воздержаніи капиталиста! Капиталистъ грабитъ свое собственное существо, когда онъ „отдаетъ орудія производства въ ссуду рабочимъ“, говоря иначе, сохраняетъ ихъ цѣнность, благодаря участію рабочей силы, вмѣсто того, чтобы съѣдать пароходы, хлопчатую бумагу, желѣзныя дороги, удобренія, работу лошадей, или, какъ это по-дѣтски представляетъ себѣ ходячій экономистъ, расточать ихъ цѣнность на предметы роскоши и иное потребленіе. „Лишеніе“, говоритъ Молинари (p. 49), „которое возлагаетъ на себя капиталистъ, ссужая рабочему орудіе производства вмѣсто того, чтобы посвятить его *цѣнность* на собственное потребленіе, превращая ее въ предметы полезные или пріятные“... Эта формула, сообразно одобряемому ходячей экономіей способу, нужна для того, чтобы отождествить эксплуа-

# ГЛАВА VII.

## О причинахъ происхожденія чистаго дохода съ капитала, или о цѣнности рабочей силы.

Не удовлетворившись теоріей сбереженія, какъ источникомъ происхожденія и увеличенія капитала, изложенной въ прошлой главѣ, мы въ настоящей главѣ поищемъ болѣе дѣйствительныхъ способовъ возникновенія чистаго дохода съ капитала, которые выяснятъ намъ и самый процессъ увеличенія размѣровъ послѣдняго. Читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ за то, что объясненіе дѣла, которое мы представимъ, будетъ требовать отъ него нѣсколько болѣе вниманія, чѣмъ теорія сбереженія, въ виду ея элементарности и сравнительной сложности вопроса о происхожденіи капитала, которою онъ отличается по самой своей природѣ, какъ одинъ изъ самыхъ конкретныхъ вопросовъ общественной экономіи. За это усиленное вниманіе онъ будетъ вознагражденъ ознакомленіемъ съ новою и важною экономическою истиною.

Съ той точки зрѣнія, которая была для насъ опорнымъ пунктомъ при установленіи опредѣленія капитала, не представлялось никакой возможности дать предметамъ, входящимъ въ составъ народнаго богатства, какую-нибудь иную классификацію, кромѣ раздѣленія ихъ на такіе предметы, которые производятся и потребляются косвенно, и на такіе которые производятся и потребляются прямо или непосредственно. Деньги не могли войти ни въ одну изъ этихъ группъ на томъ основаніи, что онѣ представляютъ, во-первыхъ, экономическую категорію отдѣльныхъ хозяйственныхъ функцій, во-вторыхъ, совершенно особый предметъ богатства, удовлетворяющій специфи-

---

тируемаго промышленнымъ капиталистомъ наемнаго рабочаго съ самимъ промышленнымъ капиталистомъ, который выкачиваетъ деньги изъ должника-капиталиста. Какимъ образомъ можетъ весь классъ капиталистовъ лично потребить свой капиталъ, объ этомъ ходячая экономія до сихъ поръ упрямо хранитъ тайну. Короче, міръ живетъ только благодаря самопостязанію сего новѣйшаго кающагося Вишны, капиталиста. Не только накопленіе, но и „простое сохраненіе капитала, требуетъ постояннаго напряженія силъ, чтобы противиться искушенію проѣсть его“ (Курселль-Сенель, 57). „Итакъ, очевидно, что одна только гуманность можетъ освободить капиталиста отъ пытки и искушеній съ муками“. Въ другомъ мѣстѣ „*Капитала*“ авторъ говоритъ о сбереженіи слѣдующее: „Такъ какъ деньги являются всеобщимъ товаромъ, то несомнѣнно, что только онѣ однѣ и могутъ накопляться тѣмъ простымъ способомъ, который состоитъ въ присоединеніи къ ихъ первоначальному количеству все новыхъ и новыхъ большихъ количествъ. Всѣ прочіе товары и вещи накопляются гораздо болѣе сложнымъ и запутаннымъ процессомъ, который только по воспоминанію о первоначальномъ накопленіи денегъ объясняется въ качествѣ накопленія же и сбереженія. Въ этомъ мы видимъ историческое объясненіе господствующей въ настоящее время теоріи происхожденія капитала, которое, по аналогіи, уравнивается съ предшествовавшимъ ему въ исторіи накопленіемъ сокровищъ“.

ческимъ потребностямъ. Упомянутая классификація получалась въ результатѣ такихъ пріемовъ изслѣдованія, при которыхъ за область наблюденія принималось общественное хозяйство средняго времени и мѣста, а періодомъ наблюденій служилъ такой промежутокъ времени, въ теченіе котораго выполнялся и заканчивался полный ходъ производства и потребленія.

Но производство и потребленіе, хотя и чередуются другъ съ другомъ, не представляютъ собою двухъ такихъ актовъ, изъ которыхъ каждый, слѣдуя за другимъ, занималъ бы отдѣльный, *рѣзко отграниченный* промежутокъ времени, а, напротивъ, косвенное потребленіе орудій и машинъ и прямое потребленіе предметовъ существованія совпадаютъ съ *новымъ* производствомъ. Иными словами, вся совокупность продуктовъ каждаго предыдущаго производства потребляется одновременно съ новымъ производствомъ и такимъ образомъ сливается относительно послѣдняго въ одну безразличную массу вещей, добытыхъ *прошедшимъ* трудомъ и служащихъ *новому* или *текущему* труду въ качествѣ предварительныхъ его условій. Обстоятельство это нисколько не вредитъ указанной выше общехозяйственной классификаціи предметовъ богатства, потому что оно нисколько не мѣшаетъ орудіямъ оставаться орудіями, предметами непосредственнаго потребленія. Съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства, само собою разумѣется, не можетъ быть рѣчи о *прошедшемъ* и *настоящемъ* трудѣ, потому что и тотъ и другой сливаются въ одну категорію труда *средняго* времени. Но если остановиться на томъ промежуткѣ времени, который раздѣляетъ два послѣдовательныя производства, то весь трудъ, воплотившійся въ орудіяхъ и продуктахъ предыдущаго производства, придется назвать безразлично трудомъ прошедшимъ, по отношенію къ тому труду, который расходуется въ дальнѣйшемъ производствѣ. Сама по себѣ эта новая точка зрѣнія не ведетъ къ важнымъ научнымъ выводамъ, если не считать того, что она указываетъ на внутреннюю связь между двумя производствами. Правда, и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ она остается нѣсколько односторонней потому, что придаетъ важность только отношенію между производствами, а не отношенію между потребленіями. Но, находясь въ связи съ такою хозяйственно-производственной формаціей, которая ставитъ текущій трудъ или, вѣрнѣе, не затраченную еще рабочую силу въ извѣстныя специфическія отношенія къ орудіямъ производства и средствамъ существованія *безразлично*, которая придаетъ рабочей силѣ качества особаго продукта или товара въ противоположность *всѣмъ* прочимъ товарамъ.—означенная точка зрѣнія оказывается вполнѣ соотвѣтствующею сущности дѣла. Указавъ, однако, на существующее между орудіями производства и предметами потребленія сходство, не слѣдовало упускать изъ виду тѣхъ

особенностей, которыми различаются тѣ и другіе, не только безотносительно, но также и по отношенію къ извѣстному текущему производству. Эти-то особенности, осложняясь у нѣкоторыхъ писателей случайно привходящими элементами, и составляютъ матеріалъ для изслѣдованія о такъ называемыхъ *постоянномъ* и *оборотномъ* капиталахъ, т. е. о *различныхъ частяхъ богатства*, служащихъ для поддержанія текущаго производства или *труда*.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору положеній о постоянномъ и оборотномъ капиталахъ, намъ придется возвратиться къ теоріи Рикардо о соотношеніи между цѣнностью, задѣльной платой и прибылью и дополнить ее позднѣйшими разъясненіями.

При изложеніи общей теоріи цѣнности Рикардо мы могли замѣтить, что этотъ экономистъ особенно настаиваетъ на различіи между количествами труда, содержащимися въ продуктѣ, и тѣми, которыя могутъ быть куплены этимъ продуктомъ. На этомъ различіи Рикардо основываетъ свои опроверженія Смитовой теоріи мѣрила цѣнностей, по которой такимъ мѣриломъ признавался безразлично и трудъ, содержащійся въ продуктѣ, и трудъ, покупаемый этимъ продуктомъ, все равно, представляетъ-ли этотъ послѣдній не затраченную или затраченную рабочую силу. Еслибы было справедливо, говоритъ Рикардо, что вознагражденіе рабочаго соотвѣтствуетъ производительности труда, то была бы возможность утверждать, что количество труда, заключающееся въ продуктѣ, и количество труда, которое этотъ продуктъ можетъ купить, *равны:* и *то* и *другое* количества могли бы въ такомъ случаѣ *безразлично служить* точною *мѣрою* для колебаній другихъ предметовъ. Но въ дѣйствительности это не такъ. Увеличивается или уменьшается производительность труда въ одну эпоху въ сравненіи съ другою,—размѣры задѣльной платы не слѣдуютъ вообще за такими измѣненіями ея, или слѣдуютъ далеко не въ такой пропорціи, въ которой измѣняется она. Если рабочій получаетъ въ данную эпоху извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ, то и при умепьшеніи общей производительной силы труда онъ получитъ такое приблизительно количество ихъ, потому что въ противномъ случаѣ онъ не будетъ въ состояніи существовать, слѣдовательно,—прибавимъ отъ себя,—нельзя будетъ и говорить о производствѣ, цѣнности и т. п. Если обувь и одежда рабочаго станутъ производиться по усовершенствованнымъ способамъ, если, слѣдовательно, производительная сила труда увеличивается, то, опять-таки нельзя сказать, что вмѣсто одной пары башмаковъ или платья рабочій получитъ, напр., по четыре пары того и другого; напротивъ, достовѣрно, что регулируемая соперничествомъ задѣльная плата рабочаго станетъ въ соотвѣтствіе съ новою цѣнностью припасовъ. Итакъ, нельзя утверждать, вмѣстѣ со Смитомъ, что *цѣнность* труда

есть единственная постоянная цѣнность, что она можетъ служить мѣриломъ цѣнности припасовъ и товаровъ.

Мы видимъ отсюда, что Рикардо отнюдь не думалъ противополагать труду, затраченному въ отчуждаемый продуктъ, трудъ, затраченный въ пріобрѣтаемый продуктъ, какъ обвиняли его нѣкоторые экономисты, не уяснившіе себѣ той разницы между двумя родами труда, на которую указываетъ Рикардо. Напротивъ, Рикардо ясно даетъ понять всей своей теоріею цѣнности, по которой продукты размѣниваются только при равныхъ количествахъ затраченнаго въ нихъ труда, и указаннымъ выше мнѣніемъ, по которому и продаваемое, и покупаемое количества труда, еслибы они были равны, безразлично могли бы служить мѣриломъ цѣнности,—что онъ противополагаетъ между собою совсѣмъ не эти роды труда, а трудъ затраченный и трудъ не затраченный, рабочую силу, трудъ-продуктъ. Продукты покупаемый и продаваемый разсматриваются имъ, какъ не трудно замѣтить, въ качествѣ двухъ совершенно одинаковыхъ, по взаимному положенію, хозяйственныхъ категорій, а потому, при равенствѣ содержащихся въ нихъ количествъ труда, онъ справедливо считаетъ безразлично годнымъ для отправленія функціи мѣрила и тотъ, и другой трудъ. Находя, напротивъ того, громадное различіе между производительностью труда, т. е. отношеніемъ единицы труда къ количеству продукта вообще, и между размѣромъ цѣнности труда, или отношеніемъ единицы рабочей силы къ количеству продукта, за которое она продается,—Рикардо столь же справедливо находитъ, что цѣнность рабочей силы или задѣльная плата не можетъ служить мѣриломъ цѣнности вообще.

Продолжая развивать приведенную нами характеристику, Рикардо утверждаетъ, что размѣръ цѣнности товара не находится въ зависимости отъ размѣра цѣнности рабочей силы. Если лукъ и стрѣлы охотника, говоритъ онъ [1]), имѣютъ одинаковую цѣнность и долговѣчность съ цѣнностью лодки и орудій ловли рыбака, то цѣнность дичи, составляющей продуктъ дневного труда охотника, будетъ въ точности та же, что и цѣнность рыбы, пойманной рыбакомъ въ теченіе также дня. Отношеніе ихъ цѣнностей будетъ въ точности соотвѣтствовать количествамъ труда, каковы бы ни были количества продуктовъ и независимо отъ высоты уровня задѣльной платы и прибыли. Пропорція того, что могло бы быть уплачено въ видѣ задѣльной платы, имѣетъ чрезвычайную важность для вопроса о прибыли; ибо очевидно, что послѣдняя будетъ велика или мала, смотря по высотѣ или низкости задѣльной платы [2]): но это отнюдь не дѣйствуетъ на относительную

[1]) Oeuvres complètes, p. 19.

[2]) Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, говоря о высокой задѣльной платѣ и прибыли, Рикардо повсюду разумѣетъ не абсолютныя количества продукта, посту-

цѣнность рыбы и дичи. Еслибы владѣлецъ одного изъ этихъ продуктовъ пожелалъ увеличить его цѣнность и въ объясненіе сталъ бы ссылаться на то, что онъ заплатилъ дороже своимъ рабочимъ, то владѣлецъ другого продукта отвѣчалъ бы ему, что и онъ находится въ совершенно такомъ же положеніи. Но отъ какихъ причинъ зависитъ размѣръ задѣльной платы или цѣнности труда? Подобно всѣмъ другимъ вещамъ [1]), которыя можно продавать и покупать, и количество которыхъ можетъ увеличиваться и уменьшаться, и трудъ имѣетъ естественную и нарицательную цѣнности. Первая изъ нихъ та, которая даетъ рабочимъ средства къ существованію (и къ увѣковѣченію семейства) безъ увеличенія и уменьшенія, послѣдняго. Цѣна эта зависитъ отъ цѣны средствъ существованія и вещей, необходимыхъ или полезныхъ для содержанія рабочаго и его семейства. Рыночная цѣна труда есть дѣйствительно получаемая рабочимъ цѣна по соотвѣтствію съ отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ,—трудъ дорогъ, когда рукъ мало, дешевъ, когда ихъ много. Цѣна эта стремится приблизиться къ естественной. Всякое улучшеніе, всякое увеличеніе капитала возвышаетъ рыночную цѣну труда; но постоянство этого возвышенія зависитъ отъ возрастанія уровня естественной цѣны труда, а это послѣднее, въ свою очередь, зависитъ отъ постоянства естественной цѣны припасовъ, на покупку которыхъ расходуется задѣльная плата рабочаго. Итакъ, существуютъ двѣ причины измѣненія задѣльной платы: одна изъ нихъ—спросъ и предложеніе труда, другая—цѣна предметовъ продовольствія рабочаго. Но цѣнность товаровъ слагается не изъ одной задѣльной платы. Въ составъ ея входитъ еще прибыль. При одной и той же цѣнѣ хлѣба и мануфактурныхъ товаровъ, прибыль будетъ высока или низка, смотря по возвышенію или пониженію задѣльной платы. При возвышеніи цѣны хлѣба и другихъ предметовъ продовольствія рабочаго послѣдуетъ, какъ сказано выше, увеличеніе задѣльной платы, слѣдовательно, уменьшеніе прибыли; въ обратномъ случаѣ наступятъ противоположные результаты. Такимъ образомъ, тотъ или другой размѣръ прибыли зависитъ въ конечномъ счетѣ отъ плодородія земли.

Итакъ, задѣльная плата представляетъ только одну часть продукта, а слѣдовательно и замѣщающей его цѣны, и часть эта не находится въ

---

пающія изъ годового дохода въ ту или другую отрасль его, а исключительно относительныя. Если въ земледѣліи, говоритъ онъ на стр. 35 Oeuvres complètes, или въ обрабатывающей промышленности вводятся улучшенія, удвоивающія количество продукта, и если задѣльная плата, рента и прибыль удвоиваются въ то же время, то онѣ сохраняютъ прежнее взаимное отношеніе, т. е. остаются равными; но если, напротивъ того, задѣльная плата увеличивается на 50%, рента на 75% а прибыль на все остальное, то справедливо сказать, что рента и задѣльная плата понизились, а прибыль возвысилась.

[1]) Oeuvres compl., Ch. V et VI.

соотвѣтствіи съ производительностью труда. Размѣръ заработка, подобно всѣмъ прочимъ товарамъ, опредѣляется, среднимъ числомъ, количествомъ труда, пошедшимъ на производство специфическаго товара—рабочей силы, въ отдѣльные же моменты—спросомъ и предложеніемъ послѣдней. Но употребляя, вслѣдъ за Ад. Смитомъ, вмѣсто выраженія „рабочая сила“,—терминъ „трудъ“, Рикардо открываетъ обширное поле для возраженій на свою теорію и совершенно понапрасну умаляетъ ея значеніе. „Г. Рикардо“, говоритъ авторъ одного анонимнаго сочиненія [1]), „довольно остроумно обходитъ затрудненіе, которое съ перваго взгляда кажется опаснымъ для его доктрины, что цѣнность зависитъ отъ количества труда, употребленнаго на производство. Если этотъ принципъ принять во всей строгости, то изъ него слѣдуетъ, что *цѣность труда зависитъ отъ количества труда, употребленнаго на производство труда*,—что представляетъ очевидный абсурдъ. Но, сдѣлавъ ловкій поворотъ, Рикардо объявляетъ, что цѣнность труда зависитъ отъ количества труда, необходимаго на производство задѣльной платы... Это похоже на то, какъ еслибы сказали, что цѣнность платья опредѣляется не тѣмъ количествомъ труда, которое пошло на производство платья, а тѣмъ количествомъ труда, которое употреблено на производство серебра, за которое платье обмѣнивается“. Дѣйствительно, если настаивать на томъ, что цѣнность всѣхъ товаровъ опредѣляется трудомъ, истраченнымъ на эти товары, и вслѣдъ затѣмъ допускать, что цѣнность одного товара, совершенно подобнаго остальнымъ, по собственному категорическому признанію, опредѣляется не такимъ трудомъ, а другимъ, содержащимся въ задѣльной платѣ.—то это является равносильнымъ совершенному уничтоженію общаго правила. Будучи же принятъ во всей полнотѣ, законъ Рикардо приводитъ къ слѣдующей нелѣпой тавтологіи. Размѣръ цѣнности товара измѣряется количествомъ содержащагося въ немъ рабочаго времени. Но чѣмъ же опредѣляется размѣръ цѣнности, напр., 12-часового дня? 12-ю часами рабочаго времени, содержащагося въ 12 часовомъ рабочемъ днѣ [2]). Противорѣчіе значительно усиливается тѣмъ, что, по мнѣнію Рикардо, въ продуктъ или въ его цѣну входитъ кромѣ задѣльной платы еще и прибыль, а между тѣмъ, если цѣнность труда зависитъ отъ количества труда, употребленнаго на производство предметовъ продовольствія, поддерживающихъ трудъ, то продуктъ труда и его цѣнность или задѣльная плата являются двумя равными величинами; такимъ образомъ оказывается, что размѣръ задѣльной платы совпадаетъ съ производительностью труда и что задѣльная плата поглощаетъ собою весь продуктъ, не оставляя ничего на

[1]) „A Critical Dissertation on the Nature etc. of Value“. p. 50, 51. см. „Das Kapital“, 521.
[2]) Ib., 520.

долю прибыли, — результатъ совершенно противоположный всѣмъ предыдущимъ утвержденіямъ Рикардо. Замѣнивъ терминъ „трудъ“ вездѣ, гдѣ Рикардо разумѣетъ подъ послѣднимъ самостоятельный продуктъ,—выраженіемъ „рабочая сила“ или „способность“. авторъ „Das Kapital“ слѣдующимъ образомъ опытается разъяснить недоразумѣнія, возбуждаемыя теоріею Рикардо.

Непосредственная форма обращенія товаровъ. говорится въ упомянутомъ сочиненіи [1]), есть Т—Д—Т, превращеніе товара въ деньги и денегъ въ товаръ. Но рядомъ съ этой формой мы находимъ другую, специфически отличную отъ первой,—Д—Т—Д. превращеніе денегъ въ товаръ и обратное превращеніе товара въ деньги. покупку для продажи. Совершенно очевидно, что процессъ обращенія Д — Т — Д не имѣлъ бы ни смысла, ни содержанія, еслибы онъ представлялъ обмѣнъ одной денежной цѣнности на другую той же величины. 100 ф. ст. на 100 ф. ст. Съ другой стороны, когда купецъ продаетъ купленную имъ за 100 ф. ст. хлопчатую бумагу за 110, за 100, за 50 ф. ст.. деньги его играютъ совершенно своеобразную роль. отличную отъ роли денегъ въ простомъ обращеніи товаровъ. напр. въ рукахъ крестьянина, продававшаго пшеницу съ тѣмъ, чтобы на вырученныя деньги купить себѣ платье. Въ простомъ товарообращеніи оба крайніе звена суть товары одной и той же цѣнности, но различной цѣнности потребленія. Въ обращеніи денегъ въ качествѣ капитала движеніе начинается и оканчивается деньгами—товаромъ одной и той же цѣнности потребленія, но различныхъ размѣровъ цѣнности. Но обращеніе приноситъ болѣе денегъ, нежели сколько принимаетъ въ себя. Купленная за 100 ф. бумага продается вновь за 110 ф. Назовемъ этотъ приростъ прибавочною цѣнностью (Mehrwerth, surplus-value). Первоначально затраченная цѣнность не только входитъ въ обращеніе, но и измѣняетъ въ немъ свою величину. Это движеніе превращаетъ означенную цѣнность въ капиталъ.

Покупать для того, чтобы продавать, или, вѣрнѣе, покупать для того, чтобы продавать дороже, составляетъ, повидимому, форму, свойственную одному только торговому капиталу. Тѣмъ не менѣе и индустріальный капиталъ представляетъ не что иное, какъ деньги. превращаемыя въ товары и съ помощью продажи товаровъ возвращающіяся въ большемъ противу затраты количествѣ. Акты, происходящіе внѣ сферы обращенія, въ промежуткѣ между покупкой и продажей, ничего не измѣняютъ въ этой формѣ движенія.

Но обращая рядъ простого товарообращенія, мы не выходимъ изъ сферы послѣдняго и должны обратить вниманіе на то, допускаетъ ли оно по своей природѣ увеличеніе входящей въ него цѣнности, т. е. образованіе добавочной цѣнности. Возьмемъ процессъ обращенія в

[1]) Das Kapital, zweites Kapitel.

формѣ простого обмѣна товаровъ. Это случай, когда оба товаровладѣльца покупаютъ другъ у друга товары, доплачивая только разницу. Деньги служатъ здѣсь только для счета, для выраженія цѣнностей товаровъ. Что касается потребительныхъ цѣнностей, то ясно, что обѣ мѣняющіяся стороны должны въ этомъ случаѣ нѣчто выиграть. Каждая изъ нихъ отчуждаетъ вещи безполезныя, пріобрѣтаетъ полезныя. Сверхъ того, каждая изъ нихъ производитъ, быть можетъ, отдѣльнаго товара болѣе, нежели производила бы для себя обоихъ товаровъ. Слѣд., А получаетъ за ту же мѣновую цѣнность болѣе, напр., пшеницы, а В болѣе, напр., вина, чѣмъ произвелъ бы того и другого, при отсутствіи обмѣна, каждый самъ для себя. Но если относительно потребительныхъ цѣнностей выигрываютъ обѣ стороны, то нельзя сказать того же относительно мѣновой цѣнности. „Человѣкъ, который обладаетъ большимъ количествомъ вина и не обладаетъ хлѣбомъ, входитъ въ сношенія съ другимъ, у котораго много хлѣба и нѣтъ вина; между ними происходитъ обмѣнъ 50 единицъ цѣнности хлѣба на 50 единицъ цѣнности вина. Этотъ обмѣнъ не представляетъ увеличенія богатства ни для того, ни для другого, такъ какъ каждый изъ нихъ *до обмѣна* обладалъ цѣнностью, равною той, которую онъ добылъ этимъ способомъ“ (Mercier de la Rivière, p. 544). Деньги, входя въ пустое пространство между товарами, въ качествѣ орудія обращенія, не измѣняютъ ничего во взаимномъ отношеніи товаровъ. Цѣнность товаровъ изображается въ ихъ цѣнахъ прежде, нежели они вошли въ обращеніе, слѣдовательно, цѣнность есть условіе, а не результатъ обращенія.

Говоря абстрактно, т. е. опуская обстоятельства, не вытекающія изъ внутреннихъ законовъ простого товарообращенія, при замѣщеніи одной потребительной цѣнности другою происходитъ только измѣненіе формы товаровъ. Въ рукахъ товаровладѣльца остается одна и та же мѣновая цѣнность, т. е. одно и то же количество овеществленнаго общественнаго труда, принимающая форму то одного товара, то денегъ, то другого товара. При этомъ измѣненіи формы размѣръ цѣнности остается одинъ и тотъ же, подобно тому, какъ не измѣняется размѣръ цѣнности 5 ф. билета при размѣнѣ его на соверены, полусоверены и шиллинги. Дѣйствуя только на измѣненіе формы въ мѣновой цѣнности товаровъ, обращеніе при правильномъ обнаруженіи явленія условливаетъ обмѣнъ эквивалентовъ.

Въ попыткахъ представить товарообращеніе источникомъ добавочной цѣнности звучитъ по большей части qui pro quo, смѣшеніе потребительной и мѣновой цѣнностей. Напр., у Condillac'а: „несправедливо, что при обмѣнѣ товаровъ мѣняются равноцѣнности. Каждый изъ контрагентовъ постоянно даетъ меньшую цѣнность на большую... Еслибы обмѣнивались постоянно одинаковыя цѣнности, ни

одинъ изъ контрагентовъ не выигрывалъ бы ничего. На самомъ же дѣлѣ выигрываютъ или, по крайней мѣрѣ, должны выигрывать оба. Почему? Цѣнность вещи состоитъ единственно въ ея отношеніи къ нашей потребности. Что для одного больше, то для другого меньше и наоборотъ... Предполагается, конечно, что въ продажу поступаютъ вещи, ненужныя для собственнаго потребленія... Мы желаемъ отдать безполезную для насъ вещь, чтобы получить въ обмѣнъ полезную; мы желаемъ отдать меньше, получить больше... Естественно предположить, что въ обмѣнъ входятъ только равноцѣнности, потому что каждая изъ обмѣниваемыхъ вещей равняется одинаковому количеству золота... Но въ разсмотрѣніе должно войти еще одно обстоятельство; спрашивается, не обмѣниваемъ-ли мы обаизлишекъ занеобходимое?" (Le commerce et le gouvernement" Paris, 1847, p. 267). Не трудно видѣть, что Condillac не только смѣшиваетъ потребительную и мѣновую цѣнности, но и ошибочно предполагаетъ такое состояніе общества съ развитымъ товаропроизводствомъ, въ которомъ продуцентъ самъ производитъ свои средства существованія и пускаетъ въ обращеніе только излишекъ надъ собственными потребностями. Несмотря на это, аргументъ Condillac'a повторяется множествомъ новѣйшихъ экономистовъ, когда бываетъ нужно представить источникомъ прибавочной цѣнности развитой товарообмѣнъ, торговлю. „Торговля", говоритъ, напр., Newman (Elements of Polit. Econ., 1835, p. 85), „сообщаетъ продуктамъ цѣнность, такъ какъ одни и тѣ же продукты имѣютъ бо́льшую цѣнность въ рукахъ потребителя, нежели въ рукахъ производителя; поэтому торговлю можно буквально назвать производящимъ актомъ". Но если потребительная цѣнность товара полезнѣе покупателю, чѣмъ продавцу, то денежная его форма полезнѣе продавцу, чѣмъ покупателю? Былъ-ли бы проданъ въ противномъ случаѣ товаръ? Точно также можно сказать, что покупатель буквально совершаетъ производящій актъ, превращая, напр., чулки продавца въ деньги.

Если товары или деньги мѣняются въ качествѣ равноцѣнностей, то, очевидно, въ обращеніе не входитъ и изъ него не выходитъ никакой прибавочной цѣнности. Предположимъ обмѣнъ *не эквивалентовъ*. Пусть будетъ дана продавцу привилегія продавать свой товаръ выше его цѣнности, за 110, когда цѣнность его 100. Итакъ, продавецъ получаетъ прибавочную цѣнность—10. Но, побывавъ продавцомъ, онъ становится покупателемъ. Третій товаровладѣлецъ встрѣчаетъ его теперь въ качествѣ продавца и, пользуясь привилегіей въ свою очередь, продаетъ ему товаръ 10% дороже. Такимъ образомъ всѣ товаровладѣльцы продаютъ другъ другу товары 10% дороже, что, очевидно, то же самое, какъ еслибы каждый изъ нихъ продавалъ товаръ по своей цѣнности. То же самое произойдетъ въ томъ случаѣ

когда предполагается, что дана привилегія всѣмъ покупателямъ платить за товары ниже ихъ цѣнности.

Наше затрудненіе въ отысканіи источника прибавочной цѣнности вытекаетъ, быть можетъ, изъ того, что мы брали лица въ качествѣ персонифицированныхъ категорій, а не въ качествѣ индивидуумовъ. А продаетъ В вино 40 ф. ст. цѣнности и пріобрѣтаетъ въ обмѣнъ пшеницу 50 ф. цѣнности. А превратилъ свои 40 ф. въ 50, превратилъ деньги въ капиталъ. Присмотримся къ дѣлу ближе. До обмѣна мы считали на 40 ф. вина въ рукахъ А, на 50 ф. пшеницы въ рукахъ В, въ суммѣ на 90 ф. Послѣ обмѣна у насъ оказывается та же сумма цѣнностей—90 ф. Обращающаяся цѣнность не увеличилась ни на одинъ атомъ.

Итакъ, прибавочная цѣнность не можетъ образоваться ни въ обращеніи, ни внѣ его. Она, слѣдовательно, должна образовываться одновременно и въ обращеніи, и внѣ его.

Измѣненіе цѣнности не можетъ зависѣть отъ второго акта движенія Д—Т—Д,—перепродажи товара, потому что актъ этотъ только превращаетъ товары обратно изъ естественной формы въ денежную. Итакъ, измѣненіе должно произойти въ товарѣ, который покупается въ первомъ актѣ—Д—Т, но, опять-таки, не въ мѣновой цѣнности этого товара, потому что и здѣсь мѣняются эквиваленты. Измѣненіе должно возникнуть изъ *потребительной цѣнности*, изъ потребленія товара. Чтобы извлечь цѣнность *мѣновую* изъ цѣнности *потребленія*, владѣлецъ денегъ долженъ найти *внутри сферы обращенія*, на рынкѣ, такой товаръ, котораго сама цѣнность потребленія обладала бы особеннымъ качествомъ быть *источникомъ цѣнности мѣновой*, такой товаръ, потребленіе котораго было бы вмѣстѣ и *овеществленіемъ труда*, т. е. *образованіемъ цѣнности*. И владѣлецъ денегъ находитъ на рынкѣ такой товаръ—рабочую силу или рабочую способность.

Подъ рабочею способностью или силою мы разумѣемъ физическія или духовныя способности человѣка, пускаемыя въ ходъ при производствѣ какой-либо потребительной цѣнности.

Подобно всѣмъ другимъ товарамъ, рабочая сила обладаетъ мѣновою цѣнностью. Цѣнность эта, подобно цѣнности всякаго другого товара, опредѣляется рабочимъ временемъ, потребнымъ на ея производство, или, вѣрнѣе, на воспроизведеніе. Будучи мѣновою цѣнностью, рабочая сила сама представляетъ лишь извѣстное количество овеществленнаго въ ней общественнаго средняго труда. Но рабочая сила существуетъ только въ качествѣ составной части живого индивидуума. Слѣдовательно, ея производство предполагаетъ ея существованіе. Принявъ это, слѣдуетъ признать, что производство ея состоитъ въ ея воспроизведеніи или въ поддержаніи. Для ея поддер-

жанія живой индивидуумъ нуждается въ извѣстномъ количествѣ средствъ существованія. Отсюда слѣдуетъ, что рабочее время, потребное на производство рабочей силы, представляетъ рабочее время, потребное на производство этихъ средствъ существованія, или, что цѣнность рабочей силы есть цѣнность средствъ существованія, потребныхъ для содержанія владѣльца этой силы. Но рабочая сила осуществляется только черезъ свое обнаруженіе посредствомъ труда. Трудъ есть не что иное, какъ трата извѣстнаго количества человѣческихъ мускуловъ, нервовъ, мозга,—трата, которая должна быть возмѣщена. Поработавъ сегодня, владѣлецъ рабочей силы долженъ быть снова поставленъ въ тѣ же условія силы и здоровья, чтобы быть въ состояніи работать завтра. Слѣдовательно, суммы средствъ существованія должно быть достаточно для поддержанія трудящагося индивидуума въ его нормальномъ жизненномъ состояніи. Естественныя потребности въ пищѣ, одеждѣ, топливѣ, жилищѣ, измѣняются, смотря по различнымъ климатическимъ и другимъ естественнымъ условіямъ страны. Съ другой стороны, самый объемъ такъ называемыхъ средствъ къ существованію составляетъ продуктъ исторіи и зависитъ, большею частью, отъ степени культуры страны, а также, между прочимъ, отъ того, подъ какими условіями и съ какими привычками и требованіями къ жизни воспитанъ рабочій классъ. Слѣдовательно, въ противоположность другимъ товарамъ, опредѣленіе цѣнности рабочей силы содержитъ историческій и моральный элементы. Но для опредѣленной страны, хотя на опредѣленный только періодъ времени, средній объемъ необходимыхъ средствъ существованія представляетъ неизмѣнную величину.

Обносившіяся или умершія рабочія силы, сходя съ рынка, должны постоянно замѣщаться, по крайней мѣрѣ, равнымъ числомъ новыхъ рабочихъ силъ. Сумма средствъ существованія, потребныхъ на производство рабочей силы, должна, слѣдовательно, заключать въ себѣ и средства къ существованію замѣстителей, т. е. дѣтей рабочихъ.

Издержки на образованіе рабочей силы, на сообщеніе ей ловкости и умѣнья различны, смотря по болѣе или менѣе посредственному ея характеру. Эти издержки образованія, чрезвычайно незначительныя по отношенію къ обыкновенной рабочей силѣ, также входятъ въ число продуктовъ, потребныхъ на ея производство.

Часть средствъ существованія, пища, топливо и пр. потребляется ежедневно и, слѣдовательно, ежедневно должна быть замѣщаема. Другія средства потребляются въ болѣе продолжительные промежутки времени и поэтому должны быть замѣщаемы въ такіе же промежутки. Товары одного рода покупаются или уплачиваются поденно, другого—понедѣльно, по четвертямъ года и т. д. Но, какъ бы ни распредѣлялась эта сумма по частямъ, напр., года, она должна быть по

крываема средней выручкой изо дня въ день. Если назвать массу ежедневно потребныхъ на производство рабочей силы продуктовъ буквою A, еженедѣльно потребныхъ—буквою B, въ теченіе четверти года потребныхъ—буквою C и т. д., ежедневная средняя этихъ товаровъ будетъ равна $\frac{365\,A + 52\,B + 4\,C \text{ и т. д.}}{365.}$. Предположимъ, что въ этой потребной на средній день массѣ продуктовъ заключается *6 часовъ общественнаго труда;* въ такомъ случаѣ *въ рабочей силѣ ежедневно овеществляется полдня общественнаго средняго труда,* или на дневное производство рабочей силы потребна половина рабочаго дня. Это количество труда, потребное на дневное производство, образуетъ *дневную цѣнность рабочей силы*, или цѣнность ежедневно воспроизводимой рабочей силы. Если полдня общественнаго средняго труда представляется монетою въ три шиллинга или талеромъ, то талеръ составляетъ цѣну, соотвѣтствующую дневной цѣнности рабочей силы. Если владѣлецъ рабочей силы отдастъ ее за талеръ въ день, то продажная цѣна ея равна ея цѣнности.

Мы знаемъ теперь родъ и способъ опредѣленія мѣновой цѣнности, выплачиваемой владѣльцемъ денегъ владѣльцу рабочей силы. Цѣнность потребленія, которую, въ свою очередь, получаетъ путемъ обмѣна первый, является прежде всего въ дѣйствительномъ потребленіи рабочей силы. Всѣ потребныя для этого процесса вещи, какъ-то сырой матеріалъ и пр., владѣлецъ денегъ покупаетъ на рынкѣ, по полной ихъ цѣнѣ. Потребленіе рабочей силы, подобно потребленію всякаго другого товара, происходитъ внѣ рынка и внѣ сферы обращенія.

Потребленіе рабочей силы есть трудъ [1]). Чтобы представить свой трудъ въ товарахъ, рабочій долженъ прежде всего представить его въ потребительныхъ цѣнностяхъ, служащихъ къ удовлетворенію разнородныхъ потребностей. Рабочій процессъ въ его абстрактныхъ моментахъ долженъ разсматриваться независимо отъ какой бы то ни было общественной формы, потому что общая природа производства потребительныхъ цѣнностей или благъ остается неизмѣнной при всевозможныхъ общественныхъ формахъ.

Простые моменты рабочаго процесса суть: цѣлесообразная дѣятельность или самый трудъ, его предметъ и его орудіе. Общимъ предметомъ труда является земля (подъ которою экономія разумѣетъ и воду), доставляющая первоначально человѣку провіантъ, готовыя средства къ жизни. Всѣ вещи, только освобождаемыя человѣкомъ отъ непосредственной связи съ землею, суть предметы труда, существующіе отъ природы. Таковы рыба, дрова, уголь. Орудіе труда есть вещь, служащая работнику при обработкѣ предмета труда. Сюда относятся

[1]) Ib., 141 и слѣд.

механическія, физическія, химическія свойства вещей, собственные органы человѣка, сама земля въ земледѣліи, камень и пр. Нѣсколько развитой рабочій процессъ нуждается въ обработанныхъ орудіяхъ. Таковы на первыхъ порахъ каменное оружіе, каменные инструменты, прирученныя животныя. Сюда же относятся постройки, каналы и пр.

Если разсматривать весь процессъ съ точки зрѣнія его результата—продукта, потребительной цѣнности, то *орудіе труда* и *предметъ труда* являются *орудіями производства*, а трудъ — *производительнымъ трудомъ*.

Входя въ качествѣ орудія производства въ новый рабочій процессъ, продукты теряютъ характеръ продуктовъ. Существованіе матеріала для пряжи, веретена, предполагается при началѣ процесса пряденія. Но по отношенію къ самому этому процессу совершенно безразлично, составляютъ или нѣтъ веретено и ленъ продукты прошлаго труда, точно такъ же, какъ для процесса питанія безразлично, составляетъ-ли или не составляетъ хлѣбъ продуктъ труда крестьянина, мельника, булочника.

Машина, не служащая рабочему процессу, безполезна. Желѣзо ржавѣетъ, дерево гніетъ. Пряжа, не сотканная или не превращенная въ нитки, представляетъ испорченную бумагу. Живой трудъ пробуждаетъ всѣ эти вещи отъ смерти, превращаетъ ихъ изъ потенціальныхъ въ дѣйствительныя потребительныя цѣнности. И въ этомъ случаѣ вещи будутъ истреблены, разрушены, но цѣлесообразно, въ качествѣ элементовъ образованія новыхъ потребительныхъ цѣнностей.

Рабочій процессъ въ этихъ своихъ простыхъ и абстрактныхъ моментахъ есть цѣлесообразная дѣятельность, направленная къ производству потребительныхъ цѣнностей, общее условіе обмѣна матеріи между человѣкомъ и природой, вѣчное условіе человѣческой жизни, неразлучное со всѣми ея общественными формами. Какъ по вкусу пшеницы не стараются узнать, кѣмъ произведена она, такъ и на рабочій процессъ смотрятъ одинаково, подъ какими бы условіями онъ ни происходилъ, подъ жестокимъ-ли кнутомъ надзирателя за рабами, подъ надзоромъ-ли капиталиста, выполняетъ-ли его Цинцинната, обрабатывая свои два югера, или дикарь, убивая камнемъ дичь. Надзоръ капиталиста и принадлежность ему продукта составляютъ единственныя условія, которыми отличается, съ точки зрѣнія производства товаровъ, собственно рабочій процессъ.

Товаръ представляетъ единство потребительной и мѣновой цѣнностей, слѣдовательно, и производственный процессъ долженъ быть одновременно и рабочимъ процессомъ, и процессомъ, образующимъ цѣнность. Разсмотримъ теперь производственный процессъ въ качествѣ процесса второго рода.

Мы знаемъ, что цѣнность каждаго товара опредѣляется количе-

ствомъ труда, общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ. Тотъ же принципъ примѣняется и къ продукту, составляющему результатъ рабочаго процесса. Возьмемъ, напр., пряжу. Для производства ея нуженъ сырой матеріалъ—хлопчатая бумага. Положимъ, что она куплена за 10 шилл. Въ цѣнѣ ея уже изображено необходимое рабочее время, въ качествѣ общаго общественнаго труда. Положимъ далѣе, что при обработкѣ хлопчатой бумаги потреблено рабочихъ орудій на два шиллинга. Если количество золота въ 12 ш. составляетъ продуктъ двухъ рабочихъ дней, то, слѣдовательно, столько же дней входитъ въ пряжу. Потребное на производство хлопчатой бумаги время составляетъ часть времени, потребнаго на производство пряжи. То же слѣдуетъ сказать о рабочемъ времени, потребномъ на производство веретена. Весь трудъ, содержащійся въ пряжѣ, а не одинъ только тотъ, который содержится въ хлопчатой бумагѣ и веретенѣ, представляетъ прошлый трудъ. Но если, напр., для постройки дома требуется 30 рабочихъ дней, то на общее количество содержащагося въ домѣ труда остается совершенно безъ вліянія то обстоятельство, что 30-й день вошелъ въ производство 29 днями позже, нежели 1-й. Слѣдовательно, содержащееся въ рабочемъ матеріалѣ и въ рабочихъ орудіяхъ время можно разсматривать, какъ обнаруженное въ болѣе ранней стадіи процесса пряденія, и только. Но если нуженъ фунтъ хлопчатой бумаги на производство фунта пряжи, то не должно быть затрачено въ пряжу болѣе фунта бумаги. То же разумѣется и о веретенѣ. Еслибы вмѣсто желѣзныхъ веретенъ были употреблены кѣмъ-либо золотыя, то въ цѣнность пряжи вошло бы все-таки только общественно-необходимое время, т. е. время, потребное на производство желѣзныхъ веретенъ.

Мы знаемъ теперь часть цѣнности, образуемую въ цѣнности пряжи орудіями производства,—хлопчатой бумагой и веретеномъ. Она равна 12 шилл. или 2 рабочимъ днямъ. Перейдемъ къ той части цѣнности, которая придается хлопчатой бумагѣ *трудомъ прядильщика*.

Съ точки зрѣнія рабочаго процесса трудъ прядильщика былъ специфически отличенъ отъ другихъ родовъ труда, и это различіе проявлялось въ спеціальной цѣли пряденія, его особенномъ способѣ производства, особой потребительной цѣнности продукта. Но насколько трудъ прядильщика образуетъ цѣнность, онъ нисколько не отличается отъ труда, заключающагося въ орудіяхъ производства пряжи, отъ труда производителей хлопчатой бумаги и веретена. Только въ силу этой тождественности, хлопокъ, веретено и пряжа составляютъ лишь *количественно* различныя части одной и той же общей цѣнности пряжи. Здѣсь дѣло состоитъ уже не въ *качествѣ*, свойствахъ и содержаніи труда, но въ *количествѣ* его.

Чрезвычайно важно, чтобы въ теченіе процесса, т. е. превраще-

нія бумаги въ пряжу, было потреблено только общественно-необходимое время. Только такое время *образуетъ цѣнность*.

*Сырой матеріалъ* и *продуктъ* являются здѣсь совершенно въ другомъ свѣтѣ, нежели съ точки зрѣнія рабочаго процесса. Сырой матеріалъ просто поглощаетъ въ этомъ случаѣ извѣстное количество труда. Путемъ этого поглощенія сырой матеріалъ превращается въ пряжу, потому что къ нему прилагается трудъ прядильщика. Но продуктъ, пряжа, является здѣсь не болѣе, какъ мѣриломъ поглощеннаго бумагою труда. Если въ часъ прядется $1^2/_3$ ф. хлопчатой бумаги, то 10 ф. представляютъ 6 рабочихъ часовъ.

При продажѣ рабочей силы было условлено, что дневная цѣнность ея=3 шилл., въ которыхъ овеществляется 6 рабочихъ часовъ; слѣдовательно, количество труда, потребное для производства средней суммы дневныхъ средствъ существованія рабочаго. Если прядильщикъ превращаетъ въ пряжу $1^2/_3$ ф. бумаги въ теченіе часа, то въ 6 часовъ онъ превращаетъ 10 ф. бумаги въ 10 ф. пряжи. Это рабочее время представляется количествомъ золота въ 3 шилл. Слѣдовательно, хлопчатой бумагѣ однимъ только пряденіемъ придана цѣнность въ 3 шиллинга.

Совокупная цѣнность продукта — 10 ф. пряжи слагается изъ 2 дней, поглощенныхъ хлопчатой бумагой и веретеномъ, и половины дня, потраченной на процессъ пряденія. То же рабочее время представляется 15 шиллингами. Цѣна, соотвѣтствующая цѣнности 10 ф. пряжи, составляетъ 15 шилл., цѣна каждаго фунта=1 ш. 6 п.

Цѣнность продукта оказывается равною цѣнности затраченнаго капитала. Прибавочной цѣнности не произведено, деньги не превратились въ капиталъ. Цѣна пряжи—15 шилл., но за бумагу заплачено 10 шилл., за веретено 2, за рабочую силу 3, итого — тѣ же 15 шиллинговъ.

Присмотримся ближе къ дѣлу. Дневная цѣнность рабочей силы составляетъ 3 шилл. потому, что въ ней осуществлена половина рабочаго дня, потому, что средства существованія, потребныя на дневное производство рабочей силы, стоятъ половины рабочаго дня. Но прошлый трудъ, содержащійся въ рабочей силѣ, и настоящій трудъ, который можетъ она обнаружить, суть двѣ совершенно различныя величины. Первая опредѣляетъ мѣновую, вторая — потребительную цѣнность рабочей силы. Цѣнность рабочей силы и цѣнность, образованная послѣднею въ рабочемъ процессѣ, суть также двѣ различныя величины. Рабочая сила имѣетъ специфическую цѣнность потребленія—служить источникомъ мѣновой цѣнности и притомъ большей, нежели та, которую имѣетъ она сама. Владѣлецъ денегъ уплатилъ дневную цѣнность рабочей силы: ему, слѣдовательно, принадлежитъ дневное употребленіе ея, дневной трудъ.

Если 10 ф. бумаги поглощали 6 рабочихъ часовъ, превращаясь въ 10 ф. пряжи, то 20 ф. бумаги поглотятъ 12 часовъ и въ результатѣ будетъ 20 ф. пряжи. Въ 20 ф. пряжи осуществлено теперь 5 рабочихъ дней, 4 въ производствѣ хлопчатой бумаги и веретенъ, 1 въ процессѣ пряденія. Денежное выраженіе 5 рабочихъ дней составляетъ 30 шиллинговъ или 1 ф. ст. по 10 шилл. Это цѣна 20 ф. пряжи. Фунтъ пряжи стоитъ по прежнему 1 шилл. 6 п. Но сумма цѣнностей, вошедшихъ въ процессъ, достигаетъ теперь 27 шилл. Цѣнность пряжи = 30 шилл. Является прибавочная цѣнность въ 3 шиллинга, и деньги превратились въ капиталъ.

Итакъ, весь процессъ происходитъ одновременно и въ сферѣ обращенія, и внѣ ея: покупка рабочей силы производится на товарномъ рынкѣ, увеличеніе цѣнности—въ сферѣ производства, хотя обращеніе руководитъ и этою частью процесса. Если сравнить процессъ образованія цѣнности съ процессомъ увеличенія цѣнности (Verwerthungsprocess), то послѣдній окажется ничѣмъ инымъ, какъ процессомъ образованія цѣнности, продленнымъ за извѣстные предѣлы. По отношенію къ этому процессу безразлично, составляетъ-ли пріобрѣтенный трудъ простой общественный средній, или сложный трудъ, трудъ высшаго специфическаго качества. Этотъ послѣдній отличается отъ простого труда тѣмъ, что на него идутъ бо́льшія издержки образованія, производство его стоитъ больше, и потому онъ обладаетъ высшею мѣновою цѣнностью. Обнаруженіе сложной рабочей силы въ одни и тѣ же промежутки времени даетъ бо́льшую цѣнность. Но различіе между отдѣльными частями труда рабочаго ювелира и прядильщика есть чисто количественное, а не качественное различіе.

Измѣненіе величины цѣнности рабочей силы [1]) и прибавочной цѣнности зависитъ отъ совмѣстнаго и отдѣльнаго дѣйствія слѣдующихъ трехъ факторовъ: продолжительности рабочаго дня, интенсивности труда и производительности труда. А) При неизмѣнности рабочаго дня и интенсивности труда, перемѣны въ производительности труда слѣдующимъ образомъ отражаются на совокупной цѣнности рабочаго дня и на отдѣльныхъ ея частяхъ. Во-первыхъ, рабочій день даетъ постоянно одну и ту же цѣнность продукта, каково бы ни было количество послѣдняго. Во-вторыхъ, цѣнность рабочей силы и прибавочная цѣнность измѣняются въ обратномъ отношеніи другъ къ другу и къ измѣненіямъ въ производительности труда. Ясно, что увеличеніе одной изъ двухъ составныхъ частей постоянной величины,—а такова, по условію, сумма цѣнности рабочей силы и прибавочной,—необходимо сопровождается уменьшеніемъ другой составной ея части, и наоборотъ. Цѣнность рабочей силы не можетъ возвыситься отъ 3 шиллинговъ до 4 безъ того, чтобы прибавочная цѣнность не понизилась

[1] Ib., 505.

отъ 3-хъ шилл. до 2-хъ, и наоборотъ. Точно также ясно, что цѣнность рабочей силы не можетъ увеличиться, а прибавочная—уменьшиться, если не произошло увеличенія въ производительности труда, если, напр., въ теченіе 4-хъ рабочихъ часовъ не производится то же количество средствъ существованія, какое прежде производилось въ теченіе 6 часовъ, и наоборотъ. Въ-третьихъ, увеличеніе или уменьшеніе прибавочной цѣнности представляетъ всегда послѣдствіе, а не причину соотвѣтствующаго уменьшенія или увеличенія цѣнности рабочей силы. Такъ какъ рабочій день имѣетъ постоянные размѣры и даетъ неизмѣнную величину цѣнности, а цѣнность рабочей силы можетъ измѣняться только при измѣненіи въ производительной силѣ труда, то ясно, что всякое измѣненіе прибавочной цѣнности составляетъ слѣдствіе измѣненія въ цѣнности рабочей силы. B) При постоянныхъ рабочемъ днѣ и производительности труда, измѣненіе въ интенсивности труда, т. е. увеличеніе или уменьшеніе количества труда, расходуемаго въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени, влечетъ за собою увеличеніе или уменьшеніе количества продукта, безъ измѣненія въ цѣнности каждой его единицы. Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же рабочій день даетъ, по мѣрѣ возрастанія интенсивности труда, все больше и больше и продукта, и цѣнности, а слѣдовательно прибавочная цѣнность и цѣнность рабочей силы могутъ, при такихъ условіяхъ, возрастать одновременно. Средняя степень интенсивности труда различна у различныхъ народовъ и поэтому модифицируетъ примѣненіе закона цѣнности къ рабочему дню той или другой націи. Болѣе интенсивный рабочій день одного народа имѣетъ высшее денежное выраженіе, нежели менѣе интенсивный рабочій день отъ другого. C) При постоянныхъ производительности и интенсивности труда, уменьшеніе рабочаго дня влечетъ за собою уменьшеніе прибавочной цѣнности, увеличеніе же его — или увеличеніе одной только прибавочной, или же одновременное увеличеніе цѣнности обоихъ родовъ. D) Одновременныя измѣненія въ продолжительности рабочаго дня, производительности и интенсивности труда имѣютъ слѣдствіемъ рядъ комбинацій, разъясняемыхъ съ помощью вышеприведенныхъ опредѣленій.

Только что изложенная теорія происхожденія чистаго дохода или прибавочной цѣнности, въ связи съ общею теоріею цѣнности, представляетъ ядро всего сочиненія „Капиталъ", дальнѣйшее содержаніе котораго является не болѣе какъ развитіемъ деталей и усложненій той и другой. Въ виду этого обстоятельства необходимо составить себѣ болѣе или менѣе отчетливое понятіе о тѣхъ особенностяхъ и преимуществахъ, какими отличается это ученіе отъ предыдущихъ взглядовъ на тотъ же предметъ. Къ счастью, цѣль эта можетъ быть достигнута безъ особенно большихъ затрудненій, такъ какъ то или другое

рѣшеніе вопроса о происхожденіи чистаго дохода характеризуетъ собою не отдѣльныхъ только экономическихъ писателей, а цѣлыя экономическія школы. Намъ будетъ потому совершенно достаточно, не останавливаясь на подробностяхъ, сдѣлать краткій очеркъ тѣхъ только мнѣній объ этомъ предметѣ, которыя служатъ въ то же время поворотными пунктами въ исторіи всей политической экономіи.

Теоретики и практики меркантилизма отличались весьма смутными понятіями объ основахъ и организаціи общественнаго хозяйства, и вслѣдствіе этого взглядъ ихъ на источники народнаго богатства былъ однимъ изъ самыхъ неопредѣленныхъ. Живя въ періодъ дѣтства капиталистическаго производства и наблюдая главнымъ образомъ накопленіе торговаго и денежнаго капитала, они естественно пришли къ заключенію, что деньги, т. е. золото и серебро, въ качествѣ всеобщаго товара, представляютъ единственное богатство, а выгодный торговый балансъ—единственный источникъ возникновенія чистаго дохода. Понятно отсюда и то уваженіе, съ которымъ они относились ко всему, что было въ состояніи поддерживать и развивать выгодную международную торговлю. Такъ какъ въ эпоху меркантилизма земледѣльческая промышленность западной Европы носила еще въ большинствѣ случаевъ характеръ феодальнаго порядка, и только городская, обработывающая промышленность начинала принимать свойства капиталистическаго хозяйства съ производствомъ на сторону, то естественно, что все вниманіе маркантилистовъ было обращено на эту послѣднюю, какъ наиболѣе пригодную къ доставленію товаровъ для международной торговли. Обстоятельство это служитъ достаточнымъ объясненіемъ того безконечно длиннаго ряда мѣръ, которыя были рекомендованы меркантилистическими писателями и приводились въ дѣйствіе государственными людьми XVI—XVII столѣтій (Кромвель, Кольберъ и др.) въ видахъ поднятія и расширенія различныхъ отраслей обработывающей промышленности внутри страны. Само собою разумѣется, что интересы земледѣлія не только отходили при этомъ на второй планъ, но даже порою формально приносились въ жертву интересамъ городской промышленности.

Когда такимъ образомъ, употребляя выраженіе Адама Смита, палка достаточно была согнута въ одну сторону, явились физіократы и стали гнуть ее въ противоположномъ направленіи. Эти послѣдніе принялись доказывать, что именно земледѣліе-то и есть самая важная отрасль промышленности, тогда какъ городскіе промыслы играютъ въ системѣ общественнаго хозяйства чисто служебную и подчиненную роль, доставляя рынокъ для земледѣльческихъ произведеній. Одно только земледѣліе, учили физіократы, способно приносить дѣйствительный чистый доходъ, поземельную ренту, produit net, благодаря специфическому пособію силъ природы, содѣйствующихъ тру-

ду человѣка при обработкѣ земли. Что же касается до обрабатывающей промышленности, то она только возстановляетъ цѣнность того, во что обходится земледѣлію пропитаніе ремесленниковъ. Посѣявъ, напримѣръ, 20 четвертей пшеницы, земледѣлецъ пожнетъ 100 четвертей или болѣе, между тѣмъ какъ сапожникъ или прядильщикъ, сколько бы ни трудились, получатъ не больше сапогъ или пряжи, чѣмъ сколько у нихъ было кожи или шерсти. „Человѣкъ, приготовляющій, напримѣръ, пару превосходныхъ кружевныхъ рукавчиковъ, можетъ нерѣдко поднять до 30 ф. ст. цѣнность льна въ одинъ пенсъ. Хотя съ перваго взгляда человѣкъ этотъ и увеличиваетъ въ 7.200 разъ цѣнность части сырого произведенія, но въ сущности онъ ничего не присоединяетъ къ общей суммѣ сырыхъ произведеній. На приготовленіе этихъ кружевъ онъ употребляетъ, можетъ быть, два года труда. Вырученные имъ 30 ф. ст. суть не что иное, какъ возвращеніе его двухъ-лѣтняго содержанія, потребленнаго имъ впередъ во время исполненія имъ этой работы. Цѣнность, присоединенная его трудомъ ко льну въ теченіе каждаго дня, каждаго мѣсяца, каждаго года, есть не что иное, какъ цѣнность его потребленія въ теченіе дня, мѣсяца или года. Поэтому не бываетъ ни одного мгновенія, когда человѣкъ этотъ присоединилъ бы хотя ничтожную частицу ко всей суммѣ сырыхъ произведеній земли, такъ какъ часть послѣднихъ, непрерывно потребляемая, постоянно равна непрерывно же имъ создаваемой цѣнности“.

Прежде всего, не подлежитъ сомнѣнію, что подобная формулировка вопроса о чистомъ доходѣ сама по себѣ отличалась уже гораздо большею отчетливостью и опредѣленностью, чѣмъ соотвѣтствующія соображенія меркантилистовъ. Въ основаніи теоріи физіократовъ лежитъ уже довольно обширное знакомство съ экономическимъ строеніемъ общества, функціями отдѣльныхъ общественныхъ классовъ, законами производства и со многимъ другимъ, о чемъ меркантилисты не имѣли ни малѣйшаго понятія. Но при всемъ томъ теорія эта, какъ мы тотчасъ постараемся доказать, не можетъ выдержать строгой критики.

Очевидно, во-первыхъ, что, разсуждая о чистомъ доходѣ помянутымъ образомъ, физіократы совершенно упускали изъ виду самую главную особенность общественнаго раздѣленія труда, въ данномъ случаѣ—дѣленіе занятій между классомъ земледѣльцевъ и классомъ ремесленниковъ, которые пока вполнѣ достаточно считать однородными по своему составу и простыми группами производителей. Вникая ближе въ условія такой общественной организаціи, при которой одна часть жителей страны занимается исключительно производствомъ хлѣба, мяса и другихъ сельскихъ произведеній, а другая—исключительно обработкою ихъ, не трудно замѣтить, что каждая изъ

нихъ только тѣмъ и существуетъ, что обмѣнивается съ другою своими собственными произведеніями. Такъ, если земледѣлецъ получаетъ хлѣба и другого сырья *больше*, чѣмъ посѣялъ или развелъ, то вѣдь онъ кромѣ этого ровно ничѣмъ и не занимается и всѣ прочіе необходимые для себя предметы получаетъ въ обмѣнъ отъ горожанина-ремесленника [1]). Точно также и этотъ послѣдній производитъ пряжи, сапогъ или ткани въ нѣсколько сотъ или тысячъ разъ *больше*, чѣмъ потребляетъ самъ, и въ обмѣнъ за тотъ излишекъ,—если ужъ нужно называть его этимъ именемъ, — получаетъ отъ земледѣльца необходимые предметы пищи и другія сырыя произведенія. Не подлежитъ такимъ образомъ сомнѣнію, что въ этомъ отношеніи нельзя назвать чистымъ доходомъ ни тѣхъ произведеній землевладѣльца, которыя пойдутъ въ обмѣнъ на произведенія ремесленника для удовлетворенія необходимыхъ потребностей перваго, ни тѣхъ произведеній ремесленника, которыя будутъ обмѣнены на произведенія земледѣльца для удовлетворенія второго. Тѣ и другія произведенія только перемѣнятъ свои мѣста и въ своемъ новомъ положеніи станутъ удовлетворять однимъ лишь необходимымъ потребностямъ своихъ новыхъ владѣльцевъ. Ясно также, что если ужъ называть подобный продуктъ излишкомъ или чистымъ доходомъ, то нѣтъ ни малѣйшей возможности и надобности приписывать его одному только земледѣлію, какъ это дѣлали физіократы, такъ какъ и обрабатывающая промышленность доставляетъ его ничуть не въ меньшихъ количествахъ. Но продуктъ этотъ не представляетъ излишка ни для *отдѣльнаго* хозяйства, будь оно земледѣльческое или промышленное, ни для *цѣлаго* общественнаго хозяйства. Что касается отдѣльнаго хозяйства, то онъ не излишекъ на томъ основаніи, что служитъ только временною формою другихъ необходимыхъ людямъ предметовъ потребленія, кромѣ тѣхъ, которые произведены даннымъ хозяйствомъ. По отношенію же къ цѣлому обществу окончательный результатъ обмѣна того продукта между отдѣльными хозяйствами будетъ лишь тотъ, что всѣ и каждый, и земледѣлецъ и ремесленникъ получатъ только необходимое. Итакъ, откуда же при такомъ предположеніи взяться чистому доходу?

Но помимо взаимности отношеній между ремесленникомъ и земледѣльцемъ, физіократы оставляютъ, *во-вторыхъ*, въ сторонѣ еще одно важное обстоятельство. Предположимъ, что земледѣлецъ про-

[1]) Интересно здѣсь замѣтить, что даже Дж. Ст. Милль упускаетъ подчасъ изъ виду это совершенно элементарное различіе. „Земледѣльческій капиталъ“. говоритъ онъ (Основанія политич. экономіи, т. I, стр. 467), „даетъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ ея необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, пока пища растетъ (и пока они заняты устройствомъ орудій и отправленіемъ всѣхъ другихъ нужныхъ приготовленій)“. Какъ будто земледѣльцамъ. кромѣ пищи и орудій, ничего больше не требуется?

изводитъ хлѣба и сырья больше того, сколько требуется ему лично, какъ въ непосредственной формѣ, такъ и въ формѣ произведеній ремесленника, которыя онъ получаетъ путемъ обмѣна. Излишекъ этотъ онъ прячетъ въ запасъ на время неурожая или расходуетъ какимъ-нибудь инымъ образомъ. Тутъ мы уже несомнѣнно имѣемъ дѣло съ чистымъ доходомъ и, быть можетъ, физіократы именно этотъ-то доходъ и подразумѣвали подъ своимъ produit net. Они постоянно говорятъ, что на чистый доходъ отъ земледѣлія существуютъ государство, церковь, землевладѣльцы и пр., слѣдовательно, необходимо предположить, что они имѣли въ виду излишекъ надъ потребностями остального населенія. Но тутъ-то и обнаруживается вся ошибочность ихъ указаній на происхожденіе подобнаго дохода. Изъ какого источника возникаетъ упомянутый излишекъ надъ потребностями земледѣльца? Онъ, очевидно, представляетъ ни больше, ни меньше, какъ результатъ обработки лишняго количества земли, *лишняго приложенія рабочей силы*. И въ самомъ дѣлѣ, если обработкою четырехъ десятинъ земли поселянинъ себѣ и своему семейству доставитъ одни только средства существованія, то обработкою лишней десятины онъ достигнетъ полученія излишка. Но если въ первомъ случаѣ онъ расходовалъ на это полгода времени, то во второмъ ему понадобится вдобавокъ къ этому времени еще полтора мѣсяца земледѣльческаго труда. Тотъ же самый результатъ получился бы, очевидно, и въ другомъ еще случаѣ и имѣлъ бы еще болѣе рельефное выраженіе, а именно, еслибы, вмѣсто увеличенія на одну десятину площади обработки, поселянинъ употребилъ лишнихъ *полтора мѣсяца труда* на болѣе интенсивное воздѣлываніе прежнихъ четырехъ десятинъ. Итакъ, необходимо придти къ заключенію, что указанный чистый доходъ составляетъ результатъ не какихъ-либо особенно благодѣтельныхъ силъ природы въ земледѣліи, а *исключительно приложенія лишней рабочей силы*, продленія работы за тѣ предѣлы, когда она покрываетъ собою одни только абсолютно необходимыя потребности земледѣльца. Заключеніе это пріобрѣтаетъ тѣмъ больше силы, что и тутъ ремесленникъ находится опять-таки въ совершенно однородномъ съ земледѣльцемъ положеніи. Удвоивъ или утроивъ свою обыкновенную порцію кожи или нитокъ, сапожникъ или ткачъ могутъ произвести гораздо больше прежняго сапогъ и ткани, такъ что, за удовлетвореніемъ всѣхъ прочихъ своихъ потребностей, они останутся обладателями нѣкотораго излишка или чистаго дохода. Но и этотъ чистый доходъ будетъ обязанъ своимъ существованіемъ исключительно приложенію лишней рабочей силы.

Необходимо устранить еще одно *третье* недоразумѣніе, возбужденное представленіями физіократовъ о чистомъ доходѣ въ земледѣліи. Физіократы видѣли, что пища и нѣкоторыя другія сырыя про-

изведенія *растутъ* сами собою въ объемѣ и въ количествѣ, между тѣмъ какъ трудъ ремесленника оставляетъ количество употребляемаго имъ въ дѣло сырья безъ малѣйшаго измѣненія. Отюда они заключили, что приноситъ чистый доходъ свойственно одному земледѣлію. Но вѣдь подобное различіе между предметами, производимыми земледѣльцемъ и ремесленникомъ, является не общественнымъ, а чисто естественнымъ различіемъ. Само собою разумѣется, что *живыя* растенія и животныя, производимыя земледѣліемъ, отличаются отъ *мертвыхъ* продуктовъ животнаго и растительнаго царствъ, съ которымъ имѣетъ дѣло ремесленникъ, тѣмъ, что сами собою возрастаютъ: такова ужъ біологическая природа ихъ. Но какое отношеніе имѣетъ эта особенность продуктовъ земледѣлія къ общественному хозяйству въ его цѣломъ,—вотъ вопросъ, который предстояло разрѣшить физіократамъ и который они разрѣшили невѣрно. Дѣло именно въ томъ и состоитъ, что общественныя отношенія труда и потребленія такъ приспособляются къ этому различію между живою и мертвою органическою природою, что отъ него не остается ровно никакихъ слѣдовъ. Обработывая изъ года въ годъ одинаковое количество земли и расходуя на это одинаковое рабочее время, земледѣлецъ получаетъ одинаковое количество хлѣба [1]) и другихъ сырыхъ произведеній, совершенно подобно тому, какъ и ремесленникъ, посвящающій изъ года въ годъ одинаковое количество работы на одинаковое количество матеріала, не выходитъ изъ одинаковой массы продукта. Земледѣлецъ посѣетъ пять четвертей хлѣба, говорили физіократы, и сберетъ двадцать, между тѣмъ какъ ремесленникъ „сколько посѣетъ, столько и пожнетъ“, не увеличитъ ни мало своего матеріала и едва только возмѣститъ съѣденный имъ въ это время хлѣбъ. Но физіократы забывали, что отъ одной жатвы до другой земледѣлецъ питается, одѣвается и обувается на тѣ самыя пятнадцать четвертей, которыя онъ собралъ въ предыдущемъ году въ дополненіе къ пяти посѣяннымъ и которыя неправильно признавались физіократами его чистымъ доходомъ. Они упускали далѣе изъ виду то, что, производя сапоги или пряжу, ремесленникъ питается, одѣвается, обувается на тѣ сапоги или пряжу, которые предварительно обмѣнялъ на хлѣбъ и на другія сырыя произведенія. Остается-ли послѣ этого хотя какая-нибудь тѣнь разницы между положеніемъ земледѣльца и ремесленника,—разницы, обязанной своимъ существованіемъ *естественному* различію между живыми организмами, съ которыми имѣетъ преимущественно дѣло первый, и мертвымъ матеріаломъ, который обработывается вторымъ [2])?

[1]) Оставляя въ сторонѣ истощеніе почвы, которое способствуетъ уменьшенію, а не увеличенію общей массы продукта отъ почвы.

[2]) Быть можетъ, кто-нибудь изъ читателей полюбопытствуетъ узнать, что

Въ цѣломъ самъ собою напрашивается выводъ, что, приписывая доходъ одному земледѣльцу, физіократы прибѣгали къ такой аргументаціи, которая оказалась не въ силахъ обнаружить существованіе чистаго дохода не только въ земледѣліи, но и въ обрабатывающей промышленности. То, что они указывали подъ видомъ чистаго дохода, не представляетъ излишка надъ первыми потребностями всего общества, а есть не что иное, какъ временная, спеціальная форма предметовъ, удовлетворяющихъ однимъ только необходимымъ потребностямъ общества и производимыхъ вслѣдствіе общественнаго дѣленія труда различными отраслями промышленности. То же, что они подразумѣвали подъ этимъ чистымъ доходомъ, т. е. дѣйствительный чистый доходъ, превышающій первыя потребности, имѣетъ своимъ источникомъ не фетишистическія силы земли, а употребленіе лишней рабочей силы и времени, и потому совсѣмъ не составляетъ исключительной принадлежности одного только земледѣлія. Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи дѣйствительнаго чистаго дохода оставленъ былъ въ сущности физіократами совершенно открытымъ. А между тѣмъ, существованіе чистаго дохода въ только что упомянутомъ видѣ представляетъ не какое-либо единичное, но обще-распространенное явленіе, какъ это несомнѣнно доказывается повседневнымъ расширеніемъ отдѣльныхъ предпріятій, громаднымъ потребленіемъ предметовъ роскоши, громаднымъ увеличеніемъ праздныхъ классовъ, прислуги и множествомъ другихъ признаковъ.

Можетъ показаться анахронизмомъ, что мы такъ долго останавливаемся на мнѣніи ученыхъ, давно сошедшихъ со сцены, и притомъ исключительно для того, чтобы въ концѣ концовъ признать его кругомъ несостоятельнымъ. Но, во-первыхъ, цѣль наша именно и состоитъ въ указаніи генезиса мнѣній о чистомъ доходѣ, а взглядъ на чистый доходъ физіократовъ играетъ въ этомъ генезисѣ отнюдь не второстепенную роль. Во-вторыхъ, физіократическая теорія болѣе всякой другой способствуетъ разоблаченію тѣхъ спорныхъ сторонъ вопроса о чистомъ доходѣ, которыя и въ настоящее время составляютъ для многихъ немаловажный камень преткновенія [1]).

еще нѣсколько лѣтъ назадъ корифей германской университетской экономической науки В. Рошеръ, въ подтвержденіе происхожденія прибыли не изъ труда, а изъ силъ природы (?), приводилъ въ примѣръ яблочное дерево, которое стоитъ только посадить, и оно будетъ впослѣдствіи давать цѣлый урожай *прибыли* безъ малѣйшаго вмѣшательства труда. Врядъ-ли необходимо замѣчать, что подобная аргументація нисколько не отличается отъ аргументаціи физіократовъ, которая давно уже считается погребенною, между прочимъ, и самимъ Рошеромъ.

[1]) Замѣчательна живучесть этой теоріи, которую продолжаютъ раздѣлять часто на-ряду съ противоположною ей весьма многіе настоящіе писатели всѣхъ народовъ. Такъ, мы уже упоминали о Рошерѣ, то же самое можно встрѣтить у Сэя, у Бастія, у нынѣшняго американскаго писателя Джорджа и у насъ у гг. Жуковскаго и Чичерина.

Только въ лицѣ Рикардо и нѣкоторыхъ его послѣдователей снова возникаетъ реакція противъ земледѣлія, такъ какъ имъ удается доказать, что поземельная рента есть не что иное, какъ разница между количествомъ произведеній, доставляемыхъ участками различнаго плодородія, и потому не составляетъ вновь созданнаго общественнаго дохода. Рента, совершенно основательно учили они, есть просто доходъ, переведенный изъ рукъ потребителей хлѣба и другого сырья въ руки владѣльцевъ болѣе плодородныхъ или болѣе близкихъ къ рынку участковъ, и такимъ образомъ она является ничѣмъ инымъ, какъ налогомъ на этихъ потребителей. Выводъ этотъ они основывали на томъ простомъ предположеніи, что на лучшихъ и на худшихъ участкахъ, взятыхъ вмѣстѣ, никто не станетъ производить хлѣба больше, чѣмъ сколько его требуется рынкомъ, а слѣдовательно ни о какомъ земледѣльческомъ излишкѣ безъ лишняго труда не можетъ быть и рѣчи. Довольно и того, что хлѣбъ лучшихъ и ближайшихъ къ рынку участковъ оплачивается потребителемъ дороже, чѣмъ онъ стоитъ,—это и есть единственный источникъ ренты. Земля такъ мало виновата въ производствѣ подобнаго produit net, что возрастаніе его идетъ параллельно истощенію почвы, такъ какъ отъ истощенія ея увеличивается разность между количествомъ продукта съ лучшихъ и худшихъ участковъ. „Странно", иронически замѣчаетъ Рикардо (Сочиненія, глава II), „что свойство земли, которое должно было бы считаться *убыточнымъ* въ сравненіи съ пособіемъ природы въ фабричномъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе признавалось за особенное ея *преимущество*... Если излишекъ продукта, составляющій ренту, есть дѣйствительно преимущество, то остается пожелать, чтобы вновь сооружаемыя машины были менѣе производительны, нежели прежнія".

Когда, такимъ образомъ, „первые стали послѣдними", т. е. когда земля была окончательно разжалована изъ высшаго чина въ самый низшій, а поземельный чистый доходъ превратился въ общественный убытокъ,—вполнѣ расчистилась арена для вопроса о происхожденіи дѣйствительнаго чистаго дохода, все равно, въ земледѣліи или въ обрабатывающей промышленности.

Прежде всего оказалось, что производительная сила природы и пособіе ея человѣческому труду одинаково значительны во всѣхъ отрасляхъ занятій, и вотъ новые писатели наперерывъ спѣшили признать это. „Развѣ природа ничего не дѣлаетъ для человѣка въ мануфактурной промышленности?" восклицаетъ Рикардо (Сочиненія, глава II). „Развѣ силы вѣтра и воды, приводящія въ дѣйствіе наши машины и оказывающія пособіе мореплаванію, не имѣютъ никакого значенія? Давленіе атмосферы и эластичность пара, посредствомъ которыхъ мы приводимъ въ движеніе самыя удивительныя машины,—развѣ это не дары природы? Не говоря о дѣйствіи теплоты, размяг-

чающей и расплавляющей металлы, и объ участіи воздуха въ процессахъ окрашиванія и броженія, нѣтъ ни одной отрасли мануфактуры, въ которой природа не оказывала бы помощи человѣку, и притомъ *помощи даровой* и *щедрой*". — „Удивительно, какъ это Смитъ", говоритъ Макъ-Куллохъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ *Богатству народовъ*, „одаренный такимъ проницательнымъ умомъ, могъ допустить такое ошибочное положеніе, что природа ничего не дѣлаетъ для человѣка въ фабричномъ дѣлѣ" и т. д.

Итакъ, куда бы мы ни обратились, къ чему бы мы ни приложили своихъ рукъ, всюду мы встрѣчаемъ благодѣтельное пособіе природы, и притомъ совершенно даровое. Но разъ признано и установлено это положеніе, основанное на различіи между *даровыми* силами природы и *цѣнными человѣческими рабочими силами*, то необходимо согласиться и съ логическимъ изъ него выводомъ, что если мы не станемъ никуда обращаться и ни къ чему прикладывать рукъ, то и благодѣтельнаго содѣйствія природы не получимъ. Даже обитатель азіатскаго архипелага, и тотъ долженъ взять въ руки топоръ, пойти въ лѣсъ и срубить саговое дерево, чтобы воспользоваться содѣйствіемъ силъ природы. И чѣмъ больше онъ срубитъ саговыхъ деревьевъ, тѣмъ больше получитъ и этого содѣйствія, и наоборотъ. Такимъ образомъ оказывается, что природа помогаетъ человѣку не отвлеченно, что производительность природы всегда и вездѣ связана съ расходованіемъ человѣческой рабочей силы, какъ связанъ воздухъ съ легкими живого человѣка. А если это справедливо, то производительность природы и производительность дѣйствительно расходуемаго труда есть *одно* и *то* же, и такъ какъ своя рубашка ближе къ тѣлу, то общество можетъ смѣло оставить въ сторонѣ производительность природы сравнительно съ производительностію труда, теорія которой представляетъ не что иное, какъ плохую фетишистическую аналогію между вещами столь несходными, какъ *даровые* процессы природы и *дорого стоющій* человѣческій трудъ. Заключеніе это вѣрно не только вообще, но и въ примѣненіи къ чистому доходу, т. е. *излишку производства* надъ первыми потребностями. Сама природа такого излишка не даетъ; его нужно завоевывать у нея полезнымъ трудомъ, и чѣмъ больше и производительнѣе будетъ этотъ трудъ, тѣмъ больше будетъ и чистаго дохода.

Именно въ такомъ свѣтѣ взглянула на этотъ вопросъ школа Рикардо. Какимъ образомъ отнесся къ нему самъ Рикардо, это мы увидимъ ниже. Вотъ что говорятъ о происхожденіи прибыли послѣдователи его Макъ-Куллохъ и Дж. Ст. Милль. „Еслибы было закономъ природы", читаемъ у перваго изъ нихъ (Principles of Polit. Econ., 105—106), „что количество продукта, получаемое въ результатѣ промышленной дѣятельности, достаточно только для возмѣщенія

того, что было истрачено при введеніи ея, то общество не дѣлало бы никогда прогресса, и человѣкъ продолжалъ бы оставаться въ томъ же положеніи, въ которомъ находился первоначально. Но не таковъ установившійся порядокъ вещей. Дѣло происходитъ такъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ получается въ результатѣ даннаго количества труда болѣе богатства или продукта, нежели сколько требуется для того, чтобы привести это количество труда въ исполненіе: этотъ излишекъ или избытокъ производства есть прибыль". Еще болѣе вразумительно выражается на этотъ счетъ Дж. Ст. Милль (Основанія, т. I, 467): „Причина прибыли та, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе... Иными словами, теорема эта выразится такъ: капиталъ даетъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія живутъ дольше времени, какое нужно было для производства ихъ... Прибыль возникаетъ изъ производительной силы труда".

Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи чистаго дохода былъ въ основаніи разрѣшенъ. Источникъ чистаго дохода есть производительная сила труда, доставляющая не только удовлетвореніе первоначальныхъ потребностей общества, но сверхъ того прибавочный продуктъ или цѣнность. Объясненіе это имѣетъ вполнѣ универсальное значеніе, иными словами, оно одинаково примѣняется ко всей совокупности усовершенствованій личнаго и общественнаго труда, въ результатѣ которыхъ является возможность увеличенія продукта. Такъ, напр., обращаясь къ индивидуальному рабочему, мы видимъ, что, по мѣрѣ упражненія, возрастаетъ его ловкость, и вслѣдствіе этого онъ получаетъ возможность производить больше прежняго. Что означаетъ это увеличеніе ловкости? Не что иное, какъ то, что постепеннымъ упражненіемъ органовъ своего тѣла рабочій достигаетъ болѣе тѣсной кооперации между нимъ и всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ числа тѣхъ выгодъ, которыя составляютъ результатъ кооперации между многими людьми, какъ-то: болѣе плотное соединеніе отдѣльныхъ операцій и отсутствіе соотвѣтствующей траты на воздухъ рабочаго времени, употребленіе силы массъ, взамѣнъ нѣсколькихъ недостаточныхъ прежде или изолированныхъ силъ, приложеніе къ дѣлу наиболѣе приспособленныхъ къ нему органовъ и пр. Все это сокращаетъ рабочее время, потребное на производство единицы продукта, и, увеличивая производительность труда, даетъ возможность производить больше прежняго. То же значеніе имѣетъ и ловкость цѣлаго общества, зависящая отъ введенія или отъ усовершенствованія общественной кооперации. Но не желая предварять здѣсь того, что будетъ говориться объ этомъ предметѣ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, замѣтимъ только мимоходомъ, что общественная кооперація также способствуетъ увеличенію силы труда, т. е. сокращаетъ рабочее время,

потребное на производство даннаго произведенія, и создаетъ условія для увеличенія производства. Въ томъ же самомъ направленіи дѣйствуютъ всякія другія улучшенія, введеніе машинъ на мѣсто ручныхъ орудій, всевозможныя химическія и техническія усовершенствованія и пр. Прямое назначеніе всего этого—сокращать рабочее время и тѣмъ самымъ потенціально увеличивать производительность труда.

Но если при помощи усилій школы Рикардо вопросъ о происхожденіи чистаго дохода получилъ, наконецъ, принципіальное разрѣшеніе, то нельзя сказать, чтобы вмѣстѣ съ этимъ устранялись сколько-нибудь тѣ недоразумѣнія, которыя возбуждаются ближайшими условіями возникновенія этого дохода. Напротивъ, у Макъ-Куллоха и особенно у Дж. Ст. Милля все дѣло ставится такимъ образомъ, будто производительность труда сама собою и необходимо порождаетъ прибыль, будто та или другая продолжительность труда, всегда болѣе или менѣе добросовѣстная, не имѣетъ при этомъ ровно никакого значенія. „Капиталъ даетъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія живутъ дольше времени, какое нужно для производства ихъ". Вотъ уже съ этимъ-то никакъ невозможно согласиться. Если въ одинъ часъ труда я добуду себѣ пищи, одежды и т. д. сколько мнѣ нужно на цѣлыя сутки, то стану-ли я послѣ этого производить еще излишекъ пищи, одежды и тому под.,—будетъ зависѣть отъ того, захочу-ли я этого или не захочу. Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, нельзя будетъ сказать, что прибыль или излишекъ съ капитала возникаетъ оттого, что пища, одежда и пр. живутъ дольше времени, какое нужно на производство ихъ, такъ какъ, хотя это послѣднее условіе и будетъ состоять на-лицо, но прибыли не будетъ и слѣда. Вотъ если я буду поставленъ общественными условіями (а не природой производства, какъ думали Милль и Макъ-Куллохъ) въ такое стѣсненное положеніе, что не могу не захотѣть продолжать свою работу сверхъ опредѣленнаго времени, тогда прибыль получится, но не для меня. Ясно, слѣдовательно, что производительность труда предполагаетъ не необходимость, а только возможность происхожденія прибыли и что возможность эта переходитъ въ дѣйствительность только тогда, когда рабочее время продолжается за предѣлы того, сколько необходимо для удовлетворенія однѣхъ первоначальныхъ потребностей рабочаго класса. Съ такимъ вполнѣ естественнымъ и необходимымъ логическимъ дополненіемъ теорія школы Рикардо оказывается совершенно вѣрна и вполнѣ отвѣчаетъ научнымъ требованіямъ Вотъ это-то дополненіе къ ней и дѣлаетъ, какъ мы видѣли, авторъ *Капитала*, въ немъ-то и состоитъ, главнымъ образомъ, то весьма важное нововведеніе, которое заключается въ ученіи автора о прибавочной цѣнности и прибавочномъ продуктѣ. Только мы для уясненія дѣла,

смотрѣли до сихъ поръ на происхожденіе чистаго дохода, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета, т. е. оставляя въ сторонѣ различныя общія и спеціальныя *мѣновыя* отношенія между отдѣльными классами общества, тогда какъ Марксъ показалъ, что приложеніе прибавочнаго труда, служащаго для образованія прибавочной цѣнности, составляетъ прямой и конкретный результатъ *купли-продажи*, отличающійся спеціальными качествами товара—*рабочей силы*. Мы сейчасъ увидимъ, что и въ этомъ отношеніи изысканія Маркса примыкаютъ вплотную къ трудамъ классиковъ-экономистовъ, что бы ни говорили противъ этого его противники, которые съ появленіемъ его книги стали бояться собственной тѣни и наивно открещиваться отъ азбучныхъ положеній, проникшихъ во всѣ учебники.

Не только простое указаніе на существованіе среди другихъ товаровъ одного специфическаго—рабочей силы, но и самый способъ опредѣленія его цѣнности съ явнымъ признаніемъ отношенія послѣдней къ происхожденію чистаго дохода, составляетъ весьма давно пріобрѣтеніе политической экономіи. Такъ, напр., еще *Уилліамъ Петти* (Political Economy of Ireland, 1672, стр., 64) замѣчаетъ, что „стоимость средней дневной рабочей платы опредѣляется тѣмъ, что̀ нужно рабочему, чтобы жить, работать и размножаться“. Другой экономистъ стараго времени *Вандерлинтъ* училъ, что „цѣна труда состоитъ постоянно изъ предметовъ, необходимыхъ для поддержанія жизни“. Рабочій, по его словамъ, не получаетъ должнаго, если рабочая плата не дозволяетъ ему поддерживать, сообразно съ его низкимъ званіемъ и положеніемъ въ обществѣ, какъ простого работника, такое семейство, какое часто выпадаетъ на долю многихъ изъ нихъ. „Простой рабочій“, говоритъ *Тюрго* (въ своихъ Réflexions sur la formation et la distribution des richesses 1766 г.), „не имѣющій ничего, кромѣ своихъ рукъ и искусства, не имѣетъ ровно ничего, если ему не удается продать другимъ свой трудъ... На этомъ основаніи во всѣхъ родахъ труда плата рабочему будетъ всегда ограничиваться тѣмъ, что̀ ему необходимо для поддержанія существованія; такъ оно и бываетъ въ дѣйствительности“. Цитаты эти съ очевидностью дня доказываютъ, что такъ называемый *желѣзный законъ* заработной платы *Лассаля* не моложе самой политической экономіи, хотя нѣкоторые ученые экономисты и имѣли храбрость утверждать, что онъ составляетъ изобрѣтеніе *Лассаля*.

Всѣ недоразумѣнія, встрѣчающіяся въ ученіи Адама Смита относительно смѣшенія цѣнности, представляемой трудомъ, затраченнымъ въ продукты, и цѣнностью рабочей силы, о которыхъ мы говорили уже выше, принялъ на себя трудъ распутать Рикардо и достигъ этого хотя не легко, а именно путемъ довольно тяжеловѣсной аргументаціи, но тѣмъ не менѣе блистательно. „Напрасно“, говоритъ онъ,

„Адамъ Смитъ смѣшалъ понятіе о томъ трудѣ, который потраченъ на производство предмета, съ понятіемъ о рабочей силѣ, точно будто выраженія эти совершенно равнозначительны, и будто, если трудъ человѣка становится вдвое болѣе успѣшнымъ и человѣкъ можетъ поэтому *произвести* вдвое больше товаровъ, что онъ необходимо и *получитъ* за свой трудъ вдвое больше, чѣмъ прежде". „Количества эти совсѣмъ *неодинаковы*", продолжаетъ *Рикардо*: „первое изъ нихъ, при многихъ обстоятельствахъ, есть неизмѣнное мѣрило, правильно указывающее на колебаніе цѣны другихъ вещей, второе же подвержено такимъ же колебаніямъ, какъ и самые предметы, которые сравниваются съ нимъ". И далѣе: „еслибы обувь и одежда рабочаго, вслѣдствіе улучшенія въ машинахъ, стали *производиться* одною четвертью того труда, который тратится на нихъ въ настоящее время, то они, вѣроятно, упали на 75% : но насколько отсюда еще далеко до предположенія, что, благодаря такимъ условіямъ, рабочій получилъ бы возможность *потреблять* четыре пары платья или обуви вмѣсто одной, настолько же вѣроятно, что въ непродолжительномъ времени дѣйствіе соперничества и законъ народонаселенія (только не мальтусовскій!) приравняли бы его задѣльную плату къ новой цѣнности предметовъ необходимости, на которые она расходуется".

Итакъ, различіе между трудомъ, содержащимся въ товарахъ, и живою рабочею силою снова было установлено вполнѣ ясно, и каждая изъ этихъ двухъ экономическихъ категорій получила самостоятельное освѣщеніе. Но Рикардо не остановился на этомъ. Выходя изъ другого недоразумѣнія въ изложеніи Адама Смита, подъ вліяніемъ котораго казалось, будто Адамъ Смитъ приписываетъ труду, содержащемуся въ товарахъ, значеніе мѣрила мѣновыхъ пропорцій только при грубомъ состояніи общества, т. е. до накопленія капиталовъ, Рикардо настаиваетъ на томъ, что значеніе подобнаго мѣрила вполнѣ универсально. Капиталы, говоритъ онъ, не что иное, какъ орудія производства, которыя сами вездѣ и всегда производятся трудомъ, и потому трудъ, въ нихъ заключающійся, переносится въ окончательномъ результатѣ на продуктъ и входитъ въ составъ его цѣнности. Это одинаково справедливо какъ относительно эпохъ первоначальнаго общественнаго развитія, такъ и относительно эпохи высшей цивилизаціи, т. е. при условіи накопленія капиталовъ: въ томъ и въ другомъ случаѣ окончательная цѣнность продукта совершенно одинаково измѣряется всею совокупностью потраченнаго на него труда, все равно, заключается-ли этотъ трудъ въ орудіяхъ, или же израсходованъ на производство предмета непосредственно. Но хотя такимъ образомъ мѣновая цѣнность каждаго товара, т. е. количество другого товара, которое даютъ за него въ обмѣнъ, оплачиваетъ сполна и al pari весь содержащійся въ немъ трудъ, цѣнность эта распадается на двѣ ча-

сти, изъ которыхъ одна идетъ въ вознагражденіе рабочему, а другая, подъ видомъ прибыли, поступаетъ къ капиталисту. А отсюда въ свою очередь слѣдуетъ, что совокупный размѣръ мѣновой цѣнности нисколько не зависитъ отъ одной какой нибудь изъ этихъ двухъ частей, такъ какъ за возвышеніемъ или пониженіемъ одной изъ нихъ слѣдуетъ не измѣненіе всей цѣнности, а только пониженіе или возвышеніе другой. При прочихъ равныхъ условіяхъ одна изъ этихъ частей тѣмъ больше, чѣмъ меньше другая,—а такъ какъ размѣръ вознагражденія рабочаго ограничивается однѣми только необходимыми потребностями, то совершенно понятно, что размѣръ другой части будетъ зависѣть отъ производительности труда, за вычетомъ этого вознагражденія, или, что то же самое, за вычетомъ цѣнности рабочей силы, какъ особаго товара.

Въ только что изложенномъ ученіи Рикардо мы встрѣчаемъ уже вполнѣ отчетливое рѣшеніе всѣхъ задачъ, находящихся въ связи съ вопросомъ о происхожденіи чистаго дохода изъ производительности труда, при условіи купли-продажи рабочей силы. Здѣсь показано, во-первыхъ, что трудъ, содержащійся въ товарахъ, есть вполнѣ универсальное мѣрило ихъ мѣновыхъ пропорцій: во-вторыхъ, что этотъ трудъ и еще неистраченная рабочая сила совсѣмъ не одно и то же, и, въ-третьихъ, что хотя чистый доходъ и выплачивается въ цѣнѣ или въ мѣновой цѣнности произведеній, но что это только форма дѣла, и получается онъ у себя въ мастерской, отъ производительности труда своихъ наемныхъ рабочихъ. Что же оставалось автору *Капитала* прибавить къ этому, помимо болѣе точной, подробной и понятной формулировки? А только то, что производительность труда наемнаго рабочаго не есть явленіе, существующее внѣ условій пространства и времени, а составляетъ результатъ приложенія прибавочной работы въ теченіе прибавочнаго времени для созданія прибавочной цѣнности или продукта. Не знаемъ, нужно-ли послѣ этого доказывать, что если *Адамъ Смитъ* и *Рикардо* сказали бы А, то *Марксу* предстояло сказать Б?

Намъ остается прибавить лишь нѣсколько словъ для окончательнаго устраненія недоразумѣній по вопросу, о которомъ мы говоримъ. Вслѣдъ за Рикардо и его современниками вошло у экономистовъ въ обычай употреблять выраженіе „издержки производства", вмѣсто выраженія „трудъ", когда требуется обозначить норму, которой придерживаются среднія мѣновыя пропорціи. Самъ Рикардо имѣлъ полное право употреблять эти оба выраженія безразлично, потому что онъ разумѣлъ подъ ними одно и то же, но только съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Съ точки зрѣнія цѣлаго общества мѣновыя пропорціи, по его мнѣнію, опредѣляются трудомъ. Съ точки же зрѣнія предпринимателя то же самое явленіе принимаетъ характеръ издер-

жекъ производства, подъ которымъ разумѣются, главнымъ образомъ, расходъ на заработную плату и средняя или обыкновенная прибыль. И та, и другая составляютъ результатъ труда, обѣ онѣ входятъ составными частями въ окончательный продуктъ, и, слѣдовательно, трудъ, въ нихъ заключающійся, и трудъ, содержащійся въ этомъ послѣднемъ, совершенно тождественны между собою. Въ томъ же самомъ смыслѣ употребляются эти термины другими экономистами школы *Смита-Рикардо* и опять-таки съ полнѣйшимъ правомъ, такъ какъ они не забываютъ, что прибыль получается до выхода изъ мастерской [1]). Но вопросъ этотъ является совершенно въ другомъ свѣтѣ, когда начинаютъ предполагать, что прибыль выплачивается предпринимателю покупщикомъ товара, въ цѣнѣ послѣдняго, не говоря уже о совершенно ограниченной попыткѣ многихъ экономистовъ свести возникновеніе прибыли на ссуду капитала рабочимъ. Въ значеніи уплаты въ цѣнѣ издержки производства не только не тождественны съ трудомъ, содержащимся въ товарѣ, но они совершенно лишаются всякой роли при опредѣленіи мѣновыхъ пропорцій, съ какой бы то ни было точки зрѣнія. И дѣйствительно, вѣдь если прибыль, которую мы, вслѣдъ за Рикардо, считаемъ составною частью самого товара, получается въ цѣнѣ этого послѣдняго, то, значитъ, въ отчуждаемомъ товарѣ будетъ заключаться цѣнности меньше, чѣмъ въ получаемыхъ за него деньгахъ. А, слѣдовательно, начиная съ этого момента, трудъ перестаетъ служить регуляторомъ мѣновыхъ пропорцій, которыя, согласно нашему предположенію, должны соотвѣтствовать количествамъ труда, содержащагося въ обоихъ товарахъ. Съ другой же стороны, если упомянутая мысль вѣрна, то какой же регуляторъ мѣновыхъ пропорцій будутъ издержки производства? Вѣдь получаемыя за товаръ деньги также товаръ и также должны быть оплачены сообразно издержкамъ производства. Оказывается, слѣдовательно, что владѣлецъ товара получаетъ прибыль съ владѣльца денегъ [2]), а этотъ послѣд-

[1]) Такъ, напр., мы читаемъ у *Дж. Ст. Милля* (*Основ.*, т. I, стр. 466): „Человѣку, незнакомому съ наукой, представляется, будто бы прибыль коммерческаго дѣла зависитъ отъ цѣнъ. Производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль, повидимому, тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему, и можно подумать, будто прибыль—результатъ покупки и продажи (что, однако, несомнѣнно только въ примѣненіи не къ покупкѣ и продажѣ обыкновенныхъ товаровъ, а особаго товара—рабочей силы). Но думать такъ значитъ смотрѣть только на внѣшнюю поверхность экономическаго механизма общества. Если мы всмотримся поближе въ операціи производителя, мы замѣтимъ, что деньги, получаемыя имъ за товаръ, вовсе не служатъ причиною того, что онъ имѣетъ прибыль, а служатъ только способомъ, которымъ выплачивается ему его прибыль".

[2]) Мы видѣли, на какой абсурдъ сводитъ все это предположеніе авторъ *Капитала*, говоря, что если оно только вѣрно, то, значитъ, всѣ продавцы обладаютъ привилегіей брать прибыль съ покупателей, чтобы потомъ, сами сдѣлавшись покупателями, возвращать ее обратно продавцамъ. Интересно здѣсь замѣтить, что совершенно такъ же опровергаетъ его Прудонъ въ своемъ первомъ

ній—съ владѣльца товаровъ—*cercle vicieux* или рѣшительный *non sens*. Не трудно такимъ образомъ понять, что издержки производства въ этомъ буквальномъ смыслѣ слова не только не совпадаютъ съ понятіемъ труда, но и окончательно лишаются всякаго значенія. А между тѣмъ, мы очень часто читаемъ у различныхъ экономистовъ, что они съ тѣмъ только ограниченіемъ соглашаются признать теорію издержекъ производства, что ни одинъ производитель не рѣшится продолжительно продавать свой товаръ ниже того, во что онъ ему обходится. Такъ, напр., извѣстный экономистъ-эмпирикъ *Тукъ* (*Die Geschichte der Preise*. Deutsch *von Ascher*, T. II, S. 67) высказывается объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: „единственный способъ, посредствомъ котораго дѣйствуютъ на цѣны издержки производства, есть тотъ, что какъ скоро эти послѣднія перестаютъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ вознаграждать тѣхъ производителей, которые находятся въ самомъ благопріятномъ положеніи... то они прекращаютъ производство". А *Мальтусъ* въ своихъ „*Основаніяхъ полит. экономіи*", которыхъ мы, къ сожалѣнію, теперь не имѣемъ подъ рукою, настаиваетъ, помнится, даже на томъ, что издержки производства составляютъ лишь минимальный предѣлъ цѣны, *ниже* котораго цѣна надолго не можетъ падать, но *выше* можетъ подниматься сколько угодно. Вотъ въ этомъ-то и заключается полнѣйшее непониманіе того, что прибыль доставляется предпринимателю совсѣмъ не рынкомъ. Вѣдь если только справедливо мнѣніе *Тука* и еще менѣе осторожное мнѣніе *Мальтуса*, то необходимо придти къ выводу, что покупатель свои деньги добываетъ безъ всякихъ издержекъ производства, все равно, прямыхъ или косвенныхъ, и что кромѣ самыхъ только исключительныхъ случаевъ, когда и перестаетъ производиться обиженнымъ предпринимателемъ товаръ,—покупатель несетъ на себѣ какой-то налогъ въ пользу продавца, т. е. почти постоянно платитъ ему за товары дороже, чѣмъ они обходятся послѣднему. Но такъ какъ этого допустить невозможно, то, значитъ, не существуетъ повода соглашаться и съ тѣмъ, будто издержки производства опредѣляютъ для производителя лишь *минимумъ* продажной цѣны его продукта. Само собою разумѣется, что *ниже* издержекъ, вмѣстѣ съ извѣстною прибылью, никто изъ производителей продавать своихъ товаровъ не станетъ,

---

мемуаръ „*Qu'est ce que la propriété?*" Говорятъ, что предпринимателю платитъ публика, покупающая его продукты. Представимъ себѣ цѣнь изъ десяти, пятнадцати, двадцати, какого-угодно числа производителей: если производитель А получаетъ прибыль отъ производителя В, то, согласно ученію экономистовъ, В заставляетъ себѣ платить С, С—D и т. д. до Z. Но кто же заплатитъ Z ту прибыль, которая была получена первоначально А? Потребитель, отвѣчаетъ *Сэй*. Несчастный Эскобаръ! Какъ будто кромѣ А, В, С, D и т. д. до Z включительно есть еще какіе-то другіе потребители? Кто же станетъ платить Z? Если тотъ, который получилъ прибыль первый, т. е. А, то нѣтъ прибыли ни для кого (171). *Авт.*

но дѣло въ томъ, что въ ту же силу никто не станетъ продавать своихъ товаровъ и *выше* этой нормы, такъ какъ не найдется для этого столь наивныхъ и простодушныхъ покупателей. Такимъ образомъ мы видимъ, что кто признаетъ теорію издержекъ производства,—а признаютъ ее болѣе или менѣе всѣ экономисты,—тотъ долженъ принимать ее въ одномъ и томъ же смыслѣ съ теоріею труда и рабочаго времени, какъ результатъ мѣновыхъ пропорцій и созидатель мѣновыхъ цѣнностей, или же вполнѣ отказаться отъ нея. Съ другой же стороны, всѣ тѣ, кто соглашается, что регуляторъ мѣновыхъ пропорцій и созидатель цѣнностей есть человѣческій трудъ, волею-неволею долженъ также согласиться и съ *логическимъ послѣдствіемъ этого ученія—теоріею прибавочнаго продукта и прибавочной цѣнности Маркса.* Но мы выражаемся еще слишкомъ условно. Съ теоріею издержекъ производства, правильно выраженной, нельзя не согласиться,—она подтверждается всею исторіею цѣнъ. Чѣмъ, напр., помимо издержекъ производства, можетъ быть объяснено то показанное *Тукомъ* явленіе, что за большіе промежутки времени колебанія цѣнъ на хлѣбъ уравниваются до нѣсколькихъ пенсовъ разницы? Равенствомъ спроса и предложенія, или настоятельности потребностей, скажутъ экономисты. Но вѣдь сами же они сознаются, что спросъ и предложеніе, или настоятельность потребностей перестаютъ при равенствѣ своемъ дѣйствовать на цѣны. *Ergo*?..

Съ появленіемъ книги „*Капитала*“ нѣкоторые экономическіе писатели начали хвататься за послѣднюю соломинку, чтобы разорвать всякія связи съ классическими экономистами, которымъ прежде повиновались довольно слѣпо. Мы могли бы привести въ подтвержденіе этого не одинъ, не два пассажа, а многіе, но, ради сохраненія мѣста, ограничимся слѣдующимъ. Въ своемъ „*Der moderne Socialismus*, 1873 г., стр. 9 и слѣдующія, passim, клерикальный писатель *Евгеній Егеръ* доказываетъ ошибочность теоріи цѣнности и прибавочной цѣнности автора „*Капитала*“ тѣмъ, что въ немъ не принято въ соображеніе монопольное право собственности на орудія труда и землю. „При господствѣ частной собственности“, говоритъ онъ, „мѣновая цѣнность усвоенныхъ вещей должна быть обыкновенно выше, нежели *цѣнность* (?) матеріализированнаго въ нихъ труда, такъ какъ право собственности даетъ владѣльцу ея монополію и тѣмъ увеличиваетъ мѣновую цѣнность въ тотъ моментъ, когда владѣлецъ дѣлаетъ употребленіе изъ своего исключительнаго права“. Вотъ это, что называется, сжигать за собою корабли! Точно будто на свѣтѣ не существовало ни Ад. Смита, ни Рикардо, ни другихъ свѣтилъ политической экономіи, которые всѣ эти вопросы давно уже успѣли истереть въ такой мелкій порошокъ, въ которомъ вовсе не примѣчается неудобосваримыхъ булыжниковъ, подобныхъ Егерову. *E pur si muove*!

И въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о неуклюжей и невѣрной формулировкѣ вопроса, которая по прежнему смѣшиваетъ трудъ въ товарахъ и трудъ—рабочую силу, какимъ же это образомъ, при условіи свободы торговли и безграничнаго соперничества, право собственности можетъ монопольно поднимать цѣнность предмета выше заключающагося въ немъ труда? Вѣдь это опять-таки только въ другой формѣ означало бы монополію продавца надъ покупателемъ, которая, какъ доказано выше, есть безсмыслица именно потому, что вчерашній продавецъ есть сегодняшній покупатель. Но кромѣ этого, на какомъ же это основаніи можно утверждать, что Марксъ недостаточно принялъ во вниманіе право собственности на орудія, когда имъ-то онъ именно и объясняетъ происхожденіе *прибавочной* цѣнности. И это критика!

Заканчивая краткое изложеніе теоретическихъ изслѣдованій о цѣнности рабочей силы, содержащихся въ сочиненіи „Das Kapital“, мы должны замѣтить, что установленіе отдѣльныхъ категорій „рабочей силы“, или способности къ обнаруженію труда и „труда“ или расходованія, потребленія этой способности—придаетъ, очевидно, совершенно иной, болѣе сообразный съ дѣйствительностью, смыслъ тому различію, которое проводитъ Рикардо между трудомъ, какъ мѣриломъ цѣнности, и трудомъ, какъ самостоятельнымъ товаромъ. Трудъ въ качествѣ товара или рабочая сила, подобно всѣмъ прочимъ товарамъ, покупаетъ такое количество другихъ продуктовъ, которое содержитъ въ себѣ столько же труда, сколько пошло на производство рабочей силы. Но такъ какъ рабочая сила осуществляется въ большемъ количествѣ продуктовъ, нежели то, какое идетъ на ея производство [1]), то и трудъ, содержащійся въ этомъ послѣднемъ, не мо-

[1]) Нельзя сказать, чтобы подобное толкованіе феномена цѣнности не имѣло представителей между ближайшими послѣдователями Рикардо. Такъ, напримѣръ, Дж. Ст. Милль весьма близокъ къ нему, когда выводитъ прибыль изъ производительности труда (T. I. 467), когда находитъ ошибочнымъ мнѣніе, что прибыль зависитъ отъ цѣнъ (Ib., 466). Такъ. Макъ-Куллохъ объясняетъ сущность дѣла совершенно подобнымъ же образомъ, утверждая слѣдующее (Princ., 117): „обыкновенно полагаютъ, что шляпочникъ, продающій за 30 шилл. шляпу, стоившую ему 25 шиллинговъ, получилъ 5 шилл. прибыли на счетъ лица, которое купило шляпу; но въ дѣйствительности это не такъ; онъ произвелъ въ извѣстное время эквивалентъ или цѣнность 30 шилл. серебра, между тѣмъ какъ различныя издержки, необходимыя въ его отрасли, простирались только до 25 шилл... Но, говоря вообще, различныя лица, входящія въ обмѣнъ со шляпочникомъ, находятся въ томъ же положеніи: фермеръ, портной, сапожникъ — всѣ получаютъ такую же прибыль отъ своихъ промысловъ; или, другими словами, всѣ они произвели количества хлѣба, платья, сапогъ, равныя 30 шилл., при помощи издержекъ въ 25 шилл.: отсюда ясно, что при обмѣнѣ драгоцѣнныхъ металловъ на продукты или однихъ продуктовъ на другіе—одна сторона ничего не выигрываетъ на счетъ другой„. Но такое мнѣніе о способѣ образованія прибыли нисколько не мѣшаетъ упомянутымъ писателямъ, съ одной стороны, при-

жетъ, употребляя выраженіе Рикардо, служить мѣриломъ того труда, который содержится въ первомъ.

Независимо отъ этого, изслѣдованія Рикардо, въ связи съ указанными дополненіями Маркса, содержатъ въ себѣ и рѣшеніе вопроса о соотношеніи между цѣнностью и капиталомъ, а дополненія, сверхъ того.—и указаніе на связь общей теоріи денегъ и капитала. Рикардо совершенно вѣрно замѣтилъ, что введеніе въ производство орудій нисколько не нарушаетъ, какъ думалъ Ад. Смитъ, общаго закона цѣнности, по которому обмѣниваются только равныя количества труда. Весь трудъ, содержащійся въ орудіяхъ, входитъ въ цѣнность оконченнаго продукта вмѣстѣ съ тѣмъ трудомъ, который расходуется на непосредственное производство, и всеобщая эквивалентность цѣнностей на рынкѣ нисколько не нарушается тѣмъ, что въ составъ продукта входитъ одною частью прибыль. Неясно сознаваемое различіе между „трудомъ" и „рабочею силою" помѣшало Рикардо провести это положеніе до конца. Категорія потребительной цѣнности специфическаго товара, потребленіе котораго образуетъ цѣнность, даетъ, кажется, положенію Рикардо окончательное разъясненіе и отвѣчаетъ на вопросъ о соотношеніи между цѣнностью и капиталомъ. Только введеніе этой категоріи дѣлаетъ совершенно понятною необходимость предпосылать ученію о капиталѣ изслѣдованіе о цѣнности. Еслибы не было установлено яснаго представленія о мѣновой и потребительной цѣнности вообще, то, по отношенію къ системѣ хозяйствъ съ раздѣленнымъ трудомъ, оставался бы совершенно необъяснимымъ тотъ феноменъ капитала, что, несмотря на всѣ случайности обмѣна, каждое хозяйство располагаетъ извѣстною частью продукта, не входящею въ счетъ общаго или средняго содержанія хозяйствъ. На первый взглядъ кажется, будто обмѣнъ не только измѣняетъ форму продукта, но и доставляетъ хозяйству упомянутую добавочную часть его. Но правильно установленное различіе между мѣновою и потребительною цѣнностью вообще и между потребительною цѣнностью отдѣльныхъ товаровъ приводитъ къ иному отвѣту на указанный вопросъ. Что касается до соотношенія между общею теоріею денегъ и теоріею капитала, то оно заключается въ слѣдующемъ. Въ обыкновенномъ обращеніи товаровъ деньги служатъ въ качествѣ посредника между отдѣльными товарами. Товаръ продается за деньги для того, чтобы, измѣнивъ такимъ образомъ свою форму, стать годнымъ для пріобрѣтенія другого товара. По отношенію же къ указанному феномену капитала деньги играютъ нѣсколько иную роль. Здѣсь деньги одновременно служатъ и исходной, и заключительной точкой процесса. За деньги покупается извѣстный товаръ

знавать во всей полнотѣ законъ издержекъ производства, съ другой—утверждать, что производительность труда есть безусловная причина происхожденія прибыли.

и затѣмъ продается за деньги же. По отношенію къ специфическому товару—рабочей силѣ—деньгамъ принадлежитъ та же, совершенно необходимая, условленная раздѣленіемъ труда, роль всеобщаго эквивалента, какъ и по отношенію ко всякому другому товару, труду, содержащемуся въ деньгахъ,—значеніе непосредственно общественнаго труда въ противоположность конкретнымъ родамъ труда, заключающимся въ тѣхъ продуктахъ, которые служатъ средствами существованія рабочаго. Въ этомъ тождествѣ значенія денегъ относительно упомянутыхъ двухъ родовъ товаровъ лежитъ, главнымъ образомъ, причина того обстоятельства, что экономическая наука, исходя отъ установленныхъ практикою взглядовъ, долгое время не замѣчала существеннаго различія между обыкновенными товарами и рабочей силою: тѣ и другая одинаково оцѣнивались на деньги, одинаково находили сбытъ не иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго обмѣна на извѣстное количество денегъ. Но, несмотря на соблюденіе полной эквивалентности, несмотря на равенство цѣнностей при обмѣнѣ денегъ на всѣ, безъ исключенія, товары, особенности специфическаго товара влекутъ за собою при обмѣнѣ его на деньги, во-первыхъ, перемѣну мѣста денегъ въ извѣстной сферѣ обращенія, во-вторыхъ,—увеличеніе размѣра цѣнности того количества денегъ, которое является заключительнымъ звеномъ движенія, въ сравненіи съ размѣромъ цѣнности того количества ихъ, которое служитъ исходнымъ звеномъ этого движенія.

Мы сказали выше, что частно-хозяйственный характеръ теоріи издержекъ производства нисколько не препятствуетъ господству теоріи труда не въ однѣхъ только общехозяйственныхъ сферахъ, но также и въ тѣхъ, по отношенію къ которымъ только и обладаетъ значеніемъ теорія издержекъ. Теперь мы можемъ пояснить эту мысль болѣе обстоятельно. Дѣло въ томъ, что, съ точки зрѣнія главы хозяйственнаго предпріятія, учету подлежитъ не только *трудъ*, дѣйствующій посредственно или содержащійся въ орудіяхъ производства, не только тотъ непосредственный *трудъ*, который возмѣщаетъ задѣльную плату, но также и тотъ *трудъ*, который входитъ въ составъ прибавочнаго продукта. Такимъ образомъ, совокупная цѣнность продукта даже и въ глазахъ частнаго хозяйства слагается изъ величинъ *совершенно однородныхъ* и, будучи переведена на деньги, является выраженіемъ не стоимости продукта, т. е. размѣна задѣльной платы + вознагражденіе за потребленіе орудій (которое совершенно неправильно приводится къ той же задѣльной платѣ), а всей суммы труда, содержащагося въ продуктѣ.

При установленіи своего закона цѣнности „труда“, Рикардо имѣлъ въ виду *неизмѣнный* рабочій день, *неизмѣнную* интенсивность труда и разсматривалъ вліяніе на размѣры задѣльной платы и прибыли ис-

ключительно только измѣненій въ производительной силѣ труда. Отсюда рядъ нападеній на его теорію, имѣющихъ цѣлью доказать, что прибыль и задѣльная плата могутъ возвышаться не только одна на счетъ другой, но и параллельно (Бастіа, Carey и др.). Но какъ длина рабочаго дня, такъ и интенсивность труда не могутъ быть приняты равными для различныхъ эпохъ и народовъ. Если интенсивность труда, при прочихъ равныхъ условіяхъ, возрастаетъ или уменьшается, то въ первомъ случаѣ возрастаютъ параллельно и цѣнность рабочей силы и прибавочная цѣнность, во второмъ—та и другая параллельно уменьшаются. Одновременное возрастаніе той и другой цѣнности можетъ имѣть, сверхъ того, мѣсто при увеличеніи рабочаго дня.

## ГЛАВА VIII.

## Постоянный и перемѣнный капиталъ. Простая и сложная общественная кооперація.

Если не считать той мало распространенной классификаціи предметовъ богатства, служащихъ производству, по которой подъ постояннымъ капиталомъ разумѣются вещи недвижимыя, подъ оборотнымъ—движимыя, а также той, которая различаетъ потребляемыя и непотребляемыя вещи, то въ экономической литературѣ можно указать собственно на два способа дѣленія упомянутыхъ предметовъ. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Ад. Смиту, другой—Рикардо. Находя, что „какую бы часть своего имущества ни употреблялъ человѣкъ въ качествѣ капитала, онъ всегда надѣется возвратить ее только на содержаніе производительныхъ рабочихъ“ [1]), Ад. Смитъ разумѣетъ подъ оборотнымъ капиталомъ тотъ, который употребляется на добываніе, изготовленіе и покупку предметовъ потребленія въ видахъ продажи или перепродажи ихъ съ прибылью [2]). Капиталъ этотъ, по мнѣнію Смита, приноситъ доходъ, только измѣняя посредствомъ обмѣна форму и уходя изъ рукъ. Напротивъ, капиталъ, доставляющій доходъ безъ перемѣны владѣльца,—машины, орудія улучшенія земли—представляетъ постоянный капиталъ. Запасы непосредственнаго потребленія не приносятъ дохода и потому не составляютъ собственно капитала. Смитовой классификаціи послѣдовали Storch [3]), Маклеодъ [4]), Рау [5]). Не трудно замѣтить, что Смитъ не только видитъ въ обмѣнѣ источникъ происхожденія части чистаго дохода, но и кладетъ въ основу различія между постояннымъ и оборотнымъ капиталомъ из-

[1]) Wealth of N., B. II, 147.
[2]) Ib., 120, 122.
[3]) Cours d'écon. polit., T. I, 295.
[4]) Основанія, 80—81.
[5]) Traité, 110.

вѣстныя условія обращенія, которыя существуютъ, будто бы, только относительно оборотнаго капитала. Иначе взглянулъ на дѣло Рикардо. Смотря по тому, говоритъ онъ [1]), потребляется-ли капиталъ быстро и требуетъ-ли безпрерывнаго возобновленія, или же потребляется медленно, различаются двѣ категоріи его—капиталъ постоянный и капиталъ оборотный. Пивоваръ, строенія и машины котораго представляютъ значительную цѣнность и долговѣчность, разсматривается какъ обладатель большого количества постояннаго капитала. Напротивъ, сапожникъ, капиталъ котораго расходуется, главнымъ образомъ, на задѣльную плату, служащую для доставленія рабочему пищи и помѣщенія, и на другіе товары меньшей прочности, нежели постройки и машины, разсматривается какъ обладатель большого оборотнаго капитала. Слѣдуетъ замѣтить еще, что капиталъ незатраченный можетъ оставаться въ обращеніи въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, прежде нежели возвратится къ предпринимателю! Такъ, зерно, покупаемое фермеромъ для обсѣмененія полей, представляетъ капиталъ постоянный въ сравненіи съ зерномъ, которое покупается булочникомъ для приготовленія хлѣба. Первый влагаетъ его въ землю и извлекаетъ оттуда не ранѣе года; второй можетъ смолоть его, продать потребителямъ въ видѣ хлѣба, возвратить весь свой капиталъ въ теченіе недѣли и посвятить его на другое производство. Классификація Рикардо принята Дж. Миллемъ, Дж. Ст. Миллемъ [2]), Рошеромъ [3]), Сисмонди [4]), Schäffle [5]) и другими экономистами. Разница между Рикардо и сторонниками его классификаціи заключается только въ томъ, что онъ считаетъ оборотный капиталъ просто менѣе долговѣчнымъ, нежели постоянный, а они разумѣютъ подъ первымъ ту часть богатства, которая, служа производству, исполняетъ свое назначеніе въ одинъ, а не въ нѣсколько разъ, подобно постоянному капиталу. Впрочемъ, разница эта, выгодная для послѣдователей Рикардо въ смыслѣ большей точности ихъ опредѣленія, представляется скорѣе формальною, нежели такою, которая касалась бы самаго содержанія отношеній.

Различіе между постояннымъ и оборотнымъ капиталомъ Рикардо выясняетъ рядомъ теоремъ относительно вліянія капитала того и другого рода на цѣнность товаровъ. Прежде нежели перейти къ нимъ, постараемся опредѣлить яснѣе, какіе именно предметы богатства приписляетъ Рикардо къ каждой изъ этихъ категорій, и существуетъ-ли вообще какая-нибудь необходимость въ принятой имъ классификаціи. Подъ именемъ постояннаго капитала Рикардо разумѣетъ орудія про-

[1]) Oeuvres compl., 22—23.
[2]) Основанія, т. I, 125.
[3]) Principes, T. I, 94.
[4]) N. principes, T. I, 94.
[5]) D. gesellsch. Syst., 102.

изводства въ собственномъ смыслѣ, т. е. машины, постройки и т. д. Подъ именемъ оборотнаго онъ, главнымъ образомъ, разумѣетъ фондъ задѣльной платы, хотя причисляетъ сюда же и матеріалы производства, напр. зерно, купленное булочникомъ. Мы говоримъ—главнымъ образомъ, основываясь отчасти на смыслѣ вышеупомянутыхъ теоремъ, въ которыхъ слово „оборотный капиталъ" употребляется постоянно въ качествѣ термина, характеризующаго только фондъ задѣльной платы, отчасти на нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ сочиненія Рикардо. Такъ, на стр. 365 онъ говоритъ слѣдующее: „предположимъ, что капиталистъ спекулируетъ на сумму 20.000 ф. ст., предположимъ также, что 7.000 ф. этого капитала затрачены въ постройки, орудія и т. под., и что *остальное* употребляется въ видѣ *оборотнаго* капитала—*на уплату за трудъ*". На стр. 241 читаемъ: „въ странахъ богатыхъ и могущественныхъ, гдѣ существуютъ большіе капиталы въ видѣ машинъ, бѣдствіе, происходящее вслѣдствіе измѣненія въ направленіи торговли, окажется болѣе чувствительнымъ, нежели въ странахъ бѣдныхъ, гдѣ помѣщается сравнительно меньше цѣнностей въ видѣ капитала постояннаго и больше въ видѣ капитала *оборотнаго*, и гдѣ, *слѣдовательно, производится больше руками человѣка*". Мы видимъ отсюда, что Рикардо, причисливъ первоначально къ оборотному капиталу, кромѣ задѣльной платы, еще и матеріалы для обработки, впослѣдствіи фактически отрекается отъ такого опредѣленія и подъ оборотнымъ капиталомъ разумѣетъ исключительно фондъ задѣльной платы. Мы увидимъ ниже, что нѣкоторыя особенности, отличающія задѣльную плату отъ всѣхъ другихъ предметовъ богатства, служащихъ производству, естественно и необходимо должны были привести Рикардо къ указанному ограниченію понятія объ оборотномъ капиталѣ [1]). Что касается, далѣе, значенія классификаціи Рикардо, то она, быть можетъ, оказывается важною не столько въ смыслѣ той характеристики, какая придана ей самимъ Рикардо, сколько по нѣкоторымъ инымъ крупнымъ различіямъ между орудіями въ собственномъ смыслѣ и фондомъ задѣльной платы,—различіямъ, которыя ускользнули отъ вниманія Рикардо.

Вотъ какъ раздѣляются они авторомъ „Das Kapital".

Мы видѣли выше, — говоритъ К. Марксъ, — что цѣнность орудій производства и матеріаловъ всякаго рода входитъ составною частью въ цѣнность окончательнаго продукта, переносится на него. Это происходитъ по мѣрѣ того, какъ къ орудіямъ и матеріалу прилагается

[1]) См., напротивъ, Roscher, ch. Principes, I, 99: „...le bétail destiné à l'abatto appartient au capital circulant; dans une fabrique de machines, une chaudiè à vapeur, destinée à la vente, rentre dans le capital circulant, tandis que même chaudière conservée pour les besoins de l'usine, fait partie du capit fixe".

новый трудъ, и по мѣрѣ того, какъ сами они уничтожаются. Уничтоженіе это или косвенное потребленіе въ примѣненіи къ различнымъ предметамъ неодинаково: такъ, вспомогательный матеріалъ, напр. уголь, исчезаетъ въ работѣ безслѣдно, машина, напротивъ, только истирается, продолжая служить рабочему процессу очень долго. Но какъ бы ни потреблялись всѣ эти вещи, одно, во всякомъ случаѣ, вѣрно, что трудъ, въ нихъ заключенный, не пропадаетъ, а переносится на окончательный продуктъ и тѣмъ сохраняется отъ погибели. Понятно отсюда также и то, что такъ какъ процессъ поглощенія орудій и матеріаловъ неодинаково продолжителенъ, то и трудъ, въ нихъ содержащійся, переносится на продуктъ съ неодинаковою быстротою. Какая нибудь, напр., машина изживаетъ свой вѣкъ въ 10 лѣтъ, и такимъ образомъ заключающійся въ ней трудъ переходитъ на продуктъ въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ. Подобно этому и самъ человѣкъ ежедневно умираетъ на 24 часа, и хотя никто не присматривается съ точностью къ тому, на сколько дней человѣкъ умеръ, но это не мѣшаетъ обществамъ страхованія жизни изъ средней жизни людей дѣлать весьма вѣрныя и, что еще важнѣе, весьма прибыльныя для себя заключенія. То же самое наблюдается относительно орудій труда, средняя продолжительность службы которыхъ становится извѣстною изъ опыта. Положимъ, что какая нибудь машина потребляется въ 6 дней. Въ такомъ случаѣ каждый день переходитъ на продуктъ $^1/_6$ часть ея цѣнности и такая же часть ея потребительной цѣнности.

Ясно, что орудіе труда никогда не можетъ передать окончательному процессу больше цѣнности, чѣмъ сколько ея въ немъ самомъ, чѣмъ сколько то теряетъ чрезъ собственное уничтоженіе. Еслибы оно не теряло ея вовсе, т. е. не было бы само продуктомъ человѣческаго труда, то оно вовсе не передавало бы продукта цѣнности. Такъ, именно, бываетъ, когда употребляются въ дѣло вполнѣ даровыя силы природы—земля, вода, вѣтеръ, дерево въ первобытномъ лѣсу и пр. То же явленіе имѣетъ мѣсто при всевозможныхъ усовершенствованіяхъ, сообщающихъ труду бо́льшую производительность. Чѣмъ больше производительность труда, все равно, вчерашняго-ли, т. е. въ орудіяхъ труда и въ матеріалахъ, или же сегодняшняго — въ окончательныхъ произведеніяхъ, тѣмъ меньше приходится труда на единицу этихъ послѣднихъ, тѣмъ меньше ихъ цѣнность.

Нѣсколько иначе стоитъ дѣло относительно второго фактора рабочаго процесса—живой рабочей силы, прилагаемой къ орудіямъ и матеріалу для изготовленія продукта. Еслибы рабочій процессъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ прекращался на томъ пунктѣ, когда воспроизведена цѣнность потребленныхъ рабочими средствъ существованія, то новая работа *только* присоединялась бы къ старой. Но мы

знаемъ уже, что рабочій процессъ на этомъ пунктѣ не останавливается, что, вмѣсто 6 часовъ въ день, онъ продолжается, напр., 12. Продуктъ производимый въ эти послѣдніе 6 часовъ, представляетъ прибавочную цѣнность, иными словами, живая рабочая сила не только воспроизводится, но воспроизводится съ излишкомъ.

Если смотрѣть на весь этотъ процессъ съ точки зрѣнія не цѣлаго общества, а капиталиста, которому одинаково принадлежатъ, съ одной стороны, орудія и матеріалъ, а съ другой стороны и тѣ средства существованія, которыя онъ даетъ въ обмѣнъ за живую работу, то всѣ эти предметы сливаются въ одну *общую массу*, которую называютъ *капиталомъ*. Продолжая держаться той же точки зрѣнія, мы видимъ, что одна часть этого капитала, т. е. орудія производства, сырье и вспомогательный матеріалъ, сохраняетъ въ производительномъ процессѣ одну и ту же цѣнность, ее можно назвать *постояннымъ капиталомъ*. Напротивъ, другая часть капитала, расходуемая на существованіе живой рабочей силы, или на наемъ рабочихъ, измѣняетъ размѣръ своей цѣнности, входя въ произведенный процессъ. Она, во-первыхъ, воспроизводится сама, во-вторыхъ, приноситъ еще и прибавочный продуктъ, прибавочную цѣнность, которая также бываетъ то больше, то меньше: ее можно, поэтому, характеризовать названіемъ *перемѣннаго капитала*. Повторяемъ еще разъ, все это является въ такомъ видѣ, если смотрѣть на все дѣло производства съ точки зрѣнія капиталиста, который привыкъ олицетворять свое имущество и разсматривать именно его, а не живую работу въ качествѣ источника прибавочной цѣнности. Оттого-то мы и говоримъ, что, напр., перемѣнная доля капитала воспроизводитъ сама себя, да еще съ излишкомъ, между тѣмъ какъ постоянная не воспроизводитъ. Въ дѣйствительности, съ точки зрѣнія цѣлаго общества, не воспроизводитъ самъ себя ни постоянный, ни перемѣнный капиталъ, а воспроизводится и притомъ съ излишкомъ, только живая рабочая сила, и она же сохраняетъ прежнюю работу, употребляя въ дѣло орудія, машины, матеріалъ и т. под. мертвые предметы [1]).

[1]) Намеки на такое рѣшеніе вопроса о постоянномъ и перемѣнномъ капиталѣ мы находимъ уже у нѣкоторыхъ экономистовъ. Но никто изъ нихъ точно такъ же, какъ и самъ Рикардо, фактически слѣдовавшій указанной классификаціи, не пришелъ къ послѣдовательному и ясному рѣшенію этой важнѣйшей экономической проблеммы. Такъ, напр., Ад. Смитъ училъ, что „постоянный капиталъ не можетъ приносить дохода иначе, какъ при помощи оборотнаго капитала“ (Wealth of Nations, T. II, p. 122); онъ же говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „хотя хозяинъ платитъ впередъ заработную плату своему мануфактурному рабочему, послѣдній въ дѣйствительности не стоитъ ему никакихъ расходовъ, такъ какъ цѣнность этой заработной платы вообще возстановляется, вмѣстѣ съ прибылью, въ увеличенной цѣнности предмета, на который былъ затраченъ трудъ рабочаго“ (Ib., 145). „То, что стоитъ хозяину“, говоритъ Сисмонди (N. princ., I, 87), „трудъ, исполняемый для него рабочимъ, есть т

При помощи только что сдѣланныхъ опредѣленій попробуемъ произвести учетъ обѣимъ долямъ капитала въ процессѣ изготовленія товаровъ.

Такъ какъ прибавочное рабочее время находится въ непосредственной зависимости отъ живой рабочей силы, то поэтому прежде всего важно опредѣлить отношеніе прибавочной цѣнности къ перемѣнной долѣ капитала. Что касается постоянной доли, то такъ какъ она не подлежитъ никакимъ измѣненіямъ въ процессѣ производства и только переноситъ свою цѣнность на окончательный продуктъ, то ее можно при этомъ учетѣ совершенно оставить въ сторонѣ. Отношеніе прибавочной цѣнности къ перемѣнной долѣ капитала, если его выразить въ рубляхъ или въ фунтахъ стерлинговъ, можно назвать *уровнемъ прибавочной цѣнности*. Если, напр., перемѣннаго капитала, т. е. денегъ на средства существованія рабочихъ затрачено капиталистомъ 500 рублей и столько же получено прибавочной цѣнности, то уровень этотъ будетъ (500 : 500) = 100%.

Мы видѣли выше, что въ теченіе одной части рабочаго процесса рабочій только производитъ цѣнность своей рабочей силы, т. е. цѣнность необходимыхъ ему средствъ существованія. Работая при условіяхъ общественнаго дѣленія труда, онъ производитъ эти средства не непосредственно, а въ видѣ одного какого-нибудь товара, напр. пряжи, который потомъ пойдетъ въ обмѣнъ за равную цѣнность всѣхъ другихъ нужныхъ ему товаровъ. Употребляемая имъ на это часть рабочаго дня бываетъ то больше, то меньше, смотря по количеству рабочаго времени, содержащагося въ средствахъ его существованія, т. е. по большей или меньшей ихъ дороговизнѣ или дешевизнѣ. Если цѣнность дневного существованія рабочаго представляется, среднимъ числомъ, въ 6 рабочихъ часахъ, то ему слѣдуетъ трудиться, среднимъ числомъ, 6 часовъ въ день, чтобы произвести ее. Столько времени, при наличности прочихъ условій, рабочему пришлось бы трудиться и въ томъ случаѣ, еслибы онъ работалъ не на капиталиста, а совершенно независимо отъ него,—чтобы произвести цѣнность рабочей

что называется собственно оборотнымъ капиталомъ; то, что рабочій производитъ для него, представляетъ тотъ же капиталъ съ присоединеніемъ прибыли".—„Земледѣлецъ", пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (88), „понялъ, что ему слѣдовало употреблять излишекъ хлѣба, остающійся у него, на прокормленіе другихъ людей, которые обработывали бы для него землю и давали бы рожденіе новому хлѣбу... Дѣлая эту операцію, земледѣлецъ превращалъ бы часть своего дохода въ капиталъ; и именно такъ всегда образуется новый капиталъ".—„Но еслибы въ дѣйствительности", говоритъ Рошеръ (Prince. T. I, p. 132—3), „рабочіе различныхъ отраслей промышленности не возстановляли въ цѣнности своихъ продуктовъ ничего кромѣ расхода, сдѣланнаго имъ на свое потребленіе въ продолженіе отправленія труда, то они съ трудомъ нашли бы предпринимателя, который согласился бы давать имъ впередъ капиталъ (?)".

силы и тѣмъ способствовать постоянному воспроизведенію необходимыхъ ему средствъ существованія. Но такъ какъ въ теченіе той части рабочаго дня, когда онъ производитъ стоимость своей рабочей силы, т. е. 90 коп., онъ производитъ только эквивалентъ того, что уже уплатилъ ему капиталистъ, то эта часть производства еще не болѣе, какъ воспроизведеніе потраченнаго. Ту часть рабочаго дня, которая посвящается этому воспроизведенію, можно назвать *необходимымъ рабочимъ временемъ*, а работу, происходящую въ это время,—*необходимою работою*. Слово „необходимый“ имѣетъ въ этомъ случаѣ одинаковое значеніе въ примѣненіи какъ къ рабочему, такъ и къ капиталисту. Для перваго оно необходимо потому, что не находится въ зависимости отъ какихъ бы то ни было общественныхъ формъ производства; для второго же необходимо потому, что *постоянное* существованіе, увѣковѣченіе рабочаго есть основаніе самого капитала. И, напротивъ, дальнѣйшую часть рабочаго дня можно назвать *прибавочнымъ рабочимъ временемъ*, а работу за это время—*прибавочною работою*. Ясно, что между необходимою и прибавочною работою должно существовать то же самое отношеніе, какое существуетъ между перемѣнною долею капитала и прибавочною цѣнностью.

Уровень излишка цѣнности можно назвать вполнѣ точнымъ выраженіемъ степени эксплуатаціи рабочей силы капиталомъ. Но самый учетъ этой эксплуатаціи или уровня прибыли производится капиталистомъ не такъ, какъ это было только что сдѣлано, а потому значительно маскируется. Прибавочная цѣнность ставится капиталистомъ въ отношеніе не къ одному только перемѣнному капиталу, а ко всей совокупности затратъ капиталиста. Такъ, напр., если общая сумма затратъ равна 3.000 рублей, а прибавочной цѣнности получено 540% то, по разсчету капиталиста, онъ получаетъ послѣдней 18%. Но очевидно, что это невѣрно: вся сумма затраченнаго капитала могла состоять въ данномъ случаѣ изъ 2.460 рублей постояннаго и 540 рублей перемѣннаго капитала, и, слѣдовательно, 540 рублей прибавочной цѣнности составляли бы не 18 [1]), а цѣлые 100% (540 : 540), т. е. слишкомъ впятеро, чѣмъ считается обыкновенно.

[1]) Слѣдующій фактическій примѣръ, сообщенный автору *Капитала* однимъ манчестерскимъ фабрикантомъ, превосходно разъясняетъ это дѣло. Прядильня въ 10.000 веретенъ производитъ пряжу № 32 изъ американскаго хлопка по 1 фунту въ недѣлю на каждое веретено. Отбросъ равняется 6%, иными словами, еженедѣльно перерабатывается 10.600 ф. хлопчатой бумаги въ 10.000 ф. пряжи и въ 600 ф. отброса. Въ апрѣлѣ 1871 г. этотъ хлопокъ стоилъ по $7\frac{3}{4}$ пенса за фунтъ, т. е. за 10.600 ф.—342 ф. ст. (круглымъ числомъ). Со включеніемъ машинъ для предшествующихъ прядѣнію процессовъ и паровой машины—10.000 веретенъ стоятъ 10.000 ф. ст. Потребленіе ихъ составляетъ 10% въ годъ или 1.000 фунтовъ, т. е. 20 ф. ст. въ недѣлю. Наемъ фабричнаго зданія обходился въ 300 ф., или въ 6 ф. въ недѣлю. Угля расходовалось по 11 тоннъ въ недѣлю

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію рабочаго дня, т. е. абсолютной величины его, въ теченіе которой осуществляется и необходимая и прибавочная работа. Рабочій день не представляетъ опредѣленной величины. Еще при данной полной цѣнности средствъ существованія можно допустить, что необходимая часть рабочаго дня является опредѣленною величиною. Но зато прибавочная часть его продолжается весьма неопредѣленное время. Вообще, можно признать правиломъ, что необходимое рабочее время есть минимальная доля рабочаго дня, максимальная же зависитъ прежде всего отъ физіологическихъ условій организма, которыя препятствуютъ продолженію работы полные 24 часа въ сутки. Въ томъ же смыслѣ дѣйствуетъ также и нравственная граница, поставляемая необходимостью для рабочаго имѣть время на удовлетвореніе душевныхъ и соціальныхъ потребностей, объемъ и продолжительность которыхъ зависятъ отъ общаго культурнаго состоянія. Но и та и другая граница отличаются значительною эластичностью, такъ что не рѣдкость встрѣтить рабочій *день* въ 16 или 18 часовъ.

Понятно само собою, что чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ выгоднѣе это для капиталиста. Онъ разсуждаетъ въ этомъ отношеніи, какъ покупщикъ цѣлаго дня, и потому всѣми силами вымогаетъ побольше работы. Но, съ другой стороны, ясно, что слишкомъ продолжительная работа преждевременно истощаетъ организмъ и, уменьшая среднюю продолжительность жизни рабочаго, лишаетъ его и той части платы, которая приходилась бы ему за остальные годы жизни, при менѣе продолжительной работѣ. Поэтому и рабочій (съ экономической точки зрѣнія, не говоря уже о нравственной) является болѣе, нежели правымъ, когда онъ настаиваетъ на уменьшеніи рабочаго дня, на установленіи нормальнаго рабочаго дня. Столь равноправный споръ рѣшаетъ сила: что же касается Великобританіи, то частичное разрѣшеніе этого вопроса дало фабричное законодательство. Но, несмотря на существованіе фабричныхъ постановленій, которыя ограничиваютъ норму рабочаго дня, если не изъ видовъ сентиментальной бла-

(4 фунта въ часъ на лошадиную силу—на 100 лошадиныхъ силъ и на 60 часовъ въ недѣлю, со включеніемъ отопленія зданія), по 8 ш. 6 п. тонна, круглымъ числомъ, по 4 ф. 10 шилл. въ недѣлю, газъ 1 ф. ст. въ недѣлю, весь вспомогательный матеріалъ—10 ф., масло 4 ф. 10 ш. Рабочая плата достигаетъ 52 ф. а, слѣдовательно, прибавочная была $12\frac{1}{4}$ пенсовъ за 1 ф. или 510 ф. ст. за 10 000 ф., въ недѣлю. Цѣна пряжи, цѣнность, составляла 510—430=80 ф. ст. Оставляя постоянную долю капитала, мы находимъ, что въ недѣлю производится 132 ф. ст.= 52 ф. перемѣннаго капитала+80 ф. ст. прибавочной цѣнности. Итакъ, уровень прибавочной цѣнности достигаетъ въ данномъ случаѣ громадной цифры 80,52 или $153\frac{11}{13}\%$. При среднемъ десятичасовомъ рабочемъ днѣ это даетъ 3 часа 50 минутъ необходимой работы и 6 час. 4 минуты прибавочной работы въ день. Вотъ каковъ бываетъ въ дѣйствительности общій уровень прибыли!

готворительности, то изъ страха передъ рабочимъ движеніемъ, съ одной стороны, и передъ вырожденіемъ населенія, съ другой, — мануфактуристы и фабриканты все же продолжаютъ стремиться къ удлиненію рабочаго дня. Такъ, напримѣръ, по донесеніямъ фабричныхъ инспекторовъ, они старались отщипывать у рабочихъ когда 10, когда 15, когда 20 минутъ, и этимъ способомъ успѣвали удлинять работу на 5—6 часовъ въ недѣлю противъ установленной закономъ нормы. То же стремленіе высказывалось и въ эпохѣ кризисовъ, когда, казалось бы, по сообщеніямъ инспекторовъ, не было надобности работать излишнее время, потому что и безъ того оставляли за штатомъ массу рабочихъ, а, между тѣмъ, занятые рабочіе все же трудились дольше узаконеннаго времени.

Насколько дѣло идетъ о самой исторіи фабричныхъ постановленій и рабочаго дня въ Соединенномъ Королевствѣ, мы не станемъ останавливаться на ней, отсылая читателя къ самому *Капиталу*, въ которомъ вопросъ этотъ разсматривается столь же основательно и интересно, какъ и всѣ прочіе. Оставляя теперь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, въ сторонѣ богатѣйшій фактическій матеріалъ автора *Капитала*, мы имѣемъ въ виду сблизить по возможности тѣснѣе теоретическія изслѣдованія автора и тѣмъ сообщить имъ болѣе рельефности. Упомянемъ только нѣсколько руководящихъ фактовъ, назначеніе которыхъ—уяснить общій ходъ движенія въ пользу рабочаго дня.

Установленіе нормальнаго рабочаго дня составляетъ въ Великобританіи результатъ четырехсотлѣтней борьбы между рабочимъ и капиталистомъ. На первыхъ порахъ развитія капиталистическаго производства требованія капитала не ограничиваются добровольными экономическими возможностями и соглашеніями, а опираются на силу закона. Начиная съ XIV и до конца XVII столѣтія, капиталъ стремится къ удлиненію рабочаго дня, при помощи законодательства, такъ какъ частныя усилія, направленныя къ этой цѣли, не перестаютъ разбиваться о сопротивленіе рабочихъ. То, что въ настоящее время, напримѣръ, въ штатѣ Массачузетсъ—до послѣдняго времени самомъ свободномъ штатѣ Сѣв. Америки—объявляется государствомъ какъ максимальный предѣлъ работы дѣтей ниже 12-лѣтняго возраста, то еще въ срединѣ XVII столѣтія было нормальнымъ рабочимъ днемъ силачей и исполиновъ-ремесленниковъ и земледѣльческихъ чернорабочихъ. Первый статутъ рабочихъ въ Англіи (23 Эдуарда III, 1349) имѣлъ непосредственнымъ поводомъ большую чуму, сильно уменьшившую народонаселеніе. Подъ вліяніемъ этого уменьшенія, сдѣлалось, по словамъ одного торійскаго писателя, весьма затруднительно находить въ работу людей по „сноснымъ цѣнамъ“. Поэтому-то

сносная заработная плата была предписана закономъ вмѣстѣ съ границами рабочаго дня. Это послѣднее повторено было потомъ въ статутѣ 1496 (при Генрихѣ VIII). Рабочій день для всѣхъ ремесленниковъ и земледѣльческихъ рабочихъ съ марта по сентябрь опредѣлялся отъ 5 час. утра до 7—8 час. вечера, но зато на принятіе пищи — завтрака, обѣда, полдника — давалось цѣлыхъ три часа, т. е. вдвое больше нынѣшняго. Зимою слѣдовало работать отъ 5 час. утра до темноты, съ такими же промежутками. Дальнѣйшій статутъ Елисаветы, 1562 года, оставляетъ продолжительность дня нетронутою, но зато уменьшаетъ время для принятія пищи лѣтомъ до $2^1/_2$, а зимою до 2 часовъ. На практикѣ было и того легче. Такъ, напримѣръ, Петти въ одномъ изъ своихъ сочиненій конца XVII столѣтія говоритъ, что въ его время земледѣльческій рабочій трудился въ день десять часовъ.

Еще въ теченіе большей части XVIII столѣтія до наступленія эпохи крупной промышленности, капиталу не удавалось въ Англіи за уплату недѣльной цѣнности рабочей силы овладѣть всею недѣлею рабочаго времени. Одно то обстоятельство, что, трудясь четыре дня, можно было существовать за это цѣлую недѣлю, еще не казалось рабочему достаточнымъ поводомъ работать и остальные два дня на капиталиста же. Это своеволіе служило предметомъ самыхъ ожесточенныхъ нападокъ одной части экономистовъ того времени, укорявшихъ рабочій классъ въ лѣности, распущенности и опасныхъ замыслахъ, между тѣмъ какъ другіе, наоборотъ, доказывали, что только благодаря отдыху и развлеченіямъ англійскій рабочій отличается свойственною ему ловкостью и геніальностью, столь необходимою для процвѣтанія британской торговли и пр. Увлеченный подобнымъ споромъ, безыменный авторъ сочиненія „Опытъ о ремеслахъ и о торговлѣ", 1770, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ противниковъ досуга рабочихъ — рекомендуетъ для исправленія лѣнивыхъ и романтиковъ устроить особый *идеальный* рабочій домъ, который бы сталъ домомъ *ужаса*. Всего замѣчательнѣе то, что въ подобномъ домѣ ужаса рабочіе, по мнѣнію автора, должны трудиться *не менѣе* 12 часовъ въ день. Такимъ образомъ, даже пылая ревностнымъ капиталистическимъ гнѣвомъ, человѣкъ второй половины XVIII столѣтія не могъ вообразить себѣ сильнѣйшаго наказанія, какъ 12 часовъ работы въ день! Между тѣмъ, цѣлыхъ 60 лѣтъ спустя, а именно въ 1833 году, англійскій парламентъ понизилъ до той же цифры 12 часовъ работу даже не взрослыхъ людей, а подростковъ отъ 13 до 18 лѣтъ! Таковы-то непомѣрные успѣхи, сдѣланные въ этотъ непродолжительный срокъ капиталистическимъ производствомъ этой страны. Дальнѣйшее законодательство, мало-по-малу распространившееся на большую часть ремесленныхъ, мануфактурныхъ и фабричныхъ заведеній страны, еще

нѣсколько понизило эту норму, а именно,—до 10 часовъ въ день, со включеніемъ въ число подлежащихъ покровительству правительства личностей, помимо дѣтей и подростковъ, также и совершеннолѣтнихъ женщинъ; что же касается другихъ странъ Европы, то въ нихъ нормальный рабочій день выше. Такъ, напримѣръ, во Франціи, послѣ водворенія Людовика-Наполеона, рабочіе единогласно кричали, что законъ, *сокращающій* рабочій день до 12 часовъ, есть единственное благо, оставшееся имъ отъ республики, а 23 года спустя, въ 1874 году законъ опять-таки запрещаетъ дѣтямъ 12-лѣтняго возраста работать дольше 12 часовъ въ день. Тѣ же 12 часовъ фигурировали въ Цюрихѣ для дѣтей старше 10-лѣтняго возраста, въ Аарку для дѣтей отъ 14 до 16 лѣтъ, и только по новому федеральному закону Швейцаріи нормальный рабочій день для рабочихъ всѣхъ возрастовъ и половъ опредѣленъ въ 11 часовъ. Какъ ни кратки всѣ эти данныя, все же они достаточно ясно показываютъ, что продолжительный рабочій день и капиталистическое производство до извѣстной степени одно и то же, и что въ одно только XIX столѣтіе капитализму удалосьвъ этомъ отношеніи достигнуть болѣе значительныхъ успѣховъ, чѣмъ въ нѣсколько предыдущихъ. Именно эти-то успѣхи и нашли себѣ болѣе или менѣе удачную реакцію въ фабричномъ законодательствѣ да еще въ дѣятельности союзовъ сопротивленія.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ весьма важныхъ обобщеніяхъ, находящихся въ связи съ понятіями объ уровнѣ и массѣ прибавочной цѣнности и прибавочнаго труда.

Всѣ предыдущія изслѣдованія, точно такъже, какъ и тѣ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, опираются на предположеніе, что необходимая часть рабочаго дня, т. е. та, которая употребляется рабочимъ на воспроизведеніе заработной платы, составляетъ постоянную величину. При такомъ предположеніи прежде всего совершенно очевидно, что если намъ извѣстенъ *уровень* прибавочной цѣнности, то извѣстно и общее количество, масса ея. Такъ, напримѣръ, если необходимое время представляетъ 5 часовъ въ день и именуется *однимъ* рублемъ, то, слѣдовательно, одинъ рубль составляетъ и перемѣнную долю капитала. Если, далѣе, извѣстно, что уровень прибавочной цѣнности есть 100%, то, слѣдовательно, при помощи *одного* рубля перемѣннаго капитала производится *одинъ* рубль прибавочной цѣнности, или, что то же самое, рабочій ежедневно расходуетъ 6 часовъ прибавочнаго времени. Но перемѣнный капиталъ есть денежное наименованіе цѣнности не одной только рабочей силы, а всѣхъ силъ, одновременно употребляемыхъ въ дѣло. Если дневная цѣнность рабочей силы есть одинъ рубль, то, слѣдовательно, необходимо затратить 100 рублей, чтобы дать занятіе 100 рабочимъ силамъ, и т. д. Такимъ же образомъ, если уровень

прибавочной цѣнности въ 100% въ первомъ случаѣ служитъ обезпеченіемъ, что общее количество послѣдней равняется одному рублю, то ясно, что, при затратѣ въ дѣло 100 рабочихъ силъ, тотъ же самый уровень прибавочной цѣнности въ 100% даетъ указаніе, что общая масса ея равна 100 рублямъ.

Все это нужно было отмѣтить вотъ почему. Изъ данной связи между уровнемъ и массою прибавочной цѣнности слѣдуетъ, что въ производствѣ прибавочной цѣнности уменьшеніе одного изъ этихъ факторовъ можетъ быть возмѣщеніемъ другого. Такъ, если перемѣнный капиталъ будетъ уменьшенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поднимется уровень прибавочной цѣнности, то общее количество прибавочной цѣнности можетъ оставаться безъ измѣненія. При 100, напр., рубляхъ капитала уровень прибавочной цѣнности можетъ доставлять 50%, а слѣдовательно, и 50 рублей. Это значитъ, что рабочіе трудятся 6 часовъ на себя и 3—на капиталиста. Но если увеличится вдвое уровень прибавочной цѣнности, т. е. рабочій день возростетъ до 12 часовъ, то ясно, что даже уменьшенный вдвое, т. е. до 50 рублей, перемѣнный капиталъ дастъ, по прежнему, 50 рублей прибавочной цѣнности. Говоря иначе, уменьшеніе капиталистомъ размѣровъ перемѣннаго капитала можетъ для него возмѣщаться увеличеніемъ рабочаго дня, или же онъ можетъ наверстать потерю прибавочной цѣнности, причиненную ему отпускомъ извѣстнаго числа рабочихъ (въ данномъ случаѣ 50), болѣе продолжительною работою остальныхъ. Такимъ образомъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, *предложеніе работы не находится въ зависимости отъ числа рабочихъ*, т. е. меньшее ихъ число можетъ доставить столько же прибавочной цѣнности, работая дольше. Точно также и наоборотъ.—уменьшеніе уровня прибавочной цѣнности можетъ не сопровождаться уменьшеніемъ ея количества, если одновременно съ этимъ увеличивается перемѣнный капиталъ, или, что одно и то же, число одновременно занятыхъ рабочихъ. Ясно, однако же, что удлиненіе дня все же имѣетъ непосредственныя физіологическія границы, и что рабочій день не можетъ постоянно длиться полные 24 часа. Въ этихъ-то границахъ и слѣдуетъ понимать всѣ предъидущія соотношенія. Это очень важно имѣть въ умѣ для объясненія многихъ важныхъ явленій, которыя возникаютъ изъ стремленія капиталиста производить какъ можно больше прибавочной цѣнности, которая, какъ мы уже знаемъ, получается только отъ прибавочныхъ часовъ работы и, слѣдовательно, возрастаетъ вмѣстѣ съ числомъ рабочихъ.

Мы видѣли, что, кромѣ перемѣнной доли капитала, въ производство входитъ еще и постоянная, т. е. орудія производства, вспомогательный и сырой матеріалъ. Пропорція между той и другою зави-

ситъ отъ техническихъ условій, и для каждой отрасти промышленности она бываетъ особая. Но каково бы ни было отношеніе постоянной доли къ перемѣнной—$1:2, 1:10, 1:x$, во всякомъ случаѣ остается справедливымъ тотъ законъ, который выведенъ выше, и который можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: при данной цѣнности рабочей силы и одинаковой степени ея эксплуатаціи (т. е. продолжительности прибавочнаго времени), производимыя при помощи различныхъ капиталовъ количества цѣнности и прибавочной цѣнности относятся между собою, какъ величины *перемѣнныхъ частей* этихъ капиталовъ, т. е. тѣхъ частей ихъ, которыя превращаются въ живую рабочую силу. Это станетъ совершенно понятнымъ, если вспомнить, что прибавочная цѣнность дается исключительно живою рабочею силою, а слѣдовательно,—исключительно перемѣннымъ капиталомъ, который вѣдь потому такъ и называется, что увеличивается въ процессѣ производства. И напротивъ, постоянный капиталъ, т. е. продуктъ прежняго, мертваго труда, только переноситъ свою цѣнность на окончательный продуктъ, только сохраняетъ или повторяетъ ее въ немъ.

Законъ этотъ, повидимому, противорѣчитъ опыту, основанному на очевидности. Всякому извѣстно, что хотя хлопчатобумажный фабрикантъ и употребляетъ постояннаго капитала сравнительно больше, чѣмъ, напр., булочникъ, но не получаетъ, вслѣдствіе этого, меньше прибыли, чѣмъ послѣдній, а между тѣмъ, это должно бы быть именно такъ, если принять во вниманіе, что прибыль дается однимъ только перемѣннымъ капиталомъ. Противорѣчіе это авторъ обѣщалъ разъяснить во второмъ томѣ *Капитала*.

Изъ предыдущихъ изслѣдованій можно заключить, что не всякая сумма денегъ можетъ быть обращена въ капиталъ, но что для этого необходимъ извѣстный минимумъ денегъ въ рукахъ отдѣльнаго капиталиста. Этотъ минимумъ измѣняется на различныхъ ступеняхъ капиталистическаго производства и смотря по отрасли промышленности. Средневѣковому мастеру достаточно было имѣть столько денегъ, чтобы пустить въ ходъ двѣ-три рабочія силы и снабдить ихъ орудіями, но при этомъ не могло быть и рѣчи объ увеличеніи капитала,—самъ мастеръ едва только могъ существовать на получаемую отъ нихъ прибыль, да еще работалъ и лично. Но при большемъ развитіи капитализма хозяину уже невыгодно вмѣшиваться въ подобную работу самому: все его время должно поглощаться контролемъ надъ работою другихъ и продажею продуктовъ этой работы. Поэтому тутъ ужъ денегъ въ однѣхъ рукахъ должно быть соединено болѣе, и какъ число рабочихъ въ одной мастерской также возрастаетъ, то лишь въ этотъ періодъ возникаетъ настоящій капиталъ, не только дающій хозяину возможность существовать на прибыль, но, что еще важнѣе,

постоянно растущій въ объемѣ. Нѣкоторыя отрасли производства требуютъ, правда, при самомъ своемъ возникновеніи столь значительнаго капитала, какого еще не можетъ быть въ эту эпоху въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. Это служитъ поводомъ къ предоставленію частнымъ лицамъ государственныхъ субсидій (Кольберъ), а частью, и къ основанію привилегированныхъ компаній—предшественницъ новѣйшаго акціонернаго общества.

Мы разсматривали до сихъ поръ необходимую часть рабочаго дня, какъ только постоянную величину. Сверхъ этой доли дня рабочій могъ трудиться 2, 3, 4, 6 и т. д. часовъ прибавочнаго времени. Отъ размѣра этого удлиненія работы зависѣли уровень прибавочной цѣнности и длина рабочаго дня. Но мы сейчасъ покажемъ, что рабочій день можетъ оставаться неизмѣннымъ, а прибавочное время все же можетъ возрастать.

Намъ извѣстно, что длина необходимаго рабочаго времени зависитъ отъ цѣны средствъ существованія, поддерживающихъ жизнь рабочаго, что она больше, когда средства эти дороже, и меньше, когда они дешевле. Это составляетъ естественный результатъ того обстоятельства, что дешевизна или дороговизна средствъ существованія есть сама только денежное наименованіе содержащагося въ нихъ рабочаго времени, и что необходимое рабочее время должно, по меньшей мѣрѣ, равняться этому послѣднему, чтобы возмѣстить или воспроизвести продуктъ его. Если теперь предположить, что капиталистъ не доплачиваетъ рабочему полной стоимости его средствъ существованія, т. е. чрезмѣрно истощаетъ его рабочую силу, то понятно, что онъ такимъ образомъ увеличитъ прибавочное время на счетъ необходимаго. Но хотя этотъ способъ увеличенія капитала и играетъ весьма важную роль въ дѣйствительности, мы не можемъ разсматривать здѣсь этого случая, такъ какъ, согласно нашему предположенію, всѣ товары, а въ томъ числѣ и рабочая сила, обмѣниваются по полнымъ количествамъ въ нихъ труда. Такимъ образомъ, для того, чтобы прибавочное время, при одномъ и томъ же рабочемъ днѣ, увеличилось на счетъ необходимаго, потребно уменьшеніе самой цѣнности рабочей силы, т. е. *удешевленіе средствъ существованія рабочаго*. Но это, въ свою очередь, невозможно безъ увеличенія производительной силы труда, т. е. такой перемѣны въ рабочемъ процессѣ, которая сокращаетъ рабочее время, потребное для производства единицы товара. Итакъ, для увеличенія этимъ путемъ прибавочной цѣнности капиталисту недостаточно овладѣть существующимъ стародавнимъ способомъ техники: ему необходимо еще измѣнить техническія и общественныя условія рабочаго процесса, для увеличенія производительной силы самого труда, подъ вліяніемъ чего уменьшилась бы цѣнность рабочей силы, а вмѣстѣ съ нею и необходимое рабочее время.

Ясное дѣло, что увеличеніе производительности труда, для того, чтобы привести ихъ къ упомянутому результату, должно охватывать именно производство тѣхъ необходимыхъ предметовъ, которые потребляются рабочимъ классомъ, а не производство предметовъ роскоши, т. е. потребленія людей богатыхъ. Но зато въ этихъ предѣлахъ увеличеніе это имѣетъ одинаковое значеніе, все равно, простирается-ли или на орудія, или на процессы непосредственнаго производства. Такъ, напр., окончательная цѣна сапогъ зависитъ не только отъ работы сапожника, но также и отъ того количества работы, которое содержится въ дратвѣ, смолѣ, колодкахъ и пр. Пониженіе всего этого, вмѣстѣ и порознь, уменьшаетъ соотвѣтственно и необходимое рабочее время.

Взглянемъ теперь ближе, какъ совершается это явленіе. Если 20 коп. равняются одному часу работы, то 2 р. 40 коп. будутъ равняться 12-часовому рабочему дню. Положимъ, что при данныхъ техническихъ условіяхъ въ эти 12 часовъ производится 12 штукъ какого-нибудь товара. Положимъ, также, что сырой матеріалъ, орудія производства и пр. обходятся на каждую штуку товара въ 20 коп. При такихъ обстоятельствахъ штука товара будетъ стоить 40 коп., въ томъ числѣ 20 за непосредственную работу и 20 за матеріалъ и орудія. Положимъ, далѣе, что капиталисту удалось удвоить производительную силу работы въ своемъ предпріятіи, т. е. достигнуть производства 24 штукъ товара, вмѣсто 12. Если орудія производства остались въ прежней цѣнѣ, то очевидно, что цѣна каждой штуки товара упадетъ вслѣдствіе этого до 30 коп. (20 коп. за орудія и матеріалъ и 10 коп. за непосредственную работу). Несмотря на то, что производительность труда удвоилась, въ теченіе рабочаго дня производится прежняя цѣнность въ 2 р. 40 к., которая теперь распредѣляется на двойное количество произведеній, уменьшая тѣмъ вдвое цѣну каждаго изъ нихъ. Итакъ, въ данномъ предпріятіи товаръ обходится вдвое дешевле, чѣмъ во всѣхъ другихъ той же категоріи. Но мы уже знаемъ, что рынку нѣтъ дѣла до индивидуальныхъ условій и производства, что онъ цѣнитъ товаръ сообразно съ общественно-необходимымъ и дѣйствительно употребляемымъ въ большинствѣ хозяйствъ рабочимъ временемъ. Итакъ, если нашему капиталисту удастся продавать свой товаръ по господствующей цѣнѣ въ 40 коп., то онъ на каждой штукѣ его заработаетъ 10 копѣйками болѣе, чѣмъ его товарищи. Но очевидно, что для этого ему необходимо сдѣлать все количество вновь произведеннаго товара, а это не такъ легко, потому что оно теперь вдвое больше прежняго. Единственное средство—это продать свой товаръ нѣсколько дешевле своихъ конкуррентовъ, напр., по 35 коп., и тѣмъ выбить часть ихъ товара съ рынка. Онъ такъ и поступаетъ и выручаетъ на каждой штукѣ по 5 коп. прибавочной, сравнительно съ товарищами, цѣнности.

Мы видимъ въ этомъ чрезвычайно сильный индивидуальный стимулъ для каждаго капиталиста къ увеличенію производительности труда, т. е. ко введенію въ производство техническихъ усовершенствованій.

Даже въ этомъ индивидуальномъ случаѣ, вмѣстѣ съ удешевленіемъ товара, достигалось также до извѣстной степени и уменьшеніе необходимаго рабочаго времени. Если необходимое время было вначалѣ 10 часовъ и стоило 2 рубля, то прибавочное время было, значитъ, 2 часа, а прибавочная цѣнность—40 коп. Такимъ образомъ необходимое время составляло $^5/_6$ всего рабочаго дня. Но теперь нашъ капиталистъ производитъ товара вдвое больше прежняго—24 штуки, и продаетъ его за 8 р. 40 коп. (2×435). Еслибы часть изъ этой суммы на орудія и на матеріалъ была также вдвое больше прежняго, т. е. 4 р. 80 к., то за непосредственную работу останется полной выручки 3 р. 60 к., вмѣсто прежнихъ 2 р. 40 к. Но такъ какъ рабочему по прежнему платится только два рубля, то, слѣдовательно, нынѣшнее необходимое время опредѣлится изъ отношенія 2 р. къ 3 р. 60 к., т. е. будетъ всего $^5/_9$ рабочаго дня или 6 час. 40 м., вмѣсто прежнихъ 10. Понятно, что прибавочное время въ послѣднемъ случаѣ, наоборотъ, возвысится отъ $^1/_6$ до $^4/_9$ или отъ 2 час. до 5 час. 20 мин., т. е. болѣе $2^1/_2$ разъ. Въ этомъ-то увеличеніи прибавочнаго времени на счетъ необходимаго и лежитъ отчасти для капиталиста интересъ усовершенствованія, такъ какъ, чѣмъ больше прибавочное время, при прочихъ равныхъ условіяхъ, тѣмъ больше и количество прибавочной цѣнности. Несмотря на всю очевидность этого разсчета, переведемъ для большей наглядности всѣ упомянутыя цифры рабочихъ часовъ на цифры штукъ товара, чтобы показать, въ какой пропорціи происходитъ самый раздѣлъ продукта между капиталистомъ и рабочимъ до усовершенствованія и послѣ введенія его. Въ первомъ случаѣ, согласно условію, рабочему доставалось изъ 12 штукъ 5, а капиталисту 1 (остальныя 6 возмѣщали постоянный капиталъ). Во второмъ случаѣ доля рабочаго поднимется до $5^5/_7$ штукъ, капиталистъ же получитъ $4_{4/7}$ штуки—изъ 24 (отличая $13^5/_7$ на возмѣщеніе вдвое большаго постояннаго капитала) [1]). Не трудно видѣть отсюда, что выигрышъ капиталиста на количествѣ продукта оказывается еще больше, чѣмъ на рабочемъ времени.

Само собою разумѣется, что какъ только техническое усовершенствованіе потеряетъ свой индивидуальный характеръ и распространится по всѣмъ предпріятіямъ одной категоріи, то вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится существованіе и того источника прибавочнаго барыша для отдѣльнаго капиталиста, о которомъ мы только что говорили. А ужъ другіе капиталисты съумѣютъ настоять на такомъ распростра-

[1]) Въ основаніе этихъ вычисленій легли отношенія цѣны общей массы продукта и частей его, при прежнихъ и при новыхъ условіяхъ.

неніи, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, имъ придется расплачиваться убытками и потерею части сбыта. Въ концѣ концовъ всѣ капиталисты останутся въ барышахъ настолько, въ какой мѣрѣ новое усовершенствованіе будетъ способствовать уменьшенію необходимой доли рабочаго дня и соотвѣтственному удешевленію средствъ существованія рабочихъ. Явленіе это даетъ намъ ключъ къ разъясненію весьма страннаго на первый взглядъ внутренняго стремленія всего класса капиталистовъ — вводить въ производственные процессы непрерывныя усовершенствованія въ видахъ увеличенія производительности труда. Одно это явленіе можетъ разрѣшить намъ загадку, почему капиталистъ, какъ бы въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, постоянно стремится удешевлять производство. Дѣло въ томъ, что *абсолютная цѣна* предметовъ его производства не имѣетъ для капиталиста ни малѣйшаго значенія: ему рѣшительно все равно, дорого или дешево продается на рынкѣ каждый *отдѣльный экземпляръ* принадлежащаго ему товара. Все, что его интересуетъ, это размѣръ прибавочной цѣнности, т. е. отношеніе его собственной доли въ цѣнѣ ко всѣмъ прочимъ составнымъ частямъ ея. Такимъ образомъ понятно, что если удешевленіе товара обѣщаетъ капиталисту увеличеніе этой доли, или прибавочной цѣнности, то онъ не остановится ни передъ чѣмъ на свѣтѣ, стремясь къ подобному удешевленію. Вотъ почему онъ такъ ревностно хватается за всякое изобрѣтеніе и улучшеніе, при помощи которыхъ возрастаетъ производительная сила труда, а слѣдовательно, и количество продукта. Но, съ другой стороны, предъидущія соображенія и изслѣдованія убѣждаютъ насъ еще въ томъ, что непосредственное слѣдствіе всякаго усовершенствованія — экономія въ трудѣ, нисколько не сокращаетъ рабочаго дня при капиталистическомъ производствѣ. Она сокращаетъ только рабочее время, потребное на производство единицы товара. То обстоятельство, что, при увеличеніи производительности своего труда, рабочій производитъ въ 1 часъ, напр., въ десять разъ больше прежняго, нисколько не мѣшаетъ ему работать тѣ же 12 часовъ и производить въ теченіе этого времени 1.200 штукъ товара вмѣсто 120. Еще болѣе: одновременно съ этимъ его рабочій день можетъ быть даже удлиненъ, такъ что въ 14 часовъ онъ будетъ изготовлять 1.400 штукъ товара и т. п. Поэтому-то у экономистовъ ошибка Макъ-Куллоха, Ура, Сеньора и пр. можно на одной страницѣ прочесть, что рабочій долженъ быть благодаренъ капиталу за развитіе производительной силы труда, потому что капиталъ сокращаетъ необходимое время, а на другой, — что эту благодарность еще остается доказывать, потому что, вмѣсто прежнихъ 10 часовъ, рабочій трудится, при господствѣ капитализма, 15.

Существуетъ множество способовъ увеличивать прибавочную

часть рабочаго дня на счетъ необходимой, оставляя безъ измѣненія общую норму рабочаго дня. Въ числѣ этихъ способовъ преобразованіе *общественныхъ* условій производства играетъ одну изъ самыхъ важныхъ ролей. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ прежде всего вниманія *кооперація*, или, выражаясь языкомъ Милля и Уэкфильда, простая кооперація.

Расширяя, при посредствѣ простой кооперації, поле непосредственно находимой имъ въ дѣйствительности ремесленной промышленности, капиталъ достигаетъ прежде всего только нѣкоторой количественной разницы, происходящей отъ простого увеличенія числа рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, даже при одномъ только увеличеніи числа *однородныхъ* рабочихъ, являются нѣкоторыя спеціальныя условія, увеличивающія производительность труда въ большей пропорціи, чѣмъ на сколько возросло само число рабочихъ. Такъ, напр., входя составною частью въ общую массу труда всѣхъ рабочихъ, трудъ каждаго отдѣльнаго рабочаго впервые пріобрѣтаетъ дѣйствительно качества труда средняго, общественнаго и теряетъ недостатки труда индивидуальнаго. Еще политику Бёрке удалось подмѣтить, что, среднимъ числомъ, пять самыхъ *лучшихъ* земледѣльческихъ рабочихъ въ Англіи сдѣлаютъ дѣла не больше, чѣмъ пять *всякихъ другихъ*; слѣдовательно, даже для столь ничтожнаго числа кооперирующихъ рабочихъ получается уже *общественное* возмѣщеніе слабосильности одного силою другого. И это совершенно понятно. Тотъ или другой отдѣльный рабочій можетъ произвести въ теченіе 12 часовъ меньше, нежели другой, и при изолированномъ трудѣ онъ понесетъ отъ этого убытокъ. При общественной же работѣ недостатки и излишки нейтрализируютъ одни другіе, такъ что образуется родъ взаимнаго страхованія, плодами котораго, при капиталистическомъ производствѣ, пользуется капиталистъ. Когда одинъ ремесленникъ дастъ работу двумъ подмастерьямъ, а другой—также двумъ, то ясно, что оба они не могли бы произвести одинаковое количество продукта вообще и прибавочнаго въ частности. Были бы индивидуальныя уклоненія, благодаря различію подмастерьевъ въ ловкости, въ силѣ; одинъ тратилъ бы на дѣло общественно-необходимое рабочее время, другой—больше, а слѣдовательно, были бы убытки для одного мастера и барыши для другого. Для общества въ цѣломъ составѣ этого различія не существуетъ,—его сглаживаетъ рынокъ,—но для отдѣльныхъ мастеровъ оно имѣетъ громадное положительное или отрицательное значеніе. Совсѣмъ другое дѣло—кооперація рабочихъ подъ наблюденіемъ одного капиталиста: здѣсь плюсъ и минусъ выработки отдѣльныхъ рабочихъ возмѣщаются до выхода изъ мастерской, и хотя, напр., при 12 работникахъ $\frac{1}{12}$ продукта, другой больше, третій меньше, но въ цѣломъ каждый доставляетъ столько же работы, сколько и другой.

Только въ этомъ случаѣ общественно-необходимое рабочее время начинаетъ *дѣйствительно* расходоваться на предметъ, только тутъ мы встрѣчаемъ полное измѣреніе трудомъ продуктовъ. Понятно, какую добавочную выгоду даетъ это обстоятельство капиталисту: онъ совсѣмъ не подвергается риску, котораго страшно опасается мелкій мастеръ,—вынести на рынокъ произведенія болѣе дорогія, или сдѣланныя хуже, чѣмъ у сосѣдей, и потерять часть цѣны или покупателей по одной этой причинѣ.

Дальнѣйшія первоначальныя выгоды простой кооперации еще тѣ, что при ней употребляются въ дѣло общіе постройки, склады для сырого матеріала, сосуды, инструменты, аппараты и пр. Все это способствуетъ удешевленію орудій производства, т. е. допускаетъ возможность переносить на окончательный продуктъ меньше цѣнности постояннаго капитала, отъ чего удешевляется и самъ продуктъ. Дѣйствіе кооперации въ этомъ случаѣ то же самое, какъ еслибы сами орудія производства обходились дешевле въ изготовленіи.

Но самая важная и основная выгода простой кооперации— это громадное сбереженіе силы, какъ подъ вліяніемъ развитія коллективной силы массъ, свойственной также и кооперации, такъ и подъ вліяніемъ нравственнаго момента—соревнованія. Все это сбереженіе, совершенно подобное тому, которое получается среди богатой внѣшней природы, или отъ примѣненія къ дѣлу различныхъ техническихъ усовершенствованій, при капиталистическомъ производствѣ ведетъ не къ сокращенію рабочаго дня, а единственно къ увеличенію количества произведеній. Само собою разумѣется, что, въ силу соединенія различныхъ поименованныхъ выше выгодъ, какой-нибудь полуторастачасовой совокупный рабочій день пятнадцати рабочихъ доставитъ гораздо больше произведеній, чѣмъ столь же продолжительный рабочій день пятнадцати рабочихъ, трудящихся отдѣльно. Вотъ этотъ-то излишекъ произведеній — результатъ даровой общественной силы—и попадаетъ въ руки капиталиста подъ видомъ увеличенія прибавочной части рабочаго времени на счетъ необходимой его части, при одинаковой съ прежнимъ продолжительности цѣлаго рабочаго дня.

Простая кооперація особенно примѣнима въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо выполнить единовременно какое-нибудь обширное дѣло, причемъ единовременность требуется какъ самою природою этого дѣла, напр., кладка стѣнъ, такъ и настоятельною необходимостью, напр., жатва, косьба сѣна и пр. Именно вслѣдствіе отсутствія возможности примѣнить къ дѣлу простую кооперацію, гибнетъ на западѣ Соединенныхъ Штатовъ громадная масса сѣна и хлѣба на корню, а въ англійской Остъ-Индіи — хлопчатой бумаги.

Итакъ, выгоды, приносимыя простою кооперацією, имѣютъ ха-

рактеръ неодинаковый. Но каково бы ни было различіе между ними, всѣ онѣ въ послѣднемъ счетѣ сводятся къ одному общему источнику—*общественному сложенію работы*, дающему возникновеніе специфической производительности труда, въ отличіе отъ производительности послѣдняго, сообщаемой богатствомъ внѣшней природы и техническими улучшеніями. „Въ планомѣрномъ сотрудничествѣ съ другими личностями, рабочій переходитъ за предѣлъ своей индивидуальности и развиваетъ свойственныя ему *родовыя* способности".

Чтобы пустить въ движеніе кооперацію большого числа рабочихъ, необходимъ соотвѣтствующій капиталъ. Онъ является неизбѣжнымъ условіемъ не только для того, чтобы дать средства существованія самимъ рабочимъ, но также и для пріобрѣтенія орудій, построекъ и матеріала, объемъ которыхъ при кооперації возрастаетъ въ гигантскомъ размѣрѣ. Мы видѣли, что при самомъ возникновеніи капитализма необходима извѣстная минимальная величина капитала, чтобы число одновременно трудящихся рабочихъ было достаточно для доставленія возможности мелкому мастеру сдѣлаться капиталистомъ. Теперь мы замѣчаемъ, что этотъ минимумъ является вдобавокъ матеріальнымъ условіемъ для соединенія многихъ разъединенныхъ и независимыхъ другъ отъ друга индивидуальныхъ рабочихъ процессовъ въ комбинированный общественный рабочій процессъ.

Такимъ же образомъ распоряженіе капитала надъ трудомъ является первоначально простымъ послѣдствіемъ того, что рабочій начинаетъ работать, вмѣсто того, чтобы на себя,—на капиталиста. Но, по мѣрѣ соединенія въ кооперацію бо́льшаго числа рабочихъ, распоряженіе капитала начинаетъ становиться техническимъ условіемъ самого производительнаго процесса. Власть капиталиста на полѣ труда является поэтому столь же необходимою, какъ и власть генерала на полѣ битвы. Всякая широкая общественная работа нуждается въ управленіи, которое вносило бы гармонію въ индивидуальную дѣятельность и выполняло бы общія функціи, вытекающія изъ движенія совокуннаго производственнаго механизма, въ отличіе отъ движенія отдѣльныхъ частей его. Одинъ скрипачъ дирижируетъ собою самъ, но оркестръ нуждается въ особомъ дирижерѣ. Эти-то функціи надзора, распоряженія, посредничества становятся функціями капиталиста, какъ только употребляемая имъ въ дѣло работа становится кооперативною. Понятно, что эти функціи отличаются двоякимъ характеромъ. Съ одной стороны, онѣ представляютъ общественно-техническую необходимость всякаго общественнаго производства, а въ томъ числѣ и капиталистическаго: съ другой же стороны, они, какъ и весь капиталистическій процессъ, носятъ слѣды антагонизма классовъ, а потому и являются въ видѣ надзора за тѣмъ, чтобы рабочіе не расхищали и употребляли сообразно назначенію орудія, ма-

теріалъ и собственное рабочее время. Такъ какъ, по мѣрѣ возрастанія капиталистическаго производства и самаго числа рабочихъ, сопротивленіе послѣднихъ капиталу также возрастаетъ все болѣе и болѣе, то понятно, что надзоръ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ долженъ имѣть все болѣе и болѣе значенія. Вотъ откуда возникаетъ деспотическій характеръ капитализма. Ясно также, что функція общаго надзора значительно усложняется этими *faux frais*, потому что они неразлучны съ капиталистическимъ завѣдываніемъ производственнымъ процессомъ. Не слѣдуетъ забывать, что капиталистъ не потому капиталистъ, что онъ есть промышленный руководитель, а, напротивъ, онъ потому промышленный повелитель, что капиталистъ. Высшее руководительство индустріей становится аттрибутомъ капитала точно такъ же, какъ въ феодальную эпоху руководительство на войнѣ или въ судебной камерѣ составляло аттрибутъ землевладѣнія.

Нанимая рабочихъ порознь и уже потомъ сводя ихъ вмѣстѣ, капиталъ, само собою разумѣется, не оплачиваетъ ихъ коллективной силы. Но такъ какъ рабочіе вообще комбинируются только подъ командой капитала, то все дѣло получаетъ такой видъ, будто ихъ совокупная прибавочная сила составляетъ особенность не всякаго ихъ соединенія, а только капиталистическаго, или даже самаго капитала. Еще болѣе она кажется естественною принадлежностью капитала.

Съ капиталистическою кооперацією новѣйшей формаціи не слѣдуетъ смѣшивать кооперации начальныхъ стадій экономическаго развитія—охоту дикарей, земледѣліе общинниковъ и т. под. Это послѣднее покоится, частью, на общей собственности производимыхъ условій, частью же на томъ, что отдѣльный индивидуумъ столь же мало оторванъ въ немъ отъ пуповины рода или общины, какъ и отдѣльная пчела отъ улья. Съ другой стороны, спорадическое примѣненіе кооперации въ античномъ мірѣ (сооруженіе памятниковъ классической древности—пирамидъ, обелисковъ, храмовъ и пр.) въ средніе вѣка и въ новѣйшихъ колоніяхъ имѣетъ въ основаніи рабство и отношенія крѣпостничества. Напротивъ, капиталистическое производство немыслимо безъ свободной продажи рабочимъ своей рабочей силы, слѣдовательно, предполагаетъ уже свободное населеніе.

Простая кооперація есть первая перемѣна, которой подвергается исторически данный процессъ черезъ свое подчиненіе капиталу. Большое число *однородныхъ* рабочихъ составляетъ исходный пунктъ капитализма. Но кооперація этого рода не образуетъ собою прочной характеристической формы капиталистическаго производства. Самое большее—это то, что она является приблизительно въ такомъ видѣ въ зачаткахъ мануфактуры и въ томъ родѣ земледѣлія, который соотвѣтствуетъ мануфактурному періоду и отличается отъ мелкаго крестьянскаго хозяйства бо́льшимъ числомъ одновременно занятыхъ рабо-

чихъ и бо́льшимъ объемомъ и сосредоточеніемъ орудій производства. Простая кооперація и впослѣдствіи продолжаетъ господствовать въ такихъ отрасляхъ производства, въ которыхъ капиталъ оперируетъ въ обширномъ масштабѣ, но гдѣ раздѣленіе труда и машины не играютъ большой роли.

Гораздо важнѣе для цѣлей капитализма другой способъ сложенія труда—такъ называемая *сложная кооперація* или *раздѣленіе труда*. Классическую форму дѣленіе труда имѣетъ въ такъ называемой мануфактурѣ и является характеристическою формою капиталистическаго процесса въ теченіе собственно мануфактурнаго процесса производства, который въ Великобританіи обнимаетъ періодъ времени съ середины XVI столѣтія до послѣдней трети XVIII-го.

Мануфактура возникаетъ двоякимъ образомъ. Въ одномъ случаѣ подъ начальствомъ одного капиталиста и въ одной мастерской соединяются многіе самостоятельные ремесленники, изъ которыхъ каждый изготовлялъ прежде какую-нибудь отдѣльную часть продукта. Такъ. напр., карета была совокупнымъ результатомъ работъ большого числа независимыхъ ремесленниковъ, каковы: сѣдельщики, портные. слесаря. точильщики, позументщики, стекольщики, маляры, колесники и т. д. Каретная же мануфактура соединяетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ и заставляетъ работать изъ рукъ въ руки. Одна часть каретъ, напр., непрерывно подвергается золоченію, другая обивается, въ третью вставляются стекла и пр., и пр. Такъ какъ для каждой изъ тѣхъ операцій требуется много однородныхъ рабочихъ, то мы все еще находимся на почвѣ простой кооперации. Но скоро наступаетъ здѣсь крупная перемѣна. Мало-по-малу отдѣльные рабочіе отвыкаютъ выполнять свое старое ремесло въ его полномъ объемѣ. мало-по-малу отдѣльная дробная функція приростаетъ къ отдѣльному рабочему и какъ бы окаменѣваетъ въ немъ. Такимъ же образомъ возникли суконная мануфактура и множество другихъ мануфактуръ.

Другой путь возникновенія мануфактуры есть тотъ, когда соединяется одновременно въ одной мастерской большое число ремесленниковъ, выполняющихъ одно какое-нибудь дѣло, напр. готовящихъ бумагу или типографскія буквы. Каждый ремесленникъ изготовлялъ весь товаръ и выполнялъ *послѣдовательно* различныя операціи, необходимыя для этого. Мануфактура подраздѣляетъ эти операціи между прежними однородными рабочими такимъ образомъ, что онѣ совершаются *единовременно*, а не послѣдовательно. Это дѣленіе все повторяется, обнаруживаетъ свойственныя ему выгоды и становится остовомъ систематическаго дѣленія труда. Каждый рабочій начинаетъ выполнять одну и ту же простѣйшую операцію и вмѣстѣ съ тѣмъ продуктъ превращается изъ индивидуальнаго въ общественный. Тѣ же самыя, напр., операціи, которыя текли послѣдователь-

но въ рукахъ нѣмецкаго цехового производителя бумаги, становятся единовременными частичными работами многихъ сотрудничающихъ рабочихъ въ голландской бумажной мануфактурѣ. Цеховой булавочникъ Нюренберга образуетъ основаніе англійской булавочной мануфактуры. Но въ то время, какъ первый выполнялъ цѣлый рядъ, быть можетъ, 20 различныхъ операцій, одну послѣ другой, тутъ, напротивъ, 20 булавочниковъ совершаютъ на-ряду съ другими лишь по одной изъ 20 операцій, которыя, подъ вліяніемъ опыта, раскалываются еще на большее число, изолируются и становятся исключительными функціями отдѣльныхъ рабочихъ.

Итакъ, мы видимъ, что въ первомъ случаѣ мануфактура беретъ готовое ремесленное дѣленіе труда и ведетъ его дальше, во второмъ же она пользуется матеріаломъ однородныхъ рабочихъ-ремесленниковъ и, группируя ихъ силы, подраздѣляетъ ихъ сообразно новымъ промышленнымъ требованіямъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ она соединяетъ разбросанныхъ прежде, самостоятельныхъ рабочихъ въ одной мастерской и тѣмъ кладетъ начало соціальному производству. Но выполненіе работъ остается при этомъ прежнее, ручное, вполнѣ зависящее отъ силы, ловкости и быстроты отдѣльнаго рабочаго въ управленіи своимъ ручнымъ инструментомъ. Ремесло остается основаніемъ, и поэтому каждая функція становится пожизненною принадлежностью отдѣльнаго рабочаго. Кромѣ того, это дѣленіе труда есть особый родъ кооперации вообще, и многія изъ свойственныхъ ему выгодъ вытекаютъ изъ общей природы послѣдней, а не изъ этой особенной ея формы.

Обращаясь къ потребностямъ мануфактурной комбинаціи труда, мы прежде всего видимъ, что рабочій, тратящій свою жизнь на выполненіе одной простой операціи, превращаетъ все свое тѣло въ односторонній автоматическій органъ и поэтому употребляетъ на дѣло менѣе рабочаго времени, чѣмъ ремесленникъ, попеременно выполняющій цѣлый рядъ операцій. Ясно, что, вслѣдствіе этого, мануфактура производитъ, сравнительно съ ремесломъ, гораздо больше произведеній въ одно и то же время, и, слѣдовательно, производительная сила ея возрастаетъ. При этомъ, подъ вліяніемъ усиленнаго вниманія, обращаемаго на частичныя операціи, совершенствуется значительно и самый способъ производства. Все это мало-по-малу укрѣпляется, костенѣетъ и даже передается по наслѣдству, наподобіе принадлежности къ восточной кастѣ.

Ремесленникъ, совершающій много различныхъ операцій, принужденъ мѣнять то мѣсто, то инструменты. Переходъ отъ одной операціи къ другой образуетъ въ его рабочемъ днѣ поры. Поры эти уменьшаются или совсѣмъ исчезаютъ, когда рабочій въ теченіе цѣлаго дня дѣлаетъ одну и ту же операцію. Увеличеніе производительности труда имѣетъ въ этомъ случаѣ поводомъ какъ увеличеніе интенсивности

работы, такъ и уменьшеніе непроизводительной траты рабочей силы. Но, съ другой стороны, постоянство однородной работы разрушаетъ силу напряженія и свѣжесть ума и характера, которые именно въ смѣнѣ дѣятельности и находятъ отдыхъ и привлекательность.

Производительная сила мануфактурнаго труда зависитъ не только отъ виртуозности рабочаго, но и отъ совершенства его инструментовъ. Орудія одного и того же рода, каковы: рѣжущія, буравныя, ударныя и пр.,—употребляются въ различныхъ процессахъ, и въ одномъ и томъ же процессѣ одинъ и тотъ же инструментъ служитъ различнымъ назначеніямъ. Но, по мѣрѣ обособленія различныхъ операцій рабочаго процесса, понадобились измѣненія и въ употребительныхъ прежде инструментахъ. На этомъ основаніи мануфактура именно характеризуется дифференцированіемъ, въ силу котораго инструменты одного рода пріобрѣтаютъ особенныя прочныя формы для каждаго полезнаго употребленія, и спеціализированіемъ ихъ, благодаря которому каждый подобный инструментъ дѣйствуетъ въ полномъ объемѣ. Въ одномъ Бирмингэмѣ производится до 500 разновидностей молотковъ, изъ которыхъ не только каждый служитъ для особеннаго производственнаго процесса, но и многія разновидности служатъ различнымъ операціямъ одного и того же процесса. Этимъ создается также одно изъ матеріальныхъ условій машинной индустріи, представляющей подъ видомъ машины комбинацію простыхъ инструментовъ.

Мы только что разсмотрѣли составные элементы мануфактуры — рабочаго и его инструменты. Обратимся теперь къ ея цѣлому.

Мануфактура представляетъ двѣ различныя формы раздѣленія труда, играющія неодинаковую роль при позднѣйшемъ превращеніи ея въ механическую мастерскую. Первая форма является чисто механическимъ свободнымъ сочетаніемъ самостоятельныхъ продуктовъ, вторая же въ готовомъ видѣ обнимаетъ собою цѣлый рядъ находящихся во взаимной зависимости процессовъ и манипуляцій.

Производство часовъ, развившееся въ мануфактуру изъ ремесла нюренбергскаго часовщика, представляетъ примѣръ первой изъ этихъ формъ. Число отдѣльныхъ операцій и соотвѣтствующихъ имъ отдѣльныхъ занятій здѣсь чрезвычайно громадно. Лишь немногія части часовъ проходятъ черезъ руки нѣсколькихъ рабочихъ, и всѣ вмѣстѣ соединяются въ рукахъ одного лица, которое окончательно связываетъ ихъ въ единое цѣлое. Отдѣльныя работы могутъ при этомъ выполняться отдѣльными ремесленниками у себя на дому, какъ напр., въ кантонахъ Во и Невшателѣ, между тѣмъ какъ въ Женевѣ уже существуютъ крупныя мануфактуры часовъ. Но и положеніе такихъ детальныхъ рабочихъ, трудящихся хотя и на дому, но не на себя, а на капиталиста, радикально отличается отъ положенія самостоятельныхъ ремесленниковъ.

Второй родъ мануфактуры характеризуетъ, напр., въ игольной мануфактурѣ производство проволоки, послѣдовательно проходящей черезъ руки 72—92 специфическихъ детальныхъ рабочихъ. Охватывая собою первоначально разбросанныя ремесла и комбинируя ихъ, подобная мануфактура уменьшаетъ пространственныя разстоянія между отдѣльными фазами производства. Время перехода продукта съ одной стороны на другую сокращается, а также сокращается и работа на эти переходы. Если обратить вниманіе на извѣстное количество сырого матеріала, напр. тряпокъ въ бумажной мануфактурѣ, то увидимъ, что онъ послѣдовательно проходитъ въ рукахъ различныхъ рабочихъ свои производственныя фазы, отъ первой до послѣдней. Но если смотрѣть на мастерскую, какъ на цѣльный механизмъ, то окажется, что сырой матеріалъ находится одновременно во всѣхъ фазахъ. Одною частью своихъ многочисленныхъ рукъ такой совокупный рабочій тянетъ проволоку, другою онъ ее рѣжетъ, третьею заостряетъ и т. под. Изъ послѣдовательныхъ сочетаній различные процессы переходятъ въ единовременныя сочетанія. Отсюда болѣе значительный продуктъ въ единицу времени. Выгоды эти, хотя и представляютъ принадлежность кооперації вообще, но мануфактура не только ищетъ ихъ и находитъ, но отчасти создаетъ и сама, различая ремесленную дѣятельность.

Такъ какъ каждая группа рабочихъ передаетъ свой матеріалъ другой, стоящей ступенью выше, то одинъ рабочій непосредственно даетъ здѣсь другому работу. Рабочее время, потребное на достиженіе извѣстнаго полезнаго результата, опредѣляется здѣсь на основаніи опыта, и весь механизмъ основывается на томъ, что въ данное время будетъ *непремѣнно* достигнутъ извѣстный результатъ. Только при такомъ предположеніи различные, дополняющіе одинъ другой процессы могутъ совершаться непрерывно и одновременно. Ясно, что подобная непосредственная зависимость работъ и рабочихъ другъ отъ друга принуждаетъ каждаго отдѣльнаго рабочаго тратить на свое дѣло только строго необходимое время, и такимъ образомъ достигаются постоянство, однообразіе, система и порядокъ, неизвѣстные ремесленному производству. Поэтому-то доставленіе въ данное время строго опредѣленнаго количества произведеній только въ мануфактурѣ начинаетъ становиться техническою необходимостью самого производства.

Но различныя операціи требуютъ неодинаковой продолжительности и доставляютъ неодинаковыя количества произведеній. Вслѣдствіе этого, для различныхъ операцій должны существовать различныя отношенія въ числѣ рабочихъ; такъ, напр., въ мануфактурѣ типографскихъ буквъ на одного рабочаго, полирующаго буквы, должно приходиться не менѣе двухъ рабочихъ, обламывающихъ, и четыре — лью-

ихъ буквы, такъ какъ первый полируетъ въ часъ 8.000, второй обламываетъ 4.000, а третій льетъ 2.000 буквъ. Отсюда, въ свою очередь, видно, и то, что расширять мануфактуру можно не иначе, какъ соблюдая то же отношеніе между большими массами рабочихъ, слѣдовательно, только умножая прежнее число рабочихъ на какую-нибудь опредѣленную величину.

При раздѣленіи и изолированіи различныхъ операцій въ мануфактурѣ рабочіе сортируются и группируются по свойственнымъ имъ различнымъ способностямъ—силѣ, вниманію, ловкости. Поэтому совокупный рабочій мануфактуры обладаетъ всякими производительными свойствами одинаковой степени и виртуозности и вмѣстѣ съ тѣмъ расходуетъ ихъ самымъ экономическимъ образомъ. Односторонность и даже несовершенства частнаго рабочаго становятся его совершенствами, когда онъ дѣлается членомъ совокупнаго рабочаго механизма. Такъ какъ различныя функціи совокупнаго рабочаго бываютъ то проще, то сложнѣе, то ниже, то выше, то индивидуальныя рабочія силы требуютъ весьма неодинаковаго развитія и обладаютъ весьма различною цѣнностью. Такимъ образомъ мануфактура развиваетъ іерархію рабочихъ силъ, соотвѣтствующую лѣстницѣ рабочихъ платъ. Но всякій производственный процессъ нуждается въ нѣкоторыхъ операціяхъ, на которыя способенъ рѣшительно каждый. И эти операціи также дѣлаются въ мануфактурѣ спеціальностью детальныхъ рабочихъ. Итакъ, мануфактура производитъ во всякомъ охватываемомъ ею ремеслѣ классъ такъ называемыхъ чернорабочихъ, которыхъ ремесленное производство не терпѣло ни подъ какимъ видомъ. На-ряду съ іерархіею рабочихъ силъ возникаетъ и различіе между мастеровыми и чернорабочими. Вторые совсѣмъ не нуждаются въ издержкахъ обученія, для первыхъ же эти издержки уменьшаются, благодаря упрощенію ихъ занятій. И та, и другая причина понижаютъ цѣнность рабочей силы и, слѣдовательно, увеличиваютъ прибавочную цѣнность подобно всѣмъ прочимъ вышеупомянутымъ способамъ.

Сначала было говорено о происхожденіи мануфактуры, потомъ о ея составныхъ частяхъ, потомъ о ея цѣломъ: теперь предстоитъ перейти къ отношенію между мануфактурнымъ дѣленіемъ труда и общественнымъ, служащимъ основою для производства товаровъ.

Если имѣть въ виду только раздѣленіе труда, то можно различить три главные вида его: самый широкій изъ нихъ есть дѣленіе на земледѣліе, промышленность и т. п., менѣе широкій—подраздѣленіе того и другого на роды и виды, и, наконецъ, наиболѣе узкій—дѣленіе труда внутри мастерской.

Дѣленіе труда въ обществѣ и соотвѣтствующее ограниченіе отдѣльнаго лица спеціальнымъ родомъ призванія, подобно разсмотрѣнному выше дѣленію труда внутри мануфактуры, имѣетъ двѣ различныя и

даже противоположныя точки исхода. Внутри семейства, а позже — племени, изъ половыхъ и возрастныхъ различій, т. е. на чисто физіологической основѣ, развивается естественное дѣленіе труда, матеріалъ котораго расширяется по мѣрѣ расширенія общины, увеличенія населенія, столкновенія между различными племенами и завоеванія одного изъ нихъ другимъ. Съ другой же стороны возникаетъ обмѣнъ продуктовъ тамъ, гдѣ приходятъ въ соприкосновеніе различныя семейства, общины, племена, такъ какъ въ началѣ культуры личностью являются именно эти послѣднія, а не отдѣльные индивидуумы. Различныя общины находятъ въ окружающихъ мѣстностяхъ различныя орудія производства и различныя средства существованія. Это естественное различіе вызываетъ, при соприкосновеніи общинъ, обмѣнъ продуктовъ и способствуетъ постепенному превращенію ихъ въ товары. Такимъ образомъ тутъ возникаетъ общественное дѣленіе труда, благодаря обмѣну между различными съ самаго начала, не независимыми одна отъ другой сферами производства. Мало-по-малу онѣ становятся, напротивъ, въ тѣсную взаимную зависимость. Что же касается дѣленія труда, возникшаго на физіологической основѣ, то здѣсь, наоборотъ, особые органы отдѣляются отъ общаго цѣлаго, распадаются на части, благодаря обмѣну товаровъ съ чужими общинами, и становятся самостоятельными въ такой степени, въ какой дозволяетъ это взаимный обмѣнъ товаровъ.

Основою всякаго развитаго дѣленія труда, связь между которымъ сохраняется, благодаря обмѣну товаровъ, является отдѣленіе города отъ села. Можно утверждать положительно, что вся экономическая исторія резюмируется въ исторіи этого цѣлаго.

Такимъ же образомъ, какъ для дѣленія труда въ мануфактурѣ необходимъ извѣстный минимумъ одновременно занятыхъ рабочихъ, для дѣленія труда внутри общества потребенъ извѣстный минимумъ народонаселенія и его густоты, которая въ этомъ послѣднемъ случаѣ становится на мѣсто сосредоточенія людей въ одной мастерской. Въ этомъ отношеніи хорошія средства сообщенія положительно замѣняютъ въ извѣстной степени бо́льшую густоту населенія (Соедин. Штаты и Индія).

Такъ какъ производство и обмѣнъ товаровъ составляютъ неразлучное условіе капиталистическаго производства, то мануфактурное дѣленіе труда нуждается въ довольно уже зрѣломъ дѣленіи труда внутри общества. И наоборотъ, мануфактурное дѣленіе труда само развиваетъ и усложняетъ общественное дѣленіе труда По мѣрѣ дифференцированія рабочихъ инструментовъ, дифференцируются болѣе или менѣе и тѣ ремесла, которыя производятъ эти инструменты. Если мануфактура охватываетъ такое ремесло, которое до тѣхъ поръ находилось въ связи съ другими, въ качествѣ главнаго или второстепеннаго, и выполнялось однимъ и тѣмъ же производителемъ, то въ

немъ тотчасъ же происходитъ обособленіе и выдѣленіе. Если же она обоймётъ спеціальную ступень производства извѣстнаго товара, то различныя ступени производства начинаютъ превращаться въ различныя ремесла, независимыя другъ отъ друга

Территоріальное дѣленіе труда, которое привязываетъ спеціальныя отрасли производства къ особымъ округамъ страны, получаетъ новый толчокъ, благодаря мануфактурному способу, который хватается за всякія особенности. Богатый матеріалъ къ дѣленію труда внутри общества даетъ мануфактурному періоду расширеніе всемірнаго рынка и колоніальная система, принадлежащая къ числу общихъ условій его существованія. Здѣсь не мѣсто показывать, какъ мануфактура, вмѣстѣ съ экономическими сферами, охватываетъ и всѣ другія сферы общества и повсюду кладетъ основаніе тому развитію спеціальностей и раздробленію человѣка, о которомъ съ отчаяніемъ говоритъ Адамъ Фергюссонъ: „всѣ мы націи плотовъ, и между нами вовсе нѣтъ свободныхъ людей".

Несмотря, однако, на многочисленныя аналогіи и связь между общественнымъ дѣленіемъ труда и мануфактурнымъ,—они различаются между собою не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніяхъ. Всего сильнѣе кажется сходство между ними въ тѣхъ случаяхъ, когда различныя отрасли дѣла связаны внутреннею нитью. Такъ, напр., скотоводъ производитъ шкуры, дубильщикъ превращаетъ ихъ въ кожу, сапожникъ кожу превращаетъ въ сапоги. Каждый совершаетъ здѣсь послѣдовательную операцію, и окончательное произведеніе есть комбинированный результатъ всѣхъ отдѣльныхъ работъ. Можно подумать, вмѣстѣ съ Ад. Смитомъ, что это общественное дѣленіе труда отличается отъ мануфактурнаго лишь субъективно, а именно по отношенію къ наблюдателю, который въ мануфактурѣ видитъ дѣленіе, сосредоточенное на небольшомъ пространствѣ, въ одной мастерской, тогда какъ въ обществѣ оно больше разбросано и потому не такъ замѣтно. Но существенная разница между тѣмъ и другимъ дѣленіемъ состоитъ въ томъ, что связь между, напр., скотоводомъ, дубильщикомъ и сапожникомъ есть обмѣнъ ихъ товаровъ, тогда какъ въ мануфактурѣ отдѣльный рабочій не производитъ товара и только всѣ вмѣстѣ производятъ товаръ. Въ первомъ случаѣ, т. е. при общественномъ дѣленіи труда, связь устанавливается вслѣдствіе купли-продажи продуктовъ различныхъ самостоятельныхъ вѣтвей труда, во второмъ же, т. е. въ мануфактурѣ, связь эта имѣетъ источникомъ продажу различныхъ рабочихъ силъ одному капиталисту. Въ то время, какъ въ мануфактурѣ желѣзный законъ пропорціональности приковываетъ извѣстныя массы рабочихъ къ опредѣленнымъ функціямъ,—случай и произволъ ведутъ пеструю игру въ распредѣленіи производителей товаровъ и ихъ орудій производства между различ-

ными общественными вѣтвями труда. Правда, различныя сферы производства постоянно стремятся придти въ равновѣсіе, во-первыхъ, производя полезные предметы, предназначенные для удовлетворенія особыхъ общественныхъ потребностей, а во-вторыхъ,—пользуясь указаніями закона цѣнности, который учитъ, сколько свободнаго рабочаго времени можетъ быть затрачено обществомъ на производство всякаго особаго предмета потребленія. Но это непрерывное стремленіе придти въ равновѣсіе представляетъ не болѣе какъ реакцію противъ непрерывнаго же нарушенія этого равновѣсія. То же самое правило, которое, при раздѣленіи труда внутри мастерской (мануфактуры), дѣйствуетъ *a priori*, планомѣрно, при общественномъ дѣленіи труда оказываетъ дѣйствіе лишь *a posteriori*, въ качествѣ глухой внутренней необходимости, которая одерживаетъ верхъ надъ безпорядочнымъ производствомъ товаропроизводителей и даетъ себя замѣтить въ измѣненіи барометра рыночныхъ цѣнъ. Мануфактурное дѣленіе труда предполагаетъ безусловный авторитетъ капиталиста надъ людьми, образующими не болѣе, какъ членовъ принадлежащаго ему совокупнаго механизма. Общественное же дѣленіе труда основывается на существованіи независимыхъ другъ отъ друга производителей товаровъ, не признающихъ другой власти, кромѣ власти соперничества: принудительная сила этой власти обнаруживается для нихъ, благодаря давленію ихъ взаимныхъ интересовъ, на подобіе того, какъ и въ мірѣ животныхъ война всѣхъ противъ всѣхъ до извѣстной степени является условіемъ существованія всѣхъ видовъ. Тотъ же самый буржуа, который восхваляетъ *мануфактурное* дѣленіе труда, принуждающее рабочихъ къ пожизненному выполненію безсмысленной операціи и подчиненію рабочихъ капиталисту, какъ такую организацію труда, которая увеличиваетъ его производительную силу,—громко отвергаетъ всякій сознательный общественный контроль и регулировку *общественнаго* производственнаго процесса, какъ вторженіе въ священное право собственности, свободы и геніальности индивидуальнаго капиталиста. Въ высшей степени характеристично обстоятельство, что вдохновленные апологисты фабричной системы не умѣютъ сказать противъ всякой общей организаціи труда ничего болѣе злого, какъ то, что оно превратитъ все общество въ одну фабрику.

По мѣрѣ расширенія мануфактуры, возрастаютъ, понятно, и постоянный и перемѣнный капиталъ. Послѣдній увеличивается въ объемѣ, благодаря увеличенію числа рабочихъ въ одной мастерской, а первый, вслѣдствіе того, что бо́льшее число рабочихъ нуждается все въ бо́льшихъ, да бо́льшихъ постройкахъ, печахъ и, главное, въ сыромъ матеріалѣ, количество котораго возростаетъ помимо этого, въ соотвѣтствіи съ возвышеніемъ производительности труда—отъ раздѣле-

нія его. Такимъ образомъ возрастаніе *капитала*, т. е. превращеніе въ собственность капиталиста общественныхъ средствъ существованія и орудій производства, представляетъ законъ, вытекающій изъ техническаго характера мануфактуры.

Въ теченіе собственно мануфактурнаго періода, т. е. того времени, когда мануфактура является господствующею формою капиталистическаго производства, выполненіе ея стремленій наталкивается на разнородныя препятствія. Такъ, напр., хотя она и стремится водворить различіе между мастеровыми и чернорабочими, но, вслѣдствіе преобладанія числа первыхъ, не можетъ найти себѣ достаточнаго матеріала вторыхъ. Приспособляя, далѣе, отдѣльныя операціи къ различной степени силы зрѣлости и развитія рабочихъ и поэтому тяготѣя къ производительной эксплуатаціи женщинъ и дѣтей, она, однако же, встрѣчаетъ для этого помѣху въ привычкѣ и въ сопротивленіи мужчинъ-рабочихъ. Хотя, еще далѣе, разложеніе ремесленной дѣятельности и удешевляетъ издержки образованія, а слѣдовательно, и рабочую силу, но для болѣе затруднительной работы остается необходимымъ продолжительное время обученія, и это послѣднее отстаивается рабочими даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно излишне. Такъ, напр. въ Англіи, законы объ ученичествѣ съ ихъ семилѣтнимъ срокомъ обученія сохранили полную силу до самаго конца мануфактурнаго періода и были уничтожены только крупной индустріей. Такъ какъ затѣмъ ловкость руки остается основою мануфактуры и совокупный мануфактурный механизмъ не представляетъ чего-либо отдѣльнаго отъ самихъ рабочихъ, то капиталъ постоянно жалуется на отсутствіе субординаціи у мануфактурныхъ рабочихъ. „Слабость человѣческой природы“, взываетъ, напр., писатель *Уръ*, „настолько велика, что рабочіе чѣмъ ловчѣе, тѣмъ своевольнѣе, тѣмъ труднѣе управляться съ ними, и вслѣдствіе этого упрямство причиняетъ всему механизму большой вредъ“. Но всѣмъ этимъ причинамъ мануфактура оказывается довольно краткосрочною формою производства: во весь періодъ своего господства она не съумѣла ни завладѣть всецѣло рабочимъ временемъ рабочаго населенія, ни охватить общественнаго производства во всемъ его объемѣ и глубинѣ.

Однимъ изъ наиболѣе законченныхъ и рѣзкихъ выраженій мануфактуры послужило производство мануфактурнымъ способомъ рабочихъ инструментовъ, которые вначалѣ и для самой даже мануфактуры готовились при посредствѣ ремесла. Только тутъ возникаетъ употребленіе машинъ, которыя становятся матеріальнымъ основаніемъ послѣдующаго періода въ развитіи общественнаго производства и окончательно уничтожаютъ ручную должность въ качествѣ регулирующаго начала этого послѣдняго. Такимъ образомъ, съ одной стороны, уничтожается пожизненное приковываніе рабочаго къ от-

дѣльной, крайне дробной функціи, но, зато, съ другой стороны, сглаживаются и тѣ предѣлы, которые то же самое начало противополагало еще господству капитала.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію теоремъ Рикардо относительно постояннаго и оборотнаго капитала, чѣмъ и закончимъ настоящую главу. Можетъ случиться, говоритъ онъ, что двѣ отрасли промышленности употребляютъ одинаковыя суммы капитала, но въ одной изъ нихъ можетъ преобладать постоянный капиталъ, въ другой — оборотный; въ одной отрасли можетъ быть употреблена въ дѣло лишь незначительная часть капитала въ формѣ задѣльной платы, въ другой, наоборотъ, наибольшая, но за то въ первой можетъ преобладать капиталъ въ формѣ орудій, машинъ, построекъ, во второй онъ можетъ составлять сравнительно маловажную часть капитала. Очевидно, что возвышеніе задѣльной платы подѣйствуетъ совершенно неодинаково на товары, смотря по тому, при какихъ условіяхъ изъ числа упомянутыхъ будутъ они произведены. Еслибы люди, не обладая машинами, вели производство съ помощью одного только труда и посвящали на производство одно и то же время, одни и тѣ же усилія, то мѣновая цѣнность товаровъ въ точности соотвѣтствовала бы бо́льшей или меньшей суммѣ труда, посвященнаго на ихъ производство. То же самое имѣло бы мѣсто при постоянномъ капиталѣ одинаковой цѣнности и долговѣчности. Но даже и при равныхъ суммахъ труда, на цѣнность продукта оказываетъ первое вліяніе высота задѣльной платы въ тѣхъ случаяхъ, когда неодинаковы въ двухъ производствахъ доли постояннаго капитала. Положимъ, что два лица употребляютъ ежегодно каждый по 100 человѣкъ на сооруженіе двухъ машинъ, и что третій употребляетъ то же число людей на производство хлѣба, каждая изъ машинъ будетъ стоить къ концу года столько же, сколько и полученный хлѣбъ, потому что каждая изъ нихъ произведена тѣмъ же количествомъ труда. Предположимъ далѣе, что владѣлецъ одной изъ машинъ употребляетъ ее при помощи 100 рабочихъ на производство сукна; владѣлецъ другой, при помощи такого же числа рабочихъ, производитъ хлопчатобумажные товары; фермеръ же, при помощи своихъ 100 рабочихъ, продолжаетъ производить хлѣбъ. Къ концу второго года окажется, что всѣ они утилизировали одну и ту же сумму труда; но товары и машины каждаго изъ фабрикантовъ представятъ результатъ труда 200 человѣкъ, работавшихъ въ теченіе года, или 100 человѣкъ, работавшихъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ: хлѣбъ, напротивъ того, потребуетъ только усилій 100 рабочихъ въ теченіе года; такъ что, если хлѣбъ имѣетъ 500 ф. цѣнности, то машины и продукты фабрикантовъ будутъ имѣть двойную цѣнность. Но цѣнность эта будетъ даже болѣе, нежели двойная, потому что фабриканты присоединятъ къ своему капиталу прибыль перваго года, между тѣмъ какъ фермеръ

потребитъ свою. Такимъ образомъ случится, что, вслѣдствіе бо́льшей или меньшей прочности капитала, или, что одно и то же, вслѣдствіе различія въ количествѣ времени, истекающаго прежде, чѣмъ могутъ быть поставлены на рынокъ различные сорта товаровъ, цѣнность послѣднихъ не будетъ въ точности соотвѣтствовать количеству труда, которое послужило на ихъ производство. Цѣнность эта превзойдетъ нѣсколько отношеніе 2 : 1, чтобы вознаградить излишнее время, которое должно истечь прежде, нежели можетъ быть пущенъ въ продажу наиболѣе дорогой продуктъ. Предположимъ, что трудъ одного рабочаго стоитъ въ годъ 50 ф. и что затраченный капиталъ равняется 5.000 ф. ст.; въ такомъ случаѣ, при 10% прибыли, цѣнность каждой изъ машинъ, точно такъ же какъ и хлѣба, будетъ къ концу года равна 5.500 ф. ст. На второй годъ фабриканты снова употребятъ по 5.000 ф. на задѣльную плату и, слѣдовательно, снова продадутъ свои товары за 5.500 ф. Но, чтобы быть въ равныхъ условіяхъ съ фермеромъ, фабриканты должны получить не только 5.500 ф. взамѣнъ 5.000 ф., употребленныхъ на вознагражденіе за трудъ, имъ слѣдуетъ выручить больше на 550 ф., т. е. на сумму прибыли съ 5.500 ф., издержанныхъ ими на машины, слѣдовательно, товары ихъ должны принести имъ 6.050 ф. Предположимъ теперь, что, благодаря увеличенію задѣльной платы, прибыль падаетъ съ 10% на 9. Вмѣсто того, чтобы присоединить къ средней цѣнѣ своихъ товаровъ и къ прибыли на постоянный капиталъ сумму въ 550 ф., фабриканты присоединятъ къ ней только 495, слѣдовательно, продажная цѣна будетъ 5.995 ф. вмѣсто 6.050. Но такъ какъ цѣна хлѣба останется прежняя, т. е. 5.500 ф., то мануфактурные продукты, въ которые входитъ больше постояннаго капитала, понизятся въ цѣнности относительно хлѣба и всякаго другого товара. Всѣ товары, производимые посредствомъ усовершенствованныхъ машинъ, въ дорогихъ постройкахъ, всѣ тѣ, однимъ словомъ, которые требуютъ много времени и усилій, прежде чѣмъ могутъ быть доставлены на рынокъ, теряютъ въ своей относительной цѣнности, между тѣмъ какъ тѣ, которые были бы произведены единственно, или главнымъ образомъ, при помощи труда и потому могутъ быть быстро введены въ обращеніе,—увеличиваются въ цѣнности.

Итакъ, Рикардо желаетъ доказать, что общій законъ цѣнности, по которому продукты размѣниваются въ соотвѣтствіи съ трудомъ, испытываетъ ограниченіе въ томъ случаѣ, когда сравниваются между собою продукты, потребовавшіе неодинаковыхъ затратъ постояннаго и оборотнаго капиталовъ. Сверхъ того, при подобныхъ условіяхъ, утверждаетъ Рикардо, вопреки общему же правилу, возвышеніе задѣльной платы влечетъ за собою не только пониженіе прибыли, но и пониженіе цѣнности того продукта, въ производствѣ котораго участвовало болѣе постояннаго капитала. Есть, кажется, основанія, по

которымъ нельзя согласиться съ указанными доводами Рикардо. Прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, по мнѣнію Рикардо, машины фабрикантовъ представляютъ капиталъ не „долговѣчный", а „вѣчный": это, очевидно, слѣдуетъ изъ того, что, по приведенному разсчету, машинный продуктъ, полученный въ концѣ второго года, не содержитъ ни одной единицы цѣнности самой машины, а, напротивъ, равенъ продукту ручного труда—хлѣбу. Такихъ вѣчно-дѣйствующихъ машинъ въ дѣйствительности не существуетъ, а потому, для сравненія результатовъ машиннаго и ручного производствъ, необходимо принять какой-нибудь срокъ, въ теченіе котораго машина окончательно потребляется. Чтобы воспользоваться примѣромъ Рикардо, предположимъ, что машина потребляется въ теченіе года, т. е. въ теченіе такого промежутка времени становится, во-первыхъ, негодною для дальнѣйшаго производства, во-вторыхъ, передаетъ всю свою цѣнность продукту. Принятіе болѣе продолжительнаго срока имѣло бы слѣдствіемъ лишь то, что, въ параллель къ машинному производству, пришлось бы брать ручное не за два года, а, напримѣръ, за двадцать или за тридцать лѣтъ. Подобно цѣнности хлѣба, произведеннаго фермеровъ въ теченіе перваго года, цѣнность каждой изъ машинъ (кромѣ цѣнности орудій и матеріаловъ, затраченныхъ на производство ея) состоитъ изъ цѣнности задѣльной платы и изъ прибавочной цѣнности, равной, по предположенію, 10% общей суммы затратъ. Къ концу второго года цѣнность продукта, увеличенная на всю сумму новаго труда и заключающая въ томъ числѣ новыхъ 10% прибавочной цѣнности, равна двойной цѣнности хлѣба, произведеннаго въ теченіе одного года,—ни болѣе, ни менѣе. Цѣнность, превышающую такой размѣръ, продукты фабрикантовъ могли бы имѣть въ томъ лишь случаѣ, еслибы она была произведена. Но, разсмотрѣвъ весь ходъ производства, мы не замѣтили ничего подобнаго. Если скажутъ, что излишекъ, о которомъ говоритъ Рикардо, выплачивается при обмѣнѣ, то возникаетъ вопросъ, откуда берется онъ у пріобрѣтателя машиннаго продукта? Столь послѣдовательный и осмотрительный въ другихъ случаяхъ,—по отношенію къ рѣшенію данной теоремы,—Рикардо, кажется, совершенно упустилъ изъ виду, что тщательный экономическій анализъ не можетъ ограничиться однимъ только утвержденіемъ, что при извѣстныхъ условіяхъ цѣна продукта *должна* заключать въ себѣ опредѣленный излишекъ, но требуетъ, сверхъ того, и указанія на источникъ этого излишка. Наростаніе процентовъ на проценты, о которомъ говоритъ здѣсь, между прочимъ, Рикардо, образуетъ собою, подобно возникновенію ихъ, отнюдь не мѣновой, а производственный феноменъ. Но уясненіе его сущности мы отложимъ до тѣхъ поръ, когда обратимся къ оцѣнкѣ теоріи накопленія капитала Маркса.

Что касается второй части теоремы Рикардо, по которой всякое возвышеніе задѣльной платы, въ противоположность общему правилу, не только понижаетъ прибыль, но также и цѣнность, то ошибочность ея заключается, по нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ. Такъ какъ, по условію, сумма, затрачиваемая на производство машины и машиннаго продукта, равна двойной суммѣ, идущей на годичное производство хлѣба, такъ какъ, далѣе, сумма прибавочной цѣнности, входящей въ общую цѣнность машиннаго продукта, равна суммѣ прибавочной цѣнности, получаемой въ результатѣ двухлѣтняго производства хлѣба, то всякое возвышеніе задѣльной платы на извѣстный процентъ повлекло бы за собою пониженіе уровня и суммы прибыли, а никакъ не цѣнности. При двухлѣтнемъ срокѣ производства машиннаго продукта и двойного производства хлѣба, возвышеніе задѣльной платы, длящееся въ теченіе двухъ лѣтъ, оказываетъ равное вліяніе на машинный и ручной добавочный продуктъ въ теченіе двухъ лѣтъ, длящееся въ теченіе одного года,—все равно, второго или перваго,—на прибавочный продуктъ одного года. Но если даже признать, вмѣстѣ съ Рикардо, что цѣнность машиннаго продукта превышаетъ цѣнность продукта ручного труда на всю сумму процентовъ, служащихъ вознагражденіемъ за болѣе продолжительный срокъ производства, то и въ такомъ случаѣ окажется, что слѣдствіемъ возвышенія задѣльной платы можетъ быть пониженіе не цѣнности, а только прибыли. Рикардо полагаетъ, что паденіе прибыли съ $10^0/_0$ на 9, подъ вліяніемъ увеличенія задѣльной платы, уменьшитъ 550 ф. прибыли за первый годъ до 495, слѣдовательно, понизитъ цѣну продукта до 5.995 ф. Разсчетъ этотъ сдѣланъ слѣдующимъ образомъ: въ составъ цѣны машиннаго продукта—6.050 ф.—входитъ 5.000 ф. задѣльной платы, 500 ф. прибыли на эти 5.000 ф. и, сверхъ того, 550 ф. прибыли на 5.500 ф., издержанныхъ на машину; уменьшеніе прибыли отъ *$10^0/_0$ до 9* доводитъ всю сумму ея, т. е. 1.050 ф. до 945 фун., отдѣльныя части этой суммы—500 ф. до 450, 550 до 495; увеличеніе задѣльной платы *также на $1^0/_0$* превращаетъ сумму ея—5.000 въ 5.050 ф.; въ результатѣ оказывается, что цѣнность продукта—6.050 ф.—уменьшилась до 5.995 (5.050 ф. задѣльной платы + 450 ф. прибыли за второй годъ + 495 ф. прибыли за первый годъ). Но здѣсь упущено изъ виду одно важное обстоятельство, которое, будучи введено въ разсчетъ, представляетъ его въ совершенно иномъ видѣ. Дѣло въ томъ, что увеличеніе одной и уменьшеніе другой изъ двухъ составныхъ частей извѣстной суммы на одинаковый процентъ въ томъ только случаѣ оставляетъ эту сумму безъ измѣненія, когда проценты вычисляются по отношенію къ ней самой. Еслибы, напр., было предложено увеличить одну изъ составныхъ частей числа 200 — именно 150 — на $10^0/_0$ и на такое же число процентовъ уменьшить другую составную часть этого числа—

50, то итогъ новыхъ двухъ чиселъ въ такомъ только случаѣ остался бы прежній—200, еслибы 10% возвышенія и пониженія относились къ 200. Число 150, увеличенное такимъ образомъ на 10%, превратилось бы въ 165, а число 50, уменьшенное на тѣ же 10%, превратилось бы въ 35. Такова единственная система разсчета процентовъ въ томъ случаѣ, когда повышеніе одной части суммы зависитъ отъ пониженія другой. Именно такъ поступаетъ Рикардо въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о вліяніи возвышенія задѣльной платы на цѣнность вообще. Но по отношенію къ данной теоремѣ онъ находитъ такой разсчетъ почему-то неудобнымъ и вслѣдствіе того впадаетъ въ слѣдующую ошибку. Уменьшая прибыль отъ 10 до 9% и возвышая задѣльную плату на 1%, Рикардо только *повидимому* возвышаетъ и понижаетъ ту и другую на одинъ и тотъ же процентъ. На самомъ дѣлѣ выходитъ, что пониженіе суммы прибыли съ 10% на 9 относительно общаго итога—6.050 ф.—соотвѣтствуетъ пониженію ея на 2% слишкомъ, между тѣмъ какъ возвышеніе задѣльной платы по отношенію къ тому же итогу простирается всего только на дробь одного процента. Мало удивительнаго въ томъ, что столь значительное уменьшеніе меньшаго слагаемаго, не уравновѣшенное гораздо менѣе значительнымъ увеличеніемъ бо́льшаго слагаемаго, уменьшило сумму, т. е. общую цѣнность машиннаго продукта. Но это случилось отъ того, что Рикардо высчитывалъ процентъ увеличенія задѣльной платы по отношенію къ ней самой, т. е. къ 5.000 ф., прибыль за второй годъ также относительно 5.000, прибыль за первый годъ относительно 5.500, между тѣмъ какъ слѣдовало бы относить весь разсчетъ къ общей суммѣ всѣхъ этихъ слагаемыхъ—6.050.

Мы видимъ отсюда, что даже при предположеніи высшей цѣны машиннаго продукта, возвышеніе задѣльной платы дѣйствуетъ по прежнему на прибыль и только. Возвышенію задѣльной платы дѣйствительно часто сопутствуетъ паденіе цѣнности продукта вслѣдствіе того, что ручной трудъ бываетъ выгодно замѣнять при подобныхъ обстоятельствахъ машиннымъ, но „сопутствуетъ“ и „составляетъ слѣдствіе“ далеко не одно и то же. День всегда сопутствуетъ ночи—любимый примѣръ Дж. Ст. Милля, заимствованный имъ у Рида, —но отнюдь не составляетъ ея слѣдствія. Что касается болѣе низкой цѣнности машиннаго продукта, то причина ея заключается или въ томъ, что сумма труда, затраченная на машину и на производство съ ея помощью, даетъ большее количество продукта, нежели такая же сумма ручного труда, или въ томъ, что машина дозволяетъ уменьшить количество непосредственнаго труда, иными словами — даетъ такое же количество продукта въ меньшее рабочее время.

То же дѣйствіе, продолжаетъ Рикардо, какое оказываетъ на цѣнность сравнительная пропорція постояннаго и оборотнаго капита-

ловъ, принадлежитъ и пропорціи болѣе или менѣе долговѣчнаго постояннаго капитала, при условіи равенства долей постояннаго и оборотнаго капитала въ производствѣ двухъ или болѣе товаровъ. Если постоянный капиталъ не принадлежитъ къ числу прочныхъ, то нужны ежегодно большія усилія для поддержанія его цѣнности; но этотъ трудъ на возстановленіе капитала можно разсматривать, какъ служащій производству товаровъ, и онъ долженъ входить въ составъ ихъ цѣнности. Чѣмъ долговѣчнѣе капиталъ, тѣмъ меньше сумма, получаемая въ видѣ вознагражденія за употребленіе машины. Но если уничтоженіе идетъ быстро, то къ цѣнѣ товаровъ присоединяется большій излишекъ. Возрастаніе задѣльной платы подѣйствуетъ неодинаково на цѣнность продуктовъ, произведенныхъ при подобныхъ условіяхъ. Въ одномъ случаѣ въ продукты входитъ много, въ другомъ мало труда. Вотъ почему всякое возвышеніе задѣльной платы или пониженіе прибыли должно понизить относительную цѣнность товаровъ, произведенныхъ прочнымъ капиталомъ, и, напротивъ, пропорціонально возвысить цѣнность тѣхъ, которые произведены при помощи менѣе прочнаго капитала.

Числовой примѣръ, посредствомъ котораго Рикардо желаетъ разъяснить эту вторую теорему, приводитъ, однако, не къ такому заключенію, котораго слѣдовало ожидать, именно не къ тому, что возвышеніе задѣльной платы *понижаетъ* цѣнность машиннаго продукта, а только къ тому, что оно *не возвышаетъ* цѣнности машины. Независимо отъ этого, намъ опять ясно, что и новая теорема не опровергаетъ общаго мѣнового закона. Цѣнность продукта, изготовленнаго при помощи менѣе долговѣчной машины, превращаетъ цѣнность продукта, полученнаго въ результатѣ примѣненія болѣе долговѣчной машины, не абсолютно, а только относительно. Если затрачена одна и та же сумма на производство того и другого продукта, то, при одномъ и томъ же уровнѣ прибавочной цѣнности, общая сумма цѣнности продукта перваго рода будетъ равна общей суммѣ цѣнности продукта второго рода. Но годичный продуктъ менѣе прочной машины, само собою разумѣется, будетъ превышать, по цѣнности, годичный продуктъ болѣе прочной машины, потому что послѣдняя переноситъ на продуктъ менѣе цѣнности въ одинъ и тотъ же срокъ, нежели первая.

Тѣмъ не менѣе, то обстоятельство, что въ одномъ случаѣ въ продукты входитъ „много труда“, а въ другомъ „мало“, нисколько не даетъ права заключать, что возвышеніе задѣльной платы понизитъ цѣнность тѣхъ продуктовъ, въ которые входитъ труда мало, и возвыситъ цѣнность тѣхъ, въ которые входитъ труда много. Какъ бы ни были различны годичныя величины задѣльной платы и постояннаго капитала въ томъ и въ другомъ случаѣ, измѣненія, наступающія въ первой, въ точности уравновѣшиваются измѣненіями, происходящи-

ми въ уровнѣ прибыли, и общій итогъ остается прежній. Нечего и прибавлять, что все это происходитъ подобнымъ образомъ только при отсутствіи пертурбаціонныхъ вліяній. Предположимъ, напр., что въ хозяйствѣ одной отрасли промышленности употребляется машина, стоющая 1.000 руб. и приходящая въ негодность въ теченіе 10 лѣтъ, въ хозяйствѣ другой — машина той же стоимости, служащая только 5 лѣтъ. Предположимъ далѣе, что общій размѣръ задѣльной платы въ томъ и другомъ хозяйствѣ одинаковъ—500 руб. При одинаковомъ же уровнѣ прибыли, годичная цѣнность продукта перваго изъ упомянутыхъ хозяйствъ составитъ 200 руб (100 руб. цѣнности постояннаго капитала, 50 руб. цѣнности задѣльной платы, 50 руб. прибавочной цѣны), второго—400 руб. (200 руб. цѣнности постояннаго капитала, 100 руб. цѣнности задѣльной платы, 100 руб. прибавочной цѣнности). Возвышеніе задѣльной платы въ теченіе даннаго года на извѣстный процентъ, напр., на 2, повлекло бы за собою слѣдующія измѣненія во взаимныхъ отношеніяхъ прибыли и задѣльной платы: годичная цѣнность продукта хозяйства первой отрасли стала бы слагаться въ такомъ случаѣ изъ 100 руб. цѣнности машины, 52 руб. цѣнности задѣльной платы и 48 руб. добавочной цѣнности, годичная цѣнность продукта хозяйства второй отрасли содержала бы 209 руб. цѣнности машины, 104 руб. цѣнности задѣльной платы и 96 руб. добавочной цѣнности. Въ обоихъ случаяхъ цѣнность продукта осталась бы прежняя—200 и 400 р

Сверхъ разсмотрѣнныхъ нами явленій, въ каждой изъ приведенныхъ теоремъ Рикардо содержатся указанія на нѣкоторыя другія, болѣе сложныя послѣдствія употребленія въ дѣло машинъ, но разсмотрѣніе ихъ, вмѣстѣ съ обзоромъ спеціальныхъ изслѣдованій Рикардо о машинахъ (Oeuvres complètes, ch. XXXI), могло бы составить предметъ особаго сочиненія, съ болѣе спеціальнымъ содержаніемъ, чѣмъ наше.

Придя къ концу этой главы, мы считаемъ умѣстнымъ выразить словами Baumstark'a общую характеристику научнаго значенія метода и изысканій Рикардо. „Даже тотъ", говоритъ этотъ писатель [1]), „кто нашелъ бы въ книгѣ Рикардо однѣ только ошибки, научился бы изъ нея больше, чѣмъ изъ какого бы то ни было сочиненія по наукѣ народнаго хозяйства, вышедшаго послѣ Адама Смита. Вмѣстѣ съ Ад. Смитомъ Рикардо сдѣлалъ изъ этой науки калейдоскопъ, который при каждомъ поворотѣ обнаруживаетъ новую поразительную картину, состоящую изъ прежнихъ элементовъ". „Еще чаще, чѣмъ Ад. Смита", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ [2]), „Рикардо упрекали за отвлеченный характеръ его изслѣдованій. Намъ кажется, что этотъ упрекъ отно-

[1]) David Ricardo's Grundsätze etc., XXIV—XXV.
[2]) Erläuterungen über Ricardo's System, 274—6.

сится болѣе къ методу Рикардо, нежели къ источникамъ, изъ которыхъ онъ черпаетъ свои взгляды. Путь, которымъ онъ идетъ... есть всегда кратчайшій, математическій, прямая линія отъ одной точки до другой, безъ уклоненій, безъ принятія въ разсчетъ постороннихъ обстоятельствъ. Такъ какъ вслѣдствіе этого онъ является для иныхъ непонятнымъ, то его называютъ отвлеченнымъ... Что Рикардо прибѣгаетъ къ отвлеченіямъ, желая изобразить неизмѣнно дѣйствующіе законы обмѣна (Verkehr),—это неоспоримо, но точно также впадаетъ въ абстракцію и представитель матеріальнѣйшихъ наукъ — естественныхъ, когда онъ основываетъ и устанавливаетъ высшіе законы... Рикардо не желалъ сдѣлать изъ своихъ „Основаній народнаго хозяйства“ ни популярной книги, ни книги, удовлетворяющей практическимъ потребностямъ... Въ этомъ всего яснѣе познается различіе между наукою о народномъ имуществѣ и практически-хозяйственной политикой. Желаніе примѣнить науку, безъ дальнѣйшихъ соображеній, къ государственной жизни обозначаетъ незрѣлость школьника, потому что общее можетъ быть осуществлено только въ формѣ частнаго (des Besonderen), а это частное зависитъ отъ громаднѣйшей массы обстоятельствъ“.

## ГЛАВА IX.

## Разборъ теоріи общественной кооперації.

Вся совокупность изслѣдованій автора „Капитала“, а именно о цѣнности, о деньгахъ, о прибавочной цѣнности и о составныхъ частяхъ капитала имѣетъ болѣе или менѣе одинаковыя примѣненія, если не ко всей эпохѣ капитализма, то по меньшей мѣрѣ, къ среднему ея моменту; изображаетъ, такъ сказать, *сосуществующія* отношенія этого способа общественной продукціи. Одна только исторія фабричнаго законодательства въ примѣненіи къ продолжительности рабочаго дня составляетъ нѣкоторое, во всякомъ случаѣ, частное исключеніе изъ этого. Но, начиная съ ученія о кооперації, мы входимъ, вмѣстѣ съ Марксомъ, въ область философской исторіи капиталистической эпохи въ ея цѣломъ, иными словами,—получаемъ представленіе объ отношеніяхъ развитія капитализма. Можно сказать безъ малѣйшаго преувеличенія, что эта попытка изобразить главные моменты постепеннаго развитія новѣйшихъ способовъ веденія общественнаго хозяйства является не только самой удачной,—какъ въ методологическомъ, такъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ,—но также и первой въ своемъ родѣ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что ученіе Маркса о кооперації не отличается существенно отъ обыкновенной теоріи сочетанія труда, которую можно найти въ любомъ учебникѣ политической экономіи. Но мы сейчасъ увидимъ, что въ дѣйствительности это

далеко не такъ, и что разница между этими двумя ученіями оказывается весьма значительная.

Прежде всего нельзя не обратить вниманія на то, что изслѣдованія о кооперації занимаютъ въ экономическихъ сочиненіяхъ сравнительно весьма скромное положеніе. Перечисливъ кое-какъ, на скорую руку, различныя выгоды, приносимыя простою и сложною кооперацією, т. е. соединеніемъ и раздѣленіемъ труда, экономисты обыкновенно спѣшатъ перейти къ гораздо болѣе, по ихъ мнѣнію, интереснымъ и важнымъ хозяйственнымъ вопросамъ — о цѣнности, о капиталѣ, о кредитѣ и т. п., оставаясь въ убѣжденіи, что они разъяснили все, что требовалось, относительно способовъ сочетанія труда. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что въ дѣлѣ развитія содержанія этой части общественной экономіи со временъ Ад. Смита сдѣлано поразительно мало, не взирая на то, что экономисты хоромъ и чуть не до изнеможенія силъ восхваляли великое открытіе, внесенное въ науку ученіемъ о раздѣленіи труда. Правда, Джіоіа, Уэкфильдъ и отчасти Бебеджъ снабдили эти ученія нѣкоторыми довольно важными дополненіями, развивъ теорію соединенія труда, упущенную изъ вида великимъ шотландцемъ, и указавъ на нѣкоторыя спеціальныя, также незамѣченныя имъ выгоды, вытекающія изъ раздѣленія труда. Но при всемъ томъ, ученіе о кооперації оставалось весьма бѣднымъ по своему содержанію и много-много, что ставилось наравнѣ съ ученіемъ о вексельномъ курсѣ, о международной торговлѣ, о банкахъ и т. п. Никто или почти никто изъ экономистовъ даже и не подозрѣвалъ, что теорія кооперації въ обширномъ смыслѣ слова является теоріею самого общества, что она представляетъ, такъ сказать, остеологію общественной науки, кадры, въ которыхъ должно быть размѣщено все остальное содержаніе послѣдней, и что на этомъ основаніи она, по своему значенію, далеко оставляетъ за собою другіе экономическіе вопросы.

Недостаточное и одностороннее наблюденіе надъ раздѣленіемъ труда повлекло за собою еще одну важную ошибку. Ученіе о раздѣленіи труда Ад. Смита и другихъ писателей XVIII столѣтія опиралось исключительно на мануфактурное дѣленіе операцій, на сочетаніе отдѣльныхъ работъ внутри мастерской. Наблюдая раздѣленіе труда въ этой спеціальной области, упомянутые писатели спѣшили обобщить полученные ими результаты на всевозможные случаи сочетанія труда этой категоріи. Они не обратили вниманія на то, что мануфактурное дѣленіе труда и дѣленіе труда въ цѣломъ обществѣ далеко не одно и то же, что первое изъ нихъ предполагаетъ соединеніе многихъ рабочихъ подъ господствомъ одного капиталиста, тогда какъ второе осуществляется исключительно между самостоятельными владѣльцами товаровъ. Но возведеніе мануфактурнаго раздѣленія труда

на высоту всеобщаго типа этой формы сочетанія работъ было явленіемъ вполнѣ естественнымъ въ ту эпоху, когда мануфактура представляла господствующій способъ общественнаго производства. Нельзя удивляться и тому, что писатели прошлаго столѣтія признавали мануфактурное раздѣленіе труда всеобщею и прочною формою общественной продукціи, тогда какъ въ дѣйствительности она представляетъ не болѣе, какъ скоропреходящій историческій феноменъ. Гораздо болѣе страннымъ является то обстоятельство, что всѣ эти ошибки въ полномъ объемѣ были повторяемы позднѣйшими писателями. Непрерывно возрастало число фактовъ, которые, съ одной стороны, подтверждали, что мануфактурное и общественное дѣленіе труда нисколько не тождественны, а съ другой стороны, указывали, что на смѣну мануфактурному періоду давно пришелъ во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности другой періодъ—механическій. Но экономисты продолжали твердить зады и ничуть не помышляли о вопіющей необходимости раздвинуть рамки стараго ученія.

Но этого мало. Ни въ одномъ экономическомъ сочиненіи не находимъ мы ни намека, ни указанія на то, что всѣ прочіе вопросы политической экономіи тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ теоріею кооперацiи, что такое или иное ихъ рѣшеніе вполнѣ и безусловно зависитъ отъ того, какое мѣсто и значеніе будетъ отведено этой послѣдней. Вслѣдствіе непониманія этой связи, ученіе о кооперацiи является въ трудахъ экономистовъ не только недостаточно или односторонне развитымъ, но, сверхъ того, и совершенно изолированнымъ. Въ одной главѣ подобныхъ сочиненій читатель встрѣчаетъ изложеніе ученія о кооперацiи, въ другой онъ наталкивается, напримѣръ, хоть на теорію капитала и, вслѣдъ за авторомъ, остается въ полнѣйшемъ убѣжденіи, что это вещи, не имѣющія ничего общаго и нисколько не зависящія одна отъ другой. Мало-по-малу умъ начинаетъ свыкаться съ представленіемъ, что феномены, обособленные такимъ образомъ на бумагѣ, обособлены и въ самой дѣйствительности, и убѣдиться въ несостоятельности подобнаго воззрѣнія становится почти невозможнымъ.

Ни одного изъ указанныхъ промаховъ и упущеній читатель не найдетъ у Маркса. Что касается, *во-первыхъ*, опредѣленія удѣльнаго вѣса кооперацiи въ сравненіи съ другими экономическими вопросами и дальнѣйшаго развитія ея особенностей, то въ этомъ отношеніи,—можно сказать это смѣло,—онъ даетъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ другіе экономисты настоящаго столѣтія, взятые вмѣстѣ. Возведя мануфактурный способъ дѣленія труда на степень самостоятельной эпохи въ развитіи капиталистической продукціи, авторъ „Капитала" впервые совершенно яснои наглядно, при помощи превосходнаго фактическаго матеріала, показалъ, что прогрессивное движеніе общества характеризуется въ послѣднемъ счетѣ ничѣмъ инымъ, какъ *опре-*

*дѣленными* измѣненіями въ общественномъ сложеніи труда. Мануфактура, говоритъ онъ, пришедшая на смѣну ремесленно-феодальнаго сочетанія труда, была, по отношенію къ капитализму, первымъ изъ такихъ измѣненій, а механическая индустрія, въ свою очередь, смѣнившая мануфактуру. — вторымъ. Само средневѣковое ремесленное устройство представляло уже въ высшей степени дробное раздѣленіе труда, но только мануфактурѣ выпало на долю довести его до апогея и на мѣсто прежняго самостоятельнаго ремесленника поставить цѣлый механизмъ детальныхъ рабочихъ, исполняющихъ частичныя функціи сложнаго дѣла. Но хотя, такимъ образомъ, мануфактура и ведетъ дробленіе труда до крайнихъ его предѣловъ, но такъ какъ въ то же время она собираетъ группы разрозненныхъ и изолированныхъ производителей, то ей невозможно отказать въ значеніи синтетическаго, а слѣдовательно, прогрессивнаго процесса. Вотъ въ этомъ-то процессѣ, ближайшихъ особенностей котораго мы здѣсь не станемъ повторять, и состояло то измѣненіе въ сочетаніи труда, которое внесла въ экономическую исторію мануфактурная продукція. Спеціальную эпоху эта послѣдняя весьма естественно представляетъ на томъ основаніи что отличается нѣкоторыми весьма важными характеристическими чертами, которыхъ,—замѣтимъ это мимоходомъ,—не удалось до сихъ поръ разглядѣть никому изъ экономистовъ. Нѣсколько ниже мы увидимъ, какія перемѣны въ сложеніи производственныхъ операцій сопровождаютъ появленіе и развитіе машинной индустріи и какъ отражаются эти перемѣны на положеніи большинства народонаселенія. Все это изложено у Маркса до того отчетливо и полно, что не остается ничего желать въ этомъ отношеніи. Но можно пожалѣть, что авторъ „Капитала", не рискуя выйти изъ предѣловъ своей задачи, долженъ былъ ограничиться изученіемъ формъ сочетанія труда и движенія этихъ формъ среди одного только капиталистическаго общества. Вотъ почему мы не находимъ у него изображенія общественной кооперація на предыдущихъ ступеняхъ экономическаго развитія, и самый даже феодально-ремесленный строй, породившій собою капиталистическую мануфактуру, почти совершенно оставляется имъ безъ вниманія. А между тѣмъ, именно знакомство съ этимъ строемъ и представляетъ громадную важность для надлежащаго пониманія капиталистическихъ порядковъ послѣдующей эпохи. Будемъ надѣяться, что кто-нибудь другой возьметъ на себя благодарный трудъ, придерживаясь въ общихъ чертахъ программы Маркса, пополнить надлежащимъ образомъ какъ этотъ, такъ и всѣ другіе пробѣлы, которые оставлены этимъ послѣднимъ въ великой цѣни измѣненія формъ общественной кооперація. Но чтобы читателю теперь же сдѣлались яснѣе ближайшіе мотивы, послужившіе къ возникновенію мануфактуры, мы сообщимъ здѣсь нѣкоторые факты, бросающіе свѣтъ на ремесленную кооперацію.

Въ виду того, что колыбелью ремесла почти повсюду въ Западной Европѣ являлся городъ, необходимо прежде всего обратиться къ вопросу о возникновеніи городовъ. Насчетъ происхожденія ново-европейскихъ городовъ въ литературѣ существуетъ не мало разногласій[1]). Намъ лично кажется наиболѣе состоятельнымъ взглядъ Маурэра (*Geschichte der Stadtverfassung*), какъ наиболѣе удовлетворяющій соціологическимъ требованіямъ и въ то же время подкрѣпленный громаднѣйшимъ фактическимъ матеріаломъ. Въ основаніе городскихъ порядковъ, по мнѣнію этого ученаго, легли примитивные, обычные порядки сельской земледѣльческой общины. Завоевавъ римскую имперію, германцы, большею частью, срыли до основанія римскіе укрѣпленные города. Впослѣдствіи на мѣстѣ старыхъ римскихъ городовъ были воздвигнуты новые, германскіе. Но, кромѣ этого, еще во время франкскихъ королей германцы самостоятельно соорудили много укрѣпленій отчасти въ видѣ крѣпостей, отчасти въ видѣ укрѣпленныхъ сеньоріальныхъ замковъ, отчасти въ видѣ укрѣпленныхъ деревень. Однако, городами назывались въ означенное время исключительно послѣднія, и даже если укрѣплялась не сама деревня, а находящійся

[1]) По мнѣнію однихъ ученыхъ (Эйхгорнъ, Савиньи, Моне), устройство новыхъ городовъ представляетъ собою непрерывное продолженіе римскаго муниципальнаго устройства. Другіе утверждали, что въ основаніе городской организаціи легло устройство сеньоріальнаго двора. Съ точки зрѣнія третьихъ (Циммерманъ, Бурхардтъ и др.), вся совокупность городскихъ порядковъ является не болѣе какъ результатомъ дѣйствія государственной и общественной власти, такъ какъ возникновеніе ихъ обыкновенно совпадаетъ съ учрежденіемъ судовъ. По взгляду, наконецъ, четвертыхъ (Вильде, а за нимъ Гирке и др.), организація городовъ имѣла непосредственнымъ источникомъ внутреннія распорядки гильдій, цѣлью которыхъ вначалѣ было соединеніе многихъ лицъ для общихъ пиршествъ по тѣмъ или другимъ торжественнымъ случаямъ, напримѣръ, по поводу чьего-либо рожденія, смерти, брака, — впослѣдствіи же взаимная защита отъ нападенія враговъ, особенно сеньоровъ и т. п. На-ряду съ такими гильдіями, говорятъ послѣдователи этого мнѣнія, развились мало-по-малу купеческія промышленныя гильдіи, устройство которыхъ послужило образцомъ для позднѣйшихъ цеховъ и т. д.

Всѣ эти взгляды грѣшатъ однимъ и тѣмъ же капитальнымъ недостаткомъ, а именно отсутствіемъ соціально-экономической или, вѣрнѣе, соціологической точки зрѣнія. Можно-ли повѣрить, чтобы столь сложный и громадный фактъ, какъ учрежденіе городовъ, идущій красной нитью черезъ всю среднюю и новую исторію, имѣлъ бы въ основаніи своемъ простое подражаніе римскимъ муниципіямъ, сеньоріальному двору или гильдейскимъ распорядкамъ, а не то такъ и повиновеніе предписаніямъ начальства? Нѣтъ, говоритъ намъ Маурэръ (*Geschichte der Stadtverfassung*), повѣрить этому нельзя. Вотъ какъ опровергаетъ онъ первое изъ приведенныхъ мнѣній. Безсознательною основою его является, по мнѣнію Маурэра, не что иное, какъ то обстоятельство, что всякія городскія отношенія имѣютъ много общихъ чертъ, и не только германское и римское права имѣютъ общую подкладку, но сюда же слѣдуетъ присоединить еще и право древне-греческое. Городское устройство, подобно всякому другому общественному устройству, зависитъ отъ различія положеній и сословій и составляетъ результатъ ихъ развитія. Однородность положенія сословій, по всей вѣроятности,

по близости замокъ, то деревня все же становилась городомъ и крѣпостью, благодаря соединенію съ послѣднимъ. Такихъ сооруженій произведено немало, не только при Карлѣ Великомъ и при сыновьяхъ его, но и впослѣдствіи, напримѣръ, въ XIII и XIV столѣтіяхъ въ Бранденбургѣ, Помераніи, Богеміи, Моравіи и пр. Города сооружались обыкновенно на такихъ мѣстахъ, на которыхъ или уже до того стояло мѣстечко или деревня, или же такія поселенія учреждались тамъ одновременно съ постройкой городовъ. Старые города отличались отъ деревень только стѣнами и другими укрѣпленіями и были ничѣмъ инымъ, какъ укрѣпленными деревнями. Если при городѣ учреждалось новое поселеніе, то отъ сеньора или императора слѣдовалъ надѣлъ на правѣ общиннаго пользованія—отчасти для раздѣленія между новыми поселенцами, отчасти же въ качествѣ нераздѣльнаго марка, находящагося подъ лѣсомъ, пастбищами и т. д. Здѣсь продолжался, слѣдовательно, тотъ самый земледѣльческій промыселъ, который велся въ сосѣднихъ деревняхъ и на тѣхъ же основаніяхъ.

Сооруженіемъ укрѣпленныхъ городовъ занимались какъ сами короли и императоры, такъ равно и сеньоры, крупные и мелкіе, епи-

привела у грековъ, римлянъ и германцевъ къ однороднымъ результатамъ. У грековъ первоначальная городская община состояла изъ господствующаго народа. Побѣжденный народъ стоялъ вокругъ и былъ лишенъ вначалѣ всякихъ политическихъ правъ. Лишь позднѣе онъ начинаетъ добиваться правъ стараго гражданства и, будучи свѣжѣе и сильнѣе, дѣйствительно получаетъ ихъ. То же самое было у римлянъ. Старый господствующій народъ образовалъ городскую общину. Находящійся тутъ же плебсъ также первоначально не имѣетъ правъ, но впослѣдствіи, путемъ тяжелой борьбы, онъ получаетъ ихъ. Къ концу республики начинаютъ вырабатываться новыя сословія и наряду съ патриціями и старыми плебеями возникаетъ новый плебсъ, сначала въ самомъ Римѣ, позднѣе и въ провинціяхъ. Заканчивается вновь борьба, и въ лицѣ дефензоровъ новые плебеи достигаютъ такого же, приблизительно, представительства, какое получили старые въ лицѣ трибуновъ. И еслибы новый плебсъ былъ столь же силенъ, какъ и старый, то и эта борьба привела бы къ другимъ результатамъ, а не къ облегченію завоеванія страны германцами. Подобное же положеніе вещей обусловливало и ново-европейское городское устройство. Господствующее племя и здѣсь одно только было полноправнымъ. Германскіе завоеватели привлекли къ себѣ, правда, наиболѣе богатыхъ римлянъ и смѣшались съ ними. Но въ самой Германіи господствовали одни германцы. Только владѣлецъ земли, сначала только свободный, а впослѣдствіи и крѣпостной, могли быть членами старой сельской и городской общины. Но съ теченіемъ времени образовалась и здѣсь новая община, которая не имѣла права на общинную землю и находилась въ зависимости отъ старой общины. Мало-по-малу эта послѣдняя тоже организуется въ цехи или гильдіи и начинаетъ борьбу съ старой общиной. Ко времени крестовыхъ походовъ и римскихъ войнъ борьба эта возрастаетъ до maximum'а. Она кончается въ различныхъ странахъ различно, большею же частью въ пользу новаго гражданства и цеховъ, такъ какъ на ихъ сторонѣ была сила. Столь же несостоятельными находитъ Маурэръ и всѣ другія мнѣнія о происхожденіи ново-европейскихъ городовъ, а относительно возникновенія ихъ изъ гильдій приводитъ доказательства, что приверженцы этой точки зрѣнія переиначили факты и нашли гильдіи даже тамъ, гдѣ ихъ не было. *Авт.*

скопы, монастыри, аббатства. Кромѣ военныхъ и политическихъ цѣлей, имѣлись при этомъ въ виду, особенно впослѣдствіи, и чисто финансовыя: города становились выгоднымъ источникомъ различнаго рода доходовъ, извлекаемыхъ, благодаря ярмаркамъ, торговлѣ и т. п. Смотря по тому, изъ какихъ деревень возникали города, они различались между собой такъже, какъ и деревни, а именно, были свободные, помѣщичьи и смѣшанные. Свободныхъ сначала было, вѣроятно, немного: къ числу ихъ принадлежали Кельнъ и Вормсъ. Такими же свободными съ самаго начала являлись тѣ изъ городовъ, которые были построены на императорской землѣ *Landesherr'a*, а также города епископскіе. Помѣщичьи города, которыхъ вначалѣ было очень много, возникали на помѣщичьихъ земляхъ. Наконецъ, смѣшанные города (Бременъ, Гамбургъ, Цюрихъ и др.) имѣли населеніе частью свободное, частью несвободное или находящееся въ зависимости отъ различныхъ владѣльцевъ. Число подобныхъ городовъ было также весьма велико. Самые владѣльческіе города, вслѣдствіе переселенія въ нихъ свободныхъ людей, все болѣе и болѣе приближались къ типу смѣшанныхъ городовъ.

Окруживъ себя стѣнами, городъ не пріобрѣталъ еще чрезъ это никакого новаго устройства, отличнаго отъ деревенскаго. Прежнее устройство деревенскаго марка становилось теперь устройствомъ марка городского. Жители городовъ вначалѣ не различались между собою, впослѣдствіи же одни изъ нихъ — осѣдлые и владѣющіе землею — стали называться гражданами, а остальные — чужестранцами. Но каждый чужестранецъ, поселившійся въ городѣ и несущій общественныя повинности, могъ становиться гражданиномъ, и въ этомъ отношеніи не существовало исключеній даже для бѣглыхъ крѣпостныхъ, если они проживали въ городѣ годъ со днемъ. Съ теченіемъ времени, однако, права гражданства стали пріобрѣтаться все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ трудомъ и такимъ образомъ возникло въ городахъ различіе состояній, повлекшее за собою борьбу, которая окончилась въ XIV столѣтіи пораженіемъ старыхъ гражданъ новыми.

Столкновеніе правъ города съ правами общественной власти и власти сеньора, въ свою очередь, вызывало повсюду непрерывную борьбу, которая различалась въ отдѣльныхъ случаяхъ болѣе подробностями, нежели по самому существу дѣла. Большая часть позднѣйшихъ городскихъ конституцій основывается на такъ называемыхъ привилегіяхъ, договорахъ и пр. съ королями и *Landesherr*'ами; но всѣ эти уступки городамъ, которыя дѣлались ради интересовъ самой власти, обыкновенно являлись не болѣе, какъ подтвержденіемъ старыхъ, исконныхъ правъ общины, какъ по временамъ выражалось это на самомъ оффиціальномъ языкѣ. Тѣ учрежденія, которыя прежде всего повели къ упроченію городской свободы, были рынки и ярмарки,

монетные дворы и таможни, съ которыми связывалось во многихъ случаяхъ освобожденіе гражданъ отъ безконечнаго числа различныхъ пошлинъ. Пошлины эти продавались сеньорами и королями, особенно послѣдними, самимъ же городскимъ общинамъ за извѣстный постоянный взносъ, благодаря чему горожане становились въ положеніе фермеровъ и получали возможность вести свободный торгъ и промыселъ. Политическія соображенія, а именно желаніе обуздать власть и своеволіе сеньоровъ, особенно способствовали процвѣтанію городовъ, такъ какъ въ виду подобныхъ требованій королевская власть особенно была расположена дѣлать многочисленныя уступки горожанамъ—„врагамъ своихъ враговъ", по выраженію Ад. Смита. Учрежденіе рынковъ и торговъ представляетъ до такой степени общее явленіе городской жизни, что даетъ Маурэру поводъ утверждать, будто самъ городъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ огороженнымъ ярмарочнымъ мѣстомъ въ деревнѣ. Первые рынки были основаны въ особенно удобныхъ для торговли мѣстностяхъ, напр., въ Ахенѣ, Эрфуртѣ, Магдебургѣ и т. п. Помимо этого, рынки открывались во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ бывали большія стеченія народа съ религіозными или иными цѣлями,— въ языческій періодъ на мѣстахъ жертвоприношеній и суда, въ христіанскій—у главныхъ церквей, въ знаменитыхъ монастыряхъ и аббатствахъ и проч. Съ ярмарочнымъ правомъ находилось въ тѣснѣйшей зависимости право городовъ чеканить монету, въ тѣ времена тѣмъ болѣе важное, что, вслѣдствіе изобилія сортовъ монеты, купцы бывали часто, по пріѣздѣ на ярмарку, принуждены перечеканивать въ мѣстную монету привезенные съ собою слитки. Наконецъ, право не платить извѣстныхъ пошлинъ распространялось сначала на купцовъ, впослѣдствіи же стало простираться и на всѣхъ гражданъ города, которыхъ стали также называть купцами. По всей вѣроятности, говоритъ Маурэръ, именно это послѣднее наименованіе подало поводъ Вильде и другимъ писателямъ настаивать, что всѣ старожители (а они подъ ними разумѣли всю городскую общину ранняго періода) были, главнымъ образомъ, купцами, что было бы очень странно и врядъ-ли объяснимо.

Помимо свободы отъ пошлинъ, купцамъ предоставлялся во многихъ случаяхъ безопасный проѣздъ на мѣсто торга и безопасность или *миръ*, по техническому выраженію того времени, отъ нападеній во время самого торга. На-ряду съ такъ называемымъ *королевскимъ миромъ* очень рано существовалъ уже духовный *миръ Божій* или *миръ св. Петра*. Сначала такой миръ,—разумѣется, недаромъ,—доставлялся отдѣльнымъ лицамъ, потомъ цѣлымъ городамъ, на опредѣленный день въ году, впослѣдствіи на болѣе продолжительное время и даже навсегда. Въ нѣкоторые торжественные дни объявлялся подобный миръ по всей странѣ. Не менѣе важную роль въ дѣлѣ освобожденія и

развитія городовъ играло далѣе предоставленіе или, лучше сказать, возвращеніе городамъ права избирать собственныхъ судей, а также держать милицію.

Такимъ образомъ, мало-по-малу города освободились отъ власти сеньоровъ и стали сравнительно въ гораздо меньшую зависимость отъ королей и императоровъ. „Чѣмъ хуже", говоритъ Ад. Смитъ, „были отношенія государей къ своимъ баронамъ, тѣмъ щедрѣе, кажется, были они на уступки городамъ. Англійскій король Іоаннъ былъ, повидимому, однимъ изъ самыхъ благодушныхъ покровителей городовъ. Французскій король Филиппъ II потерялъ всякую власть надъ своими баронами. Сынъ его, впослѣдствіи Людовикъ Толстый, сообща съ епископами, пришелъ къ рѣшенію, что лучшимъ средствомъ обузданія своеволія сеньоровъ будетъ предоставленіе городамъ новаго судопроизводства и устройство въ нихъ новой милиціи, которая бы, при всякой надобности, поспѣшала на помощь къ королю. Во время неблагополучнаго царствованія государей изъ швабскаго дома большая часть вольныхъ нѣмецкихъ городовъ получила первые свои привилегіи и пріобрѣлъ свое значеніе знаменитый ганзейскій союзъ"

Мы видимъ такимъ образомъ, что возникновеніе и дальнѣйшее развитіе городовъ происходило подъ двойнымъ давленіемъ военныхъ и экономическихъ потребностей, въ то время еще почти сливающихся въ одно цѣлое, впослѣдствіи же, хотя и обособившихся, но все-таки идущихъ рука объ руку. Такъ, ярмарки и другія, большею частію служащія экономическимъ цѣлямъ, собранія людей указывали тѣ мѣста, которыя необходимо было укрѣпить для противодѣйствія непріятелю, какъ наиболѣе значительныя и важныя. Когда же мало-по-малу, военныя потребности стали содѣйствовать упроченію государственной власти, тогда эта же власть находитъ для себя необходимымъ способствовать свободному развитію экономическихъ потребностей города.

Новая городская свобода привлекала въ города множество различныхъ людей, особенно же художниковъ, ремесленниковъ и купцовъ, которые стекались сюда столько же ради защиты отъ феодаловъ, сколько ради пріобрѣтенія здѣсь болѣе вѣрныхъ средствъ къ жизни. Въ связи съ первоначальными поселенцами городовъ, указанный конгломератъ людей является естественною почвой для развитія къ XI и XII вѣкамъ цеховъ или городского *ремесленнаго устройства*, въ собственномъ смыслѣ слова. По поводу происхожденія цеховъ, различными писателями высказано не меньше различныхъ соображеній чѣмъ по поводу возникновенія городовъ [1]). Но и въ этомъ случаѣ Маурэръ яв-

[1]) По мнѣнію Левассёра, источникъ цеховъ—римскія коллегіи; другіе полагали, что цеховые распорядки имѣли основаніемъ то устройство, которое существовало между крѣпостными ремесленниками; по взгляду третьихъ (Гюлль-

ляется, повидимому, вѣрнѣйшимъ руководителемъ. Главное занятіе старыхъ гражданъ, говоритъ онъ, состояло въ общинномъ земледѣліи и скотоводствѣ, какъ это было отчасти, напримѣръ, въ Мюнхенѣ еще въ XVI столѣтіи. Старые города имѣли свои пастбища, лѣса и всякія другія земли. Въ нихъ встрѣчаются постановленія, относящіяся къ содержанію и продажѣ скота, къ пользованію маркомъ и т. п. на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ въ деревняхъ. Торговлю и промыслы старограждане предоставляли, какъ болѣе низкое занятіе, свободнымъ и зависимымъ ремесленникамъ и купцамъ и, по временамъ, евреямъ. какъ было, напримѣръ, въ Регенсбургѣ, Шпейерѣ и т. п. Но мало-по-малу торговля и промыслы удалили изъ городовъ земледѣліе. На первыхъ порахъ вновь приходящимъ купцамъ, ремесленникамъ и т.п. предоставлялось участіе въ маркѣ. Благодаря этому земля марка уменьшалась все болѣе и болѣе. Остальная земля начинала приносить большій доходъ, не будучи обрабатываема для полученія съ нея хлѣба, и потому была раздѣлена между гражданами въ частную собственность. На мѣсто хлѣба стали добываться плоды и овощи имѣвшіе лучшій сбытъ въ близлежащій городъ. Такимъ образомъ, города становились все болѣе и болѣе мѣстопребываніемъ ремесла и торговли, а вмѣстѣ съ этимъ измѣнилось и городское устройство: на смѣну старой сельской общины пришли цехи съ своей новой организаціей.

Въ чемъ же, однако, состояло это ремесленное устройство? Достигшій совершеннолѣтія, ремесленный порядокъ представляетъ на первомъ планѣ крайне дробное дѣленіе труда между представителями отдѣльныхъ цеховъ. При этомъ извѣстный родъ занятій не только составляетъ принадлежность опредѣленнаго числа хозяйствъ, но, сверхъ того, наслѣдуется ими изъ рода въ родъ, подобно древнимъ кастамъ, которыя вообще являются прототипомъ новѣйшаго ремесленнаго устройства. Служа звеномъ между первоначальною сельской общиной и капиталистическимъ хозяйствомъ въ собственномъ смыслѣ слова, ремесленный порядокъ представляетъ и среднія между ними условія продукціи. Въ то время. какъ членъ сельской общины работалъ только на себя, а новѣйшій наемный рабочій трудится исключительно на отдаленные рынки съ неопредѣленнымъ спросомъ,—ремесленникъ работалъ по заказу немногочисленныхъ потребителей, до крайней точности зная, чего и сколько отъ него потребуется. Дальнѣйшимъ общимъ признакомъ ремесленныхъ порядковъ являются относительно простыя и немногочисленныя, большею частію ручныя орудія труда, находящіяся въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ ничтожнымъ

манъ), цехи ведутъ свое начало отъ устройства извѣстныхъ центральныхъ помѣщеній для склада товаровъ въ городахъ; съ точки зрѣнія четвертыхъ (Вильде. Брентано), цеховое устройство является продолженіемъ гильдейскаго устройства старыхъ гражданъ. Очевидно, что всѣ эти взгляды страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ, какъ и указанные выше. по отношенію къ происхожденію городовъ. *Авт.*

числомъ покупателей ремесленнаго продукта и простыми ихъ потребностями. Говоря иначе, ремесленникъ употребляетъ въ дѣло еще несравненно менѣе косвеннаго труда, чѣмъ мануфактуристъ или фабрикантъ, непосредственный ручной трудъ въ значительной степени замѣняютъ здѣсь позднѣйшія механическія и иныя ухищренія. Но такъ какъ въ большей части случаевъ ремесленнику приходилось отправлять довольно сложный рядъ операцій ремесла и въ то же время производить лишь небольшое число предметовъ, то умъ ремесленника, съ одной стороны, не подвергался бездѣйствію ума мануфактурнаго рабочаго, съ другой же стороны, извлекалъ изъ раздѣленія труда довольно сильную изобрѣтательность. Отсюда виртуозность работы и многочисленныя мелкія изобрѣтенія ремесленнаго періода. „Никогда“, говорятъ Меррэй и Вильсонъ въ своемъ „Описаніи британской Индіи“, „не были превзойдены дакскіе мусселины по тонкости, хлопчатобумажныя и другія коромандельскія произведенія по роскоши и прочности красокъ. И это несмотря на то, что они изготовляются безъ капитала, машинъ, раздѣленія труда (мануфактурнаго) или какихънибудь средствъ, доставляющихъ столько преимуществъ европейской фабрикаціи. Ткачъ—это изолированный производитель, который приготовляетъ ткань по заказу покупателя, при помощи ткацкаго станка самой простѣйшей конструкціи“. Въ совершенствѣ работъ ремесленной продукціи не трудно убѣдиться всякому, кто дастъ себѣ трудъ посѣтить какой-нибудь изъ національныхъ нѣмецкихъ музеевъ, въ особенности мюнхенскій. А кто можетъ сосчитать всевозможныя ремесленныя изобрѣтенія? Вотъ нѣсколько примѣровъ на выдержку [1]). Въ половинѣ XVI вѣка нѣкто Іоганнъ Юргенсъ изобрѣтаетъ самопрялку; во второй половинѣ того же вѣка изобрѣтается процессъ вязанія, авъ концѣ его англичаниномъ Вильгельмомъ Ли—чулочно-вязальный станокъ. До начала XVI вѣка желѣзная руда растиралась по большей части въ обыкновенныхъ ступкахъ, и только въ это время изобрѣтаетъ нѣкто Павелъ Громменштеттеръ толчейную мельницу. Искусство превращать полосовое желѣзо въ сталь погруженіемъ его въ расплавленное желѣзо также представляетъ изобрѣтеніе ремесленнаго періода. Имена Эгеманна, Манга, Даннера и Гонперта, жившихъ частью въ XVI, частью въ XVII столѣтіи, связываются съ изобрѣтеніемъ множества мелкихъ приспособленій въ слесарной промышленности. Изобрѣтеніе пороха влечетъ за собою изготовленіе въ XIV вѣкѣ металлическихъ пушекъ, стрѣляющихъ каменными ядрами. Изготовленіе стѣнныхъ колесныхъ часовъ для башенъ и колоколенъ въ XIV вѣкѣ распространяется по всѣмъ большимъ городамъ Европы. Въ 1500 году Петръ Геле изобрѣтаетъ карманные часы съ узкой спиральной пружиной (нюренбергское яйцо). Около половины XIV вѣка изобрѣтается

[1]) Kehlen, „Geschichte der Handwerke und Gewerbe“, passim.

тряпичная бумага, а нѣсколько позже являются уже и машины для дѣланія ея. Въ ту же эпоху Гуттенбергъ изобрѣтаетъ книгопечатаніе, т. е. металлическія и деревянныя буквы и книгопечатный станокъ, которые, вслѣдъ затѣмъ, подвергаются многочисленнымъ усовершенствованіямъ. Всѣ эти указанія въ состояніи лишь напомнить, какую безконечно важную роль играетъ ремесло въ исторіи экономическаго развитія Европы: но для точнаго воспроизведенія всего изобрѣтеннаго въ ремесленный періодъ потребовалось бы написать не коротенькую замѣтку, а цѣлую книгу.

Переходя къ дальнѣйшей общей характеристикѣ ремесленнаго устройства, мы видимъ, что развитой ремесленный порядокъ не представляетъ намъ ни сложной градаціи труда въ отдѣльной мастерской, ни распаденія хозяйственной ячейки на капиталиста и на рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ. И то, и другое объясняется самой простотой основы ремесла — земледѣльческой общины. Ограниченный кругъ потребностей и столь же ограниченный размѣръ сбыта, съ одной стороны, не требуютъ, а съ другой, — и не допускаютъ расширенія и усложненія производства. Поэтому-то отношенія между мастеромъ и его подмастерьями и учениками являются въ гораздо большей мѣрѣ отношеніями по возрастамъ и по различной подготовкѣ къ дѣлу, соотвѣтствующей возрасту, нежели отношеніями различныхъ общественныхъ классовъ. Мастеръ, большею частью, самъ посвящаетъ значительную часть времени такой же работѣ, какъ и его подчиненные. Умственный трудъ въ ремеслѣ еще не отдѣляется отъ физическаго, людей, праздно живущихъ отдачей своего капитала на проценты, также еще мало, чѣмъ и объясняется необыкновенная ненависть этого періода къ ростовщикамъ и гораздо болѣе льготное отношеніе къ нимъ законодательства и общества въ новѣйшее время, когда полученіе процентовъ совершается подъ сотнею различныхъ формъ. Борьба между различными классами городского общества также существуетъ и идетъ черезъ гораздо большую часть среднихъ вѣковъ, но это борьба ремесленниковъ съ древними купеческими гильдіями и старогражданами. Когда же впослѣдствіи, послѣ XIV вѣка возникаетъ борьба между подмастерьями и мастерами, то мы уже стоимъ на порогѣ мануфактурной продукціи, когда изъ мастера, ростовщика и купца мало по-малу развивается капиталистъ.

Таковы главнѣйшія черты ремесленнаго производства вообще. Что же касается ремесленной кооперації, то въ основаніи ея лежатъ слѣдующіе признаки: вся совокупность ремесленниковъ, живущихъ обыкновенно въ городской чертѣ, представляетъ до извѣстной степени ту же сельскую общину, члены которой тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою цѣлымъ рядомъ отношеній, имѣющихъ цѣлью обезпечить равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ всѣхъ и

каждаго. Вмѣсто новѣйшаго принципа „каждый за себя, Богъ за всѣхъ", или еще лучше „*ôte toi de là que je m'y mette*", въ средневѣковыхъ городахъ, хотя и въ маленькихъ предѣлахъ, господствовалъ другой, а именно, что городъ долженъ представлять собою тѣсно сплоченную массу индивидуумовъ, заботящихся о матеріальныхъ и нравственныхъ интересахъ другъ друга. Средневѣковый городъ въ лицѣ своихъ представителей непрерывно блюдетъ и контролируетъ всю совокупность экономическихъ процессовъ, совершающихся въ стѣнахъ его. Этотъ общинный до извѣстной степени характеръ городского хозяйства есть прямое наслѣдіе отъ тѣхъ временъ, когда всѣ и каждый занимаются однимъ и тѣмъ же дѣломъ, когда осуществляется такая организація общественнаго труда и потребленія, которая обезпечиваетъ правильный и точный ходъ хозяйственной машины—наслѣдіе порядковъ земледѣльческой общины. Городское хозяйство ремесленниковъ есть сложная кооперація труда и потребленія, заложенная на основѣ болѣе широкой простой кооперації и существующая одновременно съ послѣдней.

Понятно, впрочемъ, само собою, что соблюсти экономическое равновѣсіе является уже гораздо болѣе сложной и трудной задачей при раздѣленіи труда по цехамъ и корпораціямъ, представляющимъ жизненные нервы ремесленнаго періода, нежели среди жителей села, поголовно занимающихся воздѣлываніемъ земли. Задача эта разрѣшается при помощи цѣлой системы различныхъ мѣръ, направленныхъ къ обезпеченію интересовъ какъ производителей, такъ и потребителей. Мѣры эти установлялись частью цѣлымъ городскимъ обществомъ, частью отдѣльными цехами, внутри которыхъ опять-таки существовалъ родъ простой кооперації между всѣми мастерами одного цеха, а потому и являлась необходимость въ обезпеченіи равенства въ ихъ экономическомъ положеніи.

Какъ совокупность городскихъ жителей, городская община нуждалась для удовлетворенія своихъ потребностей въ опредѣленномъ количествѣ ремесленнаго труда. Выполненіе этого труда—торговля и промыслы —предоставлялось постоянно живущимъ въ городской чертѣ личностямъ, съ полнымъ исключеніемъ чужеземцевъ. Этому праву производителей соотвѣтствовала обязанность потребителей обращаться съ своими заказами исключительно къ первымъ. Отсюда возникала совокупность принудительныхъ экономическихъ отношеній или такъ называемый нѣмцами *Zunftzwang* [1]). Такъ, напр., городское общество заботилось о доставленіи занятій и пропитанія тѣмъ изъ городскихъ жителей, которые остаются безъ того и другого; оно воздвигало на городскія и цеховыя средства общеполезныя учрежде-

[1]) См. Schönberg, „Zur wirthschaftl. Bedeutung d. deutsch. Zunftwesens im Mittelalter".

нія; оно приглашало со стороны ремесленниковъ въ случаѣ отсутствія представителей того или другого ремесла въ городѣ и т. д. Но все это ничто въ сравненіи съ цѣлымъ комплексомъ постановленій, имѣвшихъ въ виду болѣе частныя отношенія. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ.

Чтобы обезпечить извѣстную сумму труда членамъ цеховъ, требовалось для вступленія въ нихъ соблюденіе извѣстныхъ условій, какъ-то: незапятнанная репутація, обладаніе извѣстнымъ имуществомъ (въ Любекѣ, напр., отъ 4 до 30 марокъ серебра), по временамъ происхожденіе отъ родителей, состоящихъ въ законномъ бракѣ. За исполненіемъ этихъ условій другихъ притѣсненій вообще не дѣлалось и допускалось извѣстное свободное соперничество. Такіе порядки господствовали, впрочемъ, во времена самаго сложенія цеховъ и кооперацій; впослѣдствіи же, напримѣръ, въ XIV вѣкѣ ограничивается уже самое число членовъ отдѣльнаго цеха. Для доставленія городскимъ производителямъ вѣрнаго сбыта ихъ товаровъ внутри города, воспрещалось, какъ мы уже сказали, торговать въ городѣ всѣмъ постороннимъ лицамъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляли только нѣкоторые разряды городской торговли и затѣмъ періодически повторяющіеся базары или ярмарки въ городахъ. Что касается купцовъ и лавочниковъ, то послѣднимъ дозволялось торговать извѣстными товарами, ввозимыми оптовыми купцами. Вообще, коллизіи между ремесленниками и лавочниками бывали вначалѣ, по всей вѣроятности, весьма немногочисленны, такъ какъ самое количество товаровъ, производимыхъ въ городѣ и продаваемыхъ лавочниками, постоянно регулировалось властями. Когда же впослѣдствіи, а именно въ XV вѣкѣ подобныя столкновенія стали чаще, то въ это время процессъ разложенія цеховъ уже былъ въ полномъ ходу. Болѣе замѣчательное вліяніе въ смыслѣ соперничества цехамъ оказывали базары или ярмарки. Но эти сборища служили только коррективомъ противъ возможныхъ злоупотребленій цеховыхъ производителей, а отнюдь не уничтожали ихъ права на работу, такъ какъ, съ одной стороны, цехи имѣли въ городахъ уже установившіеся круги покупателей, а съ другой стороны, товары, привозимые на ярмарки, вслѣдствіе высокихъ издержекъ по перемѣщенію, не могли, строго говоря, соперничать съ товарами внутренняго производства. Помимо этихъ мѣръ, направленныхъ, частью, для возбужденія въ цехахъ соревнованія съ чужими промышленниками, частью, для обезпеченія покупателей отъ злоупотребленія ихъ, въ отдѣльныхъ городахъ прибѣгали еще къ нѣкоторымъ другимъ средствамъ для тѣхъ же цѣлей. Такъ, напримѣръ, въ Любекѣ съ древнѣйшихъ временъ существовалъ обычай дозволять чужестранцамъ или „гостямъ“ въ теченіе 3-хъ дней въ году выставлять на продажу свои товары, что неоднократно под-

тверждалось въ цеховыхъ статутахъ. Но при этомъ часто запрещалось продавать подобные товары вразсробь, опредѣлялись мѣста продажи,—напримѣръ, церковный дворъ, открытый погребъ и т. п. За вычетомъ этихъ ограниченій, всѣ прочія мѣры въ этомъ направленіи клонились къ доставленію цехамъ правильнаго и непрерывнаго сбыты продуктовъ ихъ работы. Этимъ косвенно опредѣлялось и то количество рабочаго времени и продукта, которое могло затрачиваться и получаться представителями отдѣльныхъ цеховъ

Но система цеховыхъ порядковъ не ограничивалась однимъ обезпеченіемъ сбыта въ предѣлахъ извѣстнаго района. Необходимо было еще распредѣлить равномѣрную работу между производителями одного и того же цеха. Къ этой цѣли стремилось слѣдующее установленіе: внутри цеха свободное соперничество устраняется окончательно и въ основу отношеній представителей отдѣльныхъ хозяйственныхъ группъ кладется начало „равенства и братства“. Начало это выражалось въ цѣломъ рядѣ предписаній цеховыхъ статутовъ, степень достиженія которыхъ, конечно, представляетъ, за давностью, весьма темный вопросъ въ настоящее время. Такъ, напр., ставится ограниченіе числа учениковъ и подмастерьевъ, содержимыхъ однимъ мастеромъ. Дозволенное число чужихъ рабочихъ силъ въ различныя эпохи было не одинаково, но очень рѣдко оно превышало четыре, при которыхъ большею частію могли быть еще 1 или 2 ученика. Непосредственною цѣлію этого ограниченія было обезпеченіе ремесла отъ попытокъ поставить его на болѣе широкую, капиталистическую ногу и среди сравнительно простыхъ отношеній той эпохи это, вѣроятно, и удавалось. Но въ тѣхъ или въ другихъ отдѣльныхъ случаяхъ трудно было воздержаться отъ соединенія большого количества рабочихъ силъ, и если прибавить къ этому покупку большой массы матеріала, то окажется, что предпріятія подобнаго рода всего раньше должны были претендовать на капиталистическое устройство. Цеховая организація стремилась противодѣйствовать этому различными путями. По временамъ, какъ, напр., по отношенію къ цеху плотниковъ въ Базелѣ и Страсбургѣ и каменщиковъ въ Любекѣ, ограничивалось число помощниковъ. Когда же являлась необходимость въ сооруженіи большого зданія, то оно должно было выполняться совмѣстною работою многихъ мастеровъ. Еще чаще встрѣчается постановленіе, въ силу котораго никто не имѣетъ права браться разомъ болѣе, нежели за одно дѣло, или, по крайней мѣрѣ, болѣе, чѣмъ за два. Иногда воспрещается поставка матеріала самимъ строителямъ и поручается другимъ лицамъ. Но въ иныхъ случаяхъ, по самой природѣ той или другой отрасли промышленности, требуются громадныя мастерскія и всякаго рода приспособленія. Таковы, напр., нѣкоторыя ступени въ обработкѣ шерсти, которыя оказываются окончательно не подъ силу

отдѣльнымъ лицамъ или даже соединенію нѣсколькихъ лицъ. Тутъ выходили изъ затрудненія или такъ, что постройку брала на себя вся городская община и потомъ отъ себя уже предоставляла ее въ пользованіе членамъ однородныхъ цеховъ на равныхъ правахъ, или же, что случалось еще чаще, вопросъ опять-таки рѣшался примѣненіемъ къ дѣлу ассоціаціи многихъ мастеровъ одного цеха. Такъ сооружались зданія для чистки, чески, стрижки, окраски, сушки и т. п. шерсти, такъ пріобрѣтались сады, гдѣ шерсть бѣлилась, дома, гдѣ она продавалась, и т. д.

Къ числу дальнѣйшихъ мѣръ, имѣющихъ въ виду равномѣрное распредѣленіе производства, относятся тѣ предписанія, которыя стремятся къ ограниченію количества продукта. Впрочемъ, дѣйствіе подобныхъ предписаній могло распространяться исключительно на случаи, когда продукты отличались полной однородностью и готовились не по заказу, а на продажу, при отсутствіи ограниченій въ числѣ подмастерьевъ. Значительно рѣже встрѣчается попытка регулировать рабочее время мастера и подмастерьевъ, а когда къ ней прибѣгаютъ, то это дѣлается не съ экономическою, а съ религіозной и иными цѣлями: такъ, запрещается работать по воскресеньямъ и по вечерамъ субботъ, по временамъ, при свѣтѣ лампы,—для избѣжанія пожаровъ, по ночамъ,—ради спокойствія сосѣдей, и т. д.

Въ тѣхъ же общихъ видахъ,—равновѣсія въ производствѣ.—воспрещались ассоціаціи мастеровъ одного цеха, пріобрѣтеніе покупкою чужихъ товаровъ для перепродажи ихъ на рынкѣ и т. п. Но было, сверхъ того, необходимо достигнуть равенства въ издержкахъ производства. Для этой цѣли иногда пріобрѣтался сообща матеріалъ и затѣмъ распредѣлялся между мастерами поровну; иногда онъ выдавался по мѣрѣ надобности, иногда, хотя и допускалась покупка матеріала порознь, но купившій долженъ былъ увѣдомить о ней своихъ товарищей и, если они пожелаютъ, уступить имъ часть его. По временамъ, когда увѣдомленіе о покупкѣ не ставилось въ обязанность, случайно услышавшій о ней товарищъ имѣлъ право на пріобрѣтеніе части матеріала по покупной цѣнѣ. Въ иныхъ, наконецъ, случаяхъ права покупщика стѣснялись еще больше: такъ, напр., полировальщикъ мечей (Schwertfeger) въ Любекѣ, когда желалъ выѣхать изъ города за покупкой матеріала, долженъ былъ за три дня впередъ увѣдомить о томъ свой цехъ и взять съ собой на общій счетъ и рискъ каждаго изъ своихъ товарищей, который пожелаетъ съ нимъ отправиться. Та же цѣль достигалась, далѣе, еще и назначеніемъ мѣстъ или опредѣленнаго времени для покупки сырыхъ матеріаловъ, чтобы дать возможность всѣмъ членамъ цеха принять въ ней участіе. Чтобы помѣшать богатымъ пользоваться преимуществомъ при покупкѣ матеріала, практиковались подчасъ довольно замысловатыя мѣры, вро-

дѣ той, какая заключается въ статутахъ дубильщиковъ въ Фрейбургѣ въ Бризгау подъ 1477 г. Послѣдняя гласитъ, что ни одинъ дубильщикъ, пріобрѣтая кожи, не имѣетъ права давать взаймы мясникамъ, чтобы вслѣдствіе этого „покупка не перестала у насъ быть одинаковой какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ“.

Въ томъ же самомъ направленіи должны были дѣйствовать таксы на продукты ремесла, а также на задѣльную плату, которая являлась въ видѣ поштучной и повременной. Необходимо, помимо этого, упомянуть о предписаніяхъ, на основаніи которыхъ продуктъ долженъ былъ отличаться совершенно однородными качествами, причемъ имѣлась въ виду выгода какъ потребителей, такъ и отдѣльныхъ производителей, которые могли нести убытки, благодаря сравнительной добросовѣстности въ изготовленіи заказовъ. Цѣлая масса мѣръ имѣла цѣлью обезпечить равныя условія сбыта и въ этихъ видахъ назначалось время, мѣсто и родъ продажи, а также запрещалось отбивать покупателей.

Не меньшею точностью и подробностью отличались и тѣ постановленія, которыми опредѣлялось положеніе несамостоятельныхъ членовъ цеха—учениковъ и подмастерьевъ. Относительно учениковъ установлялись срокъ ученія, условія принятія, наказанія за бѣгство и т. д. Подмастерьямъ воспрещалось вступать въ бракъ, проводить внѣ дома ночь, уходить послѣ 10 часовъ, часто посѣщать трактиры и т. д. Они наказывались за непослушаніе хозяину, за неуваженіе къ нему, за то, что работали на себя, и т. д.

Всѣхъ этихъ, хотя и далеко неполныхъ, указаній достаточно, чтобы составить себѣ довольно ясную идею о той связи, которою соединялись во-едино всѣ жители отдѣльной городской общины, какъ бы ни были различны ихъ занятія. Конечно, за городской стѣною связь эта прекращалась, и на мѣсто „равенства и братства“ становились феодальные порядки кулачнаго права. Но въ тѣхъ, хотя и узкихъ, предѣлахъ, въ какихъ она дѣйствительно осуществлялась, естественнымъ послѣдствіемъ ея бывали всеобщее благосостояніе и справедливость во взаимныхъ отношеніяхъ.

По мѣрѣ возрастанія городского населенія, по мѣрѣ упрощенія ремесленныхъ операцій и расширенія мѣновыхъ сношеній, цехи естественно дробились все болѣе и болѣе. Такъ, по словамъ Маурэра, въ болѣе раннюю эпоху не только ремесленники, ведущіе однородный промыселъ, входили въ составъ одного цеха, но въ одинъ же цехъ часто соединялись и представители многихъ родственныхъ отраслей занятій. Такъ, въ Базелѣ каменщики, плотники, штукатурщики, каретники и нѣкоторые другіе ремесленники составляли одинъ цехъ; къ цеху лодочниковъ принадлежали здѣсь также рыбаки; къ цеху садовниковъ—огородники и т. п. Въ Страсбургѣ въ одинъ и тотъ же цехъ

входили дубильщики, башмачники и пр. Вначалѣ кузнецы выполняли всевозможныя желѣзныя работы. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ къ кузнецамъ принадлежали изготовители шпоръ, оловянщики, оружейники, гвоздари, ножевщики, изготовители подковъ, а съ 1552 года — также и часовщики. Но съ теченіемъ времени этотъ порядокъ измѣнился. Съ XIII столѣтія изготовители подковъ стали отдѣляться отъ оружейниковъ, оружейники отъ ножевщиковъ, отъ слесарей и гвоздарей. Оружейники, въ свою очередь, раздѣлились на шлемовщиковъ, щитовщиковъ, броневщиковъ, полировальщиковъ брони, панцырниковъ; ножевщики — на ножевщиковъ въ собственномъ смыслѣ и на изготовителей косъ. Каждый изъ этихъ подъ-отдѣловъ организовался въ новое отдѣльное ремесло и часто даже въ особенный цехъ. Цехи эти назывались иногда.—напр., въ Базелѣ,—полуцехами и расщепленными цехами. Въ Ульмѣ красильщики и ткачи грубой шерсти принадлежали къ одному цеху купцовъ. Но въ XV столѣтіи тѣ и другіе выдѣляются изъ цеха купцовъ и образуютъ свой собственный цехъ. Башмачники также подраздѣлялись на шьющихъ новые башмаки, починяющихъ старые, шьющихъ туфли и т. д. Въ Мюнхенѣ къ цеху ткачей принадлежали всевозможные ткачи, какъ шерсти, такъ и льна. Въ XV столѣтіи являются здѣсь уже два цеха, а къ концу его ткачи шерсти снова распадаются на два цеха—суконщиковъ, занимающихся обработкою тонкой фламандской и итальянской шерсти, и ткачей, обрабатывающихъ простую туземную шерсть. Къ нимъ привходитъ въ теченіе того же столѣтія еще цехъ перчаточниковъ, изготовляющихъ перчатки изъ шерсти, и вязальщиковъ шерстянаго бѣлья, изъ которыхъ впослѣдствіи, какъ въ Кенигсбергѣ, образуются ткачи-чулочники, вязальщики чулокъ и т. п. По временамъ, правда, встрѣчается и соединеніе различныхъ цеховъ въ одинъ, но процессъ дробленія ихъ является общимъ правиломъ гораздо обширнѣе, сильнѣе и глубже, нежели обратный ему.

Дѣленіе цеховъ на виды и подъ-виды съ теченіемъ времени становилось не подъ силу старымъ цеховымъ порядкамъ, которые не могли уже сдержать прежней пропорціональности между производствомъ и потребленіемъ всѣхъ и каждаго, имѣя дѣло съ безмѣрнымъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ и въ то же время самостоятельныхъ производителей. По мѣрѣ наростанія новыхъ условій и отношеній прежнее ремесленное устройство становилось мало-помалу неудовлетворяющимъ своему назначенію, весьма тягостнымъ для заинтересованныхъ лицъ, наконецъ,—просто смѣшнымъ. Во Франціи портной не имѣлъ права чинить стараго платья, лоскутникъ—дѣлать новаго. Ящики изготовлялись однимъ цехомъ *(coffretiers)*, замки на нихъ набивались другимъ *(serruriers)*. Трактирщикъ не имѣлъ права приготовлять жаркого и печь пироги—на это были *rôtisseeriers*

и *pâtissiers*. Кузнецъ не дѣлалъ гвоздей, штукатуръ не имѣлъ права дѣлать отверстій въ стѣнѣ, а сѣдельщикъ—прибить къ сѣдлу металлическія украшенія и т. д. Въ Германіи каменщикъ не могъ ставить печи, портной—нашивать мѣха, булочникъ—печь пироги, столяръ—вставлять стекла въ сдѣланныя имъ самимъ рамы и т. п. Столь мелочное *общественное* дѣленіе труда порождало множество спеціальныхъ опредѣленій въ цеховыхъ статутахъ и множество споровъ и столкновеній въ жизни. Возникалъ цѣлый рядъ вопросовъ: когда новое платье должно поступить въ руки тряпичника? Когда желѣзный ломъ или ножикъ долженъ сдѣлаться предметомъ торговли купца старымъ желѣзомъ? Дѣлая замокъ, почему не сдѣлать винтовъ для него нужныхъ? Въ мемуарахъ французскаго парламента процессы, возникавшіе вслѣдствіе жалобъ цеховъ на нарушенія взаимныхъ правъ, составляютъ цѣлые фоліанты. Дѣло очень часто рѣшалось не приговоромъ парламента, а при посредствѣ кровавыхъ свалокъ.

Не трудно видѣть изъ этихъ фактовъ, что процессъ дробленія цеховъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и процессомъ ихъ разложенія. По мѣрѣ возрастанія дезорганизаціи въ общественномъ дѣленіи труда росла необходимость въ замѣнѣ утраченной простой кооперації [1]) другою формою ея,—соединеніемъ въ группы безчисленнаго множества самостоятельныхъ хозяевъ. Вотъ эту-то задачу и стала разрѣшать по-своему капиталистическая продукція подъ видомъ той мануфактуры, о которой идетъ рѣчь у Маркса. На мѣсто множества отдѣльныхъ мастеровъ мануфактура ставитъ рабочій механизмъ, состоящій изъ детальныхъ рабочихъ подъ властью одного капиталиста. Вслѣдствіе этого общественное дѣленіе труда на время съузилось и замѣнилось еще болѣе значительнымъ дѣленіемъ операцій внутри отдѣльной мастерской.

Но распаденіе цеховъ является послѣдствіемъ не одной только указанной причины, а весьма многихъ, цѣпляющихся одна за другую. Такъ, напр., развитіе сношеній имѣло результатомъ измѣненіе потребностей и возрастаніе сбыта, а эти послѣднія явленія—введеніе улучшеній въ производство. Но всякое усовершенствованіе въ процессахъ производства являлось конкурренціею для цеховъ и влекло за собою отчаянную борьбу за существованіе. „Если ходъ развитія ремеслъ", говоритъ Степановъ[1]), „дѣлалъ ненужными извѣстные предметы, то дѣло шло о жизни и смерти членовъ корпораціи. Въ этихъ случаяхъ являются съ ихъ стороны просьбы о покровительствѣ, о запрещеніи вредной новизны, а подъ рукою изобрѣтаются и другого рода средства для избавленія отъ врага. Такъ, въ Германіи сошли со сцены послѣ долгой и мужественной обороны шнурочники дѣлатели

[1]) „Сравнительно-историческій очеркъ организаціи ремесленной промышленности и пр." Кіевъ. 1864.

стрѣлъ, арбалетовъ, оловянщики, парикмахеры, чулочники и многіе другіе. Очевидно, что при длинныхъ платьяхъ не нужно чулокъ, при всеобщемъ употребленіи глиняной, фаянсовой и каменной посуды оловянная становится рѣдкостью, при огнестрѣльномъ оружіи не годятся стрѣлы, и болѣе естественный вкусъ въ уборкѣ головы роняетъ употребленіе париковъ. Прежде чѣмъ европейскія правительства, по примѣру революціонной Франціи, принялись за ломку старыхъ ремесленныхъ учрежденій, усовершенствованные способы производства, возникновеніе фабрикъ и заводовъ (мануфактуры), перемѣна привычекъ и вкуса потребителей стерли многія изъ нихъ безъ малѣйшаго участія общественной власти".

Въ томъ же самомъ направленіи дѣйствовала борьба новой демократіи, развившейся съ XIV столѣтія,—подмастерьевъ, съ новой аристократіей внутри самыхъ цеховъ—мастерами. Эта новая борьба есть начало великаго современнаго общественнаго столкновенія между классами капиталистовъ и рабочихъ. Положеніе подмастерьевъ, не вполнѣ удовлетворительное и въ прежнее время, хотя все же довольно сносное, начиная съ XIV вѣка, когда цехи одерживаютъ рѣшительную побѣду надъ старогражданами, становится все хуже и хуже. Вступная плата въ цехи возрастаетъ, число членовъ ихъ ограничивается, требуется часто представленіе дорогой образцовой работы. Къ этому присоединяется все рѣзче и рѣзче проводимая наслѣдственность цеховъ для уменьшенія соперничества. Понятно, что все это уменьшало для подмастерьевъ шансы становиться со временемъ самостоятельными мастерами, на что они имѣли полное право. Отсюда стачки, тайныя общества подмастерьевъ съ цѣлью противодѣйствія патронамъ и т. под. Но тѣ же самыя причины послужили къ образованію готоваго контингента наемныхъ рабочихъ для возникающихъ капиталовъ.

Такимъ образомъ совокупное дѣйствіе множества причинъ, полное перечисленіе которыхъ повело бы насъ слишкомъ далеко, подкапывало ремесленную кооперацію въ самомъ корнѣ и понемногу водворяло на развалинахъ ея капиталистическую мануфактуру. Эта послѣдняя представляетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, несомнѣнный шагъ впередъ. Она расширяетъ размѣры производства и сбыта и тѣмъ способствуетъ распространенію кооперативныхъ связей на множество людей, не знавшихъ прежде ос ществованіи другъ друга. Она соединяетъ вмѣстѣ разбросанныхъ ремесленныхъ производителей и тѣмъ даетъ начало дѣйствительной общественной продукціи, болѣе правильной и механической, чѣмъ прежде. Всѣ эти результаты мануфактуры тѣмъ важнѣе, что достиженіе ихъ приходится на время, когда ремесленное устройство находилось въ полнѣйшемъ разложеніи и когда отъ прежнихъ благъ его не оставалось и слѣда. Но если мы срав-

нимъ мануфактуру съ эпохой процвѣтанія цеховъ, то мы легко замѣтимъ, что указанный прогрессъ оправдывалъ пословицу: „нѣтъ розы безъ шиповъ".

Чѣмъ замѣняетъ, напримѣръ, мануфактура ту простую кооперацію городской общины, которая служила почвою для цехового раздѣленія труда, а также ту, которая соединяла вмѣстѣ отдѣльныхъ мастеровъ одного цеха? Борьбою интересовъ не на животъ, а на смерть между всѣми. кто только входитъ во взаимныя экономическія отношенія, между производителями и потребителями порознь и вмѣстѣ, между рабочимъ и рабочимъ. рабочимъ и хозяиномъ. Что ставитъ, далѣе, мануфактура на мѣсто прежнихъ патріархальныхъ отношеній между мастеромъ и подмастерьемъ? Бездну между капиталистомъ и рабочимъ.—Всѣ эти измѣненія понятны. При постоянствѣ отношеній ремесленной продукціи не трудно вычислить издержки производства и таксою нормировать размѣръ цѣны товаровъ. Но та же такса становится уже дѣломъ невозможнымъ при непрерывныхъ колебаніяхъ въ количествѣ и въ качествѣ продукта и при невѣрности сбыта. Для достиженія хотя приблизительнаго равновѣсія затратъ въ произведеніяхъ, поступающихъ въ обмѣнъ, не остается ничего иного, какъ покупателю не додавать, продавцу же запрашивать не въ мѣру. Тому же назначенію удовлетворяетъ и борьба между производителями однороднаго товара съ одной и потребителями его съ другой стороны. Оставленные съ глазу на глазъ, отдѣльные производитель и потребитель не могли бы дебатировать цѣны вполнѣ свободно и успѣшно, и вотъ на помощь къ нимъ являются соперники. Такимъ же образомъ. пока все дѣло въ томъ, чтобы доставить удовлетвореніе вполнѣ и напередъ извѣстнымъ потребностямъ немногочисленнаго круга лицъ, нѣтъ ни малѣйшей надобности въ обширныхъ мастерскихъ, и каждый можетъ съ легкостью вести самостоятельное и отдѣльное хозяйство. Но какъ прикажете остаться при прежнихъ способахъ и формахъ производства, когда становится необходимымъ работать на множество отдаленныхъ и случайныхъ покупателей, которыхъ предстоитъ еще добыть, не говоря уже о томъ, что все, относящееся къ ихъ потребностямъ, есть книга на незнакомомъ языкѣ? Не трудно видѣть, что подъ вліяніемъ такихъ причинъ, во-первыхъ, возрастаетъ централизированіе производства; во-вторыхъ, возникаетъ іерархія среди производителей отдѣльныхъ мастерскихъ и, въ-третьихъ, увеличивается значеніе функціи распорядителя-капиталиста въ ущербъ всѣмъ прочимъ функціямъ детальныхъ соучастниковъ труда.

Все это довольно длинное отступленіе о ремесленномъ устройствѣ имѣло цѣлью показать, какая почва лежала подъ капитализмомъ, благодаря какимъ мотивамъ на смѣну ремесла пришла мануфактура. Не знаемъ, слѣдуетъ-ли прибавлять, что очеркъ нашъ не болѣе, какъ

блѣдный снимокъ съ тѣхъ явленій, о которыхъ онъ трактуетъ, и что мы не коснулись многаго такого, что представляетъ немаловажное значеніе для полнаго и всесторонняго освѣщенія вопроса. Но такъ или иначе, а онъ достаточно даетъ понять, насколько правъ былъ авторъ „Капитала“, когда поставилъ ученіе о кооперации на тотъ высокій пьедесталъ, котораго ему недоставало въ трудахъ экономистовъ.

Однако, тотъ ошибся бы, кто бы подумалъ, что сложная кооперація есть исключительный аттрибутъ одной мануфактуры и отчасти ремесла. При этихъ формахъ производства она представляетъ явленіе постоянное. Но изрѣдка, по мѣрѣ надобности, ее употребляютъ въ дѣло и на гораздо болѣе раннихъ ступеняхъ экономическаго развитія. Вотъ нѣсколько примѣровъ, служащихъ для характеристики порядковъ, которымъ слѣдуютъ при земледѣльческихъ работахъ общиннымъ способомъ. На сѣверо-восточномъ берегу Новой Гвинеи [1]) *обработка почвы* производится сообща посредствомъ заостренныхъ кольевъ изъ желѣзнаго дерева и деревянныхъ желопатокъ: „мужчины, двигаясь шеренгой, кольями поднимаютъ большія глыбы земли, расчищенной изъ-подъ обгорѣлаго лѣса; по мѣрѣ того, какъ они идутъ впередъ, за ними двигаются женщины и разбиваютъ землю на меньшіе комы; за женщинами слѣдуетъ рядъ дѣтей, окончательно разрыхляющихъ ее“. Въ Сербіи [2]), при *снятіи жатвы „мобою“* (родъ помочи или толоки), работы идутъ въ такомъ порядкѣ: „одни жнутъ, кладя пучки за себя, другіе подбираютъ эти пучки, третьи вяжутъ снопы, четвертые плетутъ для сноповъ веревки; сообразно съ самымъ раздѣленіемъ этого труда, веревки плетутъ люди пожилые, снопы вяжутъ тѣ у которыхъ мышцы поздоровѣе, собираютъ пучки ребятишки (лѣтъ до 17), а жнетъ народъ сильный, неустающій — мужчины и женщины“. Жители курганскаго округа и другихъ мѣстностей средней и южной Сибири [3]) соблюдаютъ при *молотьбѣ* слѣдующія правила: „они кладутъ снопы сушенаго хлѣба въ два ряда, комлями или соломою внутрь, а колосьями въ наружную сторону: тогда въ два ряда молотятъ, двигаясь взадъ и впередъ. Въ это время старушки и дѣти раскладываютъ другой такой же родъ сноповъ, и когда молотильщики переходятъ къ другому разложенному ряду, то тѣ же старухи идутъ къ перемолоченному первому ряду, выбираютъ солому или переворачиваютъ снопы, чтобы еще помолотить, если въ колосьяхъ еще остались зерна“. Читатель, безъ сомнѣнія, согласится съ нами, что примѣры эти очень интересны и что они бросаютъ немного свѣта на совершенно темную донынѣ сферу общественнаго сочетанія труда у

[1]) „Вѣстникъ Европы“, іюнь, 1874 г. „Князь Изумрудъ“.
[2]) „Современникъ“. 1865 г., т. CVIII, „Сербское село“. 136—137.
[3]) „Отеч. Записки“, май, 1876 г., „Записки барона А. Е. Розена“, 17—18.

чисто земледѣльческихъ народовъ. А между тѣмъ, какая масса матеріала, имѣющаго отношеніе къ этому предмету, а также къ распорядкамъ производства у народовъ охотничьихъ, рыболовныхъ и кочевыхъ, лежитъ еще подъ спудомъ въ безчисленной литературѣ путешествій!

Еще разъ повторяемъ, все сказанное нами показываетъ ясно, что даже въ томъ стѣсненномъ рамками капитализма видѣ, въ какомъ трактуется кооперація въ „Капиталѣ“, эта послѣдняя пріобрѣтаетъ новое и чрезвычайно важное значеніе, мимо котораго прошли другіе экономисты. Но, чтобы не оставить въ этомъ и сомнѣнія, мы обратимъ вниманіе читателя на нѣкоторыя логическія послѣдствія той роли, которая отведена кооперації Марксомъ.

Соціалистическіе писатели тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ составили, какъ извѣстно, громадное множество плановъ желательнаго въ интересахъ большинства народонаселенія кооперативнаго устройства будущаго общества. При этомъ естественно предполагалось что люди могутъ по собственному желанію ввести въ употребленіе какую имъ угодно форму сочетанія труда, лишь бы только она казалась имъ разумною и выгодною. Съ другой стороны, противники соціалистовъ, стоявшіе на стражѣ *status quo*, съ важностью взвѣшивали тѣ выгоды и невыгоды, которыя бы сопровождали замѣну существующаго экономическаго строя кооперативнымъ, и если приходили къ отрицательному на этотъ счетъ рѣшенію, то только на томъ основаніи, что новыя идеи казались имъ превратными, опасными и вредными. При этомъ опять-таки безъ замедленія допускалось, что вопросъ о самомъ осуществленіи того или другого придуманнаго плана общественной кооперації или совсѣмъ лишенъ значенія, или, по меньшей мѣрѣ, маловаженъ. Былъ, наконецъ, и еще процентъ людей, который, въ силу такихъ или иныхъ соображеній, стремился повернуть назадъ колесо исторіи и обратить ее къ порядкамъ блаженной памяти ремесленно-феодальнаго устройства. Не трудно видѣть, что всѣ эти три фракціи различныхъ мнѣній одинаково признавали за человѣкомъ право и возможность творить общественныя формы изъ ничего, т. е. независимо и даже наперекоръ дѣйствительности. Только первая и третья относились къ такой предполагаемой свободѣ дѣйствій человѣка одобрительно, тогда какъ вторая, большей частью, опасалась тѣхъ послѣдствій, къ которымъ могло бы привести употребленіе этой свободы въ дѣло. Но такъ-ли это, дѣйствительно-ли подобная точка зрѣнія на сферу дѣятельности человѣка и цѣлаго общества могла считаться вѣрною?

„Нѣтъ“, отвѣчаетъ Марксъ: „когда какое-нибудь общество напало на слѣдъ естественнаго закона своего движенія, то оно не въ состояніи ни перескочить черезъ естественныя фазы своего развитія, ни отмѣнить ихъ при помощи декрета; но оно можетъ сократить и

облегчить мученіе родовъ". Вотъ эти-то естественныя фазы и суть не что иное, какъ специфическія формы общественной кооперацiи. Онѣ идутъ одна другой на смѣну въ силу необходимаго и неизбѣжнаго закона внутренняго развитія общества, а потому и не могутъ замѣняться какими-угодно *другими* формами кооперацiи. Форму общественнаго строя во всемъ ея цѣломъ нельзя придумать, нельзя и воротить назадъ, какъ невозможно перескочить изъ ремесла, помимо мануфактуры, въ фабрику, или изъ фабрики въ мануфактуру. Форма эта дается самой жизнью: можно только, отправляясь отъ нея и учась у болѣе старыхъ націй, *предсказывать* другую, а гдѣ нельзя и этого, тамъ, по выраженію Прудона. „l'humanité agit avant de raisonner son action: à demain les objections des sages". Это означаетъ не то, что приведеніе въ исполненіе того или другого *сочиненнаго* кооперативнаго устройства общества сопровождалось бы гибельными и вредными послѣдствіями, какъ твердятъ съ своей полицейской точки зрѣнія экономисты, а просто то, что *подобная* перемѣна составляетъ такую же абсолютную невозможность, какъ невозможно достать луну съ неба. Ни составители такъ называемыхъ „системъ", ни ихъ противники—экономисты-реакціонеры и либералы—не обратили вниманія на то, что существующее общество и безъ того является кооперацiей, и что кооперація это ежедневно и ежечасно растетъ въ глубину и въ ширину. „Соціалисты говорятъ: общество необходимо организовать, экономисты—общество организовано, я же утверждаю, что общество организуется", превосходно писалъ Прудонъ въ своихъ „Экономическихъ противорѣчіяхъ" [1]).

Но неужели же, спроситъ, можетъ быть, читатель, такъ и предоставить все естественному теченію вещей, воздерживаясь отъ всякаго сознательнаго вмѣшательства въ движеніе общественныхъ формъ?

Нѣтъ, отвѣтимъ мы ему: во-первыхъ, подобное воздержаніе точно такъ же невозможно, какъ и достиженіе тѣхъ цѣлей, о которыхъ шла рѣчь выше, а во-вторыхъ, упомянутое „сокращеніе и облегченіе мученія родовъ" представляетъ само по себѣ въ высшей степени обширную и благодарную задачу воздѣйствія на общественныя явленія. Рѣки нельзя ни уничтожить, ни создать, сколько бы народа ни принималось за это дѣло; но можно измѣнить ея теченіе, можно приподнять или понизить ея уровень, можно оградить берега отъ наводненія. И это совсѣмъ не простая аналогія. Рѣка по отношенію къ человѣку есть внѣшняя сила природы, которую можно только регулировать, а не создать. Такою же внѣшнею силою природы является для

[1]) Еще лучше выражаетъ онъ эту, очевидно коренную свою мысль въ другомъ трудѣ (Mélanges, Articles des Journaux. 1848—52. p. 56): „La société, c'est le mouvement perpetuel. Elle n'a pas besoin, qu'on la remonte ni qu'on lui batte la mesure. Elle porte en soi son ressort toujours tendu, et son balancier".

*Авт.*

человѣка и для цѣлаго общества данная форма общественной кооперації. Чтобы регулировать ее, необходимо предварительно отыскать въ ней нѣкоторые слабые пункты; однимъ изъ таковыхъ является, напримѣръ, продолжительность рабочаго дня въ фабричныхъ предпріятіяхъ машинной индустріи. Сократите здѣсь трудъ, вы этимъ подѣйствуете на *уровень* системы сочетанія труда и вмѣстѣ съ тѣмъ вы сократите переходъ изъ одной формы общественной кооперації въ другую.

Въ виду такого громаднаго значенія кооперації не удивительно ни мало, что, приступая къ разработкѣ этого предмета, Марксъ не остановился на общихъ фразахъ о тѣхъ выгодахъ, которыя приноситъ простая или сложная кооперація въ томъ или въ другомъ отдѣльномъ случаѣ, а обогатилъ ученіе о ней множествомъ новыхъ фактовъ и новыхъ точекъ зрѣнія. Нѣтъ надобности перечислять все это вновь: достаточно напомнить объ этомъ читателю.

Не меньшей важностью отличается, *во-вторыхъ*, то обстоятельство, что Марксъ устанавливаетъ строжайшее различіе между дѣленіемъ труда мануфактурнымъ и общественнымъ. Чтобы понять яснѣе всю реальность этого различія, необходимо на минуту снова оторваться отъ разсмотрѣнія мануфактурнаго періода и обратиться къ предшествующему ремесленному. Каждый ремесленникъ былъ владѣльцемъ отчуждаемыхъ товаровъ, но въ то же время онъ былъ въ значительной степени и производителемъ ихъ. Конечно, онъ держалъ учениковъ и подмастерьевъ; но организація ихъ труда настолько была элементарна, что въ данномъ случаѣ можетъ быть смѣло оставлена безъ вниманія. Такимъ образомъ, въ эпоху процвѣтанія ремесла могло существовать одно лишь общественное дробленіе труда, дѣленіе его между одними только самостоятельными хозяйствами. Съ развитіемъ мануфактуры это измѣнилось. Мѣста прежнихъ ремесленниковъ заняли хозяева-мануфактуристы и между ними продолжало существовать общественное дѣленіе труда. Но *позади* каждаго изъ нихъ выросла обширная мастерская, наполненная детальными рабочими, изъ которыхъ каждый производилъ особую операцію. Только соединеніе этихъ рабочихъ представляло собою единицу—мануфактурное предпріятіе спеціальнаго общественнаго типа, только соединеніе ихъ работъ доставляло спеціальный товаръ. Но самое раздѣленіе труда въ мастерской носило совершенно особый характеръ, который и очерченъ подробно въ „Капиталѣ“. Конечно, „съ точки зрѣнія вѣчности“ группировки рабочихъ и хозяевъ представляютъ не больше, какъ различныя, по сложности, ступени въ обширномъ сочетаніи труда между людьми. Но всякій согласится, что, не взирая на это, указанное Марксомъ различіе все же весьма существенно, и что далеко не одно и то же—служить-ли представителемъ отдѣльнаго предпріятія или же отдѣльной частичной операціи.

Что касается, наконецъ, въ-третьихъ, того отношенія, въ которомъ находится кооперація къ другимъ экономическимъ явленіямъ, то въ „Капиталѣ“ мы опять-таки впервые встрѣчаемъ совершенно достаточное разъясненіе его. Новѣйшія формы сложной кооперации, какъ осуществляются онѣ въ исторіи, ставятся Марксомъ въ непосредственную зависимость отъ водворенія капиталистической продукціи. Что касается общественнаго дѣленія труда, то связь его съ капитализмомъ очевидна: это есть родъ кооперации между отдѣльными капиталистами, которые сбываютъ свои товары въ большихъ массахъ. Съ такою же ясностью указываетъ авторъ „Капитала“ на ту зависимость, какая существуетъ между капитализмомъ и мануфактурнымъ сочетаніемъ труда. Съ одной стороны, говоритъ онъ, для сосредоточенія значительной массы рабочихъ въ одной мастерской необходимо накопленіе извѣстной минимальной суммы денегъ въ рукахъ отдѣльнаго капиталиста и извѣстной минимальной массы средствъ существованія и сырья для продажи рабочимъ и капиталисту [1]). Съ другой же стороны, мануфактурное сложеніе труда, подобно всякому другому способу увеличенія производительной силы труда, пускается въ ходъ не для чего иного, какъ для удешевленія рабочей силы и для увеличенія добавочной части рабочаго дня на счетъ необходимой. Такимъ образомъ, кооперація въ томъ видѣ, въ какомъ осуществляется она въ капиталистическомъ обществѣ, и самый капиталъ, не будучи однимъ и тѣмъ же, представляютъ, однако, въ извѣстной степени не болѣе какъ различныя стороны одной и той же медали. Большая сумма денегъ и товаровъ въ рукахъ отдѣльнаго капиталиста является условіемъ соединенія въ данномъ пунктѣ большого числа наемныхъ рабочихъ или мануфактурной кооперации, а большое число такихъ рабочихъ есть, въ свою очередь, условіе производства и накопленія большой суммы товаровъ и денегъ. Причина обусловливаетъ здѣсь извѣстное послѣдствіе, а послѣдствіе влечетъ за собой вновь ту же причину — tout s'enchaîne, tout se lie dans ce monde. Съ наглядною отчетливостью представляется эта соотносительность современной кооперации и капитала въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, какъ иногда въ колоніяхъ, связь между капиталомъ и рабочими внезапно упраздняется: „раздробленіе средствъ производства между многочисленными производителями, которые владѣютъ и работаютъ ими, уничтожаетъ вмѣстѣ съ капиталистическимъ *сосредоточеніемъ* и капиталистическое *основаніе* всякаго комбинированнаго труда, „Капиталъ“, 657).

[1]) У Ад. Смита и отчасти у другихъ экономистовъ также утверждается, что раздѣленіе труда немыслимо безъ скопленія запасовъ или капиталовъ, но при этомъ не упоминается наиболѣе характеристическая черта подобныхъ запасовъ, а именно, принадлежность ихъ извѣстнымъ лицамъ и соотносительное отсутствіе ихъ у многихъ другихъ лицъ, которыя именно поэтому становятся наемными рабочими. *Авт.*

Мы могли бы привести значительное число примѣровъ въ подтвержденіе того, что, упуская изъ виду только что разсмотрѣнную зависимость между капитализмомъ и данными формами общественной кооперації, логически приходишь къ невѣрнымъ выводамъ и заключеніямъ. Но мы ограничимся однимъ, полагая, что въ настоящемъ случаѣ входить въ излишнія подробности неумѣстно. Мы обратимъ вниманіе читателя на особенности теоріи дарового кредита Прудона, имѣющія отношеніе къ только что разсмотрѣнному нами предмету. При этомъ мы совершенно оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какія мѣры предназначалъ Прудонъ для достиженія своихъ цѣлей и насколько отличались онѣ характеромъ практичности и цѣлесообразности. Для насъ будетъ имѣть единственное значеніе убѣдиться, осуществимъ-ли вообще тотъ строй экономическихъ явленій, который стремился водворить Прудонъ.

Мы знаемъ, что задачею Прудона было, путемъ установленія безвозмезднаго кредита и нѣкоторыхъ другихъ мѣръ, добиться упраздненія процента, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прибыли или такъ называемой производительности капитала [1]). Находилась-ли, по мнѣнію Прудона, эта производительность капитала въ зависимости отъ наемнаго труда или происходила отъ другихъ причинъ, по этому вопросу овъ ясныхъ указаній не даетъ. Въ одномъ мѣстѣ своихъ трудовъ онъ говоритъ, что, подъ вліяніемъ уничтоженія процента, каждый капиталистъ сдѣлается рабочимъ [2]), въ другомъ,—что каждый производитель станетъ капиталистомъ [3]), и въ третьемъ, наконецъ,—что цѣнность рабочей силы а, слѣдовательно, и покупка ея капиталистомъ есть не дѣйствительность, а фикція [4]). Какой отсюда слѣдуетъ общій выводъ, — рѣшать мы не беремся. Но одно, во всякомъ случаѣ, вѣрно, что желаніемъ Прудона было доставить какъ можно дешевле капиталъ каждому производителю, оставляя всѣ прочія экономическія отношенія въ томъ видѣ, какъ они существуютъ. Сдѣлавшись обладателями капитала, производители, не покидая своихъ нынѣшнихъ профессій, продолжали бы пользоваться полнѣйшею свободою труда [5]) обмѣни-

[1]) „Il y a un moyen plus simple, plus efficace, et infiniment moins onereux et moins risquable d'opérer la souversion de cette propriété... ce moyen... c'est de faire cesser par l'organisation démocratique du crédit,.. la productivité du capital“ („Mélanges“. Vol. III, p. 39).

[2]) „Le déficit qu'éprouve A. (capitaliste-entrepreneur) dans les opérations (du crédit gratuit) il le couvre immédiatement par le bénéfice qu'il obtient à son tour comme travailleur...“ („Intérêt et principal“, 305).

[3]) „Attendu qu'au moyen de la Banque d'Echange, tous producteurs peuvent et doivent se considérer comme capitalistes.“ („Mélanges.“ Vol. I, 57).

[4]) „La valeur du travail est une expression figurée... C'est une fiction au même titre que la productivité du capital“ („Syst. des contradictions économiques“. Vol. I, 39).

[5]) „Voilà tout mon système: liberté de conscience, liberté de la presse, li-

ваться между собою товарами [1]) и даже вступать во взаимное соперничество [2]).

Такимъ образомъ, не трудно видѣть, что, съ точки зрѣнія Прудона, существованіе нынѣшняго общественнаго дѣленія труда, т. е. дѣленія его между самостоятельными производителями и въ то же время владѣльцами товаровъ, нисколько не препятствуетъ возможности уничтоженія дохода съ капитала. Говоря иначе, общественныя призванія самостоятельныхъ хозяевъ современныхъ мануфактуръ и фабрикъ могли бы сохраниться во всей своей неприкосновенности, и, несмотря на это, доходность капитала прекратилась бы! Несостоятельность подобнаго предположенія очевидна. И въ самомъ дѣлѣ, что такое производительность или доходность капитала? Прибавочный продуктъ наемной рабочей силы, комбинація которой осуществляется въ *отдѣльной* мастерской. А кто нанимаетъ трудъ или, вѣрнѣе, покупаетъ рабочую силу для организаціи мастерской? Капиталистъ или, что то же, представитель самостоятельной общественной профессіи, общественнаго раздѣленія труда. Съ какою цѣлью дѣлаетъ онъ это? Для полученія прибыли путемъ сбыта въ громадныхъ массахъ произведеній купленной имъ рабочей силы. Читатель, безъ сомнѣнія, видитъ ясно, какъ велика соотносительность всѣхъ упомянутыхъ явленій, до какой степени они поддерживаютъ и обусловливаютъ одно другое. А между тѣмъ, Прудонъ желаетъ сохранить общественное дѣленіе труда, обмѣнъ товарами, соперничество и т. п. и въ то же время уничтожить производительность капитала. Но это значило бы только, что можно устранить наемный трудъ и удержать во всемъ значеніи общественную функцію капиталиста. Примѣръ австралійскаго капиталиста Пиля показываетъ вполнѣ наглядно, какими послѣдствіями сопровождаются подобныя событія.

Допустимъ на минуту, что Прудону, дѣйствительно, такъ или иначе удалось бы достигнуть уничтоженія производительности капитала (путемъ отмѣны наемнаго труда, къ чему онъ, впрочемъ, не стремился) и въ то же время сохранить общественное дѣленіе труда

*berté du travail*, liberté du commerce... *libre concurrence*... liberté absolue, la liberté partout et toujours" („Mélanges". Vol. I. 46).

[1]) „Eh bien, j'ai dit que tout *échange de produits* et de capitaux peut s'effectuer au comptant („Intérêt et principal". 291). Je vous ai prouvé et dernier lieu, par l'exemple de la Banque de France, que c'était chose facile et pratique d'organiser l'égalité dans *l'échange* soit la circulation gratuite des capitaux et *des produits*" (Ib.). „A fur et à mesure de sa fabrication B. (рабочій при системѣ даровога кредита) *vend ses produits* (Ib. 298).

[2]) „La concurrence est nécessaire à la constitution de la valeur, c'est-à-dire au principe même de la répartition, et par conséquent à l'avènement de l'egalité" („Système des contrad. écon.". Vol. I, 195). „La concurrence dans le travail peut elle être abelie? Autant vaudrait demander, si la personalité, la liberté, la responsabilité individuelle peut être supprimée" (Ib., 222). *Авт.*

между отдѣльными владѣльцами товаровъ. Но, спрашивается, чѣмъ бы пришлось быть этимъ послѣднимъ при отсутствіи принадлежащихъ имъ мануфактуръ и фабрикъ? Ремесленниками — вотъ единственный отвѣтъ. Итакъ, на мѣсто фабричныхъ и мануфактурныхъ мастерскихъ мы получили бы устарѣлую общественную форму, отъ которой ушли впередъ на нѣсколько вѣковъ, и только. Само собою разумѣется, что и подобный результатъ представлялъ бы абсолютную невозможность, но еслибы это было и не такъ, то стоитъ-ли подобная овчинка выдѣлки?

Намъ, разумѣется, замѣтятъ, что Прудонъ имѣлъ въ виду способствовать образованію системы производительныхъ ассоціацій, а не изолированныхъ ремесленниковъ. Дѣйствительно, онъ самъ высказывался въ этомъ смыслѣ [1]). Но, допуская по-прежнему, что планъ его могъ быть осуществимъ, мы просили бы читателя подумать, возможенъ-ли такой порядокъ отношеній, при которомъ отдѣльныя рабочія ассоціаціи мѣняются одна съ другой *товарами*? А вѣдь ничѣмъ инымъ, какъ именно товарами, пришлось бы обмѣниваться между собою ассоціаціямъ гвоздевщиковъ, пирожниковъ, портныхъ, столяровъ, мебельщиковъ и пр., между которыми трудъ раздѣленъ общественно. Вотъ еслибы всѣ онѣ вошли въ составъ одной ассоціаціи, тогда обмѣнъ товаровъ прекратился бы, но въ то же время не могло бы быть и рѣчи о нынѣшнихъ профессіяхъ и призваніяхъ. Но вѣдь уничтоженія товаровъ и обращенія ихъ Прудонъ, какъ мы видѣли, не желаетъ; а между тѣмъ, альтернатива неизбѣжна — или капиталистическое дѣленіе труда и отсутствіе рабочихъ ассоціацій, или рабочія ассоціаціи и отсутствіе капиталистическаго дѣленія труда.

Сдѣлаемъ для выясненія этой истины нѣсколько ближайшихъ замѣчаній. Мы знаемъ, что обращеніе денегъ и товаровъ является однимъ изъ коренныхъ условій капиталистической организаціи общества. Мы знаемъ, далѣе, что обращеніе это слагается обыкновенно изъ двухъ актовъ—простого обращенія или продажи для покупки и превращенія денегъ въ капиталъ или покупки для продажи. Какъ ни противоположны эти акты, но они служатъ неизбѣжнымъ дополненіемъ одинъ другого и даже сливаются отчасти въ одно цѣлое. Слѣдующій примѣръ покажетъ это. При существованіи ремесленнаго строя хозяинъ-одиночка, часовщикъ, *продавалъ* заказчикамъ свои часы и на полученныя деньги онъ *покупалъ* хлѣбъ, масло и другіе необходимые ему предметы потребленія. Это была продажа для покупки въ своемъ чистѣйшемъ видѣ, — въ то время если не единственный, то,

[1]) „Le capital ayant perdu sa faculté d'usure, la solidité économique se crée peu à peu et avec elle l'égalité des fortunes: vient ensuite la formation, spontanée et populaire des groupes ateliers ou *associations des travailleurs*; en dernier lieu se détermine et se formule le groupe suprême, qui comprend la nation toute entière" („Mélanges", III, 39).

навѣрное, господствующій актъ обмѣна. Но, съ развитіемъ капитализма, на мѣсто ремесленника-часовщика становится владѣлецъ часовой мануфактуры съ наемными рабочими. Онъ также *продаетъ* часы (понятно, въ большихъ массахъ) и часть вырученныхъ денегъ отдаетъ рабочимъ для *покупки* средствъ существованія. Въ послѣднемъ счетѣ это та же продажа для покупки и съ тѣмъ же назначеніемъ, какъ прежде, а именно,— способствовать удовлетворенію потребностей производителей. Но дѣло въ томъ, что этотъ актъ теперь значительно сложнѣе, благодаря вмѣшательству особаго товара—рабочей силы, который продается своимъ владѣльцемъ для покупки предметовъ потребленія. На этомъ основаніи *продажа* владѣльцемъ мастерской часовъ, будучи первой фазою въ процессѣ продажи этого товара для покупки средствъ существованія рабочимъ, есть въ то же время вторая, заключительная фаза другого акта—*покупка* владѣльцемъ мастерской рабочей силы. Итакъ, зависимость между простымъ обращеніемъ товаровъ и превращеніемъ денегъ въ капиталъ или покупкой для продажи не подлежитъ сомнѣнію. Но эти мѣновые акты не только связаны между собою, одинъ изъ нихъ—покупка для продажи—является *conditio sine qua non* другого—простого обращенія товаровъ. Не трудно усмотрѣть причину этого явленія. Простое обращеніе товаровъ начинается съ продажи ихъ капиталистомъ въ большихъ массахъ. Но что за надобность была бы капиталисту *продавать*, еслибы онъ не разсчитывалъ при этомъ на реализацію пріобрѣтенной имъ *покупкою* прибавочной работы? Очевидно, что надобности нѣтъ, и что, распоряжаясь продажей для покупки, капиталистъ интересуется единственно и безраздѣльно покупкой для продажи или, что то же, полученіемъ прибыли.

Но постоянное превращеніе денегъ въ капиталъ влечетъ за собою расширеніе производства и накопленіе капитала. Ближайшія условія этого процесса будутъ разъяснены ниже. Здѣсь достаточно замѣтить, что расширеніе производства и сбыта, съ одной стороны, представляетъ неизбѣжное послѣдствіе повторенія мѣнового акта покупки для продажи; съ другой же стороны, является условіемъ существованія капитализма. Тотъ или другой отдѣльный капиталистъ, не имѣющій возможности увеличивать размѣры производства и сбыта, немедленно же побивается своими соперниками и изгоняется ими съ общественнаго рынка. Во избѣжаніе столь жалкой участи, пускаются въ ходъ всевозможныя усовершенствованія, служащія для увеличенія прибавочной части рабочаго дня на счетъ необходимой или, что то же самое, для удешевленія рабочей силы. Мы видѣли, что сама даже мануфактурная кооперація рабочихъ возникаетъ для достиженія той же цѣли. Чѣмъ лучше организованъ трудъ, чѣмъ больше введено усовершенствованій и чѣмъ они дѣйствительнѣе, тѣмъ больше получаетъ

капиталистъ товара, и хотя продаетъ каждый экземпляръ его дешевле, но съ избыткомъ возстановляетъ свою потерю на общей массѣ товара въ зависимости отъ уменьшенія необходимой части дня. А чтобы производство расширялось, необходимо расширеніе сбыта, и вотъ въ теченіе всей новѣйшей исторической эпохи погоня за отысканіемъ новыхъ рынковъ не прекращается ни на минуту. Итакъ, мы видимъ, что, при существованіи общественнаго дѣленія труда или самостоятельныхъ профессій, простое обращеніе товаровъ немыслимо безъ превращенія денегъ въ капиталъ, а это послѣднее, въ свою очередь, невозможно безъ увеличенія капитала или, что то же, безъ расширенія производства и сбыта.

Взглянемъ теперь на соотвѣтствующія отношенія такихъ рабочихъ ассоціацій, между которыми существовало бы дѣленіе труда, подобное тому, какое мы наблюдаемъ среди владѣльцевъ мануфактурныхъ мастерскихъ. Ассоціаціи эти, согласно предположенію Прудона и въ силу своей общественной организаціи, были бы такими же владѣльцами товаровъ и также продавали бы ихъ на сторону. Говоря иначе, между ними *должно* существовать такое же простое обращеніе товаровъ, какое существуетъ нынѣ, или продажа для покупки. Но о существованіи здѣсь покупки для продажи не можетъ быть, разумѣется, и рѣчи. Во-первыхъ, полученіе прибыли оказывается несовмѣстнымъ съ самымъ назначеніемъ ассоціацій, въ которыхъ нѣтъ наемнаго труда, въ которыхъ всѣ производители суть соучастники въ обладаніи товаромъ. Вмѣсто того, чтобы удлинять рабочій день, подобныя ассоціаціи, конечно, замѣнили бы прибавочную работу увеличеніемъ досуга. Во-вторыхъ, покупка для продажи есть явленіе неразлучное съ постояннымъ расширеніемъ сбыта, а тутъ потребности всѣхъ покупателей заранѣе извѣстны и представляютъ въ извѣстной степени неизмѣнную величину. Является, однако же, вопросъ, возможно-ли при такихъ условіяхъ осуществленіе простого обращенія товаровъ, въ сопровожденіи соперничества, улучшеній и прочихъ необходимыхъ аттрибутовъ продажи для покупки среди капиталистическаго общества? Нѣтъ, невозможно. Мы видѣли, что простое обращеніе служитъ въ настоящее время не болѣе какъ средствомъ для превращенія денегъ въ капиталъ; что какъ соперничество, такъ и введеніе въ производство улучшеній имѣютъ единственною цѣлью увеличить размѣры капитала. Ничему подобному нѣтъ мѣста въ организаціи кооперативной. Такъ, напр., за что будутъ вести между собой борьбу отдѣльныя ассоціаціи? Изъ-за „установленія цѣнностей“, употребляя выраженіе Прудона, вступать въ соперничество имъ нѣтъ нужды, такъ какъ при постоянныхъ, напередъ извѣстныхъ условіяхъ производства и сбыта ремесленная такса по прежнему окажется вполнѣ умѣстной и полезной. А гдѣ производители и по-

требители взамѣнъ соперничества прибѣгаютъ къ таксѣ, тамъ исчезаетъ всякій слѣдъ *товара*. Такимъ же образомъ, возможна-ли борьба между отдѣльными ассоціаціями изъ-за введенія улучшеній? При капиталистической организаціи, открытія и изобрѣтенія имѣютъ цѣлью увеличеніе размѣровъ производства. Удешевляя каждый экземпляръ товара, они стремятся увеличить цѣнность общей его массы. Но при кооперативной организаціи за улучшеніемъ не можетъ слѣдовать увеличеніе размѣровъ производства, а только уменьшеніе работы какъ вообще, такъ и по отношенію къ отдѣльнымъ экземплярамъ произведеній. Какой же слѣдуетъ отсюда выводъ? Чѣмъ больше усовершенствованій пуститъ въ дѣло та или другая отдѣльная ассоціація и чѣмъ они дѣйствительнѣе, тѣмъ дешевле будутъ ея произведенія, тѣмъ меньше ей придется получать въ обмѣнъ чужихъ произведеній. За что же тутъ бороться? Развѣ однѣмъ ассоціаціямъ—за то, чтобы *другія* стремились къ примѣненію улучшеній, плоды которыхъ достанутся первымъ? Еще разъ повторяемъ: при существованіи между ассоціаціями общественнаго или профессіональнаго дѣленія труда, простое обращеніе товаровъ невозможно.

Надѣемся, что эти разъясненія достигли своей цѣли, и что читатель составилъ себѣ довольно точное понятіе о томъ, какою неразрывною тканью являются современныя общественныя формы, какъ крѣпко онѣ держатся одна другою. Теперь намъ снова можно приступить къ оставленному нами „Капиталу“.

## ГЛАВА X.

## Машины и крупная промышленность.

Дальнѣйшимъ способомъ удешевлять товары и тѣмъ увеличивать прибавочную часть рабочаго дня на счетъ необходимой является, на пути развитія капиталистической продукціи, употребленіе въ дѣло *машинъ*. Всякая сложная машина состоитъ изъ трехъ существенно различныхъ частей, а именно: движущаго механизма, передаточнаго механизма и рабочаго механизма. Первый дѣйствуетъ въ качествѣ двигателя, сообщающаго силу всему механизму. Онъ производитъ свою движущую силу или самъ, напр., паровая, калорическая, электрическая машина, или же заимствуетъ ее отъ толчка внѣшней силы природы, напр., колесо водяной мельницы отъ воды, вѣтряной отъ вѣтра и т. под. Передаточный механизмъ состоитъ изъ маховыхъ и зубчатыхъ колесъ, шнурковъ, ремней, цѣпей и т. под. и регулируетъ движеніе, превращая въ случаѣ надобности его форму изъ перпендикулярной въ круговую, раздѣляетъ его на части и переноситъ на рабочій механизмъ. Объ эти части механизма существуютъ только для того, чтобы сообщить движеніе рабочей машинѣ. Эта послѣдняя есть

именно та, которая составляетъ исходный пунктъ промышленной революціи XVIII вѣка и донынѣ остается съ той же ролью въ тѣхъ отрасляхъ ремесла или мануфактуры, которыя переходятъ къ фабричной системѣ только въ настоящее время.

Если всмотрѣться ближе въ рабочій механизмъ, мы найдемъ тутъ вообще, хотя и въ нѣсколько измѣненной формѣ, тѣ же самые аппараты и инструменты, которыми работалъ ремесленникъ и мануфактурный рабочій, съ тою разницею, что тутъ они являются орудіями не человѣка, а машины. При этомъ бываетъ или такъ, что вся машина представляетъ не болѣе, какъ новое изданіе стараго ремесленнаго инструмента, — напр., ткацкій механическій станокъ, или же укрѣпленныя на остовѣ рабочаго механизма орудія суть старыя знакомыя, какъ, напр., веретена въ прядильной машинѣ, иглы въ чулочно-вязальномъ станкѣ, пилы въ пильной машинѣ и т. д. Сходство съ орудіями ремесленника или мануфактурнаго рабочаго идетъ еще дальше, а именно, рабочая машина въ началѣ механическаго періода производства изготовляется не иначе, какъ мануфактурнымъ или ремесленнымъ способомъ, и лишь постепенно начинаетъ производиться также при помощи машинъ. Итакъ, рабочая машина есть такой механизмъ, который, будучи приведенъ извѣстнымъ образомъ въ дѣйствіе, совершаетъ при помощи своихъ инструментовъ тѣ же операціи, которыя прежде совершалъ самъ рабочій своими инструментами. Принадлежитъ-ли движущая сила самому человѣку или же сама производится машиною, это не измѣняетъ существа дѣла. Различіе между рабочимъ механизмомъ и ремесленнымъ орудіемъ очевидно даже и въ первомъ изъ этихъ двухъ случаевъ. Число рабочихъ инструментовъ, которыми можетъ работать одинъ человѣкъ непосредственно, волей-неволей должно быть ограничено числомъ органовъ его тѣла. Въ Германіи пробовали сначала заставлять одного рабочаго вертѣть два прядильныхъ колеса, т. е. работать одновременно и обѣими руками, и обѣими ногами. Но это было слишкомъ отяготительно. Зато такъ называемая *Jenny* (прядильная машина) работала 12—18 веретенами сразу, а чулочно-вязальный станокъ — нѣсколькими тысячами иголокъ сразу. Такимъ образомъ, число одновременно работающихъ орудій эмансипируется въ машинѣ отъ органическихъ размѣровъ рабочей силы одного человѣка, и въ этомъ-то и заключается рѣшительное значеніе именно рабочаго механизма въ исторіи промышленности.

На нѣкоторыхъ ремесленныхъ орудіяхъ можно видѣть вполнѣ наглядно различіе между человѣкомъ, какъ простою движущею силою, и какъ рабочимъ, трудящимся при помощи орудія или инструмента. Такъ, напр., на прядильномъ колесѣ нога дѣйствуетъ только въ качествѣ движущей силы, тогда какъ рука, оперирующая веретеномъ,

вертитъ и направляетъ, вообще выполняетъ работу пряденія въ собственномъ смыслѣ слова. Именно эту послѣднюю часть ремесленнаго инструмента и охватываетъ прежде всего индустріальная революція и предоставляетъ человѣку, вмѣсто прежняго занятія, во-первыхъ, наблюдать за машиною взглядомъ, а во-вторыхъ,—оставаться до извѣстной степени и движущею силою. Напротивъ того, тѣ инструменты, при которыхъ человѣкъ съ самаго начала дѣйствуетъ только въ качествѣ движущей силы, напр., при вращеніи рукоятки мельницы, помпы, при поднираніи и опусканіи крыльевъ раздувательныхъ мѣховъ и пр., прежде всего призываютъ употребленіе силы животныхъ, воды, вѣтра и пр. Употребленіе этихъ силъ изрѣдка встрѣчается даже задолго до мануфактурнаго періода, но онѣ не производятъ никакой революціи въ промышленности. Сама даже паровая машина, изобрѣтенная еще въ концѣ XVII столѣтія, существовала въ такомъ видѣ до конца XVIII вѣка и все это время не производила никакихъ мощныхъ преобразованій въ производствѣ. Скорѣе было именно наоборотъ, т. е. преобразованіе рабочихъ механизмовъ повлекло за собою необходимость революціи въ паровой машинѣ. Какъ скоро человѣкъ превращается изобрѣтеніемъ механическихъ инструментовъ въ одну только движущую силу, то становится случайнымъ то обстоятельство, работаетъ-ли онъ тутъ самъ, и потому на его мѣсто могутъ становиться вѣтеръ, вода, паръ и т. п.

Изъ всѣхъ завѣщанныхъ мануфактурнымъ періодомъ движущихъ силъ природы лошадь была самою скверною, частью потому, что у лошади есть собственная голова, а частью — вслѣдствіе ея дороговизны и ограниченнаго примѣненія ея силы на фабрикахъ. Вѣтеръ былъ слишкомъ непостояненъ; онъ черезчуръ легко ускользалъ отъ контроля; вода была гораздо удобнѣе и дѣйствительно играла громадную роль, но и она обладала нѣкоторыми недостатками: напр., ее нельзя было увеличивать въ произвольномъ количествѣ, и она отличалась мѣстнымъ, деревенскимъ характеромъ. Только благодаря изобрѣтенію второй Уаттовой машины двойного дѣйствія былъ найденъ двигатель, который самъ производитъ свою движущую силу, который вполнѣ состоитъ подъ контролемъ, удобенъ для передвиженія, допускаетъ сосредоточеніе производства въ городахъ и имѣетъ универсальное примѣненіе.

Необходимо проводить различіе между кооперацією машинъ и системою машинъ, иными словами, между простымъ и сложнымъ сотрудничествомъ машинъ. Въ первомъ случаѣ весь продуктъ выполняется одною машиной. Эта послѣдняя совершаетъ всѣ тѣ различныя операціи, которыя выполнялъ ремесленникъ своими орудіями, напримѣръ, ткачъ своимъ станкомъ, или сумма мануфактурныхъ рабочихъ. Такъ, напримѣръ, въ мануфактурѣ конвертовъ одинъ рабочій скла-

дывалъ бумагу, другой мазалъ ее клеемъ, третій выбивалъ девизъ и т. д., и при каждой изъ этихъ операцій каждый конвертъ перемѣнялъ руки. Между тѣмъ, одна конвертная машина выполняетъ всѣ эти операціи однимъ ударомъ и готовитъ 3.000 и болѣе конвертовъ въ часъ. Вотъ подобныхъ-то машинъ, изъ которыхъ каждая замѣняетъ цѣлое ремесло или даже мануфактуру, при кооперації машинъ бываетъ нѣсколько. Такова, напримѣръ, ткацкая фабрика со множествомъ ткацкихъ станковъ или швейная фабрика со множествомъ швейныхъ машинъ въ одномъ и томъ же зданіи. Всѣ эти машины пріобрѣтаютъ технологическое единство, благодаря одинаковому и одновременному толчку, который сообщаетъ имъ первый двигатель при посредствѣ передаточнаго механизма.

Что касается системы машинъ, то она представляетъ соединеніе разнородныхъ машинъ, изъ которыхъ каждая выполняетъ какую-нибудь одну послѣдовательную операцію. Такъ, напримѣръ, на хлопчато-бумажной фабрикѣ хлопокъ бьется, рѣжется, чешется, прядется при посредствѣ особыхъ машинъ, изъ которыхъ каждая беретъ его на той ступени общаго процесса производства, гдѣ оставила его предъидущая машина. Это то же самое, что и мануфактура, только не простая, а механическая, съ тою еще разницею, что въ простой мануфактурѣ каждый частичный процессъ отчасти присособляется къ самому рабочему; здѣсь же весь процессъ становится чисто объективнымъ, и задача выполненія отдѣльныхъ операцій и комбинаціи ихъ разрѣшается уже не волею человѣка, а техническимъ примѣненіемъ механики, химіи и пр. Но все же сходство системы машинъ съ мануфактурою простирается до того, что, подобно тому, какъ въ мануфактурѣ существовали извѣстныя отношенія между численностью отдѣльныхъ рабочихъ, и здѣсь существуютъ такія же необходимыя отношенія между числомъ, объемомъ и быстротою дѣйствія машинъ. Непрерывность процесса достигается здѣсь полная, тогда какъ въ мануфактурѣ на первомъ планѣ было изолированіе рабочихъ другъ отъ друга.

Но на какомъ бы принципѣ ни основывалась фабрика, на простой ли или на сложной кооперації машинъ, она во всякомъ случаѣ представляетъ, при существованіи общаго двигателя, единый и громадный автоматъ, механическое чудовище, тѣло котораго наполняетъ цѣлое фабричное зданіе и демоническая сила котораго проявляется въ бѣшеномъ движеніи его безчисленныхъ рабочихъ органовъ.

Изобрѣтенія Вокансона, Аркрайта, Уатта и т. д. могли быть выполнены только вслѣдствіе того, что изобрѣтатели эти нашли среди мануфактурнаго періода готовымъ достаточное число ловкихъ механическихъ рабочихъ. Такимъ образомъ мануфактура, производившая орудія и машины, служила непосредственной технической основой

фабричной или машинной индустріи, которая при помощи этихъ машинъ преобразовала самую мануфактуру и ремесло. Но на извѣстной ступени развитія этихъ средствъ для машинной индустріи оказалось недостаточно,—понадобилось механическое сооруженіе самихъ машинъ.

Преобразованіе способа производства въ однѣхъ отрасляхъ промышленности влечетъ за собою преобразованіе его и въ другихъ. Это имѣетъ значеніе прежде всего по отношенію къ такимъ отраслямъ которыя хотя и находятся въ изолированномъ положеніи, благодаря общественному дѣленію труда, но въ то же время обнимаютъ фазы одного общаго процесса. Такъ, напримѣръ, механическое пряденіе сдѣлало необходимымъ механическое ткачество, и оба вмѣстѣ повлекли за собою механико-химическую революцію въ бѣленіи, печатаніи и крашеніи тканей. Такимъ же образомъ механическое преобразованіе въ пряденіи хлопчатой бумаги имѣло послѣдствіемъ изобрѣтеніе машины для отдѣленія хлопчато-бумажныхъ нитей отъ сѣмянъ, только благодаря которому стало возможнымъ производство хлопчатой бумаги въ громадныхъ размѣрахъ. Преобразованіе, далѣе, въ способахъ производства въ земледѣліи и въ индустріи сопровождалось революціею въ условіяхъ той и другой—въ способахъ перемѣщенія и сообщенія. Старые способы сообщенія, въ основаніи которыхъ лежали мелкое земледѣліе и мелкая промышленность, понятно, оказались ничтожно малыми уже для потребностей мануфактурнаго производства съ его широкимъ дѣленіемъ труда, сосредоточеніемъ орудій производства и рабочихъ. Такимъ же образомъ тѣ пути сообщенія и способы, которые были завѣщаны мануфактурою фабрикѣ, на первыхъ порахъ только стѣсняли ея ходъ, при лихорадочной быстротѣ ея производства, его размѣрахъ, перебрасываніи капитала и рабочихъ изъ одной отрасли промышленности въ другую и всемірныхъ ея связяхъ. Не говоря уже о совершенномъ измѣненіи въ строеніи парусныхъ судовъ, средства и пути сообщенія постепенно приспособились къ новому способу производства, благодаря цѣлой системѣ рѣчныхъ и океаническихъ пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Тѣ страшныя массы желѣза, которыя слѣдовало сковать, изрѣзать, пробуравить, вылить и т. д., потребовали, въ свою очередь, циклопическихъ машинъ, для производства которыхъ было недостаточно одного мануфактурнаго машиностроенія.

Только въ первое десятилѣтіе текущаго столѣтія возникло настоящее сооруженіе машинъ. Существенное условіе фабрикаціи машинъ при помощи машинъ представляла движущая машина, обладающая большою силою и подлежащая легкому контролю. Такою машиною была уже паровая. Но для отдѣльныхъ частей каждой машины необходимо умѣть производить строго геометрическія формы, на-

примѣръ, линію, плоскость, кругъ, цилиндръ, шаръ и пр., не отъ руки, причемъ возможны многочисленныя ошибки, а при помощи машины. Эту задачу разрѣшилъ въ первое десятилѣтіе XIX вѣка Генри Мауделн, изобрѣтая такъ называемый *slide rest*, точильный аппаратъ, который самъ начинаетъ вскорѣ изготовляться механически и съ точильнаго станка распространяется на другія отрасли механической промышленности. Этотъ аппаратъ замѣняетъ собою не только то или другое спеціальное орудіе, а самую человѣческую руку, производящую извѣстныя правильныя формы при посредствѣ придерживанія, приспособленія, направленія острія рѣжущаго орудія и т. под. по какому-нибудь матеріалу труда, напримѣръ, желѣзу. Такимъ только образомъ удалось достигнуть производства геометрическихъ формъ отдѣльныхъ частей машины съ такою степенью легкости, точности и быстроты, какою ни въ какомъ случаѣ не могла обладать рука самаго опытнаго и ловкаго рабочаго.

Если обратить теперь вниманіе на ту часть машинъ, служащихъ для сооруженія машинъ же, которая представляетъ собою собственно рабочій механизмъ, то мы снова встрѣчаемся съ ремесленнымъ инструментомъ, но только въ циклопическомъ видѣ. Такъ, напримѣръ, буравная машина представляетъ гигантскій буравъ, приводимый въ движеніе паровою машиною, и безъ котораго нельзя было бы производить цилиндры большихъ паровыхъ машинъ и гидравлическихъ прессовъ. Механическій токарный станокъ есть циклопическій экземпляръ обыкновеннаго токарнаго станка, приводимаго въ движеніе ногами; строгальная машина есть желѣзный плотникъ, работающій такими же инструментами по желѣзу, какъ обыкновенный плотникъ по дереву; машина для разрѣзыванія желѣза—тѣ же ножницы, а паровой молотъ какого-нибудь Насмита, вѣсящій 6 тоннъ и падающій съ высоты 7 футовъ на наковальню въ 36 тоннъ вѣсомъ,—тотъ же обыкновенный молотъ, только въ исполинскихъ размѣрахъ. Онъ, шутя, превращаетъ въ пыль гранитный утесъ, но не лишенъ и способности вбить гвоздь въ мягкое дерево нѣсколькими легкими ударами.

Въ мануфактурѣ расчлененіе рабочаго процесса является еще чисто субъективнымъ, комбинаціей отдѣльныхъ рабочихъ. Въ системѣ машинъ крупная индустрія обладаетъ, напротивъ того, чисто объективнымъ производственнымъ механизмомъ, который рабочій находитъ уже вполнѣ готовымъ и сложившимся условіемъ производства. Если при мануфактурѣ соціальный рабочій замѣняетъ изолированнаго еще болѣе или менѣе случайно, то на фабрикѣ, въ системѣ машинъ, *общество* рабочихъ, большое число ихъ, есть самое условіе ея существованія, и кооперативный характеръ рабочаго диктуется въ послѣднемъ случаѣ самою технологическою необходимостью.

Мы уже видѣли, что производительная сила труда, вытекающая

изъ кооперацiи, ровно ничего не стоитъ капиталу. Естественныя силы пара, воды, вѣтра обходятся ему не дороже. Конечно, снаряды и способы для пользованiя всѣмъ этимъ должны быть изобрѣтены, но разъ это произошло, то какой-нибудь законъ, напримѣръ, уклоненiе магнитной стрѣлки подъ вліянiемъ электрическаго тока и т. под., не стоитъ даже и упоминанiя. Справедливо, однако, что для употребленiя въ дѣло открытыхъ наукою законовъ природы необходимы объемистые и дорогiе аппараты. Если такимъ образомъ ясно, что крупная индустрiя, пользуясь громадными силами природы и естествознанiя, необыкновенно увеличиваетъ производительность труда, то, съ другой стороны, совсѣмъ не такъ очевидно, что это столь значительное усиленiе производительности труда не поглощается усиленной тратой послѣдняго.

Подобно всякой другой составной части постояннаго капитала, машина не создаетъ цѣнности, а только передаетъ ее продукту, въ производствѣ котораго она служитъ. Въ этомъ смыслѣ она, повидимому, не только не удешевляетъ произведенiй, но даже дѣлаетъ ихъ дороже въ соотвѣтствiи съ своею собственною несоразмѣрно большою цѣнностью. Но слѣдуетъ вспомнить, что чѣмъ больше перiодъ времени, въ теченiе котораго машина можетъ быть въ дѣлѣ, тѣмъ больше масса продуктовъ, на которую переносится ея цѣнность, и тѣмъ меньше часть цѣнности, передаваемой ею каждому экземпляру продукта. Извѣстно, до какой степени признакъ долговѣчности отличаетъ машину отъ какого-нибудь ремесленнаго орудiя, какъ по отношенiю къ бо́льшей прочности матерiала, такъ и по многимъ другимъ причинамъ, наприм., бо́льшей экономiи въ ея употребленiи и т. п. Если вычесть изъ ежедневной ея работы цѣнность, передаваемую ею продукту, а также цѣнность масла, угля и т. д., то окажется, что она дѣйствуетъ даромъ, подобно какой-либо силѣ природы, не нуждающейся въ содѣйствiи человѣка. Очевидно также, что чѣмъ долговѣчнѣе машина, тѣмъ ближе она къ типу подобной даровой силы природы.

Если извѣстна разность между общею цѣнностью машины и тою частью этой цѣнности, которая передается единицѣ продукта, то очевидно, что отношенiе, въ которомъ продуктъ (въ цѣломъ составѣ) становится дороже отъ участiя машины, будетъ прежде всего зависѣть отъ объема самаго продукта, наприм., отъ числа его экземпляровъ. Нѣкiй Байнсъ изъ Блэкбёрна въ лекцiи, опубликованной въ 1858 году, разсчитываетъ, что каждая паровая лошадиная сила приводитъ въ движенiе 450 веретенъ или 15 ткацкихъ станковъ. Очевидно, что въ первомъ случаѣ цѣнность лошадиной силы и ежедневныя издержки по ея содержанiю распадаются на 450 веретенъ, а во второмъ — на 15 ткацкихъ станковъ, такъ что на каждую унцiю пряжи или ар-

нить ткани будетъ перенесена уже совершенно ничтожная доля этой цѣнности.

Если оставить въ сторонѣ число орудій, пускаемыхъ въ ходъ одною машиною, то сумма произведеній будетъ зависѣть отъ быстроты движеній механизма, напримѣръ, отъ быстроты вращенія веретена, отъ числа ударовъ, которое можетъ сдѣлать въ одну минуту молотъ, и пр. Нѣкоторые изъ исполинскихъ молотовъ даютъ по 70 ударовъ, а патентованная кузнечная машина Райдера, кующая молотами прядильныя веретена, дастъ 700 ударовъ въ минуту.

Сравненіе цѣнъ товаровъ, производимыхъ мануфактурой и ремесломъ, съ одной стороны, и крупной машинной индустріей, — съ другой, показываетъ, вообще, что хотя часть цѣнности орудій, переходящая на каждую единицу продукта, въ этомъ послѣднемъ случаѣ *относительно* и возрастаетъ, но *абсолютно* она понижается. Это означаетъ, что уменьшается абсолютная величина этой части, но въ то же время величина эта увеличивается по отношенію къ совокупной цѣнности продукта, наприм., фунта пряжи. Такъ, напр , стальныя перья продавались въ Англіи въ 1820 году по 7 ф. 4 шилл. за 12 дюжинъ, въ 1830 году — по 8 шилл., въ настоящее же время они продаются въ оптовой торговлѣ по 2—6 пенсовъ. Это поразительное по своимъ размѣрамъ и столь быстрое пониженіе цѣнности имѣло причиною переходъ отъ ремесленнаго способа производства къ мануфактурному, а отъ мануфактурнаго къ фабричному. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что относительная величина цѣнности постояннаго капитала, перенесеннаго на 12 дюжинъ перьевъ, при машинномъ изготовленіи ихъ значительно превышаетъ относительную величину цѣнности того же постояннаго капитала при мануфактурномъ и особенно при ремесленномъ ихъ производствѣ. Такъ, доля эта въ фабричной цѣнѣ перьевъ — отъ 2 до 6 пенсовъ — можетъ простираться до 75% тогда какъ въ ремесленной цѣнѣ ихъ — 7 ф. 4 шилл. — она могла достигать 10—15%. Но такъ какъ вслѣдствіе громаднаго увеличенія производства сама фабричная цѣна въ 2—6 пенсовъ отъ 600 до 800 разъ ниже ремесленной цѣны въ 7 фунт. 4 шилл., то понятно, что 75% цѣнности постояннаго капитала въ первомъ случаѣ оказываются гораздо меньше (абсолютно) 10—15% цѣнности того же рода во второмъ случаѣ.

Ясное дѣло, что еслибы употребленіемъ машины сберегалось труда лишь столько, сколько стóитъ она сама, то происходило бы просто перемѣщеніе труда, и не было бы ровно никакой выгоды вводить ее. Но разность между тѣмъ количествомъ труда, котораго стóитъ машина, и тѣмъ, которое она дѣлаетъ излишнимъ, сберегаетъ, упраздняетъ, очевидно, не находится въ зависимости отъ разности между ея цѣнностью и цѣнностью вытѣсняемаго ею ручного орудія. Эта пер-

вая разность выражается въ томъ, что трудъ, израсходованный на машину и перенесенный ею на продуктъ, оказывается меньше, нежели трудъ, придаваемый рабочимъ продукту при помощи своего ручного орудія, на смѣну котораго является машина. Такимъ образомъ производительность машины измѣряется тою степенью, въ которой она замѣщаетъ человѣческую рабочую силу. По Байнсу, на каждыя 450 веретенъ приходится по $2^1/_2$ рабочихъ, которые въ теченіе 10 часовъ работы въ день прядутъ 13 унцій пряжи, а слѣдовательно, въ недѣлю—$365^5/_8$ ф. Итакъ, превращаясь въ пряжу, 366 или около этого фунтовъ хлопчатой бумаги поглощаютъ 150 рабочихъ часовъ, тогда какъ на ручномъ прядильномъ станкѣ то же самое число фунтовъ пряжи требуетъ 27.000 часовъ. До открытія Эли - Уитнеемъ въ 1793 году такъ называемаго *cottongin*'а отдѣленіе 1 фунта хлопчатой бумаги отъ сѣмянъ стоило среднимъ числомъ одного рабочаго дня. Вслѣдствіе этого изобрѣтенія въ 1 день стало получаться одною негритянкою 100 ф. хлопчатой бумаги, а съ тѣхъ поръ дѣятельность *cottongin*'а еще значительно возросла. Фунтъ чистой хлопчатой бумаги, стоившій прежде 50 центовъ, сталъ послѣ этого продаваться за 10 центовъ и притомъ съ еще бо́льшею прибылью.

При помощи парового плуга паровая машина производитъ въ 1 часъ за $^1/_4$ шиллинга такую же работу, какую произвели бы 66 человѣкъ по 15 шиллинговъ въ часъ. Но эти 15 шиллинговъ ни въ какомъ случаѣ не выражаютъ всей работы, придаваемой продукту 66 рабочими. Если уровень прибыли въ данномъ случаѣ есть 100%, то въ дѣйствительности, какъ мы уже знаемъ, рабочіе эти произведутъ работы не на 15, а на 30 шилл., хотя только половина ихъ работы, т. е. 33 часа, будетъ представлять необходимое ихъ время, эквивалентъ котораго и есть 15 шилл. Итакъ, если предположить, что машина сто́итъ столько же, во сколько обходится задѣльная годовая плата, наприм., 150 вытѣсненныхъ ею рабочихъ—3.000 ф., то эти 3.000 ф. ни въ какомъ случаѣ *не* обозначаютъ *всей* работы, придаваемой ими продукту, а только ту часть ихъ рабочаго года, которая представляетъ ихъ необходимое время. И наоборотъ, если сама машина сто́итъ 3.000 ф. ст., то эта сумма обозначаетъ *всю* работу, израсходованную на ея производство, т. е. и необходимую, и добавочную. Итакъ, если даже машина *стоитъ* ровно столько, сколько *стоитъ* вытѣсняемая ею работа, то и въ такомъ случаѣ содержащійся въ ней трудъ гораздо меньше того, который замѣщенъ ею.

Если смотрѣть на машину только, какъ на способъ удешевленія товаровъ, то граница для употребленія машинъ дается тѣмъ, что собственное производство ея сто́итъ меньше *труда*, чѣмъ сколько сберегается или упраздняется ею. Но для капитала граница эта уже. Такъ какъ онъ оплачиваетъ не всю работу, а только часть ея, то для

него употребленіе машинъ становится выгоднымъ лишь съ того момента, когда *цѣнность машины* оказывается ниже, чѣмъ *цѣнность рабочей силы*, т. е. когда *купить* машину обойдется дешевле, чѣмъ *платить* массѣ рабочихъ. Конечно, въ дѣйствительности результатъ этотъ измѣняется подъ вліяніемъ разныхъ посторонннихъ обстоятельствъ, но онъ все же первый. опредѣленіе котораго указывается для капиталиста издержками производства и который дастъ себя знать при посредствѣ соперничества. Такъ, наприм., и въ настоящее время въ Англіи изобрѣтаются иногда такія машины, которыя вслѣдствіе дороговизны труда могутъ съ выгодою употребляться только въ Америкѣ, а въ Германіи XVI и XVII вѣковъ изобрѣтались машины, которыя употреблялись только въ Голландіи, и т. д. Сама машинная система, будучи примѣняема въ различныхъ странахъ къ нѣкоторымъ отраслямъ промышленности, производитъ въ другихъ такое обиліе рабочихъ, что упадокъ задѣльной платы ниже цѣнности труда затрудняетъ употребленіе машинъ и дѣлаетъ его съ точки зрѣнія капитала чрезмѣрнымъ и невозможнымъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ англійской шерстяной мануфактуры въ теченіе послѣднихъ лѣтъ дѣтская работа очень сократилась, а мѣстами и совсѣмъ упразднилась. Это произошло оттого, что, по низведеніи парламентомъ дѣтской работы до 4—6 часовъ въ день, родители требовали прежней платы, а мануфактуристы на это не соглашались и замѣнили дѣтей машинами. До запрещенія дѣтямъ (до 10 лѣтъ) и женщинамъ работать въ рудникахъ, капиталъ нашелъ способъ пользоваться трудомъ голыхъ женщинъ и дѣтей, часто вмѣстѣ съ мужчинами, въ угольныхъ копяхъ и въ другихъ рудникахъ и считалъ его въ такой степени согласнымъ съ кодексомъ своей морали и своего гауптбуха, что только послѣ запрещенія обратился къ машинамъ. Далѣе, янки изобрѣли машину для разбиванія камней, но англичане находятъ невыгоднымъ ввести ее у себя въ употребленіе, вслѣдствіе дешевизны рабочей силы.

Упраздняя необходимость въ значительной мускульной силѣ, машинная индустрія заявляетъ запросъ на рабочихъ съ незрѣлымъ развитіемъ тѣла и въ то же время эластическими членами. На этомъ основаніи женская и дѣтская работа—вотъ первое слово машинной промышленности. Эта насильственная замѣна однѣхъ силъ другими въ то же время способствуетъ увеличенію числа рабочихъ, т. е. поглощенію въ работу всѣхъ членовъ семьи рабочаго безъ различія возраста и пола. Этимъ способомъ механическая индустрія распредѣляетъ цѣнность рабочей силы мужчины на все его семейство. Покупка 4 рабочихъ силъ обходится, быть можетъ, и дороже одной рабочей силы прежняго главы семейства, но за то на мѣсто одного рабочаго дня является цѣлыхъ 4, и цѣна рабочей силы понижается въ томъ же отношеніи, въ какомъ увеличивается прибавочная работа четырехъ

сравнительно съ однимъ. Но, помимо этого, весьма многія работы, носившія прежде исключительно семейный характеръ, какъ-то: уходъ за дѣтьми, вязанье, шитье и пр., теперь, когда вся семья находится въ работѣ, должны ею оплачиваться, такъ что расходъ на содержаніе семьи также возрастаетъ. Ясно, что вдобавокъ къ этому нарушается еще и самая сущность договора купли-продажи рабочей силы, который долженъ заключаться между взрослыми и свободными людьми, вполнѣ располагающими разумѣніемъ и волею,—капиталъ начинаетъ договариваться съ полусовершеннолѣтними и съ несовершеннолѣтними. Въ какихъ возмутительныхъ формахъ совершается эта продажа маленькихъ рабовъ и какія тягостныя физическія и моральныя послѣдствія она влечетъ за собою, за ознакомленіемъ со всѣмъ этимъ мы отсылаемъ читателя къ самому „Капиталу", въ которомъ сосредоточена цѣлая масса фактовъ объ этомъ предметѣ.

Будучи самымъ могущественнымъ средствомъ для увеличенія производительности труда, т. е. для сокращенія рабочаго времени, потребнаго на производство товаровъ, машина въ рукахъ капиталиста является, наоборотъ, могущественнѣйшимъ способомъ къ удлиненію рабочаго дня. Прежде всего, движеніе и дѣятельность рабочихъ орудій становится въ крупной индустріи въ совершенно самостоятельное положеніе относительно рабочаго. Сама по себѣ система или кооперація машинъ становится индустріальнымъ *perpetuum mobile*, которое производило бы непрерывно, еслибы не натыкалось на извѣстныя естественныя препятствія, какъ-то: на чувствованія человѣка, на извѣстную его слабость и своеволіе. Въ качествѣ капитала, обладая волею и сознаніемъ въ лицѣ капиталиста, подобный автоматъ одушевленъ стремленіемъ свести къ минимуму сопротивленіе эластическихъ границъ человѣческой природы.

Мы видѣли, что чѣмъ продолжительнѣе періодъ служенія машины, тѣмъ больше масса продуктовъ, на которую переносится ея цѣнность, и тѣмъ меньше цѣнность, придаваемая ею отдѣльной единицѣ товара. Активный періодъ машины естественно равняется числу рабочихъ часовъ, помноженному на число рабочихъ дней, въ теченіе котораго она дѣйствуетъ. Ясно, что машина, работающая ежедневно по 16 часовъ, доставляетъ въ теченіе 7½ лѣтъ столько же продукта и переноситъ на него столько же цѣнности, какъ та же машина, еслибы она работала ежедневно по 8 часовъ въ теченіе 15 лѣтъ. Это является одною изъ важныхъ причинъ удлиненія рабочаго дня. Но есть и другія. Изъ нихъ можно указать на выгоду скорѣе потребить машину, чтобы не давать ей времени портиться отъ вредныхъ вліяній погоды, ржавчины и пр., чтобы не быть вынужденнымъ остаться въ случаѣ изобрѣтенія лучшей машины,—а изобрѣтенія въ нашъ вѣкъ поминутно слѣдуютъ одни за другими,—при менѣе дѣятельной и

потому болѣе дорогой, старой. Въ томъ же самомъ смыслѣ дѣйствуетъ еще одно обстоятельство, а именно, увеличеніе числа рабочихъ оказывается менѣе выгоднымъ, чѣмъ удлиненіе дня для однихъ и тѣхъ же рабочихъ. Такъ, оно требуетъ увеличенія постояннаго капитала въ машинахъ и въ постройкахъ, въ сыромъ и вспомогательномъ матеріалѣ и проч. При удлиненіи же рабочаго дня постройки и машины остаются тѣ же самыя и въ томъ же объемѣ. Въ томъ же, далѣе, направленіи, а именно удлиненія рабочаго дня, дѣйствуетъ, при болѣе или менѣе случайномъ употребленіи машинъ, уже упомянутое нами стремленіе капиталиста вполнѣ успѣшно воспользоваться на счетъ своихъ товарищей первымъ горячимъ временемъ послѣ введенія у себя машинъ. Понятно, впрочемъ, что, по мѣрѣ распространенія машины, одновременно исчезаютъ и эта особая выгода, и этотъ мотивъ къ удлиненію рабочаго дня.

Намъ уже извѣстно, что, во-первыхъ, прибавочная цѣнность возникаетъ только изъ перемѣннаго капитала и что, во-вторыхъ, общее количество прибавочной цѣнности зависитъ отъ уровня послѣдней и отъ числа одновременно занятыхъ рабочихъ. Мы знаемъ, далѣе, что, при данной продолжительности рабочаго дня, уровень прибавочной цѣнности опредѣляется тѣмъ отношеніемъ, въ какомъ рабочій день распадается на время необходимое и прибавочное. Что касается числа одновременно занятыхъ рабочихъ, то оно, въ свою очередь, зависитъ отъ отношенія между перемѣннымъ и постояннымъ капиталомъ. Ясно также, что, расширяя прибавочную работу на счетъ необходимой, путемъ увеличенія производительности труда, машинная индустрія достигаетъ этого результата только посредствомъ уменьшенія занятыхъ даннымъ капиталомъ рабочихъ; въ противномъ случаѣ вѣдь нѣтъ и повода къ употребленію машинъ. Это дѣлается такимъ образомъ, что она превращаетъ одну часть капитала, бывшую прежде перемѣнной, т. е. превращаемой въ рабочую силу,—въ машины, въ постоянный капиталъ, не приносящій прибавочной цѣнности. Итакъ, въ употребленіи машинъ на производство прибавочной цѣнности,—а именно таковa *вся* окружающая насъ крупная индустрія.—заключается внутреннее противорѣчіе, состоящее въ томъ, что изъ двухъ факторовъ прибавочной цѣнности, доставляемой капиталомъ данной величины, машинная индустрія увеличиваетъ одинъ —*уровень прибавочной цѣнности* — только тѣмъ, что другой—*число рабочихъ*—она, напротивъ того, уменьшаетъ. Это противорѣчіе также является одною изъ могущественныхъ причинъ, безсознательно побуждающихъ капиталиста къ насильственному удлиненію рабочаго дня, чтобы *вознаградить себя* за уменьшеніе относительнаго числа рабочихъ увеличеніемъ прибавочнаго времени.

Такимъ образомъ тенденцію машинной индустріи къ удлиненію

рабочаго дня можно считать доказанной. Очевидно, однако же, что, удлиняя рабочій день однихъ рабочихъ, машины въ то же время создаютъ избыточное населеніе въ лицѣ другихъ рабочихъ, лишенныхъ занятій именно по этой причинѣ. Нѣсколько ниже мы обратимся къ ближайшему разсмотрѣнію этого чрезвычайно важнаго феномена, теперь же будемъ продолжать развитіе общаго хода процессовъ машинной индустріи въ ихъ отношеніи къ живой рабочей силѣ.

Безмѣрное удлиненіе рабочаго дня влечетъ, наконецъ, за собою реакцію подъ видомъ фабричнаго законодательства, ограничивающаго непосредственно день малолѣтнихъ и женщинъ, а косвенно— и взрослыхъ мужчинъ. На основѣ нормальнаго рабочаго дня развивается другое весьма важное явленіе — интенсификаціи труда, степень которой до сихъ поръ предполагалась неизмѣнною. Хотя машинная индустрія постоянно стремится къ одновременному увеличенію и интенсивности, и продолжительности труда, и частью достигаетъ этого, но понятно, что есть такой поворотный пунктъ въ рабочемъ днѣ начиная съ котораго дальнѣйшее *совмѣстное* увеличеніе обоихъ этихъ факторовъ уже исключаетъ другъ друга въ силу простыхъ физіологическихъ требованій организма рабочаго. Съ момента установленія закономъ разъ навсегда нормы рабочаго дня, которую нельзя уже было переступить, капиталъ со всею силою и сознательно набросился на увеличеніе интенсивности работы при посредствѣ ускореннаго развитія машинной системы. Болѣе интенсивный часъ труда рабочаго сталъ содержать болѣе обнаруженной рабочей силы, чѣмъ болѣе рѣдкій часъ прежняго, болѣе продолжительнаго рабочаго дня. Этимъ способомъ 3 часа 20 минутъ прибавочной работы на 6 часовъ 40 минутъ работы необходимой (при 10 час. рабочемъ днѣ) могли доставлять капиталисту столько же добавочной цѣнности, сколько прежде доставляли 4 часа прибавочной работы на 8 часовъ необходимой (при 12 час. рабоч. днѣ).

Спрашивается теперь, какими средствами интенсивируется трудъ? Частью достигается это уже тѣмъ, что при менѣе продолжительномъ, а слѣдовательно, и менѣе утомительномъ рабочемъ днѣ, рабочій самъ по себѣ начинаетъ трудиться бодрѣе и энергичнѣе, а капиталистъ посредствомъ *поштучной* задѣльной платы блюдетъ за дѣйствительнымъ выполненіемъ этого физіологическаго условія. Въ мануфактурахъ, напр., въ гончарной, гдѣ машины не играютъ никакой или только незначительную роль, введеніе въ силу фабричнаго акта осязательно доказало, что сокращеніе рабочаго дня замѣчательно увеличило правильность, однообразіе, постоянство и энергію работы. Но относительно собственно фабрикъ многіе первоначально сомнѣвались въ подобномъ же исходѣ дѣла и больше всего сами фабриканты, которые прямо и почти единогласно утверждали, что вниманія

рабочихъ нельзя усилить, а тѣмъ болѣе извлечь изъ подобнаго усиленія, еслибы оно случилось, какую-нибудь пользу. Опытъ рѣшительно опровергаетъ это утвержденіе. Нѣкій Гарднеръ на своихъ двухъ большихъ фабрикахъ въ Престонѣ ограничилъ работу въ апрѣлѣ 1844 года 11 часами въ день вмѣсто 12. Около года спустя обнаружилось, что „въ 11 часовъ получалось столько же продукта при такихъ же издержкахъ, какъ прежде въ 12, и что рабочіе получали прежнюю плату". Результатъ этотъ, очевидно, былъ достигнутъ, благодаря большей выдержкѣ рабочихъ и экономіи въ ихъ времени. Подобные же эксперименты производились на фабрикахъ гг. Горрокса и Джексона.

Кромѣ этого средства для интенсификаціи труда практикуются и другія. Такъ, напр., усиливается быстрота дѣйствія машинъ и расширяется для рабочаго область надзора за различными машинами. Улучшеніе паровой машины увеличиваетъ число движеній поршня въ минуту и дозволяетъ, вмѣстѣ съ этимъ, при помощи большей экономіи силы, пускать въ ходъ болѣе обширный механизмъ, при одномъ и томъ же или меньшемъ расходѣ угля. Улучшеніе передаточнаго механизма уменьшаетъ треніе и сверхъ того, особенно въ новѣйшее время, уменьшаетъ діаметръ и вѣсъ большихъ и малыхъ валовъ до ничтожнаго минимума. Наконецъ, улучшенія въ самихъ рабочихъ механизмахъ при большей быстротѣ ихъ дѣйствія уменьшаютъ ихъ объемъ, какъ, напр., въ новѣйшемъ паровомъ ткацкомъ станкѣ, или увеличиваютъ число и объемъ отдѣльныхъ инструментовъ, какъ на прядильной машинѣ, или же, наконецъ, увеличиваютъ подвижность этихъ орудій, напр., подвижность веретенъ, которыя въ десятилѣтіе 1856—66 увеличились на $^1/_5$.

Сокращеніе рабочаго дня до 12 часовъ относится въ Англіи къ 1832 г. Уже въ 1836 г. одинъ англійскій фабрикантъ заявлялъ, что работа на фабрикахъ въ сравненіи съ прежнимъ значительно возросла, вслѣдствіе большаго вниманія и дѣятельности, требуемыхъ отъ рабочаго усиленною быстротою машинъ. Въ 1844 году лордъ Эшли, теперь Шэфтсбёри, сдѣлалъ въ палатѣ слѣдующее документальное заявленіе: „работа фабричныхъ рабочихъ теперь увеличилась втрое противъ того времени, когда эти операціи только что были введены... Работа надзора за парою машинъ для пряденія пряжи № 40 равнялась въ 1815 году пробѣгу разстоянія въ 8 миль... Въ 1825 году каждый прядильщикъ долженъ былъ дѣлать въ теченіе 12 часовъ 820 вытяжекъ на каждой машинѣ, что составило общую сумму въ 1.640 вытяжекъ для двухъ машинъ. Въ 1842 г. каждый прядильщикъ долженъ былъ дѣлать уже по 2.200 вытяжекъ на каждой машинѣ, а на двухъ—4.400; въ 1844 году—2.400 на каждой, а на двухъ—4.800, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуемая работа еще больше... Въ чесальнѣ также

произошло значительное увеличеніе работы. Одно лицо выполняетъ теперь прежнюю работу двухъ. Въ ткацкой, гдѣ занимаются большею частью женщины, работа въ послѣдніе годы возросла отъ увеличенія быстроты дѣйствія машинъ на полные 10% и т. п. „Далькѣйшее увеличеніе интенсивности работы казалось невозможнымъ, но и оно, однакожъ, вскорѣ стало дѣйствительностью. Такъ, въ 1862 году число вращеній въ минуту однихъ веретенъ увеличилось отъ 4.500 (1839 г.) до 5.000, а другихъ—отъ 5.000 до 6.000 [1]). Знаменитый гражданскій инженеръ Насмитъ изъ Патрикрофта, близъ Манчестера, въ письмѣ отъ 1852 года къ фабричному инспектору Леонарду Горнеру объ улучшеніяхъ, происшедшихъ въ паровыхъ машинахъ между 1848 и 1852 гг., говоритъ слѣдующее: „не подлежитъ никакому сомнѣнію, что паровыя машины одного и того же вѣса, часто даже тѣ же самыя машины, въ которыхъ только сдѣланы новѣйшія улучшенія, производятъ среднимъ числомъ на 50% болѣе дѣла, чѣмъ прежде, и что во многихъ случаяхъ тѣ же самыя машины, которыя во время ограниченной быстроты 220 футъ въ минуту доставляли 50 силъ, теперь, при меньшемъ потребленіи угля, даютъ 100 и т. д.“. Мы оставляемъ въ сторонѣ другое свидѣтельство въ такомъ же родѣ и приведемъ лишь нѣсколько весьма поучительныхъ статистическихъ цифръ: съ 1838 по 1850 годъ число англійскихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ возросло на 32%, а съ 1850 по 1856—на 85% въ годъ; на шелковыхъ фабрикахъ въ 1856 году было веретенъ 1.093.799, а въ 1862 году—1.388.544; ткацкихъ станковъ въ 1856 г.—9.260, а въ 1862—10.709; рабочихъ же, напротивъ того, въ 1856 году—56.131, а въ 1862—52.429,—иными словами, произошло *увеличеніе* веретенъ на 26,9%, ткацкихъ станковъ на 15,6% и *уменьшеніе* числа рабочихъ на 7%. То же самое повторилось и относительно нѣкоторыхъ другихъ фабрикъ тканей. Всѣ эти и подобные факты принудили нѣкоторыхъ фабричныхъ инспекторовъ сознаться, что па-ряду съ несомнѣннымъ улучшеніемъ въ моральномъ и физическомъ положеніи рабочихъ, подъ вліяніемъ фабричнаго законодательства, излишняя интенсивность работы, въ свою очередь, становится страшно вредною для здоровья. Не подлежитъ сомнѣнію, что это обстоятельство должно привести со временемъ къ новому сокращенію рабочаго дня [2]).

[1]) Фабричный инспекторъ Редгрэвъ писалъ въ *Journal of Arts*, 5 января 1872 года: „за 30 лѣтъ до настоящаго времени (1841) отъ прядильщика хлопчатой бумаги съ 3 помощниками требовался надзоръ только за 300—324 веретенами; теперь же (конецъ 1871 года) такой же прядильщикъ съ 5 помощниками обязанъ наблюдать за 2.220 веретенами и производить, по меньшей мѣрѣ, въ 7 разъ больше пряжи, чѣмъ въ 1841 году“.

[2]) Это предсказаніе автора „Капитала“ сбылось уже буквально по отношенію къ такъ называемой индустріи волокнистыхъ веществъ (основной вѣтви британской промышленности), въ которой по закону 1874 года рабочая недѣля сокращена отъ прежнихъ 60 до 56½ часовъ, причемъ въ основаніе необходимо-

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на фабрику, взятую въ ея цѣломъ. Д-ръ Уръ, Пиндаръ автоматической фабрики, утверждаетъ, что она, съ одной стороны, представляетъ собою „кооперацію рабочихъ различныхъ классовъ, взрослыхъ и несовершеннолѣтнихъ, внимательно и съ умѣньемъ наблюдающихъ за системою производительныхъ машинъ, которая непрерывно приводится въ дѣйствіе единою центральною силою“; съ другой же стороны, она является въ его глазахъ „громаднымъ автоматомъ, составленнымъ изъ безчисленныхъ механическихъ и сознательныхъ органовъ, которые дѣйствуютъ непрерывно и согласно въ видахъ производства одного и того же предмета, такъ что всѣ эти органы подчинены единой силѣ, которая сама себя приводитъ въ движеніе“. То и другое опредѣленіе фабрики совсѣмъ не одно и то же. Въ первомъ изъ нихъ совокупный рабочій является господствующимъ, субъектомъ, а механическій аппаратъ—подчиненнымъ, объектомъ, тогда какъ во второмъ самъ автоматъ становится субъектомъ, а рабочіе являются не болѣе, какъ сознательными и подчиненными его органами. Первое выраженіе характеризуетъ собою всевозможное употребленіе машинъ въ его цѣломъ, между тѣмъ какъ второе примѣняется только къ капиталистическому употребленію ихъ, въ новѣйшей фабричной системѣ.

Вмѣстѣ съ рабочимъ орудіемъ виртуозность въ управленіи имъ переходитъ отъ рабочаго къ машинѣ. Вслѣдствіе этого уничтожается и та технологическая основа, на которой покоится дѣленіе труда въ мануфактурѣ. Такимъ образомъ на мѣсто іерархіи спеціализированныхъ рабочихъ мануфактуры фабричная система проявляетъ тенденцію къуравненію всѣхъ работъ, которыя выполняются теперь только помощниками машины, различнаго возраста и пола, но не различныхъ спеціальностей.

Насколько дѣленіе труда продолжаетъ существовать и на автоматической фабрикѣ, оно является прежде всего распредѣленіемъ рабочихъ между разнородными машинами и цѣлыхъ массъ рабочихъ между различными отдѣленіями фабрики, изъ которыхъ въ каждомъ работа совершается при нѣсколькихъ однородныхъ рабочихъ машинахъ, такъ что здѣсь образуется лишь простая кооперація между рабочими. На мѣсто сложной мануфактурной группы становится теперь

сти новаго ограниченія была приведена именно чрезмѣрная интенсивность работы. Вотъ что говоритъ по этому поводу фабричный инспекторъ Редгрэвъ (*Report of the commissioners appointed to inquire into the working of the Factory and Worksheps Acts etc. 1876*, вопросъ 205): „причины, подъ вліяніемъ которыхъ было сокращено рабочее время въ фабрикаціи тканей (1874), совершенно очевидны; рабочіе утомлялись отъ чрезвычайно быстраго движенія машинъ, степень котораго возросла до такой высоты, что утомленіе не только тѣла, но и ума рабочихъ сдѣлалось совершенно невыносимымъ. Такова была причина, которая, въ связи съ другими, побудила къ ограниченію работы актомъ 1874 года“. *Авт.*

одинъ главный рабочій съ нѣсколькими помощниками. Существенное различіе замѣтно еще между тѣми рабочими, которые трудятся при самыхъ машинахъ, и ихъ сподручными. Въ сторонѣ отъ этого рабочаго персонала стоитъ высшій классъ рабочихъ—инженеры, механики, слесаря и т. д. Это дѣленіе труда носитъ, очевидно, чисто технологическій характеръ.

Такъ какъ вся совокупность машинъ на данной фабрикѣ сама образуетъ систему разнородныхъ, одновременно дѣйствующихъ машинъ, то и основанная на ней кооперація требуетъ распредѣленія разнородныхъ группъ рабочихъ между различными машинами. Но машинный способъ производства самъ по себѣ вовсе не нуждается въ томъ, чтобы подобное раздѣленіе труда отправлялось по системѣ мануфактуры, т. е. чтобы однимъ и тѣмъ же группамъ рабочихъ давалось постоянно все одно и то же занятіе. Такъ какъ общее движеніе фабрики зависитъ не отъ рабочаго, а отъ машины, то здѣсь можетъ происходить постоянная перемѣна лицъ безъ перерыва въ рабочемъ процессѣ. Самое поразительное доказательство этого представляетъ такъ называемая „станціонная система“ *(Relaissystem)* употребленія дѣтей на фабрикахъ Великобританіи въ 1848—50 годахъ, при помощи которой, чтобы скрыть отъ надзора фабричныхъ инспекторовъ дѣйствительное число часовъ работы, фабриканты тасовали дѣтей, какъ карты, по различнымъ отдѣленіямъ фабрики. При этомъ, значитъ, оказалось вполнѣ возможнымъ давать однимъ и тѣмъ же лицамъ непремѣнно весьма различныя занятія. Къ тому же и быстрота, съ какою изучается въ юношескомъ возрастѣ машинная работа, устраняетъ необходимость въ привлеченіи особаго класса рабочихъ исключительно къ машинной работѣ.

Но хотя такимъ образомъ машинная индустрія и уничтожаетъ старую систему дѣленія труда, однакожъ, эта послѣдняя продолжаетъ влачить свое существованіе на фабрикѣ въ силу простой традиціи. На мѣсто пожизненной спеціальности завѣдыванія инструментомъ является столь же пожизненная спеціальность службы при какой-нибудь частной машинѣ. Машиною злоупотребляютъ, чтобы превратить самого рабочаго въ часть машины, и это — ради уменьшенія издержекъ на подготовленіе рабочей силы и ради увеличенія зависимости рабочаго отъ фабрики въ ея цѣломъ. Нужды нѣтъ, что монотонная работа совершенно понапрасну отравляетъ существованіе многихъ со тенъ тысячъ людей, что чрезмѣрно напрягается ихъ нервная система и остаются въ бездѣйствіи ихъ мускулы. Но этого мало: къ удовольствіямъ фабричной работы присоединяется еще чисто казарменная дисциплина, которая развивается вслѣдствіе технической зависимости отъ равномѣрнаго хода механизма и отъ своеобразнаго состава рабочаго персонала изъ людей разнаго рода, возраста, пола, образо-

ванія, страшно высокая и вредная атмосфера и многія другія прелести. Не даромъ же Фурье называлъ фабрику „смягченнымъ казематомъ“.

Борьба между рабочимъ и капиталистомъ начинается съ самаго возникновенія капиталистическихъ отношеній, продолжается во весь мануфактурный періодъ и только въ фабричный періодъ принимаетъ форму столкновенія рабочаго съ самимъ орудіемъ труда. Почти вся Европа пережила въ XVII столѣтіи возстанія рабочихъ противъ такъ называемой ленточной машины. Въ концѣ первой трети XVII вѣка вѣтряная пильная мельница, изобрѣтенная однимъ голландцемъ, была разрушена около Лондона чернью. То же самое повторялось потомъ въ Англіи съ водяными пильными мельницами, ножницами для рѣзки шерсти и т. п. Особенно сильно было уничтоженіе машинъ въ Англіи въ началѣ XIX вѣка, причиненное въ особенности введеніемъ въ дѣйствіе парового ткацкаго станка и извѣстное подъ названіемъ движенія *люддитовъ*. Нужно было много опытности и времени, пока рабочіе научились проводить различіе между самими машинами и капиталистическимъ ихъ употребленіемъ. Въ качествѣ машины орудіе въ рукахъ капиталиста немедленно становится конкуррентомъ самого рабочаго, тогда какъ въ мануфактурѣ измѣнялась только комбинація труда прежнихъ рабочихъ, въ чемъ и состояла здѣсь главнымъ образомъ капиталистическая перемѣна. Съ введеніемъ машины рабочая сила теряетъ возможность быть проданной, подобно бумагѣ, курсъ которой перестаетъ обозначаться на биржѣ. Часть рабочаго класса, превращаемая такимъ образомъ въ населеніе излишнее, т. е. не требуемое болѣе самовозрастаніемъ капитала, погибаетъ въ неравной борьбѣ ремесленной или мануфактурной продукціи съ фабричною или же бросается во всѣ наиболѣе доступныя отрасли производства, переполняетъ рынокъ труда и страшно роняетъ цѣну послѣдняго. Большимъ утѣшеніемъ для пауперистическихъ рабочихъ должно быть то, что ихъ страданія, какъ утверждаютъ экономисты, носятъ только „временный“ характеръ, и что машины овладѣваютъ рабочимъ полемъ не вдругъ, а постепенно. Гдѣ переходъ къ машинамъ совершается медленно, тамъ онъ производитъ хроническую нищету; гдѣ же, напротивъ того, онъ наступаетъ быстро, тамъ бѣдствія пріобрѣтаютъ страшно острый характеръ. Нѣтъ въ первомъ отношеніи лучшаго примѣра, какъ постепенное уничтоженіе англійскихъ ручныхъ ткачей, законченное побѣдою машинъ не ранѣе 1838 года. Многіе изъ нихъ умерли голодною смертью, другіе продолжали „вежетировать“ за $2^1/_2$ пенса въ день, съ семействомъ. Напротивъ того, англійская хлопчато-бумажная промышленность подѣйствовала до того быстро на Остъ-Индію въ 1834—35 годахъ, что, по словамъ тогдашняго остъ-индскаго генералъ-губернатора, „кости остъ-индскихъ ручныхъ ткачей хлопчатой бумаги убѣляютъ равнины Индіи“. Это несчастье для

тѣхъ костей было, разумѣется, тоже лишь „временное“. Но дѣло въ томъ, что „временное“ дѣйствіе машинъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не временное, а постоянное, потому что машины охватываютъ все новыя и новыя отрасли, а въ прежнихъ все болѣе и болѣе улучшаются, вытѣсняя вмѣстѣ съ тѣмъ часть прежнихъ рабочихъ. Изъ громадной массы доказательствъ этого явленія, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію въ силу своего оффиціальнаго характера („Капиталъ“, русск. переводъ, стр. 383—4), вотъ на выдержку заявленія двухъ фабричныхъ инспекторовъ: по словамъ одного изъ нихъ, Редгрэва (Report of Insp. of Fact. 31 Oct., 1863, p. 109), „уменьшеніе числа рабочихъ и увеличеніе производства быстро шагаютъ впередъ, на шерстяныхъ фабрикахъ недавно началось новое уменьшеніе рукъ, и оно продолжается“ и т. д., а по мнѣнію другого (Rep. of Insp. of Fact. 31 Oct. 1858, p. 43), „постоянная цѣль улучшенія машинъ есть уменьшеніе ручной работы или подстановка вмѣсто одного кольца въ производственной цѣпи, состоящаго изъ человѣческаго аппарата, другого — изъ желѣза“. Дальнѣйшія показанія свѣдущихъ лицъ всѣ въ такомъ же родѣ.

Цѣлый рядъ экономистовъ—Джемсъ Милль, Макъ-Куллохъ, Торренсъ, Сеніоръ, Джонъ Ст. Милль и другіе утверждаютъ, что всякая машина, вытѣсняющая на мостовую рабочихъ, постоянно и необходимо освобождаетъ соотвѣтствующую долю капитала для предоставленія занятія тѣмъ же рабочимъ. Того же мнѣнія держался первоначально и Рикардо, но впослѣдствіи онъ выразительно отказался отъ него (см. главу о машинахъ въ его „Началахъ политич. экономіи“). Посмотримъ, насколько вѣрна эта теорія.

Предположимъ, что капиталистъ даетъ занятія 100 рабочимъ, напр., въ мануфактурѣ ковровъ, платя по 180 рублей въ годъ каждому, или 18.000 рублей. Цѣнность сырого матеріала пусть будетъ также равна 18.000 рублей. Предположимъ далѣе, что онъ отпускаетъ 50 рабочихъ и даетъ занятія остальнымъ 50 при машинѣ, стоющей 9.000 рублей. Цѣнность сырого матеріала при этомъ остается прежняя и кромѣ того отложимъ въ сторону, для простоты разсчета, издержки на постройки, уголь и т. д. Спросимъ теперь, освобождается-ли какой-нибудь капиталъ, благодаря этому перемѣщенію? Въ первомъ случаѣ общая сумма израсходованнаго капитала составляла 36.000 рублей, и теперь она составляетъ столько же. Только составъ ея измѣнился: она состоитъ теперь изъ 27.000 рублей постояннаго (на 18.000 р. сырого матеріала и на 9.000 рубл. машинъ) и изъ 9.000 перемѣннаго капитала, тогда какъ въ первомъ случаѣ того и другого было поровну (по 18.000). Вмѣсто половины доля перемѣннаго капитала образуетъ теперь $^1/_4$ всего капитала. Вмѣсто освобожденія здѣсь, напротивъ того, связывается 9.000 рублей капитала,

которые никогда уже не будутъ употреблены на содержаніе 50 рабочихъ. Конечно, еслибы вновь введенная машина стоила меньше, чѣмъ замѣщенныя ею рабочая сила и орудія, т. е., напр., не 9.000 рубл., а 6.000 р., то въ постоянный капиталъ перешла бы меньшая часть, и 3.000 рублей были бы въ этомъ случаѣ освобождены. Но вѣдь сумма въ 3.000 рублей, при прежней годовой платѣ въ 180 рублей, могла бы дать занятія всего 16 рабочимъ, тогда какъ отпущено цѣлыхъ 50.

Правда, упомянутые апологисты машинъ разумѣютъ другой способъ освобожденія капитала. Они имѣютъ въ виду средства существованія освобожденныхъ рабочихъ, которые теперь также дѣлаются свободными. Нельзя отрицать, что въ только что приведенномъ примѣрѣ машина „освободила“ не только 50 рабочихъ и сдѣлала ихъ годными къ распоряженію, но также порвала и связь ихъ средствами существованія на 9.000 рублей и такимъ образомъ „освободила“ эти средства. Итакъ, простой и вовсе не новый фактъ, что машина освобождаетъ *рабочаго* отъ средствъ существованія, на языкѣ экономистовъ означаетъ, что машина освобождаетъ *средства существованія* для рабочаго, т. е. превращаетъ ихъ въ капиталъ для употребленія рабочаго въ дѣло. Но вѣдь средства къ жизни на 9.000 руб. вовсе не имѣли въ отношеніи къ рабочимъ значенія капитала. Капиталомъ въ отношеніи къ нимъ *были* тѣ 9.000 рублей, которые прежде получались ими подъ видомъ задѣльной платы, а потомъ превратились въ машины и тѣмъ самымъ потеряли для нихъ это значеніе. При ближайшемъ разсмотрѣніи эти 9.000 руб. представляютъ не что иное, какъ часть ковровъ, производимыхъ прежде отпущенными рабочими, которую выплачивалъ имъ капиталистъ не натурою, а золотомъ. На эти-то ковры, превращенные капиталистомъ въ золото, рабочіе покупали себѣ прежде средства существованія. Ясно, что эти средства сами по себѣ были въ отношеніи къ нимъ не капиталомъ, а только лавочнымъ товаромъ, и сами они по отношенію къ этимъ товарамъ были не наемными рабочими, а простыми покупателями. Освобождая ихъ отъ орудія покупки—денегъ, машина превращаетъ ихъ изъ покупателей въ непокупателей. Отсюда уменьшеніе спроса на тѣ товары и пониженіе ихъ цѣны. Вотъ и все. Если подобное уменьшеніе будетъ продолжаться долго и въ обширномъ объемѣ, то часть капитала, которая производила эти средства существованія, перейдетъ въ другія отрасли, а въ теченіе паденія цѣнъ и перемѣщенія этой части капитала будутъ вдобавокъ „освобождены“ отъ части своей платы рабочіе и въ этихъ производящихъ средства существованія отрасляхъ.

Но кромѣ этого упомянутые писатели полагаютъ, что, освобождая рабочую силу, машины въ то же время производятъ добавочный капиталъ, который стремится къ помѣщенію и такимъ образомъ даетъ

освобожденнымъ силамъ и работу, и прежній освобожденный было хлѣбъ. Но вѣдь машина вытѣсняетъ не только тѣхъ рабочихъ, которые стали излишними въ моментъ ея примѣненія къ дѣлу, а также и новый слой людей, который доставляетъ каждой отрасли промышленности ея контингентъ для правильнаго замѣщенія и роста. Этотъ послѣдній слой людей будетъ впослѣдствіи подраздѣленъ иначе и поглощенъ другими отраслями труда, тогда какъ первоначальныя жертвы, большею частью, погибаютъ или окончательно нищаютъ въ переходный періодъ. Вдобавокъ къ этому, рабочая ихъ сила дѣлается до того одностороннею, благодаря дѣленію труда, что они могутъ имѣть доступъ лишь къ самому небольшему числу постоянно переполненныхъ низшихъ отраслей занятій.

Защитники упомянутой теоріи высказываютъ еще не подлежащее спору положеніе, что сами по себѣ машины нисколько не отвѣтственны за „освобожденіе“ рабочихъ. Машины удешевляютъ, говорятъ они, и увеличиваютъ продуктъ въ тѣхъ отрасляхъ, которыя охватываютъ и оставляютъ безъ измѣненія массу средствъ существованія, производимую въ другихъ отрасляхъ. До введенія, какъ и послѣ введенія машинъ, оставляя даже въ сторонѣ громадную долю продукта, потребляемую нерабочими, общество обладаетъ одинаковымъ или даже въ послѣднемъ случаѣ большимъ количествомъ средствъ существованія для смѣщенныхъ рабочихъ. Итакъ, отсюда должно слѣдовать, что неразлучныхъ съ капиталистическимъ употребленіемъ машинъ противорѣчій и антагонизмовъ не существуетъ потому, что источникомъ ихъ служитъ не сама машина, а капиталистическое ея употребленіе! Но вѣдь назначеніе машины самой по себѣ—сокращеніе труда, тогда какъ при капиталистическомъ употребленіи она удлиняетъ рабочій день: сама по себѣ она облегчаетъ работу, въ рукахъ же капиталиста она увеличиваетъ интенсивность работы; сама по себѣ она представляетъ побѣду человѣка надъ силой природы, въ рукахъ же капиталиста подчиняетъ человѣка послѣдней; сама по себѣ увеличиваетъ богатства производителя, въ рукахъ же капиталиста дѣлаетъ производителя пролетаріемъ. И всѣ эти вполнѣ осязательныя противоположности кажутся экономистамъ не болѣе какъ призракомъ поверхностнаго наблюденія; сами же по себѣ, а слѣдовательно и въ теоріи, оказываются для нихъ не существующими. Да развѣ же это не апологистика?

Справедливо, что безмѣрное увеличеніе количества машиннаго продукта требуетъ также увеличенія въ количествѣ сырого матеріала и орудій. Производящія эти предметы отрасли, пока сами не обзаведутся машинами, привлекаютъ къ себѣ на время бо́льшее число рабочихъ. Такъ, напримѣръ, по мѣрѣ развитія машиннаго производства въ Англіи, число рабочихъ въ угольныхъ копяхъ и въ рудникахъ

здѣсь необыкновенно возрастало, но въ послѣднія десятилѣтія увеличеніе это замедляется употребленіемъ новыхъ машинъ въ горномъ дѣлѣ. Что касается сырого матеріала, то извѣстно, что штурмъ англійской хлопчато-бумажной индустріи не только имѣлъ слѣдствіемъ поощреніе торговли африканскими рабами, но и сдѣлалъ воспитаніе рабовъ главнымъ занятіемъ штатовъ, граничащихъ съ рабскими. Въ 1790 году негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ было всего 697.000, а въ 1861—около 4 милліоновъ.

Если, далѣе, машинная индустрія охватываетъ промежуточную ступень какого-нибудь производства, то вмѣстѣ съ увеличеніемъ матеріала возрастаетъ и спросъ на трудъ въ тѣхъ ремесленныхъ и мануфактурныхъ отрасляхъ, въ которыя переходитъ съ фабрики полуфабрикантъ. Такъ, напримѣръ, механическія прядильни доставляли столько и такой дешевой пряжи, что ручные ткачи имѣли первоначально много дѣла и прекрасный доходъ. Отсюда притокъ людей въ ткачество хлопчатой бумаги, пока паровой ткацкій станокъ не выбиваетъ съ поля битвы 800.000 хлопчато-бумажныхъ ткачей, вызванныхъ къ жизни прядильными машинами. Такимъ же образомъ, помѣрѣ расширенія машинной продукціи тканей, возрастаетъ число портныхъ, швей, модницъ, но швейная машина кладетъ этому конецъ.

Соотвѣтственно увеличенію сырого матеріала, полуфабрикатовъ, рабочихъ инструментовъ и т. п., доставляемыхъ при машинномъ производствѣ меньшимъ числомъ рабочихъ, — обработка всѣхъ этихъ предметовъ, обособляясь все болѣе и болѣе, образуетъ множество подвидовъ, и такимъ образомъ увеличивается разнообразіе общественныхъ отраслей производства. Машинная индустрія ведетъ общественное дѣленіе труда гораздо далѣе, нежели мануфактура, потому что гораздо болѣе увеличиваетъ производительную силу труда.

Наконецъ, ближайшій результатъ машинной индустріи есть увеличеніе количества прибавочной цѣнности и числа содержащихся на нее лицъ, т. е. класса капиталистовъ. Отсюда необычайное развитіе отраслей, доставляющихъ предметы самой утонченной роскоши. Въ этомъ же направленіи дѣйствуетъ и развитіе всемірной торговли, доставляющей теперь не одни только предметы потребленія, но также громадное множество чужеземнаго сырья, полуфабрикатовъ и т. п., служащихъ къ увеличенію разнообразія и утонченности домашняго производства. Увеличеніе количества орудій производства и средствъ существованія влечетъ за собою возникновеніе такихъ отраслей промышленности, которыя въ состояніи принести плоды только въ самомъ отдаленномъ будущемъ—товарные склады, туннели, мосты, каналы и пр. Сверхъ того, образуются совершенно новыя отрасли промышленности—газовые заводы, телеграфы, фотографіи, пароходство, желѣзныя дороги. Но число рабочихъ въ этихъ отрасляхъ довольно

ограниченно; такъ, напримѣръ, по цензу 1861 года оно достигало въ Англіи и Уэльсѣ для всѣхъ пяти упомянутыхъ производствъ едва только 94.145 человѣкъ. Кромѣ того, увеличеніе прибавочной цѣнности дозволяетъ употреблять громаднѣйшую массу людей въ видѣ личной прислуги—въ Англіи и Уэльсѣ въ 1861 году ея было 1.208.648 человѣкъ, т. е. болѣе, чѣмъ всѣхъ рабочихъ, занятыхъ во всѣхъ фабрикахъ тканей и въ рудникахъ и въ копяхъ (1.208.442).

Вся совокупность этихъ фактовъ является наглядымъ доказательствомъ того, что увеличеніе числа рабочихъ при распространеніи машинной индустріи или носитъ только временный характеръ, или же оказывается незначительнымъ, что не можетъ быть и рѣчи о соотвѣтствіи между увеличеніемъ числа машинъ и расширеніемъ спроса на трудъ. Дальнѣйшія изслѣдованія еще болѣе убѣждаютъ въ этомъ.

По даннымъ фабричныхъ инспекторовъ, увеличеніе числа паровыхъ ткацкихъ станковъ на шелковыхъ и шерстяныхъ фабрикахъ Ланкашира, Чешира и Іоркшира достигало съ 1860 по 1865 годъ 11% веретенъ 3% паровыхъ силъ 5%, между тѣмъ какъ число рабочихъ здѣсь въ то же время упало. Между 1852 и 1862 годами англійская шерстяная фабрикація значительно возросла, между тѣмъ какъ число рабочихъ, занятыхъ ею, осталось почти одно и то же. „Это показываетъ", говорится въ отчетѣ отъ 31 октября 1862 года, „какъ введенныя въ большомъ количествѣ машины вытѣснили работу предъидущаго періода". Въ концѣ декабря 1871 г. фабричный инспекторъ Редгрэвъ сказалъ въ одной публичной лекціи, читанной въ Брэдфордѣ: „что̀ меня съ нѣкоторыхъ поръ удивляетъ, такъ это новое явленіе на шерстяныхъ фабрикахъ. Прежде онѣ были переполнены женщинами и дѣтьми, теперь же, повидимому, машины дѣлаютъ все дѣло. На мой вопросъ одному фабриканту, онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: при старой системѣ я нуждался въ работѣ 63 лицъ; по введеніи улучшенныхъ машинъ я уменьшилъ свои „руки" до 33, а недавно, вслѣдствіе новыхъ крупныхъ перемѣнъ, я былъ въ состояніи уменьшить ихъ отъ 33 до 13".

Понятно, впрочемъ, что, несмотря на все фактическое и потенціальное вытѣсненіе рабочихъ машинами, число рабочихъ, по мѣрѣ роста самихъ фабрикъ, т. е. количества ихъ и размѣровъ, въ концѣ концовъ можетъ быть значительнѣе, чѣмъ при мануфактурѣ. Положимъ, что при прежнемъ способѣ производства расходуется въ недѣлю 3.000 руб. капитала и что онъ состоитъ изъ $^2/_5$ постояннаго и $^3/_5$ перемѣннаго капитала, т. е. изъ 1.200 р. въ видѣ орудій и матеріала и изъ 1.800 р. въ видѣ рабочей силы (считая по 6 р. на одного рабочаго). При употребленіи въ дѣло машинъ, составъ капитала тотчасъ же измѣнится. Теперь онъ распадается на $^4/_5$ постояннаго и $^1/_5$ перемѣннаго, т. е. на 2.400 руб., которые пойдутъ на машины, и на 600 р.—

на рабочую силу. Такимъ образомъ $^2/_3$ прежнихъ рабочихъ будетъ отпущено. Но если предпріятіе расширится и общая сумма капитала дойдетъ до 9.000 руб., то работы будетъ снова на прежнее число рабочихъ (300). При возрастаніи капитала до 12.000 руб. занятія хватитъ 400 рабочимъ, т. е. на $^1/_3$ больше, чѣмъ при старомъ способѣ. Абсолютно это число возросло отъ 300 до 400, но относительно общей суммы капитала оно упало на цѣлыхъ 800, потому что капиталъ въ 12.000 при старомъ способѣ производства могъ бы дать занятіе не 400, а 1.200 рабочимъ. Итакъ, прежде мы предполагали, что при возрастаніи капитала составъ его, т. е. распаденіе его на постоянный и перемѣнный, остается безъ измѣненія. Но теперь мы видимъ, что возрастаніе это сопровождается непрерывнымъ увеличеніемъ части постояннаго капитала и соотвѣтственнымъ (относительнымъ) уменьшеніемъ части перемѣннаго.

---

Крупная индустрія разорвала тотъ занавѣсъ, который скрывалъ отъ людей ихъ собственный общественный процессъ производства и дѣлалъ загадкою однѣ отрасли промышленности для другихъ. Нестрыя, безсвязныя, окаменѣлыя формы общественнаго процесса производства замѣнились въ ней сознательнымъ и планомѣрнымъ примѣненіемъ естественныхъ наукъ и особенно технологіи. Но существующая форма производства ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться для крупной индустріи окончательною. Въ томъ-то и состоитъ отличіе послѣдней отъ прежнихъ способовъ общественной продукціи, что сама техническая основа ея носитъ преобразовательный характеръ, тогда какъ основа всѣхъ предыдущихъ формъ производства была существенно консервативная [1]). Посредствомъ машинъ, химическихъ процессовъ и другихъ способовъ она постоянно преобразуетъ вновь какъ техническое основаніе производства, такъ и функціи рабочихъ и общественное сложеніе производственнаго процесса. Вмѣстѣ съ этимъ она преобразуетъ дѣленіе труда внутри общества и непрерывно перебрасываетъ массы капитала и рабочихъ изъ одной от-

---

[1]) „Буржуазія не можетъ существовать, не преобразуя постоянно орудій производства, а вмѣстѣ съ ними и производственныя, слѣдовательно, *всѣ* общественныя отношенія. Напротивъ того, неизмѣнное поддержаніе старыхъ способовъ производства было первымъ условіемъ существованія всѣхъ предыдущихъ индустріальныхъ классовъ. Непрерывное преобразованіе продукціи, непрерывное потрясеніе всѣхъ общественныхъ состояній, вѣчная необезпеченность и движеніе отличаютъ буржуазную эпоху отъ всѣхъ предыдущихъ. Искореняются всѣ прочныя, покрытыя ржавчиною отношенія, со всею ихъ свитою старосвѣтскихъ представленій и воззрѣній, а всѣ образовавшіяся вновь старѣютъ прежде, чѣмъ успѣваютъ окрѣпнуть. Все стойкое и прочное испаряется, все священное перестаетъ быть таковымъ, и люди, наконецъ, принуждаются взглянуть трезвыми глазами на свои жизненныя условія и взаимныя отношенія“ („Капиталъ“, русск. пер., стр 429, примѣч. 313). *Авт.*

расли производства въ другую. Такимъ образомъ, крупная промышленность по самой своей природѣ требуетъ перемѣны труда подвижности рабочаго. Отрицательная сторона всего этого—лишеніе рабочихъ массъ всякаго покоя, прочности положенія, безмѣрная трата рабочей силы и т. д. Но въ то же время всѣми этими и другими путями крупная индустрія дѣлаетъ вопросомъ жизни или смерти какъ признаніе перемѣны труда, а слѣдовательно, и *многосторонности* рабочаго, всеобщимъ закономъ общественнаго производства, такъ и приспособленіе отношеній къ нормальному осуществленію этого закона. Этимъ наносится смертельный ударъ прежней мануфактурной односторонности рабочаго. Политехническія и агрономическія школы, а также школы профессіональныя стараются положить ей хотя отчасти предѣлъ, открывая свои двери дѣтямъ рабочихъ. Въ томъ же двойственномъ смыслѣ дѣйствуетъ также и принципъ смѣшенія людей различнаго пола и различнаго возраста въ одной мастерской. Будучи при капиталистическомъ производствѣ чумнымъ источникомъ разрушенія семьи рабочаго, рабства и разврата, тотъ же самый принципъ можетъ, при соотвѣтствующихъ условіяхъ, сдѣлаться источникомъ гуманнаго развитія.

Въ сферѣ земледѣлія, дѣлая „излишнею“ массу населенія, крупная индустрія оказываетъ вліяніе тѣмъ болѣе сильное, что она уничтожаетъ здѣсь основу стараго общества—крестьянина и ставитъ на его мѣсто наемнаго рабочаго. Такимъ образомъ, соціальныя противорѣчія деревни уравниваются съ городскими. На мѣсто нераціональнаго обычнаго способа обработки земли становится сознательное технологическое примѣненіе науки. Капиталистическій способъ производства окончательно дополняетъ разрывъ первоначальной, чисто-семейной, связи между земледѣліемъ и мануфактурою. Но вмѣстѣ съ этимъ создаются матеріальныя условія новаго, высшаго синтеза, соединенія земледѣлія съ индустріею. Постояннымъ увеличеніемъ городского населенія капитализмъ, съ одной стороны, накопляетъ историческую силу общественнаго движенія, а съ другой—препятствуетъ обмѣну матеріи между человѣкомъ и землею, т. е. возвращенію почвѣ взятыхъ изъ нея составныхъ частей. Это однимъ ударомъ разрушаетъ физическое здоровье городского рабочаго и умственное — деревенскаго. Но въ то же время, уничтожая условія этого обмѣна веществъ, возникшія естественно, случайно, капитализмъ заставляетъ людей установить его систематически, какъ законъ, управляющій общественнымъ производствомъ. Правда, не дешево обходятся почвѣ и рабочему техника и общественное сложеніе производства, введенныя въ жизнь подъ эгидою капитала.

---

Въ послѣдующей главѣ (русск. перев., глава пятая, стр. 422—488) идутъ у Маркса „дальнѣйшія изслѣдованія о производствѣ до-

бавочной цѣнности", не находящіяся въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ развитія капиталистической продукціи. Но такъ какъ изслѣдованія эти касаются отчасти чрезвычайно жизненныхъ и важныхъ вопросовъ общественной экономіи, то мы и рѣшаемся предложить читателю въ этомъ примѣчаніи коротенькое извлеченіе изъ того отдѣленія ихъ, въ которомъ идетъ рѣчь о разныхъ видахъ рабочей платы.

Задѣльная плата есть денежное выраженіе такъ называемой классическими экономистами цѣнности *труда*. Мы знаемъ, однако же, что трудъ самъ есть цѣнность, и потому выраженіе *цѣнность труда* есть чисто фиктивное выраженіе. То, что экономисты разумѣли подъ цѣнностью труда, есть не что иное какъ цѣнность *рабочей силы* живой и еще не затраченной въ дѣло, которая настолько отличается отъ труда, насколько, напримѣръ, машина отличается отъ своихъ операцій. Итакъ, задѣльная плата есть денежное выраженіе цѣнности не *труда*, а *рабочей силы*. Но мы уже видѣли, что цѣнность рабочей силы всегда бываетъ меньше того, что даетъ она въ работѣ. Между тѣмъ, задѣльная плата, т. е. извѣстное число копѣекъ, даваемое рабочему за цѣлый якобы день работы, совершенно маскируетъ собою это раздѣленіе работы на необходимую и прибавочную. Подъ видомъ задѣльной платы является оплаченною вся работа, а не одна лишь необходимая ея часть. При барщинной работѣ это раздѣленіе совершенно осязательно въ смыслѣ времени, какъ и пространства: крѣпостной работаетъ часть времени на барскомъ полѣ, часть на своемъ. При рабской работѣ даже необходимая работа является какъ бы работою для господина. Вся работа раба является неоплаченной. При наемной работѣ, напротивъ того, сама прибавочная работа или неоплаченная носитъ характеръ оплаченной. На этой-то формѣ проявленія, скрывающей дѣйствительное отношеніе и даже обнаруживающей нѣчто ему противоположное, покоятся всѣ юридическія представленія рабочаго и капиталиста, всѣ мистификаціи капиталистической продукціи, всѣ ея иллюзіи свободы, вся апологистика вульгарной экономіи.

Задѣльная плата принимаетъ различныя формы. Здѣсь будутъ разсмотрѣны двѣ изъ нихъ.

Сумма денегъ, которую получаетъ рабочій за день труда (*повременная плата*), представляетъ размѣръ его номинальной, т. е. опредѣленной по цѣнности задѣльной платы. Ясно, однако, что, смотря по длинѣ рабочаго дня и, слѣдовательно, по количеству доставляемой имъ въ день работы, — одна и та же поденная, понедѣльная и т. д. плата можетъ представлять весьма различную *цѣну труда*, т. е. весьма различныя суммы денегъ за одно и то же количество работы. Такимъ образомъ, въ повременной платѣ слѣдуетъ проводить различіе между общею суммою понедѣльной, поденной и т. п. платы и нѣ-

ною труда. Какъ же найти теперь эту цѣну, т. е. денежную цѣнность опредѣленнаго количества работы? Средняя цѣна труда получается при раздѣленіи средней цѣнности рабочей силы на число часовъ средняго рабочаго дня. Если, напримѣръ, рабочій получаетъ въ день 95 коп. и работаетъ 12 часовъ, то цѣна одного часа труда будетъ $^{96}/_{12} = 8$ коп. Вотъ эта-то цѣна рабочаго часа и есть единица мѣры для цѣны труда. Отсюда слѣдуетъ, что поденная, понедѣльная, вообще повременная плата можетъ оставаться безъ измѣненія, тогда какъ цѣна труда можетъ при этомъ падать. Такъ, при 96 коп. поденной платы за 10 часовъ, цѣна рабочаго часа была 9,6 коп., но при удлиненіи рабочаго дня до 12 часовъ цѣна рабочаго часа, при тѣхъ же 96 коп. въ день, опускается уже до 8 коп. и т. п. И наоборотъ, понятно, что повременная плата можетъ возрастать, между тѣмъ какъ цѣна труда можетъ оставаться безъ измѣненія, если только число рабочихъ часовъ въ день возрастаетъ въ томъ же отношеніи. То же самое, очевидно, послѣдовало бы при увеличеніи не продолжительности, а интенсивности работы.

Если, получая въ часъ 8 коп., рабочій будетъ трудиться меньше 12 часовъ въ день, напримѣръ, только 6 или 8, то онъ получитъ всего 48 или 64 коп. поденной платы. А такъ какъ мы предполагаемъ, что въ теченіе 6 часовъ онъ работаетъ самъ на себя, то и выходитъ, что при почасовой платѣ ему нельзя работать меньше 12 часовъ въ день, чтобы получить полную цѣнность своей рабочей силы, т. е. 96 коп. Капиталистъ знаетъ это, и въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ законъ не ограничиваетъ нормы рабочаго дня, онъ, путемъ *почасовой* платы, можетъ выжать изъ рабочаго извѣстное количество прибавочной работы, не доставляя ему даже столько рабочаго времени, сколько необходимо ему для существованія. Онъ можетъ уничтожить всякую правильность занятія и произвольно перемѣшивать громадное количество работы однихъ съ относительной или абсолютной безработицей другихъ индивидуумовъ. Одни при этомъ станутъ работать по 16—18 часовъ въ день, тогда какъ другіе только 5 или 6. Понятно, поэтому, сопротивленіе лондонскихъ рабочихъ-строителей въ 1860 году, когда хозяева ихъ хотѣли учредить *почасовую* плату. Если же при такихъ условіяхъ рабочій желаетъ получить потребную и достаточную для своего существованія плату, то онъ долженъ соглашаться на страшно продолжительную работу. Такъ, по фабричному отчету 30 апрѣля 1863 г., „въ нѣкоторыхъ частяхъ Шотландіи до фабричнаго акта 1862 г. въ бѣлильняхъ работали по системѣ излишняго времени (т. е. лучше оплачиваемаго), причемъ 10 часовъ считалось нормальнымъ рабочимъ днемъ. За это получалъ мужчина 1 шилл. 2 пенса. Но къ этому присоединялось еще 3 или 4 часа излишняго времени, за что получалось по 3 пенса въ часъ. Слѣдствіемъ этой системы было: муж-

чина, работавшій только нормальное время, могъ заработать въ недѣлю только 8 шиллинговъ. Безъ излишняго времени жалованья не хватало". Ограниченіе рабочаго дня ставитъ предѣлъ этимъ вымогательствамъ

Итакъ, чѣмъ ниже цѣна труда, тѣмъ продолжительнѣе должна быть работа, чтобы рабочій могъ вести хотя сносное существованіе. Фабричный инспекторъ Редгрэвъ доказалъ это сравнительнымъ обзоромъ 20-ти-лѣтняго періода съ 1839 по 1859 гг., по которому на фабрикахъ, подчиненныхъ 10 часовому закону, рабочая плата повысилась между тѣмъ какъ на фабрикахъ, гдѣ работали отъ 14 до 15 часовъ въ сутки, она упала. Но этого мало. Тѣ же обстоятельства, которыя даютъ капиталисту возможность удлинять рабочій день, сначала дозволяютъ, а потомъ и принуждаютъ его понижать самую цѣну труда, т. е. почасовую плату, до того предѣла, пока упадетъ вся сумма цѣны за всѣ часы дня, т. е. и поденная плата. Такъ, напримѣръ, если одинъ человѣкъ исполняетъ дѣло за $1^1/_2$ или за 2 человѣка, то понятно, что предложеніе труда увеличится безъ измѣненія въ числѣ предлагающихъ свои услуги рабочихъ. Произведенное такимъ способомъ между рабочими соперничество даетъ капиталисту возможность понизить цѣну труда, а пониженіе этой цѣны дастъ ему, въ свою очередь, возможность еще болѣе удлинить рабочій день. Но вскорѣ эта власть надъ ненормальнымъ количествомъ неоплаченной работы начинаетъ служить средствомъ соперничества между самими капиталистами. Это происходитъ по слѣдующимъ основаніямъ. Часть цѣны товара состоитъ изъ цѣны труда. Неоплаченная часть этой послѣдней можетъ и не проявляться въ цѣнѣ товара. Она можетъ быть подарена покупателю товара. Это первый шагъ, къ которому ведетъ соперничество между капиталистами изъ-за сбыта своихъ товаровъ. Второй же шагъ, на который оно вынуждаетъ, — это исключеніе, по крайней мѣрѣ, части ненормальной прибавочной цѣнности, происшедшей отъ увеличенія длины рабочаго дня, изъ той же продажной цѣны товара. Этимъ способомъ сначала случайно, а потомъ и постоянно образуется ненормально низкая продажная цѣна товара, которая, начиная съ этихъ поръ, становится постояннымъ основаніемъ ничтожества задѣльной платы, какъ прежде она была ея послѣдствіемъ. Такъ, въ трудахъ коммиссіи „Объ употребленіи въ занятія дѣтей", 1864 г., III. Rep. Evidence, p. 66, одинъ фабрикантъ разсказываетъ: „Въ Бирмингамѣ соперничество между хозяевами такъ сильно, что многіе изъ насъ, въ качествѣ хозяевъ, принуждены дѣлать то, чего постыдились бы при другихъ обстоятельствахъ, и при этомъ барыша получается не больше, а всею выгодою пользуется публика". То же самое замѣчается, по показаніямъ свѣдущихъ лицъ, въ производствѣ хлѣба въ лондонскихъ пекарняхъ, гдѣ соперничество

поддерживается какъ надувательствомъ публики въ качествѣ товара, такъ и чрезмѣрною работою подеищиковъ.

Второй видъ рабочей платы есть *плата поштучная*, которая представляетъ не что иное, какъ измѣненную форму той же самой повременной платы, точно такъ же, какъ эта послѣдняя является измѣненною формою цѣнности рабочей силы.

Съ перваго взгляда кажется, будто при поштучной платѣ оплачивается не рабочая сила, а самый продуктъ, и что поэтому размѣръ подобной платы зависитъ единственно отъ производительныхъ способностей рабочаго. Но это предположеніе опровергается уже тѣмъ фактомъ, что поштучная и повременная плата существуютъ часто рядомъ въ однихъ и тѣхъ же предпріятіяхъ и вообще перемѣшаны между собою довольно безразлично. Увидимъ, что это вѣрно и въ другихъ еще отношеніяхъ.

Положимъ, что обыкновенный рабочій день состоитъ изъ 12 часовъ, въ томъ числѣ изъ 6 часовъ необходимой и 6 часовъ добавочной работы. Положимъ, далѣе, что, по указанію опыта, средній рабочій производитъ въ день 24 штуки товара. За вычетомъ постояннаго капитала цѣна этихъ 24 штукъ можетъ быть 1 р. 92 к., а одной 8 к. Рабочему дается по 4 коп. за штуку, и въ цѣломъ онъ получаетъ все тѣ же 96 коп. въ день, какъ и при поденной платѣ, не больше. Разница, значитъ, только въ томъ, что при повременной платѣ работа измѣряется непосредственно временемъ, при поштучной же — количествомъ продукта, въ которомъ заключено это время.

Этимъ дается капиталисту совершенно опредѣленная мѣрка для интенсивности работы. Контроль тутъ не нуженъ, самъ рабочій долженъ слѣдить, чтобы труда расходовалось на штуку товара сколько слѣдуетъ. Опытъ учитъ, сколько труда идетъ на штуку. Въ большихъ портняжныхъ мастерскихъ Лондона жилетка, панталоны и т. п. такъ и называется на этомъ основаніи часъ, два часа и проч. Въ силу отсутствія необходимости контроля, поштучная плата играетъ особенно важную роль при домашней работѣ лицъ, трудящихся на капиталиста. Отсюда множество посредниковъ, барышъ которыхъ, понятно, составляетъ разница между тѣмъ, что платитъ капиталистъ, и тѣмъ, что дѣйствительно получаетъ домашній рабочій. Помимо этого, метода поштучной платы даетъ возможность капиталисту заключать контрактъ съ однимъ какимъ-нибудь старшимъ рабочимъ на столько-то штукъ товара за опредѣленную сумму, въ силу котораго этотъ рабочій самъ уже беретъ на себя трудъ вербовки и выплаты остальнымъ рабочимъ. Нечего и говорить, что послѣдніе не остаются отъ этого въ особенномъ выигрышѣ.

При данной поштучной платѣ интересъ рабочаго естественно состоитъ въ томъ, чтобы по возможности интенсивнѣе напрячь свою

рабочую силу, а это облегчаетъ капиталисту увеличеніе нормальной степени интенсивности труда. Дальнѣйшій его интересъ — удлинить свой рабочій день, такъ какъ отъ этого возрастаетъ поденная или понедѣльная плата. Но тутъ наступаетъ уже описанная выше, при разсмотрѣніи повременной платы, реакція, не говоря уже о томъ, что удлиненіе рабочаго дня понижаетъ цѣну труда и само по себѣ, даже при неизмѣнной поштучной платѣ.

При повременной платѣ, за небольшими исключеніями, господствуетъ одна и та же плата разнымъ рабочимъ за одинъ и тѣ же операціи. При поштучной платѣ выручка въ недѣлю, въ день и т. п. начинаетъ колебаться, смотря по ловкости, силѣ, энергіи, выдержкѣ рабочаго и т. п. Для всей мастерской, т. е. для капитала, эти индивидуальныя различія опять-таки уравниваются. Но по отношенію къ самимъ рабочимъ это не такъ. Поштучная плата дѣйствительно развиваетъ между рабочими чувство свободы, самостоятельности и контроля надъ собой, но въ то же время она ведетъ къ сильнѣйшему соперничеству между рабочими. Такимъ образомъ, поднимая индивидуальное вознагражденіе, поштучная плата имѣетъ тенденцію понижать тотъ самый уровень, надъ которымъ поднимается это вознагражденіе.

Не будучи новымъ изобрѣтеніемъ,—она встрѣчается оффиціально во французскихъ и англійскихъ рабочихъ статутахъ XIV столѣтія, —поштучная плата является формою цѣнности труда, наиболѣе соотвѣтствующею капиталистическому производству. Въ теченіе бурнаго періода крупной индустріи съ 1797 по 1815 гг. она служитъ рычагомъ удлиненія рабочаго дня и уменьшенія платы. Въ примѣненіи къ земледѣльческимъ работамъ, по замѣчаніямъ свѣдущихъ людей, поштучная плата, хотя и доставляла по временамъ больше, но это возмѣщалось отсутствіемъ работы въ другое время. Самъ даже Мальтусъ замѣчалъ въ то время: „Я сознаюсь, что смотрю съ неудовольствіемъ на значительное расширеніе практики поштучной платы. Дѣйствительно, тяжелой работы въ теченіе 12 или 14 часовъ въ день на сколько-нибудь продолжительный періодъ времени слишкомъ ужъ много для человѣческаго существа". Въ предпріятіяхъ, подчиненныхъ фабричному закону, поштучная плата становится общимъ правиломъ, потому что здѣсь капиталъ можетъ расширять рабочій день только на счетъ интенсивности работы.

Съ измѣненіемъ производительности труда, въ одномъ и томъ же количествѣ продукта заключается то меньше, то больше рабочаго времени. Вмѣстѣ съ этимъ, понятно, измѣняется и поштучная плата, которая служитъ выраженіемъ цѣны опредѣленнаго рабочаго времени. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ рабочій день въ 12 часовъ давалъ 24 штуки продукта или 1 руб. 92 коп., рабочему доставалось 96 к., цѣ-

на рабочаго часа была 8 к. Но если тотъ же рабочій день принесетъ 48 штукъ вмѣсто 24, то поштучная плата понизится, caeteris paribus, съ 4 коп. до 2 коп., такъ какъ каждая штука теперь заключаетъ всего $^1/_2$ часа времени и стоитъ не 8, а 4 коп. Въ цѣломъ рабочій получитъ прежнюю плату—96 коп. Говоря иначе, поштучная плата понижается въ томъ же отношеніи, въ какомъ возрастаетъ число производимыхъ въ единицу времени штукъ товара и, слѣдовательно, въ какомъ уменьшается количество рабочаго времени, потребнаго на каждую штуку. Эти перемѣны въ поштучной платѣ, хотя и чисто номинальныя, вызываютъ постоянную борьбу между капиталистомъ и рабочими. Отсюда, между прочимъ, довольно наивная жалоба со стороны англійскихъ капиталистовъ, что рабочіе заботливо слѣдятъ за цѣною сырья и фабрикатовъ, для учета прибыли своихъ хозяевъ.

## ГЛАВА XI.

## Разборъ теоріи машиннаго производства.

Здѣсь мы снова сдѣлаемъ маленькую остановку, чтобы имѣть возможность осмотрѣться и подвести нѣкоторые итоги содержанію предъидущей главы. Сказать по правдѣ, ученіе Маркса о машинахъ и о крупной индустріи представляетъ такой неисчерпаемый источникъ новыхъ мыслей и оригинальныхъ изслѣдованій, что еслибы кто вздумалъ взвѣсить относительныя достоинства этого ученія вполнѣ, ему пришлось бы написать по одному этому предмету чуть не цѣлую книгу. Чтобы избѣгнуть этого и въ то же время выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія, необходимо ограничиваться оцѣнкой лишь того, что представляется здѣсь наиболѣе существеннымъ и важнымъ.

Въ этомъ отношеніи мы, разумѣется, должны поставить на первомъ планѣ характеристику машинной индустріи въ качествѣ дальнѣйшаго послѣ мануфактуры періода въ развитіи капиталистической продукціи. До настоящаго времени въ экономической литературѣ, не говоря уже о практикѣ, выраженія „мануфактура“ и „фабрика“ употреблялись обыкновенно въ одномъ и томъ же смыслѣ и примѣнялись ко всякимъ вообще промышленнымъ заведеніямъ значительныхъ размѣровъ [1]). Дѣйствительно, мануфактурный и фабричный способы производства одинаково отличаются отъ ремесла тѣмъ общимъ признакомъ, что оба представляютъ формы капиталистическаго сочетанія труда. Другимъ ближайшимъ поводомъ къ смѣшенію этихъ двухъ

[1]) Въ томъ же самомъ значеніи употребляется и у насъ слово заводъ (французское *usine*), безъ котораго легко можно бы совсѣмъ обойтись. И въ самомъ дѣлѣ, кирпичный или черепичный заводъ есть попросту мануфактура, сахарный заводъ есть фабрика, кожевенный, желѣзодѣлательный и другіе заводы суть мануфактуры или фабрики, смотря по преобладанію въ нихъ машины или ручной работы. *Авт.*

понятій является то обстоятельство, что и тотъ, и другой родъ производства встрѣчаются нерѣдко въ различныхъ отрасляхъ промышленности въ одно и то же время, особенно въ странахъ, вступающихъ на поприще капитализма сравнительно довольно поздно и пользующихся опытностью другихъ странъ.

Но какъ бы ни было громадно сходство между мануфактурою и фабрикою съ точки зрѣнія капитализма, не слѣдуетъ, однако, забывать, что, какъ показываетъ Марксъ, между ними существуютъ и весьма значительныя различія. Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что, по общему правилу, мануфактурная промышленность предшествуетъ машинной въ качествѣ вполнѣ естественной промежуточной ступени между послѣднею и ремесленною промышленностью. Мы видѣли отчасти въ предыдущей главѣ, что эта истина имѣетъ въ свою пользу богатый выборъ весьма цѣнныхъ фактовъ, и что она нисколько не представляетъ результата однихъ теоретическихъ соображеній Карла Маркса. Но упомянутую промежуточную роль приходится признать за мануфактурнымъ производствомъ и *a priori*, такъ какъ въ противномъ случаѣ намъ было бы совершенно невозможно уяснить, какимъ инымъ путемъ могла возникнуть машинная продукція. Нельзя ни на минуту допустить, чтобы фабричная индустрія съ ея широкою технической и кооперативною основой, съ ея всемірными сношеніями и громаднымъ накопленіемъ капитала, имѣла непосредственные корни въ ремесленномъ устройствѣ, которое, какъ намъ извѣстно, по самой своей природѣ, исключало всю совокупность перечисленныхъ условій. Напротивъ, гораздо больше шансовъ на осуществленіе имѣетъ постепенный и незамѣтный переходъ сначала отъ ремесла къ мануфактурѣ, а потомъ уже отъ мануфактуры къ фабрикѣ: одни условія тутъ неизбѣжно и логично порождаются другими: тутъ нѣтъ ни перерывовъ, ни скачковъ.

Не слѣдуетъ, конечно, думать, что мануфактурный или фабричный способы производства распространяются одновременно на всѣ безъ исключенія отрасли промышленности и представляютъ вполнѣ обособленные и замкнутые періоды экономическаго развитія. Ремесло, мануфактура и фабрика могутъ существовать совмѣстно въ однихъ и тѣхъ же отрасляхъ занятій. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, мы видимъ, что посреди всеобщаго въ Европѣ господства ремесла въ *XII—XV столѣтіяхъ*, во многихъ городахъ Италіи и Нидерландовъ сукно, холстъ, ковры и пр. производятся уже мануфактурою [1]). Съ

[1]) Вотъ нѣкоторыя цифры, одинъ размѣръ которыхъ является достаточно наглядымъ доказательствомъ того, что способъ производства въ этихъ мѣстностяхъ долженъ былъ отличаться сравнительно значительною сложностью. Флоренція ежегодно посылала въ Венецію 16.000 штукъ сукна, Кремона 40.000, Комо 12.000 Монза 6.000, Миланъ 4.000, Павія 3.000 (*Hoffmann, Geschichte des Handels*, 369). Въ XIV и XV столѣтіяхъ въ Гентѣ было около 40.000 тка-

другой же стороны, отчетъ коммиссіи, назначенной парламентомъ Великобританіи въ мартѣ 1875 г. для изслѣдованія дѣйствія фабричнаго законодательства, опредѣляетъ, на основаніи возможно точныхъ свѣдѣній, общее число находящихся въ *настоящее время* въ этой странѣ, подъ вѣдомствомъ фабричныхъ инспекторовъ, ремесленныхъ мастерскихъ не менѣе, какъ въ 109.324. Итакъ, даже въ странѣ, достигшей апогея въ развитіи машинной индустріи, ремесленная комбинація труда отнюдь не представляется явленіемъ исключительнымъ. Въ одной Шотландіи, на основаніи трудовъ той же самой коммиссіи, число ручныхъ ткачей въ 1872 году достигало еще 10.000 [1]). Далѣе, во многихъ случаяхъ само распространеніе фабрикъ способствовало отчасти и развитію особой формы ремесла. Такъ, въ Ковентри еще очень недавно ткачамъ шелковыхъ матерій раздавался въ наемъ паръ. Тотъ же порядокъ практикуется донынѣ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Вотъ, наприм., отвѣтъ, данный коммиссіи однимъ изъ служащихъ по фабричной инспекціи, Гульдомъ [2]): „мною собраны статистическія свѣдѣнія, относящіяся къ одному изъ самыхъ обширныхъ учрежденій Шеффильда: въ этомъ учрежденіи состоятъ на-лицо 43 мастерскія. Владѣлецъ его готовитъ издѣлія изъ оленьяго рога и самъ занимаетъ нѣсколько помѣщеній. Помимо этого тутъ есть еще 18 маленькихъ помѣщеній для ножевщиковъ... Каждый человѣкъ нанимаетъ комнату и *рабочую силу* и трудится на кого хочетъ; тутъ же помѣщаются три шлифовальныя мастерскія и пр.“. По словамъ другого свидѣтеля, Фирта [3]), въ Шеффильдѣ весьма часто встрѣчаются мелкіе съемщики комнатъ или частей комнатъ, нанимающіе паръ на шлифовальныхъ фабрикахъ. Нельзя не обратить вниманія также и на то, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сущность процесса зависитъ не отъ широкаго размѣра производства, всѣ промыслы, вновь появляющіеся въ теченіе новѣйшаго времени, наприм., дѣланіе конвертовъ, стальныхъ перьевъ и т. д., прежде чѣмъ дойти до фабричнаго производства, проходятъ кратковременныя фазы ремесленнаго и мануфактурнаго. Затѣмъ, въ одной и той же отрасли промышленности переплетаются подчасъ весьма разнообразныя формы общественной продукціи. Въ подобномъ положеніи находятся въ Англіи портняжество, сапожничество, шитье бѣлья и т. д. Въ одной мѣстности занятія эти устроены фабрично; въ другой — хозяева-посредники получаютъ сырье отъ капиталистовъ *en chef* и группируютъ около швейныхъ ма-

чей холста, сукна, ковровъ и проч. Въ Амстердамѣ производилось въ годъ не менѣе 12.000 штукъ сукна. Въ городахъ Фландріи и Брабанта мануфактура сукна также отличалась значительными размѣрами (Курträ въ XV ст. имѣлъ 6.000 суконщиковъ-ткачей, Ипернъ 4.000 и т. д.). (Ib. 408—9). *Авт.*

[1]) *Report of the commissioners etc.* 1876, показаніе № 15.480.

[2]) Ib., 12.292.

[3]) Ib., 11.872.

шинъ въ „камерахъ“ и на „чердакахъ“ отъ 10 до 50 и болѣе наемныхъ рабочихъ. Наконецъ, какъ и при употребленіи прочихъ машинъ, которыя не образуютъ сложной системы и примѣняются лишь въ маломъ видѣ, ремесленники и домашніе рабочіе съ своими семействами работаютъ при помощи своихъ собственныхъ швейныхъ машинъ („Капиталъ“, 417). Но и это еще не все. Въ одномъ и томъ же предпріятіи встрѣчаются нерѣдко различные способы продукціи. Такъ, на бумажныхъ фабрикахъ разборъ тряпокъ и сортировка готовой бумаги суть мануфактурные или даже ремесленные процессы. Тотъ же самый характеръ носитъ операція складыванія бумаги въ типографіяхъ. Наконецъ, свидѣтельскія показанія, отобранныя названною коммиссіею у весьма многихъ лицъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что хозяева весьма различныхъ крупныхъ предпріятій имѣютъ обыкновеніе раздѣлять значительную часть своей работы между мелкими промышленными заведеніями [1]).

Мы могли бы значительно увеличить число примѣровъ, служащихъ доказательствомъ того, что единовременныя отношенія между различными способами общественной продукціи отличаются повсюду большимъ разнообразіемъ и случайностью. Но какъ бы ни были громадны запутанность и пестрота подобныхъ сочетаній, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что сочетанія эти представляютъ не болѣе, какъ переходное явленіе. Съ теченіемъ времени мануфактура убиваетъ ремесло, а фабрика—мануфактуру съ такой же вѣрностью, съ какою „игольчатое ружье одерживаетъ верхъ надъ лукомъ“. Потому замѣна въ послѣднемъ счетѣ ремесла мануфактурой, а мануфактуры—машинной индустріей есть общественный законъ, а упомянутыя столкновенія всѣхъ этихъ формъ—не болѣе, какъ треніе, случающее временнымъ препятствіемъ для полнаго осуществленія закона. Такъ, напр., указанная выше коммиссія единогласно свидѣтельствуетъ въ своемъ отчетѣ, что поглощеніе мелкихъ мастерскихъ производствомъ въ большихъ размѣрахъ представляетъ одно изъ наиболѣе выдающихся экономическихъ явленій новѣйшаго времени. Относительно упомянутыхъ шотландскихъ ручныхъ ткачей свидѣтели показываютъ, что число ихъ замѣтно уменьшилось въ продолженіе самаго послѣдняго трехлѣтія. „На самомъ дѣлѣ“, говорилъ коммиссіи одинъ изъ крупныхъ ткацкихъ фабрикантовъ Шотландіи (16.123),

[1]) Такъ, шлифовальщикъ ножницъ Галь (12.122) свидѣтельствуетъ, что бываютъ случаи, когда рабочіе, покончивши занятія на фабрикахъ, переходятъ къ работѣ въ мастерскихъ. Кузнецъ въ Дарластонѣ Валь (7.003) также говоритъ о передачѣ работы изъ фабрикъ въ мастерскія, гдѣ работа выгоднѣе для хозяевъ. Глава манчестерскаго школьнаго бюро Вудъ (7.727) утверждаетъ, что въ мастерскихъ исполняется значительная доля фабричной работы. Кружевной мануфактуристъ Маллеръ (7.865) высказываетъ мнѣніе, что почти каждый большой домъ раздаетъ работу въ мастерскія, смотря по сезону и заказамъ. *Авт.*

„мы перестали уже пользоваться работою ручныхъ ткачей". Принципъ машиннаго производства, читаемъ мы въ „Капиталѣ" (406), состоящій въ томъ, чтобы разлагать процессъ продукціи на его составныя фазы и чтобы разрѣшать являющіяся, такимъ образомъ, задачи приложеніемъ механики и химіи и т. д., короче,—естественныхъ наукъ, оказываетъ всюду свое вліяніе. Такъ, напр., нестрота переходныхъ формъ портняжества, сапожничества и пр. не скрываетъ, однако, тенденціи ихъ превратиться въ настоящее фабричное производство. „Этому способствуетъ самый характеръ швейныхъ машинъ, многосторонность примѣненія которыхъ имѣетъ стремленіемъ соединить разобщенныя прежде отрасли труда подъ одну кровлю и подъ надзоръ и управленіе одного капитала... наконецъ, неизбѣжная экспропріація ремесленниковъ и домашнихъ рабочихъ, производимая машинами" (417). Къ этому можно еще прибавить, что, по мѣрѣ развитія крупной промышленности, поступательное движеніе ея становится все шире, глубже и быстрѣе и подъ конецъ уже не столько преобразуетъ наиболѣе отсталыя формы общественной продукціи, сколько стираетъ ихъ съ лица земли. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій ремесла, отнесенныя экономическимъ прогрессомъ на периферію общественнаго хозяйства, зачастую вытѣсняются уже не мануфактурою, а прямо паромъ, какъ это происходитъ, напр., съ остатками ткацкаго, портняжнаго и другихъ ремеслъ.

Не ограничиваясь разработкою вопроса объ исторической послѣдовательности мануфактурнаго и фабричнаго экономическаго строя, авторъ „Капитала" впервые [1]) обратилъ ближайшее вниманіе на то, что каждая изъ этихъ формъ общественной продукціи отличается вполнѣ своеобразною и типичною комбинаціею труда. На основаніи его изслѣдованій мануфактурное дѣленіе труда, при замѣнѣ мануфактуры фабрикой, повторяется подъ видомъ раздѣленія функцій машины, которая однимъ ударомъ совершаетъ всю совокупность операцій, какія выполнялъ до этого рабочій механизмъ мануфактурной мастерской. На мѣсто комбинаціи труда живого въ машинной индустріи становятся чисто техническія сочетанія труда уже осуществленнаго, умершаго на смѣну совокупности рабочихъ является машина. Но разъ что мануфактурная мастерская замѣняется машиной, при увеличеніи размѣровъ производства на-ряду съ одной машиной естественно становятся другія, и между многими машинами воспроизводятся всѣ тѣ же сочетанія операцій, какія существовали прежде между отдѣльными рабочими. Такимъ образомъ, фабрика является ни-

[1]) Нѣкоторые намеки и указанія на особенности, отличающія фабричную мастерскую отъ мануфактурной, встрѣчаются въ сочиненіяхъ Ура и Прудона. *Авт.*

чѣмъ инымъ, какъ комбинаціей нѣсколькихъ мануфактурныхъ мастерскихъ, которыя превращены въ машины. Понятно, что при этомъ кооперація живой рабочей силы пріобрѣтаетъ совсѣмъ другой уже характеръ, чѣмъ въ мануфактурѣ. Въ послѣдней каждый производитель былъ лишь составною частью механизма съ отдѣльной и однообразной функціей [1]). На фабрикѣ, напротивъ, является возможность перехода отъ одной операціи къ другой, и этотъ новый видъ кооперації становится въ извѣстной степени даже технологической необходимостью. Участіе женщинъ и дѣтей въ мануфактурѣ было сравнительно ничтожно. На фабрикѣ, наоборотъ, смѣшеніе всѣхъ возрастовъ и половъ предписывается самимъ характеромъ работы. Пожизненность мануфактурныхъ операцій сопровождалась болѣе или менѣе неподвижнымъ и устойчивымъ дѣленіемъ труда. Режимъ машинной индустріи, хотя и умножаетъ число общественныхъ профессій, но въ то же время дѣлаетъ вопросомъ самаго существованія общества способность всѣхъ и каждаго къ разносторонней дѣятельности и къ приложенію рабочей силы при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ.

Читатель видитъ, какія рѣшительныя и полныя значенія перемѣны порождены машинной индустріей въ общественно-экономическомъ устройствѣ! Но, чтобы сдѣлать ихъ еще нагляднѣе, необходимо бросить бѣглый взглядъ на совокупное движеніе тѣхъ смѣнъ, какія происходятъ въ сочетаніяхъ труда при переходѣ отъ земледѣльческой общины къ ремеслу, отъ ремесла къ мануфактурѣ и отъ мануфактуры въ фабрикѣ.

Членъ земледѣльческой общины обыкновенно выполняетъ весьма разнообразныя экономическія функціи. Такъ, „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горной Шотландіи, по статистическимъ отчетамъ, многіе пастухи овецъ и *cotters* съ своими женами и дѣтьми являются въ обуви, сдѣланной ими самими изъ кожи, ими же самими дубленной, въ платьѣ, которое они сами же шили изъ матеріала, ими же самими остриженнаго съ овецъ, или изъ льна, который сами они выростили. При изготовленіи платья почти нѣтъ вещи, которую бы они покупали, кромѣ шила, иглы, наперстка и немногихъ желѣзныхъ частей механизма. Краски приготовляли сами женщины изъ деревьевъ, кустарниковъ,

[1]) „Введеніе машинъ въ индустрію становится въ противорѣчіе съ закономъ раздѣленія и какъ бы имѣетъ цѣлью возстановленіе равновѣсія, глубоко потрясеннаго этимъ закономъ... Что такое, въ самомъ дѣлѣ, машина? Не что иное, какъ способъ соединенія различныхъ частицъ труда, разорванныхъ процессомъ раздѣленія. Каждую машину можно опредѣлить, какъ упрощеніе усилій, конденсацію труда, резюме различныхъ операцій... Во всѣхъ подобныхъ отношеніяхъ машина является противовѣсомъ раздѣленію труда. Итакъ, машиною возстановляется раздробленный рабочій...“ *Proudhon, System des contradictions économiques*, I, 148 и 151.

травъ и и т. д. [1]). А вотъ другой примѣръ общинной организаціи труда, имѣющій болѣе близкое къ намъ отношеніе: „земля, которую онъ (крестьянинъ Вяземскаго уѣзда, Смоленской губ.) обрабатываетъ, доставляетъ ему и пищу, и одежду, и почти все необходимое для его существованія: хлѣбъ, картофель, молоко, мясо, яйца, холстъ, сукно, овчины и шерсть для теплой одежды онъ имѣетъ свои, и покупать ему приходится часть этихъ предметовъ только въ томъ случаѣ, когда недостаетъ своего. За деньги онъ пріобрѣтаетъ только обувь и нѣкоторыя мелочныя принадлежности туалета, какъ, напримѣръ, кушакъ, шапку, рукавицы и пр., а также нѣкоторые необходимые предметы изъ домашней утвари—деревянную и глиняную посуду, чугуны, ухваты и т. п.“ [2]). Не меньшею простотою отличаются и отношенія между отдѣльными общинами. Ведя, сравнительно, одинъ и тотъ же образъ жизни, эти послѣднія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ мѣняются своими произведеніями. Взаимныя ихъ связи по необходимости ограничиваются одной совмѣстной обработкой той земли, которая состоитъ въ ихъ общемъ владѣніи, и совмѣстнымъ пользованіемъ различными продуктами ея, каковы: лѣсъ, сѣно и т. п. (нераздѣльный маркъ древне-германскихъ поселеній и земли, принадлежащія цѣлымъ волостямъ въ древней Россіи). Мы видимъ, такимъ образомъ, что первобытная община или рядъ общинъ большею частью сами удовлетворяютъ своимъ потребностямъ и, слѣдовательно, ихъ экономическое устройство исключаетъ въ извѣстной степени общественное раздѣленіе труда между земледѣльческою и обрабатывающею промышленностью. Таковы отношенія общины къ внѣшнимъ сферамъ производства. Но и внутри себя община дѣлитъ трудъ лишь очень рѣдко и на непродолжительное время. Въ цѣломъ мы не рискуемъ ошибиться, если скажемъ, что въ этой фазѣ экономическаго развитія *простая кооперація* какъ между членами одной сельской общины, такъ и между многими общинами, есть наиболѣе выдающаяся, господствующая форма кооперація.

Съ положеніемъ труда въ общинѣ представляютъ большое сходство условія промышленности въ колоніальныхъ странахъ. Разносторонность приложенія силъ становится здѣсь дѣломъ не только выгоднымъ, но просто необходимымъ. Одинъ французскій рабочій писалъ по возвращеніи изъ С.-Франциско: „я никакъ не думалъ, что буду способенъ работать во всѣхъ ремеслахъ, которыми занимался въ Калифорніи. Я былъ твердо убѣжденъ, что ни на что не годенъ, кромѣ работы въ типографіяхъ... Разъ попавъ въ этотъ міръ искателей приключеній, которые перемѣняютъ свои занятія чаще, чѣмъ свои ру-

[1]) Dugald Stewart, цитир. Марксомъ, стр. 428.

[2]) Мироновъ, *Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Вяземск. уѣздѣ*, „Русск. Вѣд.“, 1877, № 26.

башки, я дѣлалъ то же, что и другіе. Когда работа въ рудникахъ оказалась недостаточно прибыльною, я ее бросилъ и переселился въ городъ, гдѣ былъ поочередно типографщикомъ, кровельщикомъ, свинцовыхъ дѣлъ мастеромъ и т. д. Вслѣдствіе этого опыта, показавшаго мнѣ, что я годенъ на всякую работу, я чувствую себя теперь меньше моллюскомъ и больше человѣкомъ" [1]). То, что здѣсь говорится о положеніи въ колоніяхъ отдѣльныхъ лицъ, справедливо и относительно цѣлаго туземнаго общества. „Въ Америкѣ", говоритъ Уэкфильдъ [2]), „нѣтъ ни одной части населенія исключительно земледѣльческаго, кромѣ рабовъ и ихъ хозяевъ, которые соединяютъ капиталъ и трудъ для крупныхъ предпріятій. Свободные американцы, сами обрабатывающіе землю, имѣютъ, кромѣ того, много другихъ занятій. Часть мебели или инструментовъ обыкновенно дѣлается ими самими. Они часто сами строятъ свои дома... Они въ одно и то же время и прядильщики, и ткачи, они приготовляютъ для собственнаго потребленія мыло и свѣчи, сапоги и платье. Въ Америкѣ земледѣліе образуетъ часто побочное занятіе купца, мельника или мелкаго торговца".

По мѣрѣ развитія и обособленія самостоятельнаго, въ особенности городского, ремесленнаго производства, трудъ начинаетъ раздѣляться общественно, во-первыхъ, между промышленными пунктами и окружающею ихъ земледѣльческой страною, а во-вторыхъ, между отдѣльными ремесленниками. Дѣленіе труда перваго рода, при господствѣ мелкой ремесленной продукціи и соотвѣтствующаго ей мелкаго общиннаго землевладѣнія и земледѣлія, бываетъ еще очень незначительно. Напротивъ того, обособленіе занятій среди отдѣльныхъ и самостоятельныхъ ремесленниковъ идетъ довольно далеко и впослѣдствіи усиливается все болѣе и болѣе. Связь между изолированными промышленными производителями поддерживается, во-первыхъ, при содѣйствіи городской общины, а во-вторыхъ, при помощи отдѣльныхъ цеховыхъ общинъ или артелей. Такимъ образомъ строеніе общества на этой ступени экономическаго роста становится уже сложнѣе: на мѣсто простой общинной и межъ-общинной кооперації предыдущей эпохи является теперь два вида кооперації простой, а именно, городская, аналогическая сельской, и цеховая или артельная, и два вида сложной—дѣленіе труда между земледѣліемъ и обрабатывающею промышленностью, съ одной, и между отдѣльными ремеслами —съ другой стороны. Но этого мало. Общественная комбинація труда не только отличается теперь сравнительною сложностью, но и взятая отдѣльно отъ предыдущей эпохи представляетъ извѣстную градацію усложненій. Такъ, раздѣленіе труда между отдѣльными ремеслами является сложнѣе и дробнѣе, чѣмъ раздѣленіе труда между

[1]) *Corbon, De l'enseignement professionel*, цитир. въ „Капиталѣ", 450.
[2]) *England and America*, цитир. въ „Капиталѣ". 652.

промышленностью обрабатывающею и земледѣльческою. Такъ точно соединеніе труда отдѣльныхъ представителей одного и того же ремесла носитъ характеръ большей сложности, чѣмъ соединеніе труда отдѣльныхъ членовъ цѣлой городской общины. Но дѣло не заканчивается одною указанною іерархіею отношеній между простой и сложной кооперацій различныхъ категорій порознь. Та и другая, помимо этого, находятся въ извѣстныхъ необходимыхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Такъ, напр., соединеніе всѣхъ занятій подъ видомъ городской общины является естественнымъ коррелятивомъ обособленія и распаденія ихъ на части. Такимъ же образомъ соединеніе всѣхъ мастеровъ извѣстной отрасли подъ видомъ артели или цеха служитъ необходимымъ дополненіемъ тѣхъ различій, какія возникаютъ постепенно внутри ея самой.

Съ возникновеніемъ мануфактуры помянутыя сочетанія труда подвергаются дальнѣйшимъ перемѣнамъ. Во-первыхъ, общественное дѣленіе труда между промышленностью обрабатывающей и земледѣльческой, по мѣрѣ сосредоточенія производителей въ отдѣльныхъ мастерскихъ и крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ, принимаетъ громадные размѣры. Во-вторыхъ, на смѣну атомистическому дѣленію занятій между самостоятельными ремесленниками города или промышленныхъ мѣстностей является профессіональное обособленіе однихъ мануфактурныхъ предпринимателей отъ другихъ. Помимо этого, сосредоточеніе прежнихъ мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ съ своими подмастерьями внутри мануфактурной мастерской сопровождается возникновеніемъ новой, честнѣйшей и сложнѣйшей формы раздѣленія занятій—распредѣленія между многими рабочими одной мануфактуры операцій, которыя при ремеслѣ послѣдовательно выполнялъ одинъ и тотъ же рабочій. Итакъ, на этой ступени экономическаго развитія мы встрѣчаемъ уже не двѣ, какъ въ предыдущей, а цѣлыхъ три различныхъ категоріи сложной кооперацій, а именно, общественное дѣленіе труда между земледѣліемъ и обрабатывающею промышленностью, общественное дѣленіе труда между хозяевами мануфактурныхъ мастерскихъ [1]), смѣнившими собою часть прежнихъ мастеровъ-ремесленниковъ, и, наконецъ, дѣленіе труда между наемными рабочими мануфактуры, кладущее свою печать на цѣлую эпоху производства. Но что же сталось теперь съ простой кооперацій? Съ уничтоженіемъ замкнутости городовъ и разложеніемъ ремесла и цеховъ, прежніе виды простой кооперацій теряютъ подъ собой значительную долю почвы и потому вполнѣ или отчасти перестаютъ существовать. Но какъ потребность въ солидарности и въ

[1]) Такое же дѣленіе имѣетъ мѣсто и между представителями отдѣльныхъ группъ сельскаго производства: земледѣльческаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, лѣсного, горнаго, рыболовнаго, соляного и пр. *Авт.*

интеграціи не только не исчезла вмѣстѣ съ ними, а напротивъ, благодаря новымъ порядкамъ производства, значительно расширилась и возросла, то изъ развалинъ прежнихъ цеховъ и корпорацій мало-по-малу стала возникать простая кооперація новѣйшаго чекана, а именно, рабочіе союзы между наемными рабочими. Прямою цѣлью кооперації этой категоріи, насколько она успѣха проявиться должно признать, во-первыхъ, упорное стремленіе къ водворенію и къ поддержанію нарушеннаго равновѣсія въ трудѣ и потребленіи, а вовторыхъ,—сопротивленіе противо общественному господству капитала. Сама организація союзовъ между рабочими различныхъ отраслей промышленности и между рабочими одной и той же отрасли воспроизводитъ до извѣстной степени то устройство, какое представляли отношенія между всей городской общиной и отдѣльнымъ цехомъ.

Все сказанное выше невольно ведетъ насъ къ заключенію, что всякое сколько-нибудь значительное усложненіе въ дѣленіи труда необходимо и неизбѣжно сопровождается соотвѣтствующими усложненіями въ соединеніи труда. Назначеніе простой кооперації есть собираніе, сліяніе въ одно цѣлое разъединенныхъ и разбросанныхъ предыдущимъ процессомъ дѣленія труда частей экономическаго механизма. Подобное объединеніе или, что то же, интеграція работъ, вопреки утвержденіямъ Спенсера и его послѣдователей, играетъ въ генетическомъ развитіи общественнаго производства гораздо болѣе значительную и рѣшительную роль, чѣмъ ихъ спеціализація. Превращеніе всей совокупности общественныхъ занятій въ различныя по качеству пожизненныя отправленія отдѣльныхъ лицъ есть дѣло временной необходимости, не больше. Оно напоминаетъ собою охоту или рекогносцировку,—необходимость разойтись по сторонамъ, но непремѣнно съ тою цѣлью, чтобы сойтись со временемъ опять и снова двинуться впередъ совмѣстно. Преобладаніе въ обществѣ кооперації сложной надъ простою равнозначительно съ потерей равновѣсія, съ утратой прочности организаціи. Въ основаніи тенденціи общества настойчиво и неизмѣнно возвращаться къ мѣсту сбора и находить въ объединеніи утраченный центръ тяжести, лежитъ тотъ совершенно простой фактъ, что коренное сходство человѣческихъ потребностей и функцій всегда въ послѣднемъ счетѣ одерживаетъ верхъ надъ ихъ разнообразіемъ. Всѣ однородные признаки людей запечатлѣны характеромъ постоянства, всѣ разнородные—характеромъ случайности. Говоря нѣсколько иначе, никакое спеціализированіе занятій не въ состояніи окончательно стереть и уничтожить аттрибуты *человѣка*, никакое различіе между банкиромъ, сапожникомъ, учителемъ, солдатомъ не въ состояніи упразднить ихъ принадлежности къ одной великой человѣческой семьѣ. Вотъ почему дробленіе занятій между отдѣльными людьми должно считать явленіемъ *сравни-*

*тельно* недолговѣчнымъ, тогда какъ соединеніе труда продлится столько времени, сколько просуществуетъ родъ людской.

Даже въ организаціи отдѣльныхъ мануфактурныхъ мастерскихъ простая кооперація труда имѣетъ подчасъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ можно было бы предполагать, судя по общей характеристикѣ мануфактурнаго сочетанія операцій. Вотъ нѣсколько примѣровъ, служащихъ къ подтвержденію этого явленія. „Каждая отдѣльная группа“, говоритъ Марксъ (301), „разсматриваемая, какъ извѣстное число рабочихъ, исполняющихъ одну и ту же частную функцію, состоитъ изъ однородныхъ элементовъ и образуетъ простой органъ общаго механизма. Однако, въ различныхъ мануфактурахъ сама группа представляетъ уже многочленное рабочее тѣло, а общій механизмъ мануфактуры образуется изъ повторенія или умноженія такихъ элементарныхъ производительныхъ механизмовъ. Возьмемъ для примѣра мануфактуру, занимающуюся изготовленіемъ стеклянныхъ бутылокъ. Она распадается на три существенно различныя фазы. Во-первыхъ, подготовительная фаза, заключающаяся въ приготовленіи стекляннаго состава, т. е. въ смѣшиваніи песку, извести и пр., въ сплавленіи этой смѣси въ жидкую стеклянную массу. Въ этой первой фазѣ занято множество детальныхъ рабочихъ, точно такъ же, какъ и въ заключительной фазѣ, состоящей въ вынимапіи бутылокъ изъ охладительныхъ печей, въ сортировкѣ ихъ, упаковкѣ и т. д. Посреднѣ между этими двумя фазами находится настоящее стеклянное производство, состоящее въ обработкѣ жидкой стеклянной массы. У одного и того же отверстія большой печи, содержащей расплавленную массу, работаетъ цѣлая рабочая группа, состоящая изъ пяти спеціальныхъ рабочихъ. Эти пять детальныхъ производителей представляютъ пять различныхъ органовъ одного и того же рабочаго тѣла, которое можетъ дѣйствовать только какъ цѣлое, какъ одна нераздѣльная единица, т. е. только при непосредственной кооперацiи всѣхъ пяти составляющихъ ее рабочихъ. Какъ скоро недостаетъ хотя одного члена этого пятираздѣльнаго тѣла, все это тѣло оказывается парализованнымъ. Но одна и та же печь имѣетъ нѣсколько отверстій,—въ Англіи, напр., отъ 4 до 6, изъ которыхъ каждое соотвѣтствуетъ заключенному въ печи глиняному плавильному тиглю съ жидкой стеклянной массой, и каждое такое отверстіе даетъ занятіе своей собственной рабочей группѣ той же самой пятираздѣльной формы. Расчлененіе каждой отдѣльной группы основывается здѣсь непосредственно на раздѣленіи труда, между тѣмъ какъ связь между различными однородными группами представляетъ простую кооперацію, имѣющую цѣлью достиженіе посредствомъ совмѣстнаго пользованія болѣе экономическаго потребленія одного изъ средствъ производства, т. е. въ данномъ случаѣ стеклоплавильной печи. Такая печь съ своими 4—6

группами образуетъ одну стеклянную мастерскую; стеклянная же мануфактура состоитъ изъ множества такихъ мастерскихъ...“

Другой подобный случай сочетанія операцій находимъ у Дюкана, въ его описаніи парижскаго газоваго завода [1]), представляющаго въ сущности не что иное, какъ мануфактуру. „Въ помѣщеніи завода“, говоритъ онъ, „заключается восемь батарей, каждая батарея состоитъ изъ шестнадцати печей. въ каждой печи находится семь глиняныхъ ретортъ... У каждой полубатареи работаетъ восемь человѣкъ: одинъ истопникъ, два носильщика угля, одинъ, затыкающій отверстіе реторты, четыре носильщика кокса. Реторта открыта, являются два носильщика, собираютъ при помощи лопатъ находящійся передъ ними уголь и бросаютъ его въ реторту... Въ двѣ минуты реторта наполняется: въ нее взошло около 140 килограммовъ угля. Ловкость этихъ людей изумительна: ни одинъ кусочекъ, ни одна пылинка угля не минуетъ своего назначенія. Когда реторта, которую необходимо наполнить, находится на высотѣ полутора метра отъ почвы, то дѣйствіе распадается на три движенія: рабочій нагибается, беретъ лопатой уголь, поднимается, вытягиваясь, сколько можно, потомъ, при помощи совершенно горизонтальнаго жеста рукъ, онъ сбрасываетъ уголь въ пасть реторты; точность движеній при этомъ такова, что въ немъ есть нѣчто автоматическое и несогласное съ природой человѣка. Послѣ того какъ реторта получила свою порцію пищи, рабочій, затыкающій отверстіе ея, схватываетъ втулку, покрытую на нижней поверхности жидкой глиной, и пускаетъ ее въ ходъ... По истеченіи четырехъ часовъ втулка снова вынимается; первая операція кончена, перегонка вполнѣ готова. Каменный уголь освободился отъ газа, который въ немъ содержался, и превратился въ коксъ... При помощи желѣзнаго крюка носильщики кокса вытаскиваютъ его изъ реторты; онъ падаетъ на полъ, покрытый пылью, пылаетъ здѣсь недолго и, вслѣдствіе соприкосновенія съ холоднымъ воздухомъ, быстро принимаетъ черноватый цвѣтъ. Его собираютъ лопатами, бросаютъ въ жестяныя тачки и вывозятъ во внутренность двора“. Мы видимъ здѣсь, помимо раздѣленія труда среди рабочихъ, трудящихся у каждыхъ четырехъ ретортъ, простую кооперацію двухъ порядковъ: во-первыхъ, кооперацію порядка болѣе простого между всѣми восемью батареями, которыя отапливаются сообща, и, во-вторыхъ, кооперацію болѣе сложнаго порядка, между двумя однородными группами каждой отдѣльной батареи, состоящей изъ двухъ полубатарей. Только соединеніе всѣхъ этихъ разнообразныхъ сочетаній образуетъ собою цѣлое — газовый заводъ, который опять-таки кооперируетъ съ другими газовыми заводами по началу простой кооперации.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ смѣшенія простой и сложной

[1]) *Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie*, T. V, 392—6.

кооперації внутри мануфактурной мастерской. „Въ прежнее время“, говорилъ упомянутый выше парламентской коммиссіи 1875 года одинъ владѣлецъ заведенія для окрашиванія тканей турецкой красной краской въ Шотландіи [1]), „въ моемъ распоряженіи было около 240 столовъ, при которыхъ занималось около 480 рабочихъ: но теперь у меня только 118 столовъ, и изъ этого числа лишь при 87 имѣются мальчики-помощники (tearars) для подготовленія краски“. „Мы ощущаемъ большое затрудненіе“, показывалъ другой предприниматель, владѣлецъ ситцепечатной мануфактуры въ Глазговѣ [2]), „въ пріисканіи мальчиковъ-помощниковъ (также tearars). Обыкновенно работаютъ по два человѣка въ смѣнѣ и при каждомъ изъ нихъ мальчикъ, но иногда приходится работать двоимъ рабочимъ съ однимъ мальчикомъ, и это представляетъ большое неудобство. Способъ работы слѣдующій: у насъ длинные столы... мужчины проклеиваютъ (gum) ткань на этихъ столахъ, а помощники стоятъ у снарядовъ (tress?), надъ которыми расположенъ сосудъ съ краскою, и передвигаютъ эти снаряды по столу...“. „Въ каждойямѣ для литья трубъ“, докладывалъ коммиссіи управляющій однимъ чугуннымъ и мѣднолитейнымъ заводомъ и предпріятіемъ для литья водяныхъ и газовыхъ трубъ въ Уэстъ-Бромвичѣ [3]). „работаетъ по 17 мужчинъ и мальчиковъ, и если одного или двухъ мальчиковъ нѣтъ на мѣстѣ при началѣ дѣла, то вся смѣна должна дожидаться, пока не соберутся всѣ“. Въ первомъ и во второмъ изъ только что цитированныхъ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ сложною кооперацією у каждаго стола въ отдѣльности и съ простою между всѣми столами; въ третьемъ случаѣ мы наблюдаемъ сложную кооперацію у каждой ямы и простую между многими ямами.

Читатель, конечно, согласится съ нами, что участіе простой кооперації въ исторіи развитія формъ общественной продукціи оказывается нисколько не маловажнымъ и что она играетъ значительную роль даже по отношенію къ тѣмъ процессамъ, которые представляютъ наиболѣе специфическую почву для приложенія раздѣленія труда. Вообще, мы врядъ-ли ошибемся, если скажемъ, что такъ называемаго мануфактурнаго дѣленія труда, которымъ характеризуется мануфактурная эпоха, почти невозможно встрѣтить въ совершенно чистомъ видѣ, что въ большей или меньшей степени оно повсюду осложняется извѣстной примѣсью простой кооперації. Конечно, примѣненіе этой послѣдней формы сочетанія труда не можетъ обезпечить *отдѣльному* мануфактурному рабочему разносторонности занятій, какъ это было въ земледѣльческой общинѣ, въ колоніяхъ и при зачаткахъ ремесла. Въ мануфактурной мастерской путемъ простой

[1]) *Report etc.* 15.094.
[2]) Ib., 15.438.
[3]) Ib., 6.811.

кооперації обыкновенно достигается не больше какъ соединеніе однородныхъ группъ рабочихъ съ расчлененными занятіями въ группы болѣе общаго порядка, или же соединеніе нѣсколькихъ рабочихъ, выполняющихъ одни и тѣ же спеціальные процессы, въ одну группу. Но если вспомнить, что мануфактурный способъ производства не отличается ни прочностью, ни продолжительностью своихъ формъ, а служитъ лишь соединительнымъ звеномъ между ремесленной и фабричной индустріей, то и преобладаніе въ немъ дробленія операцій надъ ихъ соединеніемъ окажется имѣющимъ гораздо менѣе значенія, чѣмъ полагаютъ многіе.

Мы подошли теперь вплотную къ вопросу о зарожденіи и устройствѣ фабричной индустріи, по поводу которыхъ и былъ нами представленъ краткій очеркъ генезиса различныхъ формъ общественной продукціи. Съ развитіемъ мануфактуры все возрастаетъ сложность всей совокупности процессовъ производства внутри мануфактурной мастерской, но, параллельно съ этимъ, естественно и неизбѣжно растетъ и простота отдѣльныхъ операцій, служащихъ функціей детальнаго рабочаго. Въ одномъ и томъ же направленіи съ подобнымъ разложеніемъ процессовъ на составныя части идетъ увеличеніе числа орудій и инструментовъ, въ которыхъ является потребность при выполненіи спеціальныхъ операцій, и улучшеніе техники въ ихъ производствѣ. Понятно что, вмѣстѣ съ тѣмъ подготовляется и матеріалъ людей, пригодныхъ къ совершенію тѣхъ сложныхъ механическихъ работъ, которыя необходимы для сооруженія машинъ. Прибавивъ къ этому, что расширеніе сбыта и улучшеніе способовъ сношеній, которыя являются не только слѣдствіемъ, но также и исходной точкой фабричной индустріи, вызываются въ извѣстной степени развитіемъ самой мануфактуры. Тогда-то наступаетъ моментъ возникновенія машинъ и той метаморфозы въ общественномъ сложеніи труда, которая сопутствуетъ ихъ приложенію къ дѣлу. Машина принимаетъ на себя задачу выполненія тѣхъ процессовъ, которые доведены мануфактурнымъ раздѣленіемъ труда до наибольшей простоты. Помимо этого, машина умножаетъ силы человѣка, переступая за предѣлы того числа орудій, которымъ могъ владѣть одинъ рабочій. Наконецъ, машина, взятая отдѣльно или же въ связи съ другими, замѣняетъ конгломератъ людей—мануфактуру или нѣсколько мануфактуръ. Слѣдующій примѣръ показываетъ это съ полнѣйшею наглядностью. На парижской всемірной выставкѣ 1867 года была однаанглійская машина подъ названіемъ „всеобщій плотникъ“ (*General joiner*), которая оказывалась въ состояніи выполнять самыя разнообразныя ручныя деревянныя работы. При помощи „всеобщаго плотника“ можно было пилить, строгать, буравить, дѣлать выемки, простые и двойные краны и пр., и все это съ такимъ значительнымъ сокращеніемъ труда, что

одинъ мужчина съ мальчикомъ справляется съ работой цѣлыхъ 15 мужчинъ [1]).

Обратимъ теперь ближайшее вниманіе на тѣ превращенія и перемѣны, какія производятся машинной индустріей въ общественной организаціи труда.

Остановимся, *во-первыхъ*, на раздѣленіи труда между земледѣліемъ и обрабатывающею промышленностью. Чтобы дать читателю возможность составить себѣ хоть приблизительное понятіе о томъ, насколько увеличилась бездна между указанными двумя обширнѣйшими классами занятій, благодаря распространенію фабрикъ, довольно будетъ привести нѣсколько цифръ, показывающихъ возрастаніе городского населенія на счетъ сельскаго. Такъ, напримѣръ, въ концѣ XVII вѣка въ Лондонѣ числилось еще не болѣе 500.000 жителей, тогда какъ въ 1841 г. въ немъ было уже 1.948.417, въ 1851—2.362.236, а въ настоящее время болѣе 3.000.000 душъ. Провинціальные города Англіи не только не отставали въ этомъ отношеніи отъ столицы, но даже значительно перегоняли ее. Манчестеръ имѣлъ въ концѣ того же XVII столѣтія не болѣе 6.000, въ 1841 г. — 311.269, въ 1851 г. — 401.321, а въ 1871 г. уже около 500.000 жителей; въ Ливерпулѣ въ ту же эпоху было около 4.000, въ 1841 г. — 286.487, въ 1851 г. — 375.955, а въ 1871 г. уже 505.000 душъ. Въ Лидсѣ считалось послѣдовательно: 7.000, 152.000, 172.000, 272.000, въ Бирмингамѣ—4.000, 183.000, 233.000, 356.000, въ Бристолѣ—29.000, 125.000, 137.000 (1851 г.) душъ и т. п. Прочіе провинціальные города Англіи также не оставались позади. Повсюду здѣсь, какъ и на континентѣ, ростъ населенія, по мѣрѣ приближенія къ нынѣшнему времени, становится быстрѣе и быстрѣе. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что число жителей Берлина въ теченіе только 10 лѣтъ, съ 1861 по 1871 гг., возросло отъ 547.000 до 825.000, Вѣны—въ теченіе 15 лѣтъ, съ 1857 по 1872 гг., отъ 476.000 до 911.000, Парижа — въ теченіе 21 года, съ 1851 по 1872 гг., отъ 1.174.000 до 1.851.792, Брюсселя—въ теченіе 6 лѣтъ, съ 1857 по 1863 гг., отъ 159.000 до 187.000 и т. д. Не трудно было бы показать, что и провинціальные города континента возрастали въ такой же прогрессіи, но это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Понятно, что гигантское увеличеніе городского населенія должно служить безспорнымъ признакомъ не менѣе громаднаго прогресса въ обособленіи городскихъ занятій отъ сельскихъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла можно подмѣтить и симптомы возникновенія обратнаго теченія, хотя и въ крайне грубыхъ и тяжелыхъ формахъ. Такъ, напримѣръ, опустошеніе селъ способствовало образованію большихъ и сложныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ на мѣстѣ уцѣлѣвшихъ отъ предыдущихъ формацій хозяйствъ мелкихъ. Какими бли-

[1]) Neumann. Officieller Ausstellungs Bericht, Einleitung. Wien, 1869. стр. 96.

жайшими путями совершалось и совершается донынѣ такое преобразованіе отношеній, объ этомъ мы пока не станемъ говорить. Замѣтимъ только мимоходомъ, что даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ, какъ во Франціи или въ Швейцаріи, до настоящаго момента удержались въ большомъ числѣ мелкія земельныя владѣнія и хозяйства, господство капитала въ земледѣліи не подлежитъ сомнѣнію. Посредствомъ поземельнаго кредита, владѣльцы капитала и здѣсь уже фактически съумѣли обратить въ своихъ рабочихъ значительную массу мелкаго землевладѣльческаго населенія, которое, трудясь на кредитора, лишь съ виду остается тѣмъ, чѣмъ было. Крупныя земледѣльческія хозяйства во многихъ и очень многихъ отношеніяхъ суть то же, что городскія фабрики. Прежде всего подобно фабрикамъ, употребляя въ дѣло машины и многія другія новѣйшія усовершенствованія, они имѣютъ часто технологическую, научную основу. Затѣмъ они такимъ же образомъ, какъ фабрики, поддерживаются исключительно при помощи наемнаго труда. На почвѣ этихъ двухъ явленій возникаютъ весьма разнообразныя и многочисленныя сходства между организаціей сельскаго и городского населенія и хозяйства. а переселеніе многихъ фабрикъ изъ городовъ въ провинцію, благодаря универсальной двигательной силѣ — пару, еще сильнѣе уподобляетъ одну изъ нихъ другой. Понятно, что все это до сихъ поръ не болѣе какъ призраки тѣхъ новыхъ формъ простой кооперації, которымъ предстоитъ связать въ одинъ пучокъ расщепленныя вѣтви городской и сельской индустріи.

*Во-вторыхъ*, что касается общественнаго дѣленія труда между хозяевами отдѣльныхъ предпріятій различныхъ отраслей промышленности, то и здѣсь также замѣтно не одно, а нѣсколько теченій. Сосредоточеніе въ громадныхъ фабрикахъ и сельскихъ хозяйствахъ орудій производства и людей понятнымъ образомъ предполагаетъ безмѣрное увеличеніе сбыта для отдѣльныхъ предпріятій. Чтобы домъ Поттера, Швабе, Блэкка и др. въ Манчестерѣ, домъ Дольфюса и Мига въ Мюльгаузенѣ, домъ Сальта около Брэдфорда могли производить— первый по 23 милл. метровъ ткани, второй по 10 милл., а третій на $^1/_2$ милліона франковъ. для этого необходимы соотвѣтствующіе рынки. А такъ какъ покупатель даннаго товара въ уплату за него въ послѣднемъ счетѣ долженъ самъ предложить другой товаръ. то ясно, что, подъ вліяніемъ одного увеличенія размѣровъ производства, обособленіе самостоятельныхъ профессій должно стать еще рѣзче, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Но, къ счастью, нѣтъ худа безъ добра. Пріобрѣтая громадные размѣры, отдѣльное хозяйство утрачиваетъ понемногу характеръ дроби совокупнаго хозяйства извѣстной отрасли и начинаетъ становиться цѣлымъ. Говоря нѣсколько иначе, по мѣрѣ своего увеличенія, хозяйство частное становится само обществен-

нымъ хозяйствомъ. Чтобы яснѣе видѣть, въ чемъ состоитъ процессъ такого расширенія, необходимо вспомнить, что крупный капиталъ систематически и неуклонно гнететъ всѣ капиталы незначительныхъ или не столь значительныхъ размѣровъ. Онъ совершаетъ эту миссію водворенія монополіи или фактически, или потенціально. Въ первомъ случаѣ онъ самъ растетъ на счетъ соперника, путемъ сліянія съ нимъ, завоеванія рынка путемъ кредита и т. п. Во второмъ случаѣ онъ не дозволяетъ ни возникнуть на-ряду съ собою, ни функціонировать съ успѣхомъ другому капиталу. Въ обоихъ случаяхъ онъ опирается въ своихъ стремленіяхъ и въ средствахъ къ ихъ осуществленію на ту простую экономическую истину, что потребность въ любомъ товарѣ имѣетъ свои предѣлы насыщенія, и что если извѣстное количество товара, произведенное при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, уже доставлено на рынокъ, то конкуррентамъ нечего здѣсь дѣлать. Примѣромъ увеличенія капитала на счетъ сосѣдей могутъ служить громадные механическіе заводы Шнейдера, Борзига, Эшера, Виссъ и др. лицъ, которые даютъ занятія цѣлымъ корпусамъ и дивизіямъ рабочихъ и мало-по-малу вытѣсняютъ съ рынка множество менѣе крупныхъ и сильныхъ конкуррентовъ. Примѣромъ потенціальнаго давленія на будущія предпріятія является почти любая желѣзная дорога, которая беретъ на себя всю совокупность грузовъ и пассажировъ и этимъ отнимаетъ у будущихъ соперниковъ малѣйшую надежду на существованіе. И не только въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности на мѣсто многихъ мелкихъ становится одно значительное предпріятіе, но то же самое отчасти происходитъ и относительно различныхъ отраслей промышленности. Исторія новѣйшей индустріи (особенно французской) полна примѣрами сосредоточенія подъ управленіемъ одного капитала весьма многихъ самыхъ разнохарактерныхъ хозяйствъ. Такимъ-то образомъ права простой коопераціи, хотя до поры до времени и въ безобразномъ видѣ монополіи, пробиваются на свѣтъ сквозь толстый слой хаоса новѣйшаго общественнаго дѣленія труда.

Возведенію отдѣльныхъ предпріятій на степень всепоглощающихъ общественныхъ хозяйствъ оказываетъ также значительную помощь акціонерное соединеніе капиталовъ, принадлежащихъ всѣмъ и никому. Профессія предпринимателя, какъ представителя особой отрасли общественнаго раздѣленія труда, игравшая такую значительную роль при мануфактурномъ способѣ продукціи, не имѣетъ ровно никакого приложенія въ акціонерномъ обществѣ. Всѣ, отъ правленія и до поденщика, здѣсь лица посторонніе, „служащія“ безличности — компаніи. Не трудно видѣть, насколько этотъ порядокъ отношеній содѣйствуетъ процессу объектированія или, что то же, соціализаціи отдѣльныхъ предпріятій, ихъ приближенію къ новымъ, неизвѣстнымъ прежде типамъ простой коопераціи [1]).

[1]) „Итакъ, созданіе этого безчисленнаго множества компаній, которое по

Зато соперничество различныхъ странъ по производству товаровъ одного и того же сорта оказываетъ дѣйствіе обратное. Соперничество это стремится парализовать излишнюю централизацію капиталовъ въ отдѣльныхъ странахъ и успѣваетъ въ этомъ все болѣе и болѣе. Достаточно прочесть тѣ жалобы англійскихъ фабрикантовъ на соперничество съ ними континента, какія заключаются въ трудахъ послѣдней парламентской коммиссіи, чтобы тотчасъ же убѣдиться въ этомъ. Но для правильной оцѣнки результатовъ международной конкурренціи необходимо должны быть приняты въ разсчетъ два обстоятельства. Во-первыхъ, при нынѣшнемъ свободномъ передвиженіи капиталовъ изъ одной страны въ другую, становится довольно затруднительно рѣшить, гдѣ начинается одна страна и гдѣ кончается другая. Нѣмецкіе капиталисты имѣютъ собственность во Франціи, французскіе въ Германіи. Тотъ или другой англійскій капиталистъ владѣетъ акціями въ британскихъ и въ бельгійскихъ рельсовыхъ заводахъ, и въ то же время Англія кричитъ, что соперничество бельгійскихъ производителей стало дѣлаться невыносимымъ. Съ другой стороны, какое множество французскихъ предпріятій приплачивается въ пользу турецкихъ банковъ и желѣзныхъ дорогъ, основанныхъ французскимъ обществомъ *Credit mobilier*. Во-вторыхъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что централизація капитала есть не болѣе, какъ слѣдствіе процесса накопленія, а самый процессъ накопленія—*conditio sine qua non* капитализма. На этомъ основаніи все, что является препятствіемъ централизаціи капитала, есть въ то же время тормазъ накопленію, а слѣдовательно, и развитію капитализма. Вотъ эту-то послѣднюю задачу международное соперничество капиталовъ обѣщаетъ выполнить блистательно, не говоря уже о томъ, что, судя по всемірному давленію кризисовъ, оно уже значительно подвинулось въ рѣшеніи ея. И въ самомъ дѣлѣ: до тѣхъ поръ, пока одна Англія снабжала чуть не полміра произведеніями обрабатывающей промышленности, увеличеніе капитала могло казаться не имѣющимъ предѣловъ. Но разъ на тотъ же самый путь вступили и Франція, и Бельгія, и Германія, и Австрія, и другія государства, то откуда же взяться потребителямъ въ такомъ количествѣ, чтобы накопленіе капитала не подвергалось замедленію и даже остановкѣ? Вѣдь ограничены не одни только „размѣры человѣческихъ желудковъ“, какъ полагали Смитъ и Рикардо, но также и

видимому, должно обратить въ вѣчное рабство трудящееся человѣчество и которое столь многимъ кажется движеніемъ понятнымъ. въ послѣднемъ счетѣ представляетъ не что иное, какъ переходную ступень по направленію къ возрожденію. Именно, благодаря компаніямъ, должно исчезнутьвсякое подчиненіе человѣка человѣку, должны вновь слиться различные общественные классы, возникшіе на почвѣ экономической анархіи и спекулятивнаго индивидуализма, и распуститься въ одной и той же ассоціаціи производителей“. Proudhon (Manuel du spéculateur à la Bourse, 489).

„размѣры человѣческихъ кармановъ“. или, по крайней мѣрѣ, карамановъ ²/₃ народонаселенія, служащихъ, въ качествѣ класса наемныхъ рабочихъ, однимъ изъ трехъ китовъ капитализма? Итакъ, мы вправѣ думать, что борьба международныхъ интересовъ, хотя и ослабляетъ въ извѣстной степени стремленіе къ сліянію отдѣльныхъ предпріятій и къ поглощенію мелкихъ капиталовъ крупнымъ, но въ то же время совсѣмъ другимъ путемъ подкапываетъ режимъ капитализма и неразлучный съ нимъ порядокъ общественнаго раздѣленія труда.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ измѣненіяхъ, вызванныхъ машиннымъ производствомъ въ комбинаціи труда *третьяго* типа—внутри отдѣльной мастерской. Здѣсь, какъ мы уже имѣли случай видѣть, предоставленіе рабочимъ занятій разнороднаго характера диктуется отчасти самой технологической необходимостью. Насколько явленіе это находится въ связи съ элементарностью и простотою механическихъ процессовъ и съ необычайной легкостью ихъ изученія, которая даетъ полнѣйшую возможность установить систему смѣнъ [1]), какъ это дѣлалось въ обходъ фабричному закону (*Relay system*),—объ этомъ уже говорилось выше. Но, кромѣ этого, въ машинной индустріи является необходимость въ выполненіи множества отрывочныхъ работъ, которыя въ отдѣльности настолько коротки, что не въ состояніи служить предметомъ особой функціи и образуютъ извѣстную рабочую профессію только въ суммѣ. Явленіе это прекрасно поясняется слѣдующимъ примѣромъ. По словамъ извѣстнаго прусскаго статистика Энгеля [2]), на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ все болѣе и болѣе распространяется обычай, для всѣхъ болѣе простыхъ ручныхъ работъ, вмѣсто рабочихъ съ опредѣленною профессіею и положеніемъ, держать такъ называемыхъ поденщиковъ, которымъ поручается то одно, то другое дѣло. Хорошій авторитетъ по всякимъ технико-экономическимъ вопросамъ желѣзнодорожной индустріи, баронъ Веберъ въ своемъ сочиненіи „Die Schule des Eisenbahnwesens“ высказывается объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: „имѣть слишкомъ много низшихъ служащихъ равносильно не экономической затратѣ силъ: установка вѣхъ, чистка вагоновъ, нагрузка и выгрузка и всякая ручная работа должны выполняться, какъ это и дѣлается въ Англіи, рабочими

[1]) Вотъ между прочимъ одинъ примѣръ: „въ томъ случаѣ, когда онѣ работаютъ продолжительно, онѣ помогаютъ одна другой. Если дѣвушка долговременно работаетъ весь день, то она имѣетъ около себя другихъ дѣвушекъ и мальчиковъ, которые только тѣмъ и заняты, что становятся попеременно на ея мѣсто, чтобы дать ей отдохнуть съ четверть часа Такъ поступаютъ онѣ по собственному соглашенію, безъ всякаго внушенія со стороны ихъ старшаго, хотя понятно, что въ противномъ случаѣ, т. е. при отсутствіи добровольнаго соглашенія, инициативу взялъ бы на себя старшій“. Показаніе, данное коммиссіи Моррисономъ, однимъ изъ членовъ депутаціи отъ союза хозяевъ-набойщиковъ въ Эдинбургѣ—16.326.

[2]) Zeitschrift des preussischen statistischen Bureau's, 1874.

безъ опредѣленной функціи, которыхъ можно ежечасно перемѣщать съ одной работы на другую и такимъ образомъ экономически пользоваться ихъ силами". Такихъ отдѣльныхъ операцій уже въ 1869 году считалось на германскихъ дорогахъ цѣлыя сотни тысячъ. Если допустить, говоритъ Энгель, что 300 такихъ операцій, отправляемыхъ въ теченіе года, равняются одному годичному занятію постоянно служащаго, то отношеніе между ними будетъ слѣдующее: въ 1850 году на одну милю частныхъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ приходилось среднимъ числомъ по 8.000 сложныхъ единицъ такихъ отдѣльныхъ операцій, а постоянныхъ должностей по 19.000, т. е. въ $2^1/_2$ раза больше, тогда какъ въ 1859 году первыхъ было уже 18.000, а вторыхъ— 21.000, въ 1859 первыхъ—22.000, а вторыхъ—28.000. Такимъ образомъ число постоянно служащихъ возросло въ теченіе 19 лѣтъ развитія въ Германіи желѣзнодорожнаго дѣла на 69%, а число упомянутыхъ отдѣльныхъ операцій въ тотъ же періодъ времени увеличилось на цѣлыхъ 375%. На государственныхъ дорогахъ это возрастаніе еще сильнѣе, чѣмъ на частныхъ, а на частныхъ, состоящихъ подъ государственнымъ управленіемъ, оно настолько велико, что здѣсь число отдѣльныхъ операцій даже больше числа постоянныхъ должностей. Въ 1850 году на дорогахъ послѣдней категоріи наряду съ 22 000 служащихъ (на каждую милю движенія) было всего 7.000 поденщиковъ, а въ 1869 году первыхъ было 38.000, вторыхъ же—45.000. Всѣ эти цифры слишкомъ значительны, чтобы ихъ можно было объяснить какой-нибудь случайностью, а не вліяніемъ существенныхъ особенностей фабричной индустріи. Онѣ показываютъ ясно, что при употребленіи машинъ простая кооперація среди рабочихъ отдѣльнаго хозяйства одерживаетъ верхъ надъ сложной уже по той одной причинѣ, что многія работы не могутъ быть, по краткости своей, предметомъ обособленной функціи и въ то же время могутъ выполняться каждымъ.

Въ цѣломъ не трудно заключить, что періодъ фабричной индустріи является началомъ такого сочетанія труда, которое въ существенныхъ чертахъ походитъ на укладъ труда въ сельской общинѣ, гдѣ всѣ и каждый занимались всею совокупностью работъ, служащихъ для покрытія потребностей. Но есть и важныя различія между ними. Въ то время какъ въ сельской общинѣ занятія большей частью однородны, немногочисленны и просты, въ новѣйшемъ обществѣ онѣ, напротивъ, разнородны, многочисленны и сложны. На этомъ основаніи комбинацію труда въ общинѣ можно признать за наиболѣе простую форму простой кооперації [1]) или, говоря иначе, одинаково сли-

[1]) Мы оставляемъ въ сторонѣ дѣленіе труда по возрастамъ и половъ, а также и другіе виды сложной кооперації, имѣющіе приложеніе не только въ организаціи общинной, но даже и въ общественномъ укладѣ дикарей: значеніе

тать ее соединеніемъ труда,—возьмемъ-ли мы для наблюденія занятія общины въ отдѣльный моментъ времени, или на протяженіи всей жизни ея членовъ. Всѣ и каждый въ одно и то же время и всегда здѣсь занимаются однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Иной характеръ носитъ сложеніе труда въ обществѣ съ машинной продукціей. Здѣсь, если мы посмотримъ на занятія людей въ теченіе ихъ средней жизни, то мы дѣйствительно найдемъ соединеніе труда — въ томъ смыслѣ, что *каждый* занимается всей совокупностью работъ и, слѣдовательно, представляетъ единицу одного порядка со всѣми прочими. Конечно, въ данномъ случаѣ типъ единицы уже не тотъ; онъ отличается гораздо большей сложностью, чѣмъ прежде [1]), но все же, въ общемъ, сходство сочетаній удерживается полное. Различіе начинается тогда, когда мы наблюдаемъ строй труда въ новѣйшемъ обществѣ по отношенію къ отдѣльному моменту времени. Благодаря обилію, сложности и разнообразію работъ, здѣсь прилагается въ одно и то же время сложнѣйшая изъ формъ кооперації сложной. Въ одно и то же время здѣсь всѣ и каждый занятъ *различнымъ* дѣломъ и только на протяженіи всей жизни поколѣнія различія эти сглаживаются тѣмъ, что всѣ и каждый *одинаково* мѣняютъ дѣло. Понятно, что ремесленная и мануфактурная продукція являются не болѣе, какъ рядомъ ступеней, которыми идетъ развитіе сочетанія работъ,—отъ формъ кооперації общинной къ формамъ кооперації фабричной.

Покончивъ съ этимъ очеркомъ генезиса различныхъ формъ общественной продукціи изображающихъ, конечно, однѣ лишь наиболѣе рельефныя черты предмета, мы перейдемъ теперь къ другимъ вопросамъ фабричной индустріи, на которые въ изслѣдованіяхъ Маркса бросается оригинальный свѣтъ.

Коснемся прежде всего вскользь вліянія машинъ на удешевленіе товаровъ. Особенно внимательнаго разсмотрѣнія вопросъ этотъ отъ насъ не требуетъ, такъ какъ въ предыдущей главѣ о немъ трактуется съ достаточною полнотою и ясностью. Къ тому же изложеніе этого предмета въ „Капиталѣ“ лишь отчасти можетъ претендовать на новизну. Такъ, напр., у Рикардо читаемъ („Сочиненія“, глава I): „такимъ-то образомъ пользуется общество введеніемъ машинъ: эти нѣмые дѣятели всегда являются продуктомъ менѣе значительнаго труда, нежели тотъ, который ими замѣщается, даже въ томъ случаѣ, когда и тотъ и другой имѣютъ одинаковую денежную цѣнность“. Читатель помнитъ, что и авторъ „Капитала“ придерживается того же взгляда. Главная мысль здѣсь та, что уменьшеніе цѣнности товаровъ,

всѣхъ такихъ различій на первыхъ ступеняхъ развитія является сравнительно второстепеннымъ.

[1]) Между „слагаемымъ“ общины и „слагаемымъ“ общества съ машинною продукціей существуетъ приблизительно такое же различіе, какъ, напр., между *единицей* 10 и *единицей* 100. *Авт.*

производимыхъ при посредствѣ машинъ, зависитъ отъ того, что вся сумма труда, расходуемая на данное количество продукта при употребленіи машинъ, оказывается меньше, чѣмъ вся сумма труда, которая издерживается въ обратномъ случаѣ. Подъ *всею* суммою труда необходимо разумѣть въ обоихъ случаяхъ какъ трудъ, пошедшій на изготовленіе орудій (машинъ или ручныхъ инструментовъ), такъ и тотъ трудъ, который израсходованъ на непосредственное производство (при помощи машины и при помощи ручныхъ орудій). — Правда, самъ Рикардо не всегда слѣдовалъ этому взгляду во всемъ его объемѣ и съ признаніемъ всѣхъ его послѣдствій. По крайней мѣрѣ, допуская, что, при участіи въ производствѣ машинъ первоначально принятый имъ законъ цѣнности, а именно, установленіе мѣновыхъ размѣровъ въ соотвѣтствіи съ размѣрами труда, терпитъ значительныя измѣненія, онъ косвенно отказывается отъ нѣкоторыхъ необходимыхъ выводовъ изъ упомянутаго взгляда. Онъ утверждаетъ здѣсь, какъ читателю уже извѣстно (см. конецъ VIII главы настоящаго труда), что удешевленіе машиннаго продукта, возникшаго при помощи большого постояннаго капитала, имѣетъ въ основаніи не то явленіе, что на производство самихъ машинъ и машиннаго продукта расходуется менѣе труда, чѣмъ ими замѣщается, а другое,—что возвышеніе задѣльной платы при машинномъ производствѣ роняетъ прибыль столь чувствительно, что вмѣстѣ съ нею должна упасть и цѣнность всего машиннаго продукта. Не нужно доказательствъ, что общаго между тѣмъ и другимъ объясненіемъ нѣтъ ровно ничего, не говоря уже о томъ, что второе изъ этихъ объясненій ничѣмъ не можетъ быть доказано. Справедливо также, что никому изъ экономистовъ, не исключая и самого Рикардо, не удавалось до сихъ поръ представить это дѣло въ такомъ ясномъ и безспорномъ свѣтѣ, какъ это мы видимъ въ изслѣдованіяхъ Маркса. Да и трудно было бы требовать удовлетворительнаго разрѣшенія задачи отъ тѣхъ писателей, по мнѣнію которыхъ капиталъ и прибыль возникаютъ изъ сбереженія, а не изъ труда и производства, какъ это есть на самомъ дѣлѣ. Раздѣляемая громаднымъ большинствомъ экономистовъ теорія сбереженія оказывается, однако, вполнѣ безсильной объяснить явленіе удешевленія товаровъ посредствомъ приложенія машинъ. Она, конечно, сгоряча ссылается на *даровую* службу силъ природы, усвоенную изобрѣтательнымъ геніемъ человѣка. Но врядъ-ли нужно замѣчать, что, насколько аргументъ этотъ вѣренъ, онъ въ сущности берется на прокатъ совсѣмъ изъ другой лавочки. И въ самомъ дѣлѣ, если удешевленіе товаровъ отъ приложенія машинъ имѣетъ въ основаніи *дары* природы, то это означаетъ просто, что удешевленіе это происходитъ отъ уменьшенія количества *труда*. Измѣнены одни слова. — не больше, а смыслъ остался тотъ же. Однако, попросите кого-нибудь изъ при-

верженцевъ теоріи образованія прибыли и капитала посредствомъ сбереженія—В. Рошера, М. Вирта и т. д.—дать объясненіе, почему за даровую силу, обращенную на службу человѣку подъ видомъ машины, владѣлецъ сей послѣдней беретъ съ насъ въ общей массѣ не меньше, какъ бы слѣдовало, а гораздо больше прибыли, чѣмъ прежде, когда природа не была въ такой степени уступчива,—и вы навѣрное получите въ отвѣтъ, что это есть не что иное, какъ плата за изобрѣтеніе, *вознагражденіе* промышленнаго генія *за благодѣяніе*, оказанное имъ человѣчеству и пр. Тутъ не одна, а цѣлыхъ двѣ и очень крупныя теоретическія ошибки. Первая та, что за изобрѣтеніе платятъ будто бы такъ дорого, тогда какъ очевидно, что въ такомъ случаѣ самый высокій геній человѣка „не стоитъ благодарности"; пусть, напр., подумаетъ читатель, на что понадобилась бы ему желѣзная дорога, еслибы за ѣзду по ней ему пришлось платить не меньше или даже больше, чѣмъ за ѣзду въ почтовомъ экипажѣ? Не ясно-ли, что при такихъ условіяхъ онъ отказался бы отъ чести благодарить за оказанное ему благодѣяніе? Второй ошибкой въ упомянутой аргументаціи является предположеніе, что владѣлецъ фабрики есть вмѣстѣ и изобрѣтатель, а между тѣмъ, извѣстно, что эти аттрибуты совпадаютъ немногимъ развѣ чаще, чѣмъ растутъ груши на вербѣ. Обыкновенно же предприниматель платитъ за право приложенія изобрѣтеній такую ничтожно-микроскопическую сумму въ сравненіи съ собственнымъ чистымъ доходомъ, что и упоминать о ней не стоитъ. Не меньшее фіаско потерпѣла и та попытка объяснить увеличеніе прибыли отъ примѣненія машинъ, на основаніи которой прибавка эта есть вознагражденіе за умственный трудъ управленія крупнымъ предпріятіямъ [1]), за возрастаніе риска и т. п. Совсѣмъ другое будетъ дѣло, если вспомнить, что само введеніе машинъ и другихъ изобрѣтеній есть лишь одно изъ средствъ къ увеличенію прибавочной цѣнности путемъ удешевленія предметовъ потребленія рабочаго, а слѣдовательно, и увеличенія прибавочной части дня на счетъ необходимой. Но тутъ мы уже входимъ въ соприкосновеніе съ другимъ вопросомъ, которымъ намъ предстоитъ заняться ниже.

Большею оригинальностью отличается та часть разсматриваемаго изслѣдованія Маркса, гдѣ онъ показываетъ намъ, что употребленіе въ дѣло машинъ, при существованіи капиталистической системы, подчиняется извѣстнымъ специфическимъ условіямъ. Онъ утверждаетъ, что еслибы машина вводилась только съ цѣлью удешевлять продуктъ, то наиболѣе благопріятнымъ для этого моментомъ былъ бы

[1]) Лассаль прекрасно опровергаетъ этотъ способъ объясненія дѣла примѣромъ Кёльнъ-Минденской желѣзной дороги, которая въ 1862 г. на сумму 3.367.521 тал. *дивиденда* истратила не болѣе 12.275 тал. *вознагражденія за умственный трудъ* директоровъ, контролеровъ и пр. „*Herr Bastiat-Schulze*", 162. *Авт.*

тотъ, когда на производство машины расходуется труда меньше, чѣмъ ею замѣщается. На это обстоятельство указываетъ также, какъ мы только что видѣли, и Рикардо. Но для капиталиста, прибавляетъ авторъ „Капитала“, выгода употребленія машинъ можетъ возникнуть лишь съ того момента, когда купить машину дешевле, чѣмъ *платить* рабочимъ, или, говоря иначе, когда цѣнность машины оказывается ниже цѣнности рабочей силы. И это явленіе не ускользнуло отъ вниманія Рикардо, какъ то доказываетъ слѣдующая цитата („Сочиненія“, глава XXXI): „всякое увеличеніе задѣльной платы имѣетъ стремленіемъ привлекать сбереженія въ пропорціи бо́льшей, нежели прежде, къ употребленію въ машины; машины и трудъ находятся въ постоянномъ соперничествѣ, и первыхъ нельзя часто употреблять до тѣхъ поръ, пока не возвысится цѣна труда“. Мы сомнѣваемся, однако, чтобы Рикардо имѣлъ вполнѣ отчетливое понятіе о томъ различіи, какое существуетъ между употребленіемъ машинъ въ видѣ капитала и всякимъ инымъ употребленіемъ ихъ. Еще темнѣе должна была ему казаться та причина, которой обусловливается подобное различіе. Причиной этого, согласно объясненію Маркса, является то обстоятельство, что замѣщаемый машиной живой трудъ оплачивается не сполна, а только частью и, слѣдовательно, хотя въ томъ или въ другомъ случаѣ онъ окажется и больше, чѣмъ трудъ, пошедшій на изготовленіе машины и машиннаго продукта, но если въ то же время онъ дешевле, чѣмъ машина, то предприниматель найдетъ излишнимъ прибѣгать къ содѣйствію послѣдней [1]). Такимъ образомъ, уже на этой стадіи изслѣдованій Маркса мы можемъ видѣть ясно, что машина и способъ приложенія ея къ дѣлу нисколько не одно и то же, какъ полагаютъ многіе экономисты по привычкѣ соединять въ умѣ явленія, разъединенныя на дѣлѣ.

Еще бо́льшаго вниманія заслуживаетъ въ „Капиталѣ“ оцѣнка результатовъ дѣйствія машиннаго хозяйства на положеніе рабочихъ. Нѣкоторые пункты этого ученія, не говоря уже о цѣлой массѣ неизвѣстныхъ прежде фактовъ, отличаются полнѣйшей самобытностью и новизною. Такова, напримѣръ, та часть послѣдняго, въ которой изображается давленіе машинъ на продолжительность и на плотность работы. Первый изъ этихъ феноменовъ, значеніе котораго уже по-

[1]) Примѣры, приведенные авторомъ „Капитала“ въ подтвержденіе практическаго приложенія этой истины, достаточно внушительны. Но мы могли бы выбрать изъ русской жизни кое-что и покрупнѣе. Чѣмъ, напримѣръ, мы объяснимъ тотъ фактъ, что среди промышленнаго населенія села Павлова почти не существуетъ машинъ, какъ не ничтожно-малыми размѣрами задѣльной платы? И дѣйствительно, платя правильщикамъ, литейщикамъ, черепщикамъ и пр. отъ $1^1/_2$ до 2 руб. за 90—96 час. работы (по 16 часовъ въ день), можно смѣло не справляться съ успѣхами механики и техники въ заморскихъ странахъ. А между тѣмъ, въ подобномъ положеніи находится не только ножевой и пожничный, а большинство кустарныхъ промысловъ въ Россіи. *Авт.*

тому должно признать громаднымъ, что онъ почти повсюду вызвалъ реакцію подъ видомъ фабричнаго законодательства, имѣющаго цѣлью сократить рабочій день, является наглядным указаніемъ того противорѣчія съ самимъ собою, той глухой улицы, въ какую неизбѣжно попадаетъ капиталистическое примѣненіе машинъ. Дѣйствительно, посредствомъ употребленія машинъ капиталъ стремится понизить цѣнность средствъ существованія рабочихъ, чтобы тѣмъ самымъ возвысить норму прибавочнаго времени на счетъ необходимаго. При существованіи въ производствѣ машинъ, какъ и при ихъ отсутствіи, масса прибыли одинаково находится въ зависимости отъ массы прибавочнаго времени непосредственно трудящихся рабочихъ, которая сама отчасти обусловливается *числомъ* этихъ послѣднихъ. Но примѣненіе къ дѣлу машинъ необходимо сопровождается уменьшеніемъ *числа* рабочихъ. Спрашивается: какъ согласить и примирить эти противоположности, чтобы въ концѣ концовъ таки достигнуть цѣли употребленія машинъ, а именно,—увеличенія массы прибавочнаго времени? На это практика капиталистовъ даетъ намъ слѣдующій вразумительный отвѣтъ: покуда это дозволяется закономъ и состояніемъ рабочаго рынка. — посредствомъ удлиненія рабочаго дня тѣхъ людей, которые удержаны при машинахъ, впослѣдствіи же—путемъ увеличенія интенсивности труда. Что между помянутыми двумя способами увеличенія прибавочной цѣнности дѣйствительно имѣется такая послѣдовательность во времени. въ этомъ не дозволяютъ ни на минуту усомниться тѣ многочисленныя показанія компетентныхъ личностей, которыя цитируются въ предыдущей главѣ. Какъ только установлены нормальные предѣлы рабочаго дня, тотчасъ является на сцену интенсификація труда во всеоружіи новыхъ механическихъ приспособленій и изобрѣтеній, которыя, путемъ увеличенія быстроты дѣйствія машинъ, уничтожаютъ по́ры въ нормальномъ днѣ рабочаго и напрягаютъ все его вниманіе. Не трудно видѣть, какъ и замѣтилъ это авторъ „Капитала“, что за извѣстными предѣлами увеличеніе интенсивности труда необходимо должно снова вызвать реакцію подъ видомъ сокращенія часовъ труда.

Не меньше интереса и значенія представляютъ дальнѣйшія изслѣдованія Маркса о вліяніи машинъ на отношенія рабочихъ къ капиталу. Приводимый имъ примѣръ, имѣющій назначеніемъ показать, что перемѣщеніе части капитала изъ непосредственнаго производства на сооруженіе машинъ оставляетъ безъ дѣла и безъ средствъ существованія не только тѣхъ рабочихъ. которые оказываются излишними при самыхъ машинахъ, но, сверхъ того, и тѣхъ, которые занимались производствомъ этихъ средствъ существованія, – не оставляетъ ничего желать по ясности и убѣдительности. Правда. по этому вопросу авторъ „Капитала“ имѣлъ весьма талантливыхъ предшествен-

никовъ, особенно въ лицѣ опять-таки того же Рикардо, Барбона, Сисмонди и въ извѣстной степени Прудона. Всего рельефнѣе и лучше изъ упомянутыхъ писателей выражаетъ это ученіе Рикардо (см. гл. XXXI его „Сочиненій“). Онъ прежде всего сознается, что мнѣніе его о послѣдствіяхъ употребленія машинъ съ теченіемъ времени подверглось весьма значительному измѣненію. Онъ полагалъ вначалѣ, что введеніе машинъ должно способствовать увеличенію благосостоянія всѣхъ классовъ общества безъ исключенія и что рабочій, въ частности, благодаря увеличенію производства, пріобрѣтетъ возможность за ту же плату покупать гораздо больше прежняго предметовъ потребленія. Нашъ авторъ питалъ полнѣйшую увѣренность, что при употребленіи машинъ размѣръ задѣльной платы или, вѣрнѣе, ея масса останется безъ измѣненія, такъ какъ спросъ на трудъ не можетъ уменьшаться, а только перемѣстится изъ одной отрасли въ другую. Но болѣе глубокія размышленія привели автора къ выводу, что та часть его взгляда, которая относится къ рабочимъ, оказывается невѣрною. Заблужденіе его основывалось, по его словамъ, на томъ предположеніи, что возрастанію чистаго дохода общества (т. е. прибыли и ренты) сопутствуетъ и возрастаніе дохода валового (т. е. прибыли, ренты и задѣльной платы вмѣстѣ взятыхъ[1]). Впослѣдствіи, однакожъ, онъ убѣдился, что предположеніе это было неправильно, что возрастаніе чистаго дохода можетъ сопровождаться относительнымъ уменьшеніемъ дохода валового и такимъ образомъ „та же причина, которая можетъ способствовать увеличенію чистаго дохода страны, можетъ въ одно и то же время *сдѣлать населеніе излишнимъ* и тѣмъ ухудшить положеніе рабочаго“. Онъ прибѣгаетъ къ помощи примѣрнаго разсчета, подобнаго тому, который приведенъ у Маркса, чтобы показать, что примѣненіе машины имѣетъ прямымъ послѣдствіемъ уменьшеніе массы задѣльной платы и вытѣсненіе извѣстнаго числа рабочихъ, хотя при этомъ норма прибыли и остается прежняя. „Такъ какъ средства къ поддержанію населенія“, говоритъ онъ, „зависятъ всегда отъ валового продукта націи, а не отъ чистаго ея продукта, то (отъ употребленія машинъ) необходимо воспослѣдуетъ уменьшеніе спроса на трудъ, населеніе сдѣлается излишнимъ, и положеніе рабочаго класса станетъ положеніемъ нищеты и бѣдствій“. Тѣмъ не менѣе, авторъ полагаетъ, что такъ какъ средства къ сбереженію дохода, предназначаемаго для увеличенія капитала, должны зависѣть отъ того, въ какой степени чистый доходъ способенъ удовлетворять потребностямъ капиталиста, то, вслѣдствіе уменьшенія цѣны пріобрѣтаемыхъ

[1]) Такое представленіе о валовомъ доходѣ является несостоятельнымъ, такъ какъ въ составъ послѣдняго громаднѣйшею массою входитъ, помимо упомянутыхъ трехъ отраслей дохода, еще и погашеніе постояннаго капитала и вновь произведенный постоянный капиталъ. Но въ данномъ случаѣ эта неполнота воззрѣнія нисколько не вредитъ аргументаціи автора.

имъ для себя товаровъ, капиталистъ усилитъ сбереженіе. а вмѣстѣ съ нимъ и легкость обращенія дохода въ капиталъ. Поэтому часть населенія. удаленная прежде отъ занятій, мало-по-малу снова стала бы употребляться въ дѣло, и такимъ образомъ не произошло бы излишества въ рабочихъ. Но насколько подобныя послѣдствія не могутъ быть предсказаны навѣрное, необходимо согласиться, продолжаетъ авторъ, что „мнѣніе, поддерживаемое рабочимъ классомъ, будто употребленіе машинъ часто наноситъ его интересамъ вредъ, не основано на заблужденіи и на предразсудкахъ, а находится въ соотвѣтствіи съ истинными началами политической экономіи".

Вотъ какъ мужественно когда-то разсуждали дѣйствительные представители науки. Они считали лишнимъ прятать истину, которая могла быть непріятна. Но, къ сожалѣнію, примѣръ ихъ почти не встрѣтилъ подражанія въ потомствѣ, и въ настоящую эпоху у рѣдкаго экономиста вы прочтете что-нибудь подобное тому, что только что изложено. Даже прямые послѣдователи Рикардо, а именно Макъ-Куллохъ и Милль, не имѣли достаточной рѣшимости признать всю справедливость упомянутыхъ доводовъ учителя. Они особенно старательно подчеркиваютъ то предположеніе, что вредное дѣйствіе машинъ имѣетъ только временный характеръ и что накопленіе капитала съ избыткомъ возмѣщаетъ утраченную долю такъ называемаго рабочаго фонда. Но мы, во-первыхъ, видѣли въ предыдущей главѣ, что даже въ отдѣльномъ предпріятіи разъ принятая комбинація постояннаго и перемѣннаго капитала увѣковѣчивается, и что непрерывное относительное уменьшеніе перемѣнной доли капитала упраздняетъ не одинъ только наличный, но также и грядущій контингентъ рабочаго населенія. Во-вторыхъ, нельзя хотя отчасти не раздѣлять слѣдующаго воззрѣнія Прудона, которымъ онъ опровергаетъ мнѣніе Сэ, что машина не уменьшаетъ, а лишь перемѣщаетъ доходъ рабочаго: „послѣ того", говоритъ онъ [1]), „какъ доходъ былъ, слѣдуя Сэ, *перемѣщенъ* одною машиной, онъ перемѣщается другою, потомъ третьею и т. д. до тѣхъ поръ, пока есть на-лицо какая бы то ни была работа и обмѣнъ... Перемѣщеніе дохода, уничтоженіе труда и вознагражденіе на него есть бичъ хроническій, постоянный, неодолимый, нѣчто вродѣ холеры, которая проявляется сегодня въ лицѣ Гуттенберга, завтра въ лицѣ Аркрайта: здѣсь она называется Жакаромъ, въ другомъ мѣстѣ Джемсомъ Уаттомъ или маркизомъ Жоффруа". И въ самомъ дѣлѣ, можно-ли говорить о временныхъ послѣдствіяхъ примѣненія машинъ, когда новыя машины, изобрѣтенія и улучшенія тянутся другъ за другомъ непрерывно? Вѣдь столь наивный взглядъ имѣлъ бы оправданіе лишь въ томъ случаѣ, когда бы на свѣтѣ только и существовала одна какая-нибудь машина.

[1]) *Système des contradictions économiques.* I, 161.

Зато старый писатель Барбонъ [1]) формулировалъ наиболѣе существенные пункты истинной теоріи машинъ съ удивительнымъ глубокомыслiемъ и пониманіемъ дѣла. „Спросъ на трудъ", говоритъ этотъ достойный представитель классической науки. „зависитъ отъ возрастанія оборотнаго (т. е. перемѣннаго слѣдуя новѣйшей терминологіи), а не постояннаго капитала. Еслибы было справедливо, что отношеніе между капиталомъ того и другого рода всегда и вездѣ одно и то же, то отсюда, дѣйствительно, слѣдовало бы, что число употребленныхъ въ дѣло рабочихъ находится въ соотвѣтствіи съ богатствомъ страны. Но предположеніе это, повидимому, невѣрно. По мѣрѣ усовершенствованія въ искусствахъ и расширенія цивилизаціи, постоянный капиталъ становится все въ болѣе и болѣе значительное отношеніе къ оборотному. Сумма постояннаго капитала, употребленная на производство штуки англійскаго мусселина, превышаетъ, по меньшей мѣрѣ, въ 100, быть можетъ, даже въ 1.000 разъ количество его, употребленное на производство подобной же штуки индійскаго мусселина. А пропорція употребленнаго въ дѣло оборотнаго капитала въ первомъ случаѣ во 100 или въ 1.000 разъ менѣе (чѣмъ во второмъ). Легко понять, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ вся сумма годичныхъ сбереженій индустріальнаго народа можетъ быть присоединена къ постоянному капиталу, и въ такомъ случаѣ увеличеніе спроса на трудъ не можетъ имѣть мѣста". Только въ послѣдующей главѣ, въ которой будетъ идти рѣчь о накопленіи капитала въ связи съ закономъ населенія, мы будемъ въ состояніи оцѣнить всю основательность и глубину этого мнѣнія Барбона. Авторъ немногими, но мѣткими чертами изображаетъ намъ всю сущность сложнаго процесса накопленія капитала въ новѣйшую эпоху экономической исторіи. Непрерывное увеличеніе постоянной доли капитала въ ущербъ размѣрамъ перемѣнной его доли, дѣйствительно, является красною нитью, проходящею чрезъ весь періодъ капиталистической продукціи, и кто не знаетъ или не хочетъ знать этого факта, тотъ не въ состояніи и понять устройство современнаго экономическаго механизма.

Довольно ясное понятіе о вредномъ дѣйствіи машинъ встрѣчаемъ также у Сисмонди. „Существуетъ, однако, одна причина обезлюденія", говоритъ онъ [2]), „которая подлежитъ спеціальному вѣдѣнію политической экономіи. Прогрессъ искусствъ, прогрессъ промышленности и, слѣдовательно, прогрессъ богатства и благосостоянія ведутъ къ открытію экономическихъ пріемовъ при изготовленіи продукта, путемъ употребленія меньшаго числа рабочихъ. Животныя являются на

[1]) On the Condition of the Labouring Classes of Society.

[2]) Nouveaux principes, II. 315—318. Вся эта глава носитъ заглавіе: „О населеніи, которое сдѣлалось излишнимъ, благодаря изобрѣтенію машинъ".

смѣну людямъ почти во всякихъ отрасляхъ воздѣлыванія земли, а машины—почти во всякихъ операціяхъ мануфактуръ... Каждый разъ, какъ только производство въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ потребленію, всякое подобное изобрѣтеніе, при нашей нынѣшней организаціи, становится несчастіемъ, ибо удовлетворяетъ потребителей лишь тѣмъ, что доставляетъ имъ предметы потребленія дешевле и въ то же время лишаетъ производителей самой ихъ жизни". Правда, Сисмонди беретъ здѣсь вопросъ о вредныхъ результатахъ примѣненія машинъ съ нѣсколько новой стороны, а именно со стороны вліянія ихъ на безмѣрное увеличеніе производства и на сопряженное съ послѣднимъ переполненіе рынковъ и увольненіе рабочихъ. Этотъ родъ дѣйствія фабричной индустріи, конечно, также очень важенъ, но имѣетъ сравнительно лишь временный характеръ, хотя и повторяется періодически. Въ послѣдующей главѣ вопросъ этотъ будетъ подвергнутъ достаточно подробному изслѣдованію. Но все же, подобно Марксу, Сисмонди совершенно ясно видитъ, что вліяніе машинъ на интересы рабочаго сословія нисколько не случайно, а напротивъ, необходимо вытекаетъ изъ свойствъ общественной организаціи. Онъ не питаетъ также ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ того, что способъ употребленія машинъ и сами машины нисколько не одно и то же. Такъ, онъ прямо заявляетъ [1]): „мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ и теперь находимъ необходимымъ повторить, что не усовершенствованіе машинъ является источникомъ бѣды, а неправильное распредѣленіе ихъ продукта: чѣмъ больше мы въ состояніи произвести при помощи даннаго количества труда произведеній, тѣмъ больше мы должны содѣйствовать увеличенію нашихъ удовольствій или покоя; рабочій, который былъ бы своимъ собственнымъ хозяиномъ, производя посредствомъ машины въ теченіе двухъ часовъ работу, требовавшую прежде двѣнадцати часовъ, забастовалъ бы послѣ двухъ часовъ, еслибы не имѣлъ потребности въ большемъ количествѣ продукта, еслибы не могъ употребить его на пользу. Не что иное, какъ наша нынѣшняя организація, какъ подчиненіе рабочаго ведутъ послѣдняго къ необходимости работать не менѣе, когда машина увеличиваетъ его производительную силу, а болѣе часовъ въ теченіе дня за ту же самую задѣльную плату". Въ концѣ-концовъ Сисмонди и тутъ садится снова на своего конька — чрезмѣрное увеличеніе производства, происходящее отъ приложенія машинъ и другихъ изобрѣтеній, и не совсѣмъ удачно этой частною сравнительно причиной пытается дать объясненіе явленію гораздо болѣе общаго характера, а именно прямому замѣщенію рабочихъ употребленіемъ машинъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ совершенно вѣрно указываетъ разницу между капиталистическимъ употребленіемъ машины и тѣмъ употребленіемъ ея, какое

[1]) Nouveaux principes, II, 317, примѣч.

сдѣлалъ бы рабочій, еслибы самъ былъ „своимъ собственнымъ хозяиномъ“. А между тѣмъ, какъ часто игнорируется эта простая истина, доказываетъ слѣдующій характеристическій примѣръ. Цитированный нами выше австрійскій экономистъ Нейманнъ, разсуждая объ одной машинѣ, говоритъ [1]): „при помощи этой машины ничтожная издержка около 1 гульдена въ часъ *шадитъ*, по меньшей мѣрѣ, *силы пяти рабочихъ*, которые до изобрѣтенія ея были принуждены достигать того же результата посредствомъ *утомительнаго* вращенія махового колеса“. Здѣсь онъ, повидимому, оцѣниваетъ дѣйствіе машины съ чисто объективной, общечеловѣческой точки зрѣнія, со стороны ея прямого назначенія. Но до какой степени скользокъ и затруднителенъ этотъ путь безпристрастія, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ словъ его, которыя онъ,—вѣроятно, по ошибкѣ,—роняетъ нѣсколько страницъ спустя: „паровой плугъ доставляетъ возможность избрать наиболѣе благопріятный моментъ для обработки почвы, не попадая *въ зависимость* отъ располагаемыхъ въ то время *рабочихъ силъ* [2]). Интересно было бы узнать, которая изъ этихъ точекъ зрѣнія истинна и которая ложна, такъ какъ радикальная противоположность между ними не можетъ подлежать сомнѣнію? Но авторъ такъ и оставляетъ насъ въ недоумѣніи.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ по поводу вопроса, изложеннаго въ примѣчаніи къ предыдущей главѣ,—вопроса о поштучной и повременной платѣ. Здѣсь, между прочимъ, въ первый еще разъ научно объясняется тотъ странный фактъ, что почти всюду, гдѣ рабочіе относятся сознательно къ своему положенію и интересамъ, они взираютъ на поштучный способъ платы не иначе, какъ съ недовѣріемъ и даже съ затаенною враждою. Изъ числа экономистовъ явленіе это до сихъ поръ никѣмъ не понято. Экономисты упорно настаиваютъ на утвержденіи, что поштучная плата есть самый справедливый и выгодный для самихъ рабочихъ способъ вознагражденія за трудъ и только одно глупое упрямство могло до сихъ поръ побуждать послѣднихъ оказывать ему противодѣйствіе. Чтобы не далеко ходить, укажемъ хотя на Милля, который, подобно прочимъ экономическимъ писателямъ, относитъ недовольство рабочихъ поштучной платой единственно на счетъ ихъ неразумія и непонятнаго упрямства. А между тѣмъ, оказывается, что причины нерасположенія къ поштучной платѣ со стороны рабочихъ лежатъ гораздо глубже, чѣмъ казалось, и имѣютъ отнюдь не маловажное значеніе. Вотъ явленія, которыя обыкновенно сопутствуютъ установленію поштучной платы: 1) неравномѣрное распредѣленіе труда между отдѣльными рабочими, обязанное

[1]) Nouveaux principes, II, 183 и 186.

[2]) Вотъ ужъ подлинно: „механика освободила капиталъ отъ угнетенія со стороны труда“, какъ говорилъ одинъ англійскій фабрикантъ.

своимъ существованіемъ чрезмѣрной продолжительности или же напряженности труда однихъ рабочихъ въ ущербъ другимъ, которые и остаются безъ занятій, а также взаимному соперничеству занятыхъ рабочихъ; 2) злоупотребленія со стороны посредниковъ между капиталистомъ и рабочимъ при выдачѣ задѣльной платы и при надзорѣ за работой, и, наконецъ, 3) только кажущееся увеличеніе заработка, который на самомъ дѣлѣ или совсѣмъ не увеличивается, или даже понижается подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ обстоятельствъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, которые послужатъ прекрасной иллюстраціей къ помянутымъ послѣдствіямъ введенія поштучной платы. Извѣстно, что различные рабочіе союзы Англіи уже неоднократно высказывались противъ этого способа уплаты. Такъ, напримѣръ, конференція самаго значительнаго въ Англіи, какъ по числу членовъ, такъ и по своему вліянію на прочіе союзы, „соединеннаго общества механиковъ“ (Amalgamated Society of Engineers) постановила въ 1872 году считать поштучную плату учрежденіемъ въ высшей степени эгоистическимъ и разсчитаннымъ исключительно на травлю однихъ людей другими. Исходя изъ этого основанія, „общество механиковъ“ обратилось ко всѣмъ рабочимъ союзамъ съ предложеніемъ вести общими силами борьбу противъ установленія поштучной платы. Въ половинѣ декабря 1875 года на фабрикѣ Истона и Андерсона сдѣлана была патронами попытка ввести поштучную плату въ болѣе значительныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Недовольные этимъ столяры-модельщики, точильщики, кузнецы и другіе рабочіе фабрики пріостановили работу. Въ отвѣтъ на это хозяева мастерскихъ, принадлежащіе къ „союзу работодателей“, объявили всеобщій *lockout*. Тогда борьба была перенесена на столбцы газетъ подъ видомъ полемики между хозяевами и рабочими, въ которой приняли участіе и представители помянутаго „соединеннаго общества“. Полемика эта представляетъ довольно полное и разностороннее выраженіе тѣхъ мнѣній, которыхъ держатся противники по отношенію къ поштучной платѣ. Хозяева писали какъ разъ то самое, что обыкновенно пишется объ этомъ предметѣ въ экономическихъ учебникахъ, только нѣсколько усиливая краски. По ихъ словамъ, поштучная плата есть олицетвореніе справедливости, такъ какъ не всѣ рабочія силы одинаковы, а ею каждый награждается по своимъ заслугамъ; что она есть предначертаніе божественнаго провидѣнія и пр. Секретарь „общества механиковъ“ Бернетъ въ письмѣ въ „Times“ опровергалъ эти доводы слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, говорилъ онъ, опредѣленіе размѣра *достаточной* поштучной платы, при той безпрерывной смѣнѣ однихъ рабочихъ другими, какая практикуется въ настоящее время, оказывается чрезвычайно затруднительнымъ и вызываетъ между сторонами безконечное число споровъ; во-вторыхъ, суще-

ствуетъ много весьма сложныхъ работъ, которыя не могутъ раздаваться рабочимъ по частямъ, а потому сдаются, какъ цѣлое, такъ называемому *task-master'y* или посреднику, который платитъ большей части рабочихъ повременно и разницу кладетъ себѣ въ карманъ; въ-третьихъ, доказано опытомъ, что съ увеличеніемъ ловкости и быстроты работы поштучнаго рабочаго задѣльная плата его постепенно уменьшается, а это въ свою очередь влечетъ за собою чрезмѣрное напряженіе силъ его и т. д. На основаніи этой аргументаціи не трудно придти къ заключенію, что выгоды поштучной платы суть только кажущіяся, тогда какъ неудобства, частью неразрывно съ нею слитыя, частью же представляющія обыкновенное послѣдствіе ея, оказываются, напротивъ того, весьма печальною дѣйствительностью. Да трудно было бы въ самомъ дѣлѣ ожидать какихъ-нибудь особенныхъ благодѣяній отъ простой перемѣны формы дѣла, а не сущности. Замѣна повременной платы поштучною есть именно не что иное, какъ измѣненіе чисто формальное. Вѣдь не можетъ же хозяинъ набрать на каждаго рабочаго вдвое или втрое больше работы, чѣмъ при повременной платѣ, на томъ единственно основаніи, что поштучный рабочій въ надеждѣ на бо́льшую выручку станетъ трудиться прилежнѣе и больше. Вѣдь количество работы въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаково опредѣляется рынкомъ, надъ которымъ отдѣльный хозяинъ не имѣетъ никакой власти. Ясно, что плюсъ въ работѣ однихъ людей долженъ отразиться подъ видомъ минуса въ работѣ другихъ. А между тѣмъ, гг. фабриканты и экономисты настаиваютъ на выгодности поштучной платы для рабочаго *вообще*, не упоминая ни однимъ словомъ о недостаткѣ работы.

Съ тѣмъ, что, вводя поштучную плату на мѣсто повременной, хозяева весьма быстро приноравливаютъ ее къ прежнему уровню или даже спускаютъ еще ниже, соглашаются и нѣкоторые защитники поштучной платы, какъ наиболѣе вѣрнаго средства опредѣлить *настоящую* цѣнность труда. Такъ, наприм., Брентано [1]) говоритъ, что „работодатели кладутъ поштучную плату нѣсколько ниже повременной, весьма вѣрно разсчитывая, что производство отъ введенія поштучной платы увеличится. Находя, при послѣднемъ условіи, что рабочіе въ единицу времени зарабатываютъ болѣе прежняго, они полагаютъ, что платятъ рабочему слишкомъ дорого, и приводятъ высокую плату въ доказательство, что поштучная цѣна должна быть уменьшена. „Конечно, подобное уменьшеніе можетъ быть въ извѣстныхъ предѣлахъ и чисто номинальнымъ, но есть и другіе, болѣе дѣйствительные способы пониженія заработка рабочаго. Такъ, по словамъ того же Брентано [2]). „Самуилъ Фильденъ въ мартѣ 1852 года писалъ въ „Times“,

[1]) Brentano. Zur Geschichte der englischen Gewerkevereine. II, 81 и слѣд. См. также Thornton, нѣмецк. изд. Die Arbeit etc. 356.

[2]) Ib., 104.

что излишняя работа имѣетъ послѣдствіемъ производство извѣстнаго дѣла меньшимъ числомъ рабочихъ; отъ этого часть рабочихъ остается безъ занятій, а чѣмъ ихъ больше безъ занятій, тѣмъ ниже плата". А вотъ еще одно доказательство, что увеличеніе размѣра платы, когда она превращается изъ повременной въ поштучную, есть не болѣе какъ миоъ. „Послѣ того", говорится въ Social Science Associat. Report on Trades' Societies etc., 1850, 189, „какъ рабочій взялъ поштучную работу за опредѣленную цѣну, еслибы онъ пожелалъ работать вдвое больше за обыкновенную плату, какая приходится въ недѣлю, то предприниматель не заплатилъ бы ему (столько). Онъ говоритъ рабочему, что не можетъ допустить, чтобы тотъ получалъ такую высокую плату... Если обыковенная плата рабочаго въ недѣлю есть 30 шилл. (1½ ф. ст.), то какъ бы ни была трудна работа и какъ бы много ни работалъ человѣкъ, предприниматель не заплатитъ ему больше 1 ф. 17 ш., а самое большее—2 ф. 5½ шилл.". Понятно, что даже и такое увеличеніе платы идетъ на счетъ существованія другихъ рабочихъ, которые лишаются отъ этого занятій [1]).

[1]) Что касается другихъ вредныхъ послѣдствій введенія поштучной платы, то одно изъ нихъ, именно злоупотребленія посредниковъ при выдачѣ вознагражденія за трудъ, достаточно характеризуется уже тѣмъ, что выручку посредника за надзоръ и пр. рабочіе называютъ „кровавыми деньгами" (*blood money*), см. *Report of the Commissioners etc.* 1876, 15.234 и 15.255. Объ остальныхъ „удобствахъ" того же способа вознагражденія дадутъ понятіе слѣдующія выдержки изъ только что упомянутаго отчета. 2.635. *Вопросъ*: Думаете-ли вы, что излишняя работа (за поштучную плату) оказываетъ вредное вліяніе на ихъ здоровье? *Отвѣтъ*: Она дѣлаетъ ихъ женщинами, прежде чѣмъ онѣ стали дѣвушками. Она разрушаетъ ихъ здоровье. 2.670—1. Складывальщики листовъ (мальчики) въ типографіяхъ журналовъ положительно завалены поштучной работой. 8.445—57. Рабочіе съ бѣлильныхъ и красильныхъ мануфактуръ жалуются на поштучную плату въ особенности потому, что она заставляетъ женщинъ трудиться дольше, чѣмъ допускаетъ ихъ здоровье. 8.446. Развѣ не въ ея власти работать больше или меньше?.. Нѣтъ, если работа лежитъ передъ нею, то ей остается приниматься за нее. 8.447. Слѣдуетъ-ли намъ понимать дѣло такъ, что женщинѣ дается на день опредѣленное количество работы и она должна его выполнить въ теченіе дня, или же она можетъ работать сколько хочетъ?—Сколько можетъ. 8.448. Сколько хочетъ?—Она подчасъ работаетъ больше, чѣмъ хочетъ... Если одинъ работаетъ какъ слѣдуетъ, а другой отстаетъ, то хотя послѣдній и получитъ столько же платы, какъ остальные, но будетъ считаться лѣнтяемъ Всѣ они подталкиваютъ другъ друга. 8.451. Плата выдается на всю группу... всѣмъ дается одна цѣльная работа, такъ что за отсталыхъ должны трудиться другіе.—12.911. Членъ фирмы по производству тканей увѣряетъ коммиссію, что законъ 1874 года, уменьшившій число рабочихъ часовъ на фабрикахъ тканей, способствовалъ уменьшенію платы рабочихъ съ 16 шилл. 6 п. до 15—16 шилл. 12.912. Безъ всякаго пропорціональнаго пониженія?—Да, безъ пониженія въ цѣнѣ труда. Не слѣдуетъ забывать, что *мы сами* дѣлаемъ это пониженіе, потому что это поштучная работа. 15.901. Не могутъ-ли тѣ, которыя не желаютъ продолжать работу (рѣчь идетъ о швеяхъ, работающихъ поштучно въ портняжныхъ мастерскихъ) послѣ 10½ часовъ, прекратить ее?—Еслибы онѣ это сдѣлали, это было бы большой ошибкой, и когда придетъ мертвый сезонъ, то

Въ цѣломъ необходимо придти къ заключенію, что при ближайшемъ изученіи дѣла поштучная плата совсѣмъ не такъ ужъ выгодна рабочимъ, какъ это утверждали экономическіе писатели. Скорѣе справедливо противное, на что именно и указывается авторомъ „Капитала".

Этимъ мы заканчиваемъ настоящую главу и снова обращаемся къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ Маркса.

## ГЛАВА XII.

## Теорія накопленія капитала и капиталистическій законъ народонаселенія.

Переходя къ разсмотрѣнію процесса самаго накопленія капитала.—до сихъ поръ мы признавали капиталъ за данную величину и не вникали въ то, какимъ образомъ онъ возрастаетъ, — мы должны прежде всего замѣтить, что не вся прибавочная цѣнность остается въ рукахъ одного перваго капиталиста, о которомъ шла рѣчь выше: она распадается на нѣсколько самостоятельныхъ видовъ—прибыли, процента, торговой прибыли, поземельной ренты и т. п. — и расходится по рукамъ весьма значительнаго класса лицъ. Но весь этотъ процессъ подраздѣленія прибавочной цѣнности на части и переходъ ея въ руки различныхъ представителей капитализма относится собственно къ процессу обращенія богатства, а не производства его. Тутъ мы предполагаемъ, что капиталистъ, во-первыхъ, продаетъ свои товары по полной ихъ цѣнности, а во-вторыхъ, является владѣльцемъ всей прибавочной цѣнности. Подобнаго предположенія совершенно достаточно для изученія процесса капиталистической продукціи, такъ какъ участіе многихъ лицъ въ раздѣлѣ прибавочной цѣнности не измѣняетъ ровно ничего въ ея природѣ или въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она является элементомъ накопленія.

Всякій общественный процессъ производства долженъ быть постояннымъ, т. е. періодически пробѣгать однѣ и тѣ же ступени. Общество въ цѣломъ не можетъ перестать ни потреблять, ни производить. а потому всякій общественный процессъ производства есть вмѣстѣ съ тѣмъ и процессъ воспроизведенія. Никакое общество не можетъ постоянно производить или воспроизводить, не превращая постоянно части своихъ продуктовъ въ орудія производства или въ элементы новаго производства. При прочихъ равныхъ условіяхъ, оно не можетъ воспроизвести или сохранить свое богатство иначе, какъ не.

---

онѣ первыя будутъ отпущены. Именно теперь множество народа сидитъ безъ работы: это нашъ мертвый сезонъ.—16.202... Я знаю, что всѣ наши поштучные рабочіе машинные ткачи и другіе были совершенно довольны старыми часами. Они ожидали, что за сокращеніемъ часовъ не послѣдуетъ уменьшенія платы, а *вышло наоборотъ*.

прерывно замѣщая потребленныя въ теченіе года орудія труда, сырой и вспомогательный матеріалъ равнымъ количествомъ новыхъ экземпляровъ въ натурѣ, которые должны быть отняты отъ годичнаго производства и посвящены производству слѣдующаго года. Итакъ, извѣстное количество ежегоднаго продукта принадлежитъ производству и съ самаго начала носитъ естественныя формы, исключающія индивидуальное потребленіе.

Но если производство имѣетъ капиталистическую форму, то она же принадлежитъ и воспроизведенію. Подобно тому, какъ въ капиталистическомъ производствѣ процессъ работы является только, какъ средство для увеличенія цѣнности капитала, такъ и воспроизведеніе есть только средство воспроизвести затраченный капиталъ, т. е. сохраняющуюся и увеличивающуюся цѣнность. Характеристическая экономическая маска капиталиста потому только держится крѣпко за одного человѣка, что его деньги функціонируютъ постоянно, какъ капиталъ. Если затраченная впередъ сумма денегъ въ 600 рублей, превращаясь въ капиталъ, приноситъ 120 рублей, то ей необходимо повторить ту же операцію и въ слѣдующемъ году. Въ качествѣ періодическаго прироста къ цѣнности или періодическаго плода, приносимаго капиталомъ, прибавочная цѣнность получаетъ форму дохода, возникающаго изъ самаго капитала. Если этотъ доходъ потребляется капиталистомъ лично, то мы имѣемъ дѣло *съ простымъ воспроизведеніемъ капитала*, т. е. повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же операцій производства въ неизмѣнномъ объемѣ. Хотя воспроизведеніе это есть лишь простое повтореніе производственнаго процесса на той же ступени развитія, но простое повтореніе или постоянство процесса даетъ ему новыя характеристическія черты или скорѣе разрѣшаетъ кажущіяся характеристическія черты его до сихъ поръ лишь отдѣльнаго проявленія.

Процессъ производства начинается покупкою рабочей силы на опредѣленное время, и эта операція возобновляется постоянно по истеченіи срока найма — недѣли, мѣсяца и т. д. Плату рабочій получаетъ, однако, лишь тогда, когда его рабочая сила уже перестанетъ дѣйствовать, т. е. когда она уже произвела свою собственную цѣнность и прибавочную цѣнность — подъ видомъ товаровъ. Поэтому задѣльная плата есть только часть продукта, непрерывно воспроизводимая самимъ рабочимъ, которая непрерывно же возвращается къ рабочему въ видѣ задѣльной платы. Капиталистъ платитъ ему цѣнность товаровъ, разумѣется, деньгами. Но эти деньги — только особенный видъ одной части произведеннаго рабочимъ продукта. Въ то время, когда рабочій превращаетъ часть сырого матеріала и орудій въ товаръ, часть прежняго его продукта превращается въ деньги. Его сегодняшняя работа вознаграждается его работою прошлой не

дѣли или прошлаго полугодія. Иллюзія, производимая въ данномъ случаѣ денежною формою всего дѣла, исчезаетъ тотчасъ же, какъ только начнешь разсматривать, вмѣсто отдѣльнаго капиталиста и рабочаго, цѣлый классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ. Классъ капиталистовъ постоянно даетъ классу рабочихъ ордера подъ видомъ денегъ на одну часть произведенныхъ вторымъ и принадлежащихъ первому продуктовъ. Эти ордера классъ рабочихъ постоянно возвращаетъ классу капиталистовъ обратно и посредствомъ ихъ получаетъ приходящуюся на его долю часть его продукта. Все дѣло только маскируется товарною формою продукта и денежною формою товара.

Такимъ образомъ, перемѣнный капиталъ оказывается ничѣмъ инымъ, какъ особою историческою формою проявленія фонда средствъ существованія, или рабочаго фонда, потребнаго рабочему для самосодержанія и для самовоспроизведенія, который долженъ имъ постоянно воспроизводиться при всевозможныхъ системахъ общественнаго производства. Этотъ рабочій фондъ, при капиталистической продукціи, постоянно приходитъ къ рабочему въ видѣ платежа за его работу, тогда какъ произведенный имъ продуктъ постоянно удаляется отъ него въ видѣ капитала. Но этотъ видъ проявленія рабочаго фонда нисколько не мѣшаетъ капиталисту постоянно затрачивать на рабочаго прежній трудъ послѣдняго. Возьмемъ въ примѣръ крѣпостного. Онъ трудится при помощи собственныхъ орудій производства на своемъ полѣ, положимъ, три дня въ недѣлю. Три другіе дня онъ работаетъ барщину на господскомъ полѣ. Онъ постоянно воспроизводитъ свой рабочій фондъ, и этотъ послѣдній никогда не является по отношенію къ нему въ видѣ платы, данной ему третьимъ лицомъ за его работу. Но если завтра же помѣщикъ возьметъ себѣ его поле и орудія, то, для продолженія того же самаго процесса, рабочій будетъ принужденъ продавать ему свою рабочую силу. Онъ будетъ продолжать трудиться прежнее число дней—три на себя и три на господина, который дѣлается теперь уже не барономъ, а хозяиномъ. Онъ будетъ употреблять всѣ орудія производства такъ же, какъ употреблялъ ихъ прежде, и переносить ихъ цѣнность на продуктъ. Онъ по прежнему будетъ воспроизводить часть этого продукта. Но такъ какъ барщинная работа приняла теперь видъ наемной, то и рабочій фондъ, производимый и воспроизводимый тѣмъ же лицомъ, принимаетъ видъ капитала, затраченнаго хозяиномъ. Вульгарная экономія, не умѣя отличить кажущагося отъ дѣйствительнаго, закрываетъ глаза передъ фактомъ, что даже въ настоящее время рабочій фондъ лишь по исключенію является въ видѣ капитала. „Средства существованія рабочихъ“, говоритъ Рич. Джоннесъ, „не ссужаются до сихъ поръ капиталистами рабочимъ даже на пространствѣ одной четвертой части земного шара“.

Перемѣнный капиталъ несомнѣнно лишь тогда теряетъ смыслъ цѣнности, затраченной впередъ изъ *собственнаго* фонда капиталиста, когда мы разсмотримъ капиталистическій производственный процессъ въ постоянномъ теченіи его обновленія. Но капиталъ этотъ долженъ же дать поводъ и когда-либо получить свое начало. Поэтому съ нашей до-нынѣшней точки зрѣнія *вѣроятно*, что капиталистъ былъ когда-либо обладателемъ денегъ, которыя представляли какое-либо, независимое отъ неоплаченной чужой работы, *первобытное накопленіе*, а потому могъ вступить на рынокъ, какъ покупатель рабочей силы. При всемъ томъ, простое *постоянство* капиталистическаго производственнаго процесса или *простое воспроизведеніе* совершаетъ еще и другія замѣчательныя перемѣны, которыя показываютъ не только перемѣнную часть капитала, но и *совокупный* капиталъ.

Если прибавочная цѣнность, производимая капиталомъ въ 1.000 ф. ст. періодически, напримѣръ ежегодно, простирается до 200 ф. ст. и эта прибавочная цѣнность ежегодно потребляется, то ясно, что послѣ пятилѣтняго повторенія того же процесса сумма потребленной прибавочной цѣнности=5×200 или равняется *первоначально затраченной цѣнности капитала въ 1.000 ф. ст.* Еслибы прибавочная цѣнность была потреблена только частью, то подобный же результатъ наступилъ бы послѣ десятилѣтняго повторенія производственнаго процесса, такъ какъ 10×100=1.000. Вообще, *затраченная цѣнность капитала, раздѣленная на ежегодно потребляемую прибавочную цѣнность*, даетъ *число лѣтъ* или число періодовъ воспроизведенія, по истеченіи которыхъ *первоначально затраченная цѣнность капитала потребляется* капиталистомъ и потому *исчезаетъ*. Представленіе капиталиста, что онъ потребляетъ продуктъ чужой, неоплаченной работы—прибавочную цѣнность—и получаетъ первоначальную цѣнность капитала, абсолютно ничего не измѣняетъ въ томъ фактѣ, что по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ усвоенная имъ цѣнность капитала равняется суммѣ въ теченіе того же числа лѣтъ усвоенной безъ эквивалента прибавочной цѣнности, и что потребленная имъ сумма цѣнности равняется первоначальной цѣнности капитала. *Ни одинъ атомъ цѣнности его стараго капитала не существуетъ болѣе.* Совершенно независимо отъ всякаго накопленія, простое постоянство производственнаго процесса, или простое воспроизведеніе *превращаетъ*, слѣдовательно, по истеченіи болѣе краткаго или продолжительнаго періода, *каждый капиталъ* необходимо въ *накопленный капиталъ* или въ *капитализированную прибавочную цѣнность*. Если даже это было при вступленіи въ производственный процессъ лично заработанною собственностью своего потребителя, то раньше или позже оно становится *цѣнностью, усвоенною безъ эквивалента, или матеріализаціею*, въ денежной-ли или въ другой формѣ, *неоплаченнаго чужого труда*.

Первоначальнымъ предположеніемъ превращенія денегъ въ капиталъ были не одни только производства и обращеніе товаровъ. На товарномъ рынкѣ должны были противостоять одинъ другому обладатель цѣнности или денегъ и обладатели творящей цѣнности субстанціи, обладатели средствъ производства и жизни и обладатели рабочей силы. Раздѣленіе между продуктомъ труда и самою работою, между объективными условіями работы и субъективною рабочей силою было, слѣдовательно, *фактически данною основою капиталистическаго производственнаго процесса*. Простая его продолжительность или простое воспроизведеніе *воспроизводитъ и увѣковѣчиваетъ* этотъ его *исходный пунктъ*, какъ его *собственный результатъ*. Производственный процессъ непрерывно превращаетъ деньги въ капиталъ, средства производства—въ средства увеличенія цѣнности. Съ другой стороны, рабочій постепенно выходитъ изъ процесса какъ онъ вошелъ въ него. Такъ какъ собственная его работа *отчуждаетъ* его самого, присваиваетъ капиталисту и усваиваетъ капиталу, прежде чѣмъ онъ входитъ въ процессъ, она *осуществляется* въ теченіе процесса постоянно въ *чужомъ продуктѣ*. Такъ какъ производственный процессъ есть вмѣстѣ и потребительный процессъ рабочей силы капиталистомъ, продуктъ рабочаго *превращается* непрерывно не только въ *товаръ*, но въ *капиталъ*, въ цѣнность, который всасываетъ творящую цѣнность силу, жизненные припасы, которые покупаютъ лица, средства производства, которыя употребляютъ производителя [1]). Рабочій самъ, поэтому, постоянно производитъ *объективное богатство, какъ капиталъ*, чуждую ему, господствующую надъ нимъ и эксплуатирующую его силу, и капиталистъ столь же постоянно производитъ *рабочую силу, какъ субъективный*, отъ ея собственныхъ средствъ осуществленія и проявленія отдѣленный, абстрактный, въ простой жизненности рабочаго существующій *источникъ богатства*, короче, рабочаго, какъ *наемнаго рабочаго* [2]). Это *постоянное воспроизведеніе или увѣковѣченіе наемнаго рабочаго* есть *sine qua* капиталистическаго производства.

Извѣстно, что сдѣлка между капиталистомъ и рабочимъ есть слѣдующая: одну часть своего капитала, перемѣнный капиталъ, капиталистъ обмѣниваетъ на рабочую силу, которую онъ усван-

[1]) „Это особенно замѣчательное качество производительнаго потребленія. Что потребляется производителемъ, не есть *капиталъ и становится капиталомъ* чрезъ потребленіе“ – (J. Mill. l. c., p. 242). Однако, Дж. Миль не понялъ на слѣдъ „этого“ особенно замѣчательнаго качества.

[2]) „Дѣйствительно, справедливо то, что первый, кто вводитъ мануфактуру, *употребляетъ многихъ бѣдныхъ, но они перестаютъ оставаться ими*, а продолженіе мануфактуры дѣлаетъ ими многихъ“. (Reasons for a limited Exportation of Wool. Lond. 1577. p. 19). „Фермеръ въ настоящее время абсурдно утверждаетъ, что онъ держитъ бѣдныхъ. Они дѣйствительно содержатся въ нищетѣ“. (Reasons for the late Increase of the Poor Rates. Lond. 1777, p. 37).

ваетъ какъ живую силу увеличенія цѣнности своимъ *мертвымъ средствомъ производства*. Именно поэтому рабочій процессъ является одновременно капиталистическимъ процессомъ увеличенія цѣнности. Съ другой стороны, рабочій отчуждаетъ вымѣненныя на свою рабочую силу деньги на *жизненные припасы*, при помощи которыхъ онъ *содержится* и *воспроизводится*. Таково его *индивидуальное потребленіе*. Рабочій процессъ, въ которомъ онъ потребляетъ средства производства и тѣмъ превращаетъ ихъ въ продукты, образуетъ его *производительное потребленіе* и вмѣстѣ *потребленіе его рабочей силы* капиталистомъ. Оба потребленія существенно различны. Въ одномъ рабочій, какъ рабочая сила, принадлежитъ капиталу и включенъ въ производительный процессъ; въ другомъ онъ принадлежитъ себѣ самому и совершаетъ жизненный актъ внѣ производственнаго процесса.

При разсмотрѣніи „рабочаго дня“ и т. д. обнаружилось въ отдѣльныхъ случаяхъ, что рабочій часто вынуждается свое индивидуальное потребленіе дѣлать простымъ явленіемъ производственнаго процесса. Въ этомъ случаѣ онъ прилагаетъ къ себѣ жизненныя средства, чтобы держать въ ходу свою рабочую силу, на подобіе того, какъ къ паровой машинѣ прилагаются уголь и вода, а къ колесу—масло. Его средства потребленія становятся тогда просто средствами потребленія орудія производства, его индивидуальное потребленіе—прямо производительнымъ потребленіемъ. Это, однако же, является какъ несущественное злоупотребленіе капиталистическаго процесса[1]).

Если даже не разсматривать обособленнаго процесса производства товара, а капиталистическій процессъ производства въ его связномъ теченіи и въ его общественномъ объемѣ, то и *индивидуальное потребленіе рабочаго* также остается моментомъ производства и воспроизведенія капитала, все равно, происходитъ-ли оно внутри или внѣ мастерской, фабрики и т. д., внутри или внѣ рабочаго процесса, совершенно, какъ и чистка машины, происходитъ-ли она во время рабочаго процесса или во время опредѣленныхъ паузъ его. Дѣла не касается то, что рабочій это потребленіе совершаетъ для себя самого, а не для капиталиста. Такъ точно потребленіе рабочаго скота является не менѣе необходимымъ моментомъ процесса производства оттого, что скотъ самъ пользуется тѣмъ, что онъ ѣстъ. Постоянное сохраненіе и воспроизведеніе рабочаго класса остается постояннымъ условіемъ для воспроизведенія капитала. Капиталистъ можетъ съ увѣренностью возложить его выполненіе на стремленіе къ самосохраненію и размноженію рабочихъ. Онъ заботится только о томъ, чтобы, по возможности, ограничить ихъ индивидуальное потребленіе одною не-

[1]) Росси не сталъ бы такъ эмфатически декламировать этотъ пунктъ, если-бы онъ дѣйствительно глубоко проникъ въ тайну „productive consumption“.

обходимостью, и какъ отъ земли до неба отъ той южно-американской грубости, которая принуждаетъ рабочаго принимать въ себя существенные, нежели менѣе существенные предметы пищи [1]).

Превращеніемъ одной части капитала въ рабочую силу капиталистъ убиваетъ двухъ мухъ однимъ ударомъ. Онъ чрезъ это превращаетъ одну часть своего капитала въ перемѣнный капиталъ и увеличиваетъ цѣнность своего совокупнаго капитала. Онъ внѣдряетъ рабочую силу въ свои средства производства. Онъ потребляетъ производительно рабочую силу, заставляя рабочаго производительно потреблять средства производства при помощи своей работы. Съ другой стороны, жизненные припасы или отчужденная на рабочихъ часть капитала претворяются въ мускулы, нервы, кости, мозгъ и пр. рабочихъ. *Внутри своихъ необходимыхъ границъ* индивидуальное потребленіе рабочаго класса есть поэтому обратное претвореніе во вновь эксплуатируемую капиталомъ рабочую силу, *производство и воспроизведеніе его необходимѣйшаго орудія производства*, *т. е. самого рабочаго. Индивидуальное* потребленіе рабочаго образуетъ, поэтому, моментъ *воспроизводительнаго процесса* капитала вообще и во всемъ объемѣ.

Поэтому-то капиталистъ и его идеологъ, политико-экономъ, разсматриваютъ только часть индивидуальнаго потребленія рабочаго, какъ *производительную*, требуемую для увѣковѣченія рабочаго класса, которая дѣйствительно должна быть потребляема, такъ какъ его капиталъ потребляетъ рабочую силу; то же, что рабочій, сверхъ того, можетъ потребить къ своему удовольствію, есть *непроизводительное потребленіе* [2]). Еслибы накопленіе капитала причинило повышеніе заработной платы и поэтому увеличеніе средствъ потребленія рабочаго, безъ потребленія бо́льшей рабочей силы капиталомъ, то прибавочный капиталъ былъ бы *потребленъ непроизводительно* [3]). Въ самомъ дѣлѣ: индивидуальное потребленіе рабочаго *непроизводительно для него самого*, такъ какъ оно воспроизводитъ только *нуждающійся индивидуумъ*: оно *производительно для капиталиста и для государства*, потому что оно есть производство *силы*, *производящей чужое богатство* [4]).

[1]) „Рабочіе въ горныхъ рудникахъ Южной Америки, которыхъ ежедневное дѣло (быть можетъ, тяжелѣйшее въ свѣтѣ) состоитъ въ томъ, чтобы вытаскивать тяжесть руды, вѣсомъ въ 180—200 фун., изъ глубины въ 450 футъ на своихъ плечахъ, живутъ лишь хлѣбомъ и бобами, и они предпочли бы одинъ хлѣбъ въ пищу, еслибы только ихъ господа, нашедшіе, что они *при хлѣбѣ не работали бы такъ сильно*, не третировали бы ихъ, какъ лошадей, и не принуждали бы ихъ ѣсть бобы; бобы, однако, сравнительно гораздо богаче, нежели хлѣбъ, костяной землей“ (Liebig, l. c. I Theil, p. 194, Note).

[2]) J. Mill, l. c., p. 238 sqq.

[3]) J. Mill, l. c., p. 238 sqq.

[4]) „Еслибы цѣна работы поднялась такъ высоко, что, вопреки возрастанію капитала, *не могло бы быть болѣе* употреблено *труда*, то я сказалъ бы, что по-

Съ общественной точки зрѣнія, рабочій классъ, слѣдовательно, внѣ непосредственнаго рабочаго процесса есть столько же *принадлежность* капитала, какъ и мертвыя орудія работы. Его индивидуальное потребленіе само, внутри извѣстныхъ границъ, есть только моментъ воспроизводительнаго процесса капитала. Процессъ, однако, заботится о томъ, чтобы эти сознательныя орудія производства не убѣжали, причемъ онъ постоянно ихъ продуктъ отъ ихъ полюса удаляетъ къ противоположному полюсу капитала. Индивидуальное потребленіе заботится о своемъ собственномъ сохраненіи и воспроизведеніи, съ другой стороны, при помощи ихъ уничтоженія жизненныхъ припасовъ, за ихъ постоянное появленіе на рабочемъ рынкѣ. Римскій рабъ былъ привязанъ цѣпями, наемный рабочій—невидимыми нитями къ своему господину-собственнику. Кажущаяся его независимость поддерживается чрезъ постоянную перемѣну индивидуальныхъ хозяевъ и чрезъ fictio juris контракта.

Раньше капиталъ, гдѣ ему казалось нужнымъ, давалъ значеніе своему *праву собственности на свободнаго рабочаго* посредствомъ *принудительнаго закона*. Такъ, напримѣръ, эмиграція машинныхъ рабочихъ въ Англіи была до 1815 г. запрещена подъ страхомъ тяжкаго наказанія.

Воспроизведеніе рабочаго класса включаетъ также передачу и накопленіе ловкости отъ одного поколѣнія къ другому [1]). Какъ сильно капиталистъ существованіе подобнаго ловкаго рабочаго класса считаетъ среди принадлежащихъ ему условій производства и признаетъ за дѣйствительное существованіе своего перемѣннаго капитала, видно, когда кризисъ грозитъ потерею его. Вслѣдствіе американской гражданской войны и сопровождавшей ее хлопчатобумажной нужды, было, какъ извѣстно, большое число хлопчатобумажныхъ рабочихъ въ Ланкаширѣ и т. д. выброшено на мостовую. Изъ лона самого рабочаго класса, какъ и изъ другихъ общественныхъ слоевъ раздавались возгласы о государственной поддержкѣ или о добровольномъ національномъ сборѣ денегъ, чтобы сдѣлать возможною эмиграцію „излишнихъ“ въ англійскія колоніи или въ Соединенные Штаты. Тогда *Times* публиковалъ (24 марта 1863) письмо *Эдмунда Бот-*

добное возрастаніе капитала потребляется непроизводительно“. (Ricardo, l. c. p. 163).

[1]) „Единственное производительное потребленіе въ собственномъ смыслѣ есть потребленіе или разрушеніе богатства (онъ полагаетъ употребленіе средствъ производства) капиталистамъ въ цѣли воспроизведенія... Рабочій есть производительный потребитель для лица, которое его употребляетъ, и для государства, но, строго говоря, не для себя самого“. (Malthus, „Definitions etc.“, p. 30). Единственная вещь, о которой можно сказать, что она запасается и приготовляется впередъ, это ловкость рабочаго .. Накопленіе и содержаніе въ запасѣ ловкой работы, эта важнѣйшая операція, что касается большой массы рабочихъ, совершается безъ всякаго капитала“. (Hodskin, „Labour defended etc.“, p. 13).

*тера*, прежняго президента манчестерской торговой камеры. Письмо его было съ нравомъ обозначено въ нижней палатѣ, какъ „манифестъ фабрикантовъ“ [1]). Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя характеристическія мѣста, въ которыхъ неприкрашенно высказывается титулъ собственности капитала на рабочую силу.

„Хлопчатобумажнымъ рабочимъ слѣдуетъ сказать, что ихъ предложеніе слишкомъ велико... оно должно быть, вѣроятно, уменьшено на треть, и тогда наступитъ здравый спросъ на остальныя двѣ трети... Общественное мнѣніе тянетъ къ эмиграціи... Хозяинъ (т. е. хлопчатобумажный фабрикантъ) не можетъ добровольно видѣть *удаленнымъ свое предложеніе работы*: онъ можетъ думать, что это столь же *несправедливо*, какъ и невѣрно... Если эмиграція будетъ поддержана изъ государственныхъ фондовъ, то онъ имѣетъ право потребовать слушанья и, быть можетъ, *протестовать*“. Тотъ же Поттеръ излагаетъ дальше, какъ полезна хлопчатобумажная индустрія, какъ она несомнѣнно выдренировала перенаселеніе изъ Ирландіи и изъ англійскихъ земледѣльческихъ округовъ, „какъ громаденъ ея объемъ, какъ она въ 1860 г. составила $^5/_6$ всей вывозной торговли, какъ она черезъ нѣсколько лѣтъ снова расширится чрезъ расширеніе рынка, въ особенности Индіи, и чрезъ вынужденіе достаточной пошлины на привозъ хлопчатой бумаги, въ 6 пенсовъ съ фунта“. Онъ продолжаетъ: „Время—одинъ, два, три года, быть можетъ,—произведетъ требуемое количество... Я могъ бы тогда поставить вопросъ, *стоитъ-ли труда держать машины* (т. е. *живыя* рабочія машины) *въ порядкѣ, и не есть-ли величайшая глупость думать о томъ, чтобы ихъ убрать?* Я думаю такъ. Я допущу, что *рабочіе не суть собственность, не собственность Ланкашира и хозяевъ*; но они сила обоихъ: они умственная и прошколенная сила, которую нельзя замѣнить въ одномъ поколѣніи; другія же машины, напротивъ, на которыхъ они работаютъ, можно было бы, большею частью, *съ выгодой замѣстить и улучшить въ 12 мѣсяцевъ* [2]). *Если будетъ поощре-*

[1]) Это „письмо можетъ быть разсматриваемо, какъ манифестъ мануфактуристовъ“. (Ferrand: Motion over the cotton famine, Sitzung des k. o. C. vom 27 April 1863).

[2]) Не трудно вспомнить, что тотъ же капиталъ свиститъ изъ другой дудки при обыкновенныхъ условіяхъ, когда требуется понизить заработную плату. Тогда объявляютъ „мастера“ одногласно: „фабричные рабочіе должны держать въ благодѣтельномъ воспоминаніи, что ихъ работа въ дѣйствительности есть *низшій сортъ* ловкой работы; что никакая другая легче не усваивается и въ виду ея качества лучше не вознаграждается, и что никакая другая не можетъ быть доставлена *въ столь короткое время* при помощи простого обученія менѣе опытныхъ. Машины „мастера“ (тѣ, которыя, какъ мы только что слышали, въ 12 мѣсяцевъ могутъ быть съ выгодою замѣнены улучшенными) играютъ въ дѣйствительности гораздо болѣе важную роль въ дѣлѣ производства, нежели работы и ловкость рабочаго (которыхъ нельзя замѣнить въ 30 лѣтъ), которые получаютъ воспитаніе въ 5 мѣсяцевъ, какому можетъ выучиться всякій крестьянинъ“.

*на или дозволена (!) эмиграція рабочей силы, то что̀ станется съ капиталистомъ?...* Примите раму рабочаго прочь, и постоянный капиталъ обезцѣнится въ высокой степени, а оборотный не станетъ подвергать себя борьбѣ съ малымъ предложеніемъ низкаго сорта работы... Намъ говорятъ: *рабочіе сами желаютъ эмиграціи*. Весьма естественно, что они это дѣлаютъ... Уменьшите, сожмите хлопчатобумажное дѣло *отнятіемъ его рабочей силы*, уменьшеніемъ его расхода на заработную плату на треть или на 5 милл., и что̀ произойдетъ тогда изъ ближайшаго класса надъ ними—мелкихъ лавочниковъ? Что̀—изъ поземельной ренты, что̀—изъ наемной платы за коттеджи? Что̀—изъ мелкаго фермера, изъ лучшаго домовладѣльца, изъ землевладѣльца? И пусть скажутъ можетъ-ли быть какой-либо планъ для всѣхъ классовъ страны болѣе самоубійственнымъ, какъ этотъ, ослабить націю *вывозомъ ея лучшихъ фабричныхъ рабочихъ* и обезцѣненіемъ части ея производительнаго капитала и богатства?"—„Я совѣтую заключить заемъ въ 5—6 милліоновъ, администрируемый спеціальными коммиссарами, причисленный къ управленіямъ надъ бѣдными въ хлопчатобумажныхъ округахъ, съ извѣстной *принудительной работой*, чтобы поддержать моральное значеніе въ получателяхъ милостыни. *Можетъ-ли существовать нѣчто худшее для землевладѣльцевъ или „мастеровъ"*, какъ то, что ихъ лучшихъ рабочихъ отберутъ, *а остальныхъ деморализируютъ и обидятъ*, при помощи широкой, опустошительной эмиграціи и опустошенія цѣнности и богатства-капитала въ цѣлой провинціи?"

Поттеръ, избранный органъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ, различаетъ двоякія „*машины*", каждая изъ которыхъ принадлежитъ капиталисту, и изъ которыхъ одна стоитъ въ его фабрикѣ, а другая ночью и по воскресеньямъ живетъ внѣ фабрики, въ коттеджахъ. Одна мертва, другая жива. Мертвая машина ухудшается и обезцѣняется не только ежедневно, но изъ существующей ихъ массы бо̀льшая часть постоянно настолько состарѣвается, благодаря постоянному технологическому прогрессу, что съ выгодой и въ немногіе мѣсяцы замѣняется новыми машинами. Живая машина, наоборотъ, улучшается, и чѣмъ больше она держится, тѣмъ больше накопляетъ въ себѣ ловкости поколѣній. „Times" отвѣчалъ магнатамъ фабрикъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Г. Поттеръ настолько проникнутъ чрезвычайной и абсолютной важностью *хлопчатобумажныхъ мастеровъ*, что онъ, чтобы сохранить этотъ классъ и увѣковѣчить его промыселъ, желаетъ запереть противъ ихъ воли полмилліона рабочихъ въ великій моральный *рабочій домъ*. Стоитъ-ли эта промышленность удержанія? спрашиваетъ г. Поттеръ. Конечно, всякими честными средствами! отвѣчаемъ мы. Стоитъ-ли труда содержать въ порядкѣ машины? спрашиваетъ снова г. Пот-

теръ. Тутъ мы приходимъ втупикъ. Подъ *машинами* г. Поттеръ разумѣетъ *человѣческія машины*, относительно которыхъ онъ клянется, что *онѣ ихъ не желаетъ считать за абсолютную собственность*. Мы должны сознаться, мы не считаемъ „стоющимъ труда“ или даже возможнымъ держать въ порядкѣ человѣческія машины, т. е. запирать и мазать ихъ масломъ, пока онѣ не понадобятся. Человѣческія машины имѣютъ свойство въ теченіе бездѣятельности ржавѣть,—вы можете, сколько хотите, мазать ихъ или тереть. Къ тому же человѣческія машины, какъ учитъ насъ настоящая очевидность, въ состояніи изъ собственныхъ штукъ издавать паръ и лопаться и пронеистовствовать пляску св. Витта въ нашихъ большихъ городахъ. Можетъ, какъ говоритъ г. Поттеръ, *потребоваться продолжительное время на воспроизведеніе рабочихъ*, но съ машинистами и деньгами въ рукахъ мы всегда найдемъ дѣловыхъ, твердыхъ, индустріальныхъ людей, *чтобы сфабриковать больше фабричныхъ мастеровъ, чѣмъ мы когда-либо можемъ нуждаться*... Г. Поттеръ болтаетъ о возрожденіи индустріи въ 1, 2. 3 года и требуетъ отъ насъ не поощрять, или не *дозволять* эмиграціи! Онъ говоритъ, естественно, что рабочіе желаютъ эмигрировать, но онъ полагаетъ, что нація этихъ полмилліона рабочихъ съ 700.000 съ ними соприкасающихся, *вопреки ихъ желанію*, запрётъ въ хлопчатобумажные округа,—необходимое послѣдствіе уничтоженія насиліемъ ихъ неудовольствія,—и самимъ имъ дастъ возможность отсрочивать жизнь милостыней, — все это въ тѣхъ видахъ, что хлопчатобумажнымъ мастерамъ они могутъ въ одинъ прекрасный день снова понадобиться... Пришло время, когда общественное мнѣніе этихъ острововъ должно сдѣлать нѣчто, чтобы „*эту рабочую силу*“ спасти отъ тѣхъ, которые хотятъ съ ней обращаться, какъ съ углемъ, желѣзомъ и хлопкомъ“ [1]).

Статья *Times'a* была лишь jeu d'esprit. „Великое общественное мнѣніе“ было въ дѣйствительности мнѣнія г. Поттера, что фабричные рабочіе суть *мебельная принадлежность фабрикъ*. Ихъ эмиграціи воспрепятствовали [2]). Ихъ заперли въ „моральный рабочій домъ“ хлопчатобумажныхъ округовъ, и они по прежнему образуютъ „силу хлопчатобумажныхъ мастеровъ Ланкашира“.

[1]) Times, 24 March 1863.

[2]) Парламентъ не вотировалъ ни фартинга для эмиграціи, а только законы, дававшіе муниципалитетамъ возможность держать рабочихъ между жизнью и смертью, или эксплуатировать ихъ. безъ платежа нормальной заработной платы. Когда, напротивъ, черезъ три года возникла чума на скотъ, то парламентъ разбилъ даже весь парламентскій этикетъ и вотировалъ въ мигъ милліоны, чтобы вознаградить за вредъ милліонеровъ-лендлордовъ, фермеры которыхъ и безъ того, вслѣдствіе повышенія цѣнъ на мясо, держались безъ вреда. Скотской ревъ землевладѣльцевъ при открытіи парламента 1866 г. доказалъ. что не нужно быть ни индусомъ. чтобы молиться коровѣ Сабалѣ, ни Юпитеромъ, чтобы превратиться въ быка.

Въ цѣломъ можно утверждать, что капиталистическое производство постоянно воспроизводитъ и раздѣленіе между рабочею силою и условіями труда. Оно воспроизводитъ и тѣмъ увѣковѣчиваетъ условія эксплуатаціи рабочаго. Оно *постоянно* принуждаетъ рабочаго къ продажѣ своей силы, чтобы жить [1]), и *постоянно* же даетъ возможность капиталисту покупать ее, чтобы получать прибавочную цѣнность. Это уже не только *случай*, который противопоставляетъ капиталиста и рабочаго, какъ покупателя и продавца, на товарномъ рынкѣ. Двойная мельница (игра) самаго процесса постоянно отбрасываетъ продавца своей рабочей силы назадъ, на товарный рынокъ, и постоянно превращаетъ его собственный продуктъ въ орудіе покупки другихъ. Въ дѣйствительности рабочій принадлежитъ капиталу прежде, чѣмъ онъ продалъ себя капиталисту. Его экономическое крѣпостное состояніе одновременно представляется и прикрывается періодическимъ возобновленіемъ его самопродажи, перемѣною его индивидуальнаго хозяина и колебаніемъ рыночной цѣны работы. Такимъ образомъ, будучи разсматриваемо, какъ процессъ простого воспроизведенія, капиталистическое производство создаетъ не только товаръ, не только прибавочную цѣнность, нѣтъ — оно производитъ и воспроизводитъ само капиталистическое отношеніе, т. е. на одной сторонѣ капиталиста, а на другой—наемнаго рабочаго.

Мы до сихъ поръ разсматривали, какъ образуется изъ капитала прибавочная цѣнность, теперь же обратимся къ изученію того, какъ изъ прибавочной цѣнности возникаетъ капиталъ. Употребленіе прибавочной цѣнности въ качествѣ капитала же или превращеніе прибавочной цѣнности обратно въ капиталъ есть *накопленіе капитала*

Капиталъ въ 60.000 рублей, состоящій изъ 48.000 постояннаго и 12.000 перемѣннаго капитала, при уровнѣ прибавочной цѣнности въ 100 %, произведетъ въ годъ 12.000 р. прибавочной цѣнности. Если эти 12.000 рублей не будутъ потреблены капиталистомъ лично, а снова пойдутъ въ дѣло, то первоначальный капиталъ возростетъ отъ 60.000 до 72.000 р., иными словами, онъ *накопится* на эту сумму.

Сумма цѣнности въ 12.000 рублей есть сумма цѣнности въ 12.000 рублей. Отъ этихъ денегъ не слышно и въ нихъ не видно, что онѣ— прибавочная цѣнность. Характеръ цѣнности, какъ прибавочной, показываетъ, какъ она пришла къ своему собственнику, но ничего не мѣняетъ въ природѣ цѣнности или денегъ.

Превращеніе этихъ 12.000 рублей въ капиталъ происходитъ совершенно такъ же, какъ и прежнихъ 60.000. Одна часть 12.000 р. будетъ обращена на покупку орудій и матеріаловъ, другая—на покупку добавочной рабочей силы. Но тѣ и другія должны уже нахо-

[1]) „L'ouvrier demandait de la subsistance pour vivre, le chef demandait travail pour gagner". (Sismondi. l. c., p. 91).

диться на рынкѣ, чтобы капиталистъ, или, лучше сказать, классъ капиталистовъ могъ купить ихъ здѣсь. Они и дѣйствительно уже находятся на рынкѣ, и не случайно, а необходимо, потому что та часть прибавочной цѣнности, которая не потребляется самимъ капиталистомъ (въ данномъ случаѣ 12.000 рублей), производится съ самаго же начала въ видѣ орудій труда, сырья, вспомогательныхъ матеріаловъ и т. д., т. е. въ видѣ матеріальныхъ составныхъ частей постояннаго и перемѣннаго капитала. Что же касается до требуемой прибавочной рабочей силы, то съ этою цѣлью могутъ быть до извѣстной степени экстенсивнѣе или интенсивнѣе занимаемы тѣ силы, которыя уже состоятъ на-лицо. Помимо этого, само капиталистическое производство доставляетъ увеличенному накопленію прибавочную рабочую силу, вводя на рынокъ различные возрастные классы дѣтей рабочаго, существованіе которыхъ начинаетъ теперь обезпечивать ихъ собственная заработная плата.

При употребленіи въ дѣло 12.000 рублей прибавочной цѣнности, получается новыхъ 2.400 р., а при употребленіи и этой суммы, получается еще 480 рублей и т. д., и т. д. Предположимъ пока, что распаденіе всѣхъ этихъ суммъ на постоянный и на оборотный капиталъ остается одно и то же. Такимъ-то образомъ, т. е. постояннымъ употребленіемъ вновь въ дѣло прироста прибавочной цѣнности, получается уже не простое, а *прогрессивное воспроизведеніе* или *накопленіе*.

Капиталистическій производственный процессъ превращаетъ принадлежащую съ самаго начала капиталисту сумму денегъ (въ силу какого титула она пріобрѣтена послѣднимъ, это пока насъ не интересуетъ) въ капиталъ, а слѣдовательно,—въ источникъ прибавочной цѣнности. Эта сумма подвергается въ немъ извѣстнымъ измѣненіямъ, но сама она не представляетъ, согласно нашему первоначальному предположенію, результата этого процесса, а, напротивъ того, его исходный пунктъ. При *воспроизведеніи простомъ* или при непрерывномъ производственномъ процессѣ, то, что̀ является относительно рабочаго перемѣннымъ капиталомъ, есть часть прежняго продукта самого же рабочаго; но продуктъ этотъ постоянно принимаетъ одинъ и тотъ же видъ, благодаря тому, что рабочій первоначально продалъ капиталисту свою рабочую силу. Наконецъ, въ теченіе простого воспроизведенія вся затраченная впередъ цѣнность капитала замѣщалась мало-по-малу одною только прибавочною цѣнностью, не считая возвращенія самого капитала, или, говоря иначе, сумма прибавочной цѣнности, идущая на личное потребленіе капиталиста, въ нѣсколько лѣтъ могла достигнуть размѣровъ капитала; но подобная замѣна могла еще найти себѣ такое объясненіе, что самъ первоначальный фондъ возникъ изъ собственныхъ средствъ капиталиста. Совсѣмъ не то мы

наблюдаемъ по отношенію къ процессу *воспроизведенія прогрессивнаго*. Деньги или, что то же, средства существованія и орудія труда являются здѣсь не исходной точкой, какъ было при простомъ воспроизведеніи, а напротивъ, результатомъ самого процесса — капиталъ здѣсь производитъ уже не прибавочную только цѣнность, а самый капиталъ. Мѣна рабочей силы на капиталъ, которая, казалось, представляла первоначально обмѣнъ эквивалентовъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ терпитъ такое измѣненіе, что начинаетъ становиться мѣною только съ виду, такъ какъ, во-первыхъ, часть капитала, идущая въ обмѣнъ за рабочую силу, есть сама лишь часть вчерашняго *прибавочнаго* продукта и, во-вторыхъ, не только замѣщается своимъ производителемъ, но замѣщается съ *новымъ избыткомъ*. Отношеніе обмѣна между капиталомъ и рабочею силою становится теперь не больше, какъ миражемъ процесса обращенія, лишенной содержанія формою! Постоянная продажа и покупка рабочей силы есть форма. Содержаніе ея въ томъ, что капиталистъ одну часть уже осуществившейся чужой работы, которую онъ безпрерывно усваиваетъ себѣ безъ эквивалента, постоянно снова обращаетъ въ большее количество живой чужой работы. Первоначальное право собственности являлось намъ основаннымъ на собственномъ трудѣ. По меньшей мѣрѣ, это представленіе должно было имѣть значеніе тогда, когда противостояли другъ другу два равноправные товаровладѣльца, причемъ средствомъ къ усвоенію чужого товара служило только отчужденіе собственнаго товара, а послѣдній производится только трудомъ. Теперь же собственность является на сторонѣ капиталиста, какъ право на чужую неоплаченную работу или ея продуктъ, на сторонѣ рабочаго, —какъ невозможность усвоить себѣ собственный продуктъ. Раздѣленіе между собственностью и трудомъ становится необходимымъ послѣдствіемъ закона, который исходитъ, повидимому, изъ ихъ тождества. Читатель видѣлъ, что даже при простомъ воспроизведеніи весь затраченный капиталъ, какъ бы онъ ни былъ первоначально пріобрѣтенъ, превращается въ накопленный капиталъ или въ капитализированную прибавочную цѣнность. Но въ потокѣ производства вообще весь первоначально затраченный капиталъ представляетъ ничтожнѣйшую величину въ сравненіи съ прямо накопленнымъ капиталомъ, т. е. съ превращенной обратно въ капиталъ прибавочною цѣнностью или прибавочнымъ продуктомъ, функціонирующимъ или въ накопляющихъ рукахъ, или въ чужихъ рукахъ. Поэтому политическая экономія представляетъ капиталъ, какъ „накопленное богатство (превращенную прибавочную цѣнность или доходъ), которое снова обращается въ производство прибавочной цѣнности“, или также капиталиста, какъ „владѣльца прибавочнаго продукта“. Тотъ же способъ воззрѣнія обладаетъ также другою формою въ выраженіи, что весь

существующій капиталъ есть накопленный или капитализированный процентъ, такъ какъ процентъ есть просто дробь прибавочной цѣнности.

Классики-экономисты (Ад. Смитъ, Рикардо и другіе) ошибались весьма сильно, когда полагали, что „часть дохода, о которой говорится, что она присоединяется къ капиталу, потребляется производительными рабочими". Съ этой точки зрѣнія всякая прибавочная цѣнность, превращаемая въ капиталъ, становилась бы *однимъ* только перемѣннымъ капиталомъ. Но мы знаемъ, что, подобно первоначально затраченной суммѣ денегъ, дальнѣйшая прибавочная цѣнность снова подраздѣляется въ производствѣ на перемѣнный и на *постоянный* капиталъ. Ад. Смитъ, путемъ невѣрнаго анализа, приходитъ къ не менѣе ложному выводу, что, хотя индивидуальный капиталъ и распадается на постоянную и на перемѣнную составныя части, но что общественный капиталъ переходитъ только въ перемѣнный капиталъ и расходуется только на платежъ задѣльной платы. Такъ, напр., разсуждаетъ Ад. Смитъ, суконный фабрикантъ превращаетъ 12.000 р. въ капиталъ. Онъ расходуетъ часть денегъ на наемъ ткачей, другую на пряжу, машины и пр. Но люди, у которыхъ онъ купилъ пряжу, машины и пр., опять-таки платятъ часть этого своимъ рабочимъ и т. д., пока всѣ 12.000 р. не пойдутъ въ уплату рабочимъ и пока весь продуктъ въ 12.000 р. не будетъ потребленъ *производительными* рабочими. Но не трудно видѣть, что вся сила аргумента здѣсь заключается въ словахъ *и т. д.*, и Смитъ прекращаетъ изслѣдованіе какъ разъ тамъ, гдѣ начинается его трудность. Это замѣчаніе окажетъ намъ нѣкоторую услугу ниже, при ближайшемъ изученіи процесса накопленія капитала.

Говоря выше о простомъ воспроизведеніи, мы разсматривали прибавочную цѣнность только какъ фондъ потребленія самого капиталиста, а потомъ, перейдя къ прогрессивному воспроизведенію, мы стали разсматривать ее исключительно какъ фондъ накопленія. Въ дѣйствительности она и то, и другое вмѣстѣ: часть ея потребляетъ самъ капиталистъ, другую же превращаетъ въ капиталъ, т. е. накопляетъ. При данной массѣ прибавочной цѣнности, величина накопленія, очевидно, зависитъ отъ раздѣла прибавочной цѣнности на фондъ накопленія и фондъ потребленія, на капиталъ и доходъ. Чѣмъ больше одна часть, тѣмъ меньше другая. Масса прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта, слѣдовательно, располагаемаго богатства страны, которое можетъ быть превращено въ капиталъ, постоянно бываетъ больше, чѣмъ дѣйствительно превращаемая въ капиталъ часть прибавочной цѣнности. Чѣмъ больше развито капиталистическое производство, чѣмъ быстрѣе и массивнѣе идетъ накопленіе, чѣмъ богаче страна, тѣмъ колоссальнѣе расточеніе и роскошь, тѣмъ, слѣдовательно, больше и разность между всею прибавочною цѣн-

ностью и тою, которая поступаетъ въ капиталъ. Оставляя въ сторонѣ годичный приростъ богатства, фондъ потребленія капиталиста обладаетъ, какъ постепенно потребляемое богатство, отчасти естественными формами, въ которыхъ онъ могъ бы непосредственно функціонировать какъ капиталъ. Къ существующимъ элементамъ богатства, которыя могли бы функціонировать въ производствѣ, причисляются всѣ рабочія силы, которыя или вовсе не потребляются, или потребляются на чисто условно-личныя, часто безчестныя оказанія услугъ. Пропорція, въ которой прибавочная цѣнность раздѣляется на капиталъ и доходъ, безпрерывно измѣняется и находится подъ господствомъ обстоятельствъ, которыя здѣсь не приходится развивать дальше. Поэтому-то употребляемый въ странѣ капиталъ не есть величина постоянная, а напротивъ, весьма эластическая и перемѣнная дробь существующаго богатства, которая можетъ функціонировать какъ капиталъ. Такъ какъ постоянное усвоеніе произведенной рабочимъ прибавочной цѣнности является для капиталиста въ качествѣ періодическаго принесенія плодовъ его капитала, или продукта чужого труда, который онъ захватываетъ безъ всякаго эквивалента и образуетъ періодическій приростъ его частнаго имущества, то естественно, что и раздѣленіе этой прибавочной цѣнности на дополнительный капиталъ и фондъ потребленія производится актомъ его свободной воли.

Лишь насколько капиталистъ есть олицетворенный капиталъ, онъ имѣетъ историческую цѣнность и то историческое право существованія, которое, какъ говоритъ остроумный Лихновскій, не имѣетъ никакого числа мѣсяца. Лишь настолько его собственная переходная необходимость заключается въ переходной необходимости капиталистическаго способа производства. Но настолько же двигающій имъ стимулъ состоитъ не въ цѣнности потребленія и въ пользованіи, а въ мѣновой цѣнности и въ увеличеніи ея. Въ качествѣ фанатика увеличенія цѣнности, онъ безцеремонно принуждаетъ человѣчество къ производству ради производства, поэтому къ развитію общественныхъ производительныхъ силъ и къ созданію матеріальныхъ условій производства, которыя одни только и могутъ образовать реальную основу высшей формы общества, которой основной принципъ есть полное и свободное развитіе каждаго индивидуума. Капиталистъ только въ качествѣ олицетворителя капитала представляетъ уважаемую особу, въ качествѣ которой онъ раздѣляетъ съ образователемъ сокровищъ абсолютное стремленіе къ обогащенію. Сверхъ того, сами внутренніе законы капиталистическаго способа производства, которое каждому индивидуальному капиталисту октроируетъ соперничество, какъ опытный принудительный законъ, принуждаетъ его постоянно защищать свой капиталъ, чтобы сохранить его за собою. Поэтому капиталистъ имѣетъ наклонность смотрѣть на свое личное по-

требленіе, какъ на зловредный вычетъ изъ накопленія своего капитала, подобно тому, какъ въ двойной бухгалтеріи частные расходы фигурируютъ на сторонѣ дебета капиталиста капиталу. Но съ развитіемъ капитализма владѣлецъ капитала начинаетъ въ этомъ отношеніи нѣсколько вольничать и распускаться. Личное потребленіе онъ ставитъ теперь такъ высоко, что, наоборотъ, самое накопленіе считаетъ за воздержаніе или за отреченіе отъ личнаго потребленія. Курсель-Сенель въ своемъ курсѣ политической экономіи такъ прямо и говоритъ: „сохраненіе капитала требуетъ... постояннаго усилія для сопротивленія покушенію потребить его". То же читаемъ у Молинари: „лишеніе, которое возлагаетъ на себя капиталистъ, когда отдаетъ свои орудія производства взаймы рабочему, вмѣсто того, чтобы посвятить ихъ цѣнность своему собственному потребленію, превращая ее въ полезные и пріятные предметы"... Какимъ образомъ можетъ устроить это не отдѣльный только капиталистъ, а цѣлый классъ капиталистовъ, которому пришлось бы для этой цѣли „лично потребить" столь пріятные предметы, какъ рельсы, шпалы, локомотивы и прядильные станки, не говоря обо всемъ прочемъ,—это составляетъ упорно сохраняемую вульгарною экономіею тайну.

Въ историческія начала капиталистическаго способа производства (всякій капиталистическій *parvenu* продѣлываетъ эту историческую стадію индивидуально) господствуютъ стремленіе къ обогащенію и скупость, какъ абсолютныя страсти. Но и прогрессъ капиталистическаго производства создаетъ не только міръ удовольствій. Онъ открываетъ съ спекуляціею и кредитнымъ дѣломъ тысячи источниковъ внезапнаго обогащенія. На извѣстной высотѣ развитія условная степень расточительности, которая является одновременно выставкой богатства и орудіемъ кредита, становится даже необходимостью для предпріятія „несчастнаго" капиталиста. Роскошь составляетъ издержки представительства капитала. Безъ этого капиталистъ не обогащается, подобно образователю сокровищъ, по отношенію къ своей личной работѣ и къ своему личному непотребленію, и только въ той мѣрѣ, въ какой онъ высасываетъ чужую рабочую силу и вынуждаетъ у рабочаго отреченіе отъ всѣхъ жизненныхъ удовольствій. Поэтому, расточительность капиталиста никогда не обладаетъ характеромъ *bona fide* подвижного феодальнаго барона,—такъ какъ на ея заднемъ планѣ скорѣе всегда подстерегаетъ грязнѣйшая скупость, безпокойнѣйшій разсчетъ, который возрастаетъ съ накопленіемъ, безъ того, чтобы ни одно, ни другое не нуждались въ подрывѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой груди индивидуума капиталиста развивается фаустово столкновеніе между стремленіями къ накопленію и къ наслажденію.

„Индустрія Манчестера", говорится въ одномъ сочиненіи, публи-

кованномъ Айкиномъ въ 1795 году, „можетъ быть раздѣлена на четыре періода. Въ первой фабриканты были вынуждены тяжко работать для своего жизненнаго содержанія“. Они обогащались особенно чрезъ обкрадываніе родителей, которые отдавали имъ подростковъ въ подмастерья и за это должны были дорого платить, между тѣмъ какъ подростковъ держали въ голодѣ. Съ другой стороны, средніе доходы были низки и накопленіе требовало большой бережливости. Они жили подобно собирателямъ сокровищъ и далеко не потребляли даже процентовъ съ своего капитала. „Во второй періодъ они начали пріобрѣтать маленькія имущества, работали же столь же настойчиво, какъ и прежде“, такъ какъ непосредственно эксплуатація работы требуетъ работы, какъ извѣстно каждому погонщику рабовъ, и жили по прежнему въ томъ же самомъ умѣренномъ стилѣ. „Въ третій періодъ возникла роскошь, и дѣло было расширено посылкою конныхъ commis-voyageurs для исполненія заказовъ въ каждый рыночный городъ королевства“. Вѣроятно, въ 1690 году существовали лишь немногіе капиталы отъ 3.000 до 4.000 ф. стерл., пріобрѣтенные индустріей, если еще существовали. Но около этого времени или немногимъ позже индустріалисты уже накопили денегъ и начали выводить каменные дома, вмѣсто деревянныхъ и штукатурныхъ. Еще въ первыя десятилѣтія XVIII столѣтія манчестерскій фабрикантъ, предложившій своимъ гостямъ пинту чужеземнаго вина, подвергался толкамъ и качанію головъ всѣхъ своихъ сосѣдей. До появленія машинъ вечернее потребленіе фабрикантовъ въ трактирахъ, гдѣ они находились вмѣстѣ, никогда не превышало 6 пенсовъ за стаканъ пуншу и 1 пенса за свертокъ табаку. Только въ 1758 г.,—и это сдѣлало эпоху,—увидѣли „личность, занимавшуюся дѣломъ, съ собственнымъ экипажемъ!“ „Четвертый періодъ“, послѣдняя треть XVIII столѣтія, „есть періодъ большой расточительности и роскоши, поддерживаемыхъ расширеніемъ дѣлъ“ [1]). Что сказалъ бы добрый д-ръ Айкинъ, еслибы воскресъ въ Манчестерѣ теперь?

Накопляйте, накопляйте! Въ томъ Моисей и пророки! „Индустрія доставляетъ матеріалъ, который накопляетъ бережливость“ [2]). Итакъ, сберегайте, сберегайте, т. е. превращайте возможно бо́льшую часть прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта въ капиталъ! Накопленіе ради накопленія, производство ради производства,—въ этой формулѣ высказала классическая экономія историческое призваніе буржуазнаго періода. Она ни на мигъ не обманулась относительно родильныхъ мукъ богатства [3]), но что значитъ жалость объ историче-

[1]) D-r Aikin. Description of the Country from 30 to 40 miles round Manchester. Lond. 1745, p. 182 sqq.

[2]) A. Smith. l. c., b. III, ch. III.

[3]) Даже Ж. Б. Сэй говоритъ: „сбереженія богатыхъ совершаются на счетъ бѣдныхъ“. „Римскій пролетарій жилъ почти исключительно на счетъ общества..

ской необходимости? Если классической экономіи пролетарій представлялся только какъ машина для производства прибавочной цѣнности, то и капиталистъ былъ въ ея глазахъ не болѣе какъ машиной для превращенія это прибавочной цѣнности въ прибавочный капиталъ. Она беретъ свою историческую функцію съ горькою серьезностью. Чтобы облегчить свою грудь отъ столкновенія между стремленіемъ наслаждаться и стремленіемъ обогащаться, Мальтусъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія защищалъ раздѣленіе труда, которое указало бы дѣйствительно занятому производствомъ капиталисту—накопленіе, другимъ же участникамъ въ прибавочной цѣнности—поземельной аристократіи, государственнымъ и церковнымъ пенсіонерамъ — занятіе расточительностью. „Представляетъ величайшую важность“, говоритъ онъ [1]), „держать въ отдѣльности страсть къ расходованію и страсть къ накопленію“. Гг. капиталисты, превратившись издавна въ людей жизни и свѣта, раскричались на это. Какъ это такъ, восклицалъ одинъ изъ ихъ ораторовъ, рикардіанецъ, г. Мальтусъ проповѣдуетъ высокую поземельную ренту, высокіе налоги и пр., чтобы непрерывно запускать индустріалисту иголку непроизводительныхъ потребителей! Конечно, производство, производство на постоянно расширяемой основѣ, звучитъ шиболетъ, но „производство будетъ подобнымъ процессомъ скорѣе задержано, чѣмъ поощрено. Точно также, не совсѣмъ-то одобрительно содержать такимъ образомъ извѣстное число людей въ праздности только для того, чтобы защемить другихъ, изъ характера которыхъ можно заключить, что если вы ихъ можете принудить функціонировать, то они будутъ функціонировать успѣшно [2])“. Находя столь неодобрительнымъ подкалывать индустріалиста къ накопленію тѣмъ, что у него вычерпываютъ жиръ изъ супа, съ такою же необходимостью авторъ находитъ, что рабочаго нужно по возможности ограничивать, „чтобы сохранить его трудолюбивымъ“. Также онъ не скрываетъ ни на мигъ, что присвоеніе неоплаченной работы есть тайна наживательства. „Увеличенный спросъ со стороны рабочихъ вовсе не означаетъ ничего, кромѣ ихъ наклонности брать для себя самихъ изъ своего собственнаго продукта менѣе а, бо́льшую часть его предоставить своимъ хозяевамъ, и если говорятъ, что это произошло чрезъ уменьшеніе потребленія (со стороны рабочихъ) и что это-же производитъ загроможденіе рынковъ или перепроизводство, то я могу лишь отвѣтить, что перепроизводство есть синонимъ высокой прибыли [3])“.

Почти можно бы сказать, что новѣйшее общество живетъ на счетъ пролетаріевъ, изъ той части, которую оно вычитаетъ изъ ихъ заработной платы“ (Sismondi, „Etudes etc.“, t. I, p. 24).

[1]) Malthus, l. c., p. 319, 320.

[2]) „An Inquiry into those principles respecting the Nature of Demand etc.“, p. 67.

[3]) L. c., p. 50.

Ученое прекаиіе о томъ, какъ наиболѣе выгодно распредѣлить выкаченную изъ рабочаго добычу для накопленія между индустріальнымъ капиталистомъ и праздным землевладѣльцемъ и пр., замолкло передъ іюльской революціей. Вскорѣ послѣ того пробилъ городской пролетаріатъ въ колоколъ бури въ Ліонѣ, а сельскій пролетаріатъ въ Англіи пустилъ летать краснаго пѣтуха. По одну сторону канала свирѣпствовалъ оуэнизмъ, по другую—с.-симонизмъ и фурьеризмъ. Именно за годъ до того, какъ Нассау Сеніоръ нашелъ въ Манчестерѣ, что прибыль (со включеніемъ процента) съ капитала составляетъ продуктъ „послѣдняго двѣнадцатаго рабочаго часа", онъ огласилъ міру новое свое открытіе. „Я", сказалъ онъ торжественно, „замѣняю слово капиталъ, разсматриваемое какъ орудіе производства, словомъ *воздержаніе*".

Не превосходимый образчикъ „открытій" вульгарной экономіи! Она замѣняетъ экономическую категорію сикофантскою фразой, вотъ и все. „Если дикарь", учитъ Сеніоръ, „фабрикуетъ луки, то онъ отправляетъ промышленность, но не отправляетъ воздержанія". Это объясняетъ намъ, какъ и почему въ болѣе раннихъ состояніяхъ общества орудія труда фабриковались безъ воздержанія капиталиста, „чѣмъ болѣе общество идетъ впередъ, тѣмъ болѣе воздержанія требуется ему" [1]), именно отъ тѣхъ, которые отправляютъ индустрію присваивать себѣ чужую индустрію и ея продуктъ. Всѣ условія рабочаго процесса превращаются съ этого момента въ столько же практикъ воздержанія капиталиста.

Въ различнѣйшихъ экономическихъ общественныхъ формаціяхъ встрѣчается не одно только простое воспроизведеніе, но также, хотя и въ различномъ размѣрѣ, *воспроизведеніе на болѣе широкой ступени*. Прогрессивно производится болѣе и потребляется болѣе, а также превращается болѣе продукта въ средства производства. Этотъ процессъ, однако, не проявляется какъ накопленіе капитала и потому какъ функція капиталиста, пока рабочему не противостоятъ, поэтому, его продуктъ и его средства существованія въ формѣ капитала [2]). Нѣсколько

[1]) Senior: „Principes fondamentaux de l'économ. polit." Paris, 1835, p. 308. Это было для послѣдователей классической школы нѣсколько глупо. „Г. Сеніоръ приписываетъ выраженію „трудъ и капиталъ" выраженіе „трудъ и воздержаніе..." Воздержаніе есть простое отрицаніе. Не отрицаніе, а употребленіе производительно затраченнаго капитала образуетъ источникъ прибыли" (John Cozenove, p. 130, Note). Джонъ Стюартъ Милль, напротивъ, извлекаетъ на одной страницѣ теорію прибыли Рикардо, а на другой усваиваетъ „вознагражденіе за воздержаніе" Сеніора.

[2]) „Частные классы дохода, которые всего изобильнѣе способствуютъ прогрессу національнаго капитала, измѣняются на различныхъ ступеняхъ его прогресса и поэтому вполнѣ различны у націй, занимающихъ различныя положенія въ этомъ прогрессѣ... Прибыль... не важный источникъ накопленія, сравнительно съ задѣльною платою и рентою на раннихъ ступеняхъ общества... Когда

лѣтъ назадъ умершій Ричардъ Джонасъ, наслѣдникъ Мальтуса по каоедрѣ политической экономіи въ Герфордѣ, изслѣдуетъ это хорошо на двухъ великихъ фактахъ. Такъ какъ многочисленная часть индѣйскаго народа является самостоятельными хозяевами-крестьянами, то ихъ продуктъ, ихъ жизненныя средства никогда не существуютъ „въ формѣ фонда, который сбереженъ изъ чужого дохода и потому прошелъ чрезъ предварительный процессъ накопленія“ [1]). Съ другой стороны, не землевладѣльческіе рабочіе въ провинціяхъ, гдѣ англійское господство всего менѣе разрѣшило старую систему, непосредственно занимаются знатными, къ которымъ притекаетъ часть поземельнаго прибавочнаго продукта въ качествѣ продукта или поземельной ренты. Часть этого продукта потребляется знатными въ естественной своей формѣ, а другая часть превращается для нихъ рабочими въ предметы роскоши и въ другіе предметы потребленія, тогда какъ остальное образуетъ заработную плату рабочихъ, которые обладаютъ въ собственность своими рабочими инструментами. Производство и воспроизведеніе на болѣе широкой ступени идутъ здѣсь своимъ путемъ безъ всякаго вмѣшательства чудеснаго святого, рыцаря печальнаго образа, „воздерживающагося“ капиталиста.

Мы разсматривали до сихъ поръ массу прибавочной цѣнности, какъ опредѣленную величину. Въ этомъ случаѣ ея пропорціональное дѣленіе на доходъ и прибавочный капиталъ опредѣляло объемъ накопленія. Но послѣднее измѣняется и независимо отъ этого дѣленія *съ перемѣною въ величинѣ самой прибавочной цѣнности.*

Читатель помнитъ, какую роль играетъ въ производствѣ прибавочной цѣнности степень эксплуатаціи труда. Политическая экономія цѣнитъ эту роль такъ сильно, что она кое-гдѣ отождествляетъ ускореніе накопленія при помощи *повышенной производительной силы труда* съ ускореніемъ его *при помощи усиленной эксплуатаціи рабочаго* [2]). Въ отдѣлахъ о производствѣ прибавочной цѣнности было постоянно поддерживаемо, что заработная плата, по меньшей мѣрѣ,

дѣйствительно наступало значительное повышеніе силъ національной промышленности, то прибыль возрастала съ сравнительною важностью, какъ источникъ накопленія“ (R. Jones, „Textbook etc.“, p. 16, 21).

[1]) L. c., p. 36, 39.

[2]) Рикардо говоритъ: „въ различныхъ стадіяхъ общества накопленіе капитала или средствъ употреблять трудъ (т. е. эксплуатировать) болѣе или менѣе быстро и должно во всѣхъ случаяхъ зависѣть отъ производительныхъ силъ работы. Производительныя силы работы вообще всего больше тамъ, гдѣ существуетъ изобиліе плодородной почвы“. Если въ этой сентенціи производительныя силы труда обозначаютъ малость пропорціональной части каждаго продукта, которая достается тѣмъ, чья ручная работа его производитъ, то положеніе тавтологично, такъ какъ остальная часть фонда еще та, откуда, если желательно ея владѣльцу, можетъ быть накопленъ капиталъ. Но это, большею частью, не случается тамъ, гдѣ земля всего плодороднѣе“ (Дж. Ст. Милль. Observations on certain verbal disputes etc., p. 74, 75).

равна *цѣнности рабочей силы*. Дальше было показано, что заработная плата, какъ по своей цѣнности, такъ и по массѣ жизненныхъ припасовъ, которую она представляетъ, можетъ *возрастать* при *возрастающей степени эксплуатаціи рабочаго*. Въ практическомъ движеніи капитала, однако, прибавочная цѣнность также производится *насильственнымъ пониженіемъ заработной платы ниже цѣнности рабочей силы*. Фактически такимъ образомъ *одна часть необходимаго фонда потребленія рабочаго превращается въ фондъ накопленія капитала*.

„Заработная плата", говоритъ Дж. Ст. Милль, „не имѣетъ никакой производительной силы. Заработная плата способствуетъ, наряду съ самымъ трудомъ, производству товаровъ столь же мало, какъ и цѣна машинъ наряду съ самими машинами. Еслибы *можно было имѣть работу безъ покупки*, то заработная плата сдѣлалась бы излишнею [1]). Еслибы рабочіе могли жить воздухомъ, то ихъ также нельзя было бы купить *ни за какую цѣну*. Ихъ *ничего не стоимость* есть, слѣдовательно, граница въ математическомъ смыслѣ, постоянно недостижимая, хотя постоянно приближающаяся. Постоянная тенденція капитала состоитъ въ томъ, чтобы придавить ее къ этой нигилистической точкѣ зрѣнія. Сочинитель XVIII столѣтія, авторъ „Essay on Trade and Commerce", измѣняетъ только внутреннѣйшей тайнѣ англійскаго капитала, когда объявляетъ исторической, жизненной задачей Англіи понизить англійскую заработную плату до французскаго и голландскаго уровня [2]). Онъ говоритъ наивно: „если же наши бѣдные (исключительное выраженіе для рабочихъ) хотятъ жить роскошно... то ихъ работа *естественно* должна быть *дорога*. Пусть разсмотрятъ только *поднимающую волосы на головѣ массу излишествъ*, которую потребляютъ наши мануфактурные рабочіе, каковы водка, джинъ, чай, сахаръ, чужеземные фрукты, крѣпкое пиво, крашеный холстъ, курительный и нюхательный табакъ и пр." [3]). Онъ цитируетъ сочиненіе одного фабриканта изъ Нортамптоншира, который стонетъ съ глазами, скошенными къ небу: „*Трудъ на цѣлую треть дешевле* во Франціи, чѣмъ въ Англіи, потому что французскіе рабочіе работаютъ тяжко и съ трудомъ получаютъ пищу и одежду, и главное ихъ потребленіе хлѣбъ, плоды, корни и сушеная рыба; такъ какъ они ѣдятъ очень рѣдко мясо,

[1]) J. St. Mill: „Essays on some unsettled Questions etc.", Lond. 1844, p. 90.

[2]) „An Essay on Trade and Commerce". Lond. 1770, p. 44. Подобно этому принесъ „Times" въ декабрѣ 1866 и въ январѣ 1867 гг. изліянія сердецъ англійскихъ владѣльцевъ рудниковъ, въ которыхъ описано блаженное состояніе бельгійскихъ рудокоповъ, которые больше ничего не желали и не получали, какъ строго необходимое для того, чтобы жить для своихъ „masters". Бельгійскіе рабочіе терпятъ много, фигурируя какъ образцовые рабочіе въ „Times"! Въ началѣ февраля 1867 г. отвѣтила на это задавленная порохомъ и пулями стачка бельгійскихъ рудокоповъ (при Марціеннѣ).

[3]) L. c., p. 46.

и когда пшеница дорога,—очень мало хлѣба [1]). „Къ чему", продолжаетъ авторъ Essays, „присоединяется еще и то, что ихъ напитокъ состоитъ изъ воды или другихъ *подобныхъ слабыхъ жидкостей*, такъ что они дѣйствительно удивительно мало издерживаютъ денегъ... Подобное состояніе вещей, разумѣется, трудно создать, но оно не недостижимо, что поразительно показываетъ его существованіе какъ во Франціи, такъ и въ Голландіи" [2]). Двумя десятилѣтіями позже преслѣдовалъ одинъ американскій гумбугъ, баронизированный янки Веніаминъ Томсонъ, ту же самую филантропическую линію съ большимъ самодовольствомъ передъ Богомъ и людьми. Его „Essays" представляютъ поваренную книгу съ рецептами всякаго рода, чтобы ставить суррогаты на мѣсто дорогихъ нормальныхъ родовъ пищи рабочаго. Особенно удачный рецептъ этого чудеснаго философа слѣдующій: „5 ф. ячменя, 5 ф. маиса, на три пенса селедокъ, на одинъ пенсъ соли, на одинъ пенсъ уксусу, на 2 пенса перцу и травъ—въ суммѣ $20^3/_4$ пенс. даетъ супъ для 64 человѣкъ, а по среднимъ цѣнамъ хлѣба можно понизить расходъ на человѣка еще на $^1/_4$ пенса" [3]).

Въ концѣ XVIII и въ первыя десятилѣтія XIX столѣтія англійскій фермеръ и лендлорды вынудили абсолютно-минимальную заработную плату, отдавая зеемледѣльческимъ поденщикамъ менѣе минимума въ формѣ заработка, остальное же въ формѣ поддержки отъ прихода. Вотъ примѣръ шутовства, съ какимъ англійскіе Dogberries поступали въ своемъ законномъ утвержденіи тарифовъ заработной платы: „когда сквайры утверждали рабочую плату Шпингамланда въ 1795 году, они уже отобѣдали, хотя полагали, очевидно, что рабочіе ни въ чемъ подобномъ не нуждались... Они рѣшили, что недѣльная заработная плата должна быть для мужчинъ 3 шилл., когда кусокъ хлѣ-

[1]) Фабрикантъ Нортамптоншира совершаетъ въ давленіи сердца извинительный pia fraus. Онъ сравниваетъ, повидимому, жизнь англійскихъ и французскихъ *мануфактурныхъ* рабочихъ, но описываетъ, какъ онъ самъ сознается въ своемъ заключеніи, цитируемыми выше словами французскихъ земледѣльческихъ рабочихъ.

[2]) L. c., p. 70.

[3]) Benjamin Thomson: „Essays, political, economical and philosophical etc.", 3 vol. Lond. 1796—1802. Въ своемъ „The State of the Poor, or an History of the Labouring Classes in England etc.", рекомендуетъ сэръ Эденъ съ самой лучшей стороны румфордовъ супъ для нищихъ смотрителямъ рабочихъ домовъ и безупречно увѣщеваетъ англійскихъ рабочихъ въ томъ, что „у шотландцевъ есть много семействъ, которыя, вмѣсто пшеницы, ржи и мяса, живутъ цѣлые мѣсяцы ячменной и овсяной мукой, и, къ тому же, весьма комфортабельно" (l. c., v. I, b. II, ch. II). Подобныя же указанія пальцами въ XIX столѣтіи. „Англійскіе земледѣльческіе рабочіе не хотятъ ѣсть никакихъ смѣсей различныхъ родовъ зеренъ. Въ Шотландіи, *гдѣ воспитаніе лучше*, этотъ предразсудокъ, вѣроятно, неизвѣстенъ" (C. Parry: „The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered". Lond. 1816, p. 69). Тотъ же Парри жалуется, однако, что англійскій рабочій теперь (1815) чрезвычайно понизился въ положеніи, сравнительно съ временемъ Эдена (1797).

ба въ 8 ф. 11 унцій стоитъ 1 шилл., и должна правильно возрастать, пока кусокъ хлѣба не будетъ стоить 1 шилл. 5 пенс. Какъ только онъ перешелъ за эту цѣну, заработная плата должна пропорціонально уменьшаться, пока цѣна хлѣба не дойдетъ до 2 шилл., и тогда пища рабочаго должна была стать на $^1/_5$ меньше, чѣмъ прежде“ [1]). Предъ комитетомъ изслѣдованія палаты лордовъ въ 1814 году спросили извѣстнаго фермера, магистрата, управляющаго домомъ для бѣдныхъ и регулятора задѣльной платы: „наблюдается-ли какая-нибудь пропорція между цѣнностью рабочаго дня и поддержкой отъ прихода рабочихъ?“ Да. Еженедѣльный доходъ каждаго семейства бываетъ дополняемъ, свыше его дневного заработка, до куска хлѣба (8 ф. 11 унцій) и 3 пенса на человѣка... Мы считаемъ такой кусокъ достаточнымъ для сохраненія всякаго семейства въ теченіе недѣли; и 3 пенса даются на платье, а если приходу угодно самому ставить платье, то 3 пенса вычитаются. Эта практика господствуетъ не только на всемъ западѣ Уильтшира, но, какъ я думаю, и во всей странѣ“ [2]). Итакъ, восклицаетъ буржуазный писатель того времени, „фермеры въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ унижали уважаемый классъ своихъ земляковъ, причемъ они ихъ принуждали находить себѣ прибѣжище въ рабочемъ домѣ... Фермеръ увеличилъ собственную свою прибыль, препятствуя со стороны рабочаго накопленія необходимѣйшихъ фондовъ потребленія“ [3]). Какую роль въ настоящее время играетъ прямой грабежъ необходимыхъ фондовъ потребленія рабочаго въ образованіи прибавочной цѣнности и поэтому въ фондахъ накопленія капитала, это показала такъ называемая домашняя работа. Дальнѣйшіе факты найдутся въ теченіе этой главы.

Въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ, между прочимъ, предполагалось, что общее количество прибавочной цѣнности представляетъ постоянную величину и, кромѣ того, что рабочая сила покупается по своей полной цѣнности. Въ дѣйствительности же масса прибавочной цѣнности непостоянна, и увеличеніе ея зависитъ, между прочимъ, отъ покупки труда ниже его цѣнности. Этимъ путемъ процессъ накопленія происходитъ, частью, на счетъ необходимаго потребленія рабочихъ и совершенно независимо отъ того, какъ раздѣляется прибавочная цѣнность,—на дополнительный капиталъ и на фондъ потребленія капиталиста. На этомъ основываются, наприм., частыя жалобы писателей

[1]) G. B. Newnham: „A Review of the Evidence before the Committees of the two Houses of Parliament on the Cornlaws“. Lond. 1845, p. 20. Note.

[2]) L. c.

[3]) Ch. H. Parry, l. c., p. 78. Сами господа лендлорды съ своей стороны „вознаградили“ себя не только за анти-якобинскую войну, которую они вели именемъ Англіи, но и громадно обогатились. „Ихъ ренты удвоились, утроились, учетверились и въ исключительныхъ случаяхъ ушестерились въ 18 лѣтъ“ (l. c., p. 100, 101).

(особенно въ XVIII вѣкѣ) на то, что англійскіе рабочіе гораздо дороже французскихъ, что они потребляютъ такіе предметы роскоши, какъ мясо, чай, табакъ, сахаръ, крѣпкое вино, холстъ и проч., тогда какъ французскіе живутъ больше растительною пищею, пьютъ воду и подобныя слабыя жидкости и потому стоютъ гораздо дешевле.

Эластичность рабочей силы или способность ея внутри извѣстныхъ границъ на большее интенсивное или экстенсивное напряженіе образуетъ внутри извѣстныхъ границъ независимый отъ даннаго объема уже функціонирующихъ и произведенныхъ средствъ производства, или отъ *матеріальныхъ элементовъ постояннаго капитала*, источникъ созданія прибавочнаго богатства и, слѣдовательно, и фонда *накопленія*. Если разъ, слѣдовательно, даны необходимыя средства работы,—а добывающая промышленность даетъ большей частью сама снова сырой матеріалъ этихъ инструментовъ работы,—металлы, дерева и пр. и вспомогательныя средства, какъ уголь,—*то продуктъ ни въ какомъ случаѣ не ограниченъ объемомъ этихъ средствъ труда*. Они при помощи бо́льшаго обнаруженія рабочей силы лишь быстрѣе будутъ добываться, слѣдовательно, сократится періодъ ихъ воспроизведенія. Сама *масса продуктовъ*, какъ уголь, желѣзо, напротивъ, возрастаетъ, при одинаковыхъ остальныхъ обстоятельствахъ, въ отношеніи къ истраченному на естественный предметъ труду. Какъ въ первый день производства идутъ здѣсь первоначальные образователи продукта, а поэтому и образователи матеріальныхъ элементовъ капитала, человѣкъ и природа, совмѣстно. Въ собственномъ земледѣліи, правда, сѣмена и удобреніе играютъ ту же роль, какъ сырой матеріалъ въ мануфактурѣ, и нельзя засѣять бо́льше земли, не имѣя заранѣе больше сѣмянъ. Но разъ даны этотъ сырой матеріалъ и инструменты работы, извѣстно, какое чудесное дѣйствіе производитъ даже чисто механическая обработка почвы, интенсивность которой зависитъ отъ напряженія рабочей силы, на массивность продукта. Это опять-таки прямое дѣйствіе человѣка на предметъ природы, который становится непосредственнымъ источникомъ богатства. Добывающая промышленность и земледѣліе доставляютъ, съ другой стороны, сырой матеріалъ и вспомогательныя матеріи мануфактурѣ, слѣдовательно, матеріальные элементы, которые здѣсь предполагаются заранѣе для всякой большой затраты труда, тогда какъ собственныя рабочія средства также и въ этой сферѣ чрезъ интенсивное или экстенсивное напряженіе одной рабочей силы только сокращаютъ свои періоды воспроизведенія. При этомъ, такъ какъ капиталъ всасываетъ въ себя оба первоначальные образователя богатства,—рабочую силу и землю,—то онъ пріобрѣтаетъ въ нихъ независимые отъ своего собственнаго матеріальнаго объема факторы воспроизведенія на широкой основѣ, а поэтому и накопленія.

Независимо отъ степени эксплуатаціи работы, производство прибавочной цѣнности и накопленіе капитала, котораго образующій элементъ—прибавочная цѣнность, существенно опредѣляется производительною силою труда. Въ томъ же самомъ смыслѣ дѣйствуетъ далѣе и производительность труда, вмѣстѣ съ которою возрастаетъ масса продуктовъ, въ которой представляется опредѣленная цѣнность, а также и прибавочная цѣнность извѣстной величины. При одномъ и томъ же, даже при понижающемся *уровнѣ* прибавочной цѣнности, если только пониженіе это медленнѣе возрастанія производительности труда, *масса* или общее количество прибавочной цѣнности все-таки возрастаетъ. Но мы знаемъ, кромѣ того, что рука объ руку съ увеличеніемъ производительной силы труда идетъ удешевленіе рабочаго, т. е. возвышеніе уровня прибавочной цѣнности. Такимъ образомъ, одна и та же цѣнность перемѣннаго капитала начинаетъ пускать въ дѣйствіе бо́льшую прежней рабочую силу. Одна и та же цѣнность постояннаго капитала заключается теперь, вслѣдствіе увеличенія производительной силы труда, въ большемъ количествѣ орудій труда, сырья и вспомогательнаго матеріала. Поэтому, при одной и той же или даже при уменьшающейся цѣнности добавочнаго капитала, происходитъ, при указанномъ условіи, усиленное накопленіе.

Развитіе производительной силы реагируетъ также и на первоначальный капиталъ, т. е. уже находящійся въ дѣйствіи. Одна часть функціонирующаго постояннаго капитала состоитъ изъ орудій труда машинъ, зданій и проч., которыя употребляются медленно и потому воспроизводятся или замѣняются новыми экземплярами того же рода. Но часть этихъ орудій труда вымираетъ ежегодно или достигаетъ окончательной цѣли своей производительной функціи. Если производительная сила труда въ мѣсторожденіи этихъ орудій возросла,—а она постоянно развивается съ теченіемъ науки и технологіи,—то, когда придетъ пора ставить на мѣсто старыхъ экземпляровъ новые, эти послѣдніе будутъ одарены болѣе сильнымъ и лучшимъ дѣйствіемъ. Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ непрерывныя детальныя измѣненія въ существующихъ орудіяхъ, старый капиталъ воспроизводится въ новомъ, болѣе производительномъ видѣ. Другая часть того же капитала—сырье и вспомогательный матеріалъ—воспроизводится обыкновенно въ теченіе года, въ соотвѣтствіи съ условіями доставляющаго ее земледѣлія. Каждое введеніе лучшихъ способовъ производства, по краткости срока воспроизведенія этой части капитала, дѣйствуетъ тутъ одновременно и немедленно и на функціонирующій уже капиталъ, и на дополнительный.

Всякій прогрессъ химіи вноситъ не только разнообразіе въ полезныя употребленія одного и того же матеріала, но и расширяетъ

съ возрастаніемъ капитала его сферы приложенія. Она научаетъ прежде всего бросать назадъ въ кругъ процесса воспроизведенія обноски и остатки процесса производства и потребленія, слѣдовательно, создаетъ новый матеріалъ капитала безъ предварительной затраты капитала. Подобно увеличенію добычи естественнаго богатства, благодаря большему напряженію рабочей силы, также и наука представляетъ одну силу, независимую отъ данной величины дѣйствующаго капитала, ведущую къ его расширенію. Въ свою новую форму она внѣдряетъ даромъ общественный прогрессъ, совершившійся за спиною ея старой формы. Конечно, это развитіе сопровождается сначала частичнымъ обезцѣненіемъ дѣйствующаго капитала. Насколько это обезцѣненіе дастъ себя чувствовать при помощи соперничества, главная тягость падаетъ на рабочаго, въ усиленной эксплуатаціи котораго капиталистъ ищетъ возмѣщенія за вредъ.

Мы уже видѣли выше, какъ возрастаніе производительности труда влечетъ за собою безмѣрное увеличеніе постоянной части капитала. Достаточно сравнить въ этомъ отношеніи англійскаго прядильщика съ индійскимъ. Англійскій превращаетъ въ день въ нѣсколько сотъ разъ больше хлопчатой бумаги, прядильныхъ снарядовъ и тому подобнаго въ пряжу. Поэтому онъ переноситъ на свой продуктъ въ нѣсколько сотъ разъ больше и цѣнности постояннаго капитала. Такимъ образомъ, по мѣрѣ возрастанія накопленія, сопровождающаго развитіе производительной силы труда, трудъ сохраняетъ и увѣковѣчиваетъ въ новой формѣ все больше да больше цѣнности постояннаго капитала. Наконецъ, чѣмъ дальше шагаетъ накопленіе, тѣмъ больше становятся размѣры индивидуальныхъ капиталовъ, тѣмъ больше количество построекъ, машинъ, рабочаго скота и всякаго рода аппаратовъ, а потому тѣмъ больше *даровая* сила прошедшаго труда, служащаго образованію продукта и лишь въ гораздо меньшей мѣрѣ образованію цѣнности.

Изъ предыдущихъ изслѣдованій ясно, что капиталъ не есть постоянная величина, а напротивъ, эластическая и колеблющаяся, смотря по тому, въ какой пропорціи подраздѣляется прибавочная цѣнность на доходъ и на дополнительный капиталъ. Мы видѣли дальше, что даже при данной величинѣ функціонирующаго капитала рабочая сила, наука и земля образуютъ эластическія силы, которыя доставляютъ ему въ извѣстныхъ границахъ возможность дѣйствовать независимо отъ своего собственнаго объема. Классическая экономія очень любила, напротивъ того, считать общественный капиталъ постоянной величиною, а Бентамъ изобрѣлъ даже постоянный рабочій фондъ, о которомъ потомъ протрубили Мальтусъ, оба Милля, Макъ-Куллохъ и т. д., именно въ апологическихъ цѣляхъ, чтобы представить одну часть капитала, перемѣнный или въ рабочую силу превращенный капиталъ, постоянною величиною.

Матеріальное существованіе перемѣннаго капитала, т. е. масса жизненныхъ припасовъ, которые онъ составляетъ для рабочихъ, или такъ называемаго рабочаго фонда, представленъ баснословно въ видѣ окруженной естественными цѣпями и непроходимой отдѣльной части общественнаго богатства. Чтобы часть общественнаго богатства, которая должна функціонировать, какъ постоянный капиталъ, или, выражаясь матеріально, какъ орудіе производства, привести въ движеніе, необходима извѣстная масса живой работы. Эта масса опредѣляется технологически. Но не дано ни число рабочихъ, требуемое, чтобы эту массу двинуть впередъ, такъ какъ оно колеблется вмѣстѣ со степенью эксплуатаціи индивидуальной рабочей силы, ни цѣна этой рабочей силы, а только ея весьма эластическая минимальная граница. Факты, лежащіе въ основаніи догмы, слѣдующіе: съ одной стороны, рабочій *не участвуетъ въ обсужденіи* вопроса о дѣленіи общественнаго богатства на предметы пользованія не рабочихъ и на орудіе производства. Съ другой стороны, онъ можетъ только въ благопріятныхъ и исключительныхъ случаяхъ расширить такъ называемый „рабочій фондъ“ на счетъ „дохода“ богача [1]). Къ какой нелѣпой тавтологіи ведетъ выдумка замѣнять капиталистическую границу рабочаго фонда его общественно-природною границей, показываетъ, среди другихъ, профессоръ Фаусеттъ: „Обращающійся капиталъ страны“, говоритъ онъ [2]) „есть ея рабочій фондъ. Чтобы поэтому вычислить среднюю заработную плату въ деньгахъ каждаго рабочаго, намъ просто нужно раздѣлить этотъ капиталъ на число рабочаго населенія“. Это значитъ, слѣдовательно, сначала сосчитаемъ дѣйствительно уплачиваемыя индивидуальныя заработныя платы въ одну сумму, а потомъ станемъ утверждать, что это сложеніе образуетъ сумму цѣнности октроированнаго Богомъ и природою „рабочаго фонда“. Въ концѣ концовъ мы еще раздѣлимъ такимъ образомъ полученную сумму, чтобы опять-таки открыть, сколько выпадетъ среднимъ числомъ индивидуально каждому рабочему. Необычайно остроумная процедура. Она не мѣшаетъ г. Фаусетту сказать немедленно слѣдующее: „Въ Ан-

[1]) Дж. Ст. Милль говоритъ въ своихъ Principles: „Продуктъ труда въ настоящее время распредѣляется въ обратномъ отношеніи къ труду, — большая часть идетъ тѣмъ, которые никогда не работали, менѣе большая тѣмъ, работа которыхъ почти чисто номинальна, и такимъ образомъ, по нисходящей скалѣ заработная плата съуживается въ той мѣрѣ, въ какой работа становится жестче и непріятнѣе, пока наиболѣе утомляющая и истощающая тѣлесныя силы работа не можетъ даже разсчитывать съ увѣренностью на полученіе необходимыхъ средствъ существованія“. Во избѣжаніе недоразумѣній авторъ замѣчаетъ, что когда люди, какъ Дж. Ст. Милль, Фаусеттъ и пр., подвергаются порицанію съ его стороны, ради противорѣчія ихъ староэкономическихъ догмъ съ ихъ новѣйшими тенденціями, то было бы совершенно несправедливо сбрасывать ихъ въ одинъ обозъ съ вульгарно-экономическими апологистами.

[2]) Fawcett. The Econ. Position of the British Labourer. Lond. 1865, p. 120.

гліи ежегодно накопляемое богатство раздѣляется на двѣ части. Одна часть употребляется въ Англіи на сохраненіе нашей собственной индустріи. Другая часть вывозится въ другія страны... Часть ежегодно накопляемаго богатства въ этой странѣ, которая употребляется въ нашей индустріи, отличается незначительностью [1]). „Итакъ, бо́льшая часть ежегодно возрастающаго прибавочнаго продукта, отъ котораго англійскій рабочій отпускается безъ эквивалента, капитализируется не въ Англіи, а въ чужихъ странахъ. Но вѣдь съ такимъ образомъ вывозимымъ капиталомъ будетъ вѣдь также вывезена часть открытаго Богомъ и Бентамомъ „рабочаго фонда“?

Ростъ капитала означаетъ, между прочимъ, также и ростъ перемѣнной его части, превращенной въ рабочую силу. Если предположить, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, составъ капитала остается одинъ и тотъ же, т. е. что извѣстная масса постояннаго капитала нуждается всегда въ одномъ и томъ же количествѣ работы, чтобы быть пущенной въ ходъ, то очевидно, что спросъ на трудъ и на средства существованія рабочихъ будетъ возрастать вмѣстѣ съ капиталомъ, и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе растетъ капиталъ. Отмѣтимъ теперь слѣдующіе факты, чтобы яснѣе дать уразумѣть дальнѣйшій ходъ изслѣдованія: а) капиталъ производитъ ежегодно прибавочную цѣнность, которой одна часть присоединяется ежегодно же къ первоначальному капиталу; б) этотъ приростъ самъ возрастаетъ ежегодно, и в) при открытіи новыхъ рынковъ, новыхъ областей для затраты капитала, подъ вліяніемъ возникновенія новыхъ потребностей и пр., —размѣръ накопленія способенъ къ внезапному расширенію, благодаря измѣненію въ раздѣлѣ прибавочной цѣнности на прибавочный капиталъ и на фондъ потребленія капиталиста. Подъ вліяніемъ этихъ трехъ факторовъ ростъ капитала можетъ оказаться сильнѣе, чѣмъ возрастаніе рабочей силы или числа рабочихъ,—спросъ на рабочихъ можетъ превысить предложеніе ихъ, и вслѣдствіе этого *задѣльная плата* тоже *возрастетъ*. Жалобы на это раздаются въ Англіи въ теченіе всей первой половины XVIII столѣтія. Но это нисколько не измѣняетъ сущности отношеній между капиталомъ и трудомъ. Положеніе рабочаго класса становится на время сносно, и только, иными словами, ослабляется напряженіе золотой капиталистической цѣпи, обнимающей рабочаго. Но сами отношенія паемничества все же остаются прежнія, и задѣльная плата никогда не можетъ подняться до предѣла всей прибавочной цѣнности. Только что упомянутое увеличеніе задѣльной платы ведетъ за собою обыкновенно слѣдующую альтернативу: а) или это возвышеніе сопровождается одинаковымъ или даже бо́льшимъ *абсолютнымъ возрастаніемъ* накопленія. Намъ, вѣдь, уже извѣстно, что даже, при прочихъ равныхъ условіяхъ, каковы, напр.,

[1]) Fawcett. l. c., p. 122, 123.

производительность труда и др., по мѣрѣ увеличенія размѣровъ затраченнаго капитала, абсолютное возрастаніе его можетъ оставаться или одинаковымъ, или даже ускоряться, хотя въ то же время уровень прибавочной цѣнности и понижается. Это можетъ произойти просто отъ увеличенія числа одновременно занятыхъ рабочихъ, которые, несмотря на пониженіе *уровня* прибавочной цѣнности, могутъ доставлять прежнее или даже большее *количество* ея. Или же—такова другая сторона альтернативы — б) накопленіе *замедляется* вслѣдствіе возвышенія задѣльной платы, такъ какъ перестаетъ дѣйствовать съ прежнею силою стимулъ его—ожиданіе большихъ благъ. Но вѣдь съ уменьшеніемъ накопленія уменьшается также и причина этого уменьшенія, а именно отсутствіе *правильной* пропорціи между капиталомъ и рабочею силою. Цѣна труда понижается до уровня, соотвѣтствующаго потребностямъ капитала, и только. Такимъ образомъ не трудно видѣть, что механизмъ капиталистической продукціи самъ превосходно умѣетъ устранять создаваемыя имъ мимоходомъ препятствія своему движенію.

Если всмотрѣться поглубже въ условія только что приведенной альтернативы, то увидимъ слѣдующее: въ первомъ случаѣ а) не уменьшеніе въ абсолютномъ или въ относительномъ ростѣ рабочей силы или рабочаго населенія дѣлаетъ черезчуръ изобильнымъ—или, что то же, *излишнимъ—капиталъ*, а, наоборотъ, увеличеніе капитала дѣлаетъ *недостаточной рабочую силу*; во второмъ же случаѣ, б) не увеличеніе въ абсолютномъ или въ относительномъ ростѣ рабочей силы дѣлаетъ, наоборотъ, *недостаточнымъ капиталъ*, а уменьшеніе капитала дѣлаетъ *излишнею рабочую силу*, или цѣну ея. Абсолютныя движенія капитала *отражаются* здѣсь въ качествѣ относительныхъ движеній въ массѣ рабочей силы и потому кажутся движеніями этой послѣдней [1]). А между тѣмъ, это *отраженіе* экономисты (Мальтусъ и другіе) принимаютъ за *дѣйствительность* и говорятъ, что въ первомъ случаѣ было недостаточно, а во второмъ излишне именно *число рабочихъ*, т. е. что въ первомъ случаѣ *размноженіе рабочихъ или населенія* было задержано, а во второмъ — чрезмѣрно. Приведенный законъ капиталистической продукціи, возведенный экономистами на степень естественнаго закона, доказываетъ не больше, какъ то, что природа самой этой продукціи не допускаетъ такого увеличенія задѣльной платы, которое могло бы серьезно грозить увѣковѣченію ка-

[1]) Такъ точно въ фазу кризиса промышленнаго цикла общій упадокъ цѣнъ товаровъ выражается, какъ повышеніе относительной цѣнности денегъ, а въ фазу благосостоянія общее повышеніе цѣнъ товаровъ,—какъ упадокъ относительной цѣнности денегъ. Такъ называемая школа орудія обращенія (currency) заключаетъ отсюда, что въ первомъ случаѣ обращается слишкомъ мало, а во второмъ слишкомъ много денегъ. Въ этомъ сказывается ея невѣжество и полное незнакомство съ фактами.

питалистическихъ отношеній и прогрессивному накопленію. Да и не могло бы быть иначе при такомъ способѣ общественнаго производства, при которомъ рабочій служитъ для потребностей капитала въ накопленія, а не богатство для потребностей рабочаго.

До сихъ поръ мы держались того предположенія, что, по мѣрѣ накопленія, отношеніе между массою, количествомъ орудій производства и количествомъ приводящей ихъ въ дѣйствіе рабочей силы остается одно и то же, т. е. что спросъ на трудъ возрастаетъ пропорціонально увеличенію капитала. Но въ дѣйствительности это, однако же, далеко не такъ,—между тѣмъ и другимъ происходятъ громадныя измѣненія отношеній, которыя, въ свою очередь, сопровождаются измѣненіями въ *органическомъ* составѣ капитала, т. е. въ пропорціи въ немъ постоянной и перемѣнной части.

Масса орудій производства возрастаетъ по мѣрѣ *одного* уже увеличенія *производительности труда* при ихъ изготовленіи, слѣдовательно, и независимо отъ прогрессивнаго накопленія самого по себѣ. Такимъ образомъ простое увеличеніе производительной силы труда сопровождается уже уменьшеніемъ количества работы—относительно приводимыхъ ею въ дѣйствіе орудій производства, такъ какъ увеличеніе количества послѣднихъ равнозначительно уменьшенію живой рабочей силы. Увеличеніе количества орудій сравнительно съ количествомъ работающей ими силы, въ свою очередь, отражается, подъ видомъ *увеличенія* постоянной доли капитала, въ ущербъ перемѣнной его долѣ. Это послѣднее увеличеніе только приблизительно указываетъ намъ на возрастаніе массы орудій, потому что, говоря о немъ, мы разумѣемъ увеличеніе *цѣнности орудій*, а эта послѣдняя, хотя и возрастаетъ абсолютно вмѣстѣ съ производительностью труда, но относительно, напротивъ, страшно падаетъ. Такъ, если, напр., капиталъ, затраченный въ настоящее время въ пряденіе, состоитъ изъ $^7/_8$ постояннаго и $^1/_8$ перемѣннаго капитала, а въ началѣ XVIII вѣка состоялъ изъ $^1/_2$ постояннаго и $^1/_2$ перемѣннаго, то количество массы сырья, орудій производства и т. п. оказывается теперь въ пряденіи больше не на $^3/_8$, а въ нѣсколько сотъ разъ. Вотъ почему перемѣна въ составѣ капитала, благодаря которой постоянная доля его возрастаетъ на счетъ перемѣнной, только въ отдаленной степени указываетъ намъ на перемѣну въ составѣ самого продукта, т. е. объема или количества орудій производства, съ одной стороны, и средствъ существованія,—съ другой.

Каждый индивидуальный капиталъ представляетъ большее или меньшее *сосредоточеніе* орудій производства. По мѣрѣ возрастанія накопленія, сосредоточеніе это въ рукахъ отдѣльнаго капиталиста также увеличивается. Возрастаніе общественнаго капитала является въ видѣ возрастанія многихъ индивидуальныхъ капиталовъ. Одни изъ

этихъ послѣднихъ распадаются на части, благодаря, напр., раздѣлу наслѣдства между семьею капиталистовъ, другіе,—и такихъ безконечно больше,—напротивъ того, соединяются въ однѣхъ рукахъ, благодаря побѣдѣ большого капитала надъ малымъ, а также кредиту. Этотъ послѣдній родъ сосредоточенія слѣдуетъ отличать отъ накопленія: онъ представляетъ не образованіе капитала вновь, а стягиваніе въ немногіе пункты уже образовавшихся готовыхъ капиталовъ, побитыхъ соперничествомъ или ищущихъ себѣ помѣщенія.

По мѣрѣ увеличенія объема технической дѣятельности и сосредоточенія орудій производства, прогрессивно уменьшается та степень, въ которой они являются орудіями для занятія рабочихъ. Паровой, напр., плугъ несравненно дѣятельнѣе простого, но затраченный въ него капиталъ дастъ занятіе несравненно меньшему числу рабочихъ, чѣмъ еслибы онъ былъ затраченъ въ простые плуги. Сначала этимъ родомъ дѣйствія отличается только дополнительный, вновь накопленный капиталъ. Но мало-по-малу тѣ же преобразованія охватываютъ и старый капиталъ по мѣрѣ потребленія его, и такимъ образомъ въ первомъ случаѣ призывается рабочихъ все меньше и меньше, сравнительно съ размѣрами капитала, а во второмъ—ихъ больше и больше выталкивается съ готовыхъ уже мѣстъ.

Итакъ, мы видимъ, что, благодаря увеличенію производительности труда въ изготовленіи орудій производства, а также сосредоточенію послѣднихъ, отношеніе между массою орудій производства и массою работающей при нихъ силы не остается, по мѣрѣ накопленія, неизмѣннымъ, и что, на основаніи указанныхъ причинъ, спросъ на трудъ возрастаетъ медленнѣе, чѣмъ увеличивается капиталъ, и постоянная доля капитала растетъ быстрѣе перемѣнной.

Накопленіе капитала являлось намъ первоначально лишь подъ видомъ *количественнаго* расширенія его, но въ настоящую минуту мы уже знаемъ, что это послѣднее сопровождается весьма важнымъ усложненіемъ, а именно измѣненіемъ самаго *качественнаго* состава капитала, т. е. непрерывнымъ увеличеніемъ постоянной его доли на счетъ перемѣнной.

Но развитіе производительности труда, свойственное капитализму, и причиняемая имъ перемѣна въ составѣ капитала идутъ не только рядомъ съ прогрессомъ накопленія, а значительно перегоняютъ его. Это происходитъ оттого, что даже и простое накопленіе или абсолютное расширеніе общественнаго капитала сопровождается сосредоточеніемъ индивидуальныхъ капиталовъ, а технологическое преобразованіе, дополнительнаго капитала сопровождается соотвѣтствующимъ преобразованіемъ первоначальнаго капитала. Такимъ образомъ, по мѣрѣ накопленія, отношеніе постояннаго капитала къ перемѣнному, если оно первоначально было 2 : 1, превращается въ 2 : 1,

3 : 1, 4 : 1, 5 : 1, 7 : 1 и т. д., такъ что въ рабочую силу, вмѣсто первоначальной $^1/_2$, идетъ прогрессивно $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_6$, $^1/_8$ и т. д., а въ орудія производства $^2/_3$, $^3/_4$, $^4/_5$, $^5/_6$, $^7/_8$ и т. д. капитала. Говоря иначе, спросъ на трудъ уменьшается по мѣрѣ возрастанія капитала относительно размѣровъ всего капитала. Само собою разумѣется, что, по мѣрѣ возрастанія всего капитала, растетъ и перемѣнная его часть, но она растетъ въ пропорціи все болѣе и болѣе убывающей. Промежуточныя паузы, въ теченіе которыхъ накопленіе дѣйствуетъ на одной и той же постоянной технологической основѣ, сокращаются все болѣе и болѣе и даютъ все болѣе мѣста ускоренному накопленію. Это ускоренное (вслѣдствіе технологическихъ преобразованій) накопленіе, вмѣстѣ съ сосредоточеніемъ капитала, дѣлается новымъ источникомъ перемѣны въ составѣ совокупнаго капитала, т. е. опять-таки уменьшенія перемѣнной его части на счетъ постоянной. Вотъ это-то относительное уменьшеніе перемѣнной части капитала, ускоренное ростомъ всего капитала и идущее даже быстрѣе этого роста, *кажется*, съ другой стороны, ничѣмъ инымъ, какъ *болѣе быстрымъ* абсолютнымъ возрастаніемъ рабочаго населенія, нежели перемѣннаго капитала или средствъ существованія этихъ рабочихъ. Но дѣло въ томъ, что само капиталистическое производство постоянно производитъ *избыточное* въ отношеніи къ своей энергіи и объему населеніе, т. е. ненужное для *среднихъ* потребностей капитала въ увеличеніи его цѣнности.

Если имѣть въ виду совокупный общественный капиталъ, то накопленіе его вызываетъ то *попеременныя* измѣненія въ составѣ капитала, то *одновременныя* измѣненія въ различныхъ сферахъ производства. Въ однѣхъ сферахъ измѣненіе въ составѣ капитала происходитъ безъ возрастанія абсолютной величины его, вслѣдствіе простого сосредоточенія; въ другихъ—абсолютное возрастаніе капитала находится въ связи съ абсолютнымъ уменьшеніемъ его перемѣнной части; въ третьихъ—капиталъ возрастаетъ или на данной технологической основѣ и въ отношеніи своего роста привлекаетъ къ себѣ дополнительную рабочую силу, или же происходитъ въ немъ органическое измѣненіе и сжимается перемѣнная его часть. Но повсюду ростъ перемѣнной части, а слѣдовательно, и число рабочихъ постоянно сопровождается сильными колебаніями и временнымъ производствомъ излишняго населенія все равно, принимаетъ-ли это послѣднее форму фактическаго выпиранія уже занятыхъ рабочихъ, или же потенціальнаго затрудненія поглощенію добавочнаго населенія въ обыкновенныхъ его каналахъ [1]).

[1]) Цензъ Великобританіи 1861 года показываетъ для Англіи и Уэльса: всѣхъ лицъ, занятыхъ въ земледѣліи (собственниковъ, фермеровъ, садовниковъ, пастуховъ и пр.) въ 1851 году 2.011.447, въ 1861—1.924.110, уменьшеніе 87.337 душъ.

По мѣрѣ возрастанія всего капитала, расширенія основы производства, увеличенія числа рабочихъ и производительности ихъ труда, расширяется также и то основаніе, на которомъ большее привлеченіе рабочихъ капиталомъ сопровождается бо́льшимъ отталкиваніемъ ихъ. Вмѣстѣ съ этимъ возрастаетъ быстрота въ перемѣнѣ органическаго состава капитала и его технологическаго устройства, а равно расширяется окружность сферъ производства, обнимаемыхъ этимъ преобразованіемъ единовременно или же попеременно. Такимъ образомъ, производя накопленіе капитала, рабочее населеніе само же создаетъ и средства къ своему относительному излишеству. *Это — законъ народонаселенія, свойственный именно капиталистической продукціи, подобно тому, какъ и вообще всякій специальный общественный способъ производства имѣетъ свой законъ народонаселенія. Отвлеченный законъ населенія существуетъ только для растеній и животныхъ.*

Составляя необходимый результатъ накопленія богатства на капиталистической основѣ, это излишнее населеніе само становится рычагомъ накопленія, необходимымъ условіемъ капиталистическаго производства. Оно представляетъ свободную для распоряженія резервную армію, абсолютно принадлежащую капиталу, матеріалъ людей, который можетъ понадобиться капиталу въ случаѣ увеличенія его потребностей въ накопленіи. По мѣрѣ накопленія и развитія производительности труда, возрастаетъ *сила внезапнаго расширенія* капитала. Это происходитъ не только вслѣдствіе увеличенія эластичности уже находящагося въ дѣйствіи капитала и абсолютнаго богатства и не только вслѣдствіе того, что кредитъ ставитъ значительную часть этого богатства въ распоряженіе капиталиста въ качествѣ дополнительнаго капитала. Нѣтъ, сами техническія условія производительнаго процесса – машины, средства и пути сообщенія и т. д. — дѣлаютъ возможнымъ быстрѣйшее превращеніе прибавочнаго продукта въ прибавочныя орудія производства. Прибавочный продуктъ съ бѣшенствомъ стремится въ старыя отрасли производства, рынокъ которыхъ отчего-либо внезапно расширяется, или во вновь открытыя, каковы желѣзныя дороги и проч. *Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ громад-*

въ шерстяныхъ мануфактурахъ въ 1851 году—102.714, въ 1861 году—79.242 (въ *1871*, по другимъ источникамъ, *103.514*), на шелковыхъ фабрикахъ и пр. въ 1851 году—111.940, въ 1861 году – 101.678 (въ *1871—47.311*), въ ситцепечатняхъ въ 1851—12.098, въ 1861 г.—12.556, каковое ничтожное увеличеніе, несмотря на громадное расширеніе предпріятій, обусловливаетъ громадное пропорціональное уменьшеніе числа рабочихъ (впрочемъ, въ *1871—15.321*),—въ производствѣ шляпъ въ 1851 г.—15.957, и въ 1861 г. — 13.814 (въ *1871—12.412*) и т. д., см. „Капиталъ“, стр. 542—3; цифры, относящіяся къ 1871 году, взяты авторомъ изъ парламентскаго отчета 1871 года, приложеннаго къ упомянутымъ выше трудамъ послѣдней парламентской коммиссіи 1875 года, которая была назначена для изслѣдованія дѣйствія законовъ о фабрикахъ и мастерскихъ, и могутъ считаться имѣющими только приблизительное значеніе. *Авт.*

*ныя массы людей должны быть постоянно наготовѣ, чтобы безъ перерыва въ ходѣ опыт другихъ отраслей промышленности перебрасываться на рѣшительные пункты. Ихъ-то и доставляетъ излишнее населеніе.*

Характеристическое теченіе жизни новѣйшей индустріи — 10-лѣтній циклъ (перерываемый лишь мелкими колебаніями) періодовъ средней живости, затѣмъ производства подъ высокимъ давленіемъ, кризиса и застоя—имѣетъ въ основаніи постоянное образованіе, большее или меньшее поглощеніе и новое образованіе индустріально-резервной арміи или излишняго населенія. Съ своей стороны, случаи перемѣны индустріальнаго цикла вербуютъ излишнее населеніе и становятся однимъ изъ наиболѣе энергическихъ его агентовъ. Этого хода промышленности не существовало прежде никогда, не было его даже въ началѣ самого капиталистическаго періода, потому что тогда составъ капитала измѣнялся лишь постепенно. Накопленію тогда соотвѣтствовало возрастаніе спроса на трудъ. Оно медленно упиралось въ естественныя границы готоваго для эксплуатаціи рабочаго населенія, которыя потомъ получилась возможность расширять лишь позже упоминаемыми, насильственными средствами. Внезапное расширеніе основы производства имѣетъ неизбѣжнымъ и прямымъ послѣдствіемъ столь же внезапное ея сокращеніе, послѣднее снова вызываетъ первое, но первое невозможно безъ свободнаго матеріала людей, безъ такого возрастанія числа *рабочихъ*, которое было бы независимо отъ абсолютнаго возрастанія *населенія*. Оно получается простымъ способомъ, который постоянно „освобождаетъ“ одну часть населенія, уменьшая число *занятыхъ* (а слѣдовательно, и сытыхъ) рабочихъ по отношенію къ увеличенію производства. Все движеніе новѣйшей индустріи покоится такимъ образомъ на постоянномъ превращеніи одной части рабочаго населенія въ *незанятыя* или въ *полузанятыя* руки [1]). По-

[1]) Превосходнѣйшей иллюстраціей этого свойства капиталистическаго накопленія служитъ слѣдующее письмо Эдмунда Поттера, бывшаго президентомъ манчестерской торговой палаты, опубликованное въ *Times* и направленное противъ эмиграціи рабочихъ Ланкашира, которые остались безъ работы, вслѣдствіе хлопковаго кризиса, по случаю гражданской войны въ Америкѣ: „Общественное мнѣніе требуетъ эмиграціи; хозяинъ не можетъ видѣть равнодушно, что предложеніе труда для него исчезаетъ; онъ можетъ считать это и *несправедливымъ*, и *неправильнымъ*... Время—годъ, два, три—можетъ быть, произведетъ необходимое количество... Я тогда могу поставить вопросъ, стоитъ-ли промышленность поддержки, стоитъ-ли заботиться о *сохраненіи механизма* (дѣло идетъ о рабочихъ) и не будетъ-ли величайшею глупостью думать о томъ, чтобы отказаться отъ него! Я думаю, что да. Я согласенъ, что работники не составляютъ собственности, ни собственности Ланкашира, ни собственности хозяина, но *они сила того и другого*: они составляютъ духовную и вышколенную силу, которая не можетъ быть замѣщена въ одно поколѣніе... Что же будетъ съ капиталистами, если поощрятъ или *дозволятъ эмиграцію* рабочей силы?... Скажите, можетъ-ли быть другой, болѣе самоубійственный планъ для всѣхъ классовъ страны, чѣмъ этотъ, ослабляющій націю вывозомъ ея лучшихъ фабричныхъ рабочихъ и лишеніемъ цѣнности ея производительнѣйшей части капитала и богатства?“.

верхностность политической экономіи обнаруживается, между прочимъ, въ томъ, что она считаетъ причиною періодовъ измѣненія индустріальнаго цикла — расширеніе и сокращеніе *кредита*, которое есть не болѣе, какъ простой симптомъ этихъ послѣднихъ. Общественная продукція дѣйствуетъ подобно небеснымъ тѣламъ, разъ брошеннымъ въ извѣстное движеніе и постоянно повторяющимъ его, разъ она попала въ указанное движеніе смѣняющихся расширенія и сокращенія. Послѣдствія, въ свою очередь, становятся причинами, и случаи смѣны процесса, постоянно воспроизводящаго свои условія, принимаютъ видъ періодичности.

До сихъ поръ мы предполагали, что увеличеніе или уменьшеніе перемѣннаго капитала въ точности соотвѣтствуетъ увеличенію или уменьшенію числа рабочихъ. Но мы знаемъ также, что увеличеніе перемѣннаго капитала можетъ быть признакомъ увеличенія работы, получаемой въ большемъ количествѣ отъ увеличенія труда однихъ и тѣхъ же рабочихъ, а не отъ бо́льшаго числа рабочихъ. Намъ извѣстно еще, что всякій капиталистъ имѣетъ непосредственный интересъ получать извѣстное количество труда отъ меньшаго, а не отъ бо́льшаго числа рабочихъ. Мотивъ этотъ дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значительнѣе прогрессъ накопленія.

Благодаря этому и нѣкоторымъ другимъ мотивамъ,—напр., употребленію въ дѣло болѣе дешевыхъ и незрѣлыхъ силъ женщинъ и дѣтей,—ростъ излишняго населенія идетъ еще быстрѣе, чѣмъ технологическія преобразованія и соотвѣтствующее имъ уменьшеніе перемѣнной части капитала. Излишняя работа занятыхъ еще болѣе увеличиваетъ ряды резерповъ и, наоборотъ, давленіе соперничества послѣднихъ на первыхъ еще увеличиваетъ излишнюю работу первыхъ. Одни поэтому осуждены на праздность, другіе—на безконечный трудъ, и тѣмъ еще болѣе ускоряется образованіе резервно-индустріальной арміи.

Говоря вообще, движеніе задѣльной платы, взятое въ цѣломъ, регулируется *исключительно* расширеніемъ и сжатіемъ индустріальнаго резерва, которыя соотвѣтствуютъ періодамъ смѣны индустріальнаго цикла. Итакъ, оно опредѣляется совсѣмъ не движеніемъ абсолютнаго числа рабочаго населенія, а весьма измѣнчивымъ отношеніемъ, въ которомъ рабочій классъ распадается на дѣйствующую армію и на резервъ, увеличеніемъ и уменьшеніемъ относительнаго объема излишняго населенія, степенью, въ которой оно то поглощается, то снова освобождается. Для новѣйшей индустріи съ ея 10-лѣтнимъ цикломъ и ея правильными періодическими смѣнами, которыя, къ тому же, по мѣрѣ прогресса накопленія, перекрещиваются все быстрѣе слѣдующими другъ за другомъ неправильными колебаніями,—законъ населенія Мальтуса, по меньшей мѣрѣ, непригоденъ. И въ самомъ дѣлѣ,

для такой индустріи былъ бы прекраснымъ закономъ тотъ, который регулировалъ бы спросъ и предложеніе труда не расширеніемъ и сжатіемъ *капитала*, т. е. не его соотвѣтствующими случаю потребностями въ накопленіи, благодаря которымъ рабочій рынокъ является то недостаточнымъ, когда капиталъ расширяется, то переполненнымъ, когда капиталъ сжимается,—а, наоборотъ, ставилъ бы движеніе самого капитала въ зависимость отъ движенія *населенія*. Но именно это-то и утверждаютъ экономисты. По ихъ мнѣнію, вслѣдствіе накопленія, рабочая плата возрастаетъ. Это возрастаніе служитъ стимуломъ къ увеличенію народонаселенія, которое продолжается до переполненія рынка рабочими, т. е. до тѣхъ поръ, пока капиталъ снова станетъ недостаточнымъ относительно предложенія труда. Задѣльная плата затѣмъ падаетъ, рабочее населеніе уменьшается въ числѣ эмиграціей и смертностью, такъ что капиталъ снова становится излишнимъ, или, какъ говорятъ другіе, уменьшеніе задѣльной платы и соотвѣтствующая высшая степень эксплуатаціи рабочаго снова ускоряютъ накопленіе, а одновременно съ этимъ низшая задѣльная плата задерживаетъ возрастаніе рабочаго класса. Такимъ образомъ, снова наступаетъ то отношеніе, когда предложеніе труда оказывается ниже спроса на него, задѣльная плата возрастаетъ и т. д.—Но дѣло въ томъ, что эти господа забываютъ, что пока, вслѣдствіе возвышенія задѣльной платы, рабочее населеніе дѣйствительно сколько-нибудь возростетъ, будутъ двадцать разъ примѣнены къ дѣлу машины, которыя кстати уже сдѣлаютъ излишнею и часть наличнаго рабочаго населенія.

Экономисты смѣшиваютъ законы, регулирующіе общее движеніе задѣльной платы или отношеніе между рабочимъ классомъ и совокупнымъ капиталомъ, съ тѣми законами, на основаніи которыхъ рабочее населеніе распредѣляется между отдѣльными областями производства. Когда, напр., вслѣдствіе благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, накопленіе въ извѣстной отрасли производства сдѣлается особенно живо, прибыль поднимается здѣсь выше средняго уровня и сюда тѣснится добавочный капиталъ, то, естественно, здѣсь возрастаютъ спросъ на трудъ и задѣльная плата. Высшая задѣльная плата привлекаетъ сюда больше рабочаго населенія, пока эта отрасль не насытится рабочею силою и пока задѣльная плата въ ней не упадетъ до прежняго уровня или даже еще ниже, если приливъ былъ слишкомъ великъ. Здѣсь экономистъ видитъ, что, по мѣрѣ возрастанія задѣльной платы, возрастаетъ и абсолютное число рабочихъ въ этой отрасли, а съ абсолютнымъ возрастаніемъ числа рабочихъ понижается плата, и заключаетъ, что таковъ всеобщій законъ народонаселенія. Но въ дѣйствительности-то онъ видитъ въ этомъ случаѣ только мѣстныя колебанія рабочаго рынка спеціальной отрасли производства, онъ видитъ

только феномены распредѣленія рабочаго населенія между различными затратами капитала смотря по измѣненію потребностей послѣдняго.

Индустріально-резервная армія или относительное перенаселеніе давитъ въ теченіе періодовъ застоя и арендпаго благосостоянія на дѣйствующую рабочую армію и препятствуетъ ея требованіямъ въ теченіе періода перепроизводства и пароксизма. Слѣдовательно, *относительное излишнее населеніе представляетъ скрытую основу, на которой движется законъ спроса и предложенія труда.* Оно принудительно вталкиваетъ область дѣйствія этого закона въ границы абсолютно совпадающія со страстью капитала къ эксплуатаціи и господству.

Мы говорили выше, что господствующая догма, будто машины наносятъ рабочему только временный вредъ, т. е. будто машины „освобождаютъ“ для рабочаго капиталъ, лишена основанія. Только теперь можемъ мы, какъ слѣдуетъ, оцѣнить эту точку зрѣнія. Освобождается въ дѣйствительности не только тотъ рабочій, на мѣсто котораго становится машина, но, кромѣ того, и тотъ, который пришелъ бы на смѣну первому (будущее поколѣніе), и тотъ, который при *обычномъ* расширеніи капитала на данной, старой технологической основѣ являлся въ качествѣ правильно поглощаемаго дополнительнаго контингента. Не старый капиталъ освобождается для рабочихъ, а рабочіе освобождаются для „дополнительнаго“ капитала. Это означаетъ, слѣдовательно, что механизмъ капиталистическаго производства заботится о томъ, чтобы *абсолютное возрастаніе капитала не сопровождалось никакимъ соотвѣтствующимъ повышеніемъ всеобщаго спроса на трудъ.* И это апологистъ называетъ вознагражденіемъ за нищету, страданія и возможную погибель смѣщенныхъ рабочихъ въ теченіе переходнаго періода, который ссылаетъ ихъ въ индустріально-резервную армію! Спросъ на трудъ не тождественъ съ возрастаніемъ капитала, предложеніе рабочихъ не тождественно съ вознагражденіемъ рабочаго класса, такъ, чтобы дѣйствовали одна на другую двѣ независимыя между собою силы. Les dés sont pipés Капиталъ дѣйствуетъ одновременно на обѣихъ сторонахъ. Дѣло происходитъ въ дѣйствительности такъ, что когда накопленіе капитала, съ одной стороны, увеличиваетъ спросъ на рабочихъ, то оно же, съ другой стороны, увеличиваетъ и предложеніе рабочихъ, освобождая ихъ, и что одновременно съ этимъ давленіе соперничества лишенныхъ работы принуждаетъ занятыхъ отдавать больше труда и такимъ образомъ дѣлаетъ до извѣстной степени предложеніе труда независимымъ отъ предложенія рабочихъ.

Движеніе закона спроса и предложенія труда на этой основѣ дополняетъ деспотизмъ капитала. Какъ только, поэтому, рабочій от-

кроетъ тайну, какъ происходитъ то, что въ той же мѣрѣ, въ какой они работаютъ больше, производятъ болѣе чужого богатства, и по мѣрѣ возрастанія производительной силы ихъ труда,—ихъ функція, какъ орудія увеличенія цѣнности капитала, становится для нихъ все скуднѣе: какъ только они откроютъ, что степень интенсивности соперничества между ними сама вполнѣ зависитъ отъ давленія излишняго населенія; какъ только они постараются, поэтому, организовать при помощи союзовъ сопротивленія планомѣрное содѣйствіе между занятыми и незанятыми рабочими, чтобы сломать или ослабить разрушительныя послѣдствія того естественнаго закона капиталистическаго производства на ихъ классъ, какъ немедленно капиталъ кричитъ *разбой*, какъ и его сикофантъ, политико-экономъ, о нарушеніи „вѣчнаго“ и, такъ сказать, „*священнаго*“ естественнаго закона спроса и предложенія. Всякое соглашеніе между занятыми и незанятыми препятствуетъ чистой „игрѣ“ этого закона. Но какъ только, съ другой стороны, напримѣръ, въ колоніяхъ, *противныя обстоятельства препятствуютъ созданію индустріальной резервной арміи, а съ нею и абсолютной зависимости* класса рабочихъ отъ класса капиталистовъ, — то капиталъ возстаетъ, вмѣстѣ съ своимъ пошлымъ Санчо-Пансой, *противъ* „священнаго“ закона спроса и предложенія и старается подхватить его подъ руки при помощи принудительныхъ средствъ. Относительно различныхъ формъ относительнаго перенаселенія достаточно будетъ здѣсь сказать лишь нѣсколько словъ. Оставляя въ сторонѣ смѣну фазисовъ индустріальнаго цикла, по отношенію къ которому перенаселеніе бываетъ то острое, въ періодъ кризиса, то хроническое, въ періодъ застоя, можно вообще различить три формы перенаселенія—*текущую*, *скрытую* и *застойную*.

Первая носитъ постоянный характеръ и соотвѣтствуетъ непрерывному привлеченію и отталкиванію капиталомъ рабочихъ. Часть этого населенія эмигрируетъ, и потому-то, какъ доказываетъ Англія, женское населеніе возрастаетъ быстрѣе мужского. Все дѣло въ томъ, что капиталу требуются большія массы людей въ дѣтскомъ возрастѣ и меньшія во взрослomъ мужскомъ; поэтому, по достиженіи совершеннолѣтія, многіе рабочіе оставляются безъ занятій. Это простое послѣдствіе абсолютнаго возрастанія капитала и населенія, но такое, при которомъ населеніе, хотя и растетъ, но изнашивается весьма быстро. Требуется быстрая смѣна рабочаго населенія, потому что дѣти и юноши нужнѣе взрослыхъ. Это достигается ранними браками—необходимымъ послѣдствіемъ тѣхъ отношеній между полами, въ которыхъ живутъ рабочіе крупной индустріи, и той премін, которую даетъ рожденію дѣтей употребленіе ихъ труда.

Охватывая земледѣліе, капиталистическая продукція уменьшаетъ и здѣсь спросъ на трудъ, но такимъ прочнымъ образомъ, что сокра-

щенію здѣсь этого спроса не сопутствуетъ расширеніе его, какъ въ городской индустріи. Одна часть сельскаго рабочаго населенія такимъ образомъ постоянно находится на пути къ превращенію въ городское или въ мануфактурное. Но одновременно съ этимъ въ селахъ постоянно остается извѣстное *скрытое* или потайное перенаселеніе.

Наконецъ, *застойная* форма—это часть активной арміи съ неправильными занятіями, положеніе которой ниже средняго уровня потребностей рабочихъ. Здѣсь максимумъ работы и минимумъ задѣльной платы. Это преимущественно домашняя работа. Она рекрутируется постоянно изъ перенаселенія крупной индустріи и земледѣлія и именно существуетъ въ погибающихъ подъ напоромъ крупной индустріи ремеслахъ.

Таковы важнѣйшія формы перенаселенія или избыточнаго населенія; но кромѣ этихъ формъ, существуютъ и нѣкоторыя другія, за разсмотрѣніемъ которыхъ мы приглашаемъ читателя обратиться къ самому „Капиталу“, стр. 554 и сл. *Чѣмъ больше общественное богатство*, функціонирующій капиталъ, объемъ и энергія его возрастанія, *а слѣдовательно, и абсолютное количество рабочаго населенія и производительной силы его труда*, тѣмъ больше относительное излишнее населеніе или индустріальная резервная армія. *Располагаемая рабочая сила* развивается вліяніемъ *тѣхъ же причинъ*, какъ и *сила расширенія капитала*. Сравнительное количество индустріально-резервной арміи возрастаетъ такимъ образомъ вмѣстѣ съ силами богатства. Но чѣмъ больше эта резервная армія по отношенію къ активной арміи рабочихъ, тѣмъ массивнѣе *установившееся* чрезмѣрное населеніе или слои работниковъ нищета которыхъ находится въ обратномъ отношеніи съ ихъ рабочими муками. Наконецъ, чѣмъ больше слой Лазарей рабочаго класса и индустріальная армія, тѣмъ больше оффиціальный пауперизмъ. *Таковъ абсолютный всеобщій законъ капиталистическаго накопленія*. Подобно всѣмъ всеобщимъ законамъ онъ въ своемъ осуществленіи ограничивается различными условіями, анализъ которыхъ не относится сюда.

Не трудно понять ту мудрость экономистовъ, которая проповѣдуетъ рабочимъ, что они должны *приспособлять свое число къ потребностямъ увеличенія своей цѣнности капиталомъ*. Механизмъ капиталистическаго производства и накопленія постоянно приспособляетъ ихъ къ этому увеличенію цѣнности. Первое слово этого приспособленія есть созданіе относительнаго перенаселенія или индустріальной резервной арміи, послѣднее слово—нищета все возрастающихъ слоевъ активной рабочей арміи и мертвый вѣсъ пауперизма.

Законъ, который постоянно поддерживаетъ въ равновѣсіи относительное перенаселеніе или индустріально-резервную армію съ объемомъ и энергіей накопленія, приковываетъ рабочаго къ капиталу

крѣпче, чѣмъ клинъ Гефэста приковывалъ къ скалѣ Прометея. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть въ то же время накопленіе нищеты, мученій труда, рабства, невѣжества, оскотиненія и приниженія на противоположномъ полюсѣ, т. е. на сторонѣ класса, который свой собственный продуктъ производитъ, какъ капиталъ. Этотъ антагонистическій характеръ капиталистическаго накопленія высказанъ въ различныхъ формахъ политико-экономами, хотя они отчасти смѣшивали съ нимъ, правда, аналогичныя, но все же существенно отличныя явленія до-капиталистическихъ способовъ производства. Венеціанскій монахъ Ортесъ, одинъ изъ крупныхъ экономическихъ писателей XVIII столѣтія, понимаетъ антагонизмъ капиталистическаго производства, какъ всеобщій естественный законъ общественнаго богатства. „Экономически доброе и экономически злое", говоритъ онъ [1]), „постоянно у націи поддерживаютъ взаимное равновѣсіе, обиліе благъ для однихъ постоянно равняется недостатку ихъ для другихъ. Большое богатство у однихъ постоянно сопровождается абсолютнымъ ограбленіемъ необходимаго у многихъ другихъ". Богатство націи соотвѣтствуетъ ея населенію, а нищета ея соотвѣтствуетъ ея богатству. Трудолюбіе въ однихъ вынуждаетъ праздность въ другихъ. Бѣдные и праздные суть необходимый плодъ богатыхъ и дѣятельныхъ и т. д. Совершенно грубо возвеличивалъ, около 10 лѣтъ спустя, бѣдность, какъ необходимое условіе богатства, протестантскій попъ высокой церкви Таунзендъ. „Законное принужденіе къ труду связано съ слишкомъ большими трудностями, насиліемъ и шумомъ, тогда какъ голодъ является не только мирнымъ, молчаливымъ, непрерывнымъ давленіемъ, но, какъ естественный стимулъ къ промышленности и работѣ, вызываетъ могущественное усиліе". Все сводится, такимъ образомъ, къ тому, чтобы сдѣлать голодъ среди рабочаго класса постояннымъ, и объ этомъ, по Таунзенду, заботится принципъ народонаселенія, особенно дѣятельный среди бѣдныхъ. „Повидимому, представляетъ законъ природы, что бѣдные до извѣстной степени легкомысленны (именно столь легкомысленны, что приходятъ безъ золотой ложки въ міръ), такъ что всегда ихъ имѣется довольно для исполненія наиболѣе служебныхъ, грязныхъ и пошлыхъ функцій общежитія. Отъ этого сильно возрастаетъ фондъ человѣческаго счастья, болѣе деликатные освобождаются отъ хлопотъ и могутъ безпрепятственно слѣдовать высшимъ призваніямъ... Законъ о бѣдныхъ имѣетъ стремленіемъ разрѣшить гармонію и красоту, симметрію и порядокъ этой системы, которая сооружена Богомъ и природою міра". — „*Прогрессъ общественнаго богатства*", говоритъ Шторхъ [2]), „производитъ *тотъ*

[1]) „Della Economia Nazionale etc." 1777 у Custodi, Parte Moderna, t. XXI, p. 6, 9, 22, 25 etc.

[2]) Storch, op. cit., t. III, p. 233.

*полезный классъ общества*... который исполняетъ скучнѣйшія, пошлѣйшія и противнѣйшія занятія, однимъ словомъ, все, что имѣетъ жизнь непріятнаго и сервильнаго, беретъ на свои плеча и именно тѣмъ доставляетъ *другимъ классамъ* время, веселость духа и условное (c'est bon!) достоинство характера". Шторхъ спрашиваетъ себя, въ чемъ же состоитъ преимущество этой характеристической цивилизаціи съ ея нищетою и ея пониженіемъ массъ, сравнительно съ варварствомъ? Онъ не находитъ другого отвѣта, кромѣ *безопасности*. „Благодаря прогрессу промышленности и науки", говоритъ Сисмонди [1]), „каждый рабочій можетъ ежедневно производить больше, чѣмъ онъ нуждается для своего потребленія. Но въ то же время, какъ его работа производитъ богатство, еслибы онъ самъ былъ призванъ потреблять его, оно сдѣлало бы его мало способнымъ къ труду". „Бѣдныя націи", говоритъ Дестю де Траси [2]), „суть тѣ, гдѣ хорошо народу, а богатыя націи тѣ, гдѣ онъ обыкновенно бѣденъ". Дальше идутъ у Маркса статистическія подтвержденія закона капиталистическаго накопленія, взятыя за періодъ послѣднихъ 15—20 лѣтъ (предшествующій 1867 году)—одинъ изъ самыхъ благопріятныхъ для накопленія. Нѣкоторыя цифры приведемъ и мы. Оказывается, во-первыхъ, что въ Англіи и Уэльсѣ, начиная съ 1811 года, абсолютный ростъ народонаселенія постоянно замедлялся, а именно съ 1811 по 1821 былъ $1^{5}/_{10}$, а съ 1851 по 1861—$1^{1}/_{10}$% въ годъ. За то возрастаніе обложенной подоходнымъ налогомъ прибыли возвысилось въ Великобританіи съ 1853 по 1864 годъ на 50,47% (или по 4,58% въ годъ), тогда какъ населеніе въ тотъ же періодъ времени возросло только на 12%. Увеличеніе обложенныхъ подоходною податью рентъ съ земель (находящихся подъ домами, желѣзными дорогами, рудниками, рыбными ловлями и пр.) составило съ 1853 по 1864 годъ 38% или по $3^{5}/_{12}$% въ годъ. Если взять четырехлѣтія, то ростъ прибыли будетъ въ годъ слѣдующій: съ 1853—1857 г. 1,73%, 1857—1861 г. 2,74%, 1861—1864 г. 9,30%. Общая сумма обложеннаго налогомъ дохода была въ 1856 г. 307 м. ф., а въ 1865 уже $385^{1}/_{2}$ м. Далѣе. По статистикѣ 10 графствъ оказалось, что здѣсь съ 1851 по 1861 г. аренды ниже 100 акровъ уменьшились отъ 31.583 до 26.567, т. е. 5.016 арендъ послѣдняго размѣра соединились съ болѣе значительными, что указываетъ на громадное сосредоточеніе капиталовъ. Съ 1815 по 1825 годъ никакое движимое имущество свыше 1 милл. не подпадало налогу на наслѣдство, тогда какъ съ 1825 по 1855 годъ ихъ было 8, а съ 1856 по 1859, т. е. въ теченіе только 4 лѣтъ—4, что служитъ признакомъ не менѣе громаднаго накопленія. Наконецъ, изъ данныхъ о доходахъ, облагаемыхъ налогомъ подъ видомъ прибыли, за 1864—1865 гг., видно, что

[1]) Sismondi, op. cit., t. I. p. 85.
[2]) Destutt de Tracy, op. cit., p. 231.

число владѣльцевъ этихъ доходовъ уменьшается какъ относительно всей суммы послѣднихъ, такъ, особенно, по отношенію къ наиболѣе крупнымъ доходамъ.

Но наиболѣе блестящею, по нашему мнѣнію, иллюстраціею капиталистическаго накопленія являются у Маркса данныя, относящіяся къ положенію дѣлъ въ Ирландіи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Вслѣдствіе обезлюденія (населеніе Ирландіи было въ 1841 году 8.222.664 чел., а въ 1866—5.500.000 ч.), много земли здѣсь брошено и не подвергается обработкѣ, количество земледѣльческаго продукта сильно уменьшилось, и даже въ скотоводствѣ, несмотря на увеличеніе пространства луговъ и пастбищъ, оказывается въ нѣкоторыхъ отрасляхъ положительное уменьшеніе. Такъ, въ промежутокъ времени съ 1861 по 1865 годъ количество земли подъ зерновымъ хлѣбомъ уменьшилось на 428.041 акръ, подъ овощами на 107.984 акра, а общее количество земли, служащей для земледѣлія и для пастбищъ, —на 330.810 акровъ. Такъ точно въ теченіе одного только 1864—1865 года количество пшеницы уменьшилось на 48.999 кварт., овса на 166.605, картофеля на 446.398 тоннъ, рѣпы на 165.976 тоннъ и т. п. Въ то же время, хотя пространство подъ лугами съ 1861 по 1865 годъ и увеличилось на 82.834 акра, но число людей уменьшилось на 72.358 чел., а рогатаго скота на 116.626 головъ. Однако, несмотря на все это, поземельная рента и доходъ арендаторовъ, по мѣрѣ уменьшенія населенія, постоянно возрастали. Поземельная рента составляла въ 1861 году 12.893.829, а въ 1865 году уже 13.801.616 ф., а доходъ арендаторовъ въ 1861 году 2.765.387, а въ 1865—2.946.072 ф. Причина этого явленія понятна. Съ одной стороны, соединеніе мелкихъ фермъ въ крупныя и обращеніе пашней въ пастбища превратило большую долю валового продукта въ прибавочный продуктъ [1]). Абсолютное количество прибавочнаго продукта возросло, хотя валовой доходъ, часть котораго онъ составляетъ, абсолютно уменьшился. Каковы же были послѣдствія для оставшагося на мѣстѣ рабочаго населенія Ирландіи, освобожденнаго отъ избыточнаго населенія? *Относительный избытокъ* населенія остался такимъ же, какимъ былъ до 1846 года; рабочая плата такъ же низка (въ лучшемъ случаѣ она не превышаетъ 7 шилл. въ недѣлю, тогда какъ англійскій поденщикъ-земледѣлецъ получаетъ 10—11 шилл.), а трудъ рабочаго усилился. Образованіе относительнаго избытка населенія шло быстрѣе абсолютнаго уменьшенія цифры населенія, имѣвшаго причинами эмиграцію и голодъ. Между тѣмъ какъ множество прежде воздѣлываемыхъ полей оставались необработанными или превращались въ постоянные луга,

[1]) Именно такой случай имѣлъ въ виду Рикардо, разсуждая о вредномъ дѣйствіи машинъ на интересы рабочаго класса. См. конецъ предыдущей главы. *Авт.*

бо́льшая часть необработанной земли или болотъ употреблялась въ то же время для развитія скотоводства.

Многія другія важныя подтвержденія закона населенія, равно какъ и массу свѣдѣній о положеніи рабочихъ, оплачиваемыхъ хуже и лучше, о положеніи земледѣльческихъ рабочихъ и о постепенномъ ухудшеніи этого положенія, подъ вліяніемъ развитія капитализма, въ теченіе послѣднихъ 30—40 лѣтъ, читатель найдетъ на стр. 559—612 русск. перевода „Капитала“.

Въ виду сложности содержанія настоящей главы, подведемъ краткіе итоги важнѣйшимъ положеніямъ Маркса, о которыхъ идетъ въ ней рѣчь. Вотъ они:

1) Ежегодное возстановленіе всѣхъ составныхъ частей постояннаго и перемѣннаго капитала, вмѣстѣ съ такою прибавочною цѣнностью, которой хватаетъ только на личное потребленіе капиталиста, есть простое воспроизведеніе капитала.

2) Если, въ дополненіе къ простому воспроизведенію, въ капиталъ превращается, сверхъ того, часть ежегодной прибавочной цѣнности, то мы имѣемъ дѣло съ прогрессивнымъ воспроизведеніемъ или съ накопленіемъ капитала.

3) Не только капиталъ въ цѣломъ составѣ, но также и фонды потребленія рабочаго и капитала представляютъ величины не постоянныя, а весьма эластическія.

4) Въ извѣстныхъ предѣлахъ накопленіе капитала не находится въ зависимости отъ объема послѣдняго, а слѣдовательно, и отъ пропорціи, въ какой подраздѣляется прибавочная цѣнность на дополнительный капиталъ и на фондъ потребленія самого капиталиста; накопленіе можетъ возрастать отъ одного только увеличенія количества работы, производительной ея силы и даровой силы прежнихъ орудій труда.

5) Временное возвышеніе задѣльной платы въ странѣ имѣетъ причиною не уменьшеніе роста населенія, а ускоренное накопленіе капитала въ связи съ открытіемъ новыхъ рынковъ и т. д., точно такъ же, какъ пониженіе задѣльной платы представляетъ слѣдствіе не увеличенія роста населенія, а, напротивъ того, замедленія въ накопленіи. Такимъ образомъ, нельзя говорить объ *абсолютномъ перенаселеніи* или *недонаселеніи*, а только о *менѣе или о болѣе быстромъ накопленіи капитала*.

6) Благодаря увеличенію производительной силы труда и сосредоточенію капиталовъ путемъ побѣдъ крупныхъ капиталистовъ надъ множествомъ мелкихъ и путемъ кредита, доля перемѣннаго капитала, по мѣрѣ накопленія, возрастаетъ въ гораздо меньшей пропорціи, нежели доля капитала постояннаго, и въ то же время количество и объемъ орудій производства увеличиваются еще быстрѣе, чѣмъ цѣн-

ность постоянnаго капитала: въ силу той и другой причины, спросъ на рабочихъ, по мѣрѣ прогресса накопленія, замедляется все болѣе и болѣе.

7) Относительное уменьшеніе перемѣнной части капитала служитъ источникомъ *относительнаго избыточнаго населенія* или *перенаселенія*, между тѣмъ какъ обыкновенно полагаютъ, что, наоборотъ, оно само составляетъ результатъ послѣдняго.

8) Благодаря способности къ внезапному расширенію, накопленіе капитала часто нуждается въ свободныхъ рабочихъ силахъ, ненужныхъ наканунѣ, а потому образованіе избыточнаго населенія есть не случайное, а необходимое его послѣдствіе.

9) Теченіе новѣйшей промышленности представляется въ видѣ цикла, которому соотвѣтствуетъ смѣна періодовъ средней живости накопленія, производства подъ высокимъ давленіемъ, кризиса и застоя, имѣющаго въ основаніи образованіе, большее или меньшее поглощеніе и новое образованіе индустріальнаго резерва или избыточнаго населенія.

10) Общераспространенная теорія закона народонаселенія (Мальтуса) представляетъ не что иное, какъ ошибочное обобщеніе тѣхъ законовъ, на основаніи которыхъ рабочее населеніе распредѣляется между *отдѣльными* областями производства.

## ГЛАВА XIII.

## Разборъ теоріи накопленія капитала и опроверженіе теоріи Мальтуса.

Теорія народонаселенія или, что одно и то же, теорія накопленія капитала, которая только что нами изложена, по силѣ и ясности анализа, по глубинѣ и оригинальности мысли, представляетъ положительно наиболѣе замѣчательную и вмѣстѣ самую блестящую часть изучаемаго нами сочиненія, за исключеніемъ развѣ одной только главы о происхожденіи добавочной цѣнности, послужившей основою, между прочимъ, и самому ученію о народонаселеніи. Теорія автора „Капитала“, употребляя нѣмецкую поговорку, ставитъ на голову законъ народонаселенія, обыкновенно приписываемый Мальтусу; онъ выворачиваетъ послѣдній на изнанку, она самымъ логическимъ и неизбѣжнымъ образомъ способна убѣдить каждаго, что положенія Мальтуса и его послѣдователей должны быть понимаемы не въ прямомъ, а въ обратномъ значеніи, и при томъ въ значеніи гораздо болѣе узкомъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Считаемъ необходимымъ подчеркнуть это противорѣчіе съ особенною тщательностью, чтобы напомнить тѣмъ читателю, что въ блаженную эпоху юности политической экономіи появленіе столь оригинальной, столь рѣзко выдѣляющейся доктрины непре-

мѣнно возбудило бы вниманіе ученыхъ и публики и ужъ по меньшей мѣрѣ повлекло бы за собою живую литературную полемику. Вѣдь вели же за собою продолжительныя научныя пререканія Сисмонди и Сэй, Рикардо и Мальтусъ и часто по поводу вопросовъ гораздо меньшей важности—съ единственною цѣлью уясненія истины. Но *tempora mutantur*,—эпоха юношеской впечатлительности и отзывчивости на новыя явленія жизни и литературы прошла для экономистовъ безвозвратно, и Марксова теорія народонаселенія, за однимъ маленькимъ исключеніемъ, о которомъ мы скажемъ ниже, не удостоилась до сей поры не только обстоятельной критики, но даже и поверхностной рецензіи.

Кому изъ нашихъ читателей, не говоря уже о политико-экономистахъ, не приходилось имѣть дѣло съ вопросомъ о наростаніи сложныхъ процентовъ или процентовъ на проценты? Еще болѣе: кто сомнѣвался въ томъ, что наростаніе процентовъ на проценты не есть явленіе случайное и рѣдкое, а напротивъ, столь распространенное и даже обыденное, что стоитъ только оставлять у должника проценты или передавать ихъ въ видѣ капитала въ другія руки, чтобы проценты непремѣнно сами стали приносить доходъ? Но, несмотря на всю вульгарность и банальность этой истины, она обыкновенно понимается не въ томъ широкомъ соціальномъ смыслѣ, какой она дѣйствительно имѣетъ, а въ ограниченномъ значеніи феномена, не выходящаго изъ сферы частнаго хозяйства. А между тѣмъ, явленіе наростанія процентовъ на проценты тождественно съ общественнымъ процессомъ накопленія капитала, который представляетъ условіе самой капиталистической продукціи со всею совокупностью ея послѣдствій.

Такимъ же образомъ, кому въ настоящее время неизвѣстно, что капиталистическое употребленіе машинъ упраздняетъ извѣстное число рабочихъ, т. е. оставляетъ ихъ и безъ работы, и безъ средствъ существованія? Но чтобы убѣдиться, что процессъ накопленія капитала и процессъ упраздненія рабочихъ посредствомъ машинъ или, вообще, посредствомъ постояннаго капитала, суть не болѣе, какъ двѣ различныя стороны одной и той же медали,—на это уже требовалось гораздо большее упорство мысли, чѣмъ то, какое встрѣчается обыкновенно.

Но и это еще не все. Господствуетъ всеобщая увѣренность,—и самый даже предыдущій анализъ, изложенный въ одной изъ главъ нашего нынѣшняго сочиненія, повидимому, стремился къ поддержанію и къ укрѣпленію ея,— что обмѣнъ рабочей силы на капиталъ, хотя и отличается извѣстною характеристической окраской, но въ то же время во всѣхъ существенныхъ чертахъ является подобіемъ обмѣна однихъ товаровъ на другіе такіе же товары. А между тѣмъ, на основаніи приведенныхъ выше изысканій Маркса мы вправѣ сдѣлать теперь выводъ, что купля-продажа рабочей силы представляется явле-

ніемъ вполнѣ отличнымъ отъ всякой другой мѣновой сдѣлки, и что въ послѣднемъ счетѣ она является обмѣномъ только съ виду. Дѣйствительно, возьмемъ въ примѣръ капиталиста, который расходуетъ извѣстный капиталъ на пріобрѣтеніе рабочей силы съ такимъ ограниченіемъ, чтобы предѣлъ работы совпадалъ съ предѣломъ возмѣщенія капитала. По истеченіи срока договора, владѣлецъ получаетъ затраченную имъ впередъ сумму, эквивалентъ которой послужилъ для удовлетворенія необходимыхъ потребностей рабочихъ, для воспроизведенія ихъ рабочей силы. Не трудно видѣть, что въ данномъ случаѣ нѣтъ на-лицо существенныхъ условій, сопровождающихъ обмѣнъ товара на другой товаръ. Послѣдній видъ обмѣна требуетъ, чтобы каждый контрагентъ посредствомъ мѣнового акта пріобрѣталъ такія вещи, какихъ до этого онъ не имѣлъ. Но при упомянутомъ обмѣнѣ капитала на рабочую силу, владѣлецъ капитала пріобрѣтаетъ снова то же, чѣмъ онъ владѣлъ до сдѣлки, т. е. одну и ту же сумму денегъ. И въ этомъ странномъ свойствѣ подобнаго обмѣна не производитъ ни малѣйшихъ измѣненій то обстоятельство, является-ли онъ отдѣльнымъ, единичнымъ актомъ, или, напротивъ, повторяется большее число разъ. Хотя бы нашъ капиталистъ затрачивалъ свой капиталъ при упомянутомъ ограниченіи на протяженіи цѣлыхъ сотенъ лѣтъ, онъ все же, въ концѣ концовъ, остался бы при той же самой суммѣ капитала, которую имѣлъ вначалѣ. Итакъ, какой же тутъ обмѣнъ, когда одна и та же сумма можетъ отдаваться за цѣлыя столѣтія работы? Ясно, что даже въ этомъ наиболѣе элементарномъ видѣ, еслибы онъ только былъ возможенъ, обмѣнъ рабочей силы на капиталъ имѣлъ бы лишь формальное значеніе. Но предположимъ, что предѣлъ работы превышаетъ границу одного лишь возмѣщенія капитала и что приростъ продукта, какъ это и дѣйствительно бываетъ при повтореніи сдѣлки, самъ употребляется подобно первоначальной суммѣ капитала и самъ даетъ приростъ. Мы уже знаемъ, что только при такомъ условіи и практикуется наемъ рабочихъ, и что въ противномъ случаѣ онъ не имѣлъ бы смысла. Но если наша сдѣлка и пріобрѣтаетъ отъ этого извѣстный *raison d'être* по отношенію къ капиталисту, то она еще менѣе, чѣмъ прежде, похожа на обмѣнъ товаровъ. Пусть судитъ самъ читатель. Въ первомъ примѣрѣ сумма денегъ, принадлежащая капиталисту $a$, обмѣнивалась на работу $b$, $c$, $d$ и пр. и возвращалась снова къ своему исходному пункту безъ измѣненія въ своей величинѣ. При этомъ $b$, $c$, $d$, по меньшей мѣрѣ, хоть воспроизводятъ то, что было имъ дано отъ $a$. Но во второмъ примѣрѣ воспроизводится уже не только эта сумма, а тотъ приростъ ея, который получился отъ приложенія труда $b$, $c$, $d$ сверхъ возмѣщенія ея самой, и кромѣ этого воспроизводится съ излишкомъ, который снова поступаетъ въ производство. Говоря иначе, продуктъ вчерашняго труда извѣстныхъ лицъ здѣсь по-

ступаетъ въ вознагражденіе за сегодняшній ихъ трудъ. Тутъ, очевидно, исчезаетъ даже послѣдній слѣдъ обмѣна, и нѣтъ необходимости доказывать, что накопленіе капитала въ такой формѣ могло бы, *mutatis mutandis*, имѣть мѣсто въ любой общественной организаціи, помимо всякой продажи рабочей силы однимъ классомъ общества другому. Нельзя, конечно, утверждать, чтобы особенности рабочей силы, какъ товара, совсѣмъ не обращали на себя вниманія экономистовъ. Такъ, напр., Брэнтано, Торнтонъ и отчасти Кэрнсъ считаютъ „трудъ“ товаромъ специфическимъ, который обмѣнивается при самостоятельныхъ условіяхъ. Но ихъ анализъ вращается на внѣшности и мелочахъ и не вникаетъ въ сущность дѣла: въ глазахъ же остальныхъ писателей и публики такъ называемый „рабочій рынокъ“ есть совершенно то же, что „рынокъ денежный“ или „товарный“. Но если было затруднительно составить себѣ правильное понятіе о характеристическихъ чертахъ рабочей силы по отношенію къ обмѣну, то еще менѣе могло придти въ соображеніе то обстоятельство, что именно благодаря своимъ особымъ свойствамъ обмѣнъ на капиталъ рабочей силы находится въ тѣснѣйшемъ внутреннемъ сродствѣ съ явленіемъ наростанія процентовъ и упраздненіемъ рабочихъ посредствомъ машинъ и другого постояннаго капитала.

Вотъ это-то сопоставленіе и приведеніе во взаимную зависимость указанныхъ явленій, а также новый и оригинальный взглядъ на ихъ значеніе въ производительномъ процессѣ и представляютъ основу тѣхъ изслѣдованій Маркса, которыя опредѣляютъ условія и результатъ проявленія закона народонаселенія при существованіи капиталистической продукціи. Помимо всѣхъ другихъ ея достоинствъ, совмѣстное изображеніе и обсужденіе многихъ сосуществующихъ экономическихъ явленій, безспорно, придаетъ теоріи народонаселенія Маркса значеніе одного изъ лучшихъ примѣненій сложной физической методы къ запутаннымъ экономическимъ вопросамъ.

---

Мы видѣли, что авторъ „Капитала“ не допускаетъ въ примѣненіи къ людямъ господства абсолютнаго закона населенія, который, по его словамъ, есть принадлежность однихъ только растеній и животныхъ; онъ утверждаетъ, что каждый соціальный способъ производства имѣетъ свой особый относительный законъ народонаселенія. Чтобы имѣть возможность оцѣнить всю важность этой точки зрѣнія, а также и того практическаго приложенія къ дѣлу, какое представляетъ теорія народонаселенія Маркса, необходимо изслѣдовать поближе, въ чемъ заключается различіе въ этомъ отношеніи между ученіемъ Маркса и закономъ народонаселенія Мальтуса.

По мнѣнію Мальтуса, размноженіе народонаселенія, при отсутствіи препятствій, идетъ въ геометрической прогрессіи, тогда какъ

средства къ жизни, при самыхъ благопріятныхъ для труда условіяхъ, не могутъ возрастать быстрѣе, чѣмъ въ прогрессіи ариѳметической. Говоря вообще, законъ этотъ гласитъ: 1) что народонаселеніе неизбѣжно ограничивается средствами существованія, 2) что оно неизбѣжно размножается повсюду, гдѣ только возрастаютъ средства существованія, и что 3) препятствія, останавливающія силу размноженія и *приводящія* народонаселеніе къ уровню средствъ существованія, бываютъ или предупредительныя, или разрушительныя и сводятся къ тремъ видамъ: нравственному обузданію, пороку и несчастію. „Понятно", прибавляетъ Мальтусъ [1]), „что *главное* препятствіе для размноженія населенія состоитъ въ недостаткѣ пищи, къ которому приводятся всѣ прочія *косвенныя* препятствія, т. е. всякаго рода злоупотребленія и страданія, какія могутъ быть *вызваны* недостаточными средствами существованія". Въ этихъ немногихъ положеніяхъ содержится вся сущность ученія о народонаселеніи Мальтуса, и все, что говорится имъ потомъ на протяженіи двухъ обширныхъ томовъ, способствуетъ, какъ мы увидимъ, скорѣе затемненію, чѣмъ разъясненію тѣхъ вовсе немудреныхъ мыслей, которыя только что изложены.

Теорія Мальтуса служила, какъ извѣстно, предметомъ безконечно длинныхъ преній и подвергалась весьма разнообразнымъ толкованіямъ. Но, сколько намъ извѣстно, никто не изъявлялъ сомнѣнія, что слѣдующія двѣ мысли автора имѣютъ значеніе вполнѣ опредѣленное: *во-первыхъ*, что народонаселеніе повсюду и всегда находится на уровнѣ средствъ существованія, а *во-вторыхъ*, что какъ только размноженіе превыситъ этотъ уровень,—народонаселеніе немедленно низводится къ нему вліяніемъ косвенныхъ препятствій, происходящихъ отъ недостатка средствъ существованія. Не подлежитъ сомнѣнію, что недостатку средствъ существованія отводится здѣсь роль преграды, которая, при всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, *фактически* пріостанавливаетъ размноженіе, тогда какъ предупредительныя и разрушительныя препятствія разсматриваются въ качествѣ явленій, которыя составляютъ *слѣдствіе* прямого недостатка въ пищѣ. Такъ разсуждаетъ Мальтусъ во вступительной главѣ своего „Опыта о народонаселеніи", въ которой онъ пытается придать теоретическую формулировку своимъ практическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ. Присмотримся же теперь поближе, насколько онъ выдерживаетъ эту точку зрѣнія, когда обращается къ дѣйствительности, какія доказательства приводитъ онъ для подтвержденія ея, и можетъ-ли она быть вообще доказана.

Мы слышали отъ Мальтуса, что народонаселеніе *неизбѣжно* ограничивается средствами существованія и, слѣдовательно, мы впра-

[1]) См. Опытъ о законѣ народонаселенія, т. I, стр.

вѣ думать, что ограниченіе это имѣетъ въ глазахъ автора значеніе универсальное и абсолютное. Но, къ сожалѣнію, мы сейчасъ покажемъ, что самъ Мальтусъ, какъ это ни странно, далеко не всегда придерживается этого мнѣнія. Онъ, правда, неоднократно повторяетъ ту же мысль и почти тѣми же словами. Такъ, наприм., онъ говоритъ (т. I, 141), что „каждый островъ, подобно всей остальной землѣ, содержитъ ровно столько населенія, сколько въ состояніи прокормить его *дѣйствительныя* произведенія". Но въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія онъ явнымъ образомъ противорѣчитъ въ этомъ отношеніи самъ себѣ. Замѣтивъ предварительно (113), что „существуютъ немногіе случаи, какъ, напр., негры въ Вестъ-Индіи и еще одинъ или два подобныхъ примѣра, когда населеніе *не достигаетъ* уровня средствъ существованія", онъ, тѣмъ не менѣе, цитируетъ впослѣдствіи не малое число подобныхъ странныхъ случаевъ. Такъ, про Сибирь онъ говоритъ (211): „несмотря на эту кажущуюся легкость добыть изобильное пропитаніе (благодаря обильнымъ урожаямъ и т. п.), многія изъ этихъ богатыхъ областей заселены слабо, и, быть можетъ, ни въ одной изъ нихъ населеніе не соотвѣтствуетъ плодородной почвѣ". Но почему же это происходитъ? — спросимъ мы. „Еще недостаточно", отвѣчаетъ намъ на это Мальтусъ, „чтобы страна легко производила большое количество продовольствія: необходимо еще такое общественное устройство, чтобы продовольствіе это правильно распредѣлялось". Итакъ, мы видимъ, что въ данномъ случаѣ причиною задержки народонаселенія является не недостатокъ средствъ существованія. Но еще два-три примѣра. „Еслибы собственность въ этой странѣ" (Египетъ), читаетъ мы у Мальтуса (207), „получила лучшее обезпеченіе, еслибы трудъ принялъ болѣе правильное направленіе, то этого плодородія было бы достаточно для постепеннаго улучшенія и распространенія земледѣлія и для возвращенія странѣ прежняго благосостоянія. О Египтѣ мы имѣемъ полное право сказать, что не недостаточное народонаселеніе останавливаетъ въ немъ трудъ, а, напротивъ того, недостаточный трудъ останавливаетъ населеніе" (т. е., говоря попросту, населеніе не можетъ въ немъ достигнуть уровня средствъ существованія). Отъ какихъ же причинъ это зависитъ? Отъ варварства мѣстнаго правительства, говоритъ Мальтусъ, отъ произвольнаго установленія налоговъ, отъ существующей дурной обработки земли и проч. Вотъ, слѣдовательно, еще случай, когда народонаселеніе не можетъ достигнуть уровня средствъ существованія въ томъ точномъ смыслѣ выраженія, который приписывается ему самимъ же авторомъ. Далѣе. „Примемъ за фактъ, не подлежащій сомнѣнію, что на благодатнѣйшихъ островахъ (Сандвичевыхъ) этого океана рѣдко ощущается нужда" (154). Еще одинъ примѣръ. „Если мы переселимся", пишетъ Мальтусъ (144), „съ безлюдныхъ береговъ Новой Зе-

ландіи на населенный Отаити и на другіе Острова Товарищества, то увидимъ другую картину. Здѣсь невозможны никакія опасенія голода. Путешественники, говоря объ этихъ странахъ, называютъ ихъ земнымъ раемъ и не нахвалятся ихъ плодородіемъ". Опять такой же случай. Наконецъ, выше говорилось, что размноженіе народонаселенія, помимо производства достаточнаго количества средствъ существованія, нуждается еще въ порядочномъ общественномъ устройствѣ. Такимъ устройствомъ Мальтусъ неоднократно признаетъ новѣйшую экономическую организацію капитализма. Казалось бы, поэтому, что въ глазахъ Мальтуса тѣ страны, въ которыхъ господствуетъ подобная организація, должны являться чистѣйшимъ воплощеніемъ начала, на основаніи котораго народонаселеніе встрѣчаетъ неизбѣжное ограниченіе въ количествѣ дѣйствительнаго продовольствія. Но вмѣсто этого подобное устройство неожиданно являетъ намъ еще одинъ значительный примѣръ недостиженія народонаселеніемъ уровня средствъ существованія. „Это дѣйствительное размноженіе", говоритъ намъ Мальтусъ (II, 402—3), „или настоящія границы должны *постоянно* находиться несравненно *ниже* наивысшаго предѣла производительныхъ силъ земли относительно продовольствія потому, во-первыхъ, что мы не имѣемъ права предположить, чтобы искусства и трудолюбіе общества, при настоящемъ состояніи общества, могли получить возможно лучшее примѣненіе, а во-вторыхъ, потому, что и *наибольшее производство* питательныхъ веществъ, какое можетъ быть доставлено почвой, *нельзя получить* при системѣ *частной собственности*".

Такимъ образомъ *первое* изъ вышеупомянутыхъ двухъ положеній Мальтуса, не допускающихъ различія въ толкованіяхъ, а именно, что народонаселеніе повсюду и всегда поддерживается на уровнѣ средствъ существованія, находится въ прямомъ противорѣчіи съ его же собственными дальнѣйшими примѣрами и поясненіями. Изъ этихъ поясненій и примѣровъ, напротивъ того, слѣдуетъ, что количество дѣйствительнаго продовольствія, какое можетъ дать природа человѣку, оказывается во многихъ случаяхъ гораздо значительнѣе той потребности, какую въ состояніи заявить наличное народонаселеніе. Но, быть можетъ, намъ замѣтятъ, что, несмотря на относительную свою многочисленность, приведенные нами примѣры все же являются не болѣе какъ исключеніемъ въ громадномъ арсеналѣ фактовъ, цитируемыхъ въ свою пользу Мальтусомъ? На это мы отвѣтимъ, что и другія фактическія данныя, повидимому, служащія для подтвержденія закона народонаселенія автора, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, доказываютъ совсѣмъ не то, что хочется послѣднему. Сейчасъ мы предоставимъ судить объ этомъ самому читателю.

Само собою разумѣется, что если число случаевъ, когда народо-

населеніе не достигаетъ уровня средствъ существованія, дѣйствительно оказывается столь ограниченнымъ, какъ полагаетъ Мальтусъ, то *всѣ* другіе приводимые имъ факты должны ужъ непремѣнно являться подтвержденіемъ его теоріи, на основаніи которой чрезмѣрное размноженіе народонаселенія насильственно приводится къ уровню средствъ существованія. Но какъ это ни странно, однако, мы должны сознаться, что, находя у Мальтуса безмѣрно длинный списокъ несчастій и пороковъ, влекущихъ за собою насильственное уменьшеніе населенія, мы въ то же время не можемъ указать въ его трудѣ *ни одного* примѣра, въ которомъ дѣйствіе этихъ причинъ возстановляло бы нарушенное (?) равновѣсіе между числомъ желудковъ и количествомъ *дѣйствительнаго* пропитанія, въ которомъ, слѣдовательно, такъ или иначе народонаселеніе находилось бы на уровнѣ средствъ существованія. Необходимо войти въ ближайшее разъясненіе этого поистинѣ необычайнаго и, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ никѣмъ еще не подмѣченнаго явленія [1]).

Читатель, безъ сомнѣнія, помнитъ, что, на основаніи *второго* изъ положеній Мальтуса, какъ только размноженіе народонаселенія усилится чрезмѣрно, сравнительно со средствами существованія,—немедленно являются на выручку предупредительныя и разрушительныя препятствія, *зависящія* отъ недостатка въ продовольствіи и *низводящія* народонаселеніе къ покинутому уровню. Еще разъ повторимъ, что, при установленіи своихъ теоретическихъ понятій, Мальтусъ, повидимому, столь категорически высказывается въ пользу существованія причинной связи, во-первыхъ, между недостаткомъ продовольствія и „всякаго рода косвенными препятствіями, т. е. несчастіями и злоупотребленіями", а во-вторыхъ, между этими послѣдними и возвращеніемъ народонаселенія къ уровню средствъ существованія, что врядъ-ли могутъ возникать на этотъ счетъ серьезныя сомнѣнія. Правда, нашъ авторъ самый недостатокъ средствъ существованія называетъ *главнымъ* препятствіемъ для размноженія населенія и этимъ какъ будто бы даетъ понять, что недостатокъ продовольствія есть не источникъ всѣхъ другихъ препятствій, а лишь одно препятствіе изъ многихъ, имѣющее совершенно самостоятельное отъ нихъ значеніе. Понятно также, что если это только справедливо, то и значеніе косвенныхъ препятствій теряетъ прежній свой характеръ, и приведеніе народонаселенія къ уровню средствъ существованія перестаетъ исчерпывать собой ихъ дѣйствіе на размноженіе. Мы будемъ имѣть случай видѣть ниже, что эта эластичность выраженія „препятствіе" приноситъ Мальтусу немаловажную услугу. Другое недо-

[1]) Въ время, когда писалась эта книга, ту же мысль и почти тѣми же словами высказалъ американскій писатель Джорджъ въ своей книгѣ „Poverty and Progress" Lond. 1882.

разумѣніе могло бы представлять еще то обстоятельство, что разъ намъ говорятъ, будто къ недостатку средствъ существованія приводятся *всѣ* косвенныя препятствія, а вслѣдъ затѣмъ насъ увѣряютъ, что „къ тѣмъ же косвеннымъ препятствіямъ относятся и всѣ физическія и, нравственныя страданія, *независимыя отъ средствъ существованія*, иотоже причиняющія смерть". Изъ этихъ словъ мы, несомнѣнно, имѣемъ право сдѣлать заключеніе, что размноженіе народонаселенія, по мнѣнію автора, встрѣчаетъ себѣ преграду и въ такихъ явленіяхъ, которыя не находятся въ зависимости отъ уровня средствъ существованія, а слѣдовательно, во-первыхъ, недостатокъ пищи не представляетъ такого препятствія размноженія, къ которому приводятся *всѣ* прочія препятствія, и, во-вторыхъ, „законъ народонаселенія" теряетъ подъ собой еще частичку почвы. Но чтобы насъ не обвиняли, что мы придираемся къ словамъ, мы предпочтемъ совсѣмъ оставить въ сторонѣ тѣ недоразумѣнія, которыя, повидимому, возникаютъ по поводу *теоретическаго* воззрѣнія Мальтуса на роль и на взаимное отношеніе препятствій къ размноженію Мы станемъ думать, что наименованіе недостатка пищи препятствіемъ *главнымъ*, т. е. однимъ изъ многихъ, а не такимъ, котораго всѣ прочія препятствія суть просто слѣдствія,—есть не больше какъ описка. Мы примемъ далѣе, что, по мнѣнію Мальтуса, хотя и существуютъ препятствія къ размноженію. не состоящія въ зависимости отъ средствъ существованія, но что такихъ препятствій, которыя находятся въ связи съ послѣдними, гораздо больше, и дѣйствіе ихъ безконечно шире. Надѣемся, что подобное толкованіе выраженій есть наиболѣе льготное для Мальтуса. какое только согласится допустить и самъ читатель, принявши во вниманіе указанныя только что противорѣчія. Зато ужъ постараемся запомнить твердо, что это большинство препятствій приводится въ послѣднемъ счетѣ къ недостатку средствъ существованія и имѣетъ назначеніемъ возстановлять нарушенное равновѣсіе между народонаселеніемъ и пищей. Самъ Мальтусъ лишній разъ поддерживаетъ насъ въ этомъ мнѣніи, говоря въ концѣ перваго тома (458): „не трудно убѣдиться, что вышеизложенныя препятствія (всякаго рода) суть непосредственныя условія, *замедляющія* размноженіе населенія, и что препятствія эти *вытекаютъ* главнымъ образомъ изъ недостатка средствъ существованія". Посмотримъ же теперь, какъ понимаетъ Мальтусъ соотношеніе и значеніе препятствій, когда ему приходится прикладывать свою теорію къ дѣйствительности. Не трудно будетъ видѣть, что *повсемѣстность* и *всеобщность* распространенія среди людей несчастій и пороковъ сослужила при этомъ Мальтусу гораздо болѣе значительную службу, чѣмъ самое *главное* препятствіе, т. е. чѣмъ недостатокъ пищи.

О населеніи сѣверо-американскихъ дикарей у Мальтуса читаемъ

(140): „Итакъ, мы имѣемъ право сдѣлать заключеніе даже изъ той неполной картины, которая представлена нами, что, *несмотря* на столько разрушительныхъ условій, дѣйствующихъ на этомъ обширномъ материкѣ, населеніе занимающихъ его народовъ находится на уровнѣ тѣхъ средствъ существованія, которыя, при настоящемъ состояніи промышленности, могутъ быть добыты этими народами". Цитата эта представляетъ для насъ двоякій интересъ. Во-первыхъ, читатель видитъ, что, говоря объ уровнѣ средствъ существованія, авторъ уже ни слова не упоминаетъ о *дѣйствительныхъ* средствахъ пропитанія и ведетъ рѣчь лишь о такихъ, которыя могутъ быть получены на извѣстной ступени экономическаго развитія и при извѣстной обстановкѣ. Во-вторыхъ, что еще важнѣе, авторъ употребляетъ здѣсь выраженіе: *несмотря на столько разрушительныхъ условій* и проч., и тѣмъ ясно показываетъ, что косвенныя препятствія къ размноженію народонаселенія являются въ данномъ случаѣ не слѣдствіемъ недостатка средствъ существованія, а просто сами по себѣ. Но если это справедливо, то куда же дѣлся законъ народонаселенія, который, какъ насъ увѣряли, предписываетъ безусловно, чтобы препятствія къ размноженію всѣ или, по крайней мѣрѣ, большею частью сводились къ недостатку дѣйствительнаго продовольствія? Но обратимся снова къ тексту „Опыта о народонаселеніи". „Какъ бы могущественны ни были эти препятствія (войны, людоѣдство, изуродованіе женщинъ и пр.)", сообщаетъ намъ авторъ о населеніи острововъ Южнаго моря (143), „....но частыя появленія голода доказываютъ, что они все же *недостаточны* для приведенія числа жителей къ уровню, допускаемому средствами существованія" Тутъ мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что различныя косвенныя препятствія, которыя, по словамъ автора, вытекаютъ главнымъ образомъ изъ недостатка дѣйствительныхъ средствъ существованія, проявляютъ, однако же, свою дѣятельность совершенно независимо отъ этого предполагаемаго недостатка, т. е. или одновременно и параллельно съ нимъ, или даже безъ участія его. Помимо этого, не трудно видѣть, что достиженіе въ данномъ случаѣ народонаселеніемъ дѣйствительныхъ средствъ существованія есть одно только предположеніе Мальтуса, тогда какъ именно это-то предположеніе и предстояло доказать. На самомъ дѣлѣ, даже голодъ и недостатокъ дѣйствительнаго пропитанія далеко не одно и то же. Такъ, по разсказамъ Тренча *(Очерки ирландской жизни)*, во время голода 1846 года многіе ирландцы умирали отъ недостатка пищи, и въ то же время въ сосѣднихъ деревняхъ оказывались громадные запасы пожертвованнаго въ пользу голодающихъ хлѣба. „Еще въ 1834 году", говоритъ Гоффманъ[1]), „Ирландія высылала громадное

[1]) *Hoffman. Ueber die Besorgnisse, welche die Zunahme d. Bevölkerung erregt. Abhandlungen der Königl. Akademie d. Wissenschaften zu Berlin*, 1837. 128.

количество грузовъ пшеницы и овса въ Англію въ то самое время, когда ея собственное населеніе испытывало горчайшую нужду, потому что на картофель былъ почти неурожай; и въ то же время, когда Лондонъ потреблялъ ирландскую пшеницу, жители его собирали подписку, чтобы предупредить ужасы голода въ Ирландіи". Примѣры эти наглядно убѣждаютъ, что самый даже голодъ не можетъ считаться способомъ для приведенія народонаселенія къ какому-то фиктивному уровню дѣйствительныхъ средствъ существованія. Самъ авторъ доказываетъ это другимъ примѣромъ, относящимся къ условіямъ размноженія татаръ, которыхъ, по его словамъ, въ теченіе зимы отъ недостатка пищи вымираетъ столько, что „остающіеся не въ силахъ потребить то обильное количество произведеній, которое доставляется лѣтомъ" (189). Спрашивается, какой же это уровень существованія, когда сегодня пищи не хватаетъ, а завтра ея оказывается гораздо болѣе, чѣмъ нужно?

Итакъ, мы снова видимъ, что понятіе Мальтуса о томъ соотношеніи, въ какомъ находятся между собою различныя препятствія,— а родъ подобнаго соотношенія рѣшаетъ, такъ или иначе, и „вопросъ народонаселенія" въ томъ смыслѣ, въ какомъ ставитъ его авторъ,— по меньшей мѣрѣ, неопредѣленно и двусмысленно. Еще менѣе подкрѣпляютъ это мнѣніе нѣкоторые дальнѣйшіе примѣры. По отношенію къ Отаити и прочимъ Островамъ Товарищества, которыхъ плодородіе Мальтусъ выше выхвалялъ, онъ замѣчаетъ, что и здѣсь существуютъ различныя препятствія для размноженія, какъ-то общество Эарея, занимающееся дѣтоубійствомъ и развратомъ, и пр. „Уже одинхъ такихъ нравовъ", продолжаетъ онъ (148), „достаточно для уничтоженія вліянія благодатнаго климата". Тутъ, очевидно, препятствіямъ придается уже значеніе иного рода, чѣмъ въ предыдущихъ примѣрахъ. Въ послѣднихъ препятствія не вытекали изъ недостатка средствъ существованія, какъ подобало имъ на основаніи теоріи, но, по меньшей мѣрѣ, они хоть дѣйствовали параллельно съ этимъ недостаткомъ. Но въ данномъ случаѣ препятствія не только не зависятъ отъ недостатка средствъ существованія, но дѣйствуютъ наперекоръ обилію въ нихъ. Вѣдь здѣсь не только не существуетъ недостатка въ средствахъ, напротивъ, благодатный климатъ и почва щедрою рукою снабжаютъ человѣка пищей, и вдругъ зачѣмъ-то являются препятствія къ размноженію, подъ видомъ проституціи, войны и пр., которыхъ назначеніе— *низводить* общество къ уровню средствъ существованія, когда оно ужъ черезчуръ зарвалось въ своемъ стремленіи къ размноженію. Ясно, что дѣло запутывается все болѣе и болѣе, такъ что въ концѣ концовъ совсѣмъ рискуешь не понять, что разумѣетъ Мальтусъ подъ іерархіей препятствій и подъ недостаткомъ продовольствія. Не помогаетъ разъясненію дѣла и то соображеніе автора (149), что

здѣсь, „съ какою бы энергіею ни дѣйствовали причины, предупреждающія и разрушающія населеніе, все же онѣ *всегда были безсильны* для приведенія числа жителей къ уровню, допускаемому средствами существованія“, такъ что въ пособіе къ нимъ является еще *подчасъ* и голодъ, который, по мнѣнію Андерсона, „неизвѣстно чѣмъ вызывается—войною, неурожаемъ или чрезмѣрнымъ населеніемъ“ (это въ земномъ-то раю!). Напротивъ, мы опять находимся въ недоумѣніи, какимъ же это образомъ вся совокупность косвенныхъ препятствій, возникшихъ въ данномъ случаѣ безъ всякой надобности въ нихъ, не можетъ въ то же время довести народонаселеніе до уровня дѣйствительныхъ средствъ пропитанія, пока не придетъ голодъ? Къ тому же, интересно знать, откуда можно видѣть и чѣмъ можетъ быть доказано, что всѣ упомянутыя бѣдствія, даже и въ сопровожденіи голода, дѣйствительно достигли этой цѣли? Найдите способъ для выхода изъ лабиринта подобныхъ выводовъ и утвержденій. Но и это еще не все. По поводу все тѣхъ же островитянъ Отаити, Мальтусъ внезапно заявляетъ слѣдующее: „такъ какъ на островѣ существуетъ рѣзкое различіе между сословіями, а жизнь и собственность низшихъ классовъ находится въ распоряженіи высшихъ, то не трудно понять, что, между тѣмъ какъ послѣдніе находятся въ изобиліи, первые испытываютъ нужду“. Да, это дѣйствительно понять не трудно, но трудно понять то, въ какомъ,—очевидно, не входящемъ въ программу,—отношеніи находится это новое препятствіе къ уровню *дѣйствительныхъ* средствъ существованія, а въ этомъ-то и заключается вся сила. Въ концѣ концовъ, говоритъ Мальтусъ (151), наступило на островѣ уменьшеніе населенія, въ которомъ онъ не сомнѣвается, и даже думаетъ, что „въ настоящее время населеніе Отаити находится ниже средствъ существованія“. Вотъ это такъ совсѣмъ ужъ странно! Сначала препятствія, происходящія отъ недостатка продовольствія среди благодатнаго климата и богатѣйшей почвы, приводятъ народонаселеніе къ уровню средствъ существованія, а потомъ вдругъ оказывается, что уровень-то выше населенія. Тутъ, значитъ, недостатокъ такъ поусердствовалъ, что превратился въ изобиліе. Нечего сказать, пріятный законъ народонаселенія! Но „червь избыточнаго размноженія“ не даетъ Мальтусу покоя, и поэтому онъ увѣряетъ, что „населеніе Отаити опять со временемъ размножится“, по той простой причинѣ, „что несправедливо было бы предположить, что оно останется въ подобномъ положеніи долгое время“ (151—2). Дѣйствительно, аргументъ страшно сильный, но, къ сожалѣнію, оказавшійся невѣрнымъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ населеніе Отаити уменьшилось въ одно столѣтіе почти въ 30 разъ, — отъ 200.000 до 7.000. Впрочемъ, самъ Мальтусъ не вполнѣ увѣренъ, что населеніе послѣдуетъ его совѣту, такъ какъ не знаетъ, какое дѣйствіе произведутъ на населеніе этого острова сно-

шенія съ европейцами. „Если въ результатѣ окажется", говоритъ онъ, „что сношенія эти удержатъ населеніе въ теперешнихъ границахъ, то я нисколько не сомнѣваюсь, что, изслѣдовавъ образъ ихъ дѣйствія на предупрежденіе размноженія, мы найдемъ, что это достигается усиленіемъ порока и нищеты". Вотъ ужъ эти порокъ и нищета: куда хочешь ихъ пошли, они вездѣ и всегда свое дѣло сдѣлаютъ,—если народонаселенія слишкомъ много, они такъ уменьшатъ его, что нищи станетъ даже больше, чѣмъ населенія, а если населеніе слишкомъ мало, то они удержатъ его въ однѣхъ границахъ, хотя имѣютъ причиною не изобиліе, а недостатокъ продовольствія! Поистинѣ, универсальное лѣкарство!

Какъ эти выписки ни длинны и ни скучны, но, чтобы насъ не обвиняли, что мы по прежнему беремъ въ соображеніе одни лишь исключительные факты, мы приведемъ еще два, три пассажа. Выше намъ Мальтусъ сообщалъ, что на Сандвичевыхъ островахъ нужда ощущается крайне рѣдко (154). Но „такъ какъ мы не можемъ предположить", пишетъ онъ далѣе, „чтобы самообузданіе господствовало между дикарями, то мы должны признать, что однихъ пороковъ вмѣстѣ съ войнами достаточно для воздержанія размноженія на нихъ народонаселенія". Мы видимъ, что препятствіямъ опять приписывается какое-то необычайное значеніе: они являются на сцену безъ малѣйшей нужды, такъ какъ, согласно завѣренію самого автора, никакого недостатка въ средствахъ существованія на островахъ не ощущается, а отъ добра—добра не ищутъ. Помимо этого, какой прекрасный способъ разъясненія дѣла—начать съ *предположенія*, что въ данномъ случаѣ народонаселеніе чѣмъ-нибудь воздержано, потомъ *предположить*, что эту роль исполнили пороки съ войнами,—и подтвержденіе закона народонаселенія готово! Говоря, далѣе, о тревожной боевой жизни аравійскихъ и сирійскихъ бедуиновъ, Мальтусъ бросаетъ слѣдующее оригинальное замѣчаніе: „потери людей, причиняемой такими нравами, быть можетъ, уже достаточно для удержанія народонаселенія въ опредѣленныхъ границахъ, но эти нравы, вѣроятно, ограничиваютъ его еще дѣйствительнѣе, задерживая развитіе промышленности, въ особенности той, которая имѣетъ цѣлью увеличить количество продовольствія". Итакъ, промышленность могла бы дать достаточное пропитаніе, но вмѣсто того, чтобы обратиться къ промышленнымъ занятіямъ, народъ берется за оружіе. Это, конечно, справедливо, но это означаетъ, что преградою для размноженія населенія служитъ не только недостатокъ нищи и тѣ препятствія, которыя съ нимъ связаны, но также и недостатокъ головы а слѣдовательно, является аргументомъ не въ пользу, а противъ „закона народонаселенія". Самъ Мальтусъ, впрочемъ, придерживается, какъ видно, того же мнѣнія (185): „о кочевыхъ народахъ", говоритъ онъ, „можно сказать то же

самое, что и объ охотничьихъ, что еслибы одной нужды было достаточно, чтобы заставить ихъ измѣнить свой образъ жизни, то весьма немногіе сохранили бы свои привычки". Прекрасно, но вѣдь народонаселеніе повсюду ограничивается дѣйствительными средствами существованія? Такія же *другія* препятствія, не имѣющія ничего общаго съ запасомъ продовольствія, который могла бы дать природа, а именно войны и т. под., собираютъ, по словамъ Мальтуса, весьма обильную жатву среди киргизовъ (187—9), татаръ (192), абиссинцевъ (202) и другихъ народовъ Африки (195—7). Помимо этого, мы узнаемъ, что „въ странахъ съ *неподвижнымъ* населеніемъ или съ весьма медленнымъ его ростомъ, при предположеніи, что дѣйствуютъ всѣ приведенныя препятствія для его непосредственнаго размноженія, обиліе продовольствія не можетъ значительно *увеличить* число жителей. Но именно уменьшеніемъ числа непосредственныхъ препятствій изобиліе и можетъ *вызвать увеличеніе* населенія" (217, примѣч.). Отсюда слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ населеніе не размножается, благодаря препятствіямъ, имѣющимъ причиной недостатокъ въ средствахъ существованія, оно не размножается и отъ уничтоженія такого недостатка; но оно въ то же время и размножается, такъ какъ при изобиліи необходимо прекращается вліяніе всѣхъ тѣхъ условій, которыя зависѣли отъ недостатка. Говоря иначе, неподвижное населеніе и размножается отъ прекращенія недостатка въ пищѣ. Быть можетъ, Мальтусъ хотѣлъ сказать не это, а то, что недостатокъ пищи поощряетъ, а изобиліе устраняетъ развитіе пороковъ и несчастій и дѣйствуетъ на размноженіе не непосредственно, а именно посредствомъ устраненія препятствій. Но въ такомъ случаѣ *причинѣ*, т. е. недостатку продовольствія, приписывается гораздо менѣе значенія, чѣмъ *слѣдствіямъ*, т. е. несчастіямъ и порокамъ, и снова неизвѣстно, куда запропастился „законъ народонаселенія". Это, безспорно, одинъ изъ лучшихъ образцовъ той эластичности и неопредѣленности выраженій, которыя такъ часто встрѣчаются въ сочиненіи Мальтуса и которыя являются весьма естественнымъ послѣдствіемъ неясности самой идеи, лежащей въ основаніи его „закона народонаселенія" [1]).

[1]) Мы не имѣемъ никакой претензіи на *всестороннюю* оцѣнку ученія Мальтуса о народонаселеніи. Задача наша состоитъ лишь въ томъ, чтобы показать несостоятельность предположенія, что народонаселеніе достигаетъ уровня *абсолютнаго запаса* средствъ существованія. Еслибы мы пожелали исчерпать всѣ противорѣчія „*Опыта о законѣ народонаселенія*", то намъ пришлось бы написать на эту тему довольно обширную статью. Сдѣлаемъ, *только для примѣра*, еще нѣсколько выписокъ, взаимно уничтожающихъ одна другую. Такъ, на стр. 303 II тома авторъ заявляетъ: „я не могу себѣ представить болѣе гнусной мысли, какъ сознательное осужденіе рабочихъ классовъ своей страны на лачуги и грязныя лохмотья ирландцевъ, ради того, чтобы можно было *продать нисколько больше хорошихъ суконъ и бумажныхъ матерій*. Въ концѣ концовъ богатство и могущество народа цѣнятся настолько, насколько они содѣйствуютъ счастью людей, изъ которыхъ со-

Резюмируемъ теперь все высказанное выше по поводу вопроса, какъ понимаетъ Мальтусъ практическое приложеніе своей теоріи соотношенія между различными препятствіями къ размноженію. Вначалѣ, какъ мы видѣли, онъ утверждаетъ, что большая часть препятствій къ умноженію народонаселенія находится въ прямой зависимости отъ недостатка средствъ существованія, но массою примѣровъ онъ, противъ своей воли, доказалъ, что большинство такихъ препятствій дѣйствуетъ часто не только независимо отъ недостатка въ средствахъ, но и наперекоръ послѣднему, а именно, при существованіи излишка въ предметахъ потребленія. Такимъ-то образомъ отсутствіе средствъ пропитанія ступенчатымъ образомъ сначала до роли *главнаго* препятствія, а мало-по-малу и совсѣмъ предоставляетъ мѣсто косвеннымъ препятствіямъ, зависящимъ и *независящимъ* отъ средствъ существованія, которыя дѣйствительно встрѣчаются въ громаднѣйшемъ числѣ повсюду. Но если это справедливо, то спрашивается, что же сталось съ „закономъ народонаселенія", который требовалъ, чтобы размноженіе людей повсюду достигало уровня средствъ существованія и чтобы предупредительныя и разрушительныя препятствія, зависящія отъ недостатка средствъ существованія, вступали въ дѣйствіе тогда, когда народонаселеніе размножилось чрезмѣрно? Вѣдь если послѣднее не оправдалось, то, значитъ, изъ всей аргументаціи мы извлекли одинъ лишь тотъ весьма нехитрый выводъ, что смертность и рождаемость людей зависятъ отъ причинъ весьма различныхъ, каковы пороки, нравственное обузданіе, болѣзни, голодъ, нищета и проч. Но кто же сомнѣвался въ такой банальной истинѣ и стоило-ли писать на эту тему два обширныхъ тома?

И въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состояла ближайшая задача Мальтуса, насколько ее можно выдѣлить изъ тьмы противорѣчій? Ему необходимо было доказать, что народонаселеніе повсюду и всегда или уже дѣйствительно находится на уровнѣ средствъ пропитанія, или стремится къ достиженію послѣдняго путемъ предохранительныхъ и разрушительныхъ препятствій, которыя находятся въ зависимости отъ недостатка средствъ существованія. *Рѣшеніе такой задачи невозмож-*

стоитъ народъ". А на слѣдующей страницѣ уже говоритъ: „всякій знаетъ, что люди, работающіе главнымъ образомъ на собственныхъ земляхъ, *мягко и неохотно соглашаются работать на сторону*... Хотя въ Ирландіи заработная плата весьма низка, но страна эта производитъ весьма мало товаровъ, которые *могли бы продаваться* на иностранныхъ рынкахъ *дешевле* товаровъ, изготовляемыхъ на англійскихъ фабрикахъ. Происходитъ это, главнымъ образомъ, оттого, что народъ въ ней не получилъ привычки къ тому трудолюбію и ловкости, которыя могутъ возникнуть только тамъ, гдѣ работники *правильно и постоянно заняты работой*". Спрашивается, нужно или нѣтъ оказывать поощреніе продажѣ хорошихъ суконъ и бумажныхъ матерій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трудолюбію? Кстати о послѣднемъ. Въ одномъ мѣстѣ трудолюбію воскуривается ѳиміамъ, въ другомъ къ нему относятся, по меньшей мѣрѣ, съ отвращеніемъ. Такъ, на стр. 229, II: *Пока побужденія къ*

*но*, за исключеніемъ самыхъ рѣдкихъ случаевъ, когда немногочисленное населеніе занимаетъ вполнѣ изолированную и замкнутую территорію, и когда отношенія его къ источникамъ существованія столь же просты, какъ просты отношенія содержащихся въ тюрьмѣ къ той

*труду сохранятъ свою силу*. пока достаточное количество труда будетъ прилагаться къ земледѣлію. до тѣхъ поръ нечего опасаться недостатка въ народонаселеніи (?). Быть можетъ, лучшее средство для распространенія между бѣдными *стремленія къ трудолюбію* и бережливости состоитъ въ полнѣйшемъ убѣжденіи ихъ, что счастіе ихъ зависитъ отъ нихъ самихъ". Точно также на стр. 9: „Если лѣнивые и нерадивые будутъ пользоваться такимъ же кредитомъ, такимъ же обезпеченіемъ, что касается до средствъ существованія ихъ семействъ, какъ люди трудолюбивые и дѣятельные, то можно-ли ожидать, чтобы *каждый* человѣкъ, ради улучшенія своего положенія, развилъ *ту неутомимую дѣятельность, которая составляетъ главную пружину общественнаго благосостоянія*". Но еслибы бѣдные и нерадивые приняли этотъ совѣтъ близко къ сердцу и пожелали стать неутомимыми и трудолюбивыми, то вотъ что имъ отвѣтилъ бы тогда тотъ самый Мальтусъ (324). „О трудолюбіи можно сказать почти то же. что и о деньгахъ. Человѣкъ, обладающій имъ въ *большей степени*, чѣмъ окружающіе его люди. обезпеченъ въ средствахъ для своего существованія. Но еслибы *всѣ* окружающіе его люди получили свойственную только ему степень *трудолюбія*, то это качество *потеряло бы способность предохранять его отъ нужды*". Не правда-ли, читатель, хорошо? Далѣе. На стр. 24 (II) авторъ заявляетъ: „не подлежитъ сомнѣнію. что введеніе *равенства* въ имуществахъ (авторъ имѣетъ здѣсь въ виду систему Годвина, которую противопоставляетъ системѣ частной собственности)... должно значительно *увеличить количество произведеній*". Но на стр. 255 мы уже читаемъ: „Еслибы великія истины по этому вопросу были болѣе распространены, еслибы низшіе классы народа сознавали, что *собственность необходима для большого производства*"... А на стр. 403: „... настоящія границы населенія постоянно должны находиться несравненно ниже наивысшаго предѣла производительныхъ силъ земли... потому что *наибольшаго производства* питательныхъ веществъ, которое можетъ быть доставлено почвой. *нельзя получить при системѣ частной собственности*". Которое же изъ этихъ мнѣній вѣрнѣе прочихъ? Еще одинъ примѣръ. На стр. 11 тома I Мальтусъ замѣчаетъ: „Кондорсе дѣлаетъ намекъ на какое-то средство противъ зла, вызывающаго его опасенія. Средство это состоитъ. повидимому. въ особеннаго рода сожительствѣ. или въ безусловно свободномъ сношеніи между полами, которое должно предупреждать чрезмѣрное плодородіе женщинъ, или. быть можетъ, въ какомъ-нибудь иномъ средствѣ. имѣющемъ ту же цѣль и столько же *противорѣчащемъ естественнымъ требованіямъ нашей природы*". Но на стр. 229—30 того же тома онъ говоритъ: „Мнѣ было бы крайне прискорбно, еслибы я высказалъ что-либо, что могло бы быть истолковано прямо или косвенно въ смыслѣ неблагопріятномъ для добродѣтели (дѣло идетъ о томъ. что строгимъ вмѣненіемъ обязанностей. налагаемыхъ нравственнымъ обузданіемъ, мы можемъ увеличить число проступковъ противъ *цѣломудрія*), но я не думаю, чтобы *проступки*, о которыхъ идетъ рѣчь. могли бы разбираться только въ нравственномъ отношеніи, ни даже, чтобы они были *самыми важными проступками*. Правда, они постоянно, или, по крайней мѣрѣ, въ большемъ числѣ случаевъ влекутъ за собою несчастіе и потому должны строго сдерживаться; но существуютъ пороки, послѣдствія которыхъ еще болѣе пагубны и вызываютъ положенія еще болѣе печальныя". Мы полагаемъ, что всѣхъ этихъ примѣровъ довольно за глаза, чтобъ убѣдить кого угодно, что опроверженіе ученія Мальтуса по существу было бы безконечно легче, еслибы можно было разъ навсегда удостовѣриться, въ чемъ состоятъ *дѣйствительныя* мнѣнія этого писателя. Но именно на этотъ вопросъ и невозможно получить отвѣта. такъ какъ противорѣчія въ его трудѣ не исключеніе. а правило. *Авт.*

пищѣ, которую приноситъ имъ тюремщикъ. Да и въ подобномъ даже случаѣ предположеніе, что населеніе вполнѣ достигло уровня средствъ существованія (напр., населеніе какой-нибудь общины въ кантонѣ Валлисѣ или Тессинѣ), должно быть принимаемо *cum grano salis*, такъ какъ, помимо даже всего прочаго, намъ совершенно неизвѣстны, да и не могутъ быть извѣстны предѣлы улучшеній, которыя могутъ быть приложены къ почвѣ самаго низшаго достоинства. Вѣдь обошлись же, напримѣръ, голландцы и вовсе безъ пригодной къ дѣлу почвы, а сами создали ее посредствомъ осушенія и удобреній. Что же касается до совмѣстныхъ жизненныхъ условій, то въ отношеніи къ нимъ *помянутый вопросъ не можетъ даже быть поставленъ*, по той простой причинѣ, что *онъ есть уравненіе со всѣми неизвѣстными*. А именно, намъ *неизвѣстно* ни то *количество предметовъ продовольствія*, какое можетъ быть получено съ извѣстнаго пространства, такъ какъ размѣръ возможныхъ улучшеній предѣловъ не имѣетъ: ни то *количество людей*, которое должно быть признано въ кажд омъ отдѣльномъ случаѣ чрезмѣрнымъ; ни даже то *пространство*, къ которому, какъ къ единицѣ, приводятся и населеніе, и пища. По отношенію къ послѣднему, при самомъ даже легкомъ дѣленіи въ обществѣ труда, становится немыслимымъ судить, какое пропитаніе добываетъ населеніе изъ той мѣстности, въ которой обитаетъ; такъ, напр., попробуйте рѣшить, какой процентъ бельгійскихъ производителей кружевъ долженъ считаться недостаточнымъ или чрезмѣрнымъ по отношенію къ одной квадратной милѣ бельгійской территоріи, когда извѣстно, что они свой матеріалъ и, частью, даже пищу пріобрѣтаютъ за предѣлами страны и свой продуктъ сбываютъ тамъ же? Итакъ, все это и многое другое лежитъ не только внѣ среды вопросовъ намъ знакомыхъ, но также и внѣ области того, что *можетъ* быть доступно нашему изслѣдованію, и, несмотря на это, намъ предлагаютъ убѣдиться, имѣетъ или не имѣетъ всеобщее примѣненіе абсолютный законъ народонаселенія?

Уже *a priori* не можетъ подлежать сомнѣнію, что, обращаясь ко всевозможнымъ странамъ міра за матеріаломъ для подтвержденія своего закона,—будь это Англія или Китай, Россія или Абиссинія и, притомъ, въ какую бы то ни было эпоху ихъ исторіи; — Мальтусъ встрѣчаетъ неизбѣжно *одно изъ двухъ*: или *достаточныя*, или *недостаточныя условія существованія народонаселенія*. „Только два сорта и есть—податься больше некуда“, какъ говорится въ одной изъ пьесъ Островскаго. Но почему же въ однихъ случаяхъ народонаселеніе продовольствуется сносно, между тѣмъ какъ въ другихъ оно нуждается въ самомъ необходимомъ? Народонаселеніе, отвѣчаетъ Мальтусъ, бываетъ сыто *вслѣдствіе* того, что *недостаточно* размножилось въ сравненіи со средствами существованія, или приведено къ послѣднимъ,

благодаря вмѣшательству препятствій. Съ другой же стороны, народонаселеніе, по мнѣнію Мальтуса, находится въ нуждѣ *по той причинѣ*, что увеличилось въ числѣ *чрезмѣрно*. Но ни то, ни другое состояніе вещей, говоритъ авторъ, не можетъ длиться продолжительно: а именно, народонаселеніе, которое было недостаточнымъ, со временемъ размножится и сдѣлается, въ свою очередь, чрезмѣрнымъ, излишнее же населеніе, подъ тягостью предупредительныхъ и разрушительныхъ препятствій, достигнетъ уровня средствъ существованія и сдѣлается также недостаточнымъ. Никто не станетъ спорить, что подобное рѣшеніе задачи вполнѣ универсально, такъ какъ нельзя себѣ представить и во снѣ такого сочетанія явленій, которое бы не подводилось подъ него. Но горе въ томъ, что объясненіе это совсѣмъ не представляетъ отвѣта на заявленный вопросъ. Необходимо было изслѣдовать первоначальныя и производныя причины избытка продовольствія въ одномъ и недостатка въ другомъ случаѣ, а Мальтусъ вмѣсто этого утверждаетъ, что избытокъ пищи *происходитъ* отъ недостаточнаго размноженія, а недостатокъ—отъ чрезмѣрнаго. Но вѣдь *избытокъ пищи* и *недостатокъ населенія* суть *синонимы*, и такіе же *синонимы* суть *недостатокъ пищи и чрезмѣрное народонаселеніе*. Вѣдь если говорится, что въ данномъ случаѣ имѣется избытокъ пищи, то это, очевидно, то же, какъ еслибы сказали, что въ данномъ случаѣ имѣется недостаточное народонаселеніе. Такимъ же образомъ и „недостатокъ пищи", и „избыточное народонаселеніе" являются не больше какъ равнозначительными выраженіями, которыя могутъ быть произвольно замѣняемы одно другимъ. Итакъ, мы видимъ, что явленія, обозначаемыя этими названіями, совсѣмъ не состоятъ между собою въ причинной связи, а слѣдовательно, невозможно утверждать, будто излишекъ пищи происходитъ недонаселенія, а недостатокъ, наоборотъ, отъ перенаселенія. Подобное рѣшеніе вопроса есть просто тавтологія, могущая напомнить извѣстный отвѣтъ доктора, что опій усыпляетъ—*quia est in eo virtus dormitiva quae facit dormire*. Въ той мѣрѣ, впрочемъ, въ какой Мальтусъ могъ питать полусознательное опасеніе придти этимъ путемъ къ однимъ только плачевнымъ результатамъ, онъ чувствовалъ необходимость прибѣгнуть къ разъясненію дѣла вліяніемъ дѣйствительныхъ явленій, которымъ и даетъ названіе предупредительныхъ и разрушительныхъ препятствій. Бѣда лишь въ томъ, что онъ вначалѣ придаетъ этимъ явленіямъ одно побочное значеніе, какъ это видно изъ самаго ихъ наименованія: когда же *главнаго* препятствія, т. е. недостатка средствъ существованія, въ наличности совсѣмъ не оказалось, и въ то же время косвенныхъ препятствій открылся неначатый край, онъ постепенно сталъ выдвигать эти послѣднія на первый планъ. Но онъ, къ сожалѣнію, при этомъ не замѣтилъ, что, за отсутствіемъ своей предполагаемой *причины*, т. е.

недостатка дѣйствительнаго продовольствія, несчастія и пороки перестаютъ служить предупредительными и разрушительными препятствіями, а просто-на-просто являются причинами насильственнаго уменьшенія народонаселенія. Въ итогѣ нашъ авторъ доказалъ не больше, какъ ту весьма простую истину, что люди и приходятъ въ міръ, и разстаются съ жизнью не только вслѣдствіе естественныхъ причинъ, но также и отъ дѣйствія пороковъ и несчастій, — что никогда не составляло тайны. Прибавимъ къ этому, что и указанная выше эластичность теоретическаго взгляда Мальтуса на родъ соотношенія препятствій—совсѣмъ не дѣло случая, какъ мы было предположили, а неизбѣжный результатъ испытанной на дѣлѣ невозможности соединить причинной связью несчастія, пороки и другія нравственныя и физическія страданія съ фиктивнымъ недостаткомъ *дѣйствительныхъ* средствъ существованія. Не даромъ говорятъ французы: *qui veut prouver trop, ne prouve rien.*

Но неужели, спросятъ, можетъ быть, читатель, болѣзни, войны, проституція и множество другихъ явленій, если и не препятствующихъ размноженію, то, во всякомъ случаѣ, способствующихъ уменьшенію наличнаго народонаселенія, не находятся въ зависимости отъ недостатка средствъ существованія? Безъ сомнѣнія, находятся, отвѣтимъ мы,—все дѣло только въ томъ, какой необходимо разумѣть здѣсь недостатокъ и какія средства существованія. Войдемъ въ ближайшее разъясненіе этой важной разницы. Во-первыхъ, обратимъ вниманіе читателя на то, что средствами или, лучше сказать, условіями существованія народонаселенія необходимо признавать совсѣмъ не одну пищу, а всю совокупность тѣхъ условій, которыя содѣйствуютъ правильному обмѣну веществъ и силъ человѣческаго организма, какъ то: надлежащія одежду и жилье, температуру, влажность и чистоту воздуха, нормальную умственную и тѣлесную работу,—вѣдь люди умираютъ преждевременно не только отъ недостаточнаго питанія, но иногда и отъ бездѣлья,—нормальныя половыя отношенія, нормальныя общественныя сочетанія и проч., и проч. Во-вторыхъ, изъ предъидущаго анализа ученія Мальтуса мы можемъ сдѣлать то вполнѣ безспорное заключеніе, что недостаткомъ дѣйствительныхъ средствъ существованія писатель этотъ называетъ сравнительную скудость именно той массы продовольствія, которая находится въ распоряженіи не отдѣльныхъ только группъ народонаселенія при тѣхъ или другихъ условіяхъ, а цѣлыхъ странъ и націй и даже всего человѣчества. Говоря иначе, нашъ авторъ, отождествляя отдѣльные народы и все человѣчество съ изолированною личностью, вродѣ какого-нибудь Робинзона, разсматриваетъ отношенія между народонаселеніемъ и пищею съ точки зрѣнія отношеній между человѣкомъ и природою. Онъ совершенно игнорируетъ всѣ отношенія людей, вытекающія изъ

ихъ общественной организаціи, изъ кооперативнаго устройства общества, весьма различныя, смотря по той ступени экономическаго развитія, на которой находится въ данное время та или другая страна или нація. Весь родъ человѣческій и какая-нибудь заброшенная горная община юго-западной Швейцаріи, германцы Тацита и нынѣшніе пруссаки и баварцы, жители Острововъ Товарищества и англичане, по мнѣнію Мальтуса, одинаково и при всевозможныхъ условіяхъ находятся на уровнѣ средствъ существованія, которыя даются имъ природой, и одинаково же подвергаются послѣдствіямъ, происходящимъ отъ недостатка этихъ средствъ. Но мы уже имѣли случай показать читателю, что Мальтусу не удается привести ни одного примѣра, въ которомъ преградою размноженію населенія служилъ бы *абсолютный* недостатокъ средствъ существованія, и это по той простой причинѣ, что, за отсутствіемъ критерія для разрѣшенія общаго вопроса, гдѣ именно находится предѣлъ, по другую сторону котораго начинается подобный недостатокъ, никто не въ силахъ утвердительно сказать, что въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ предѣлъ этотъ фактически достигнутъ. А какъ прикажете поставить ясно упомянутый вопросъ, когда вы знаете, что, въ отличіе отъ животныхъ и растеній, родъ человѣческій *въ самомъ себѣ* соединяетъ рядъ условій для полученія отъ природы, посредствомъ остроумныхъ сочетаній работъ большого числа лицъ въ пространствѣ и во времени, *непредъленно* бо́льшаго количества средствъ пропитанія, чѣмъ то, какое находится подъ ногами? Не трудно, такимъ образомъ, видѣть, что разъ наличность *абсолютной* скудости средствъ существованія не можетъ быть доказана, то и такъ называемыя у Мальтуса косвенныя препятствія или страданія и пороки не могутъ быть въ зависимости отъ нея. Но это еще не все. Самый вопросъ объ *абсолютномъ* возрастаніи народонаселенія, которому противопоставляется не менѣе *абсолютный* недостатокъ пропитанія, теряетъ въ этомъ отношеніи рѣшительно всякое значеніе. И въ самомъ дѣлѣ, кому какое горе, что народонаселеніе размножается въ геометрической прогрессіи, если только *главное* препятствіе такому размноженію оказывается несуществующимъ? Съ другой же стороны, если, какъ мы сейчасъ покажемъ, народонаселеніе фактически не размножается на протяженіи значительнаго времени въ геометрической прогрессіи, то опять-таки и въ этомъ случаѣ нѣтъ надобности плакаться и сваливать бѣду на абсолютную границу, поставленную размноженію подъ видомъ недостатка пропитанія. Когда-то Мальтусу замѣтилъ чрезвычайно мѣтко Вейландъ, что основываться на продолжительности стремленія населенія къ размноженію въ геометрической прогрессіи есть то же, что принять пустой призракъ за основаніе для теоріи, на которую „можно положиться столько же, какъ на разсчетъ генерала, ко-

торый, основываясь на существованіи пушки съ двойною дальностью выстрѣла, надѣялся бы уничтожить непріятеля съ недоступнаго разстоянія". Мальтусъ находитъ, правда, это сравненіе неудачнымъ и утверждаетъ, что онъ, напротивъ, поступалъ такимъ образомъ, что сравнивалъ различіе въ дальности полета изъ двухъ пушекъ одинаковаго устройства и потому пришелъ къ заключенію, что именно препятствія замедляютъ полетъ въ одномъ изъ этихъ двухъ случаевъ. Но все же Вейландъ совершенно правъ, такъ какъ Мальтусъ дѣйствительно считаетъ стремленіе къ размноженію безпредѣльнымъ, основываясь лишь на томъ, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ народонаселеніе могло удвоиться въ 25 лѣтъ. Сужденіе Мальтуса походитъ на предположеніе, что если то или другое отдѣльное лицо могло достигнуть 150-лѣтняго возраста, то остальные люди не могутъ проживать по столько же, единственно на основаніи препятствій. Но почему же не предположить, что именно отдѣльное лицо было поставлено въ исключительно благопріятныя органическія и внѣшнія условія для долгой жизни, которыхъ просто не хватало остальнымъ? Вѣдь этакъ 150-лѣтній возрастъ нельзя было бы признать нормальнымъ, и неизвѣстно, гдѣ пришлось бы ставить точку. Тотъ же Вейландъ не менѣе основательно и остроумно замѣтилъ Мальтусу, что физическое стремленіе народа къ размноженію въ геометрической прогрессіи „исчезаетъ безусловно, какъ исчезаетъ способность боба поднимать свой стебель, когда прекратился его ростъ". Дѣйствительно, еслибы нашелся человѣкъ, который сталъ бы увѣрять, что при отсутствіи препятствій бобъ могъ бы дорости до неба, то онъ былъ бы совершенно въ положеніи Мальтуса, стремящагося доказать, что при отсутствіи недостатка въ дѣйствительныхъ средствахъ существованія народонаселеніе покрыло бы не только земной шаръ, но и ближайшія и отдаленныя планеты [1]).

Обращаясь къ фактическому положенію вопроса о размноженіи людей въ геометрической прогрессіи, мы рѣшительно нигдѣ не можемъ встрѣтить ничего подобнаго въ теченіе продолжительнаго времени. Вотъ, напр., что говоритъ извѣстный англійскій статистикъ

[1]) Въ одномъ изъ старыхъ изданій своей „Политической экономіи" Мальтусъ говоритъ слѣдующее: „Еслибы кто-нибудь взялъ на себя трудъ сдѣлать вычисленіе, то онъ увидѣлъ бы, что, при условіи безграничнаго увеличенія средствъ существованія и удвоенія народонаселенія, каждое двадцатипятилѣтіе, народонаселеніе, которое могло бы быть порождено одною парою людей, начиная съ Рождества Христова, было бы достаточно не только для столь тѣснаго покрытія земли, что на каждомъ квадратномъ ярдѣ помѣщалось бы по четыре человѣка, но также и для подобнаго же наполненія всѣхъ планетъ нашей солнечной системы, и не только этихъ послѣднихъ, но также и тѣхъ, которыя вращаются вокругъ звѣздъ, видимыхъ простому глазу, предполагая, что каждая изъ нихъ есть солнце и сопровождается столькими же спутниками, какъ и наше солнце".

Фарръ по этому вопросу [1]). „Борьба за средства существованія гораздо болѣе сильна вначалѣ, когда число людей менѣе значительно, нежели въ настоящее время, напр., въ Англіи. Родъ человѣческій никогда не возрасталъ, въ дѣйствительности, въ геометрической прогрессіи 1, 2, 4, 8, 16 и т. д безъ конца, и средства существованія никогда не возрастали въ ариѳметической прогрессіи 1, 2, 3, 4 5 и т. д. безконечно. Но народонаселеніе страны можетъ возрастать въ геометрической прогрессіи въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, и также точно могутъ возрастать средства его существованія, разумѣя подъ ними все удовлетворяющее потребностямъ человѣка. Мальтусъ находитъ въ своемъ сочиненіи, что народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ удваивалось въ теченіе 150 лѣтъ каждые 25 лѣтъ; теперь же на основаніи (болѣе точнаго) счисленія извѣстно, что, начиная съ 1790 года, народонаселеніе здѣсь возрастало правильно по 3° ₀ въ годъ въ теченіе 70 лѣтъ, оканчивающихся 1860 годомъ: при этой нормѣ возрастанія народонаселеніе удваивается въ $23^1/_2$ года. Но дѣло въ томъ, что это возрастаніе происходитъ не отъ одного только нарожденія населенія, но частью отъ избытка рождаемости, частью же отъ переселенія черныхъ изъ Африки и бѣлыхъ изъ Европы. Населеніе (обѣихъ категорій вмѣстѣ) возрастало въ геометрической прогрессіи, но средства существованія возрастали въ той же самой прогрессіи еще быстрѣе, такъ что давленіе населенія на средства существованія не увеличивалось, а уменьшалось. Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ производительный трудъ, ослабѣлъ, и волна народонаселенія отхлынула: во время гражданской войны эмигранты возвратились въ Англію, много народа погибло на полѣ битвы и... уровень браковъ и рождаемости долженъ былъ упасть: такъ, въ продолженіе 1860—70 гг. народонаселеніе возрастало уже не по 3, а по 2° ₀ въ годъ. Но продуктъ, въ то же время, возросъ — пшеница отъ 173 до 288 милл. бушелей (66° ₀), цѣнность скота отъ 218 до 305 милл. ф. стерл. (39° ₀). Возрастаніе продукта съ 1850 по 1860 годъ можетъ быть выведено изъ двухъ разрядовъ фактовъ. Число фермъ увеличилось отъ 1.400.000 до 2.000.000, между тѣмъ какъ пространство обработанной земли расширилось отъ 113 до 163 милл. акровъ, а цѣнность скота отъ 109 до 218 милл. ф. ст. Народонаселеніе въ эти 10 лѣтъ увеличилось отъ 23 до 31 милліона. И въ болѣе ранніе годы, хотя мы и не имѣемъ на это данныхъ, произведенія несомнѣнно возрастали въ такой же приблизительно геометрической прогрессіи, какъ и народонаселеніе, исчисленное на основаніи каждой переписи, и если предыдущія счисленія доказываютъ, что растетъ народонаселеніе, то послѣднія служатъ подтвержденіемъ, что въ той же геометрической прогрессіи возрастаетъ и

[1]) Supplement to the thirty-fifth annual report of the registrar-general of births, deaths etc. in England, 1875, XV. 7.

продуктъ". Только что цитированные нами факты пріобрѣтаютъ еще болѣе значенія, если мы примемъ во вниманіе, что, по вычисленіямъ Ваппеуса [1]), бѣлое народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ возрастало отъ одной только иммиграціи съ 1790 по 1800 г. на 1,8% о, съ 1800 по 1810 на 1,9, съ 1810 по 1820 на 2% о, съ 1820 по 1830 годъ на 2,9, съ 1830 по 1840 на 5% о, а по даннымъ Чикеринга [2]) оно съ 1790 по 1840 г. отъ одной только иммиграціи возросло на 2.586.404 душъ, да, сверхъ того, на 1.348.269 отъ размноженія самихъ переселенцевъ. Понятно, что, въ соотношеніе съ подобнымъ возрастаніемъ, размноженіе туземнаго народонаселенія должно было замедляться съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе и болѣе.

Таковы отношенія размноженія народонаселенія въ Америкѣ,—странѣ, служившей прибѣжищемъ для Мальтуса, когда ему пришлось ссылаться на дѣйствительность для подтвержденія справедливости своей геометрической прогрессіи. Обратимся теперь къ нѣкоторымъ изъ европейскихъ государствъ. Мы уже видѣли, что процентъ возрастанія народонаселенія въ Англіи въ теченіе всего нынѣшняго столѣтія правильно и постепенно уменьшался. Такое же точно замедленіе размноженіе въ продолженіи того же самаго періода,—а онъ единственный, относительно котораго имѣются болѣе или менѣе точныя статистическія данныя,—замѣчается и въ другихъ странахъ Европы. Такъ, напр., во Франціи съ 1820 по 1831 г. народонаселеніе возрастало на 0.69% о, съ 1831—41 на 0,50, съ 1841—51 на 0,46, съ 1851 по 1861 на 0,26% о. Въ Пруссіи процентъ увеличенія съ 1817 по 1828 г. былъ 1,71, съ 1828 по 1840—1,35, съ 1840 по 1846—1.27, съ 1846 по 1864—1,09 въ годъ. Ясное дѣло, что данныя эти не только не служатъ къ подтвержденію теоріи Мальтуса, но даже доказываютъ нѣчто совершенно ей противоположное. Въ томъ самомъ смыслѣ говорятъ таблицы, показывающія возможное удвоеніе народонаселенія на основаніи дѣйствительнаго, а не воображаемаго размноженія, а также тѣ таблицы, которыя свидѣтельствуютъ, что степень размноженія находится въ тѣснѣйшей внутренней связи съ увеличеніемъ плотности народонаселенія [3]).

[1]) Bevölkerungs-Statistik, I. 91.

[2]) Immigration into the United States, etc.

[3]) Слѣдующая таблица удвоенія народонаселенія (Ваппеусъ) является наглядным доказательствомъ того, что 25-лѣтній періодъ удвоенія, при обыкновенныхъ или среднихъ условіяхъ размноженія, долженъ быть просто-на-просто отнесенъ къ области миѳологіи. Но въ томъ-то и дѣло, что Мальтусъ ухитрился обставить свое ученіе такимъ образомъ, что подъ его теорію подводятся рѣшительно всѣ случаи размноженія, какіе только можно себѣ вообразить, и въ этомъ заключается кажущаяся сила и дѣйствительная слабость его воззрѣній на вопросъ народонаселенія. Еслибы Мальтусу сказали, что дѣйствительность вполнѣ опровергаетъ его прогрессію размноженія, то онъ, разумѣется, нашелся бы отвѣтить, что и самъ онъ придерживается того же мнѣнія, какъ это видно изъ его

Мы замѣтили выше, что хотя страданія и несчастія и не состоятъ, какъ думалъ Мальтусъ, въ причинной связи съ *абсолютнымъ* недостаткомъ средствъ существованія, такъ какъ наличность этого послѣдняго не можетъ быть доказана ни вообще, ни въ частныхъ случаяхъ, но что многія явленія этой категоріи все же находятся въ зависимости отъ скудости жизненныхъ условій, порождаемыхъ не бѣдностью природы, а совершенно особыми причинами. Спрашивается теперь, въ чемъ же заключаются эти причины, служащія источникомъ происхожденія условнаго или *относительнаго* недостатка средствъ существованія? Въ организаціи общественнаго производства, отвѣчаетъ намъ на это авторъ *Капитала*, и тутъ-то собственно и возникаетъ то противорѣчіе между его ученіемъ и теоріею народонаселенія Мальтуса, о которомъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ. Всякій способъ общественнаго производства, по совершенно справедливому воззрѣнію

---

теоріи предупредительныхъ и разрушительныхъ прямыхъ и косвенныхъ препятствій. Но если это справедливо, то спросимъ еще разъ, что же именно, какое опредѣленное положеніе доказываетъ въ своей книгѣ Мальтусъ?

Основаніемъ вычисленія служитъ

| Государства: | ежегодное возрастаніе. въ годы: | на | Періодъ удвоенія. |
|---|---|---|---|
| Норвегія . . . | 1845—55 | 1,15% | 61 годъ. |
| Швеція. . . . | 1850—55 | 0,88 „ | 79 „ |
| Саксонія . . . | 1852—55 | 0,84 „ | 83 „ |
| Пруссія. . . . | 1852—55 | 0,53 „ | 131 „ |
| Бельгія. . . . | 1846—56 | 0.44 „ | 158 „ |
| Великобританія. | 1841—51 | 0,23 „ | 302 „ |
| Австрія . . . | 1842—50 | 0,18 „ | 385 „ |
| Франція . . . | 1851—56 | 0,14 „ | 405 „ |
| Ганноверъ . . | 1852—55 | 0.002 „ | 3152 „ |

Не меньшею вразумительностью отличаются и слѣдующія превосходныя данныя, показывающія зависимость между возрастаніемъ народонаселенія и плотностью его расселенія его (см. упомянутое уже предисловіе Фарра къ *Supplement to the thirtyfifth annual report, etc.* 1875, XIII).

1861 — 70 на 1.000 живущихъ.

| Число округовъ, Англія и Уэльсъ. | Число смертныхъ случаевъ на 1.000 живущихъ. | Число лицъ на 1 к. милю. | Средняя год. смертность. | Средняя год. рождаемость. | Средній год. перевѣсъ рождаемости надъ смертностью. | Среднее год. возрастаніе народонаселенія. |
|---|---|---|---|---|---|---|
| 619 | 15—39 | 367 | 22,4 | 35,1 | 12,6 | 12,4 |
| 54 | 15—17 | 171 | 16,7 | 30,1 | 13.4 | 15,8 |
| 349 | 18—20 | 195 | 19,2 | 32,2 | 13,0 | 8,8 |
| 142 | 21—23 | 447 | 22.0 | 35,6 | 13,6 | 16.2 |
| 56 | 24—26 | 2.185 | 25.1 | 38,1 | 13.3 | 15,3 |
| 16 | 27—30 | 6.871 | 27.8 | 39,1 | 11,0 | 8.9 |
| 1 | 32 | 12.172 | 32,5 | 37,3 | 4.8 | 3,2 |
| 1 | 39 | 65.834 | 38,6 | 37.6 | 1,0 | 12.3 |

Маркса, имѣетъ свой *относительный* законъ народонаселенія. Говоря иначе, условія снабженія болѣе или менѣе значительнаго населенія средствами существованія въ томъ или въ другомъ количествѣ весьма неодинаковы на различныхъ ступеняхъ экономическаго развитія. Вліяніе на подобныя условія со стороны охотничьей или кочевой организаціи производства совсѣмъ не таково, какъ, напр., вліяніе ремесленно-земледѣльческой или мануфактурной и фабричной капиталистической организаціи. Конечно, справедливо, что законъ народонаселенія тѣмъ больше приближается къ закону борьбы за существованіе растеній и животныхъ, чѣмъ первобытнѣе общественно-экономическое устройство данной націи. Но дѣло въ томъ, что даже и у тѣхъ народовъ, которые находятся на самыхъ низшихъ ступеняхъ общественной культуры, существуютъ уже извѣстныя различія положеній и профессій, благодаря которымъ уровень средствъ существованія отдѣльныхъ группъ народонаселенія пріобрѣтаетъ относительный, такъ сказать, между-человѣческій, между-классный характеръ. Такъ, напр., Мальтусъ, повидимому, почти правъ, когда онъ утверждаетъ (I, 102), что „населеніе каждаго племени кочевыхъ татаръ опредѣляется числительностью его стадъ, поэтому среднее число татаръ, *подобно среднему числу вольныхъ степныхъ лошадей*... уменьшается періодическимъ возвращеніемъ зимней стужи и голода (когда, за недостаткомъ пищи отъ морозовъ, погибаетъ масса лошадей)“. Съ перваго взгляда кажется, что сходство между положеніемъ

---

Не трудно видѣть, что увеличеніе плотности народонаселенія повсюду сопровождается увеличеніемъ смертности, и хотя при этомъ рождаемость также возрастаетъ до извѣстнаго предѣла, но уровень возрастанія народонаселенія все же безспорно понижается. Въ отдѣльныхъ округахъ, каковы Ливерпуль и Манчестеръ (два нижніе горизонтальные столбца), рождаемость туземнаго населенія даже совершенно поглощается смертностью, и еслибы, замѣчаетъ Фарръ, это отношеніе между тою и другою здѣсь продолжалось, то вы имѣли бы передъ собою случай уменьшенія народонаселенія въ геометрической прогрессіи.

Кстати о плотности разселенія народонаселенія. Приведемъ нѣкоторыя выкладки, основанныя на новѣйшихъ свѣдѣніяхъ и могущія отнять значительную долю страха у самаго упорнаго послѣдователя Мальтуса. Почти $^3/_4$ населенія всего земного шара живетъ въ Европѣ, въ Индіи и въ Китаѣ, т. е. на пространствѣ всего только $^1/_7$ части суши. Для остальныхъ $^6/_7$ остается всего 445 милл. душъ, что составляетъ не болѣе 210 человѣкъ на 1 квадратную милю. Если даже согласиться, что $^1/_2$ этого остального пространства и не въ состояніи будетъ выдержать народонаселеніе болѣе многочисленное, чѣмъ нынѣшнее, на что нѣтъ ни малѣйшихъ основаній.—то,за вычетомъ безплодныхъ пространствъ сѣвера и пустынь, на остающемся 1 милл. квадр. миль, при умѣренной нынѣшней средней густотѣ народонаселенія Европы въ 1.680 душъ на 1 квадр. милю, помѣстилось бы еще 1.470 милл. душъ болѣе, чѣмъ въ настоящее время, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ наличное народонаселеніе всего земного шара. Говоря вообще, теперь только 1% суши населенъ болѣе 8.000 душъ на кв. милю, $92^1/_2$ процента населены ниже 2.000 и только 6% имѣютъ отъ 2 до 8.000 душъ на квадратную милю. *Авт.*

человѣка въ этомъ случаѣ и положеніемъ животныхъ почти полное, и оно въ самомъ дѣлѣ гораздо болѣе значительно, чѣмъ при условіи общественной организаціи болѣе сложной, нежели татарская. Но не слѣдуетъ, во-первыхъ, забывать, что нѣсколько бо́льшая предусмотрительность легко могла бы устранить отъ населенія татаръ плачевныя послѣдствія *временнаго* недостатка средствъ существованія, и такимъ образомъ одной ужъ этой вполнѣ естественной причины было бы достаточно для уменьшенія помянутаго сходства. А во-вторыхъ, легко замѣтить, что по отношенію къ зимнему холоду и голоду въ совершенно *одинаковыхъ* условіяхъ находятся всѣ вольныя степныя лошади, но далеко не всѣ вольные татары или какіе-либо другіе кочевники. Извѣстно, что у кочевыхъ и у полукочевыхъ народовъ различіе состояній, имѣющее въ послѣднемъ основаніи различіе профессій, нерѣдко достигаетъ уже весьма внушительныхъ размѣровъ. Такъ, напр., простой киргизъ держитъ 30—40 лошадей, около половины этого количества рогатаго скота, 100 овецъ, нѣсколько верблюдовъ и 20—50 козъ, а самые богатые киргизы имѣютъ до 10.000 лошадей, 3—4.000 головъ рогатаго скота, 300 верблюдовъ, 20 000 овецъ и болѣе 1.000 козъ [1]). Въ Крыму въ прежнее время богатые татары держали по 50.000 овецъ, а простые по 1.000 [2]). У персидскихъ кочевниковъ посредственно-зажиточные имѣютъ по 100 овецъ, 3—4 лошади, 10 ословъ, богатые же по 1.000 овецъ, 30 верблюдовъ, 20 лошадей, и встрѣчаются даже владѣльцы 140.000 [3]) овецъ. Ясно, что при такомъ даже различіи въ жизненныхъ условіяхъ отдѣльныхъ классовъ общества не можетъ быть и рѣчи о близкомъ сходствѣ между уровнемъ существованія людей и условіями пропитанія животныхъ. Тѣмъ меньшее значеніе имѣетъ абсолютный законъ народонаселенія по отношенію къ обществамъ съ болѣе сложною системою производства. Такъ, напр., снабженіе продовольствіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, трудящихся на феодальнаго владѣльца, по собственному сознанію Мальтуса, является вопросомъ гораздо болѣе запутаннымъ и сложнымъ, чѣмъ пропитаніе охотничьихъ и кочевыхъ народовъ. То же самое и еще въ гораздо большей степени имѣетъ примѣненіе къ условіямъ снабженія предметами необходимости различныхъ классовъ жителей какого-нибудь средневѣкового, обведеннаго крѣпостною стѣною, изолированнаго города. Но все это еще сравнительно простыя и болѣе или менѣе конкретныя экономическія отношенія. Совсѣмъ другое дѣло—нашъ современный способъ производства, имѣющій въ основѣ безмѣрное дѣленіе труда не только въ обществѣ, но также въ мастер-

[1]) *Georgi. Beschreibung aller Nationen des russisch Reiches*, 406.

[2]) *Storch. Gemälde des russisch. Reiches.* II, 215.

[3]) *J. Morier. Account etc.*, 239. (Всѣ эти выписки заимствованы нами у Рошера). *Авт.*

ской, свободную куплю-продажу рабочей силы, накопленіе капитала въ рукахъ отдѣльныхъ группъ народонаселенія и непрерывное перемѣщеніе товаровъ, денегъ и людей. Достаточно одного поверхностнаго взгляда на подобную экономическую организацію, чтобы тотчасъ же увидать, что здѣсь сцѣпленіе и вступленіе другъ въ друга взаимныхъ и противоположныхъ интересовъ достигаютъ такихъ значительныхъ размѣровъ, что вопросъ объ абсолютномъ размноженіи народонаселенія и соотвѣтствующемъ ему уровнѣ дѣйствительныхъ, а не относительныхъ средствъ существованія теряетъ рѣшительно всякое значеніе. Мы не должны, поэтому, нисколько удивляться, что авторъ „Капитала“ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на абсолютный ростъ народонаселенія, играющій такую выдающуюся роль у Мальтуса. „По мнѣнію Маркса“, замѣчаетъ совершенно справедливо А. Ланге [1]) относительное перенаселеніе капиталистическаго способа производства нисколько не зависитъ отъ того, увеличивается-ли народонаселеніе сильно или слабо, или же вовсе остается безъ движенія: съ точки зрѣнія чистой логики, подобное перенаселеніе могло бы даже наступить среди существъ, которыя совсѣмъ не умираютъ и не рождаются на свѣтъ, и къ которымъ, слѣдовательно, не примѣняется дѣйствіе ни одного изъ основныхъ условій обыкновеннаго ученія о народонаселеніи“. И въ самомъ дѣлѣ: какую важность можно придавать условіямъ абсолютнаго увеличенія народонаселенія, когда мы сплошь да рядомъ видимъ, что громаднѣйшія массы людей сегодня заняты работою по горло и тѣмъ поставлены въ возможность отсрочивать свое существованіе, а завтра, за ненужностью, освобождаются и отъ работы, и отъ предметовъ продовольствія? Слѣпой, и тотъ съумѣетъ разглядѣть, что центръ тяжести капиталистическаго закона народонаселенія лежитъ не въ отношеніи между *перемѣннымъ* числомъ потребителей и *постояннымъ* количествомъ средствъ существованія, а, напротивъ того, въ отношеніи между *постояннымъ* числомъ первыхъ и *перемѣннымъ*, смотря по потребности капитала въ увеличеніи своей цѣнности, количествомъ вторыхъ [2]).

[1]) *Die Arbeiterfrage*, 1870. 203.

[2]) „Способъ разсужденія“, говоритъ Сисмонди (Nouveaux principes etc. II) „служащій основаніемъ системы Мальтуса и къ которому онъ обращался безпрерывно въ своемъ сочиненіи, кажется намъ вполнѣ софистическимъ. Онъ противополагаетъ абстрактно, и не принимая во вниманіе обстановки, *возможное* возрастаніе народонаселенія *положительному* возрастанію животныхъ и растеній въ замкнутой территоріи и при такихъ условіяхъ, которыя все болѣе и болѣе становятся неблагопріятными... Говоря абстрактно, увеличеніе растеній и животныхъ (т. е. пищи человѣка) совершается гораздо быстрѣе, чѣмъ увеличеніе населенія людей, и при этомъ растенія возрастаютъ быстрѣе, чѣмъ животныя... Но эта способность увеличенія есть только *возможная* по отношенію къ животнымъ растеніямъ и человѣку. *Дѣйствительная же и активная способность для всѣхъ трехъ породъ существъ ограничивается волею одного человѣка, а въ нашей обще*

Противорѣчіе между теоріями Мальтуса и Маркса основано на томъ, что Мальтусъ, во-первыхъ, смѣшиваетъ частные случаи переполненія рабочими отдѣльныхъ отраслей промышленности съ условіями абсолютнаго увеличенія народонаселенія, а во-вторыхъ, относительное уменьшеніе перемѣнной доли капитала, служащее естественнымъ послѣдствіемъ процесса прогрессивнаго накопленія капитала, въ связи съ увеличеніемъ производительности труда,—онъ принимаетъ за менѣе быстрое увеличеніе средствъ существованія, чѣмъ цифры народонаселенія. Что касается ошибки первой категоріи, то неловкость и неточность обобщенія здѣсь груба настолько, что нужно удивляться, какъ продолжительно она вводила въ заблужденіе ученыхъ. Такъ, напр., мы читаемъ у Baines'a *(Geschichte der britischen Baumwollenmanufactur 1836*, 205. нѣмецк. перев.): „Гордаздо болѣе возросла задѣльная плата ткачей вслѣдствіе крупныхъ изобрѣтеній въ области пряденія; ибо, какъ мы видѣли, изобрѣтенія эти сообщили громадный толчокъ фабрикаціи тканей. Почти каждый годъ принимались за изготовленіе какого-нибудь новаго рода ткани, и тогда, какъ прежде ткачи только съ большимъ трудомъ могли добывать себѣ потребное количество пряжи, теперь сдѣлалось затруднительнымъ найти достаточное число ткачей, чтобы переработать невѣроятно громадную массу пряжи, произведенную при помощи машинъ. *Заработная плата возросла* чрезмѣрно, но вскорѣ еще въ гораздо большей степени *увеличилось число ткачей*, и не могла не наступить реакція. Заработокъ ткачей долженъ былъ понизиться и сталъ постоянно

---

*ственной организаціи—не волею всѣхъ людей, безъ исключенія, а волею владѣльца земли*". Если бы тутъ вмѣсто *владѣльца земли* стоялъ *владѣлецъ капитала*, то можно было бы сказать, что первыя основы относительнаго закона народонаселенія были заложены Сисмонди. Съ другой стороны, въ *Sociale Briefe an Kirchmann, Rodbertus'a*, Brief II, стр. 40—46, мы также встрѣчаемъ мысль, что пауперизмъ и кризисы имѣютъ въ основаніи одну и ту же причину, а именно,—когда обмѣнъ предоставляется по отношенію къ распредѣленію продукта націи самъ себѣ, то, подъ вліяніемъ извѣстныхъ отношеній, находящихся въ связи съ развитіемъ общества, по мѣрѣ *увеличенія производительности* общественнаго *труда*, уровень задѣльной платы составляетъ все меньшую да меньшую часть національнаго продукта". Подобно этимъ двумъ писателямъ, вопросъ народонаселенія ставили въ связь съ распредѣленіемъ имуществъ еще Thornton (*Over population and its remedy. Lond.* 1846), Ensor (*An Inquiry concerning the population etc.*, Lond. 1818), Morel. Vinde (*Sur la théorie de la population etc., Paris* 1829) и Godwin (*W. of population*). Это былъ, конечно, значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ абсолютною теоріею Мальтуса. Но, къ сожалѣнію, понятіе *распредѣленія* настолько неопредѣленно, что при такой поправкѣ узнаешь о дѣйствіи *закона* народонаселенія не очень многимъ болѣе, чѣмъ прежде. Необходимо было свести понятіе самаго распредѣленія къ понятію общественной *организаціи* и общественнаго *производства*, которыми обусловливается тотъ или другой процессъ распредѣленія. Въ противномъ случаѣ можно думать, что распредѣленіе есть *ultima ratio* закона народонаселенія, а между тѣмъ оно само является послѣдствіемъ такой или иной организаціи труда въ обществѣ. *Авт.*

подвергаться внезапному упадку, какъ скоро наступилъ общій застой въ торговлѣ". Читатель, безъ сомнѣнія, видитъ, что, хотя въ данномъ случаѣ инициатива „размноженія" принадлежитъ самимъ ткачамъ, но что ткачи не родились въ излишнемъ количествѣ на свѣтъ, а только перешли въ ткацкія заведенія изъ другихъ отраслей промышленности, въ которыхъ оставили свои мѣста пустыми. Было бы, очевидно, величайшимъ изъ заблужденій полагать, будто подобное чисто относительное перенаселеніе, которое, къ тому же, находится въ зависимости отъ относительнаго недонаселенія въ сосѣднихъ отрасляхъ занятій, является типическимъ примѣромъ какого-то миѳическаго всеобщаго излишка народонаселенія.

Гораздо больше затрудненій представляетъ рѣшеніе второго изъ помянутыхъ вопросовъ, а именно вопроса объ отношеніи накопленія капитала къ условіямъ размноженія населенія, и потому совсѣмъ неудивительно, что Мальтусъ сдѣлалъ тутъ крупную ошибку, принявши простое отраженіе явленія за несомнѣнную дѣйствительность. Тутъ недостаточно было подмѣтить дѣйствіе какой-нибудь одной преобладающей или уединенной общественно-экономической силы,—необходимо было сначала порознь прослѣдить симптомы проявленія многихъ силъ, а потомъ начертать ту діагональ, по которой должно направиться ихъ совокупное движеніе. Вдобавокъ къ этому, нѣкоторыя экономическія явленія или совсѣмъ не обращали на себя вниманія, или же подвергались однимъ только отрывочнымъ и частнымъ наблюденіямъ и потому теряли то значеніе, какое принадлежало имъ на дѣлѣ. Такъ, напр., мы говорили уже выше, что наростаніе процентовъ на проценты, какъ процессъ накопленія капитала, весьма рѣдко разсматривалось въ то же время какъ непрерывный, основной общественно-экономическій процессъ, текущій широкой и глубокою рѣкою въ исторіи новѣйшей системы производства и принимающій въ себя безчисленное множество притоковъ меньшей ширины и глубины. Такъ точно та сторона вліянія возрастанія механическихъ усовершенствованій на увеличеніе производительности труда, которая заключается въ непрерывномъ увеличеніи не одной только массы предметовъ непосредственнаго потребленія, но также *объема и числа самихъ орудій производства*, обыкновенно совершенно упускалась изъ виду; а между тѣмъ, именно ею-то и объясняется необходимое и непрерывное относительное уменьшеніе перемѣнной доли капитала сравнительно съ постоянною. Многое также зависитъ въ этомъ случаѣ отъ перспективы, съ которой подвергаютъ разсмотрѣнію различныя уже извѣстныя экономическія явленія: иное важное явленіе, по отсутствію у наблюдателя достаточнаго чувства мѣры, едва лишь отмѣчается, другое же, сравнительно ничтожное, подчеркивается настоятельно и сильно. Такъ, напр., самъ Мальтусъ, вопреки всему, что

говорится въ его „Опытѣ“, дѣлаетъ слѣдующее неожиданное признаніе: „Благоразумныя привычки по отношенію къ браку, доведенныя до значительной степени среди рабочаго населенія какой-нибудь страны, зависящей, главнымъ образомъ, отъ мануфактуръ и торговли, могутъ сдѣлаться для нея *источникомъ бѣдствій*... По самой сущности населенія приростъ работниковъ въ случаѣ особеннаго запроса на нихъ не можетъ быть доставленъ на рынокъ ранѣе 16 или 18 лѣтъ а *превращеніе дохода въ капиталъ посредствомъ сбереженія можетъ совершаться гораздо скорѣе*; страна постоянно подтвержена тому, что ея рабочій фондъ возрастаетъ быстрѣе населенія“ [1]). Конечно, Мальтусъ тутъ упускаетъ изъ виду, что капиталъ не станетъ дожидаться абсолютнаго размноженія числа работниковъ, чтобы употребить ихъ силы для самовозрастанія, а просто-на-просто прибѣгнетъ къ употребленію механическихъ усовершенствованій. Но въ то же время онъ совершенно правъ, что возрастаніе капитала идетъ быстрѣе, чѣмъ увеличеніе народонаселенія [2]). Напрасно только онъ признаетъ это

[1]) *Principles of Politic. Econ.*, 254, 319, 120 (ссылка заимствована у Маркса). Любопытно, что послѣдователь „закона народонаселенія“ Мальтуса, Джона Ст. Милль, также имѣлъ довольно отчетливое, хотя и болѣе поверхностное понятіе о слѣдствіяхъ чрезмѣрнаго накопленія и также прошелъ мимо этихъ слѣдствій, не придавая имъ важнаго значенія: „Процессъ накопленія“, говоритъ онъ („Основанія“, II, 168), „въ большихъ коммерческихъ странахъ такъ быстръ, что именно имъ объясняется почти *періодическое возвращеніе* параксизмовъ спекуляціи: если нѣсколько лѣтъ прошло безъ *кризиса* и не открылось, между тѣмъ, новаго привлекательнаго канала для помѣщенія капитала, то всегда окажется, что въ эти немногіе годы количество капитала, ищущаго помѣщенія, возросло такъ, что величина процентовъ значительно понизилась—это видно бываетъ и по цѣнамъ биржевыхъ бумагъ, и по величинѣ дисконтнаго процента; а такое уменьшеніе процентовъ соблазняетъ капиталистовъ рисковать въ надеждѣ на значительнѣйшую выручку“. Дж. Ст. Милль не замѣчаетъ, что расширеніе спекуляціи, вслѣдствіе увеличенія накопленія и производства, и сопровождающіе его кризисы являются не болѣе какъ *признаками* періодическаго относительнаго недонаселенія и перенаселенія, а эти послѣднія, въ свою очередь, суть слѣдствія непрерывнаго увеличенія производительной силы труда, благодаря не менѣе непрерывному введенію въ дѣло машинъ и другихъ механическихъ усовершенствованій.

[2]) Приведемъ два, три примѣра для доказательства той истины, что возрастаніе продукта, а слѣдовательно, и накопленія происходитъ въ гораздо болѣе быстрой прогрессіи, чѣмъ увеличеніе числа рабочихъ (*Legoyt, La France et l'Etranger*, T. II, 554 и слѣдующ.):

Франція:

| Годы: | Число рабочихъ: | Колич. угля: | | Цѣнность угля: | |
|---|---|---|---|---|---|
| 1852 . . . | 35.381 | 4.900.000 | тонн. | 46.700.000 | фр. |
| 1854 . . . | 46.766 | 6.800.000 | „ | 74.800.000 | „ |
| 1856 . . . | 58.821 | 7.900.000 | „ | 102.000.000 | „ |
| 1858 . . . | 56.035 | 7.300.000 | „ | 91.600.000 | „ |
| 1860 . . . | 59.240 | 8.300.000 | „ | 96.700.000 | „ |
| 1862 . . . | 69.382 | 10.300.000 | „ | 118.400.000 | „ |
| 1864 . . . | 78.342 | 11.200.000 | „ | 126.700.000 | „ |
| Увелич. въ теч. 12 лѣтъ— | 119% | 128% | | 171% | |

явленіе сравнительно случайнымъ и неважнымъ, когда на самомъ дѣлѣ оно играетъ роль постоянную и очень крупную. Еслибы авторъ „Опыта“ пожелалъ вдуматься поглубже въ значеніе приведеннаго явленія, то онъ, конечно, понялъ бы, что его собственный законъ народонаселенія находится въ прямомъ противорѣчіи съ послѣднимъ, а потому долженъ быть перекроенъ на изнанку. Необходимо выбрать одно изъ двухъ: или накопленіе капитала, а слѣдовательно, и возможныя хотя и недѣйствительныя, средства существованія возрастаютъ быстрѣе населенія, какъ утверждаетъ въ данномъ случаѣ самъ авторъ, или же, наоборотъ, накопленіе растетъ въ прогрессіи болѣе медленной, какъ утверждалъ онъ въ другихъ случаяхъ,—а „смѣшивать два эти ремесла...“, по меньшей мѣрѣ, не годится. Но авторъ „Опыта“ не ограничивается однимъ лишь этимъ случайнымъ указаніемъ на относительное перенаселеніе, а возвращается къ нему еще разъ, и все-таки не замѣчаетъ громаднаго значенія этого экономическаго феномена. „Вся-

Пруссія:

| Годы: | Число рабочихъ: | Колич. угля и лигниту: | Цѣнность угля на мѣстѣ: |
|---|---|---|---|
| 1847—51 . | 35.772 | 5.100.000 тоннъ | 30.900.000 фр. |
| 1852—56 . | 57.513 | 8.800.000 „ | 62.000.000 „ |
| 1857—61 . | 76.890 | 13.300.000 „ | 96.300.000 „ |
| 1864 . | 93.260 | 21.100.000 „ | 103.200.000 „ |
| 1865 . | 103.289 | 23.600.000 „ | 141.700.000 „ |
| 1866 . | 103.976 | — „ | 148.000.000 „ |
| Увелич. въ теч. 19 лѣтъ—196% | | 362% (18 лѣтъ) | 379% |

Бельгія:

| Годы: | Число рабочихъ: | Колич. угля: | Цѣнность угля: |
|---|---|---|---|
| 1851 . . . | 47.500 | 6.200.000 тоннъ | 49.700 000 фр. |
| 1852 . . . | 51.873 | 6.800.000 „ | 53.100.000 „ |
| 1854 . . | 62.194 | 7.900.000 „ | 85 800.000 „ |
| 1856 . . . | 73.985 | 8.200.000 „ | 105.400.000 „ |
| 1858 . . | 73.850 | 8.900.000 „ | 103.400.000 „ |
| 1860 . . . | 78.232 | 9 600.000 „ | 107.100.000 „ |
| 1862 . . | 80.302 | 9.900.000 „ | 104.500.000 „ |
| 1864 . . . | 79.779 | 11.500.000 „ | 110.500.000 „ |
| 1866 . . . | 86.721 | 12.800.000 „ | 151.000.000 „ |
| Увелич. въ теч. 35 лѣтъ—82% | | 106% | 204% |

Стоитъ сравнить гигантское увеличеніе количества и стоимости угля въ теченіе показанныхъ періодовъ съ увеличеніемъ числа рабочихъ, чтобы тотчасъ же увидать, насколько вѣренъ „законъ народонаселенія“ Мальтуса. Особенно усиливается помянутая разница въ теченіе послѣднихъ лѣтъ наблюдаемаго промежутка времени. Такъ, въ Бельгіи за всѣ 15 лѣтъ увеличеніе рабочихъ было 82%, количество угля 105%, а цѣнности угля 204%, тогда какъ съ 1860 по 1866 года увеличеніе первыхъ равняется 11%, второго 33%, а третьяго 41%.

кій согласится", говоритъ онъ [1]), „что въ хорошо управляемой странѣ *можетъ случиться* періодъ благосостоянія, въ продолженіе котораго ея богатство и народонаселеніе получатъ такое движеніе, которое не можетъ продолжаться непрерывно. Если откроются, напр., новые пути для торговли; если государство пріобрѣтетъ новыя колоніи; если производство его увеличится изобрѣтеніемъ новыхъ машинъ; если его земледѣліе сдѣлаетъ неожиданные и большіе успѣхи,—пока возрастающее количество произведеній будетъ находить себѣ сбытъ на внутреннихъ или на внѣшнихъ рынкахъ, не подлежитъ сомнѣнію, что капиталы его будутъ возрастать *быстро*, а населеніе приметъ непривычное приращеніе (онъ по прежнему разумѣетъ абсолютное увеличеніе населенія). И обратно, *если* открывшіеся пути для его торговли снова закроются вслѣдствіе какого-нибудь обстоятельства или иностраннаго соперничества; если оно потеряетъ колоніи или снабженіе послѣднихъ захватятъ другія страны; если рынки его не могутъ расширяться съ изобрѣтеніемъ машинъ, вслѣдствіе переполненія или иностраннаго соперничества; если, по какой бы то ни было причинѣ, успѣхи его земледѣлія останавливаются —*необходимо* должно случиться, что въ то самое время, когда размноженіе его населенія получитъ наибольшее *приращеніе*, почувствуется недостатокъ въ работѣ и въ продовольствіи. Такой недостатокъ въ продовольствіи можетъ повергнуть рабочіе классы въ самое отчаянное положеніе". Но если мы даже согласимся съ Мальтусомъ, что въ случаѣ восходящаго движенія промышленности той или другой страны выгоды быстраго накопленія капитала въ скоромъ времени парализуются увеличеніемъ абсолютнаго числа рабочаго населенія, а въ случаѣ нисходящаго движенія невыгоды замедленія накопленія усиливаются чрезмѣрнымъ размноженіемъ рабочихъ, то мы все же видимъ, что въ первомъ случаѣ инициатива временнаго недонаселенія, а во второмъ— перенаселенія идетъ не отъ самихъ рабочихъ. И здѣсь, и тамъ толчекъ движенію населенія давался бы, напротивъ, потребностями капитала въ накопленіи, которыя и выражаются сначала въ увеличеніи производительности труда, а впослѣдствіи въ сокращеніи производства и въ освобожденіи части людей и отъ работы, и отъ продовольствія. При всемъ томъ намъ, однако же, извѣстно, что абсолютное перенаселеніе и недонаселеніе по отношенію къ возрастанію капитала не можетъ имѣть значенія въ устахъ Мальтуса уже по той одной причинѣ, что самъ же онъ, и совершенно справедливо, доказываетъ выше, что накопленіе капитала идетъ быстрѣе размноженія рабочихъ. Итакъ, мы въ данномъ случаѣ, очевидно, имѣемъ снова дѣло съ относительнымъ излишкомъ и недостаткомъ народонаселенія, изъ которыхъ одинъ является естественнымъ послѣдствіемъ другого и оба составляютъ принадлежность самой организаціи капиталистическа-

[1]) „Опытъ", II, 256.

го производства [1]). Самъ авторъ „закона народонаселенія". быть можетъ, не преминулъ бы согласиться съ этимъ, еслибы періодическіе приливы и отливы индустріи не составляли въ его глазахъ только условнаго и *случайнаго* явленія, подобнаго неурожаю или бурѣ, а были тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ, т. е. необходимымъ и неизбѣжнымъ результатомъ накопленія капитала.

Теперь намъ совершенно ясно, благодаря какимъ причинамъ возникаетъ въ разсматриваемую нами эпоху экономическаго развитія та скудость средствъ существованія, которой обусловливается значительная часть болѣзней. проституція и множество другихъ страданій, способствующихъ уменьшенію народонаселенія. Причины эти суть въ то же время и условія самой капиталистической продукціи. Послѣдняя не существуетъ безъ быстраго накопленія капитала, а быстрое возрастаніе капитала немыслимо безъ непрерывнаго увеличенія производительности труда посредствомъ механическихъ усовершенствованій, сосредоточенія капитала и кредита. Съ другой же стороны. вся совокупность упомянутыхъ условій имѣетъ слѣдствіемъ болѣе медленное возрастаніе перемѣнной доли капитала, чѣмъ постоянной. и періодическое освобожденіе и возвращеніе къ занятіямъ рабочихъ, число которыхъ оказывается поперемѣнно то недостаточнымъ, то чрезмѣрнымъ.

---

Мы говорили выше. что теорія народонаселенія Маркса не удостоилась до сихъ поръ учено-литературной критики. за однимъ только маленькимъ исключеніемъ. Исключеніе это составляетъ отзывъ Ланге въ брошюрѣ его „Die Arbeiterfrage", недавно вышедшей третьимъ дополненнымъ изданіемъ. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ понимаетъ Ланге ученіе Маркса и какъ онъ относится къ нему.

Еще въ первой главѣ своей брошюры Ланге даетъ понять довольно ясно, что раздѣляетъ въ основныхъ чертахъ теорію Мальтуса, которую онъ, вслѣдъ за Дарвиномъ, считаетъ обобщеніемъ одного изъ

---

[1]) „Положимъ. говоритъ Мериваль, что во время кризиса нація, напрягши силы. освободится посредствомъ эмиграціи отъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ излишнихъ бѣдняковъ,—каковы же будутъ послѣдствія этого? *При первомъ запросѣ на трудъ окажется недостатокъ наличныхъ работниковъ*. Какъ бы быстро человѣкъ ни воспроизводился. все же для полученія взрослыхъ работниковъ требуется періодъ времени. равный одному поколѣнію. Между тѣмъ, прибыль нашихъ фабрикантовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ того. могутъ ли они эксплуатировать наиболѣе благопріятный моментъ сильнѣйшаго запроса для того, чтобы безвредно выдержать. періодъ ослабленія и застоя. *Эта возможность дается имъ только властью надъ машинами и надъ трудомъ. Они должны найти свободныя руки; они должны быть способны, когда нужно, напречь или ослабить быстроту своихъ операцій, смотря по положенію рынка*; въ противномъ случаѣ они ни за что не удержатъ за собою перевѣса въ конкурренціи, на которой основывается богатство этой страны». Lectures of Colonisation and Colonies, London 1841 and 1842. Vol. I, 146" (ссылка взята у Маркса, 545—6).

проявленій универсальной въ мірѣ организмовъ борьбы за существованіе. Въ новѣйшемъ обществѣ, говоритъ Ланге, борьба за существованіе принимаетъ форму борьбы изъ-за вознагражденія, причемъ возникаетъ то печальное и тяжелое отношеніе, что по направленію вверхъ граница благосостоянія опредѣляется количествомъ излишка, который попадаетъ въ руки капиталиста, за вычетомъ издержекъ содержанія рабочаго, тогда какъ внизъ предъ нами открывается болѣе или менѣе длинная лѣстница бѣдности, смотря по той удачѣ, съ какою получаетъ владѣлецъ капитала возможно большее количество работы въ обмѣнъ за возможно меньшую задѣльную плату. Величина излишка зависитъ, между прочимъ, отъ того, *большее или меньшее число рабочихъ* ведетъ между собой борьбу за существованіе изъ-за *одной и той же платы*. Чѣмъ больше давленіе со стороны рабочихъ, тѣмъ ниже должно падать ихъ вознагражденіе; чѣмъ оно менѣе, тѣмъ больше приближается это вознагражденіе къ тому уровню, котораго достаточно для предохраненія ихъ отъ нищеты и недостатка.

Слова эти, какъ видитъ самъ читатель, носятъ довольно ясные слѣды абсолютной теоріи народонаселенія. Замѣтимъ, между прочимъ, что, согласно противоположному ученію, борьба между рабочими и происходитъ совсѣмъ не изъ-за одинаковой, а изъ-за эластической рабочей платы, и дѣло совсѣмъ не въ томъ, больше или меньше будетъ самихъ рабочихъ,— движеніе рабочихъ изъ одной отрасли въ другую мы, разумѣется, при этомъ оставляемъ въ сторонѣ,—а въ томъ, какъ велика та сумма вознагражденія, которая, при тѣхъ или другихъ условіяхъ накопленія, обмѣнивается за рабочую ихъ силу.

Понятно, такимъ образомъ, что Ланге не можетъ и впослѣдствіи отнестись къ ученію автора „Капитала“ съ той свободой мысли, которая необходима для правильной его оцѣнки. Дѣйствительно, мы видимъ, что хотя онъ приписываетъ должное значеніе изслѣдованію о народонаселеніи Маркса, но въ то же время утверждаетъ, что и теорія Мальтуса вѣрна въ своей основѣ. Онъ полагаетъ, что относительный законъ народонаселенія вопреки мнѣнію Маркса, является не болѣе какъ однимъ изъ частныхъ проявленій борьбы за существованіе. Онъ подтверждаетъ это тѣмъ соображеніемъ, что сама фабричная промышленность, при самомъ возникновеніи своемъ, нуждается уже въ бѣдности рабочаго населенія, которое призываетъ въ свои ряды, т. е. предполагаетъ существованіе абсолютнаго излишка народонаселенія. Какой-нибудь крестьянинъ, владѣющій клочкомъ земли, только потому отпускаетъ сына или дочь на фабрику, что силы ихъ оказываются уже излишними въ земледѣліи, и заработокъ, доставляемый послѣднимъ, оказывается ниже, чѣмъ предлагаемый на первыхъ порахъ фабрикой. Уже одно то обстоятельство, по мнѣнію Ланге, что переходъ изъ чистой деревенской атмосферы и отъ разнообразнаго

земледѣльческаго труда къ монотоннымъ занятіямъ душной фабрики не представляетъ для населенія ничего заманчиваго и все-таки имъ совершается, доказываетъ несомнѣнно, что въ самомъ основаніи капиталистической системы лежитъ уже чрезмѣрность населенія и порожденная послѣдней нищета. Было бы ошибкой полагать, что и среди постояннаго народонаселенія могъ бы возникнуть такой же процессъ перехода, благодаря одному только относительному движенію изъ даннаго округа въ сосѣдній и обратно. А, между тѣмъ возникновеніе фабричной индустріи почти повсюду натыкалось на упомянутый излишекъ населенія и, слѣдовательно, экспансивность предложенія господствовала на рабочемъ рынкѣ, спросъ котораго былъ менѣе значителенъ, еще до появленія фабрикъ. Еслибы отецъ *капитализировалъ* то облегченіе своего хозяйства, которое ему приноситъ заработокъ впервые отпущенныхъ на фабрику дѣтей, то избыточное населеніе развивалось бы менѣе быстро и даже, при существованіи у рабочихъ извѣстной степени предусмотрительности, и вообще не возникало бы, несмотря на торговые кризисы и на машинную работу.

Таковы въ существенныхъ чертахъ тѣ пункты, въ которыхъ мнѣнія Ланге расходятся съ ученіемъ Маркса, насколько мы успѣли уловить ихъ нѣсколько неясное значеніе. Намъ кажется, что возраженія эти основаны на недоразумѣніи. Во-первыхъ, Марксъ нигдѣ и никогда не говорилъ, что законъ накопленія капитала не представляетъ одного изъ видовъ борьбы за существованіе, господствующей повсюду въ мірѣ организмовъ. Онъ только полагаетъ, что въ обществѣ людей борьба эта имѣетъ не абстрактный или абсолютный, а относительный характеръ, который различается еще, смотря по способу общественной продукціи. Во-вторыхъ, авторъ „Капитала“ вовсе не ручался, что капиталистическое производство не имѣетъ въ самомъ основаніи своемъ извѣстныхъ отношеній нищеты, которыя даютъ возможность послѣднему развиваться. Онъ только придерживается, повидимому, мнѣнія, что и такое перенаселеніе не можетъ ни въ какомъ случаѣ считаться абсолютнымъ. Но если все это не больше какъ плодъ случайныхъ недоразумѣній, зато нельзя сказать того же о прочихъ возраженіяхъ Ланге. Такъ, напр., нельзя намъ согласиться съ Ланге, когда онъ утверждаетъ, что описанный имъ переходъ отъ земледѣльческихъ занятій къ фабрикѣ не могъ бы имѣть мѣста по отношенію къ постоянному народонаселенію, т. е. при отсутствіи абсолютнаго избытка народонаселенія. Все дѣло именно въ томъ и состоитъ, что плотность земледѣльческаго, какъ и городского населенія есть чисто относительное явленіе, и слѣдовательно, всегда имѣющее корни въ такомъ же относительномъ—недостаточномъ, достаточномъ и избыточномъ размноженіи. Изъ того факта, что къ данному крестьянскому участку не можетъ быть приложено добавочной

рабочей силы,—если только и это можно доказать,—никакъ нельзя сдѣлать заключенія, что земледѣльческое населеніе размножилось чрезмѣрно въ сравненіи съ средствами существованія и *потому* должно идти искать послѣднихъ въ городѣ или на фабрикѣ. Если извѣстное хозяйство не допускаетъ приложенія лишней силы, то почему же она не находитъ себѣ употребленія въ другихъ земледѣльческихъ хозяйствахъ? Да просто потому, что потребность земледѣльческаго капитала въ накопленіи въ данное время уже насыщена и, въ отличіе отъ фабричной индустріи, насыщена такъ прочно, что, какъ доказываетъ намъ всеобщее увеличеніе городского населенія на счетъ сельскаго, отливъ рабочихъ въ земледѣліи покамѣстъ не сопровождается приливомъ. Итакъ, какое же тутъ абсолютное перенаселеніе? Оно такое же относительное, какъ и среди повсюднаго господства капиталистической продукціи. Къ тому же не должно забывать, что переходъ отъ земледѣлія къ фабрикамъ совершался совсѣмъ не въ такихъ мягкихъ формахъ, какъ утверждаетъ Ланге. Относительное перенаселеніе здѣсь возникало, благодаря отнятію у крестьянъ громадной массы общинныхъ земель и обращенію ихъ въ пастбища и парки.

Не болѣе вѣрнымъ считаемъ мы и то выраженіе Ланге, что путемъ *капитализированія* излишковъ заработка, который доставляетъ рабочему на первыхъ порахъ фабрика, можно будто бы серьезно противодѣйствовать послѣдствіямъ давленія кризисовъ и машинъ. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ подобныя сбереженія только перемѣщаютъ тягость съ однихъ плечъ на другія, или, говоря иначе, дѣлаютъ участниками въ накопленіи однихъ людей при томъ условіи, что другіе люди поступятъ на ихъ мѣсто и сдѣлаются наемными рабочими. Никакого иного смысла слово *капитализація* имѣть не можетъ.

КОНЕЦЪ.

# ОГЛАВЛЕНІЕ.


стр.

Предисловіе къ первому изданію . . . . . 3
Предисловіе ко второму изданію . . . . . 6
ГЛАВА I. О цѣнности вообще и объ ея элементахъ . . . . . 7
ГЛАВА II. Ученіе о цѣнности Рикардо, предшественниковъ и нѣкоторыхъ послѣдователей его. . . . . 48
ГЛАВА III. Теорія издержекъ производства и спроса и предложенія . . 104
ГЛАВА IV. Теорія и цѣнности денегъ К. Маркса . . . . . 144
1. Два фактора товаровъ: цѣнность употребленія и цѣнность (сущность цѣнности, величина цѣнности). . . . . 145
2. Двоякій характеръ представленной въ товарѣ работы . . . . 150
3. Форма цѣнности или мѣновой цѣнности. . . . . 155
*А. Простая или единичная форма цѣнности* . . . . . 156
1. Оба полюса выраженій цѣнности: относительная форма и эквивалентная форма . . . . . 156
2. Относительная форма цѣнности. . . . . —
а) Содержаніе относительной формы цѣнности . . . . . 157
б) Количественное опредѣленіе относительной формы цѣнности . 161
3. Эквивалентная форма . . . . . 163
4. Простая форма цѣнности, какъ цѣлое . . . . . 168
B. *Цѣльная или развитая форма цѣнности.* . . . . . 170
1. Развитая относительная форма цѣнности . . . . . —
2. Особая эквивалентная форма. . . . . 171
3. Недостатки цѣльной или развитой формы цѣнности . . . . —
C. *Всеобщая форма цѣнности* . . . . . 172
1. Измѣненный характеръ формы цѣнности . . . . . —
2. Отношеніе развитія относительной формы цѣнности и эквивалентной формы . . . . . 175
3. Переходъ отъ всеобщей формы цѣнности къ денежной формѣ. 176
4. Фетишистическій характеръ товара и его тайна . . . . . 178
ГЛАВА V. Понятіе о капиталѣ . . . . . 255

стр.

ГЛАВА VI. О возникновеніи и о сбереженіи капитала . . . . . 289
ГЛАВА VII. О причинахъ происхожденія чистаго дохода съ капитала или о цѣнности рабочей силы. . . . . 300
ГЛАВА VIII. Постоянный и перемѣнный капиталъ. Простая и сложная кооперація. . . . . 336
ГЛАВА IX. Разборъ теоріи общественной кооперації . . . . . 373
ГЛАВА X. Машины и крупная промышленность . . . . . 404
ГЛАВА XI. Разборъ теоріи машиннаго производства. . . . . 435
ГЛАВА XII. Теорія накопленія капитала и капиталистическій законъ народонаселенія . . . . . 467
ГЛАВА XIII. Разборъ теоріи накопленія капитала и опроверженіе теоріи Мальтуса . . . . . 511—546